Филип

ДИК

Шалтай-Болтай в Окленде

Шалтай–Болтай в Окленде (сборник)

Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип Киндред Дик. Шалтай–Болтай в Окленде
Шалтай–Болтай в Окленде
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16

Разбитый шар
- Глава 1

Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Мэри и великан
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5

Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Прозябая на клочке земли
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8

Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
На территории Мильтона Ламки
От автора
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10

Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16

Аннотация

Пять внецикловых романов.

Содержание:

Шалтай-Болтай в Окленде (роман, перевод Г. Яропольского)

Разбитый шар (роман, перевод А. Александрова)

Мэри и великан (роман, перевод Д. Симановского)

Прозябая на клочке земли (роман, перевод А. Александрова)

На территории Мильтона Ламки (роман, перевод Г. Яропольского)

Филип Киндред Дик
Шалтай–Болтай в Окленде

Шалтай–Болтай в Окленде

Роман Humpty Dumpty in Oakland был написан ок. 1960 г., впервые опубликован в 1986 г. (в Англии, издательством Victor Gollancz); первая американская публикация — 2007 г. (издательство Tor).

Глава 1

Продолжая ехать, Джим Фергессон опустил стекло своего «Понтиака» и, высунув локоть, подался к окну, чтобы полной грудью вдохнуть воздух раннего утра. Он пристально рассматривал залитые солнцем лавки и мостовую, медленно поднимаясь по авеню Сан–Пабло. Все было свежим. Все выглядело новым, чистым. По городу проехалась, собирая мусор, ночная машина — его жужжащая щетка, метла, на которую уходили их налоги.

Он припарковался у бордюра, выключил двигатель и немного помедлил, прикуривая сигару. Появились и припарковались вокруг него еще несколько машин. Машины двигались и по улице. Звуки, первые шевеления людей. В тишине их движения отдавались от зданий и бетона металлическим эхом.

Чудное небо, подумал он. Но долго это не продлится. Позже появится дымка. Он взглянул на часы. Восемь тридцать.

Выйдя из машины и захлопнув дверцу, он зашагал по тротуару. Слева от него торговцы замысловато двигали руками, разворачивая свои

навесы. Какой–то негр сметал с тротуара мусор в канаву. Фергессон с осторожностью прошел через мусор. Негр ничего на это не сказал… метущая машина раннего утра.

У входа в Центральную Оклендскую сберегательную и кредитную компанию толпилась группа секретарш. Чашки кофе, высокие каблуки, парфюм, сережки, розовые свитера, куртки, перекинутые через плечо. Фергессон глубоко вдохнул сладкий запах молодых женщин. Смешки, хихиканье, переброска им одним понятными словечками, отгораживающими их от него и от улицы. Офис открылся, и женщины устремились внутрь в водовороте нейлона и курток… он с одобрением глянул им вслед. Хорошо для бизнеса, когда за конторкой сидит девушка, чтобы встречать посетителей. Женщина добавляет классности, утонченности. Корпеть над бухгалтерией? Нет, ей надо быть там, где ее могут видеть посетители. Это удерживает мужчин от ругани, заставляет их шутить и любезничать.

— Доброе утро, Джим, — донеслось из парикмахерской.

— Доброе, — сказал Фергессон, не останавливаясь; руку он держал позади себя, на отлете, и время от времени пошевеливал пальцами.

Впереди показалась его мастерская. С ключом в руке он поднялся по цементному откосу. Отпер замок и обеими руками поднял дверь; та с лязгом и дребезгом цепей исчезла вверху.

Критическим оком он обозрел свои старомодные владения. Неоновая вывеска не горела. У входной двери набросан ночной мусор. Он ногой выпихнул на тротуар картонку из–под молока. Та покатилась, подхваченная ветром. Убрав ключ в карман, Фергессон вошел в помещение.

Здесь–то это и началось. Он сморщился и выплюнул первую же порцию прогорклого воздуха, висевшего в мастерской. Нагнувшись, включил главный рубильник. Мертвые вещи со скрипом вернулись к жизни. Он открыл боковую дверь и зафиксировал ее, и внутрь проникло немного солнечного света. Подойдя к ночнику, обесточил его одним мановением руки. Схватил шест и откинул световой люк. Радио на высоко подвешенной полке сначала зашипело, а потом завопило. Вентилятор возбужденно запыхтел. Он поспешно включил весь свет, все оборудование, все указатели. Иллюминировал и роскошную рекламу шин «Гудрич». Он привнес в пустоту цвет, форму, осознание. Тьма улетучилась, и после первоначальной вспышки активности он

угомонился, успокоился и решил назначить себе день седьмой — выпить чашку кофе.

Кофе являлся из расположенной по соседству лавки здоровой пищи. Когда он вошел, Бетти поднялась, чтобы дотянуться до кофеварки «Силекс», стоявшей у нее за спиной.

— Доброе утро, Джим. Нынче у тебя хорошее настроение.

— Доброе, — сказал он, усаживаясь за стойку и доставая из кармана брюк десятицентовик. Конечно, у меня хорошее настроение, подумал он. И на то есть причина. Он хотел было сказать Бетти, но потом передумал. Нет, ей не стоит. Она и так об этом услышит.

Элу, вот кому надо обо всем рассказать.

Через окно лавки здоровой пищи он видел паркующиеся автомобили. Мимо проходили люди. Направлялся ли кто–нибудь — хоть один — к нему? Трудно сказать. Прошлой ночью Эл поехал домой на старом «Плимуте», взятом с его стоянки, зеленом, с вмятиной на крыле. Так что сегодня он появится на нем, если только сможет его завести. А нет, так жена сможет его подтолкнуть: у них всегда дома имеется пара машин. Он приедет прямо на свою стоянку.

— Что–нибудь еще, Джим? — спросила Бетти,

вытирая прилавок.

— Нет, — сказал он. — Я ищу Эла. Мне надо идти.

Он глотнул кофе. Я получил ту цену, что запрашивал за свою мастерскую, подумал он. Вот в чем дело. Так и совершаются сделки с недвижимостью: ты назначаешь цену, и если кто–то с ней соглашается, вы заключаете контракт. Спросите у моего брокера.

Нет, Эл не закатит сцены, подумал он. Может, бросит один из этих своих взглядов, искоса, из–под очков. И ухмыльнется, попыхивая сигаретой. И ничего не скажет, вся говорильня достанется на мою долю. Он вынудит меня говорить гораздо больше, чем мне хотелось бы.

— Ты слышала обо мне? — спросил он, когда Бетти снова проходила мимо него. — Продаю гараж, — сказал он. — По состоянию здоровья.

— Я ничего такого не знала, — сказала она. — Когда это случилось? — Ее старый морщинистый рот так и отвис. — Это из–за сердца, да? Я думала, оно у тебя под контролем. Ты же сам говорил, что доктор держит его под контролем.

— Конечно, оно под контролем, — сказал он, — если я не убиваю себя, работая с этими машинами, распластавшись там на спине и поднимая цели-

ком всю коробку передач. Эти штуковины весят по две сотни фунтов. Ты когда–нибудь пробовала поднять одну такую, распластавшись на спине? Поднять ее над головой?

— Что же ты станешь делать вместо этого? — спросила она.

— Я скажу тебе, что я буду делать, — сказал он. — Уйду на заслуженный отдых. Конечно, я его заслужил.

— Что и говорить, — сказала она. — Но я вот думаю — ты ведь мог бы попробовать эту рисовую диету, не так ли? Ты когда–нибудь ее пробовал?

— Рис от того, что у меня, не помогает, — сказал он, злясь на нее и на всю эту дурацкую диетическую пищу со всеми ее овощами и травками. — Эта мура годится только для невротических старушенций.

Она явно намеревалась прочесть ему лекцию о диетах. Но он взял свою чашку, кивнул, пробормотал что–то и вышел наружу, на тротуар, унося кофе в мастерскую.

Много же от нее сочувствия, подумал он. Вместо сочувствия — только советы, а кому нужны советы от чокнутых?

Господи, он увидел на стоянке старый зеленый «Плимут» рядом с другими старыми машинами,

которые Эл подлатал для продажи. У маленького домика с его вывеской. Где–то на стоянке громко ревел двигатель на больших оборотах. Он вернулся, дошло до Джима. Работает. Держа перед собой чашку, он вошел в сумрачное сырое помещение. Прочь с солнечного света. Его шаги отозвались эхом.

Там стоял Эл.

— Я продал хозяйство, — сказал Джим.

— Продал? — сказал Эл. У него в руках был разводной гаечный ключ. Он все еще не снял своей суконной куртки.

— Об этом–то я и хочу с тобой потолковать, — сказал Джим. — Я тебя искал. Меня поразило, когда этот парень согласился с моей ценой; я сильно ее завысил, наверное, я тебе говорил. Я, кажется, сказал, что запросил за него около тридцати тысяч, когда мы обсуждали это с месяц тому назад. Накануне мне домой позвонил мой брокер.

Раскручивая и закручивая большим пальцем разводной ключ, Эл молча смотрел на него. По его виду непохоже было, чтобы это известие слишком много для него значило, но старик не был этим одурачен. Черные брови не шевельнулись. Рот тоже не искривился. Оно не пробивалось

наружу, то чувство, что он испытывал. Глаза за очками блестели, устремленные прямо на него. Казалось, он улыбается.

— Ты что, хочешь, чтобы я крякнулся под какой–нибудь машиной? — спросил Джим.

— Нет, — сказал Эл спустя какое–то время. Он по–прежнему поигрывал разводным ключом.

— На твоей стоянке это никак не отразится, — сказал Джим. — У тебя же есть договор об аренде. По–моему, он продлится до апреля. — Он знал, что договор действителен до апреля. Пять месяцев. — Какого черта ему его не возобновить? Скорее всего, он его возобновит.

— Может, она ему нужна, — сказал Эл.

— Когда он сюда приезжал, — сказал Джим, — то не выказал к ней никакого интереса.

— Он не собирается превратить мастерскую во что–нибудь еще?

— Во что же такое можно превратить мастерскую?

Но Джим ничего не знал, он не хотел этого выяснять, потому что плевать ему было на любого другого, кто будет владеть его мастерской, — его не заботило, что Эпштейн сделает с помещением: сожжет дотла, или облицует золотыми плитами, или превратит его в кинотеатр или ресторан для

автомобилистов. А потом он подумал: возможно, тот захочет–таки устроить здесь такой кинотеатр. И сможет использовать стоянку для парковки посетителей. Ну что ж, прощай, «Распродажа машин Эла», как только истечет срок аренды. Но он сможет перегнать свои машины куда–нибудь еще. Сойдет любой свободный участок, где угодно в Окленде. Лишь бы находился на какой–нибудь деловой улице.

Позже он сидел за столом у себя в конторке. Через пыльное окно вливался солнечный свет, согревая или освещая конторку, единственное сухое место во всем помещении мастерской, заваленное счетами–фактурами, руководствами по ремонту, календарями с голыми девицами, рекламирующими высококачественные подшипники и листовой металл из Эмеривилля, штат Калифорния. Он делал вид, что сверяется со схемой точек смазки «Фольксвагена».

Я получил тридцать пять тысяч долларов, думал он, и убиваю свое время, беспокоясь из–за парня, арендующего стоянку, являющуюся частью этого хозяйства, который, возможно, пострадает не по моей вине. Вот что способны сотворить с вами люди — они могут заставить вас чувствовать себя мерзко, когда вам следует

чувствовать себя хорошо. Черт бы побрал этого Эла, думал Джим.

Все они завидуют удачливому человеку, думал он. Чем Эл может похвастаться, отработав уже, похоже, лет десять? В его годы я уже владел всем этим. А он — всего лишь арендатор. И всегда им останется.

Я не могу себе позволить беспокоиться из–за этого, решил он, у меня и без того немало поводов для тревоги, мне надо беспокоиться о самом себе, о своей физической форме.

Это — в первую очередь.

Каким же расточительством было все это! Вся эта работа. Ревностный ремонт чужих машин… Он мог бы продать свое дело в любое время и получить те же деньги. А может, и большие, потому что сейчас ему нельзя выжидать. А удержать в тайне причину этой своей продажи он не сумел. Ему бы помалкивать, покрепче держать язык за зубами. А он вместо этого расхаживал там и сям, пытаясь оправдаться перед определенными людьми, которые, он знал, сделают все, что в их силах, чтобы заставить его почувствовать себя виноватым. Как они и поступают. Взять хотя бы вот сейчас.

Все эти годы, думал он. И прежде, когда он

пытался заниматься чем–то другим. Научился ли он чему–нибудь? Отец хотел, чтобы он стал фармацевтом. У его отца была аптека в Уичите, штат Канзас. После школы он ему помогал, сначала вскрывая картонные упаковки в кладовой, а потом и обслуживая покупателей. Но, не поладив с отцом, он бросил это дело и стал работать в ресторане — сначала просто убирал со столов посуду, а потом стал и официантом. А потом уехал из Канзаса.

В Калифорнии он вместе с еще одним парнем обзавелся заправочной станцией. Оказалось, что торчать у бензонасосов слишком похоже на то, что он делал в отцовской аптеке: подразумевалось, что он должен развлекать посетителей разговорами, продавая им те или иные вещи. Так что он предоставил это своему партнеру, а сам занялся смазкой и ремонтом, на заднем дворе, вдали от глаз. Справлялся он с этим настолько хорошо, что, когда открыл собственную автомастерскую, его клиенты последовали за ним. Некоторые из них по–прежнему приезжают к нему и сейчас, спустя почти двадцать пять лет.

Для них это было славно, сказал он себе. Я держал их машины на ходу. Они могли позвонить мне в любое время, хоть днем, хоть ночью, потому

что знали, что я всегда приеду и отбуксирую их к себе или исправлю их разбитые машины прямо на месте, на обочине дороги. Им даже не надо было состоять в ААА[1], потому что у них был я. И я никогда не дурил их и не делал ничего такого, чего не нужно было делать. Так что, естественно, подумал он, они огорчатся, услышав, что я закрываю дело. Знают, что теперь им придется ездить в какую–нибудь из этих новых мастерских, где все чисто, нет никакого масла, и навстречу им выйдет, улыбаясь, какой–нибудь хмырь в белом костюмчике с блокнотом и авторучкой. И они расскажут ему, что у них не в порядке, а тот запишет. А позже появится механик из профсоюза и спустя рукава станет ковыряться в их автомобиле. И за каждую минуту они будут платить. Карточка влезет в машинку, и пойдет счет. Они заплатят за то время, пока он будет сидеть в сортире, пить кофе, говорить по телефону или с каким–нибудь другим клиентом. Это обойдется им в три или четыре раза дороже.

Думая об этом, он почувствовал к ним злость: ведь они готовы уплатить все это какому–то ло-

[1] Примечания: 1

ААА — American Automobile Association (Американская автомобильная ассоциация), функции — оказывать своим членам при происшествиях техническую помощь и, за особые деньги, юридическую.

дырю–механику, которого никогда не видели и не знали. Если они могут платить так много, то почему бы им не платить те же деньги и мне? — спросил он себя. Я никогда не заламывал по семь долларов в час. Это достанется кому–то другому.

И все же он сколотил кое–какой капитал. У него всегда работы было свыше его собственных сил, особенно в последние несколько лет. И он получал деньги, сдавая прилегающий к гаражу участок в аренду Элу Миллеру под стоянку для подержанных машин. Он помогал Элу советами насчет его развалюх, а Эл иногда помогал ему в тяжелых работах, с которыми он не мог справиться в одиночку. Они неплохо друг с другом ладили.

Но что он за парень, чтобы проводить с ним день напролет? — спрашивал он себя. Какой–то тип, что возится со старыми машинами, развалинами, из которых, может, и продает по штуке в неделю. Месяцами расхаживающий в одних и тех же грязных джинсах. Всем задолжавший, лишившийся даже телефона, после того как телефонная компания сняла его из–за неуплаты. И теперь у него никогда его не будет, до скончания века.

Хотел бы я понять, как это можно — не быть в состоянии иметь телефон, думал он. Смириться с тем, что ты вынужден от него отказаться.

Я бы ни за что не отказался, решил он. Подкопил бы деньжат, оплатил счет и обо всем с ними договорился. В конце концов, они ведь так и зарабатывают свои деньги: продавая услуги связи. Они пошли бы навстречу.

Мне пятьдесят восемь лет, сказал он себе. Имею право уйти в отставку, сердце там или не сердце. Пусть–ка доживет до моих лет. Тогда увидит, каково это — бояться упасть замертво всякий раз, когда снимаешь с машины колесо.

Тогда ему в голову пришла кошмарная фантазия. Та же, что и раньше. Он лежал под машиной и чувствовал на себе ее груз. Он пытался вздохнуть, позвать кого–то на помощь, но тяжесть машины расплющивала ему грудь. Единственное, что он мог сделать, это лежать, как черепаха или жук, перевернутые на спину. А потом в мастерскую вошел Эл, забрел, как обычно, через боковую дверь, держа в руках деталь распределителя зажигания.

Эл приблизился к машине. Опустил взгляд. Увидел распластанного на спине старика, пригвожденного к земле машиной, уставившегося на него снизу вверх, неспособного говорить.

Он постоял с минуту. Даже не положил той детали, что была у него в руках. Взгляд его блуждал

вокруг; он видел, что гидравлический домкрат соскользнул — самая страшная вещь изо всех возможных. То ли он выскользнул из–под дифференциала, то ли шланг прохудился, то ли еще что–то; так или иначе, машина придавила старика, и с тех пор прошло, возможно, два часа. Старик мог только глазеть на него снизу вверх; он не мог сказать ни слова. Его грудная клетка была совершенно раздавлена. Машина сокрушила его, но он еще был жив. Он безмолвно молил об освобождении. О помощи.

Эл повернулся и пошел прочь, унося с собой деталь распределителя. И вышел из мастерской.

Сидя за своим столом, Джим испытывал страх, чувствовал себя раздавленным. Он фиксировал свой взгляд на схеме смазки «Фольксвагена», переключал внимание на пыльное окно, на календари с голыми девицами, на счета–фактуры, на список поставщиков запчастей. Но он все равно видел самого себя; видел со стороны свое распростертое, умирающее, раздавленное, насекомообразное тело под автомобилем, под — что это было? — «Крайслером–Империал». А Эл уходил прочь.

Всю свою жизнь, думал он. С тех самых пор, как начал заниматься авторемонтным делом, я этого

боялся. Боялся, что выскользнет домкрат. А я буду один, и никто не явится в течение нескольких часов. Например, последняя работа за день, около пяти часов пополудни. И никто не войдет в помещение до завтрашнего утра.

Но тогда стала бы звонить его жена. Было бы хуже, случись это раньше.

Никто бы так не поступил, сказал он себе. Никто не оставил бы человека, придавленного машиной. Просто чтобы с ним поквитаться. Так не поступил бы даже Эл.

Мне в нем не разобраться, подумал он. Он не выказывает своих чувств. Он мог бы сделать и так, и этак.

Затем, пока он думал об этом, ему явилась другая фантазия, которой до сих пор у него никогда не бывало. Он увидел так же ясно, как и раньше, ту же сцену, со входящим и обнаруживающим его Элом. Но на этот раз Эл бросался к нему, стаскивал с него машину, бежал к телефону; затем приезжала «Скорая», следовало все, что полагается: шум, волнение, доктора, носилки, доставка в больницу. И Эл все время был рядом, следил, чтобы все было путем, чтобы ему обеспечили правильное лечение, и притом незамедлительно. Так что он выздоравливал. Помощь поспела вовремя.

Конечно, он мог бы так сделать. Он умел пошевеливаться. Тощие парни вроде этого, которые не обременены излишним весом, — они могут быть шустрыми.

Но из–за этой фантазии о том, как Эл находит его и спасает, он не почувствовал себя лучше. По правде сказать, ему из–за нее стало хуже. Но он не знал почему. Черт возьми, подумал он. Не надо мне, чтобы он меня спасал; я сам о себе могу позаботиться. Было бы лучше, если бы он ушел. Не его это дело.

Он отложил схему «Фольксвагена» и взял записную книжку, лежавшую возле телефона. В тот же миг он набрал номер своего брокера, Мэтта Пестеврайдса, и услышал в трубке голос его секретарши.

— Привет, — сказал он, когда та соединила его с Мэттом. — Слушай, долго мне еще здесь валандаться? Теперь, когда сделка заключена?

— Ну, можешь рассчитывать на шестьдесят дней, — веселым голосом сказал Мэтт. — Это даст тебе достаточно времени, чтобы свернуть свои дела. Полагаю, тебе хочется попрощаться со всеми своими клиентами, со всеми своими давними клиентами, которые так долго к тебе обращались. Вроде меня самого.

— Ладно, — сказал он и повесил трубку. Два месяца, подумал он. Может, я смогу приходить сюда только на полдня. И не буду брать ничего тяжелого. Браться только за легкие задачи; так сказал доктор.

Глава 2

Перед «Распродажей машин Эла», сунув руки в карманы, взад–вперед расхаживал Эл Миллер.

Так и знал, что он продаст, думал Эл. Рано или поздно. Старик не мог просто перепоручить ведение дел кому–нибудь другому. Коли уж он не в состоянии управляться в мастерской самолично, то надо закрывать лавочку.

Что же теперь? — спрашивал он у себя. Я не смогу латать эти старые драндулеты без него. Куда уж мне–то! Сапожник я, а не механик!

Повернувшись, он обозрел свою стоянку и двенадцать машин на ней. Что за них выручишь? — задал он себе вопрос. На ветровых стеклах он белой афишной краской вывел разнообразные соблазнительные заявления. «Полная цена — 59 долларов. Хорошие шины». А еще — «Бьюик»! Автоматическая коробка передач. 75 долларов». «Фара–искатель. Обогреватель. Возможен торг». «Хороший ход. Чехлы для сидений. 100 долларов». Лучшая его машина, «Шевроле», стоила всего полторы сотни. Хлам, думал он. Все их надо бы разобрать на запчасти. Ездить на них небезопасно.

Рядом со «Студебеккером» 49–го года выпуска стоял, работая на износ, агрегат для подзарядки аккумуляторов, чьи черные провода скрывались в открытом капоте машины. А без него их не завести, осознал он. Без переносного зарядного устройства. Чертовы аккумуляторы, половина из них не удерживала заряда на протяжении ночи. К утру они сдыхали.

Каждое утро, приезжая на свою стоянку, он вынужден был забираться в каждую машину и заводить двигатель. В противном случае, если бы кто явился посмотреть на его автомобили, он не смог бы показать ни одного из них на ходу.

Мне надо позвонить Джули, сказал он себе. Сегодня понедельник, значит, она не на работе. Он направился было ко входу в мастерскую, но затем остановился. Как мне говорить оттуда? — спросил он себя. Но если бы он перешел через улицу, чтобы позвонить из кафе, то это стоило бы ему десять центов. Старик всегда позволял ему звонить из мастерской бесплатно, так что смириться с мыслью об уплате десяти центов было нелегко.

Подожду, решил он. Пока она не появится здесь, на стоянке.

В половине двенадцатого его жена подъехала

к бордюру в одной из машин со стоянки, стареньком «Додже» — с его крыши свисала обивка, крылья проржавели, а передняя часть была перекошена. Паркуясь, она одарила его веселой улыбкой.

— С чего это ты выглядишь такой счастливой? — поинтересовался он.

— А что, все должны быть такими же мрачными, как ты? — отозвалась Джули, выпрыгивая из машины. На ней были линялые джинсы, в которых ее длинные ноги казались худыми. Волосы собраны в конский хвост. В полуденном солнце ее веснушчатое, слегка оранжевое лицо излучало свою обычную уверенность; глаза у нее так и плясали, когда она шагала к нему с сумочкой под мышкой. — Ты уже поел? — спросила она.

— Старикан продал гараж, — сказал Эл. — Мне придется закрыть стоянку. — Он слышал собственный тон, зловещий донельзя. Даже самому ему было ясно, что он хотел испортить ей настроение; однако и вины при этом он не чувствовал. — Так что нечего так радоваться, — сказал он. — Взглянем на вещи реально. Без Фергессона я не смогу поддерживать эти развалюхи в рабочем состоянии. Господи, что я понимаю в ремонте машин? Я всего лишь продавец.

Находясь в самом подавленном состоянии, он всегда так о себе и думал: я — продавец подержанных машин.

— Кому он его продал?

Улыбка с ее лица не сошла, но теперь была осторожной.

— Откуда я знаю? — сказал он.

Она тут же направилась ко входу в мастерскую.

— Я спрошу, — сказала она на ходу. — Узнаю, что они собираются сделать: у тебя ума не хватит это выяснить.

Она скрылась в мастерской.

Последовать за ней? Ему не очень–то хотелось снова видеть старика. Но, с другой стороны, обсуждать эти вещи следовало ему самому, а не его жене. Поэтому он пошел вслед, прекрасно зная, что со своими длинными ногами она дойдет туда гораздо быстрее, чем он. И, само собой, когда он вошел в мастерскую и глаза его успели адаптироваться к тусклому свету, то обнаружил, что она стоит и разговаривает со стариком.

Никто из них не обратил на него ни малейшего внимания, когда он медленно к ним приблизился.

Своим обычным хриплым и низким голосом

старик растолковывал все то же, что раньше объяснял Элу; он ссылался на те же причины и использовал почти те же слова. Как будто, подумал Эл, это была готовая речь, которую он составил. Старик говорил, что выбора у него, как ей прекрасно известно, не было, доктор запретил ему заниматься тяжелым трудом, неизбежным при авторемонтных работах, и так далее. Эл слушал без интереса, стоя так, чтобы иметь возможность смотреть наружу, на яркую полуденную улицу, на снующих людей и проезжающие машины.

— Ладно, я вот что думаю, — сказала Джули всегдашней своей скороговоркой. — Может оказаться, что оно и к лучшему, потому что теперь он, возможно, сумеет продолжить обучение.

— Господи, — только и сказал Эл, услышав эти слова.

Старик посмотрел на него, потирая правый глаз, который покраснел и распух: видимо, что-то в него попало. Достав из заднего кармана большой носовой платок, он стал касаться глаза его краешком. И на Эла, и на Джули он взирал с выражением, которое Эл счел смесью хитрости и нервозности. Старик принял решение, он определился со своей позицией, причем не только относительно мастерской, но и относительно

их обоих. И что он там чувствовал, хорошо или плохо обошелся он с ними, не имело значения. Он не изменит решения. Эл знал его достаточно хорошо, чтобы понимать это: старик был слишком упрям. Даже Джули со своим властным язычком никак не могла на него воздействовать.

— Говорю же вам, — бормотал старик. — Паршиво жить, работая здесь в сырости и на сквозняках. Просто чудо, что я давным–давно не окочурился. Я буду счастлив убраться отсюда, я заслужил отдых.

— Можно было бы поставить в договор о продаже условие, что новый владелец обязан продолжать сдавать стоянку моему мужу в аренду по прежней цене, — сказала Джули, скрестив руки.

— Ну, я не знаю, — сказал, опустив голову, старик. — Это на усмотрение моего брокера, я поручил ему все уладить.

Лицо жены Эла сделалось красным. Он редко видел ее в таком гневе; у нее тряслись руки, потому–то она и скрестила их на груди. Прятала кисти.

— Слушай, — сказала она пронзительным голосом. — Почему бы тебе просто не помереть и не завещать мастерскую Элу? Ведь у тебя нет ни детей, ни родственников…

После этого она умолкла. Как будто, подумал Эл, поняла, что сказала что–то дурное. Это и было дурно, подумал он. Это несправедливо. Хозяйство принадлежало старику. Но Джули, конечно, никогда этого не признает, факты ей не указ.

— Пойдем, — сказал ей Эл. Взяв ее за руку, он силой повлек ее прочь от старика, что–то бормотавшего в ответ, по направлению к выходу, к улице.

— Как же меня это бесит, — сказала она, когда они вышли на солнечный свет. — Полный маразматик.

— Маразматик, как же, — сказал Эл. — Старик очень даже соображает.

— Как скотина, — сказала она. — На других ему наплевать.

— Он для меня много делал, — сказал он.

— Сколько ты выручишь, если продашь все эти свои машины? — спросила она.

— Где–то пять сотен, — сказал он. Хотя на самом деле сумма была бы немного больше.

— Я могу снова перейти на полный рабочий день, — сказала она.

— Я подыщу себе какую–нибудь другую точку, — пообещал Эл.

— Но ты же говорил, что не сможешь обойтись

без его помощи, — сказала она. — Ты сказал, что у тебя нет достаточных средств, чтобы покупать машины, которые можно было бы выставить на продажу без…

— Заключу договор с какой–нибудь другой мастерской, — сказал Эл.

Остановившись и твердым взглядом упершись ему в глаза, Джули сказала:

— Тебе пора вернуться к обучению.

По ее мнению, ему было необходимо получить степень выпускника колледжа. Для этого ему требовались еще три года — один год он ходил в Калифорнийский университет, — и тогда он смог бы получить то, что она называла приличной работой. Его степень была бы в практической области: она выбрала для него деловое администрирование. В тот единственный год у него не было основного предмета специализации. Он прошел только общий курс: немного того, немного сего. Ему это не понравилось, и продолжать он не стал.

Прежде всего ему не нравилось находиться в помещении. Возможно, поэтому его привлекал бизнес с подержанными автомобилями: он мог целый день оставаться под открытым небом. И, конечно, здесь он сам был себе хозяином. Он мог

приходить и уходить, когда ему заблагорассудится; мог открываться в восемь, в девять или в десять, отправляться на обед в час, в два или в три. Тратить на него полчаса или целый час, а то и вообще перекусывать в одном из своих автомобилей.

В центре стоянки он выстроил маленькое здание из базальтовых блоков. В нем были алюминиевые оконные рамы, которые он купил по оптовой цене; собственно говоря, всю проводку он приобрел тоже по оптовой цене, как и кровельный материал и всю обстановку. Это был почти дом, и он так о нем и думал, как о доме, который он построил собственными руками, который принадлежал ему, куда он мог войти когда угодно и оставаться, скрывшись из виду, сколько сам пожелает. Внутри у него был электрический обогреватель, письменный стол, картотечный шкаф; там у него хранились журналы, которые он почитывал, и деловые бумаги. Иногда там стояла пишущая машинка, которую он брал напрокат за пять долларов в месяц. Прежде у него имелся и телефон, но с ним пришлось навсегда расстаться.

Если он съедет отсюда, если лишится этой стоянки, то заберет с собой и этот дом. Дом принадлежал ему, он был его личной собственностью,

как и машины. Но, в отличие от машин, дом для продажи не предназначался. Еще один предмет, не предназначавшийся для продажи и принадлежавший ему, тоже перекочует вместе с ним. Как и дом, он построил его сам. В дальнем конце стоянки, недоступный постороннему взгляду, стоял автомобиль, над которым он трудился уже многие месяцы. Он занимался им всякий раз, как выдавалось свободное время.

Это был «Мармон» 1932 года выпуска. У него было шестнадцать цилиндров, и он весил больше пяти тысяч фунтов[2]. В свое время, когда был на ходу, он разгонялся до ста семи миль в час. Он был, в сущности, одним из лучших автомобилей Соединенных Штатов и изначально стоил пять с половиной тысяч долларов.

Год назад Эл набрел на этот старый «Мармон» в одном гараже. Состояние машины было плачевным, и, поторговавшись несколько недель, ему удалось забрать ее за сто пятьдесят долларов, включая две запасные шины. Исходя из того, что ему было известно о машинах, он полагал, что после полного восстановления «Мармон» потянет на две с половиной — три тысячи долларов. Так

---

[2] Примечания: 2

Т. е. больше, чем две с четвертью тонны.

что в то время это казалось ему недурным вложением. Но он работал над этим весь последний год, а конца и видно не было.

Однажды, трудясь над «Мармоном», он поднял голову и увидел, что за ним наблюдают двое цветных. По тротуарам этой улицы прохаживалось немало цветных, и он продавал столько же машин неграм, сколько и белым.

— Здравствуйте, — сказал он.

Один из негров кивнул.

— Это что? — спросил другой.

— «Мармон» тридцать второго года, — ответил Эл.

— Ух ты! — восхитился тот из негров, что был повыше ростом.

Оба они были молоды. На обоих были спортивные куртки, белые рубашки без галстуков и темные слаксы. Оба выглядели хорошо ухоженными. Один из них курил сигарету, тот высокий негр, что говорил.

— Послушайте, — сказал он. — Можно, я приведу своего отца посмотреть на вашу машину? Он хотел бы, чтобы его повезли в чем–то вроде нее, когда он соберется нанести визит во Флориду.

Другой негр сказал:

— Да, его старик–отец хотел бы поехать в ма-

шине вроде этой. Мы сходим за ним, хорошо?

Поднявшись на ноги, Эл сказал:

— Это коллекционная машина.

Потом он попытался объяснить им, что эта машина не для продажи; по крайней мере, не на тех условиях, которые им подошли бы. Это не транспортное средство, втолковывал им он. Это — бесценное наследие прошлого, один из превосходных старых туристских автомобилей; в некоторых отношениях самый лучший из них. И, говоря это, он увидел, что они явно все понимают — понимают превосходно. Это был как раз тот автомобиль, в котором старик–отец негра, что повыше, хотел бы приехать во Флориду. И, пораскинув мозгами, Эл уразумел, в чем тут соль. Именно в том, что машине было уже под тридцать, и она была не на ходу. Собственно, в последний раз она ездила еще до начала Второй мировой войны.

Высокий негр сказал:

— Вы приведете эту машину в порядок, и мы ее, возможно, купим.

Оба негра были очень серьезны и постоянно кивали.

— Сколько вы за нее хотите? — спросил высокий негр. — Сколько запросите за эту машину,

когда она снова станет ездить?

— Около трех тысяч долларов, — сказал Эл.

И это, конечно, было чистой правдой. Такая машина того стоила.

Они и глазом не моргнули.

— Вроде верно, — сказал, кивая, более высокий негр. Они переглянулись и снова кивнули. — Мы вроде столько и думали заплатить. Само собой, не сразу всю сумму. Мы действуем через наш банк.

— Так и есть, — подтвердил другой. — Мы внесем, скажем, шесть сотен, а остальное — в рассрочку.

Двое негров снова пообещали вернуться с отцом более высокого и ушли. Естественно, он даже не ожидал снова с ними увидеться. Но как бы не так — на следующий день те явились опять. На сей раз с ними был приземистый плотный старик–негр в жилетке с серебряной цепочкой для часов, в сияющих черных туфлях. Молодые люди показали ему «Мармон» и объяснили более или менее то положение дел, что накануне обрисовал им Эл. Поразмыслив, старик пришел к заключению, что эта машина все–таки не годится по причине, которая, на взгляд Эла, была в высшей степени логична. Старик не думал, что им повезет находить для нее шины, особенно на

участках шоссе вдали от крупных городов. Так что в конце концов старик очень официально поблагодарил его и отказался от автомобиля.

Эта встреча поразила воображение Эла — возможно, еще и потому, что впоследствии он множество раз виделся с этими неграми. Это было семейство по фамилии Дулитл, и старый джентльмен с жилеткой и серебряной часовой цепочкой был весьма состоятелен. Или, по крайней мере, таковой была его жена. Миссис Дулитл владела меблированными комнатами и многоквартирными домами в Окленде. Некоторые из них находились в белых районах, и она через своего домоуправа сдавала их белым. Он узнал об этом от двоих молодых негров и спустя какое–то время смог с их помощью заполучить гораздо лучшую квартиру для себя и Джули. Теперь они жили в подновленном трехэтажном деревянном здании на 56–й улице, недалеко от Сен–Пабло; их квартира на втором этаже обходилась им всего в тридцать пять долларов в месяц.

Столь низкая плата была обусловлена двумя причинами. Во–первых, в этом конкретном здании не обеспечивалось соседство исключительно с белыми: на первом этаже располагалась негритянская семья, а на третьем жила пара молодых

мексиканцев со своим младенцем. Их не беспокоило то, что они живут в одном доме с неграми и мексиканцами, но другое обстоятельство тревожило их очень сильно: электропроводка и водопровод находились там в таком плачевном состоянии, что оклендские муниципальные инспекторы были на грани того, чтобы запретить использование здания. Иногда замыкания в скрытой проводке отрубали электричество на несколько дней. Когда Джули гладила, стена разогревалась настолько, что к ней невозможно было прикоснуться. Все жильцы здания были уверены, что когда–нибудь оно сгорит дотла, но большинство из них на протяжении дня находились вне дома, благодаря чему вроде бы чувствовали себя в большей безопасности. Однажды, когда дно водонагревательного котла проржавело насквозь, вытекшая из него вода залила газовые горелки и просочилась сквозь пол, так что почти все ковры и мебель Джули пришли в негодность. Миссис Дулитл отказалась предоставить за них какое–либо возмещение. Почти месяц всем им пришлось обходиться без горячей воды, пока наконец миссис Дулитл не нашла какого–то полубезработного водопроводчика, который сумел установить другой изношенный водонагрева-

тель за десять или одиннадцать долларов. У нее имелся штат малоквалифицированных рабочих, которые могли подлатывать здание как раз в той мере, чтобы удержать инспекторов муниципальных служб от немедленного его закрытия; они поддерживали возможность его использования изо дня в день. Она, как он слышал, надеялась продать его в конце концов под снос. Думала, что его место сможет занять автостоянка: в этом был заинтересован супермаркет за углом.

Дулитлы были первыми неграми среднего класса, которых он знал или даже о которых ему приходилось слышать. Они владели большей собственностью, чем кто–либо, кого он встречал с тех пор, как перебрался из Сан–Елены в область Залива, и миссис Дулитл — лично управлявшая рядом доходных мест — была такой же подлой и скаредной, как и все остальные домовладелицы, с которыми ему приходилось сталкиваться. То обстоятельство, что она негритянка, отнюдь не делало ее более гуманной. Склонности к дискриминации у нее не наблюдалось: она дурно обходилась со всеми своими жильцами, как с белыми, так и с черными. Мистер Маккекни, негр с первого этажа, сказал ему, что изначально она была школьной учительницей. И она, да, именно

так и выглядела — маленькая, востроглазая, седая старушенция в долгополом пальто, шляпке, перчатках, темных чулках и туфлях на высоких каблуках. Ему всегда представлялось, что она нарядилась, чтобы идти в церковь. Время от времени у нее бывали ужасные стычки с другими жильцами дома, и ее пронзительный и громкий голос доносился к ним из–под половиц или сквозь потолок, в зависимости от того, где она находилась. Джули боялась ее и иметь с нею дело всегда предоставляла ему. Его миссис Дулитл не пугала, но всегда предоставляла ему возможность поразмышлять о воздействии собственности на человеческую душу.

Напротив того, Маккекни, жившие этажом ниже, не имели ровным счетом ничего. Они арендовали пианино, и миссис Маккекни, которой было вроде бы под шестьдесят, училась играть на нем самостоятельно, по книге Джона Томпсона «Самоучитель игры на пианино для начинающих». Поздно ночью он слышал, как она вновь и вновь играет «Менуэт» Боккерини — неторопливо, с одинаковым ударением на каждой ноте.

Днями мистер Маккекни сидел перед домом на перевернутой корзине из–под яблок, которую он выкрасил в зеленый цвет. Позже кто–то

предоставил ему стул, вероятно, здоровяк–немец, торговец подержанной мебелью, живший на той же улице. Мистер Маккекни часами сидел на краешке и здоровался с каждым, кто проходил мимо. Поначалу Эл не постигал, как, с точки зрения экономики, чета Маккекни ухитряется выживать: он не мог определить какого–либо источника их доходов. Мистер Маккекни никогда не отлучался от дома, а миссис Маккекни хотя и подолгу отсутствовала, но всегда либо ходила за покупками, либо навещала знакомых, либо занималась благими делами в церкви. Позже, однако, он узнал, что их поддерживают их дети, выросшие и разъехавшиеся. Они, как с гордостью поведал ему мистер Маккекни, жили на восемьдесят пять долларов в месяц.

Маленький внук Маккекни, приехавший к ним погостить, играл в одиночестве на тротуаре или на пустыре на углу. На протяжении всего года он ни разу не присоединялся к шайкам окрестной детворы. Его звали Эрл. Он не производил почти никакого шума, едва разговаривая даже со взрослыми. В восемь утра он появлялся из дверей, одетый в шерстяные брюки и свитер, с серьезным выражением на лице. У него была очень светлая кожа, и Эл догадывался, что тот

унаследовал немало белой крови. Маккекни предоставляли его самому себе, и он вел себя вполне ответственно: держался в стороне от проезжей части и никогда ничего не поджигал, как делали в большинстве своем окрестные дети, белые, цветные и мексиканцы. По сути, он казался значительно выше их всех, представлялся чуть ли не аристократом, и Эл время от времени задумывался о его вероятном происхождении.

Лишь однажды он слышал, чтобы Эрл повысил голос в гневе. На другой стороне улицы жили двое круглоголовых белых мальчишек, оба задиры и бездельники. Оба были погодками Эрла. Когда на них находило, они собирали незрелые фрукты, бутылки, камни и комья грязи и принимались метать их через улицу, целя в Эрла, который молча стоял на тротуаре возле своего дома. Однажды Эл услышал, как они стали вопить мерзкими голосами: «Эй ты! Твоя мать — уродка!»

Они повторяли это снова и снова, меж тем как Эрл безмолвно стоял, сунув руки в карманы, мечая им в ответ грозные взгляды, а лицо его делалось все жестче и жестче. В конце концов их издевки подвигли его на ответ.

Глубоким и громким голосом он крикнул: «Остерегитесь, малыши! Поберегите себя, ма-

лютки!»

Это вроде бы возымело действие. Белые мальчики убрались прочь.

Воспоминания и мысли заполняли сознание Эла. Люди, что приходили посмотреть машины на его стоянке, парнишки без денег, рабочие, нуждавшиеся в транспорте, юные парочки, — вот о чем он думал, стоя перед автомастерской вместе со своей женой, именно о них, а не о ее словах. Сейчас она рассказывала ему о своей работе секретаршей в компании «Западный уголь и карбид»; она напоминала ему о своем желании в один прекрасный день насовсем оттуда уйти. Чтобы это осуществилось, ему следует зарабатывать гораздо больше денег.

— …Ты прячешься от жизни, — в заключение сказала Джули. — Ты смотришь на жизнь через малюсенькую дырочку.

— Может быть, — уныло согласился он.

— Укрылся здесь, в этом захудалом районе. — Она указала на улицу — мелкие лавочки, парикмахерская, пекарня, кредитная компания, бар на другой стороне. Заведение, где промывали толстую кишку, вывеска которого всегда так ее расстраивала… — И не думаю, чтобы я смогла и дальше жить в этой крысиной норе, Эл. — Ее

голос смягчился. — Но я не хочу оказывать на тебя давление.

— Ладно, — сказал он. — Может, мне надо промывать толстую кишку, — сказал он. — Что бы это ни означало.

Глава 3

Вечером, когда Джим Фергессон поднялся по цементным ступеням крыльца ко входной двери своего дома, за ее стеклом дрогнула, сдвигаясь в сторону, шторка; выглянул глаз, яркий и настороженный. После чего дверь распахнулась. На пороге стояла его жена Лидия, громко смеясь от удовольствия, вся раскрасневшаяся при виде его; так оно бывало всегда, что объяснялось, по–видимому, ее греческими корнями. Она втянула его внутрь, в прихожую, тараторя:

— Ох, я так рада, что ты наконец дома. Как сегодня прошел день? Слушай, знаешь, что я сделала? Желая тебе угодить, а я знаю, тебе будет приятно, я, угадай, что поставила на плиту и что там сейчас готовится?!

Он принюхался.

— Это цыпленок, тушеный цыпленок со шпинатом! — сказала Лидия. Она, смеясь, увлекала его за собой в глубь дома.

— Я сегодня не так уж голоден, — сказал он.

Она тут же обернулась:

— Вижу, ты чем–то расстроен.

Он остановился у шкафа, чтобы повесить

куртку. В пальцах чувствовалась усталость и напряженность; Лидия следила за ним настороженным, по–птичьему быстрым взглядом.

— Но теперь же ты дома, и нет никаких причин для дурного настроения, — сказала Лидия. — Разве не так? Что–нибудь случилось сегодня? — На ее лице сразу же отразилась тревога. — Уверена, ничего не случилось. Всей душой чувствую, что ничего на свете не могло произойти.

— У меня была небольшая стычка с Элом, — сказал он, проходя мимо нее на кухню. — Сегодня утром.

— Ох, — сказала она, кивая со скорбным видом и тем самым показывая, что полностью его понимает.

За годы совместной жизни она научилась улавливать его настроения и отражать их, присоединяться к ним — по крайней мере, внешне, — чтобы обеспечить возможность дальнейшего общения.

Его жена была очень склонна к всестороннему обсуждению его проблем; иногда она улавливала в них какие–то нюансы, ускользнувшие от него. Лидия закончила колледж. Собственно, она и сейчас продолжала проходить разнообразные курсы, некоторые заочно. Зная греческий, она

могла переводить философов. Разбиралась она и в латыни. Ее способность к изучению иностранных языков впечатляла его, но, с другой стороны, она так и не смогла научиться водить автомобиль, даже пройдя курсы вождения.

Тем не менее она внимала всему, что он говорил о машинах, хотя многие понятия были для нее недоступны. Он не помнил случая, когда бы ей не хотелось его слушать, какой бы ни была тема.

Стол в обеденном уголке был уже сервирован, и теперь Лидия сновала по кухне, перенося кастрюли с плиты на стол. Он уселся на встроенную скамью и стал расшнуровывать башмаки.

— Я успею принять ванну? — спросил он. — До ужина?

— Естественно, — сказала Лидия, сразу же принимаясь переносить кастрюли обратно на плиту. — После ванны ты, несомненно, почувствуешь себя в большем ладу с миром.

И он отправился в ванную комнату.

Горячая вода с ревом текла на него, пока он лежал, отмокая; он не выключал воду скорее ради производимого ей шума, чем чего–либо еще. Здесь, за закрытой дверью, где поднимался пар и все прочие звуки отсекались шумом воды, он смог расслабиться. Он закрыл глаза и позволил себе

слегка всплыть в почти наполнившейся ванне. На кафельных плитах поблескивали капельки конденсата. Стены и потолок стали влажными; ванная комната затуманилась, и все очертания сделались тусклыми, текучими, разреженными. Как в настоящей парилке, подумал он. В шведской парилке, где тебе прислуживают банщики, держа наготове белые халаты и полотенца. Обхватив руками края ванны, он пальцами ноги убавил поток воды до тонкой струйки, добиваясь того, чтобы прибывающая вода в точности уравновешивала ее убытие через слив, предохраняющий от переполнения.

Здесь и теперь, вдали от мастерской, по доброй воле замкнутый в тепле и влажности знакомой ванной — он прожил в этом доме шестнадцать лет, — Джим не чувствовал никакого беспокойства. Какой же это прочный старый дом, с его полами из твердой древесины, с его застекленными буфетами. Доски с годами сделались твердыми как железо, впитывая в себя противотермитные составы, которыми он щедро покрывал их в начале каждой осени. Слои краски, покрывающие доски снаружи, сами стали вторым домом, защищающим первый, внутренний, деревянный. Даже этого эмалевого дома, который он слой за

слоем строил на протяжении многих лет, было бы достаточно; в конце концов, осы делают себе дома из бумаги, и никто им не досаждает.

Дом, в котором он жил, был не из бумаги. Мы могли бы принять у себя тех поросят, подумал он. Тех трех; я их по всем статьям обставил. Мог бы кой–чему поучить их, даже того, выдержавшего испытание, последнего поросенка. Позвольте спросить, а сколько простоял тот его дом. А мой еще долго здесь будет. В те времена, в тридцатых, строили по–настоящему. Это было еще до войны, тогда не пускали в дело сырой древесины.

И, пока он лежал в ванне, пальцами ноги поворачивая краны, он начал думать. Думал он на старую тему — позволил своим мыслям обратиться к ней. Ему снова пришло в голову, что на свете существует такая вещь, как прибыль.

Да, думал он, смотри–ка, что я получил. Я получил тридцать пять тысяч долларов. Уйму деньжищ.

И мне ничего не надо делать, думал он. Все уже запущено, все подписано. Когда я просто лежу здесь, в ванне, денежки становятся все ближе. Теперь я могу рассчитывать на них безо всякой работы.

Так что теперь ему не надо думать о работе. На

протяжении многих лет именно работа насильно захватывала все его мысли. Теперь они могут забрать свои чертовы машины, подумал он, и засунуть их себе в задницу.

Пожалуй, я никогда туда не вернусь, подумал он. В эту мастерскую. Пожалуй, я лучше останусь дома.

Вы не можете заставить меня туда вернуться, думал он. И он с настоящим гневом взглянул на тех, кто хотел, чтобы он вернулся; он ощущал к ним подлинную ненависть.

Что же я сделаю с этими деньгами? — спросил он себя. С этой огромной суммой, едва ли не состоянием? Я скажу тебе, что я с ними сделаю, — я оставлю их своей жене. Эту кучу денег, заплаченную мне за все, что я сделал, — когда я умру, будет тратить она. А ведь ей это даже и не нужно.

Стояла ли она за меня? — спросил он у себя. Работала ли на моей стороне? Я ничего такого не чувствую. Она поддерживала не меня, а Окленд-скую публичную библиотеку. Калифорнийский университет и его профессоров, а в особенности тех студентиков в свитерах. Они знают, как одеться и как ухаживать за ногтями. У них есть куча времени, чтобы всему этому обучиться.

Его внимание привлек слабый шум у двери в

ванную. Ручка повернулась, но дверь не открылась: она была заперта.

— Что еще такое? — крикнул он.

— Я хотела… — Голос его жены, перекрываемый шумом воды.

Он закрыл кран.

— Я запер дверь, — крикнул он.

— У тебя есть полотенце?

— Да, — сказал он.

После паузы она проговорила:

— Ужин готов. Я так хочу, чтобы он тебе понравился.

— Хорошо, — сказал он. — Выхожу.

Чуть позже он сидел за обеденным столом напротив Лидии, поглощая суп. Она, как всегда, украсила стол: накрыла его белой скатертью, разложила салфетки, поставила свечи. Принарядилась и сама: на ней было ожерелье. А еще она нарумянилась. Поблескивая черными глазами, она ему улыбалась: улыбка возникала в то же мгновение, когда она замечала, что он на нее смотрит.

— Зачем быть таким угрюмым? — сказала она. — Разве не приятнее и тебе самому, и окружающим, если с виду ты будешь более довольным? — Не дождавшись от него ответа, она

продолжила: — К тому же в конечном счете это воздействует и на внутреннее «я», по крайней мере, так утверждается в великолепной работе по психологии Уильяма Джеймса и Лэнга.

— Это ты на своих курсах набралась? — спросил он.

— Да, на курсах, мистер Меланхолик, — быстро ответила она, не намереваясь менять свой настрой.

Она готова до последнего сражаться за то, чтобы быть счастливой, понял он. Ее улыбка была усилена решимостью; эта улыбка бросала ему вызов. В любых обстоятельствах, при любой реакции она сохраняла свою веру; он ничего не добьется.

В этом доме, подумал он, в моем собственном доме, я не могу даже впасть в уныние. Во всяком случае, явно. Это недозволительно. Как мусор. Выметается за дверь.

Она стала двигаться чуть быстрее. Ее руки так и летали от масленки к кофейной чашке, затем к салфетке. Сколько бодрости, подумал он. На что она направится, когда сквозь меня цветы прорастут? И не маргаритки, а вонючки. Вообрази–ка ее у моей могилы с охапкой цветов из сада, что она разбила за домом, с розами и всем таким прочим, а там запашок — с ног валит. Он рассмеялся.

— Ах! — воскликнула она.

Наблюдая за ней, он вдруг обратил внимание на то, что она намного моложе его. Разумеется, он и так знал об этом, данный факт никогда не утаивался. Но обычно он не особо о нем задумывался. Ее руки. По–прежнему гладкие. Что ж, ей не приходилось четырежды в день оттирать их растворителем. Кто мыл полы в доме? Два раза в неделю к ней приходила цветная девушка, которая делала всю тяжелую и грязную работу. Лидия же только вытирала пыль, мыла посуду, ходила за покупками и готовила; все остальное время она была вне дома: училась.

— Что ты изучала? — спросил он. — Сегодня?

— Тебе интересно? — сказала она веселым голосом.

— Конечно, — сказал он. — Ведь я за это плачу.

— Деньги, — сказала она, — являются мерилом достоинства в обществе варваров, которые осознают себя, когда видят священную дощечку в храме, сделанном из золота.

Ее взгляд устремился прямо на него. Взгляд, лишенный робости.

Он сказал:

— В обществе варваров и ты займешь выдающееся место, ждать недолго.

Глаза ее не шелохнулись. Продолжали наблюдать.

— Тридцать пять тысяч долларов, — сказал он с такой яростью, что ее улыбка наконец угасла. — Почему бы тебе не учредить фонд? Фергессоновский Фонд для Бездельников. Платить бездельникам, чтобы весь день спали. — Он повысил голос. — В гостиной! — прокричал он. — На кушетке. — Голос задрожал на грани визга. — Здесь, в моем доме!

Она ничего не сказала. Смотрела на него.

— Может быть, мне пойти к Луису Мальзоне? — сказал он. — К моему поверенному? Может быть, похлопотать и вложить деньги в облигации?

Но почему? — спросил у самого себя. Потому что в любом случае она их в конце концов получит, ни за что, за ничегонеделанье. А он, за все, что он сделал, — что получал он?

Но его одолевала усталость. Он ел булочку, намазав ее маслом — настоящим маслом. И все это время она за ним наблюдала.

— Расскажи мне об этой твоей стычке с Элом, — сказала она.

Он ничего не ответил. Он ел.

— Это она стала причиной твоего столь всеобъемлюще неверного взгляда на истинное

положение вещей, — сказала она.

При этих словах он рассмеялся.

— Этот тип… — сказала она. — Такая намеренная растрата жизненных сил, каковую он проявляет. А его отношение к другим по тому или иному поводу в действительности основывается на его собственной внутренней реальности. Когда он и его жена — к которой, как ты знаешь, я отношусь с большой заботой — пришли к нам на обед в то воскресенье, то мое о нем впечатление усилилось как никогда прежде.

— Какое впечатление?

— Разве тебе не известно мое впечатление? — сказала Лидия. — Если так, то я не знаю почему. В прошлом я приложила немало усилий, чтобы обсудить это с тобой. Как долго он арендует стоянку рядом с тобой для своих машин? На данный момент уже много лет. На протяжении этого периода времени я наблюдала происходящие в тебе перемены. Это не случайное совпадение. Что я отметила, когда ты сегодня пришел домой? Что у тебя дурное настроение. Мне такое настроение знакомо. Прежде ты не так часто возвращался домой расстроенным. Что он в твоей жизни? Он обозначает для тебя абсолютную глупость, безнадежную. Этот тип делает сам себя глупым. Но вот

ты совершенно безосновательно возлагаешь на себя ответственность.

Подняв взгляд, он увидел, что она указывает на него пальцем и хмурится.

— Поскольку, — сказала Лидия, — он испортил себе жизнь ничегонеделаньем, ему удалось заставить тебя чувствовать, что ты ему чем–то обязан, но на самом деле ты обязан выставить его. Заставить его уйти.

— Лишь потому, что он плохо одевается, — сказал Фергессон.

— Что, дорогой мой?

— Господи, — сказал он. — Он опрокинул эту чертову пепельницу. Как насчет этого? Все это мудрствование, знаешь, из–за чего оно? Из–за того, что он опрокинул пепельницу, когда пришел сюда в первый раз. А еще — из–за того, как он одевается.

— Прошу прощения, — сказала Лидия. — Потому что я лучше знаю, мой дорогой. В нем есть презрительность. Вот скажи мне. В чем состоит его предпочитание?

Он не понял; его жена перешла на свою быструю греческую манеру речи, а когда это происходило, когда она впадала в такое состояние, большую часть из того, что она говорила, он просто не

улавливал.

Лидия пояснила:

— Что есть храм его веры?

— Откуда мне знать?

— Ничто.

— Может быть.

— Видишь ли, — сказала она, — то, что человек думает о боге, на самом деле, как показал Фрейд, есть его отношение к своему отцу. И у того, кто не способен обнаружить в себе должной почтительности к Небесному Отцу, какое хорошее выражение, нет и на этой земле отца, на которого он мог бы положиться? Что ты об этом думаешь, хотелось бы мне знать. Что определяет характер в этом нашем старом мире? Семья. Именно в семье растет смеющийся младенец. Кто смотрит на него поверх края благословенной колыбели?

— Его мать, — сказал Фергессон.

— Его мать, — сказала Лидия, — известна ему через грудь, источник вечного изобилия.

— Хорошо, — сказал он, — но он же ее и видит.

— Он воспринимает ее как нектар, — сказала Лидия, — как пищу богов. Но от отца он не получает ничего. Между ним и отцом существует разъединение. В то время как с матерью имеется единство. Понимаешь?

— Нет, — сказал он.

— Отец для него, — сказала она, — это общество и его связи с ним. Если у него это есть, он никогда от этого не избавится. Но если нет, он никогда не сможет это получить.

— Что получить? — уточнил он.

— Веру и надежду, — сказала Лидия.

— Сдаюсь, — сказал он. — Тебе бы к курсам по Платону добавить еще и курсы английского.

— Я знаю, — сказала Лидия, — что если бы с тобой — в тебе — находился более счастливый человек, ты не стал бы сейчас смотреть вперед с такой опустошенностью. Другой на твоем месте, уходя в отставку с таким огромным накопленным богатством, — знаешь, что было бы у него на уме? Позволь мне увидеть и обрисовать это для тебя, мой дорогой. Радость.

— Радость, — эхом отозвался Джим, с горечью и некоторым удивлением.

— Радость завтрашнего дня, — сказала его жена.

— Я болен, — заявил он. — Я устал и болен физически. Спроси у моего доктора. Спроси у доктора Фратта. Позвони ему. Я имею в виду, спроси у него, как обстоит дело с фактами, вместо того чтобы вкручивать всю эту философию. За мой

счет! Чем, ты полагаешь, мне теперь заниматься? Начать вместе с тобой посещать курсы по изучению великих книг? Читать этих гавриков? Что ты вообще знаешь? Я бы хотел посмотреть, как ты починишь какую–нибудь самую простую штуковину — скажем, разъем шнура к фарам. Почини его, а уж потом приходи потолковать.

— Ты так похож на этого человека, — сказала она.

Он что–то проворчал и выпрямился на скамейке, потирая лоб.

— Он — это твоя часть, — сказала она. — Но ты больше. В нем ничего, кроме этого, нет. Ничего, кроме пораженчества. Потому что в нем нет этой веры.

Он наконец снова занялся ужином, доел суп и принялся за тушеного цыпленка, чьи косточки после готовки стали такими мягкими и бесцветными.

После ужина Джим Фергессон сделал то, что в последние годы стало для него естественным. Он включил телевизор и поставил перед ним свое мягкое кресло.

Ну вот, опять, сказала бы его жена, оставайся она по–прежнему дома. Но сегодня у Лидии был семинар; ее подвозили туда на автомобиле — тот

просигналил, и она тут же вышла со своими книгами, надев пальто и туфли на низком каблуке. Так что ее здесь не было, чтобы это сказать.

Его сознание, однако, сказало это за нее.

На экране Граучо Маркс[3] оскорблял какого–то типа в костюме, подошедшего к нему и ухмыляющегося. Что бы Граучо ни говорил, тип продолжал ухмыляться. Очень смешно. Глядя на это, Джим Фергессон начал беспокойно ерзать. Наконец он выключил телевизор.

Но все ли это, что сейчас идет? — спросил он себя. Он поспешно включил телевизор и стал пробовать счастья на других каналах. Вестерны, групповое обсуждение какого–то вопроса… Он снова выключил телевизор. Куча тупиц, подумал он. Особенно эти гомики, ухмыляющиеся кривляки, ломающиеся перед женщинами, подающие блюда, целующие пожилых дам в щечку. Вопросики идиотские: викторина. Ну и жулья там у них было, думал он. Во всяком случае, тот, который ушел. В особенности тот. Интеллектуал. Ну и

[3] Примечания: 3

Граучо Маркс (1890–1977) — знаменитый американский комик, один из «Братьев Маркс».

жулик! Он так нравился Лидии, этот Ван Дорен[4]. Он и вправду их завораживал. Но меня он своими манерами не привлекал никогда. Образованной чушью. Этим лощеным фасадом, который их научают на себя напускать.

Подойдя к шкафу, он достал из него куртку. Такое, пусть не регулярно, а лишь время от времени, находило на него и в прошлом. Выйдя на улицу, он запер входную дверь (плохо будет, если у нее не окажется при себе ключей) и уселся в припаркованную у дома машину. Минуту спустя он уже ехал по темной улице, направляясь в сторону Сан–Пабло и своей мастерской.

Вот чему должны бы учить в колледже, думал он. Давать знания, позволяющие распознать хорошего человека, когда таковой тебе встретится. Но посмотри на Лидию, очарованную Ван Доре-

[4] Примечания: 4

Чарльз Ван Дорен (р. 1926) — американский писатель и редактор, звезда телевикторин 1950–х гг.; со скандалом ушел из программы «Двадцать один» канала Эн–би–си после того, как в 1959 г. признался комиссии Конгресса США, что получал правильные ответы от менеджмента программы.

ном. И посмотри на Элджера Хисса[5]; посмотри, как все его превозносили, потому что у него такая утонченная внешность, точеное лицо, достоинство, умение себя держать, воспитанность, пусть даже он и был коммунистическим шпионом… даже Стивенсон к нему благоволил. Мы могли бы получить президента, который вручил бы страну тем педикам–гарвардцам из госдепартамента в их полосатых штанах. Единственным, кто видел их насквозь, был старина Джо, и они достали его; они ополчились на него, потому что тот был чересчур уж грубый. Называл вещи своими именами.

Джо Маккарти, подумал он, видел насквозь лжецов и жуликов, заправляющих в обществе. Из–за этого он и умер.

---

[5] Примечания: 5

Элджер Хисс (1904–1996) — высокопоставленный служащий госдепартамента США и генеральный секретарь учредительной конференции Организации объединенных наций; в 1948 г. член Комитета по антиамериканской деятельности Ричард Никсон обвинил Хисса в шпионаже на СССР и добился его осуждения (на основании, как было показано в 1975 г., преимущественно сфабрикованных данных). *Стивенсон,* Эдлай (1900–1965) — американский политик, всегда позиционировавший себя как интеллектуал. Отличался особым красноречием и поддержкой либеральных ценностей в рамках политики Демократической партии. Был губернатором штата Иллинойс, в 1952 и 1956 гг. выдвигался кандидатом в президенты от демократов, но оба раза проиграл выборы республиканцу Дуайту Эйзенхауэру. Третий раз пытался выдвинуться в президенты в 1960 г., но проиграл на предварительных выборах Джону Кеннеди. *Маккарти,* Джозеф (1908–1957) — сенатор от штата Висконсин, радикальный антикоммунист,

глава сенатского Постоянного подкомитета по расследованиям.

Когда впереди появилась авеню Сан–Пабло с ее огнями, Джим Фергессон свернул к обочине; он замедлил ход машины, но возле своего гаража не остановился. Вместо этого он проехал еще квартал и остановился у красной неоновой вывески: «Клуб Динь–Дон». В этот бар он приезжал, когда у него возникало соответствующее настроение.

В баре было очень много народу; когда он открыл дверь, его сразу захлестнул приятный ему гомон. Приятны были запахи людей, добрые теплые запахи; дружелюбие, смех, разгул жизни — его характерные движения и краски. Он отыскал себе местечко у стойки и заказал «бурджи».

Среди посетителей имелось даже несколько женщин. В большинстве, однако, пожилых. С первого взгляда было ясно, что они крикуньи и уродки. Он отвернулся.

Недалеко от входа высокий негр лет тридцати пяти, в пальто и коричневом свитере, надувал воздушный шарик. На полу рядом с ним, высунув язык, тяжело и часто дышал упитанный черно–белый спаниель. Все, казалось, смотрели на пса. Негр надувал шарик, и тот становился все больше; люди вокруг выкрикивали разные предложения.

Что это? — полюбопытствовал Фергессон. Он

повернулся, чтобы посмотреть.

Пес, тяжело дыша, уселся на задние лапы. Он не сводил глаз с шарика, который теперь был размером с арбуз. Шарик был красным. Негр, смеясь, отвел его ото рта и утер губы тыльной стороной ладони. Смех мешал ему надувать дальше.

— Слышь, — сказал кто–то из его приятелей, протягивая руку. — Дай–ка его мне.

— Нет, я сам надую; ему больше нравится, когда надуваю я.

Он снова стал дуть, шарик распухал, собака смотрела. Внезапно плечи негра затряслись, и он выронил шарик. Тот с шипением устремился прочь. Множество ладоней хлопали по нему, когда он скакал по полу. Пес заскулил и бросился за шариком, потом повернул обратно. Его округлое туловище подергивалось. Прислонившись к стене, негр беззвучно смеялся, а его друзья шарили меж столов и стульев в поисках опустевшего шарика.

— У меня еще есть, — сказал негр, сунув руку в карман пальто. Оттуда, словно пальцы перчаток, показались шарики. — Ух ты, — изумился он, — да у меня здесь все шарики на свете; бросьте тот, он грязный.

На этот раз он стал надувать желтый шарик.

Пес делал глотательные движения и то высовывал, то прятал язык. Странно, подумал Фергессон, а собаке–то что здесь нужно? Он подумал о своей собственной собаке, погибшей под колесами машины клиента. Та собака спала у него в мастерской, под машинами, которые он ремонтировал. Теперь прошло уже несколько лет.

Желтый шарик был полностью надут, и негр завязал его горловину. Пес, встав на ноги, алчно скулил, поднимая и опуская голову.

— Бросай ему шарик, — настаивала какая–то женщина. — Не заставляй его ждать.

— Давай, — сказал еще один из–за стола.

— Да не тяни ты, бросай.

Негр, высоко подняв шарик, позволил ему упасть. Пес поймал его носом и боднул. Шарик поднялся и перелетел через стол. Пес последовал за ним и снова его боднул; шарик взлетал и падал, а пес все время держался под ним. Люди расступались, чтобы дать ему дорогу. Пес с открытым ртом скакал по кругу, будто его упитанное тело было деталью цевочного зацепления, приводящего его во вращение. Он не видел ничего, кроме шарика, а когда на кого–нибудь натыкался, тот отодвигался, чтобы пес мог бежать дальше.

— Эй, эту собаку надо поместить в психиат-

рическую лечебницу, — обратился Фергессон к соседу по стойке.

Он начал смеяться. Он смеялся, пока не почувствовал, что из глаз у него льются слезы; откинувшись к стойке, он повизгивал от смеха. Пес метался между стульями и ногами людей, прыгая на шарик, ударяя его, вновь и вновь поднимая его в воздух, а потом, возбужденный, куснул его — и шарик лопнул.

— Тяф! — пропыхтел пес и остановился как вкопанный.

Глаза у него помутнели, он сел, хватая воздух огромными грубыми глотками. Казалось, у него голова идет кругом. Лоскуты, оставшиеся от шарика, собрал с пола молодой цветной парень в пурпурной рубашке — он осмотрел их, а потом спрятал в карман своей спортивной куртки.

— Господи, — сказал Фергессон, вытирая глаза. Пес устроился отдыхать, а негр опять надувал шарик. На этот раз голубой. — Сейчас снова побежит, — сказал он соседу по стойке, который тоже смотрел с ухмылкой на эту сцену. — Он что, так и бегает весь вечер? Не устает?

— Хватит, — сказал негр, выпуская воздух из шарика.

— Нет, давай еще, — потребовала женщина.

— Еще разок, — сказал кто–то у стойки.

— Он слишком устал, — сказал хозяин пса, засовывая шарик обратно в карман. — Позже, может быть.

— Ничего не понимаю. Какой прок от этого псу? — сказал Фергессон, обращаясь к соседу по стойке.

Тот, продолжая ухмыляться, помотал головой.

— Это против природы, — сказал Фергессон. — Извращение какое–то. Наверное, он ни о чем, кроме шариков, не думает, что днем, что ночью. Ни о чем, кроме шариков.

— Хуже, чем некоторые люди, — сказал сосед по стойке.

— У животных нет разума, — сказал Фергессон. — Не знают, когда надо остановиться. Ими завладевает какая–то идея, и все. Они никогда с ней не расстаются.

— Инстинкт, — сказал сосед по стойке.

Хозяин пса, высокий негр, переходил от стола к столу с открытой сигарной коробкой. Наклоняясь, он говорил с посетителями, и некоторые из них бросали в коробку монеты. Он достиг стойки.

— Для моего пса, — сказал он. — Он хочет поступить в колледж и изучать торговое дело.

Фергессон положил в коробку десятицентовик.

— Как его зовут? — спросил он. Но негр уже отошел.

— Этот цветной парень, — сказал сосед Фергессона по стойке, — наверное, дрессирует своего пса для телевидения. Там все время показывают какие–нибудь собачьи представления.

— Это раньше, — сказал Фергессон. — Теперь очень редко. Теперь у них в основном вестерны, для детей. Я, само собой, не могу их смотреть.

— Думаешь, если бы ты увидел этого пса по телевизору, как он гоняется за шариком, то смеялся бы?

— Конечно, смеялся бы, — сказал Фергессон. — Не видел, что ли, как я только что смеялся? Очень даже сильно. Это именно то, что я хотел бы видеть по телевизору, по–настоящему забавное зрелище.

— Не думаю, чтобы это было забавным по телевидению, — сказал сосед, — на этом малюсеньком экране.

— У меня экран в двадцать шесть дюймов, — сказал Фергессон.

Он решил не обращать больше внимания на этого типа; потягивая пиво, стал смотреть в другую сторону.

Там, в отдельной кабинке, сидел Эл Миллер.

Со своей женой Джули. И с ними был этот негр в пальто, хозяин пса; негр разговаривал с ними, и всем троим, похоже, было очень весело, все были совершенно дружелюбны.

По тому, как Эл жестикулировал, Джим Фергессон внезапно осознал, что тот упился в дым.

Впервые он наблюдал Эла по–настоящему пьяным. Время от времени он видел, как тот выпивает рюмку–другую, например, когда они приходили к Фергессонам на обед; тогда у него тоже нарушилась координация, но совсем не так, как сейчас. На этот раз все было взаправду, и старик хихикнул. Он повернулся так, чтобы смотреть туда прямо. Значит, даже угрюмый Эл, который вечно ходит сгорбившись, никогда не шутит и не смеется, разве что саркастически, — даже он порой позволяет себе отпустить удила. В конце концов, подумал старик, этому парню не чуждо ничто человеческое. Может, мне стоит подойти и присоединиться к нему, подумал ой. Как насчет этого?

Наблюдая за ними, он понял, что Эл пытается купить у негра его пса. Он предлагал ему чек, который положил перед собой и заполнял своей авторучкой. Джули пыталась отобрать у него чек, она отрицательно мотала головой, хмурилась

и обращалась то к одному из них, то к другому. Одну руку она положила на плечо Элу, а другую — на плечо негра.

Старику это показалось забавным, настолько забавным, что он снова стал смеяться; к глазам его снова подступили слезы. Он поставил свою выпивку и поднялся на ноги. Сложив руки рупором у рта, крикнул, стараясь перекрыть шум, царивший в баре:

— Эй, Эл, этот бизнес как раз по тебе!

Не похоже было, чтобы Эл его услышал; деловые переговоры продолжались, и оба мужчины выглядели поглощенными ими. Так что он крикнул снова.

На этот раз Эл поднял взгляд. На нем не было очков, а волосы свисали до самых глаз. Без очков его глаза выглядели слабыми, лишенными фокусировки; он поглазел туда и сюда полуслепым взглядом, а затем вернулся к торгам. Размашисто и неестественно двигая пальцами, он разорвал чек, разбросал клочки, достал бумажник и начал выписывать новый чек вместо старого.

Старик, хихикая, повернулся обратно к стойке и взял свое пиво. Что за бизнес для Эла Миллера, думал он. Идеальный бизнес. Пес, тычущий носом цветные шарики в барах; а Эл мог бы ходить

вслед за ним со шляпой в руках. Значит, подумал он, пес может пойти в колледж вместо Эла.

— Эй! — крикнул он, снова поворачиваясь. Но его голос затерялся в общем шуме. — Он может ходить в колледж вместо тебя и получить ту самую степень.

На этот раз Эл его услышал; он увидел старика и приветственно помахал ему рукой.

Соскользнув со своего места у стойки, старик стал осторожно пробираться через толпу народа, направляясь к кабинке. Расслышать что–либо и впрямь было трудно; даже достигнув кабинки, он не мог разобрать слов Эла. Держась рукой за стенку кабинки, он наклонился, приблизив свое лицо к лицу Эла.

— Я тебя не расслышал! — крикнул Эл.

— Отправь этого пса в колледж! — сказал старик, хихикая над тем, что говорит, над тем, что придумал. — Вместо себя! — Он подмигнул Джули, но та смотрела мимо него.

Эл сказал:

— Черт, я покупаю его, чтобы его убить. Ненавижу эту проклятую тварь. Он омерзителен.

— Вот так–так, — сказал старик, продолжая смеяться. Он топтался рядом с ними какое–то время, но никто не обращал на него внимания;

они были слишком увлечены своей сделкой.

— Это Тути Дулитл, — вскоре сказал Эл, представляя ему негра, который на мгновение поднял взгляд и сдержанно кивнул. — Мой родственник.

Старик что–то пробормотал, но руки не протянул.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал он.

Они не пригласили его присесть. Теперь его смех улетучился. Все это не казалось таким уж забавным, и он чувствовал усталость. Мне еще надо пойти в мастерскую и поработать, вспомнил он. Нечего мне здесь торчать, да и какого черта, если они не предложили мне сесть.

— Пока, — сказал он.

Эл кивнул, и старик пошел прочь.

Я все равно не стал бы садиться, подумал он, толкая дверь и ступая на холодный тротуар. Когда он шагал к своей припаркованной машине, его овевал свежий воздух. Он сделал несколько глубоких вдохов, и голова у него сразу же прояснилась. Черт, подумал он, когда это я садился с неграми?

Он завел машину и, проехав квартал или около того, остановился у своего гаража.

Вскоре он лежал под «Студебеккером», один в сыром полуосвещенном здании, где тишину

нарушало только радио на полке. Что такое я здесь делаю, подумал он, начиная снимать поддон картера. Лежа на спине, под машиной… один в мастерской, и никто даже не знает, где я. Для чего все это?

Но он продолжал откручивать болты. Трудясь на износ. Это чтобы тот парень смог забрать свою машину завтра? — спросил он у самого себя. Чувство долга по отношению к моим старым клиентам? Может, и так. Он не знал. Знал он только одно: у него не было другого места, куда бы он мог пойти, где бы мог находиться. Фактически никакого вопроса и не было, потому что он явился сюда непреднамеренно: он приехал сюда потому, что всегда сюда приезжал. Когда нечего было смотреть по телевизору, или когда Лидии не было дома и не с кем было поговорить, или когда в клубе «Динь–Дон» было довольно–таки скучно.

Поработаю с часок, решил он. А потом позвоню домой, проверю, вернулась ли Лидия. Много времени эта работа не займет.

Глава 4

Элу Миллеру казалось совершенно очевидным, что вскоре ему придется распроститься со своей стоянкой. Его участком завладеют с какой–нибудь грандиозной целью: новый хозяин снесет автомастерскую и воздвигнет супермаркет, или мебельный салон, или многоквартирный дом. Уже несколько лет в Окленде и Беркли действовали по такому шаблону. Сносили старые здания, даже церкви. Уж если старые церкви пускали под снос, то, конечно, не миновать этого и мастерской Фергессона. И «Распродаже машин Эла».

В подавленном настроении поехал он на следующий день по Сан–Пабло в риелторскую контору, к женщине, с которой имел дело в прошлом. Миссис Лейн была негритянка: он познакомился с ней через Дулитлов. Это она раздобыла для миссис Дулитл несколько ее доходных домов. Она специализировалась на недвижимости в не предназначенной только для белых — и, добавил он мысленно, захудалой — части Окленда. Он понимал, что не может рассчитывать на нечто лучшее. Чем была стоянка для подержанных автомобилей, как не олицетворением той части

Окленда, что не «только для белых»?

С такими мыслями он вошел в «Недвижимость Лейн» и приблизился к лакированному дубовому прилавку. Справа от него, на столе, располагался горшок с каучуконосом, повязанным шафрановым бантом. Рядом с горшком лежала стопка газет «Сатердей ивнинг пост» и стояла пепельница. Все оборудование конторы составляли письменный стол, пишущая машинка и висевшая на стене карта Ист–Бэя. Миссис Лейн сидела за столом и печатала, но, как только заметила его, встала и подошла, улыбаясь, к прилавку.

— Доброе утро, мистер Миллер, — сказала она.

— Доброе, — сказал он.

— Чем могу вам помочь?

У миссис Лейн был низкий бархатистый голос. Она была одета в черное платье, а на пальце у нее красовалось большое золотое кольцо. Волосы у нее были зачесаны кверху, и на лице было много косметики; она, как всегда, выглядела очень впечатляюще. Ей, по его прикидкам, было около сорока пяти или пятидесяти лет. Она могла бы быть успешной администраторшей или клубной активисткой где угодно, подумал он, если бы, конечно, не была цветной. И если бы еще не то обстоятельство, что, улыбаясь, она обнаруживала

большие золотые коронки на передних зубах: тоже, как и кольцо, — драгоценности, на левой из которых была выгравирована бубна, а на правой — трефа.

— Я ищу новое место, — сказал Эл.

— Понимаю, — сказала миссис Лейн. — На Сан–Пабло? У меня есть участок на Телеграфной авеню.

Она окинула его изучающим взглядом, желая разобраться, чего он хочет.

— Мне все равно, где это, — сказал Эл. — Лишь бы место было хорошим.

Он не мог придумать, как лучше изъяснить свою мысль; напрягал мозг, но более вразумительного выражения не находил. Женщина сочувственно ему улыбнулась; она, вне всякого сомнения, хотела ему помочь. Ее работа в этом и состояла. И она вкладывала в свою работу всю душу. Он это чувствовал.

— Думаю, вы не хотите заходить слишком уж высоко, — сказала миссис Лейн. — В отношении стоимости аренды.

— Так и есть, — согласился он.

— Я могла бы отвезти вас к тому участку на Телеграфной, — сказала миссис Лейн. — Чтобы вы на него взглянули.

— Он мне не нужен сию же минуту, — сказал он. — У меня около двух месяцев. Спешить не надо. Я хочу быть уверенным, что беру что–то подобающее.

— Да, это важно, — согласилась миссис Лейн.

— Бизнес с подержанными машинами приносит не очень–то большой доход, — сказал он.

— Должно быть, он похож на бизнес с недвижимостью, — сказала миссис Лейн, улыбнувшись.

Может, и так, подумал Эл. Мы с ней в одной лодке. Или, может, я обхожусь с тобой несправедливо, помещая тебя рядом с собой? Такую привлекательную женщину, как ты. Кем бы ты была, если бы родилась белой? Председательницей местного отделения Республиканской партии? Женой какого–нибудь промышленника? А кем был бы я, если бы родился негром? Просто ничтожеством. Еще одним ничтожеством без каких–либо перспектив.

— Мистер Миллер, — сказала миссис Лейн своим глубоким бархатистым голосом, — вы сегодня выглядите таким печальным…

— Так и есть, — подтвердил он.

— Не печальтесь, — сказала она. — Взгляните на яркую сторону. — Она отступила к своему письменному столу и достала из выдвижного

ящика связку автомобильных ключей. — Почему бы мне не отвезти вас к участку, о котором я говорила? Я буду рада вам его показать.

— Может быть, позже, — сказал он.

— Почему не сейчас?

— Не знаю, — сказал он со смирением, слышным ему самому. — Мне надо вернуться на свою стоянку.

— Вы можете упустить хорошую возможность, — сказала она.

— Может, и так, — сказал он, чувствуя себя усталым и подавленным.

— Послушайте, мистер Миллер, — мягко сказала она, опуская на прилавок свои оголенные округлые коричневые руки. — Вам надо действовать, иначе вы проиграете. За годы работы с недвижимостью я научилась одной вещи: если хочешь чего–то добиться, то нужно использовать предоставляющиеся возможности и пошевеливаться. Знаете об этом? — Она ждала ответа, но он ничего не говорил; он смотрел в пол, испытывая опустошенность и неспособность что–либо сказать. — Делай — или тебя сделают. Я имею в виду, вас обставят. Быть энергичным совсем не дурно. — В ее голосе была теплая, нежная терпеливость, он звучал едва ли не наставительно,

по–матерински наставительно. — Вы никому не причиняете вреда. Я думаю, вас именно это смущает: вы боитесь кого–либо в чем–нибудь ущемить. Потому что вы в таком бизнесе, где каждый так или иначе это утверждает.

Он кивнул.

— Я разговаривала с вами раньше, — сказала миссис Лейн, — и отметила и для себя, и для мистера Джонса, который мне здесь помогает. Вы очень подходите для того, чтобы работать с мистером — как, бишь, его? — мистером Фергессоном. Он тоже абсолютно честен. Я отвожу к нему свою машину... — Она осеклась. — Ну, вообще–то у меня имеется свой механик.

Механик–негр, подумал Эл. Она не посмела бы пригнать свою машину к Джиму Фергессону, каким бы честным он ни был. Потому что он, вероятно, не стал бы с ее машиной работать. Может, стал бы, а может, и нет. Но она не может рисковать. Дело того не стоит.

— Могу я показать вам этот участок? — спросила миссис Лейн, поднимая связку ключей.

— Нет, — сказал он. — Как–нибудь в другой раз.

Выйдя из риелторской конторы, он увидел, что она смотрит, как он уходит; она следила за ним,

пока торец здания не скрыл их друг от друга.

Вернувшись, он сказал через порог:

— Может быть, через пару дней. Когда мои планы более определятся.

Миссис Лейн улыбнулась ему. Сочувственно, подумал он. Сочувственно и понимающе. Тогда он снова пошел прочь. Обратно к своей машине.

Она просто хочет что–то мне продать, думал он. Но он знал, что дело здесь в чем–то большем; собственно, совсем и не в этом. В чем же в таком случае? В любви, подумал он. В любви к нему. Крупная и привлекательная деловая негритянка, средних лет и со светлой кожей. Может, хочет меня усыновить. Он чувствовал уныние, но в то же время ему казалось, что от части своего бремени он избавлен. Ему уже не было так плохо, как раньше. Да, подумал он, элегантная женщина, толковая продавщица; уж она–то знает свое дело. Настоящая профессионалка. Я вернусь. Ей это прекрасно известно.

Эта деревенщина, пьяный кретин, старая задница Фергессон, это он довел меня до такого состояния, подумал Эл. До состояния, в котором мне не на кого надеяться, кроме как на какую–нибудь женщину, испытывающую ко мне жалость. Из которого у меня нет иной возможности вы-

браться; у меня нет другого способа выжить, нет своей собственной системы безопасности. Мне приходится взывать к мягким чертам характера какой–то торговки недвижимостью.

Надо было бы, подумал он, изгадить его дело, испохабить его дело бесповоротно; мне следовало бы открыть на том участке публичный дом и опозорить все владение. Мне следовало бы превратить его в… а что, разве он еще не устроил там стоянку для подержанных автомобилей?

Кто взирает на меня с презрением? — спросил он у себя. Каждый? Все без исключения?

Ему не хотелось возвращаться на свой участок. Он завел машину и просто поехал, никуда конкретно не направляясь; он просто ехал, влившись в транспортный поток центральной части Окленда, наслаждаясь чувством вождения. Это был добрый старый «Крайслер», солидный, с обитыми кожей сиденьями. Однако коробка передач не переключалась на задний ход, так что он купил его за семьдесят пять долларов. Но все же это была хорошая машина. Достаточно хорошая для любого разумного человека. Прекрасная шоссейная машина.

На ходу он воображал, как когда–нибудь продаст именно этот автомобиль; он представлял

себе это во всех подробностях, чтобы как–то себя занять.

Когда он вернулся на «Распродажу машин Эла», то увидел, что большая белая дверь мастерской заперта. Старик закрыл заведение, но не ради ленча, потому что «Понтиака» тоже не было. На старомодной картонной вывеске на двери указатели были повернуты так, чтобы можно было прочесть:

БУДУ В 2.30

Припарковавшись среди машин на стоянке, он увидел еще один автомобиль, почти новый «Кадиллак», который последовал за ним и остановился позади него, рядом с другой его машиной, «Шевроле». Он вышел из машины, и то же самое сделал водитель «Кадиллака».

— Здравствуйте, — сказал тот.

Эл захлопнул дверцу «Крайслера» и направился к незнакомцу. Тому было немного за пятьдесят, и он щеголял прекрасно пошитым деловым костюмом, галстуком — узким, из новомодных — и заостренными, итальянского стиля туфлями, которые Эл видел в рекламах и на витринах магазинов в богатых районах. Незнакомец улыбнулся ему. Манеры его казались довольно дружелюбными. Его волнистые седые волосы были несколько

длинноваты, но прекрасно подстрижены. Эл слегка оторопел.

— Здравствуйте, — сказал Эл. — Как дела сегодня? — Это было его стандартным приветствием.

На его стоянке ничто, разумеется, не могло заинтересовать этого хорошо одетого и явно преуспевающего господина, приехавшего на «Кадиллаке» прошлого года. На мгновение Элу стало не по себе; может, думал он, это налоговый агент штата или даже федерального правительства — целый сонм предположений пронесся у него в голове, пока он смотрел на этого человека, сохраняя на лице приветливую улыбку.

А потом он его узнал. Это был один из давних клиентов Фергессона. Очевидно, он пригнал свою машину для починки и обнаружил, что мастерская закрыта.

— Я ищу Джима, — сказал посетитель звучным, внушительным голосом. — Однако вижу, что у него заперта дверь.

Подняв руку, он взглянул на часы, обнаружившиеся радом с серебряной запонкой. Эл смотрел то на часы, то на запонку и чувствовал все растущее, сильнейшее желание: это было то, что он всегда хотел иметь, — хорошие наручные часы, вроде тех, рекламу которых он видел в «Нью–

Йоркере».

— Вероятно, ищет какую–нибудь запчасть, — сказал Эл. — Или, может, у кого–то машина сломалась на дороге. Его вызывают вместо ААА.

— И я знаю почему, — сказал посетитель.

Если бы у меня было хотя бы три хорошие машины, подумал Эл, я мог бы привлекать клиентов вроде этого. Если бы я мог показать что–нибудь приличное… Помрачнев, он сунул руки в карманы, раскачиваясь с пятки на носок и уставившись в землю. Он не мог придумать, что сказать.

— Я приезжаю к нему уже четыре с половиной года, — сказал посетитель. — По всякому поводу, даже ради смазки.

— Он продал мастерскую, — сказал Эл.

Глаза его собеседника расширились.

— Не может быть, — сказал он в смятении.

— Так и есть, — сказал Эл.

Он еще больше помрачнел; говорить было почти невозможно. Поэтому он продолжал раскачиваться взад–вперед.

— Стал слишком стар? — спросил посетитель.

— Вроде у него с сердцем неладно, — пробормотал Эл.

— Что ж, мне, конечно, жаль, — сказал посетитель. — По–настоящему жаль. Это конец целой

эры. Конец старого мастерства.

Эл кивнул.

— Я не был здесь около месяца, — сказал посетитель. — Когда он решился? Должно быть, совсем недавно.

— Так и есть, — сказал Эл.

Мужчина протянул руку; Эл заметил это, вздрогнул, вытащил свою собственную руку и обменялся с ним рукопожатием.

— Меня зовут Харман, — сказал посетитель. — Крис Харман. Бизнес в сфере звукозаписи. Я руковожу фирмой «Пластинки Тича».

— Понятно, — сказал Эл.

— Значит, вы не думаете, что он вернется, — сказал Харман, снова взглянув на часы. — Что ж, я не могу ждать. Скажите ему, что я заезжал. Я позвоню ему по телефону и скажу, как мне жаль, что так вышло. Всего доброго.

Он кивнул Элу и, дружески махнув рукой, снова забрался в свой «Кадиллак», захлопнул дверцу, дал задний ход и через мгновение уже выехал со стоянки и влился в транспортный поток на Сан–Пабло. Вскоре «Кадиллак» пропал из виду.

Через полчаса появился и припарковался «Понтиак» старика. Когда Фергессон вылез из машины, к нему подошел Эл.

— Приезжал твой старый клиент, — сказал он. — Расстроился, узнав, что ты продал мастерскую.

— Кто именно? — спросил Фергессон, отпирая дверь и обеими руками толкая ее вверх. С озабоченным выражением лица он устремился внутрь гаража. — Черт возьми, — сказал он. — Я теперь просто не управляюсь с этой работой, когда приходится вот так отлучаться.

— Харман, — сказал Эл, следуя за ним.

— А, «Кадиллак» пятьдесят восьмого года выпуска. Симпатичный парень с седыми волосами. Около пятидесяти.

— У него цех по производству пластинок или что–то наподобие, — сказал Эл.

Старик включил переноску и потащил длинный резиновый шнур по замасленному полу мастерской к «Студебеккеру», поднятому домкратом.

— Знаешь это кирпичное здание на Двадцать третьей улице, сразу после Бродвея? Там, где размещаются новые автомобильные агентства? Около поворота на Озеро? В общем, он там размещается. Ему принадлежит все здание; все занимает его звукозаписывающая компания. Он делает пластинки. Прессует.

— Да, так он и говорил, — сказал Эл.

Он подождал какое–то время, глядя, как старик ложится на спину на плоскую тележку на роликах; Фергессон умело закатился под «Студебеккер» и возобновил работу.

— Слышь, — сказал старик из–под машины.

Эл наклонился.

— Он делает непристойные пластинки.

При этих словах у Эла по затылку побежали мурашки.

— Этот парень, так хорошо одетый? С такой–то машиной?

Он с трудом мог в это поверить; в его воображении рисовалась совсем другая картина. Тот, кто делает непристойные пластинки… он должен быть приземистым, грязным, неопрятно одетым, возможно, в зеленых очках, с вороватым взглядом, с плохими зубами, грубым голосом, ковыряющий у себя в зубах зубочисткой.

— Не пудри мне мозги, — сказал Эл.

— Это лишь одна из сторон его деятельности, — сказал старик. — Но только между нами, без разглашения.

— Идет, — сказал Эл, заинтересовавшись.

— На них нет названия его фирмы, «Пластинки Тича». На них такая частная маркировка, то есть,

я хочу сказать, вообще никакой маркировки.

— Откуда ты знаешь?

— Он приезжал с год назад. Уже несколько лет он приезжает ко мне чинить свою машину. Привез коробку неприличных пластинок: хотел, чтобы я их продавал.

Эл рассмеялся.

— Не пудри мозги.

— Я… — старик в одно мгновение выкатился из–под машины; лежа на спине, он смотрел на Эла. — Я какое–то время держал у себя эту коробку, но без толку. Там было несколько проспектов. — Он с трудом поднялся на ноги. — Кажется, парочка у меня завалялась. Что–то вроде проспектов с непристойными анекдотами, рекламирующих эти пластинки.

— Хотел бы я взглянуть на них, — сказал Эл. Он последовал за стариком в его офис и стоял, пока Фергессон рылся в переполненных ящиках письменного стола. Наконец он нашел то, что искал, в конверте.

— Вот. — Он передал конверт Элу.

Открыв конверт, Эл обнаружил несколько маленьких глянцевых проспектов, такого размера, чтобы их удобно было положить небольшой стопкой на прилавок. Спереди, под изображени-

ем голой девицы, значились слова «ПЕРЕЧЕНЬ ВЕСЕЛЫХ ПЛАСТИНОК ДЛЯ ЛЕТНИХ ПИРУШЕК (ТОЛЬКО ДЛЯ МУЖЧИН)», а затем, внутри, шел список названий. В самих названиях ничего непристойного не было.

— Это что, песни? — спросил он. — Вроде Рут Уоллис[6]?

— В основном монологи, — сказал старик. — Один я прослушал. Там говорилось о Еве, переходящей через лед; ну, знаешь, из «Хижины дяди Тома».

— И он был непристойным?

— Совершенно непристойным, — сказал старик. — До последнего слова; никогда не слыхал ничего подобного. Его читал какой–то парень. Харман говорил, что это какой–то выдающийся комик, который много пишет — или писал: кажется, он говорил, что тот парень умер, — для всех главных журналов. Какой–то по–настоящему знаменитый парень. Ты бы узнал его имя. Боб

[6] Примечания: 6

Рут Уоллис (1920–2007) — популярная певица кабаре, выступавшая с 1940–х гг.; ее «коньком» были песни, построенные на неприличных намеках.

такой–то[7].

— Ты не помнишь?

— Нет, — сказал Фергессон.

— Чтоб мне провалиться, — сказал Эл. — Никогда раньше не видел типа, который делал бы грязные пластинки. Это же незаконно, да? Такие пластинки?

— Конечно, — сказал старик. — Он делает и много чего другого. Но это все, что я видел, только это, и все. По–моему, он выпускает джаз и даже кое–что из классики. Широкий ассортимент. Несколько линий.

Перевернув проспект, Эл увидел, что там нет адреса. Не указан производитель.

— А я–то подумал, что он банкир, — сказал он. — Или адвокат, или какой–нибудь бизнесмен.

— Он и есть бизнесмен.

Так оно и было. Эл кивнул.

— Загребает кучу денег, — сказал старик. — Ты же видел его машину.

— У многих, кто ездит на «Кадиллаках», — сказал Эл, — на самом деле в кармане ни гроша.

---

[7] Примечания: 7

Вероятно, имеется в виду Рэймонд Найт (1899–1953), писавший, в частности, для популярного в начале 1950–х гг. комического дуэта «Боб и Рэй» (Боб Элиот, Рэй Гулдинг); после смерти Найта Боб Элиот (р. 1923) женился на его вдове, Ли.

— Тебе бы взглянуть на его дом. Я видел: я как–то раз его провожал. Дом у него в Пьемонте[8]. Практически дворец. Повсюду вокруг — деревья и живые изгороди. И кованые железные ворота. С торца дом увит плющом. А жена выглядит по–настоящему классно. У него, по крайней мере, еще одна машина имеется. Спортивный «Мерседес–Бенц».

— Может, дом не оплачен, — предположил Эл. — Может, у него на дом нет почти никаких прав. Но вот одеваться он умеет, это я признаю.

— И все же он бывал здесь, — сказал старик, — стоял и говорил со мной, и ничуть не задавался; не боялся за свой прекрасный костюм и зашел внутрь.

— У некоторых парней это получается, — сказал Эл. — У настоящих джентльменов. Тактичность. Это свойство настоящего аристократа. — Однако, подумал он, такого рода профессию он никогда бы не связал с принадлежностью к аристократии. — Надеюсь, мы говорим об одном и том же парне, — сказал он.

— Спроси у него самого, когда он приедет в

---

[8] Примечания: 8

Дому него в Пьемонте. — Имеется в виду Пьемонт не в Италии, а в Калифорнии. Также свои Пьемонты есть в штатах Миссури, Алабама, Огайо, Южная Дакота, Канзас и Оклахома.

следующий раз, — сказал старик. — Он, скорее всего, вернется, если ему надо что–то сделать с машиной. Спроси у него, продает ли он пластинки для вечеринок.

— Может, и спрошу, — сказал Эл.

— Он подтвердит тебе это прямо в лицо, — сказал старик. — Он этого не стыдится. Это бизнес. Не хуже любого другого.

— Ну, это вряд ли, — сказал Эл. — Вряд ли не хуже любого другого, если принять во внимание, что он незаконен. Ты, наверное, мог бы засадить этого парня в тюрьму, зная то, что ты знаешь. Лучше никому об этом не говори; надеюсь, ты не рассказываешь об этом каждому встречному. Он просил об этом молчать?

Фергессон, лицо у которого вспыхнуло, сказал:

— Я никогда никому ничего не говорил, кроме тебя. А теперь жалею, что сказал тебе. Убирайся с глаз долой.

С этими словами он снова закатился под «Студебеккер» и продолжил работу.

— Без обид, — сказал Эл.

Он вышел из мастерской на яркий солнечный свет. Я мог бы его шантажировать, подумал он. Эта мысль с быстротой молнии пронеслась через его сознание, сметая прочь все остальное и заста-

вив его вздрогнуть.

Очевидно, Харман не делает больше непристойных пластинок; это нечто из его прошлого. Вероятно, в те дни он не был богатым, хорошо одетым, светским. Может, он тогда только начинал, ничего еще не достигнув. Это был тот отрезок его жизни, который он навсегда хотел бы скрыть от посторонних глаз.

Думая об этом, он почувствовал, что становится холодным, а потом даже еще холоднее; заметил, как на мгновение у него перестало биться сердце. Это и впрямь обращало занятие шантажом в нечто более благовидное.

Черта с два он мне скажет об этом в лицо, подумал он. Если Харман узнает, что мне все известно, он, наверное, почернеет и грохнется в обморок.

Сколачивание денег путем шантажа — это было совершенно новой идеей. Что там говорила ему миссис Лейн? Какую–то чертовщину о том, что нужно действовать, иначе упустишь шанс. Может быть, подумал он, она пророчица. Как это еще называется? Ясновидящая. Ворожея.

Это представлялось идеальной возможностью для бизнеса.

Это не требовало никакого капитала. Никаких фондов. Никаких инвестиций. Ни даже рекламы

и визитных карточек. Ни налоговых льгот.

Но шантаж — дурное дело. Однако такое же дурное дело и бизнес с подержанными автомобилями. Все это знают. Нет ничего ниже, чем продавать подержанные машины, а он занимается этим уже годы. Что более дурно — шантажировать производителя непристойных пластинок или торговать подержанными автомобилями? Трудно сказать.

Сидя за своим письменным столом в домике посреди стоянки, он увидел, как подъехал к обочине старый коричневый «Кадиллак». Из него вышла крупная цветная женщина в матерчатой куртке. Она пошла к нему, улыбаясь, и он узнал в ней миссис Лейн.

Поднявшись, он вышел ей навстречу.

— Как поживаете, мистер Миллер? — сказала она приятным и все же вроде бы слегка насмешливым голосом. — Как у вас дела? Кажется, я видела вас не более часа назад — и вот, явилась с визитом.

Ее улыбка стала еще шире.

— Входите, — сказал он, держа дверь своего офиса открытой.

— Спасибо. — Она вошла и стояла, пока он освобождал для нее стул. — Спасибо, — повторила

она и уселась, положив ногу на ногу и оправив юбку. — Мистер Миллер, — сказала она, когда он тоже уселся, — вы ведь говорили со мной об участке? Для вашего бизнеса по распродаже подержанных автомобилей? — Она нахмурилась словно бы в глубокой задумчивости. — Я кое–кому позвонила и приехала к вам со списком нескольких участков, один из которых вас, наверное, особо заинтересует. Он идеально подходит для продажи подержанных машин, хотя до сих пор не использовался в этом качестве. — Ее голос, мягкий, грудной, обволакивал его, словно облако; Эл сидел и слушал, отдаваясь этому процессу.

Снаружи какой–то прохожий остановился, чтобы осмотреть одну из машин. Но Эл не шелохнулся, он неподвижно сидел на стуле.

— Этот участок, — говорила миссис Лейн, — находится в центре Окленда, за Десятой улицей. В настоящем деловом районе, где не так уж много участков. Я имею в виду, он не входит в ряд стоянок для подержанных автомобилей.

— Понимаю, — сказал он. А потом, выпрямившись на стуле, добавил: — Я вам вот что скажу: я тут обдумывал совершенно иное направление бизнеса. Новую возможность для бизнеса, открывшуюся мне уже после того, как я с вами

разговаривал.

С сомнением глянув на него, она уточнила:

— Вы имеете в виду, после того, как мы виделись? Час назад, когда вы были у меня в офисе?

— Да, — сказал он.

Какое–то время она его разглядывала. Потом сказала:

— Боже мой…

— Это совсем другое направление, — сказал он. — Я как раз сидел и обдумывал его.

— Вы еще не приняли решения, — сказала она. — Окончательного.

— Не принял, — признался он.

— Мистер Миллер, — начала она, — я не имею ни малейшего понятия, о каком таком новом направлении вы толкуете. Знаю, однако, что вы можете взяться за него и добиться классных результатов; это я понимаю. Но я таки обращаю ваше внимание, что продажа подержанных автомобилей — это то, чем вы какое–то время занимались, и, по–моему, это, вне всякого сомнения, и есть та профессия, которую вы выбрали. — Она осеклась; теперь она не выглядела уверенной; казалось, она пытается прощупать его, что–то из него вытянуть. Было очевидно, что упоминание о новой возможности для бизнеса сбило ее с толку.

Она продолжила: — Мне бы хотелось отвезти вас к упомянутому участку, если вы мне позволите. Для меня это предложение всегда останется в силе. Я всегда буду готова это сделать.

— Понимаю, — сказал он. — Спасибо.

Она посмотрела на него с выражением, которое можно было счесть едва ли не встревоженным, и сказала:

— Вы себя ничем не свяжете. Уж это точно, мистер Миллер. — Открыв сумочку, она принялась в ней рыться. — Я хочу, чтобы вы выбрали самое правильное. Очень многие люди на этой стадии поступают неправильно. При переезде. Это ведь такое большое дело. Они не знают, как с ним управиться, и беспокоятся; у них возникают дурные пред–чув–ствия. — Последнее слово далось ей с трудом.

— Полагаю, они бросаются на первое, что подвернется, — услышал он собственный голос.

Но это было не более чем поверхностным замечанием; по–настоящему его теперь это не заботило. Он по–прежнему думал о Хармане.

— От такого рода решения зависит вся ваша жизнь, — сказала миссис Лейн. — Я всегда говорю это своим клиентам. Они этого не понимают, несмотря даже на то, что расхлебывать это в

грядущие годы придется им самим. Я в этом отношении знаю о них больше: повидала это за почти четырнадцать лет, как являюсь официальным брокером по недвижимости в штате Калифорния. Сейчас многие приобретают с моей помощью какую–нибудь собственность, рассматривая это как способ заработать деньги или сделать инвестицию… и это изменяет их жизни. Они становятся не такими, как прежде. Я могла бы приводить вам примеры один за другим, но знаю, что вы, мистер Миллер, в высшей мере умный человек, и поэтому мне нет необходимости вдаваться в подробности. Просто подумайте о том, как вы познакомились с мистером Фергессоном и как это сделало вас другим человеком.

Голос у нее был негромким и серьезным, он совсем не походил на голос продавщицы; он как бы вновь очутился в ее офисе, слушая ее материнские увещевания или что там она ему преподносила. Чем бы это ни было, оно не имело никакого отношения к общепринятым деловым переговорам, цо крайней мере, к тем, которые он видел между белыми.

— Полагаю, вы правы, — сумел он выдавить из себя, чувствуя сонливость и с трудом удерживая глаза открытыми.

Миссис Лейн закрыла свою сумочку, но продолжала вертикально держать ее у себя на коленях обеими своими большими и до странности светлыми руками. Какие необычные у нее кисти, заметил Эл Миллер. Почти как у мужчины. Они, казалось, разбираются во всем, как будто в них задействованы все возможные мышцы и сухожилия, требуемые для того или иного умения. Как будто ее кисти везде побывали, все испробовали. И какие же они морщинистые. Во всем остальном она была гладкой; у нее была плоть, кожа молодой девушки. Теперь она сняла куртку. Он снова обратил внимание на ее оголенные руки. Она вроде бы даже и не потела. Удивительно, подумал он. И, вернувшись к кистям… по текстуре, цвету, размеру они не вязались со всем остальным. Кисти поступили к ней на службу, решил он. Ладони у нее были едва ли не розоватыми. Кожа там, подумал он, очень толстая, почти как выделанная кожа теленка. И очень сухая.

Изучая его своими большими дымчатыми глазами, она сказала:

— Вижу, здесь побывал кто–то из тех, кого я знаю. Возможно, вы в своем офисе испытываете те же самое, что и я в своем; вы можете обозревать улицу и, когда никто к вам не приходит,

смотреть на нее просто из любопытства. Не мистер ли Харман заезжал сюда недавно в своем «купе–девилль», после нашего с вами разговора?

Услышав это, он кивнул.

— Я его знаю, — сказала миссис Лейн. — Позвольте вас спросить… — Прерывающимся, озабоченным голосом она сказала: — Не с ним вы собираетесь испробовать новую возможность для бизнеса?

Эл Миллер издал звук, который нельзя было истолковать ни как «да», ни как «нет». Теперь он полностью пробудился. Значит, миссис Лейн знает Хармана; это его оживило и заинтересовало. Не забывал он и об осторожности.

— Из вашего тона я заключаю, — сказала она, — что вы разговаривали с мистером Харманом и именно его имели в виду, когда сказали, что вам представилась новая деловая возможность после того, как вы виделись со мной в моем офисе. Что ж, хочу вам кое–что сказать. — Теперь, показалось ему, она выглядела по–настоящему немного испуганной. Она облизнула губы, помедлила, стиснула свою сумку обеими руками и поерзала на стуле. — Стул у вас какой–то маленький, — сказала она.

— Так и есть, — согласился он.

— Я знаю его, — сказала она, — где–то около пяти лет. Естественно, я много чего слышу. Это мой бизнес. Он все время обращается к моему бизнесу, бизнесу с недвижимостью. Купля–продажа, как говорится. Занимается многими вещами. Мастер на все руки, что называется.

— Понимаю, — сказал Эл.

— У него много… — Она остановилась. Потом, с неожиданной широкой улыбкой, показывающей ее украшенные золотом передние зубы, продолжила: — В общем, он не такой, как вы, мистер Миллер; я хочу сказать, его не тревожит, причиняет ли он миру зло.

Эл кивнул. Ее тон перестал быть мягким; в него проникли прямота и удивительная резкость. Харман ей и впрямь не по душе, осознал он. Ее чувства вышли наружу, потому что она не была лицемеркой. Она не могла притворяться, что ей кто–то нравится, если он ей не нравился.

— Вы считаете, — сказал он, — что мне следует держаться подальше от этого Хармана?

Теперь ее улыбка смягчилась, стала более задумчивой.

— Ну, — медленно проговорила она, — это, конечно, ваше дело. Может быть, вы знаете его лучше, чем я.

— Нет, — сказал он.

— Я думаю, что вы честный человек, а он нет.

Она смотрела на него со спокойствием во взгляде. И все же за этим спокойствием скрывалось волнение. Это ведь так трудно, подумал он, для негритянки. Сидеть здесь с белым мужчиной и в нелестных выражениях обсуждать другого белого мужчину; того и гляди, на нее ополчатся. Я могу оборвать ее, могу ее выставить. Но боится она не совсем этого; больше похоже на то, что она боится, как бы я не перестал обращать внимание на ее слова. Как бы не закоснел в своих расовых предрассудках и не проигнорировал все, что она сказала.

— Я знаю, что вы близко к сердцу принимаете мои интересы, — сказал он, но, хотя именно это он и имел в виду, слова прозвучали фальшиво. Просто фраза.

Она подняла и опустила голову: поделенный на части кивок.

— Я буду действовать осторожно, — сказал он.

Глава 5

Спустя недолгое время Джим Фергессон, лежавший на полу своей мастерской под «Бьюиком», услышал, как неподалеку остановилась, подъехав, какая–то машина. Судя по звуку, машина была новой. Он выкатился и увидел перед собой радиаторную решетку почти нового «Кадиллака». Дверца уже была открыта, и наружу выбирался мужчина в деловом костюме и сияющих туфлях.

— Приветствую вас, мистер Харман, — сказал старик, садясь на своей тележке. — Вижу, вы вернулись. Я отлучался, когда вы приезжали в прошлый раз. С вашим автомобилем ничего серьезного, не так ли? Этот же «Кадиллак» ваш почти новый?

Он нервно рассмеялся, потому что ему ни в коей мере не хотелось иметь дело с машиной Хармана; у него не было ни инструментов для машины такого рода, ни опыта работы с нею, этой новой дорогой машиной, с ее неисчислимыми вспомогательными механизмами и аксессуарами.

Харман, улыбаясь, сказал:

— У каждой машины есть свои тараканы, Джим. Как вы мне всегда говорите.

— Это, конечно, правда, — сказал Фергессон.

— Ничего серьезного, — сказал Харман. — Ее надо только смазать.

— Хорошо, — с облегчением сказал Фергессон.

— Джим, вы, говорят, закрываете свое дело, — сказал Харман.

— Пора отдохнуть, — сказал старик.

— Навсегда?

— Мастерская продана.

— Понимаю, — сказал Харман.

— Слушайте, — сказал старик, порываясь было положить руку Харману на плечо, но затем быстро одумался и начал вытирать тряпкой свои замасленные руки. — В городе есть пара приличных мастерских; вам не стоит беспокоиться. Я знаю пару хороших механиков, которым можно доверять. В наши дни, с этими чертовыми профсоюзами…

— Да, — перебил его Харман. — Предпринимателям приходится нанимать людей, которых присылают профсоюзы. Независимо от того, компетентны они или нет.

— Мы оба занимаемся бизнесом, — сказал Фергессон. — Вы знаете, что к чему.

— Получаешь работничков, — сказал Харман, — которые только слоняются вокруг и

совершенно ничего не делают. А когда пытаешься их уволить... — Он закончил свою фразу выразительным жестом.

— Это оказывается невозможным, — сказал Фергессон.

— Противозаконным.

— И потому невозможно получить никого, кроме дворников, как в дни рузвельтовского Управления общественных работ[9]. Социализм, да и только.

Старик чувствовал возбуждение, нечто вроде неистовства. До чего же приятно стоять вот так с этим своим хорошо одетым клиентом, мистером Харманом, который ездит на «Кадиллаке» 1958 года выпуска, и разговаривать с ним на равных, как бизнесмен с бизнесменом. Вот в этом и было дело: они были на равных. Его руки бешено заметались, тряпка выскользнула, и он взбрыкнул ногой, стряхивая ее с обшлага брючины.

— Я долгое время занимаюсь бизнесом, — сказал он. — И посмотрите, что сотворили со мной налоги. Это часть их системы — отвратить человека от того, чтобы всю свою жизнь посвящать

---

[9] Примечания: 9

Управление общественных работ (Works Project Administration, WPA) — федеральное ведомство, созданное в 1935 г. администрацией Ф. Д. Рузвельта для облегчения положения безработных.

работе, потому как что он получает, когда все сделает? Подоходный налог. — Он сплюнул на пол.

— Да, — сказал Харман своим хорошо поставленным спокойным голосом. — Подоходный налог определенно входит в их схему дележки благосостояния.

— Они навязали ее Америке, — сказал старик. — Во времена правления Франклина Рузвельта. Всякий раз я думаю об этом Рузвельте — и о его сыне, полковнике.

С мягкой, добродушной улыбкой Харман сказал:

— Это меня просто поражает. Думать об Элиоте как о полковнике[10].

— Я вас задерживаю, — сказал старик.

— Нисколько, — возразил Харман.

— У вас много дел, да и у меня тоже. Говорю вам, Харман, нам обоим слишком много надо сделать. Единственное различие между вами и мной — это то, что у вас есть жизненные силы и молодость, чтобы со всем управиться, а у меня их

---

[10] Примечания: 10

Элиот Рузвельт (1910–1990) — во Вторую мировую войну командовал подразделением фоторазведывательной авиации; впоследствии занимался различным бизнесом — владел радиостанцией, разводил лошадей и др. Был одним из главных действующих лиц разразившегося в 1947 г. скандала с махинациями при заказе американскими ВВС разведывательного самолета XF–11 у компании Говарда Хьюза.

нет. Я изнурен. Правду вам говорю: мне крышка.

— Черт, да нет же, — сказал Харман.

— Это факт.

— Почему? Боже, когда я вошел…

— Ну конечно, я лежал под тем «Бьюиком». Но послушайте. — Старик придвинулся к Харману так близко, как только было возможно, чтобы не испачкать того маслом, и тихо проговорил: — Однажды, когда я буду под ним лежать, знаете что произойдет? У меня случится сердечный приступ, и я умру. — Он отступил. — Вот почему мне надо выбраться отсюда.

— Вместе со всей вашей сноровкой, — сказал Харман.

— Печально, конечно, — согласился старик. — Но я должен слушаться Фратта; это его дело. Я обращаюсь к специалистам. Я не доктор. Мне известно только одно — уже много лет я страдал диспепсией, а когда я отправился к Фратту, он сначала ничего у меня не нашел, но потом измерил мне кровяное давление.

Он сказал Харману, какое у него было давление. Цифры были ужасны, и он увидел, как это отразилось на лице у Хармана.

— Досадно, Джим, — сказал Харман.

— Но если спокойней отнестись к этому — а

мне не очень–то улыбается торчать без дела дома — и найти себе какую–нибудь работу, не требующую такого напряжения… Поднятия всех этих тяжестей… — Он умолк.

— Вы никогда не думали кого–нибудь нанять? — спросил Харман. — Кто бы делал тяжелую работу?

— Никогда не находил никого, на кого можно было бы положиться.

— Вы обсуждали это со своим брокером?

— С Мэттом Пестевридсом?

— Со своим адвокатом, — сказал Харман. — Или риелтором. С кем вы говорили о проблемах своего бизнеса? С кем консультировалась, прежде чем продать помещение?

Старик молчал.

— Вы что, не обсуждали этого с кем–нибудь, кто имеет опыт в таких делах? Вы могли бы заполучить кое–кого, чтобы он управлялся здесь, в мастерской, в ваших интересах, мастера. Так всегда делают. Любой хороший деловой консультант мог бы навести справки и найти для вас надежного человека; это вопрос тщательности и умения искать, вопрос методики.

Старик не мог ничего придумать в ответ.

— Ваш брокер удивляет меня, — сказал Хар-

ман.

— Я просто позвонил ему, — объяснил старик, — и сказал, что хочу продать помещение из–за состояния моего здоровья.

— Вынужденная продажа. Вы, наверное, понесли потерю?

— Да, — сказал он.

— Если мне позволено будет спросить, сколько вы за него получаете?

— Тридцать пять тысяч.

Харман бегло осмотрел здание.

— Вроде бы цена достойная. — Он задумался, потирая нижнюю губу костяшками пальцев. — Слушайте, Джим, — сказал он. — Обсуждать, что еще вы могли бы сделать со своей мастерской, теперь все равно что плакать над пролитым молоком. Но цену свою вы получили. Не прогадали ни в коем случае.

— Да, — сказал старик, чувствуя гордость.

Резко на него глянув, Харман сказал:

— Надеюсь, вы не взяли бумаги.

— Бумаги?

— Вторички. Вторичные акты доверительной собственности.

— О нет, — сказал он сразу же. — Никаких бумаг. Десять тысяч наличными, а остальное — по

две сотни в месяц.

— Под какой процент?

Вспомнить старик не смог.

— Я вам покажу. — Он направился к своему захламленному офису, а Харман, широко шагая, последовал за ним. — Вот. — Он достал документы из ящика стола, разложил и отступил, чтобы Харман мог их рассмотреть.

Какое–то время Харман изучал документы.

— По–моему, вы все сделали очень хорошо, — сказал он наконец.

— Спасибо, — с облегчением сказал старик.

Стоя у стола, Харман в глубокой задумчивости барабанил костяшками пальцев по сложенным документам. Постукивал по ним снова и снова.

— Вот что я вам скажу. Слушайте. Вам нужен — как мне это назвать? — не совет, а… — Подняв документы, он снова стал их перелистывать. — На другой стороне Залива. В округе Марин. Там сейчас много строят. Расширяются. — Он уставился на старика.

— Да, — сказал старик. Он затаил дыхание.

— Они полностью перестраивают отрезки шоссе Сто один. Проект на много миллионов долларов, который займет не один год. Вы там бывали?

— Вот уже с год не выбирался.

— Там несколько новых торговых центров, — сказал Харман. — Один из них — у Корте–Мадеры. Поистине великолепная работа. Теперь слушайте. — Его голос стал резким, грубым; он проникал повсюду, и старик направился к двери в офис, чтобы закрыть ее, хотя Харман его об этом не просил. — Не стоит обманываться, — сказал Харман. — Рост будет происходить там, а не здесь. Не в Ист–Бэе. Генеральный план… — Он рассмеялся. — Здесь по–прежнему нет места. Ист–Бэй забит. Как и полуостров. Расти и строиться можно только в округе Марин! — Он взирал на старика широко открытыми глазами.

— Да, — кивая, сказал старик.

Харман полез в карман и достал плоский темно–серый бумажник; открыв его, вынул визитную карточку. На ее обратной стороне он стал что–то медленно и старательно писать авторучкой, затем передал карточку старику.

На обратной стороне карточки Харман написал телефонный номер, префикс которого обвел чернилами несколько раз. Старик не знал этого коммутатора. ДА, прочел он.

— Данлэп, — сказал Харман. — Позвоните по этому номеру.

— Зачем?

— Позвоните в течение ближайших двадцати четырех часов, — сказал Харман. — Не тяните с этим, Джим.

— Что это такое? — настойчиво спросил Фергессон: теперь ему очень хотелось это знать, ему необходимо было это знание.

Усевшись на заваленный стол, Харман скрестил руки и долгое время молча смотрел на старика.

— Скажите мне, — мучительно выдавил тот, слыша в своем голосе такие скулящие, подвывающие нотки, подобных которым до этого не слыхивал в нем ни разу в жизни.

— Этого человека, — сказал Харман, — зовут Ахиллес Бредфорд. Вы бы его знали, если бы участвовали в каком–нибудь деле. Если застанете его, пока он еще не примет решения, берите своего адвоката и поезжайте туда. Он собирается заниматься там бизнесом. Он хочет заниматься бизнесом. Но он не может ждать. На сегодня он вложил туда около миллиона своих собственных денег. — Более спокойным голосом он продолжал: — Это торговый центр, Джим. По шоссе Сто один, между Сан–Рафаэлем и Петалумой. Возле Новато. Там находится база ВВС, аэродром Гамильтона. Много застроек, типовые дома. Их постоянно

становится больше.

— Понимаю, — сказал старик. Однако он ничего не понимал.

— Я слышал, — сказал Харман, — что они собираются построить автомобильный центр. Агентство — вероятно, для «Шевроле», но, возможно, и для «Фордов». Или даже для популярных импортных машин, таких, как «Фольксваген». Так или иначе, они точно будут строить станцию техобслуживания. Эти люди, Джим, все время ездят на работу и обратно. Вплоть до самого Сан–Франциско. Они наматывают по двести миль в день на этом восьмиполосном шоссе, а в часы пик едут бампер к бамперу. И слушайте. Там нет железнодорожного сообщения. Понимаете, что это значит? Им необходимо обслуживать свои машины. Автомобильный центр будет охватывать все. Продажу новых машин, поставку запчастей, автомастерскую — ведь только от ремонта зависит, устоит этот центр или развалится. А это означает большую мастерскую, Джим. Не такую, как здесь у вас, где вы работаете в одиночку. Чтобы держать весь тамошний народ на дороге, требуется круглосуточный ремонтный сервис. Чтобы все время от десяти до пятнадцати механиков были готовы принять вызов. Нужны тягачи.

Маршрутка, чтобы ездить в город за запчастями. У вас начинает складываться картина?

— Да, — сказал он. И это было правдой.

— Это новая концепция автосервиса. Ориентированная на будущее. Это, в некотором смысле, автосервис завтрашнего дня. Способный взять на себя ответственность за завтрашние транспортные потоки. Старомодные мастерские исчезнут в ближайшие пять лет. Вы были правы, продав свою вовремя; очень дальновидно с вашей стороны.

Фергессон кивнул.

— Вы можете в этом участвовать, — сказал Харман. — Сможете туда съездить? Прихватить своего адвоката и отправиться туда?

— Не знаю, — сказал старик.

— Если нет, то поезжайте без него. Но поезжайте обязательно . — Внезапно Харман спрыгнул со стола. — Мне пора. Опаздываю. — Он устремился к выходу из офиса и широко распахнул дверь.

Поспевая за ним, Фергессон сказал:

— Но мое здоровье — ведь все дело в том, что я не могу заниматься ремонтной работой.

Харман приостановился.

— Инвестор станции обслуживания вносит первоначальный капитал и руководит мастерской.

Он делится своим ноу–хау и опытом. Физическую работу выполняют механики из профсоюза. Улавливаете?

— О! — воскликнул старик.

Протягивая руку, Харман сказал:

— Пока, Джим.

Чувствуя неловкость, Джим Фергессон пожал ему руку.

— Все остальное, — сказал Харман, — на ваше усмотрение. — Он подмигнул — подчеркнуто дружественно, оптимистично. — Вы сами себе хсг зяин. — Взмахнув рукой, он прошел к своему «Кадиллаку» и впрыгнул в него. Заведя двигатель, крикнул: — Смазку придется перенести на завтра ждать сейчас не могу.

«Кадиллак» исчез, влившись в транспортный поток.

Джим Фергессон долго смотрел ему вслед. Потом потихоньку двинулся обратно, к «Бьюику», с которым работал.

Часом позже в офисе зазвонил телефон. Сняв трубку, он обнаружил, что говорит с Харманом.

— Что он сказал? — спросил Харман.

— Я ему не звонил, — сказал старик.

— Вы — что? — Голос у Хармана был полон изумления. — Что ж, вам лучше поторопиться,

Джим; не допустите, чтобы это от вас ускользнуло. — Он сказал еще несколько фраз в том же духе, а потом, попросив старика дать ему знать, когда он поговорит с Бредфордом, повесил трубку.

Старик посидел за столом в офисе, раздумывая.

Меня не заставят действовать опрометчиво, сказал он себе. Никто не может мной помыкать. Это против моей природы.

Я не буду звонить, подумал он. Ни сейчас, ни когда–нибудь.

А что я сделаю, решил он, так это съезжу туда, в округ Марин. Чтобы увидеть этот торговый центр. Осмотреть его собственными глазами. А потом, если мне понравится то, что увижу, я, может, и поговорю с тем парнем.

Он чуть ли не физически ощутил глубинный подъем самооценки — торжество своей собственной натуры, своей собственной хитрости. И рассмеялся. «К черту все это», — сказал он вслух. Взять и вот так звонить, ничего не зная? Ничем не располагая, кроме чьих–то слов?

С чего бы мне верить Харману? С чего бы мне вообще кому–либо верить? Я ведь не достиг бы того, что имею, полагаясь на то, что мне говорили. На слухи.

Но ему требовалась уверенность, что он увидит

именно то место. Поэтому, сняв трубку, он набрал номер, стоявший напротив фамилии Хармана в его списке давнишних клиентов.

Этим вечером, приехав домой, он молча прошел мимо жены. Направился прямиком в ванную, закрыл и запер дверь и, прежде чем его смог отвлечь голос Лидии, на полную мощность пустил воду в ванну.

Лежа в воде и отмокая, он подумал: я знаю, где это место. Я смогу его найти.

Он решил отправиться туда завтра с утра пораньше и вернуться к полудню в мастерскую. Лежа на спине в ванне, уставившись на влажный от пара потолок, он обдумывал свой план до мельчайших подробностей. Смакуя его, прокручивая то так, то этак, чтобы ничто не осталось необдуманным.

Это нечто новое, думал он. Там все будет новым, каждая грань этого заведения. Ни пятен масла, ни прогорклого запаха; сырость, ощущение старости, забракованные запчасти, грудой валяющиеся в углу… все это сгинуло. Сметено прочь. Груды хлама, пыль. Всего как не бывало.

К черту все это, думал он. У меня будет офис, сплошь застекленный и звуконепроницаемый; я буду сверху следить за работой механиков. Буду

за ними присматривать. С несколькими интеркомами. Возможно, беспроводными. Повсюду будут лампы дневного света, как на новых фабриках. Много автоматики. Все как следует организовано; никаких потерь времени, которое стоит денег.

Все будет по–научному, сказал он себе. В духе атомного века, как в лабораториях. Как в Ливерморе, где изобрели Бомбу.

Он увидел себя частью нового мира, вместе с Харманом, вместе со всеми другими предпринимателями. Это Америка, подумал он. Дар предвидения. То, что ты способен сделать, обладая капиталом и воображением. А у меня есть и то, и другое.

Уверенность, подумал он. Нужно быть бесстрашным. Даже безжалостным. Иначе тебя достанут. Они всегда будут начеку, пытаясь стащить тебя вниз, на свой уровень; их, естественно, возмущает, когда ты поднимаешься над ними. Они завидуют. Но ты не обращаешь на это внимания. Как Никсон: он стоит и ухмыляется, когда его оскорбляют, бросают камни, даже плюются. Рискует жизнью.

Полузакрыв глаза, погруженный в горячую воду и охраняемый ревом новой воды, старик думал, что уж он–то не затеряется на грязной, ник-

чемной авеню Сан–Пабло со всеми тамошними ресторанами и кинотеатрами для автомобилистов; он видел себя рядом с большими людьми, которые что–то значили. Мое место в индустрии, думал он. Не в политике, это не моя игра. Эта страна основана на бизнесе. Он — ее становой хребет.

Инвестиции! Я инвестирую в будущее Америки. Не ради моего собственного блага — черт, не ради выгоды, — но чтобы развивать ее экономику. И это пойдет в счет. То, что я сделаю, пойдет в счет.

Глава 6

Ранним утром на улице было сыро, над всеми домами нависал туман, влажный настолько, что начинал скатываться капельками по вертикальным поверхностям. Снаружи никого не было, но разбросанные там и сям желтые прямоугольники обозначали кухни, в которых, вообразил Джим Фергессон, мужчины стояли перед открытыми печами, повернувшись задом к огню.

Он побрился, подогрел остававшуюся с вечера маисовую кашу, налил из кофейника черного кофе, смахивающего на песок, а затем, облачившись в куртку, спустился в подвальный гараж, где был припаркован «Понтиак». Лидия спала. Никто его не слышал; никто не видел, как ой выезжал.

В двигатель проникла влага, и он дважды глох, пока Фергессон давал «Понтиак» задним ходом из гаража. Двигатель продолжал глухо кашлять, когда он поехал вниз по Гроув–стрит, и он не мог избавиться от мысли, что, будь у него время, он бы полностью его перебрал. Почти все в нем было изношено, ничто как следует не работало. Он не переключался на высокую скорость, но оставался на второй, пока не доехал до светофора; здесь

он тщательно осмотрелся и, не останавливаясь, свернул направо. Скоро он ехал через Окленд со скоростью в тридцать пять миль в час. Когда он одолел около мили, двигатель прогрелся и заработал получше. Он включил радио и слушал программу «Сыновья первых поселенцев».

Большинство водителей на Восточнобережном шоссе направлялись в Сан–Франциско. Навстречу ему двигался большой транспортный поток, но его полосы, по которым Фергессон двигался в сторону Ричмонда, оставались свободны. Окна «Понтиака» были подняты, работал обогреватель. От чувства уюта Фергессона клонило ко сну, да и ковбойская музыка убаюкивала. Мало–помалу «Понтиак» стал сползать с полосы, но затем, когда просигналила ехавшая сзади машина, Фергессон выпрямился на сиденье, подтянулся и сосредоточился. Было шесть тридцать.

Вдоль плоской береговой линии Ист–Бэя, справа от него, простирался Аквапарк. К этому времени Фергессон разогнался до шестидесяти миль в час, и такая скорость представлялась ему вполне достаточной. По всей видимости, он не ездил этой дорогой дольше, чем ему казалось; на шоссе были изменения, новые развязки, объездные и спрямляющие пути. И полос уже стало

двенадцать. Что, пришлось шоссе дополнительно расширить? Оно было из белого бетона, заторов на нем не встречалось. И покрытие такое приятное, гладкое–гладкое. Держа руль обеими руками, Фергессон рассматривал дома и холмы справа от себя.

Теперь проблема состояла в том, чтобы найти бульвар Хоффмана; ему надо было принять вправо, иначе он не смог бы съехать с шоссе. Так что он начал постепенно смещаться вправо, полагая, что это наилучший способ. Однако в машинах справа от него так не думали: на него обрушился хор негодующих гудков. Бросив машину вперед, он вырвался на открытое пространство на крайней правой полосе, едва ли не на асфальтовую обочину. Мгновением позже он катился по инерции по узкому и ухабистому временному началу бульвара Хоффмана; пронесся на зеленый свет на перекрестке и под зловещим переходом из темного металла с огромными предостерегающими знаками и мигающими желтыми лампами, узор которых менялся так, что, когда он проезжал под ними, у него возникло ощущение: вот–вот должно произойти нечто ужасное. Проезд под переходом был настолько узким, что на мгновение ему показалось, будто машина не сможет

его преодолеть, оцарапает оба борта, и Фергессон мог только одно: держать обе руки на рулевом колесе. Но вот он уже был по другую сторону, и слева опять появился Залив.

Через несколько миль бульвар Хоффмана перешел в полосу бензозаправочных станций со сниженными ценами и кафе для дальнобойщиков, а потом в худший квартал обшарпанных негритянских хижин, какой ему когда–либо приходилось видеть. Огромные дизельные грузовики затесались среди легковых автомобилей, и все вместе очень медленно полали. Это, понял он, был Ричмонд. На разбитых тротуарах валялся мусор.

Слева он видел фабрики и верфи. Недалеко от воды, осознал он. Один за другим шли железнодорожные пути. А потом впереди возник крутой холм с домами. Улица резко поворачивала. Глазам предстало открытое пространство, а затем — громада нефтеочистительного завода «Стандард ойл». Внезапно улица снова обратилась в поднимающееся шоссе, и машины со всех сторон от него стали набирать скорость. Он промчался по широкой кривой, проходившей над нефтеочистительным заводом, и теперь снова видел Залив и мост, соединявший Ист–Бэй и округ Марин. Это

был самый безобразный мост, какой он только встречал, но это безобразие его не огорчило — напротив, заставило рассмеяться.

Замедлив ход у высокой площадки перед мостом, он заплатил положенные семьдесят пять центов, после чего оказался на мосту. Тот был построен так, что водитель ничего не мог видеть — ни воды, ни клочка острова, ни даже места своего назначения; все, что можно было углядеть, так это тяжелые металлические перила.

Вот так гений, сказал он себе. Какова планировка. Он снова рассмеялся.

Наконец один вид вошел в поле его зрения, и он прицепился к нему, очень далекому, взглядом. То были глинистого цвета здания тюрьмы Сан–Квентин, похожие на какой–нибудь старинный мексиканский форт; здания эти тянулись вдоль края воды и все были в хорошем состоянии. Мост прошел справа от тюрьмы и выпустил его на широкое шоссе, которое вело от одного ответвления к другому. Это снова сбило его с толку. Но один из знаков сообщил ему, по какому ответвлению надо поехать, чтобы выбраться на федеральное Северное шоссе 101. И он на него свернул.

На огромной скорости промчался он по гладкой площадке, причем одна машина ехала впереди

него, а другая — сзади. По его «Понтиаку» хлестал ветер. Перед ним был Сан–Рафаэль и шоссе 101, он почти прибыл, и это не заняло слишком много времени. Он значительно опережал график, и настроение у него стало еще лучше.

Увидев бензозаправочную станцию на небольшой боковой дороге, он просигналил и свернул с шоссе. Через несколько поворотов он оказался рядом с заправкой. Съехав с дороги, подвел машину к ближайшему островку бензонасосов. Утренний воздух, когда он открыл дверцу, был теплым. Ветер перелистывал стебли сорняков, росших на окрестных полях.

Он поднял капот и с помощью полоски, оторванной от газетной страницы, измерил уровень масла. Тот был низким, и он взял кварту марки 30 со стеллажа рядом с насосами. Когда старик стал наливать масло в масленку, лежавшую рядом, к нему поспешил мальчишка–служитель.

— Эй! — возмущенно крикнул мальчишка. — Что за дела?

— Прошу прощения, — сказал Фергессон, вспомнив, что находится не в собственном хозяйстве. — Мне пять обычного.

Он уже потянулся было за шлангом бензонасоса, но притворился, что читает прейскурант.

Этил шел по тридцать пять центов за галлон. Он выказал изумление такой ценой, меж тем как мальчишка взял шланг.

Парень по–прежнему был настороже. Шагая к задней части машины и откручивая пробку бензобака, он следил за стариком, словно ожидал, что тот снова будет хватать собственность компании. Смутившись, старик забрался в машину и оставался там, пока парень не подошел к капоту, намереваясь протереть ветровое стекло.

— Нет–нет, — сказал он ему, спеша отъехать и суя ему несколько однодолларовых купюр.

Парень дал ему сдачу и вынул масленку. Хлопнул, закрываясь, капот, и старик выехал с заправки на дорогу. Ему просигналил молочный фургон — Фергессон выкатился прямо перед ним.

По пути его нетерпение все возрастало. Теперь он в любой момент мог увидеть указатель на «Сады округа Марин». Но шоссе он покинул, а маленькая дорога не вела обратно, но доставила его на улицу жилого квартала. От шоссе, по которому с огромной скоростью неслись автомобили, его отделяла высокая изгородь из проволочной сетки. Однако, расставшись с шоссе, он сохранил прежнее превосходное настроение. Он въехал, очевидно, в Сан–Рафаэль, городок, в котором

бывал нечасто, если вообще бывал.

Между безмолвными домами он ехал со скоростью в двадцать пять миль в час. Кварталы были короткими. Можно было видеть множество мужчин, спешащих на работу, одни в костюмах, другие — в рабочей одежде. У всех были ускоренные движения, словно в старом кинофильме. Это тоже его забавляло.

По–прежнему держа в поле зрения шоссе, он какое–то время пересекал город, недоумевая, где находится, но все же получая удовольствие. А потом наконец показалось нечто ободряющее. Разоренное пространство, покрытое свежевскопанной землей, которое, понял он, было стройплощадкой, раскинувшейся в стороне от шоссе. Там рядами лежали большие кульверты, керамические трубы канализационной системы, которым предстояло опуститься в землю прежде всего остального. И стояли строительные машины. Крупные. Огромные агрегаты, которые использовало в своих работах Федеральное правительство; он видел такое, когда перестраивали шоссе 40, шедшее вдоль Восточного побережья.

Он подъехал к самому краю строительной зоны и остановился; у него не было другого выхода, кроме как остановиться, — мостовая сменялась

чередой зазубренных растрескавшихся выступов. Продолжение дороги, по которой он приехал, было сметено ковшами экскаваторов. Он смотрел вниз, на разрытую землю. Ничего, кроме грязи. Подложка дороги, которую обычно никогда не видят. Это испугало его, и он потянул ручной тормоз. Машины, подумал он, смели здесь все подчистую. Какая силища! Ничто не может устоять… Он посмотрел направо и налево. Борозды уходили далеко вперед, и бог его знает, на какую они простирались ширину. Проезжали ли здесь машины? Мог ли кто пересечь эту местность и снова выехать на шоссе на дальней стороне? Высоко вверху он видел крошечные быстрые точки. Машины на шоссе.

Параллельно шоссе шла двойная колея. Отметины в земле, оставленные давлением. Какого–то транспорта. Так что он завел машину и поехал вниз, с асфальта; машина подпрыгивала, скрипела, переваливалась с боку на бок. Он осторожно ехал по ухабистой колее. Машина сотрясалась, когда под колеса попадались камни. Вцепившись в руль, он сбавлял ход, спускаясь в колдобины и выбираясь из них.

Раз он миновал рабочего, который посмотрел на него, разинув рот. Потом проехал мимо скоп-

лений строительных машин. И, наконец, увидел металлическую громаду, двигавшуюся на него лоб в лоб.

Когда это чудовище стало бульдозером, он остановил свою машину. Бульдозерист, высоко вознесенный на своем сиденье, сперва потряс кулаком и что–то прокричал, потом тоже остановился, и две машины уставились друг на друга. Фергессон наружу не выбрался. Он остался за рулем.

Бульдозерист спрыгнул на землю и подошел ближе.

— Кто вы такой, черт возьми? Убирайте отсюда свою колымагу.

Для Фергессона и бульдозер, и его разъяренный водитель были нереальны. Он слышал тяжелое дыхание бульдозериста и видел его красное лицо, маячившее в окне, но по–прежнему не шелохнулся. Он не знал, что делать.

— Езжай назад! — орал бульдозерист. — Возвращайся на дорогу! Пошевеливайся, приятель!

— Вы знаете мистера Бредфорда? — спросил Фергессон.

Подошли другие рабочие, и вместе с ними был некто в деловом костюме. Все они указывали на «Понтиак» Фергессона и махали другим ра-

бочим, приглашая их присоединиться. Вдоль громоздящихся куч земли и скоплений техники выстроилась цепочка фигур: зрители.

Подойдя к окну, человек в деловом костюме сказал:

— Попрошу вас отогнать свою машину туда, откуда вы приехали. Это частная дорога, предназначена для использования штатом.

Фергессон не нашелся, что сказать. Он почти милю проехал на малой скорости по колее. Мысль сдавать обратно озадачивала его. Он чувствовал себя сбитым с толку и не мог говорить.

— Да что с ним такое? — кричал бульдозерист. — Черт возьми, мне над0 проехать — не могу я здесь околачиваться!

— Может, он не говорит по–английски, — предположил кто–то из рабочих.

— Покажите мне свои права, — сказал человек в деловом костюме.

— Нет, — сказал Фергессон.

— Он не знает, как ездить задним ходом, — сказал другой рабочий.

— Подвиньтесь, — сказал человек в деловом костюме. Он открыл дверцу машины. — Я сам отгоню ее обратно. Подвигайтесь, приятель. Слушайте, мы можем подать на вас в суд; вы заехали

на собственность штата. Вы нарушитель. Вам нельзя быть на этой дороге; это вообще не дорога, а стройплощадка.

Он отпихнул Фергессона на пассажирское место и, включив задний ход и глядя через плечо, начал пятиться. Бульдозерист вернулся в свою машину и последовал за ними. Чтобы добраться до того места, где обрывалась настоящая дорога, потребовалось немало времени. Фергессон сидел, уставившись в пол, и ничего не говорил.

— Ну вот, — сказал его вынужденный помощник, дергая парковочный тормоз и выбираясь наружу. — Дальше сами.

— Как мне ехать? — спросил Фергессон.

— Обратно, вверх по подъему, тем же путем, каким приехали.

Фергессон указал через пространство разрытой земли, на шоссе на дальней стороне.

— Езжайте обратно, — повторил человек в деловом костюме. — Обратно в Сан–Рафаэль, а там найдите улицу, по которой его пересечете.

Он быстро зашагал прочь, и Фергессон остался один. Он слышал рев бульдозера и звуки, производимые рабочими: они начинали свой день. Переключив скорость — зубья шестеренок проскрежетали, — он неловко поехал обратно по

дороге и снова оказался в жилом районе Сан–Рафаэля, среди домов и лужаек.

Увидев прохожего, шагавшего по тротуару, Фергессон высунулся из окна и крикнул:

— Как мне проехать на ту сторону?

Человек взглянул на него и пошел дальше, не сказав ни слова. Фергессон снова поднял стекло. Чувствуя себя неуверенным и подавленным, он не стал преследовать прохожего. Теперь было уже девять часов, пригревало. Желтый солнечный свет нависал над деревьями и тротуарами; лужайки искрились. По тротуару медленно шагал почтальон, и Фергессон подвел машину к обочине рядом с ним.

— Как мне проехать на шоссе сто один? — спросил он.

— Куда вы хотите попасть?

— В «Сады округа Марин», — сказал он, немного отдыхая от езды.

Почтальон посовещался с самим собой.

— Не знаю, — сказал он. — Никогда о них не слышал. Езжайте в центр, к муниципалитету, спросите там. Спросите у кого–нибудь в центре, там должны знать.

Он пошел дальше.

С этого момента старик ехал бесцельно, не

зная, куда направиться и к кому обратиться. Он, казалось, все больше удалялся от главной части города: улицы становились все круче, а дома — все старее. Наконец он добрался до чего–то такого, что походило на участок для застройки, но старый: дома там были ветхими, а во дворах росли высокие сорняки.

Однажды он увидел полицейского, но тот выглядел грубым и неприятным, так что он не стал останавливаться и там. Часы показывали уже четверть одиннадцатого. Черт знает, что такое, думал он. Где я? Все еще в Сан–Рафаэле? Позади участка вроде бы проглядывала открытая местность: поля, отдаленные холмы.

В десять тридцать он подъехал к перекрестку, на котором стояло маленькое здание под камень, а на вывеске вверху значилось: «Нотариальная контора Дауленда по аренде недвижимости». Он припарковал машину и вошел внутрь.

За одним из трех письменных столов сидела и разговаривала по телефону женщина средних лет в ситцевом платье и шляпке. Она ему улыбнулась, завершила разговор и подошла к прилавку.

— Доброе утро, — сказала она.

— Мне надо проехать в «Сады округа Марин», — сказал Фергессон.

Женщина задумалась. Она казалась хорошо ухоженной со своими завитыми и зачесанными назад волосами; ее одежда выглядела дорогой, и от нее пахло пудрой и духами.

— Это не из наших, — сказала она. — Это один из новых подрядных проектов на дальней стороне шоссе Сто один. — Поколебавшись, она добавила: — Честно говоря, я даже не знаю, открыты они или еще нет.

— Я хочу увидеть мистера Бредфорда, — сказал он.

Женщина облокотилась на прилавок и постучала себя по зубам желтым грифельным карандашом.

— Вы можете вернуться примерно на милю и там пересечь город и выехать на шоссе. Или можете ехать дальше. Ваша застройка находится вверх по шоссе, по пути в Петалуму, так что с тем же успехом можно ехать и в ту сторону. Здесь повсюду работают, и вам надо быть как можно внимательнее. Легко заблудиться.

Принеся на прилавок карту, она показала ему направления, в которых он сумел разобраться. Поблагодарив ее, он вернулся в машину, снова чувствуя уверенность. Может, уже вот–вот, думал он. По крайней мере, это существует: она узнала

название.

Он снова двигался и опять оказался в районе строительных работ. Дорога превратилась в смесь грязи и асфальта, разбитая, решил он, тяжелой техникой; но она действительно пересекалась с шоссе, и он достиг дальней стороны, ориентируясь, вместе с другими автомобилями, на флажок, которым размахивал какой–то старик в голубых джинсах. Там его направили влево по усеянной рытвинами старой дороге с черным покрытием, которая шла параллельно шоссе, но примерно в миле левее. По обе стороны тянулись сады с мертвыми фруктовыми деревьями. Он не мог определить их сорт.

Его ушей достиг грохот машин. Потом он увидел их, издали они были похожи на работающих насекомых. Но теперь он думал, действительно думал, что видит «Сады округа Марин»: по крайней мере, на склоне широкого бурого холма велось строительство новых домов. Он различал расчищенную землю, новые узкие дороги, начатые фундаменты. Чувствуя душевный подъем, он опустил стекла в окнах машины, впуская внутрь теплый воздух, сухой сельский воздух, столь отличный от городского. Приятно пахло высыхающей травой, а вид ровных полей внушал

абсолютную уверенность, что Фергессон наконец нашел то, что искал; вид, открывавшийся ему теперь через замызганное насекомыми и запыленное ветровое стекло, полностью соответствовал его ожиданиям.

Вскоре, к его радости, появилась и сама вывеска. Проезжая мимо, он разобрал только большие буквы: строки сведений, нанесенные на дерево яркой зеленой и красной краской, постепенно делались все мельче, переходя к информации, касавшейся первичных взносов, планировки, числа кирпичей в камине, расцветки. Он прочел:

САДЫ ОКРУГА МАРИН — 1/4 МИЛИ
ОТКРЫТЫ ДЛЯ ПУБЛИЧНОГО ОБОЗРЕНИЯ

Область грязи и строительной техники, простиравшаяся впереди, была уже не федеральным или штатным строительным проектом, но частным деловым предприятием. И все же это укладывалось в нечто более обширное. Это было компонентом общей экономической активности, деятельности. Все в этом участвовали, и сюда же входила и его роль: здесь он был на своем месте. Запястья и ладони у него горели от пота; он моргал и ощущал новое чувство, или, точнее, старое, сохранившееся с детства. Ему не терпелось выскочить из машины и упереться ногами в землю;

хотелось бегать, прыгать, хватать с земли камни и швырять их в воздух.

Дорога привела к маленькому зданию с крышей, покрытой толем, и парковкой перед ним. Там стоял одинокий тускло–черный «Форд». Земля была грязной и утоптанной, возле здания он приметил несколько рулонов толя, уложенных в штабель. И полупустой мешок цемента.

Припарковавшись и поставив машину на ручной тормоз — он заставлял себя действовать методически, — он направился к зданию медленной, непринужденной походкой. Дверь была открыта и вела в офис, где за письменным столом, задрав и скрестив ноги, сидел молодой человек. Он читал книгу в мягкой обложке. В офисе пахло лаком. На столе стояли проволочные корзины для бумаг и телефон, а на стене висел глянцевый календарь, новехонький, с изображением девушки в длинной цветастой юбке.

— Приветствую, — сказал молодой человек.

Он захлопнул книгу, словно отвергая непрочитанную часть. Потом с шумом бросил ее на стол и скрестил руки. У него было длинное лошадиное лицо и густые волосы. Костюм на нем был неофициальный, однобортный; зубы выдавались вперед, а кожа на шее была красной и задубелой.

К удивлению Фергессона, носки у него складками свисали с лодыжек.

— Читаете такие вещи? — спросил он, тыча большим пальцем в закрытую книгу в мягкой обложке.

— Нет, — сказал Фергессон, тяжело дыша от напряжения и возбуждения.

Хозяин офиса поднял книгу и посмотрел на обложку.

— «Мозговая волна», — сказал он. — Пол Андерсон[11]. Научная фантастика. Я все эти фантастические книги читаю. За последний месяц прочел, должно быть, с полсотни. Весь стол ими забит. Мне их дают разные типы, покупать не приходится.

Фергессон, со всем своим нетерпением, оказался в этом маленьком закрытом прибежище безвременья. Неподалеку от этого офиса и его хозяина разворачивались гигантские общественные работы, растянутые на десятилетия, и он усвоил их взгляд на вещи. За своим столом, забитым грудой книг, он был подобен египетскому чиновнику. Лишенный эмоций, отсеченный от

[11] Примечания: 11

«Мозговая волна»… Пал Андерсон. — Пол Андерсон (1926–2001) — американский писатель–фантаст. «Мозговая волна» (1954) — первый его роман.

сиюминутного мира, он тяжеловесно приветствовал Фергессона.

— Это все не то, — сказал Фергессон, желая вернуть этого человека в действие, в движение времени. — Скажите, вы знаете мистера Бредфорда?

Тот кивнул.

— Он здесь?

— Бредфорда здесь нет, — сказал хозяин офиса. Он встал на ноги и протянул руку, которую Фергессон нашел крепкой и сухой, и при этом ссутулился под низким потолком своего офиса, из–за чего его рост ушел в плечи. — Меня зовут Кармайкл. А как будет ваше имя? — Он задал этот вопрос с такой поднимающейся интонацией, словно знал имя Фергессона, но забыл и ожидал, что вспомнит его, как только снова услышит.

— Джим Фергессон.

— Привет, Джим, — сказал Кармайкл, склоняя голову набок и прищуриваясь. — Это ведь ирландское имя?

— Полагаю, что так, — сказал Фергессон. Теперь он успокаивался и чувствовал, что давление у него понижается.

— Присаживайтесь, Джим.

Кармайкл выпихнул для него стул, а сам вер-

нулся на свой, глядя на Фергессона через стол. Он потер друг о друга свои твердые ладони, подняв их вверх, вертикально. Затем ногтем большого пальца оттянул свою нижнюю губу и обследовал десны.

— Итак, Джим, — сказал он. — Чем могу вам служить? Продать вам дом?

— Нет, — сказал Фергессон. — Я хочу поговорить с мистером Бредфордом. Мне надо с ним кое–что обсудить. Когда он здесь будет?

— Вы не хотите покупать дом, — сказал Кармайкл. — По правде сказать, я и не думал, что вы хотите его купить. Насколько мне известно, мистер Бредфорд приезжал сюда только раз. На самом деле Бредфорд входит в финансовую группу, которая субсидирует это предприятие. Работу выполняют Гросс и Дункан… подрядчики. — Он стал говорить медленнее.

Я представляю компанию. Так что можете поговорить со мной.

Фергессон заранее решил, что не станет раскрывать всех своих карт, что притворится кем–то другим, не показывая, кто он на самом деле. Он действительно приехал сюда, чтобы увидеть, какую задачу здесь выполняют; он сам хотел вынести суждение о «Садах округа Марин», о работе

и планах финансистов этого проекта. Фергессон умел принимать решения не только о самом себе, но и обо всех других. И Кармайкл оказался вовлечен в это дело, потому что так решил Фергессон; он участвовал в этом предприятии, в новом торговом центре, как и рабочие с бульдозером, человек в деловом костюме, который вел задним ходом его «Понтиак», и, некоторым образом, полицейский, почтальон, женщина из риелторской конторы и все остальные.

— Хочу посмотреть, что здесь сооружают, — сказал Фергессон. — Можем мы посмотреть?

— Почему бы и нет? — сказал Кармайкл, но не двинулся, чтобы встать. Он казался уступчивым и любезным, но не обнаруживал практической заинтересованности. — В какой области вы подвизаетесь, Джим?

— В механике, — сказал Фергессон.

— Что именно делаете, разрабатываете, изобретаете или изготовляете машины? Вы ведь работаете с машинами?

— С автомобилями, — сказал Фергессон.

— Серьезно? — Кармайкл, казалось, заинтересовался. — У меня был кабриолет с повышенной мощностью, я сам постарался. Во время войны работал в автомобилестроении. У меня есть

несколько рацпредложений для двигателей… в основном изменения в карбюраторе. Впрыск в каждый цилиндр. Вот почему я читаю эту дребедень. — Он поднял свою научно–фантастическую книгу и снова плашмя бросил ее на стол. — Знаете, парни, которые пишут о таких вещах… об этих ракетных кораблях, машинах времени и сверхсветовых перемещениях, обо всей этой муре. Хочешь отправить героя на Марс, говоришь что–то вроде: «Он включил автоматические высокомощные реактивные дюзы». Этот Андерсон не так уж плох, но вот некоторые — просто нечто. Шныряют по всей Вселенной. Должно быть, писать эту чепуху очень просто: высасывают ее из пальца, и все.

— Понятно, — сказал Фергессон, ничуть, однако, не услеживая, о чем ему толкуют.

— Хотел бы я познакомиться с кем–нибудь из этих парней–фантастов. Нанялся бы к нему техническим консультантом. — Огромные лошадиные зубы Кармайкла выказали иронию. — За десять или пятнадцать процентов от его гонорара. Эта мура — просто фальшивка. Они занимаются фальшивками, и чем дальше, тем больше. Взять вот эту, — сказал он, снова поднимая книгу так, чтобы Фергессон мог ее видеть. — Здесь говорится о том,

как «ай–кью» у каждого существа повышается за одну ночь. — Он вдруг рассмеялся, так громко, что заставил Фергессона вздрогнуть. — Животные становятся такими же сообразительными, как люди. Читали когда–нибудь такую чушь?

— Нет, — сказал Фергессон, начиная терять терпение. Он подошел к двери офиса и посмотрел наружу, на недостроенные дома.

— Что вы делаете с автомобилями? — спросил Кармайкл из–за стола.

— Чиню. У меня мастерская. В Окленде.

— В какой части Окленда?

— На авеню Сан–Пабло, — сказал он, распахивая дверь, чтобы выйти.

Кармайкл отпихнул свой стул и последовал за ним. Его рука опустилась Фергессону на плечо.

— Значит, хотите осмотреться? — Он зашагал по усыпанной гравием дорожке рядом с Фергессоном. — Хорошо, я вам все покажу.

— Спасибо, — сказал Фергессон.

Напрягая зрение, он видел плоскую площадку у подножия холма, грязную тропинку, спускавшуюся в глубокий котлован и пересекавшую его среди штабелей труб и леса. Несколько отдельных бригад укладывали фундаменты. Вращалась бетономешалка, и отдающийся эхом грохот пнев-

матической бабы будоражил полуденный воздух. В воздухе пахло свежей древесиной.

— Чудная картина, — сказал Кармайкл, остановившись, чтобы прикурить сигарету. Он далеко отшвырнул спичку. — Не находите, Джим?

— Да, — согласился Фергессон.

Они с трудом зашагали по тропинке. Из–под их ног выкатывались комья грязи, и Фергессон покачивался, когда его подошвы скользили по слякоти.

— Смотрите под ноги, — сказал Кармайкл сзади. Сам он спускался не торопясь. — Нет, Бредфорд сюда не приезжает. Понимаете, Джим, я скажу вам, как все это работает. Бредфорд не имеет никакого отношения к этому строительству. Он вкладывает деньги, а работы производят Гросс и Дункан. Продажей домов занимаются двое или трое агентов. Теперь о моем деле — я живу здесь, на площадке. В одном из этих домов — бесплатно — первый год или пока дорога не доберется до него. За каждый дом, что я продаю, мне достается пятьсот долларов чистыми. Оклада у меня нет. Но мне удается продать только два дома в месяц. Можете посмотреть мой дом. Это дом для показа. В нем полно мебели из универмага и полностью оборудованная электрическими приборами кух-

ня. Там моя жена.

Он показал на один из домов, и Фергессон увидел в его окнах шторы. Это был одноэтажный дом в калифорнийском фермерском стиле, с гаражом, изгородью из штакетника и лужайкой, по краям которой росли цветы. Бетонная дорожка выводила на грязевую топь, которая была улицей. Все остальные дома были незаконченными, некрашеными и незаселенными. Их скелеты выглядели идентичными. Глянув вдоль рядов, он не заметил никаких различий.

— Здесь вообще–го четыре разных стиля, — сказал Кармайкл. — прямо сейчас вы никакой разницы не увидите. Отличия будут в цвете, загородках и количестве спален.

— Понимаю, — сказал Фергессон.

— Вон там, — указал Кармайкл, — будет торговый центр. Это отдельное предприятие. Считается, что это слишком большой риск. Финансисты хотят, чтобы он работал сам по себе. Дома, они уверены, пойдут, но торговый центр — это нечто иное.

— Почему? — спросил Фергессон. — Людям надо покупать, а живут они здесь.

— Живут–то они здесь, — согласился Кармайкл, — но вы когда–нибудь видели женщину,

которая захотела бы покупать рядом с домом? Дамы предпочитают ездить в город. Здесь они покупать не станут, а покатят в Сан–Франциско. Это даст им предлог отправиться в большие центральные универмаги. Здесь возможен продуктовый рынок. Рынок, заправочная станция и закусочная. Но они говорят о таких вещах, как о чем–то… — Он широко развел руки. — Пекарни и гончарные мастерские, библиотека с абонементом и обувная мастерская.

— Это же целый город, — заметил Фергессон.

Кармайкл посмотрел на него.

— Да, полный комплект.

— Думаете, не окупится?

— Да это им просто не нужно.

— Они ведь ничем не рискуют.

— Не рискуют, — согласился Кармайкл, — они предоставляют торговый центр самому себе. Если он пойдет ко дну, они будут свободны.

— Помещение для автомастерской, — сказал Фергессон. — Вот что я думал здесь прибрести.

Кармайкл продолжал смотреть на него, и Фергессон понял, что тот раскусил его с самого начала. Этот человек дал ему оценку — такова уж была у него работа. Фергессон шагал по ровной площадке. Достигнув группы рабочих, он оста-

новился. Они готовили опалубку для заливки бетона, для фундамента дома.

— Что ж, — сказал остановившийся рядом Кармайкл. — Это встанет вам в сорок или пятьдесят тысяч.

— Да, — сказал Фергессон.

— А как же та мастерская в Окленде?

— Продал. Продаю.

— Почему?

Фергессон не ответил. Чувствуя напряженность и тревогу, он пошел прочь от Кармайкла, сунув руки в карманы.

Спустя какое–то время Кармайкл последовал за ним.

— Давайте вернемся в офис, — сказал он. — Есть разговор.

— Сколько вы за них получите? — спросил Фергессон, имея в виду дома.

— Двенадцать или четырнадцать тысяч. Они хороши. Ничего особенного, но построены добротно. Гросс и Дункан свое дело знают. Здесь никого не надувают. — Кармайкл бросил сигарету на размягченную почву. — Одно время я думал об автобизнесе. О магазине запчастей: для себя, я имею в виду. Но им нужны люди, которые вошли бы в долю, вложили бы деньги. Мне подобного не

потянуть. Когда говорят о таких деньгам то я пас. И с этим автомобильным бизнесом все логично. Люди, живущие на отшибе от города, не станут ездить туда ради запчастей и ремонта; они предпочтут делать это здесь, потому что когда им это требуется, то требуется немедленно.

— На это я и рассчитываю, — сказал Фергессон, а потом ему в голову пришло кое–что еще. — Женщины в мастерскую обращаться не будут. Машины туда пригоняют мужчины.

— Как долго вы занимаетесь ремонтным бизнесом?

— Большую часть жизни.

— И как оно вам?

— Нормально. — Он почувствовал нетерпение. — Ползаешь под машинами с утра до ночи, ни сна ни продыху.

— Вам понравилось то, что вы здесь увидели?

— Да.

— Вот ведь смешная, черт возьми, штука, — сказал Кармайкл. — Давайте–ка вернемся. — Он взял Фергессона под руку, и они вдвоем направились к котловану и холму за ним. — Сюда многие являются, едут всю дорогу от города… знают ведь, что здесь не закончено, знают, что шоссе не готово, как и дома, ан нет — когда приезжают, то озира-

ются вокруг и лаются — как собаки. Бога ради, да чего же они хотят? Я–то вижу это местечко; все, что требуется, это уметь смотреть. Через два–три года здесь раскинутся сплошные лужайки, и жены будут их поливать, и дети станут повсюду лазать. Чего им надо? Эти застройки выглядят одинаковыми? Ну так и что, они перестанут походить друг на друга, когда в них заселятся люди. Это ведь люди заставляют их выглядеть по–разному. Возьмите любые шесть кварталов пустых домов — ужас, да и только. Это люди ввозят в них личную мебель и развешивают портьеры и картины по своему вкусу.

— Сколько вы продали домов? — спросил Фергессон.

— Шесть. Нет, семь. Есть еще один продавец, в городе.

Они пересекли котлован и остановились, чтобы Фергессон мог от дышаться.

— Какие–то деньги со стороны вы привлечете? — спросил Кармайкл.

— Нет. — Он опять тяжело дышал, карабканье далось немалым трудом. Давая себе повод передохнуть, он обернулся на дома, чтобы еще раз окинуть их взглядом, прежде чем снова лезть в горку. — Я могу потянуть это в одиночку, финан-

совую часть.

— Но вы бы наняли механиков?

— Да, — сказал Фергессон.

— Вы женаты? У вас есть семья?

— Да, — сказал он.

Кармайкл начал неторопливо подниматься по склону холма, и Фергессон последовал за ним. Башмаки старика увязали в глине, а трава, за которую он хватался, выскальзывала у него из пальцев. Кармайкл поднимался с прямой спиной, легко и уверенно, и неторопливо говорил:

— Вам решать. Нет причин, почему бы здесь это не выгорело. У них с этой застройкой связана куча денег, и все вертится вокруг шоссе. Им приблизительно известно, когда будет продано большинство домов. В любом случае, окупаться ваши затраты начнут сразу же, потому что здесь повсюду множество подобных площадок, большинство из них заселены, и люди едут сюда из Петалумы. А на выходные здесь все забито теми, кто едет на Русскую реку[12]. Вы же видели, сколько машин на шоссе Сто один. Это загруженная зона, и загрузка все растет. Чего же здесь ждать,

---

[12] Примечания: 12

Русская река (Russian River) — река в США, протекает через Береговые хребты на севере Калифорнии в округе Мендосино; названа в честь русских исследователей, основавших колонию Форт–Росс.

кроме роста?

Джим Фергессон с трудом карабкался по склону. Шагавший впереди Кармайкл все говорил и говорил, и он его слушал со всей внимательностью, на какую был способен. Ладони у него были мокрыми и зудели от порезов о края травы. В одном месте он поскользнулся и упал на влажную землю, пальцы увязли в ней, и он закрыл глаза. Кармайкл добрался до вершины и шел дальше, теперь уже медленнее, потому что чувствовал, что старик за ним не поспевает. Фергессон поднялся и стал ступать широко, чтобы в три шага закончить остаток подъема. На вершине было скопление стальных опорных балок, и, когда он достиг их, его башмак запутался в траве, выросшей между ними. Он шагнул вперед и рухнул. Из него вырвался воздух, он упал в темноту, упал так внезапно, что не смог издать ни звука. Земля притянула его, словно магнит. Он упал на нее, как металл, ничком, раскинув руки; не увидел, как вздыбилась земля, не услышал собственного падения. Только что он с трудом ковылял позади Кармайкла, и вот уже лежит ничком в грязи.

Кармайкл, продолжая говорить, сделал еще несколько шагов. Оглянувшись, чертыхнулся, вернулся и наклонился, приблизив свое безмя-

тежное лошадиное лицо к лицу Фергессона. Тот почувствовал его присутствие и заворчал, пытаясь подняться. Но подняться он не мог. Не было сил. Он ничего не слышал, кроме отдаленного жужжания, и, хотя он помнил голос Кармайкла, не мог на самом деле понять, что это за звуки.

Ухватив старика за руку, Кармайкл пытался поднять его. Он поднимал его обеими руками, но Фергессон не шелохнулся; Кармайкл не способен был сдвинуть его с места, а Фергессон чувствовал свой собственный вес, тяжелый и мертвый, плотно прихваченный магнетической землей. Он попал в западню и не мог ничего ни сделать, ни произнести; мог только ждать. И надеяться, что Кармайкл найдет выход.

— Эй! — позвал Кармайкл, обращаясь к нескольким рабочим на склоне холма. — Здесь требуется помощь.

Рабочие подошли к нему. Фергессон не чувствовал ни испуга, ни того, что он оказался в дурацком положении; он ощущал лишь слабую тошноту и начинающуюся боль в груди. В его сознании отпечатывались очертания стальных опорных балок. Они были под ним. Давление превратилось в боль, и он сморщился.

— Что случилось? — спросил кто–то из рабо-

чих.

— Он упал, — сказал Кармайкл.

Они подняли старика на ноги, перевели его в стоячее положение. Фергессон обнаружил, что он стоит и что с него спадают комья грязи и раздавленные сорняки. Однако давление в груди так и осталось; он поднял руку и машинально пригладил волосы. Собственное лицо показалось ему отекшим и сочащимся влагой, как будто из него струилась кровь.

— Спасибо, — сказал Кармайкл, и рабочие разошлись. — Эй, — обратился он к Фергессону. — Ну вы и грохнулись!

Фергессон кивнул. Боль в груди лишала его дара речи. Он коснулся ее своими оцепеневшими пальцами, но не почувствовал ровным счетом ничего. Говорить он тоже не мог. Теперь он испугался.

— Пойдемте в офис, — сказал Кармайкл. Придерживая Фергессона за плечо, он привел его к лачуге с крышей, покрытой толем. — Чашку кофе?

— Нет, — сказал Фергессон. Его голос звучал разлаженно и словно бы доносился издалека. Он как будто слышал его по телефону. — Мне надо возвращаться.

— Хотите сесть в свою машину?

Фергессон кивнул, и Кармайкл подвел его к припаркованному «Понтиаку». Кармайкл открыл дверцу, и старик забрался за руль. Он откинулся на мягкое сиденье и большими глотками всасывал воздух. От воздуха у него саднило в горле, как будто его он тоже ободрал при падении. Подняв руку к грудной клетке, он надавил на нее.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Кармайкл.

Он кивнул.

— Надо было смотреть на эту мокрую землю, с ней шутки плохи.

— Да, — сказал Фергессон.

В голове у него начало проясняться, и он стал осознавать, что к чему. Но боль в груди свидетельствовала, что внутри у него что–то повреждено; он дрожал от испуга и хотел, чтобы Кармайкл оставил его в покое. Ему не терпелось вернуться в Окленд.

Кармайкл, опершись на дверцу машину, долго говорил, продолжая свои рассуждения как ни в чем не бывало. Его бесконечное спокойствие нарушено не было: старик упал, а Кармайкл организовал, чтобы его подняли на ноги. Старик обливался потом, откинувшись на сиденье своего

автомобиля, и думал, как доехать обратно. Он был уверен, что справится; сможет, если понадобится, съехать с дороги. Решив ехать прямо сейчас, он открыл глаза и перебил агента по продажам:

— Спасибо, мистер Кармайкл. Увидимся.

Правой рукой он включил зажигание, ногой надавил на газ. Мотор завелся.

— Погодите, — сказал Кармайкл. — Я дам вам свою карточку.

Фергессон принял карточку и сунул ее себе в карман. Он отъехал на ярд, а Кармайкл шагал рядом. Глядя через ветровое стекло, Фергессон моргал, когда пот просачивался сквозь брови и затекал в глаза. Боль стала интенсивнее, не такой приглушенной, как прежде; он почувствовал, что она локализуется в сердце, и внезапно понял, что у него был сердечный приступ: не сильный, легкий, случившийся из–за ходьбы в гору и волнения.

— До свидания, — сказал он и кивнул; автомобиль тронулся с места и покатил по дороге.

— Увидимся, Джим, — сказал Кармайкл.

Он исчез из поля зрения Фергессона. Звук его голоса растаял. Фергессон вел машину, вцепившись в руль обеими руками. Проехав около мили, он приостановился и снова откинулся на сиденье,

стараясь устроиться поудобнее. Боль, казалось, ослабевала. Это его радовало.

К тому времени, когда он снова отыскал шоссе, ему уже вполне удавалось сидеть прямо. Спазм ослабел — или боль утихла. Трясущейся рукой он впервые переключился на высокую скорость. Рев двигателя стал тише.

Он все еще был испуган и, ведя машину, напевал самому себе: «Бом–бом, бом–бом». Это ничего не означало, и он никогда прежде не издавал подобных звуков, не было случая, чтобы его губы снова и снова повторяли такие звуки, как будто они были чем–то важным. «Бом–бом». Он испытал облегчение, когда по обе стороны увидел Сан–Рафаэль, потому что это означало, что вскоре он окажется на мосту и поедет обратно к Ист–Бэю. «Бом–бом», — сказал он себе, вслушиваясь в собственный голос. Силы его восстановились, и он повторил это громче. Полуденное солнце припекало, из–за чего пот стекал у него по щекам и заливался под воротник. Куртка сковывала его движения, а когда он пошевелился, то почувствовал подергивание ткани. Возможно, подумал он, стальные балки рассекли ему грудь.

Глава 7

Мастерская не открывалась весь день; ее деревянные двери были заперты. Старик припарковал «Понтиак» у входа и неуклюже выбрался, чтобы отпереть амбарный замок, удерживавший двери вместе. Когда он потянул их кверху, его окатило хлынувшим потоком влажного затхлого воздуха.

Загнав «Понтиак» внутрь, он прошел в свой офис и расстегнул куртку. Сунув руку под рубашку и майку, чтобы добраться до тела, он обнаружил, что ткань пропитана кровью. Ребра пересекала глубокая зарубка, которая все еще кровоточила. Он тут же отправился в умывальню, где смыл кровь с помощью бруска мыла «Лава». Зарубка стала белой, а плоть, оказалось, была не столько рассечена, сколько вмята.

Значит, думал он, вернувшись за письменный стол в офисе, боль была вызвана столкновением, ударом; это сталь ударила его по груди, и нет причин предполагать что–то более серьезное. Болеть перестало. Он чувствовал слабость и тошноту. Наклонившись, он выдвинул нижний ящик и достал полупинту бренди «Братья во Христе». Единственным стаканом, который он смог

найти, был бумажный стаканчик со скрепками. Высыпав их и выпив немного бренди, он стал щелкать по скрепкам, запуская их по поверхности стола. Потом, наконец, нашел номер Хармана и набрал его.

— Алло, — сказал он. — Харман? Мистер Харман?

— Один момент, — отозвалась телефонистка. — Соединяю вас с мистером Харманом.

Послышался ряд щелчков, он ждал. Потом раздался мужской голос.

— Харман слушает.

— Это Фергессон, — сказал он. — Меня заинтересовала эта площадка, но я не могу найти мистера Бредфорда.

— Ах да, — сказал Харман, и в его голосе прозвучала мимолетная озадаченность.

— Я ездил туда, но его там не было.

После паузы голос Хармана сказал:

— Друг мой, я все думаю о вас и о вашем бизнесе. Думаю, как вам лучше поступить… у вас есть адвокат?

— Нет, — сказал Фергессон.

— Ну а кто занимался документами по вашей автомастерской?

— Мэтт Пестевридес. Брокер по недвижимости.

— Мне кажется, — сказал Харман, — что если вы собираетесь иметь дело с Бредфордом, вам следует действовать через кого–то другого. Говорю это, не подразумевая ничего обидного. Но я, Джим, полагаю, что вы действительно управились бы гораздо лучше, если бы смогли вести дела через какого–нибудь представителя, который привык общаться с такими предпринимателями, как Бредфорд. Который может — понимаете, что я имею в виду? — говорить с ними на одном языке.

— Я хочу это заведение, — сказал Фергессон.

— Автосервис?

— Хочу его купить! — громко сказал он прямо в ухо Хармана. Рокот его голоса отозвался в трубке нестройными звуками.

— Хорошо, послушайте, — сказал Харман. — Наймите адвоката. Пусть он найдет подход к Бредфорду. Пусть скажет им, что у него есть интересный клиент, который хочет узнать о них больше. Он разберется, как с ними обращаться. Может, у Бредфорда и его компаньонов уже имеется проспект — ну, вы знаете, что это такое, это финансовый проект, в котором излагаются все подробности. Пускай вага адвокат его просмотрит и скажет, что он думает. Или свяжитесь

с брокером по инвестициям. С кем–то, у кого есть опыт в такого рода вещах. Или, если хотите, предоставьте это мне.

— Я поручу это Царнасу. — Это был болгарин, поверенный, занимавшийся делами собственности, который готовил документы на его хозяйство, когда он его только покупал. — Спасибо.

— Если хотите, я сообщу вам имя своего собственного поверенного, — сказал Харман. — Он отличный специалист.

— Нет. — У него снова начала болеть грудь. — Спасибо.

Он положил трубку.

Почему, думал он, мне нельзя повидаться с Бредфордом самому? Почему я должен действовать через кого–то еще? Бредфорд, подобно богу, был невидим, находился где–то высоко в небе; его знали только по его делам. Большим людям, финансистам, полагалось узнавать о Джиме Фергессоне не напрямую и не сразу; знание о Фергессоне должно подползать к ним постепенно, если только ему вообще суждено доползти. И в какой мере оно будет им важно? Насколько ценно? Но он принял решение двигаться дальше.

Он позвонил в офис Царнаса. Ответила его дочь.

— Я хотел бы поговорить с Борисом, — сказал он. — Это Фергессон.

Он попросил Царнаса разузнать о «Садах округа Марин», а потом, положив трубку, выдвинул ящик стола и нашел сигару «Датч–мастерс», до сих пор завернутую в целлофан. У сигары был хороший вкус, и она дала ему возможность расслабиться. Боль в грудной клетке была тупой, невнятной, однообразной, повторяющейся, как пульс.

Снаружи, за дверью офиса, стояли автомобили, ожидавшие его рук, автомобили с металлической пылью на капотах, оставленной продолжительным истиранием клапанов. Один «Плимут» стоял на задних колесах, поддерживаемый гидравлическим домкратом; он забыл его опустить. «Плимут» стоял так уже три дня. Он подивился, как здорово держат сжатый воздух уплотнения домкрата. Докурив сигару, он вышел из офиса и взял с верстака инструменты. Вытолкнул ногой плоскую деревянную тележку и опустился на нее.

Снова он был под машиной, в холодной тьме, среди неотчетливых очертаний. Отыскав на шнуре лампочку, защищенную колпаком, он потянул ее за собой; желтая область распространилась на

коробку передач и маховое колесо автомобиля.

Когда он перекатился на бок, чтобы взять торцовый ключ, в груди у него что–то хрустнуло. При этом от боли у него открылся рот, он выпустил ключ. Боль, которую он испытывал прежде, набросилась на него снова, как будто и не исчезала. Боль воцарилась в нем, и он не мог дышать. Когда он хватал воздух ртом, у него свистело в горле, словно оно было чем–то заложено.

— Черт, — сказал он, когда смог говорить, и перекатился обратно на спину.

Он лежал, прижав руки к бокам, и видел ослепительный свет электрической лампы. Что–то внутри него вышло из строя. Что–то весьма существенное. После недавнего падения он не оправился.

Некоторое время он лежал под машиной, а потом выкатился на тележке наружу. Бросил инструменты на верстак и вернулся в офис. С час он просидел там, ничего не делая. Времени было уже полчетвертого, а он не ел с шести утра. Через залитый белым солнечным светом прямоугольник входа проходили чьи–то силуэты. Не зайдет ли кто–нибудь к нему, прикидывал он. Если так, то, может, этот кто–то принес бы ему сэндвич из кафе неподалеку.

Ближе к вечеру, когда солнце уже не так жарило, Эл Миллер вынес галлоновую бутылку политуры и принялся полировать «Олдсмобиль» 1954 года, который он взял у оптового торговца. В ожидании, пока политура высохнет, он включил воду, взял шланг и стал мыть другие свои машины; он переводил шланг то туда, то сюда. Свет в это время дня был особенно ярким, и ему пришлось надеть темные очки. Из–за слепящего света он стоял спиной к улице и тротуару.

Двинувшись к задней части одной из машин, он повернулся и заметил, что к нему направляется какая–то женщина, которая, незамеченная им, уже проникла на его участок. Очень быстро шагая, она приближалась к нему по прямой линии. Она наступала на него, а он стоял с брызжущим шлангом в руках и щурился, пытаясь распознать, кто это такая, если он вообще ее знал. Часто вот таким образом приходили женщины, которые хотели, чтобы им изменили показания счетчика платного времени парковки, — с такой же быстротой и целеустремленностью.

Женщина, дебелая, средних лет, начала вдруг вопить на него высоким голосом:

— Ах ты, ужасная личность, все стоишь здесь! Ничего не делаешь, как всегда!

Она повторила эти же слова несколько раз, по–разному их перетасовывая; он смотрел на нее с открытым ртом, совершенно ошарашенный.

Это, теперь он видел, была Лидия Фергессон.

— Просто стоишь здесь, и все! — кричала она, ее лицо удлинялось, вытягивалось, как бы перестраиваясь изнутри. — Никогда ничего не делаешь в обширном мире, кроме как для себя, ты, эгоистичный, отвратительный тип!

— Что? — сказал он, двинувшись, чтобы закрыть воду.

Лидия указала на мастерскую.

— Его там нет, — сказал Эл. — Целый день не было. Я заглядывал около двух.

Рот у нее раскрылся, и она сказала:

— Он лежал там больной.

О господи, подумал Эл. Вот те на.

— Больной чем? — спросил он. — Может, скажете? — У него самого повысился голос, сделавшись почти таким же пронзительным, как у нее. — Ты, чужестранка истеричная, дура повернутая! — заорал он на нее, стоя так близко, что различал каждую пору на ее коже, каждую складку и морщинку, каждый волосок. Она попятилась, выказывая страх. — Убирайся отсюда! — орал он. — Убирайся с моей стоянки! — Когда она

стала отступать, он побежал за ней. — Что с ним случилось? — крикнул он, бросая шланг и хватая ее за рукав. — Говори!

— У него был приступ, — сказала она.

— Где он сейчас?

— Дома. — Голос у нее стал тише, в нем больше не было обвинительных ноток. — Один хороший клиент, у которого есть привязанность к нему и забота, случайно приехал и нашел его сидящим в офисе; он даже не мог позвонить. И он отвез его к доктору, который сделал ему рентген и перевязку.

Испуг Эла несколько уменьшился.

— Вы это так подали, словно он умер. Как будто концы отдал.

Его трясло, а голос звучал неровно.

— До свидания, — сказала Лидия. — Я приехала сюда на такси, чтобы сказать вам, к чему могло бы привести ваше отношение.

— Какое отношение? — Он последовал за ней до края своего участка. Там, на парковочной площадке, стояло такси, новое, желтое и блестящее; его водитель, сидя за рулем, читал газету. — Я сам отвезу вас обратно, — сказал он. — Повидаю его, ладно? Могу я его увидеть, посмотреть, как он там?

— Будете ли вы управлять машиной с осторожностью? — спросила Лидия.

— Конечно, — сказал он, уже направляясь к лучшей своей машине, «Шевроле».

Он открыл дверцу, завел мотор и дал ему набрать обороты, нажав на педаль газа. Потом он подошел к припаркованному такси и заплатил шоферу. Вернувшись, обнаружил, что Лидия уже забралась в «Шевроле» и устроилась на заднем сиденье. Она сидела, уставившись вперед, с ничего не выражающим лицом… нарочно, подумал он, усаживаясь за руль. Заявилась сюда затем лишь, чтобы мне стало плохо, потому что я его не нашел.

Он вел машину, маневрируя в потоке транспорта. Никто из них не раскрывал рта.

Подъехав к их дому на Гроув–стрит, он пошел впереди Лидии, прежде нее поднялся на крыльцо. Но входная дверь была заперта, и ему пришлось ее дожидаться. Как только она отперла дверь, он вошел внутрь.

Там, в гостиной, он и застал старика, который выглядел почти так же, как всегда, за исключением того, что вместо хлопчатого рабочего костюма и башмаков был облачен в голубой банный халат и домашние тапочки. Он сидел посреди кушетки,

положив ноги на пуфик, и смотрел телевизор. Телевизор был включен на такую громкость, что его звук наполнял всю комнату. Эл остановился, глядя на старика, но тот его вроде и не замечал.

В конце концов Эл подошел к телевизору и убавил звук. Тогда старик повернул голову и заметил его.

— Что случилось? — спросил Эл.

— Грудь рассек, — сказал старик.

— И все?

— Может, ребро треснуло. Доктор сделал рентген. Перевязал меня.

— Как это произошло?

— Упал, — сказал старик.

— Что, поскользнулся на масле?

— Нет.

Эл ждал.

— Как же тогда? — спросил он наконец.

— На мокрой траве, — сказал старик.

— Черт, где же ты ее нашел, мокрую траву?

— Он был в округе Марин, — из–за его спины сказала Лидия.

— На отдыхе, что ли? — предположил Эл.

— По делам, — сказал старик.

Какое–то время он сидел молча, с мрачным лицом. Ничего больше не говорил. Эл не мог при-

думать, что сказать; он просто стоял, переводя дух и успокаиваясь. В конце концов, все вроде было не так уж плохо. Очевидно, жена его просто переволновалась.

— Ты в чем–либо нуждаешься, тебе что–нибудь требуется? — спросила Лидия, приближаясь к старику.

— Может, кофе, — сказал старик. — Как насчет чашки кофе? — спросил он у Эла.

— Идет, — сказал Эл.

Лидия исчезла на кухне. Мужчины остались наедине, и оба молчали.

— Как она меня перепугала, — сказал Эл.

Старик ничего не сказал, и выражение его лица нисколько не изменилось.

— Ты ведь неплохо себя чувствуешь, да? — сказал Эл. — Когда думаешь вернуться к работе? Что сказал доктор?

— Он мне позвонит. Когда получит рентгеновский снимок.

Эл кивнул.

— Могу я чем–то помочь? — спросил он вскоре.

— Нет, — сказал старик. — Спасибо.

— Скажем, позвонить каким–нибудь твоим клиентам?

— Нет.

— Ладно, — сказал Эл. — Дай мне знать, если что.

Старик кивнул.

Из кухни донесся отчетливый голос Лидии:

— Мистер Миллер, зайдите сюда на минутку.

Он спустился в прихожую и прошел в кухню.

Лидия, стоя спиной к нему у буфета и готовя кофе, сказала:

— Пожалуйста, теперь, когда вы достаточно долго его видели, покиньте наш дом.

— Послушайте, — сказал Эл, — я проработал с ним немало лет…

Его переполнял гнев, смешанный со всегдашней неприязнью к ней.

— Достаточно долго, — сказала она быстро и четко, командным, едва ли не веселым голосом, отходя, чтобы взять кофейные чашки.

— Что я такое сделал? — спросил он.

Повернувшись к нему, Лидия сказала:

— Несмотря на все, что он говорит, он болен. Он — больной человек.

— Ну да, — сказал Эл.

— Позвольте ему оставаться дома, где ему подобает быть и где он восстанавливает свои силы. Не предъявляйте требований.

— Каких? — спросил он. — Каких требований?

Что вы имеете в виду? Чего, по–вашему, я от него добиваюсь, что получаю? Думаете, я всегда прошу его помочь с починкой моих машин? Может, и так.

Он чувствовал и ненависть к ней, и унылость, обычную свою застарелую унылость. Конечно, так оно и было; он действительно использовал старика. И ей он никогда не нравился. Она и сама использовала старика, так что легко могла видеть, что происходит.

— Учтите только, что и я ему помогаю, — сказал он. — Со всякими тяжестями. Вы это учитываете? Лучше бы подумали и об этом.

Она ничего не сказала. Продолжала сновать по кухне, не обращая на него никакого внимания, с застывшей, по обыкновению, улыбкой. Теперь, произнеся слова своей роли, она лишь ждала, чтобы он убрался.

Какое–то время он не двигался с места. Пытался придумать, что еще сказать, но никаких мыслей не появлялось. Ничего не было, кроме переполнявших его чувств. Наконец он повернулся и направился обратно в гостиную. Старик, обнаружил он, опять смотрел телевизор, звук которого оставался приглушенным; старик не отводил глаз от экрана, все его внимание было

направлено на водянистые серые очертания.

— Пока, — сказал Эл. — Мне надо ехать.

Старик тут же кивнул. Эл подождал, но тот не говорил. Так что он, сунув руки в карманы, прошел через дом к входной двери.

Минуту спустя он уже был снаружи, на тротуаре, и забирался в «Шевроле».

Не надо было мне уходить, думал он, отъезжая. Надо было остаться там, как–то там зацепиться и спасти его от этой ведьмы. От этой старой гарпии.

Но он не мог придумать никакого предлога, чтобы вернуться, никакого способа представить свое возвращение оправданным.

Черт возьми, я действительно ни на что не гожусь, сказал он себе. Бездельник, просто бездельник. Неудивительно, что я ничего не достиг. Нет у меня ни напора, ни амбиций. Я обречен, и сам это знаю. Для меня просто нет места. Кишка у меня тонка пробить себе место.

Он не стал возвращаться на стоянку; вместо этого, увидев, что уже около пяти, он поехал домой, в свою собственную квартиру в трехэтажном деревянном доме, сером от старости.

Когда он открыл дверь, его встретили звуки и запахи: Джули вернулась раньше него и хлопота-

ла у кухонной плиты, готовя отбивные на ужин. Он вошел и поздоровался с нею.

— Привет, — сказала она. На ней были джинсы и сандалии, и это напомнило ему о том, что сегодня был один из ее нерабочих дней. — Ужин будет готов только через полчаса. Ты сегодня рано.

Он подошел к холодильнику и достал из него бутылку шерри.

— Тебе кто–то звонил, — сказала Джули. — Женщина.

— Назвалась?

— Да, миссис Лейн. Сказала, что ей надо сообщить тебе что–то важное. Что тебе надо обязательно ей перезвонить.

— Это риелторша, — сказал Эл, усаживаясь за стол. — Со стариком сегодня случилось несчастье, — сказал он. — Упал. Его отвезли домой.

— Досадно, — безразличным тоном сказала Джули: в ее голосе не было ни удивления, ни сожаления, ни озабоченности.

— Тебе что, все равно? — сказал он.

— Не понимаю, почему это должно меня заботить, — сказала она.

— Я, пожалуй, поеду обратно, — сказал он. — К нему домой.

— Не забывай об ужине, — сказала она.

— Ты имеешь в виду, что мне лучше не ездить? Что лучше остаться?

— Я не собираюсь готовить его тебе, если ты туда поедешь. С какой стати? — сказала Джули.

На это у него не было ответа. Он вертел в руках бутылку шерри.

— Ты будешь звонить этой риелторше? — спросила она. — Этой миссис Лейн?

— Нет, — сказал он. — Она меня достала.

— Говорила она очень любезно. И голос приятный.

— Если позвонит снова, скажи, что меня нет, — сказал он.

Пока жена готовила ужин, он сидел за столом, попивая шерри. Вскоре начал снова обдумывать свой замысел насчет шантажа этого крупного бизнесмена, Криса Хармана. Он уже решил, что лучше всего было бы действовать совершенно прямо, позвонить Харману, по домашнему номеру или по рабочему, неважно, и, когда он ответит, просто сказать: «Слушайте, я знаю, что вы выпускали непристойные пластинки, а это противозаконно. Уплатите мне столько–то, или я пойду в полицию и заявлю об этом». Как он ни пытался, придумать что–нибудь совершеннее ему не удавалось.

Может, мне следует заняться этим прямо сейчас, подумал он. Пока у меня есть настроение. Так что он поставил стакан и прошел в гостиную, где стоял телефон. Усевшись рядом с ним, он стал перелистывать справочник, пока не дошел до буквы «Х». И наконец отыскал телефон Кристиана Хармана, который жил в Пьемонте. Адрес вроде был верен, И он снял трубку и начал набирать номер.

Но, набрав только префикс, он передумал; положил трубку и снова стал размышлять. Вероятно, для этого существуют хорошо известные способы получше, с которыми знакомы те, кому уже приходилось заниматься такими делами. Кто бы это мог быть? Кто–нибудь вроде Тути Дулитла, возможно. Он успел провернуть немало разных хитроумных штуковин.

— Кому ты звонишь? — спросила Джули из кухни. — Той женщине?

— Нет, — сказал он.

Поднявшись, он подошел к двери и закрыл ее, чтобы жена ничего не слышала. Тем временем ему, ко всему прочему, пришло в голову, что Харман мог узнать его голос.

Когда он набрал номер Тути, ответил женский голос.

— Тути, пожалуйста, — сказал он.

— Еще не пришел, — ответили ему. — Кто это?

Он назвался и попросил, чтобы Тути ему перезвонил.

— Он только что вошел, — сказала женщина. — Как раз в дверях. Минуточку, пожалуйста.

Телефон ударил его по барабанной перепонке; последовали шуршания и приглушенные слова, затем заговорил Тути:

— Привет, Эл.

— Слушай, — сказал Эл, — у меня тут одно дельце, с которым мне самому не управиться, а ты можешь помочь. Займет всего секунду. Надо позвонить.

Они не в первый раз обменивались услугами такого рода.

— Кому? — спросил Тути.

— Я просто дам тебе его номер, — сказал Эл. — Спросишь Криса. Когда подойдет, скажешь, что тебе все известно о пластинке «Маленькая Ева».

— Идет, — сказал Тути. — Скажу ему, что знаю о пластинке «Маленькая Ева». А он что?

— Должно быть, огорчится, — сказал Эл.

— Огорчится.

— Потом ты скажешь: «Но я могу забыть, что знаю о пластинке «Маленькая Ева», или что–ни-

будь в таком роде. Что–нибудь такое, из чего бы он заключил, что ты хочешь договориться с ним о сделке.

— Я забуду о пластинке «Маленькая Ева», — повторил Тути.

— И после этого клади трубку. Только скажи, что позвонишь позже. Потом клади. Не виси на телефоне.

— Я позвоню из будки, — сказал Тути. — Всегда так делаю в этих случаях.

— Прекрасно, — сказал он.

— Из той, что у входа в винный, — сказал Тути.

— Прекрасно.

— Потом перезвоню тебе и скажу, что он сказал.

— Прекрасно, — сказал Эл.

— А его номер? Ты вроде собирался мне его дать.

Он продиктовал Тути телефонный номер Хармана. Положив трубку, откинулся и стал ждать.

Через полчаса телефон зазвонил, и, сняв трубку, он снова услышал голос Тути.

— Звоню ему, — сказал Тути, — и говорю: «Слышь, мужик, я знаю про эту «Маленькую Еву“. Что думаешь делать?» Правильно?

— Отлично, — сказал Эл.

— Он говорит: «Что–что?» Я говорю снова, что говорил.

— Он занервничал?

— Не, ничуть, — сказал Тути.

— А что?

— Да ничего. Спросил, сколько мне надо.

— Как? — изумился Эл.

— Он говорит: «Сколько тебе штук «Маленькой Евы“?» Хочет продать мне сколько–то пластинок «Маленькая Ева», он звукозаписью занимается. Я записал название его фирмы. — Пауза. — Называется «Пластинки Тича».

— О боже, — сказал Эл. — Он принял тебя за торговца пластинками, решил, что ты хочешь сделать заказ.

— Он говорит, что продает их только в коробках, — сказал Тути, — по двадцать пять штук со скидкой в сорок процентов. И еще говорит: «Сколько надо проспектов? Они идут бесплатно».

— А ты что сказал?

— Говорю, перезвоню позже, и вешаю трубку. Правильно?

— Правильно, — сказал Эл. — Большое спасибо.

— Слышь, — сказал Тути, — а что, эта «Ма-

ленькая Ева» касается цветных и всех ихних проблем?

— Нет, — сказал Эл. — Это же песня. Пластинка.

— Моя жена говорит, — сказал Тути, — что «Маленькая Ева» — это цветная малышка.

Он еще раз поблагодарил Тути и повесил трубку.

Что ж, это дельце совершенно не выгорело.

Из кухни появилась Джули.

— Ужин не ждет, — сказала она.

— Хорошо, — сказал Эл, погруженный в свои мысли.

Проходя на кухню и придвигая к столу свой стул, он думал: этот парень явно не очень–то нервничает из–за своих грязных пластинок. И они вовсе не призрак из его прошлого; он по–прежнему может поставлять их в коробках на двадцать пять штук.

За едой он обмолвился жене, что Лидия Фергессон выставила его из дома. Лицо Джули тут же заполыхало.

— Черт бы ее побрал, — сказала она в бешенстве. — Вот, значит, как? Будь я там, я бы заставила ее заткнуться. Непременно заставила бы. — Она уставилась на него, так глубоко за-

хваченная своими переживаниями, что уже не могла говорить.

— Может быть, он, когда умрет, оставит мне что–нибудь, — сказал Эл. — Может, он вообще все завещает мне. Детей–то у него нет.

— Меня это не заботит! — крикнула Джули. — Меня заботит их обращение с тобой. Сначала он тайком от тебя затеял эту продажу, хотя прекрасно знает, что без этой стоянки ты лишаешься куска хлеба, а потом они еще и вытирают об тебя ноги. Боже, как жаль, что меня там не было! И эта стерва еще заставила тебя везти ее домой. Как будто ты ей шофер!

— Это была моя идея, — сказал он. — Отвезти ее домой, чтобы самому посмотреть, как он там и что с ним такое.

— Он для тебя — ничто! Он в прошлом, куда нет возврата, — сказала она. — Не думай больше об этом старике; забудь, что когда–то видел его и знал, — думай о будущем. И никогда к ним больше не ходи. Лично я туда ни ногой, хватит с меня их покровительства.

— Честно говоря, — сказал Эл, — я решил сегодня же съездить туда снова.

— Это еще зачем? — выпалила она, дрожа от негодования.

— Мне не нравится, когда меня вот так вышвыривают. Думаю, я должен туда вернуться. Из чувства собственного достоинства и гордости.

— Вернуться и сделать что? Да она тебя просто оскорбит; ты ни с кем из них не можешь за себя постоять; ты слишком слаб, чтобы иметь с ними дело. Нет, не слаб. Но… — Джули повела рукой, совсем забыв о еде. — Не способен смотреть в лицо грубой действительности.

— Теперь я просто обязан вернуться, — сказал Эл. — После того, что ты сказала.

По крайней мере, так это ему представлялось. Другого достойного пути не существовало. Даже моя жена, думал он, смотрит на меня свысока.

— Тогда лучше прими какую–нибудь из этих своих таблеток, — сказала Джули. — Прими дексимил, он у тебя есть. Когда ты их принимаешь, у тебя вроде как больше задора.

— А что, хорошая идея, — сказал Эл. — Приму.

— Ты это серьезно? — спросила Джули. — Хочешь напрягать мозги на износ ради этих людишек, даже без какой–либо выгоды?

— Поеду и спрошу у него, что такое он делал в округе Марин посреди рабочего дня, — сказал Эл. — Очень мне это любопытно.

Но на самом деле он жаждал ответить на враж-

дебный выпад Лидии Фергессон; он чувствовал, что должен постоять за себя. Жена заставила его прийти к такому заключению — или же, по крайней мере, ускорила процесс. Через день–другой, решил он, я бы и сам к этому пришел.

Глава 8

Услышав, что к обочине возле дома подъехал автомобиль, Лидия Фергессон подошла к окну и посмотрела вниз.

— Опять этот отвратительный, тошнотворный тип, — сказала она. — Этот Эл.

— Вот и славно, — сказал старик.

Откинувшись на кушетке, он как раз думал, что было бы неплохо, если бы кто–нибудь составил ему компанию. Он все еще был подавлен. Силы к нему не возвращались, он не мог даже одеться и оставался в банном халате; к столу он не спускался, и Лидия подала ему ужин в гостиную.

— Я его не впущу, — сказала Лидия.

— Впусти, — сказал он; слышно было, как Эл поднимается по ступенькам крыльца. — Мы выпьем с ним пива. Пойди–ка и принеси пива. Раньше ему надо было срочно уехать.

В дверь позвонили.

— Я не стану отпирать ему дверь, — сказала Лидия. — Знаешь ли ты, что я ее заперла? На цепочку.

Это его не удивило. Тяжело поднявшись на ноги, он шаг за шагом преодолел пространство

гостиной; она смотрела, как он все ближе и ближе подбирался к входной двери. Ему потребовалось немало времени, но в конце концов он с этим управился: снял цепочку и повернул дверную ручку.

— Приветствую, — сказал Эл. — Рад видеть тебя на ногах.

— Мы слышали, как ты подъехал, — сказал старик, держа дверь открытой. — Прости, я снова присяду.

Эл вошел в дом и проследовал за стариком через гостиную. Теперь Лидии нигде не было видно, она исчезла. Старик слышал, как где–то закрылась дверь; вероятно, дверь ее спальни. Что ж, вот и хорошо, если учесть ее отношение к Элу.

— У тебя здесь очень мило, — сказал Эл.

Он казался еще более напряженным, чем обычно; стоял, сунув руки в карманы тужурки и ухмыляясь своей суровой, лишенной веселости ухмылкой, так хорошо знакомой старику. Глаза его за стеклами очков поблескивали.

— Присаживайся, — сказал Фергессон. — Женушка твоя с тобой не пожаловала. Видно, все еще дуется на меня.

Эл уселся напротив него.

— Я покупаю новую мастерскую, — сказал

старик.

Эл рассмеялся.

— Я серьезно, — сказал старик.

— Понимаю, что серьезно, — сказал Эл.

— Ты удивлен? Вижу, что да.

— Конечно, — сказал Эл. — Когда это случилось? Сегодня?

— Сегодня я туда съездил и посмотрел, — сказал старик. — Это там, в округе Марин. Мне очень рекомендовали, вот я и поехал. В дело вовлечены многие крупные финансисты. Слышал когда–нибудь об Ахиллесе Бредфорде? Он и есть большая шишка, которая за всем этим стоит. Вложены уже миллионы.

— Во что вложены? — спросил Эл. — Что–то я не понимаю.

Ухмылка его исчезла, он, казалось, был озадачен.

— Это торговый центр, — сказал старик. — Называется «Сады». — Он никак не мог припомнить точного названия, оно ускользало. — «Сады Марин», — сказал он. — Один из этих участков для застройки. Вдоль шоссе.

Фергессон иссяк. Из–за недолгого разговора дыхание у него участилось; он сидел, собираясь с силами и потирая рукою грудную клетку. Эл

увидел это движение, отметил осторожность, с которой тот обследовал себя и к себе прикасался. Старик убрал руку с груди и положил ее на подлокотник кушетки.

— Будь я проклят, — медленно проговорил Эл.

— Я не буду выполнять никаких работ, — сказал старик. — Никаких физических работ не будет. Буду только руководить, присматривать.

Эл кивнул.

— Ну и что ты думаешь? — спросил старик.

— Звучит заманчиво, — сказал Эл.

— Это как раз то, что я искал, — сказал старик. — Там все новое, как завтрашний день. — Именно так он об этом и думал; когда–то он наткнулся на такое выражение, и оно здесь было как нельзя более кстати. — Настоящий атомный век, — сказал он. — Понимаешь? Современно. Все современно. — Он опять устал говорить и просто сидел.

— Замечательно, — сказал Эл.

— Я говорю по секрету, — сказал старик. — Это в самом деле секрет. На меня кое–кто работает, мы созваниваемся. Об этом никто не знает. Об этой возможности. Я даже Лидии ничего не говорил.

— Понимаю, — сказал Эл.

— Тебе надо найти что–нибудь наподобие, — сказал старик.

— Для этого деньги требуются.

— Конечно, — сказал старик. — Мне придется вложить тысяч сорок пять.

На лице у Эла отобразилось, как сильно он впечатлен.

— Немало, да? — с улыбкой сказал старик. — Куча деньжищ. Тридцать пять тысяч получу от продажи. А десять у меня уже есть. В акциях и облигациях. На банковском счете.

— Так ты в это вкладываешь все? — спросил Эл. — Будь осторожнее.

— Я и так осторожен, — сказал тот.

— С юристом советуешься?

— Конечно, — сказал старик. — Слушай, знаешь, кто будет вести мои дела с Бредфордом? — Он уже обдумал этот вопрос и принял решение. — Борис ничего в таких операциях не понимает, — сказал он. — Здесь требуется специалист.

— Борис же твой адвокат.

— Верно. — Глубоко дыша, старик проговорил: — Представлять меня и общаться с этими воротилами будет Харман.

— Крис Харман? Который выпускает непристойные пластинки?

— Да, — сказал старик. — Он ездит на «Кадиллаке» пятьдесят восьмого года, и ему принадлежит

эта фирма, «Пластинки Тича». Я тебе о нем рассказывал.

— Да он же проходимец, — сказал Эл.

— Нет, — возразил старик. — Черта с два.

— Еще какой.

— Что ты знаешь? Откуда тебе знать? — Он почувствовал, как ускорился у него пульс. Все его тело напряглось. — Слушай, ты его не знаешь. А я с ним знаком почти шесть лет. Мы с ним оба бизнесмены.

— Это он тебя туда втравил? — спросил Эл. — Значит, хочет заполучить твои деньги.

— Ты ничего не знаешь, — сказал старик. — Что ты можешь знать? Сколько ты сам–то накопил? Ничегошеньки. — У него пропал голос — задрожал и затих. Прочищая горло, он сказал: — Кучу старых колымаг.

— Слушай, — сказал Эл тихо. — Этот тип — жулик. Я точно знаю. Наверное, и эта площадка ему принадлежит. «Сады». Все знают, что он мошенник.

— Кто, например?

— Миссис Лейн. Она занимается недвижимостью.

— Эта цветная риелторша? — Старик выпрямился на кушетке.

Эл кивнул.

— Твоя цветная приятельница? Это она тебе сказала?

— Верно, — сказал Эл. — Поговори с ней. Позвони.

— Когда это я звонил цветным и спрашивал совета? — сказал старик.

— Не откладывай, — сказал Эл. Лицо его постепенно разгорелось.

— Я не слушаю цветных, — сказал старик.

— Зато слушаешь этого расфуфыренного мошенника, потому что он, видишь ли, ездит на «Кадиллаке».

Они оба умолкли, глядя друг на друга и дыша через рот.

— Не нужны мне твои советы, — сказал старик.

— Еще как нужны. Ты впадаешь в маразм.

Старик не нашелся, что сказать в ответ.

— Должно быть, ты, когда упал, ударился головой, — сказал Эл. — Дурацкой своей головой. Позвони своему адвокату и скажи, что попал в лапы мошеннику. Позвони окружному прокурору. Я сам позвоню окружному прокурору, вот первое, что я сделаю завтра утром.

— Держись–ка подальше от этого, — сказал

старик так громко, как только мог. — Занимайся своими делами.

Неожиданно в комнате появилась Лидия. Никто из них не заметил, как она вошла, и оба повернули головы в ее сторону одновременно.

— Что это такое насчет мошенника, в лапы которого ты попал вместе со своими деньгами? — Когда она двинулась к старику, черные ее глаза так и сверкали. — О чем здесь говорит мистер Миллер? Почему ты ничего не сказал о том, что вкладываешь деньги от мастерской в это место, даже названия которого не знаешь?

— Это мое дело, — сказал старик. Он не смотрел ни на кого из них — уставился в пол.

Обращаясь к Лидии, Эл сказал:

— Этот парень — жулик. Я точно знаю.

Лидия подошла к телефону и сняла трубку; протягивая ее Элу, она сказала:

— Позвоните этому типу, как там его зовут, и скажите, что мой муж не намерен этим заниматься, что он не желает в это ввязываться.

— Конечно, — сказал Эл. Он двинулся было к телефону. — Но это же ничего не будет значить. То, что я скажу.

— Тогда ты скажи, — обратилась Лидия к старику. — Позвони и скажи ему, немедленно. Ты ведь

ничего не писал? Ничего не подписывал, верно? Знаю, что нет. В сердце своем я знаю, что бог не позволил тебе такого; я в это верую.

— Нет. Не подписывал, — сказал он наконец.

— Благодарение богу в небесах над нами! — сказала Лидия. — Как говорит Шиллер, это ода к радости небесного отца в надзвездном краю. — Ее глаза искрились от облегчения и счастья.

— Я встречусь с ним завтра, — сказал старик.

— Нет, не встретишься, — сказала она.

— Это не проблема, — сказал Эл. — Все, что вам надо, — это связаться с окружным прокурором и показать вашему мужу, что Харман сам участвует в этой рискованной затее с недвижимостью, в этом торговом центре, в который и Джима подбивает вложить деньги.

— Конечно, участвует, — сказал старик. — Иначе откуда бы он о нем знал?

— Я имею в виду, что он связан с Бредфордом, — сказал Эл. — С тем типом, с которым ты собираешься вести переговоры через Хармана.

— Если бы между ними не было связи, — сказал старик, — то как бы Харман об этом знал? — Он разволновался. — В этом же все дело! Я знаю, что они связаны; вот в чем все дело!

— Я имею в виду финансовую связь, — сказал

Эл. — Этот торговый центр в финансовом отношении принадлежит ему.

— Значит, он и в самом деле в него верит, — сказал старик. — Если намерен вкладывать в него собственные деньги. Это доказывает, что он считает его надежным. Он предоставляет мне возможность сделать хорошее вложение — в предприятие, в которое вкладывает сам. Конечно, так оно и есть, а вот вы ничего не знаете. Держитесь от этого подальше… — Он замахал руками и на Эла Миллера, и на Лидию. — Да, бабью и желторотым лучше держаться от этого подальше! Предоставьте это мне. Как я скажу, так и будет!

Теперь никто из них не улыбался, глядя на него; исчезла язвительная ухмылка Эла, и безжизненная застывшая греческая улыбка Лидии тоже пропала. Выглядел Эл теперь подавленным. Он скреб по полу ботинком и ощупывал край своей куртки, затем начал то застегивать, то расстегивать на ней «молнию». Старику показалось, что Лидия начала отступать. Лицо ее ничего не выражало. Она вроде как не могла больше совладать с ситуацией; это для нее было чересчур. И, видя это, он ощутил триумф, ощутил вкус победы.

— Послушайте, — сказал он. — Никто из вас даже не видел этого места. Так что вы можете о нем

знать? Вы когда–нибудь ездили в округ Марин? — Они не отвечали. — Только я там был, — сказал он. — Вы говорите о том, чего никогда не видели. — Повернувшись к Лидии, он крикнул: — А ты и мистера Хармана никогда не видела, так что вообще ничего не знаешь!

Они смотрели на него, ничего не отвечая. Поле боя оставалось за ним.

— Ты бы лучше поехал да посмотрел, — сказал старик Элу. — Поезжай туда и посмотри.

— К черту, — сказал Эл. — Не желаю я этого видеть. Я просто даю тебе совет. Мой совет.

— Разумеется, — сказал старик. — Просто совет. А смотреть ты не хочешь, потому что знаешь, что если все увидишь, то признаешь, что был не прав. — Он был так возбужден, что дыхание со свистом вырывалось у него из легких; он их уделал, обоих сразу. — Я занимался бизнесом долгое время, гораздо дольше, чем ты. А ты просто бездельник. Только и умеешь, что штаны просиживать. Знаешь, чем ты занимаешься? Ты… — Он прервался.

— Я продаю подержанные машины, — деревянным голосом сказал Эл.

— Неграм, — добавил старик.

Эл смолчал.

— И это все, на что ты способен в жизни, — сказал старик.

— Я задумал еще пару дел, — сказал Эл.

— Но ты, по крайней мере, не выжил из ума, — со смехом сказал старик. — Не правда ли?

Эл глянул на него и тут же отвел глаза.

— Как я, — сказал старик.

Эл пожал плечами.

— Можешь приехать и навестить меня, когда я буду сидеть там наверху, — сказал старик. — В моей новенькой автомастерской, с механиками. Где все будет с иголочки.

— Хорошо, — сказал Эл.

У него уже не было сил. Не оставалось никакого желания спорить.

Лидия выскользнула из комнаты. Вероятно, вернулась на кухню или в свою спальню; так или иначе, но ее не было. Они остались наедине.

— Смоталась на семинар, — сказал старик.

— Что? — пробормотал Эл.

— На занятия.

— Что ж, я, пожалуй, пойду, — сказал Эл.

— Увидимся, — сказал старик.

Сунув руки в карманы, Эл прошел в прихожую и к входной двери.

— Не унывай! — крикнул вслед ему старик. —

Взбодрись.

— Конечно, — сказал Эл, оборачиваясь. — Удачи.

— И тебе того же, — сказал старик.

Эл открыл дверь. Он помедлил, начал было что–то говорить, но потом закрыл дверь за собой. Вскоре старик услышал, что входную дверь снова открыли, украдкой. Вышла вслед за ним, сказал он себе. И при этом радостно рассмеялся. Сидя в банном халате на кушетке, он смеялся, думая о том, как Лидия и Эл втайне совещаются снаружи, на крыльце, пытаясь что–нибудь придумать. Найти какой–нибудь способ его остановить.

Открывая дверцу своей машины, Эл Миллер услышал позади себя чей–то голос. Лидия Фергессон поспешно спустилась с крыльца и прошла по тротуару.

— Послушайте, мистер Миллер, — сказала она. — Задержитесь на минутку, мне надо с вами поговорить.

Он уселся за руль и стал ждать.

— Я полагаюсь на вас, — сказала она, не сводя с него черных глаз.

— Черт, — сказал он. — Я ничего не могу поделать. — Он чувствовал злость и опустошенность. — Управляйтесь с этим сами.

— Он бы мне никогда ничего не рассказал, — сказала она. — Он не сказал мне ни слова, только о том, что упал; он пошел бы и отдал все деньги этому мошеннику, не обмолвившись ни словом, и оставил бы меня ни с чем. Вот как он ко мне относится.

Эл захлопнул дверцу, завел двигатель и поехал прочь.

Какого черта я сюда приезжал? — спросил он себя. Почему не мог остаться дома?

Оба они психи, сказал он себе.

Как мне из этого выпутаться? У меня и собственных забот хватает. Со своими пусть разбираются сами, у меня нет времени. Я и собственных–то проблем не могу решить, даже с ними не могу разобраться, а они ведь такие простые. Все, что мне надо, это найти новое место для «Распродажи машин Эла».

А потом откуда–то из глубины явилась другая мысль; он ничего о ней не знал, но тем не менее она в нем присутствовала. Надеюсь, его все–таки облапошат, думал он. Надеюсь, Харман отберет у него все, что у него есть. Это как раз то, чего он заслуживает, чего заслуживают они оба — и он, и эта его психованная гречанка–жена.

Мне следовало бы найти способ обчистить его

самому. Вот именно, это как раз то, что надо.

Он проработал с Джимом Фергессоном много лет, и, конечно, если кто и заслуживает получить его деньги, то это он, Эл Миллер, а не какой–то преуспевающий клиент, который разъезжает на «Кадиллаке» и знает старика лишь как типа, который смазывает его машины. Я знаю его лучше, чем кто–либо, сказал Эл себе; я — его лучший друг. Почему же все отойдет Харману, а не мне?

Но если я попытаюсь обчистить старика, подумал он, то где–нибудь напортачу и угожу в тюрьму. Не стоит даже и пробовать; я не смогу ни провести старика, ни шантажировать Хармана. У меня просто нет такого таланта.

Почему мне не дано быть таким же, как он? — спросил он себя. Я — неудачник, а Крис Харман — таков, каким следовало бы мне быть; у него есть все, чего нет у меня.

Но, задумался он, как становятся таким, как Харман?

Легкого способа не существовало. Проезжая по улицам, Эл Миллер рассматривал все возможные пути; пытался понять, как человек вроде него может стать человеком вроде Криса Хармана. Это для него было совершенной тайной. Головоломкой.

Неудивительно, что все смотрят на меня свысока, подумал он.

Вот что я сделаю, решил он, — пойду к Харману в дом и, когда он подойдет к двери, скажу ему, что хочу на него работать. Что хочу быть продавцом грязных пластинок. Вот что я ему скажу. Он сможет для меня что–нибудь подыскать; если не это, то что–нибудь другое. Я могу чинить прессы для пластинок. Или работать у него дома, с его машинами; у него теперь нет механика. Могу посвятить все свое время его «Кадиллаку» и «Мерседесу–Бенц», полируя и смазывая их и выравнивая передние колеса. Что мне следует сделать, думал он, так это проявить настоящее честолюбие и придумать нечто выдающееся; я, например, мог бы сказать ему, что умею исцелять больные машины или больные прессы для пластинок. Наложением рук. Или с помощью пения. Придумать что–то такое, что по–настоящему привлечет его внимание. Разве не так поступали великие американцы в прошлом? У всех у них было чутье. Когда им было, скажем, девятнадцать, они заявлялись в офис к Эндрю Карнеги на минутку и говорили, что никогда не экономили бечевку или что требуют двадцать пять долларов за час своего времени. И это срабатывало.

Мне надо придумать именно такое, сказал он. Надо думать, пока мне в голову не придет по–настоящему потрясающая новая идея, которая его разберет. Если не дотяну, то я обречен; буду продолжать, как сейчас, и никогда не добьюсь ничего большего.

Это мой шанс пробиться и сделаться кем–то.

От этого, думал он, зависит вся моя жизнь, все мое будущее. Справлюсь ли? Должен. Да, я должен, ради Джули, ради себя; в сущности, ради своей семьи. Мне нельзя больше ждать, нельзя и дальше плыть вот так, по течению. Возможность сама стучится в двери — в виде этого парня, Криса Хармана; если я не отзовусь, то другого шанса уже не будет. Так оно всегда происходит.

А потом ему в голову пришло кое–что еще. Похоже, я свихнулся, подумал он. Все эти тамошние дела, этот спор со стариком — вот из–за чего я спятил. Я не в своем уме.

И все же в этой идее что–то есть. Каким я буду, когда какое–то время проработаю на Криса Хармана? — спросил он себя. Он мог бы предоставить мне какое–нибудь по–настоящему хорошее место. Вероятно, он участвует в столь многих предприятиях, что у него имеется куча рабочих мест; наверное, он нанимает работников сотнями.

Так и есть, думал он, Харман наверняка целый день только и делает, что нанимает и увольняет работников.

Надо ли мне звонить окружному прокурору и сообщать, что Харман мошенник? — думал он. Или попытаться шантажировать его тем, что знаешь о его попытке облапошить старика? Или лучше явиться к нему домой или в офис и попробовать уговорить его взять меня на работу? Или просто поехать домой и лечь в постель со своей женой, а завтра утром встать и отправиться на работу в «Распродажу машин Эла»?

Это был трудный вопрос. Как ни старался, он не мог на него ответить.

Мне надо выпить, сказал он себе. Впереди видны были зеленые и желтые огни бара, бара, в котором он никогда не был, но все же бара настоящего, из тех, у которых есть разрешение на продажу вина и пива. Так что он припарковал машину, вылез, перешел на другую сторону улицы и вошел в бар.

Весь этот спор просто выбил меня из колеи, говорил он себе, протискиваясь между посетителями к бармену, чтобы заказать выпивку. Обнаружить, что Харман задумал облапошить старика, а потом сносить, как старик смеется и

издевается надо мной, потому что я сказал ему правду. Это уж слишком. Вот что я получил за то, что попытался раскрыть ему глаза, осознал он. Вот моя награда за то, что я сообщил ему эту новость; он не желает этого слышать, значит, я во всем и виноват.

— «Хэмме», — сказал он бармену, и тот отправился наливать пиво.

Бедный старый больной псих, думал Эл. Кутается там в свой халат, на ногах — шлепанцы, телевизор смотрит: только на это он и способен. Что–то с ним станется? Может, его хватит сердечный приступ и он умрет, а может, будет и еще один приступ. Может, он сейчас умирает. Может, у него был инсульт и часть его мозга не работает; такое запросто могло случиться.

Но он всегда был таким, осознал Эл. Он не изменился, только стал решительнее. Тупой старпер.

А потом к нему явилась ужасная мысль, хуже всех остальных. Может, миссис Лейн просто пыталась удержать меня в качестве покупателя, подумал он. Пыталась удержать меня от заключения сделки с кем–то, у кого в распоряжении уже есть вся недвижимость; предположим, то, что она говорила мне о Хармане, было просто торговой уловкой, чтобы удержать меня на крючке.

Да, она ловкая женщина, дошло до него. Уж она–то обведет меня вокруг пальца; это все равно, что иметь дело с моей матушкой — там, в Сан–Елене. Может, я не прав насчет Хармана; может, он, в конце концов, не собирается облапошивать старика. Боже мой, может, я сказал старику неправду. Может, он прав насчет меня — меня, моих цветных друзей и всего остального.

Он допил свое пиво и заказал еще. Он оставался у стойки до позднего вечера, пил в одиночку и обдумывал все это снова и снова, признаваясь самому себе — это понимание, казалось, было в нем всегда, — что нет у него никакой способности разобраться в том, как в действительности обстоят дела. Это представлялось ему главным его недостатком, который тем сильнее маячил у него перед глазами, чем больше он о нем думал. Недостаток этот никуда не исчезал; он был реален. Он разрушал его жизнь.

И что он мог с ним поделать?

Через несколько часов он подумал, что нашел ответ. Стараясь шагать как можно ровнее, он прошел к телефонной будке. Затем нашел домашний телефон миссис Лейн, опустил в прорезь десятицентовик и набрал номер.

Когда она ответила, он сказал:

— Алло, это говорит Крис Харман. Почему вы распространяете обо мне сплетни? Что вы имеете против меня?

Он намеревался сказать гораздо больше, но в этом месте миссис Лейн его перебила, причем больше своим хихиканьем, чем фразой.

— Что с вами, мистер Миллер? — Она продолжала хихикать. — Я узнала ваш голос, вы меня не проведете. Похоже, вы что–то празднуете.

— Я не собираюсь обжуливать этого старика, — сказал он. — Он уже много лет держит на ходу мои машины. Вы, должно быть, сошли с ума. Мне следует нанять адвоката и предъявить вам иск. Где мне теперь обслуживать свои машины, когда он продает свое хозяйство? Вам бы следовало меня пожалеть, а не обвинять невесть в чем.

— Вы имеете в виду мистера Фергессона? — спросила миссис Лейн. — Вы о нем говорите?

— Вы против меня, — сказал Эл.

— Никогда не слыхала, чтобы кто–нибудь так нагрузился, — сказала миссис Лейн. — Где вы?

— Я в клубе «Сорок один», — сказал он, поднося к глазам коробок спичек, который дал ему бармен. — На Гроув–стрит. Здесь обслуживают толы ко лучших клиентов.

— Вам лучше пойти домой, мистер Миллер, —

сказала миссис Лейн, хихикая. — И пусть ваша жена уложит вас в постель.

— Почему бы вам не подъехать сюда, чтобы я угостил вас пивом? — сказал он миссис Лейн. — Прихватите своего мужа, если он у вас есть. Если нет, все равно прихватите.

— Вы точно спятили, — сказала миссис Лейн. — Езжайте домой, слышите меня? Езжайте домой.

— Я слышу, — сказал он.

Повесив трубку, он вышел из бара и долго озирался, прежде чем нашел свою машину, сел в нее и поехал домой.

Глава 9

На следующий день Джим Фергессон почувствовал себя достаточно здоровым и отдохнувшим, чтобы одеться и поехать в мастерскую. Он не собирался заниматься какой–либо тяжелой работой; он намеревался заняться только чем–нибудь легким и отвечать на телефонные звонки своих клиентов. Он хотел объяснить им, что происходит, рассказать о своем несчастном случае и сообщить, что будет делать дальше.

Почтальон появился в девять, вскоре после того, как старик отомкнул большие деревянные двери. Среди обычных реклам и счетов он обнаружил письмо странного вида. Оно было в персональном почтовом конверте и не походило на обычное деловое письмо. Имя и адрес его были напечатаны на старой пишущей машинке; буквы были неровными, отчасти ржавыми и забитыми грязью.

Сев за письменный стол, он вскрыл конверт. Письмо, лежавшее внутри, было напечатано на той же старой машинке.

Дорогой мистер Фергессон.

Как понимаю, вы думаете войти в деловые

отношения с мистером Кристианом Харманом, который владеет фабрикой пластинок, что на углу 25–й улицы. Я кой–что знаю о делах такого рода и советую быть осторожнее, поскольку мистер Харман не достоин уважения. Я бы подписался, да только мистер Харман больно хитер и засудил бы меня. Однако я знаю, о чем говорю. А еще мне жаль, что вы продали свою мастерскую.

Подписи под письмом не было.

Небось это Эл состряпал? — спросил себя старик. Он стал хихикать, перечитывая письмо. Вот ведь какую шутку выдумал Эл; он представлял себе, как Эл отыскивает старую пишущую машинку, чем старее, тем лучше, чем грязнее клавиши, тем лучше, а потом напрягает мозги, как это изложить, чтобы письмо так мало походило на его обычный стиль, как только возможно. Чтобы оно звучало так, словно его написал какой–нибудь неграмотный оклахомец или, может быть, ниггер; да, подумал он, так, словно его нашлепал какой–нибудь цветной.

С другой стороны, подумал он, может быть, это письмо не от Эла; может, уже все на свете проведали, что он ездил в округ Марин и осматривал «Сады округа Марин». Слух распространился среди всех лавочников с авеню Сан–Пабло.

Подумав об этом, старик почувствовал злость. Какое им дело? Может, они завидуют, подумал он. Возмущаются, что он вот–вот вырвется из этого захудалого района. Может, это Бетти из лавки здоровой пищи. Чем больше он об этом думал, тем больше ему казалось, что это как раз такое письмо, которое написала бы Бетти со своими докуками и заскоками. Пожалуй, схожу–ка я туда, подумал он. Покажу ей письмо и заставлю признаться, что это она его написала.

Они что, все обо мне судачат? — недоумевал он. Собираются вместе и перемывают мне кости? Черт бы их побрал, подумал он. Он злился на всех разом, на всю их шайку.

Но предположим, что его написала не Бетти. Тогда, показав ей это письмо, он будет выглядеть дураком. Лучше никому его не показывать, даже Элу, просто на тот случай, если Эл тоже его не писал.

Но потом к нему явилось новое ощущение; оно проникало в него так постепенно, что сначала он его не замечал.

Ему было приятно думать, что о нем все говорят.

Конечно, так оно и есть, решил он. Слух распространился. Это Эл его распустил. И письмо это

доказывает.

Слухи всегда распространялись по этой улице быстро, от одной лавки к другой. Слухи и сплетни о делах каждого.

Покинув офис, он вышел на улицу и прошел по тротуару. Чуть позже он уже открывал дверь в лавку здоровой пищи, одновременно приветствуя Бетти.

— Здравствуй, Джим, — сказала она, вставая и направляясь к кофеварке. — Как ты сегодня?

— В порядке, — сказал он, устраиваясь в углу.

Внутри были еще две посетительницы, незнакомые женщины средних лет. Он осмотрелся, но вокруг не было никого, кого бы он мог узнать. За исключением, конечно, Бетти.

— Что–нибудь к кофе? — спросила Бетти. — Булочку?

— Идет, — сказал он, поворачивая свой табурет так, чтобы видеть вход в мастерскую. — Слушай, — сказал он, — ты слышала обо мне, верно? О том, что я сделал?

Бетти остановилась у полки с булочками.

— Ты говорил, что продаешь свою мастерскую, — сказала она.

— Слушай, — сказал старик, — я купил другую.

На морщинистом старческом лице выразилось

удовольствие.

— Я рада, — сказала она. — Где?

— В округе Марин, — сказал он. — Новую. Вкладываю огромные деньги, больше, чем получил за старую. Мне это по секрету посоветовали. Само собой, пока не могу сказать тебе точно, где он. Со временем узнаешь. Такие дела быстро не делаются.

— Я очень рада, — сказала она. — Очень за тебя рада.

Принимая от нее чашку кофе, старик сказал:

— Полагаю, ты знаешь этого парня, Криса Хармана. Он всегда пригоняет ко мне свои машины, ездит на «Кадиллаке» пятьдесят восьмого года. Очень хорошо одевается.

— Может, и видала, — сказала Бетти.

— Я тебе вот что скажу: я очень сильно рискую, — сказал старик. — По–настоящему рискую. Рискованное дело. — Он чувствовал все большее И большее возбуждение; слова выпрыгивали едва ли не быстрее, чем он успевал их проговаривать. — Мне надо следить за этим парнем, за Харманом. Многие не захотели бы испытывать судьбу. — Он подмигнул Бетти, но та смотрела на него, ничего не понимая. — Такая уж у него репутация, — сказал он.

— Что за репутацию ты имеешь в виду?

— Многие думают, что он первостатейный мошенник, — сказал старик.

На лице у нее отобразилась тревога.

— Джим, — сказала она, — будь осторожен.

— Я и так осторожен, — сказал он со смешком. — За меня не беспокойся. Он действительно известный мошенник. Многих ободрал как липку. Может облапошить и меня. Я не удивлюсь. Это может случиться. — Он громко рассмеялся; теперь ее лицо выражало беспокойство, смешанное с возбуждением. — Может, я закончу тем, что останусь и без мастерской, и без денег, — сказал он. — Разве это не ужас? А ведь такие вещи случаются; в газетах о них пишут каждый день.

— Джим, будь осторожен, — сказала Бетти. — Смотри, что делаешь. Ты годы потратил, чтобы заработать то, что у тебя есть.

— Ох, уж он–то может до меня добраться, — сказал старик. — Такой пройдоха. — Он отпил еще кофе, потом опустил чашку. — Мне надо обратно, — сказал он. — Я только заглянул, чтобы поделиться с тобой новостью. — Осторожно поднявшись на ноги, избегая любых слишком резких движений, он направился к двери. — Если увидишь меня с оловянной кружкой, — сказал

он, задерживаясь у двери, — то будешь знать, в чем дело.

— Обязательно все как следует обдумай, — говорила Бетти, пока он закрывал за собой дверь ее лавки.

Все они обо мне судачат, думал он. Знают, что я могу лишиться всего, что имею. Это предоставит им тему для разговоров на долгое время. Знают, что Харман выдающийся мошенник, настоящий профессионал; таких можно вычислить по манере одеваться, по дорогой одежке. По пошиву да по машине; глянь на «Кадиллак» 1958 года, на котором он ездит. Ничего второсортного, подумал он. И дом, которым он владеет, и его деловые связи и предприятия; у него ведь все схвачено. В самом деле, большой человек. Важный бизнесмен.

Известно, что у него куча денег. Он по–настоящему богат; может, тысяч на двести долларов потянет. Может, все? «Сады округа Марин» ему лично и принадлежат. Может, даже и нет никакого Бредфорда, а если есть, то так, для прикрытия. Кто–то, кого Харман нанял, чтобы тот его представлял, так же как он нанял Кармайкла.

Но в одном можно не сомневаться, сказал он себе, снова направляясь в свою мастерскую. Что над Харманом никого нет; что ему никто не приказы-

вает. Он настоящий босс и всем распоряжается. Я знаю его уже несколько лет, и он никому не служит. Он во главе.

С кем бы еще я мог поговорить, подумал он. Может, с парикмахером на той стороне улицы? Позже, когда пойду стричься.

Возбуждение, овладевшее им после того, как он прочел анонимное письмо, продолжало усиливаться; оно проникло в каждую его клетку. Ну прямо руки–ноги дергались от желания что–то делать, быть активным. Да, я действительно во что–то такое встрял, сказал он себе.

Какое–то время он постоял перед дверью мастерской, прислушиваясь, не звонит ли телефон, и вглядываясь в сумрак, пытаясь разглядеть, не ждет ли его кто–нибудь из клиентов, вошедший незамеченным. Ничего не услышав и не увидев, он пошел по тротуару к «Распродаже машин Эла». Загляну–ка я к старине Элу, сказал он себе, посмотрю, что он скажет.

Однако, к его удивлению, он обнаружил, что «Распродажа машин Эла» закрыта: цепь, соединявшая два угловых столба стоянки, оставалась на месте со вчерашнего вечера, а на двери маленького здания висел замок. Кроме того, он заметил, что из–под двери высовывалась какая–то почта;

значит, Эл сегодня вообще не показывался. Он не приехал, чтобы открыть свою стоянку, а между тем было уже почти десять тридцать.

Стоя у цепи, старик ощутил разочарование. Черт бы его побрал, сказал он себе. К нему вернулась его прежняя злость. Да провались он совсем, подумал он, поворачиваясь и направляясь обратно к себе.

Не знаю, зачем мне вообще с ним разговаривать, решил он. Что он еще делал, кроме как поносил все, во что я влез? Ему вспомнились кое–какие слова Эла, сказанные им накануне, и он почувствовал, что у него горят уши и шея. Пусть идет своей дорогой, а я пойду своей, сказал он себе. Он пойдет на дно, а я поднимусь, потому что мы с ним разные; мы с ним находимся на противоположных концах спектра.

Нам не о чем говорить друг с другом, подумал он, снова входя в мастерскую. Нам нечего друг другу сказать. Нечего, если он будет и дальше держаться той же линии, что и всегда, завидовать, как всегда, успеху другого, потому что собственная неспособность добиться хоть чего–нибудь так его уязвляет. Все та же старая история: если ты чего–то достигаешь, то навлекаешь на себя только зависть и злобу. Все тебя ненавидят, потому

что хотят быть на твоем месте, а при этом знают, что никогда на нем не окажутся. Вот почему все они ненавидят Криса Хармана, и вот почему все они ненавидят меня.

Снова переступая порог офиса, он подумал, что Эл, скорее всего, отсыпается дома с похмелья. Когда он покинул мой дом, то наверняка отправился прямо в бар; это вполне в его духе. И теперь просто не в состоянии открыть свою стоянку. Наверное, до сих пор в постели. А его жена отправилась на работу, чтобы прокормить их, чтобы прокормить этого бездельника.

И ведь он никогда не переменится, подумал старик. Никогда не ухватится за возможность и не поднимется; всегда останется таким же тунеядцем, как сейчас, до самого своего смертного часа.

В десять часов того же утра Эл Миллер сидел в своей машине, припаркованной на углу 25–й улицы и авеню Першинг. Стоявшее напротив него трехэтажное здание фирмы «Пластинки Тича инкорпорейтед» доминировало над окрестностями, выглядя куда внушительнее, чем расположенное рядом здание зубоврачебной клиники или бухгалтерский офис сети супермаркетов.

Он уже полчаса сидел в машине с выключенным двигателем, глядя на «Пластинки Тича»,

куря, отмечая входящих и выходящих людей, равно как тех, кто проходил по тротуару, а также подъезжавшие и отъезжавшие грузовики.

Стоит ли мне туда входить? — спрашивал он себя.

Если я туда войду, думал он, это изменит мою жизнь. Мне надо увериться, что я этого хочу; решить мне надо прямо сейчас, потому что, когда я там окажусь, будет слишком поздно. Эта штука действует только в одном направлении, вход есть, а выхода нет.

Чтобы помочь решению — но не затем, чтобы повлиять на него, — Эл прихватил упаковку таблеток анацина. Теперь время пришло. Открыв жестянку, он вынул плоскую зеленую таблетку, похожую на леденец в форме сердечка; это был дексимил, и он проглотил таблетку целиком, запив ее кока–колой из бутылки, которую тоже прихватил с собой. Приняв дексимил, он почти сразу же почувствовал себя лучше: этому способствовало предвкушение, потому что он из опыта знал, что вскоре у него будет хорошее настроение, а благодаря такому настроению последуют и какие–то хорошие вещи. Но существовала и проблема: когда он принимал дексимил, то у него появлялась склонность говорить слишком

быстро и слишком много. Поэтому, чтобы уравновесить маленькую плоскую зеленую таблетку в форме леденцового сердечка, он проглотил и круглую красную глазурованную таблетку спарина, более всего похожую на божью коровку со втянутыми лапками. Спарин был не стимулятором, а транквилизатором. Он надеялся, что вместе две эти таблетки приведут его в состояние, которое ему требовалось, в состояние, соответствующее тому, что он собирался сделать.

Для гарантии он принял сверх того и две таблетки анацина. И этого хватило: он закрыл жестянку и сунул ее себе в карман.

Затем, насколько он помнил, он перешел на другую сторону улицы. После чего стоял в освещенном флуоресцентными лампами офисе, глядя на девушку, сидевшую за столом, перед коммутатором. Девушка, симпатичная, молодая, с сережками, подняла взгляд и сказала:

— Да, сэр?

— Я хочу видеть мистера Тича, — сказал он.

— Мистера Тича здесь нет, — сказала девушка. — Он умер.

— Умер! — изумленно воскликнул Эл Миллер. — Что случилось? Я не был с ним знаком, но что, черт возьми, случилось?

— Его застрелили в Северной Каролине, — сказала девушка. — Не знаю кто; кажется, его звали Мейхард или Мейнард. — Она ждала, но он не мог придумать, что сказать; он немо стоял перед ее столом. — Вы можете увидеться с мистером Найтом, — сказала она. — Это менеджер. Что у вас за дело?

— Хорошо, — сказал он, но потом вспомнил, что хотел увидеть вовсе не мистера Тича; это имя он взял с вывески над зданием. А хотел он увидеть Криса Хармана. — Я хочу видеть мистера Хармана, — сказал он.

— Мистер Харман сейчас занят, — сказала девушка. — Если вы назовете мне ваше имя, я свяжусь с его секретаршей и выясню, найдется ли у него сегодня время, чтобы принять вас.

Он назвал девушке свое имя, а потом прошел и уселся в одно из этих модерновых офисных кресел.

Через некий промежуток времени, которого он вообще не заметил, девушка подозвала его. Он отложил «Лайф» и подошел к ней.

— У мистера Хармана есть несколько минут, чтобы принять вас сейчас, — сказала девушка. — Он может поговорить с вами, если это не займет слишком много времени. — Она указала на кори-

дор. — Первый кабинет справа.

Коридор был, как в поликлинике, из пластика и стекла, с кабинетами по сторонам. Он нашел нужный, в котором сидел Крис Харман.

— Добрый день, мистер Миллер, — любезно сказал мистер Харман, указывая на стул. — Чем могу вам помочь?

Усаживаясь, Эл сказал:

— Я услышал о мистере Тиче, и мне очень жаль. Как я говорил той девушке, я не был с ним знаком, но я знаю каталог Тича, и…

— Это случилось давным–давно, — сказал Харман, улыбаясь. — В тысяча семьсот восемнадцатом году.

— Прошу прощения? — сказал Эл. — А, кажется, понимаю. — Он засмеялся. Это было шуткой или чем–то вроде. Вникнуть в нее он не мог, поэтому оставил эту тему. — Вы здесь главный? — спросил он. — Вам это заведение принадлежит?

Мистер Харман, чуть заметно улыбаясь, кивнул.

— Послушайте, — сказал Эл, — вы меня помните?

— По–моему, да, — сказал Харман. — Уверен, что видел вас раньше.

Мистер Харман опустил взгляд, и Эл понял,

что он обследует его одежду, его куртку, слаксы, туфли, спортивную рубашку. Прикидывает, чего он стоит, исходя из того, что он носит. Встречает по одежке.

— Я торгую подержанными автомобилями, — сказал Эл.

Мистер Харман кивнул.

— Понимаю, — сказал он.

— Теперь вы вспомнили?

— Полагаю, что да.

— Я — отпетый мошенник, — сказал Эл. — Один из самых негодных торговцев подержанными машинами, каких только можно найти.

Мистер Харман перестал улыбаться, и у него расширились глаза Рот у него слегка приоткрылся.

— О, в самом деле? — негромко проговорил он.

— Мне кажется, что я должен говорить откровенно, раз уж пришел сюда.

— Пожалуйста, так и говорите, — сказал Харман.

— Я готов на что угодно, лишь бы продать машину, — сказал Эл. — Мне совершенно наплевать, в каком она состоянии, только бы ее продать. Посмотрим в лицо фактам. Машины, которые стоят у меня на стоянке…

— Да, — перебил его Харман. — У вас имеется стоянка подержанных машин. «Распродажа машин Эла». Теперь я вспомнил.

— Это все развалюхи, — сказал Эл. — Колымаги. Им пора в утиль. Позвольте привести вам пример. У вас есть время?

Харман кивнул.

— Недавно я купил бывшее такси. Такси распознать просто: у него всегда четыре дверцы, и это обычно «Плимут» или «Студебеккер». Из аксессуаров у такси есть только обогреватель, и это всегда самая дешевая машина данной марки. И на дверцы наносят название компании. А сверху сверлят отверстия, чтобы крепить пластину с названием. Так что я понял: это было такси. Настоящая развалина, а не машина. Набегала, должно быть, триста тысяч миль. Я взял ее за сотню баксов. Перекрасил ее, почистил, привел в божеский вид, а потом придумал ей подходящую историю.

— Спидометр вы назад открутили? — спросил Харман.

— Одометр, — сказал Эл. — Да, установил его на одиннадцать тысяч миль. Получилась машина прошлого года.

Харман, щелкнув инкрустированной золо-

том зажигалкой, прикурил сигарету «Бенсон и Хеджис» и протянул пачку Элу, но тот отказался. Он был слишком поглощен своим рассказом, чтобы у него появилось желание курить.

— Я стал говорить, — продолжал Эл, — что это машина моей жены.

В серых глазах Хармана промелькнули искры.

— Говорил, что она ездила на ней в колледж, — сказал Эл. — Дескать, у нее фобия к автобусам: не выносит замкнутого пространства. Я купил ее новенькой у представителя «Плимута» на Бродвее; купил по оптовой цене, потому что знаком с этим парнем. Так что и сам могу уступить ее дешевле. Я купил ее для нее, но на самом деле нам не нужны две машины. Она всего–то раз в день ездила на ней в колледж и, может, иногда за покупками. А мне приходилось ее мыть и полировать. На выходных же она просто загромождала гараж, потому что если мы куда–то выезжали, то брали свой «Крайслер».

— Понимаю, — сказал Харман.

— Так что, в конце концов, я сказал ей, что мы не можем держать эту машину. Я ее продам, а деньги она сможет потратить на отпуск на Гавайях. Так что мой интерес не в прибыли. Уступлю за тринадцать сотен.

— Вы ее продали? — спросил Харман.

— Не с первого раза, — сказал Эл. — Зашел ко мне один, вот я ему все и изложил. Но он заметил, что машина перекрашена, и это его обеспокоило. Я сказал, что она выбрала оригинальный цвет, свинцово–серый с розовым, но вскоре он стал ее раздражать, и она обратилась в фирму, чтобы ее перекрасили, пока еще не истек срок гарантии. Но он заметил, что амортизаторы у нее не очень–то, и понял, что машину гоняли от и до. Так или иначе, в конце концов я ее сплавил. — Он сделал паузу. — Одному убанги.

— Простите? — сказал Харман, поднося ладонь ковшиком к уху.

— Одному негру.

— А! — сказал Харман. — Убанги. — Он улыбнулся.

— Наличных, естественно, у того не было. Он выложил четыре сотни. Я продал ее в кредит через свою кредитную компанию, что на другой стороне улицы.

Харман рассмеялся.

— Мне пришлось только перейти через Сан–Пабло, — сказал Эл, — и обратиться в Западную Оклендскую сберегательную и кредитную компанию. Я получил двенадцать процентов составной

доли на неоплаченный баланс, включая кредитные выплаты и прочие гонорары. А если нам понадобится вернуть машину в собственность, то убанги по–прежнему несет ответственность за весь неоплаченный баланс. Это контракт на три года. Фактически в общей сложности моя доля достигает реалистических двадцати четырех процентов, потому что это то, что мы называем дисконтом.

— Думаю, я понимаю, какого рода эта доля, — сказал Харман. — Я с таким сталкивался.

— Так что в общем я получил почти две тысячи долларов за бывшее такси, — сказал Эл. — Изначально же эта машина стоила всего около шестнадцати сотен, новая. Мне пришлось только покрасить ее и почистить. А когда я ее красил, то даже не стал ошкуривать ржавчину и рихтовать выбоины: я просто заполнил выбоины шпатлевкой и закрасил сверху.

Мистер Харман опять рассмеялся. Казалось, он очень заинтересован: он не выказывал никаких признаков нетерпения, желания, чтобы Эл поторопился и перешел к делу; он, казалось, с удовольствием послушал бы дальше.

— Я имею в виду, — сказал Эл, — что сделаю все на свете, чтобы продать машину. Я всегда заново

нарезаю шины.

— Это как?

— Ну, беру лысую шину — без протектора — и разогретой иглой делаю нарезку в резине. Наношу фальшивый протектор, а потом крашу шины черной краской, чтобы выглядела как новая.

— Разве это не опасно?

— Еще как! — сказал Эл. — Если парень наедет хотя бы на незагашенную спичку, то шина лопнет. Но он думает, что получает комплект хороших шин, из–за чего идет дальше и покупает машину, которую иначе мог бы и не купить. Это часть бизнеса; все или почти все делают так же. Запасы надо сбывать и обновлять. Главное — это иметь наготове историю, чтобы объяснить что угодно. Если не можешь завести машину, то всегда говоришь, что она не заправлена. Если стекло не поднимается или не опускается, говоришь, что машину пригнали только сегодня утром и твой парнишка еще не успел ее осмотреть. Вам, мол, придется зайти чуть позже. Если клиент замечает, что истерт напольный коврик, говоришь, что машину водила женщина на шпильках. Если изорвалась обшивка сидений, может, из–за детей, говоришь, что прежний хозяин брал с собой домашнюю собачку, а та своими когтями сделала

это за неделю. Всегда выдаешь какую–нибудь историю.

— Понимаю, — сказал Харман, очень внимательно все слушая.

— Если из–за плохих подшипников двигатель работает слишком шумно, говоришь, что это просто эксцентрик не приработался. — Харман кивнул. — Если у машины не переключаются скорости, говоришь, что только что установил новое сцепление и оно еще не успело приработаться.

Харман, поразмыслив, спросил:

— А что, если тормоза не работают? Предположим, вы позволяете клиенту проехаться на одной из ваших машин, а она, когда он пытается ее остановить, просто не останавливается? Что вы тогда скажете?

— Тогда говоришь, что какие–то ворюги слили ночью тормозную жидкость, — сказал Эл. — И кроешь всех подонков, которые уводят зажигалки, лампы и запаски; честишь их в хвост и гриву.

— Понимаю, — кивнул Харман.

— У меня хороший бизнес, — сказал Эл. — Мне нравится мериться с ними своей смекалкой. Это возбуждает, это стимулирует. Я не стал бы заниматься ничем другим. Это для меня — источник

жизненной силы. Я рожден для этого бизнеса. Я знаю в нем все ходы и выходы.

— Да, похоже на то, — сказал Харман.

— Но я вынужден его оставить, — сказал Эл.

— Почему?

— Мелковат он, чтобы меня удержать.

— А, — сказал Харман.

— Послушайте, — сказал Эл. — Я — как шаровая молния. Мне надо двигаться. Меня нельзя удержать чем–то мелким. Продажа подержанных машин была для меня чем–то вроде тренировочной площадки. Это научило меня пониманию мира. Теперь я готов к чему–то настоящему. К чему–то такому, где мои способности потребуются в полной мере. Прежде это было для меня вызовом, но теперь уже нет. Потому что, — он стал говорить тихо и резко, — я знаю, что могу победить. Всякий раз. Не им со мной тягаться, хоть по одному, хоть всем разом. Стоит им ступить ко мне на стоянку, как… — Он изобразил удар кнутом. — Они мои. Состязаться не с кем.

Харман молчал.

— Мы — страна с расширяющейся экономикой, — сказал Эл. — Растущая страна со своим предназначением. Каждый становится или больше, или меньше; он либо поднимается вместе

с экономикой, либо падает. Становится ничем. Я отказываюсь превращаться в ничто. Я намереваюсь связать себя с американской системой, которая предоставляет место для человека, обладающего напором и прямотой.

Харман внимательно на него смотрел.

— Вот почему у меня это получается, — сказал Эл. — Вот почему я могу всякий раз их уделывать. Потому что я верю в то, что делаю.

Харман медленно кивнул.

— Это не работа, — сказал Эл. — Не просто сколачивание баксов. Сами по себе деньги для меня ничего не значат; важно то, что они олицетворяют. Деньги — это доказательство, они свидетельствуют, что у человека есть честолюбие и решимость, что он не боится столкнуться лицом к лицу с фортуной. Деньги показывают, что он не боится самого себя. И он знает себе подобных. Он распознает их, потому что они обладают таким же напором и в такой же мере не желают, чтобы их остановило или отбросило назад поражение.

— Что же заставило вас прийти сюда, к Тичу? — спросил Харман.

— Я познакомился с вами, — сказал Эл. — Это и есть ответ. — Жестом он дал понять, что добавлять ничего не будет.

Последовало молчание.

— Хорошо, — сказал Харман. — Чего вы здесь хотите? Пока вы лишь подробно рассказывали свою историю.

— Я хочу работать на Кристиана Хармана, — сказал Эл. — Всего–навсего.

Харман приподнял брови.

— Вакансий здесь нет, насколько мне известно.

Эл ничего не сказал.

— Что у вас на уме? У вас нет опыта в пластиночном бизнесе.

— Могу я говорить откровенно? — спросил Эл.

— Пожалуйста. — Харман снова улыбнулся.

— Я ничего не знаю о пластинках, — сказал Эл. — Будем реалистичны. Но продавец продает не продукт. Он продает себя . А уж этот предмет я знаю, мистер Харман. Я знаю себя. А с этим знанием я могу продавать что угодно.

Харман поразмыслил.

— Вы согласны на любую работу у нас? Из того, что вы говорили, я заключил…

Перебивая его, Эл сказал:

— Позвольте мне уточнить. Я намерен работать на того, кто сможет найти мне применение. Я не намерен гнить. Мне надо найти применение,

причем применение должным образом. Никто не шлифует клапаны мотыгой. Никто не воспользуется отменным пистолетом ручной работы, от лучших европейских мастеров, чтобы стрелять по жестянкам. — Он сделал паузу. — Но уж вы–то, мистер Харман, знаете, кто на что годится. Вы знаете свою организацию, знаете, в чем она нуждается. И если речь идет обо мне, то главное — это интересы организации. Я ясно выражаюсь?

— Думаю, да, — сказал Харман. — Другими словами, вы хотите предоставить мне решить этот вопрос.

— Именно так, — сказал Эл.

— Хорошо, — сказал Харман, почесывая нос. — Вот что я вам предложу. Оставьте секретарше свое имя и сообщите, где вас можно найти. Я обговорю это с мистером Найтом и мистером Гэмом, а там посмотрим. Как правило, наем на работу я поручаю Гэму.

Эл тотчас поднялся на ноги.

— Благодарю вас, мистер Харман, — сказал он. — Я сделаю, как вы говорите. И больше не стану занимать ваше время. — Он протянул руку Харману.

После недолгой паузы мистер Харман подался вперед, они обменялись рукопожатием, а затем

Эл вышел из кабинета.

Снаружи он остановился у стола секретарши.

— Мистер Харман попросил меня оставить вам кое–какие данные, — сказал он приподнятым тоном.

Девушка протянула ему бювар и карандаш; он, однако, выхватил свою шариковую ручку и написал свое имя и адрес, а также домашний телефон, зарегистрированный на девичью фамилию жены. Затем улыбнулся секретарше и вышел из здания.

Когда он оказался на улице, в глаза ему шибанул яркий солнечный свет, и у него сразу заболела голова. Анацин, осознал он, переставал действовать. Так же, как спарин с дексимилом. Чувствуя себя усталым и ослабевшим, он кое–как доковылял до машины, с трудом открыл дверцу и забрался за руль.

Интересно, даст ли Харман о себе знать, подумал он.

Так или иначе, я свой ход сделал. Сделал все, что было в моих силах.

Спустя какое–то время он завел мотор и поехал к «Распродаже машин Эла».

В пятницу, когда он уже почти перестал надеяться, к обочине у «Распродажи машин Эла»

подкатил автомобиль, из которого выбрался молодой человек в галстуке, но без пиджака.

— Мистер Миллер? — сказал он.

Выйдя из своего маленького домика, Эл откликнулся:

— Слушаю вас.

— Я из «Пластинок Тича», — объяснил молодой человек. — С вами пытался связаться мистер Гэм. Он хотел бы, чтобы вы позвонили ему, как только сможете.

— Хорошо, — сказал Эл. — Благодарю вас.

Молодой человек снова сел в свою машину и укатил.

Вот оно, подумал Эл. Он направился в кафе на другой стороне улицы, где вошел в будку таксофона. Мгновением позже соединился с телефонисткой «Пластинок Тича».

— Это мистер Миллер, — сказал он. — Мистер Гэм просил меня позвонить.

— Ах да, мистер Миллер, — сказала девушка. — Мы только что послали человека в ваш офис. Ему удалось вас найти?

— Да, — подтвердил Эл.

— Секундочку, соединяю вас с мистером Гэмом.

Вскоре в трубке раздался глубокий голос муж-

чины средних лет.

— Мистер Миллер, — сказал он, — меня зовут Фрэд Гэм. Вы обсуждали с мистером Харманом возможность получить у нас место. Если вы по–прежнему заинтересованы, то мы обдумали эту идею и кое к чему пришли. Вероятно, вам стоило бы заглянуть к нам где–нибудь в начале следующей недели.

— Я могу и сегодня, — сказал Эл. — Отменю все остальное.

— Чудесно, — сказал мистер Гэм. — Буду с нетерпением ждать встречи с вами, скажем, часа в четыре.

В четыре часа Эл закрыл свою стоянку и поехал к «Пластинкам Тича». Мистер Гэм оказался добродушным седым мужчиной плотного телосложения, занимавшим кабинет примерно тех же размеров, что и кабинет мистера Хармана.

— Рад познакомиться, — сказал Гэм, пожимая ему руку. На его столе лежало множество документов, которые он просматривал перед приходом Эла. — Что ж, мистер Миллер, — сказал он, — кажется, вы хотите присоединиться к нашей организации.

— Верно, — сказал Эл.

— Тогда пойдемте.

Гэм поднялся, сделал приглашающий жест, и Эл последовал за ним по коридору, минуя дверь за дверью.

Они вышли в обширное помещение, в котором работали люди. Воздух был насыщен ароматами работающих агрегатов. Шум ударил Эла по ушам — постоянный механический гул.

— Это производство, — сказал мистер Гэм. — Именно здесь мы штампуем пластинки.

Для Эла это выглядело как цех по восстановлению протекторов: те же круглые машины, за каждой стоит рабочий, крышки то открываются, то закрываются.

— С этой стороной дела вы соприкасаться не будете, — сказал мистер Гэм. Он увел Эла из цеха, и они оказались в другом коридоре.

Эл сказал:

— Я считаю Криса Хармана самой вдохновляющей личностью из тех, с кем я имел счастье повстречаться. А в моем бизнесе я повидал немало представителей рода человеческого.

— Да, Крис говорил, что познакомился с вами на вашей автостоянке. Вы с Крисом были полностью откровенны, так что и мы будем столь же открыты с вами. Вы пришли к нам совершенно ко времени. Вы не могли бы подгадать момент

лучше, даже если бы у вас был какой–нибудь осведомитель, внедренный в нашу организацию. — Он остановился и пристально посмотрел на Эла. — Три дня назад этого рабочего места не существовало, и его необходимо укомплектовать прямо сейчас. Это хорошая работа, мистер Миллер. Просто отличная.

— Чудесно, — сказал Эл.

— Хотите узнать, в чем было дело, Миллер?

— Да, — сказал Эл.

— В вашей прямоте, — сказал Гэм. — Никогда ее не теряйте. В нашем обществе это чертовски редкая штука.

— Я никогда ее не потеряю, — сказал Эл. — Потому что обрел ее в момент высочайшего мужества и опасности. Я обрел ее в Корее. Когда комми поставили меня к стенке. Когда я смотрел в лицо смерти, бешеное косоглазое лицо азиата со штыком в лапах. Я разобрался в себе, мистер Гэм. Я хорошенько разглядел себя, все, что я собой представляю, все, что предумыслил во мне Создатель. А такого знания человек никогда не теряет.

Чуть помолчав, Гэм проговорил:

— Жаль, что им нельзя поделиться. Нельзя передать его каждому из живущих. У меня никогда не будет того, чем обладаете вы.

— Боюсь, что так, — сказал Эл.

— Вы говорили Крису, что деньги для вас не главное. Это его тронуло. Для Криса дело тоже заключается не в деньгах. Почему он занялся бизнесом в этой области, в звукозаписи? Потому что хотел улучшить условия жизни среднего человека с помощью единственного, что может их улучшить, — не через более крупные авто или более качественные телевизоры, но посредством искусства, музыки. — Мистер Гэм толчком открыл тяжелую дверь, выводившую на парковочную площадку, и они медленно пошли через парковку. — Естественно, здесь приходится идти на компромиссы. Бизнес требует платы. Мы это понимаем. Такова жестокая реальность. Вот почему возникли «Веселые пластинки», да и — давайте смотреть правде в лицо — сами «Пластинки Тича». Вы, конечно, знаете каталог. Это, по большей части, мусор. Так и предполагалось, потому расчет здесь делается на коммерческий сбыт. Рок–н–ролл, негритянский джаз — так называемая расовая музыка. Кантри, то есть деревенщина со слайд–гитарами. И попса. У нас было несколько хитов. «Тич» попадал в «горячую десятку», причем часто. С «Пластинками Тича» уже много лет сотрудничает Фрэнк Фритч.

— Я в курсе, — сказал Эл.

— Фортепианные выкрутасы Фрэнка Фритча были в числе наших бестселлеров. И Джорджия О'Хара с ее «Весельчаками песни». В данный момент наш бестселлер в каталоге — «Гордость». Ее можно услышать в тысячах закусочных по всей Америке.

Они вошли в другое здание.

— Вашей заботой, — сказал мистер Гэм, — станет новая марка, та, которую Крис Харман всегда жаждал выпускать, но до этого не мог. Она называется «Антика». Возможной она стала благодаря появлению долгоиграющих пластинок. Вы будете ответственны за ее продвижение на рынке. Ваш месячный оклад составит семьсот пятьдесят долларов, плюс командировочные — по обычной подотчетной системе, которую мы постепенно усовершенствуем, по мере того как будем узнавать вас лучше. И базовый ваш оклад со временем тоже будет повышаться.

— Понятно, — сказал Эл.

— Мы приобрели это здание недавно, — сказал Гэм, когда они проходили по свежеокрашенному вестибюлю. — И сейчас переделываем. Еще не все закончено. Ваш кабинет будет здесь.

Он достал ключ и открыл дверь; Эл обнаружил

перед собой кабинет, пахнущий свежей краской.

— Что будет выпускаться под маркой «Антика»?

— Это великий проект мистера Хармана, — сказал мистер Гэм. — Мессы и хоралы Средневековья и раннего Возрождения. Палестрина[13], де Пре[14], Орландо Лассус[15]. Полифония и монодия. Грегорианская музыка, если возможно; если будет рынок.

Далековато от продажи подержанных авто, думал Эл, заглядывая в пустой, вновь окрашенный и декорированный кабинет. Вот, значит, что я получаю за выступление перед Крисом Харманом? Вот, значит, что он увидел во мне и в том, что я говорил?

И этот человек пытается облапошить Джима Фергессона? Этот человек приторговывает грязной версией «Маленькой Евы на льду»?

---

[13] Примечания: 13

Джованни Пьерлуиджи да *Палестрина* , (1514–1594) — один из величайших композиторов церковной музыки.

[14] Примечания: 14

Жоскен *де Пре* , (1450/1455—1521) — великий франко–фламандский композитор Возрождения, считается самой важной фигурой франко–фламандской школы.

[15] Примечания: 15

Орландо Лассус (Лассо, Орландо ди Лассо; наст, имя Ролан де Лассю, ок. 1532–1594) — композитор, певец, капельмейстер; крупнейший представитель нидерландской школы.

Он почувствовал себя больным и обескураженным. Все это дело не имело для него ровно никакого смысла, к тому же, на беду его, при нем не было ни дексимила, ни спарина, никаких таблеток, чтобы помочь ему справиться с ситуацией. Единственное, что он мог, это слушать мистера Гэма. Он зашел слишком далеко, слишком глубоко забрался в «Пластинки Тича» и в организацию Криса Хармана, чтобы поворачивать обратно.

Глава 10

Вечером того же дня Эл Миллер, сидя за обеденным столом напротив своей жены, вновь и вновь обдумывал ужасающую мысль о том, что Крис Харман является вполне достойным человеком, а никаким не мошенником.

Он предложил мне эту работу, думал Эл, чтобы наставить меня на путь истинный.

— У меня есть новость, — сказал он наконец Джули, вырываясь из сетей самосозерцания. — Мне предложили работу.

— Что за работу? — спросила она, тут же насторожившись.

— За семьсот пятьдесят в месяц, — сказал он. — Плюс подотчетные. И это только начальный оклад.

У нее расширились глаза.

— Семьсот пятьдесят долларов? — спросила она. — Расскажи мне об этом. Что тебе придется делать? Кто предложил?

— Фабрика грампластинок, — сказал он. — Что–то вроде связей с общественностью. — У него был такой унылый, такой потерянный тон, что ее лицо тотчас осунулось. — Это просто слу-

чайность, — сказал он. — У меня для этого нет квалификации. Я продержусь там две недели. Или два дня. — Он вернулся к еде.

— Но почему не попробовать? — сказала Джули. — Может, ты ошибаешься; ты ведь знаешь, что всегда пессимистически настроен и не шевелишься, все пускаешь на самотек, — эта работа сама падает тебе в руки, а ты так и сидишь. Не прилагаешь никаких усилий.

— Я приложил усилия, — сказал Эл. — Пошел и получил ее.

— Тогда нечего думать, что ты с ней не справишься, — сказала Джули. — Разве не логично? Тебя просто снова одолевают сомнения, обычные твои сомнения. Я уверена, что ты справишься.

— Он предложил мне ее просто из жалости, — сказал Эл: он не мог избавиться от этой мысли с тех пор, как покинул «Пластинки Тича».

— Что ты им сказал? Ты же не отказался, правда?

— Сказал, что подумаю, — ответил он. — Сказал, что свяжусь с ними в понедельник утром.

Это давало ему три дня.

— Хорошо, — сказала Джули бодрым, рассудительным тоном. — Предположим, им просто стало тебя жаль. Ну так и что? — Она повысила

голос. — Это все равно хорошая работа; за нее все равно хорошо платят. Какое тебе дело до их мотивов? Это паранойя! — Она взволнованно взмахнула вилкой. — Как называется эта фирма? Я пойду и поговорю с ними; я им позвоню — вот что я сделаю. И скажу, что я твоя секретарша и что ты после длительных размышлений решил принять их предложение.

Весь мир сошел с ума, подумал Эл. Все притворяются.

— Если у тебя хватило сообразительности пойти и отыскать хорошо оплачиваемую работу, — сказала Джули, — то ее хватит и на то, чтобы взяться за эту работу и преуспеть в ней. Они не предложили бы ее тебе, если бы не верили, что ты с ней справишься. Соглашайся, Эл, или — без преувеличений, — если ты откажешься, то я себя знаю — и знаю, что стану из–за этого сомневаться в твоей верности. Мы оба давали брачный обет. Ты должен меня чтить и подчиняться мне.

— Вряд ли там шла речь о подчинении, — сказал Эл.

— Ну, не подчиняться, — сказала она. — Но чтить и уважать. Докажи это своим согласием на приличную работу, чтобы мы могли завести детей и получить все, чего мы хотим и чего за-

служиваем. — Голос у нее от волнения сделался резким; ему был знаком этот тон. — Не подведи меня снова, Эл; прошу тебя, не давай ходу этим своим невротическим тревогам.

— Посмотрим, — сказал он.

Ему казалось, что он потерпел сокрушительное поражение из–за того, что ему предложили честную, достойную работу с хорошим окладом, и теперь его начинала беспокоить собственная реакция, это чувство, будто все пошло шиворот–навыворот. На первый взгляд такая реакция действительно выглядела странной, если не сказать большего. Может быть, Джули права; может быть, теперь, когда кто–то решил ему довериться, испытать его в настоящем деле, стало проявляться его собственное внутреннее чувство никчемности. Он невротик; Джули права.

Проигрыш или успех: мне без разницы, решил он. Все это морока. Западня и обман. Кому это надо? Кому–то надо.

— Ты боишься высунуть голову, — сказала Джули. — Если у тебя ничего не получится, то ты еще больше погрязнешь в апатии, и ты это понимаешь. Ты же прекрасно себя знаешь. Ты предпочитаешь оставаться на месте, потому что так велика опасность провалиться, потому что

это будет иметь для тебя ужасные последствия. Так или нет?

— Наверное, — сказал он.

— Значит, ты всегда и будешь оставаться тем, кто ты есть. Плыть по течению. Никуда не направляясь. Эл… — С каменным выражением лица она посмотрела ему в прямо в глаза. — Я в самом деле не знаю, смогу ли я терпеть это дальше. Просто не знаю. Хочу, но не могу; серьезно — не могу. Если ты подведешь меня снова, слышишь?

Он пробормотал в ответ что–то невразумительное.

После ужина он заглянул в квартиру Тути Дулитла. И Тути, и его жена были дома; они чистили кухонную печь. Повсюду были расстелены газеты. В раковине стояла мыльная землисто–серая вода.

Усевшись в сторонке, чтобы им не мешать, Эл обсуждал с Тути перспективы своей новой работы. Тот старательно вникал во все подробности.

— Может, это прикрытие, — сказал он, когда Эл закончил свой рассказ.

Такая мысль не приходила ему в голову, и она его приободрила; она давала совершенно новое истолкование ситуации — как в отношении работы, так и в отношении Хармана.

— Может, и так, — сказал Эл. — Ты хочешь сказать, что они все еще не хотят раскрывать мне свои карты. Все еще поддерживают дымовую завесу.

— Конечно, но они уберут ее, когда ты на них какое–то время поработаешь. Когда получше тебя узнают. Так всегда бывает.

И он стал подробно рассказывать Элу о своей давнишней работе, когда он возил какую–то тетку, а та держала подпольный притон, где делали аборты. Прошло немало месяцев, прежде чем он узнал, что это вовсе не шведский массажный салон; они утаивали от него это так долго, как только могли.

Потом он увел Эла в комнату, где они могли поговорить наедине.

— Ты, может, этой вещи не учитываешь, — сказал Тути. — Я случайно узнал кое–что о «Пластинках Тича», потому что интересуюсь музыкой. У них хороший каталог, но знаешь, почему они так называются? Это пиратская марка.

— Как это? — спросил Эл.

— Они воруют матрицы. То есть пиратским образом добывают и штампуют с них копии. У них нет законных прав на матрицы, с которых они прессуют, но они всегда подбирали что–то,

когда прогорала какая–нибудь компания, или артист умирал, или еще что–нибудь. Или брали иностранные марки. А сам Тич был пиратом. Знаменитый пират Черная Борода, звали его Эдвард Тич[16].

— Понял, — сказал Эл, очень довольный. — А само–то я связи не углядел.

— Так что нечего и сомневаться, они пиратствуют, — сказал Тути. — Может, этого фактика хватит, чтобы подбодрить тебя. Ты, наверно, думаешь, что только те, кто мошенничает, будут платить тебе чуть не восемь сотен в месяц. Если бы они были честными, то вряд ли стали бы вообще хоть что–то тебе платить. Потому что, ты сам это прекрасно о себе знаешь, да и скажу тебе как друг, которой неплохо тебя знает, — ты, понимаешь ли, ничего и не стоишь.

— Хочешь, чтобы я тебе башку проломил? — сказал Эл.

— Я тебе тут же и сам башку проломлю, — сказал Тути. — Теперь слушай сюда. Ты ничего не стоишь, потому что тебе нечего продать. Ты вроде

---

[16] Примечания: 16

Эдвард Тич (Эдвард Драммонд, 1680–1718) — знаменитый английский пират, действовавший в районе Карибского моря в 1716–1718 гг. Послужил прототипом капитана Флинта в «Острове сокровищ» Р. Л. Стивенсона.

тех цветных парней, которые едут на север, в города, из сельской местности на юге. Ты приехал из фермерского поселка, из, скажем, округа Напа. Ты куда больше похож на этих парней, чем ты думаешь. А я знаю: похож. Я вижу в тебе множество таких же черт, как у них, но ты этого не замечаешь по своему невежеству; я имею в виду, что тебе неведомо о том, что мне довелось узнать, хотя в остальных отношениях ты очень даже продвинутый. Слушай, что у них у всех есть на продажу, когда они приезжают в город? Их работа. Надо где–то трудиться, например на заводе «Крайслер», или за рулем грузовика, или, напялив фартук, в «Обезьяньем дворе»[17]. Почему кто–то им платит? Почему ты им платишь? Ты нанимаешь их мыть машины на твоей стоянке, то есть нанимал бы, если бы у тебя были деньги; на других стоянках так и делают — на других стоянках есть свои цветные парни. Ты так беден, что твой цветной парень — это ты сам.

— Ну и что? — сказал Эл.

— Ну и то, что другие не собираются так продолжать, — сказал Тути. — Они хотят подняться

[17] Примечания: 17

«Обезьяньи дворы» — разговорное прозвище «Дворов Монтгомери», крупной американской сети центров розничной торговли, основанной в 1872 г. Аароном Монтгомери.

и стать преуспевающими, а потому находят что–нибудь такое, за что другим захочется платить. Но ты слишком туп. Ты ничему не учишься. В этом отношении ты отличаешься от всех остальных, хоть от белых, хоть от цветных. Тебе надо научиться чему–то такому, что нужно другим. Как мой пес, Доктор Мадд[18]. Он научился тыкать носом шарики, и все платят, чтобы на это посмотреть; он куда сообразительней тебя. Никто не платит тебе за то, чтобы ты ничего не делал по своей тупости. На тебя и смотреть не хотят. Ты остаешься тем, кто ты есть, вместо того чтобы стать тем, на кого хотят смотреть. Может, когда состаришься, ты это поймешь, но тогда будет слишком поздно. Тебе надо прикинуться яркой личностью. Жить так, словно ты опасный, ужасный человек, вроде шпиона или еще кого–нибудь. Распространять вокруг себя таинственность. Чтобы никто не знал, когда ты придешь или уйдешь, чем ты вообще занимаешься. Слушай! Да это же именно то, что делает мистер Харман. Он всех заставляет рассказывать о себе сказки, и никто на самом деле не знает, чем он занимается и кто он такой. Но все знают, кто такой Эл Миллер: это

[18] Примечания: 18

Сэмюель Мадд (1833–1883) подозревался в пособничестве Джону Уилксу Буту, убийце президента Авраама Линкольна.

написано у него даже не то что на лбу, а прям со всех сторон.

Эл молчал.

— Нет у тебя обаяния, — сказал Тути. — Это если одним словом. Ты просто вода из сточной канавы, научившаяся ходить на двух ногах.

— Может, и так, — сказал Эл.

— Жизнь — как программа Эда Салливана, — сказал Тути. — Я смотрю ее по ТВ каждую неделю. Теперь, когда ушел Мильтон Берль, это лучшее телешоу. Я вот смотрю, как они там растут, как раскручиваются. У них нет таланта. Это правда. Но у них есть что–то личное. У кого в наши дни есть талант? Возьмем Эла Джолсона — у него никогда не было таланта. Или Нэта Коула — петь он не умеет. Фрэнк Синатра никогда не умел петь. Фэтс Уоллер петь не умеет — квакает, как лягушка. Из Джонни Рэя певец никудышный. Сэмми Дэвис–младший — актеришка просто дрянь, но очень популярен. «Кингстон–трио» — студентики желторотые. Но у каждого из них есть что–то такое личное. Тебе надо научиться, как это делать.

— Я не могу.

— На минуту у тебя это получилось, когда ты заходил в кабинет этого типа. Иначе бы он не решил тебя нанять. Коль сделал один раз, то суме-

ешь и в другой, и не на секунду, а на постоянно. Живи, как будто ты французский агент в Танжере; придумывай истории, чтобы поддерживать к себе интерес, и очень скоро тобой заинтересуются. Если у тебя получается это после парочки твоих колес, то они тебе не нужны; выброс жестянку, что таскаешь с собой, и делай это сам, собственными силами. Я знаю, что ты сможешь. И, богом клянусь, ты достоин начального оклада в восемь сотен; он правильно тебе платит.

Эл молчал, обдумывая слова Тути.

— Буду откровенен, — сказал Тути. — Я бы правую руку отдал, чтобы оказаться на твоем месте. Получить этакое предложение. Но со мной такого никогда не случится. Во–первых, потому, что никто не нанимает цветных за такие деньжищи, кроме как в индустрии развлечений, во–вторых, потому что у меня нет таланта. Поэтому я и зарабатываю себе на жизнь, служа клерком в Окружном отделе здравоохранения, составляя отчеты о состоянии общественных сортиров. Я просто клерк, не более. Но ты, в основе своей, выдающийся брехун; ты, в общем, уже нашел свою линию. Все, что тебе остается, — продолжать ее гнуть.

— Меня учили, что говорить правду — это хоро-

шо, — сказал Эл.

— Конечно, говоря правду, ты попадаешь на небеса. Это туда ты собрался? Там твое назначение? Или ты настроен прожить счастливую жизнь здесь, на земле? Если последнее, научись держаться своей линии, никогда не сдавайся. Пока не помрешь. Потом можешь говорить правду, признаваться, что на самом деле ты вовсе не богатый мот из Бойсе, где у тебя шесть нефтяных скважин и где тебя избрали президентом местной торговой палаты.

Эл чувствовал себя совершенно раздавленным.

— Так или иначе, а правду слишком уж переоценивают, — сказал Тути, отчасти самому себе. — Настоящая правда в том, что все смердят. Жизнь — загнивание. Все, что живет, умирает. Правда в том, что делать вообще ничего не стоит; так или иначе, все кончится дерьмово. Говори так, этим никому не услужишь.

— Это не единственная сторона жизни, — сказал Эл.

— Хорошо, может быть. А что с другой стороны? Вот ты мне и скажи.

Эл размышлял, но не мог выразить своих мыслей. Однако он знал, что Тути не прав. Тути озлоблен. Возможно, справедливо. Но его взгляд

на мир был отравлен давным–давно годами работы клерком наяву, в то время как в мечтах он купался в лучах славы. Неудивительно, что он слонялся по барам со своим Доктором Маддом и изо всех сил привлекал к себе внимание, прожигая жизнь при малейшей возможности; он был прав, поступая так, но существовали и другие пути, более достойные выходы.

— В общем–то, ты озлобленный тип, — сказал Эл. — У меня такое чувство, что ты всех ненавидишь. Меня, например.

— Что за хрень ты несешь! — возмутился Тути.

— Ты будешь рад, если я совсем унижусь и стану тем, кто нужен Крису Харману.

— А кто ему нужен–то? — насмешливо спросил Тути. — Ты даже сам не знаешь. Видно, ты нарвался на эту жилу случайно, а сумеешь ли и дальше держаться ее, неизвестно.

— Я и пробовать не собираюсь, — сказал Эл.

— Не, думаю, ты, в конце концов, согласишься, — сказал Тути. — Если пораскинешь мозгами и сообразишь, что к чему. Это займет время, и ты будешь много болтать, но потом согласишься. Ты просто боишься, что ты не сможешь держаться ее; боишься, что попробуешь, а у тебя ни черта не получится. Что же в этом такого уж доброде-

тельного?

Эл не мог ответить на этот вопрос. Возможно, Тути прав, думал он, возможно, мне просто недостает мужества попытаться перекроить себя по тем меркам, которые требуются Крису Харману. Недостает мужества, не хватает таланта.

— Ты просто болван, — сказал Эл. — Тебя гложет зависть из–за того, что я получил такое заманчивое предложение. Ты просто стараешься испортить мне настроение. Пытаешься меня достать.

— Слушай, дядя, — сказал Тути. — Остерегись.

— Я–то остерегусь, — сказал Эл. — Впредь непременно остерегусь приходить к тебе с хорошими новостями.

— Так, значит, это хорошая новость, — сказал Тути, ухмыляясь. — У тебя точно все внутри так и зудит от этой твоей работы; ты втайне злорадствуешь — и дождаться не можешь, чтобы прибежать ко мне и все рассказать. Какой–то псих предлагает тебе восемь сотен в месяц — и у тебя словно шило в заднице от мыслей о таком кусище. Скоро ты хорошо заживешь — будешь все время покупать «Олд Форрестер», а не эту дрянь, которой торгуют в винном, не этот бурбон «Сан–Мастерсон», у которого такой вкус, словно

его наливали по водосточной трубе с крыши.

Открылась дверь на кухню, и Мэри Элен Дулитл просунула в нее свою голову.

— Слушайте, парни, вы что–то слишком уж увлеклись. Лучше успокойтесь.

— Хорошо, — сказал Эл.

Тути кивнул безо всякого выражения на лице.

— Я на вас удивляюсь, — сказала она своим негромким, нежным голоском. — Вечно вы ссоритесь; сегодня вот вы оба трезвые, а все равно ссоритесь. Похоже, вам и оставаться трезвыми ничуть не помогает. — Она не уходила, а они смотрели в пол. — Я скажу, что тебя мучит, Эл Миллер, — сказала она. — Я, пока чистила печь, слышала через дверь все, что вы говорили. Чего в вас нет, так это веры в бога, которой следует быть. Я знаю, что вы улизнули с кухни, потому что боялись, что я стану говорить вам о боге, но это очень глупо, потому что я все равно стану говорить вам о боге, хотите вы того или нет. Никакой взрослый не сделает ничего доброго своему товарищу, если не будет хотя бы раз в неделю проводить время в церкви, размышляя о благости слова, сошедшего на землю. Знаешь, Эл Миллер, этот мир исчезнет, и будет Армагеддон, скоро, очень скоро. И небо свернется, как свиток, и лев возляжет рядом с

агнцем.

— Мэри Элен, — сказал Тути, — ты спятила. Иди–ка чистить печку и оставь нас в покое. Женатым на тебе быть еще хуже, чем на какой–нибудь старушке — божьем одуванчике.

— Я говорю чистую правду, — сказала Мэри Элен. — Все это написано в еженедельном пятицентовом журнале «Сторожевая башня», который выпускаем и распространяем мы, Свидетели Иеговы. Ты, мистер Миллер, не уйдешь отсюда, пока не раскошелишься на пять центов за «Сторожевую башню», несущую слово божье на девяноста языках — так, по–моему, — по всему миру.

— Иногда мне кажется, что она только что выбралась из джунглей, — сказал Тути. — Типа как на дикарке женился или вроде того. — Лицо его было искажено стыдом и яростью.

— Я уеду домой, — мягко сказала Мэри Элен, склоняя голову. — В один прекрасный день. Вернусь к себе домой.

— Это ты о Миссури? — спросил Эл. Он знал, что она родилась там, а в Калифорнии жила всего три года.

— Нет, — сказала она. — Это я об Африке.

После чего дверь закрылась: Мэри Элен стала чистить печь дальше.

— Господи, — сказал Тути. — Она называет Африку «домом», а сама никогда не бывала восточнее Миссури. Все из–за этой религиозной чуши, из–за Свидетелей Иеговы. Она даже никогда не встречала никого из Африки, кроме как на ихних собраниях, где иногда читают лекции африканцы.

Они обменялись понимающими ухмылками.

— Как насчет того, чтобы выпить? — сказал Тути, вставая на ноги. — «Полковник Сан–Мастерсон», годовой выдержки.

— Идет, — сказал Эл. — С водой.

Тути отправился на кухню за стаканами.

На следующее утро, в субботу, Эл решил принять предложение Хармана.

Отперев замок на цепи у «Распродажи машин Эла» и нагнувшись, чтобы вытащить свою почту, он вдруг осознал, что первым делом он сообщит это не Джули и даже не Крису Харману, но старику.

Двери мастерской были открыты: Джим Фергессон, как обычно, был на работе — по крайней мере, первую половину субботнего дня. Он, наверное, будет работать до полудня или до часа, в зависимости от количества дел.

И теперь, почувствовал Эл, самое время все ему

рассказать. Как можно скорее, раз уж я принял решение. В свете того, что я наговорил ему о Крисе Хармане.

И, покинув свою стоянку, он вошел в мастерскую через боковую дверь. Старик открыл ее, чтобы было больше света и воздуха.

Он обнаружил старика в его офисе. Фергессон сидел за столом, вскрывая свою почту. Когда он глянул на Эла, тот заметил, что глаза у него водянистые, с красными веками.

— Давненько не виделись, — хриплым голосом сказал старик и снова переключил внимание на письмо, которое читал. Эл уселся и стал ждать.

— Какие новости от доктора? — спросил Эл, когда Фергессон дочитал письмо.

— Говорит, что у меня был микроинфаркт, — сказал Фергессон.

— Черт, — встревоженно сказал Эл.

— Он еще какие–то анализы делает. — Он стал надрывать конверт следующего письма; Эл видел, как у него трясутся руки. — Ты уж извини, — сказал старик. — Мне надо прочитать почту.

Глубоко вздохнув, Эл сказал:

— Послушай. Этот тип, Крис Харман. Мы о нем говорили. Может, я не прав; может, он вовсе и не мошенник.

Старик поднял голову и уставился на Эла, часто моргая. Но ничего не сказал.

— Я не судья таким, как он, — сказал Эл. — Таким, кто так высоко забрался. У меня в таких делах нет опыта. Так или иначе, я исходил из информации, полученной не из первых рук. Может, он и мошенник. Но дело в том, что я этого не знаю. Я не могу доказать ни того, ни другого. Это для меня тайна. — Он сделал паузу. — Я туда ездил.

Старик кивнул.

— Мы долго с ним говорили, — сказал Эл.

— Да–да, — сказал старик, словно бы поглощенный чтением.

— Ты все еще сердишься на меня? — спросил Эл.

— Нет, — сказал старик.

— Я решил, что ты будешь лучше себя чувствовать, — сказал Эл, — если я приду и честно признаюсь, что не знаю о Крисе Хармане ни того, ни другого. Тебе надо будет решать самому.

Он собирался было продолжить, перейти к тому, как он спросил у Хармана о работе. Но такой возможности ему не представилось.

— Слушай, — сказал старик, — вали–ка ты отсюда.

Вот те на, подумал Эл.

— Я с тобой не разговариваю, — сказал старик.

— Я думал, тебе станет легче на душе, — сказал Эл, не понимая, что происходит. — А теперь ты злишься, — сказал он, — когда я говорю, что не считаю его мошенником. — Это казалось самым невероятным из всего, с чем ему когда–либо приходилось сталкиваться. — Ладно, — сказал он. — Я уйду, старый ты псих. — Он быстро поднялся. — Ты хочешь, чтобы он оказался мошенником? — сказал он. — Хочешь, чтобы тебя облапошили? Так, что ли?

Старик ничего не говорил. Он продолжал читать свою почту.

— Ладно, — сказал Эл. — Ухожу. Черт с тобой. Ты со мной не разговариваешь — и я с тобой не разговариваю. — Он направился к выходу из офиса. — Ничего не понимаю, — сказал он.

Старик не поднимал взгляда.

— У тебя как есть крыша съехала, — сказал Эл, уже у двери. — Мозги набекрень. Наверное, из–за этого сердечного приступа. Как–то раз читал статью о таких делах. Многие считают, что с Эйзенхауэром случилось то же самое. Пока. Еще увидимся.

Он, оступаясь, пробрался к выходу из мастерской и прошел на свою стоянку. Ну и ну, думал

он, о таком сумасшествии я даже и не слыхал. Его точно надо упрятать в дурдом; его жена права. Ей надо обратиться к адвокату и упрятать его в дурдом.

Понятно, что человек может разозлиться, когда кто–то говорит ему, что его хотят облапошить, думал он. Но чтобы злиться, когда ему говорят, что его не хотят облапошить… Это какого не по–человечески. Мне надо бы выписать какую–нибудь брошюрку о предотвращении психических расстройств и сунуть ее в его почтовый ящик. Черта с два я останусь здесь, вместе с ним, сказал он себе. Вот еще — работать рядом с сумасшедшим.

Что за безумный мир, подумал он. Старик, ничего мне не сказав, продает свое помещение — разрушает мою жизнь, лишает меня бизнеса, — а потом на меня же еще и наезжает, как последний псих. Не разговаривает со мной.

Войдя в кафе на другой стороне улицы, он укрылся в будке таксофона и опустил в прорезь десятицентовик. Набрал свой домашний номер, и Джули сразу же сняла трубку.

— Я решил не медлить и принять их предложение.

— Вот и чудесно, — сказала она. — Какое облегчение! Я так боялась, что ты откажешься, а работа

ведь и вправду хорошая, разве нет?

— Платят неплохо, — сказал он. — И, кажется, это будет интересно. В любом случае, мне надо что–то предпринимать. Не могу я торчать здесь вечно.

— Долго же ты не мог этого понять, — сказала Джули.

— Ну да, — сказал он. — Застрял здесь рядом с психом–маразматиком. Само собой, я это понимаю, ничего другого здесь и не поймешь.

Он дал отбой, помедлил, а затем, опустив еще один десятицентовик, набрал номер фирмы Хармана. Телефонистка сняла трубку.

— «Пластинки Тича».

Я ведь так ему и не сказал, подумал Эл. Старику. Собирался было, но он не дал мне возможности.

— Я хотел бы поговорить с тем же человеком, что и раньше, — сказал он телефонистке. — Кажется, его зовут мистер Гэм.

— Сожалею, сэр, — сказала девушка. — Мистер Гэм у нас больше не работает.

— Как же так? — отозвался Эл, ошарашенный. — Я только что с ним разговаривал. Вчера.

— С кем бы вы хотели поговорить, сэр? — сказала девушка. — Поскольку я не могу соединить вас с мистером Гэмом.

— Не знаю, — сказал он, окончательно сбитый с толку. — Они предлагали мне работу. Мистер Гэм всем этим занимался…

— Так вы мистер Миллер?

— Да, — сказал он.

— С вами будет говорить мистер Найт, — сказала девушка. — Мистер Гэм и мистер Харман передали ему ваше имя. Он в курсе дела. Минуточку, мистер Миллер.

Последовал ряд щелчков, затем долгая пауза. Наконец у него в ухе раздался энергичный мужской голос:

— Мистер Миллер!

— Да, — пролепетал Эл.

— Это Пэт Найт. Рад познакомиться, Эл.

— Я тоже, — пролепетал Эл.

— Мистер Гэм у нас больше не работает. Появилась вакансия, которой он долго ждал, вот он и сорвался с места. Сделал свой ход. Так и надо поступать. Но время от времени он будет у нас появляться. Значит, вы собираетесь устроиться к нам?

— Да, — сказал Эл.

— Что ж, Эл, тогда послушайте, — сказал Найт. — Есть пара вещей, которые нам лучше сразу обсудить. Когда с вами говорил мистер Гэм,

он немного напутал; у него голова была забита мыслями об этом его новом месте. Он принял вас за другого парня, за которым посылал мистер Харман, за Джо Мейсона или Мэртсона — а тот так и не объявился. Он — то есть этот самый Мэртсон — был розничным торговцем в Спокане. Мы хотели, чтобы он занялся распространением нашей эзотерической классики, а Гэм понял так, что с этим связаны вы. Решил, что вас подобрали на это место. Вбил себе в голову, что так хочет Харман… — И Найт рассмеялся.

— Понимаю, — сказал Эл, чувствуя, что какие–то участки его сознания растворились, полностью оцепенели. Они перестали функционировать, и он просто стоял у телефона, кивал головой и слушал.

— У нас действительно есть для вас место, — сказал Пэт Найт медленнее и серьезнее. Слушайте, Эл, я буду говорить с вами начистоту. Прямо здесь и сейчас, по телефону. Нам нужен агрессивный, усердный молодой человек, который не боится возвыситься над своими приятелями и добиться чего–то в своей жизни. Вы такой?

— Конечно, — пролепетал Эл.

— Доходы велики, — сказал Найт. — И ответственность — тоже. Вам придется проявить

способности в обхождении с людьми. Вы это умеете. Судя по вашему досье, вы работаете продавцом автомобилей.

Элу пришло в голову, что ему надо возразить, сказать, что это неправильно. Это имеет отношение к какому–нибудь большому агентству по продаже новых автомобилей, с застекленными окнами, новыми сияющими машинами, продавцами в полосатых костюмах, стоящими рядом с пальмами в кадках… я не такой, хотел он сказать.

— Я — дилер, — сказал он.

— Это как? — спросил Найт.

— У меня свое заведение, — сказал он.

— Чтоб мне лопнуть, — сказал Найт. — Что ж, вы, несомненно, именно тот, кого мы искали. Понимаю, почему мистер Харман советовал мне не упускать вас. Ладно, предлагаю вам сюда заскочить, и мы обо всем договоримся. Тут были кое–какие недоразумения, но мы их уладим. Места которое у нас есть, как раз по вашей части, Эл. Уверен, что вы созданы именно для него.

— А что за место? — спросил он громко.

— Слушайте, Эл, — сказал Найт слегка похолодевшим тоном. — Я хочу увидеться с вами лицом к лицу. Мне надо видеть, с какого рода челове-

ком я имею дело. Я не могу раздавать рабочие места прямо по телефону, как поздравительные открытки. — Теперь в его голосе прозвучало раздражение. — Когда я могу вас ожидать? — спросил он энергичным официальным тоном. — Примерно через час? Я смогу уделить вам время, минут пятнадцать, ровно в час тридцать.

— Хорошо, — сказал Эл и кивнул. — Я подъеду.

Он повесил трубку и вышел из будки.

Никто мне теперь не поможет, подумал он. Они поймали меня, как жука в банку из–под майонеза. Как только я сказал, что мне нужна работа, они насадили меня на булавку.

Они заманили меня, сказал он себе, завышенными ожиданиями. Известный трюк, когда берут что–то старое в счет частичной уплаты за новое. Его применяет каждый автомобильный дилер. Клиенту назначают такую высокую цену за его старую машину, что он просто обязан вернуться; он не может отказаться от такого предложения. А когда он возвращается, то обнаруживает, что предложение отозвано: то ли другая смена работает, то ли продавец, делавший предложение, уволился из фирмы… но парень–то к этому времени уже на крючке. Он уже настроен на эту сделку, и обратного пути нет.

Так же вышло и со мной, думал Эл. Я решил устроиться в организацию Хармана, хотя даже не знал, что это за работа и сколько за нее платят. Ничего не знаю, кроме того, что решил: мне надо сделать свой ход. Это была методика Матта и Джеффа[19] осознал он. Акт, разыгранный Харманом, Гэмом и Найтом. И я на это купился; я так на это купился, что собираюсь туда поехать и согласиться на их работу, на ту работу, что имелась у них с самого начала, чем бы это ни было. И, пожалуй, я знаю, что это за работа, думал он. Это работа продавца. Продавать пластинки. Вот что они имели в виду: лакея с галстуком–бабочкой, короткой стрижкой, портфелем и лапой, радостно готовой к рукопожатиям. Они имели в виду меня, каким я сделаюсь через непродолжительное время. Мою участь.

Они решили, что я им сгожусь, думал он, снова направляясь на свою стоянку. Парень из глубинки. Деревенщина из Сан–Елены, у которого нет ни шансов, ни надежд в большом городе Окленде,

---

[19] Примечания: 19

Матт и Джефф — герои комикса Бада Фишера, выходившего в «Сан–Франциско кроникл» с 1907 г.; принято считать, что это был первый ежедневный газетный комикс. Впоследствии над ним работали другие художники, и он выходил до 1982 года. Имена Матта и Джеффа стали нарицательными, обозначая пару «хороший полицейский — плохой полицейский».

штат Калифорния.

Усевшись в одну из машин со стоянки, он поехал домой переодеться. Надеть свежую рубашку, галстук и костюм, чтобы произвести впечатление на Найта.

Вот как они тебя разрушают, понял он. Вот как они разрушают твой дух, кусочек за кусочком. Они не выходят прямиком на тебя и не делают предложение; не глядят тебе в глаза и не говорят: у нас, мол, есть для тебя место продавца, соглашайся на него или отказывайся. Нет. Они тебе зубы заговаривают; они тебя продают. А почему бы и нет? Они куда лучшие продавцы, нежели ты. Посмотри, где они; посмотри, кто они. А потом посмотри на себя.

Мне надо было понять это раньше, думал он. Раз у Хармана хватило ума создать эту фирму, завести себе такой дом и такие машины, носить такую одежду, то ему ничего не стоит оставить от меня мокрое место. Не надо было мне и пробовать провести такого пройдоху, сказал он себе. Харман знает миллион трюков, о которых я даже не слышал. Я просто дилетант. Все мы в сравнении с ним дилетанты.

И ведь они знают, что я на крючке, подумал он. Знают, что мне уже слишком поздно поворачи-

вать обратно; что я соглашусь на эту работу, чем бы там она ни была. Они — мастера манипулировать людьми, использовать психологию.

Я — их морская свинка, подумал он. И теперь я увяз в их лабиринте. Слишком сильно увяз, чтобы выбраться. И чем умнее я буду, чем ловчее стану действовать, тем больше запутаюсь. Так уж оно устроено; это часть системы, по которой они работают.

Я рассказал своей жене и друзьям, что устраиваюсь на отличную работу; они знали, что я расскажу об этом, распущу слух. И теперь мне придется притворяться. Придется начать вести фальшивую жизнь; придется постоянно говорить им — и себе самому, — что у меня классная работа с классной оплатой в классном учреждении, что я куда–то продвигаюсь. Но в действительности я никуда продвигаться не буду. Однако об этом мне придется помалкивать; мне придется держать это в себе.

А то, что я буду держать это в себе, как раз и доказывает, как здорово они меня поимели. Я все время буду улыбаться. Мне придется улыбаться, отныне у меня нет другого выбора.

Глава 11

Уже более часа Эл Миллер сидел в маленькой модерновой приемной мистера Найта. На нем был его лучший костюм, лучший галстук и лучшая рубашка, лучшие блестящие черные туфли. До сих пор не было никаких признаков мистера Найта, дверь в его кабинет оставалась закрытой, хотя время от времени из–за нее слышались какие–то звуки.

Мой разум знает то, чего не знает тело, думал Эл. Разум знает, что все это заговор, надувательство. Но тело направляется по иной линии, оно считает это высшей точкой подъема. Выдающимся успехом. Все его гормоны выпущены на волю — нарочно, теми, кто знает, как такого добиться. Они управляют моим телом, осознал он. Только крохотная часть моего сознания способна смотреть и видеть. Видеть ложь и подтасовку, видеть, как работает их механизм.

Взять хотя бы это длительное ожидание. Оно делает тебя все более и более беспомощным. Более зависимым. Заставляет молить, чтобы тебя приняли. Когда девушка скажет, что мистер Найт готов меня принять, я буду рад войти в его каби-

нет. И рад буду согласиться на эту работу, просто–таки счастлив. Это не будет притворством. Потому что теперь существует возможность даже еще похуже. Возможность того, что всем этим я занимался впустую, без толку.

— Сейчас мистер Найт вас примет, — сказала девушка, сидевшая за столом.

Сразу же, как автомат, он поднялся на ноги. Ловко повернулся и прошел через открытую дверь в кабинет Найта.

Сидевший там мужчина был ненамного старше Эла, но обладал круглым, гладким, розовым, тщательно выбритым лицом с двойным подбородком. Упитанный, хорошо одетый, с прекрасным маникюром; привлекательный, в благодушном настроении. Беззаботный тип, которому не о чем тревожиться и нет никакого повода быть угрюмым.

— Присаживайтесь, — сказал Найт, указывая на стул.

Эл уселся.

— Как себя чувствуете?

— Прекрасно, спасибо, — сказал Эл.

— Простите, что заставил вас ждать, — сказал Найт.

— Ничего, — сказал Эл.

— Значит, у вас нет никакого опыта в деле звукозаписи, — сказал Найт, задумчиво постукивая по столу карандашом.

— Нет, — подтвердил Эл.

Найт размышлял. Внезапно он поднял взгляд и принялся изучать Эла с безмолвной свирепостью. Его светлые глаза излучали такую властность, что Эл почувствовал себя парализованным; он мог лишь беспомощно смотреть в ответ.

— Хорошо, — сказал Найт. — Мы займемся тобой, парень. — Он поднялся со стула. — Таков наш курс. Мы ищем не опыт. Мы ищем верного человека. — Все это теперь вываливалось безостановочно. — Мы полагаем, что следующей бомбой в звукозаписи — черт, в популярной музыке на ТВ или где угодно еще — станет «парикмахерский» стиль, барбершоп[20].

— Понимаю, — сказал Эл.

— Барбершоп, — повторил Найт. — Но не старая гармонизация, не старое сентиментальное мурлыканье в унисон. Это будет барбершоп с новым

---

[20] Примечания: 20

Барбершоп — музыкальный стиль, характеризуемый близкой гармонией, как правило, мужских голосов, поющих а капелла, особ, в сентиментальных песнях. Название (букв. «парикмахерский») этот стиль получил благодаря ансамблю братьев Миллз («Четыре короля гармонии»), созданию которого способствовал их отец — владелец парикмахерской.

звучанием, электронный барбершоп. С огромной духовной силой. Он подстегнет нацию. Современная наука предоставит барбершопу то, чего ему всегда недоставало, а именно — современное качество, к которому потянутся современные люди, например, подростки. Мы запускаем новую линию. Она называется «Харман–Э». Это будет барбершоп, и за полгода он превзойдет все остальное. — Усевшись на стол, Найт снова разглядывал Эла. — Знаешь, откуда придут выдающиеся барбершопперы? — спросил он.

— Нет, — сказал Эл.

— Из маленьких городков, — сказал Найт. — Здешних, калифорнийских. Модесто, Трейси, Вальехо и тэ пэ. Не из сельской глубинки и не из крупных городов. Именно в маленьких городках настоящий становой хребет Америки, оттуда все мы явились и туда все мы хотим вернуться.

— Я родился в Сан–Елене, — сказал Эл.

— Знаю, — сказал Найт. — Потому тебя и выбрали. Ты поешь?

— Нет, — сказал Эл.

— А я — да, — сказал Найт. — Пою барбершоп. Собственно, я только что вернулся из Эль–Пасо, штат Техас, со съезда барбершоп–балладистов. Вот.

Он залез к себе в стол, достал глянцевую фотографию и протянул ее Элу. На фотографии был Найт в старомодном полосатом жилете в компании еще трех человек, одетых точно так же. Каждый держал в руке котелок.

— Моя группа, — сказал Найт. — Мы поем три раза в неделю, по вечерам, в ветеранских организациях, в больницах, на частных вечеринках, для детей. И моя жена…

Он дал посмотреть Элу еще одну фотографию. На ней были четыре молодые женщины в тафтяных платьях. Каждая держала крошечный зонтик.

— Та, что сзади, — моя Нора, — сказал Найт. — Ухо — это осциллоскоп. Ты знал? Оно не различает звуков, частота которых разнится меньше чем на два герца. Да, это факт. Наша музыка темперирована. Это сделал Бах[21]. А барбершоп возвращается к нетемперированной музыке, к ренессансной полифонии. Барбершоп, знаешь ли, читается снизу вверх. А не слева направо. Мы пытаемся заставить связки резонировать. Это требует пяти лет практики. Связки резонируют, когда различие голосов по частоте не превыша-

[21] Примечания: 21

Наша музыка темперирована. Это сделал Бах. — Темперированный строй И. С. Бах не придумал, а успешно пропагандировал.

ет двух герц. Звуки усиливаются. Сейчас я тебе покажу. — Он прошел к большому консольному проигрывателю в углу кабинета. — Эта группа, — сказал он, вытаскивая долгоиграющую пластинку и устанавливая ее на проигрыватель, — победила в Международном конкурсе по барбершопу в пятьдесят девятом. Называется «Ученики Аристотеля».

Он запустил пластинку. Песня называлась «Когда в твоих руках тюльпан».

Эл, слушая ее, пытался понять, почему она звучит так неприятно. Сначала он подумал, что дело в громкости. Найт включил звук на полную силу, так что все в кабинете содрогалось и вибрировало. Но причина была не в этом: Эл часто сидел в барах, слушая орущие музыкальные автоматы, но никогда прежде подобного не испытывал, никогда прежде громкий звук не вызывал у него физической дурноты такого рода. Наконец он понял, что дело было в проникающем свойстве голосов. Это как–то воздействовало на ушную серу, из–за чего он чувствовал головокружение и неустойчивость. Даже когда песня закончилась, его организм оставался разлаженным; Эл вынужден был сидеть, уставившись в пол и воздерживаясь от каких–либо движений.

Этот звук проникал как чистая вибрация, чистое сотрясение воздуха. Это был звук, низведенный до числа, как говорил Найт, числа колебаний в секунду, звук, изначально исходивший от четырех деревенщин–вокалистов, которым удалось настроиться на абсолютно одинаковую высоту, — разброс укладывался в крошечный промежуток, — звук, усиленный затем с помощью всех современных электронных устройств, звуковых камер и всего такого прочего, так что в конце он, как есть неприятный, уже не имел отношения к тому, что сделали исполнители. От исходного звука можно было укрыться, но этот конечный продукт, осознал Эл, достанет человека через бетон, мешки с песком и сталь, в бомбоубежище и даже в могиле. Это было, как сказал Найт, естественным очередным достижением в области средств популярной музыки, которое, возможно, окажется последним достижением, окончательным. Прежде всего сама мелодия являлась несущественной; певцами выступали любители, вероятно, подобные самому Найту, — упитанные, оптимистичные, по три вечера в неделю посвящающие пению в «парикмахерском» стиле, закончив свой рабочий день и отужинав. И все они, конечно, жили в

маленьких городках.

— Обертоны, — говорил между тем Найт. — Гармонические призвуки. Это то, чего изредка добивается Будапештский струнный квартет. Они работают на инструментах, имеющих лады. — Он выключил проигрыватель. — Слышал что–нибудь похожее?

— Нет, — сказал Эл.

— Не то что старый барбершоп, верно? Это тебе не братья Миллз. — Убирая пластинку, Найт повернулся к Элу: — Что ты об этом думаешь? — Он смотрел на Эла очень серьезно.

— Самая худшая дрянь, какую мне только доводилось слышать, — признался Эл.

Серьезное выражение лица Найта ни в малейшей мере не изменилось.

— Ты прав, — сказал он. — Ты выразился совершенно правильно. Но ты упускаешь главное. Это хорошо, потому что это так плохо. В то, что ты слышал, вложено много времени, таланта и искренности. Чтобы произвести такой звук, потребовалось много жестоких разочарований и пота. И это присутствует в звуке, ты можешь это расслышать. Такая штука появилась не случайно, это не отход производства при попытке сотворить нечто лучшее. Это не какой–то посредственный

звук. Это звук, который ты запомнишь. Ты не сможешь выбросить его из головы. Он будет храниться там и через шесть, и через десять недель. Он производит впечатление. Посредственная вещь впечатления не производит и забывается сразу же, как отзвучит. Думаешь, ты сможешь забыть, как «Ученики Аристотеля» поют «Когда в твоих руках тюльпан»? Не обманывай себя. Ты этого не забудешь. А посему эта вещь гарантированно станет хитом. Своеобразие. У этого звука есть своеобразие. Когда «Ученики Аристотеля» исполняют «Когда в твоих руках тюльпан», ты знаешь, что это такое, и не спутаешь ни с чем другим. Да, этот звук плох. Он настолько плох, что это достижение, сопоставимое с Элом Джолсоном, или Джонни Рэем, или любым другим из выдающихся исполнителей. С сестрами Эндрюс.

— Понимаю, — сказал Эл.

— Понимаешь? — сказал Найт. — Ты вот сказал «худшая дрянь». Ты назвал «худшим» то, что войдет в сердца американцев по всей стране и станет частью их жизни. Таково твое понимание «худшего»? Нечто такое, что доставляет удовольствие и краткое избавление от тревог и страхов нашего времени, времени водородной бомбы? Ну и ну, Эл. Если это, по–твоему, «худшее», что же

тогда ты назовешь «хорошим»? То, что усиливает эти страхи? То, что делает нашу жизнь чуть более невыносимой?

Последовало молчание.

— Эти парни, — сказал Найт, — «Ученики Аристотеля» — я знаю их лично, это мои добрые друзья — получили массу удовольствия, когда делали эту запись. Они не интеллектуалы. Они не учились в колледжах, не читали Канта. Это просто хорошие, простые, веселые парни, которые любят собираться по вечерам вместе и петь. А мы хотим распространить это их удовольствие, поделиться им со всеми остальными, штампуя пластинки с их обертонами. Таков наш бизнес. Вот для чего мы здесь. И вот для чего будешь здесь ты, если найдешь возможным принять наше предложение. Мы не пытаемся изменить мир. Мы не просветители и не реформаторы. Мы доставляем удовольствие, а не отдаем распоряжения. Это плохо?

— Нет. Это хорошо, — сказал Эл.

— Да, это хорошо, — сказал Найт. — То, что делают эти парни, хорошо, хорошо для людей. Это единственное добро, какое мы знаем. Когда это слышат профессиональные музыканты, они с ума сходят. Ты бы видел их лица. На такое сто-

ит посмотреть. Они знают, что слышат звуки, исчезнувшие сотни лет назад. Звуки, которые, как они думали, им никогда в жизни не придется услышать. Так, а теперь о том, что мы собираемся сделать с тобой, Эл, здесь, в «Пластинках Тича». Мы собираемся отправлять тебя в маленькие города, которые ты так хорошо знаешь, где ты будешь слушать разные «парикмахерские» группы, пока не найдешь для нас таких парней, что не уступали бы «Ученикам Аристотеля». Тогда ты связываешься с нашими ребятами, специалистами по отыскиванию талантов и доведению их до кондиции, и мы высылаем бригаду с магнитофоном «Ампекс» и каким–нибудь договором и записываем их на пленку.

— Полагаете, моей подготовки для этого хватит? — спросил Эл.

— Для чего–то нового, — сказал Найт, — нового по–настоящему, такой вещи, как подготовка, не существует.

— Я не музыкант, — сказал Найт. — Почему вы не наймете музыканта?

— Это не имеет никакого отношения к профессии музыканта. Мы занимаемся звукозаписью. Например, записываем рев спортивных машин, а это становится случайно одним из наших бестсел-

леров. «Звуки из Сибринга». Ты знаешь, доказано, что быстрее всего бобы растут под запись выхлопов спортивного автомобиля.

— А на втором месте что?

— Симфонии, — сказал Найт. — Под них они тоже быстро растут.

— Мне кажется, вы выбрали не того человека, — сказал Эл. — Все, что я знаю, это торговля подержанными автомобилями.

— Зарплата составит пятьсот пятьдесят в месяц, — сказал Найт. — Плюс бензин и масло, разумеется. Через девяносто дней, если все пойдет хорошо, базовая зарплата дойдет до шестисот, а еще через шесть месяцев — до шестисот пятидесяти. Хочешь ты такую работу или нет? Если нет, то у меня много дел. — Найт вернулся за свой стол, сразу же придвинул к себе бумаги и начал их просматривать.

— Я согласен, — сказал Эл.

Работа оказалась лучше, чем он ожидал. И зарплата — тоже. В конце концов, это не было работой продавца.

А потом он понял, что купился на прием заниженных ожиданий. К нему применили еще один трюк, известный каждому автомобильному дилеру; его заставили думать, что все будет хуже,

чем на самом деле, так что когда ему сообщили о реальном положении дел, он был так счастливо удивлен, что сразу же принял их предложение.

Но и это еще не все. Почему его наняли? Почему они хотели, чтобы он на них работал? Потому что он приехал из Сан–Елены. Не больше и не меньше. Он не мог предложить ничего другого, что могло бы их заинтересовать, ни таланта, ни опыта, только свое провинциальное происхождение.

— Предположим, выяснится, что я солгал, — сказал он неожиданно. — Предположим, я родился не в Сан–Елене; предположим, на самом деле я родился в Чикаго.

— Мы проверяли, — сказал Найт.

— Это все, что вы во мне видите? — спросил Эл. — Ничего больше?

Это казалось ему крайне важным.

— Ты знаешь эти городки, — сказал Найт. — Пойнт–Рейс, Трейси, Лос–Гатос, Соледад. Это твоя стихия. — Он перелистывал бумаги. — И ты знаешь эти проселочные дороги. Не заблудишься. Это же смертельный номер, ваши дороги! Сплошной гравий да колдобины. Как раз те дороги, среди которых ты вырос. — Он уставился на Эла своим пристальным взглядом. — Чтобы искать «парикмахерские» группы в этих городках, по-

требуется много ездить. Придется ездить дни напролет. — Возвращаясь к бумагам, он добавил, отчасти самому себе: — А если твоя машина застрянет или сломается, ты можешь починить ее сам. Ты знаешь, как это сделать.

После паузы Эл сказал:

— Когда мне приступать?

— В понедельник, — пробормотал Найт. — Тогда и увидимся. Приходи к девяти утра. Спроси Боба Росса. Он руководит этим проектом. Росс доводится Харману зятем. Это великий проект Хармана, тот, которому он оказывает всевозможную поддержку.

— Я думал, он поддерживает проект по ранней классике, — сказал Эл.

— Марку «Антика»? Публика еще не созрела. Может быть, в следующем году.

Было очевидно, что Найт закончил с ним разговор; он погрузился в свои бумаги. Ничего не оставалось делать, кроме как уйти, и Эл закрыл за собой дверь кабинета.

Хотя Элу представлялось катастрофой получить работу единственно из–за того, что он родился в Сан–Елене, его жена отнеслась к этому иначе. Она сочла это большой удачей.

— Вообрази, что ты родился бы не в Сан–

Елене, — сказала она тем же вечером. — Тогда бы ты не получил этой работы. Или представь, что они не были бы заинтересованы в таком проекте, чтобы записывать музыку в маленьких городках. — Она говорила и говорила, пребывая в полном восторге; эта работа представлялась ей очень привлекательной, так как подразумевала, что они смогут выбраться из области Залива. — Может, мы поселимся где–нибудь возле Сономы, — сказала она. — Мне всегда хотелось там жить. Или где–нибудь на Русской реке. Мне нравится быть рядом с водой.

— Они меня унизили, — сказал Эл.

— Да нет же, это только в твоем воображении. Ты проецируешь свои собственные мотивы на весь мир; ты во всем видишь трюки автомобильных дилеров только потому, что сам занимаешься подержанными машинами. У них была для тебя одна работа, но потом этот проект не прошел, и тогда им хватило порядочности разузнать о тебе побольше и обнаружить у тебя другую способность, которой они могут найти применение. По–моему, это сулит только хорошее. Все говорит о том, что это находчивые, сообразительные люди. Жду не дождусь, когда ты познакомишь меня с этим мистером Харманом.

— Может, я сумею напасть на золотую жилу в Арройо–дель–Секо, — сказал Эл. Это был самый маленький городишко, который он мог припомнить навскидку.

— И ты будешь работать непосредственно с зятем самого босса, — сказала Джули. — Это означает, что дорога для тебя будет открыта, что ты сможешь подняться до самой вершины.

— Убив его? — сказал Эл. — И сев на его место? — Это прозвучало, словно цитата из «Макбета».

— Сразу же сделавшись незаменимым, — сказала Джули. — Это ключ к успеху. Я читала статью об этом в каком–то женском журнале; погоди — сейчас я его найду. — Она принялась шарить по квартире.

Нет никакого успеха, думал Эл, в работе, которая требует, чтобы ты обыскивал один маленький городок за другим, чтобы найти худшие из вокальных групп, которые только возможны. А потом, когда худшие из возможных вокальные группы будут найдены, их будут записывать с помощью худших из возможных современных технологий звукозаписи, Эл представлял себе, как рыщет дальше и дальше, по все более расширяющимся кругам, пока не окажется за пределами Калифорнии; в поисках самой худ-

шей из возможных на свете вокальных групп он достигает Орегона, затем Айдахо, Вайоминга, Нью–Мексико, Небраски и Миссисипи, а потом наконец охватывает все Соединенные Штаты. И вот финальный триумф — открытие самых худших из худших; благодаря ему, Элу Миллеру, на свет будет извлечена вокальная группа настолько никудышная, что хуже нее найти уже невозможно, сколько бы ни длились поиски. И тогда он уйдет на покой. Он выполнит свою работу для страны и нации.

— Бедный Доктор Мадд, — сказал он вслух.

— Что? — спросила Джули, приостанавливая свои поиски.

— Пес Тути Дулитла, — сказал Эл. — Он упустил свой шанс. То, что он делает, нельзя услышать. Нельзя записать.

Ни в старом звучании, ни в новом, подумал он. Пес, который тычет носом воздушные шарики, теперь не сможет стать частью американского образа жизни, потому что это не годится для высококачественного воспроизведения.

Если бы Доктор Мадд мог напевать спиричуэлс, пока подкидывает шарики, подумал Эл, тогда бы у него был шанс. Но это значит просить о невозможном. Потому что даже у электронной

промышленности должны быть какие–то пределы.

И бедный Тути Дулитл, подумал он. Воображает, что ключ к успеху лежит в том, чтобы обладать неимоверным обаянием. Неудивительно, что и он упустил шанс. То время миновало. Необычное, поразительное больше никому не нужно. Теперь требуется все затрапезное. Требуются простолюдины. Успех теперь в руках у трио пухлых и улыбчивых девиц–дилетанток, которые носят первые попавшиеся платья и раскачиваются взад–вперед, исполняя песенку «Старый мельничный ручей»[22]. Ошибка Тути состоит в том, что он не родился в Сан–Елене, или в Монпелье, штат Айдахо, или в каком–нибудь подобном месте. Он был обречен с самого начала.

А что до меня, подумал Эл, то я тоже чуть было не упустил свой шанс. Но теперь мне показали верную дорогу.

В понедельник утром Эл Миллер поступил на работу в фирму Хармана. Секретарша направила его в кабинет на третьем этаже, где его встрети-

---

[22] Примечания: 22

«Старый мельничный ручей» («Down by the Old Mill Stream») — одна из самых популярных песен в репертуаре «парикмахерских» квартетов; написал ее в 1908 году Телл Тейлор, сидя на реке Бланшар (штат Огайо).

ли двое сотрудников, один из которых оказался инженером звукозаписи, а другой — зятем Хармана, Бобом Россом. Между ними находился магнитофон «Ампекс», питаемый от батарей, алюминиевые бобины с пленкой, микрофоны, усилители и переносные динамики.

На Россе был коричневый шерстяной костюм, узкий галстук и массивные очки. Он приветствовал Эла глубоким, едва ли не дикторским голосом, который поразил Эла контрастом с его круглолицым, почти детским лицом. Одет он, конечно, был очень стильно, но сложен так дурно, что представлялся Элу юнцом–переростком. Держался он тоже чересчур серьезно, по–мальчишески важно.

— Вы водитель? — спросил Росс.

— Полагаю, что так, — сказал Эл. — Меня только что наняли.

— А, Мильтон, — сказал Росс.

— Нет, — поправил его Эл, — Миллер.

— Вы сможете управиться с грузовиком с четырехскоростной коробкой передач?

— Конечно, — сказал Эл.

— Пойдемте, — сказал Росс. — Давайте загрузим все эти штуки и поедем; нет смысла терять здесь время.

Эл стал собирать оборудование, инженер звукозаписи к нему присоединился, между тем как Росс просматривал скоросшиватель с бумагами. Инженер пошел впереди, и они спустились и вышли на парковку, где стояла не самого последнего года выпуска полуторатонка «Дженерал моторс».

— Куда поедем? — спросил Росс у Эла, когда все оборудование было наконец загружено.

— В Форт–Брэгг, — без промедления ответил Эл.

— Это там мы найдем то, что нам нужно? — спросил Росс.

— Точно, — ответил Эл. Он выбрал этот город наугад. Никогда в нем не бывал. На дорогу туда и обратно требовался целый день, и он предвкушал путешествие.

— Не следует ли нам начать ближе к дому? — спросил Росс. — Между нами и Форт–Брэггом немало других городков.

— Их уже все перебрали, — сказал Эл.

— Черт, — сказал инженер звукозаписи. — Если мы поедем в такую даль, это займет не меньше пары дней.

— Будем реалистами, — сказал Эл. — Нам надо выбраться из зоны хорошего приема телепрограмм. ТВ разрушило естественную народную

культуру в радиусе сотни миль отсюда.

— Вы, кажется, очень уверены в своем суждении, — сказал Росс.

— Я давно в этом бизнесе, — сказал Эл.

— Если мы отправляется так далеко, то мне лучше предупредить жену, — сказал инженер.

Он извинился и пошел звонить по телефону. Росс достал трубку и самозаклеивающийся пластиковый кисет и, прикуривая, сказал Элу:

— Откровенно говоря, мне совсем не улыбается уезжать далеко от Залива. До сих пор большинство наших записей мы делали в клубах Сан–Франциско. Многие самодеятельные певцы рвутся приехать сюда, и мы нашли немало джазовых и поп–исполнителей в таких заведениях, как «У Фэка номер два», «Черный ястреб» и «Голодный–один».

— Прекрасно, — сказал Эл. — Посидите в клубе «У Фэка номер два» и посмотрите, сколько пройдет времени, прежде чем там появится подлинный «парикмахерский квартет». И чтобы у него еще не было контракта.

Вскоре они уже ехали по шоссе, Эл сидел за рулем. Боб Росс попыхивал своей трубкой и читал специализированный журнал. Инженер звукозаписи привалился к дверце со своей стороны

кабины и вскоре уснул.

— Я восхищаюсь вашим мужеством, — сказал Росс, на мгновение отрывая взгляд от журнала. — Как вы отстаиваете вашу точку зрения.

— Спасибо, — сказал Эл.

— Мы поедем дальше, — сказал Росс. — Однако, полагаю, надо остановиться на минутку у дома моего тестя и посоветоваться с ним. Прежде чем мы отправимся в такую даль.

Он указывал Элу направление среди холмов Пьемонта, вдоль улиц с высокими деревьями и террасными садами, которые обнесены были каменными заборами, заросшими плющом. Вскоре они остановились возле дома, который сильно вдавался вглубь от улицы и перед которым высился ряд тополей.

— Зайдем вдвоем, — сказал Росс, проскальзывая мимо спящего инженера и ступая на тротуар. — Он сегодня дома. Приступ сенной лихорадки.

Они вместе зашагали по мощенной каменными плитами дорожке, мимо клумб с увядающими розами и гладиолусами. Росс повел его вокруг торца здания, к патио позади него, где они и нашли Криса Хармана. Тот загорал в купальных трусах, распростершись на махровом полотенце, и слушал портативный радиоприемник. Рядом с

ним стоял высокий стакан чая со льдом и лежала стопка «Ю. Эс. ньюс энд уорлд рипорт». Когда они приблизились, он повернул голову.

— Здравствуйте, — сказал он радушно.

— Мы не займем более минуты, извините за беспокойство, — сказал Росс.

— Ничего страшного, — сказал Харман и оперся подбородком на сложенные руки.

— Мы направляемся в Форт–Брэгг, — сказал Росс, — чтобы разыскать там какие–нибудь барбершоп–квартеты, никем еще не ангажированные.

— Нет, только не это, — сразу сказал Харман.

— Почему? — спросил Эл.

— Это совсем не та область. Форт–Брэгг стоит слишком близко к воде. Там, вдоль побережья, всегда холодно и туманно. Это край лесорубов. А барбершоп вы найдете в фермерских поселениях. В долине Сакраменто или Сономы. Там, где жарко и сухо, где равнины. Положитесь на мое слово. — Он с трудом принял сидячее положение. — Не сочтите это за насмешку над вашим предложением, Эл, но поезжайте в округ Сонома и поищите что–нибудь в Петалуме.

— Вы знаете Петалуму? — спросил Эл.

— Ну разумеется, — сказал, улыбаясь, Хар-

ман. — Постоянно там бываю. Лучшие цыплята и яйца в мире.

— Мы туда съездим, — сказал Росс. — Дорога туда займет не больше двух часов.

— И не забывайте, — сказал Харман со своей вежливой, приветливой улыбкой, — что поблизости есть и другие городишки. Севастополь, Санта–Роза, Новато. Это густонаселенный фермерский район, притом очень жаркий. Очень скучный район. Как раз такой, что и нужен для барбершопа. — Он встал на ноги и надел голубой с белым халат, который подпоясал шнуром. — Со временем у вас будет масса возможностей поупражняться в своих суждениях, Миллер, — сказал он. — Простите, что ставлю крест на вашем замысле, но, как известно Россу, у меня хорошее чутье в такого рода делах.

— Знаю по собственному опыту, — сказал Росс.

— Всегда рад поучиться, — сказал Эл. — Я полагаю, что довольно неплохо разбираюсь в этой области, но всегда готов узнать что–то новое. Человек никогда не перестает учиться в школе жизни.

— Как насчет того, чтобы чего–нибудь выпить? — спросил Харман. — Прежде чем вы отправитесь в эту долгую и жаркую поездку?

— Было бы ужасно мило, — сказал Росс.

— Спасибо, — сказал Эл. — И правда, в самый раз.

— Тогда прошу меня извинить, — сказал Харман и удалился в дом.

Они остались в патио одни. По радио продолжала играть музыка.

— Вы узнаете много большее, — вскоре сказал Росс, — работая в фирме Хармана. Крис поистине изумительный человек, настоящий гигант. Вы, наверное, воображаете, к примеру, что Крис главным образом занимается бизнесом в области звукозаписи. Ничего не может быть дальше от истины. В основном он занимается инвестициями.

— Понятно, — сказал Эл.

— Он стоит около двух миллионов долларов, — сказал Росс. — Этим все сказано. А еще он один из главных спонсоров Оклендского отделения организации, занимающейся помощью инвалидам. Он много лет всемерно поддерживает либеральное движение. Человек он отзывчивый и образованный, очень хорошо разбирается в гуманитарных науках. Да вот хотя бы — Платона он читает в подлиннике, по–гречески. А еще увлекается филателией. Его коллекция ранних британских марок не уступит ничьей другой на

всем Западном побережье.

— Вот это да, — сказал Эл.

— Он все вам покажет в своем доме, — сказал Росс. — Теперь, когда вы стали частью команды. Он для всех доступен. У Криса совершенно нет снобизма, он даже не знает, что это такое. Когда он идет что–нибудь купить, например утреннюю газету, то он так же любезен и вежлив с продавцом… — Росс повел рукой, — как со своими домочадцами и друзьями. Он не делает различий. Для него человек есть человек. Это чистая правда.

— Ну и ну, — сказал Эл.

— Это признак настоящего аристократа, — сказал Росс.

— Полагаю, что так, — сказал Эл.

— Так говорят даже те, кто терпеть его не может, — сказал Росс.

— Кто же его терпеть не может? — спросил Эл. — Как вообще такое возможно?

— О, его многие не выносят, — сказал Росс. — Вы будете удивлены. У него много врагов, которые желают ему всех бедствий на свете и не упустят любой возможности сказать о нем какую–нибудь гадость — главным образом, за глаза.

— Почему? — спросил Эл.

— Я долгое время задавал себе этот вопрос. Это из–за его везения. Они могут простить ему его воспитание и образование, его таланты в области бизнеса и культуры. Но не его удачливость. Они готовы простить ему даже его богатство. Но удачливость…

Росс повел рукой, рассыпав табак из своей трубки. Горящая крупинка упала на землю, и он, смочив слюной пальцы, аккуратно ее загасил.

— Они думают, что им тоже должна улыбаться удача, — сказал Эл.

— Верно, — сказал Росс. — Она должна быть поровну распределена во всем цивилизованном мире. Разумеется, будь это так, то такой вещи, как удача, вообще бы больше не было; никто бы даже не знал, что означает это слово. Я имею в виду, давайте поразмышляем, что такое удачливость.

— Удачливость — это когда перед тобой все расступается, — сказал Эл.

— Удачливость — это способность использовать шанс, — сказал Росс. — Это значит, что, когда что–то идет не так, ты можешь обратить это себе во благо. Это не означает, скажем, что у тебя на руках всегда хорошие карты. Не означает, что тебе всякий раз достаются три туза и два короля. — Обратившись к Элу лицом, он сказал:

— Это означает, что ты можешь выиграть даже с никудышными картами, потому что неким образом, неведомым для всех остальных, ты способен сделать плохие карты хорошими. Вы следите за моей мыслью?

— Да, — сказал Эл. — И эта новая концепциям самом деле завораживает.

— Тогда, может, вы объясните мне, как это происходит, — сказал Росс. — Я наблюдаю за ним уже шесть лет и, откровенно говоря, не могу ничего понять. Скажем, он покупает часовую мастерскую. На следующий день изобретают автоматическое устройство для починки часов, и кто–то устанавливает такое устройство на тротуаре прямо напротив; все, что надо сделать, это опустить туда испорченные часы, а через пять секунд они появятся обратно, уже отремонтированные. За, скажем, шесть центов. Любого другого это разорило бы.

— Несомненно, — сказал Эл.

— Но не Криса.

— Почему?

— Не знаю.

— Может, у него достаточно капитала, чтобы списать потери?

— Нет. Он каким–то образом оборачивает это

в свою пользу. Он выигрывает. Он получает прибыль — во всяком случае, в конечном итоге. Эта машина, эта скорострельная ремонтная машина, стоящая на другой стороне улицы, на самом деле способствует тому, чтобы за продолжительный период он получил больше, чем получил бы, если бы его конкурент не установил там эту машину или если бы такой машины не существовало вовсе.

— Поразительно, — сказал Эл.

— Я видел, как он заходит к кому–нибудь в офис, — сказал Росс, — чтобы что–то подарить, пластинку или бутылку виски, и только потому, что ему случилось оказаться там в это время, ему открывалась какая–нибудь великолепная возможность. Если бы он перешел улицу, чтобы просто так лично вручить вам сотню долларов, то где–нибудь неподалеку от вас он заметил бы объявление «Сдается» и немедленно арендовал бы это помещение, а через полгода сорвал бы на этом большой куш, для чего бы оно ни использовалось. Оказалось бы, что это было именно то, в чем он нуждался — или в чем нуждалась публика. Взять хотя бы тот же барбершоп. Это, как вы знаете, его идея.

— Да, — сказал Эл.

— Он никогда не ошибается. Если он всерьез принимается за барбершоп, то можете держать пари, что это станет очередным трендом. Возможно, это станет трендом именно потому, что он этим занялся. Я не знаю. И эта его связь с реальностью распространяется в какой–то мере по всей организации. Клянусь, моя собственная удачливость значительно повысилась с тех пор, как восемь лет назад я познакомился с Крисом Харманом. Даже познакомиться с ним уже большая удача; днем знакомства с ним вы можете датировать начало процесса. Ваше везение, Миллер, уже началось. Вы это чувствуете?

— Еще как, — сказал Эл.

— Я имею в виду, что вы теперь куда–то движетесь. Вы не просто стоите на одном и том же месте. Вас заметили.

Открылась дверь, и в патио снова появился Крис Харман в своем голубом с белым халате и с подносом в руках, на котором стоял серебряный шейкер для мартини и три заиндевевших бокала, в каждом из которых было по оливке.

— Вот и мы, — сказал Крис.

Глава 12

В то утро Джим Фергессон, выйдя из дома, первым делом поехал в Банк Америки. Там он перевел все свои деньги, за исключением десяти долларов, с накопительного счета на чековый. Выйдя из банка, он заглянул в свою чековую книжку и полюбовался суммой в 41475,00 долларов. Он хотел должным образом одеться. Пожалуй, заеду куда–нибудь и куплю себе новый галстук, подумал он. Из этих, узких. Так что он продолжал ехать по Сан–Пабло, пока не увидел одежную лавку; там он припарковался и вылез из машины, стараясь двигаться медленно и не перенапрягаться. Вскоре–он был уже внутри лавки и рассматривал галстуки на вешалке.

— Добрый день, — услышал Фергессон.

К нему с улыбкой приблизился пухлый молодой китаец без пиджака. У него был хороший галстук: серый с красными крапинками. Старик, перебирая образцы на вешалке, нашел точно такой же. Стоил он четыре пятьдесят, что для галстука ему показалось немного чересчур.

— Прекрасный выбор, — одобрил китаец. — Ручная работа, один приятель из Сосалито делает.

У него на это патент.

Фергессон купил несколько галстуков и вышел из лавки довольным.

Но ехать домой ему все равно не хотелось. Там была Лидия, и ему было не по себе от мысли о столкновении с ней. Сидя в машине, он открыл бумажный пакет с галстуками; задрал воротник рубашки и с помощью зеркала заднего вида стал повязывать один из новых галстуков. Занимаясь этим — он так редко носил галстуки, что ему мешали собственные пальцы и он никак не мог определить, какой длины надо оставить короткий конец, — он заметил, что китаец вышел из своей лавки на тротуар и сочувственно ему кивает. Тогда он выбрался из машины и позволил китайцу завязать ему галстук. Тот прекрасно с этим справился, и его пальцы притрагивались ловко и дружески.

— Спасибо, — сказал Фергессон, слегка смущенный, но в то же время и обрадованный. — Мне предстоит важная деловая встреча. — Он посмотрел на свои карманные часы, чтобы показать, какое бремя над ним довлеет.

Китаец улыбался ему, глядя, как он садится в машину и заводит ее. Он желает мне удачи, подумал Фергессон, отъезжая и вливаясь в транс-

портный поток. Это хороший знак.

Он накупил галстуков более чем на двадцать пять долларов, осознал он. Ну и ну! Это нечто; что–то это доказывает, думал он. А вот что: их обслуживание, этих китаез. Вот как они добиваются прибыли от такого мелкого бизнеса, которым занимаются, — добавляют кое–что задаром, на что никогда не пойдет белый. Я не против того, чтобы покупать там всю свою одежду. Знаю, что там меня ждет по–настоящему индивидуальный подход.

Он отметил в уме местонахождение лавки. Так что теперь я смогу найти ее и позже, подумал он.

Готов поспорить, что этот китайчонок загребает немало денег, подумал он, сворачивая на перекрестке налево.

А день и вправду выдался чудесный, сказал он себе, обратив внимание на небо и солнце; он опустил стекло и вдохнул свежий воздух. Надеюсь, этот проклятый смог сегодня не появится, подумал он. Он ведь очень вредит здоровью, вызывает рак легких не в меньшей степени, чем сигареты.

Я не смогу чувствовать себя так же хорошо целый день, сказал он себе. Уже давала о себе знать усталость: ему трудно было вести машину, трудно следить за всеми другими машинами, за

тем, как они останавливаются и возобновляют движение. Вот что создает этот смог, думал он. Выхлопы автомобилей, всех этих автобусов и грузовиков; слишком много людей понаехало в Окленд — слишком он переполнен.

Теперь он чувствовал себя так, словно на него наваливалась огромная гриппозная тяжесть. Это было как в тот раз, когда он слег с азиатским вирусом; только неделю спустя после того, как он подхватил его, он осознал, что болен: симптомы были таковы, что он чувствовал себя не столько по–иному, сколько просто хуже. У него повысилась утомляемость, усилилась раздражительность; угрюмость и пораженчество одолевали его сильнее обычного. Он на всех кричал и не справлялся со своей работой, но оставался на ногах, пока однажды не ослабел настолько, что не смог подняться из–за стола после завтрака, и тогда Лидия не выпустила его из дома.

Опять как тогда, подумал он, замедляя ход машины. Тяжесть повсюду, особенно в руках; кисти лежали на руле, словно цементные перчатки. Голова тряслась. Даже глазные мускулы устали, подумал он; впереди идущие машины виделись искаженными. Предметы то сливались, то снова разделялись. Черт, мой левый глаз совсем меня

не слушается, осознал он. Я окосел. Должно быть, глазные мускулы переутомились.

Что ж, подумал он, мне нужен витамин В, Это витамин для нервов. Держась в потоке, он продолжал двигаться, пока не смог повернуть обратно на Сан–Пабло; он сделал левый поворот на красный свет и перебрался на дальнюю полосу. Вот что поддерживало меня до сих пор. Витамины и пара хороших горячих ванн. Но на этот раз он не мог принять горячую ванну из–за наложенной повязки. Ему приходилось воздерживаться от воды; доктор его предостерег. Придется ограничиться витаминами.

Перед рестораном для автомобилистов располагалась «желтая зона», и все равно он там припарковался. Выбравшись из машины, осторожно прошел по тротуару к лавке здоровой пищи. Его ноги, обнаружил он, словно бы погружались в тротуар, как будто тот превратился в густую жижу. Погружаются на добрых шесть дюймов, сказал он себе, вытаскивая правую ногу наверх, снова ее опуская и вытаскивая левую; левую, правую, левую, и так далее, вплоть до откатывающейся двери в лавку здоровой пищи. Прислонившись, он передохнул минутку, злобно ухмыляясь себе самому, а затем открыл дверь

ребром ладони.

— Доброе утро, Джим, — сказала Бетти.

С кряхтением рухнул он как подкошенный на первый попавшийся табурет. Сложил на прилавке руки и ненадолго опустил на них голову; давным–давно он делал так же в школе; он чувствовал, как лоб давит на запястье. Как в третьем классе, подумал он. Дремота в разгар дня. Он взмахнул рукой, подзывая Бетти, и та подошла.

— Слушай, — сказал он, — как насчет еще одного пузырька тех витаминов для здоровья? Лечебных витаминов?

— Так, а какие же у тебя были? — пробормотала Бетти. — Мультивитамины? — Она отошла к полке. — Большие красные пилюли?

Он увидел знакомый пузырек и указал на него; она сняла ее с полки.

— Вспомнила, — сказала она. — Это В–комплекс. Ниацинамидная и пантеноловая группа. Это очень хорошие витамины, Джим. В них есть печеночная фракция, их используют при анемии. — Но в них нет В–двенадцать, это их единственный недостаток. — Она потянулась за другим пузырьком. — Вот в этих В–двенадцать есть, но они немного дороже. И в тех, и в других одна и та же кровяная формула.

— Мне нужен только тот, что для нервов, — сказал он. — В–один. — Он протянул руку к знакомому пузырьку, и она дала ему витамины. — Можно немного воды? — спросил он.

— Конечно, — сказала она и пошла наполнять стакан.

Он принял пару витаминных драже прямо у прилавка, затем, с пузырьком в руке, направился к выходу.

— Я запишу это на твой счет, — сказала Бетти, следуя за ним. — Надеюсь, Джим, это то, что тебе надо. Ты сегодня выглядишь очень усталым. Знаешь, ты мог бы принимать их в растворе, может, так оно было бы сподручнее. — Она вышла вместе с ним на тротуар.

— Хорошо, — сказал он, подходя к своей машине и забираясь внутрь.

Как только он снова уселся за руль, ему стало лучше: часть тяжести оставила его. Этот чертов смог, думал он, заводя двигатель. Дышать уже и впрямь трудно. А смог, он видел, начал смазывать цвета зданий. Авеню Сан–Пабло теперь и вполовину не простиралась так далеко, как прежде; она обрывалась в дымке, и он не видел центральной части Окленда, которую видно было всего несколько минут назад. Ну так и что с

того? — спросил он себя, присоединяясь к потоку транспорта. Я достаточно насмотрелся на центральную часть Окленда.

Во всяком случае, на окраинах, на Оклендских холмах, такого сильного смога не бывает. Вот почему они там селятся, сказал он себе, следуя по какой–то ведущей на восток улице. Этой улицы он не знал, но по ней проходила автобусная линия, а значит, она непременно пересекала Бродвей. На Бродвее сверну влево, и это приведет меня прямиком в Пьемонт. После этого у меня никаких трудностей не будет.

Как он и ожидал, улица, в конце концов, вышла на Бродвей. И теперь, направляясь к перекрестку с авеню Макартур, он заметил, что смог остался позади. Сюда его не пропускают, подумал он, довольный. Наверное, против него принят какой–то закон о районировании. При этой мысли он рассмеялся, еще раз почувствовав себя лучше. Витамины уже помогли. Чистый воздух вернул ему способность дышать, а витамины придали сил. Он похлопал по карману пиджака, где лежали его банковская и чековая книжки. Это вам не хрен собачий, подумал он. Это кое–что да значит.

На авеню Макартур он свернул направо, затем снова налево, на длинную улицу жилого района,

обсаженную деревьями. Движения там почти не было. Шум остался где–то позади, и он замедлил ход, осознавая спокойствие окрестностей. Кучи листвы в придорожных канавах, ожидающие сожжения. Припаркованная молочная цистерна. Садовник в старых джинсах и спортивном свитере, подравнивающий края лужайки. Фергессон поднимался по холму на второй скорости, минуя более крупные здания. Железные ограды, плющ… он искал нужный ему дом. На этой ведь улице? Он вертел головой, озираясь. Высокая каменная стена, тополя. Неужели проехал?

Он заметил табличку с названием улицы. Не та, до той он еще не добрался. Увеличив скорость, он свернул направо.

Жарковато, подумал он. Солнечный свет устремлялся на него, на тротуары. Из–за галстука ему было еще жарче: шея, обхваченная тугим воротником, сделалась скользкой. Большим пальцем левой руки он ослабил ворот, оттянув его, но еще не расстегивая. И обогреватель: до сих пор включен. Он наклонился, чтобы его выключить…

Столкновение бросило его вперед, на рулевое колесо. Он ударился головой о руль, а взметнувшимися руками врезался в ветровое стекло.

Потом его откинуло назад, и он лежал на сиденье, скорчившись и открыв рот. Машина остановилась. Двигатель заглох.

Перед ним стоял огромный тяжелый белый «Крайслер», сцепившись своим передним бампером с бампером «Понтиака». И выбравшийся из «Крайслера» водитель быстро на него надвигался, грозя кулаком и вопя что–то беззвучное. Это какая–то женщина, осознал старик. Тощая тетка в длинном коричневом пальто, злая, испуганная, спешащая к нему.

— Видите, что вы натворили? — Ее трясущееся лицо вдруг оказалось у его окна, в дюйме от его собственного. Он опустил стекло. — Смотрите, что вы наделали; боже, что скажет мой муж? — Она исчезла, нагнувшись к бамперу. — Господи, да посмотрите же!

Чувствуя онемение, он сумел выбраться наружу. Другим машинам пришлось остановиться. Улица теперь была заблокирована. Его машина и машина женщины полностью ее перегораживали, потому что с обеих сторон тянулись сплошные ряды припаркованных автомобилей.

— Смотрите. — Все ее тело сотрясалось. — А мне надо забрать его в час тридцать. Это вы виноваты — вы ехали посреди улицы, вы даже не видели

меня. Вы что, не слышали, как я вам сигналила? Вы не поднимали головы, вы смотрели вниз — вы вообще на меня не смотрели или не обращали внимания.

— Так и есть, — сказал он.

— Ну что вы стоите столбом? — сказала она, буравя его взглядом. — Делайте что–нибудь. Расцепите их. — Она отошла, потом снова забралась в свою машину. Потом вдруг снова вылезла. Он не мог за ней уследить: она уже снова была рядом. — Вы собираетесь что–нибудь делать? Или так и будете стоять?

Он присел на корточки и слепо уставился на два бампера. В сознании у него царила пустота, у него не было никакого плана, никакого представления, что делать.

— Я ведь просто могла вас убить, — сказала женщина позади него. — Вы вообще водить умеете? Через десять минут мне надо быть в отеле «Клермонт», теперь я нипочем туда не успею. Вы вызовите буксир? Я хочу записать ваш номер. — Она побежала обратно к своей машине, чтобы найти, на чем писать.

Фергессон ощупал бамперы. Одну из машин придется поднимать домкратом.

— Вы застрахованы? — спросила женщина,

вернувшись. — Полагаю, что нет; у таких, как вы, никогда нет страховки. Я пойду в тот дом и вызову такси. Теперь у меня есть ваш номер.

Она торопливо прошла по дорожке к крыльцу дома напротив и принялась звонить в дверь. Спустя миг его внимание вернулось к бамперам.

— Помощь нужна? — спросил какой–то человек, подошедший сзади.

— Нет, — сказал Фергессон. — Спасибо.

— Хотите, я вызову буксир?

— Нет, — сказал он.

Подойдя к багажнику своей машины, он достал домкрат. Затем открыл багажник «Крайслера» и взял там домкрат побольше, для «Крайслеров». С помощью их обоих он поднял передок «Крайслера». Бамперы все равно продолжали цепляться друг за друга. Присев на колени, он спустил воздух из передних шин своего «Понтиака». «Понтиак» со вздохом медленно осел. Старик ухватился за изогнутый зеленый бампер «Понтиака» и рванул его. Металл наконец поддался, и машины разъединились.

Он забросил домкраты обратно в багажники и пошел по дорожке к дому, в котором скрылась женщина. Входная дверь была открыта: он видел ту женщину у телефона в коридоре. Появилась

другая женщина, хозяйка дома.

— Скажите ей, что она может ехать, — сказал старик, едва переводя дух. Повернувшись, он пошел по дорожке обратно, прочь от дома.

Появилась женщина–водитель, все еще бледная и дрожащая.

— Премного вам благодарна, — сказала она ледяным тоном.

— Я их разъединил. — Он рылся в своем бумажнике; пальцы у него так одеревенели, что, казалось ему, могли вот–вот сломаться. — Вот вам моя визитная карточка.

Она выхватила у него карточку и запрыгнула в свой «Крайслер». Двигатель завелся, и она тронулась, машина повиляла из стороны в сторону, а потом скрылась за углом.

Начали снова двигаться и все другие остановившиеся машины. Однако тот, кто предлагал помощь, оставался на месте. Его маленькая иномарка была припаркована на подъездной аллее.

— Как насчет вашей машины? — сказал он. — У вас две шины спущены.

— Я управлюсь, — сказал старик. — У меня автомастерская. Вот что за карточку я дал той даме. Карточку с адресом моей мастерской.

— Понятно, — сказал водитель. — Что ж,

удачи. — Он неловко забрался в свою иномарку. — Пока.

Фергессон в одиночку откатил свой «Понтиак» с проезжей части к обочине. Он заблокировал два проезда, но дорога транспорту теперь была открыта. Вообще–то они и так могли проезжать мимо, сказал он себе. Остановились, чтобы просто поглазеть. Ублюдки. Им наплевать, есть ли у меня разрешение оставлять свою машину вот так. Но он не мог сделать ничего другого.

До дома Хармана было недалеко, и он пошел по тротуару, даже не остановившись, чтобы отдышаться. Перед глазами у него мельтешили красные точки, в горле горело. Он шел, дыша через рот, и его жадные глубокие вздохи испугали двух прохожих, шедших навстречу. Он ухмыльнулся им и пошел дальше. Мне надо пройти всего с квартал, сказал он себе. Ему казалось, что он уже видит нужный дом и может подойти к нему сзади, срезав расстояние.

Да, подумал он, вот он. Перед домом стоял грузовик Хармана; на нем значилось название фирмы звукозаписи. Значит, все верно. Наконец он на месте. Сойдя с тротуара в траву, он стал пробираться к газону, засаженному розами, не пытаясь найти вымощенную каменными плита-

ми дорожку. У него на это не было времени. Мне надо идти прямо туда, сказал он себе. Я должен заключить с ним большую сделку, мне нельзя медлить. Теперь он пробирался среди деревьев. С этим не медлят. Он стиснул руками свой пиджак, чтобы банковская и чековая книжки были в безопасности.

Проходя через розовый сад, он оступился и упал назад — совершенно неожиданно обнаружил, что сидит и дышит с присвистом; почти сразу же поднялся и стал, пошатываясь, отряхиваться. Пиджак испачкался. Он сделал еще три шага и оступился снова. На этот раз он поскользнулся, ноги разъехались в разные стороны, его шатнуло вперед. Выставив руки, чтобы опереться о почву. Он пробежал последние несколько шагов, балансируя руками, и достиг бетонного крыльца перед парадной дверью. Кусочки почвы и удобрений сыпались с него, отскакивая от бетона. Дрожа от боли, он оттирал от земли руки, стоя на крыльце перед входной дверью. Вытер о коврик ноги. А потом постоял там какое–то время и, выждав, пока восстановится дыхание и он сможет говорить — ему необходимо было иметь возможность говорить, — он поднял руку и постучал.

Внутри дома кто–то зашевелился.

Слишком рано я постучал, подумал он. Я еще даже не отдышался, как же я смогу говорить? Он почувствовал панику. Не подходите пока, сказал он про себя. Если я больше не буду стучать, то не подходите, хорошо? Он стоял перед дверью и не стучал, не производя никаких звуков, кроме тех, что сопровождали дыхание. Но к двери все равно подходили.

Вы, ублюдки, сказал он про себя. Вы застали меня не вовремя, я не готов. Но он ничего не мог поделать. Теперь он не мог их остановить. Дверь начала открываться.

Здравствуйте, сказал он. Здравствуйте, можно войти? Мистер Харман дома? Он упражнялся быстрее и быстрее, пробегая по всем этим фразам, пока открывалась дверь, он тараторил их, поспевая за ее движением. Послушайте, я приехал повидаться с мистером Харманом, если он не занят. Это очень важно. Он похлопал по пиджаку, по чековой книжке, по боли. У нас деловой разговор, сказал он. Он пыхтел все быстрее и быстрее, как какой–то механизм. Голова его, словно кукушка, моталась взад–вперед в одном ритме с дверью. Здравствуйте, здравствуйте.

Здравствуйте, сказал он. Здравствуйте.

Дверь открылась полностью. Женщина, хорошо

одетая, элегантная. Улыбается, глядя в сторону, рука — кольцо, пальцы — лежит на двери, на ногтях розовый маникюр. Ковер в прихожей и стол; арочный проем. Взгляд внутрь и мимо. Камин.

Здравствуйте, пробулькал он. Мне очень жаль. Простите, что так вышло. Жар вокруг шеи, там, где новый галстук. Потянулся к обогревателю. Солнце обрушивалось на него, расщепляло, раскалывало ему голову. Я уберу его оттуда. Но я не могу его отвести. Может, вы его отведете. Простите, простите, говорил он женщине. Он пятился от нее, отступал.

— Да? — сказала она.

— Жарко, — сказал он. — Можно мне присесть на минутку?

Взять пузырек с витаминами. Гемо–ти–тичными. Он засмеялся; оба они засмеялись, и она держала дверь открытой, так что он смог пройти мимо нее в прохладный сумрачный коридор, совсем беззвучно, все звуки терялись в ковре. Белые испанские стены, им тысяча лет. Он даже не смел дышать.

— Мой муж дома, — сказала она, идя впереди него. — Думаю, вы хотите подождать.

— Спасибо, — сказал он, найдя кресло.

Черная кожа; его руки обследовали кресло,

узнавали его.

— Всего минутку. — Спиной к нему, у другой широкой арки, в дальней комнате. За портьерами.

— Все в порядке, — сказал он, усаживаясь.

— Вы уверены?

— Да, — сказал он. — Спасибо.

Он уставился в пол. Потом, неожиданно, в его руках появилась, удерживаемая в равновесии, китайская чашка с кофе, ложкой и всем прочим. Он уставился на нее в ужасе; она наклонилась, скользнула и вернулась на место. Одна черная капля, большая, как галоша, упавшая ему на ногу сбоку, пронизавшая брюки; он не сводил с нее взгляда, кивая. Скрыть из виду. Вы об этом не узнаете. Он скрестил ноги, чтобы спрятать пятно.

— Не беспокойтесь вы так, — сказала женщина.

— Куда мне, к черту, беспокоиться, — возразил он, изо всех сил удерживаясь, чтобы не рассмеяться. — Это вы обо мне не беспокойтесь. — Он раскачивался из стороны в сторону.

Вот я какой. Вроде лодки.

К этому привыкаешь.

— Честь — вот что нужно иметь, — сказал Эл

Миллер. — Это как доверие в финансовом мире. Чек проходит через двадцать рук, прежде чем в дело вовлекаются какие–то реальные деньги. Я считаю, что честь надо принимать на веру так же, как мы принимаем на веру чек. Иначе вся система развалится.

Лежа на спине в своем купальном халате, Крис Харман смотрел в полуденное небо. Глаза его были скрыты под темными очками. Он не отозвался; казалось, он погружен в раздумье.

— Вы имеете в виду, внутри организации, — сказал Боб Росс.

— Именно, — сказал Эл.

Подняв голову, Харман медленно проговорил:

— Но в организацию, Эл, может кто–то проникнуть. Кто–то, преследующий иные цели. — Протянув руку, он нашел свой стакан. — На слепом доверии далеко не уедешь. Надо уметь защищаться. Не думаю, чтобы вы понимали, как близко они к нам все время подбираются.

— Прошу прощения? — сказал Эл, не понимая.

Опираясь на локти, Харман пояснил:

— Большую часть того, что мы получаем — должны получать — в виде чистой прибыли, надо вкладывать снова. Повторное инвестирование, но вот с какой целью: защитить себя. Думаю,

вы читали о том, как Южно–Тихоокеанская компания тихой сапой скупала акции Западно–Тихоокеанской. В ЗТ об этом впервые узнали, когда ЮТ неожиданно объявила, что располагает уже десятью процентами, и вот, помоги мне Господи, они обратились в Комиссию по междуштатной торговле, чтобы та приобрела остаток. Боже мой, они перехватывали управление.

— Вот ведь ужас, — сказал Росс.

— Но это не единственный способ проникнуть в организацию, — сказал Харман. — Существуют также шпионы, доносчики и сыщики, как в автомобильном бизнесе, где крадут все секреты.

— Это я могу засвидетельствовать, — сказал Эл. — По собственному опыту.

— Совершенно верно, — сказал Харман. — В этом вы разбираетесь. Но я, Эл, сталкивался с другими вещами, о которых вы можете не знать. Позвольте привести вам пример. Разумеется, между нами. — Он глянул в сторону Росса. — Боб об этом знает.

— О да, — сказал Росс серьезным тоном. — Тот переговорщик.

— Нас прощупывали, — сказал Харман.

— Кто? — спросил Эл, стараясь, чтобы это прозвучало так, будто он понимает, о чем речь, хотя

на самом деле давно потерял нить рассуждений. Для Хармана же и Росса предмет, казалось, был сам собой разумеющимся.

— Они, — сказал Харман. — Они — скажем прямо — искали у нас слабое звено. Они его не нашли. Но не оставят своих попыток. У них много денег… они, конечно, не ЮТ, но также и не табачная лавочка на углу. Под этим я разумею, что они ни в коем случае не временные игроки, они явились сюда, чтобы остаться.

— Понимаю, — сказал Эл.

— Надо знать своих друзей, — сказал Росс.

— Вот именно, — сказал Харман. — Так вот, мы все здесь друзья, все трое. Но к вам подберутся. — Сняв темные очки, он вперил взгляд прямо в Эла. — Обязательно. В ближайшие дни.

— Вот так–так, — сказал Эл.

— И вы этого даже не поймете, — сказал Росс.

— Точно, — согласился Харман. — Самостоятельно — никак.

— Расскажите ему о том переговорщике, — сказал Росс.

— Я сразу же понял, что к чему, — сказал Харман. — Но только потому, что это случалось прежде и я уже определил их линию, их логику. В основном они действуют из–за пределов города,

вероятно, из Делавэра, через холдинговую компанию. Если предположить, что у них вообще имеется легитимное прикрытие, то они, вероятно, контролируют все свои собственные пункты розничной продажи.

— Продают самим себе, — сказал Росс.

— Но чего они в действительности хотят или чем занимаются, — продолжал Харман, — нам неизвестно. Они присутствуют на Западном побережье уже, по крайней мере, одиннадцать месяцев, судя по изменениям в картине, особенно в округе Марин. Вы, наверное, читали об огромном новом жилищном строительстве в Марин–сити; это действительно тщательно продуманные стройки. За все платят налогоплательщики. И они разорили Беркли, они практически полностью завладели городом. На это потребовалось пятнадцать лет, но теперь все. — Он скорчил гримасу, глядя на Эла.

— Да кто же это? — спросил Эл.

— Негры, — сказал Боб Росс.

— Вот что выдало их переговорщика, — сказал Харман. — Голос можно было распознать даже по телефону. Негритянские интонации.

Эл уставился на него.

— Они наняли типа, — продолжал Харман. —

Очень спокойного, открытого. Я подыгрывал. — Теперь у него вроде бы дрожал голос. — Вел себя так, словно понятия не имел, куда они клонят. Понимаете? Поэтому они промахнулись. — Лицо его снова исказила гримаса, это было едва ли не тиком. — Я все еще напряженно размышляю об этом, — сказал он и допил свой бокал. — Так или иначе, — сказал он, — они располагают каким-то фактором, который, по их мнению, можно использовать, чтобы к нам проникнуть; нам придется пойти на уступки. Тогда они смогут нас поглотить. И править нами.

— Это будет всему конец, — сказал Росс.

Харман пожал плечами:

— Заранее ничего нельзя сказать. Они много чем могут воспользоваться. Время покажет. Пока что они не спешат. Может быть, они сами немного плутают во тьме.

— Или, может, они нас заманивают, — пробормотал Росс, — чтобы больше из этого выколотить.

— Они занимаются грязным бизнесом, — сказал Харман. — Шантажом. Грязный способ выйти на рынок. — Он умолк.

— А почему негры? — спросил Эл.

— Это давняя история, — сказал Харман. — Был

один негритянский фольклорный певец; мы тогда только начинали, году в сороковом. Как раз перед войной, в Сан–Франциско. — Он глянул на свои наручные часы. — Когда–нибудь у нас будет время, и расскажу вам все, всю эту историю.

— Но сейчас нам надо заняться работой, — сказал Росс, поднимаясь на ноги и ставя на поднос свой бокал. — Нам предстоит поездка.

— Хотел бы я знать, жив ли он еще, — сказал Харман.

— Кто? — спросил Росс.

— Босой Лейси Конкуэй. Играл на пятиструнном банджо. Он сидел в одной тюрьме с Ледбеттером — Лидбелли[23], вы знаете его под таким именем. Я много раз встречался с Лидбелли, пока он не умер. Собственно, мы выпустили пару его пластинок.

— И одну Босого Лейси Конкуэя, — сказал Росс.

Они обменялись многозначительными взглядами.

— Так вы хотите сказать, что вас преследовал тот тип, игравший на банджо? — сказал Эл. — Все

---

[23] Примечания: 23

Уильям Ледбеттер (1888–1949) по кличке Лидбелли (Lead Belly, Leadbelly) — знаменитый блюзмен и первый черный исполнитель блюза, записывавшийся для белой аудитории; неоднократно сидел в тюрьме — за драки, по недоказанному обвинению в убийстве и т. п.

это время? — (Звонок был от Тути Дулитла, ясное дело. Они по вполне понятным причинам вообразили, что это был кто–то другой.) — Почему же вы его не заткнули? — спросил он.

Они оба рассмеялись, Росс и Харман. А потом Харман медленным, задумчивым голосом проговорил:

— Эл, они могут меня преследовать, но мы доберемся до них первыми. Как вы и предлагаете. Не обманывайтесь на этот счет, на карту поставлено слишком много.

Дверь дома открылась, и в патио вышла женщина, величавая седая дама, которую Эл Миллер сразу же идентифицировал как миссис Харман. Подойдя к мужу, она сказала:

— Крис, тебя хочет видеть какой–то тип, он ждет в гостиной. Но ведет себя очень странно. — В голосе ее чувствовалось напряжение; она мимолетно улыбнулась Россу, а затем Элу. — Может, тебе лучше… — Она наклонилась, чтобы посекретничать с Харманом, и слова ее стали неразборчивыми.

— Хорошо, — сказал Харман, поднимаясь на ноги. — А что за человек? — Он глянул на Росса. — Никогда его раньше не видела?

— Может, нам пока лучше не уезжать, — сказал

Росс, метнув взгляд на Эла.

— Никогда не видела его прежде, — сказала миссис Харман.

— Это Эл Миллер, — объяснил ей Харман, указывая на Эла. — Он теперь на нас работает. Это миссис Харман, Эл. — Потирая подбородок, он спросил: — Зачем он явился? Что говорит?

— По–моему, с ним что–то не так, — сказала миссис Харман, обращаясь к Бобу Россу. — Может быть, он пьян. — И добавила: — Довольно пожилой. Лет шестидесяти.

Харман направился в дом. Но у двери он приостановился и обернулся, чтобы сказать Элу кое–что еще.

— Вы многое увидите, — сказал он. — С этих пор. Это будет богатый опыт. Увидите то, о чем я говорил. Те проблемы, что мы обсуждали. Проблемы, с которыми сталкивается организация и которые она постоянно должна иметь в виду.

— Мы войдем вместе с вами, — сказал Росс.

— Это было бы замечательно, — сказала миссис Харман.

Они вчетвером пошли через весь дом в гостиную. Дом был прекрасен, и внимание Эла привлекало в нем то одно, то другое. Он отставал и вошел в гостиную последним; ему пришлось

вглядываться мимо остальных, чтобы что–то увидеть.

Там, развалившись на кушетке, в костюме и галстуке, с чашкой и блюдцем на колене, улыбаясь и глядя прямо перед собой, сидел Джим Фергессон. Казалось, он не замечал их присутствия, продолжая неподвижно глядеть в пространство. Его костюм, заметил Эл, был в грязи. А лицо у него горело, и его исчерчивали струйки пота.

Увидев его, Харман сразу же радушно загудел:

— Джим! Провалиться мне на этом месте!

Он дал знак, и миссис Харман тотчас удалилась. Росс отошел в сторону, чтобы не привлекать внимания.

Старик повернул голову и увидел Хармана. Дрожащими руками, медленно и осторожно, он поставил на кушетку свою кофейную чашку и блюдце; те звякнули друг о друга. Он встал на ноги и сделал пару шагов в сторону Хармана. Протягивая руку, хрипло проговорил:

— Приветствую вас, Харман!

— Ну и дела! — сказал Эл. — Ты здесь? — Он был безмерно удивлен.

Старик разглядел Эла. Он указал на него пальцем и начал смеяться.

При этом лицо его, красное и одутловатое,

прояснилось; он пытался что–то сказать, но, по–видимому, не мог. Он продолжал указывать на Эла покачивающимся пальцем, словно у него было что–то, что он хотел сейчас же выложить, но чем больше старался облечь это в слова, тем дальше ускользала от него способность говорить.

— Чтоб мне провалиться, — удалось наконец произнести старику. Брызгая слюной и утирая рот, он опять разразился смехом, по большей части состоявшим из лицевых конвульсий и почти не сопровождавшимся звуком. — Слушай, — сказал он, придвигаясь к Элу, — это ты написал то письмо?

— Какое еще письмо? — спросил Эл.

— То… — Он приостановился, тяжело дыша. — То письмо, анонимное.

— Черт, нет, — сказал Эл. — Ничего ни о каких письмах не знаю.

Харман приятным, непринужденным тоном спросил:

— Так вы получили анонимное письмо, Джим? Касательно меня?

— Да, — сказал Фергессон.

Росс пробормотал что–то неразборчивое и принялся в задумчивости расхаживать туда–сюда, сжимая и разжимая кулаки.

— Что ж, — сказал Харман, продолжая улыбаться. — Но, слушайте, почему его должен был написать Эл?

— Это не он, — сказал старик. — Я знал, что это вовсе не он. Уже и пошутить нельзя.

Он легонько пихнул Эла локтем в бок; его горячее, влажное дыхание обдало Элу лицо, ошеломляя его. Оно было омерзительно липким, и Эл инстинктивно попятился.

Указывая на кушетку, Харман сказал старику:

— Присаживайтесь, прошу вас.

Усевшись обратно, Фергессон сказал:

— Никак не приду в себя: старина Эл Миллер тоже здесь!

Он тряс головой, и на лице у него по–прежнему оставалась застывшая ухмылка, с которой он никак не мог совладать.

— Эл теперь работает на организацию, Джим, — сказал Харман, тоже усаживаясь.

— Не может быть! — сказал старик.

Глаза у него расширились и выкатились; он, казалось, был поражен удивлением и охвачен восторгом.

— Так уж скачет мяч, — сказал Эл. — Я имею в виду, ничего не изменилось. Это как игра.

— Ну и ну, — сказал старик. Он снова тяжело

поднялся на ноги и подошел к Элу; снова легонько ткнул его в бок локтем и громко сказал: — Мы все в одной команде. — После чего поочередно на всех посмотрел.

— Да, — сказал, улыбаясь, Харман. — Полагаю, что так оно и есть. — С лица у него не сходило радушное и терпеливое выражение.

— Слушайте, — сказал старик Харману, подходя к нему и беря за рукав. — Знаете, Харман, мы с Элом какое–то время не разговаривали; вам об этом известно?

— Нет, я этого не знал, — сказал Харман.

— Я на него был очень зол, — сказал старик. — Но больше не злюсь. Он меня сильно подвел, но мне все равно. Он у меня арендовал стоянку, и мне тяжело было закрывать на это глаза, но я таки справился. Он сговаривался с моей женой, они друг друга стоят, два сапога — пара.

Он продолжал говорить, однако Эл уже не улавливал смысл: слова смешивались в полном беспорядке. Да и все равно старик обращался не к нему. Он излагал свои дела Харману — стоял рядом с ним и монотонно лопотал, брызжа слюной.

— Кто этот старичок? — спросил Боб Росс, подойдя к Элу.

— Хозяин одной автомастерской, — ответил Эл.

— А, — сказал Росс, на лице отразилось понимание. — Помню. Крис о нем как–то говорил. Он удалился от дел, верно?

— Нет, он только начинает, — сказал Эл.

— Кажется, припоминаю, — сказал Росс. Он несколько раз глубоко затянулся своей трубкой. — Что ж, полагаю, в Петалуму мы сегодня не выберемся.

Глава 13

Сидя посреди кушетки в гостиной Криса Хармана, старик говорил и говорил. Эл никогда прежде не слышал, чтобы тот так тараторил; лицо у него блестело, и взгляд сначала был устремлен на Хармана, затем на Боба Росса, затем снова на Хармана, затем на миссис Харман, затем, на мгновение, на самого Эла Миллера. Он подмигнул Элу.

— Вы уж мне поверьте, — сказал старик. Он рассуждал о сухой и влажной жаре. — Говорят, что в Сакраменто жить невозможно, но там жара долинная: это нормально. При такой сухости можно выдержать и сто двадцать градусов[24]. А где невыносимо, так это в Техасе, у Мексиканского залива; этот ветер с залива… — Он взмахнул рукой. — Там просто ужасно.

Вот так же он цепляется и к своим клиентам, заставляет их выслушивать эти скучные излияния, подумал Эл. Он тяжело вздохнул.

— Что ты хочешь сказать? — спросил старик, тотчас прервавшись. — Я тебя имею в виду, Эл

---

[24] Примечания: 24
По Фаренгейту; около 49 °C.

Миллер. — Он выжидательно смотрел на Эла.

— В Амарилло не так уж плохо, — сказал Эл.

В ответ старик разразился взволнованной речью, в которой одно слово громоздилось на другое:

— Это на севере Техаса, там нет ветра, ветра с залива. Это именно то, что я имею в виду; там сухо.

— Когда ты вообще там был? — спросил Эл.

— Я там родился, неподалеку — в Канзасе. Тот же самый ветер дует и в Канзасе; там так жарко, что машина перегревается, с какой бы скоростью ты ни ехал. Ты же знаешь, я вырос в Канзасе.

— Да, но ты давно там не бывал, — сказал Эл.

— Там ничего не изменилось, — сказал Боб Росс. — Мы недавно бывали в тех краях, делали кое–какие записи. В Оклахоме.

— Слушай, Эл, — сказал старик. — А помнишь тот старый «Паккард», в котором ты ездил, когда мы только познакомились? Какого он был года, тридцать седьмого?

— Да, — сказал Эл. — «Паккард–двенадцать».

— Вот как я познакомился с Элом, — сказал старик. — Эл хотел, чтобы я чинил его «Паккард» и всегда поддерживал его на ходу. Ему очень нравилась та машина. Верно, Эл? Помнишь, как те пареньки подбили тебя на гонку за лидером? И ты

поехал по дороге Блэк–Пойнт, было часа два утра. И состязался с ними на этом старом «Паккарде», и разогнал его — до скольки, бишь? — до девяноста миль в час, и у него полетела тяга. И тебе пришлось буксировать его до самого Вальехо. Во что тебе это обошлось? Ты пытался уговорить меня приехать и забрать его, я помню. Что в конце концов сталось с тем «Паккардом»?

— Сам знаешь, — сказал Эл. — Задняя ось сломалась.

— Потому что ты гнал его, предварительно не разогрев.

— Черта с два, — сказал Эл. — Это потому, что я поручил его тебе, а ты неправильно сбалансировал коленвал.

— Полная чепуха, — громко сказал старик. — Никто другой на всем белом свете не мог бы держать этот «Паккард» на ходу, при том как ты с ним обращался. Эй, знаешь что? Помнишь того парнишку, который угнал у тебя со стоянки «Форд» — купе? Я видел его на днях. Он теперь ездит на новом «Олдсмобиле». — Ухмыляясь, он переключился на Хармана: — Должен рассказать вам об этом, Харман. У Эла был потрепанный «Форд», на котором какой–то парень возил мешки с цементом и лес; ну, один из этих

полугрузовичков. Он поступил к Элу помятым и грязным — за сколько ты его взял, Эл? Где–то за семьдесят долларов. В общем, Эл прикупил его на распродаже. И отогнал в мастерскую кузовных работ — я бы к нему не притронулся, а Эл знал, в каком состоянии драндулет — и заплатил им, чтобы тот перекрасили. Это стоило ему тридцать долларов. А потом он хотел, чтобы я подлатал этот «Форд» в механической части, но тот вообще никуда не годился; все кольца стерлись — масло текло повсюду. Как бы там ни было, Эл решил его продать. Выставил его впереди, прилепил на него одно из этих своих объявлений. Вы когда–нибудь помещали рекламу в «Трибьюн»? Каждому, кто приходил к нему на стоянку, он пытался сплавить эту колымагу, но никто не брал. Так что старина Эл стал работать с тем «Фордом» все больше и больше; отогнал его в какой–то гараж и заключил там сделку: ему поставили новые кольца и заново притерли клапаны. Это, должно быть, стоило еще пятьдесят баксов. К тому времени он вложил в свой «Форд» уже около двух сотен. Но все равно не мог его продать. Тогда он заново обил в нем сиденья. Его не покупали. Тогда… — Старик сделал паузу. — По–моему, он в конце концов даже поставил на него новые протекторы. Так или нет,

но знаете, что с ним случилось? Тот парнишка угнал его и разбил вдребезги. От него ничего не осталось. Один утиль. Что ты в итоге выручил, Эл? Десять долларов за металлолом? — Он подмигнул.

— У тебя шарики за ролики зашли, — сказал Эл. — Такой машины у меня вообще не было.

— Черта с два ее не было, — запинаясь и моргая, сказал старик.

Откинувшись в кресле так, чтобы видеть лицо Эла, Крис Харман бросил на него долгий изучающий взгляд, но ничего не сказал.

Эл поднялся.

— Прошу прощения, — сказал он.

— В чем дело, Эл? — спросил Харман своим утонченным голосом.

— Мне надо в ванную, — сказал Эл.

После паузы Харман тем же тоном сказал:

— Пройдите по коридору. Вторая дверь справа. После картины.

— После Ренуара, — сказал Боб Росс, жуя свою трубку.

— Спасибо, Крис, — сказал Эл, выходя в коридор.

Закрыв и заперев дверь ванной, он по–прежнему слышал старика. Даже здесь, подумал он,

расстегивая и спуская брюки и усаживаясь на сиденье унитаза. Голос старика все равно достигал его, перекрывая звуки, производимые им самим.

Долгое время он оставался в ванной, ничего не делая, просто сидя со стиснутыми перед собой руками, сгорбившись, чтобы было удобнее. У него не было ни мыслей, ни осознания времени; голос старика стал размытым, его речь — нечленораздельной.

Стук в дверь заставил его вздрогнуть; он сел прямо.

— Вы долго собираетесь там оставаться? — спросил Харман прямо из–за двери, тихим и резким голосом.

— Не знаю, — сказал Эл. — Знаете же, как это бывает. — Он подождал, но Харман ничего не говорил. Эл вообще не мог бы сказать, по–прежнему ли тот там, прямо за дверью. — Что, здесь всего одна ванная? — сказал он.

— Вам лучше вернуться сюда, — сказал Харман тем же настойчивым, напряженным тоном.

— Почему? — сказал Эл. — Я не собираюсь оспаривать ваш авторитет и суждения в этом предмете, но, Крис, такие дела требуют времени.

Он снова подождал. Харман ничего не сказал. Наконец Эл услышал, что тот удаляется по ко-

ридору.

— Эй, Эл! — крикнул старик, так громко, что Эл подпрыгнул. Опять раздался стук в дверь, удары в нее были настолько сильны, что видно было, как она содрогается. На этот раз стучал старик. — Эй! — крикнул он; ручка повернулась и задребезжала. — Слезай с горшка. У нас много дел, дружище. Ты что, засел там на целый день?

— Выйду через минуту, — отозвался Эл, разглядывая кафель душа.

Старик, приблизившись к самой двери, сказал:

— Эл, ты там что, дрочишь?

— Выйду через минуту, — повторил Эл.

Старик отошел. В гостиной возобновилась его болтовня. Потом, спустя какое–то время, воцарилось молчание.

— Слушай, — сказал старик, снова оказавшись у двери в ванную. — Эл, ты меня слышишь?

— Слышу, — сказал он.

— Мы едем обедать в один ресторан, который я хорошо знаю, — сказал старик. — Собираемся заключить нашу сделку там. Так что вылезай, а не то останешься.

— Сейчас выйду, — сказал Эл.

— Мы поедем на «Мерседесе», — сказал старик. — Слышь, Эл. Ты сможешь вести. Крис

говорит, он хочет, чтобы ты был за рулем.

— Хорошо, — сказал Эл.

— Ты выходишь?

Эл встал и спустил воду. Старик что–то говорил, но его слова потерялись в реве воды.

Открыв дверь, он обнаружил, что старик так за ней и стоит.

— Не дал мне закончить, — сказал Эл.

Когда они шли по коридору в гостиную, старик взволнованно хлопнул его по спине.

— За твой обед заплачу я, — сказал он. — Угощаю.

— Идет, — сказал Эл.

Харман глянул на него без выражения. Он, пока Эл был в ванной, надел итальянскую черную вязаную спортивную рубашку, слаксы и туфли на каучуковой подошве; он был готов ехать.

— Надеюсь, мы все влезем в «Мерседес», — сказал он, увлекая всех к выходу.

— Если нет, — сказал Эл, — то один из нас сможет следовать сзади в грузовике.

— Это следует счесть шуткой? — спросил Харман.

— Нет, — сказал Эл.

Харман промолчал. Они спустились по короткому лестничному пролету и вошли в гараж, в

котором стоял «Мерседес». Харман достал ключи, отпер дверцу и придерживал ее открытой, пока старик забирался внутрь.

— У Эла есть старый «Мармон», — сказал старик, усевшись на черное кожаное сиденье сзади и сложив руки на коленях. — Правда, Эл? Шестнадцать цилиндров.

— В самом деле? — пробормотал Харман, меж тем как он и Росс забирались внутрь. — Вот это, должно быть, машина. Коллекционный экземпляр. Держите. — Он протянул Элу ключи.

— Я не могу вести, — сказал Эл.

— Почему? — спросил Харман медленным, спокойным голосом.

— Права потерял, — сказал Эл.

После паузы заговорил старик:

— Эй, Эл, ты портишь все веселье. Вечно ты вот такой угрюмый и злой как черт. — Он повернулся к Харману: — Он всегда такой. У него зуб на весь мир.

— Вообще–то я прав не терял, — сказал Эл. — Просто неохота вести машину.

— Вот об этом я и толкую, — сказал старик. Он быстро дышал, изо всех сил прижимая руку к пиджаку. Лицо у него было измученное, какое–то приплюснутое, вялое. В голосе чувствовалась

боль. — Он внес меня в черный список, потому что я продал свою мастерскую. А он хотел, чтобы я ему помогал до скончания века. — Он прервался, лицо исказила гримаса. — Чтобы чинил ему его развалюхи.

Харман сидел, задумчиво жуя губами. Нельзя было сказать, что он рассержен или растерян; он размышлял, бросил взгляд на старика, затем на Эла, а потом повернулся, открыл дверцу и выбрался наружу.

— Не беда, — сказал он. — Миссис Харман будет рада подать нам ленч. Закончим дело здесь.

С заднего сиденья «Мерседеса» старик сказал напряженным голосом:

— Мне… не хотелось бы доставлять ей беспокойство.

— Мы даже можем заказать обед с доставкой на дом, — сказал Росс, тоже вышедший из машины.

Наконец и старик, крепко ухватившись за дверцу, выбрался наружу. В машине оставался только Эл.

— Да какое тут беспокойство, — сказал он.

— Что? — спросил Харман.

— Я говорю, в этом нет никакого беспокойства. — Эл выбрался из машины. — Я проголодался, — сказал он. — Давайте–ка за дело. Велите ей

сварганить что–нибудь вкусненькое.

— Конечно, — сказал старик, тяжело дыша. — Ты для других палец о палец не ударишь, а сам хочешь, чтобы тебе прислуживали. — Он повернулся к Харману: — Не такова ли человеческая природа? Говорю вам, это черт–те что. Этому хмырю надо бы сказать мне спасибо. Уж я точно совсем немного брал с него за аренду стоянки, так выгодно расположенной. Вот почему он так злится: прекрасно знает, что никто не поможет ему с его проблемами лучше, чем я. — Снова входя в дом, он бросил через плечо: — Не знаю, зачем вам вздумалось нанимать такого типа. Это, ясное дело, было ошибкой.

Когда они вошли в столовую, Харман увлек Эла в сторону.

— Эта враждебность между вами, — сказал он. — У меня нет никакого желания вмешиваться в чьи–либо личные дела, но, наверное, было бы лучше, если бы вы мне заранее намекнули. Как вы считаете? Чисто с практической точки зрения.

— Может, и так, — сказал Эл.

— Во всяком случае, вам не следует забывать о том, что он старик. И он давно уже серьезно болен. Не мне, конечно, давать вам советы.

— В этом что–то есть, — сказал Эл.

— Я полагаю хорошим правилом, — сказал Харман, — не смешивать личные дела с бизнесом. Меня поражает, что вы путаете их друг с другом в ущерб нам всем. Теперь давайте постараемся вернуться к цивилизованным отношениям, а впредь…

— Это бесполезно, Крис, — сказал Эл.

После паузы Харман сказал:

— Что это значит?

— Шутки кончились, — сказал Эл.

Харман долго и пристально его разглядывал. Рядом появился Росс, но Харман отослал его взмахом руки. Старик в дальнем конце столовой болтал с миссис Харман о еде; его голос разносился по всему помещению. Он, казалось, почти восстановил свои силы.

— Это мы организовали тот звонок, — сказал Эл.

— Какой звонок? — спросил Харман. Его лоб стал белым как мел.

У него на нем ни волоска, заметил Эл; лоб у Хармана был абсолютно гладким, словно отполированным, и блестел.

— Миллер, — сказал Харман, — знаете, что я начинаю о вас думать? Что вы брехун собачий. Мне

надо было быть с вами настороже с самого начала. Вы все время брешете. — Он не казался особо обеспокоенным; голос хорошо его слушался.

— Цветной парень, который звонил вам, спросил о пластинке «Маленькая Ева», — продолжал Эл. — Не так ли?

Голова Хармана поднялась и опустилась.

— Вы в ответ, — сказал Эл, — предложили ему купить какое–то количество экземпляров. Но это нас не одурачило. На это, Крис, ушло много времени, но в конце концов у нас все получилось.

— Что получилось? — спросил Харман.

— Мы пробрались внутрь, — сказал Эл. — Проникли в вашу организацию. Вы были правы. Теперь мы здесь. — Он сделал паузу. — Не так ли, Крис?

Глаза Хармана по–прежнему ничего не выражали. Как будто, подумал Эл, он его не слышал. Не слышал ни единого его слова.

— И к нему, — сказал Эл, указывая на старика. — Мы добрались и до него тоже. Слышали, что он говорил? Насчет письма?

Харман повернулся и пошел от него прочь. Он приблизился к Россу, миссис Харман и старику.

— Вы не уйдете, — сказал Эл.

Харман не отреагировал. Но старик перестал

говорить. В комнате стало тихо. Старик, Боб Росс, миссис Харман — все уставились на Эла.

— Мы долго следили за вашей деятельностью, — сказал Эл. — В целом мы нашли вас ловким пройдохой. Вы нас заинтересовали. Но даже хорошее не может длиться вечно. А вы прямо как сыр в масле катались. Не правда ли, Крис? Но теперь ваше время истекло. — Он вышел из столовой в коридор. — Мы собираемся заявить в полицию. На всех вас.

Стоя у телефона, он набрал номер, глядя на троих мужчин и женщину. Они все так и застыли на своих местах, в столовой. Харман что–то им говорил. Что именно, Эл не разбирал. Он и не пытался.

В трубке клацнуло, а потом женский голос, теплый, знакомый и ободряющий, сказал Элу в ухо:

— Добрый день. Недвижимость Лейн. Миссис Лейн у телефона.

— Это Эл, — сказал Эл. Теперь люди в столовой прекратили разговаривать. Они не издавали ни звука.

— Ах да, — сказала миссис Лейн. — Как поживаете, мистер Миллер? Я как раз думала, как у вас дела. Честно говоря, я о вас немного беспокоилась, но, полагаю, вы знаете, что делаете.

— Не могли бы вы заехать за мной? — сказал он.

Колеблясь, она проговорила:

— Я… вы не у себя на участке, я знаю. Мне отсюда видно. Где вы?

— У меня нет машины, — сказал он. — Я в Пьемонте. — Он назвал ей адрес. — Буду очень признателен, — сказал он.

— Что ж, — сказала она, — судя по вашему тону, что–то там происходит. Я знаю, что просто так вы бы мне не позвонили. Хорошо, мистер Миллер. Баров там поблизости нет, так что это не то же, что в прошлый раз. Я подъеду. Так быстро, как только смогу. Мне просто посигналить или…

— Нет, — сказал он. — Поднимитесь, пожалуйста, на крыльцо. Если не трудно.

— Я выйду из машины, — сказала миссис Лейн. — Но дальше тротуара не двинусь. Вам придется спуститься самому. До свидания. — И она положила трубку.

Он тоже положил трубку и пошел обратно в столовую. Они вчетвером безмолвно смотрели, как он приближается.

— Вот и все, — сказал он.

— Крис, происходит что–то ужасное? — спросила миссис Харман, стиснув руки. Она подвинулась

ближе к мужу.

Боб Росс снова раскурил свою трубку. Он, казалось, пребывал в полном недоумении; начал было что–то говорить, но, пробормотав что–то, стушевался. Возможно, подумал Эл, это для него чересчур.

— Хотите заняться бизнесом? — спросил Эл у Хармана. — Со мной?

— Слушай, Эл… — скрипучим голосом сказал старик. — Ты мне завидуешь, и я хочу, чтобы ты убрался отсюда ко всем чертям. Разве не так? Ты это делаешь назло мне. — Ему вроде тоже было не по себе; его рука, до тех пор прижатая к пиджаку, стала с трудом продвигаться и залезла во внутренний карман. Он вытащил конверт, достал из него чековую и банковскую книжки и стал изучать их, шевеля губами. — Хочешь знать, сколько у меня здесь? — спросил он у Эла. — Хочешь? Ну так слушай. — Голова у него дрожала, подпрыгивая вверх–вниз. Он сглотнул и прочистил горло.

— Эта банковская книжка — подделка, — сказал Эл.

Они стояли оцепенев и не сводили с него глаз.

— Вы разве не знали? — спросил Эл у Хармана. — Вы что, тоже попались на эту его уловку? Боже, он одурачил меня много лет назад, когда

мы только начинали заниматься бизнесом вместе. Эта книжка при нем с сорок девятого года. Одиннадцать лет. Он пользуется ею ради кредита, размахивает там и сям. Как вот сейчас. С вами.

Боб Росс рассмеялся.

— Что смешного, Боб? — спросил Харман, повернув голову.

— Я просто не могу… — сказал Росс. Он снова рассмеялся. — Это я не над вами, — сказал он, но было очевидно, что смеется он именно над Харманом; он перешел в другую комнату. Они и оттуда слышали его смех.

Харман легонько улыбнулся.

— Может, он спятил, — сказал Эл, кивая на старика. — Я об этом думал. Вполне возможно, что он думает, будто у него в самом деле есть все эти деньги. Вот что стало с его мастерской. Он обанкротился. Ее у него отобрали. Поэтому–то он и перестал работать. Он ничего за нее не получил. На самом–то деле он в долгах: семь тысяч — своему зятю и пять сотен мне; он в долгах по самое не могу.

— Ну, сейчас на этом нет нужды останавливаться, — спустя какое–то время непринужденным голосом сказал Харман. Он двинулся в сторону кухни. — Сейчас мы еще выпьем, а потом пе-

рекусим. — Он обратился к жене: — Как насчет сэндвичей с жареной ветчиной и кофе? А еще, может, сделаешь какой–нибудь салат? — Потом повернулся к Элу: — У нас прекрасный французский хлеб.

Когда миссис Харман прошла мимо него и скрылась на кухне, Харман улыбнулся Элу. К нему полностью вернулось самообладание. Или, по крайней мере, он не выказывал ничего, кроме самообладания. А ведь и вправду ловкач, сказал себе Эл. Знает, что все это можно в полчаса проверить. Ему и делать ничего не надо, стоит только позвонить в пару банков здесь, в городе, и он узнает все, что можно узнать о финансовом положении старика. Он не станет терять время, пытаясь выяснить это на словах. На словах карт не раскроешь, только не с таким делом.

Я почти его уделал, осознал Эл Миллер. Я чуть не нокаутировал его с помощью слов. Но он о словах знает гораздо больше. Он знает, что они ничего не стоят.

Старик ничего не говорил, он так и стоял со своей банковской книжкой. Потом убрал ее в карман и пошел из столовой обратно в переднюю часть дома. Эл двинулся вслед за ним. Войдя в гостиную, Эл увидел, что старик снова достал

свою банковскую книжку, глянул в нее, а потом опять убрал ее в карман пиджака.

— Чтоб ты сдох, — сказал старик, увидев его.

— И тебе того же, — сказал Эл.

Они оба замолчали.

Нет толку говорить ему, что я спас ему его деньги, сказал себе Эл, потому что ему на все наплевать. И я их не спас, потому что сегодня вечером, завтра или через неделю он все равно выпишет Харману чек. Так что это не считается. Но, подумал он, мне, по крайней мере, не пришлось стоять там и смотреть на это.

— Хороший дом, — хриплым голосом сказал старик.

— Да уж, — сказал Эл.

— Стоит, должно быть, тысяч семьдесят пять, — предположил старик.

— Не знаю, — отозвался Эл. — Штукатурка начинает трескаться. Наверное, вода подтекала. Вот что разрушает штукатурку.

Из–за его спины Харман сказал:

— Никакой воды за штукатурку в этом доме никогда не подтекало. В этом, джентльмены, я могу вас уверить.

— Эл знает все, — пробормотал старик. — Спорить с ним бесполезно; он всезнайка.

— По–видимому, — сказал Харман. — Что ж, это тоже может найти применение в мире. Любое качество может быть полезным, все зависит от того, к чему его приложить. — И он одарил Эла дружелюбной улыбкой.

Здесь нет места дурным чувствам, подумал Эл. Этот тип может позволить себе быть великодушным; он знает то же, что знаю я; знает, что то, чего не сумел получить сегодня, он все равно получит завтра. И знает также, что я сделал все, что мог; я полностью выставился, разлегся перед ним голеньким и не добился ровным счетом ничего. Я выстрелил вхолостую. Какую бы угрозу я для него ни представлял, она уже миновала к моменту, когда он попросил жену приготовить сэндвичи с жареной ветчиной и кофе; в то мгновение он снова взял ситуацию в свои руки и никогда ее больше не выпустит.

— Как насчет прибавки? — спросил он у Харман.

— За… — оторопев, начал Харман и осекся. Он тяжело задышал и покраснел.

— По–моему, я заслуживаю большего, чем получаю, — сказал Эл.

— Посмотрим, — машинально пробормотал Харман; очевидно, других ответов у него наготове

не было. Но потом он собрался. — Я склоняюсь к тому, чтобы не согласиться, — сказал он Элу. — Нет, я ни в коем случае не могу согласиться.

— Тогда я бросаю работу, — сказал Эл.

На это у Хармана вообще не нашлось ответа.

Снаружи, с улицы, донесся звук автомобильного клаксона.

— Увидимся, — сказал Эл.

Он подошел к окну и выглянул. Там, на тротуаре, рядом со старым серовато–коричневым «Кадиллаком», стояла миссис Лейн в длинной и плотной куртке, разглядывая дом Хармана. Волосы у нее были подвязаны кверху шелковым шарфом; у нее не было времени одеться так же тщательно, как обычно. Увидев Эла, она кивнула, давая понять, что узнала его. Он сделал то же самое и направился к входной двери.

Явившись из кухни, миссис Харман быстро проговорила:

— Рада познакомиться с вами, мистер… — Она запнулась.

Дальше в углу стоял и курил Боб Росс, который ничего не говорил и наблюдал за всем происходящим с ироническим выражением лица.

Харман подошел к окну и выглянул; он начал было говорить, возможно, собирался попрощать-

ся с Элом. Но потом заметил миссис Лейн.

— Мы увидимся, Харман, — сказал ему Эл. — Еще раз.

Он открыл дверь и ступил на крыльцо. Мгновением позже он шел по мощеной дорожке к «Кадиллаку». Он не оглядывался. Старик, вероятно, отписывает свои денежки прямо сейчас, подумал он. Даже до того, как я ушел. Но он ничего не мог с этим поделать и поэтому продолжал идти к припаркованной машине. Миссис Лейн забралась обратно за руль; как только он открыл дверцу и уселся, она выехала на улицу.

— Я знаю, чей это дом, — сказала она.

— Да, — сказал Эл.

— Безумный Эл Миллер, — сказала она. — Выходить из этого дома, как я не знаю кто. Вы сами–то знаете?

— Нет, — сказал он.

— Вы добились своего? — спросила она. — Чем бы оно ни было? Добились удовлетворения?

Он ничего не сказал.

— Значит, не добились, — догадалась она.

— Нет, — подтвердил он.

— Очень плохо, — сказала она. — Это и в самом деле очень плохо. Но вы, по крайней мере, выбрались оттуда. Это уже что–то.

— Надеюсь, — сказал он.

— Только не возвращайтесь. Обещайте мне, мистер Миллер. Как один мелкий бизнесмен из Западного Окленда другому.

Он не ответил.

— В противном случае, — сказала она, — это вас окончательно затянет.

— Может, и так, — сказал он.

— Я знаю, что так, — сказала миссис Лейн.

Они ехали дальше, пока не достигли делового района Бродвея.

— Куда вы хотите поехать, мистер Миллер? — спросила миссис Лейн. Ее голос немного смягчился. — На свою стоянку? Или домой?

— Я хочу домой, — сказал он.

Она подвезла его к дому, серому трехэтажному деревянному зданию, в котором он жил.

— Спасибо, — сказал он, выбираясь наружу. Он чувствовал себя измочаленным и опустошенным.

— Отдохните хорошенько, — сказала она. — А завтра вы все увидите новыми глазами.

Он пошел к дому и поднялся в квартиру, слишком усталый даже для того, чтобы попрощаться.

В ту ночь, очень поздно, Эла разбудила жена, толкая его и настойчиво крича ему в ухо. Он

принял две таблетки фенобарбитала и долгое время не в состоянии был полностью проснуться; он сидел в постели, опершись спиной о стену и потирая лоб.

— Ты не слышал, как звонил телефон? — громко говорила Джули.

— Нет, — сказал он.

— И как я по нему говорила? Как пыталась тебя разбудить, чтобы ты с ней поговорил?

— С кем?

— С Лидией, — сказала жена.

— Он умер, — сказал Эл. — Так, что ли? — Он выбрался из постели и пошел в ванную, ополоснуть лицо холодной водой.

Пока он умывался, Джули пристроилась на краю ванны; на ней были банный халат и тапочки, и она казалась полностью проснувшейся и рациональной.

— У него был сильный сердечный приступ в пол–одиннадцатого вечера, — сказала она. — Его быстро доставили в больницу Альта Гейтс и поместили в кислородную камеру. Он умер в три, так, по–моему, она сказала. А сейчас пять.

— Пять, — повторил он, вытирая лицо.

— Лидия говорит, это было из–за переживаний по поводу какого–то большого чека, который он

выписал. Он рассказал ей о нем, когда вернулся домой, около шести.

— Значит, он все–таки его выписал, — сказал Эл.

— Они спорили об этом, — сказала Джули, — но, по ее словам, она видела, что он был как никогда усталым, так что она не стала пытаться его урезонивать, но позволила ему лечь спать. Около девяти. Он сразу заснул и вроде бы спал крепко. До самого приступа.

— Она может остановить выплату по этому чеку, — сказал Эл. — Черт возьми, я прекрасно знаю… — Но на самом деле он этого не знал, только надеялся на это.

— Как раз об этом она говорила, — сказала Лидия. — Она собирается его отозвать, так она сказала. Чек, видимо, огромный. На все их деньги. На несколько десятков тысяч.

— Хорошо, — сказал он.

— Ты вроде не очень расстроен, — сказала Джули.

— Черт, — сказал Эл. — Я видел, что это вот–вот случится. Все мы это понимали.

— Лидия хочет, чтобы ты встретился с ней в конторе ее адвоката в семь тридцать, — сказала Джули. — Она умоляла меня, чтобы я тебя уго-

ворила.

— В полвосьмого утра? — спросил он.

— Да. Чтобы они были уверены, что чек будет остановлен.

— Господи, — сказал он, направляясь обратно к постели.

— Ты поедешь, — сказала она, следуя за ним. — Ты должен, что бы там дальше ни было. Ей нужен кто–то, на кого она могла бы опереться. Жаль, что ты с ней не поговорил. Тогда бы она чувствовала себя лучше, да и ты понимал бы больше. Это в самом деле ужасно. Они были женаты почти тридцать пять лет.

Он залез в постель и натянул на себя одеяло.

Глава 14

Утром в полвосьмого Эл Миллер приехал по указанному ему адресу. Это было офисное здание на авеню Шаттук, и перед ним он увидел Лидию Фергессон, стоявшую рядом с маленьким круглым лысым человечком в старомодном двубортном костюме и с портфелем в руке. Лидия представила его как Бориса Царнаса, своего адвоката. Сама она была одета как обычно; из–за того, что случилось, вид у нее не особенно изменился.

Едва заметив его, она быстро пошла ему навстречу, выкликая на ходу:

— Тот тип, которого вы знаете, этот преступник, — он теперь обладает чеком. Как его зовут? Нам необходимо узнать это сразу же.

Адвокат объяснил, что к восьми утра он сможет связаться с представителем Банка Америки. Если чек еще не учтен, его можно остановить, хотя он мог быть обналичен где–нибудь еще, даже в филиале банка. Он говорил быстро, монотонно и с акцентом. Эл решил, что это тоже грек; во всяком случае, откуда–нибудь с Балкан.

— Если это легальное инвестиционное предприятие, — сказал Царнас, — то мистер Харман

может предпринять законные действия, чтобы добиться выплаты. Но если он мошенник, как, кажется, вы и миссис Фергессон подозреваете, то он не посмеет обратиться в суд. Он знает, чем это грозит. Вероятно, он понятия не имеет, что ваш муж, мистер Фергессон, скончался этой ночью, так что мы получаем преимущество, по крайней мере, в полдня в связи с закрытием этого счета, если решим это сделать. Это был совместный счет, тот коммерческий счет, на который был выписан чек, не так ли?

— Да, — сказала Лидия.

От Эла адвокат получил сведения о бизнесе Хармана, о его местонахождении, об обстоятельствах, при которых был выписан чек. Он казался удовлетворенным, однако все время сохранял странно нейтральное отношение. Эл наконец осознал, что тот был и адвокатом Фергессона и, если бы вложение оказалось на должном уровне, хотел, чтобы чек в конце концов был допущен к оплате. Все это дело виделось ему абстрактно; с его точки зрения в него были вовлечены не люди, а лишь правовые аспекты. Такой подход изумил Эла.

В такую рань почти еще никто не поднялся; вдоль авеню Шаттук проехали только несколько

автомобилей. Воздух был прохладным. Все магазины оставались закрытыми с ночи. Многие неоновые вывески, заметил Эл, были еще включены, тусклые в утреннем солнечном свете.

— Что теперь? — спросил он у Лидии, когда адвокат отъехал на собственной машине. Они с Лидией остались на тротуаре вдвоем.

— Мне предстоит бог знает сколько дел, — сказала Лидия. — Это все — как какой–то сон. Вы очень мне помогли, мистер Миллер. Его завещание у Бориса. Я знаю его содержание. Однако оно должно быть официально оглашено. Вас в нем нет.

— Думаю, я это переживу, — сказал Эл. — Вы в нем есть?

— Этого требует закон, — сказала Лидия твердым голосом, тем же, каким говорила с того самого мгновения, как он увидел ее этим утром.

— Это так неожиданно, — сказал Эл.

— Это большое везение, что он умер именно тогда, — сказала Лидия, — потому что даже днем позже чек уже нельзя было бы остановить.

Его поразила ее прозаичность. Как будто из–под всего культурного лоска и образования ему предстала изначальная крестьянка. С той же практичной приземленностью, которая раз-

личима была в старике; оба они были одной породы. Но при окончательном анализе это не представилось ему чем–то низким. Это казалось совершенно естественным. Более того, подумав он, это именно то, чего старик и заслуживал.

Когда они шли к машине Эла, Лидия сказала:

— Этот тип, этот Крис Харман, будет замышлять против вас что–то дурное из–за того, что вы для меня сделали.

Он пожал плечами:

— Может, и так.

— Вас это беспокоит?

Он не знал, беспокоит ли его это. Было слишком рано; день только–только начинался.

— Вы можете рассчитывать на мою благодарность, — сказала Лидия. — Понимаю, что пока нельзя предвидеть, как все сложится, но, возможно, я смогу отплатить вам за то, что вы сделали.

На это он ничего не сказал.

— Держитесь веселее, — сказала она, похлопывая его по руке.

— Зачем? — сказал он.

— Только бог знает, зачем, — сказала Лидия и пошла по направлению к такси, которое ее дожидалось.

Теперь у меня нет работы, сказал он себе, когда,

нетвердо держась на ногах, забирался в свой собственный автомобиль, «Шевроле», с «Распродажи машин Эла». Ничего. Старик умер, и меня нет в его завещании; не то чтобы я этого ждал или хотя бы думал об этом. Организация Хармана для меня закрыта. Со стоянкой, вне всякого сомнения, покончено, и не через два месяца, а уже. Пользование всей собственностью старика будет приостановлено в суде. А стоянка принадлежит ему, является частью его недвижимости. Конечно, когда в суде все это рассмотрят, то заключат, что она была законно продана. Но на это уйдет время.

Может, это я его убил, подумал он. Я достал его вчера, в доме у Хармана. Когда сказал, что его банковская книжка — фальшивка. Хотя это произошло не сразу. Слава богу, что он не грохнулся на пол прямо там и тогда. Слава богу, что его механизмы проработали немного дольше, наверное, больше по привычке, чем намеренно.

Он всегда ожидал, что его придавит машина в мастерской, подумал Эл. Вот как он это предчувствовал. Но на самом деле все произошло не так. Он погиб под грудой слов. Моих слов.

Заведя машину, он поехал искать кофейню, в которой мог бы позавтракать.

На авеню Сакраменто он нашел знакомую кофейню и заказал себе завтрак. Большинство посетителей были мужчины, они читали спортивный раздел утренней «Кроникл», пили кофе и ели яичницу с беконом и жареной картошкой. Там было тепло, все заливал желтый свет, и настроение у Эла улучшилось. Он почувствовал себя менее одиноким.

Пока он ел, к нему подошел посетитель–негр и уселся рядом.

— Вы не Эл Миллер? — спросил он.

Эл немного знал его — тот пару раз проходил мимо его стоянки. Так что он кивнул.

— Вас ищет доктор, — сказал негр.

— Какой доктор?

— Доктор Ду, — сказал негр, после чего соскользнул с табурета и бочком двинулся прочь из кофейни, на тротуар.

Едва покончив с едой, Эл подошел к будке таксофона и набрал номер Тути Дулитла.

— Эй, дядя, — сказал Тути, узнав голос Эла. — Тебя ищут.

— Кто?

— Какие–то типы. А это значит, что дела у тебя плохи.

— Щас усруся, — сказал Эл по–простецки.

— Ты лучше так не говори, — сказал Тути. — Ты лучше вбей в свою дурью башку, что ты попал в беду.

— Как зовут этих типов?

— Я не знаю, кто они такие. Просто слышал, что они тебя ищут, чтобы до тебя добраться. Что ты им сделал? Говори прямо. Просто так они бы тебя не искали.

— Ума не приложу, — сказал Эл.

— Я слышал, ты кого–то убил, — сказал Тути.

— Чушь, — сказал Эл.

— И это стоило им кучи денег. Кто–то, слышал я, говорит, что это стоило им около сотни тысяч долларов.

— Не было там ста тысяч долларов, — сердито сказал Эл, против своей воли поймавшись на безумный отчет Тути.

— Что собираешься делать? — спросил Тути.

— Ничего.

— Тебе бы лучше купить ствол и залечь на дно.

— Клал я на это.

— Как хочешь, я тебя предупредил, — сказал Тути. — Я слыхал о таких делах, и они всегда оказывались правдой. По–моему, знаешь ты это или нет, против тебя действуют какие–то крупные шишки.

— Ладно, — сказал Эл. Он начал вешать трубку.

— Я слышу, ты там скребешься, — сказал Тути. — Собираешься трубку повесить.

— Я поеду к окружному прокурору, — сказал Эл, — и расскажу ему все, что знаю. Они меня не тронут.

— Кого ты убил? — спросил Тути.

— Не знаю.

— Знаешь, конечно.

— Просто какого–то парня, попавшегося мне на пути.

— Ты болван, — сказал Тути. — Я сам положу трубку.

Телефон клацнул. Эл тут же повесил свою трубку и вышел из будки.

Хорошо, что он меня предупредил, сказал он себе.

Может, он и прав, подумал он. Мне надо купить пушку и залечь на дно. Но куда мне податься? В организации Хармана имеется мое полное досье, все факты обо мне: каждое место, в котором я жил, где я родился, где работает моя жена, чем я занимался, с тех пор как закончил начальную школу. Они, наверное, смогут обратиться к психологу, и тот точно предскажет, что я буду делать. Они будут точно знать, где меня найти, на какой

улице, в каком доме, в какой именно комнате. Вот что может сделать эта современная промышленная технология.

Он купил «Кроникл» и, снова усевшись за прилавок, стал читать объявления «Требуются». Работ, заслуживающих обсуждения, там не было. Я могу быть продавцом, решил он. Или обслуживать автоматы по продаже жевательной резинки. После этого он стал читать частные объявления, а потом — объявления, связанные с частным бизнесом. Ты смотри, подумал он, как перебиваются некоторые. Лечу на дому гипнозом от пристрастия к курению. Или, если хотите, появлюсь на вечеринке в честь дня рождения вашего ребенка и развлеку кукольным представлением. Он вернулся к частным объявлениям. «Неофициальная информация о сумасшедшем доме, — прочел он. — Хвала Св. Иуде за сохранение моей фамильной мебели». Господи. Он спрятал газету.

Вскоре после полудня Джули появилась в их квартире. Эл дремал. Удивленный ее ранним приходом, он сел на кровати. Но, прежде чем он успел заговорить, Джули сказала:

— Меня уволили.

Она начала снимать туфли и чулки.

— Почему? — спросил он.

— Позвонил какой–то клиент и сказал менеджеру офиса, что я не верую в бога, — объяснила Джули. — Тот вызвал меня к себе и спросил, так ли это, и я сказала, что да, но это никак не касается «Западного угля и карбида». Но он заявил, что мораль работников очень даже касается «Западного угля и карбида». А еще сказал, что они никогда не понимали, какая, собственно, отдача от девушек из колледжа? Что они никогда не удовлетворены их работой. И что те всегда создают проблемы. — Она повесила свою куртку в шкаф.

Стало быть, Тути прав. Они решили его достать.

— Слушай, — сказал он. — Как насчет того, чтобы отсюда уехать?

— А куда?

— Ума не приложу, — сказал он. — Но мы что–нибудь придумаем.

— У Залива полно работы, — сказала Джули, проходя на кухню и принимаясь складывать тарелки в раковину. — У меня никаких проблем не будет. Я уже записалась в нескольких агентствах по трудоустройству. Надо быть готовым к такого рода вещам. Так или иначе, у тебя–то есть работа.

— Нет, — сказал он.

— Что — нет? Что ты имеешь в виду? Ты хочешь сказать, что одного дня хватило, и ты больше не работаешь там, на того человека? — Она прекратила заниматься тарелками и вошла в спальню, чтобы смотреть ему в лицо. — Как это ты оказался дома? Почему не на работе?

— У нас неприятности, — сказал Эл.

— Так, значит, ты продержался на той работе всего один день? — сказала Джули. — На той хорошей работе?

Он кивнул.

— Ты ее бросил?

— Да, — сказал он наконец.

— Не скажешь ли почему?

— Я не знаю почему, — сказал он. — Я знаю, что случилось, но не знаю почему. Тебе придется поверить мне на слово. Мне больше ничего не оставалось.

Он смотрел ей в лицо, сунув руки в карманы. Его жена крепко сжимала руки перед собой, как будто ей было холодно. Лицо у нее стало увядшим, старым, и все черты, и нос, и глаза, и рот, стали значительно меньше. Сами кости, казалось, съежились. Как будто, подумал он, жизненная сила внутри нее истончалась. Обращалась в воздух. Испарялась. Убывала с каждым вдохом и выдо-

хом. Может, это и все, чем была эта сила, — всего лишь воздухом. Воздухом в каждом из них, который давал им возможность оставаться в живых.

— Я с тобой разведусь, — сказала она.

Он двинулся к ней, чтобы как–то ее подбодрить. Чтобы согреть ее, вернуть в нее какое–то подобие жизни. Но она отпрянула. Она его избегала.

— Сейчас не время для этого, — сказал он. — Для такого рода вещей.

— Ты, наверное, собираешься меня побить, — сказала она. — Как того беднягу.

— Какого беднягу?

— Того пьяного, который зашел к тебе на стоянку, а ты его побил.

Он такого не помнил. Он понятия не имел, о чем таком она говорит.

— Мы оба без работы, — сказал он, — и нам придется начинать сначала, вероятно, совсем в другом месте. Но мы со всем этим справимся. Я теперь многому научился.

— Нет, — сказала она. — Нас больше нет.

Спустя некоторое время он проговорил:

— Вот что я тебе скажу. Я заключаю с тобой договор. Дай на это месяц. Если мы… — Он помедлил.

— Да, — сказала она с горечью. — Если мы не найдем какую–нибудь работу. Мы. А не ты.

— Если я не найду за месяц чего–нибудь стоящего, — сказал он, — тогда мы порвем все отношения.

— Я не могу заключать с тобой договор, — сказала Джули, — потому что — хочешь знать почему? Можешь услышать правду? Ты не честный.

Тебе нельзя доверять. — Она отодвинулась еще дальше, как будто опасаясь. Страшась его реакции. Но он ничего не делал. — Теперь ударь меня, — сказала она. — И покажи, насколько на тебя можно положиться. Насколько ты честен.

Зазвонил телефон.

— Не снимай, — сказал он, когда она прошла мимо него, чтобы ответить.

— Это, наверное, из одного из агентств, — сказала она. — Мне. — Она сняла трубку, сказала «алло». Затем прикрыла трубку рукой и спросила у него: — Ты знаешь кого–нибудь по имени Денкмэл?

— Господи, нет, — сказал он.

— Так или иначе, это тебе, — сказала она, протягивая ему телефон.

Он отрицательно замотал головой.

Джули, прикрывая трубку рукой, сказала ему мягким голосом:

— Я больше не буду за тебя лгать. Отныне тебе

придется делать это самому. — Она снова протянула ему телефон.

Так что он взял его у нее и сказал «алло».

— Эл Миллер? — сказал мужской голос.

— Да, — сказал он.

— Вот что, Миллер, меня зовут Денкмэл. У меня парикмахерская. Ну, знаете, напротив вас. Слушайте, мне отсюда видна ваша стоянка. Вам бы лучше сюда приехать.

Он положил трубку, бросился мимо Джули из квартиры, скатился по лестнице и побежал по тротуару к «Шевроле».

Когда он подъехал к бордюру рядом со стоянкой, парикмахер в своем белом халате перешел улицу, лавируя в транспортном потоке, и приблизился к нему. Они стояли рядом, глядя на стоянку. Там все было недвижно.

— Я не знаю, что они там делали, — сказал Денкмэл. — Я подумал, это клиенты, смотрят машины.

— Они проходили вглубь? — спросил Эл. Он ступил на стоянку, и парикмахер последовал за ним. Машины в первом ряду казались в порядке.

— Они что–то делали, — сказал парикмахер.

Это был «Мармон», стоявший сзади. Они разбили все стекла, изрезали шины, распороли

сиденья, расколотили индикаторы на приборной доске. Подняв капот, он увидел, что они перерезали провода, оторвали детали друг от друга. И окраска тоже была приведена в негодность. Ее долбили и царапали, а на капоте и дверцах оставили вмятины от ударов молотка. Фары были вырваны и разбиты. Взглянув вниз, он увидел воду, стекавшуюся в лужу. Они сокрушили радиатор.

— Вам бы лучше позвонить в Оклендскую полицию, — сказал Денкмэл. — Вы же его почти полностью восстановили, верно? Я наблюдал за вами; боже мой, вы ведь трудились над ним пару лет.

— Сволочи, — сказал Эл.

— На юнцов не похоже, — сказал Денкмэл. — Обычно именно юнцы занимаются вандализмом.

— Нет, — согласился Эл. — Это были не малолетки.

— А вот в полиции непременно скажут, что это малолетки, — заметил Денкмэл.

Эл поблагодарил парикмахера за звонок. Тот пошел через улицу обратно в свою парикмахерскую. Эл остался на стоянке, спиной к искалеченной машине, глядя на уличное движение. Потом

он вошел в маленькое здание из базальтовых блоков, закрыл дверь и уселся в полном одиночестве.

Что еще они могут сделать? — спросил он у себя. Они лишили мою жену работы, а у меня ее и так уже не было. Они поимели мой «Мармон». Может, Тути прав, может, они пырнут меня ножом или изобьют до полусмерти. Пли изнасилуют Джули. Кто знает? Он не знал. Он обошелся Харману, самое меньшее, в сорок тысяч, а может, и дороже.

Он вспомнил, как, будучи подростком, применил оружие. Один–единственный раз. У него была работа, состоявшая в том, чтобы кормить кур и уток в их загонах. Он отправился туда и обнаружил, что там вокруг снуют полевые крысы, так что его отец дал ему свою винтовку двадцать второго калибра, и он забрался на крышу курятника и уселся, скрестив ноги, над загоном, ожидая, чтобы крысы вылезли из своих нор. Одну он подстрелил. Он попал ей куда–то в заднюю часть, и она завертелась, как шестерня в часах, вхолостую дрыгая ногами. Она крутилась и крутилась, а потом, как раз когда он подумал, что она вот–вот сдохнет, бросилась к своей норе, пролезла в нее и исчезла.

Он попытался представить себе, как будет

выглядеть человек, раненный куда–нибудь и крутящийся на месте. Я не смогу, подумал он. К черту. Не буду я покупать оружие.

В течение неопределенно долгого времени он оставался там, за своим столом, погруженный в раздумья. А потом заметил несколько машин, припаркованных у бордюра немного ниже. Двери гаража были открыты, и из него вышла Лидия Фергессон. С ней были несколько человек в деловых костюмах, все выглядели серьезными.

Увидев его в маленьком домике, Лидия прошла к нему через стоянку.

— Мистер Миллер, — сказала она, открывая дверь домика, — нам удалось заблокировать чек. Деньги я сняла и положила на хранение в депозитный ящик.

Глаза у нее, когда она говорила это, так и сверкали. На ней было много косметики, меховая горжетка, черное пальто и темные чулки, а в руке она держала большую кожаную сумку. Все ее тело дрожало от напряжения, едва ли не от возбуждения. Даже близкого к лихорадочному.

— Хорошо, — сказал он.

— Тело выставлено для прощания в морге. Qui

tollis peccata mundi, miserere nobis [25]. А, мистер Миллер? — Она положила на его стол белую тисненую карточку. — Служба будет завтра утром, в одиннадцать. Затем он будет кремирован.

Он кивнул, беря карточку.

— Желаете вы пойти и повидать усопшего? — спросила Лидия.

— Не знаю, — сказал он. — Не могу решить.

— Всегда возникает проблема, в какой одежде, — сказала она. — Они связывались со мной на этот предмет. У него имеются новые галстуки, которые он купил, но мое заключение состояло в том, чтобы не использовать ничего, кроме того, с чем мы все знакомы. Священник — унитарий. Вы знаете, какие ему нравились песни?

— Что? — сказал Эл.

— Они сыграют на органе песни, которые ему нравились.

— Нет, — сказал он.

— Тогда они будут играть гимны, — сказала Лидия. — Тем хуже.

Эл сказал:

— Я ускорил его смерть, споря с ним в доме у Хармана. Вы это знаете?

---

[25] Примечания: 25
Кто умерщвляет мирские грехи, тот к нам милосерден *(лат.).*

— Вы исполняли свой долг.

— Откуда вам это известно?

— Он предоставил мне полный отчет о происшедшем. Признал, что вы пытались спасти его от него самого.

Эл уставился в стол.

— Он не держал на вас зла.

Эл кивнул.

— Прошу вас, ступайте, проститесь с останками, — сказала Лидия.

— Ладно, — сказал он.

— Сегодня, — сказала она. — Потому что если вы не сделаете этого сегодня, то завтра останков увидеть будет нельзя.

— Ладно, — сказал он.

— Вы не хотите, — сказала Лидия. — Почему?

— Не вижу в этом никакого смысла, — сказал он.

— Никто не может заставлять вас что–либо делать, мистер Миллер, — сказала Лидия. — Я признаю за вами это право. Делайте в точности то, что хотите. Я все время думала о вас сегодня; вы занимали в моих мыслях очень много места. Я хочу предоставить вам достаточную сумму денег, чтобы вы могли начать свой бизнес снова.

Он глянул на нее, застигнутый совершенно

врасплох.

— Ваше экономическое существование разрушено, — сказала Лидия. — Не так ли? Из–за вашего повиновения долгу. Кто–то должен восстановить вас, придя на помощь, кто–то, кто может. У меня есть деньги.

Он не знал, что сказать.

— Вы думаете, — сказала она, — что тем самым вы примете участие в разделении добычи.

На это он рассмеялся.

— Омойте вашу совесть дочиста, — сказала Лидия. — Нет ничего такого, в чем вы могли бы чувствовать себя виновным.

— Я хочу чувствовать себя виновным, — сказал он.

— Почему, мистер Миллер?

— Не знаю, — сказал он.

— Вы, вероятно, хотите принять участие в его смерти.

Эл ничего не сказал.

— Вместо того чтобы повидать его, — сказала она. — Вот что вы делаете. Такова ваша система.

Он пожал плечами, по–прежнему глядя в стол.

Открыв свою кожаную сумку, Лидия поискала в ней, а затем вынула руку, что–то в ней зажав; он увидел, что это пятидолларовая банкнота. Она

сунула ее в карман его рубашки. Когда он поднял на нее взгляд, она сказала:

— Я хочу, чтобы вы прислали в морг цветы и тем выказали свои чувства.

— Я могу купить цветы, — сказал он.

— Нет, не можете, — спокойно возразила она. — Разве вы можете? Разве вы когда–нибудь такое делали? Никогда в жизни, мой дорогой юный друг. И вы никогда не бывали на похоронах. Вы не знаете, как это делать. В этом мире существует множество вещей, относительно которых лично вы не знаете, как ими заниматься. Вы, сказала бы я, если это вас не обидит, в определенном смысле варвар.

— Варвар, — повторил он.

— Но у вас есть инстинкты, — говорила она, направляясь наружу из домика и начиная закрывать за собой дверь. — Хорошие инстинкты, которые вас спасут, если этого еще не произошло. Вы должны полагаться на них, а также, мой дорогой юный друг, на кого–то еще, кто может показать вам, как действовать в этом нашем старом жестоком мире, который, увы, так мало вам понятен. Так прискорбно мало.

— Господи, — сказал он, поднимая на нее взгляд. На мгновение его испугал ее необычный

подбор слов.

Она улыбнулась.

— Что вы думаете? Что вы чувствуете? Скажите мне, что говорят вам ваши инстинкты о том, как жить. О том, как вам следует начать вашу жизнь, впервые по–настоящему.

Они велят мне убить себя, подумал он. Но вслух этого не сказал; он вообще ничего не сказал вслух.

Дверь наконец закрылась. Лидия ушла. Он сидел на том же месте, радуясь, что снова остался один, что она ушла. Но мгновением позже дверь снова открылась.

— Мистер Миллер, — сказала она. — Я заметила, что ваша великолепная старая машина разбита вдребезги. Что с ней случилось?

— Они выместили это на машине, — сказал Эл.

— Таково было мое впечатление, — сказала она, — когда я увидела ее с разбитыми стеклами и вспоротой обшивкой. — Она снова вошла и присела к столу, глядя ему в лицо. — Вот что я для вас сделаю, — сказала она, — я куплю ее у вас. Я знаю из того, что слышала в прошлом, главным образом от вас, сколько вы ожидали за нее выручить. Около двух тысяч долларов. Не так ли?

Он кивнул.

— Тогда я куплю ее у вас за эту цену.

Она положила на стол чековую книжку, взяла авторучку и стала аккуратно заполнять чек.

— Хорошо, — сказал он.

Она, улыбаясь, писала.

— Вас не удивляет, что я его беру? — сказал он. Его самого удивляла собственная реакция. То, что он согласен был принять чек. — Мне нужны эти две тысячи долларов, — сказал он.

Все было ровно настолько просто. С двумя тысячами долларов он мог уехать. А без них не мог. Вполне возможно, что эти две тысячи долларов спасут жизнь ему и его жене.

Как только Лидия ушла, он запер стоянку и поехал в банк, на который был выписан чек. Банк обналичил чек без малейших затруднений; Эл обратил деньги в дорожные чеки, а затем поспешил к себе домой.

Войдя, он застал Джули в спальне, где она укладывала свою одежду в один из чемоданов.

— У меня достаточно денег, чтобы мы уехали отсюда и устроились где–нибудь еще, — сказал он.

— В самом деле? — сказала она, продолжая укладывать вещи.

Усевшись на кровать рядом с чемоданом, он выложил книжки дорожных чеков.

После долгого молчания Джули спросила:

— И куда же ты намерен нас повезти?

— Мы выедем, — сказал он, — а по дороге решим.

— Прямо сейчас? — Она смотрела, как он достает другой чемодан и начинает укладывать свои собственные вещи.

— Сядем на автобус, как только соберемся, — сказал он.

На это она ничего не сказала. Возобновила сборы. Они оба занимались этим бок о бок, пока не собрали столько, сколько было разумно с собою взять.

— Когда ты уехал, был еще один звонок, — сказала Джули, показывая на бювар. — Я записала номер. Тот тип сказал, чтобы ты перезвонил ему, как только сможешь.

Это, заметил он, был номер домашнего телефона Хармана.

— Он говорил очень странно, — сказала Джули. — Я и половины не могла понять. Сначала думала, что он ошибся номером; он словно бы говорил с какой–то компанией.

— С организацией, — сказал Эл.

— Да, все время повторял «вы, сотрудники».

— Мы готовы, — сказал Эл.

Подхватив свой чемодан, она двинулась к двери.

— Как противно, что приходится все это здесь оставлять. — Остановившись, она дотронулась до пепельницы на кофейном столике. — Ее здесь не будет, когда мы вернемся; мы никогда больше не увидим ни одной из этих вещей.

— Иногда приходится идти и на это, — сказал Эл.

Все еще медля, она сказала:

— Мне нравится район Залива.

— Знаю, — сказал он.

— Ты сделал что–то ужасное, — сказала она, — верно? Я поняла это, как только пришла сегодня домой. Это имеет отношение к смерти Джима Фергессона? Может, ты пытался заполучить его деньги. Я не знаю. — Она тряхнула головой. — Ты никогда не скажешь. По–моему, такое происходит все время. Мне он никогда не нравился. Все равно у него не было права на эти деньги. Говорю то же, что и раньше: я хотела, чтобы он умер. Он очень плохо к тебе относился. — Она не сводила с него глаз.

Он поднял свой чемодан и направился к двери; ведя впереди себя жену, вышел в прихожую.

Вместо того чтобы воспользоваться собствен-

ной машиной, они добрались до автобусной станции «Грейхаунд» на такси. Он купил билеты в Спаркс, штат Невада. Часом позже, после ожидания на станции, они ехали в двухэтажном автобусе с кондиционером по шоссе 40, пролегающем через огромную плоскую долину Сакраменто.

Был ранний вечер, и воздух уже остыл. Другие пассажиры дремали, читали или смотрели в окно. Джули смотрела в окно, время от времени говоря что–нибудь о полях и фермах, мимо которых они проезжали.

Когда они въехали в Сакраменто, было еще светло. Автобус стоял достаточно долго, чтобы пассажиры могли поужинать, а затем они снова двинулись. Теперь уже было темно. Автобус начал подниматься по более старому, серпантинному шоссе, которое вело из Сакраменто в Сьерры. На дороге встречались в основном большие грузовики. Выглядывая в окно, Эл видел придорожные закусочные, крытые фруктовые лотки и заправочные станции. Поля теперь остались позади.

— Эта часть пути довольно–таки унылая, — сказала Джули. — Хорошо, что мы ее по–настоящему не видим. Но я хотела бы увидеть Сьерры.

— Это и есть Сьерры, — сказал Эл. — Всю дорогу будет вот так же. Рекламы да бары.

— А на той стороне как?

— Увидим, — сказал он.

— Во всяком случае, — сказала Джули, — воздух здесь хороший.

Глава 15

В Спарксе, штат Невада, он купил билеты до Солт–Лейк–Сити. Несколько часов они провели, прогуливаясь по Спарксу; он располагался невдалеке от Рено и был очень современным и ухоженным. А потом они отправились в путь через пустыню Невада. Было три тридцать утра.

Оба они спали. За пределами автобуса не было ничего — ни огней, ни жизни. Автобус, ревя, мчался вперед без остановок.

Когда Эл проснулся, солнце уже встало; повсюду вокруг он видел каменистые земли, холмы, образованные разрушенными скалами, колючие серые растения и там и сям вдоль дороги заброшенные развалины человеческих жилищ. Было восемь пятнадцать. Судя по расписанию, они были почти у границы Юты.

В Вендовере автобус остановился, чтобы они могли позавтракать. Это была последняя остановка в Неваде, последние игровые автоматы. Городок лежал вдоль шоссе, и между каждым домом или магазином простирались обширные участки песчаной почвы, на которых ничего не росло. Чтобы размять ноги, они с Джули прошли

его по всей длине, а потом вернулись в кафе, где заказали оладьи и ветчину.

— Мы могли бы сейчас быть почти где угодно в Калифорнии, — сказала Джули, оглядывая кафе. — Такие же будки, такая же касса. Музыкальный автомат. — Кафе выглядело недавно построенным; все в нем было свежеокрашенным и стильным. — Единственное отличие, — сказала она, — это газета. И нелепая земля снаружи.

Несколько других пассажиров тоже ели в этом кафе, так что отстать от автобуса они не боялись.

— Мы остановимся в Солт–Лейк–Сити? — спросила Джули.

— Может быть, — сказал он. Это место казалось ему в той же мере подходящим для переезда, как и любое другое. По крайней мере, исходя из того, что он о нем слышал.

— Это по–своему увлекательно, — сказала Джули, — такое вот приключение… мы не знаем, куда направляемся, просто едем вперед, не останавливаясь. Отсекая себя от своего прошлого. От своих семей. — Она улыбнулась ему. Ее лицо осунулось от недосыпа, одежда измялась. С ним было то же самое. И ему надо было побриться.

Внезапно у него появилось дурное предчувствие. Солт–Лейк–Сити — слишком большой

город. Наверняка у них там есть свое представительство.

— Думаю, мы поедем дальше, как только доберемся до Солт–Лейк–Сити, — сказал он.

Достав карту, стал изучать возможности. Требовался город достаточно маленький, чтобы не представлять интереса для организации Хармана, но и достаточно большой, чтобы он мог найти там работу или заняться бизнесом. Открыть стоянку подержанных автомобилей, подумал он. Денег хватит; в обрез, но хватит, если покупать с умом.

— Мне хочется посмотреть Солт–Лейк–Сити, — сказала Джули. — Всегда хотелось.

— Мне тоже, — сказал он.

— Но мы не можем. — Она посмотрела на него изучающим взглядом.

— Нет, — сказал он.

— У меня в этом деле права голоса нет?

— Лучше предоставь решать мне, — сказал он.

Джули вернулась к еде. Он тоже.

Выйдя из кафе, они медленно зашагали к припаркованному автобусу «Грейхаунд». Шофер был им виден: он выбрался из кабины и разговаривал с двумя женщинами среднего возраста. Так что они не торопились.

— Это очень милый городок, — сказала Джули. — Но делать здесь нечего. Мы его весь видели. Это просто место, где люди могут остановиться, поесть, починить свои машины и в последний раз рискнуть несколькими монетами на игровом автомате. — Она повернулась к нему: — Ты здесь чувствуешь себя в большей безопасности? Вероятно, нет. Ты никогда не будешь чувствовать себя безопаснее. Потому что на самом деле это у тебя внутри.

— Что — это? — спросил он.

— Тот конфликт. То, от чего ты бежишь. Психологи говорят, что мы носим свои проблемы в себе.

— Может, и так, — сказал он. Ему не хотелось с ней спорить.

Они подошли к автобусу. Дверь была открыта, и он начал подниматься по металлическим ступенькам.

— Я, наверно, не буду садиться, — сказала Джули.

— Хорошо, — сказал он, соскакивая обратно на землю.

— Вообще. — Она не моргнула, встретившись с ним взглядом. — Я решила не ехать дальше. По–моему, в тебе есть что–то такое, чего ты не

замечаешь и никогда не замечал. И ты увлекаешь меня за собой. Если ты попытаешься силой затащить меня в автобус, я закричу, и тебя остановят. Я вижу вон там дорожного патрульного или кого–то в этом роде. — Она кивнула, и он увидел припаркованную патрульную машину с ее непременной антенной.

— Так ты собираешься остаться в Вендовере? — спросил он, испытывая муку.

— Нет. Я собираюсь сесть на первый автобус, идущий обратно в Рено, провести там несколько дней и сделать кое–какие покупки, а потом, если он мне понравится, остаться там и получить развод по законам Невады[26] и, конечно, устроиться на работу. А если он мне не понравится, я вернусь в Окленд и получу развод по законам Калифорнии.

— На что?

— Разве ты не дашь мне часть денег?

Он молчал. Другие пассажиры, видя их возле автобуса, стали подходить, опасаясь отстать. Водитель заканчивал свой разговор с женщинами средних лет.

---

[26] Примечания: 26

...развод по законам Невады... — В штате Невада практикуются ускоренные и очень упрощенные процедуры как вступления в брак, так и развода.

— Я хотела бы вернуться вместе с тобой, — сказала Джули, — но ты, наверное, не захочешь; ты будешь бежать все дальше и дальше.

Он тяжело вздохнул.

— Да, — сказала она. — Вздыхаешь, потому что знаешь, что это правда.

— Чушь, — сказал он.

— Просто дай мне денег. Даже не половину. Всего, скажем, пятьсот долларов. Я знаю, сколько там; у тебя останется почти полторы тысячи. По калифорнийскому закону о совместной собственности половина этого принадлежит мне. Но меня это не волнует. Я лишь хочу покончить с этой… патологией. С этой… — Она умолкла. Другие начали проходить мимо них и подниматься в автобус.

Эл сказал:

— Мне надо подписать дорожные чеки, иначе они будут недействительны.

— Хорошо, — сказала она.

Прижимая чеки к боковой стенке автобуса, он подписал их на пятьсот долларов. Затем отдал жене.

— Что ж, — сказала она тихо, — ты таки дал мне всего пятьсот долларов. Я думала, ты, может, предложишь мне половину. Ладно, неважно. —

Глаза ее наполнились слезами, а потом она повернулась к подошедшему водителю: — Я хотела бы получить свой багаж; я дальше не еду. Можно? — Она протянула ему квитанцию. Водитель глянул на Джули, потом на Эла, потом принял квитанцию.

Эл прошел в автобус и снова уселся на свое место, один. Внизу, снаружи, водитель выгружал багаж Джули. Достав чемодан, он захлопнул металлическую дверцу, после чего поспешил подняться в автобус и усесться за руль. Мгновением позже заревел двигатель, из выхлопной трубы повалил черный дым. Оставшиеся пассажиры быстро забрались в автобус и расселись по своим местам.

Сидя в автобусе, Эл видел, как его жена удаляется со своим чемоданом, направляясь в здание станции. За ней закрылась дверь. А потом закрылись и двери автобуса, и автобус поехал.

Он ничего не чувствовал, кроме того, что произошел разрыв, страшный, бессмысленный разрыв. Какое теперь имело значение, едет он дальше или нет? Но он продолжал двигаться дальше, вершить свой одинокий путь в Солт–Лейк–Сити и куда бы то ни было после него. Может быть, так для нас лучше, думал он. Раз-

делиться. По крайней мере, они не достанут нас обоих. Попытка заставить ее ехать вместе с ним была безнадежна с самого начала. Никого невозможно к чему–то принудить, подумал он. Я не могу заставить Джули делать то, что я хочу, ничуть не более, чем Лидия Фергессон способна была заставить меня пойти в морг или послать в морг цветы. Каждый из нас проживает свою собственную жизнь, к добру или худу.

Большое Соленое озеро оказалось огромным, горячим, белым и беспокойным. К полудню автобус его пересек[27] и въехал в плодородную зеленую часть Юты с деревьями и маленькими озерцами; глазам Эла снова предстала сельская местность, мало отличавшаяся от Калифорнии. Движение на шоссе было очень сильным. Впереди он видел окрестности большого города.

Солт–Лейк–Сити оказался так же запруженным народом, оживленным и густо застроенным, как область Залива; как и в Окленде, здесь было много городов поменьше, расположенных так близко к нему, что они сливались. Жилые и деловые районы, думал он, глядя в окно автобуса, повсюду примерно одинаковы. Мотели, аптеки,

[27] Примечания: 27

Большое Соленое Озеро… К полудню автобус его пересек… — Через озеро проходит дамба, на ней — железная дорога и автомобильные пути.

заправочные станции, химчистки, магазины дешевых товаров… дома, казалось, были в основном из кирпича или камня, а те, что из дерева, выглядели необычайно прочными. Улицы были ухоженными и шумными. Он видел много подростков и их машины, такие же переделанные старые колымаги, которые день напролет сновали по авеню Сан–Пабло.

Во многих отношениях, решил он, Солт–Лейк–Сити представлял собой идеальный город для бизнеса с подержанными машинами. В нем, казалось, ездили все, и на улицах было полно старых машин.

Когда он сошел с автобуса в центральной части Солт–Лейк–Сити, его подхватили двое полицейских в штатском и отвели в сторону от станции.

— Вы Элан Миллер из Окленда, штат Калифорния? — спросил один из них, показывая свой значок.

Его это настолько подкосило, что он в ответ лишь утвердительно кивнул.

— У нас ордер на ваш арест, — сказал полицейский в штатском, показывая сложенную бумагу, — и возврат в штат Калифорния. — Зажав его между собой, они повели его к обочине, к своей припаркованной полицейской машине.

— За что? — спросил Эл.

— За мошенничество, — сказал они из них, вталкивая его в машину. — Вымогательство денег под фальшивым предлогом.

— Каких денег? — спросил он. — Кто меня обвиняет?

— Иск подписан в округе Аламеда, Калифорния, миссис Лидией Фергессон. — Полицейский завел машину, и они влились в транспортный поток деловой части Солт–Лейк–Сити. — Вы пробудете здесь пару дней, а потом отправитесь обратно.

Эл не нашелся, что сказать.

— Вы знаете эту миссис Фергессон? — спросил один из полицейских, подмигивая другому.

— Конечно, — сказал Эл.

После паузы один из полицейских поинтересовался:

— Она вдова?

— Да, — сказал Эл.

— Толстая? Средних лет?

Эл промолчал.

— Ваше официальное занятие? — спросил один из полицейских.

— Торговец автомобилями, — сказал Эл.

— Вы многого добились, — сказал полицейский и засмеялся.

Транспортировка была организована на следующий день. Под охраной помощника шерифа его вместе с другим заключенным штата Юта отослали обратно в Калифорнию; добирались они по воздуху, и через несколько часов после вылета из аэропорта Солт–Лейк–Сити приземлились в аэропорту Окленда. Там их встретила полицейская машина, и их отвезли в Оклендский суд.

С тех пор как они с Джули отправились в путь, прошло всего два с половиной дня. Хотел бы я знать, где она, думал Эл, дожидаясь в одном из судебных залов предъявления обвинения. Вернулась ли в Рено? Там ли сейчас? Странно, думал он, оказаться здесь снова. Он не рассчитывал вновь увидеть Окленд. В окне зала он различал общественные здания округа Аламеда, а где–то неподалеку находилось озеро Меррит, по которому он много раз плавал на каноэ.

Из–за возвращения по воздуху расстояние казалось совсем коротким. Не очень–то далеко я ушел, решил он. Был всего в нескольких часах отсюда, не более, для тех, кто путешествует по воздуху. Ему никогда не пришло бы в голову воспользоваться самолетом. Вот, должно быть, что имела в виду Лидия, подумал он. Когда сказала, что я так мало понимаю этот мир.

Кто–то, очевидно, работник суда, подошел к Элу и сказал, что ему нужен адвокат.

— Хорошо, — сказал он. Все это представлялось ему очень смутным. — Будет.

— Желаете позвонить?

— Может быть, позже, — сказал Эл.

Он не мог придумать, кому позвонить, и жалел, что при нем нет его таблеток. А может, они у него были? Он обшарил карманы, но безуспешно. Нет, осознал он. Упаковка анацина была в других брюках. Или ее забрала полиция; они всего его обшарили. Должно быть, так оно и случилось, подумал он. Так или иначе, я лишился своих таблеток.

Следующим, что дошло до его сознания, было появление в судебном помещении низенького, лысого, похожего на иностранца человечка в двубортном костюме. Я его знаю, сказал себе Эл. Может, это мой адвокат. Но потом он вспомнил. Это адвокат Лидии, как там его звали?

Несколько человек переговорили с адвокатом, а потом Эл обнаружил, что его ведут на выход из зала суда и дальше, по коридору. Я и впрямь у них в руках, сказал он себе. Они водят меня, куда им вздумается. Полисмен указал на открытую дверь, и Эл вошел в боковую комнату, что–то

вроде кабинета со столом и стульями.

— Спасибо, — сказал он полисмену, но того уже и след простыл.

Дверь снова открылась, и вошел низенький, лысый, похожий на иностранца адвокат Лидии со своим портфелем; двигаясь проворно, но с важным видом, он уселся напротив Эла и расстегнул портфель. Какое–то время он просматривал бумаги, а потом поднял взгляд. Он улыбался. Все они улыбаются, подумал Эл. Может быть, это их отличительный признак.

— Меня зовут Борис Царнас, — сказал адвокат. — Мы встречались.

— Да, — сказал Эл.

— Миссис Фергессон не пожелала вас видеть, по крайней мере, в этот раз. Я, как вы понимаете, представляю ее интересы в этом деле. — Он начал говорить тихо и не вполне внятно. — Равно как во всех остальных делах, касающихся состояния ее усопшего супруга и так далее. — Он изучал Эла так долго, что тот начал чувствовать неловкость. У него были яркие, умные глаза, хоть и маленькие. — То вложение, — сказал Царнас, — было совершенно надежным.

Вот, значит, в чем было дело. Это все объясняло. Эл кивнул.

— Мы проверили все финансовые документы, все бухгалтерские отчетности. Чистый доход от ее вложения будет, вероятно, очень высоким; по крайней мере, десять процентов, возможно, и больше. Возможно, целых двенадцать. Харман действовал без какого–либо вознаграждения. Он не связан с этим предприятием, если не считать того, что он знает как мистера Бредфорда, так и покойного мистера Фергессона. Представляется, что он действовал в точности так, как и указывал, предлагая основанную на имеющейся у него информации помощь в обеспечении покойному выгодного вложения, которое теперь становится доходным для наследницы, миссис Фергессон. Вот я и посоветовал ей… — Он защелкнул портфель и дружелюбным тоном сказал: — Думаю, вам интересно будет узнать. Вы, кажется, беспокоились по поводу добропорядочности мистера Хармана. Когда чек, о котором мы говорим, был по настоянию миссис Фергессон остановлен, мистер Харман продолжал обеспечивать его самостоятельно. То есть он авансировал мистеру Бредфорду сорок одну тысячу долларов из собственных денег, чтобы покрыть данную сумму, пока не будет компенсирован чек. Так что он рискнул значительной частью собственных наличных, чтобы

быть уверенным в том, что возможность данной инвестиции обеспечена и, следовательно, не потеряна для вдовы покойного.

— Лидия знает обо всем этом? — спросил Эл чуть погодя.

— Как только мы изучили все финансовые отчетности, мы ее об этом проинформировали. Об этом строительстве, «Садах Марин», в кругах, занимающихся инвестированием в округе Марин, сложилось хорошее мнение. Многие оптимистично настроенные люди по ту сторону Залива, а некоторые и здесь, приобрели эти акции.

— Какое отношение это имеет к тому, что меня из–за нее арестовали? — спросил Эл.

— Вы получили от миссис Фергессон большую сумму денег под ложным предлогом. Вы утверждали, что, предпринимая усилия по защите ее интересов, понесли значительные убытки, и намекнули, что она ответственна за это и должна их возместить. Как только она сказала мне, что именно сделала, я посоветовал ей начать действия по остановке этого чека. — Глаза у адвоката плясали. — Но вы, конечно, сразу его обналичили. Тогда миссис Фергессон пожелала, чтобы я дал ей совет относительно дальнейших действий. Вы, как мы установили, покинули Ка-

лифорнию сразу же, как обналичили чек. — Его улыбка стала шире. — В банке нам сообщили, что вы конвертировали две тысячи долларов в дорожные чеки. И мы выяснили, что вы и ваша жена собрались и уехали вместе. Собственно, она собиралась, пока вы обналичивали чек. — Он продолжал улыбаться Элу, словно бы едва ли им не восхищаясь.

— Я продал ей машину, — сказал Эл.

— Выпущенную тридцать лет назад и разбитую вдребезги. Стоящую не более нескольких долларов в качестве металлолома.

Это было правдой. Он вынужден был это признать.

— Но это они разбили ту машину, — сказал он.

— Кто? — Глаза у Царнаса на мгновение вспыхнули.

— Харман и его головорезы.

— Ерунда. Да, вы так ей сказали. Но те вандалы задержаны оклендской полицией. Машина была разбита даже до смерти мистера Фергессона, и это сделали какие–то подростки, которые уже несколько месяцев совершали акты вандализма над чужой собственностью по всей западной части Окленда.

— Малолетки, — пробормотал Эл.

— Да, — сказал Царнас.

— Харман добился, чтобы уволили мою жену, — сказал Эл.

— Ваша жена не была уволена, — возразил Царнас.

Эл уставился на него.

— Если это необходимо доказывать, а я не вполне понимаю, почему это может требоваться, то мы — то есть организация Хармана — связывались с нанимателем вашей жены. Она отказалась от работы, сэр. Сказала, что теперь у ее мужа появилось хорошее место, а она давно хотела уволиться. Это не было неожиданным. Они понятия не имели, куда она или вы могли поехать; она просто отказалась от работы и покинула офис. Ей отправили чек по почте. Она даже не подумала его дождаться. — Адвокат изучал Эла. — Вы, как я понимаю, были заинтересованы в деньгах Фергессона, изрядно выросших в результате продажи его мастерской. Или это было недовольство из–за того, что он продал свою мастерскую? Почему вы пустились на столь сложное дело, как мошенничество с миссис Фергессон, обманывая ее относительно вложения, осуществленного через мистера Хармана, и затем удовлетворились двумя тысячами, вместо того, чтобы…

— Мне нечего сообщить, — сказал Эл.

Откуда–то он вспомнил эту формулировку, и сейчас она показалась ему уместной. Показалась именно тем, что ему требовалось.

Поразмыслив, Царнас наконец сказал:

— Миссис Фергессон заинтересована в том, чтобы вернуть свои деньги. А не в том, чтобы как–то вас наказать. У вас есть эти деньги?

— Большая их часть, — сказал Эл.

— Можно устроить так, — сказал Царнас, — что если вы полностью все возместите, то никаких обвинений выдвинуто не будет. Кроме того, имели место значительные траты в связи с вашим арестом в Юте и возвращением сюда; вероятно, придется выработать какое–то соглашение между штатами. Я не знаю. Но все равно, если вы желаете и можете…

— Да, — сказал Эл. — Желаю и могу. Я могу продать свою стоянку и остальные свои машины. Чтобы раздобыть деньги.

— У вас нет судимостей? — спросил Царнас. — В связи с мошенничеством такого рода?

— Никаких судимостей вообще, — сказал Эл.

— Вы действовали в одиночку? — спросил Царнас. — Мне просто любопытно. Я знаю, что миссис Фергессон была вам очень признательна

и восхищалась вами, пока не осознала — и не подумайте, что ей хотелось это осознать, — что вы обжулили ее на две тысячи долларов. Господи, разве вы не работали множество лет с ее мужем?

— Да, — сказал Эл. — Я проработал с ее мужем много лет.

— Вы, должно быть, действительно долгое время копили недовольство, — сказал Царнас, — раз начали действовать сразу после его смерти. Его только что кремировали.

— Как прошла служба? — спросил Эл.

— У меня не было возможности на ней присутствовать.

Внезапно Эл вспомнил, что при нем по–прежнему остаются пять долларов, которые Лидия дала ему, чтобы он купил цветы. Они все еще лежали в кармане его рубашки, он вытащил их и зажал между ладонями. Их он тоже добыл у нее мошенническим путем. Так что он вручил их адвокату.

— Это принадлежит Лидии, — сказал он.

Адвокат убрал купюру в портфель, предварительно сунув ее в конверт.

— Как вы узнали, куда я еду? — спросил Эл. — Как узнали, что я направляюсь в Юту?

— Вы по всему маршруту обналичивали свои

дорожные чеки. Каждый раз, когда останавливались поесть. И в кассе «Грейхаунда» в Спарксе вы заплатили за билет дорожным чеком. Сразу после этого они получили сводку и связались с полицией.

— А что с моей женой? — спросил Эл.

— Она связалась с нами, — сказал Царнас. — Из Рено. Она заметила, что вы ведете себя неуравновешенно, и боялась ехать с вами дальше. Так что под неким предлогом она покинула автобус в одном маленьком городке по дороге. В Вендовере.

— Разумеется, мое поведение было неуравновешенным, — сказал Эл. — Все были против меня. Замышляли меня убить.

— Так что сейчас она, вероятно, вернулась сюда, — проговорил, от части самому себе, Царнас, поднимаясь на ноги. — Она полагает, что вы нуждаетесь в помощи психиатра. Возможно, так и есть. Будь я вашим адвокатом, я бы посоветовал вам обратиться в здравоохранительные учреждения округа или штата. Вы наверняка получили бы там место, а частное лечение ужасно дорого.

— Меня преследовал Харман, — сказал Эл. — Всех, кто в этом замешан, он перетащил на свою сторону. Меня обложили. Вот почему мне пришлось покинуть штат.

Разглядывая его, Царнас сказал:

— Вы бы вот над чем поразмыслили. У Хармана имеется непотопляемое дело, с которым он мог бы обратиться в суд против вас, если бы и в самом деле хотел вас преследовать, как вы, кажется, полагаете. Диффамация личности, не более и не менее, — вы в присутствии свидетелей обвиняли его в том, что он преступник, мошенник. И есть возможность показать, что это повредило ему в финансовом отношении; это ведь затронуло его деловые интересы, не правда ли?

— Перед кем я это говорил? — В доме Хармана он ничего против Хармана не говорил; в этом он был уверен. — Кто свидетель? — Старик, который слышал, как он это говорил, умер.

— Миссис Фергессон, — сказал Царнас.

Это было правдой. Эл кивнул.

— У меня нет оснований предполагать, что он замышляет против вас какое–либо гражданское дело, — сказал Царнас. — Я указываю на это лишь для того, чтобы привести вас в чувство, так что вы, быть может, вынуждены будете прислушаться к голосу разума.

— Я прислушиваюсь к голосу разума, — сказал Эл. — Все время.

— Не горе ли и потрясение из–за смерти Фер-

гессона вызвали у вас временное психическое расстройство? — сказал Царнас. — Не под давлением ли эмоций вы утратили способность понимать, что вы делаете, с моральной точки зрения? Что ж, это не важно; так или иначе, если вы будете вести себя должным образом и не будете терять головы, то вы не предстанете перед судьей.

Кивнув на прощание, он вышел из комнаты. Дверь за ним закрылась.

Часом позже Элу сказали, что он может идти.

Он вышел из здания суда и стоял на тротуаре, сунув руки в карманы своей полотняной куртки.

Они и впрямь устроили мне демонстрацию, сказал он себе, наблюдая за прохожими и дорожным движением, сильным дорожным движением — такси, автобусами — в центральной части Окленда. Они показали мне, что могут снова загнать меня сюда, когда им только вздумается. И они могут по–своему все это описать, сделать свой отчет обо всем происшедшем, а мой уничтожить. Так же, как уничтожили мой «Мармон». И они втянули в это всех, даже мою жену. Хотя, чувствовал он, она этого не понимает и никогда не поймет.

Кто вообще это понимает? — спросил он себя. Лидия Фергессон? Вероятно, нет. Этот адвокат?

Слишком уж он хитер; никогда мне с ним не определиться, верит ли он в это или же прекрасно понимает, что здесь ничего нет, кроме кучи переплетенного и тщательно отполированного дерьма. Полиция? Им наплевать. Они — машина, делающая лишь то, что заставляют ее делать подведенные провода, вроде пылесоса, который втягивает в себя все, что оказывается перед ним и имеет достаточно мелкие размеры.

Все понимает Харман, сказал он себе. Он, пожалуй, единственный, в ком я могу быть уверенным. Ни Боб Росс, само собой, ни Найт, ни Гэм и никто другой из тех, кто работает на Хармана, ничего не понимают; ни даже миссис Харман. Только — сам Крис Харман; в этом и состоит разница между ним и всеми остальными. Он понимает, что происходит; знает, что приводит это дело в движение. И, подумал Эл, я тоже знаю.

Не вынимая рук из карманов, он пошел к остановке, чтобы дождаться автобуса, который отвез бы его из центра к его дому.

Они набрасываются на слабых, сказал он себе. То есть на больных, как старик. На беспомощных, как я. На вдов, как Лидия Фергессон. И они нас заполучают. Для нас нет способа сопротивляться, потому что даже сам язык работает против нас.

Сами слова так устроены, что попробуй объяснить положение, и для них оно будет выглядеть хорошим, а для нас — дурным. Настолько дурным, по правде говоря, что мы испытываем облегчение, когда нам дают возможность не оказаться в тюрьме, радуемся, когда нам позволяют ходить по улицам.

Полагаю, подумал он, они позволят мне вернуться к бизнесу с подержанными машинами. Туда, где я был. Там я никого не беспокоил. Я был там на своем месте, так же как Тути Дулитл находится на своем.

Но разница между мной и Тути, понял он, состоит в том, что Тути знает, где лежит граница; он знает, насколько далеко ему можно зайти, прежде чем на него наступят. А я этого не знал. Я думал, что если воспользуюсь всеми словами, той же речью, что Харман, Росс, Найт, Гэм и все остальные из них, то у меня тоже все получится. Как будто речь была единственной преградой, отделявшей меня от них.

Подкатил желтый автобус компании «Ки–систем». Вместе с другими людьми на остановке он втиснулся в него, двери с пыхтением закрылись, и автобус тронулся. Он возвращался в свою квартиру в трехэтажном доме, где жили Маккекни и

чета молодых мексиканцев. Где он начал свою борьбу, свою жизнь, полную обманов и преступлений.

Хотел бы я знать, дома ли Джули, подумал он. Возвращаться в пустую квартиру ему не хотелось.

Глава 16

Дверь его квартиры не была заперта, и, отворяя ее, он услышал голоса, доносившиеся изнутри. Значит, она дома, подумал он. Он так сильно толкнул дверь, что она хлопнула. Но это была не Джули. В гостиной стоял Боб Росс, покуривая свою трубку и просматривая автомобильный журнал, который взял со стола. А в другой комнате находился Крис Харман. Он говорил по телефону.

Увидев Эла, Харман завершил свой разговор и положил трубку. Пройдя в гостиную, он сказал:

— Мы только что перезванивали, пытаясь определить местонахождение вашей жены.

— Понятно, — сказал Эл. — Вы нашли ее?

— Очевидно, она где–то в Неваде, — сказал Боб Росс, — или, может быть, на калифорнийской стороне озера Тахо. Она может находиться на одном из этих озерных курортов, например в клубе Харры.

— Она появится, — сказал Харман своим непринужденным, дружелюбным голосом и улыбнулся Элу той улыбкой, которую Эл хорошо знал. — Однако, вероятно, без денег. Но рада будет снова оказаться дома.

— Вам–то что? — сказал Эл.

— Вы в этом деле понесли множество неоправданных убытков, Эл, — сказал Харман. — Лично я очень озабочен тем, чтобы они были вам возмещены.

Росс, стоявший с ним рядом, кивнул и положил обратно автомобильный журнал.

— Каких убытков? — спросил Эл.

— Вы испытали унижение, — сказал Харман. — Взять хотя бы это. — Он шевельнул рукой. Росс, заметив это движение, пригнул голову и пошел из гостиной в прихожую. — Я буду минут через пятнадцать, — сказал Харман ему вослед.

— Подожду в машине, — сказал Росс и закрыл за собой дверь.

— Не испытывал я никакого унижения, — сказал Эл. — Хоть один пример приведите.

— Возможно, это не то слово. Прошу простить, если гак. Я немного неловок, когда пытаюсь выразить более глубокие чувства; смотрите на это сквозь пальцы. Вы не заслуживаете того, что с вами случилось, Эл. Вы это знаете, и я это знаю. Боб тоже в курсе. Собственно, мы обсуждали это вчера вечером, когда узнали, что вас взяли в Солт–Лейк–Сити и держат под арестом. Моя жена, Бодо, особенно переживала, как бы с вами

чего–нибудь не сделали. Я связался с адвокатом миссис Фергессон… — Харман сделал паузу и ухмыльнулся, едва ли не скорчил гримасу. — Она невероятная личность, эта Лидия. Я, разумеется, никогда ее раньше не знал. До этого дела. Должен сказать, что пробыть рядом с ней сколько–нибудь длительное время — это настоящее испытание. Но, как ни удивительно, мы обнаружили, что у нас много общего в сфере интересов. Ее образование значительно превосходит ее внешние манеры; как только вы добираетесь до подлинной ее сущности, вам хочется узнать ее получше.

Эл кивнул.

— Она была бы на высоте положения в любом салоне, — сказал Харман. — В любой европейской стране.

Эл кивнул.

— Как вы ко мне относитесь? — спросил Харман.

Эл пожал плечами.

— Не слишком недружелюбно, — сказал Харман. — Нет ничего такого, чего вы не смогли бы со временем преодолеть, хотя, видит бог, у вас нет никаких разумных оснований для того, чтобы питать ко мне враждебность. Но не будем на этом задерживаться. Сознание — сложный

инструмент. — Он задумался. — Во всяком случае, — сказал он, расхаживая по гостиной, — я хочу вас реабилитировать.

— Понятно, — сказал Эл.

— Я чувствую, — сказал Харман, — что это моя ответственность. Во многих отношениях. Некоторых из них вы не поймете.

Они оба помолчали.

— Что вы подразумеваете под «реабилитацией»? — спросил Эл. — Вы что, собираетесь направить меня к психиатру?

— Черт, нет! — ответил Харман. — Что это за реабилитация? Средство социальной защиты, обеспечивающее поверхностный присмотр и уход, или идиотская фрейдистская религия для выкачивания денег из невротических теток? Я имею в виду реабилитацию посредством приличной работы, которая вернет вам самоуважение и достоинство. Посредством полного использования ваших способностей. — И добавил: — Которых у вас немало. Возможно, больше, чем вы сами осознаете.

— Я что, буду работать на вашу организацию? — спросил Эл. — Или вы имеете в виду, что где–нибудь замолвите за меня словечко?

— Откровенно говоря, — сказал Харман, — я бы

хотел, чтобы вы были со мной. Но если вам это не по душе… — Он пожал плечами, продолжая улыбаться. — Я не обижусь. Постараюсь, чтобы вас приняли где–нибудь в другом месте. — Он взглянул на часы.

— Вам надо идти? — спросил Эл.

— Да. Через минуту. Смерть Джима стала для всех нас ужасным испытанием. Господи, он был таким… — Харман сделал жест, подыскивая слово, — активным. Энергичным. Исполненным старой доброй моральной силы. Таким же он был и в то время, когда я только начал пригонять к нему свою машину. Любил шутки откалывать.

— Старина Джим, — сказал Эл.

— Как будто, — сказал Харман, — это в нем сохранилось, — как бы здесь выразиться? — эта его способность мгновенно загораться. И быть полностью захваченным. А после — уже ничего не осталось.

— Действительно грустно, — сказал Эл. — И наводит на мысли.

— Так вы подумаете? — сказал Харман. — Насчет того, чтобы вернуться и продолжить? Я имею в виду работу.

— Да–да, — сказал Эл. — Непременно.

— Вот и молодец, — сказал Харман. — Знаете,

Эл, вы всегда должны быть способны начать сначала. Если научитесь этому, то сможете. Сумеете забыть о несчастьях и продолжать. Продолжать и продолжать; никогда не прекращать этого. Потому что — ну, мне, Эл, это видится именно так. Ничто не может быть важнее этого. Даже смерть. Понимаете?

Он кивнул.

Харман резко протянул руку, и они обменялись рукопожатием. Потом Харман открыл входную дверь, взмахнул рукой, улыбнулся короткой, проникающей, официальной улыбкой — и вышел. Но затем, почти сразу же, дверь приоткрылась, и он появился снова.

— Вы не питаете ко мне непреодолимой неприязни, а, Эл? — спросил он резко.

— Нет, — сказал Эл.

Кивнув, Харман закрыл дверь. На этот раз он действительно ушел.

Долгое время Эл в одиночестве стоял у окна пустой квартиры, глядя на улицу внизу. Джули не появилась обратно даже к шести часам, а он к тому времени настолько проголодался, что больше не мог там оставаться. Он прошел на кухню и порылся среди тарелок и жестянок, но без толку. Поэтому, написав ей записку, он покинул

квартиру.

Выйдя на темный тротуар, он заметил во мраке чьи–то движущиеся, подпрыгивающие очертания. Сначала он подумал, что это какое–то животное. Но это оказался Эрл Маккекни, занятый чем–то своим, так же усердно и безмолвно, как обычно. Когда Эл проходил мимо, мальчик поднял голову. Они посмотрели друг на друга, ничего не сказали, а потом Эл пошел дальше по тротуару, держа руки в карманах.

На углу его заставил остановиться некий хлопающий звук. Позади него по тротуару на большой скорости задом наперед бежал Эрл Маккекни. Он ни на что не натыкался, но сворачивал в сторону всякий раз, когда приближался к телефонному столбу или стене; достигнув Эла, он поплясал вокруг него, после чего побежал дальше, по–прежнему задом наперед, по–прежнему ни на что не натыкаясь.

— Эй, — сказал Эл. — Как ты это делаешь?

Может быть, парнишка запомнил расположение всех предметов в квартале, подумалось ему.

— У меня кольцо! — крикнул, не останавливаясь, Эрл. Он поднял руку: на пальце у него было кольцо с прилаженным к нему осколком зеркала. — Секретное перископическое кольцо

капитана Зеро.

Лицом к Элу, не отрывая взгляда от кольца, он удалялся, все глубже и глубже погружаясь во тьму, пока наконец не исчез из виду.

Действительно странно, подумал Эл. Ничего не понимаю.

Он продолжал идти, пока не достиг итальянского ресторана, в котором они с Джули часто бывали. Ее там не было, но он все равно вошел и заказал себе ужин.

Поев, он некоторое время бродил по вечерним улицам. А потом повернул в сторону дома Тути Дулитла.

— Привет, — сказал он, когда Тути ему открыл.

Дулитлы еще ужинали; он увидел стол с тарелками, кастрюлями и столовым серебром. Отведя Тути в сторонку, он сказал:

— Слушай, мне надо, чтобы ты для меня кое–что сделал. Хочу, чтобы ты для меня кое–что раздобыл. — Он хотел, чтобы Тути нашел ему пистолет.

— То самое? — спросил Тути. — О чем мы говорили, что тебе следует этим обзавестись?

— Точно, — сказал Эл.

Глянув на жену, Тути тихо сказал:

— Ты, дядя, можешь сходить в оружейную лав-

ку и купить его.

— Вот как, — сказал Эл.

— Только он будет зарегистрирован, а ты знаешь, что они способны сделать с этими пулями. — Голос Тути был практически неслышен. — Тебе нужен ствол, который где–то нашли. Который никто не покупал.

— Да, — сказал Эл.

— Не знаю, — сказал Тути. — Во всяком случае, проходи и садись с нами. — Он провел Эла к столу.

— Как поживаешь, Эл? — поздоровалась Мэри Элен Дулитл, когда он уселся. — Добро пожаловать, перекуси с нами, пожалуйста.

— Здравствуй, — сказал Эл. — Спасибо.

Перед ним появились клецки с тушеной бараниной. Оказывается, Тути уже успел разложить перед ним тарелку, приборы, салфетку, пластиковую чашку и блюдце; Эл смотрел вниз в недоумении. Все это, казалось, материализовалось из ничего.

— Ты выглядишь очень усталым, — сочувственным голосом сказала Мэри Элен. — По–моему, я никогда не видела тебя таким усталым, Эл.

— Они тебя еще преследуют? — спросил Тути.

— Нет, — сказал Эл.

— Что, отстали?

— Нет, — сказал он. — Они до меня добрались.

Глаза у Тути расширились, а затем сузились.

— Тогда тебя здесь нет. Ты покойник.

Ковыряясь в клецках и тушеной баранине, Эл ничего не ответил.

— Я хотела бы спросить, — сказала Мэри Элен, — о чем это вы толкуете. Но я знаю, что никто из вас никогда мне этого не скажет, так что лучше избавлю себя от хлопот. Эл Миллер, ты будешь продолжать в том же духе всю оставшуюся жизнь? Ты не изменился благодаря той замечательной работе, которую, как я слышала, получил? — Она ждала, но ей он тоже не ответил. — Нет, — сказала она. — Ничуть.

— У Эла больше нет замечательной работы, — сказал Тути. — Так что отстань от него.

Мэри Элен сказала:

— Что ж, Эл Миллер, доедай и уматывай.

Он поднял на нее взгляд. Она не шутила.

— Она это всерьез, — сказал Тути. — Она махнула на тебя рукой. Я и раньше такое видел, но меня это в ней удивляет. Это, что ли, истинная дорога бога — вышвыривать человека вон? Я говорю: к чертям всю эту религию дяди Тома, о которой ты вечно щебечешь! — Тути все повышал голос,

пока не задребезжала посуда; Мэри Элен сжалась, но не пыталась вставить слово. — Ты безнадежна! Выметайся отсюда, слышишь? Ты слышишь меня? — Он кричал, приблизив лицо к ее лицу, пока наконец она не поднялась на ноги. — Вали! — крикнул он, вскакивая. — Вали отсюда и больше не появляйся!

Он обрушился обратно на стул, схватил свою чашку кофе и сжал ее меж своих темных ладоней, а потом швырнул ее со стола, так запустив по полу, что она разбилась о стену. Струи кофе взметнулись вверх до самого изображения Иисуса, которое Эл видел там с тех самых пор, как с ними познакомился.

— Ты все? — тут же спросила Мэри Элен.

— Что ты знаешь о старине Эле? — сказал Тути. — Ничего. — У него было суровое, задумчивое выражение лица. — Совсем ничего.

— Я не хотел причинять никаких неприятностей, — сказал Эл, продолжая жевать.

Его потрясло, что Мэри Элен велела ему убираться; он не мог заставить себя посмотреть в ее сторону. Но вот она подошла сзади и положила руку ему на плечо.

— Может, я не права, — сказала она. Ее пальцы поглаживали ему плечо, бесхитростные паль-

цы. — Послушай, Эл, — сказала она, придвигая свой стул и усаживаясь так близко, что ее колени уперлись в перекладину его стула. — Я это вижу, то, о чем говорит Тути, я увидела это, как только ты вошел. Вижу повсюду над ним, — обратилась она к мужу. — И в нем самом, и вокруг него.

— Что видишь? — спросил Эл.

— То, что ты скоро умрешь, — сказала Мэри Элен.

— Ух ты, — сказал Эл.

— И это тебя даже не тревожит, — мягко сказала Мэри Элен.

— Так и есть, — согласился он.

— Сделай что–нибудь, — сказала Мэри Элен.

Он продолжал есть. Закончив, встал из–за стола.

— Так как насчет этого? — сказал он Тути.

Все еще размышляя, все еще сжимая и разжимая кулаки, Тути сказал:

— Не.

— В самом деле? — сказал Эл. — Ты не достанешь его для меня?

— Не, — повторил Тути.

— Тогда пока, — сказал Эл.

— Я скажу тебе почему, — сказал Тути. — Ты думаешь, он тебе нужен чтобы добраться до них. Но

когда он попадет тебе в руки… — Он разглядывал осколки чашки и расплескавшийся кофе. — То ты приставишь его к своей башке и сам себя им попотчуешь. Сейчас ты этого не понимаешь. Не признаешь и не можешь себе представить. Но это все равно правда.

В самом деле? — прикинул Эл. Может, и так.

— Вы ничего не слышали о моей жене? — спросил он. — Она сюда не звонила?

— Нет, — сказала Мэри Элен. — Ты что, не знаешь, где она?

— Дядя, она что, тебя бросила? — сказал Тути.

— Может быть, — сказал Эл.

— Ты просто какой–то Шалтай–Болтай, — сказал Тути. — Просто торчишь на одном месте и пальцем о палец не ударишь, пока с тобой все это происходит. Просто сидишь и смотришь. Так что теперь у тебя даже и жены нет. Милой такой женушки.

— Почему ты не идешь ее искать? — спросила Мэри Элен.

Тути сказал:

— Я тут наорал на Мэри Элен, когда она сказала, чтобы ты уходил. А теперь думаю, что она права. Тебе надо уйти. Надо пойти и все уладить. А потом приходи обратно и сиди здесь сколько

влезет. Идет?

Эл надел куртку и покинул их квартиру. Они оба смотрели на него, когда он закрывал за собой дверь.

Он стоял возле останков «Мармона», пиная ногой по цилиндру, который был частью системы зажигания. Большая часть стоянки была скрыта во тьме, но неоновая вывеска над кофейней на другой стороне улицы давала достаточно света, чтобы он снова увидел то, что уже видел раньше; восстановить «Мармон» не было ни малейшей надежды. Кем бы ни был тот, кто его раскурочил, свое дело он знал отменно. На ум явилась причудливая мысль: его нельзя было починить, по крайней мере, не обошлось бы без нескольких недель работы, а к тому времени это уже не имело бы значения. Он видел себя едущим на разбитом «Мармоне» по шоссе поздно ночью, в тот час, когда там самое слабое движение. Всю дорогу до Ричмондского моста, а потом, на скорости в семьдесят миль в час, — прямо в его парапет из стали и бетона, сквозь него и вниз, в воду. Но теперь об этом не могло быть и речи, да и вообще это была только греза, видение его собственной смерти.

Катафалк, подумал он. Все это время, все эти месяцы; уж не для того ли я его ремонтировал,

чтобы он стал катафалком? Черным, громоздким, тяжелым, безмолвным катафалком, едущим по пустынным улицам со мною, лежащим на спине со скрещенными руками и широко раскрытыми глазами. С языком, вероятно высунутым на полдюйма, окоченевшим, распухшим; если только гробовщик не всунул его обратно или не отхватил ножницами. Я высовываю язык, пока они волокут меня по улицам; даже и после смерти показываю его им. Сучьим детям.

А потом к нему явилась другая греза, другое видение, настолько четкое, что он сразу же начал его исполнять. Не мешкая. Он поспешил к домику из базальтовых блоков, отпер дверь и стал шарить вокруг, пока не нашел бумажный пакет, оставшийся после ленча. Прихватив его, вышел наружу и, сгорбившись, принялся сметать песок со стоянки. Песок был там рассыпан для сбора масла, капавшего из его машин. Метя ладонями, он сгреб песок в кучу, а потом пересыпал его в бумажный пакет.

Может, я сумею угробить их оба. И «Мерседес–Бенц», и «Кадиллак». Если только, подумал он, у них нет замков на бензобаках. Он не мог припомнить.

Пока он стоял на краю участка, держа в руке

бумажный пакет с песком и напрягая память, просигналила какая–то машина. Повернувшись, он увидел у обочины старый, но отполированный «Кадиллак». Тот остановился, и человек за рулем смотрел на него — в отраженном свете уличного фонаря он видел его глаза.

Опустив стекло, водитель высунулся в окно и окликнул его: «Эй!» Это была женщина. На мгновение ему подумалось, что это его жена; он резко повернулся кругом и устремился к ней. Но это была не Джули, и он знал это. Это была миссис Лейн. Тем не менее он шел к ней, немного медленнее, неся с собой пакет с песком.

Эл остановился на тротуаре, ничего не говоря.

— Приветствую, мистер Миллер, — сказала миссис Лейн, и губы ее раздвинулись, обнажая покрытые резьбой золотые зубы — бубна и трефа так и искрились. — Что вы делаете здесь в темноте? Вам вроде как надо подобрать то, что вы уронили.

Он ничего не сказал.

— Хотите, я въеду на вашу стоянку, чтобы в свете моих фар вам было лучше видно? — предложила она.

— Нет, — сказал он. — Спасибо.

— Угадайте, что я делаю, — сказала она, все

еще наклоняясь в его сторону; теперь он уловил запах ее духов, такой сильный, что вырывался из машины и облачком висел над тем местом, где он стоял. — Вот, я вам покажу.

Она заглушила двигатель «Кадиллака», изогнувшись, переместилась на пассажирское сиденье, открыла дверцу и выбралась наружу. На ней было вязаное платье, туфли на высоких каблуках и шляпка; наряжена она была отменно — очевидно, куда–то собиралась.

— Вы не находите, что я прекрасно выгляжу? — спросила она.

— Так и есть, — согласился он.

Он никогда не видел ее такой элегантной, такой ухоженной. Ее волосы, кожа, глаза — ото всего в ней исходило сияние. На ней была единственная драгоценность: брошь, приколотая у воротника.

— Я была на диете, — сказала она. — На мне нет даже, если вы не против, чтобы я об этом говорила, пояса–трусов. — Она похлопала себя по животу. — Я вся плоская, — сказала она. — Как сковорода. После всех этих лет. Я площе, чем большинство старшеклассниц, которые пробавляются одним лишь фруктовым мороженым, терпят голод и без конца упражняются. — Она рассмеялась. Повернувшись в свете уличного

фонаря, она показала ему, не нуждаясь в комментариях, что на ней нет и лифчика. — Факт в том, — сказала она, — что мне под этим платьем ничего не надо и только оно на мне и есть.

— Совершенно ничего не надо, — согласился он.

— Ура! — сказала она, сверкнув глазами.

— А где ваш муж? — спросил он.

— А, он… — сказала она, — в отъезде. Он подрядчик. Выехал в округ Шаста, чтобы проследить за строительством важного общественного здания. Вернется на следующей неделе. А я еду на вечеринку. — Ее голос звенел от веселья. — До свидания, — сказала она, вновь открывая дверцу машины. — Пора катить. Я просто увидела, что вы здесь что–то делаете, и остановилась покрасоваться. Не каждый день выпадает такая возможность.

— Вы прекрасно выглядите, — сказал он.

— Мистер Миллер, — сказала она, — почему у вас такой печальный голос? Где все ваши обычные шуточки, ваш ироничный юмор?

Он пожал плечами.

— Всего этого больше нет, — сказала она, оглядывая его, — так, что ли? Я слышала о мистере Фергессоне. Куда вы теперь подадитесь? Что бу-

дете делать?

— Я ищу свою жену, — сказал он.

— Так она тоже ушла? Все вас покинули? Кажется, вы никому не нужны. Ни жены, ни друга, ни работы. Вы на дурной дорожке. Как вы на нее попали, мистер Миллер? В жизни все так запутано. То у вас все это есть, то вдруг ничего нет. А что вы делаете в промежутке? Насколько я вижу, совершенно ничего не делаете. Иногда это заставляет меня задуматься, уж не правы ли эти приверженцы церкви. Но я лично никогда в церковь не хожу и ни во что не верю. Я это уже испытала, и оно ничем не отличается от всего остального. По–моему, нам с вами обоим надо было бы спятить, чтобы опять к этому вернуться и стать как другие, как бы сильно мы этого ни хотели.

Он кивнул.

— Что у вас в пакете? — спросила она.

Он не понял, о чем она говорит. Стал озираться.

— У вас в руке, — сказала она.

Он показал ей.

— Песок, — сказала она, глядя в открытый им пакет. — Вы собираете песок, как маленький мальчик. — Она взяла у него мешок с песком

и поставила его на землю возле одной из припаркованных машин. — И это все, что вы здесь заработали? В вашем–то возрасте, в тридцать с чем–то лет? Неудивительно, что вам не до шуток. А я вот собираюсь на вечеринку. Собираюсь сесть в машину и уехать, оставив вас. И даже отбираю у вас мешок с песком. Я просто дурная женщина, раз так поступаю. Да, в самом деле дурная; так и вижу саму себя, как я здесь посмеиваюсь и красуюсь. Нагло и низко.

— Да все нормально, — сказал он. — Я никуда не собирался. Не думайте об этом.

— Вы не завидуете мне из–за этой вечеринки, — сказала она. — Я это знаю, мистер Миллер. — Через мгновение она протянула руку и взяла его за запястье. — Думаю, я заберу вас с собой, — сказала она.

— Куда? — спросил он.

— Нет, не на ту вечеринку. Я заберу вас к себе домой. — Она потянула его, и он зашагал через тротуар к ее машине. Открыв дверцу, она усадила его на пассажирское сиденье, обошла машину и уселась за руль. — Поведу я, — сказала она, — потому что я знаю дорогу. — Она завела двигатель.

Он вытянул руки и обвил ее ими.

— Да, — сказала она. — Я сегодня и впрямь пре-

красно выгляжу. По–моему, я и в пятнадцать лет не выглядела так, как сегодня. — Она притянула его себе, прижала к своему плечу и погладила. Затем включила зажигание и поехала, удерживая руль левой рукой. — Хорошо, что у меня здесь автоматическая коробка, — сказала она. — А то я давно бы на кого–нибудь наехала, переключая передачу.

Вскоре они ехали по улицам, которых он никогда прежде не видел. Среди улиц, которых он не знал.

— Я еще никогда ни на кого не наезжала, — сказала миссис Лейн.

Разбитый шар

Роман The Broken Bubble был написан ок. 1956 г. (под названием The Broken Bubble of Thisbe Holt — «Разбитый шар Фисбы Хольт»), впервые опубликован в 1988 г. американским издательством Arbor House.

Глава 1

Дело у Люка поставлено крепко. На дворе лето, и Люк в полной боевой готовности — в любой момент провернет с вами сделку: у него три крутые площадки, и все три забиты тачками до отказа. Как вы думаете, сколько отвалят за ваше старенькое авто? Возможно, хватит на новехонький «Плимут», четырехдверный седан «Шевроле» или даже на люксовый «Форд ранч–вагон». У Люка нынче бизнес идет в гору: он дорого покупает и дорого продает. У Люка дорогие мечты. Да и сам он — не дешевка какая!

До приезда Люка что это был за город? А теперь — Крупный Автомобильный Центр. Теперь народ разъезжает на новеньких «Де–сото» с электроприводным стеклоподъемником, электроприводными сиденьями. Заходите к Люку. Родился Люк в Оклахоме, а сюда, в добрую старую солнечную Калифорнию, перебрался в сорок шестом, после того как мы надрали задницу япошкам. Слышите, как улицы прочесывает фургон с громкоговорителем? Он всегда в пути — слушайте же! Фургон возит огроменный красный рекламный щит и всю дорогу громыхает полькой

«Она слишком жирная» и вещает: «Модель и состояние вашего старого автомобиля не имеют значения…» Слышали? Неважно, что за колымага у вас. Если сможете дотащить, доволочь, отбуксировать, дотолкать ее до стоянки, Люк выложит вам за нее двести баксов.

Люк ходит в двубортном сером костюме и ботинках на резиновой подошве. Он носит соломенную шляпу. В кармане его пальто — три перьевые и две шариковые ручки. Из–за отворота пальто Люк время от времени извлекает знаменитую «Синюю книгу» и зачитывает, сколько стоит ваш драндулет. Гляньте, Люк купается в жарких лучах калифорнийского солнца. Видите, как пот течет по его широкой физиономии? А вот он осклабился. Как будто сунул вам в карман двадцать баксов. Люк, он же раздает капусту.

Перед вами Автомобильный ряд, улица тачек — Ван–Несс–авеню, Сан–Франциско. Кругом стеклянные стены — насколько взгляда хватает, расписанные красной и белой плакатной краской. Сверху на вас смотрят рекламные вывески, полощутся флаги, а кое–где над площадками на проволоке развешаны связки цветной фольги. А еще воздушные шары, а по вечерам — иллюминация. Ночью поднимают цепи, машины

запирают, зато зажигаются огни, льют яркий свет прожекторы, широкие красивые цветные лучи поджаривают жуков. А еще у Люка есть клоуны–бабочки обоих полов. Они стоят на крыше здания и размахивают руками–крыльями. Торговые агенты Люка зазывают покупателей в мегафоны: «Кварта масла бесплатно! Набор посуды в подарок! Конфета и пугач детишкам — тоже бесплатно». Поет гавайская гитара — Люк ловит кайф. Звуки родного дома.

«Интересно, меня приняли за коммерческого агента?» — думал Боб Посин, который, в сущности, таким агентом и был. При нем был портфель с инициалами. Посин протянул руку и представился:

— Боб Посин, с радиостанции «КОИФ». Директор.

Он пришел в «Магазин подержанных автомобилей» Полоумного Люка в надежде продать эфирное время.

— Ага, — выдавил Шарпштайн, ковыряя в зубах серебряной зубочисткой. На нем были серые свободные брюки и рубашка лимонно–желтого цвета. Как и у всех торговцев подержанными машинами на Западном побережье, кожа у него была обожжена солнцем докрасна и досуха, а на

носу и вокруг него шелушилась. — А мы тут все ждем, когда это вы наконец объявитесь.

Они прогуливались среди автомобилей.

— Машины у вас — прямо загляденье, — отметил Посин.

— Все чистые, — похвастался Шарпштайн. — Все до одной. Как новенькие.

— Вы ведь и есть Люк?

— Да, это я.

— Не хотели бы разместить рекламу в эфире? — С этим он, собственно, и пришел.

Потирая скулу, Шарпштайн поинтересовался:

— Какой охват у вашей радиостанции?

Посин назвал цифру вдвое больше реальной. Времена тяжелые — скажешь что угодно. Клиентов уводило телевидение, осталось разве что пиво «Ригал Пейл» да сигареты «L&M» с фильтром. Независимым АМ–радиостанциям приходилось несладко.

— У нас идет несколько роликов на телевидении, — сказал Шарпштайн. — Результаты неплохие, но дорого, это факт.

— И стоит ли платить, чтобы вещали на весь север Калифорнии, покупатели–то ваши здесь, в Сан–Франциско?

Это был веский аргумент. Благодаря тысяче-

ваттной мощности станция «КОИФ» охватывала такую же аудиторию в Сан–Франциско, как сетевые АМ–радиостанции и телевидение, но за гораздо меньшие деньги.

Они добрели до офиса. Сев за стол, Посин набросал в блокноте расценки.

— Ну что ж, неплохо, — сказал Шарпштайн, закинув руки за голову и положив ногу на стол. — А скажите–ка мне вот что. Мне, признаться, вашу станцию никогда не приходилось слышать. У вас есть что–нибудь вроде расписания?

«КОИФ» начинала вещание в пять сорок пять утра с новостей, прогноза погоды и «Ковбойских песен».

— Нормальненько, — кивнул Шарпштайн.

Потом пять часов популярной музыки. Новости в полдень, еще два часа музыки в том же духе — разные записи. Затем «Клуб 17», детская рок–н–ролльная передача — до пяти. После нее час на испанском языке — оперетта, беседы, аккордеонная музыка. С шести до восьми — музыка для ужинающих. Затем…

— Короче, — перебил его Шарпштайн, — обычный набор.

— Сбалансированная программа передач.

Музыка, новости, спорт, религия. И рекламные

паузы. С этого радиостанция и жила.

— А я бы вот чего предложил, — сказал Шарпштайн. — Как насчет того, чтобы поставить рекламу каждые полчаса с восьми утра до одиннадцати вечера? Тридцать минутных вставок в день, семь дней в неделю.

Посин разинул рот. Такого он не ожидал!

— Я серьезно, — подтвердил Шарпштайн.

Посин взмок в своей нейлоновой рубашке.

— Так, что у нас тогда выходит…

Он сделал расчет в блокноте. Получилась кругленькая сумма. От пота жгло глаза.

Шарпштайн просмотрел выкладки.

— Вроде ничего. Для начала, конечно, запустим в пробном режиме. На месячишко. А там посмотрим, как будут клевать. Как в «Экземинере» реклама пошла, нам не понравилось.

— Ну, это никто не читает, — хрипло ответил Посин. Погодите, подумал он, вот еще Тед Хейнз, владелец радиостанции, узнает. — Я сам буду готовить вам материалы. Лично этим займусь.

— В смысле, писать?

— Да–да.

Все что угодно! Все, что потребуется!

— Материал будем предоставлять мы, — сказал Шарпштайн. — Он поступает из Канзас–Сити,

от ребят наверху. Мы ведь — сетевая контора. А ваше дело — эфир.

Радиостанция «КОИФ» располагалась на крутой узкой Гиэри–стрит, в центре Сан–Франциско, на верхнем этаже Маклолен–билдинга, продуваемого всеми ветрами допотопного деревянного офисного здания с диваном в вестибюле. Сотрудники станции обычно поднимались по ступенькам, хотя был тут и лифт — железная клеть.

Дверь с лестницы вела в холл. Слева — общий отдел станции с одним письменным столом, ротапринтом, пишущей машинкой, телефоном и двумя деревянными стульями. Справа — окно аппаратной. Пол — из некрашеных широких досок. С пожелтевшей штукатурки высоких потолков свисала паутина. Несколько кабинетов использовались под кладовки. В глубине здания, подальше от уличного шума, находились две студии: звукозаписи — она была поменьше размером, и радиовещания — с более плотной звукоизоляцией дверей и стен. В студии радиовещания стоял рояль. По другую сторону от основных помещений, через коридор, разделявший станцию на две части, располагался большой кабинет с дубовым столом, заваленным вскрытыми и запечатанными конвертами и коробками, как в каком–нибудь

кипящем работой предвыборном штабе. В соседней комнате размещался блок управления передатчика, сам пульт, вращающийся микрофон, два проигрывателя «Престо», стеллажи для хранения звукозаписей и шкаф электропитания, к двери которого была прикреплена фотография Эрты Китт[28]. Еще, конечно же, туалет и гостевая комната с ковром. Гардеробная, куда вешали пальто и шляпы и где хранили веники.

Через дверь в конце студийного коридора можно было попасть на крышу. За дверью узкий мостик вел мимо дымовых труб и потолочных окон к нескольким шатким деревянным ступенькам, соединявшимся с пожарной лестницей. Дверь на крышу обычно не запиралась. Сотрудники станции время от времени выходили на мостик покурить.

Была половина второго, и «КОИФ» передавала песни группы «Крю–катс»[29]. Боб Посин принес контракт, подписанный с «Автораспродажей» По-

---

[28] Примечания: 28

Эрта Китт (1927–2008) — американская актриса, певица и танцовщица. Сыграла роль Женщины–кошки в сериале по мотивам комикса «Бэтмен». Была противницей войны во Вьетнаме, за что на какое–то время стала персоной нон грата и лишилась многих ролей. Активно отстаивала права геев и лесбиянок.

[29] Примечания: 29

«Крю–катс» (The Crew–Cuts) — канадский вокальный квартет, выступал в 1952–1964 гг.

лоумного Люка, и снова куда–то ушел. За столом в общем отделе Патриция Грей печатала счета, сверяясь с бухгалтерской книгой. В аппаратной, откинувшись на спинку кресла, говорил по телефону один из дикторов и ведущих станции Фрэнк Хаббл. Из динамика в углу под потолком пели «Крю–катс».

Дверь с лестничной площадки открылась, и вошел еще один ведущий программ — высокий, худой, в свободном пиджаке, с пачкой пластинок под мышкой. Вид у него был довольно озабоченный.

— Привет, — поздоровался он.

Патриция оторвалась от пишущей машинки и спросила:

— Слышал, что передает наша станция?

— Нет. — Джим Брискин сосредоточенно искал, куда бы положить пластинки.

— Поступил материал от Полоумного Люка. Хаббл и Флэннери уже давали его в эфир. Часть идет в записи, часть — вживую.

Губы вошедшего неспешно растянулись в улыбке. У него было длинное, лошадиное лицо, большая нижняя челюсть — как у многих радиоведущих, спокойный взгляд светлых глаз, пепельные волосы с залысинами.

— Что там?

— Магазин подержанных автомобилей на Ван–Несс.

Его мысли были заняты послеобеденной программой «Клуб 17», которую он вел: три часа музыки и разговоров для подростков.

— Ну и как?

— Ужас какой–то.

Она положила перед ним страницу отпечатанных материалов.

Прижав пластинки локтем к бедру, Джим принялся читать.

— Может, ты позвонишь Хейнзу, прочтешь ему это, чтобы он получил какое–то представление? Боб говорил с ним, но исключительно о доходах, о содержании — почти ни слова.

— Постой, — сказал он, читая.

«1 А: Купив СЕГОДНЯ автомобиль у Полоумного Люка, вы получите ОТЛИЧНУЮ машину! БЕЗУПРЕЧНОЕ качество на долгие годы! Полоумный Люк ГАРАНТИРУЕТ!

2 А (эхо): ОТЛИЧНУЮ! БЕЗУПРЕЧНОЕ! ГАРАНТИРУЕТ!

1 А: ОТЛИЧНЫЙ автомобиль… ОТЛИЧНАЯ обивка… ОТЛИЧНАЯ СДЕЛКА от Полоумного Люка, чей автомагазин занимает ПЕРВОЕ МЕСТО по

объемам продаж среди ВСЕХ автодилеров в районе Залива.

2 А (эхо): ПЕРВОЕ! ПЕРВОЕ! ПЕРВОЕ!»

Указания к тексту обязывали диктора сначала записать эхо: собственный голос должен был идти контрапунктом, как бы отскакивая сам от себя.

— Ну и что?

Джим не увидел в тексте ничего ужасного — обычная реклама подержанных авто.

— Но эго придется читать тебе, — пояснила Пэт. — Во время «музыки для ужинающих». Между увертюрой «Ромео и Джульетта», — она заглянула в программу, — и «Тилем Уленшпигелем».

Джим снял трубку и набрал домашний номер Теда Хейнза. Через минуту он услышал размеренный голос Хейнза:

— Да, слушаю.

— Это Джим Брискин.

— Из дому звоните или со станции?

— Про хохот ему расскажи, — подсказала Пэт.

— Что? — отозвался Джим, закрыв рукой трубку.

И тут он вспомнил.

Смех был фишкой Полоумного Люка. Веща-

ющий фургон на ходу потчевал хохотом весь город, а у самого автомагазина громкоговорители, расположенные на высоких, освещенных столбах, изрыгали его на машины и пешеходов. Это был смех сумасшедшего, смех из павильона кривых зеркал. Он лился безостановочно, нарастал, потом стихал, остывал, как будто загнанный вниз, в чье–то брюхо, и вдруг вырывался через носоглотку пронзительным, визгливым хихиканьем, жеманно побулькивая. Что–то нечистое, жуткое и первобытное было в этом смехе. Потом начиналась уже форменная истерика — без всякого удержу, хохот взрывался пеной, рассыпался осколками. В полном изнеможении, вымотанный, задохнувшись, хохотун замирал. И вдруг, словно его легкие вновь наполнялись воздухом, все повторялось сначала. И так без конца, пятнадцать часов кряду, без единой передышки, раскаты этого смеха разносились над сияющими «Фордами» и «Плимутами», над мывшим автомобили негром в сапогах до колен, над торговыми агентами в костюмах пастельных цветов, над участками под застройку, офисными зданиями, центральным деловым районом Сан–Франциско, долетали, наконец, до спальных кварталов, до сплошных рядов многоэтажек, до бетонных но-

востроек у Залива, накрывая все дома, магазины, всех, кто жил в этом городе.

— Мистер Хейнз, — начал он, — я тут просматриваю материалы Полоумного Люка к вечерней музыкальной программе. Слушателям это не понравится, во всяком случае, тем, для кого я делаю передачу. Старушки, которые живут у Парка, не покупают подержанных автомобилей. Они выключают радио сразу, как только заслышат что–нибудь подобное. И…

— Я вас понимаю, — перебил его Хейнз, — но, насколько мне известно, Посин запродал весь эфир под материал Шарпштайна — каждые полчаса. И потом, Джим, мы же идем на это исключительно в порядке эксперимента.

— Пусть так. Но когда эксперимент закончится, у нас не будет ни старушек, ни спонсоров. А Люк к тому времени сбагрит свои девяносто партий «Хадсонов–55» — или чем он там торгует, и что дальше? Думаете, он останется с нами после того, как перебьет хребты своим конкурентам? Ему это нужно только для того, чтобы избавиться от них.

— Тут вы правы, — сказал Хейнз.

— Еще бы я был не прав!

— Наверное, Посин не устоял перед соблазном.

— Боюсь, что так, — сказал Джим.

— Ну, мы уже подписали контракт. Нужно выполнить наши обязательства перед Шарпштайном, а на будущее — будем осторожнее в таких делах.

— То есть вы хотите, чтобы я вставил вот это в музыку для ужинающих? Да вы послушайте.

Он потянулся за сценарием, Пэт подала его.

— Я в курсе, что там, — сказал Хейнз. — Слышал по другим независимым станциям. Но, учитывая, что контракт подписан, я считаю, что МЫ обязаны отработать его. Идти на попятную — это не по–деловому.

— Мистер Хейнз, это убьет нас.

Во всяком случае, спонсоров классической музыки это точно отпугнет. Ресторанчики, которым она нужна, отвернутся от радиостанции, будут для нее потеряны.

— Давайте попробуем, а там — видно будет, — по голосу Хейнза было понятно, что он уже принял решение. — Договорились, старина? Может, все как раз обернется в нашу пользу. В конце концов, сейчас это у нас самый серьезный рекламодатель. Оцените ситуацию в долгосрочной перспективе. Ну, покапризничает кое–кто из этих мелких модных ресторатора какое–то время… Но потом–то куда они денутся? Правиль-

но, старина?

Спор продолжался еще какое–то время. Наконец Джим сдался.

Когда они прощались, Хейнз поблагодарил его за звонок:

— Рад, что вы посчитали нужным обсудить этот вопрос со мной, потолковать в открытую.

Джим положил трубку и продекламировал:

— У Люка преотли–ичные автомобили!

— Значит, все–таки в эфир? — спросила Пэт.

Он принес текст рекламы в студию и записал на пленку часть «2 А (эхо)». Потом включил еще один «Ампекс»[30], записал часть «1 А» и наложил их друг на друга, так чтобы во время программы можно было просто включить магнитофон. Закончив, он перемотал пленку и нажал на воспроизведение. Из колонок раздался его голос — голос профессионального радиоведущего: «Купив СЕГОДНЯ автомобиль у Полоумного Люка…»

Не выключая запись, он принялся за почту. Сначала открытки от подростков с просьбами поставить что–нибудь из последних популярных песенок — он брал их себе на заметку для послеобеденной программы. Потом жалоба от одного

---

[30] Примечания: 30

«Ампекс» — фирменное название систем магнитофонной записи и принадлежностей к ним производства одноименной корпорации.

общительного практичного бизнесмена — мол, слишком много камерной музыки в программе для ужинающих. А вот милое письмо от добрейшей старушки Эдит Холкам из Стоунстауна: она получает огромное удовольствие, слушая чудесную музыку, это замечательно, что благодаря их станции такая музыка продолжает жить.

Вот что гонит кровь по моим жилам, подумал он, откладывая письмо, чтобы оно было под рукой. Можно показать рекламодателям. Он занимался этим уже пять лет, старался жить только этим. Отдавал всего себя работе, своей музыке, программам. Своему делу.

В студию заглянула Пэт.

— Вечером ставишь «Фантастическую симфонию»?

— Да, собираюсь.

Она вошла, села в удобное кресло напротив него. Достала сигарету. Желтой искрой, язычком пламени вспыхнула в ее руке зажигалка. Его подарок трехлетней давности. Она положила ногу на ногу, шурша юбкой. Разгладила ее. Его бывшая жена. Их все еще связывало несколько тонких ниточек, вот, например, симфония Берлиоза. Он любил эту вещь с давних пор, и стоило ему услышать ее, как вновь оживали все старые

запахи, вкусы, шорох ее юбки, как вот только что. Ей нравились длинные тяжелые яркие юбки, широкие пояса, блузки без рукавов, напоминавшие ему сорочки девушек с обложек исторических романов. Ее темные волосы легко ниспадали неприбранной массой, и это всегда шло ей. Ее нельзя было назвать крупной, весила она ровно сто одиннадцать фунтов. У нее были тонкие кости. Полые, как она однажды сообщила ему. Как у белки–летяги. Их объединял целый ворох таких сравнений — вспоминая их, он чувствовал что–то вроде смущения.

Они почти не расходились во вкусах — не из–за этого потерпел крушение их брак. Он никому не рассказывал о причине развода и надеялся, что она тоже молчит. Их история послужила бы плодородной почвой для служебных сплетен. Им хотелось детей — сразу и много, но дети не рождались; после консультаций с врачами выяснилось, что бесплодным оказался — кто бы мог подумать! — он. Но самым страшным было не это: Пэт возжелала прибегнуть к помощи метода, бесхитростно называемого «донорством». Он и думать об этом не хотел, и они разошлись. Совершенно серьезно, хотя и не без презрения к себе, не без ярости, он предложил ей найти любовника

— роман на стороне, но с человеческими чувствами, казался ему не таким отвратительным, как научно–фантастическая затея с искусственным оплодотворением. Или взять и просто усыновить ребенка — почему бы и нет? Но ее увлекла идея донорства. Он решил, что она помешалась на возможности партеногенеза, девственного размножения, хотя такое объяснение не пришлось Пэт по душе. Так постепенно они перестали по–настоящему понимать друг друга.

Теперь, глядя на нее, он думал, что больше двадцати семи — двадцати восьми лет этой привлекательной женщине не дашь. И сразу бросаются в глаза те ее качества, которыми она его покорила. Она по–настоящему женственна, а не просто изящна, миниатюрна или даже грациозна — все это было в ней, но помимо этого он ценил в ней природную живость ума и души.

Сидя напротив него, Пэт сказала вполголоса:

— Ты понимаешь, что значит этот контракт с Полоумным Люком? Твоей классической музыке

пришел конец. Он потребует музыку оуки[31] гавайских гитар, Роя Экьюфа[32]. Тебя выдавят. Перестанут слушать старушки… от нас отвернутся рестораны. Тебе…

— Знаю, — ответил он.

— Может быть, нужно все–таки что–то предпринять?

— Что в моих силах, я сделал, — сказал он. — Высказал свое мнение.

Она встала и потушила сигарету.

— Телефон, — сказала она и плавно скользнула совсем рядом с ним в своем ярком наряде — ослепительная блузка, пуговицы по всей длине.

Как странно, подумал он. Когда–то его любовь к ней была делом праведным, а он сам — добродетельным супругом. А теперь это грех, даже думать

---

[31] Примечания: 31

Оуки (okie) — странствующий сельскохозяйственный рабочий (преимущественно из штата Оклахома); житель Оклахомы; уроженец Оклахомы. Первоначально слово «оуки» считалось только пренебрежительным прозвищем, но впоследствии, особенно после песни Мерля Хаггарда «Оуки из Маскоги» («Okie from Muskogee», 1969), жители штата сами стали называть себя так.

[32] Примечания: 32

Рой Экьюф (1903–1992) — певец, автор песен, скрипач. Сын баптистского священника из штата Теннесси. Получил прозвище «Король музыки кантри». С 1938 г. стал еженедельно выступать в нэшвиллской радиопрограмме «Грэнд Оул Опри», позднее сам вел передачи. Во время Второй мировой войны был популярен среди солдат. В 1942 г. вместе с автором–песенником Ф. Роузом создал звукозаписывающую фирму «Экьюф–Роуз паблишинг», ставшую крупнейшей студией

музыки кантри.

об этом не смей. Время и близость, непоследовательность жизни. Он смотрел, как она уходит, и чувствовал себя одиноким, думал, что для него, пожалуй, и сейчас не все еще решено. Им до сих пор руководила надежда. За два года, с тех пор как они развелись, он не встретил ни одной женщины, которая могла бы сравниться с ней.

Мне никак не уйти от нее, мне все еще необходимо быть где–то рядом, думал он.

Вернувшись к пластинкам и письмам, он принялся набрасывать заметки к вечерней музыкальной программе.

Глава 2

В пять часов вечера закончилась его передача о популярной музыке для подростков. Обычно в это время он сразу шел в кафе через улицу и обедал там за столиком в дальнем углу, положив рядом с собой текст и заметки для вечерней музыкальной программы.

В этот июльский вечер, когда он закончил свой «Клуб 17», перед стеклянным окном студии, поглядывая на него, топталась группка подростков. Он узнал их и помахал рукой. Эти ребята и раньше приходили сюда. Парня в очках, свитере и коричневых брюках, с папкой и учебниками в руках звали Ферд Хайнке, он возглавлял клуб любителей фантастики «Существа с планеты Земля». Рядом стоял Джо Мантила, очень смуглый, коренастый, похожий на тролля. Его жирные черные волосы лоснились, и все в нем было каким–то засаленным: щеки, шея, мясистые неровности лица, старательно взращиваемый пушок усиков. Третьим был Арт Эмманьюэл, белокурый красавец с мужественным лицом, голубыми глазами и большими руками рабочего, одетый в белую хлопковую рубашку и джинсы.

Первые двое все еще учились в школе «Галилео», а Арт Эмманьюэл, который был на год старше их, пошел, как сам рассказывал Джиму, в ученики к старому мистеру Ларсену, который держал типографию на Эдди–стрит, печатавшую приглашения на свадьбы, визитные карточки, а иногда брошюрки упертых негритянских сектантов. Арт был смышлен, говорил скороговоркой, а когда волновался, начинал заикаться. Все трое нравились Джиму. Выйдя из студии и направившись к ним, он подумал о том, насколько ему важно общение с ними.

— П–п–привет, — поздоровался Арт, — классная передача получилась!

— Спасибо, — сказал Джим.

Мальчишки несмело переступали с ноги на ногу.

— Ну, нам пора, — сказал Джо Мантила. — Домой надо двигать.

— А не многовато ли этих оркестровых телячьих нежностей? — бросил Ферд. — Может, ансамблей бы побольше?

— Пошли, — позвал его Джо Мантила. — Я тебя подвезу.

Ферд и Джо ушли. Арт остался. Он был как–то необычно возбужден, Переминался с ноги на

ногу.

— А п–п–помните, как вы нам ра–разрешили посидеть в аппаратной во время п–п–передачи? — Он так и просиял. — Классно было.

Джим сказал:

— Я поесть собираюсь, вон там, через улицу. Хочешь, пойдем вместе, ты кофе попьешь?

Ребята временами ходили за ним хвостом, засыпали его разными вопросами о радио, музыке, обо всем на свете. Ему нравилось обедать с ними, он забывал о своем одиночестве.

Арт бросил взгляд в сторону.

— Со мной жена пришла, познакомиться с вами хочет. Вашу передачу постоянно слушает.

— Кто с тобой пришел? — удивился Джим.

— Жена, — сказал Арт.

— Не знал, что ты женат. — Ему и в голову не могло прийти, что у этого восемнадцатилетнего мальчишки, вчерашнего школьника, зарабатывавшего пятьдесят долларов в месяц, есть, видите ли, жена. По его представлениям, Арт должен был бы жить в родительском доме, в комнате наверху с авиамоделями и школьными вымпелами, развешанными по стенам. — Конечно, давай. С удовольствием с ней познакомлюсь.

Жена Арта ждала в гостевой комнате радио-

станции.

— Вот моя ж–ж–жена, — сказал Арт, вспыхнув и прикоснувшись к ее плечу.

На ней было платье для беременной. Если не считать живота, она была совсем худенькой. Волосы коротко и неровно подстрижены. Туфли на низком каблуке на босу ногу, на лице — никаких следов косметики. Она стояла потупившись, без всякого выражения на лице. Нос у нее был узкий, скорее маленький. И поразительные глаза — довольно темные зрачки, пристальный, озабоченный взгляд в пространство. Вид у нее был какой–то недокормленный, но глаза очаровали Джима.

— Привет, — поздоровался он.

— Р–р–рейчел, — представил ее Арт.

Она не подняла глаз. Лоб ее был нахмурен. Наконец она серьезно посмотрела на Джима, напомнив ему тонкокостную Патрицию. И в той, и в другой чувствовалась какая–то дикая, животная непокорность. И было ей, судя по всему, не больше семнадцати.

— Р–р–рейчел ни одной вашей передачи не пропускает, — сказал Арт. — Приходит домой с работы, обед стряпает. Вот захотела прийти, познакомиться с вами.

— Могу я угостить вас чашкой кофе? — предложил Джим, обращаясь к Рейчел.

— Спасибо, не стоит, — ответила она.

— Пойдемте, — настаивал он. — Тут только улицу перейти — я обедать собрался. Угощаю.

Обменявшись взглядами, они последовали за ним. Сказать им было особенно нечего. Они держались почтительно, но замкнуто, как будто мысли их витали где–то далеко.

За столиком кафе он рассматривал их, сидя над телячьей отбивной, чашкой кофе, салатом и столовым серебром. Ни Арт, ни Рейчел не стали ничего заказывать. Они сидели рядышком, спрятав руки. В кафе было шумно, оживленно: у стойки было уже негде присесть, все столики тоже были заняты.

— Когда вы ждете ребенка? — спросил Джим у Рейчел.

— В январе.

— А жить есть где? Где малыша растить будете?

— У нас квартира в Филлморе[33], — сказала Рейчел. — В подвальном этаже.

— Сколько комнат?

---

[33] Примечания: 33

Филлмор — название района и улицы в Сан–Франциско.

— Гостиная, спальня и кухня.

— Давно вы поженились? — спросил он, снова обращаясь к ней.

— 14 апреля, — ответила Рейчел. — В Санта–Розе. Мы… ну, убежали. Понимаете? Я еще в школе училась, жениться нам не полагалось. Про возраст регистраторше в загсе наврали. Я сказала, что мне восемнадцать, а ему — двадцать один, документик даже написала.

Она улыбнулась.

— Она подписала его именем моей мамы, — сказал Арт.

— Мы так и с уроков сбегали, — сообщила Рейчел. — Гуляли по городу или просто в парке сидели. В Золотых Воротах. А почерк у меня красивый.

Она положила руки на стол, и он увидел ее длинные, тонкие пальцы. Как у взрослой женщины, подумал он. Совсем не детские руки.

— А ша–шафером шериф был, — сказал Арт.

— Причем с пистолетом, — добавила Рейчел. — Я уж подумала было, что он чего–нибудь с нами сделает, ну там, обратно увезет. А он после подошел и Арту руку пожал.

— А су–судья сказал…

— Что если у нас нету пяти долларов, чтобы ему

заплатить, — подхватила Рейчел, — то можно и не платить. Но мы заплатили. Приехали мы туда на попутках. Переночевали у одной девчонки, знакомой моей. Родителям ее наплели, что в поход отправились, или что–то вроде этого. Не помню уже. А потом мы вернулись домой.

— А что было, когда все обнаружилось?

— Ой, чем нам только не угрожали.

— Меня в тюрьму обещали уп–п–п–рятать, — сказал Арт.

— Я сказала, что жду ребенка. Хотя тогда это была еще неправда. Ну, они и отвязались от нас.

Рейчел задумалась на миг и продолжила:

— Как–то вечером идем мы домой — из кино, и вдруг нас окликают из полицейской машины. Приказали Арту встать лицом к стене. Засыпали нас вопросами. Запугивали его.

— Комендантский час же, — пояснил Арт. — А мы нарушили.

Джим никогда не задумывался о том, что и в самом деле действует комендантский час для несовершеннолетних.

— То есть могут так запросто забрать, если выйдешь на улицу ночью?

— Ну да, любого парня или девчонку, — ответил Арт, и оба — он и Рейчел — мрачно кивнули.

— Нам не поверили, что мы муж и жена, — сказала она. — Повезли нас домой, заставили предъявить свидетельство. В квартире настоящий обыск устроили — в вещах рылись. Не знаю, чего уж они там искали, так, смотрели на всякий случай, наверно.

— И как они вам все это объяснили?

— Да никак. Это они вопросы задавали.

— С–с–спросили, чем я на жизнь зарабатываю, — сказал Арт.

— Черт возьми, — их рассказ подействовал на него угнетающе.

— Нас много куда не пускают, — сказала Рейчел. — Хоть мы и муж и жена. Боятся, что натворим чего–нибудь или стащим что–нибудь. Мы же малолетки. Как в тот раз, когда мы в ресторан пошли, сразу, как поженились. У меня работа есть — в авиакомпании. Цену билетов подсчитываю.

— Она в математике ас, — похвалил ее Арт.

— Ну вот, хотели мы сходить куда–нибудь посидеть. Поужинать там, и все такое. Так нас оттуда попросили. А ресторан на вид был очень приятный.

— Просто одеты были не так, — предположил Арт.

— Да нет, — возразила она. — По–моему, не в

этом дело.

— Были бы одеты как надо, нас бы не вышвырнули, — энергично закивал головой он.

— Нет, это из–за того, что не доросли мы еще.

— И что, никто за вас не вступился? — спросил Джим.

— Тем вечером, когда нас полицейские остановили, вокруг целая толпа собралась — народ из баров выходил, — сказала Рейчел. — Стоят и глазеют — тетки, толстухи старые в мехах своих облезлых. Выкрикивали что–то нам. Я не расслышала что.

— И потом, — подхватил Арт, — нас вечно учат, как надо жить. Как мистер Ларсен, например, ну, старикан, у которого я работаю в типографии. Всегда с со–со–советами лезет. Чтоб я, н–н–например, неграм никогда на слово не верил. Он черных лютой ненавистью ненавидит. Хотя все время имеет с ними дело. Но в долг им никогда ничего не даст, только налом берет.

— Был у меня один знакомый парень — негр, — сказала Рейчел, — так мои мамаша с папашей чуть с ума не сошли — боялись, что мы с ним дружить начнем.

— Вот уж хулиганы, — сказал Джим.

Он не нашел в ее рассказе ничего смешного

— ни в самой истории, ни в ее отношении к ней.

— Вот это как раз одна старушенция тогда и выкрикивала — «хулиганы». Я–то разобрал.

Рейчел взглянула на него.

— Правда? А я не услышала. Не до них было.

— Должен же быть какой–то выход! — возмутился Джим. — Комендантский час для детей… При желании его ведь можно и для тех, кому еще нет тридцати, установить. Да для кого угодно. Почему не для рыжих сорокалетних?

Захотят — и введут, подумал он.

Джим поймал себя на том, что для него, так же как и для Арта и Рейчел, существуют какие–то твердолобые «они». Но для него это были не взрослые — а кто же тогда? Он невольно задумался. Может быть, это — Полоумный Люк? Или Тед Хейнз? Или, коли на то пошло, все вокруг.

Но его, по крайней мере, из ресторанов не выгоняли. Никто не останавливал его ночью и не пихал лицом к стене. Для него это только повод к размышлению, в жизни его это не касалось. А этих ребят коснулось напрямую. Тоже мне, гражданские права. Добропорядочные граждане твердят о правах человека, о защите меньшинств. И вводят комендантский час.

— Только для взрослых. Вход с собаками вос-

прещен, — произнес он.

— Что? — не понял Арт. — А, это вы п–п–про рестораны.

Он не ожидал, что кто–то из них поймет. Но они поняли. Так гласили вывески в окнах ресторанов на Юге: «Только для белых. Вход с собаками воспрещен». Но тут речь шла не о неграх. Во всяком случае, не только о них.

— С–с–скажите, а почему вы решили диджеем стать? — спросил Арт.

— Странно, наверно, знать, что все тебя слышат, когда говоришь что–нибудь, — сказала Рейчел. — Ну, то есть каждое твое слово — вот вы всегда говорите, мол, за рулем осторожнее — это ведь не кому–то конкретно.

— Это моя жизнь, — ответил он.

— Вам нравится? — Она устремила на него взгляд своих глаз — огромных, черных. — Наверно, очень странно должны себя чувствовать, как–то не по себе должно быть.

Ей как будто не подыскать было нужных слов. И Арт, и она были взволнованы, пытаясь что–то донести до него. Ему передалось их напряжение, но не смысл того, что они хотели сказать.

— Да нет, — сказал он, — к этому привыкаешь. Ты хочешь сказать, если вдруг запнусь или слово

какое–нибудь перевру?

Рейчел отрицательно покачала головой.

— Нет, — казалось, у нее резко изменилось настроение. Ей больше не хотелось разговаривать с ним.

— Мы пойдем, пожалуй, — заторопился Арт. — Нам домой пора.

— Простите. — Рейчел скользнула к краю сиденья и встала. — Я сейчас.

Она пошла между столиками, за которыми сидели завсегдатаи кафе.

Джим и Арт проводили ее взглядами.

— А я и не знал, что ты женат, — сказал Джим.

— Всего три месяца.

— Красавица она у тебя.

— Эт–т–то да. — Арт царапал ногтем по столу.

— Как вы познакомились?

— В кегельбане. Мы одно время ходили туда играть. Я вообще–то ее еще со школы знал. Ну, а тут пошли как–то с Джо Мантилой шары покатать, смотрю — и она там, я ее с–с–разу узнал.

Вернулась Рейчел. Она принесла небольшой белый бумажный пакет и положила его перед Джимом.

— Это вам.

Он заглянул в пакет: там лежала плюшка.

— Любит она делать подарки. — Арт встал рядом со своей женой и приобнял ее.

— Может, зайдете к нам как–нибудь, поужинаем вместе? — пригласила Рейчел. — Как–нибудь в воскресенье. У нас ведь знакомых — раз, два и обчелся.

— Обязательно, — сказал Джим, тоже вставая и машинально заворачивая края белого бумажного пакета.

Ему никогда раньше не дарили булочек. Что сказать или сделать в ответ? Он был тронут до кома в горле и перебирал в уме, чем бы таким их отблагодарить. Одно он твердо понимал — теперь он их должник.

Поднимая рукав, чтобы посмотреть на часы, Джим спросил:

— Вы на машине? Может быть, вас…

— Мы не домой, — сказала Рейчел. — Может, в кино сходим.

— Спасибо, — поблагодарил Арт.

— Ну, тогда, может быть, в другой раз. — Джим раздумывал, что бы им предложить. — Как вы на это смотрите?

— Можно, — согласился Арт.

— Я так рада, что познакомилась с вами, — в избитую формулу вежливости Рейчел вложила

столько чувства, пропустила ее через себя так, что в ее устах слова прозвучали совсем незатасканно. Она добавила: — Вы правда как–нибудь к нам зайдете?

— И не сомневайтесь, — заверил он ее совершенно искренне.

Джим смотрел им вслед. Арт повел ее за собой к выходу из кафе, крепко держа за руку. Она двигалась медленно. Набирает вес, подумал он. Уже был заметен округлившийся под платьем живот. Она шла, опустив голову, словно погрузившись в созерцание. На тротуаре они остановились. По ним не сказать было, что они идут в какое–то определенное место, и ему представилось, как они бредут по улицам, не замечая прохожих, забыв, где они, все дальше и дальше, а потом, усталые, отправляются домой.

На столе все остыло, доедать не хотелось. Он расплатился, вышел и, перейдя Гиэри–стрит, вернулся на станцию. Арт и Рейчел не шли у него из головы. В общем отделе он отметился в журнале рабочего времени. За последние годы нести все свои заботы к Пэт стало его привычкой. Вот и сейчас он стоял перед ее рабочим местом. Но все, что там обычно лежало, было спрятано в ящики стола, прибранного и опустевшего. Пэт

ушла домой.

Неужели уже так поздно?

Он направился в одно из помещений в глубине станции, разложил наброски и продолжил приводить их в порядок к вечерней передаче. Среди записей был и рекламный текст Полоумного Люка с прикрепленными к нему шестнадцатидюймовыми дисками радироликов, присланными от Люка. Он поставил один из них на проигрыватель и включил первую дорожку.

Из акустической системы под проигрывателем раздалось:

— Хо–хо–хо–ха–ха–ха–хо–о–хи–хи–хи–хо–хо–хо–хо–о–о–о–о–о–о!

Джим закрыл уши руками.

— Итак, друзья, — объявил голос. — Все, как один, быстренько к Полоумному Люку! Во–первых, у него все по–честному — как нигде, а во–вторых, друзья мои, вы приобретете здесь автомобиль без сучка без задоринки, друзья, — в нем вы сможете сразу сесть за руль и смело выезжать на шоссе, и доехать, друзья мои, до самого Чи–ка–аго…

Он представил себе диктора из Канзас–Сити с широкой пустой улыбкой — с отвисшим подбородком и бессмысленно растянутыми губами.

Искренняя интонация… Вера в полную чушь собачью. Ухмыляющаяся, пустая рожа из павильона смеха — несет бред и верит в него, несет и верит! Он протянул руку, чтобы поднять звукосниматель с пластинки.

— Ха–ха–ха, родненькие, — прорыдал голос, — это так, ха–ха: Полоумный Люк принимает старенькие о–хо–хо–нюшки и сразу же сажает вас в хи–хикушки, ха–ха!

«Ха–ха», — передразнил он про себя диктора, останавливая диск. Пальцы соскользнули, и звукосниматель проехался по мягкой пластмассовой поверхности; алмазная игла прорезала линию от наружного ободка к «яблоку». Ну вот. Диск был испорчен. Авария на производстве, сказал он про себя, слушая яростный грохот: игла продолжала терзать и кромсать этикетку, белые клочки ее посыпались на него и во все стороны.

Глава 3

Боб Посин был так рад заполучить в клиенты Полоумного Люка, что тем же вечером даром отдал одну ценную грампластинку фонотеки радиостанции «КОИФ», лежавшую у него дома.

— Я с удовольствием заплачу вам за нее десять баксов, — сказал Тони Вакуххи, сверяя номер на «яблоке» пластинки с листком бумаги, который он принес с собой. — Все равно не для себя беру, на кой мне эта классика! Это ведь для клиента. Все одно — продавать. В общем, нечестно как–то получается.

Тони зарабатывал на жизнь посредничеством, он был человеком светским, носил строгий деловой костюм, волосы зачесывал назад и смазывал бриолином, а синеющий подбородок припудривал. Делами Тони занимался по вечерам. Яркий блеск его хитиновых глаз притух и смягчился по случаю такого замечательного приобретения.

— Она досталась мне даром. Берите, — сказал Боб Посин и вложил пластинку в конверт, а затем в пакет.

Пластинка была пыльная и заезженная, ее проигрывали почти каждый воскресный вечер в

программе на итальянском языке. Это была древняя запись «Che Gelida Manina»[34] в исполнении Джильи[35], фирмы «Виктор».

— Ну тогда лады, — согласился Вакуххи.

— Лады, — отозвался Боб Посин. У него было приподнятое настроение. — Как там Фисба?

— Ну и девчонка, скажу я вам! — ответил Тони.

Бобу Посину захотелось, чтобы в его торжестве участвовала и Фисба.

— Вы не знаете, что она делает сегодня вечером?

— Да поет она сегодня, в «Персиковой чаше»[36]. Хотите заехать? Можно к ней заглянуть. Правда, у меня дела, так что мне придется вас там оставить.

— Подождите, я рубашку сменю.

Он снял рубашку и извлек из комода чистую

---

[34] Примечания: 34

«Che Gelida Manina» — ария из оперы Пуччини «Богема».

[35] Примечания: 35

Беньямино *Джильи* (1890–1957) — итальянский тенор, один из выдающихся мастеров бельканто.

[36] Примечания: 36

«Персиковая чаша» (Peach Bowl) — так называется еще и ежегодная футбольная встреча между лучшими университетскими командами региона («Чаша роз» (Rose Bowl) в г. Пасадине, шт. Калифорния, «Хлопковая чаша» (Cotton Bowl) в г. Далласе, шт. Техас, «Апельсиновая чаша» (Orange Bowl) в г. Майами, шт. Флорида, «Сахарная чаша» (Sugar Bowl) в Новом Орлеане и др.).

— розовую, с иголочки, ни разу не ношенную. Случай ведь особый.

Переодеваясь, он включил в гостиной радиолу «Магнавокс». Из динамиков полилась симфоническая музыка — шла музыкальная передача для ужинающих.

Тони Вакуххи, просматривавший журнал, взятый им с кофейного столика, сказал:

— Фисба записала тут пару пластинок для «Сандайэл», ну, этой фирмы на Коламбус. Смелые песенки, но не настолько, чтобы накликать неприятности — ну, вы меня понимаете. Может, принести их как–нибудь — для вашей программы популярной музыки?

— Спросите у Брискина, — ответил Боб, завязывая галстук.

— А то она бы и лично подъехала, — предложил Вакуххи. — Вы это практикуете? Вообще, ей бы на телевидение попасть. Вот это было бы дело, а?

— Нам бы всем туда попасть не мешало, — с чувством отозвался Посин. — Вот где настоящие деньги! Почему люди больше не слушают в барах живую музыку? Да по той же причине, по которой и мы сидим на своей независимой АМ–радиостанции не солоно хлебавши. Публика

ведь как — включит себе «Я люблю Люси»[37] и довольна, что еще нужно этой тупой толпе? Подумайте только: иногда восемьдесят миллионов человек разом сидят и поглощают эту муть, лишь бы сбежать от реальности. Не хочу держать дома телевизор.

Музыка на радио смолкла.

— Увертюра «Ромео и Джульетта» в исполнении Лондонского филармонического оркестра под управлением Эдуарда ван Бейнума, — профессиональным голосом диктора объявил Джим Брискин. Последовала пауза.

— Понимаю вас, — сказал Тони Вакуххи. — Все, как один…

— Тише, — остановил его Посин, приглаживая волосы.

Из радиоприемника снова послышался голос Джима Брискина:

— Купив сегодня автомобиль у Полоумного Люка, вы получите отличную машину. Безупречное качество на долгие годы!

«Молодец, — подумал Боб Посин. — Хорошо у него получается».

— Полоумный Люк гарантирует, — твердо,

---

[37] Примечания: 37

«Я люблю Люси» — самый популярный комедийный телесериал 1950–х годов; шел в 1951–1961 гг.

четко и выразительно продолжал Брискин. — Отличную! Безупречное! Гарантирует! — и вдруг он задумчиво произнес: — Нет, больше не могу. Я читал это весь день, хватит.

Он произнес это, как бы разговаривая сам с собой.

— А теперь послушаем симфоническую поэму Рихарда Штрауса «Тиль Уленшпигель».

Тони Вакуххи нервно хохотнул:

— Вот так номер.

Снова зазвучала симфоническая музыка. Посин почувствовал сначала тепло, а потом и настоящий жар в затылке. Кожу у него на голове как будто припекло утюгом. Между тем он продолжал поправлять галстук и приглаживать волосы. Он не верил своим ушам.

— Ушам своим не верю, — вымолвил он. — Как он сказал? «Он больше не может»?!

— Не знаю, — смущенно сказал Вакуххи, почуяв, что произошло что–то скверное.

— Как это не знаете? Вы ведь слышали! Что он сказал? Он ведь сказал, что с него хватит, разве нет?

— Ну да, что–то вроде того, — пробормотал Вакуххи.

Посин надел пальто.

— Мне нужно идти.

— Так в «Персиковую чашу» не поедете, когда…

— Нет, я не поеду в «Персиковую чашу». — Боб вытолкал Тони Вакуххи с его пластинкой из квартиры и захлопнул дверь. — Как вам это понравится! — воскликнул он.

В холле Тони отстал от него на несколько шагов, а он все причитал:

— Как вам это понравится! Нет, вы только представьте себе!

На улице он расстался с Тони Вакуххи и пошел, сам не зная куда.

— Невероятно, — сказал он сам себе. — Вы только подумайте! Как можно во всеуслышание такое заявить?

Он зашел в телефонную будку в дальнем углу соседней аптеки и набрал номер станции. Как и следовало ожидать, никто не ответил. Вечерами ведущий работал на пульте один, без звукорежиссера. Бесполезно было пытаться дозвониться до Брискина вечером.

В гараже под многоквартирным домом стояла машина Посина. Он решил поехать на станцию. Выйдя из аптеки, он пошел обратно.

Из открытой двери продуктовой лавки доноси-

лись звуки радио. Владелец с женой слушали за прилавком маримбу[38]. Боб Посин остановился у входа и пронзительно крикнул:

— Эй! Можно у вас радио послушать? Мне нужно кое–что узнать, это важно.

Старики–владельцы уставились на него.

— Ситуация чрезвычайная, — сказал он, входя в магазин и направляясь мимо колбас и мешков с горошком к прилавку.

Там стоял маленький приемничек «Эмерсон» с деревянным корпусом и выпускной антенной. Боб покрутил ручку и нашел «КОИФ». Владелец с женой, оба в шерстяных куртках, с оскорбленным видом ретировались, оставив его наедине с приемником. Они сделали вид, что у них есть другие дела. Им все равно.

«Все музыка и музыка, — подумал он. — Черт бы ее побрал».

— Спасибо, — бросил Боб, выбегая мимо них из лавки.

Бегом он вернулся домой. Запыхавшись, добрался до своего этажа и не сразу нащупал в карманах ключ.

---

[38] Примечания: 38

Маримба — ударный музыкальный инструмент типа ксилофона. Создана в Малайзии и затем стала распространенным инструментом в Африке, Мексике, Центральной и Северной Америке.

Радиола «Магнавокс» была включена. Он принялся расхаживать взад–вперед по комнате, ожидая, когда закончится музыка. Во время заключительной части его нетерпение уже граничило с бешенством. Он пошел на кухню попить воды. В горле пересохло, жгло от потрясения. Он перебирал в уме всех, кому можно позвонить: Шарпштайн, Тед Хейнз, Патриция Грей, юрист станции — этот сейчас в отпуске, в Санта–Барбаре.

Наконец музыка смолкла. Он бросился обратно, в гостиную, и услышал хорошо поставленный голос Джима Брискина:

— Это был «Тиль Уленшпигель» Рихарда Штрауса в исполнении Кливлендского оркестра под управлением Артура Родзински. С долгоиграющего диска «Коламбия мастерворкс».

И пауза, с ума сойдешь, как он ее тянет.

— Думаю, почти каждый из вас успел за последнее время пообедать в «Домингос». Вы видели новое расположение столов, позволяющее созерцать во время трапезы пролив Золотые Ворота. Не могу, однако, не упомянуть… — и Брискин в своей обычной манере продолжил рассказ о ресторане.

Боб Посин поднял трубку телефона и набрал

номер Патриции Грей.

— Привет. Ты слышала сегодня Брискина? — спросил он. — У тебя включено радио?

В эфире снова была музыка.

— Да, я слушала, — ответила Патриция.

— Ну и как?

— Я… слушала.

— Ты слышала?

По ее тону ничего невозможно было понять.

— Кажется, да.

— Рекламу Полоумного Люка слышала? — проорал он в трубку и чуть не оглох от отдавшегося эхом собственного голоса.

— Ах, это, — сказала она.

— Нет, ты слышала? Что это он себе позволяет? Или мне почудилось? Ведь он сказал это? Он сказал, что сыт по горло, что не собирается больше это читать, что ему надоело это читать!

Ему не удалось ничего из нее вытянуть. Боб с досадой швырнул трубку и снова принялся расхаживать перед приемником.

Но музыка все играла, и ему необходимо было позвонить кому–нибудь еще. Он опять набрал номер станции, никто не подошел и на этот раз. Он представил себе, как Джим Брискин сидит в зеленом вращающемся кресле за микрофоном со

своими пластинками, проигрывателями, текстами, магнитофоном, никак не реагируя на мигание красной лампочки — индикатора телефона.

Стоя перед радиолой «Магнавокс», Посин понял, что ему не суждено ничего выяснить, он так и не будет знать наверняка, Брискин не ответит, звони он и жди хоть еще тысячу лет. По радио так и будет звучать музыка, имя Полоумного Люка так и не будет больше ни разу упомянуто, и Бобу останется лишь гадать, не причудилось ли ему. Он уже начинал сомневаться.

— Черт бы его побрал, — выругался он.

Когда Джим Брискин выключал на ночь аппаратуру, телефон на радиостанции «КОИФ» все еще звонил. Была уже полночь. На улице стало тише, многие неоновые вывески погасли.

Он спустился по лестнице, оставляя за собой один унылый этаж за другим, в вестибюль Маклолен–билдинга. Под мышкой он, как всегда, нес кипу пластинок, взятых на время в музыкальных магазинах, — завтра они вернутся на свои полки.

Выйдя на улицу, Джим глубоко вдохнул легкий прохладный ночной воздух. Он пошел было по тротуару к стоянке станции, но тут просигналили из стоявшего на обочине автомобиля. Открылась

дверь, издалека послышался женский голос:

— Джим, это я.

Он направился к машине. На крыльях и капоте блестели капельки ночного тумана.

— Привет, — поздоровался он.

Патриция включила фары и запустила двигатель.

— Я тебя отвезу, — сказала она.

Она сидела, укутавшись в пальто из плотного материала, застегнутое и подоткнутое под ноги. Видно было, что она продрогла.

— У меня есть своя машина. Она на стоянке.

Джиму сейчас не хотелось никого видеть.

— Можем просто прокатиться.

— К чему это?

Он все–таки сел и положил пластинки рядом с собой, на холодную, как лед, обивку сиденья.

Патриция вырулила на проезжую часть и присоединилась к потоку автомобилей. Сверкали фары, неоновые вывески разных цветов и размеров. Вспыхивали и гасли слова.

— Я звонила на станцию, — наконец сказала она. — Ты не подходил к телефону.

— А зачем? Чтобы услышать чьи–то жалобы или заявки? У меня есть только те записи, которые я принес. Я ставлю то, что наметил.

Она молча выслушала эту короткую гневную тираду. Какое печальное лицо, подумал он. Застывшее.

— Что с тобой? — спросил Джим. — Зачем ты приехала?

— Я слушала, — сказала она. Теперь на него был устремлен немигающий взгляд ее влажных от слез глаз. — Я слышала, что ты сказал про рекламу Полоумного Люка. Наверно, долго репетировал, чтоб так сказать.

— Ничего я не репетировал. Начал читать, но — это выше моих сил.

— Понятно, — сказала она.

— Это — единственное, что мне оставалось. На заводах люди башмаки в станки швыряют.

— Ты решил поступить так же?

— Паршиво, наверное, вышло.

— Не паршиво. Я бы сказала, опасно. Летально, если тебе интересно мое мнение.

— Тебе ведь не хотелось, чтобы я читал эту чушь.

— Мне…

Она на секунду закрыла глаза.

— Смотри на дорогу, — сказал он.

— Не этого я от тебя ждала. Я хотела, чтобы ты нашел какой–нибудь разумный способ отказать-

ся. Ну, теперь уже все равно.

— Да, — согласился он. — Все равно.

— Что собираешься делать?

— Новую работу найти нетрудно. У меня есть знакомства. Если до этого дойдет, могу переехать на Восточное побережье.

— Думаешь, туда молва не дойдет?

— Есть один ведущий, — сказал Джим, — у него сейчас получасовое телевизионное шоу — на всю страну, так он как–то в эфире сетевой радиостанции посоветовал слушателям вылить лосьон для рук «Джергенс» себе на волосы. Его так достало, что он едва смог довести передачу до конца. А программа была всего–то на пятнадцать минут.

— Что же ты все–таки будешь делать? Придумал что–нибудь?

— Поеду домой и лягу спать.

Она повернула направо и снова подъехала к фасаду Маклолен–билдинга.

— Послушай, возьми свою машину и поезжай за мной. Поедем к тебе или ко мне, выпьем, — предложила она.

— Боишься, начну кататься по полу?

— И, может быть, послушаем старые записи

Менгельберга[39], — продолжала она, как будто он ничего не сказал.

— Какие записи Менгельберга? Это заезженное старье, на котором мы построили наш брак? — Он задумчиво, с грустью добавил: — Я считал, что почти все они достались тебе.

— Ты оставил себе «Прелюды»[40], — сказала она, — а ведь и ты, и я только их–то и хотели забрать себе на самом деле.

Он оставил себе еще и «Леонору» №3[41], но она не знала об этом. В дни, когда они мстительно делили собственность — в соответствии с Законом Калифорнии о разделе совместно нажитого имущества, — он наплел ей множество небылиц, и согласно одной из них пластинки этого альбома якобы треснули. Как–то на вечеринке она уселась в кресло, в котором лежала куча дисков, сказал он ей.

— Ладно, — согласился он, — почему бы и нет?

Он прошел к своей машине, завел ее и поехал

---

[39] Примечания: 39

Виллем *Менгелъберг* (1871–1951) — голландский дирижер немецкого происхождения.

[40] Примечания: 40

«Прелюды» — симфонические поэмы Ференца Листа.

[41] Примечания: 41

«Леонора» № 3 — увертюра Бетховена.

вслед за кремово–голубым «Доджем» Пэт по Гиэри–стрит, мимо Ван–Несс и затем вверх, по дальнему склону холма.

Впереди мерцали красным задние габаритные фонари «Доджа» — широкие кольца, похожие на барабаны пинбольного автомата. Пэт не было видно, он следовал за огнями машины.

То туда, то сюда, подумал он. Куда она, туда и ой. Подъем, спуск. Так ребенок представляет себе верность. И стали они жить–поживать да добра наживать, вдвоем в домике, на склоне горы, их двое, дом–конфетка, и никто их там не найдет.

«Додж» остановился — предупреждающе вспыхнули его стоп–сигналы, и Джим вдруг понял, что не знает, в каком месте города находится. У «Доджа» включился поворотник, и Пэт повернула направо. Он поехал следом.

И чуть не проскочил мимо — ее сигнал он услышал в тот самый миг, когда понял, что она остановилась. Не так много раз бывал он в этом доме, подумал он. Это место, этот адрес вылетели у него из головы, как будто их и не существовало. Выкручивая шею, он дал задний ход. «Додж» стоял рядышком, и Джим теперь пятился, стараясь припарковаться на одной линии с ним. Красные габаритные фонари ослепили его. Сколько ог-

ней: поворотники, стоп–сигналы, белые фонари заднего хода, — у него закружилась голова. Броские цвета хромированных спален на колесах. С ковриками, проигрывателями. Он погасил фары, закрыл окна и вышел.

Пока он запирал двери, Пэт стояла дрожа, со скрещенными на груди руками.

Когда они поднимались по широким бетонным ступенькам многоквартирного дома, она обронила:

— Туман.

Дверь из стекла и бронзы была заперта. Пэт не сразу нашла ключ. Внутри, в коридоре, не было слышно ни звука. Двери по обеим сторонам были закрыты.

Все тут ведут правильную, размеренную жизнь, подумал Джим: в одиннадцать — отбой, в шесть — подъем.

Он доверчиво пошел за ней — она отыщет нужную дверь. Она знает. Пэт быстро шла по ковру, и ее длинные темные волосы подпрыгивали на воротнике пальто. Шаги ее были беззвучны. Как будто они идут по пещере, по длинному коридору к другой стороне горы, подумал он.

И вот дверь открыта, Пэт уже в квартире, включила свет. Протянула руку, чтобы опустить

шторы.

— Какие–то казенные они, эти многоэтажки, — сказал он.

— Да нет, — рассеянно ответила она.

— Как–то неприятно — каждый уползает в свою отдельную раковину.

Не снимая пальто, она наклонилась, чтобы включить обогреватель.

— Просто тебе сейчас в голову одна чернуха лезет.

Она пошла к шкафу, сняла пальто, повесила его на плечики.

— Знаешь, порой ты бываешь таким разумным, а иногда такое вдруг вытворишь — и нипочем не догадаешься, чего от тебя можно ожидать. По лицу твоему ну ничего не понять, и никому до тебя не достучаться, не пробиться сквозь твою броню, а потом, когда у всех вокруг уже мочи нет больше говорить с тобой, руками махать перед твоим носом, — она захлопнула входную дверь, — ты вдруг оживаешь и начинаешь хаять все что ни попадя.

Он прошел в крохотную, сияющую чистотой кухоньку в поисках выпивки. В холодильнике стояла миска с картофельным салатом. Когда Пэт вошла, он ел салат прямо из миски столовой

ложкой, которую нашел в раковине.

— Боже мой! — Вокруг ее глаз собрались морщинки и тонкими трещинками разбежались к губам и подбородку. — Ты меня до слез доведешь.

— Как в прежние времена? — спросил он.

— Нет. Не знаю. — Она высморкалась. — Надеюсь, ты все–таки выберешься из этого. Я постараюсь как–то сгладить это на станции. Думаю, мне лучше удастся поговорить с Хейнзом, чем тебе или Бобу Посину.

— Сглаживать ты мастерица, — ответил он.

— Ну хорошо, вот ты говоришь, что мог бы уйти на другую станцию. Думаешь, там тебе удастся убежать от Полоумного Люка? Эту дребедень крутят и по всем независимым, и по сетевым АМ–станциям, и по телевидению: недавно какого видела поздно ночью, после фильма. Что толку? Ты и оттуда уйдешь, когда тебе подсунут рекламу Люка? И вообще, тебя только Полоумный Люк волнует? А почему только он? А как насчет рекламы хлеба и пива? Чего ж так избирательно? Не читай тогда вообще никакой рекламы. Разве не так? Не капризничаешь ли ты? И на меня сваливаешь — я, мол, хотела, чтобы ты такое отмочил, я, значит, виновата. — Она кричала

звонко, пронзительно, ее голос чуть ли не переходил в свист — это напомнило ему об их давних домашних ссорах. — Ну что, не так? Разве ты не пытаешься переложить вину на меня? Я тебя надоумила только это проделать или, может, еще что–нибудь? Ты знаешь, что я не этого хотела. Я ждала от тебя разумного поступка, чтобы ты как–то убедил Хейнза, что подобной рекламе не место в вечерней музыкальной программе. Ты говоришь, начал читать, а потом, мол, невмоготу стало. Зачем ты так поступил? Зачем нужно было объясняться во время передачи? Тогда уж лучше было и не начинать. Нельзя такое лепить в прямом эфире — что ты не будешь этого читать, что тебе надоело.

— Успокойся, — сказал он.

— Тебе конец. Боже, я так надеялась, что у тебя все здорово сложится, и вот тебе на — ты остаешься ни с чем, в пустоте. И все из–за того, что не смог подойти с умом — взял бы да обсудил все с Хейнзом до передачи, нет — тебе нужно было дождаться, пока ты останешься с текстом наедине, когда на станции никого не будет — может быть, тогда ты почувствовал себя в безопасности, делай, что хочешь, ну и открываешь рот и все засераешь, у нас ведь теперь бог знает какие

неприятности будут, может, в суд подадут, ФКС[42] может оштрафовать. А что будет с твоей музыкой? А все эти пять лет, что ты над этим пахал, чтобы тебе разрешили ставить классическую музыку, вообще все, что тебе нравится. У тебя даже появилась возможность самому ее выбирать, назвать это своей программой — «Клуб 17». И что, все коту под хвост? К этому ведь все идет. Ты ведь это хотел прежде всего сохранить? Не поэтому ли и рекламу не хотел читать? Тебе, видите ли, не хотелось оскорблять слух старушек — и вот, теперь ты выбрасываешь на помойку целую программу, чтением рекламы ты бы так ее не порушил. Не понимаю я тебя. Глупо как–то.

— Ну, ладно, — промычал Джим.

— Пять лет, — повторила Пэт. — В мусорное ведро.

По его собственным расчетам, он потратил на это не меньше десятка лет. Сначала — четыре года на музфаке Калифорнийского университета при Элкусе[43], учеба на бакалавра искусств по

---

[42] Примечания: 42

ФКС — Федеральная комиссия США по связи (Federal Communications Commission — FCC).

[43] Примечания: 43

Альберт *Элкус* (1884–1962) — в течение долгого времени ректор музыкального факультета Калифорнийского университета в Беркли.

контрапункту и композиции. Потом два года аспирантуры, он тогда немножко дирижировал, пел (неважнецким баритоном) в группе Ассоциации хорового пения Марина[44], написал вялую кантату о мире между народами и всяком таком прочем. Потом была замечательная работа в музыкальной библиотеке Эн–би–си — Эпохальный Переезд в Сан–Франциско, бегство из университета. Значит, одиннадцать лет. Боже, почти двенадцать, ужаснулся он. В эфир он впервые вышел в качестве частного коллекционера записей (это называлось «дискофил») и держался настолько свободно, без всякого снобизма и назидательности, что его программа продолжала идти еще долго после того, как идея приглашения коллекционеров на радио изжила себя. Он был прирожденным радиоведущим, говорил спонтанно, держался просто, без обычной напыщенности знатока классической музыки. И, что самое важное, ему нравилась самая разная музыка — и классика, и поп, и старый, покрытый плесенью

[44] Примечания: 44
Марин — округ в штате Калифорния.

джаз, и лос–анджелесский джамп–прогрессив[45].

— Нет, я сделал это не для того, чтобы убежать от Люка, — сказал он.

— А для чего?

— Чтобы убежать от тебя. Или, может быть, стать ближе к тебе. Скорее всего, и то, и другое. Потому что было уже невыносимо. Видеть тебя на станции каждый день. Пару лет назад мы с тобой были мужем и женой, понимаешь, да? Ты помнишь это?

— Помню, — отозвалась она.

— Страшно как.

— Кого мне это напоминает?

— Героев одного мифа. Их разлучили ветры ада[46], — сказал он.

— Это ты виноват.

— Вот как?

— Все то же самое — эта твоя бессмысленная непоследовательность, — продолжала она.

— И еще обследование у доктора — как его там,

---

[45] Примечания: 45

Джамп–прогрессив — сочетание джампа (джазовой музыки с преобладанием ударных, с жестким ритмом) и прогрессива (джазового оркестрового стиля, созданного в 1950–е годы Стеном Кентоном с использованием приемов симфонической музыки).

[46] Примечания: 46

Героев одного мифа. Их разлучили ветры ада… — Вероятно, отсылка к мифу об Орфее и его жене Эвридике, которую он попытался вывести из Аида.

Макинтоша?

— Да, — подтвердила она. — Макинтоша. И еще то, чего ты не хотел допустить — ведь это ранило бы твое самолюбие, ты почувствовал бы свою ненужность.

— Что толку обсуждать это сейчас?

— Толку никакого, — согласилась она.

— Но мне одного никак не понять, — размышлял он, — может быть, у меня в голове какая–то неправильная картинка сложилась. Но я вот вижу, как сидишь ты себе в тот субботний вечер, в одиночку взвешиваешь все за и против, семь раз отмеряешь, и вдруг — раз, у тебя созрело готовое решение. Так спокойно, так хладнокровно, как будто…

Он вскинул руки.

— Я обдумывала этот шаг несколько месяцев, — отрезала она.

— И выдала ответ, как компьютер IBM.

После чего, подумал он, разговаривать, убеждать было уже бессмысленно. Все споры, обсуждения прекратились. Она приняла решение. Их брак оказался ошибкой, и теперь нужно было как–то делить общее имущество, постараться, чтобы в суде все прошло как можно проще и без лишних трат.

Он вспомнил, как они использовали общих друзей — это было противнее всего. Заезжали за ними во время рабочего дня, везли в суд, чтобы те в качестве свидетелей подыграли им в том фарсе, который он и она придумали. Жестокое было время.

— Телефон звонит, — сказала Пэт, сидевшая напротив него.

— Что? — очнулся он, только сейчас услышав звонок.

Звонят и звонят, даже сюда, ей домой.

— В самом деле, — сказал он, осматриваясь.

— Я возьму трубку.

Она скрылась в гостиной.

— Алло, — услышал он ее голос.

Он открыл холодильник и обследовал его содержимое: нераскупоренная бутылка джина «Гилбис» — отличная вещь, — дешевый вермут, пинта водки, куча разных вин. Его привлек готический шрифт на этикетке «Майвайна»[47], и он принялся разбирать немецкий текст.

На пороге кухни появилась Пэт.

— Это Тед Хейнз.

На негнущихся ногах он направился в гости-

---

[47] Примечания: 47

«Майвайн» — немецкий ароматизированный напиток из вина с добавлением ясменника душистого.

ную.

— Хочет, чтобы я подошел?

— Хочет знать, здесь ли ты.

Она прикрывала трубку ладонью, но он–то знал, что такие трюки никогда не проходят — человек на другом конце провода все равно услышит, почувствует вибрацию бакелита, как глухие чувствуют звук костями черепа.

— Конечно, здесь, — сказал он.

— Он еле говорит от злости.

— Это, наверное, Посин ему доложил, — сказал он, держа в руке бутылку немецкого вина.

— Не сваливай все на Боба.

Джим подхватил трубку.

— И на меня не сваливай, — добавила она.

Прижав трубку к уху, он услышал резкий хриплый голос Хейнза.

— Джим, мне только что сюда, домой, позвонил человек по фамилии Шарпштайн и сказал, что они расторгают с нами договор и что если к ним когда–нибудь посмеет зайти наш коммерческий агент, они вышвырнут его на улицу и вызовут полицию.

— Шарпштайн, — отозвался он. — Это, видимо, их представитель или что–то в этом роде. А как его имя? Не Люк?

— Мне нужно встретиться с вами в ближайшие полчаса, желательно на станции. Но если не успеваете туда, я к вам приеду. Вы сейчас у Пэт, я тут недалеко. Если еще немного у нее задержитесь, я подъеду, разберемся.

У Джима спутались мысли, он с трудом понимал, что говорит ему Хейнз.

— Подъезжайте, раз надо, — сказал он.

— Позвоните Бобу Посину и попросите его тоже приехать, пусть поприсутствует. Это необязательно, но он лучше, чем я, знает все эти профсоюзные правила, у меня времени нет, чтобы все это запомнить. Дел поважнее хватает. Ну ладно. Оставайтесь там, увидимся минут через пятнадцать.

— До свидания, — ответил Джим.

Он не успел положить трубку, а в ней уже звучал сигнал «отбой». Проиграл по–детски, подумал он.

— Они слышали? — спросила Пэт. — У Люка слышали?

— Мне надо позвонить Бобу Посину, — сказал Джим.

Он потянулся за телефонным справочником.

— На обложке, — подсказала Пэт. — В уголке.

— Вон как! — взъярился он. — Чтоб всегда под рукой?

— Да, чтоб всегда под рукой.

— И зачем? — накинулся он на нее.

— Что за вопрос, «зачем»? О господи.

Она вышла из гостиной; хлопнула дверь, кажется, в ванной. Он помедлил и набрал номер Боба Посина. Еще не закончился первый гудок, как раздался голос Посина:

— Алло!

— Это я, Джим Брискин.

— А, ну что, нашел тебя Хейнз?

— Нашел.

— Искал он тебя, — Посин говорил как–то приглушенно, как будто его собственная злоба выдохлась, как будто, подумал Джим, после того как на сцене появился Хейнз, Боб Посин уступил ему место. — Слушай, ну и коленце ты сегодня выкинул.

— Скажи, а чего там у Люка зашевелились? — спросил Джим. — Они что, слушали?

— Представь себе, слушали. Минуточку. — Повисла долгая пауза. — Сигарету потушил. Ну, видимо, они собрались у радиоприемника. Наверное, никак им своей ахинеи не наслушаться. Как–то, в общем, так. Ну и хай он, должно быть, поднял. Я–то сам уже потом узнал. Он — в смысле Люк Шарпштайн — позвонил Хейнзу, а тот — мне,

тебя искал. Ты уже тогда ушел со станции.

— Я у Пэт, — сказал Джим.

— Понятно. Вот, значит, как.

— Хейнз попросил меня позвонить тебе. Чтоб ты подъехал сюда. Он минут через пятнадцать будет.

— Зачем это я ему? Тазик небось подержать. Ну, когда голову отрубать будет.

— Пока, — отрезал Джим и повесил трубку. На этот раз первым прервал связь он.

Пэт вернулась из ванной. Она занималась волосами, укладывала их на ночь.

— Ты что, позвал его сюда? — Похоже, она немного отошла, голос был спокойнее. — Уже почти час ночи.

— Это не я придумал, — сказал он. — Хейнз тоже приедет. Оба приедут.

— Теперь послушай меня. Вот что ты должен им сказать. Я придумала, пока ты разговаривал.

— Опять сглаживаешь.

— Конечно, ты должен признаться в том, что остановился посреди рекламы — они это слышали, спорить не надо. Но вот почему ты сделал это — тебе пришло в голову, что многим ведущим,

например Артуру Годфри[48] и Стиву Аллену[49], и прочим — удалось добиться успеха тем, что…

— Ладно, — сказал он. — Я так и скажу Шарпштайну, Хейнзу и Посину. Скажу, что хотел стать вторым Генри Морганом[50]. Помнишь его?

— Помню, — сказала она.

— Тяжко. Так и уносит в воспоминания.

— Генри Морган сейчас на телевидении, в «Шоу Гарри Мура»[51]. Каждую неделю.

— Да какая разница. — Джим пожал плечами. — Мне нечего им сказать. Нужно просто пережить, прости, что разборка будет тут, у тебя. Не я предложил.

Она постояла в раздумье. Потом вернулась в ванную и снова занялась волосами. Джим помнил этот еженощный ритуал. Металлические

---

[48] Примечания: 48

Артур Годфри (1903–1983) — суперзвезда телерадиокомпании Си–би–эс. Во время рассказа о похоронах Рузвельта Годфри заплакал в прямом эфире, чем тронул всю страну. Был сторонником неформальной, эмоциональной манеры ведения передачи для установления более близкого контакта с аудиторией. Для того чтобы добиться успеха в эфире, рекомендовал делиться со слушателями или зрителями тем, что с тобой происходит и что ты в данную минуту делаешь.

[49] Примечания: 49

Стив Аллен (1921–2000) — известный телеведущий, музыкант, актер, писатель и композитор.

[50] Примечания: 50

Генри Морган (1915–1994) — известный комик, радио–и телеведущий.

[51] Примечания: 51

«Шоу Гарри Мура» — программа телевизионной сети Си–би–эс в 1950— 1960–х гг. Ведущий — Гарри Мур (1915–1993). Неоднократно номинировалась на премию «Эмми» и получала ее.

заколки, тряпочки, запах шампуня и лосьона для завивки, флакончики, ватные подушечки.

Стоя спиной к нему, она спросила:

— Можно задать тебе вопрос?

— Задавай, — ответил он.

Она методично работала руками, поднимая волосы, разделяя их, перебирая и укладывая.

— Хочешь, я брошу эту работу? Тебе было бы легче, если бы я ушла со станции?

— Теперь уж поздно.

— А я могла бы. — Она повернулась к нему. — Я много над этим раздумывала. Могла бы — чем бы это ни обернулось.

Ему нечего было ответить. Он сидел на диване и ждал Боба Посина с Хейнзом.

— Понимаешь, о чем я? — спросила она.

— Конечно, понимаю: ты хочешь замуж. Все ведь хотят. Но на этот раз ты уж не дай маху. Своди его к доктору Макинтошу, пусть обследуется.

Ничего отвратительнее и злее он придумать не мог.

— Я и так в нем уверена, — ответила Пэт.

Глава 4

Хейнз на несколько минут опередил Боба Посина. Это был маленький человечек довольно изящного телосложения, седой как лунь, с тонким, как будто целлулоидным, бескостным носом. Ему было за шестьдесят. На тыльных сторонах рук выступали синие надувшиеся вены. Его кожа была испещрена старческими пятнышками. Он вошел, пошаркивая, как и положено почтенному профессионалу.

— Добрый вечер, — поприветствовал Хейнз Патрицию.

Говорил он четко и выверено. Джим представил себе проводника на Южной железной дороге, пожилого, непреклонного, с карманными часами и в начищенных до блеска черных узконосых туфлях.

— А где Боб? — спросила Пэт.

Ее голова как будто удлинилась, оттого что была обернута тяжелым мокрым полотенцем, спрятавшим волосы. Полотенце она поддерживала рукой.

— Машину ставит, — сказал Хейнз и обратился к Джиму: — Первым делом нам надо выяснить:

вы хотите остаться на «КОИФ»? Или это вы так объявили нам о своем уходе?

— А что, у меня есть выбор? — смутился от неожиданного вопроса Джим.

— Вы хотите уйти со станции?

— Нет, — сказал он.

— А в чем же тогда дело? Лето? Мысленно уже на рыбалке в горах?

В дверь постучали, она отворилась, и на пороге показался Боб Посин.

— С парковкой тут беда, — сказал он, входя.

На нем была желтая спортивная рубашка–гавайка навыпуск и свободные лавсановые брюки. Волосы у него растрепались, вид был жалкий и загнанный.

— Ну что ж, с этим разобрались, — продолжал Хейнз. — По мне, ведущий вы очень даже неплохой. До сих пор на вас никто не жаловался.

— Я напишу заявление об уходе, — сказал Джим, — если хотите.

— Нет, мы не хотим, чтобы вы увольнялись, — ответил Хейнз.

Заложив руки за спину, он прошагал в угол комнаты и устремил взгляд на свисавшую с потолка штуковину.

— Что это? — Он с опаской дотронулся до нее. —

Как это называется… мобиль? Никогда еще не видел, чтобы его делали из… это что? Яичная скорлупа?

— Вам правду сказать? — спросила Пэт.

— Вот это да! — восхитился Хейнз, тщательно осматривая мобиль. — Сами смастерили? Искусно, ничего не скажешь!

— Мне, наверное, пора идти спать. На станции надо быть к восьми утра. Извините.

Она направилась в спальню, но перед самой дверью задержалась.

— Ко мне у вас вопросов нет? — спросила она у мистера Хейнза.

— Нет, вроде нет. Спасибо. Постараемся говорить потише.

— Спокойной ночи, — попрощалась она и закрыла дверь спальни.

Тед Хейнз уселся на диван лицом к Брискину и Посину и сложил руки на коленях. Посин немного постоял и тоже сел. Джим последовал их примеру.

— Знаете, — начал Хейнз. — Я тут подумал, может быть, вам на телевидение пойти.

Он обращался к Джиму, говорил деликатно, как говорят джентльмены с юга.

— Никогда об этом не думали?

Джим покачал головой.

— Я слышал, одна сетевая телекомпания ищет ведущего музыкальных программ в районе Залива, хотят Дона Шервуда[52] затмить. Все то же самое — комментарий, рекламные паузы, интервью с певцами, артистами… Никаких записей, им нужно, чтобы это было живьем и талантливо. В разных передачах с людьми.

— Шервуда не превзойти, — резко ответил Джим.

Тема была исчерпана.

Хейнз почесал переносицу и сказал:

— А как насчет того, чтобы временно поработать где–нибудь в уединенном местечке, вдали от городской суеты и стрессов — там можно было бы, не торопясь, все спокойно обдумать, прийти в себя, разобраться, что к чему. Может, вам и

---

[52] Примечания: 52

Дон Шервуд (1925–1983) — популярный ведущий музыкальных программ в Сан–Франциско в 1950—1960–е гг. Шервуд не просто проигрывал записи, он подсмеивался над рекламой, использовал звуковые эффекты, иногда имитировал популярных певцов. Часто менял на свой лад заранее подготовленную рекламу, вставляя свои комментарии или записи, которые не имели никакого отношения к рекламируемому продукту. Сообщается, что рекламодатели не возражали против вмешательства Шервуда, так как оно лишь привлекало больше внимания к их продукции. Руководство предупреждало Шервуда о том, что он не должен затрагивать в передачах спорные вопросы, беспокоившие его, такие, как, например, судьба племени навахо. Был даже уволен с одной из станций в 1957 г.

понравилось бы. Просто мне тут на днях сказали, что одной станции в долине — то ли во Фресно, то ли в Диксоне, там где–то — требуется человек по совместительству.

— Значит, вы все–таки хотите, чтобы я ушел, — сказал Джим.

— Нет, я не хочу, чтобы вы уходили, просто мне хочется выяснить, что с вами происходит.

— Ничего.

— Тогда я предлагаю вот что, — сказал Хейнз. — Я временно отстраняю вас от должности — на месяц, без содержания, по согласованию с профсоюзом. По окончании этого срока вы приходите к нам и сообщаете, хотите ли вы и дальше работать на станции или с вас хватит, и мы расстаемся друзьями, после чего вы уже ищете себе работу по своему усмотрению.

— Меня устраивает, — сказал Джим.

— Прекрасно. Вы ведь в этом году еще не отгуляли отпуск? Тогда мы дадим вам чек на сумму, которую вы успели заработать в этом месяце до сегодняшнего дня, плюс отпускные. Так что это не очень ударит по вашему карману.

Джим кивнул.

— С завтрашнего дня, хорошо? — продолжил Хейнз. — Ваша смена ведь в два начинается? Я

попрошу Флэннери выйти вместо вас. Ну, или Хаббла.

— Без разницы, — сказал Джим. — Любой из них с этим справится.

— Ну как вам такой план? — спросил Хейнз. — Согласны?

Джим пожал плечами:

— Почему бы и нет? Конечно, согласен. — Он нетвердым шагом прошел на кухню, чтобы налить себе выпить. — Вы что–нибудь будете?

— Поздно уж очень, — сказал Хейнз и вынул из кармана часы.

Джим достал из холодильника кубики льда.

— А знаете, из чего сделан этот мобиль? — обратился Хейнз к Посину.

Джим стоял один на кухне и пил. Было слышно, как в гостиной вещает Хейнз.

— В одном лишь можно быть уверенным: то, с помощью чего сегодня по телевидению рекламируют мыло, завтра будет дурно пахнуть. Наша индустрия безжалостна. Возьмите вот хоть того же Шервуда. Они дергают за ниточки, а он пляшет. Интересно, сам–то он знает об этом? Или считает, что ему удается обвести их вокруг пальца? Никто не будет ему платить, когда он перестанет приносить деньги. Это у него всего

лишь новый метод продажи мыла.

— Новый метод, — повторил за ним Посин.

— При этом человек якобы остается независимым.

— Тенденция такая, — сказал Посин.

— Да, если хотите, тенденция. Но представьте, что будет, если он по–настоящему разозлит спонсоров, ну, предположим, перестанет улыбаться, когда вытворяет свои штучки с рекламой… этого… пива «Фальстаф». Да его просто снимут с эфира. Конечно, все дело в том, что никто сам не знает, чего он хочет. Все в растерянности — вся наша индустрия.

— И не говорите, — раздался голос Посина.

— Шервуд сейчас на вершине славы. На нем отрабатывают новый метод. Но если бы он попытался напрямую выяснить у верхушки Эй–би–си, чего же они от него в конечном счете хотят, они не смогли бы ему объяснить.

— Они могли бы сказать: «Давай, мыло рекламируй», — возразил Посин.

— Да, могли бы. Но только они не будут этого делать.

— Прагматики, — произнес Посин, а Джим в это время допил и налил еще.

— А что там с Брискином?

— Он на кухне, — ответил голос Посина.

— Так пойдите, гляньте, не стряслось ли чего.

Заглянув на кухню, Посин спросил:

— Все хорошо?

— Вполне, — ответил Джим.

Опершись на влажный кафель мойки, он допил стакан.

— По–моему, тридцать дней — нормальное решение, по всем статьям, — заявил Посин.

— Ты так считаешь? — отозвался Джим.

Хейнз сказал из гостиной:

— Ну, я пошел. Брискин, ничего не хотите сказать, пока мы здесь? Какие–нибудь замечания, предложения?

Джим вернулся в гостиную.

— Мистер Хейнз, что вы слушаете, когда включаете радио? — спросил он.

— Я стараюсь совсем его не слушать, — важно ответил Хейнз. — Бросил много лет назад.

Посин и Хейнз пожали Джиму руку, сказали, когда ждать чек и вышли в коридор.

— Тебя подвезти? — спросил его Посин.

— Не надо, — отказался Джим.

— Похоже, ты вот–вот сломаешься.

Джим стал закрывать за ними дверь.

— Эй, постой, — сказал Посин.

Лицо у него медленно, тяжело налилось кровью — он понял, что Джим собирается остаться у Патриции.

— Спокойной ночи, — сказал Джим.

Он закрыл дверь и запер ее. Тотчас зазвонил звонок, и он открыл.

— В чем дело?

— Давай–ка ты лучше пойдешь с нами, — заявил Посин.

Он стоял в коридоре один, Хейнз уже шел к лестнице.

— Мне нехорошо что–то, я не пойду, — сказал Джим.

— Очень даже тебе хорошо. Просто ты слабак — с работой справиться не можешь. Всю станцию на уши поставил, а теперь слюни распустил, решил вином горе залить…

— Пошел ты к черту, — сказал Джим, закрывая дверь.

Посин успел просунуть ногу, пытаясь помешать ему.

— Послушай, — дрожащим голосом произнес Посин. — Мы с тобой взрослые мужики. Ты был женат на Пэт, но это позади, все, она больше не твоя.

— Зачем твое имя на телефонном справочнике

нацарапано?

Из дальнего конца коридора позвал Тед Хейнз:

— Вы идете или нет?

После непродолжительной борьбы Посин убрал ногу, и Джим закрыл дверь. Он запер ее на ключ и вернулся на кухню. Ой не помнил, где оставил выпивку, стакан куда–то запропастился. Джим взял из буфета другой.

Боже милостивый, подумал он. Вот ведь что может приключиться с разумным человеком.

Он снова налил. Из спальни вышла Пэт в длинном халате лазурного цвета.

— Ой, — испугалась она, увидев его.

— Они ушли, а я остался, — сказал он.

— Я думала, вы все ушли.

— Меня отстраняют на месяц. Без содержания.

Из руки у него выскользнул на пол кубик льда. Он наклонился за ним.

— Когда тебя отстраняют?

— С сегодняшнего дня.

— Не так уж и плохо. Даже хорошо. Видимо, он не хочет тебя терять. Вот тебе и время, чтобы все обдумать.

Она настороженно смотрела на него. Полотенца на ней уже не было. Она успела расчесать в спальне волосы, высушить и взбить их. Длинные,

мягкие, темные, они ниспадали на воротник халата.

— Замечательно, — сказал он. И вдруг прибавил: — Я сдаюсь.

Она пошла за сигаретой.

— Поезжай домой, ложись спать.

Клубы сигаретного дыма поднимались к лампе, установленной над раковиной — кухонному светильнику в пластмассовом плафоне. Она бросила спичку в раковину и сложила руки на груди.

— Или останешься?

— Нет, — сказал он. — Поеду.

Она забрала у него стакан и вылила то, что он не успел допить.

— Через месяц тебе станет ясно, чем ты хочешь заниматься.

— Ничем я не хочу заниматься.

— Захочешь.

Она снова пристально, спокойно и, как всегда, уверенно смотрела на него.

— Ты счастливчик, Джим.

— Потому что он не уволил меня?

Она вздохнула и вышла из кухни.

— Не могу сейчас говорить об этом. Я очень устала.

Она ушла в спальню, оставила сигарету в

пепельнице на приставном столике у часов и растянулась на кровати, не снимая халата, положила голову на подушку и подтянула колени.

— Ну и денек, — сказала она.

Он вошел и сел рядом с ней.

— А как насчет того, чтобы пожениться снова? — спросил он.

— В смысле? Ты о нас с тобой? Ты это серьезно или просто, чтобы увидеть мою реакцию?

— Я, может быть, в хижину поеду, — сказал он.

— В какую хижину?

— В твою. На Русской реке.

— Я ее продала. В прошлом году, или позапрошлом. Мне нужно было избавиться от нее… Все равно пустовала.

— Но ее ведь тебе твой отец подарил, разве нет?

— Завещал, — сказала она с закрытыми глазами.

— Жаль, — сказал он, вспоминая домик — белые доски крыльца, газовый баллон плиты, наполовину засыпанный листьями и землей, полчища длинноногих пауков, кинувшихся врассыпную из уборной, когда они с Пэт впервые приехали в это заброшенное место.

— Так ты хочешь уехать? За город куда–ни-

будь?

— Можно было бы, — ответил он.

— Извини, что я ее продала.

Эта хижина их и познакомила. Летом 1951 года, пять лет назад, он надумал снять домик, чтобы провести в нем две недели отпуска, наткнулся, просматривая газету, на объявление Патриции и поехал к ней, чтобы узнать цену.

— За сколько сдаете? — спросил он.

— Шестьдесят долларов в месяц. Летом.

Ее семья жила в Болинасе, рыбацком городке, спрятавшемся от мира в прибрежной части округа Марин. Отец ее в свои последние годы занимался сельской недвижимостью — торговал земельными участками, фермами, летними домиками в курортной местности. Патриции в пятьдесят первом было двадцать три года, работала она бухгалтером, жила отдельно. Отца она никогда не любила, по ее словам, это был болтливый, весь в варикозных венах старик, вечно дувший пиво. Мать ее была жива, ушла в оккультизм, держала салон гадания на чае недалеко от Стинсон–Бича. Отсюда родилось презрение Патриции к мистицизму шарлатанского розлива. Она жила в полную силу, деятельно, снимала квартиру на двоих с еще одной девуш-

кой в Марине[53], сама готовила себе, стирала. И лишь изредка позволяла себе такую роскошь, как сходить в оперу или прокатиться на автобусе «Грейхаунд»[54]. Пэт обожала путешествовать. И еще, когда он с ней познакомился, у нее был набор масляных красок, и она время от времени писала натюрморт или портрет.

— Шестьдесят баксов, — повторил он.

Не многовато ли за лачужку? Она показала ему фотоснимок, прикрепленный у зеркала туалетного столика. Домик стоял у самой реки, медленно несущей свои воды сквозь полузатопленные прибрежные кусты. На фотографии, опершись рукой на перила крыльца, стояла Патриция. На ней был шерстяной купальный костюм, она улыбалась, солнце светило ей в лицо.

— Это вы, — узнал он ее.

— Да. Мы раньше с братом туда ездили.

Потом она рассказала, что брат погиб во время

---

[53] Примечания: 53

Марина — один из северных районов Сан–Франциско.

[54] Примечания: 54

«Грейхаунд ов Америка» — национальная автобусная компания, обслуживающая пассажирские междугородние, в том числе трансконтинентальные маршруты. На эмблеме компании изображена бегущая борзая. Входит в состав корпорации «Грейхаунд лайнз». Пассажирам разрешается останавливаться в любых местах по маршруту следования, пока не истек обозначенный срок действия билета (7, 15 и 30 дней).

Второй мировой войны.

Он спросил, нельзя ли взглянуть на хижину.

— Машина у вас есть?

Она развешивала белье во дворе дома, в котором снимала комнату. Было воскресенье, ее выходной день.

— Нет, машины у меня нет. Я с сороковых годов там не была. За домом один отцовский знакомый присматривал, тоже недвижимостью занимался.

Он повез ее в своей машине по прибрежному шоссе на север. Из Сан–Франциско они выехали в одиннадцать утра. В половине первого они съехали с дороги, чтобы пообедать. Это было у залива Бодега в округе Сонома. Они ели креветок в кляре, зеленый салат с овощами и пили пиво.

— Люблю морепродукты, — сказала она. — У нас всегда была какая–нибудь рыба. В Болинасе — молочное хозяйство, мой отец занимался этим бизнесом, пока не ушел в недвижимость. Мы ездили по ночам сквозь туман по Панорамной дороге в Сан–Франциско… Туман был такой густой, что ему приходилось открывать дверцу машины и смотреть на белую полосу — чтобы не свалиться с дороги.

Она произвела на него впечатление веселой, живой девушки. И еще он подумал, что она

необыкновенно хороша. На ней была блузка без рукавов и длинная, чуть не до пят, юбка. Черные волосы были заплетены в две косы, в каждой по ленточке.

К двум часам они добрались до Русской реки. До этого они успели по дороге заправиться на бензоколонке и посидеть в придорожной закусочной, в доме из красного дерева с неоновой вывеской, где музыкальный автомат играл «Frenesi»[55]. Диванчики за столиками были забиты школьниками в белых хлопковых рубашках и шортах, поедавшими гамбургеры и пьющими кока–колу. Стоял жуткий гвалт. Они с Пэт пропустили по паре рюмок. Обоим было хорошо. Доехав до Гернвиля, что на Русской реке, они остановились в другой закусочной, тоже из красного дерева и с неоновой вывеской, и выпили еще. До хижины они добрались только к половине четвертого, и оба были уже сильно навеселе.

Домик весь зарос сорняками и ежевикой. Одно из задних окон было разбито. Не так давно поднимавшаяся вода покрыла пол гостиной слоем ила.

---

[55] Примечания: 55

«Frenesi» — музыкальная композиция, первоначально написанная Альберто Домингесом для маримбы и затем адаптированная Леонардом Уиткапом и другими композиторами и ставшая джазовым стандартом.

Сломанное крыльцо просело. Перил, на которые она опиралась на фотоснимке, не было. Дверь пришлось взломать — петли и замок заржавели, — и перед ними предстали разрушенные мышами и сусликами диван, матрасы и стулья. Успели тут побывать и воры — трубы от плиты были украдены. Электричество отключили, газа почти не оставалось.

— Господи, — вздохнула Патриция, выйдя на улицу и устремив взгляд на другую сторону реки. — Извините.

— За два–три дня можно все поправить, — сказал он.

— Правда? Картина ужасная.

Она бросила в воду камешек. На другом берегу плескались в воде дети, казавшиеся отсюда крошечными. На пляже загорали. Предвечерний воздух был горяч и сух. Рядом шелестели на ветру кусты.

— Хорошо здесь, — сказал Джим.

Он разыскал лопату и убрал ил и мусор. При раскрытых окнах и дверях домик быстро проветрился. Пэт, орудуя толстой иголкой с ниткой, заштопала на скорую руку матрасы.

— Но что делать с плитой? Вы же не сможете ничего приготовить. Труб ведь нет, — беспоко-

илась она.

Его это уже не волновало. Теперь его волновала она.

— Трубы, наверное, можно будет найти, — сказал он. — Да и стекло для окон.

— Ну, как знаете.

На закате дня они пошли пешком в Гернвиль, поужинали там в ресторане, а потом просто сидели и пили пиво. К девяти часам уже ни он, ни она не могли сесть за руль, чтобы ехать обратно, в Сан–Франциско.

— Хорошо–то как, — сказал он, когда они вышли из ресторана.

По улицам разгуливала молодежь, подростки с ветерком проносились мимо в старых автомобилях, переделанных под гоночные. Ночной воздух ласкал кожу. Слева переливалась светом река. Казалось, она стоит на месте. Где–то в округе Сонома ее перегородили плотиной.

Пэт безмятежно брела рядом с ним.

— Мне здесь нравится.

Она успела переодеться в джинсы и, закатав их до колен, намочить свои гладкие, легкие ноги в реке. Она шла босиком.

— Не больно по камням идти? — спросил он.

— Здесь все босиком ходят, — ответила она.

И споткнулась, а он подхватил ее.

— Осторожней, — сказала она.

— А что?

Он оставил ее руку в своей.

— Кажется, я напилась.

— Мне тоже так кажется, — подтвердил он. — Кажется, мы оба напились.

Лежа на кровати с закрытыми глазами, Пэт спросила:

— Мы ведь тогда остались там на ночь? А свет уже был?

— Нет, — вспомнил он. — Все еще где–то коротило.

Проводку он починил на следующий день.

— Мы занимались любовью в ту ночь?

— Еще как занимались, — сказал он.

Она, чуть приподнявшись, потянулась за сигаретой.

— Куда же все это ушло?

— Ты виновата. И я виноват.

— Никто не виноват, — прошептала она.

Он взял у нее сигарету, которая, еще немного, и выпала бы у нее из пальцев на одеяло.

— Спасибо, — сказала она.

— А помнишь эту забегаловку в Тендер-

лойне[56]? — вспомнил он.

— Где мы ели стоя? — подхватила она. — Потому что у них не было ни стульев, ни табуреток? Только стойка. Там еще портовые грузчики обедали — со складов и доков.

Она смолкла.

Ему вспомнились разные места, где они бывали. Магазинчик старых пластинок на Эдди–стрит, где старик–продавец суетливо разыскивал нужные альбомы, перезабыв, где у него что лежит, но при этом назубок зная сами записи. И те вечера, когда они, зажав в руках билеты на стоячие места, наперегонки с другими взбегали этаж за этажом вверх по лестнице оперного театра «Памяти войны», чтобы первыми добраться до перил.

И тот день, когда они привезли фейерверки для детей. Это было незаконно. Они купили их в Сан–Хосе. Потом ехали ранним утром по улицам Сан–Франциско в машине, полной огненных хлопушек — колес, фонтанов, вишневых бомб — и раздавали их встречным детям. Все кончилось

---

[56] Примечания: 56

Тендерлойн — один из центральных районов Сан–Франциско с богатой историей, пользующийся неоднозначной репутацией. Был известен большим количеством бездомных, бедностью, высокой преступностью. Вместе с тем в нем расположены многие гостиницы, рестораны этнической кухни, бары, клубы, живет много художников и писателей.

полицейским участком.

— Да, мы тогда им попались, — сказал он.

— Кому — им?

— Полиции. За петарды.

— Ах, да, — вспомнила она.

Он наклонился и поцеловал ее. Она не сопротивлялась — чуть повернулась к нему, подтянув колени и спрятав голову между рук. Ее волосы рассыпались на плечи, и он мягко убрал их с ее лица, с глаз.

— Может быть, я останусь, — сказал он. — Можно?

Помолчав, она согласилась:

— Хорошо.

— Я люблю тебя, — произнес он.

Он приподнял ее. Она не противилась, но и не проявляла никаких признаков жизни, как будто спала крепким сном.

— Ты это знаешь? — спросил он.

— Да, — прошептала она.

— Но я для тебя не пара.

— Да.

— А кто пара?

Она не ответила. Ее волосы слегка касались его запястья. Он снова поцеловал ее. Ее губы подались, и он ощутил ее зубы — крепкие, разжатые,

и ее дыхание.

— Нет, — выдохнула она, — давай лучше не будем.

Она стала высвобождаться.

— Прости. Я хотела бы. Но давай просто поспим… Тебе, наверное, лучше лечь поверх простыни. Чтобы не… Так будет проще. Хорошо?

— Как хочешь.

Она открыла глаза.

— Да я–то не этого хочу. Я бы хотела… Да, наверное, можно и… Нет, не нужно. Давай, ложись, будем спать. Тебе–то завтра не вставать рано утром, а мне — в полседьмого.

Он обошел ее квартиру, выключил обогреватель и свет и удостоверился, что дверь заперта. Когда он вернулся в спальню, Пэт сонно стояла у кровати с халатом в руках. Он взял у нее халат и повесил в шкаф.

— У тебя серьезно это с Посином? — спросил он.

Она покачала головой, не ответив. Она уже лежала в постели, подоткнув под себя одеяло. На ней была какая–то ночная рубашка, но он не успел ее разглядеть. Во всяком случае, он ее не узнал. Что–то новое. Купленное после того, как она ушла от него.

Он лег поверх простыни, отделенный от Пэт тканью. Она прикоснулась к нему руками, тронула пальцами его волосы.

— Хорошо, — сказала она, засыпая, уносясь от него.

Контуры ее тела едва вырисовывались под простыней, ему было не добраться до нее. Она была недоступна. Он попробовал обнять ее, но в руках оказалась лишь ткань, один хлопок, сияющий белизной, совершенно чистый, неодушевленный. Она отвернулась от него. Вот и все.

Глава 5

Нет счастья в Городе туманов.

На днях вечером диск–джок Джим Брискин, что крутит музыку на все вкусы на радиостанции (помните о таких, вы, телеманы?) «КОИФ», отколол номер, когда читал рекламу Полоумного Люка (фу три раза, ух и бред) в аккурат промеж Бетховеном и Брамсом.

Сперва Брискин объявил: «У Полоумного Люка вы купите отличную машину». Против чего Полоумный Люк не возражал. А потом возьми да и скажи: «Хватит уже ЭТОЙ рекламы». Против чего, черт возьми, не возражали почти все остальные в городе. Так что конец рекламе Полоумного Люка на «КОИФ», потому что, если не слушали вы, так спонсор слушал.

Но вот беднягу Джима пока отстранили. Лишили зарплаты за месяц.

Увы, нет правды этом мире.

От Людвига Гриммельмана, окопавшегося в своей крепости–чердаке, не ускользнуло, что троица подходит к его дому. Близился вечер ясного, жаркого дня. Сияющий тротуар подчеркивал силуэты.

Предводительствовал Ферд Хайнке, в своем сказочном костюме — мешковатых штанах и свитере. На нем были очки, а под мышкой он нес папку, набитую учебниками и книжками из библиотеки, и, конечно же, несколько последних номеров своего научно–фантастического журнала «Фантасмагория». За Фердом шел Джо Мантила, а за ним — Арт Эмманьюэл.

Чердак, где обитал Людвиг Гриммельман, когда–то служил залом для профсоюзных собраний. Это было большое голое помещение с кухонной плитой в одном конце. Из маленькой ванной можно было выйти на заднюю лестницу. Дом находился в «Дыре Хейс», трущобном районе Сан–Франциско, средоточии винных магазинов и старых некрашеных домов с меблированными комнатами. Под чердаком Гриммельмана располагались клетушки, которые теперь использовались под склады «Мексиканских и американских продуктов Родригеса» — бакалейного магазина на первом этаже. Через улицу ютилась католическая церковка.

Трое парней устало тащились по улице.

— Пойдем кока–колы купим, — предложил Джо Мантила.

— Не надо, — возразил Ферд, — у нас важное

дело.

— Мы должны сообщить ему, — согласился с ним Арт Эмманьюэл.

Они плелись гуськом вдоль бакалейного магазина по тропинке из салатных листьев и сломанных ящиков из–под апельсинов. Тут и там, поклевывая отбросы, гордо вышагивали куры. На веранде одного из дальних домов сидела, покачиваясь, старая мексиканка. Ватага оравших изо всех сил мальчишек — негров и мексиканцев — гоняла по улице пивную банку.

У лестницы Ферд Хайнке остановился.

— Хотя он наверняка уже и сам знает.

— Пошли, — поторопил их Арт Эмманьюэл.

Но и ему было не по себе. Конечно же, Гриммельман сейчас пялится на них со своего чердака. Арт чувствовал тяжелый взгляд острых глазок этого волосатого сыча, который стоит там в черной шерстяной шинели, вэдэвэшных ботинках и дешевой хлопковой майке навыпуск.

— Ладно. — Ферд двинулся вверх по ступенькам.

Наверху приоткрылась металлическая дверь, поставленная Гриммельманом на случай взлома, и когда троица добралась до нее, хозяин встретил гостей пристальным взглядом, ухмыляясь,

пританцовывая, потирая руки и отступая, чтобы впустить их.

При свете дня он выглядел взъерошенным и помятым. Он никого не ждал — стоял в носках, без ботинок. Ему было лет двадцать пять. Родился он в Польше, недалеко от немецкой границы. Его круглое славянское лицо было испачкано пятном похожей на подпаленный птенячий пух бороды, спрятавшей щеки и шею. Волосы его уже успели поредеть, еще несколько лет — и он будет лысым. Арт, который вступил в спертый воздух этого отшельничьего жилища вслед за Фердом, уловил знакомый запах долго не стиранной одежды Гриммельмана. Тот и жил, и трудился здесь над своими картами и революционными замыслами, облекал в слова свои грандиозные теории. Летом, когда деньги были потрачены, он принимался вкалывать как проклятый на консервных заводах — днем и ночью, без продыху, чтобы на заработанное жить оставшуюся часть года.

В продолговатой комнате тут и там валялись книги и бумаги. У стены стоял продавленный диван, на котором Гриммельман спал ночами, не снимая шинели. По стенам было развешано оружие — армейские пистолеты, гранаты, пара мечей, скотчем были приклеены репродукции с

изображениями линкоров времен Первой мировой. На столах высились груды всякой всячины. Никто, в общем–то, не знал, к чему готовится Гриммельман — границы его планов терялись в бесконечности.

— Тут случилось кое–что, — сообщил Джо, усаживаясь на диван.

Гриммельман скользнул по нему взглядом, усмехнулся и вопросительно посмотрел на Арта.

— Об этом в «Кроникл» написали, — сказал Арт. — Знаешь Джима Брискина, ну, «Клуб семнадцать» ведет по радио. Так вот, его уволили.

— Отстранили его, — поправил Ферд. — На месяц.

У Гриммельмана засверкали глаза.

— Вон чего! — Он широкими шагами подошел к металлической двери и закрыл ее на засов. — И за что же?

— Не так рекламу прочитал, — сказал Арт. — Ну, про подержанные автомобили, знаешь?

Гриммельман в волнении ринулся к карте Сан–Франциско чуть не во всю стену. На ней его каракулями было отмечено все, что заслуживало в городе внимания. Он постоял у карты, освежая в памяти записи и знаки, относившиеся к Ван–Несс–авеню и магазинам подержанных

автомобилей.

— О каком именно магазине идет речь?

— Полоумного Люка, — сказал Арт. — Где Нэт работал.

Гриммельман воткнул в карту булавку.

— Когда это произошло?

— Позавчера вечером, — ответил Ферд.

Гриммельман не на шутку разволновался.

— А из вас кто–нибудь слышал, как это было?

— Нет, — сказал Арт. — Тогда уже классическую музыку передавали. После «Клуба 17».

Гриммельман не отходил от карты.

— Это важное событие.

Он достал авторучку и наскоро дописал что–то в блокноте, висевшем рядом с картой. Затем выудил из картотеки несколько листков и открыл тяжелую коробку.

— Это может привести к целому ряду возможных последствий.

— Например? — спросил Арт, как всегда, захваченный энергией, излучаемой воображением Гриммельмана.

Каким пресным был бы мир без этого человека: благодаря его чутью к тайным силам, обладавшим мистической властью, и его упорству даже самые обыденные происшествия вспыхивали

лихорадочным жаром. А такое событие, как исчезновение из эфира привычного голоса Джима Брискина, что само по себе уже было из ряда вон, в трактовке Гриммельмана обещало много неожиданных поворотов. Стоя лицом к карте, он читал знаки, скрытые от непосвященных.

— Во–первых, может быть, ему приказали запороть эту рекламу, — объявил Гриммельман. — Такой вариант не исключен.

— Да ну, чушь, — возразил Джо Мантила.

Гриммельман смерил его взглядом.

— Это маловероятно. Но возможно. А как он напортачил?

— Сказал, что надоело ему это до чертиков, — сказал Арт. — Хрен, говорит, с ним. Ну, и не закончил, оборвал рекламу на полуслове.

— Понятно, — кивнул Гриммельман.

— С тех пор его больше не слышали, — добавил Ферд Хайнке. — Ни вчера, ни сегодня. А потом вот эта статейка в «Кроникл» появилась.

Расстегнув молнию папки, он показал Гриммельману газетную заметку.

— Оставишь мне? — попросил Гриммельман.

Он вклеил вырезку в особый альбом и пригладил ее кулаком.

— Обидно, конечно, — вздохнул Арт. — Теперь

«Клуб 17» какой–то тип ведет — полная лажа. Ставит музыку — и все, от себя слова не скажет.

— Думаешь, пора? — спросил вдруг Джо Мантила.

— Может быть, — сказал Гриммельман.

— Пора, — повторил Арт.

Среди единомышленников, собравшихся вокруг Гриммельмана, понятие «пора» занимало центральное место. На Арта накатило волной предвкушение, в его душе вскипела буря чувств. Не остались равнодушными и другие. Ради этой самой «поры» и существовала вся Организация. Их вылазки подчинялись непостижимой для простых смертных последовательности правильно вычисленных моментов, сочетаний небесных тел. Крестьянская хитрость, замешанная на крестьянском же суеверии, связывала Гриммельмана со звездами. Планы его были грандиозны, как космос, и космосом определялись. Гриммельман всегда и во всем искал знаков, которые должны были показать, что наконец пришел тот самый момент, тот миг, когда отпадают все сомнения в том, что можно действовать и добиться успеха.

— Организации пора приступать к действиям, — решительно заявил увлеченный идеей Ферд.

Все они сразу представили себе ритуал выступления: вот они выводят из укрытия массивную машину, тщательно перебирают двигатель и электронное управление, чтобы исключить малейшие неполадки. Проверяют оружие.

Но Гриммельман колебался.

— «Хорьх»[57] слишком долго стоял на приколе. — Он сверился с графиками. — Три месяца.

— Ну и правильно, — воскликнул Джо, — вот и пора! Целых три месяца!

— Нужно действовать, — так же нетерпеливо подхватил Арт.

— Спешка к хорошему не приводит, — возразил Гриммельман.

— Да ну тебя с твоими графиками, — с досадой сказал Джо Мантила.

— В субботу вечером «Бактрийцы»[58] устраивают танцульки у Брэттона, — сообщил Арт.

---

[57] Примечания: 57

«Хорьх» — модель автомобиля, названная по имени Августа Хорьха, инженера в области машиностроения и моторостроения и предпринимателя, основавшего в 1899 г. компанию August Horch u. Cie., ав 1910 г. — Audi Automobil–Werke AG. В 1932 г. обе компании объединились под именем Auto Union GmbH.

[58] Примечания: 58

«Бактприйцы» — Слово Bactrians имеет два значения: 1) бактрийцы — иранское племя, проживавшее в Бактрии; кроме того, так называют обитателей всей восточной части Ирана. В Бактрии (возможно, в VII веке до н. э.) проповедовал пророк Заратустра; 2) «бактриан, верблюд двугорбый».

«Бактрийцы» представляли собой клуб состоятельной молодежи с Ноб–Хилла[59]. Возглавлял клуб Билл Брэттон, сын богатого адвоката с Монтгомери–стрит. — А потом кое–кто из них, наверное, зависнет в «Старой перечнице».

— Их сорок человек, — сказал Ферд. — А нас всего одиннадцать. Если их много припрется, нам хана.

— Сделаем, как в прошлый раз, — сказал Джо. — Припаркуемся где–нибудь с краю, выманим кого–нибудь из них на машине. Как тогда.

— Как бы то ни было, можно поехать и запустить «Хорьх», — подытожил Гриммельман, продолжая обдумывать свои планы.

Для Арта эти слова прозвучали как музыка. Запуск принадлежавшего Организации автомобиля с дистанционным управлением, оборудованного громкоговорителями и антеннами, с потрясающим восьмицилиндровым рядным двигателем! Он представил себе, как «Хорьх» катит по Девяносто девятому шоссе с выключенными фарами и бесшумно ускользает из–под носа у врага, а они едут себе сзади, направляя его — и вот в кювете валяется перевернутый остов «Форда–56».

---

[59] Примечания: 59

Ноб–Хилл — престижный район в Сан–Франциско, расположенный на одноименном холме.

На стене чердачной комнаты висели трофеи — то, что бросили побежденные. Не было случая, чтобы «Хорьху» не удалось уйти. Гриммельман вел себя осторожно, каждая операция скрупулезно планировалась.

Гриммельман показал на релейную плату с проводкой, лампами и усилительными схемами на одном из рабочих столов. Рядом лежал паяльник — Гриммельман сейчас работал над этой частью системы автомобиля.

— Надо закончить ее. А то «Хорьх» будет немым.

«Хорьху» нельзя было быть немым. Насмешливые возгласы, усиленные и искаженные, были гвоздем программы. Без них удаляющийся на высокой скорости «Хорьх» не сможет заявить о себе, пророкотать о том, кто и что он такое.

— Знаешь, а Рейчел скоро рожает, — ни с того ни с сего сообщил вдруг Ферд Хайнке и бросил извиняющийся взгляд на Арта. — Рейчел, жена его.

Гриммельмана, сидевшего за рабочим столом, передернуло. Он, не отрываясь, изучал свои записи. Девка липкая, подумал он. Чужачка. Ему стало страшно.

Когда она ступала своей медленной тяжелой женской походкой, от нее пахло мятой — мятой

и мылом. Ее взгляд был устремлен на него, она оценивала его, видела, судила, она отвергла его. Отвергла их всех со всеми их задумками.

В комнате повисла тишина. Все поникли. Среди них прошла женщина, и их энтузиазма как не бывало.

Ферд Хайнке возился на диване со своими учебниками и журналами. Джо Мантила уставился в пол. Арт Эмманьюэл, засунув руки в карманы, прошелся до входной двери. Воцарилась гнетущая атмосфера. Сквозь запертую металлическую дверь слабым шелестом травы доносилось, как негритянские и мексиканские дети играют своей жестянкой.

В пять часов вечера ветер гнал по Ван–Несс–авеню клочки бумаги, раскидывал у дверей каждого магазина сор, белевший в лучах заходившего солнца.

В автомагазине Нэта продавались старые, довоенные автомобили. На стене соседней булочной было намалевано: «РАБОЧИЕ МАШИНЫ ДЛЯ РАБОЧИХ ЛЮДЕЙ».

На четвертом автомобиле, «Додже» 1939 года, Нэт Эмманьюэл, открыв капот, подсоединял зарядное устройство. Это был его магазин. На Нэте была полотняная куртка и рыжевато–ко-

ричневые свободные брюки. Он обнаружил, что аккумуляторный провод на этом автомобиле проржавел и его нужно заменить. В конце дня он осматривал машины — и о каждой из них узнавал худшее: шины оседали, элементы аккумуляторов не работали, из задних коренных подшипников вытекало масло.

Он с остановками, пережидая машины, перебежал Ван–Несс–авеню. На другой стороне улицы находилась мастерская Германа «Восстановление карбюраторов». Вход загораживали ожидавшие своей очереди автомобили. В глубине помещения, у верстака, копался в нутре «Паккарда» Герман, пытаясь отрегулировать тормоза. Нэт принялся рыться в куче сваленных на верстак деталей, выуживая из нее и отбрасывая клапаны, прокладки, старые вентиляторные ремни.

— У тебя случайно не завалялся где–нибудь провод аккумуляторный от довоенного «Доджа»? — спросил он.

— Послушай меня, — сказал Герман. Он вылез из машины и вытирал лицо и руки, испачканные смазкой. — Ты в бога веришь?

— Нет, — ответил Нэт, осматривая диск сцепления и прикидывая, нельзя ли его пристроить на одну из своих машин.

— Но ты согласен, что красить по ржавчине, это — грех?

— Конечно.

— Краска же через неделю отвалится. А продавцы бэушных машин так делают, — Герман кивнул на «Паккард». — Знаешь, чей это?

— Люка.

— Люк красит по ржавчине. Вмятины замазкой заделывает.

— Я у него раньше работал, — сказал Нэт. — Так как насчет провода?

— Ну и как тебе Люк?

— Да мне все равно.

Нэт уже очень давно работал на рынке подержанных автомобилей, и его не волновало, красит кто–то по ржавчине или нет. Он и сам этим, бывало, грешил. Наклонившись, он поднял комплект старых свечей зажигания.

— Можно взять?

— Задаром? Или все–таки заплатишь? Пятьдесят центов — устроит? И бери что хочешь.

Нэт только принялся регулировать зазоры свечей, как в мастерскую вошел Люк Шарпштайн — посмотреть, как обстоят дела с «Паккардом». На нем была его дежурная соломенная шляпа, темно–бордовая рубашка и свободные фланеле-

вые штаны.

— Здорово, дружище, — добродушно поприветствовал он Нэта. — Как делишки?

— Нормально, — сухо ответил Нэт.

— Идет торговля? — спросил Люк, ковыряя зубочисткой в белых как мел зубах.

— На месте стоит.

— Парочка «Линкольнов» не нужна? Сорокдевятки, в отличном состоянии. Задешево отдам. Для меня староваты. Могу даже махнуться на пару «шевролеток».

— Да у меня рухлядь одна, — сказал Нэт. — Вы же знаете. Не бизнес, а черт знает что.

А произошло это и с ним, и со всеми мелкими торговцами по вине Люка, с его действенными методами продаж.

Люк обнажил в улыбке вставные зубы.

— Могу взять несколько сорок первых «шевролеток» на площадку со старьем.

— А у вас случайно «Виллисов–оверлендов» не завалялось? Я бы взял, — мрачно пошутил Нэт.

Люк ответил ему со всей серьезностью:

— Ну, есть у меня один «Виллис–универсал». Пятьдесят первый. Темно–зеленый.

— Не, не пойдет.

— Готов ваш «Паккард», — сказал Герман Люку

из–за станка для притирки клапанов. — Тормоза в ажуре.

Нэт Эмманьюэл вышел с отрегулированными свечами из мастерской и, снова перейдя Ван–Несс–авеню, направился к участку, на котором стояли его автомобили. Какой–то цветной постукивал ногой по колесам сорокового «Форда» — купе. Нэт кивнул ему. В тесной конторе, построенной им самим из базальтовых блоков, сидел его младший брат Арт и рассматривал настенный календарь с голой девицей.

— Привет, — поздоровался он с Нэтом, притащившим коробку со свечами. — С каких пор это у тебя висит?

— Где–то с месяц.

— Слушай, не дашь машину на пару дней? — спросил Арт. — Мы тут хотели, ну, прокатиться, в Санта–Круз, может быть.

— Нечего на календарь пялиться, — Нэт почти всерьез прикрыл фотографию рукой. — Ты ведь женатый человек.

— Женатый, — согласился Арт. — Так как насчет «Доджа»?

— Там аккумуляторный провод надо заменить.

Арт, засунув руки в задние карманы джинсов, вышел вслед за братом из конторы на стоянку

автомобилей.

— Всего на пару дней, на выходные, скорее всего. Хочу ее на пляж вывезти.

— Как там Рейчел?

— Нормально.

— А чего ей на пляже делать?

— Ребенок у нее будет. — Арт теребил антенну на одной из машин и старался не смотреть брату в глаза.

— Что–что? — громко спросил Нэт? — Когда?

— В январе, наверное.

— И на какие шиши вы собираетесь поднимать ребенка?

— Да нормально все будет, — Арт потер асфальт носком ботинка.

— Тебе восемнадцать лет. — Нэт заговорил на высоких нотах. Когда он сердился, голос у него становился громким и злым — Арт помнил это с детских лет. — Да ты птенец желторотый, жизни ни на вот столько не видел. Думаешь, протянете на пятьдесят баксов в месяц? Или — Господи ты боже мой — надеешься, что она сможет и дальше работать?

Оба смолкли, у обоих перехватило дыхание. Вокруг них, казалось, сгустилась непроходимая мгла безнадежности. Нэт думал о своем магазине

подержанных авто, этом кладбище машин. Прибыли у него не было никакой, вот–вот придется бросить это дело. А тут еще братишка с женой и малым ребенком! От горькой обиды и возмущения он совсем обессилел. Рейчел ему никогда не нравилась, он не хотел, чтобы Арт женился на ней. Вот и подтвердилось, что хотела дитем его к себе привязать.

— Так тебе и надо, — сказал он.

— Да ты что, это же, наоборот, здорово, — воскликнул Арт.

— Здорово? — недоверчиво отозвался Нэт. — Лучше в Заливе его утопите.

— Да, здорово, — повторил Арт.

Он не понимал брата, ему были отвратительны его злоба и жестокость.

— Да ты ненормальный, — сказал Арт. — Разве можно так говорить? Свихнулся тут на своих старых тачках.

— Нет, это не я ненормальный, — свирепо ответил Нэт. — А как насчет твоего дружбана Гриммельмана с его бомбами и картами? Ненормальный — тот, кто собирается взорвать мэрию и полицию.

— Да не собираются они ничего взрывать. К этому приведет естественный ход событий.

— Повзрослеть пора бы уже, — раздраженно и удрученно сказал Нэт.

Все, он умывает руки. Ну его к черту с его Рейчел. У него и без них забот хватает.

— Не жди, что о тебе кто–то будет заботиться. Тут уж пан или пропал. Хочешь выплыть — придется барахтаться, — Нэт взъярился пуще прежнего. — Ты знаешь, как наша страна создавалась? Бездельниками, что ли, которые весь день баклуши били?

— Слушай, я что, преступление какое совершил? — пробормотал Арт.

— Всего пару лет назад я пахал на этого фокусника Люка. Теперь у меня свой магазин. В нашей стране этого можно добиться — ты можешь быть сам себе хозяином и ничего ни у кого не выпрашивать. Будешь работать как следует, тогда и свой бизнес будет, понял?

— Не нужен мне никакой бизнес, — сказал Арт.

— А чего же тебе нужно?

Арт долго молчал, потом сказал:

— Мне нужно, чтобы меня в армию не забрали.

Нэт уставился на него, оцепенев от ярости.

— Послушай, ты, слабак, да если бы мы в свое время не разобрались с япошками на другом

конце земли, ишачил бы ты сейчас на узкоглазых да зубрил в школе язык японский, а не болтался тут где попало.

— Ладно, — примирительным тоном сказал Арт. Ему стало стыдно. — Не надо так волноваться. Извини.

— В армии послужить тебе бы как раз очень даже на пользу пошло, — наставлял его Нэт. — Сразу после школы надо было идти, всех после выпуска тут же служить отправлять надо.

А не жениться им разрешать, добавил он про себя.

Он повернулся к «Доджу», чтобы снять неисправный провод.

В своей квартирке в подвальном этаже деревянного дома в Филлморе усталая Рейчел под звуки радио чистила над раковиной на кухне картошку. С восьми утра до полудня она работала в офисе авиакомпании. Фирма была одно название — всего четыре самолета, но в ней работали славные ребята — бывшие военные, они подшучивали над Рейчел, угощали ее кофе, а теперь, когда она забеременела, больше к ней не приставали.

Она протянула руку, чтобы взять сигарету из пепельницы на столе. По радио передавали Стэна

Гетца[60]. Эту программу, «Клуб 17», она слушала каждый день. Только сегодня почему–то не было Джима Брискина. Новый ведущий не понравился ей, он нес какую–то околесицу.

Из–за окна с Филлмор–стрит доносились крики и ругань проходившей мимо мужской компании. Просигналил автомобиль. Позвякивал светофор. Внутри у нее было пусто. Куда ушел из ее дома этот непринужденный голос? Он всегда успокаивал, ему ничего не было нужно от нее. Она выросла в семье, где вечно бранились и ссорились. Каждый чего–то требовал, она постоянно ждала, что кто–нибудь больно ударит ее. Джим Брискин ничего не просил у нее. Что же будет дальше? Что заменит ей голос Джима?

Открылась входная дверь, и Рейчел сказала:

— Обед готов.

— Привет, — Арт закрыл дверь за собой и Фердом Хайнке и втянул в себя теплый запах еды.

Выкладывая на стол серебряные ложки и вилки, Рейчел спросила:

— Ну что, сказал ему?

— Сказал, — ответил Арт.

---

[60] Примечания: 60

Стэн Гетц (1927–1991) — джазовый музыкант. Играл на саксофоне в оркестре Бенни Гудмена. С 1951 г. играл в собственных небольших оркестрах. Один из создателей стиля боссанова.

Она подошла и поцеловала мужа, обхватив его за шею тонкими холодными руками, еще слегка влажными после мытья посуды. Потом вернулась к столу и принялась неторопливо и заботливо расставлять тарелки и чашки. Сервиз был одним из немногочисленных свадебных подарков, они получили его от двоюродной бабушки Арта.

Ферд смущенно поздравил ее с будущим малышом.

— Спасибо, — сказала она.

Заметив, что она в подавленном настроении, Арт спросил:

— Что–то случилось?

— Да я тут слушала «Клуб 17». Джим Брискин больше его не ведет. Вместо него был новый человек.

— Об этом в газете писали, — сказал Арт. — Его месяц не будет — потому что рекламу читать не захотел. Отстранили на время.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Покажи.

— Газета у Гриммельмана.

Помолчав, Рейчел обратилась к Ферду Хайнке:

— Садись с нами обедать.

— Мне домой нужно, — попятился он к двери. — Мать меня к половине седьмого ждет.

Арт достал из холодильника квартовую бутылку пива и налил себе стакан.

— Оставайся, — сказал он. — По макету журнала пройдемся.

— Правда, не уходи, — поддержала его Рейчел.

Эти четыре месяца после женитьбы они мало с кем общались.

Глава 6

После полудня зазвонил телефон. Джим Брискин поднял трубку и услышал тихий высокий женский голос:

— Мистер Брискин?

— Да.

Джим не узнал, кто это.

Он присел на подлокотник дивана, стараясь не раздавить кипу принесенных с радиостанции пластинок, которые должен был когда–нибудь наконец вернуть.

— С кем я говорю?

— Вы не узнали?

— Нет, — сказал он.

— Может быть, вы меня не помните. Мы виделись на днях у радиостанции. Я жена Арта Эмманьюэла.

— А, конечно, помню. — Джим рад был снова услышать ее голос. — Просто по телефону не узнал.

— У вас есть секундочка?

— Вот уж этого теперь у меня хватает, — сказал он. — Как у тебя дела, Рейчел?

— Да в общем ничего. Ужасно, конечно, что вы

больше не ведете «Клуб 17». Арт прочитал об этом в газете. Он мне пересказал, газету, правда, не принес. Вы вернетесь?

— Может быть, — сказал он. — Еще не решил. В конце месяца видно будет.

— Этот новый ведущий, как его там, он просто никакой.

— Чем ты занимаешься? — спросил он.

— Да так, ничем особенным. — Она помолчала. — Я тут подумала, мы оба подумали — приходите к нам как–нибудь поужинать.

— С удовольствием, — сказал он.

Ему было приятно.

— Приходите сегодня. — По телефону она говорила правильно, тщательно подбирая слова, приглашение прозвучало официально.

— Отлично, — ответил он. — Во сколько?

— Ну, давайте к семи. Ужин будет не ахти какой, ничего особенного не ждите.

— Уверен, ужин будет отличный.

— А вдруг нет? — все так же серьезно спросила она.

— Тогда мне просто приятно будет снова увидеться с вами обоими.

Он повторил адрес, который она назвала. Она попрощалась, и он повесил трубку.

Он повеселел. Побрился, принял душ и надел чистые свободные брюки. Было два часа дня. Нужно было чем–то заполнить пять часов, остававшиеся до ужина с Эмманьюэлами. С каждым часом хорошее настроение улетучивалось. Время, подумал он. Оно убьет его когда–нибудь.

Он сел в машину и поехал в сторону Пресидио[61]. На душе опять скребли кошки. Он задумался о Пэт, и это было ошибкой. Подобных мыслей ему нужно было избегать.

Полчаса он ехал куда глаза глядят, потом свернул к Филлмор–стрит.

В барах и магазинах кипела жизнь, и, глядя на них, Джим снова немного приободрился. Поставив машину на стоянку и заперев двери, он пошел по тротуару, разыскивая нужный адрес.

Их дом, огромный и обветшалый, стоял поодаль от тротуара, между рекламным щитом и магазином скобяных товаров. Джим с трудом открыл неповоротливую ржавую калитку в проволочном

[61] Примечания: 61

Пресидио — бывшая военная база в Сан–Франциско. Примыкает к мосту Золотые Ворота, входит в состав Национальной зоны отдыха — парк Золотые Ворота. Практически полностью открыта для экскурсантов, одна из наиболее посещаемых достопримечательностей города. На ее территории находятся несколько прудов, армейский гольф–клуб, станция Береговой охраны, военноисследовательский институт и госпиталь, Музей сухопутных войск, старинные жилые дома. Одна из старейших военных баз в США, создана испанцами.

заборе. Она со стоном закрылась за ним.

По бетонной дорожке он прошел к боковой стороне дома. Ступеньки спускались к деревянной двери отдельной квартиры в подвальном этаже. Он постучал. Никто не ответил. Он постучал снова, подождал, постучал еще. Их не было дома. Сам виноват. Нелепая была, конечно, затея — куда его понесло?

Почувствовав острое разочарование, он пошел обратно. Куда теперь?

На широких ступеньках парадного крыльца здания сидели, развалившись, три подростка. Они молча наблюдали, как он стучался в подвал к Эмманьюэлам. Он только сейчас заметил их. Все трое были в джинсах, тяжелых ботинках и черных кожаных куртках. Лица их были непроницаемы.

— Они куда–то ушли? — спросил он.

Один из мальчишек не сразу, но кивнул.

— Не знаете куда?

Ответа не последовало. На их лицах по–прежнему невозможно было ничего прочесть.

Когда придут, не знаете?

Молчание. Он пошел по бетонной дорожке к тротуару. Когда он уже закрывал за собой калитку, один из них подсказал:

— В «Старой перечнице» поищите.

— Где–где?

Выдержав паузу, другой добавил:

— В «Старой перечнице», в драйв–ине.

— По Филлмор, в ту сторону, — пояснил первый.

Третий, с похожим на клюв носом, так и сидел, насупившись и не вымолвив ни слова. Его правая щека у самых губ была изуродована серповидным шрамом.

— Через пару кварталов, — сказал первый.

— Спасибо, — поблагодарил Джим.

Они долго провожали его взглядом.

На стоянке у автокафе, в лоб к стеклянным дверям здания, стоял довоенный «Плимут». В нем сидело четверо или пятеро ребят — среди них была одна девочка. Джим медленно подошел к машине. Они ели гамбургеры, запивая их молочным коктейлем из белых картонных упаковок. Девочкой оказалась Рейчел.

Сначала ни она, ни Арт не узнали его.

— Привет, — поздоровался он.

— А, привет, — только и сказала она.

Все пятеро выглядели подавленными и лишь сосредоточенно поглощали еду.

— Так вот где вы проводите время, — неуклюже

пробормотал он.

Все кивнули, как бы разделив кивок на пятерых.

— Она н–н–неважно себя чувствует, — сказал Арт.

— Серьезное что–то?

— Д–д–да нет.

— Хандрит, — пояснил его приятель.

— Угу, — подтвердил Арт. — Весь д–д–день хандрит. На р–р–работу вот не пошла.

— Да, плохи дела, — выдавил Джим, не зная, как показать свое участие.

Хандрили, похоже, все пятеро. Они жевали, передавали друг другу коктейли. Арт, наклонившись, стряхнул с брюк кусочки жареной картошки. К дальней стороне кафе подъехала еще одна машина, почти такая же, как у них. Из нее высыпали подростки и пошли внутрь заказывать еду.

— Чем ее развеселить? — спросил Джим.

Они посовещались. Один из мальчиков сказал:

— Может, вам ее к этой женщине отвезти?

— К учительнице ее ш–ш–школьной, — пояснил Арт.

— Давайте, — с готовностью согласился Джим.

Через некоторое время дверь «Плимута» откры-

лась. Рейчел вышла, выбросила пустую упаковку в мусорный бак и вернулась. Шла она медленно, щеки у нее впали и потемнели.

— Поехали, — сказала она мужу.

— Хорошо, — ответил Арт. — Только я к ней заходить не буду. Н–н–не хочу я ее видеть.

— Где ваша машина? — спросила она у Джима.

— Там, на улице. Сейчас подгоню.

— Не надо, — покачала она головой. — Я прогулялась бы. Пешком пройтись хочется.

Они пошли втроем по Филлмор–стрит, мимо магазинов и баров.

— Что она преподает? — спросил Джим.

— Это моя учительница по домоводству, — ответила Рейчел. — Мы с ней иногда встречаемся — поговорить.

Она пнула ногой бутылочную пробку, и та прокатилась по асфальту в канаву.

— Вы извините, что я такая, — сказала она, опустив голову.

— Ты н–н–не виновата, — ласково коснулся ее Арт и стал объяснять Джиму: — Это я виноват. Ей не нравится, что я с этими п–п–парнями вожусь — боится она. Но я с ними завязал, ч–ч–честно.

— Да я не против — дружи себе. Просто они ведь могут…

Рейчел замолкла.

— Она думает, что они затеяли какую–то п–п–пакость. Послушай, — обратился Арт к жене и резко притянул ее к себе. — Все, я больше в этом не участвую, понимаешь? Это был последний раз.

Они подошли к машине Джима. Он отпер дверь и открыл ее перед ними.

— Дорогая, наверное, — предположила Рейчел.

— Чересчур дорогая, — ответил он.

Они полезли было на заднее сиденье, но он сказал:

— Мы все поместимся впереди.

Закрыв двери, он дал задний ход и влился в поток автомобилей. Рейчел и Арт, склонившись друг к другу, едва слышно что–то обсуждали между собой.

— Знаете, она передумала туда ехать, — сообщил Арт и спросил у жены: — А к–к–куда тогда хочешь?

— Помнишь, куда мы все время плавать ходили?

— Т–т–тебе нельзя плавать.

— Знаю, — сказала она, — но помнишь, мы ходили в бассейн, там, где зоопарк Флейшха-

кера[62]? Можно просто пойти, посидеть. Там, наверное, хорошо.

Повернув налево, он поехал в направлении зоопарка Флейшхакера.

— С–с–спасибо вам большое, — сказал Арт.

— Мне самому приятно, — ответил Джим, и это было правдой.

— Вы там бывали? — спросила Рейчел.

— Гулял раньше — по Парку, по возможности старался выбираться.

— Парк — это дальше, — сказала она. — Там тоже хорошо.

Ее, похоже, отпустило. Она выпрямилась и смотрела в окно на дома и машины. Асфальт отражал яркий июльский солнечный свет.

— Как малыш, хорошо? — спросил Джим.

— Хорошо, — сказала Рейчел.

— Армия, как я понимаю, теперь вам не грозит?

— Что вы, Арта могут забрать, — ответила она. — Ему даже успели извещение прислать — и он пошел. Сказали, что годен. Только у него

---

[62] Примечания: 62

Зоопарк Флейшхакера — зоопарк Сан–Франциско, расположенный в юго–западной части города вблизи от Тихого океана и рядом с одним из когда–то самых больших бассейнов США. Непосредственно к зоопарку примыкают океанский пляж и парк Золотые Ворота. Коллекция зоопарка насчитывает 250 видов животных.

почки плохие — есть надо поменьше, особенно сладкого. А он не сказал им — забыл. Его чуть было уже не призвали, даже уведомление пришло, когда явиться нужно. Тогда я им позвонила. Пришлось мне идти, разговаривать с ними. Тогда его отпустили. Так что могли забрать — но теперь, наверное, уже вряд ли.

— Ты ведь не хочешь в армию, — сказал Джим, хотя это и так было понятно.

— Если придется, я п–п–пойду, конечно, — ответил Арт. — Только ведь войны нет никакой.

— Рано или поздно они до каждого доберутся, — сказала Рейчел. — Им просто нужно, наверное, зацепить человека, чтобы он у них всегда на крючке был. На всякий случай. У них там на каждого дело заведено.

— Кроме женщин, — уточнил Арт.

Солнце согревало своими лучами деревья, дорожки, посыпанные гравием, воду в бассейне. На берегу загорали подростки в плавках и купальных костюмах. Кое–где стояли пляжные зонтики.

Рейчел села на низенькие ступеньки, спускавшиеся к воде. Джим почувствовал себя в их компании каким–то долговязым стариком. Но, судя по всему, дела у них обстояли примерно

так же, как и у него. И ему, и им было одинаково несладко.

— Давайте пройдемся, — предложила Рейчел. — Здесь так скучно.

Они пошли втроем от бассейна к зоопарку. Рейчел отстала. Обернувшись, Джим и Арт увидели, что она в задумчивости стоит у проволочной клетки.

— Что там? — спросил Джим, вернувшись к ней.

— Я заставила пуму зарычать.

Животное возлежало на ветке искусственного дерева за решеткой. У него была массивная морда — скорее собачья, чем кошачья, с ощетинившимися короткими жесткими усами. Пума не удостоила людей даже взглядом.

— Побриться бы ей не мешало, — пошутил Джим.

— Вы на нее рыкните — она в ответ зарычит, — сказала Рейчел.

Они поплелись дальше.

Вдруг Рейчел спросила:

— Что же делать?

Джим растерялся.

— Да мало ли чем можно заняться.

— Нет, — покачала она головой. — Нечем. То

есть не только сейчас, а вообще.

— Скоро у вас появится много дел. Когда малыш родится.

Но он и сам понимал, что это не ответ. Нужно было найти что–то получше.

— Главное в жизни человека — это работа, — сказал он. — И это нормально. Это то, на чем ты концентрируешься. Совершенствуешься, чем бы ты ни занимался. Узнаешь все больше. Нарабатываешь мастерство. В работе можно идти все дальше и дальше — и тогда это будет уже не просто работа, а что–то большее.

— По–моему, вы правильно поступили, — сказала Рейчел. — Что рекламу эту не прочитали.

— Да нет. Я просто устал. Нелады с Пэт доконали меня.

— Мы как раз в тот день с вами встретились, — припомнила Рейчел. — Это как–то с нами связано?

— Связано, — сказал он.

— Вы из–за нас расстроились?

— Да, странно как–то себя почувствовал.

— Значит, работа для вас не самое важное в жизни — вы готовы потерять ее ради чего–то другого.

— А почему ты меня тогда булочкой угости-

ла? — спросил он.

— Потому что вы мне понравились. И мне захотелось вам как–то это показать. Ваша передача для нас много значила. Мы ее постоянно слушали. Вам можно верить. Если вы что–то говорили, это была правда. Вы поэтому не стали рекламу читать? В ней не все было правдой? Они ведь так иногда свой товар расхваливают — как будто он из одних достоинств состоит. А вы, наверное, посчитали, что если прочтете это, то все решат, что вы и сами так думаете, но вы–то знали, что так не думаете, знали, что это вранье, да? Когда я услышала, что вы отказались, то так и решила: поэтому вы так и поступили. Я знала: вы не будете читать того, во что сами не верите. Вы ведь нам всегда только правду говорили. А если бы врали, мы бы и слушать не стали вас.

— Ну, от парня за микрофоном не стоит так много ждать, — сказал Джим. — Я же только диджей, сижу себе музыку популярную кручу, чтобы время как–то убить.

— Хорошо, кого же нам тогда слушать? — возразила она. — Нас в школе всякой ерундой пичкали, в журналах мы то же самое читаем, в церкви все то же твердят. Какая–нибудь кучка старых теток из родительского комитета вечно учит нас жить.

Но я уже давно все поняла. Им так выгодно, им так просто удобней. Может быть, удобнее всего будет, чтобы мы исчезли с лица земли? Ничего бы больше не просили, не хотели — перестали бы им мешать. Они всегда сумеют объяснить, почему они правы. Но постоянно долдонят про водородные бомбы, которые нужно будет сбросить на врагов. Надеюсь, если война начнется, им тоже от бомб достанется.

— В смысле нам, — сказал он.

— Нет, им. Что значит нам? Зачем нас бомбить–то?

— У нас тоже можно отнять жизнь.

— Мне все равно. Какая разница? Нас все равно впереди ничего не ждет.

Она медленно брела мимо клеток со зверями.

— Я тут в одной книге про женщин–переселенок читала. Сбивали себе масло, сами одежду шили.

— Ты бы тоже так хотела?

Она медленно и тяжело произнесла:

— Да кто этим теперь занимается?

И не поспоришь.

— Знаете, у меня есть знакомая девушка, еврейка, — сказала Рейчел. — Уехала в Израиль. Работала там на ферме. Жила в пустыне, на рабо-

ту с ружьем ходила. Ели там все вместе, владели всем совместно, денег за работу не получали — они жили в этом, как его… Не помню, как называется. Еврейское слово. Что–то вроде коммуны. А до того она жила, как мы, юбку просиживала, транжирила время на всякую чепуху. Мы вместе ходили по субботам в кино — я, она и еще компания подруг, сидели, пялились на экран, фильм обычно был про любовь, понимаете, в конце славный парень и славная девушка оказываются вместе, он ее целует, и все замечательно. И у них там дом за городом, куча мебели и окно такое большущее в доме.

— Панорамное, — сказал он.

— И две новые машины. А мебель такая светлая, современная.

— Ну что ж, — сказал он. — Бывают такие дома.

Арт, который шел впереди, показал в сторону улицы за зоопарком и сказал:

— Эй, п–п–посмотрите туда.

Там несся красно–белый автомобиль с откидным верхом, в нем сидели четыре хорошо одетых молодых человека. Новенькая машина сверкала, на парнях были свитера, волосы их были тщательно причесаны. Взвизгнув шинами на

повороте, автомобиль скрылся за углом.

— «Бактрийцы», — сказал Арт.

— Ну и что? — буркнула Рейчел.

— Да так, заметил, что это они.

— Дело в том, — обратилась она к Джиму, — что я была помолвлена с Биллом Брэттоном. Когда в школе училась. Мы с ним пару месяцев встречались.

— Он у «Бактрийцев» президент, — пояснил Арт. — У их родителей б–б–бабок много. У него отец адвокат. М–м–машины у них — самое новьё. Они на т–т–танцы эти ездят.

— Билл водил меня потанцевать в свои навороченные ночные клубы, Мы ездили иногда в округ Марин, по шоссе. Обедали там, танцевали, даже носила значок его клуба.

— Как ты с ним познакомилась? — поинтересовался Джим.

— На школьных танцах. Они все приходили в спортзал компанией, в начищенных туфлях, причесанные — неплохо смотрелись.

— Танцевать они умеют, — вставил Арт. — Они этому учились.

— Биллу румбу нравилось плясать, — рассказывала Рейчел, — и мамбо, а теперь, наверное, ча–ча–ча у них здорово получается. Я танцевать

любила, поэтому с ним и ходила. Арт у нас танцор неважный. Один раз я даже на обеде у Брэттонов побывала, на Ноб–Хилле. У них такой особняк, за лужайками садовник следит, библиотека, куча комнат, и стол такой здоровенный — человек двадцать, думаю, сидело. А потом у Билла были большие неприятности в Сан–Рафаэле[63].

— Да, — подтвердил Арт, — ошибка тогда вышла — в тамошней полиции н–н–не знали, кто такой Брэттон, ну и однажды ночью упекли в тюрьму целую шайку «Б–б–бактрийцев».

— Они в Сан–Рафаэле тогда по улицам катались, — начала рассказывать Рейчел. — Колеса на машинах резали, несколько машин с горки столкнули, прохожих избивали — дело было поздно ночью, а сами на угнанной машине ехали. Ну, и полиция их на первом шоссе схватила, недалеко от Олемы. У них с собой пиво оказалось. Обычно–то их родичи отмазывали, а тут не сумели. Некоторым штраф пришлось заплатить немаленький, а одного парня — ему, кажется, больше двадцати одного было — в тюрьму на год засадили. Билл условный срок получил. Я с

[63] Примечания: 63

Сан–Рафаэль — город на западе штата Калифорния, северный, преимуще ственно жилой, пригород Сан–Франциско. Расположен на побережье бухты Сан–Пабло.

ним тогда уже не встречалась. Рассталась с ним из–за обряда посвящения. Они тогда в Кармеле собрались. Я с Биллом тоже поехала. Ночевала с девчонками, днем мы гуляли, весело было. А потом они стали заставлять парней, которых посвящали, такое проделать… Мерзости всякие. В общем, я ушла, и больше с тех пор с ним не знаюсь. Ужас, что они творили — как будто они не люди, не могу даже говорить об этом. В конце концов одного парня убили, и как–то оно все притихло.

— Представляю, — сказал Арт, — как их родичам п–п–поднапрячься пришлось, чтоб отмазать их.

— И много таких клубов? — спросил Джим. — У ребят из высшего общества?

— Тот, кто из хорошей семьи, почти обязательно в каком–нибудь клубе. У них свои значки, танцы, обряд посвящения. И клубам этим все трын–трава, потому что папаши их тоже в них входили. А танцы у себя в больших домах устраивают, на Ноб–Хилле. За родителями они как за стеной. Денег у них куча. Один только значок бактрийский долларов пятьдесят стоит.

Впереди показались медвежьи клетки. Нашлось место, где можно было попить кофе и

посидеть. Ходьба, похоже, утомила Рейчел, она как–то сгорбилась. Напротив их скамейки собрались посмотреть на медведей дети. Один медведь, усевшись, ухватил задние лапы передними и смешно раскачивался из стороны в сторону. Рейчел, видимо, стало нехорошо от этого зрелища.

— Что с т–т–тобой? — спросил Арт, наклонившись к ней.

— Ничего. Просто неприятно.

Арт предложил:

— М–м–может, поедемте домой? Она потихоньку обедом з–з–займется.

По пути домой, на Филлмор–сврит, Рейчел спросила:

— А кто такая Пэт?

— Моя бывшая жена, — ответил Джим. — На «КОИФ» работает.

— Та женщина с ч–ч–черными волосами? — спросил Арт. — Кажется видел ее — классная. Потрясно выглядит.

— Странно, наверное, постоянно видеть человека, после того как па сталисъ, — предположила Рейчел.

— Временами тяжко, — сказал он.

— Ей нравится на радиостанции?

— Она любит свою работу.

— По–моему, если мужчина любит женщину, он никогда не должен бросать ее или начинать отношения с другой, — заметила Рейчел.

— Иногда прекратить отношения хочет женщина, — сказал Джим.

Рейчел кивнула.

— Тебе это не приходило в голову? — спросил он у нее.

— Нет, — сказала она.

— Я очень любил Пэт. Да и сейчас не могу сказать, что остыл. Но ей нужно было то, чего я не мог ей дать.

— И как вы себя чувствуете, когда видите ее? — спросила Рейчел. — Вам и сейчас хочется помогать ей, ухаживать за ней, заботиться?

— Хочется. Но я понимаю, что это невозможно. Совсем скоро она выйдет замуж за Боба Посина, это наш коммерческий директор.

Он свернул налево, на Филлмор–стрит, и вскоре припарковался в квартале от их дома.

— Не судите меня слишком строго, — сказала Рейчел, когда он открывал дверь ей и Арту, — может быть, после Пэт моя готовка вам не понравится.

Это позабавило его.

— Хорошо, миссис Женушка.

Квартира находилась ниже уровня земли, в гостиной было прохладно и сыро. Вдоль стен шли трубы. Его удивило, как мало у них мебели. Самым большим ее предметом был массивный круглый дубовый стол, еще тут имелись два стула, диван и тумбочка, на которой стоял телевизор — допотопный двенадцатидюймовый «Эмерсон» с антенной–усами. В углу был сложен макет какого–то издания. Он прочел напечатанное огромным готическим шрифтом название — «Фантасмагория». Рейчел сразу ушла на кухню и принялась готовить ужин. Усевшись на диван, Арт прикурил и нервно задымил. Глава семьи прочувствовал серьезность своего положения, подумал Джим.

— Неплохо, — сказал Джим, имея в виду квартиру.

— Мы т–т–тут живем с тех пор, как поженились.

Арт затягивался все чаще, клубы сигаретного дыма почти скрыли его. Он со вздохом подтянул ноги и поерзал на диване.

Из кухни вышла за тарелками Рейчел. Она тоже суетилась, и Джим подумал, что его визит стал событием для них обоих. Нечасто ей, наверное, приходилось готовить для гостей, выступать в

роли хозяйки.

— Кофе хотите? — спросила она.

— Варить не стоит, — ответил он.

— Уже сварен, только разогреть.

— Ну, хорошо, — согласился он, — спасибо.

Когда она снова скрылась на кухне, он спросил Арта:

— Сколько вы платите за квартиру?

— Пятьдесят пять долларов в месяц, — ответил Арт.

Джим спросил, сколько они вдвоем зарабатывают.

— Вместе с тем, что я п–п–получаю, выходит примерно сто пятьдесят в месяц.

И больше трети отдают за жилье, подумал Джим.

— Да, наживаются на вас хозяева.

— Ну да, — обреченно согласился Арт. — Но по нынешним ценам не так уж и плохо. Мы в других местах смотрели — так там и ш–ш–шестьдесят, и семьдесят просили. А квартиры хуже этой.

— А как будете справляться, когда малыш родится? Вы как–то думали о будущем?

Арт подвигал ногами.

— Справимся.

— На что пропитание–то покупать будете? Ей

нельзя будет работать. Рейчел закрыла кран на кухне и снова появилась в дверном проеме.

Взгляд ее широко открытых темных глаз был устремлен на него.

— Вот и брат его то же самое говорит.

Ему стало не по себе.

— И что же вы будете делать? Ты зарабатываешь две трети семейного дохода — когда ты уйдешь с работы, вы этого лишитесь.

— А у вас есть деньги? — спросила Рейчел.

— Есть какие–то.

— Ну, так вы нам дайте. — Она улыбнулась. — Аж побледнели. Напугала я вас.

— Напугала, — согласился он. — Но не деньгами.

— Знаю. Вы бы нам дали, правда?

— Дал бы, — сказал он. — Только вы бы не взяли.

Она вернулась на кухню.

— Мы ведь вас почти не знаем.

— Знаете, — сказал он.

— Но не очень хорошо. Недостаточно.

Тут Арт сказал:

— У нас п–п–полно денег. Мы больше с–с–ста баксов скопили.

— Давайте я вам еще столько же подкину, —

вдруг сказал он.

— Ха, нет, не надо. Вы что! — нервно хохотнул Арт.

— Давайте, — настаивал он, и от души.

— Да ну, нет, что вы, — сказал Арт.

Но Джиму это было нужно.

— Что я могу сделать? — спросил он.

Вошла с кофейником Рейчел.

— Вы о чем?

— Мне хотелось бы помочь чем–нибудь.

Оба молчали. И он, и она дичились. Как кошки, подумалось ему. Как пума в зоопарке. Он слишком близко к ним подошел.

— Вам ведь никак не выкрутиться, — сказал он. — Живете в трущобе без денег — взрослые так не живут. Живете как бог знает кто.

— Потому что у нас нет денег? — спросила Рейчел.

— Меня пугает, что с вами что–нибудь случится. И я ничего не могу сделать, ничем не могу вам помочь.

Я бессилен, подумал он. Бессилен как–то повлиять на их жизнь, что–то в ней изменить. Передачи его больше нет, он утратил контакт с ними. Теперь он не может работать, не может делать ничего значимого. Он чувствовал себя

бесполезным, никому не нужным.

— Может быть, я купил бы вам что–нибудь? — предложил он.

— Пейте лучше кофе.

Она поставила перед ним чашку.

— Как ты думаешь, каково сейчас мне?

Он упорно ждал от нее ответа, не обращая внимания на кофе.

Стоя перед ним с кофейником, она сказала:

— Купите что–нибудь для ребенка. Одежду какую–нибудь. Когда будет ясно, я напишу размер и цвет.

Она вернулась к кухонному столу и открытым кулинарным книгам, по которым готовила ужин.

Глава 7

В субботу вечером в запертую металлическую дверь чердака, где жил Людвиг Гриммельман, постучали.

— Кто там? — спросил Гриммельман, не узнав стука.

Он снял со стенной стойки армейскую винтовку М–1, сгреб со стола секретные документы и черновики донесений, запихал их в портфель, защелкнул замок и спрятал в тайник. Потом выключил свет. В темноте ему стало слышно собственное дыхание.

— Что вам нужно?

— Мистер Гриммельман? — спросил мужской голос.

Гриммельман подошел к боковому окну, открыл защелку, поднял окно и выглянул. На наружной лестнице стоял дородный человек в пальто, шляпе и выглаженном костюме. Средних лет, похож на торгового агента, вернее, страхового.

Включив свет, Гриммельман отпер дверь.

— Я занят, покупать ничего не собираюсь.

— Меня зовут Ральф Браун, — представился

гость. — Я из ФБР. — Он распахнул черную кожаную обложку удостоверения. — Хотелось бы на минутку зайти и кое–что обсудить с вами. Если можно.

— А в чем дело?

Гриммельман попятился, и мистер Браун вошел.

— Дело касается одного парня, может быть, он вам знаком, — Браун окинул взглядом комнату. — Ну и квартирка у вас.

Он неторопливо прошелся.

— Что за парень?

— Его фамилия Кендельман. Не слыхали про такого? Леон Кендельман. Мы подумали, может, вы его знаете. Вот его фотография.

Мистер Браун извлек из глубокого кармана пальто пакет, открыл его, протянул Гриммельману расплывшийся и нечеткий снимок.

Человек на фото тем не менее был ему знаком.

— Что он сделал? — спросил Гриммельман.

— Уклоняется от призыва.

Гриммельман вернул фотографию.

— Нет, не знаю такого. И вообще, в вашу организацию проникли коммунисты, что толку вам что–то рассказывать — информация напрямую идет к приспешникам Советов из профсоюзных

школ и окружения газеты «Пиплс уорлд».

— Вы никогда не видели этого человека?

— Нет.

— Уверены?

— Да, я никогда его не встречал.

Ему было очень страшно, потому что на снимке, сделанном телеобъективом с большого расстояния, был запечатлен не кто иной, как он сам.

— Можно посмотреть ваше призывное удостоверение? — попросил мистер Браун.

Удостоверение лежало в запертом ящике под столом, вместе с другими документами. Изготовил его Ларсен, типограф, у которого работал Арт. Ларсен одно время входил в число организаторов раскольнической троцкистской организации, в которой когда–то участвовал и Гриммельман.

Изучая удостоверение, мистер Браун спросил:

— Вам двадцать шесть лет?

— Да. Я родился в Варшаве, гражданство получил в тридцать втором году.

— Вы признаны негодным к службе, — сказал мистер Браун, возвращая удостоверение. — Как вам это удалось? На вид так вполне здоровы.

— Грыжа, — сказал Гриммельман.

— Так вы точно не знаете этого Кендельмана?

На самом деле никакого Кендельмана не су-

ществовало. Он зарегистрировался под этим именем и время от времени пользовался им в тайной политической работе, в секретных операциях, например при выслеживании фашистских студенческих группировок, сталинистских организаций и для того, чтобы брать в библиотеках книги, которые он не собирался возвращать.

— Точно, — подтвердил он.

Когда же, наконец, этот фэбээровец мистер Браун уйдет? Ему хотелось этого сейчас больше всего на свете, он не мог этого дождаться. Он упадет замертво, если мистер Браун не оставит его в покое как можно скорее. Ощущение опасности стало невыносимым.

— Ну и квартирка у вас, однако, — сказал мистер Браун, взяв в руки несколько фотокопий газеты «Правда». — Политикой интересуетесь, мистер Гриммельман?

Казалось, он и не собирается уходить. Напротив, чем внимательнее мистер Браун оглядывался вокруг, тем интереснее ему становилось.

— Он считает, что пора выводить «Хорьх». Велел, чтоб мы его запустили, чтоб двигатель работал, — рассказывал Джо Мантила.

Он высунулся из окна своего «Плимута» модели тридцать девятого года к Арту, стоявшему

у обочины на Филлмор–стрит. За «Плимутом» сигналили, мигали фарами и пытались объехать его другие машины.

— Я за Хайнке поехал, а ты или сейчас садись, или мы тебя на обратном пути подберем.

— Давайте на обратном пути, — предложил Арт.

— Ладно, минут через пятнадцать, — Мантила подставил часы под свет от фар машин сзади. — Пять минут одиннадцатого.

Арт пошел обратно по дорожке и спустился по ступенькам в квартиру. За его спиной «Плимут», дав газу и отплевавшись, рванул с места и исчез из виду. Машины продолжили свое обычное вечернее движение по улице.

Закрыв входную дверь, он сказал Рейчел:

— Не получится у нас сегодня пойти. Мне нужно кое–что сделать.

— Гриммельман? — спросила она.

На ней уже было пальто, она стояла в ванной и расчесывала волосы. Они собирались сходить в кегельбан. Рейчел любила смотреть, как играют, любила этот шум, суету вокруг, компанию сверстников. Особенно субботним вечером.

— Кажется, сегодня нужно будет кое–чем заняться, — сказал Арт.

Он чувствовал себя неловко, зная, как она относится к Гриммельман) и Организации.

— Смотри сам, — сказала она. — Только он такой… странный. Ну, то есть сидит там у себя наверху целыми днями, никуда не выходит. Оно тебе нужно?

— Я в «Хорьх» столько вложил, — ответил он.

В его обязанности входило доставать детали для ремонта двигателя.

— Что–то не то с этим Гриммельманом, — сказала Рейчел, снимая пальто.

— Нэт то же самое говорит.

— Мне кажется, ты туда от нечего делать ходишь. Тебе просто заняться нечем.

— Может, ты и права, — пробормотал он, переступая с ноги на ногу.

— Когда вернешься?

— Поздно, наверно.

Ему не очень–то хотелось идти. Но долг звал. Он с запинкой спросил:

— Ты–то как, ничего, что остаешься?

— Я, может, в кино пойду.

— Мне бы спокойнее было, если б ты дома осталась.

— Ладно, — согласилась она, — останусь. Давай как–нибудь в покер снова сыграем.

Покер она любила и любви этой не изменяла. Играла она сдержанно, без слов и жестов, в покер без прикупа или с обменом — классический покер без джокеров. Обычно выигрывала пару долларов. Она распугала почти всех школьных друзей Арта, которым нравилась безалаберная, нерасчетливая игра с шуточками и прибауточками. Как–то раз она дала пощечину Ферду Хайнке, сбив с него очки, за то, что он в шутку открыл карту при раздаче.

— С тобой боятся в карты играть, — сказал он. — Ты чересчур всерьез к этому подходишь.

— Что значит «чересчур всерьез»?

— Когда это уже не игра.

— А покер — это и не игра, — сказала она. — Как ты думаешь, что это такое? Это тебе не червы какие–нибудь. В этом твоя беда — ты не можешь отличить важное от второстепенного. Вот ты идешь ерундой какой–то заниматься, а сам не знаешь, играешь ты или нет — в революцию, фашистов или что там еще у вас с этой машиной связано. Но ты при этом думаешь, что ты на самом деле революционер, что это не игра. Так кто же ты? Ни то ни се. А наша ситуация: я, квартира эта, ты сам? Это ведь тоже не игра. Вот ты собрался туда, дурака с ними валять, и вряд ли вернешься,

во всяком случае, задержишься точно, значит, получишь у меня.

Она посмотрела на него своим пристальным, пронзительным взглядом, который так пугал людей: никто не мог его выдержать. Вот возьмет и разнесет эту квартиру со всей ее обстановкой, уничтожит ее. И при этом слова не вымолвит — сделает свое дело, и все. Потом несколько недель не будет разговаривать с ним: будет ходить на работу, готовить, покупать все, что нужно, убираться — и все это молча.

В ней всех повергало в трепет то, что она никогда не шутила. Все говорилось ею всерьез. Она не угрожала. Она пророчествовала.

Он обнял ее и поцеловал. Лицо Рейчел застыло, тонкие губы совсем сжались. Он поцеловал ее в щеку и почувствовал жесткую косточку сразу под кожей.

— Какая ты строгая, — сказал Арт.

— Просто хочу, чтоб ты знал, — наконец улыбнулась она.

— А что мне остается? Я должен идти.

— Ты не должен.

— Меня ждут, — беспомощно сказал он.

— Ты ничего не должен. Никто не имеет права заставлять тебя. Все, что они говорят, — это

просто куча слов. Гриммельман ничем не лучше других. Он как бы знак. Ты всегда делаешь то, что предписывают знаки? Прочел что–нибудь, и сразу так и поступил? Ты веришь в то, что написано на стене или на бумажке, которую тебе прислали по почте? Ты же знаешь, это всего лишь слова. Просто болтовня.

— Иногда я слушаюсь других, — сказал он.

— Никогда не слушайся других.

— Вообще никого?

Она была так сурова, что ему стало не по себе.

— Помнишь всю ту муть, которой учили нас в школе, все это фуфло? Хоть бы что–нибудь было во всем этом!

Выверенным движением она подцепила нитку, свисавшую с его рубашки, накрутила на длинный палец, оторвала и бросила в пепельницу на каминной полке.

Он положил руки ей на плечи. Сквозь ткань ее блузки он почувствовал, что она здесь, с ним, совсем рядом.

— Хорошо бы куда–нибудь нам с тобой поехать, — сказала она. — В другие края. Мир увидеть хочется. Можно было бы доехать до Скалистых гор. Повыше забраться. А может быть, и поселиться там. Там ведь есть города прямо

в горах.

— Там работу трудно найти, — заметил он.

— Магазинчик можно было бы открыть, — сказала Рейчел. — Пекарню, например. Людям всегда что–то нужно.

— Я не пекарь.

— Ну, газету могли бы выпускать.

Он снова поцеловал ее, приподнял и прижал к себе. Потом посадил на подлокотник дивана.

— Попроси Нэта, — сказала она, — пусть даст нам машину — у него их много, и мы бы съездили. Скажи ему, что нам нужна новая, чтобы мы могли продать ее, когда туда приедем.

— Ты серьезно?

А она и не могла иначе.

— Но не сейчас, — сказала она. — Давай подождем, пока малыш родится. А потом можно поехать. Через пару лет, когда денег поднакопим. Ты как раз закончишь свое ученичество.

— Ты правда хочешь уехать отсюда? — удивился Арт — она ведь родилась и выросла здесь.

— Можно было бы даже в Канаду поехать. Я думала об этом. В какой–нибудь городок, где много снега и ловят зверьков капканами.

— Тебе там не понравится, — сказал он.

И тут же подумал: кто знает, может быть, как

раз понравится.

«Хорьх» стоял в гараже из листового металла в равнинном промышленном районе города. Гриммельман, в своей черной шерстяной шинели, ботинках десантника и армейской рубашке, отпер висячий замок и распахнул двери.

В гараже было сыро, на цементный пол пролилось масло. В стороне стоял верстак. Джо Мантила включил свет. Арт Эмманьюэл закрыл двери.

— Чужих тут не было. Никто до него не добрался, — сказал Ферд.

«Хорьх» был весь во вмятинах, полученных во время стычек, но все еще выглядел внушительно. Весил он почти шесть тысяч фунтов. Его привезли из Латинской Америки, а собран он был в 1937 году концерном «Ауто–Унион». Вермахт и СС использовали в свое время эту спортивную модель с откидным верхом на пять пассажиров как штабной автомобиль. Гриммельман никому не рассказывал, где и как он его достал и сколько заплатил. Покрашенный в смоляной цвет, с системой дистанционного управления, «Хорьх» был единственной в своем роде машиной.

Арт сел за руль и запустил двигатель. Грохот, раздавшийся в запертом помещении, оглушил их, заклубились выхлопные газы, тошнотворно

запахло бензином.

— Барахлит немного, — сказал Ферд Хайнке.

Подняв капот, Арт принялся торопливо регулировать горючую смесь.

— С чего это ты решил сегодня выкатиться? — спросил он у Гриммельмана.

Никогда еще не видел он Гриммельмана таким встревоженным и взбудораженным.

— Время настало, пора, — провозгласил Гриммельман, выписывая круги по гаражу с заложенными за спину руками.

— Так вот почему ты сам не свой!

— Если мы на самом деле собираемся сегодня выступить, надо позвать кого–то еще — четверых недостаточно. Всю Организацию надо задействовать, — предложил Ферд Хайнке.

Организация не имела жесткого членства — был твердый костяк, другие приходили и уходили.

— Это у нас будет как бы разминка, — объяснил Гриммельман, прикрепляя релейную плату пульта дистанционного управления. Отверткой он подтягивал наконечники к клеммам. По щекам его лился пот, освещенное лицо блестело. — Генеральная репетиция — посмотрим: как, сможем двинуться по первому требованию или нет.

— Куда двинуться? — спросил Джо.

— Ситуация сложилась критическая, — ответил Гриммельман. — Нужно заправить «Хорьх», чтобы хватило на длинный рейс. Возможно, нам придется сменить место проведения операций.

Подсоединив пульт управления — важнейший орган автомобиля, он добавил:

— С этой секунды оружие должно быть всегда на борту «Хорьха».

— Куда сегодня едем? — спросил Ферд Хайнке.

— Проведем практические учения в районе «Старой перечницы». Если получится, вступим в бой с транспортным средством «Бактрийцев».

— Отлично, — обрадовался Джо Мантила, ненавидевший «Бактрийцев» с их кашемировыми свитерами, свободными брюками и носками в разноцветный ромбик, танцами в загородных клубах и, конечно же, детройтскими гоночными автомобилями последней модели.

— Посмотрите, свободен ли путь! — с лихорадочной одышкой велел Гриммельман.

Ферд вышел проверить улицу.

— Пойду «Плимут» оседлаю, — сказал Джо Мантила, выходя вслед за Фердом. Он взял с собой пульт управления, микрофон и катушку кабеля со штекером на конце. — Попробуем выкатить.

Он сел в «Плимут» и принялся нажимать на кнопки, управлявшие «Хорьхом». Гидроусиленный руль автомобиля повернулся, сработано переключение передач, и «Хорьх» задом двинулся из гаража. На нем вместо первоначальной восьмискоростной ручной коробки передач установили в свое время автоматическую, «Борг–Уорнер». Оригинальной частью машины оставался не имевший себе равных двигатель с верхними распредвалами, а огромный коленчатый вал в нем держали десять опор. Двигатель взревел, и «Хорьх» выкатился на улицу. Вспыхнули фары, включился передний ход, педаль акселератора отпустило. Из–за решетки под эмблемой концерна «Ауто–Унион» прогремел голос Джо Мантилы:

— Ну как, поехали?

— Великолепно, — сказал Гриммельман, торопливо выходя на улицу.

Арт закрыл двери гаража. Втроем они спешно влезли в «Плимут» к Джо.

Мантила вел «Плимут», а Гриммельман управлял «Хорьхом» с пульта. Массивный «Хорьх» двинулся, они следовали за ним на близком расстоянии — необходимо было видеть, что там, впереди. Когда они только начинали, ведущая машина отставала, и приходилось мириться с

тем, что «Хорьх» врезался в стоявшие автомобили, заезжал на обочину тротуара, но теперь они научились всегда держать его в поле зрения. Свет его фар выхватил из темноты мостовую, за его открытым верхом они простреливали взглядами улицу.

— Направо, — подсказал Ферд.

Гриммельман, почти остановив «Хорьх», осторожно повернул его в нужном направлении.

— Движение гуще стало, — посетовал Гриммельман, напрягшийся от работы с пультом.

— Да уж, — подтвердил Ферд Хайнке. — Слушай, давай я его пока вручную поведу, пока до «Перечницы» не доедем.

— Не надо, — сказал Гриммельман. — Все нормально.

Открытый «Хорьх», без водителя и пассажиров, плавно двигался по Филлмор–стрит среди автобусов, такси и легковых автомобилей. Как обычно, никто не замечал, что за рулем никого нет.

— Арт, стрелком сегодня ты будешь, — приказал Гриммельман.

Пошарив рукой по полу «Плимута» — Арт и Ферд Хайнке теснились на заднем сиденье, где к тому же была свалена в кучу аппаратура. — Арт нащупал оружие нападения — распылитель,

наполненный белой эмалевой краской. Ему стало неприятно держать в руках эту увесистую штуковину, и он передал ее Ферду.

— Ты в них стреляй, — сказал он.

— В чем дело? — возмутился Гриммельман. — Я же тебе приказал.

Арт покачал головой:

— Не знаю. Не могу.

Они подъезжали к «Старой перечнице». У обочины красовалось новенькое детройтское лихаческое авто. Те, кто на нем приехал, зашли в автокафе и стояли у прилавка.

— «Бактрийцы», — сказал Гриммельман.

Это был темно–зеленый с белым «Бьюик» пятьдесят шестого года.

— Припаркуй «Хорьх», — возбужденно сказал Джо.

Под управлением Гриммельмана «Хорьх» плавно подкатил к обочине в конце квартала и остановился в ожидании с работающим вхолостую мотором.

— Давай, — приказал Гриммельман.

Ферд Хайнке, высунувшись из окна «Плимута», пустил струю краски на зеленое крыло «Бьюика» и вывел на нем:

ХУЙ

— Ну вот, — сказал он, закончив. — Поехали.

«Плимут» рванул вперед, Арт откинулся на спинку сиденья. Ему все это не нравилось. Он подумал о Рейчел. Позади «Бактрийцы» выскочили из «Старой перечницы» и залезали в свой «Бьюик». Но его это не волновало.

— Останавливаемся, — велел Гриммельман Джо. — За углом, как в тот раз.

«Плимут» с визгом завернул за угол, проехал мимо стоявшего «Хорьха» и остановился. У автокафе «Бактрийцы» завели «Бьюик». Когда тот отъехал от обочины, Гриммельман передвинул «Хорьх» с места его стоянки на мостовую впереди «Бьюика».

— Расисты! — пророкотал громкоговоритель с «Хорьха» в сторону «Бьюика», когда тот попытался объехать его.

«Хорьх» закрыл выезд на боковую улицу, и «Бьюик», которому не удалось свернуть, вынужден был поехать дальше, сопровождаемый «Хорьхом».

Джо Мантила, дав на «Плимуте» задний ход, выехал на Филлмор–стрит и последовал за «Хорьхом», а перед ним вычерчивал по улице зигзаги «Бьюик», из которого высовывали головы и оглядывались сбитые с толку «Бактрийцы».

— Расисты! — зверски громыхнул «Хорьх» своим усиленным басом позади них. Им было воочию видно, что за его рулем никого нет — и это наводило жуть.

— Поддай–ка ему газу, — попросил Ферд Гриммельмана.

Нагнав «Бьюик», «Хорьх» врезался ему в задний бампер. «Бактрийцы» в панике юркнули за угол и исчезли из виду — они сдались. Вылазка была закончена.

— Хорошо, — сказал Гриммельман. — На сегодня достаточно.

Джо Мантила, съехав на подъездную аллею, остановил «Плимут», Гриммельман развернул громаду «Хорьха» на сто восемьдесят градусов, и они двинулись за ним в обратном направлении.

— Что с тобой? — спросил Арта Ферд, ткнув его в ребра.

— Ничего.

Он приуныл. Впервые за все время вылазка не доставила ему никакого удовольствия.

— Домой он хочет, — сказал Гриммельман.

— Так и есть, — подтвердил Арт.

Повисло неловкое молчание.

— Может быть, в следующий раз, — сказал Арт. — Просто неделя какая–то дурацкая.

И Джо Мантила, и Ферд Хайнке с пониманием посмотрели на него. Гриммельман никак не отреагировал, он сосредоточенно управлял «Хорьхом».

— Блин, в чем я провинился? — не выдержал Арт. — На мне и так куча всего висит.

На его попытку оправдаться никто не ответил.

Глава 8

В ту же субботу вечером Джим Брискин поехал на другую сторону Залива, в Беркли, к матери, которая жила на Спрус–стрит. Собственным ключом, который до сих пор у него оставался, он отпер дверь полуподвального этажа белого бетонного дома, в котором когда–то родился, и стал разбирать коробки, грудами сложенные у печных труб. От цементного пола тянуло холодом. Банки и бутылки на подоконниках заросли паутиной. В дальнем конце помещения стояла новая стиральная машина с сушилкой — он видел ее впервые.

Среди одежды, журналов и мебели он разыскал походное снаряжение. Сначала отнес к себе в машину, припаркованную на подъездной дорожке, плиту «Коулман» и фонарь, потом сложил и отнес палатку. Когда он осматривал надувные матрасы, над ступеньками открылась дверь и вспыхнула лампочка.

— Это я, — сказал он заглянувшей внутрь матери.

— Я увидела твою машину. Какой сюрприз. Ты что, даже поздороваться не зашел бы? Просто забрал бы, что нужно, и уехал?

Держась рукой за перила, миссис Брискин, невысокая седая женщина, в халате и тапочках, спустилась по лестнице. Он не виделся с матерью два или три года и сейчас не сказал бы, что она хоть сколько–нибудь изменилась — не похоже было, чтобы она стала слабее, нерешительнее или сгорбилась. Она была, как всегда, начеку.

— Я в поход собираюсь, — сказал он.

— Зайди хоть в дом, раз уж ты здесь. У меня жареные рулеты с ужина остались. В газете написали, что ты ушел с работы на радиостанции. Не собираешься на нашу сторону Залива вернуться?

— Я не ушел с работы, — ответил он, укладывая палатку, надувные матрасы и спальные мешки в багажник.

— Она все еще работает там? — спросила мать. — Если тебе интересно мое мнение, для тебя куда лучше было бы уехать оттуда — хотя бы из–за нее. Пока вы работаете вместе, ты все–таки будешь привязан к ней.

Он закрыл машину и поднялся с матерью выпить чашку кофе в продолговатую гостиную с покрытым коврами полом, панорамным окном, выходящим на Залив, лампами, пианино и гравюрами на стенах. Гостиная не изменилась, только сосны за окном выросли. В вечерней темноте их

ветки чуть шевелились и дышали.

Снова увидев гостиную, он вспомнил первый год после женитьбы, год, когда он пытался как-то примирить между собой Патрицию и мать. Пэт, вечно поглощенная своими мыслями, не замечала миссис Брискин, и та отвечала ей враждебностью. Его мать никак не могла смириться с тем, что невестка «не выказывает уважения». Насколько он понимал, у Патриции не было определенного мнения о его матери. Ей нравился дом, его размах и солидность, нравились большие комнаты, вид на Залив и особенно сад. Патриция входила в дом так, как будто она жила в нем одна. Это было место «где он вырос», и летом она любила сидеть на заднем дворе, в одном из садовых парусиновых кресел, загорая и слушая радио, читая и попивая пиво.

Однажды Патриция вошла в дом в купальнике, рухнула на пол и завела с его матерью долгий разговор. Брак их уже распадался, и Пэт было о чем поговорить. С собой она принесла бутылку рислинга. Лежа на ковре, она пила и говорила, а его мать — так миссис Брискин сама об этом потом рассказывала — сидела, как деревянная, в своем кресле в углу, не проявляя ни тени понимания или сочувствия. Бессвязным жалобам

Пэт не было конца — уже наступил вечер, а она все лежала на полу. Рислинг закончился, и она то ли крепко заснула, то ли впала в беспамятство. Мать позвонила ему, и когда он приехал за Пэт в семь часов вечера, то застал ее все в той же позе, на полу гостиной, в купальнике. По пути обратно через Залив, в их квартиру в Сан–Франциско, она что–то бормотала, ему стало смешно, и никак было не вызвать в себе негодование, которое чувствовала его мать. Больше Патриция ее не видела. По–видимому, Пэт почти ничего и не помнила. Она полагала, что заснула одна в саду.

— А что за поход? — спросила мать, сидя напротив него. — Надолго?

— Просто хочется куда–нибудь уехать, — сказал он.

— Один едешь? Я видела — ты оба спальных мешка забрал.

Она заговорила о его походах с отцом — они ездили в горы Сьерра–Невады. О поездках вдвоем с Пэт она не упомянула.

— Мне нужно уехать куда–нибудь, — перебил он ее. — Чем–то заняться.

— Неплохо бы тебе познакомиться с хорошей девушкой.

Он поблагодарил ее за кофе и поехал через

Залив, в Сан–Франциско. Остановившись у дома, где была его квартира, он открыл бардачок и вытащил оттуда все дорожные карты. Но в поход он не собирался. Эту идею он уже отбросил.

Отложив карты в сторону, он поехал на радиостанцию.

Через час Джим сидел в фонотеке радиостанции «КОИФ» и перебирал записи. На полу стояла коробка, наполовину заполненная альбомами, которые он собирался взять с собой, рядом с ней — коробка, которую он привез, чтобы вернуть. На столе лежали его личные вещи — упаковка анацина[64], капли в нос, шляпа, которую он надевал в дождливые дни, карандаши и ручки, особенно дорогие ему письма читателей и всякая всячина, напиханная в ящик рабочего стола. Ничего особенно ценного.

Из студии радиовещания внезапно появился Фрэнк Хаббл. Перед этим он поставил долгоиграющую пластинку с музыкой Гершвина — хватит на двадцать минут. Зажигая трубку, Хаббл спросил:

— Что это ты делаешь?

— Забираю домой свое. Возвращаю казенное.

— Да оставил бы все здесь. Все равно в августе

---

[64] Примечания: 64

Анацин (анасин) — болеутоляющие таблетки.

возвращаешься.

— Еще не факт.

Бросив погасшую спичку через всю комнату в мусорную корзину, Хаббл сказал:

— Патриция приходила чуть раньше.

— Вот поэтому я пришел позже.

Шел уже одиннадцатый час.

— Она не днем приходила. Минут пятнадцать назад. Должна была с Бобом встретиться, а его не было — сделку заключает. Ты же знаешь, как он работает.

— Очередной магазин подержанных автомобилей? — Джим легко мог представить себе, как Боб Посин до сих пор носится где–то в поисках новых контрактов.

— Нет, что–то связанное с продовольствием. Она принарядилась — наверное, они собирались пойти куда–нибудь вечером.

Джим продолжал перебирать пластинки в шкафу. Из пальцев у него выскользнул диск Фэтса Уоллера[65], он подхватил его и сунул в коробку. Это была не его пластинка, ну и черт с ней, ему хотелось побыстрее закончить и уйти с радио-

---

[65] Примечания: 65

Фэтс Уоллер (1904–1943) — Томас Уоллер по прозвищу Фэтс, джазовый пианист–виртуоз, игравший в манере «страйд», композитор, поющий эстрадный артист.

станции.

— Да не переживай ты так, — сказал Фрэнк.

Попыхивая трубкой, он прошествовал обратно в студию и закрыл дверь.

Джим ставил на полку записи, принадлежавшие радиостанции, когда сзади его окликнула Пэт.

— Привет, Джим.

— Здорово, — ответил он, не отрываясь от своего занятия.

Она вошла в кабинет. Одета, как всегда, лучше всех, подумал он, бросив взгляд на туфли: высокие каблуки, ремешки на лодыжках. На ней был красновато–песчаного цвета костюм, простая шляпка, через руку переброшено пальто. Какие красные губы, подумал он. Фигура у нее чудесная, но он–то понимал, что она срисована с рекламы лифчиков. Профессионально сделанная фигура — тут в ход шли проволочные обручи, конусы, ремни. Все слишком подчеркнуто, слишком устремлено вверх.

— Во сколько ты встал? — спросила она. — Утром.

— Где–то в десять.

— Я решила, что тебе нужно выспаться. Не стала тебя будить. Записку мою видел?

— Нет. Спешил смыться.

— Я там тебе написала, чтоб ты позавтракал. В холодильнике яичница с беконом была. И пообедать бы мог — в морозилке бифштекс рубленый лежал.

— Если честно, я видел записку, — сказал он. — Но хотелось побыстрее уйти.

— Почему?

Она подошла, пола пальто почти касалась его плеча. Совсем рядом — ее изящно, безупречно гладкие ноги, дотронуться до которых было настоящим блаженством.

— Потому что мне и без того скверно было, — ответил он.

— Заметку в «Кроникл» видел?

Ссыпав содержимое ящика стола в коробку, он приготовился нести свои вещи вниз.

— Я машину на стоянке такси оставил, — сказал он. — Как бы не оштрафовали.

— Забираешь все свое?

— Ну… да.

Он потащил коробку по коридору к лестнице. Пэт последовала за ним.

— Тебе помочь? — предложила она.

— Сам справлюсь.

— Поезжай на лифте.

— Привычка.

Он вернулся и углом коробки ткнул в кнопку лифта.

— У тебя сегодня выход в свет?

— Да, — ответила она.

— Хорошо выглядишь. Когда ты купила этот костюм?

— Он у меня давно.

Лифт приехал, и Пэт подержала дверь.

— Со мной не спускайся, — попросил он.

— Почему? — Она успела заскочить в лифт, нажала на кнопку, и лифт поехал вниз. — Подержу тебе дверь машины.

Когда лифт спустился, она вышла первой. Он вынес свой груз на улицу, к машине. Как и следовало ожидать, номерной знак уже изучал полицейский, решая, следует ли оштрафовать водителя. Его мотоцикл наклонно стоял у обочины. Коп уже потянулся руками в перчатках к блокноту и карандашу.

— Это по работе, с радиостанции, — объяснил Джим, держа на весу коробку и доставая ключи. — Записи, тексты.

Полицейский разглядывал его.

— Мы всегда здесь грузимся, — сказал Джим.

Пэт открыла дверцу, и он, запихнув коробку

на заднее сиденье, быстро обошел машину и сел за руль.

— Тут стоянка такси, — сообщил ему коп.

— Сейчас уезжаю, — Джим завел двигатель.

Полицейский покачал головой и вернулся к мотоциклу. Навалившись всем телом на педаль газа, он с ревом умчался и исчез в потоке автомобилей.

— Придется снова подняться, — сказал Джим.

Он забыл шляпу и анацин.

— А вдруг он вернется?

— Не сразу же, — сказал он, выключая двигатель.

Они пошли обратно, наверх, на этот раз пешком. В здании было холодно и пусто, лестница была погружена во мрак. Пэт стала надевать пальто, он помог ей.

— Страшно здесь ночью, — сказала она и взялась за перила.

— За то, что разрешила остаться у тебя, — спасибо.

— Мне хотелось… Я хотела, чтобы мы…

Она смотрела вниз, на ступеньки.

Наверху, на этаже радиостанции, через стеклянное окно студии звукозаписи она подала знак Фрэнку Хабблу. Он вышел, и она спросила:

— Боб не появлялся?

— Нет — с тех пор, как ты сюда в последний раз заходила, — ответил он.

Джим пошел за шляпой и анацином, а она позвонила Бобу Посину домой.

— Не отвечает, — вздохнула она, повесив трубку.

— Деньги зарабатывает, — сказал Джим.

Они спустились по лестнице. На машине под стеклоочиститель было вложено уведомление о штрафе.

— Вернулся, — сказала Пэт.

— Может, он, а может, собрат его, — Джим яростно швырнул шляпу и упаковку анацина к остальным вещам.

— Нужно было переставить ее, когда он тебе сказал.

— Надо же, — выдавил он, пытаясь взять себя в руки. — Ни во что больше верить нельзя.

— Ты всегда бесился, когда тебя штрафовали.

Он сунул уведомление в карман.

— А ты не бесишься? На десять баксов нагрели. Ни за что, ни про что.

— Остынь, — сказала Пэт.

— Спокойной ночи.

Джим полез в машину.

— Постой, — колеблясь, сказала она. — Мне не хочется, чтобы ты вот так уезжал. Может быть, переведешь меня через улицу? Вреда от этого не будет.

Он бросил взгляд на другую сторону улицы. Почти все магазины уже закрылись, в них было темно, значит, она собралась не туда. Открыт был коктейльный зал «Раундхаус». Вот что она имеет в виду.

— В бар? — спросил он.

— Нет, — сказала она, передумав, — забудь.

— Почему бы и нет?

Он взял ее за руку. В самом деле, почему бы и нет, подумал он, не отпуская ее.

— Нет, не надо, — сказала она.

— Если уж сошло, что я остался у тебя на ночь…

Автомобили остановились на красный свет, и он повел ее через улицу на другую сторону.

— То это и подавно сойдет, — добавил он.

Она нервничала.

— Очень похоже на свидание. Как будто ты снова пригласил меня куда–то.

— А я и пригласил, — сказал он, крепко держа ее за руку.

Вырвавшись, она быстро прошла несколько

шагов. Ее каблуки стучали по тротуару.

— Я просто боялась — ты в таком состоянии, как бы ты поехал? Врезался бы еще во что–нибудь. Я бы себя винила.

— Поступай, как знаешь, — сказал он, распахивая двери бара.

Собрав всю силу воли, он не стал оглядываться. Двери захлопнулись, и он оказался внутри — один. «Раундхаус» представлял собой небольшой элитный бар, где из напитков подавалась в основном вода, а цены были куда выше, чем позволял его карман. Обычно он обходил это место стороной. Сиденья в кабинках были обтянуты красной кожей, прибитой латунными гвоздиками. В баре сидело довольно много женщин, все они были хорошо одеты. В глубине автомат играл танцевальную музыку — струнные и духовые. Воздух был тяжелый. Курили и говорили тут, казалось, все.

Он немного постоял, и двери за его спиной открылись — Пэт вошла. Лицо ее было бледно.

— Пойдем за столик, — сказал он и повел ее в кабинку.

В нем вдруг с пугающей силой проснулась надежда, и он весь напрягся. Когда он помогал ей снимать пальто, у него тряслись руки.

— Волнуешься? — спросила она, коснувшись его запястья.

— Нет, — сказал он, садясь напротив нее. — Просто сейчас с ума сойду.

— У тебя большие ожидания? Не жди ничего особенного, очень тебя прошу. Я просто хочу посидеть и выпить.

Подошла официантка.

— Что ты будешь? — спросил Джим у женщины, сидевшей напротив него.

— Да закажи мне что–нибудь, что я допью до конца.

Она сложила руки на сумочке. Ей хотелось шотландского виски или бурбона, только не сладкого коктейля. От сладких напитков, если их перебрать, ей становилось плохо — он помнил, как по утрам отпаивал ее томатным соком и кормил яйцами всмятку и сухариками, чтобы она смогла встать с постели.

Он сделал заказ.

— Помнишь, как на Новый год мы заехали в Сосалито[66], в плавучий кабачок… Ты тогда туф-

---

[66] Примечания: 66

Сосалито — город на западе штата Калифорния, северный пригород Сан–Франциско. Расположен на побережье залива Сан–Франциско, недалеко от моста Золотые Ворота. Популярный центр туризма и яхт–спорта. Известен колониями художников и хиппи; значительная часть жителей обитает в так называемых плавучих домах.

лю потеряла. Сидела на обочине, и тебя было не затащить в машину.

— Нужно, наверное, позвонить Хабблу и попросить его отправить Боба сюда, если тот появится.

— Да брось ты эти церемонии, — сказал он.

— Это не церемонии. — Принесли напитки, и она взяла свой. — Ты считаешь, я играю, кокетничаю?

— Да нет, — ответил он.

— А я ведь именно этим и занимаюсь.

— Ты о прошлой ночи?

Он выпил.

— Все только хуже стало, — сказала она. — И мне не легче, чем тебе. Ужасно себя чувствую, жить не хочется.

Она уже почти опустошила бокал — когда ей было тяжело, она пила, а сейчас им обоим было нелегко.

Джим взял серую, большую, как для трубки, керамическую пепельницу, стоявшую у его локтя, как и на всех остальных столиках, и стал рассматривать ее. Подняв взгляд, он увидел, что Пэт стоит.

— Пойду, позвоню. Закажи мне еще.

Она шла плавно, как будто не касаясь пола. Через руку у нее было переброшено пальто. Оно

ниспадало в лад ее прямой осанке. Она шла, высоко подняв голову, выпрямив шею. При этом она, очевидно, вполне отдавала себе отчет, куда ступают ноги — он ни разу не видел, чтобы она споткнулась.

— Ну что, дозвонилась? — спросил он, когда она вернулась.

— Все не отвечает.

Она подняла новый бокал.

— Наверное, рекламу Полоумного Люка читает.

Изрядно отпив, она сказала:

— Хочу показать тебе кое–что. Это подарок, — открыв сумочку, Пэт извлекла из нее небольшой предмет в тонкой оберточной бумаге. — Это для Боба. В Чайнатауне купила.

Она развернула фигурку божества, виденную им тысячу раз.

— Это бог такой. Удачу приносит… — Она провела ногтем по животу божка. — Как он тебе?

Ему пришлось сказать ей, что это дребедень.

— Вот как. А вот это? Хотя, наверное, это не нужно тебе показывать.

Он увидел еще один маленький сверток, но она прикрыла его рукой.

— Я хочу посмотреть, — сказал он.

Она очень осторожно и медленно развернула подарок.

— Браслет, — сказал он, взяв украшение.

— Серебряный. Ручная работа.

Она протянула руку, и он надел его ей на запястье. Массивный браслет тут же соскользнул на стол. Джим помог ей застегнуть его.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Нефрит, видишь?

В серебряные завитки и пересечения орнамента были вделаны матовые камни.

— Индейский, — определил он.

— Индийский? — с сомнением произнесла она, не расслышав.

— Я про американских индейцев. Навахо, скорее всего.

— Ну и как тебе?

— Ты же знаешь, я такие штучки не очень люблю. Тяжеленный, слишком массивный. Мне больше по душе те тонкие колечки, что ты носила. — Он протянул руку и коснулся ее уха. — Те сережки.

— Что же они не сказали мне, что он не китайский? — возмутилась она. — Магазин китайский. И продавец китаец.

Она допила. Вот у нее начинает застывать

взгляд, подумал он. Лицо каменеет. Она сегодня много работала и устала, ей не справиться с тем, что сейчас возникло между ними. Это слишком. И для него, и для нее. В нем пробудилась прежняя нежность, прежние чувства к ней. Он знал, каково ей сейчас — сидеть тут, напротив него. Она и уйти не могла, и оставаться было невыносимо. Поэтому и пила.

— Пойдем, — сказал он, вставая.

Он набросил ей на плечи пальто, поднял и отдал сумочку и, придерживая руками с обеих сторон, помог встать.

— Куда мы? — От усталости и замешательства она стала податливой, ей хотелось, чтобы хозяином положения стал он. — Мне надо бы на радиостанцию. Вдруг он придет, а меня нет?

— Хорошо, — сказал он. — Пошли туда.

Они вышли из «Раундхауса» и снова пересекли Гиэри–стрит. Когда они проходили мимо его машины, он увидел под стеклоочистителем новое уведомление о штрафе. Ну и черт с ним.

Вернувшись на радиостанцию, Джим включил лучший усилитель и лучший проигрыватель. Из студии за тем, как он возится со шнурами, наблюдал с трубкой во рту Хаббл. Пэт удалилась в уголок, оставив его наедине с техникой. Он

вставил штепсель в розетку, включил тумблер и, когда лампы усилителя «Боген» загорелись красным, потер пальцем алмазную иглу звукоснимателя.

Акустическая система оглушительно всхрюкнула. Качественная аппаратура, он тоже в свое время приложил руку к ее комплектации.

Джим оглянулся, надеясь увидеть Пэт, но она вышла.

Дверь студии вещания открылась.

— Что тут происходит, дружище? — спросил Фрэнк Хаббл.

— Да ничего.

— Хочешь еще тут побыть?

— Да нет, — ответил Джим.

Он, бывало, приходил сюда, чтобы послушать что–нибудь на станционной аппаратуре — в каком–то смысле она принадлежала ему.

— Я–то не возражаю — пожалуйста, — сказал Хаббл. — Как в старые времена. Только в двенадцать я запираю станцию. А ключа у тебя больше нет.

Он полез было в карманы, но вспомнил, что ключа у него действительно нет — он отдал его Хейнзу. Ничего не сказав, он отправился искать Пэт.

Дверь на крышу была открыта, и он ступил наружу, на шаткий деревянный мостик. Пэт стояла с сигаретой, облокотившись на ограду, и смотрела вниз, на уличные огни и двигавшиеся машины.

— Проветриться захотелось, — сказала она.

— Много выпила?

— Много. — Она подняла глаза. — Я еще до того как сюда пришла и тебя встретила… уже загляну-ла в «Раундхаус».

— И сколько выпила?

— Не знаю.

— Выглядишь хорошо, — сказал он, прикоснув-шись пальцами к сгибу ее шеи.

— У меня такое чувство, будто я внутри длинной трубы. Мы в таких детьми ползали. Согнувшись в три погибели… — Она отстранилась от него. — Ты хотел покрутить мне пластинки, да? Как тогда, когда мы еще не были мужем и женой?

— А можно?

— Нужно ли? Мне хочется просто постоять здесь. Боб, видимо, не придет. Ты, пожалуйста, иди, ставь музыку. А я здесь побуду. Пожалуйста!

Вернувшись, он вынул из шкафа с пластинка-ми старый альбом фирмы Victor на семьдесят восемь оборотов — «Симфонию № 7» Сибелиуса.

Хаббл снова сидел в студии, читал в микрофон на штативе рекламу. Голос звучал из настенного монитора, и Джим выключил его.

Диски нужно было ставить один за другим вручную. Он положил пластинку на вертушку первой стороной и опустил звукосниматель. Хаббл, неодобрительно сдвинув брови, уставился на него через окно студии. Ах, как это нехорошо — проигрывать пластинки, подумал Джим. Надо же, никак не успокоится мужик, собственную жену удержать пытается.

Музыка, устремленная ввысь, мощно пронизанная тьмой и одиночеством, помогла ему прояснить ум. Она, казалось, сняла с него давившую тяжесть, вобрав ее в себя своим возвышенным строем.

Оказывается, от нее и практическая польза есть, подумал он.

Он увеличил громкость, чтобы было слышно на всю станцию, во всех помещениях и даже на крыше, где в темноте стояла Пэт. Теперь от музыки было не спрятаться. Слушая, он расхаживал по комнате. Его охватило беспокойство, и вдруг он испугался, что время остановилось. Музыка положила всему конец.

Когда он ставил вторую пластинку, пришел

Боб Посин.

— Ну и шумишь ты тут, — сказал он. — Аж на первом этаже слышно. Это в эфир не попадет?

— Нет. — Джим упал духом — он успел полностью забыть о существовании Боба Посина.

— Патриция здесь?

Тут вошла Пэт.

— Где ты был? — спросила она.

— Работал. Разбирался с материалами по картофельным чипсам «Грэнни Гус».

Он произнес это со злостью.

— Я никуда не иду. Уже поздно. Поверь, ты и сам не захочешь сегодня со мной куда–то идти. Я перепила. Единственное, чего мне хочется, — это добраться до дому. Давай в другой раз. Она ведь там еще целую неделю будет, не меньше. А не успеем, так она все равно еще приедет.

Она села, положив пальто и сумочку на колени. Действие выпивки начинало сказываться. Лицо у нее стало как восковое.

— Так что иди, оставь меня. Хорошо?

— Давай я тебя хотя бы домой отвезу, — предложил Боб, не двинувшись с места.

— Ты когда–нибудь видел, как женщина выблевывает девять порций выпивки?

Посин откланялся:

— До завтра. Спокойной ночи.

— Не подходи ко мне, — сказала Пэт, когда к ней приблизился Джим.

— Уж меня ты не удивишь.

Джим повел ее вниз, к себе в машину.

Она шла, медленно переставляя ноги, опустив глаза. В вестибюле она остановилась, и, как он ни старался, ему не удалось сдвинуть ее с места.

— Мне страшно, — сказала она. — Не поеду я с тобой — я пьяная. Я знаю о твоих чувствах ко мне. Видит бог, Джим, не могу я с тобой ехать. И не спорь! Я серьезно. Ты меня знаешь — если я что решила, значит, так и будет. А если я отключусь — нужна я тебе такая? Не этого же ты хочешь? Я здесь посижу.

Осторожно ступая, она подошла к стоявшему в вестибюле старому, видавшему виды, замурзанному дивану и стала возле него.

— Поезжай, — сказала она. — Христом–Богом прошу, оставь ты меня!

Он вышел на тротуар и прошел квартал мимо баров и закрытых магазинов до бокового входа на автостоянку радиостанции. Обходным путем он вернулся к Маклолен–билдингу. На парковке Пэт пыталась завести свою машину. Фары горели, и после каждого неудачного запуска стартера свет

тускнел до едва видимой желтизны.

Он с жалостью смотрел на нее из темноты. Дверь машины была открыта, Пэт склонилась над рулем, положив на него руку, пальто упало на пол, к ногам. Она плакала, это было слышно издалека. Наконец двигатель завелся, фары вспыхнули. Пэт захлопнула дверцу, включила передачу, тронулась и тут же въехала в машину, стоявшую перед ней. Раздался резкий металлический скрежет столкнувшихся бамперов. Двигатель замер, Пэт застыла, закрыв лицо рукой.

Он подошел и убедился в том, что никаких повреждений нет. Только царапины на обоих бамперах. Никто и не заметит. Он открыл дверцу.

— Дорогая.

— Не пущу, — проговорила Пэт.

Она сидела, вцепившись в руль, с окаменевшим лицом фанатички — очень редко, но иногда оно у нее становилось таким. Она была в ужасе и от того, что натворила, и от появления Джима. Вероятно, думала, что разбила чужую машину.

— Послушай, — сказал он. — Я не хочу, чтобы с тобой что–нибудь стряслось. Тебе нельзя сейчас садиться за руль. Убьешься ведь.

Она кивнула.

— Давай я отвезу тебя домой. Не буду я к тебе заходить. Оставлю машину у дома и уйду.

— А как ты вернешься сюда? К своей машине?

— Прогуляюсь. Или такси возьму.

— Нет, так не пойдет.

— Тогда давай тебя домой на такси отправлю.

— Не надо. — Она ухватилась за его руку, впившись в нее ногтями. — Там темно. Я не хочу туда. — На ее щеках блеснули слезы. — Как страшно жить одной. Я вынуждена выйти замуж за Боба Посина — разве ты не понимаешь? Не могу я одна жить. Просыпаться одной по утрам, одной ложиться спать, есть в одиночестве — не могу.

Опершись коленом о сиденье, он обнял ее и притянул к себе. Целуя ее, он сказал:

— Тогда поехали ко мне.

Какое–то мгновение — длиной с одно дыхание — казалось, что она согласилась. Но все же, не отстраняясь от него, сказала:

— Не могу.

— И что же делать?

— Я… не знаю, — уныло сказала она.

Слезы падали ему на лицо, щекотали нос.

— Не надо было разрешать тебе оставаться у меня на ночь. Я не могу так больше, мне нужен кто–нибудь.

— Кто–нибудь! — разозлился он.

— Ну, ты. О боже. Ладно, вези меня к себе, ляжем в постель и покончим с этим. Поторопись, — отпрянув, она сделала усилие, чтобы освободить место для него. — Поехали. Отвези меня. Я устала, сдаюсь.

Он вздохнул.

— А знаешь что, — вспомнил он. — У меня есть двое друзей. Молоденькая пара.

Она повернула голову и посмотрела на него. Он физически чувствовал силу этого взгляда, устремленного на него в темноте.

— Вчера вечером они пригласили меня на ужин. Может, зайдем к ним, посидим немного? Ты и протрезвеешь. Давай? Они хорошие ребята. Бывали у нас на радиостанции. Ты их, наверное, видела как–нибудь.

Пэт ничего не сказала. Но он понял, что внутри ее происходит мучительная борьба.

— Она беременна, — сказал он. — Ей семнадцать лет. Парню восемнадцать. Живут в старенькой квартирке в Филлморе. У них совсем нет друзей, с родней поссорились. Денег у них тоже нет, они будут рады, если к ним кто–нибудь заглянет.

После долгой паузы Пэт спросила:

— Какие они? — И, трезвея, добавила: — Она красивая?

— Очень, — ответил он.

Все это время он так и опирался коленом о сиденье и теперь поднялся. Все тело у него затекло, онемело.

— Очень милая, умненькая, — сказал он.

— Не похоже, что сильно умненькая. Могла бы и предохраняться, — Она помолчала. — А ты как с ними познакомился?

— Они пришли на радиостанцию. Я позвал их пообедать вместе.

— Как… как их зовут?

— Рейчел и Арт.

Пэт отодвинулась к самой двери. Он поднял ее пальто и сумочку и положил ей на колени.

— Как мне станет получше, сразу уйдем, — сказала она.

— Хорошо.

С чувством облегчения он сел за руль и запустил двигатель.

— Я ту машину не помяла? Никогда еще ни в кого не въезжала.

— Жить будет, — успокоил он ее.

Он дал задний ход на ее «Додже» и выехал со стоянки.

Глава 9

Субботней ночью неоновые вывески баров и магазинов на Филлмор–стрит беспорядочно сверкали цветными огнями. В сегодняшнюю мозаику их сложили многолетние труды деловых людей. Пятна от жевательной резинки образовали темные круги на асфальте у входа в кинотеатр и кегельбан, у освещенной двери кафе.

В этот поздний час мимо магазинов двигался поток людей — белых, негров, мексиканцев. Некоторые отделялись от общей массы у входа в ресторан или магазин. В основном это были парни — в черных кожаных куртках и джинсах, по большей части худые, как щепки. Они стояли, засунув большой палец в задний карман, и, вертясь, не пропускали ничего из того, что происходило в потоке, как будто там их ждал какой–то сюрприз. Они поднимали головы при звуках выхлопов, слушали, приоткрыв рот, им нужно было уловить все сигналы. Потом они снова рассматривали отдельных людей, оценивали их. Никому было не укрыться от этих наблюдателей, и о каждом у них было свое мнение.

В середине квартала Джим нашел дом с забором

и железной калиткой, отступавший от тротуара.

— Это здесь, — кивнул он.

— Может, они спят, — сказала Пэт.

Ему удалось припарковаться у дома. Вдвоем они пошли по тротуару, он открыл калитку, и за ней их окружила тьма, внезапно стихли уличные звуки. Вперед вела бетонная дорожка, но ее не было видно. Он взял Пэт за руку, чуть сжал ее холодные пальцы.

Справа от крыльца в окне подвального этажа виднелась полоска света.

— Еще не легли, — сказал он.

— В такой поздний час…

Пэт споткнулась, и в сторону откатился какой-то металлический предмет — блеснув, жестяная банка исчезла в сорняке.

Оставив Пэт, он спустился по ступенькам. Уличные огни подчеркивали ее стройность и миниатюрность. Укутавшись в пальто, она ходила кругами с поднятой головой, отчетливо цокая каблуками по бетону. Он постучал.

Дверь открылась, и наружу хлынул свет. Рейчел узнала Джима.

— Ой, здравствуйте. — Она отступила, держа дверь открытой. — А мы в карты играли.

— Я хотел вас попросить об одолжении. Я не

один, моя спутница неважно себя чувствует. Мы тут надумали зайти к вам ненадолго. Вы, наверное, уже спать ложитесь?

— Нет еще, — похоже, она проявила понимание. — Входите.

Он вернулся за Пэт, провел ее вниз по ступенькам, и они вошли в квартиру.

— Это нам вдруг в голову пришло. Если что, гоните нас сию же минуту в шею.

По массивному дубовому столу были разбросаны карты и фишки для покера. Что–то показалось ему странным в этой комнате, и он тут же понял, что: на стенах — ни картин, ни фотографий.

— Патриция Грей, — представил он Пэт.

Он не стал уточнять их отношений. Он не помнил, что именно рассказывал им.

— Кажется, я встречал вас н–н–на радиостанции, — выдавил Арт.

Он уже протянул было руку, но вдруг спохватился и сунул ее в карман.

— Хотите кофе или поесть? — предложила Рейчел.

Стоя радом с Пэт, она слегка поклонилась, словно в стародавнем реверансе. На ней было ситцевое платье — яркое, летнее, без бретелек, обнажавшее плечи. Кожа у нее была белее, чем

у Пэт, волосы гораздо светлее и намного короче подстрижены. Может быть, она была миниатюрнее, но из–за большого живота трудно было сравнивать.

Джим помог Пэт снять пальто.

— Тепло у вас, — сказала она. — Хорошо.

— Правда, хорошо, — подтвердил он.

— Какие у нее чудесные глазищи, — сказала Пэт и повернулась к Рейчел. — Мне снова хочется взяться за кисть.

В первый год после их женитьбы она несколько раз мыла кисти, набросала пару эскизов, но ни одну работу не довела до конца. Набор красок то ли лежал в кладовке, то ли уже угодил на помойку. Она давно отказалась от планов достичь чего–либо в искусстве.

Арт прижал к себе Рейчел.

— Она ребенка ждет.

— Да ты что — вот эта прелестная девчушка? — воскликнула Пэт. — Она меня наповал сразила, — сказала она Джиму.

— Ты, оказывается, не только пьянчужка, но еще и к женщинам неравнодушна, — пошутил он.

— Нет, правда. Я хотела бы когда–нибудь написать ее портрет. Эти глаза… — тут она отошла

в сторону.

Он, последовав за ней, спросил:

— Что тебе поможет? Кофе?

— Да, — согласилась она.

Джим пошел с Рейчел на кухню.

Рейчел поставила на плиту кофейник и стала доставать чашки и блюдца.

— Ей сейчас очень тяжело, — сказал он.

— Она вся на нервах, да? — заметила Рейчел. — Она, кажется, нравится мне.

— Вы так добры, что приняли нас, — сказал он. — Я вам благодарен. А то нам некуда было приткнуться.

— Долго вы были женаты?

— Три года, — ответил он.

— Мне хотелось с ней познакомиться. Я рада, что вы пришли. Я знаю, что она много для вас значит.

— Это действительно так, — сказал он.

— Догадываюсь почему, — сказала Рейчел.

Она, по–видимому, робела и старалась вести себя так, чтобы не допустить какого–нибудь промаха. Она принесла чашки в гостиную и стала освобождать место на столе.

— Во что вы играли? — спросил он.

— В «двадцать одно». — Она собрала карты

в колоду и положила их в футляр. — Мы даже как–то в Рино[67] ездили… Ночевали там. Играли за разными столами.

— Она в покер здорово играет, — сказал Арт. — Серьезно к этому относится — один раз Ф–ф–ферд Хайнке у нее даже по очкам схлопотал за то, что дурачился.

Парень волновался и избегал смотреть на Джима и Пэт. Он нервно перебирал в руках фишки для покера, как бы не обращаясь ни к кому конкретно.

Он несколько раз видел Пэт на радиостанции «КОИФ». Она казалась ему красавицей — как женщины из рекламы модной одежды. И вот такая женщина пришла к нему в гости — как тут не разволноваться! Рейчел лишь раз в жизни пришлось надеть туфли на высоких каблуках — в день их свадьбы. Он то и дело поглядывал на Пэт; ее темные волосы, яркие губы не давали ему покоя. Косметика, подумал он. Сколько же ей, интересно, лет? Она сидела у стола, а он не мог оторвать взгляда от ее длинных, точеных

[67] Примечания: 67

Рино — город на западе штата Невада, недалеко от границы с Калифорнией. Крупный центр игорного бизнеса. Известен как место, где можно очень быстро и без лишних формальностей заключить брак или получить развод, имеет прозвище «Бракоразводная столица мира».

ног. А может, она и впрямь модель? Она была так хорошо одета, так красива, что он вышел в другую комнату и попробовал прикинуть, как бы ему себя облагородить. Выбрал одну из своих спортивных курток и свободные брюки.

Арт вернулся в гостиную, и Рейчел предложила ему чашку кофе. Джим Брискин стоял у стола с чашкой и блюдцем в руках, едва не касаясь головой потолка — в этой тесноте он казался особенно высоким. Он был, как обычно, в свободном пиджаке, без галстука. «Как можно дружить с Пэт и одеваться так просто?» — не мог понять Арт. Сам он только и думал сейчас о том, как бы приодеться.

Он взял чашку с кофе и принялся расхаживать по комнате. Он совсем рядом с такой женщиной — и в то же время далек от нее, как никогда. У него не было ни малейшего представления о том, что он мог бы сказать ей. Даже рот открыть было страшно. Ему стало обидно оттого, что он онемел — вряд ли Пэт когда–нибудь еще придет к ним, и он навсегда лишится такой возможности. Волнуясь, он спросил у нее:

— Ас к–к–какого года вы на радиостанции?

— Не помню, — ответила она и обратилась к Джиму: — Когда я пришла?

Нагнувшись, она расстегнула туфли на высоких каблуках и сбросила их с себя. Увидев, что Арт смотрит на нее, она улыбнулась.

— Ну и как вам на радио работать? — спросил он, стараясь говорить как можно спокойнее.

— Неспокойно там, — ответила Пэт.

— Не прочь с месяцок отдохнуть? — сказал Джим.

— Конечно, не прочь, — сказала она и в чулках подошла к радиоприемнику. — Можно я погромче сделаю?

Играла танцевальная музыка. Пэт увеличила громкость.

— Только не очень громко, — попросил Джим.

— А вот так очень громко? — Стоя у приемника, она закрыла глаза.

«Какой у нее усталый вид», — подумал Арт. Но чем же ей можно помочь? Так ни до чего и не додумавшись, он направился к ней.

— Садись лучше, пей кофе, — сказал Джим.

— Кофе отличный, — сказала она. — А выпить есть что–нибудь? Что–то кофе не идет.

— Выпить тебе не идет.

— Пойдет. — Она открыла глаза. — Немножко, чего–нибудь.

— У нас пиво есть в леднике, — сказал Арт. Она

не обратила на него внимания, и он пошел на кухню. — Я принесу.

Не отрывая взгляда от Джима, Пэт сказала:

— Потанцуем?

— Ты не в состоянии.

— Значит, не хочешь со мной танцевать.

— Давай–ка садись. — Джим протянул ей руку. — Хочешь, ко мне на колени?

— Нет.

Когда Арт направился на кухню, она непроизвольно задвигалась взад–вперед, подняв руки вверх и снова закрыв глаза. У него защемило сердце, когда он увидел, как эта усталая красивая женщина в одних чулках вот так, одна, раскачивается у радиоприемника. Ему было знакомо это чувство — беспредметное томление. На самом деле ей не танцевать хотелось, ей необходимо было двигаться, не сидеть на месте. Она не могла заставить себя опуститься на стул.

Взяв квартовую бутылку пива, он налил стакан и принес в гостиную.

— Вот, — сказал он.

Пэт отпрянула.

— Что это? — удивилась она. — Ах. Спасибо. Нет, пива не хочу.

Ниточка, связавшая было его с ней, порва-

лась, Пэт перестала его замечать. Она плавно ускользнула, невпопад напевая — изливая боль в нестройных звуках.

— Но у нас нет ничего другого, — сказал Арт.

Она развернулась и оказалась с ним лицом к лицу. У нее раскрылись глаза, и она внимательно посмотрела на него, как будто пробуждаясь.

— Потанцуешь со мной? — спросила она. — Арт? Так тебя зовут?

Одна ее рука легла ему на плечо, другая застыла в воздухе в ожидании, что он подхватит ее. Он еще не успел ни на что решиться, а она уже скользнула в его объятия — и вот он, поставив стакан с пивом, танцует с ней. Тело у нее было теплое, он чувствовал под пальцами ее позвонки. Лицо ее влажно блестело у самых его глаз. На пушке над губами мерцали капельки испарины. Это лисье личико было восхитительно, оно совсем незнакомо, и все же вот — оно у самых его губ. Но тут она со вздохом повернула голову и опустила взгляд. Ее черные волосы упали вперед, пряди коснулись его щеки. Ее рука тяжело лежала на его плече.

— В–в–вы хорошо танцуете, — сказал он.

Она вдруг высвободилась.

— У вас правда нет ничего, кроме пива? Это он

велел так сказать?

— У тебя паранойя начинается, — заметил Джим. — Да сядь же, пока не упала.

Она одарила его тяжелым многозначительным взглядом и направилась на кухню. Арт пошел за ней.

На кухне она открыла ледник и, опустившись на колени, принялась перебирать бутылки с молоком.

— Как видите, — сказал он. — У нас обычно ничего другого…

— Я тебе верю, — сказала она, распрямляясь радом с ним. — Ты понимаешь, что я пьяна? Мне так… — Она покачала головой. — Но уже не в трубе. Это уже что–то. Может быть, у меня романтическое настроение. Вид у меня ничего?

Она подняла руки и поправила волосы.

— Вы п–п–прекрасно выглядите, — сказал он.

— Она специально забеременела? Знаешь, тебе очень повезло, что у тебя жена такая куколка. Вы еще в школе подружились?

— Да, — сказал он. — Учились в–в–вместе.

— Боже мой, тебе всего восемнадцать. А ей сколько, шестнадцать? Когда мне было шестнадцать лет, я все еще думала, что детей приносят доктора из больницы, а женщина увеличивается

в размере, чтобы ребенок вместился. Как кенгуру. Нынче детки быстрей взрослеют. А не сходить ли тебе за бутылкой? — Она достала из кармана юбки и сунула ему в руку сложенные долларовые бумажки. — Я видела там на улице винный магазин. Возьми виски — ржаного или бурбона. Скотч не бери — хватит с меня.

Сгорая от стыда, он сказал:

— М–м–мне спиртное не продадут. Это пиво нам ребята принесли, понимаете? То есть я могу, конечно, в бакалейный магазин сходить, есть туг рядом б–б–бакалейные. В баре–то мне обычно наливают. Но в винных магазинах, там строго — н–н–не продадут спиртного, если тебе двадцати одного нет.

Он сжался, готовый провалиться сквозь землю. Какой позор.

Но ей это показалось забавным.

— Ах ты, бедняжка.

Она потянулась к нему и обвила руками его шею. Ее губы, прижавшись, скользнули по его щеке, оставив мокрый, вязкий след. Невероятно. Она его поцеловала. Дыша ему в глаза и нос, она сказала:

— Я схожу с тобой. Хорошо?

Выйдя с ней из кухни, он сказал Рейчел и Джи-

му:

— Мы прогуляемся до угла. Мы н–н–ненадолго.

— Куда? — спросил Джим, обращаясь не к нему, а к Пэт.

— Не твое дело, — ответила Пэт.

Остановившись, она поцеловала и его. Вид у нее теперь был веселый.

— Туфли надень, — сказал Джим.

Опершись рукой о стену, она согнула ногу, приподняла ступню и нацепила туфлю на высоком каблуке. Проделав то же самое с другой туфлей, она сказала:

— Обрати внимание, я за все плачу.

— Надеюсь, что так, — ответил Джим. — И завтра утром пару раз придется заплатить. Кто будет отпаивать тебя томатным соком?

— Пошли, — сказала Пэт Арту. — Где мое пальто?

Он нашел ее пальто. Наверное, нужно как–то помочь ей одеться. Рейчел и Джим смотрели на него. Просто приподнять и подержать, пока она не засунет руки в рукава? Она положила конец его колебаниям, взяв у него пальто, и открыла дверь на улицу.

— До свидания, — сказала она. — Мы недолго.

Арт бросил жене:

— Скоро вернемся.

— Возьми картофельных чипсов и этих штучек с сыром, — попросила Рейчел.

— Хорошо, — пообещал он и закрыл дверь за собой и Пэт. — Осторожно, — сказал он ей.

Они сразу же оказались в кромешной тьме. Ему хотелось взять ее за руку, но он боялся. Он не понимал, что происходит — не мог поверить, и поэтому просто поднимался радом с ней по ступенькам к бетонной дорожке.

— Ну и т–т–темень, — произнес он. — Странно, я видел вас на радиостанции, но ни разу даже не заговорил с вами. Мы туда тыщу раз с ребятами ходили. Часам к четырем. «Клуб 17» мы постоянно слушали. К Джиму Брискину подходили поговорить. Он ведь сейчас не работает? А что у него, отпуск?

Женщина, шедшая рядом с ним, не промолвила ни слова. У калитки она остановилась, чтобы он отворил. Раздался скрежет, Пэт вышла первой. Ночной ветер развевал ее длинные распущенные волосы. Он подумал, что никогда в жизни не дотрагивался до таких. Шла она куда медленнее, чем ходила Рейчел, но она ведь сама сказала, что много выпила. Выйдя на тротуар, она укуталась в пальто и, казалось, забыла о присутствии Арта.

Она глядела на вывески магазинов, на бары, на двери домов.

— Холодно, — сказал он. — Для июля. Это из–за тумана.

В воздухе висело плотное марево. Уличные фонари были обрамлены расплывчатыми желтыми кольцами. Шум автомобилей стих, приглушенно, словно издалека, звучали шаги прохожих. Силуэты прохожих были едва различимы.

— Ты хочешь ребенка? — спросила Пэт.

— Хочу, конечно.

— Малыш привяжет вас друг к другу. Без детей вы не семья, вы просто пара. Тебе небось все в один голос твердят, что не надо ребенка. Вот бы у нас были дети. Может быть, мы бы тогда не разошлись.

— Вы были замужем?

— Да, за Джимом.

— Вот как, — удивился он.

— Сколько лет вы были знакомы до того, как поженились? Если бы я рассказала тебе, как познакомилась с Джимом, ты бы не поверил. Мы поехали на север по побережью, назюзюкались и легли спать вместе, вот и все. Мы провели там, на Русской реке, неделю — шесть дней — пили, спали… Гуляли босиком по Гернвилю. Купались.

Ты был там когда–нибудь?

Ему удалось выдавить:

— Ну да, бывал. Мы туда по пятницам вечерами выезжали, толпой. Н–н–на выходные оставались.

— Ты с Рейчел ездил?

— Нет, — сказал он, — но с ней мы один раз в Рино ездили.

— Тебе нравится поразвлечься?

— Ну да, — сказал он. — Мы раньше часто в кегельбан ходили. И в «Старую перечницу». А она в п–п–покер играть любит. И танцевать. Танцует она классно. А еще мы по музыкальным магазинам много ходили. И на автомобильные гонки… Как–то в Пеббл–Бич на гонки поехали. Ездили, пока машина была. Потом сломалась, и мы ее продали.

— Так у вас нет машины?

— Нет. Я тут выпрашивал у Нэта, брата моего — у него магазин подержанных автомобилей на Ван–Несс, чтоб он мне на время дал, а он не дает.

— А другие девушки до нее у тебя были?

— Нет, — сказал он.

— Тогда она именно твоя девушка. Как в кино. Девочка, с которой ты рос. Твоя единственная. — Она говорила, держа руки в карманах. — Как

ты думаешь, для каждого парня есть вот такая единственная девушка? Ты веришь в это?

— Не знаю, — сказал он.

— Многие верят.

— Может, и так, — неуверенно сказал он.

Она протянула руку и взъерошила ему волосы.

— А ты знаешь, что ты хорош собой? Ты так молод… И у тебя есть твоя единственная. Готова поспорить, что ты до сих пор встречаешься со своими школьными друзьями.

— В общем, да, — сказал он.

Справа уже был винный магазин, и Пэт вошла в него.

— Верни мне деньги, — попросила она, когда они остановились у прилавка.

— Что берем? — спросил лысый, средних лет продавец с вялой улыбкой, обнажившей вставные зубы.

— Бутылку «Хайрама Уокерса», — сказала Пэт.

Она забрала у Арта долларовые бумажки и заплатила за виски.

— Доброй ночи, друзья, — пожелал продавец им вслед.

Звякнул кассовый аппарат.

— Кем ты собираешься стать? — спросила Пэт, когда они шли обратно. — Когда будешь старым

и сломленным, как мы с Джимом.

— Т–т–типографом, — ответил он. — Слушайте, когда мы придем домой, хотите посмотреть макет нашего фантастического журнала? «Фантасмагория» называется. Ферд Хайнке у нас председатель клуба любителей фантастики. «Существа с планеты Земля» называется.

Она рассмеялась.

— Боже.

— Мы его на «Мультилите»[68] печатаем… У нас есть фотографии членов клуба, рисунки. Вы рисовать умеете? М–м–может, сделали бы какую–нибудь иллюстрацию для журнала? — Он изо всех сил ухватился за этот лучик надежды. — Что скажете?

— Я плохая рисовальщица, — сказала Пэт. — В колледже была у нас пара курсов по искусству. — Она говорила безучастным голосом. — Не жди от меня ничего, Арт. Посмотри, что я сделала с Джимом. Я не умею давать. Все, что мне было нужно, — это брать. Тут моя вина. Я все прекрасно понимаю, но до сих пор не могу ничего ему дать. Даже если стараюсь, не получается. Вот недавно ночью я хотела… — Она осеклась. — Арт, тебе ни-

[68] Примечания: 68

«Мультилит» — машина для размножения ведомственной документации.

когда не отказывала женщина? Предполагается, что женщины должны так поступать. Во всяком случае, некоторые. Я себя к таким никогда не относила. Просто в этот раз я не могла. Может быть, я все еще была обижена. Мне хотелось его наказать. А может быть, я вообще утратила способность кому–то что–то дать. Вот и Бобу Посину ничего не досталось. Джиму я наврала про Боба, но это только чтобы задеть его.

Она остановилась.

— Вот моя машина, — показала она. — Как она тебе?

Подойдя к краю тротуара, он увидел новый «Додж».

— Неплохая, — сказал он. — Хрома многовато, но в–в–вообще агрегат ничего.

— Ты водишь? — спросила она.

— Вожу.

Она вытащила из кармана пальто ключи от машины.

— Вот. Открой дверцу.

Он в смятении открыл дверь машины. Пэт знаком пригласила его сесть, и он втиснулся за руль.

— Куда ты едешь, чтобы прокатить девушку? — спросила она.

— На Твин–Пикс[69], — сказал он. — Наверное.

Его начинало потряхивать.

Она захлопнула дверцу со своей стороны.

— Отвези меня туда. Можно? Не могу я обратно. Он ждет меня, а я не могу. Видит бог: хочу, но не могу.

На склоне холма стояли машины — в основном на обочине или у самой ограды. В них кто–то медленно и громоздко ворочался. Внизу под дорогой переливались складывавшиеся в узоры огни домов и улиц Сан–Франциско. Целое поле огней — насколько видел глаз. Среди огней плыл туман, тут и там заслоняя их. Слышно было лишь, как вдалеке работали двигатели автомобилей.

— Сюда? — спросил Арт. — Да?

Он съехал с дороги на грунтовую площадку. По капоту царапнули ветки деревьев. Он погасил фары.

— Выключи двигатель, — попросила Пэт.

Он повиновался.

Она открыла сумочку и достала пачку сигарет. Он нашел спички и дал ей прикурить. Спичка тряслась, и Пэт подержала его руку.

— Что с тобой? — спросила она.

---

[69] Примечания: 69

Твин–Пикс — холмы в Сан–Франциско с живописным видом на город.

— Н–н–ничего.

Выпуская дым через ноздри, она сказала:

— Здесь так спокойно. Я десять лет сюда не поднималась. С тех пор, как была такой же юной, как ты. Знаешь, где прошло мое детство? Недалеко от Стинсон–Бича.

— Там классно, — сказал он.

— Мы тогда часто купаться ездили. Ты любишь купаться?

— Конечно, — сказал он.

— С тобой все нормально? — Она протянула ему пакет с бутылкой. — Не откроешь? Штопор за приборной доской.

Повозившись, он открыл бутылку.

— Я не должна этого делать, — сказала Пэт, взяв бутылку. — Знаю, что это нехорошо, но мне нужно что–то сделать, я так больше не могу. Как ты думаешь, он простит мне?

Порывшись в бардачке, она нашла пластмассовую чашку без ручки.

— Боже, — воскликнула она. — В ней старые «Бэнд–эйды»[70] до сих пор.

Она швырнула чашку обратно в бардачок.

— Не хочу пить. Возьми. — Она вернула ему

---

[70] Примечания: 70

«Бэнд–эйд» — фирменное название бактерицидного лейкопластыря компании «Джонсон энд Джонсон».

бутылку. — Убери ее, или выпей, или делай, что хочешь. Знаешь, зачем я попросила тебя привезти меня сюда?

— Зачем? — пробормотал он.

— Я чего–то ищу. Арт, мне двадцать семь лет. Я на десять лет старше тебя. Понимаешь? Когда я была такой, как ты сейчас, тебе было семь. Ты ходил в первый класс.

Она сидела и курила, положив ногу на ногу. Ее ноги поблескивали в тусклом свете, пробивавшемся в машину. Он различал ее лодыжки, каблуки.

— Вы очень красивая, — услышал он собственный голос.

— Спасибо, Арт.

— Нет, правда.

— Поехали, — сказала она. — Давай уедем отсюда, не хочу здесь больше оставаться.

Раздавленный разочарованием, он послушно запустил двигатель. Когда он включил заднюю передачу, Пэт протянула руку и повернула ключ зажигания. Двигатель заглох.

— А ведь и поехал бы, — сказала она. — Ты такой… как это называется? А, бог с ним.

Она затушила сигарету и прикурила другую от блестящей стальной зажигалки.

— Ты отвез бы меня обратно, если б я попросила… Не стал бы удерживать меня силой, упрашивать. Арт, я правда тебе нравлюсь?

— Да, — с жаром выдохнул он.

— А как же твоя жена?

Ему нечего было ответить на это.

— Ты же скоро станешь отцом. Ты понимаешь это, Арт? У тебя будет маленький мальчик. Вы решили, как назовете его?

— Нет, — сказал он, — еще нет.

— Что ты тогда почувствуешь? — Она вглядывалась в огни внизу. — Семнадцатилетний парень — и вдруг становишься отцом.

— Да… Мне восемнадцать, — поправил он.

— Странная штука жизнь, черт возьми…

Она повернулась на сиденье лицом к нему и подтянула под себя ноги. Свет выхватывал из темноты ее скулы, и Арт мысленно дорисовал очертания ее лба, выступы бровей, нос. У нее были тонкие губы. В полумраке они казались черными. Подбородок и шею скрывала тьма.

— Ну давай, Арт, — сказала она.

— Чего давай? — испуганно произнес он.

— Пока я не передумала.

Опустив окно, она выбросила сигарету в черноту.

— Я чувствую себя отвратительно. То, что я делаю, ужасно… Я поступаю подло с тобой, с твоей женой, с Джимом, со всеми нами. Как–то перепуталось все. Но что мне остается, Арт? Я кругами какими–то хожу. Не знаю, ничего не понимаю.

Она протянула руку, дотронулась пальцами до его щеки. Придвинувшись, она приблизила к нему губы, и он почувствовал, как они крепко целуют его, ощутил ее твердые, острые зубы, цветочный и коричный аромат ее дыхания. Обняв ее, он услышал шорох ее одежды. Ее мускулы, сочленения и связки слегка подались, все тело шевельнулось. Ее рукав коснулся его глаз. Она прильнула к нему, прижала голову к его шее. Какая тяжелая у нее голова. Она часто дышала. Как загнанная, подумал он. Сидит неподвижно, закрыв глаза, ей довольно того, что он рядом, пальцы сплела с его волосами. Она обессилена, одинока, и он знает, что ей нужно: быть с ним рядышком, обратив к нему лицо для поцелуя. Он приподнял ее голову руками. Губы ее сразу расслабились, приглашая его. Она вернулась в прошлое, снова проживала с ним дни своей юности, первую любовь, волнение первого свидания — в его объятиях, на переднем сиденье автомобиля, стоявшего на обочине дороги над

огнями города, над ночью, тьмой и туманом. В других машинах другие юноши обнимали своих девушек, ласкали и целовали их. Он провел руками по ткани ее блузки, по плечам и рукам, не прикасаясь к груди, потому что не этого она хотела. Прижавшись губами к ее губам, он изливал в нее любовь, в которой она нуждалась, он не опустошал себя, но в то же самое время чувствовал, как она наполняется и становится от этого сильнее. Ей нужно было принять то, что ему было необходимо отдать ей.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Она лишь вздохнула, уткнувшись лицом ему в плечо. Время шло, она не шевелилась, и он наконец понял, что она заснула.

Он легонько приподнял ее спину и чуть подвинул Пэт так, чтобы она опиралась на дверь. Потом укрыл ее пальто. Запустив двигатель, он тронулся вниз по холму, обратно в город.

Когда они ехали среди огней Ван–Несс–авеню, она шевельнулась, выпрямилась и спросила:

— Ты знаешь, где я живу?

— Нет, — ответил он, — но мы туда не поедем, мы едем обратно, на Филлмор.

— Отвези меня домой, — попросила она. — Жене от меня позвонишь. Пожалуйста.

Значит, он ошибался.

— Скажи, куда ехать, — проговорил он.

Его сковало какой–то тяжестью, но он послушался Пэт, он был не в силах противостоять. Она открыла сумочку, чтобы достать сигареты. Оба молчали. Наконец она сказала:

— Здесь направо.

Он повернул.

— Что ты ей скажешь? — спросила она.

— Не знаю. Скажу что–нибудь. Мол, ребят встретил. Гриммельмана, например.

— Ты ведь никогда раньше так не поступал, правда?

— Нет, — сказал он.

— А ты хочешь? Ты не обязан. Я не заставляю тебя.

— Хочу. — Он и в самом деле этого хотел. — Вы такая классная. Очень красивая.

— Спасибо, Арт, — сказала она. — Я знаю, ты не лукавишь. Ты бы не стал обманывать.

Казалось, она успокоилась.

Глава 10

После того как ее муж и Пэт ушли за выпивкой, Рейчел отправилась на кухню мыть посуду. Прошло десять или пятнадцать минут, прежде чем она вытерла руки и вышла к входной двери.

— Они не вернутся, — сказала она, стоя у входа?

Джим не торопился соглашаться с ней.

— Еще как вернутся, — возразил он.

— Нет, — покачала она головой. — Я знала, что это рано или поздно случится. Только никак не думала, что в такой компании… Могла представить, что с Гриммельманом и со всеми этими ребятами.

Джим открыл дверь и пошел вверх по ступенькам.

— Наверно, они уехали на ее машине.

— Вы куда?

— Черт, — выругался он. — Заеду к ней домой.

— Пусть он делает, что хочет, — сказала Рейчел. На глазах у нее не было ни слезинки. Его поразило ее самообладание. — Она красавица и вон какая взрослая. Пускай, если ему хочется. Какая разница, будет у них там что–то или нет? Я не

смогла бы удержать его тут… А вы смогли бы ее удержать?

— Нет, — ответил он, не входя обратно в дом.

Он стоял на ступеньках спиной к открытой двери.

— Люди обычно не слушаются других, — сказала Рейчел. — Можно, конечно, уговаривать их, но это бесполезно. В мелочах — может быть, или если они сами уже приняли решение. Все равно, она очень милая.

— Я убью ее, — сказал он и действительно был готов это сделать, уже представляя, как душит ее.

— За что? Вы же знаете, она много выпила. А у нас с Артом кое–какие трудности… Ему хочется где–нибудь бывать, развлекаться. Он многого не успел попробовать, а хочет. Он ведь такой молодой. У него не было других девушек, кроме меня. Думаю, я единственная девушка, с которой он… как это сказать. Это по–разному называют. Не знаю, как прилично сказать.

— Никак, — сказал он, — во всяком случае, не в нынешней ситуации.

Он проклинал себя. Это его вина.

— Рейчел, — сказал он, вернувшись в дом. — Это все из–за меня. Я привез ее сюда. И я знал, в каком

она состоянии, знал, что она может выкинуть все что угодно. Мы оба можем…

— Плохи у вас дела, — сказала Рейчел, — вы ведь ее любите.

— Послушай, — он взял со стула пальто, — ты оставайся здесь. А я поеду к ней и попробую их поймать. Увидимся.

Не дожидаясь ее ответа, он вышел из квартиры и направился по дорожке к тротуару. Машины Пэт действительно не было на месте. Он поймал такси и назвал шоферу ее адрес.

Свет в ее окне не горел, на звонки никто не отвечал. Подошел какой–то жилец и своим ключом открыл парадную дверь. Джим вошел в дом за ним, поднялся наверх, постучал в дверь квартиры Пэт и подергал за ручку. Ответа не было. Он прислушался, но ничего не услышал.

Спустившись и выйдя на улицу, он поискал «Додж», но его не было.

Они не у нее. Где же тогда? Оставалась только радиостанция. Была половина первого, Хаббл должен был уже запереть помещение. У Пэт был ключ, станция была в распоряжении ее и Арта.

Он снова взял такси и поехал в сторону Гиэри–стрит. Ему пришло в голову, что, по крайней мере, он сможет забрать свою машину со стоянки

такси у радиостанции.

Расплатившись с водителем, Джим обнаружил, что его машины на месте нет. Стоянка такси была пуста. Взглянув вверх, он увидел, что окна верхнего этажа Маклолен–билдинга темны. Он прошел до парковки, но и там не оказалось ни его машины, ни «Доджа» Пэт.

Чуть дальше по улице работала аптека. Он вошел и из телефонной будки позвонил на радиостанцию. Прослушав бесконечное количество гудков, он повесил трубку. Там их тоже не было.

Он нашел номер полицейского участка на Керни–стрит и набрал его.

— У меня угнали машину, — сказал он. — Я оставил ее рядом с тем местом, откуда звоню, а сейчас ее здесь нет.

— Секунду, — ответили в полиции. Раздались оглушительные щелчки, и после нескончаемой паузы тот же голос спросил: — Ваша фамилия?

Джим назвал свою фамилию.

— Это случилось, наверное, меньше часа назад, — сказал он.

И почувствовал свое полное ничтожество.

— Марка и номер.

Он сообщил и эти данные.

— Одну секунду, сэр.

Снова пришлось подождать.

— Ваш автомобиль увез эвакуатор, — сказал служащий полиции. — Он был припаркован на стоянке такси, поступила жалоба из их таксопарка.

— Вот как. И где он сейчас?

— Не знаю. Вам нужно будет сделать запрос завтра утром. Приезжайте к нам на Керни–стрит в пол–одиннадцатого, уладите кое–какие формальности, чтобы вам отдали машину.

— Спасибо, — сказал он и повесил трубку.

Без машины Джим почувствовал себя беспомощным как никогда. Он вышел на тротуар и, дождавшись проезжавшего такси, поднял руку. И вот он снова едет в такси, снова называет водителю адрес Пэт. Джим был уверен, что они непременно объявятся у нее. Может быть, покататься поехали.

Выйдя из такси у ее дома, он увидел влажный блестящий «Додж», одиноко стоявший на месте для парковки у входа.

Он нажал кнопку звонка напротив ее фамилии, но ответа не последовало. Снова ожидание. Через некоторое время кто–то подошел к двери с другой стороны. Из дома вышел грузный мужчина, бросил взгляд на Джима и отправился дальше. Джим

успел проскочить в открытую дверь. Здесь постоянно кто–то входит или выходит. Он поднялся по ступенькам на ее этаж.

Дверь в ее квартиру была закрыта, света не было видно. Он постучался. Она не ответила, но он знал, что на этот раз они здесь. Тогда он взялся за ручку. Дверь оказалась незапертой.

— Пэт, — позвал он, входя.

В квартире было темно.

— Я здесь, — услышал он ее голос.

Он прошел в спальню.

— Одна? — резко спросил он, нащупывая лампу.

— Не включай свет. — Она лежала в постели. — Сейчас.

Она поднялась. Джим чувствовал, как она шевелится в темноте.

— Теперь можно, — сказала она, — я хотела накинуть на себя что–нибудь. — Она говорила ленивым, сонным голосом. — Когда ты пришел? Я спала.

— Где Арт? — спросил он, включая свет.

Она, вытянувшись, лежала на кровати. На ней была только комбинация. Рядом на стуле была аккуратно сложена ее одежда. Ее темные густые волосы рассыпались по подушке. Он никогда

еще не видел ее такой безмятежной, такой довольной.

Улыбаясь, она сказала:

— Я отправила его домой. Дала денег на такси.

— Ты понимаешь, что разрушила их семью?

— Вовсе нет, — возразила она. — Я думала об этом. Я — девушка, с которой он погулял до свадьбы. Понимаешь? Это то, чего ему не хватало… Ты знаешь, что до Рейчел у него никого не было?

— Я привел тебя к ним, — сказал он, — и ты с ходу сломала жизнь этим детям.

Садясь на кровати, она возразила:

— Ты ошибаешься.

— Тебе хотелось переспать с кем–нибудь, со мной ты не могла. Вот и переспала с ним.

— Дело не только в нем, — сказала Пэт. — Когда я увидела Рейчел, мне захотелось быть с ней. Постарайся понять меня. Я в них обоих влюбилась — и ты тоже. Я увидела ее, и мне захотелось любить ее, целовать, ласкать… Мне захотелось уложить ее в постель и потискать. Но я ведь не могла этого сделать. Но это и неважно, с кем из них. Я рада, что ты меня к ним привел — я наконец–то снова ожила… Ты ведь тоже, разве нет?

— Боже, — простонал он. — Только меня не надо в это впутывать.

— Они наши дети, — сказала она.

Он сел на кровать рядом с ней. В каком–то смысле она права, спорить не было смысла.

— Они связывают нас с тобой, — сказала она, пристально глядя на него.

Руки ее расслабленно лежали вдоль тела. Под комбинацией выделялись не прикрытые лифчиком груди. Они двумя маленькими тенями поднимались и опадали под тканью рубашки. Лицо ее было отмыто, от макияжа не осталось и следа.

— Никак не могу начать доверять тебе и поэтому не могу и вернуться к тебе. Ты ведь тоже не доверяешь мне, правда? Мы друг другу не доверяем… Зато им верим. Ты ведь понимаешь, что это я виновата?

— Понимаю, — сказал он.

— Вот что я хотела сказать. У нас уже годами друг к другу доверия нет. Но их мы полюбили и полностью в них верим. Поэтому и можем к ним пойти. Они — единственные в мире люди, которые нас примут. Думаю, через них мы сможем понять друг друга. С ними мы сможем освободиться… Обрести душевный покой, который нам нужен.

— Довольно убогая рационализация, — проком-

ментировал он. — Тебе бы следовало содрогаться от рыданий, а не нежиться в постели.

— Мне так хорошо, — сказала она. — Я чувствую близость к тебе. Разве ты не почувствовал, что это ты был со мной? И я была с тобой, а не с кем–то другим. Помнишь, как мы когда–то вместе лежали после этого… Там, в хижине — я помню, мы просто валялись без сил. Все напряжение уходило, наступало полное изнеможение. Я всегда чувствовала себя ближе к тебе после этого, даже больше, чем во время. Для меня сам процесс — это… — Она помолчала. — Только средство. Разве не так? Боже, а в самом начале, до того как я поставила диафрагму… Когда ты надевал эти жуткие штуки… Мы были так далеки друг от друга. И только потом мы научились быть вместе, чтобы после вот так просто лежать себе.

— Я помню твои слова.

— Про что? Ах, да. Про эти твои штуки.

— Пока мы не поняли, что нам вообще не нужно предохраняться, — сказал он.

— У меня было такое чувство, как будто в меня вводили зеленый садовый резиновый шланг. Я не чувствовала удовлетворения… А ты?

— Не совсем.

— А что теперь? Я снова обманула тебя? Ты так

считаешь? — Она схватила его за руку. — Нам придется и дальше сближаться через них… Ты ведь знаешь это, правда? Мы теперь тоже связаны. Мы не можем расстаться.

— Где ты была? — спросил он. — Перед этим. Я заезжал.

— Мы ездили на Твин–Пикс.

— А чего там этим не занялись?

— Если бы нас поймала полиция, меня бы посадили, наверное. Да и противно, в машине–то. Мне хотелось там, где ты провел прошлую ночь.

— У тебя нет сердца, — сказал он.

— Ты не прав, — возразила она. — Вот увидишь. И ты вернешься ко мне с помощью этой девочки… Мы через них заживем.

— А о них ты подумала?

Она внимательно посмотрела на него.

— Для них это будет большим, удивительным событием. Оно уже случилось.

— Каким образом ты пришла к этому выводу?

— Потому что они любят нас, — сказала она. — Они восхищаются нами. Мы те, с кого они берут пример. Мы все соединимся… Все четверо, мы будем одним целым. Мы снова научимся ходить по земле. И сможем обойтись без мелких людишек — Боба Посина и подобных. Правда. Я так люблю

тебя, любовь внутри меня, я знаю, что это ты был тут со мной.

— Если и так, я такого не припомню. К тому же в означенное время я был в другом месте.

— Дай мне, пожалуйста, мою одежду.

Он передал ей всю кучу. Все так же лежа и опираясь на подушку, она разыскала нижнее белье и чулки.

— Я буду действовать в том же духе, — сказала она и прижала кипу одежды обеими руками к груди. — Я не сдаюсь ради спасения нас обоих. Сегодня ночью я нашла то, что нам нужно. Ты прекрасно знал это, иначе не привел бы меня к ним.

— И совершил ошибку, — сказал он, — ужасную ошибку, черт возьми.

— Ты знаешь, что я права.

— Ты соблазнила парня и теперь просто сотрясаешь воздух, оправдаться хочешь.

— Ну… может быть.

Сев на постели, она нагнулась, через голову стащила с себя комбинацию и, обнаженная, встала. Ее белоснежная, шелковистая плоть быстро скрылась под нижним бельем, и вот она уже застегивала платье.

— Если бы все это было неправильно, — сказала

она, стряхивая волосы с глаз, — я бы чувствовала себя по–другому. А так мне идеально хорошо.

— Зеленый садовый шланг, — проговорил он.

— Что? Это ты на свой счет? — Встав на цыпочки, она поцеловала его в губы. — Нет, ты — безупречен. У меня было все, чего я хотела, все, на что могла надеяться.

— Мальчишка.

— Мальчишка был тобой, — сказала она. — Он и сейчас — ты.

— С девочкой ничего не случится?

Стоя у комода с зеркалом, опустив голову и подняв обе руки, она расчесывала щеткой волосы.

— Ни с ним, ни с ней ничего не случится. И с нами тоже. Мы теперь вместе, мы не опасны для них… Разве не так? В чем опасность? Я у него что–нибудь отняла? Ты что–нибудь отнял у нее?

— Нет, — сказал он, — и не собираюсь.

Она перестала расчесывать волосы.

— Джим, если это не исцелит нас, то ничто больше не поможет. Понимаешь? Тебе это ясно?

— Мне ясно, — ответил он. — Ты еще немного порезвишься, разрушишь этим ребятам семью, исковеркаешь жизнь, потом наиграешься и заявишь, что выходишь замуж за Боба Посина.

— Я не выйду за него замуж, — сказала она. —

Никогда. Что бы ни случилось.

— Слава богу, что так.

— Если из этого ничего не выйдет — тогда не знаю, что делать. Как бы там ни было… — Она бросила щетку для волос и подбежала к нему, глаза ее блестели от радости. — Я просто счастлива. Я никогда ничего подобного не испытывала. Он совершенно не выбивался из сил, никакой усталости — как у нас когда–то. Мы могли бы продолжать без конца — всю ночь, потом весь завтрашний день, еще и еще, не есть и не спать, до бесконечности.

— А как твоя работа?

Он спросил это таким тоном, что она сразу сникла. Закончив одеваться, она проговорила:

— Как там Рейчел?

— Нормально.

— Она что–нибудь сказала?

— Не очень много.

— Я ее… побаиваюсь, — призналась Пэт.

— Тебя можно понять.

— Она будет что–нибудь… предпринимать?

— Понятия не имею. Но, — добавил он, — я не хотел бы оказаться на твоем месте. — Он похлопал ее по спине. — Поразмысли об этом.

— Она еще ребенок. Ей всего шестнадцать, — в

голосе Пэт все–таки слышалась нотка озабоченности. — Это глупо. Ну, похандрит немного, как ты. Но, боже мой, он же вернется к ней. Или она думает, что это будет продолжаться вечно? Не будет...

— Увидим.

Он вышел из квартиры и спустился по лестнице.

Когда он пришел домой, звонил телефон. Оставив дверь открытой, с ключом в замке, он прошел через темную холодную гостиную и нащупал аппарат на столе у дивана.

— Да, — поднял он трубку, свалив на пол, куда–то в темноту, пепельницу.

— Это я, — услышал он плачущий голос Пэт. Слова ее он едва разбирал. — Прости, Джим. Я не знаю, что мне делать. Мне так жаль.

Смягчаясь, он сказал:

— Не горюй. Все как–нибудь уладится.

— Лучше бы мы к ним не ходили. Я не думала, что вот так получится.

— Ты не виновата.

Это он был виноват.

— Они оба такие милые, — сказала Пэт.

Она сморкалась и явно вытирала глаза.

— Ложись–ка спать, — посоветовал Джим. —

Поспи немного. Тебе завтра на работу.

— Ты меня простишь?

— Слушай, перестань.

— Простишь?

— Ну конечно.

— Хочу, чтобы мы поладили, — сказала она. — Как скверно. Как ты думаешь, что теперь будет? Рейчел выйдет на охоту за мной? Как ты думаешь, она будет меня преследовать?

— Ложись спать, — повторил он.

— Ты, наверное, не захочешь сейчас снова прийти ко мне. Хотя бы ненадолго.

Не могу, — сказал он. — Полиция забрала мою машину.

— Я… могла бы за тобой приехать.

— Ложись спать, — снова повторил он. — Увидимся через день–другой. Я позвоню.

— А если бы я ей сегодня позвонила — уже очень поздно?

— На твоем месте, — сказал он, — я бы держался от них подальше.

— Ладно, — согласилась она.

Он повесил трубку, деревянной походкой прошагал в ванную и открыл воду, чтобы принять душ.

Глава 11

Боб Посин, поддерживавший тесные связи со множеством клиентов, встретился с Хью Коллинзом, состоятельным и именитым сан–франциск-ским оптиком, чтобы вместе отобедать.

— Хью, старина! — приветствовал он партнера, протягивая через стол руку.

На лице Коллинза, лысеющего мужчины среднего возраста, играла кривая улыбочка преуспевающего бизнесмена. Радиостанция «КОИФ» давала его рекламу уже три года — ежечасные ролики до и после сводки новостей. Кабинеты доктора Х. Л. Коллинза располагались на Маркет–стрит[71], в Окленде[72] и к югу от Сан–Франциско,

---

[71] Примечания: 71

Маркет–стрит — главная улица Сан–Франциско.

[72] Примечания: 72

Окленд — город на западе штата Калифорний, расположен напротив Сан–Франциско на восточном берегу залива Сан–Франциско. Здесь находятся международный аэропорт, правления многих крупных фирм, несколько колледжей, рядом Калифорнийский университет в Беркли. Известен второй в США по численности общиной художников (после нью–йоркской Гринвич–Виллидж).

в Сан–Хосе[73]. Он был ценнейшим клиентом.

— Хорошо выглядишь, — сказал Посин.

— Да и ты, Боб, неплохо, — ответил Коллинз.

— Как глазной бизнес?

— Не жалуюсь.

— Все очками торгуешь?

— Да еще как.

Принесли запеченные стейки из лососины. Партнеры приступили к еде. Ближе к концу обеда Хью Коллинз объяснил, зачем хотел встретиться.

— Ты, наверное, слышал про наш конгресс.

— А, да–да, как же, — подхватил Посин. — Что, все оптики Северной Америки съезжаются?

— Только с Запада, — сказал Коллинз.

— Важное событие, — заметил Посин.

— Довольно–таки важное. Проводим в отеле «Сент–Фрэнсис».

— На этой неделе начинается, да?

У Посина было самое туманное представление о такого рода мероприятиях.

— На следующей, — сказал Коллинз. — А я возглавляю комитет по культурной программе.

---

[73] Примечания: 73

Сан–Хосе — административный центр крупнейшего в Северной Калифорнии округа Санта–Клара. Ныне — центр электронной и ракетно–космической промышленности. Имеется между народный аэропорт.

— Угу, — кивнул Посин.

— Вот, глянь, — Коллинз наклонился к нему, — хочу показать тебе — это я для ребят взял. Не для всех — только для своих, понимаешь? Для внутреннего круга.

Он сунул Посину из–под стола плоскую, похожую на диск шкатулку.

— Что это? — спросил Посин, осторожно взяв ее и заподозрив подвох.

— Давай–давай, открывай.

— И что будет? Оно выпрыгнет?

Знал он эти их штучки для конференций.

— Да нет, открой, глянь.

Открыв шкатулку, Посин увидел ярко раскрашенную порнографическую безделушку из крепкой пластмассы. Раньше такие делали в Мексике из обычных кухонных спичек с красным фосфором. Во время Второй мировой он стоял с войсками в Эль–Пасо и ездил за такими игрушками в Хуарес, на чем неплохо зарабатывал. Поразительно было снова увидеть такую штуковину через столько лет.

Эта была сделана качественнее. Он попробовал, как она работает — там было всего две позы: подготовка и сам акт.

— Ну как? — спросил Коллинз.

— Здорово, — ответил Посин, закрывая коробочку с безделушкой.

— Должна пойти на ура.

— Конечно, пойдет, — сказал Посин.

Складывая и разворачивая салфетку, Хью Коллинз произнес:

— Правда, этого им ненадолго хватит.

— Это их отвлечет, — сказал Посин, — чтоб девчонок на Маркет–стрит за юбки не хватали.

Тут лицо оптика приняло странное, напряженное выражение.

— Послушай, — хрипло сказал он.

— Да, Хью.

— Ты радиостанцией заведуешь… Наверно, с артистами часто встречаешься? С певцами там, танцорами?

— А как же.

— Не мог бы придумать что–нибудь? Ну, для нашей культурной программы.

Посин сыронизировал:

— Хотите, чтоб какой–нибудь паренек спел вам народные песни?

— Нет, — потея, выдавил Коллинз. — Нам бы, ну… девчушку, чтоб повеселиться по–хорошему.

— К сожалению, это не моя специализация, — сказал Посин.

— Понятно, — разочарованно вздохнул Коллинз.

— Но, кажется, я знаю одного человека, который может вам помочь. Это агент. У него выход на кучу певцов и тому подобного народа в Сан–Франциско… Работает с крутыми ночными клубами и заведениями на Пасифик–авеню.

— Как зовут?

— Тони Вакуххи. Я попрошу его позвонить тебе.

— Я был бы очень благодарен, — сказал Хью Коллинз. Его глаза влажно посверкивали за очками. — Правда, Боб.

В тот же вечер Тони Вакуххи, сидя за письменным столом в своей гостиной, набрал номер организаторов оптического конгресса.

— Свяжите меня с Хью Коллинзом, — попросил он.

— Доктора Коллинза нет, — ответила секретарша.

— Знаете, мне очень нужно с ним поговорить, — сказал Вакуххи. — Ему нужна информация, и вот она у меня есть, а я не могу с ним связаться.

— Могу дать вам его домашний телефон, — сказала секретарша. — Секунду.

И Тони Вакуххи тут же дали нужный ему но-

мер.

— Спасибо, что помогли, — поблагодарил он и повесил трубку.

Откинувшись в кресле, он набрал номер.

— Алло, — ответил мужской голос.

— Доктор Коллинз? Насколько я понимаю, вы отвечаете за культурную программу конгресса. Моя фамилия Вакуххи, я представитель целого ряда эстрадных артистов звездного уровня здесь, в Сан–Франциско. Вообще–то, мы специализируемся на развлекательных мероприятиях, которые любят на разных конгрессах, стараемся, так сказать, скрасить их участникам досуг, пока они в городе, избавить их от неудобств и лишней беготни в поисках таких развлечений. Особенно, когда люди не знают точно, что бы им такого придумать. Понимаете, о чем я?

— Понимаю, — сказал Коллинз.

Ноги Тони Вакуххи лежали на подоконнике. Чуть поворачиваясь во вращающемся кресле, он продолжал:

— Думаю, вам не нужно объяснять, что в такого рода делах требуется деликатность, приходится быть осторожным, и мы должны быть уверены в тех, с кем договариваемся. Так что, может, я бы подъехал, и мы бы переговорили с глазу на глаз?

Уверяю, это не отнимет у вас много времени, можете на меня положиться.

— Приезжайте ко мне, — предложил Коллинз. — Или давайте встретимся в другом месте.

— Я подъеду, — сказал Вакуххи, подбросив вверх карандашную резинку и подставив карман пиджака так, что она попала прямо в него. — Может быть, мне даже удастся подвезти к вам одну из этих артисток — у нее как раз есть опыт в той области, о которой мы говорим. Она молодая, пользуется у нас тут успехом. Ее зовут Фисба Хольт, возможно, вы о ней слышали. Как вы смотрите на то, чтобы я с ней приехал и мы сразу же ударили бы по рукам, а вы бы могли выбросить это из головы и спокойно заниматься делами, которые ждут вас?

— Как вам удобнее, — сказал Коллинз. — А она… подойдет для этого?

— Безусловно, — заверил его Вакуххи. — У нее весьма притягательная внешность, а участники конгрессов обычно это ценят.

Коллинз назвал ему адрес и сказал, что будет ждать.

К дому Хью Коллинза с хрустом подкатил по дорожке желто–черный кабриолет «Меркьюри». Верх был опущен, в автомобиле сидел узколицый

мужчина и молодая хорошенькая круглолицая женщина с рыжеватыми волосами.

Хью Коллинз благодарил судьбу за то, что у него оказался такой знакомый, как Посин, через которого можно выйти на нужных людей. Открыв парадную дверь дома, он вышел встретить Тони Вакуххи и Фисбу Хольт.

— Выходи в пальто, — сказал Вакуххи девушке. Ей, наверное, не было еще и двадцати лет. Ее волосы развевались и блестели на вечернем ветру. — Почему это ты теряешь деньги? Где бы ты заработала в такой час?

— В «Персиковой чаше», — ответила она.

— Да, только «Персиковая чаша» до девяти закрыта. Если у тебя есть хоть капля здравого смысла и... — тут он заметил Коллинза. — Вы мистер Коллинз?

— Да, это я.

Они пожали друг другу руки.

— Входите, я принесу вам чего–нибудь выпить.

Непонятно было, что представляет собой Фисба, потому что она плотно закуталась в пальто.

— Мы пить не будем, — отказался Вакуххи, — но все равно спасибо.

Когда они входили в дом, он кивнул Фисбе. Она сбросила пальто, перекинула его через руку

и словно выросла: как будто вышла из теплой колышущейся воды.

— Здравствуйте, — сказала она Хью Коллинзу.

Девушка была вполне ничего себе, с полненькими ногами, а таких больших грудей он, пожалуй, еще не видывал, и расположены они были очень высоко. Когда она освободилась от пальто, они колыхнулись из стороны в сторону.

— Неужели настоящие? — спросил он у Вакуххи. — Ничего у нее там не подложено?

На Фисбе было тесное шелковое платье, которое успело растянуться и помяться. Оно не выдерживало давления изнутри и уже начинало расползаться по швам.

— Сорок второй размер, — констатировал Вакуххи.

— Шутите!

Но Коллинз был впечатлен. Девушка Фисба театрально прошлась по комнате, откинув назад плечи и подтянув ягодицы, так что груди ее приподнялись, слегка покачиваясь, — это было увлекательное и диковинное зрелище, демонстрирующее, что они у нее свои, не приделанные.

— Представляете, каково с такими расти, — взволнованно произнес Вакуххи. — В школу

ходить до самого выпуска.

— Она сама–то осознает? — спросил Коллинз.

— Все она осознает. Только считает, что это просто части тела, ничего мол, особенного. Как руки, например.

Фисба подошла к ним.

— Я очень рада с вами познакомиться, мистер Коллинз.

— И я, — ответил он. — Но если хотите поговорить, наденьте пальто.

Она послушалась его — и увязла в рукавах. Мужчины даже не пошевелились, чтобы помочь ей — оба стояли и смотрели.

— Чем занимаетесь? — спросил Коллинз.

— Я певица, — сказала она. — Ну, как Лена Хорн[74].

В застегнутом пальто она ничем особенным не отличалась. Лицо у нее было в общем–то невзрачное, округлое, щеки даже чуть обвисли, кожа чистая, но нездорового цвета: бледновата. Линия подбородка расплывалась. Глазки — какие–то маленькие, почти бесформенные, хотя и подведенные, едва ли не косые — не понравились они ему. Самым большим ее достоинством — не

---

[74] Примечания: 74

Лена Хорн (1917–2010) — известная джазовая певица и киноактриса.

считая гигантских грудей — были волосы. Но, во всяком случае, она была молода. Он невольно сравнивал ее со своей женой, Луизой, которая сейчас гостила у родителей в Лос–Анджелесе, Эта девушка была лет на пятнадцать моложе ее. Рыжие волосы выглядели мягкими. Интересно, какие они на ощупь, подумал он.

— А вот имя могли бы себе и другое взять, — заметил он.

Она бросила на него косой взгляд, напугав его улыбкой, обнажившей неровные зубы и светлые широкие десны. Никогда ей ничего не добиться, понял он. И сиськи тут не помогут. Было в ней что–то грубое, нахрапистое — или, наоборот, чего–то не хватало, — как будто она телом старалась пробить себе дорогу в жизни. Пролезть, протолкнуться, подняться хотя бы еще на одну ступеньку. Ее присутствие угнетало его.

Но внешность у нее была действительно «притягательная» — с лихвой, и в гостиничном номере, где собралось бы с десяток мужиков, она произвела бы фурор. Это как раз то, что ему нужно для бонус–шоу после общей развлекательной программы. Гаффи уже согласился предоставить для мероприятия свой номер, а все приглашенные успели скинуться.

— Это я ей имя придумал, — сказал Вакуххи. — Она тут ни при чем.

— Разве вы не знаете, кто такая была Фисба? — удивилась девушка. Она явно была подготовлена. — Это же из шекспировского «Сна в летнюю ночь».

— Она стеной была, — сказал он.

— А вот и не стеной никакой. Она была девушкой из пьесы, которую там ставят. А стена отделяла ее от возлюбленного.

— Скажите, а что вы показываете на сцене? — спросил он. — Декламируете стихи?

— Я же вам ясно сказала: я исполнительница песен в стиле Лены Хорн. Уж про Лену Хорн вы наверняка слыхали.

— Прекрати, Фисба, — приказал Вакуххи. И объяснил Коллинзу: — У нее номер с шаром — но ничего подобного вы в жизни не видели. Постойте, сейчас принесу шар.

Он вышел к машине и вернулся с огромным пластмассовым пузырем.

— Разработка ВМС США, — сказал он, бросив шар. Тот стукнулся, но не разбился, а покатился по полу гостиной. — Это буй, поплавок.

Шар был прозрачным, с неровной поверхностью. Ковер и пол выглядели через него увели-

ченными, искривленными.

— Я в него залезаю, — непринужденным тоном сказала Фисба.

— Вот как? — Коллинз был заинтригован.

— Да, забираюсь вовнутрь. Сейчас я, конечно, не могу. Сначала я раздеваюсь.

— Господи, помилуй! — выдохнул он.

— Ну да, — подтвердил Вакуххи, — залезает в шар. Тесновато ей в нем, конечно, но ничего, справляется. Тут отверстие есть.

Он показал Коллинзу, как приоткрывается часть оболочки.

— Это мы сделали специально для нее. Она влезает в шар обнаженная… — Он отвел Коллинза в сторону, чтобы Фисба не слышала. — А потом ее ну как бы гоняют по полу, понимаете? — Он наподдал ногой по пустому шару, и тот покатился к дальней стене гостиной. — Вот так. Только вместе с ней. Она крутится вместе с шаром — там ведь тесно.

— А как она дышит? — поинтересовался Коллинз.

— Ну, там есть несколько маленьких дырочек. Ну как, подойдет это для вашей культурной программы?

— Да, — ответил он, — конечно.

— Только осторожней — сильно не пинайте, — попросила Фисба. — А то иногда после этих ваших конгрессов неделями в синяках ходишь.

Когда Фисба и Тони Вакуххи ушли, Хью Коллинз стал размышлять над достигнутой договоренностью и приобретением Фисбы, которая будет развлекать его и коллег–оптиков.

«Вот это да!» — воскликнул он про себя и даже почувствовал некоторую слабость. Девица, влезающая в пластмассовый поплавок и позволяющая, чтобы ею играли в футбол, будет готова на все.

Черт возьми, конгресс обещал затмить собой все предыдущие.

Глава 12

Большая часть следующего дня ушла у Джима Брискина на то, чтобы вызволить свою машину у полиции Сан–Франциско. Во–первых, на него не оказалось никакой персональной записи, а во–вторых, никто понятия не имел, где автомобиль находится. Упитанный коп в голубой рубашке предположил, что автомобиль, возможно, отогнали на одну из специальных стоянок. В числе нескольких товарищей по несчастью он отправился на поиски машины. К половине второго она, наконец, нашлась. Заплатив штраф, Джим остался почти без наличных. Он вышел под слепящее полуденное солнце разбитым и озлобленным на все управление полиции Сан–Франциско.

Вот мне и наказание, подумал он.

Пообедав в кафе в центре города, он забрал машину со стоянки — на этот раз он не стал оставлять ее на улице — и в одиночестве поехал к парку Золотые Ворота.

Лужайка под его ботинками была мокра от росы. Он брел, засунув руки в карманы и опустив голову. Впереди каменный мост соединял берег

озера Стоу с островом посередине. Там, на вершине холма, среди деревьев стояло распятие, а вниз падали воды, подаваемые наверх насосом. В озере плескались утки, маленькие, коричневые — не те, которых едят. Тут и там сновали лодки с детьми. На лодочной станции стоял кондитерский киоск. На скамейках, вытянув ноги, дремали старики.

В девятнадцать лет он приходил сюда, исполненный фантазий, которые тогда казались ему запретными и непристойными и, конечно же, исключительными. Он приносил с собой портативный радиоприемник и одеяло, надеясь познакомиться с хорошенькой девушкой в ярком, пестром, чистеньком платье. Теперь те дни, те желания не казались ему непристойными, он скорее чувствовал ностальгию.

Мне не в чем его обвинить, подумал он. Любой мальчишка семнадцати–девятнадцати лет, если он не полный болван, сделал бы то же самое. И я бы так поступил. Как прекрасна Патриция! Что за чудо овладеть парню такой женщиной! Любому мужчине. Но особенно мальчишке, который спит и видит, как бы ему прикоснуться к взрослой женщине, обнять ее. К женщине, которая носит пальто, костюм песчаного цвета, у которой та-

кие темные, длинные, мягкие на ощупь волосы. Такое раз в жизни случается. Безумием было бы отказаться.

Это мечта, думал он. Сбывшаяся мечта. Мечта чистого существа. Тот, кто назовет его поступок грехом, будет лицемером или дураком.

К нему направлялась пухлая, грозного вида белка. Она приблизилась, потом отступила, помахивая пушистым хвостом. Какие у нее, однако, крепкие ляжки! И железная хватка. Вертясь, она снова пошла к нему, иногда застывая столбиком, сжимая и разжимая лапы. Глядела она неприветливо. Похоже, белка была немолодая, бывалая.

Джим остановился у окна лодочной станции, где продавали конфеты, и купил пакетик арахиса.

Несколько лет назад они с Пэт гуляли по Парку, и за ними увязалась белка, она все бежала и бежала, надеясь на угощение. Но у них, увы, ничего с собой не оказалось. Теперь, заходя в Парк, они каждый раз покупали орешки.

— Держи, — бросил Джим белке очищенный орех.

Та поспешила за добычей.

Неподалеку на покатой поляне играла в софтбол ватага подростков в джинсах и футболках.

Джим присел посмотреть. Он ел купленные для белки орехи и с удовольствием наблюдал за шумной, беспорядочной игрой.

Не хотел бы я оказаться на ее месте, подумал он. Тому, на кого Рейчел направит свой гнев, не позавидуешь.

Мяч прокатился по траве и остановился у его ног. Один из ребят сложил руки рупором и крикнул ему. Джим поднял мяч и бросил. Тот упал, не долетев до них.

Господи, даже тут оплошал, подумал он.

Окажись он на месте Пэт, ему было бы страшно. Ведь Рейчел девчонка с норовом — она не из тех, кто будет выслушивать обычные заклинания, груды словес, извергаемых, чтобы оправдать виновного. Вина Пэт была для нее очевидна. Она знала своего мужа и понимала, что должно было сейчас твориться в его душе.

Джим подумал о мальчишке Джиме Брискине, который в свои девятнадцать лет когда–то бродил по тропинкам у озера Стоу. У него была большая, тяжелая голова, руки нелепо болтались. Вообще он был довольно вялым подростком. В спорте не блистал, лицом был бледен. Как и Арт Эммануэл, слегка заикался. Что касается девушек, то, по правде говоря, дожив до девятнадцати,

дальше чем приобнять хорошенькую школьницу с пружинистыми волосами, в юбке и блузке, он продвинуться не успел. Как–то девчонка поцеловала его на танцах. А в один прекрасный день — и что это был за день! — он уговорил девушку (как же ее звали?) обнажить свои прелести настолько, чтобы он смог убедиться: все правда, его не обманывали. Как говорили, так и оказалось: источник вечной жизни на земле, всего самого теплого, доброго и важного находился где–то под блузкой девушки — вот такой свежей, прелестной и застенчивой. Но это не считалось. Он все равно понимал, что сводить девушку в кино и положить руку ей на плечи, когда выключат свет, — это пока его наивысшее достижение. Ну потрогал ее под блузкой, но это ни к чему не привело, девушка так и остается чужой. Чтобы «считалось», нужно полностью овладеть женщиной. Поглядывать, прикасаться, быть рядом — все это ничто, насмешка какая–то. Никогда больше в жизни не было ему так мучительно, как тогда.

Так девятнадцатилетним юнцом слонялся он вокруг озера Стоу, грустя и надеясь. Месяцами напролет, в любую погоду. И вот в один облачный день, около четырех часов, он наткнулся на парочку, которая натирала воском миниатюр-

ную иностранную машину. Автомобиль стоял в тени — хотя солнца и так почти не было видно. Мужчина и девушка работали, не щадя себя. Оба успели вспотеть. На обоих были хлопковые шорты и толстые серые свитера.

Когда он шел мимо, девушка улыбнулась ему, и он бросил:

— Трудимся?

— Хочешь помочь? — откликнулся мужчина.

И он взял замшевую тряпку и присоединился к ним. Когда машина (французский «Рено») уже вся блестела, а тряпки и банки с воском были отложены в сторону, эти двое пригласили его поехать с ними выпить. Они оказались молодой супружеской парой, у которой был шестимесячный ребенок. Жили они в новом микрорайоне в Беркли, он учился в техническом колледже Калифорнийского университета. Будучи их соседом, Джим стал к ним захаживать. А через год муж, который, как выяснилось, был голубым, сбежал с дружком, оставив жену и ребенка. И у Джима завязался с ней долгий, сложный роман с бурными чувствами — первый в его жизни. Но в конце концов муж вернулся, в раскаянии разрывая на себе рубашку, и семья воссоединилась.

Он шел, улыбаясь сам себе. Иллюзии юно-

сти. Джоанн — ее звали Джоанн Пайк — была, пожалуй, самой милой, самой внимательной девушкой из всех, кого он когда–либо встречал. Она так и не поняла, что за хворь приключилась с ее мужем, и, когда он вернулся, просто вычеркнула эти месяцы из памяти и зажила с ним, как прежде.

Вот и Рейчел, наверное, помирится с Артом, подумал он. Но только не с Пэт. До нее–то она, скорее всего, доберется, и уж тогда — берегись! При этой мысли его пробрал жуткий холод.

Пэт была ему дороже всех на свете — должен ли он теперь постараться оградить ее от преследований Рейчел? Ему хотелось заботиться о ней, защищать ее, отвечать за нее. Даже прошлой ночью. Даже когда он сидел на краешке ее постели и, глядя на нее, выслушивал, как она, растянувшись в своей нейлоновой комбинации, рассказывала, что натворила, и почему, и как переспала с другим.

Ну и история. Но вот они в нее влипли, и теперь нужно как–то выпутываться.

Глава 13

Днем, в половине четвертого, Арт Эммануэл, в спортивной куртке и светлых свободных брюках, в начищенных до блеска туфлях, с причесанными и напомаженными волосами, вошел в Маклолен–билдинг. Он вызвал лифт. Ловушка из ажурного железа, пружин и тросов с лязгом и грохотом спустилась в вестибюль. Из нее вышли трое мужчин и женщина, все в деловых костюмах, и направились к выходу. Он вошел в лифт, нажал на кнопку и поднялся на верхний этаж.

Перед ним протянулся сиротливый некрашеный холл. Слева был общий отдел станции с высокими потолками, там за столом сидела и печатала Пэт. Волосы она заплела в косы. На ней был жакет и блузка с декольте.

Арт поздоровался. Пэт, вздрогнув, застыла над пишущей машинкой.

— Здравствуй, — ответила она, испуганно глядя на него.

— Вот, решил заглянуть. К–к–как ты?

— Хорошо, — ответила она. — Домой нормально добрался?

— Да, — сказал он.

Она поднялась ему навстречу. На ней была длинная юбка и туфли на низком каблуке.

— Что сказала Рейчел?

— Она уже легла спать. — Он пошаркал ногами. — Н–н–ничего почти не сказала. Она знала, что мы куда–то уехали. Но не думаю, что она поняла. Ну, в смысле, что у нас было.

— Правда?

— Может, сходим, кофе попьем? — предложил он.

— Нет, — покачала она головой. — Не стоит тебе сюда приходить. Да, мне нужно тебе кое–что сказать.

Она взяла его за локоть и отвела по коридору в маленькую заднюю комнату.

— Я помолвлена с коммерческим директором радиостанции, Бобом Посином. Он где–то здесь. Так что иди лучше домой.

— Да? Я не знал, — сконфуженно сказал он.

Пэт заметила его спортивную куртку.

— Куртка тебе идет. А брюки эти свободные, кажется, не очень.

— А ты всегда отлично одеваешься.

— Спасибо, Арт.

Она была погружена в свои мысли. Наконец, слабо улыбнувшись, она озабоченно сказала:

— Послушай, иди домой — или куда ты собирался. Я постараюсь позвонить тебе вечером. Или, может быть, не стоит.

— Я сам могу позвонить, — с надеждой вызвался он.

— Вот и хорошо. Прости, что я сейчас так с тобой, но прежде чем прийти хоть и к знакомому человеку на работу, нужно сначала подумать. Сам понимаешь.

И, развернувшись, так что ее длинная юбка образовала маленький вихрь, она ушла, бросив на прощание:

— До свидания, Арт.

Он пошел к выходу, а она вернулась за стол и снова принялась печатать.

Ему было невыносимо больно.

Спускаясь вниз на лифте, он чувствовал себя самым несчастным существом на земле. Боль оставалась с ним до первого этажа и не отпустила его, когда он вышел на улицу. Квартал за кварталом она сопровождала его в бесцельных блужданиях. Она не рассталась с ним, и когда он сел в автобус и поехал в сторону Филлмор–стрит. Он сошел на Ван–Несс, но боль не проходила. Он знал, что сразу легче не станет, должно пройти время, прежде чем начнет отпускать. Боль

придется перетерпеть, просто так ее с себя не стряхнуть.

Он зашел в автомагазин Нэта и спросил у брата:

— Так как насчет машины?

— Пока нет, — ответил тот, подкрашивая шину у «Шевроле». — Заходи завтра. Мне тут обещали завезти пару подержанных. Может, дам одну.

— Мне нормальная машина нужна, — раздраженно сказал Арт. — А не старая рухлядь.

— Сходи к Люку, — предложил Нэт.

— Да пошел ты! — ругнулся Арт и вышел.

Придя домой, он улегся с газетой в гостиной. Рейчел не было, наверное, она ушла в магазин. Неприятно было держать в руках шершавую бумагу газеты. У него по коже побежали мурашки. Какой я чувствительный, подумал он. Он терпеть не мог держать что–нибудь в руках. Бросив газету на пол, он вышел из дома, а потом через калитку на тротуар. Дойдя до угла, он постоял там, глядя на людей и машины.

Когда он вернулся, Рейчел была уже на кухне. Достав из коричневого бумажного пакета мыло, помидоры и коробку яиц, она спросила:

— Где ты был?

— Нигде, — сказал он.

— К ней ходил?

— Н–нет, — соврал он. — К кому — к ней? К Пэт, что ли?

— Она, наверно, на работе — на радиостанции, — сказала Рейчел. — Если тебе хочется ее увидеть.

— Я знаю.

— Какая она? — спросила Рейчел. В ней не было никакой враждебности. Она говорила спокойно, но, как ему показалось, с необычной тщательностью подбирая слова. — Мне просто любопытно. Она носит почти тот же размер, что и я. Наверное, двенадцатый. Ты видел ее голой?

— Не помню, — уклончиво сказал он.

— Как не помнишь? — уставилась на него она.

— Д–д–давай не будем, — отрезал он. — Конечно, видел. И не только видел.

Рейчел вышла в другую комнату и надела пальто.

— Ты куда? — спросил он.

— На улицу. Прогуляться.

— Когда вернешься?

— Видно будет, — сказала она и исчезла за дверью.

Злясь и мучаясь от стыда, он принялся убирать продукты и вдруг подумал, что она ведь может и

не вернуться. Она сделает что угодно, если решит, что так надо. Он испугался за нее и за их совместную жизнь. А как же ужин? Придет ли она?

К пяти часам он понял, что не дождется ее. Ее не было уже час. Он открыл банку супа и приготовил еду — суп, сэндвич и чашку кофе. Сидя в одиночестве за кухонным столом, Арт услышал шаги перед домом. Положив ложку на стол, он поспешил в гостиную.

По ступенькам спускался Джим Брискин.

— Здравствуй, — сказал он, когда Арт открыл дверь. — Где твоя жена?

— Вышла, — ответил Арт. — Скоро вернется.

— Решил заглянуть, узнать, как она. — Он оглядел комнату. — Когда ты вернулся?

— Не очень поздно, — уклончиво сказал Арт.

И тут он вспомнил, что переспал с женщиной Джима Брискина. И почувствовал гордость, какое–то торжество.

— Вы с ней были женаты? — спросил он. — Она что н–н–надо.

— Послушай, парень, — сказал Джим, — никогда не говори так о женщине. Это должно остаться между вами.

— Она сама виновата, — вспыхнул он. — Не надо на меня кричать. Она хотела сходить в

винный магазин, а там уже ей з–з–захотелось прокатиться.

— Боже… Ну да ладно. — Джим бросил взгляд на кухню. — Ты не знаешь, когда Рейчел вернется? Как она вообще? Разозлилась? Расстроилась?

— Нормально у нее все, — проговорил Арт.

— Что собираешься делать? — спросил Джим. — Ну, это неважно. Когда Рейчел придет, скажи, что я заходил. Если она не даст о себе знать, я снова приеду.

— А вас, видать, задело, — сказал Арт. — Скажете, нет?

— Не так уж задело, — ответил Джим. — Просто боюсь, как бы что–нибудь похуже не случилось.

Теперь Арт почувствовал смущение.

— Она сама захотела туда поехать, — сказал он.

— Куда? К ней домой? Знаю. — Джим кивнул. — Я уже видел ее, она мне все рассказала. Сегодня утром, наверно, умирала от похмелья.

— Я был у нее примерно в четыре, — сообщил Арт. — Вроде ничего была. По крайней мере, по ней не скажешь, что ей плохо.

— Ты заходил на радиостанцию?

Джим открыл дверь и двинулся вверх по ступенькам.

— Она потрясно выглядит, — сказал Арт.

— Это правда. — Джим остановился. — И это лишь одно из ее достоинств. Какие у тебя планы? Бросишь жену с ребенком и уйдешь к Пэт?

— Не знаю, — пробормотал Арт. — Я должен позвонить ей. Она сама мне сказала.

— Вчера вечером она напилась в стельку, — сказал Джим.

— Знаю.

— Хочу тебе кое–что сказать. Не ради тебя — ради себя. Я был женат на ней три года. И все еще люблю ее. Для тебя это просто красивая женщина, и вчера вечером она подпустила тебя к себе. Сомневаюсь, что это в ближайшее время повторится. С тобой, со мной или с кем–то еще. Это был единственный шанс из миллиона. Ты оказался под рукой — тебе повезло.

На лице юноши застыло страдание. Джим вернулся в комнату и закрыл за собой дверь. Он собирался поговорить с Рейчел. Но вот он здесь и говорит Арту:

— Не искушай судьбу. Считай, что тебе выпало провести счастливую ночь, и успокойся. Я сегодня бродил по парку и вспоминал, как в твоем возрасте готов был отдать что угодно — лишь бы мне довелось испытать то, что случилось с тобой.

Но если ты рассчитываешь на продолжение — только зря себя мучаешь. Поверь мне — я не шучу. Она может причинить тебе много страданий.

— Угу, — буркнул Арт все с тем же выражением лица.

Это была страшная мука — страшнее любой боли.

— Радуйся тому, что получил, — сказал Джим.

— Ну к–к–конечно, — яростно выпалил Арт.

— Подожди, вот еще полюбишь ее. — В нем самом вскипала боль. — Думаешь, тебе сейчас плохо — посмотрим, что будет, когда ты узнаешь ее и поживешь с ней. Что ты о ней знаешь? Только как она одевается да как выглядит — то, что успел увидеть, когда она пришла сюда.

— Я и раньше ее видел, — возразил Арт.

— А я про нее все знаю, — сказал Джим. — И сделаю для нее все, что угодно. Прошу тебя, отстань от нее. Когда она в следующий раз напьется и захочет лечь с кем–нибудь в постель, разворачивайся и шагом марш к жене. Протрезвеет и забудет. Еще кое–что тебе скажу. Если ты попытаешься уговорить ее — убедишься, как я прав. Никому никогда не удавалось уговорить ее что–нибудь сделать — тем более это. Ты попросту выбьешься из сил и в конце концов почувству-

ешь себя распоследним дураком. Тебе еще не встречалась женщина, способная так лишить тебя ума. Уноси ноги, пока помнишь о ней только хорошее. — Он снова открыл дверь. Он не ожидал от себя, что будет говорить такое. — И когда тебе в следующий раз покажется, что ты одержал вот такую победу, сотри с лица эту идиотскую ухмылочку.

Хлопнув дверью, он поднялся по ступенькам и пошел по дорожке к тротуару. Потом сел в машину, задним ходом вырулил на Филлмор–стрит и уехал.

Он увидел ее в нескольких кварталах от дома. Она медленно брела по тротуару с пакетом в руке. Вот зашла в магазин дешевой одежды поглядеть на вещи. Какой у нее печальный вид, подумал он. Горестный. Он просигналил, что останавливается, припарковался вторым рядом и стал смотреть на нее. Когда она перешла к другому магазину, он медленно поехал за ней.

По сравнению с Пэт, одета она была не очень хорошо. На ней было пальто — коричневое, какого–то неопределенного оттенка. Оно бесформенно болталось на ней — простое пальто с провисшими карманами. Стрижка у нее была никакая. Косметикой она не пользовалась — он никогда

не видел ее накрашенной. Она брела с потухшим взором. Из–за округлости живота фигура начинала казаться некрасивой, ее контуры теряли свою четкость. В известных обстоятельствах ее, пожалуй, можно было бы назвать дурнушкой. Но она ею не была. Лицо у нее было суровое, сосредоточенное. Даже сейчас она была подтянута, крепко держала себя в руках. Она не раскисла. В ней чувствовалась сила, которой он не мог не восхищаться. Может быть, она сейчас идет и обдумывает то, что произошло. Она не будет ничего предпринимать, пока не найдет единственно правильного решения.

Его она до сих пор не заметила.

Держа пакет обеими руками, она неспешным шагом шла по тротуару, заглядываясь на каждый магазин, каждую мелочь на своем пути. Ее внимание беспорядочно скользило с одного на другое. Тот, кто ее не знал, мог бы сказать, что сейчас ее можно увести куда угодно — у нее не было никакого маршрута. Но он знал: она сама по себе, сейчас она решает, как ей быть. Она все так же тверда, непреклонна, ее не сломить.

У продуктового магазина она исчезла из виду. Из машины сзади раздался гудок, и Джим вынужден был отъехать от тротуара. На углу он

развернулся и проехал обратно, пытаясь найти ее. Но ее нигде не было видно.

Впереди оказалось свободное место для парковки, он немедленно занял его и быстро пошел пешком к продуктовому магазину. Это была маленькая лавка, торговавшая только овощами и фруктами. Рейчел там не было. Две женщины средних лет разглядывали картошку. В глубине, сложив руки, сидел на табуретке владелец.

Джим двинулся дальше, заглянул в обувной магазин, в кафе, аптеку, химчистку. Ее нигде не было, на улице — тоже.

Он чертыхнулся.

Белое предвечернее солнце слепило глаза, у Джима даже заболела голова. В аптеке был буфет, он зашел и сел, обхватив голову руками. Подошла официантка, и он заказал кофе.

Что ж, значит, ушла домой, подумал он. Можно опять заехать.

Поставив локти на стойку, он принялся за кофе. Тот оказался слабым, горячим, безвкусным. После перебранки с Артом он не находил в себе сил придумать какой–нибудь план действий. Зря он опустился до этого спора. Какой в нем был смысл? Ничего это не даст. Чего он ждал? На что надеялся?

Заплатив за кофе, он вышел из аптеки. Сейчас он был не в состоянии снова ехать к Эммаьюэлам. Потом, решил он.

И увидел Рейчел на другой стороне улицы, у журнального стеллажа. Она рассматривала обложки книжек карманного формата.

Он перешел улицу.

— Рейчел! — позвал он.

Она повернула голову.

— А, это вы, — сказала она.

Он взял у нее пакет.

— Позволь, я понесу.

— Вы нашли их ночью? — Она пошла рядом с ним. — Арт пришел домой. Он не говорил, что видел вас.

— Я был там, — сказал он, — но Арта уже не было.

Она кивнула.

— Тебе это интересно? — спросил он. — Ты хочешь про это слышать? Или надоело уже?

— Надоело. Знаете, я терпеть не могу объясняться. И слушать чужие объяснения терпеть не могу.

— Понимаю.

— Давайте молча пойдем, — предложила она.

И они пошли дальше — еще через одну улицу,

через очередной квартал магазинчиков и баров. Взгляд Рейчел приковала к себе витрина с телевизорами, она не могла от нее оторваться.

— Вам никогда не хотелось на телевидение уйти? — спросила она. — Бросить радио?

— Нет, — ответил он.

— Я тут как–то вечером Стива Аллена смотрела. У вас бы хорошо получилось такую программу вести… Где можно говорить, что хочешь.

— Он не говорит, что хочет, — сказал Джим.

Она оставила эту тему.

— Можно я объясню одну вещь про Пэт? — спросил он.

— К чему? — спросила она. И тут же перешла на примирительный тон. По–видимому, она была просто неспособна мелочно злобствовать. — Хотите, говорите. Но…

— Я только вот что хочу сказать. Думаю, что это с ней вряд ли повторится. Она была пьяна, со мной у нее все запутано, а тут Арт подвернулся…

— Да мне это, в общем, все равно, — сказала Рейчел. — Какая мне разница, почему она это сделала, повторится это или нет? Я вот хожу и думаю, как мне поступить. С ней, то есть. На Арта мне наплевать.

— И что, придумала? — спросил он. — Дело в

том, что у меня вот ты в мыслях, а еще больше — она, и если ты что–нибудь задумала, то лучше бы тебе бросить это и забыть.

— Как далеко они зашли?

— Ты же не маленький ребенок, — сказал он. — Ну вы даете — что ты, что твой Арт!

— Мне просто хотелось узнать.

— А как ты сама, черт возьми, думаешь, как далеко они зашли? Хорошо, давай говорить на таком языке. Как ты думаешь, как далеко могла зайти пьяная женщина, у которой все в жизни наперекосяк, с симпатичным восемнадцатилетним парнишкой после того, как они приехали на Твин–Пикс в двенадцать часов ночи? Ты что, сама не можешь сказать, переспал твой собственный муж с другой или нет?

Как ни странно, она сохраняла спокойствие.

— Я не знаю, как это называть, — сказала она. — Когда мы учились в школе, у нас было много разных словечек. Но это плохие слова. Трудно, когда слов не знаешь.

— Ну так выучи их, — бросил он.

— Вы злитесь на меня, потому что я не могу говорить с вами об этом так, как вам хочется.

Она сказала это, вздернув подбородок и устремив на него свои огромные глаза. На него обру-

шилась вся тяжесть ее презрения.

— Вы говорили, что хотели помочь нам? — продолжила она. — Что мы знаем? Нас никто не научил ничему путному. Убивать я ее не собираюсь — голову там отрезать или еще что. Мне просто хотелось бы дружить с людьми, которые так с другими не поступают.

— Она была пьяна, — сказал он.

— Ну и что? Я хочу спросить ее, что у нее там сейчас в душе происходит. Хочу пойти и посмотреть, чувствует она хоть себя виноватой или нет.

— Чувствует.

— Правда?

— Она звонила мне ночью, — сказал он. — Плакала, рыдала. Она понимает, что натворила.

Они почти дошли до дома. Перед ними был забор и калитка. Рейчел остановилась.

— А что, если я не вернусь домой? — сказала она.

— Это было бы ошибкой.

— Я не вернусь домой.

— И что дальше? — спросил он. — Пойдешь к родителям, у них пока поживешь? Разведешься? Никогда не простишь его?

— Я такое в кино видела, — сказала Рейчел.

— Ну, это кино — сама знаешь.

— Ладно, — сказала она. — Вернусь. — Она взяла у него пакет. — Вы зайдете со мной?

— Конечно, — сказал он.

Они прошли по дорожке и спустились по ступенькам к двери подвального этажа. Арта не было, на столе лежала записка от него. Не выпуская из руте пакета, Рейчел прочла ее.

— Он ушел, — сказала она. — Пишет, что его позвал Гриммельман, и они у него на чердаке. Вы, наверное, не знаете, кто такой Гриммельман.

— Ты ему веришь? Думаешь, это правда?

Она бросила пакет на диван.

— Нет. Пойду, ужин приготовлю. Оставайтесь, если хотите.

Она ушла на кухню, и он услышал, как течет в раковину вода, как гремят кастрюли.

— Тебе помочь? — предложил он.

Она вышла с выражением отчаяния на лице.

— Я мясо забыла купить.

— Сейчас схожу.

Он подвел ее к стулу, усадил и сказал:

— Я быстро.

Мясной магазин, находившийся неподалеку, уже закрывался, других покупателей не было. Он купил стейк «Нью–Йорк», едва дождался, пока мясник завернет его, и вернулся к Рейчел.

— Пойдет? — спросил он, разворачивая перед ней стейк.

Она осторожно взяла его.

— Первый раз вижу, чтобы так отрезали. Это же не филей?

— Нет, — ответил он. — Хотел тебе немного настроение поднять. Тебе надо больше есть.

Войдя со стейком на кухню, она взялась за сковородку.

— Пожарить?

— Лучше в духовке, — предложил он. — Для сковородки мясо слишком нежное.

— Вы поужинаете со мной? — спросила она.

— С удовольствием.

— А потом останетесь? Когда поужинаем?

— Он к тому времени вернется, — сказал Джим.

— А если нет? Подождете, пока он придет?

— Не знаю. Это неудобно.

— Я с родителями жила, — сказала Рейчел, — пока мы с Артом в Санта–Розу не сбежали. Вчера ночью, когда вы ушли, мне очень плохо было. Не могу я одна.

— Мне показалась, что ты очень независимая.

— Можно было бы в кино вместе сходить.

— Нет, — сказал он. — Я не могу пойти с тобой в

кино, Рейчел. Давай поужинаем вместе, а потом я уйду.

— Что мне делать?

— Я годами с этим живу. Когда мы с Пэт разойтись, я думал, с ума сойду. Пару недель вообще жил, как в тумане. Это нужно просто пережить. Да, может, и обойдется — думаю, он придет. Но если не вернется, тебе нужно будет перетерпеть это самой. Согласна? Кому другому я вряд ли бы так прямо сказал это.

— Как подумаю, что он там… — сказала она.

— Знаю. Но вот она уже целый год встречается с Бобом Посином, и я каждую ночь ложусь спать с мыслью об этом.

— Так вот чем все заканчивается?

— Не всегда.

Она зажгла горелки и поставила стейк в печь.

— Рейчел, если я поеду и застукаю его у нее, это ничего не решит, — сказал он. — Ты сама видела вчера ночью. Ты первой это поняла.

— Я хочу пойти в кино. Если вы со мной не пойдете, я одна пойду. Или сначала зайду в «Старую перечницу», найду знакомого парня — или даже незнакомого — и попрошу сходить со мной. — Она стояла к Джиму спиной. — Так что, пожалуйста, сходите со мной.

— Что, правда, пойдешь одна? — Он и так знал — пойдет.

— Давайте посмотрим тот фильм про кита. У нас в копилке куча мелочи набралась. Как он называется?

— «Моби Дик».

— Это по книжке. Я читала, мы ее по литературе проходили. Мы много старых книг читали. Говорят, хороший фильм, да?

— Да, — сказал он.

— А потом можно было бы еще куда–нибудь сходить.

Она поставила воду для овощей.

— Я хочу, чтобы вы остались со мной, — сказала она. — В январе у меня родится малыш, и мне нужна какая–то опора. Это вы ее сюда привели, так что вы тут не посторонний, сами понимаете. Я столько об этом думала, и я не шучу. Если он уйдет, позаботиться обо мне должны вы. Понимаете, о чем я? Но неважно, вы должны. Я очень вас уважаю. А что тут такого? Ничего другого мне не остается. Что бы вы сделали на моем месте?

— Не знаю.

— По–моему, очень дельно будет. Вы же сказали, что хотите помочь мне, когда первый раз к нам пришли.

— Я говорил о вас обоих.

— Хорошо. — Она говорила взвешенно, размеренно. — Арту вы помогли. Теперь можете мне помочь. Вы дали ему то, что он хотел. Теперь позаботьтесь о том, чтобы меня обеспечить, чтоб было жилье, работа. Что, неправильно говорю?

— Да нет, только жестоко.

— Вы сами в это влезли.

Он невольно восхищался ей. В самообладании ей было не отказать. Она нашла лучшее из возможных решений. Она не сдалась, не впала в жалость к себе или слезливость. Пришла к решению сама, без подсказок.

— Я подумаю, — сказал он.

Она продолжала готовить ужин.

Глава 14

Парадная дверь оказалась запертой. Он знал — в больших многоквартирных домах всегда так делают. Но еще он знал, что должен быть черный ход, через который женщины выносят развешивать белье. Обойдя дом с тыла, он увидел веревки и встроенные гаражи. Хлипкая деревянная лестница вела к двери, которая, как он и ожидал, была не заперта — какая–то домохозяйка подперла ее свернутым в трубку журналом «Лайф».

Он проник в здание, дошел по покрытым дорожками коридорам до двери Пэт и без колебаний постучался.

— Кто там? — отозвалась она из глубины квартиры. — Одну минуту.

— Это Арт, — сказал он.

Дверь распахнулась.

— Что такое? — спросила она.

На ней был плотный вельветовый халат — она только что вышла из ванной. Волосы ее были убраны в тюрбан, лицо раскраснелось. Затянув пояс халата, она сказала:

— Я тебя не ждала. Думала, ты позвонишь.

Пока она колебалась, впустить его или нет, он

вошел сам.

— Я звонил, — сказал он. — Ты не отвечала.

— Как там Рейчел?

Ей стало страшно, и она попятилась от него.

— Ушла куда–то, — ответил он.

— Мне нужно под душ. Я не закончила, извини.

И она поспешила в ванную.

Слушая шум воды, он пытался понять, была ли она дома, когда он звонил по телефону. Было без четверти шесть.

— До которого часа ты работаешь? — крикнул он.

— До половины шестого.

Значит, скорее всего, ее еще не было, решил он.

— Ты ужинала? — спросил он, стоя у двери ванной.

— Нет, я не хочу есть. Мне сегодня нехорошо. Хочу пораньше лечь спать.

В ожидании он стал бродить по квартире. Вчера ночью он ее совсем не рассмотрел — они сразу легли, и Патриция даже не включала свет в гостиной. Его заинтересовали гравюры на стенах. И мобиль в углу. Он потрогал его, посмотрел, из чего сделано и как. Понял, что это ручная работа.

Из разрезанных кофейных жестянок и яичной скорлупы, со вкусом раскрашено и покрыто лаком — без сомнения, собственноручно ею. Мебель была низкая, светлая — такая ему нравилась. Он испытал на удобство изящные стулья. Арт чувствовал себя не в своей тарелке, но не терял уверенности в себе. В этой квартире он одержал победу — ему нечего и некого тут бояться. Он был возбужден и даже взвинчен, но страха в нем не было.

Когда она вышла из ванной, он предложил:

— Давай поужинаем в Чайнатауне.

Там были дешевые рестораны и вкусная еда.

— Ты бы чаю попила.

Он был уверен, что она захочет есть.

— У меня голова болит, — сказала Патриция. — Пожалуйста, Арт, давай не сегодня. Хорошо? Я хочу просто лечь спать.

Она ушла в спальню и прикрыла дверь. Он услышал, как шуршит ткань. Там, в темноте — шторы были опущены — она одевалась.

— Я хочу сходить с тобой куда–нибудь, — сказал он.

— Нет, — сказала она. — Пожалел бы меня. Я весь день работала.

— Тебе понравится, — сказал он. — С–с–слушай,

а давай я тебя с ребятами познакомлю.

Он подумал про чердак.

Пэт вышла в трико и свитере. Голова так и оставалась в тюрбане. Вид у нее был сердитый, раздосадованный.

— Арт, оставь меня сегодня в покое. Прошу тебя. Будь другом.

Он обнял ее за талию. Это было совсем нетрудно — она была такая маленькая и легкая. Поцеловав ее в сжатые непослушные губы, он сказал:

— Ну, давай. Пошли.

— Я не хочу никуда идти.

— Хочешь дома посидеть? — спросил он, не выпуская ее.

В ее глазах мелькнул ужас. Она бросила на него взгляд, тело ее оцепенело. Если он сейчас отпустит ее, она разговорами и разными ухищрениями сможет заставить его отстать и, в конце концов, выкурит из квартиры. Она уже почти готова была улизнуть. Но пока он держал ее, ей было страшно. Он был слишком близко, и она не могла ничего предпринять.

— Если ты собрался сводить меня куда–нибудь, — процедила Пэт, — тебе нужно одеться как следует.

— Я нормально одет, — сказал он.

— Выглядишь, как деревенский щеголь.

— Беда со мной просто, — стерпел он.

— Завтра вечером схожу с тобой куда–нибудь. Обещаю.

— Нет, — возразил он. — Завтра мне, может, не удастся вырваться.

Продолжая обнимать ее одной рукой, он протянул другую, чтобы опустить шторы в гостиной.

— Хочешь потанцевать? — предложил он и, включив приемник, нашел танцевальную музыку.

Все еще сопротивляясь, она сказала:

— Я не умею танцевать. Терпеть не могу танцы. Тебе самому не захочется танцевать со мной.

И тут она неожиданно высвободилась. Но прежде чем успела сделать хоть шаг, он схватил ее. Она стала изо всех сил вырываться, но, в конце концов, сдалась.

— Мне… некого винить, — прошептала она, — кроме самой себя.

Он подождал у двери в коридор, пока она возьмет пальто и сумочку.

Поужинав, они продолжали сидеть в задернутой занавесками кабинке. Официант–китаец убрал со стола посуду и принес свежий расписной чайник. Из–за занавесок слышно было, как

беседуют и звякают посудой посетители и снуют официанты. Арт с удовольствием вслушивался в звуки.

Здесь, за столом, напротив него, Патриция казалась чуть более покладистой. Она задумчиво прикурила от своей зажигалки и сказала:

— Люблю Чайнатаун. Но не надо было меня сюда приводить.

— Почему? — спросил он.

— Арт, не надо со мной вообще никуда ходить. — Она улыбнулась. — Ты ведь в меня втрескался? Но я старая. На днях мы поженимся с Бобом.

— Я думал, ты с Джимом Брискином встречалась, — сказал он, не понимая.

— Я его бывшая жена, — объяснила она.

— Но ты же с ним ходила.

— Вы, ребята, живете в каком–то своем мире. Свидания, ухаживания… Ты считаешь, что у нас с тобой сейчас свидание? Ведешь меня поужинать, открываешь мне дверь. Когда ты проводишь меня домой, ты пожелаешь мне спокойной ночи? Или мы уже прошли эту стадию? Немного неуместно, мне кажется…

— По–моему, ты такая шикарная, — признался он, — понимаешь? Ну, то, как ты одеваешься, как

выглядишь.

— Да, я знаю, Арт, — сказала она и, помолчав, продолжила: — Вы ребята какие–то… Как бы это сказать? От жизни отставшие. Держитесь так… церемонничаете, высокопарничаете. Старомодные какие–то. А еще говорят, что вы как звери дикие. Это неправда. Вы стараетесь соблюдать манеры. Ты понимаешь? Мне так, пожалуй, нравится. Вчера ночью все было для меня таким свежим благодаря твоей обходительности. Ты должен был сказать это, сделать то. Не пропустить ни одного шага. Так долго, чуть с ума меня не свел. Но оно того стоило. Это много значит. С чистого листа. Как будто ни у тебя, ни у меня никогда раньше этого не было…

Она стряхнула пепел сигареты о край пустой чашки.

— Если бы ты была девчонкой, ну, в школе, то считалась бы самой красивой, — сказал он. — У тебя такие волосы — ух.

На самом деле он хотел сказать, что она прекрасно сложена. Он считал, что у нее изумительное тело, но произнести это вслух не смел.

— Наверное, это меня и зацепило, — сказала она. — Ты обращал внимание на всякие мелочи. Ты замечаешь во мне не что–то одно, а много

разного. Но и поучиться тебе есть еще чему. Во–первых, — она подняла на него взгляд, — никогда не говори женщине, что у нее что–то большое — руки, ноги или грудь. И ради бога, помни, если ты будешь торопиться, то можешь сделать женщине больно. Особенно, — она подняла бровь, — маленькой женщине. Я хочу сказать, что в этот момент нужно действовать медленно. Пусть она сама решает. Иногда ей бывает трудно сразу взять и расслабиться, она остается зажатой.

Рассматривая собственные руки, он сказал:

— Вот и с Рейчел так было в начале. Целая неделя понадобилась. Много–много раз.

— Если бы я была мужчиной, меня от нее было бы не оттащить, — сказала Пэт. — Что ты нашел во мне? Я не могу дать тебе ничего такого, чего не могла бы дать она. Ты, похоже, не видишь ее по–настоящему. Я просто не понимаю. Может быть, это оттого, что она у тебя есть — и ты принимаешь это как должное. Я хотела бы подарить ей кое–что из одежды. Думаю, ей подошло бы. Ей нужна одежда, но вы сейчас не можете себе этого позволить. При вашем заработке.

Он кивнул.

— Тебе здесь ничего не светит. Выброси меня из головы. Я этого не заслуживаю. В любом случае,

это больше не повторится.

— Джим Брискин то же самое говорит, — проворчал он, не принимая ее слов.

— Что он говорит?

— Что все случилось из–за того, что ты пьяная была.

— Он прав, — сказала она. — Когда ты с ним виделся?

— Он сегодня заезжал.

— И что?

— Хотел с Рейчел поговорить, — сказал Арт.

— Ну да. Этого следовало ожидать. Арт, он очень ответственный. Он переживает и за тебя с ней, и за меня.

— Сказал, чтоб я не бегал за тобой. Что я потом буду очень страдать.

— Это правда, Арт, так и будет.

— Он просто ревнует.

— Нет, — возразила она, — он знает, что говорит. Он меня знает. В чем–то он как ребенок… Есть в нем такая жилка безрассудства. Его может что–нибудь взволновать, он идет на непродуманные поступки, увлекается, особенно если думает, что это его долг. Но он правильно оценивает происходящее. Не думаю, что тут только ревность…

Она потушила сигарету.

Вставая, Арт предложил:

— Пойдем, я хочу познакомить тебя с одним парнем. У него в логове куча карт, планов всяких. У нас Организация. А еще у нас есть «Хорьх», нацистская машина.

— Ты хочешь, чтобы я с тобой туда пошла? — сидя и пристально глядя на него, спросила она.

— Н–н–ну да.

— Ладно, Арт. Раз ты так хочешь.

Она поднялась. Он неуклюже придержал стул.

— И чем же занимается ваша Организация?

— Ну, она, в общем, революционная, — сказал он, вынимая деньги, чтобы расплатиться.

— Правда? — Она снова погрузилась в раздумья. — А я в детстве была социалисткой, последовательницей Бернарда Шоу. Ты читал «Человека и сверхчеловека»? Что–нибудь Шоу читал?

— Нет, — признался он, отдергивая занавеску и выходя из кабинета.

Она медленно направилась к выходу, накинув на плечи пальто. Трое мужчин за одним из столиков внимательно разглядывали ее, один отпустил какое–то замечание и присвистнул.

Суетясь от неловкости, Арт заплатил по счету у кассы и двинулся к выходу. Пэт вышла за ним, и бровью не поведя — мужчин она как будто и

не заметила.

«В отличие от меня», — подумал Арт.

Дорожка, шедшая к лестнице, была забросана мусором. Раскидывая бутылки и макулатуру ногами, он сказал:

— Ну, тут и разруха. Пройдешь?

Солнце уже зашло, темнело.

Она не ответила, и он решил, что пройдет. И стал подниматься по лестнице к металлической двери. Последовав за ним, она остановилась, нагнулась, чтобы поправить туфлю, и снова двинулась наверх.

— Он наверху живет, — сказал Арт.

Дверь приоткрылась.

— Кто там? — спросил Гриммельман своим резким голосом.

— Это я, — сказал Арт. — Слушай, я тут не один.

В глаза ему ударил слепящий свет — Гриммельман зажег карбидную лампу и держал теперь ее на весу над лестницей.

— Эмманьюэл? Поднимайся. Кто тебя сопровождает?

— Открывай давай, — проворчал Арт.

Гриммельман неохотно впустил его.

— Это Рейчел? На каком основании ты ее привел? Тебе ведь сообщалось…

— Это не она.

Дверь открылась, и Пэт вошла на чердак. Сложив руки на груди, она подошла к Гриммельману и спросила:

— Это вы революционер, с которым дружит Арт?

— Вы вошли на секретную территорию, — объявил Гриммельман.

Она скривила губы и, не говоря ни слова, проследовала мимо Гриммельмана к картам, висевшим на стене. Все так же не издавая ни звука, прошлась по чердаку, рассматривая газеты, книги, бумаги и груды разных материалов на столах.

Трясясь от неудовольствия, Гриммельман рявкнул:

— Вы не имеете права трогать эти документы, — и, обращаясь к Арту, спросил: — Кто она? Разрешение есть?

— Это ведь газета СРП[75]? — Пэт взяла лист, испещренный крупными черными заголовками. — Во время войны я знала одного парня из СРП.

— Занимаетесь политикой? — поинтересовался Гриммельман.

---

[75] Примечания: 75

СРП — Социалистическая рабочая партия США.

Бросив газету, она подошла к нему.

— Нет. А что, нужно?

Она очистила один из стульев от книг и газет и села.

— Знаете, кого вы мне напоминаете? — спросила она. — Послевоенных французских студентов. Они жили в Париже на хлебе и маргарине. Ребята, участвовавшие в Сопротивлении, когда им еще не было двадцати.

— Вы были во Франции? — спросил Гриммельман.

— Несколько месяцев в сорок восьмом году. На стажировке.

— Ну и как?

— Они были очень бедны. Зачем это все у вас? Вы входите в организованную группу?

— Он с–с–собирается свергнуть нынешний режим, — сказал Арт.

— Понятно.

— Это не подлежит обсуждению, — заявил Гриммельман. — Если вы были связаны с СРП, то у вас, вероятно, есть контакты с враждебными нам элементами.

Он занялся бумагами и, казалось, забыл о ее существовании. Она была ему явно не по душе. Он не собирался с ней разговаривать.

— Посмотри. — Арт показал Пэт винтовку М–1, которая, как всегда, была смазана и до блеска начищена.

— Вижу, — ответила Пэт, не прикоснувшись к оружию.

— Не нужно ей это показывать, — проворчал Гриммельман.

— Вот ведь елки–палки, — возмутившись, воскликнул Арт. — Что ты на н–н–нее окрысился? Она не подведет, говорю тебе. Я ее знаю.

Он сунул ей винтовку — ему хотелось, чтобы она ее подержала. Но Пэт не взяла ее. Расстроенный, он поставил винтовку обратно на стойку у стены. Пэт подняла с одного из рабочих столов книгу, раскрыла — и отложила в сторону.

Гриммельман, повернувшись к ним спиной, перебирал бумаги. Потом подошел с документами к карте в углу и стал что–то на нее переписывать. В комнате слышалось только его посапывание да скрип карандаша.

— Пойдем, — сказал Арт.

Пэт продолжала сидеть, и он подумал было, что она не хочет уходить. Но тут она, как бы опомнившись, поднялась и пошла к двери.

— Который час? — спросила она у Арта, ступив на лестницу.

Она не попрощалась с Гриммельманом, как и он с ней. Сгорбив плечи, отворотив от них нос, он погрузился у карты в свои бумаги. Сопел, поднимал голову, чтобы потереть щеку тыльной стороной руки. Увидев, что они уходят, он тихо и радостно гоготнул. Когда Арт закрыл дверь, Гриммельман немедленно подбежал и запер ее.

Пэт уже успела спуститься на дорожку и осторожно пошла к улице.

— Чудно у него там, конечно, — оправдывался Арт.

— Он, видимо, серьезно к этому относится. Сколько ему лет? Он ведь старше, чем остальные твои друзья.

— Не знаю, — признался он.

Ему хотелось поскорее забыть всю эту историю.

— Там такой спертый воздух. Как будто едой пахнет. Он и ест там, и спит?

— Н–н–ну да, — пробормотал Арт.

— А чем на жизнь зарабатывает?

— По–моему, на консервном заводе пашет. Осенью.

— Как это тебя угораздило познакомиться с таким экземпляром?

Она уже стояла на тротуаре у машины.

— Он в «Старую перечницу» захаживал, — объяснил Арт.

— Ненормальный какой–то. Видимо, кучу денег на эти книги потратил.

Перед тем как сесть в машину, она спросила:

— Сядешь за руль? Хочешь меня куда–нибудь прокатить?

Он занял водительское место и предложил:

— Хочешь «Х–х–хорьх» посмотреть?

— Как тебе угодно.

— Очень редкая штука, — сказал он. — Ты такого еще не видела.

Когда они ехали по темной улице, Арт бросил:

— Может, т–т–тебе это неинтересно.

— Как тебе угодно, — повторила она.

Произнесла она это безразличным тоном — видимо, ей было все равно. Как будто она была где–то далеко от него.

По сторонам проплывали мимо промышленные сооружения, склады. Уличные фонари были здесь редки. На одном перекрестке он увидел стоявший автобус, в котором сидел и читал журнал одинокий водитель.

«Не стоит», — решил он, повернул направо и поехал обратно в центр города.

Когда они пересекли Коламбус–авеню, Пэт

спросила:

— Мы куда–то в определенное место едем?

— Нет, — сказал он.

— Тогда давай остановимся вон там.

Впереди гасла и снова вспыхивала сине–зеленая неоновая вывеска ночного заведения. Рядом стояли машины, такси. От двери клуба до края тротуара протянулся навес. У входа стояли несколько мужчин в смокингах. К ним присоединилась женщина в вечернем платье и мехах.

— Там? — спросил Арт.

— Я хочу выпить.

— Мне туда нельзя.

— Тогда давай в другое место заедем, — сказала Пэт. — Где–нибудь в Норт–Биче[76].

— Нет.

— В Норт–Биче никому дела нет до того, как кто одевается.

— Мне нельзя, потому что я несовершеннолетний.

— Может, какой–нибудь документ показать бы мог?

---

[76] Примечания: 76

Норт–Бич — известный квартал ресторанов, ночных клубов, стриптиз–баров и порнокинотеатров в районе Коламбус–авеню и Бродвея в центре Сан–Франциско между Чайнатауном, Телеграф–Хиллом и заливом Сан–Франциско. Здесь находятся также популярные книжные магазины и художественные салоны.

В качестве удостоверения личности он мог предъявить только чужой билет ВВС. Слишком рискованно. Если бы его попросили показать водительские права или карточку социального обеспечения, выкрутиться бы не удалось.

— Давай просто домой поедем, — предложил он. — К тебе.

— Значит, светская жизнь на сегодня закончена?

Он не повернул головы, но знал, что она улыбается.

— Не очень увлекательный получился вечер, — сказала она и потянулась. — В любом случае мне не следует ходить развлекаться вечерами по будням. Завтра в семь вставать.

— Хочешь, просто покатаемся? — предложил он.

— Нет. Мне бы домой поскорее.

И все улыбается, подумал он. Получает удовольствие, забавно ей.

— А какого Рейчел мнения о твоем приятеле–революционере?

— Не очень высокого.

— Вряд ли этого — как там его зовут? — вряд ли его интересуют девушки.

— Не интересуют, — подтвердил Арт.

— А к тебе он не пробовал подкатывать?

— Нет.

— Таких в Сан–Франциско полно. Джим когда–то встречался с девушкой, у которой муж был голубой. У него был с ней роман. Во всяком случае, он так рассказывал. Это давно было.

Арт крякнул.

Помолчав, Пэт сказала:

— В сексе есть что–то загадочное. Иногда я думаю, что это не инстинкт… Это то, к чему привыкаешь. Или думаешь, что должен желать. Или то, чего у тебя никогда не было, и ты пытаешься представить себе, как все будет. В нем всегда есть что–то запрещенное. То, что скрывают… отвергают. То, чего как бы не положено иметь. Взять рекламу — она говорит намеками, никогда не называет вещи своими именами. Интерес нагнетается издалека, уклончивыми словами. Так же и в популярных песнях. В мои юные годы мы все еще слушали Гленна Миллера. Помню, во время войны… Мы, бывало, брали пластинки Бенни Гудмена и Гленна Миллера и слушали их вшестером или всемером, лежа на полу. Фрэнка Синатру. — Она засмеялась. — Помню, как Фрэнки был в «Хит–параде». Он и Би Уэйн. «Мои шпоры звякают, бряцают», — напела она. — Это было…

Когда же это было? Кажется, в сорок третьем.

Он молчал.

— Мы тогда с русскими дружили, — продолжала она. — Когда они остановили немцев под Сталинградом.

Опустив окно, она оперлась на него рукой. Внутрь ворвался холодный вечерний ветер и смешался с теплым воздухом от обогревателя.

— Когда я росла, — рассказывала она, — мы много разных песен пели. Какая же была первой? «Bei Mir Bist Du Schon». Я тогда в начальной школе училась. И «Ламбет–уок». Мы даже верили в то, что пелось. А сейчас ребята верят?

— Нет, — процедил он.

— Про то, как луна бледна?

— Нет.

— Помню, одна мне казалась особенно красивой. Сейчас ее еще можно где–нибудь услышать? «Я к звездам лестницу построю». Она мне больше всего нравилась. А то, что Джим ставит в «Клубе 17»... Я никак не привыкну к эхо–камере[77]

---

[77] Примечания: 77

Эхокамера — комната с сильно отражающими стенами, в которую помещен источник звукового сигнала (громкоговоритель) и приемник (микрофон). По сути дела, такая эхо–камера является уменьшенной моделью реального зрительного зала, в котором не всегда удается создать необходимую акустическую атмосферу.

Митча Миллера[78]. Какая–то перенасыщенность. И манера исполнения — невозможно мужчину от женщины отличить. Возьми Джонни Рэя, например. И полная мешанина — вестерн и негритянский джамп, сладко–сентиментальное… Все в кучу.

— Бывают и хорошие вещи, — сказал он.

— Ты слушаешь «Клуб 17»? Да, ты, кажется, говорил. До прошлой недели слушал.

— Рейчел нравится.

— Правда ведь это, пожалуй, лучшая дневная музыкальная программа для ребят?

Он кивнул.

— Как насчет танцевальных залов? Туда тоже только после двадцати одного года пускают?

— Нет.

— Вот вспомнила старые мелодии, и танцевать захотелось. Но уже поздно. Может быть, в другой раз. Джима на танцы было не затащить. Стесняется вечно. А у вас в школе были танцы?

— Были, — сказал он.

— Каждую неделю?

— Да.

— По пятницам?

---

[78] Примечания: 78

Митч Миллер (1911–2010) — американский музыкант, певец, дирижер и продюсер, считается одним из родоначальников караоке.

— Да.

— И парни выстраивались по стеночке?

Они уже подъезжали к дому. Он притормозил и собирался припарковаться.

— Что, приехали? — удивилась Пэт. — Жаль.

— Почему?

Она пожала плечами:

— Рано еще. Хочется зайти куда–нибудь, посидеть. Послушать, может быть, маленький ансамбль какой–нибудь, что–нибудь спокойное. Ритм–энд–блюзовую группу, например. Или фолксингера. Мы с Бобом Поенном собирались на Джун Кристи сходить… Она сейчас в городе. Раньше она со Стэном Кентоном выступала. Мы с Джимом ходим послушать Кентона, когда он приезжает. Вернее, ходили.

Он припарковался и выключил двигатель.

— Ну, — насмешливо произнесла она, — вот и все, наверное.

— Ну ты и переменчивая, — удивился он.

— Неужели?

Она постукивала ногтями по металлу машины, ритмично отбивая барабанную дробь.

— Ты же понимаешь, что я не могу сводить тебя в такое место, — сказал он.

— А жаль.

Открыв дверцу, она ступила на тротуар. Когда он обошел машину, она уже медленным шагом направилась ко входу в дом. Она казалась взволнованной — он только не мог понять отчего.

Из подъехавшей машины просигналили. Пэт обернулась.

Машина остановилась рядом с «Доджем». Окно было опущено, и в него, наклонившись, высунул голову мужчина.

— Где ты была? — крикнул он. — Я сегодня вечером уже два раза заезжал.

Сделав шаг в его сторону, она сказала:

— Ну, я выходила.

— Кто это с тобой? Секунду. — Мужчина поставил машину на ручник и вышел. — Я уже начал беспокоиться. В последний раз, когда мы виделись, ты сказала, что заболела. Я уж подумал, не отравилась ли — может, съела чего.

— Боб, это Арт Эмманьюэл, — сказала она.

Мужчина протянул руку. Все так же обращаясь к Пэт, он сказал:

— Знаешь, где я был весь день? Разговаривал с продавцами пива «Бюргермайстер». Может быть, возьмут по целому часу каждый вечер — с одиннадцати до двенадцати. Это уже кое–что, а?

— Поп или классика будет?

— Что–то среднее. «Бостон–попс»[79] и Мортон Гулд[80]. Не слишком серьезное. — Он поднял бровь. — А ты уже небось умоталась?

— Да нет, не особенно.

— Хочешь… — повел он рукой.

Она бросила взгляд на Арта.

Поморщившись, Боб сказал:

— Как насчет того, чтобы поехать в «Скобис»? Там Ральф Саттон[81] играет. Посидели бы часок.

— Можно, — согласилась она.

— Тогда поехали.

— Ты ведь не можешь с нами? — обратилась она к Арту. — У тебя потребуют предъявить документ.

Всматриваясь в Арта, Боб Посин спросил:

— А я ведь, кажется, видел тебя на станции после обеда? Часа в четыре?

— Арт слушает «Клуб 17», — пояснила Пэт. — Во всяком случае, слушал. До скандала.

---

[79] Примечания: 79

«Бостон–попс» — Бостонский оркестр популярной музыки. Знаменитый оркестр виртуозов из состава Бостонского симфонического оркестра.

[80] Примечания: 80

Мортон Гулд (1913–1996) — композитор, дирижер, аранжировщик, пианист.

[81] Примечания: 81

Ральф Саттон (1922–2001) — джазовый пианист.

— А, понятно, — кивнул Боб. — Ну что, поехали? — и предложил Арту: — Тебя куда–нибудь подвезти?

Арт достал из кармана куртки складной нож, который он прихватил из кучи оружия на чердаке. Пэт увидела сверкнувшее лезвие.

— Боб… — едва слышно, сдавленным голосом произнесла она и подняла руку, как бы ставя преграду. — Поезжай. Я никуда не хочу.

— Как это? — Он открыл и тут же закрыл рот, не находя слов от раздражения. — Что такое, черт возьми, между нами произошло?

— Поезжай, поезжай, — сказала она. — Пожалуйста.

И она снова пошла к дому.

— Ничего не понимаю, — сказал он и, покачав головой, сделал шаг с тротуара к машине. — Ты точно не заболела?

— Точно, — сказала она. — Все хорошо. Увидимся завтра на станции. Пожалуйста.

Сжимая рукоятку, Арт двинулся вслед за Посином. Он никогда еще не носил с собой такого большого ножа, а в действиях Организации это оружие было ни к чему. Не зная, насколько близко нужно подойти для удара (на то, чтобы метнуть нож, его не хватало), он шагнул к Посину,

открывавшему дверцу машины, и остановился. Складки спортивной куртки скрывали оружие. Пэт стояла в дверях дома, закрыв лицо рукой, и наблюдала за происходящим через полуразведенные пальцы.

— Рад был с тобой познакомиться, парень, — с кислой миной процедил Боб Посин. — Думаю, увидимся.

Арт ничего не сказал. Он не знал даже, смог ли бы он что–нибудь выговорить. Горло у него сдавило, он едва дышал.

— Ну, спокойной ночи, — попрощался Боб Посин, захлопнул дверцу, пролез за руль и помахал Пэт.

— Спокойной ночи, — ответила она.

Боб Посин уехал.

Подойдя к ней, Арт сказал:

— Чем хочешь заняться?

Он сложил нож и спрятал его в карман. Под его весом карман куртки оттопырился, а пола провисла.

— Ничем, — почти беззвучно произнесла Пэт.

— Давай войдем, — предложил он.

Они поднялись по лестнице к ее квартире. Отперев дверь, она спросила:

— Что бы ты сделал с ним?

— Мне просто хотелось избавиться от него.

— Ты бы что–то с ним сделал?

Он закрыл за собой дверь.

— Я помолвлена с ним, — сказала она. — Я выхожу за него замуж.

— Ну и что? Мне–то какое дело?

Он отошел от нее, раздраженный и злой.

— Во что же я влипла! — воскликнула Пэт высоким дрожащим голосом.

Она ушла на кухню и, сжав руки, встала у раковины. Лицо ее было бледно.

— Разрешишь остаться на ночь? — спросил он.

— Я… нет, наверно, нет.

— Но почему?

Она повернулась к нему.

— Ты спятил. Ты ничем не лучше своего чокнутого дружка. И угораздило же меня с тобой спутаться! Боже. — Она закрыла лицо руками. — Сбрендивший мальчишка. Какого черта меня с Джимом занесло к вам! Но что толку его винить.

— Я просто хочу остаться, — сказал он. — Что тут такого? Мы ведь уже с т–т–тобой…

— Послушай… — Она направилась было к нему, но, передумав, подошла к стулу. Сев, она сказала: — Я устала, я неважно себя чувствую, и я ни за что не смогу повторить прошлую ночь. А ты

что, готов начать все сначала? — Она глубоко, с дрожью вдохнула. — Я ведь всего лишь хотела сходить за бутылкой. Да я даже и идти не хотела, я надеялась, что ты сходишь.

Вдруг она встала.

— Оставайся, если хочешь, — сказала она. — А я уйду.

Не оглядываясь, она направилась к двери.

Он догнал ее, схватил за плечо и с размаху ударил в глаз. Не издав ни звука, Пэт, раскинув руки, повалилась, упала на стену и осела на пол, ударившись головой. Глаза ее были закрыты, одна рука подогнулась, ноги вытянулись. Из раскрывшейся сумочки высыпались на ковер губная помада, карандаши, зеркальце. Его немного удивило, что ее оказалось так легко сбить с ног. Он поднял ее и отнес на диван.

Ее обмякшее тело было неподвижно, она потеряла сознание. Как только Арт отпустил ее, она подалась вперед, подбородок уперся ей в ключицу, на лоб упали локоны темных волос. У глаза начинало набухать — будет синяк. Когда Арт был маленьким, отец несколько раз избивал его мать. Однажды она ходила с подбитым глазом целую неделю. Стоя у дивана и глядя на Патрицию, он вспомнил, как один раз соседи вызвали поли-

цию. Не проходило и месяца, чтобы родители не погрызлись.

Патриция пошевелилась и простонала. Подняв руку, она поднесла ее ко лбу, хотела пощупать глаз.

— Не трогай, — посоветовал он.

Наконец она открыла глаза. Они были стеклянными, пустыми. Казалось, она не видит его. И так длилось долго.

— Тебе что–нибудь нужно? — спросил он.

Глаза ее все еще смотрели в никуда. Из носа потекло. Он наклонился и вытер его указательным пальцем. Потом отправился на кухню и набрал в полотенце кубиков льда, чтобы сделать компресс. Когда он вернулся, она уже пришла в себя. Приподнявшись, она сидела, закрыв лицо руками.

— Боже мой, — произнесла она дрожащим, едва слышным шепотом.

Он сел рядом с ней и приложил полотенце со льдом ей к глазу. Через некоторое время она взяла его сама.

— Ты ударил меня? — сумела спросить она.

— Да, — сказал он. — Т–т–ты собиралась удрать.

Она откинулась назад и неподвижно лежала. Оба молчали.

— Арт, — наконец сказала она.

— Что?

Она положила компресс на подлокотник дивана.

— Арт, нельзя бить женщину.

Он промолчал.

— Принеси мне зеркало, — попросила она. — Пожалуйста. Из ванной.

Взяв у него зеркало, она осмотрела лицо, потрогала, надавила на глаз.

— С–с–синяк будет, — сказал он.

Она положила зеркало.

— Как ты мог ударить женщину?

— Ты собиралась уйти.

— Меня никогда в жизни не били. Поверить не могу. — Она приподнялась, села и отодвинулась от него. — Нет, не могу в это поверить. Господи, Арт, ты ударил меня.

Она в изумлении смотрела на него, не отводя взгляда.

От неловкости он встал и стал расхаживать по комнате.

— Не понимаю, как ты мог, — сказала она. — При мне никто никогда не ударял женщину. Разве такое вообще бывает?

Она снова взяла полотенце со льдом и приложи-

ла к глазу. Все с той же дрожью от невозможности поверить, она допытывалась:

— Неужели ты на это способен? А жену ты бил? Или это уже вошло в привычку?

— Нет, — сказал он.

— О боже! Боже мой, — только и смогла произнести Пэт.

Глава 15

Она проснулась от звонка будильника. Неясные формы спальни серели в свете раннего утра. Она с трудом приподнялась, нашла будильник и выключила звонок.

У нее все болело, ныли все мышцы, все суставы. Поморщившись, она застыла в неподвижности — было такое чувство, как будто переломаны ребра. Потянувшись вниз, она помяла рукой живот. К коже было больно прикасаться. Они не останавливались всю ночь. Сбросив одеяло, она приложила руку к лицу — кожа вокруг глаза опухла и затвердела.

Рядом, зарывшись лицом в одеяло, спал Арт Эмманьюэл. Первые лучи солнца совсем осветлили, дочиста омыли его белокурые волосы.

Встать у нее не было никаких сил. Она как села, так и сидела на кровати, не трогая больше синяк, стараясь не думать о нем. В восемь часов она наконец выскользнула из постели, накинула халат и доковыляла до ванной. Болели даже подошвы. Все в ней пересохло, стало хрупким, отказывалось слушаться. Как высохший кукурузный початок, подумала она о себе.

В ванной она осмотрела в зеркале глаз. Кожа вокруг него была иссиня–черной и распухла так, что он почти закрылся. Она смочила глаз холодной водой, и он затянулся совсем. Ей стоило большого труда приоткрыть его. Глаз невыносимо жгло. Так вот каково это, подумала Пэт. Теперь она знает.

О том, чтобы идти на радиостанцию, не было и речи. Когда же синяк и опухоль пройдут? Через два дня? Через три? Вдобавок упорная, беспрерывная ночная любовная схватка напрочь обессилила ее. Когда–то в школьные годы она с двумя подругами отправилась в поход на вершину горы Тамалпайс. Тогда она очень устала, но сейчас устала больше. Это было полное, окончательное изнеможение.

Она поставила варить кофе и закурила. Когда кофе был готов, ей стало лучше. Она съела немного домашнего сыра с сухариком, выпила кофе и помыла посуду. Стоя босиком, в халате у раковины, она проглотила две таблетки аспирина, чтобы заглушить головную боль. И вернулась в спальню.

Арт все спал, выпростав руку, раскрыв ладонь пальцами вниз. Рядом в куче на стуле лежала его и ее одежда. Вид у него был совсем не усталый. Да,

об этом она и говорила, об этой жизненной силе.

Ну вот, подумала она. Вот я ее и заполучила. Лежит теперь, спит вот в моей постели.

Взяв кое–что из кучи, она стала одеваться. Но сил никаких не осталось. Часы показывали восемь тридцать. Она прошла в гостиную и позвонила на радиостанцию.

— Алло, — сказала она. — Это Патриция.

— Что случилось, Патриция? — спросил Тед Хейнз.

— Можно я не выйду сегодня? — У нее был такой хриплый голос, что не нужно было притворяться. — У меня, кажется, грипп. Можно? В этом году я еще ни одного дня не пропустила.

Хейнз надиктовал ей целый список лекарств, которые нужно купить, велел, пока не поправится, соблюдать постельный режим, пожелал выздоровления и повесил трубку.

Соблюдать постельный режим. Забавно. В самом деле смешно.

Вернувшись в спальню, она бросила халат к остальной одежде на стул и забралась под одеяло, под бок к спящему юноше.

В полумраке спальни, опершись локтями о подушку, она склонилась над ним лицом к лицу. Коснувшись его губами, она взяла его голову ру-

ками с двух сторон и приподняла, не отрывая от него взгляда. Потом подняла одеяло и опустилась на Арта. Ее тело покоилось на его груди, лице, бедрах, ногах. Какой он теплый. Слышно, как бьется его сердце — отдаваясь в ее груди, из самой глубины его существа, не спящее, неугомонное. Она слушала, как он дышит, припав ухом к его груди, да так и задремала.

Некоторое время спустя, когда в комнате стало уже совсем светло, ее разбудили его объятия. Он смотрел на нее и широко улыбался. Обхватив, он крепко держал ее, сдавливая те места, где болело, саднило сильнее всего.

— О, нет, — простонала она. — Мы больше не можем… Хватит.

— Конечно, — сказал он.

Она попробовала выскользнуть из его объятий, но он не отпускал ее.

— Ты должен был бы совсем вымотаться, — с восхищением сказала она. — Ты уже умереть должен был бы.

— Ты вставала? — спросил он. — Н–н–недавно — тебя не было.

— Я позавтракала.

— Глаз у тебя — жуть.

— Я не могу идти на работу. Я вообще не могу

выйти в таком виде.

Разжав его пальцы, она села и приложила руку к лицу, ощупывая его у носа, у лба.

— Спадает?

— Немного.

— Что мне делать?

— Ждать, — сказал он. — Тебе что, н–н–никогда глаз не подбивали?

— Никогда.

Она снова легла, подтянув колени, чтобы он не приставал к ней.

— Оставь меня в покое, — попросила она.

Приподнятое им одеяло царапнуло ей щеку — он укрывал ее. От этого ей стало лучше.

— Спасибо, — поблагодарила она.

— Ты все равно хорошо выглядишь, — сказал он. — Даже с синяком.

— Помнишь, когда мы поднялись на Твин–Пикс… Ты сказал, что любишь меня.

— Ну да, — подтвердил он.

— Это правда?

— Ну да, — сказал он, — конечно, люблю.

— Тогда как же ты мог ударить меня? — Она подвинулась, чтобы посмотреть ему в лицо. — Разве можно так с тем, кого любишь? Арт, никогда больше так не делай. Обещай мне.

— Ты хотела уйти.

— Я хотела выйти. Уходить я не собиралась.

— А что я д–д–должен был делать, просто стоять?

— И нож этот… Где ты его взял? У своего дружка этого гадкого? Арт, не нужно со всем этим связываться. Ты сам разве не понимаешь?

— У меня в первый раз такое, — пробормотал он.

— Выброси эту чертову штуковину.

— Хорошо, — согласился он.

— Обещаешь? Если ты хочешь встречаться со мной, забудь все это. Сам ведь понимаешь, Арт.

Он ничего не сказал.

Лежа рядом с ним, она ждала ответа. Но он все молчал. Тогда она протянула руку и положила ее ему на грудь. А ведь все не так уж и плохо. Жаловаться не на что. Так она лежала в постели, время шло, проходили часы. Солнце поднялось высоко, согрело и ярко осветило комнату. Стало душно.

— Слушай, я есть хочу, — сказал Арт. — Сколько можно валяться? Давай вставать.

— Арт, когда еще можно будет вот так полежать! — ответила она.

Он беспокойно заерзал в постели.

— Уже, наверно, двенадцать.

— Да, — сказала она. — Полдвенадцатого.

Она перевернулась, легла рядом с ним. Потом подложила под него руку, и он теперь всем своим весом опирался на ее запястье и локоть. Она прильнула к нему сверху, но только головой и плечами. Рукой она отстранила его.

— Нет, — сказала она. — Я хочу просто смотреть на тебя.

Ему это, похоже, было неприятно — он не хотел, чтобы на него смотрели, и смутился.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю, здесь так светло.

— Светло? — Она приподнялась. — А, тебе не нравится, что я на тебя смотрю. Да?

— Я просто не понимаю, как это можно — вот так валяться и ничего не делать.

Но она так и сидела: на пятках, подняв голые коленки, положив ладони на бедра. Он пришел в еще большее смятение.

— В этом нет ничего плохого, — успокаивала она его. — Ты что, стыдишься меня? Или себя?

Она сбросила с него одеяло. Оно упало на пол, оставив их обнаженными.

— У тебя прекрасное тело. Ты можешь гордиться им.

Он встал, нашел свои вещи и оделся. А она так

и не отводила от него взгляда.

— Давай поедим, — предложил он.

— Мне хочется просто лежать, — сказала она, оставаясь в постели.

— Ну, хватит, — угрюмо проговорил он.

— Полежи со мной, — попросила она. Раскинувшись на кровати, она подняла руку и потянулась к нему. — А я думала, ты ненасытный.

Неловкость, которую он чувствовал, показалась ей забавно–нелепой.

— Надо же, теперь, когда я вот так лежу, тебе не хочется. Или, по–твоему, для этого годится только ночь?

— Этим и положено заниматься только по ночам, — заявил он.

— Почему это?

— Потому что ночью темно, — объяснил он.

Она засмеялась. Причудливая застенчивость… Ходульная философия. Старая школа: маскировка… Ей на ум пришло слово «ханжество». Ночью он устроил с ней бой, пока не довел ее до изнеможения, до боли, а теперь, при свете солнца, бежит от нее.

— Тебе понравилось? — спросила она.

— Да, — сердито сказал он.

Он даже говорить об этом не может, подумала

она. Вслух об этом — не положено. Боже мой! Нельзя говорить об этом с женщиной. Вот со шпаной своей можно — вероятно, они только и делают, что болтают об этом. Но я для него — как мать или учительница, мне такое слышать нельзя.

И еще она решила, что в каком–то смысле, хоть это и глупо, влюблена в него. Увлеклась им, увлеклась как подросток. В ней проснулась девчонка.

Но в то же время она не могла не презирать его. Что он мог сказать? Он молод, неопытен. Стоит вот, неуклюже переминается с ноги на ногу. Но какой красавец! В нем есть сила и какая–то природная чистота. Потому что он юн. Просто потому, что он так молод. Так мало еще успел, так мало знает.

— Как ты это себе представлял — в детстве? — спросила она. — Похоже на то, чего ты ожидал? Или тогда, в мечтах, все представлялось идеальным?..

Он что–то промычал.

— Ты слышал про эрогенные зоны? — поинтересовалась она.

На его лице отразились подозрение и ужас. Он не знал, о чем она говорит, но сами слова ему не понравились.

— Их, кажется, девять, — сообщила она. — У женщины. Вероятно, у разных женщин по–разному.

У двери он замешкался — хотел уйти, но не мог.

— Тебе станет легче, если я что–нибудь надену? — спросила она.

— Давай, вставай, — поторопил он ее.

— А ты знаешь, что некоторые женщины могут дойти до оргазма, лаская свои груди?

Он вышел из комнаты. На кухне он достал из холодильника яйца и бекон. Она немного полежала в постели, потом встала, надела юбку и блузку. И вдруг передумала и оставила на себе только нижнюю юбку — от талии до колен. В таком виде она пришла к нему на кухню и села за стол.

Закурив, она стала смотреть, как он готовит себе завтрак.

— В чем дело? — спросила она. — Я тебе мешаю?

— Надень еще что–нибудь, — попросил он.

— Чтобы упустить возможность так походить? Мне не часто выпадает случай расслабиться. На работу сегодня не надо… Не могу же я пойти туда с таким глазом.

— А если кто–нибудь зайдет?

Она пожала плечами:

— Ну и что. Откроешь ты.

— А вдруг Джим Брискин решит заглянуть?

— Ах, вот что, — она пристально посмотрела на него, — боишься?

— Не нравится м–м–мне это.

— И что же мне надеть? Выходное платье? Мы куда–то сегодня идем?

Он сел напротив нее и принялся за еду. От запаха бекона ей стало нехорошо, но она продолжала сидеть за столом. Дым от ее сигареты плыл в его сторону. Он повернул стул и ел, поставив тарелку на колени.

— Кто так ест? — сделала она замечание.

Он вспыхнул и пробурчал с набитым ртом:

— Иди на фиг.

— Разве мама не учила тебя, как вести себя за столом? Что, и Рейчел позволяет тебе так есть? Тебе многому нужно будет научиться. А одежда? Нельзя сегодня снова это надевать. У тебя что, больше ничего нет?

— Все дома.

— Тогда купи себе еще одежды. Или съезди за ней. — Она лениво откинулась назад, положив руку на спинку стула. — Возьми машину, поезжай к себе и забери одежду. И потом, тебе нужно

побриться.

Она протянула руку и прикоснулась к его подбородку. Он отдернулся.

— Нет, ну правда. Тебе нельзя выходить в таком виде.

Он бросил вилку и вышел из–за стола.

Пэт вернулась в спальню и оделась. Когда она вышла, он стоял у окна гостиной, засунув руки в задние карманы брюк. Стрелка с них сошла, и они неровно висели, пузырясь на коленях. Его одежда всю ночь пролежала кучей на стуле.

На ней была яркая голубая юбка и белая блузка с оборками.

— Как тебе моя юбка? — спросила она.

Он ничего не ответил — даже не посмотрел на нее.

— Я, наверное, по магазинам бы походила в центре, — сказала она. — Раз на работу я не иду, хочу одежды купить. У меня целый список есть.

— А как же синяк?

— Он проходит.

Она прошла в ванную, к раковине и плеснула на глаз холодной водой. Кожа была все того же цвета, но уже мягче, осела.

— Тебе нельзя на улицу в таком виде, — сказал он, стоя у двери ванной. — Ты ужасно выгля-

дишь.

— Ну, что ж. Тогда останемся здесь.

— Я не собираюсь тут торчать, — резко сказал он. — Терпеть не могу дома б–б–без дела сидеть. Да и потом, мне к Ларсену надо. Мне там каждый день быть полагается.

— Хорошо, — согласилась она. — Поезжай. А я посижу дома, письма, наконец, напишу.

И добавила, вспомнив:

— Тебе еще, наверное, нужно кое–что сделать.

— Что?

— Может быть, позвонить Рейчел и сказать, что ты жив и здоров? Она, наверное, беспокоится.

— Давай уедем, — предложил Арт.

— Уедем? С тобой?

Он посмотрел на нее с такой страстью, что у нее кровь в жилах застыла.

Придя в себя, она спросила:

— Ты о чем? И надолго?

— Просто уедем, и все.

— У меня есть работа, — сказала она.

— К черту работу. Пакуйся, и поехали.

— У тебя есть деньги?

— Нет, — признался он.

— Тогда как же мы поедем? — Ей сразу стало спокойнее. — У меня тоже нет денег. Не веришь

— поищи, посмотри в сумке, если хочешь.

— Ты можешь продать машину.

— Нет, не могу.

Она чуть не задохнулась от такой наглости — ее интересы он не ставил ни в грош.

— Я еще не получила на нее все документы. И все еще должна за нее тысячу восемьсот долларов. Она станет моей только в мае пятьдесят восьмого.

— Ты можешь занять под нее.

Похоже, он уже все решил. Распоряжается ее имуществом.

— Зачем тебе уезжать? — спросила она, не в состоянии понять, что там в нем происходит.

Видимо, что–то ударило ему в голову, это был мальчишеский каприз. Но с каким поразительным хладнокровием он диктует ей!

— Сюда могут п–п–прийти, — объяснил он.

— Кто, например?

— Джим Брискин.

— А чего это ты так боишься Джима Брискина?

— Потому что ты его девушка, — не задумываясь, отрывисто сказал он.

Арт заставил ее упаковать все вещи: одежду из шкафа, лекарства из ванной, косметику с туалетного столика в спальне, комбинации, лифчики,

трусы, чулки, свитера и блузки из комода. Со всем проворством, на какое был способен, он тащил все это на кровать, где в ряд стояли ее чемоданы — один уже набитый, другой заполненный наполовину. Стоило ей поднять взгляд — он был тут как тут с очередными пожитками. Останавливаться он, видимо, не собирался. Как методично он работал! Стало быть, ее понесло этим потоком — она попалась, теперь не увильнуть.

— Что еще? — спросил он.

— Да тут уже достаточно, — сказала она. — Мне и из этого–то не все нужно.

— Не знаю, что тебе нужно. Давай не будем брать все, возьми только необходимое.

— Ты же не говоришь, куда мы едем и надолго ли — откуда я могу знать, что мне понадобится? Неужели тебе непонятно?

Но все его мысли были о машине.

— Машину можно продать, даже если ей не владеешь. Ты можешь кое–что за нее получить.

Он снял трубку телефона и набрал номер. Укладывая вещи, она слушала, как он односложно и ворчливо задает вопросы.

Надо быть осторожнее, подумала она — если так пойдет и дальше, я отдам ему машину. Да и все остальное.

— Кому звонил? — спросила она, когда он повесил трубку.

— Брату.

— Не знала, что у тебя есть брат. Старший?

— Да.

Пэт с ужасом представила себе еще одного Арта, только крупнее и более грозного на вид. То же самое, только больше.

— Он говорит, что ты можешь продать свою долю, — сказал Арт.

— Откуда он знает?

— У него магазин подержанных автомобилей.

— И что с того? Я не собираюсь расставаться со своей машиной, — отрезала она.

— Какая у тебя доля?

— Арт, забудь об этом, — сказала она. — Мне нужна эта машина.

Она отделила от груды, наваленной им на кровать, полотенца — они им не понадобятся.

— Слушай, ты как заведешь — не остановить, — сказала она. — Так, хватит про машину…

Как будто не видя его, она положила полотенца обратно в комод.

— У меня отложено немного в банке, — призналась она.

— Сколько?

— Книжка в ящике, — показала она на стол. — Не помню. Неважно сколько, можешь пользоваться.

Он открыл сберегательную книжку.

— Двести долларов, — довольно произнес он. — Этого хватит.

— Ну, а что с одеждой будешь делать? — спросила она. — Я про твою одежду.

— А какая мне нужна? — с неохотой отозвался он.

— А ты сам не знаешь? Боже, ты что, сам ее не покупаешь? Она тебе покупает вещи?

Глядя в пол, он предположил:

— Носки, наверно, нужны.

— Носки, рубашки, костюм какой–нибудь, нижнее белье.

Она начала говорить на повышенных тонах. И вспомнила, как плохо это кончалось, как они ссорились с Джимом. Она услышала свой язвительный голос, поймала себя на том, что заводится. Но за всем этим скрывалось что–то новое, совсем непривычное ей.

— Ты беспомощен, как малое дитя. Сходи в какой–нибудь магазин мужской одежды, скажи, что у тебя все пропало — ну, потерял, например. Возьми какой–нибудь неяркий костюм — синий,

коричневый или серый, однобортный. И никаких спортивных курток.

— Почему?

— Потому что ты в них как мальчонка, разодетый ради субботнего вечера.

Он внимательно слушал, понимая, что она знает, о чем говорит.

— Возьми спортивных рубашек, — сказала она, — и простых белых рубашек тоже.

И тут желание взяло верх над раздражением, и она сказала:

— Я пойду с тобой.

— Нет, — возразил он.

Но она уже приняла решение. Перебирая содержимое сумочки, она говорила без умолку — в ней проснулся пыл, и она была не в силах сдержать его.

— Почему это я должна думать о твоих костюмах? Что это вообще такое? Мне что теперь — и одевать тебя, и кормить, и помогать? Получается, что я буду содержать тебя? А что я получу взамен?

Он повесил голову — у него не было ответа на этот вопрос.

— Я тебе вот что скажу, — продолжала она. — Ты должен заботиться о женщине, а не жить за ее

счет. Даже думать за тебя приходится мне — объяснять тебе, как одеваться, как улицу переходить. Думаешь, я долго буду это терпеть? По–моему, с меня хватит. Нет, ну надо же! Посмотри, наконец, на себя хорошенько.

— Успокойся, — сказал он.

Но уже ей было не успокоиться.

— Знаешь, чем это кончится? — опять заговорила она. — Крайней окажусь я. Я больше не смогу снимать эту квартиру. Работу, наверное, тоже потеряю. И от Рейчел мне, пожалуй, достанется, и от Джима Брискина. В конце концов, придется занимать под машину. Арт, я не могу себе этого позволить, не могу. И с Бобом Посином все кончено. Тебе–то что беспокоиться. Если дойдет до полиции, то задержат меня. Скажут, что была сообщницей в правонарушении несовершеннолетнего. Боже, ты ведь всего лишь ребенок. Ты как дитя малое, маленький мальчик. Мой маленький мальчик.

Она поспешила отойти от него — чтобы не прикоснуться. Рядом с ним она себе не доверяла.

В спальне она закрыла за собой дверь, постояла немного.

«Что случилось со мной? Что происходит?» — спрашивала она себя.

Она сняла юбку, блузку и переоделась в синий костюм. Потом напудрилась — больше, чем обычно, замазывая синяк. Надела чулки, туфли на высоких каблуках и белую шляпку с вуалью. Вполне, подумала она. Остались только сумочка и перчатки. Она сложила все необходимое в темную кожаную сумочку, натянула перчатки и открыла дверь. Руки ее не слушались, словно ею теперь незримо управляла какая–то поразившая ее неведомая болезнь. Как будто эта напасть проникла в самое ее нутро и поселилась там.

— Кажется, так глаз не очень заметно, — сказала она.

— Ты как будто на свадьбу собралась, — заметил Арт.

— Похоже, да? — Она приблизилась к нему. — А как глаз?

— Неплохо. Но все–таки п–п–проглядывает немного.

Но она видела — он восхищен. Она знала, что этот костюм идет ей. И Арт явно был впечатлен.

— Джиму нравится этот костюм, — сказала она.

— Нормально выглядишь, — пробурчал он, и это было все, чего от него можно было дождаться.

Арт скрылся в ванной и долго причесывался. Она ждала — знала, что он изо всех сил старается привести себя в порядок.

В костюме она почувствовала свое превосходство. Воспрянула духом, к ней вернулись силы. Она расхаживала по квартире, курила, то и дело останавливалась, чтобы посмотреть, как там он. В этом состоянии подъема ей было спокойно, вольготно. Арт все возился у зеркала в ванной. Она вошла, чтобы посмотреть, как у него продвигается дело, и увидела в зеркале их двоих. Насколько он больше ее! Но смотрится она с ним вместе хорошо. Элегантная, ухоженная. Она испытывала настоящее удовольствие и упивалась этим чувством. Пэт примерила на себя образ состоятельной аристократки, взявшей юношу под свое крыло.

— Тебе надо побриться, — велела она.

— Чем?

Вернувшись в спальню, она поставила один из чемоданов на ручку кресла, открыла его и достала из бокового кармана обернутый в целлофан пакет.

— Можешь воспользоваться моей.

Он удивился, увидев обычную бритву с лезвиями. Рядом с целлофановым пакетом лежала

синяя коробка с изящно напечатанными на боковой поверхности буквами. Взяв у нее бритву, он медленно, не веря своим глазам, прочел надпись. Смятение, отразившееся на его лице, было столь велико, что ей пришлось прикрыть рот, чтобы не рассмеяться.

— Что случилось? — спросила она.

Он безмолвно смотрел на коробку.

— А, — невинно сказала она, — это моя диафрагма. Ночью я ее вынула. Не заметил?

Он так и молчал.

— Думаю, нет. Приходится пользоваться, — продолжала она и полюбопытствовала: — А у Рейчел разве нет диафрагмы?

— Нет.

— Ты знаешь, что это такое?

— Конечно, — прошептал Арт.

— Она тоже может приобрести ее. Вы ведь поженились. Рейчел нужно обзавестись этой штукой. Скажи ей. А чем же вы пользуетесь?

— Н–н–ничем.

— Ей нужно что–то. Диафрагма — самое безопасное средство. Пусть сходит к гинекологу, ей там все расскажут. Определят размер, и она сможет найти ее в любой аптеке. Эта — моя и Джима… Она у меня с тех пор, как мы были жена-

ты. По Закону Калифорнии о совместно нажитом имуществе, половина ее принадлежит ему.

Все это было ей в удовольствие, и она проследовала за ним обратно в ванную. Его руки и лицо скрылись от нее под брызгами воды над раковиной — повернувшись к ней спиной, он принялся старательно мыться, намыливаться.

Раздетый до пояса, он брился, а она стояла, прислонившись к дверному косяку и сложив на груди руки. В ванной было мокро и тепло. Как в какой–нибудь безопасной пещере, где ты спрятался от всего мира, словно в утробе матери, подумала она. Шум воды заглушил все другие звуки. Сильно — душисто и влажно — пахло мыльной пеной.

— Джим бреется два раза в день, — сказала она. — У него борода гу сто растет. По утрам как проволока. Интересно, многим мужчинам так часто бриться приходится? Бритье — это, наверное, из двух зол худшее.

— Каких двух зол?

Он умылся и теперь вытирался, зарывшись лицом в полотенце.

— Тебе незачем знать.

Она поддразнивала его, играла с ним.

Но когда она приблизилась к нему, ее восторг

как рукой сняло. На смену ему пришло вожделение, и она обвила руками его голую талию, совсем легонько обняла его. Она сдерживала себя, не давала полной воли чувствам.

— Осторожнее, — с некоторой опаской сказал он.

И тут ей стало ясно, что ее желание наконец открылось ему. Она сразу отпустила его и отошла в смущении и беспокойстве.

Дитя мое, подумала она. Он надел рубашку и стал застегиваться. Угрюмый мальчишка. Она пересилила свою страсть, позволив одним только мечтам, видениям ее жажды проноситься в сознании. Перед ее внутренним взором одна задругой появлялись и исчезали фантазии, они были у нее всегда, но осуществить их так и не удалось. Она подождала, сохраняя спокойствие, пока они не улеглись. Но совсем они не исчезли. И никогда не исчезнут.

— Ну что, пойдем? — сказал Арт.

— Я самым отвратительным образом хочу тебя, — ответила она. — Так что давай–ка действительно двинемся. Тебе приходилось видеть женщину, у которой только что появился на свет ребенок?

— Я не ребенок.

— Да не обижу я тебя, — заверила она его. — Просто мне хочется быть с тобой рядом. Я аккуратно. Но дай мне хотя бы одежду тебе купить.

Ей хотелось одевать его, расчесывать ему волосы, но она старалась не прикасаться к нему. Внутри ее высвободился и распускался прекрасный хрупкий цветок любви. Он рос, отделившись от нее. Она горлом ощутила колебания этого цветка, и он вырвался из нее приглушенным вскриком. Она поспешно отошла от Арта, чтобы он не слышал. Но он все равно, пусть подсознательно, но чувствовал, что с ней происходит. Этого было не скрыть. Но ему плевать, подумала она.

— Я не жду, что ты мне дашь все, чего я хочу, — вздохнула она.

— Ты ребенка хочешь, — понимающе сказал он. — Вот в чем все дело.

— Не надо меня ненавидеть, — она старалась, чтобы ее слова не звучали, как мольба.

Но ее усилия не имели значения — ведь она не сможет получить то, что ей нужно, он и не способен дать это.

Чемоданы теснились в багажнике и на заднем сиденье машины. Она перекрыла на кухне газ, удостоверилась, что краны закрыты, а свет пога-

шен, и заперла дверь.

— Ну, вот и все, — сказала она.

Они сели в автомобиль. Она смотрела, как позади уходит вдаль ее дом. Они сделали остановку в банке, а потом в магазине мужской одежды на Маркет–стрит. После магазина Арт повел машину к скоростной дороге. Не обращая внимания на Пэт, он с увлечением крутил баранку.

— На юг? — спросила она. — Думаешь, на юг лучше?

Не ответив ей, он повернул налево, чтобы выехать на скоростную дорогу. Улицы и дома города были уже под ними. Какое все закопченное, подумала она. Запущенное, унылое.

— Арт, я хочу спросить тебя кое о чем, — обратилась она к нему. — Если бы ты не был семейным человеком, если бы у тебя не было жены и вы бы не ждали ребенка, и, скажем, ты был бы на пару лет старше, а мне было бы, ну, двадцать четыре, а не двадцать семь…

Она повернулась и теперь смотрела прямо ему в лицо. Но тут она поняла, что сказать не может.

— И что? — спросил он.

Она все–таки пересилила себя:

— Ты бы захотел на мне жениться?

— К–к–конечно, — ответил он, — я и сейчас

хочу на тебе жениться.

— Арт, это невозможно. Даже и не думай.

— Но почему?

— Арт, ты только испортишь себе жизнь.

Она готова была расплакаться. Сделав над собой усилие, она продолжала:

— Ты не можешь бросить Рейчел. Она замечательная. Куда лучше, чем я. Я знаю.

— Это не так, — возразил он.

— Это правда. Если бы я хоть что–то собой представляла, меня бы сейчас тут с тобой не было. Я прекратила бы это после первой ночи. Но мне не хватает сил. Я очень слабая, Арт.

И ведь так и есть, подумала она, тут не поспоришь.

— Мы просто оттягиваем развязку. Рано или поздно нам нужно будет расстаться. Я все твержу себе: сейчас надо закончить, прямо сейчас. Я уже старая, а ты слишком молод. Но нам никак не остановиться. И мы за это поплатимся.

— Зачем расставаться? — возразил он.

— Через какое–то время мы сами захотим этого. Это нездоровые отношения, неправильные. Ничего хорошего в этом нет.

— Ну, не знаю, — сказал он.

Он слушал ее — и слышал. Но не был согласен.

Повернувшись, он увидел, что ее губы — темные, полные — уже тянутся к его губам, она приподнималась к нему.

А может быть, Пэт права, подумал он.

Ее губы трепетно коснулись его губ. Рукой в перчатке она дотронулась до его лица, жадно сдавливая его пальцами. Ноздри ее раздувались. Уголком глаза он увидел, как под пудрой и помадой подрагивают ее подбородок и губы. От нее пряно, душисто и вязко пахло малиной. Вуаль она подняла, чтобы поцеловать его.

Он подумал про ее красивые длинные ноги. Ничто не вечно в этой жизни. Никакие чувства, даже самые яркие и значительные. Даже это. Она права. Вот ощущение от прикосновения к ним уже прошло, а однажды не будет и этого образа. Через несколько десятилетий и сами эти ноги, роскошное тело, руки, лицо, темные волосы, талия исчезнут, умрут, превратятся в прах, думал он. И он не будет помнить о них, потому его тоже не будет. Все эти сложные движущиеся части тела замрут, сочленения распадутся, жидкости высохнут — останется только пыль.

А раз это способно исчезнуть, то исчезнет и все остальное. Ничто нельзя сохранить. Ничто не выживет. Куда деваются все разговоры, му-

зыка, веселье, машины, все окружающее? Уйдет и вот эта тончайшая чувствительность, уйдет сама цивилизация в своем синем костюме, с вуалью, на каблуках, с подобранными по цвету сумочкой и перчатками. На то, чтобы создать это, понадобились тысячелетия. Дома и города, идеи и книги, армии и корабли, целые государства — черт с ними, их есть кому оплакивать. Он же оплакивает вот это.

Я захотел получить это, как только увидел. И получил, оно у меня было, и все мои надежды оправдались до последней капельки, размышлял он.

Немного не доехав до Редвуд–Сити[82], Арт свернул со скоростной дороги и съехал на Эль–Камино–Реаль[83]. У Менло–Парка[84] на обочине шоссе стоял мотель.

Почему бы и не здесь, подумал он.

---

[82] Примечания: 82

Редвуд–Сити — жилой и промышленный пригород Сан–Франциско.

[83] Примечания: 83

«Камино–Реаль» — название многих шоссейных дорог, особенно в Калифорнии и Нью–Мексико. Наиболее известная из старых испанских дорог в Новом Свете соединяла в XУП1 в. калифорнийские миссии и протянулась вдоль всего штата с юга на север, начинаясь у Сан–Диего и заканчиваясь у Сономы, севернее Сан–Франциско. (От испанского Camino Real — «королевская дорога».)

[84] Примечания: 84

Менло–Парк — город в округе Сан–Матео.

Пэт испуганно подняла голову и огляделась.

— Хочешь здесь остановиться?

— Похоже, это то, что нам нужно, — сказал он.

— Мотель. Мотель «Четыре туза», — прочла она вывеску.

— На вид вроде ничего.

— Никогда не ночевала в мотелях. Мы всегда снимали домик, когда куда–нибудь ездили. Мы далеко от Сан–Франциско?

— Миль двадцать будет.

Он выехал на усыпанную гравием обочину дороги и остановился. Она вышла и посмотрела в ту сторону, откуда они приехали.

На севере остался Сан–Франциско — его уже почти не было видно, но город был там. Она чувствовала его близость. Двухмерные очертания административных зданий были словно вырезаны из картона и наклеены на вечернюю дымку. Сухой воздух пах золой. Она вдохнула, втянула в себя дух грузовиков и легковых автомобилей, висевшую в небе фабричную гарь.

К Сан–Франциско вели бетонные эстакады, система автомагистралей, по которой приехали они. Дорожные развязки высились вдалеке над землей, парили над ней, по ним с шумом проносились машины, их поток разделялся,

автомобили мчались в разных направлениях, проезжая под черными указательными знаками с буквами такого же размера, как сами машины. Это присутствие города, его близость тревожила и в то же время радовала ее. Быть здесь, на краю города, расположиться сразу за его чертой, не в нем, но около него, достаточно близко, чтобы вернуться, если захочется, и довольно далеко, чтобы чувствовать себя отдельной от него — она свободна, сама по себе, город не держит ее, не связывает.

Мимо с грохотом проезжали огромные дизельные грузовики. Земля дрожала у нее под ногами.

Она с наслаждением вдохнула воздух. Свобода, чувство движения, дорога, машины. Все куда–то стремится, перемещается, подумала она. Ничто здесь не стоит на месте, нет ничего неизменного. Можно быть кем угодно. Здесь проходит граница.

Глава 16

У тротуара остановился синий довоенный «Плимут», из него выскочил Ферд Хайнке и побежал по дорожке к ступенькам квартиры в подвальном этаже. Он спустился и постучал в дверь. Из–за шторы за окном гостиной пробивался свет — значит, Рейчел или Арт дома.

Дверь открылась, и его встретила Рейчел. У нее был изнуренный и безразличный вид.

— Здравствуй, Хайнке.

Как всегда, робея в ее присутствии, он пошаркал ногами и сказал:

— Привет. Арт дома?

— Нет, — ответила она.

— Я тут хотел макет забрать.

Она, по–видимому, не поняла, и он объяснил:

— Макет «Фантасмагории». Он где–то у вас лежит. Арт с ним работал.

— А, да, — вспомнила она. — Он просил меня ошибки проверить.

Рейчел открыла дверь, и Ферд Хайнке вошел.

— Я его заберу.

Он остался ждать ее. Чувствовал он себя не в своей тарелке. У квартиры был какой–то унылый,

нежилой вид. Он не сразу заметил, что в углу сидит, вытянув ноги, взрослый мужчина в костюме. Сначала Ферду показалось, что гость спит, но потом он понял, что тот смотрит на него.

— Здравствуйте, — пробормотал Ферд.

— Здравствуй, Ферд, — сказал мужчина.

Узнав Джима Брискина, Ферд спросил:

— Как поживаете?

— Не очень хорошо, — коротко ответил Джим Брискин.

Пришла Рейчел с макетом.

— Вот, — сказала она, отдавая его Ферду.

Она произнесла это таким убитым тоном, что тот решил сразу же уйти. Взяв у нее макет своего научно–фантастического журнала, он поблагодарил ее и пошел вверх по ступенькам, на дорожку.

Рейчел закрыла за ним дверь. Он прошел по дорожке до калитки и вышел к машине. Сидевший за рулем Джо Мантила заметил:

— Что–то быстро ты.

— Его нету дома, — объяснил Ферд, залезая в машину.

Они остановились у все еще открытой печатной мастерской. Стоявший за прилавком толстяк в цветной рубашке с закатанными рукавами

и штанах на подтяжках просмотрел макет. Он быстро перелистал страницы короткими пухлыми пальцами. Ферд Хайнке и Джо Мантила притихли чуть поодаль от него.

— Вам сфальцевать, сшить? — Толстяк набрасывал шариковой ручкой цифры. — Сколько экземпляров?

Ферд сказал, что им нужно штук двести. Приемщик записал. Потом вывел несколько сложных чисел — количество страниц, их размер — и начертал загадочные обозначения веса бумаги и химического процесса.

— А можно на производство посмотреть? — спросил Ферд — он любил наблюдать, как что–нибудь печатают.

— Конечно, — разрешил толстяк, куривший сигарету «Мелакрино»[85]. — Только под ногами не путайтесь.

Они прошли мимо прилавка и увидели негативы нескольких макетов от местных фирм, а потом и само фотооборудование. Дальше было кое–что поинтереснее: там лязгал хитроумный фальцевально–резальный станок, и на наклонно движущуюся ленту со стуком падали сотни оди-

---

[85] Примечания: 85

«Мелакрипо» — марка сигарет в египетском стиле.

наковых брошюр. Буклет назывался «Вольфрам в военное время», издавал ее завод, находившийся в южной части Сан–Франциско. Лента везла брошюры вниз, где они автоматически собирались в стопку. Конвейер наполнял помещение грохотом, орудовали металлические манипуляторы.

— Как марсианин, — сказал Хайнке. — Или что–то из «Металлического монстра» Эйба Мерита[86]. У меня он в первом издании есть, в октябрьском двадцать седьмого года выпуске «Сайенс энд Инвеншн» опубликован, под названием «Металлический император».

— Угу, — кивнул Джо Мантила, не слушая его.

— Никто почти этого не знает, — продолжал Хайнке, стараясь перекричать грохот.

— А где Арт? — спросил Джо.

— Не знаю. Дома его не было.

— Если бы я на такой девушке женился, меня бы из дома не выманить было, — сказал Джо.

— Меня тоже, — согласился Ферд.

Они получили счет и вышли из мастерской. По пути к машине Джо заметил, что Ферд держит под мышкой тонкую картонную папку.

— А это ты ему не отдал?

---

[86] Примечания: 86

Эйб Меррит — Абрахам Грейс Меррит (1884–1943) — американский писатель–фантаст, журналист и редактор.

— Нет, — сказал Хайнке.

— Что это?

— Рассказ, — ответил Хайнке и сразу напрягся.

— Что за рассказ?

— Фантастика, конечно. Всю прошлую неделю писал. Пятьсот слов. — Он крепко держал папку обеими руками. — Неплохо вышло.

— Дай почитать, — попросил Мантила.

— Не, не дам. — Хайнке захотелось как–нибудь увильнуть.

— А для кого писал?

— В «Эстаундинг» пошлю.

— Если там напечатают, то его все прочитают. — Мантила протянул Руку. — Давай, показывай.

— Да ну, на фиг, — уперся Хайнке.

— Как называется?

— «Заглядывающий».

— И что это значит?

Пересиливая себя, Хайнке ответил:

— Это главный герой. Он мутант, у него псионические способности, может входить в контакт с планетами, параллельными Земле. Весь мир разрушен, лежит в руинах, а он видит Земли, где не было войны. Идея не совсем новая, но под необычным углом.

Мантила выхватил у Хайнке папку.

— Завтра верну, тогда и отошлешь.

— Отдай, скотина! — Взбешенный Хайнке попытался вырвать папку. — А ну отдавай, сволочь такая!

Завязалась схватка, папка полетела вниз, на нее наступили, подняли, потом снова уронили. Джо поставил Ферду подножку, и тот растянулся на земле, все пытаясь ухватить свою папку.

— Ну, ты!.. — лежа заорал он.

— А чего ты так прячешь его от меня? — спросил Мантила, подбирая смятые листки. — Что ты там такое от всех скрываешь?

Хайнке мрачно поднялся на ноги.

— Когда показываешь свои вещи знакомым, — сказал он, отряхивая джинсы, — они всегда узнают в них себя.

— Так это про меня?

Хайнке побрел к машине.

— Писатель берет материал там, где он ему попадается.

Джо Мантила немедленно дал ему пинка под зад.

— Если про меня написал, я тебе яйца оторву.

— А я подам на тебя в суд за оскорбление действием и кражу рукописи. Как ты на это посмотришь?

Забравшись в «Плимут», он сказал:

— Да не про тебя там.

— А про кого?

После долгой паузы Хайнке пробормотал:

— Про Рейчел.

Джо Мантила фыркнул:

— Блин, не смеши меня. Она у тебя из головы не идет, да?

— Рассказ о ней и Арте.

— Ни фига себе.

Сев за руль, Джо Мантила принялся читать рукопись.

«Заглядывающий»

Научнофантастический рассказ Ферда Хайнке

Взгляд полковника Трокмортона невольно обратился в сторону запертой на три замка камеры, вокруг которой круглосуточно дежурили солдаты в форме, вооруженные бластерами. В эту комнату никто не входил. В ней находилась последняя надежда Земли. Дверь была опломбирована.

Какие мысли проносились в голове у полковника? Пути назад нет. Они зашли слишком далеко. В комнате была заключена единственная надежда Земли на спасение из руин, в которые ввергла ее Третья мировая война между Россией и Америкой.

— Жутко, — содрогался полковник. — Демон он или бог? Иногда я не могу этого понять. Знаете, лейтенант, я уже несколько дней глаз не смыкаю. Не знаю, можно ли доверить судьбу человечества этому Существу. Лейтенант, мы ничего не знаем о нем. Как может человек разумный понять человека высшего? Это непостижимо.

— Но, может быть, он спасет нас, — тихо сказал лейтенант. — Если захочет.

В комнате сидел мужчина. Склонив голову, он размышлял. Звали его Рональд Манчестер. Ему было двадцать три года, и его Психонические способности достигли, наконец, полного расцвета. Но думал он не об этом. Он думал о том, что он самый могущественный человек на свете — даже не человек, а совершенно уникальный богоподобный супермен, способный спасти Землю. Сквозь обыденный мир, в котором жили обычные люди, он проникал взором в почти неправдоподобную другую вселенную, красота которой была скрыта ото всех, кроме него.

Что видел он в этой иной вселенной? Для него было открыто альтернативное настоящее параллельных Земле миров, которые не успела разрушить человеческая жадность. Они находились у него в голове. Его ум представлял собой

пространственно–временной континуум, который вел с одной Земли на другую, а лобная доля его мозга была ориентирована на чудесное спасение, видеть которое мог лишь он один. Его взору представали дивные деревья и цветы — великолепный сад, очень похожий на Эдем, еще не разграбленный алчным человеком. Разные звери мирно лежали рядом. Люди жили в мире и согласии. И не было никакой вражды.

Видя все это, Рон печалился, ведь он знал, что его мир разрушен человеком. Уничтожит ли он и этот подлинный Райский Сад? На сердце у супермена было тревожно. Он знал, как жаден гомо сапиенс — сам он был первым представителем новой расы, которой была незнакома эта эгоистическая алчность. И солдаты лишили его свободы, потому что все необыкновенное было непонятно и ненавистно им. Чернь преследовала его улюлюкающей толпой. Его забрасывали камнями и палками. Обессиленный, донимаемый людьми, он, в конце концов, едва живой, ушел от них. Жить среди них было ему невыносимо, ведь он не умел убивать. Он был лишен способности уничтожать. Он был как Бог. Он любил всех. Он желал дружбы.

Как–то раз сидел он в одиночестве в своей ка-

мере, и ему предстал совсем новый мир такой потрясающей красоты, что никто и вообразить себе такого не смог бы. Никто не поверил бы в его существование, таким прекрасным и нетронутым он был. Он ошеломил даже человека будущего, отчего тот на некоторое время лишился дара речи. Когда он увидел эту картину, его охватила дрожь, он весь похолодел. У поляны в девственном лесу раскинулось восхитительное озерцо, подернутое рябью. Животные радостно резвились под горами, возвышавшимися на фоне неба. Небо было усеяно звездами, в нем повисла луна поразительной красоты, освещавшая землю своими лучами.

Вдруг он заметил какое–то движение в лесу. Он присмотрелся — это была женщина.

Эта женщина была богиней. Рядом с ней на берегу спокойного лесного озера сидел большой, похожий на кошку лев, чья шерсть была не обычного цвета, а зеленого. Женщина задумчиво смотрела на воду и время от времени заходила в озеро поплескаться, и тогда от нее расширяющимися кругами расходилась рябь. Женщина была нагой. Ее груди поднимались двумя конусами, увенчанными розовыми розами, на которые он смотрел почти с благоговением. Лицо ее было

печально, как будто она размышляла о чем–то.

И вот однажды, как раз перед тем, как его должны были расстрелять, перед ним явилась эта прекрасная женщина. Посередине камеры засиял круг ослепительного света, и из него вышла она.

— Пойдем, — прошептала она.

У нее были большие голубые глаза и красные губы. Ее волосы черным каскадом падали на обнаженную шею и плечи. Огненный круг, в котором она двигалась, высвечивал ее длинные обнаженные ноги.

С ее милых губ слетели слова:

— Я спасу тебя. Я отведу тебя в мир, где ты сможешь жить.

— Зачем? — тотчас спросил он.

В любой миг мог явиться полковник Петерсон.

— Я полюбила тебя. Я знаю, как трудно тебе приходится, высший мутант. Но поторопись! — Она бросила взгляд на экран визуального наблюдения на голом запястье. — Солдаты уже идут, и спасти тебя я смогу, только если поспешу.

Их умы телепатически встретились, и он увидел, что должен делать. Он взобрался по стене к лампе под круглым колпаком и вынул из нее платиновый атомный волосок (изобретение будущего, работавшее без питания). Сорвав со стен

провода, он взял пряжку от своего ремня и вынул спрятанные микроскопические инструменты, которые носил с собой. Под ее телепатическим руководством он быстро смастерил нужный механизм.

— Ты веришь мне? — прошептали ее губы.

— О, да, возлюбленная, — был его ответ, — я полностью доверяю тебе. Ведь ты не такая, как другие, не такая, как люди.

Вдруг его ослепила вспышка света. Когда свет рассеялся, он лежал на травянистой поляне, которую так хорошо знал. Сначала он не поверил, что находится там — то, как говорила с ним женщина, заставило его сильно сомневаться. Может быть, она что–то скрывала от него? И тут она появилась.

На ней было простое обыкновенное белое платье, перехваченное поясом. На ногах ее были сандалии. Ткань прилипла к ее грудям, высоким и полным. Она шла, и тело ее двигалось.

— Ты пришел, — спокойно молвила она.

Сначала она улыбалась сдержанно, потом все шире. Она отвела его, спотыкающегося, с поляны к обрыву. Яркое солнце на какое–то время ослепило его. Когда он открыл глаза, его взору предстало невероятное. У него вырвался крик — но она была

рядом с ним. Она все знала и понимала.

Ибо он увидел, что находится все на той же Земле. Перед ним лежали в руинах разрушенные города, какими он помнил их. Это была их старая Земля! Он был ошеломлен.

— Это твой настоящий мир, — сказала женщина. Обнаженной рукой она показала на развалины у подножия горы. — Я вернула тебя в него. Мы с тобой отстроим его заново. Мы не уйдем в себя — исполним великое предназначение. Мы дадим вечную надежду человечеству, оно заслуживает того, чтобы все создали заново. С твоими способностями и нашими деньгами мы поможем восстановить все, что разрушили бактерии и водородные бомбы. Миллионы людей погибли ужасной смертью. Война собрала свою страшную дань. Но не отчаивайся в людях. Виноваты военные, а не все человечество. Я — женщина, ты — мужчина. Мы поможем людям, не отвернемся от них.

Он слушал ее, и постепенно в нем забрезжило понимание. Она убедила его в том, что он был не прав. Он выбрал легкий путь. А она открыла ему глаза на то, что он должен был понять.

— А как же все эти полковники Петерсоны? — спросил он.

— Мы их одолели, — ответила она, стоя рядом с ним на вершине горы. — Их больше нет. Сила добра и любви победила войну.

Далеко внизу под ними уже началось новое созидание. Они неторопливо пошли туда, чтобы приветствовать его.

Конец

Джо Мантила вернул рукопись и папку.

— Сентиментальщина, я тебе скажу, — изрек он и стал заводить «Плимут».

— Паршиво, — удрученно согласился Ферд Хайнке. — Это ты хотел сказать? Думаешь, не стоит в журнал посылать?

В глубине души он понимал, что рассказ безнадежен.

— Это, значит, Рейчел была? — спросил Джо. — Богиня эта?

— Ну да, — ответил Ферд.

— Конец непонятный какой–то.

Ферд пояснил:

— Идея в том, что она на самом деле человек, а не пришелец из другой вселенной.

— Как марсианка, что ли?

— Мутантка. Он–то думал, что она мутантка нечеловеческого происхождения.

— А этот, как там его звали — это будто бы

Арт?

— Да, его прообразом стал Арт.

— И кто же он, в конце концов, — мутант, как и она?

— Ну да, как он выяснил, — сказал Ферд. — Он понял, что он тоже человек. Его долг был перед человечеством, а не перед самим собой. Она объяснила ему это. Его долг был в том, чтобы отстроить мир заново.

Помолчав, Джо Мантила сказал:

— Я бы точно не отказался жениться на ней.

— Твоя правда, — согласился Ферд Хайнке.

— А знаешь, она ведь умнющая.

— Это да, — подтвердил Ферд.

— Как ты думаешь, в чем смысл жизни? — спросил Джо Мантила.

— Трудно сказать.

— Ну, а ты–то как думаешь?

— Ты имеешь в виду конечную цель?

— Для чего мы здесь, на Земле?

Поразмыслив, Ферд Хайнке сказал:

— Чтобы человечество перешло на следующую эволюционную ступень.

— Ты думаешь, люди следующей ступени уже среди нас, но мы этого не знаем?

— Может, и так, — ответил Ферд.

— Я раньше думал, что смысл жизни в том, чтобы выполнять волю бога, — сказал Мантила.

— А как ты определяешь бога?

— Бог создал Вселенную.

— А ты Его когда–нибудь видел?

— Слушай, — сказал Джо Мантила, — я тут рассказ читал — там военный ангела подстреливает. Представляешь? Ранил его, что ли.

И он, бесконечно повторяя подробности, стал пересказывать Ферду Хайнке сюжет.

— Я читал, — оборвал его Ферд.

— Интересно, как она много всякой всячины знает, — заметил Джо. — Это я про Рейчел. Может, она и в самом деле высший мутант. — Он продолжал, жестикулируя: — Я бы не удивился, если бы у нее обнаружились эти способности, как у мутантов. В смысле, она на других не похожа. Как скажет что–нибудь, сразу знаешь — это правда. Может, у нее дар — как это? — будущее читать.

— Дар предвидения, — сказал Ферд Хайнке.

— Да нет. В этом–то весь смысл рассказа. На самом деле она человек. Есть много людей, не похожих на военных.

— Если бы она сейчас была здесь и слышала нас, знаешь, что бы было? — спросил Джо Мантила.

— Посмеялась бы.

— Точно, — согласился Джо. — Ты заметил, она не верит в то, во что другие верят — я там или ты? Когда с ней разговариваешь, она тебя даже не слышит. Про все, чем мы занимаемся — Организацию, «Существ с планеты Земля». Наверно, она — правда высший мутант, и в конце концов мир будет принадлежать ей.

— Наверно, наше общество переживает свои последние дни, погибнет оно скоро, как когда–то Рим, — сказал Ферд.

— А почему пал Рим?

— Рим пал, потому что общество у них выродилось. Тут и нахлынули варвары, и все, конец пришел.

— Они все библиотеки и здания сожгли, — сказал Джо Мантила.

— Круто.

— Неправильно это было. Они всех христиан поубивали, замуровывали их в катакомбах и зверей на них спускали.

— Это римляне делали, — поправил его Ферд Хайнке. — На гладиаторских боях. Римляне терпеть не могли христиан, потому что знали, что те разнесут их пустое общество, так и получилось.

— Император Константин был христианином, — возразил Джо Мантила. — Это варвары

христиан убивали, а не римляне.

Они спорили еще долго.

Глава 17

Мотель «Четыре туза» представлял собой ряд квадратных, оштукатуренных снаружи комнаток в калифорнийском стиле, современных на вид, удобно расположенных на краю шоссе, по которому въезжали в Сан–Франциско с юга. Его венчала необъятная неоновая вывеска. Внутри каждого такого тускло освещенного номера, в самом его центре, стоял душ.

Постоялец, оплативший проживание, бросал на пол чемоданы, закрыв дверь, прятался от утомительной дороги с ее яркой мельтешней, осматривался и видел кровать — чистую и широкую, латунный светильник — тонкий и удивительно высокий и затем — душ. Тогда гость сбрасывал с себя потную одежду — спортивную рубашку, туфли, брюки, трусы, и, счастливый, шел принимать душ.

Пальцы его босых ног ласкал шероховатый пористый камень пола, похожий на известняк, но окрашенный пульверизатором в нежно–сизый цвет. Зеленые стены тоже были как будто выложены из пористого камня. Душ стоял не в отдельном помещении, а прямо в комнате. Воду

держал барьер из саманных блоков высотой в фут. Блоки были неправильной формы, напоминали фундамент разрушенной испанской крепости, и постояльцу казалось, что он находится внутри древнего, безопасного, вечного строения, в котором он волен делать все, что ему заблагорассудится, быть, кем захочется.

Под душем комнатки «С», расставив ноги, чтобы потереть лодыжки, стояла Патриция Грей.

Дверь номера была приоткрыта, и сквозь щель в него лился предвечерний солнечный свет. А вместе с ним в комнатку заглядывала площадка, посыпанная гравием, которая протянулась к квадрату лужайки с шезлонгами и пляжными зонтами в тени за неоновой вывеской. А за ним и сама Эль–Камино. Впритык друг к другу ехали грузовики, легковые автомобили, направлявшиеся в пригороды, на юг. Был конец дня, и поток машин с беспрерывным глухим грохотом покидал Сан–Франциско.

Из пластмассового радиоприемника «Эмерсон» над кроватью лилась танцевальная музыка. На кровати в свободных брюках и рубашке развалился Арт. Он читал журнал.

— Сделай одолжение, — обратилась к нему Патриция.

— Полотенце дать?

— Нет, выключи, пожалуйста, радио, — попросила она. — Или найди что–нибудь другое.

Мелодии напомнили ей о радиостанции, о работе, о Джиме Брискине.

Арт даже не пошевелился.

— Выключи, пожалуйста.

Арт не сдвинулся с места. Тогда она, взяв большое белоснежное махровое полотенце, предоставленное мотелем, босиком прошлепала по комнате и щелкнула выключателем. С нее вовсю капала вода.

— Ничего? — побаиваясь его, она отошла от радио и стала вытираться.

Тишина, похоже, подействовала на него угнетающе.

— Поймай что–нибудь, — попросил он.

— Не хочу ничего из внешнего мира.

Уединение должно быть полным, подумала она. Если оно вообще туг возможно.

Из купленной ему одежды она взяла красную с серым спортивную рубашку. Он надел ее только раз, сидел в ней за рулем, когда они ехали из Сан–Франциско. С рубашкой в руках она подошла к кровати и спросила:

— Можно, я ее надену?

Бросив взгляд вверх, на нее с рубашкой, Арт удивился:

— Зачем?

— Просто хочу, — сказала она.

— Она тебе велика.

Но она надела его рубашку. Полы болтались у нее ниже бедер. Она достала из чемодана джинсы и натянула их, потом распустила волосы и стала их расчесывать. Она расхаживала по комнате в джинсах и спортивной рубашке с флаконами, баночками, тюбиками и пакетами и расставляла их в аптечке в ванной и на туалетном столике. Шкаф уже был заполнен ее одеждой. Остальное она не стала распаковывать — уже некуда было класть.

— Да, вещей у тебя хватает, — заметил Арт.

— Да нет, не так уж и много, — возразила она.

— Все эти б–б–бутыльки.

Она заглянула на крошечную кухоньку — посмотреть, нет ли там буфета. Никакой посуды они с собой не взяли. На полке для сушки лежала пачка печенья, четыре апельсина, пакет молока, буханка хлеба «Лангендорф» и банка мягкого сыра. И даже бутылка портвейна «Галло». Она открыла вино, сполоснула гостиничный стакан и налила себе.

Через заднее окно мотеля ей виден был двор с досками и недостроенным бетонным фундаментом. На веревке сушились брюки и рабочие рубашки. Как тут безлюдно, подумала она. Вернувшись в комнату, она сказала:

— Хорошо здесь.

Она стояла у входа и смотрела, как мимо проезжают грузовики. Было семь часов, солнце начинало заходить. Поток машин пошел на убыль. Те, кто возвращался с работы в пригороды в своих деловых костюмах и галстуках, уже дома.

— Есть когда будем? — спросила она.

— Мне все равно.

— Тут чуть дальше по дороге кафе есть, — сказала она. — Хочешь, пойдем туда?

Он бросил журнал.

— Пошли.

Они шли вдоль шоссе.

— Что не так? — спросила она.

— Не знаю.

— Хочешь, чтобы мы поехали дальше? В другое место? Если хочешь, можем ехать всю ночь.

— Т–т–ты же распаковалась.

— Могу снова упаковаться.

Дверь в кафе была открыта и подперта. Кафе было современное, просторное, с одной стороны

располагалась стойка, с другой — кабинки со столиками. На посыпанной гравием площадке стояли машины. Большинство посетителей, люди среднего возраста в отпусках, были из мотеля. С востока, из Огайо, подумала она, прикатили на недельку в Калифорнию на своих «Олдсмобилях».

Арт повернул табурет у стойки, сел и принялся изучать меню.

— Есть хочу, — сказала она. — Аппетит разыгрался. Знаешь что? Давай попросим, чтобы нам дали еду с собой. И поедем обратно.

— Зачем? — недовольно пробормотал он.

— Поедим в нашей хижине.

К ним подошла официантка.

— Готовы заказывать?

Она протерла стойку белой тряпкой.

— Можно взять у вас еду с собой? — спросила Пэт.

Официантка переадресовала вопрос повару:

— Мы можем дать им с собой?

— Смотря что они хотят, — сказал появившийся повар. — Салаты, сэндвичи, кофе — пожалуйста. Суп — нет.

— А ужин? — спросила Пэт.

В меню предлагались телячьи отбивные с кар-

тошкой и зеленым горошком.

— В вашу тарелку, — сказал повар. — А коробок у нас нет.

— Мы можем здесь поесть, — сказал Арт.

Он заказал два ужина, и официантка ушла.

Пэт спросила:

— Как ты?

— Нормально, — сказал он.

Появилась официантка с подносом. Они принялись за еду.

— Это то, чего ты хотел? — спросила она. — Я имею в виду — все это. То, где мы находимся. Чем занимаемся.

Он кивнул.

Поев, они заказали пива. Ему без всяких вопросов принесли бутылку и стакан. Пиво было холодное, на бутылке белел иней.

— Давай вернемся в хижину, — вдруг сказала Пэт.

— Чего это?

— Не знаю. Такие места — в них можно часами сидеть.

Она подумала: сколько раз они с Джимом сидели в таких же забегаловках и барах где–нибудь на обочине шоссе. Пили пиво, слушали музыкальный автомат. Жареные креветки и пиво… Запах

океана. Горячий ночной воздух Русской реки.

Когда они возвращались в мотель, ей показалось, что Арт злится, хотя она и не была в этом уверена. Солнце уже зашло, небо потемнело. В сумерках он уныло брел рядом с ней по гравию. Прямо в лицо им летели какие–то насекомые, может быть, ночные бабочки, и Арт яростно отбивался от них.

— Донимают? — спросила она.

— Й–й–еще как, блин, донимают.

Она предложила:

— Давай запремся и не будем никуда выходить.

— Вообще?

— Насколько получится. На всю ночь, до завтра. Давай ляжем пораньше.

Они вошли в комнатку. Она закрыла дверь, заперла ее и опустила все шторы на окнах. В номере был кондиционер, и она включила его на вентиляцию. Он взревел, и она обрадовалась его гулу.

— То, чего я хотела, — сказала она.

Она ликовала. Теперь уединение стало полным, у них есть все, что им нужно. Наконец–то они свободны. Она упала на кровать и попросила:

— Ляг со мной. Пожалуйста.

— И что дальше?

— Просто полежим.

Он неохотно присел на край кровати.

— Нет, не так, ты ложись. Чего ты? Разве не этим мы должны заниматься? — пытаясь объяснить ему, что она имеет в виду, она добавила: — Мы просто становимся ближе друг другу — когда вот так лежим.

Сбросив туфли, он обнял ее. Потом потянулся к светильнику над кроватью, чтобы выключить его.

— Нет, — сказала она. — Не выключай.

— Почему?

— Я хочу, чтобы ты видел меня.

— Я знаю, как ты выглядишь.

— Оставь свет, — попросила она.

Он приподнялся, освободил ее из объятий. Потом встал, взял журнал и уселся в кресло.

— Ты стыдишься, — сказала она. — Нет, правда.

Он не поднимал взгляда.

— Мне хотелось смотреть на тебя, — объяснила она. — Разве в этом есть что–то плохое? Мне не следует делать этого? Мне нравится, как ты выглядишь.

Подождав, она попросила:

— Оставь, пожалуйста, хоть какой–нибудь свет.

Может, хотя бы в ванной?

С журналом под мышкой он сходил в ванную и включил лампу над раковиной. Вернувшись с недовольным лицом, он потянулся к светильнику над ее головой. Выключив его, он снова лег. Кровать просела от его веса.

Сначала ей ничего не было видно. Потом в темноте стал проступать рисунок его волос, переносица, брови и уши, плечи. Она подняла руку и расстегнула ему рубашку. Стянув ее, она приподнялась, обхватила его руками и прижалась головой к его груди. Он не двигался.

— Сними с себя все, — попросила она. — Пожалуйста. Для меня.

Он разделся. Она лежала рядом с ним, подложив ему под голову руку. Но он никак не реагировал. Она скользнула вниз, и ее темные волосы укрыли его живот, но он даже не пошевелился. Никакого отклика, подумала она. Совсем.

— Хорошо, — сказала она. — Просто лежать вот так.

— Нормально, — пробормотал он.

Она поцеловала его. Тело его было холодным, жестким, каким–то бездушным.

— Может, просто полежим?

Она расстегнула рубашку на себе, сняла джин-

сы. И лежала с закрытыми глазами, прижавшись к нему, прильнув губами к его шее. Спрятав сжатые кулаки у него под мышками, она подумала: «Никогда. Никогда больше».

— Сейчас еще только часов восемь, — сказал он.

— Я люблю тебя, — прошептала она. — Ты понимаешь это? Ради бога… Она надавила ему на лицо ногтями, чтобы он посмотрел на нее.

— Я хочу быть с тобой. Хочу именно того, что у нас сейчас есть. Этого достаточно.

— Чего валяться–то просто так? — недоумевал он.

— Чего ты хочешь? Что тебе нужно?

— Давай сходим куда–нибудь.

Она не отпускала его: прижала его запястья, поясницу, сковала его ногами. Она обнимала его, пока у нее не заныло тело, до боли в груди.

— Куда? — наконец проговорила она.

— Я видел там, у дороги, каток. Мы его п–п–проезжали.

— Нет, — сказала она.

— Пошли.

Он приподнял ее и положил рядом с собой.

Она встала и начала одеваться.

— Что за каток?

— Ледяной.

— Тебе хочется кататься на коньках? — Она отошла и приложила ладони к лицу, прикрыв пальцами глаза. — Поверить не могу, Арт.

— А почему бы и нет? — возмутился он. — Что тут такого?

— Нет, ничего.

— Ты не хочешь?

— Нет, — сказала она. — Что–то не тянет. Я не пойду.

— Ты что, не умеешь? Я тебя научу. — Он поднялся и стремительно оделся. — Я прилично катаюсь. Даже других учил.

Она ушла в ванную и заперлась там.

— Что ты там делаешь? — крикнул он через дверь.

— Я неважно себя чувствую, — ответила она.

Она села на корзину с бельем.

— Хочешь, чтобы я остался?

— Нет, иди, — сказала она.

— Я где–то через час вернусь. К–к–как? Нормально?

Она уставилась на свои руки. Вот захлопнулась входная дверь номера. Захрустел гравий под его ногами — он шел через площадку к краю шоссе. Распахнув дверь ванной, она выбежала через

комнату на крыльцо. Вдалеке двигалась вдоль шоссе его уменьшившаяся фигурка.

— Пошел к черту, — выругалась она.

Он удалялся.

— Черт тебя побери, Арт, — выдохнула она и закрыла дверь.

Надев туфли, она выскочила из номера и побежала по гравию к шоссе, за ним. Его силуэт двигался впереди, а потом растворился в огнях придорожного бара и бензоколонки. Она замедлила шаг. Вдали виднелась неоновая вывеска катка, Пэт не спускала с нее глаз. Арт исчез из виду, и она пошла на огни вывески.

У катка стояли машины — одни были заперты, в других еще сидели люди. Дети, подумала она. Мальчишки в спортивных куртках и свободных брюках, девчонки в платьях. К катку был пристроен буфет, подростки подходили к нему. У кассы катка выстроилась очередь из детей, среди них был и Арт — он стоял за девочкой в клетчатой юбке и двухцветных кожаных туфлях, с наброшенным на плечи красным шерстяным свитером. Девочке было не больше пятнадцати лет. За Артом стоял со своей девушкой долговязый круглолицый солдат.

Спрятавшись подальше от света, она пыталась

отдышаться, прийти в себя. Очередь выросла. Арт дошел, наконец, до окошка, купил билет и вошел внутрь.

Стреляя выхлопами, подъехала очередная машина с подростками. Из нее высыпали парни и помчались к кассе. За ними последовали две девчонки в свитерах и джинсах. У окошка они, пихая друг друга, влились в общую толкотню, и все смешалось: лица, прически, джинсы, рубашки.

Когда они вошли внутрь, на каток, она развернулась и пошла обратно, в мотель. Войдя в номер, она заперлась. Комнату наполнял всепроникающий рев, и она сначала не поняла, что это и где — внутри у нее или снаружи. Шум шел извне. Она вспомнила — это кондиционер. Они оставили его включенным.

Стоя перед зеркалом со стаканом вина в руке, она окончательно утвердилась в убеждении, что выглядела бы рядом с ним совершенной. Вместе они привлекали бы к себе благосклонное внимание, составили бы незаурядную пару.

И туг она расплакалась. Она хотела было сесть, но ударилась рукой о ручку кресла. Стакан упал, и недопитое вино лужей разлилось по ковру. Она намочила в ней большой палец ноги. Ковер намок и стал приятно прохладным на ощупь.

Боже, подумала она.

Пройдя на кухоньку, она налила себе еще. Потом включила радио над кроватью, но «КОИФ» поймать не смогла — передатчик был слишком далеко. Она нашла классическую музыку, которую передавала радиостанция в Сан–Матео[87], и увеличила громкость до максимальной.

Она взяла бутылку в постель, легла и выключила свет. Лежа в темноте, она пила и слушала музыку. За стеной по шоссе проезжали легковые автомобили и грузовики.

Из соседнего номера в темноту просачивались резкие голоса и смех. Она стала слушать и их. Когда голоса смолкли, она снова погрузилась в музыку.

Вдруг музыка стихла. Пэт села на кровати. Сначала она покрутила ручку настройки, не понимая, что случилось. Потом до нее дошло, что радиостанция закончила передачи — полночь.

Она пошла в ванную, умылась, тщательно вытерла лицо и уткнулась в полотенце, так что стало больно.

Потом она вернулась, села у телефона и набрала номер «КОИФ». Как и следовало ожидать,

---

[87] Примечания: 87

Сан–Матео — город на западе штата Калифорния, юго–восточный жилой пригород Сан–Франциско.

никто не ответил. Она вдруг с ужасом осознала, что она делает. Там его нет, подумала она, кладя трубку. Его и не может быть сейчас там. Там никого нет. Времени уже за полночь, радиостанция закрылась.

Положив трубку на колени, она набрала собственный номер. Звучали бесконечные гудки. Там тоже нет, подумала она и повесила трубку. Затем она набрала номер его квартиры. И опять одни гудки.

Нигде его нет.

Она положила трубку и снова пошла за вином. Оно уже заканчивалось. Она вылила в стакан остатки.

Потом снова взялась за телефон. В справочнике Сан–Франциско она нашла номер Эмманьюэлов — квартиры на Филлмор–стрит — и набрала его.

— Алло, — ответил мужской голос.

— Джим, — прошептала она и снова заплакала.

Слезы потекли у нее по щекам на костяшки пальцев, на телефон.

— Ты где? — спросил он.

— В мотеле, — сказала она. — Не знаю, как называется.

— Где это? — спросил Джим.

— Не знаю.

Она сидела, вцепившись в трубку, и плакала.

— Он с тобой?

— Нет, — она достала из кармана платок и высморкалась. — Он вышел.

Джим сказал:

— Посмотри, может быть, там рекламные спички какие–нибудь есть. Рядом с телефоном.

Она посмотрела и увидела спички–книжку с названием «Четыре туза».

— Джим, я не знаю, что делать.

— Нашла спички?

— Нет, — сказала она, — я не знаю.

Она спрятала спички–книжку в телефонный справочник, чтобы ее не было видно.

— Я знаю, где я, но не понимаю, что делать. Он пошел кататься на коньках. Ты представляешь?

— Скажи мне, где ты, — сказал он, — и я за тобой приеду. Ты в Сан–Франциско?

— Нет, это на Эль–Камино–Реаль.

— У какого города?

— Редвуд–Сити. Он на каток ушел, с подростками катается. Джим, что со мной происходит? Как я в это ввязалась?

— Назови мне адрес.

— Нет, — покачала она головой.

— Скажи. Ну же, Пэт. Где ты находишься?

— Что мне делать? Он катается с детьми. Он сам — ребенок. Водил меня к своим друзьям на чердак. Явился ко мне и уговорил пойти поужинать с ним. Мы поехали в Чайнатаун. Я не хотела, но он меня уговорил. Я старалась, как могла, но, боже, что делать, если он берет и убегает кататься на коньках?

— Пэт, скажи мне, где ты находишься.

— Я его боюсь, — сказала она.

— Почему?

Держа носовой платок у глаз, она сказала:

— Я не хочу, чтобы ты приезжал. Джим, как мне отсюда вырваться? Мне нужно уехать. Ничего не вышло… Ты был прав.

— Почему ты его боишься?

— Он меня ударил, — плача призналась она.

— Тебе больно?

— Ничего страшного. В глаз ударил. Мы с ним всю ночь напролет не могли остановиться, и от меня почти ничего не осталось. Он вымотал меня, а теперь катается на коньках. В очереди перед ним девчонка стояла, ей…

— Я хочу приехать за тобой, — сказал Джим. — Скажи мне, наконец, где ты. Я не смогу забрать тебя, не зная, где ты находишься.

— Он боится тебя, Джим. Вот почему мы здесь. Он боялся, что ты придешь ко мне домой. Ты единственный, кого он боится. Он даже Рейчел не боится. Как там Рейчел?

— Нормально.

— Вне себя?

— Послушай, — сказал он, — скажи мне, где ты.

— В мотеле «Четыре туза».

— Хорошо.

— Постой, — сказала она. — Послушай, Джим. Я сделала все, что смогла. Купила ему одежды, чтобы он выглядел как мужчина, а не как мальчишка, разодевшийся в субботний вечер. Приехали мы сюда на моей машине. Что еще могла я сделать? Единственное, чего мне хотелось — это просто лежать здесь в постели и ничего не делать. Но он не захотел.

— Увидимся, — Джим положил трубку.

У нее в ухе щелкнуло. Она не сразу положила трубку.

— Господи, — прошептала она.

Ну вот. Все кончено. Она нетвердым шагом подошла к шкафу, сняла джинсы и спортивную рубашку и надела блузку, жакет и длинную юбку. Он любил ее длинные юбки. Она принялась

заплетать волосы в косы.

В половине первого дверь номера распахнулась, и вошел Арт.

— Привет, — сказал он.

— Здравствуй, — сказала она.

— Чем занималась?

Он увидел у кровати пустую бутылку из–под вина.

— Ты что, целую бутылку выпила?

— Я позвонила Джиму Брискину, — выпалила она.

— Д–д–да? — Он подошел к ней. — Правда?

— Мне ничего не оставалось, — сказала она. — Почему ты удрал, оставил меня? Не понимаю, как ты мог.

— Давно ты ему позвонила?

— Не помню.

— И что он? Едет?

— Да, — подтвердила она.

Лицо его омрачилось.

— Укладывай вещи, и поехали.

— Я возвращаюсь, — заявила она.

— Ах, в–в–вот как?

Вставая, она пригрозила:

— Ты, ничтожный мальчишка, если он доберется до тебя, то просто убьет. Так что уноси лучше

ноги как можно быстрее и прячься.

— Зачем ты его позвала?

— На коньках покататься, — съязвила она. — Чем ты там еще занимаешься? Может, пойдешь, купишь мне содовую с мороженым?

Он переступил с ноги на ногу и спрятал руки в задние карманы.

— Ну что, весело было? — спросила она. — Встретил знакомых ребят?

— Нет, — ответил он.

— Чего ушел?

— Они закрылись.

— Проводил какую–нибудь девушку домой? Или, может, купил себе хот–дог и солодовый напиток?

Ей было холодно и страшно, она не осмеливалась замолчать.

Арт сказал:

— Один парень дал мне на «Эм–Джи»[88] поездить.

— Ну, вот и иди, катайся на его «Эм–Джи», — предложила она. — Давай, пока не накатаешься.

— Ты что, правда возвращаешься? — убитым голосом спросил он. — Мы же т–т–только что

---

[88] Примечания: 88

«Эм–Джи» (MG) — марка легкового спортивного автомобиля компании «Ровер груп».

уехали.

— Сам виноват.

Теребя ремень, он попытался оправдаться:

— Мне скучно было просто так сидеть.

— Со мной. Тебе со мной скучно было сидеть.

— Делать–то тут нечего.

Она достала из шкафа свои чемоданы.

— Помоги мне, пожалуйста, уложить вещи. — Она начала складывать в чемодан юбки, свитера и блузки. — Давай, Арт. Не будешь же ты смотреть, как я сама управлюсь.

Он взял ее сумочку и стал рыться в ней.

— Что тебе нужно?

Она подошла и отобрала у него сумку.

— Ключи от машины, — сказал он, не глядя ей в глаза.

— Зачем?

— Я не могу тут торчать.

— Мою машину я тебе не дам. Хочешь уехать — вперед. Автобусом, еще там как–нибудь.

Тут он вырвал сумочку у нее из рук и высыпал ее содержимое на кровать.

— Я ее где–нибудь оставлю, — сказал он. — А ты потом заберешь.

— Если ты возьмешь мою машину, я вызову полицию и скажу, что ты ее угнал.

— Скажешь?

— Это моя машина. — Она протянула руку. — Отдай ключи.

— Я ведь только на время.

— Нет.

— Ну, я бы хоть до Сан–Франциско доехал, а там бросил ее, а? Не хочу с Джимом Брискином столкнуться, он, злой, наверно, как зверь.

— Он убьет тебя.

— Что, так и сказал?

— Да.

— Это ведь ты все придумала.

Она указала пальцем на глаз.

— Видишь, что ты со мной сделал?

Он долго молчал, колеблясь, и, наконец, спросил:

— Не дашь мне несколько долларов? Ну, если автобусом п–п–придется ехать?

— Ты потратил все, что у тебя было?

— Я за бензин заплатил. Для «Эм–Джи» этого парня.

Она извлекла из содержимого сумочки кошелек.

— Я отдам, — пообещал он.

Она дала ему шесть или семь долларов, и он положил их в карман куртки.

— А теперь уходи, — сказала она. — Пока он не приехал.

Она взяла его за руку и повела. Он вяло пошел, но у двери стал сопротивляться, уперся.

— Не пойду, — сказал он. — Не верю я, что ты Джиму Брискину звонила, в–в–врешь ты все.

Вырвавшись, он прошел обратно и, сгорбившись, встал у двери кухоньки.

— Делай, как знаешь, — сказала она и снова принялась укладывать вещи.

Она собрала все флаконы, баночки и пакеты и втиснула их в чемоданы.

— Он правда едет? — спросил Арт.

— Правда.

— И ты поедешь с ним?

— Да, — подтвердила она. — Надеюсь.

— Ты хочешь выйти за него замуж?

— Да.

Он сник, совсем согнулся и стал похож на старичка, сутулого старого гномика, близорукого, тугоухого. Чтобы слышать ее, ему нужно было напрячься, собрать все свои силенки. От юношеского задора ничего не осталось. И от чистоты.

— Что ты в нем такого нашла? — спросил он.

— Он очень хороший человек.

— А ты тощая старая баба.

Она подняла с кровати первый чемодан, отнесла к двери и поставила. Потом принялась за второй. Но тут у нее опустились руки. Она села на кровать.

— Просто старая баба, — сказал Арт. — Почему бы тебе не завести кота, попугайчика или другую птичку, как делают старые девы? Будешь их нянчить.

— Арт, уйди, пожалуйста, оставь меня в покое. Пожалуйста, оставь меня.

— Какая из тебя любовница? — продолжал он. — Высохла вон вся. Износилась.

— Хватит.

— Тяжелый случай, — изрек он, не двигаясь с места.

Она встала и вышла за дверь, на крыльцо номера. Мимо проносились огни автомобилей. Она пошла к шоссе — все ближе и ближе, вот гравий перестал хрустеть под ногами, и она вышла на проезжую часть. Просив налил автомобиль. За ним затормозил и свернул в сторону еще один. Она увидела искаженное лицо человека, сидевшего за рулем, и машина унеслась. Вдали мерцали красным задние габаритные фонари. Они все уменьшались и, наконец, исчезли.

Вскоре одна машина съехала с шоссе и, трясясь

на ухабах, покатилась по обочине. Пэт ослепили светившие прямо в глаза фары. Машина выросла, и Пэт подняла руки. Она почувствовала запах горячего двигателя из–под капота. Распахнулась дверь. Автомобиль остановился.

— Пэт, это ты? — услышала она голос Джима Брискина.

— Я, — сказала она и подняла голову.

В машине за рулем сидел Джим и через открытую дверь всматривался в нее. Узнав ее, он вышел.

— Как ты? — спросил он.

Они пошли к номеру «С». Он положил руку ей на спину.

— Ничего.

— Вид у тебя потрепанный. — Он остановил ее и внимательно рассмотрел. — Он что, правда ударил тебя?

— Да, — сказала она.

Он первым ступил на крыльцо и вошел в номер.

— Привет, Арт, — сказал он.

— Здрасте, — покраснев, ответил Арт.

Он нервничал.

— Ты что, ударил ее в глаз?

— Да, — сказал Арт. — Но с ней ничего страш-

ного.

Повернувшись к Пэт, Джим сказал:

— Дай–ка ключ от твоей машины.

Он обвел взглядом комнату, и она достала ключи из кучи вещей на кровати.

— Спасибо, — поблагодарил он ее. Вид у него был озабоченный. — Арт, возьми.

Он бросил ключи парню.

— Зачем это? — опешил Арт.

Ключи упали на пол, и он наклонился за ними. Они выпали у него из руки, и он нагнулся снова.

— Ты еще не собралась? — спросил Джим у Пэт. — Навалено все кругом.

— Нет еще, — сказала она. — Только один чемодан собрала.

Он подошел к Арту и приказал:

— Дособери ее вещи. Положи в «Додж» и поезжай.

— Куда? — спросил Арт.

— Оставь машину перед ее домом.

Джим повел Пэт из номера. Арт последовал за ними до двери.

— Распаковать их, к–к–когда приеду? — спросил он.

— Не надо, — сказал Джим. — Оставь все в машине.

— А ключи?

— В почтовый ящик положи.

Джим отвел Пэт за руку к своей машине.

Когда они выехали на шоссе, она спросила:

— Он сделает это?

— А тебе не все равно? — ответил Джим.

Она сказала:

— Спасибо, что приехал.

— Думаю, на этом сия история закончилась.

Мотель «Четыре туза» уже исчез позади них среди неоновых вывесок.

— Ну, а вообще, как ты? — спросил он.

— Жить буду, — сказала она.

— Да, название из тебя было не вытянуть. Название мотеля.

Оба замолчали. Они смотрели на дорогу, на машины, вывески, на проносившиеся мимо огни фар. Откинувшись на спинку сиденья, Пэт ненадолго заснула. Когда она проснулась, они ехали по скоростной дороге. Справа от них был Залив. Огней стало меньше.

— Маленький, гнусный, наглый сопляк, — заговорила она.

— Так, — сказал он.

— Он заехал мне прямо в глаз. Сбил меня с ног.

— Ну вот, тебе есть о чем поговорить. Есть на

что пожаловаться.

— Он угрожал ножом Бобу Посину.

— Ну и что? — сказал Джим.

Она съежилась. Вытащив из кармана носовой платок, она отвернулась и заплакала в него, стараясь, чтобы ее не было слышно.

— Не обращай на меня внимания, — сказал он.

— Да нет, ты прав.

Он потянулся к ней и погладил ее по руке.

— Может, помолчишь? Никому тебя не жалко. Когда приедем в город, остановимся и купим тебе что–нибудь для глаза.

— Не нужно мне ничего, — сказала она. — Знаешь, как он меня называл? Обзывал чудовищными словами — я таких с детства не слышала. И еще хотел занять денег под мою машину, хотел…

Она снова заплакала. Ей было не сдержать слез. Она все плакала а, Джим не обращал внимания.

Скоростная дорога соединилась с другими автострадами, ведущими к Сан–Франциско. И вот они уже ехали над домами. Почти ни у кого уже не горел свет.

Глава 18

У него дома было темно и холодно. Пока он включал свет и опускал шторы, Патриция ждала у двери.

— Ты не заходил сюда? — спросила она.

— Какое–то время — нет.

При включенном свете он увидел, насколько она устала, как постарело и помрачнело ее лицо. Изможденное лицо, подумал он.

— Давай–ка садись, — сказал он.

— Знаешь, сначала он чуть не свел меня с ума, я была ему так нужна.

— Ты сказала, что первая ночь прошла прекрасно.

— Да, — кивнула она. Она сидела, скрестив на груди руки и плотно сдвинув ступни. — Но на следующую ночь, когда он ударил меня… Это продолжалось до бесконечности — боже, я думала, что умру. Он начинал снова и снова. Мне казалось, что он засыпал — может, и засыпал, ненадолго — и вдруг опять, и все сначала.

Она робко подняла взгляд.

— Так мы и продолжали, — сказала она. — А утром, когда я проснулась, у меня все болело. Я

едва смогла встать с постели.

— Тебе нужно хорошенько отдохнуть, — сказал он.

— Ужасно об этом говорить. Рассказывать тебе.

— Да ладно, — махнул он рукой.

— Можно мне кофе? Я… выпила бутылку вина. Мне плохо.

Это было видно. Но он видел ее, и когда ей бывало похуже. В целом она еще легко отделалась.

— Сладкого вина? — спросил он.

— Портвейна.

— Ты, кажется, потеряла над собой контроль. Тебе хотелось, чтобы все это прекратилось?

— Да, — сказала она. — Так должно было произойти.

Он встал на колени, чтобы смотреть ей прямо в лицо. Взяв ее за руки, он спросил:

— Это девиз?

Она пошевелила губами.

— Не знаю. Джим, о чем ты?

— Что теперь?

— Теперь, — эхом повторила она, — я осознаю свою ошибку.

Он оставил ее и пошел на кухню варить кофе.

Когда он вернулся, она так и сидела, поджав под себя ноги и сложив руки на коленях. Как она

несчастна, подумал он. Как он рад, что она снова с ним. Это так важно для него.

Он подал ей чашку кофе и сказал:

— Думаешь, я люблю тебя меньше, чем любит этот парень — или говорит, что любит?

— Знаю — любишь.

— Ты выйдешь за меня замуж? Снова?

Если когда–нибудь и можно ее уговорить, это нужно сделать сейчас, подумал он.

— Это у тебя кончилось, — продолжал он. — А на Боба Посина тебе ведь наплевать, правда?

— Хорошо, — согласилась она, держа в руке чашку кофе. — Я выйду за тебя замуж. Повторно. Или как там это называется.

Чашка наклонилась. Он взял ее и поставил на пол. Согласилась, подумал он. Ему отдает себя женщина, которую он любит всей душой. С этим ничто в мире не сравнится — ничто, пока небеса не свернутся, как свиток книжный, и не отверзнутся гробы, и мертвые не восстанут. До тех пор, пока тленный человек не облачится в нетление, думал он.

— Ты ведь не передумаешь? — спросил он.

— А ты этого хочешь?

— Нет, я не хочу, чтобы ты передумала.

— Ну и славно, — сказала она. — Не буду. — При-

стально глядя на него, она спросила: — Значит, ты не считаешь, что я вся поизносилась?

— Как это?

У нее на глазах выступили слезы — и пролились.

— Не знаю.

— Вряд ли это так.

— Я не нужна тебе, — сказала она, а слезы текли по ее щекам, капали на воротник.

— Ты хочешь сказать, мне не следовало бы просить тебя? Ты это пытаешься сказать?

Он поднял ее с кресла.

— Или мне следует просить и умолять? Скажи!

Ей трудно было говорить. Беспомощно вцепившись в него, она пожаловалась:

— Мне нехорошо. Отведи меня в ванную. Пожалуйста.

Ему пришлось почти нести ее. Она не отпускала его. Он придерживал ее, и ее вырвало. Она лишилась чувств, но почти сразу пришла в себя.

— Спасибо, — прошептала она. — Боже.

Он опустил ее, и она села на край ванны. Лицо ее было бледно. Дрожа, она гладила его руку ладонью. Ее как будто лихорадило, и он спросил, уж не заболела ли она.

— Нет, — сказала она. — Мне уже лучше. Это

нервное.

— Будем надеяться.

Она скривила губы в улыбке.

— Дело в совести. Я сказала ему, что нам придется расплачиваться. Может быть, это и есть расплата.

Когда Пэт немного пришла в себя, он умыл ее и отвел обратно в гостиную. Сняв с нее туфли, он закутал ее в одеяло и посадил на диван.

— Это от кофе, — сказала она.

— Ты его даже не отпила.

Она попросила сигарету.

Он дал ей закурить и спросил:

— Хочешь, поеду, посмотрю — привез он твои вещи?

— Я здесь не останусь, — сказала она. — Хочу к себе. У себя хочу быть, и больше нигде.

— А если он явится?

— Не явится.

— Вообще–то да, — согласился он.

— Я останусь с тобой, — решила она. — Нельзя мне больше к этому возвращаться — побег этот, все, что с нами было. Останусь здесь, а когда поженимся, будем жить здесь или там — как захочешь. Или переедем в новый дом. Может, так будет лучше.

— Наверное, да.

Он надел пальто, и она сказала:

— Я с тобой. Посмотрю, возьму, что мне нужно. Можно приехать сюда на «Додже» и здесь все выгрузить.

Они посидели, пока она более или менее не пришла в себя, и поехали к ней.

«Додж» стоял у входа. На заднем сиденье как попало были свалены ее вещи: Арт побросал их и послал все к черту. В куче лежали флаконы, одежда, туфли, даже пакет молока, апельсины и буханка хлеба «Лангендорф». А на полу валялась пустая бутылка из–под вина.

— Во всяком случае, похоже, тут все, — сказала Пэт.

Джим припарковал свою машину, сел за руль «Доджа», она — рядом с ним, и они поехали к нему.

На ночь она надела красно–белую пижаму в горошек.

— Я в ней по–новому себя чувствую, — сказала она.

Он в трусах чистил зубы над раковиной в ванной. Была половина четвертого. Свет горел только в спальне и ванной. Дверь была заперта. Патриция курила в постели, поставив пепельни-

цу на покрывало.

— Ты закончила? — спросил Джим, выходя из ванной.

— Да, — довольно ответила она.

Какой он поджарый в трусах, подумала она и вздохнула с облегчением, глядя на его худые руки, ноги, торс. Три дня ее держал в своих крепких объятиях мускулистый парень с резиновым бескостным телом из мышц и жира на коротковатых ногах, которое ниже чресел как бы сходило на нет. Телом мальчишки, совсем не таким, как это.

Выключив свет, Джим снял трусы и лег в постель. В темноте он обнял ее.

— Странно, да? — сказала она. — Мы снова вместе. Через два года. Ничто нас не разделяет, между нами — никаких барьеров.

Она была очень довольна. В том, что произошло, был смысл, подумала она. Все вело вот к этому. Значит, и случилось не зря. Не просто бесплодная суета, усталость и бессмысленная боль.

Джим, лежавший с ней рядом, спросил:

— Не хочешь узнать, как дела у Рейчел?

— А что там? — Она уже почти заснула, но теперь в ее покой вкрался холод. Он просачивался в нее, заполнял собой. — Что ты хочешь сказать?

— Ну, ты знаешь, что я был у нее. Ты мне туда

звонила.

— Я куда только тебе не звонила. И на радио, и домой, и к себе. А потом туда позвонила.

— Я был у нее.

— Это что–то значит?

Она совсем проснулась и смотрела вверх, в темноту.

— Она попросила меня побыть с ней. Пока не найдется Арт. Я так и сделал.

Она ждала — но это было все, он молчал.

— Ты жил там? — наконец спросила она. — Ты это хочешь сказать?

— Не совсем. Она необычная девушка.

— Чем же?

— Мы в основном ели вместе. Она хотела, чтобы я был у нее, когда она возвращалась домой, чтобы она могла готовить для меня.

— Пастораль. Семейный ужин. Хозяйство, — усмехнулась Пэт.

— Я сидел у нее вечером, потом она ложилась спать, а я уезжал домой.

— А утром?

Было два утра, подумала она.

— Ничего не было.

— Ты правду мне говоришь? — спросила она.

— Ну, конечно.

— Я боюсь Рейчел, — призналась она.

— Знаю.

— Она что–нибудь сделает?

— У нее снова есть Арт.

— Ну да, — приободрилась Пэт. — Это правда. — Она привстала, чтобы потушить сигарету. — Что ты о ней думаешь?

— Не знаю.

Снова ложась, Пэт предположила:

— Может быть, она зарежет его.

Джим засмеялся:

— Может быть. А может, он ее побьет.

— Что ты сделаешь, если он побьет ее?

— Это не мое дело.

— А что ты будешь чувствовать?

Он не ответил. Она ждала, вслушивалась. Он что, уснул?

Я заплатила за то, что сделала, сказала она себе, меня стошнило в ванну. Разве этого недостаточно? Разве не все?

На полу спальни лежала пачка ее сигарет. Она протянула руку за ними и снова закурила, лежа на спине. Мужчина рядом с ней не шевелился. Спит, подумала она, да, он спит.

Идеально, подумала она. Я чувствую это. Я это понимаю. Разве я этого не заслужила?

Сигарета тлела в темноте, Пэт внимательно смотрела на нее. Легонько постучав ею о пепельницу, которую держала в руках, она решила: вот за что я теперь буду бороться. Вот за что я начинаю свою битву. За это. За то, что у меня есть сейчас.

Утром она встала рано, в семь часов, чтобы позвонить на радиостанцию. Джим спал. Стараясь не разбудить его, она надела халат, закрыла дверь спальни и села в гостиной у телефона.

— Алло, мистер Хейнз? — заговорила она.

— Как вы там, Патриция? — спросил Хейнз своим официальным тоном. — Мы тут беспокоимся. Никаких вестей от вас, сколько уже — два, кажется, дня?

— Мне лучше, — сказала она. — Можно, я приду попозже?

— Вам сегодня совсем не нужно приходить, — успокоил он ее. — Сидите дома, пока совсем не пройдет.

Она не сразу поняла, о чем он, потом вспомнила — про грипп.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Наверное, до завтра посижу. Не хочу никого заразить.

— Кишечного типа?

— Да, — сказала она. — У меня… живот болел.

— Колики? Да, сейчас как раз такой и ходит. Фруктовых соков не пейте — только тостик с яичницей и заварным кремом. Ешьте что–нибудь диетическое. Ничего кислого, никаких помидоров, груш, апельсинового сока.

Она поблагодарила его и положила трубку.

Вернувшись в спальню, Пэт на цыпочках подошла к кровати и увидела, что Джим проснулся.

— Привет, — сказала она, целуя его.

— Привет. — Он моргал, как филин. — Уже встала?

— Лежи, — сказала она. — Хочу отвезти кое–какие вещи к себе и кое–что забрать оттуда.

— Как ты себя чувствуешь?

— Гораздо лучше.

— Глаз у тебя сегодня получше.

В ванной она осмотрела синяк. Припухлость прошла, но чернота осталась — как грязное пятно. Может быть, навсегда, подумала она.

— Я ненадолго, — сказала она ему. — Ты так роскошно смотришься в постели… Лежи, пока я не вернусь. Ладно?

Она еще раз поцеловала его.

Пэт ехала по утренним улицам и думала, что в чем–то это лучшее время дня. Холодный, но чистый воздух, его приятно вдыхать, и он, наверное,

здоровее. Ночной туман рассеялся, а дымка еще не собралась.

Поставив «Додж» у своего старого многоквартирного дома, она понесла наверх чемодан. Как можно быстрее, она повесила одежду в шкаф, взяла, что ей было нужно, и вернулась с первой охапкой к машине.

У машины ждала девушка в коричневом пальто. На ней были туфли на низком каблуке на босу ногу. Хмурясь в лучах утреннего солнца, засунув руки в карманы пальто, она двинулась навстречу Пэт. Она щурилась и, подняв руку, прикрывала глаза.

Я знаю ее, подумала Пэт. Кто это? Я видела ее раньше.

— Где Джим? — спросила девушка.

— У себя дома, — сказала она.

В ушах у нее зашумело, закружилась голова. Она не испугалась, но была, пожалуй, поражена, узнав ее.

— Я тебя всего один раз в жизни видела, — сказала она.

Рейчел открыла ей дверцу машины.

— Перевозите вещи к нему?

— Кое–что. Еще один раз сходить нужно. Я видела тебя только раз, в тот вечер, когда мы к вам

заезжали.

Рейчел осталась у машины. Патриция поднялась, собрала оставшиеся вещи и снова пошла вниз. Она остановилась на лестнице перевести дыхание. Через открытую дверь в подъезд дома лился свет. Рейчел так и стояла у машины — ждала ее.

Она вышла, и Рейчел спросила:

— Вы сейчас к нему едете?

— Да, — сказала она, кладя вещи на заднее сиденье.

— Я хотела бы тоже поехать.

Возражать нечего было и думать.

— Почему бы и нет? — сказала она. — Садись.

Она включила зажигание, потом сцепление. Рейчел села рядом с ней.

В полдевятого они подъехали к дому Джима Брискина и вышли из машины. Рейчел тоже взяла часть вещей. Они поднялись по лестнице. Пэт открыла квартиру ключом, который ей дал он.

Он уже встал и, непричесанный, сидел в синем халате за кухонным столом. На нее и Рейчел он посмотрел со смешанным выражением лица.

— Здравствуй, — сказала Рейчел.

Он кивнул и спросил у Пэт:

— Забрала вещи?

— То, что мне нужно, — сказала она. — В основном все здесь. Ты позавтракал?

— Нет.

— Просто сидишь?

Рейчел, как привидение, стояла в сторонке, у окна гостиной, перекинув пальто через руку.

— Как ты поступила с Артом? — спросил Джим.

— Когда он явился, я сказала ему, и он ушел, — ответила Рейчел.

— Что ты ему сказала?

— Чтобы он не приходил.

— Куда он пошел?

— Наверное, на чердак. Сегодня я его не видела. Это ночью было, поздно очень.

— Ты хоть поспала немного?

— Пару часов.

Она говорила отрывисто.

— Ты с ним вообще разговаривала? Он что–нибудь рассказал тебе?

— Он много чего хотел мне сказать.

— Но ты не стала слушать.

— Кое–что выслушала.

Пэт пожаловалась:

— Он меня избил.

— Да не избивал он вас, — возразила ей Рей-

чел, — ударил разок, и все. Это, по–вашему, называется «избить»? Вот отец у него бил мать, а иногда и Нэта, старшего брата. Они постоянно ссорились. Это по–итальянски. Там, где мы живем, все дерутся.

Джим встал из–за кухонного стола и прошел в гостиную. Закурив, он протянул пачку Рейчел. Она покачала головой.

— Ждала меня вчера вечером? — спросил он.

— Нет, — ответила Рейчел. — Я знала, что ты с ней останешься.

— Ты никогда никого не прощаешь, — сказала Пэт.

— То есть вас? Какое мне до вас дело! — Ее суровое личико зарделось. — Помните, что вы мне первым делом сказали, как только вошли к нам и увидели меня?

— Помню, — сказала Пэт.

— Если бы на кухне оказалась я, а не Арт, вы бы со мной в магазин пошли, а не с ним.

— Ну уж прямо, — сказала Пэт и начала распаковывать принесенные вещи.

Джим вернулся на кухню, положил в тостер ломтики хлеба и достал посуду.

— Поесть собираюсь, — сказал он.

Патриция сообщила:

— Я привезла мои краски. Как тебе это?

Она разложила небольшой мольберт, развернула тюбики с масляными красками, достала скипидар, льняное масло и палитру.

— Я тут подумала, может, попишу немного. Запах тебя из дома не выкурит?

— Нет, — ответил он с кухни.

— А бардак?

— Это ничего.

— Извини, — сказала она Рейчел.

В спальне, при опущенных шторах, она переоделась в синие хлопковые брюки — китайские, потом выбрала себе спортивную рубашку из шотландки, застегнула ее на все пуговицы, подумала, какая она просторная, как удобно в ней работать. И вдруг вспомнила, что это рубашка Арта, из тех, что она купила для него. Почти в истерике она сбросила ее с себя и засунула в чемодан, поглубже. Вместо нее она надела свою старую, вымазанную красками студенческую футболку.

Рейчел, ждавшая в гостиной, не обратила на краски никакого внимания. Она даже не сняла пальто.

— Можно пластинки поставить? — спросила Патриция.

— Пожалуйста, — сказал Джим.

Он жарил себе на плите яичницу с ветчиной.

Присев перед шкафом с пластинками, она стала перебирать альбомы. Наконец сняла с полки альбом с «Бранденбургскими концертами» Баха — четыре из них были записаны на нем один за другим. Под музыку, льющуюся из проигрывателя, она принялась смешивать краски.

— Бах в девять утра? — бросил Джим.

— Выключить?

— Странно как–то.

— Я их всегда любила, — сказала она, — «Бранденбургские концерты». Ты ставил их для меня… Мы их всегда слушали.

— Что будете писать? — спросила Рейчел.

— Не знаю, — ровным голосом ответила она. — Не решила еще.

— Меня ведь не будете.

— Тебя не хочу.

Она положила на мольберт квадратный лист волокнистой бумаги. Нужно было вымочить слипшиеся, одеревеневшие кисти. Она поставила их вертикально в стакан со скипидаром. Запах красок и скипидара наполнил комнату, и она открыла два окна. Джим скрылся в ванной. Она вздрогнула, когда застрекотала электробритва — как давно она не слышала утром этого звука.

— Эту ночь вы здесь провели? — спросила ее Рейчел.

— А где же еще? — донесся из ванной голос Джима. — А ты думала, я оставлю ее на растерзание Арту? Я держу ее при себе, как это ей и положено. Вот придет в себя, закончится вся эта беда — и мы заново поженимся.

— А я, значит, пошла к черту, — сказала Рейчел.

— Зачем же? — возразил он.

Бритье было окончено, он надел белую рубашку и галстук. Подбородок у него стал гладким, волосы были причесаны. Он снял с вешалки в шкафу отутюженные свободные брюки.

— А что же тогда? — спросила Рейчел.

— У тебя есть муж.

— А ты?

— Я тебе не муж.

— Муж, — только и сказала она и продолжала смотреть на него.

— Мне так жаль, что с тобой стряслась вся эта хрень, — сказал он. — Но из этого плана ничего бы не вышло. Для меня это было бы слишком, Рейчел.

— Ты же об этом думал. В первый вечер, когда остался у меня.

Через открытые окна в комнату ворвался холодный утренний воздух, и Патрицию пробрала дрожь. Руки у нее покрылись гусиной кожей, и она прекратила работу, чтобы растереть их. У нее закружилась голова. Наверное, от запаха красок, решила она. И оттого что совсем не завтракала. Капля краски упала на ковер, и она в ужасе поняла, что забыла постелить на пол газеты.

Кипы макулатуры лежали в шкафчике под раковиной. Она взяла пачку и накрыла ковер. Может быть, ковер нужно скатать, подумала она. Как много времени прошло. Она забыла, как это делается.

Когда Джим вышел из ванной, она сказала:

— Я, пожалуй, уберу ковер.

— Танцевать собралась?

— Нет, чтоб краской не закапать.

— Работай на кухне, — предложил он и надел пальто.

— Ты куда? — спросила она.

— Отвезу Рейчел домой. Нечего ей здесь делать. Съезжу и вернусь. А ты пиши пока.

Патриция сказала:

— Надолго ты — наверное, не знаешь?

— Если задержусь, позвоню, — пообещал он.

— Удачи, — пожелала она, рассматривая крас-

ки.

— И тебе.

Он поцеловал ее в висок и кивнул Рейчел на дверь.

— До свидания, — сказала Рейчел.

Они вышли, и дверь за ними закрылась. Она осталась в квартире одна со своими красками.

Стопка пластинок на проигрывателе закончилась. Пэт подняла их на шпинделе и завела снова. Ту же музыку, спохватилась она, но — какая разница? Она увеличила громкость, сбросила туфли и вернулась к мольберту. Она работала час, картина увлекла ее. Это была абстрактная живопись — упражнение, которое должно было вернуть ей чувство кисти и цвета. Но неуклюжесть мазка было не преодолеть, и в десять часов она бросила работу и побрела на кухню — поесть.

Как тихо в квартире.

Она поела и снова взялась за работу. Теперь было видно, что картина не удалась, и Пэт отбросила квадрат бумаги для рисования в сторону.

И тут же начала писать на новом листе. Пятнами набросала контур мужского лица. Это будет Джим Брискин, решила она. Его портрет. Но получалось непохоже. Выходило что–то мутное, мак будто плоть сплывалась, ускользала от нее.

Изображение лица на волокнистой бумаге становилось все хуже, пока не превратилось в какой–то гротеск, что–то вроде маски, невыразительное и незрелое. Она бросила свое занятие и поставила кисти в стакан со скипидаром.

Был уже полдень, а он все не возвращался. Она вымыла руки. Пластинки на проигрывателе давно доиграли и были водворены обратно в альбом. Она вынула их и поставила снова. Под музыку она прошла в спальню и принялась рыться в ящиках комода.

В картонной папке лежали хранимые им письма и фотографии. Через минуту она нашла фотографию, которую искала. Она была снята во время похода на гору Диабло. Он был на ней анфас, улыбался. Тут он не выглядел обеспокоенным — таким он ей нравился. На нем была холщовая рубашка, он стоял на фоне их машины и палатки, за которыми виднелись скалы и густой кустарник на склоне горы. Фотографировала она, на него падала ее тень.

Положив на мольберт еще один лист бумаги, она поставила рядом с ним фотографию и начала писать снова. Но картина так и не получалась. В час она бросила кисть, вытерла руки и пошла на кухню чего–нибудь выпить.

На полке для сушки она расставила все необходимое для приготовления напитка: лоток с кубиками льда, джин, лимон, бокал, ложку и мерный стаканчик. Держа лоток под горячей водой, она хлопнула рукой по металлу. Кубики льда скользнули в раковину, и она положила два в бокал. Затем налила джину и добавила пару дюймов лимонада.

С коктейлем в руке она пошла по квартире, напевая под музыку. Теперь ей было не так одиноко. Она поставила бокал на подлокотник дивана и снова начала писать картину.

Запахи красок и напитка смешались. У нее заболела голова. Не бросить ли ей это занятие?

Допив бокал, она вернулась на кухню, чтобы налить еще. На сушильной полке оставались наполовину растаявшие кубики льда, и она сбросила их в раковину. Потом налила в стакан джину и воды из–под крана. Перемешивая содержимое, она села за кухонный стол.

Впервые в жизни ее посетила мысль о самоубийстве. И сразу же прочно засела в голове.

Она стала расхаживать по кухне, рассматривать ножи в ящиках стола. Потом всерьез задумалась об электрическом токе, проводке, розетках. Как это страшно, подумала она. Но

мысль все крутилась, разрасталась. Она ходила взад–вперед по квартире в поисках подходящего инструмента: молотка, стамески, сверла — какого–нибудь зубоврачебного, так чтобы прошло сквозь кость, чтоб осколки летели.

Достаточно, подумала она. Но было еще не достаточно. Она снова взяла кисть и попробовала писать. Цвета ослепляли ее. Она задернула шторы и стала работать в полумраке. Теперь цвета сливались в мрачные коричневые и серые, похожие на сажу, облака.

Она продолжала работать. Лист потемнел и, наконец, превратился в сплошное пятно. Тут все цвета, подумала она. У нее в голове росли, уточнялись, приобретали все более причудливые очертания планы самоубийства, и вот она уже продумала все.

Положив кисть, она вышла из квартиры в коридор. Там никого не было. Она встала у двери. Прошло много времени, прежде чем мимо нее направилась к мусоропроводу женщина средних лет.

— Здравствуйте, — сказала Пэт.

Женщина средних лет бросила взгляд на открытую дверь в квартиру, затем на стакан в ее руке. И, не ответив, прошла мимо.

Хватит, решила она. Поставив стакан на пол в квартире, она размеренным шагом направилась по коридору к лестнице, спустилась на первый этаж, потом по ступенькам крыльца на тротуар, пошла по тротуару, вниз по склону до угла, к винному магазину. Блестевший плиточный пол отлого опускался. Она осторожно приблизилась к прилавку.

— У вас есть рейнское? — спросила она первое, что пришло в голову — наконец–то4это была какая–то новая мысль.

— Сколько угодно, — сказал продавец.

Он подошел к полке. Пока он искал, она вышла из магазина и стала подниматься по склону. Наверху она остановилась, чтобы отдышаться, и двинулась к дому.

Проигрыватель был включен, но пластинки уже не играли. Она подняла их на шпинделе и поставила снова.

«Где ты?» — спросила она беззвучно.

Никто не ответил.

«Ты вернешься? Нет, и я знаю почему. Я знаю, где ты. И с кем, — сказала она. — Я не виню тебя. Ты прав».

Она взяла кисть, обмакнула ее кончик в краску. И стала писать во тьме квартиры, добавляя тьмы

вокруг себя. Она подняла тьму и понесла ее по гостиной, в спальню, в ванную, на кухню. Она разнесла ее всюду, покрыла ею все предметы в квартире, а затем обратила ее на себя.

Глава 19

Рейчел, сидевшая рядом с ним в машине, сказала:

— Не нужно никаких юридических формальностей. Просто будь со мной, особенно после того, как я рожу.

— Меня приговорят к пожизненному заключению, — сказал Джим.

Машина стояла у ее дома, он смотрел вниз на дорожку, которая вела к ступенькам в подвальный этаж, разглядывал дом, магазины, прохожих на Филлмор–стрит.

— Только это тебя останавливает? — спросила Рейчел. — В этом причина?

— Я не могу жениться на семнадцатилетней девочке. Что бы я к ней при этом ни чувствовал.

— Ты просто скажи мне — в этом причина?

Он серьезно задумался. И пока он думал, Рейчел не отрывала от него глаз, она рассматривала его лицо, тело, то, как он сидит, его одежду. Она впитывала в себя каждую его частицу. Собирала его, каждый кусочек. Чтобы спрятать и сберечь.

— Да, — наконец сказал он.

— Тогда давай уедем. Переедем в Мексику.

— Зачем? Там что, это разрешено? Ты читала о чем–то таком в журнале или видела в кино?

Рейчел продолжала:

— Ты знаешь больше, чем я. Выясни, куда мы могли бы уехать.

— Эх, Рейчел.

— Что?

«Я так и сделаю», — хотел сказать он. Чуть не сказал.

— Ты слишком логически рассуждаешь. Слишком рационально. Нет, я не могу, — произнес он.

— А что, если я поговорю с Пэт?

— Держись подальше от Пэт. Не нужно к ней приходить. У нее и так неприятностей хватает.

— Боишься, я сделаю ей больно?

— Да, — сказал он. — Если у тебя получится. Если придумаешь как.

— Я знаю как, — сказала Рейчел.

— Ты хочешь этого?

— Да наплевать мне на нее. Я о тебе думаю.

— Я бы солгал, если бы сказал, что не думаю о тебе. Но она не может жить одна. У тебя проблемы с деньгами, но, в конце концов, ты решишь их. Станешь старше, будешь зарабатывать больше. Скоро все будет у тебя хорошо. Ты со своими трудностями справишься быстрее, чем мы. Это

вопрос времени, и только.

— Это всего лишь куча слов, — сказала Рейчел.

— Ты не хочешь слышать. Потому и говоришь так.

— Я хочу слышать правду, а не то, что тебе кажется правильным. Я раньше тебя не знала, но теперь знаю и буду знать тебя всю твою оставшуюся жизнь. Разве не так? — Она толкнула и открыла дверцу машины. — Обычно по утрам я работаю. Ты даже не поинтересовался, почему сегодня я не работаю.

— Почему? — спросил он. — Ты что, ушла с работы? Я сам временно не работаю месяц. Пэт тоже не будет работать какое–то время. А ты, кажется, окончательно бросила?

— Я поменялась с одной девушкой, — сказала Рейчел. — Сегодня работаю не утром, а вечером.

— К которому тебе часу?

— К восьми.

— Тогда у тебя есть время посидеть тут.

— У меня куча всяких дел. Нужно уже начинать. Много работы. — Она полезла в карман пальто. — Тут записка. — Она передала ему сложенный листок бумаги. — Возьми, только не смотри, пока домой не поедешь. Обещаешь?

— Записки… — проговорил он.

— Увидимся.

Она двинулась по дорожке к дому. Как только она повернулась к нему спиной, он развернул записку. Слов там не было, только рисунок. Возможно, на это ее навела живопись Пэт. На бумажке было нарисовано сердце, и он понял, что Рейчел хотела признаться ему в любви.

Спрятав записку в карман, он вылез из машины и бросился ей вдогонку.

— Я зайду к тебе, — сказал он, поравнявшись с ней.

— Разве ты не домой?

— Чуть позже.

Рейчел сказала:

— Ты посмотрел записку.

— Да, — признался он.

— У меня обычные дела. Просто сходить в магазин, в аптеку за лекарством, в прачечную самообслуживания. Убраться еще надо. — Она нерешительно взглянула на него. — Может, пообедал бы со мной? Завтрак–то у тебя был не очень.

— Ладно, — согласился он.

Она пошла впереди, спустилась по ступенькам к двери в подвальный этаж.

— Сначала мне нужно уборку сделать, — сказа-

ла она, открывая дверь, которая, как он заметил, была не заперта. — Надо пол пропылесосить. У нас старый пылесос. Я вчера убираться собиралась, но при тебе не Хотела.

Она открыла все окна и двери. Потом вытащила из шкафа древний вертикальный пылесос. Он загрохотал и задрожал, и Джим вышел на улицу, на бетонную дорожку.

— Не подвинешь мне диван? — попросила она, выключив пылесос.

— С удовольствием.

Приподняв диван, он отодвинул его от стены.

— Ты такой мрачный, — сказала она.

— Просто задумался.

— Раздражает тебя эта уборка?

— Нет.

Он снова вышел за дверь.

— Мне не обязательно это делать, — сказала Рейчел. — Просто хотелось заняться чем–нибудь. Терпеть не могу без дела сидеть и просто разговаривать, как мы сидели. Это так… Пустая трата времени.

Пропылесосив пол, ковры, занавески и подушки дивана, она убрала пылесос и принялась мыть посуду.

— Красноречивая у тебя получилась записка, —

сказал он.

— Ну, я думала, ты уезжаешь, и мне нужно было отдать ее тебе в последний момент, — ответила она, стряхивая с рук мыльную пену. — Как раз перед тем, как ты тронешься. Иначе ты бы не узнал… Думал бы, я просто из–за того, чтоб как–то устроиться, из–за жилья и так далее. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал он.

— И это правда. Я так чувствую.

— Плохо.

— Почему?

— Я так и думал, что дело в этом.

— Тебе нечего бояться. Радоваться надо. Ты ведь за меня переживаешь?

— Да, — подтвердил он.

— Может, из этого что–нибудь выйдет.

Она сполоснула раковину и вытерла руки. Взяв тряпку и моющее средство «Датч», она начала чистить раковину и краны в ванной.

— И после всего, что ты сказала, ты до сих пор веришь в то, что видишь в кино.

— Ты о чем?

— Что настоящая любовь все преодолеет.

— Иногда так бывает.

— Очень редко.

— Но ведь бывает, — сказала она.

— Каким образом? Распихивая все, что попадется ей на пути?

— Если бы я вышла за тебя замуж, у меня было бы много детей, — сказала Рейчел. — Она этого так и не смогла.

— Это не так, — возразил он.

— А я бы смогла. — Она положила руку на живот. — Ты же видишь.

— Это были бы не мои дети, — сказал он. — У меня бесплодие.

Она выпрямилась.

— Правда?

— Так что ты глупость сказала.

— Я думала, это у нее, — сказала Рейчел. — Но неважно. У меня уже есть ребенок. Все равно что твой.

Она снова принялась методично драить ванную.

— Мы с Пэт из–за этого расстались, — сказал он.

— Да, — ответила Рейчел. — Верю. Ей нужны дети, чтобы заботиться о них, чтобы не было времени рассиживаться и жалеть себя. Не понимаю, чего тебя так тянет вернуться к ней. Если у вас не может быть детей, то ничего не получится. Она

будет сидеть, пить и предаваться грусти, потом заплачет, что хочет детишек, и снова уйдет. Но со мной все было бы по–другому, ты знаешь.

— Знаю, — согласился он и не солгал — наверное, не солгал.

— У нас был бы ребенок, — сказала она, — пусть только один. А может, у меня будут двойняшки. У Арта ведь есть брат. И у моей матери — брат–близнец. — Она отложила в сторону банку с моющим средством и тряпку. — Если будут близнецы, в больнице больше денег возьмут. Но мне хотелось бы, чтобы не один был ребенок.

— А сколько в больнице за роды берут? — спросил он.

— В смысле, за обычные роды? Без осложнений? От ста пятидесяти до трехсот долларов. Это зависит от того, нужна отдельная палата или нет.

— Отдельная дороже стоит, я знаю, — сказал он.

— А если во время родов им придется воспользоваться приспособлениями — хотя бы щипцами, тогда это называется «операция», и они берут как за операцию. Поэтому стоить может сколько угодно, смотря по обстоятельствам.

— Сколько времени ты проведешь в больнице?

— Не очень долго. — Она открыла холодильник,

чтобы посмотреть, что нужно купить. — Три–четыре дня. Смотря как быстро роды пройдут и как я себя чувствовать буду. Я ни разу не рожала, так что, наверно, трудно придется. И потом, я маленькая. Скорее всего, ложные схватки долго будут продолжаться — может, несколько дней.

— А за сколько времени до родов нужно будет уйти с работы?

— Смотря как чувствовать себя буду. Труднее будет, когда я вернусь. Работать я не смогу сразу после родов. Нужно будет дома сидеть. — Она успела составить список покупок и выкатила из угла кухни специальную тележку. — Не сходишь со мной в магазин?

Они медленно шли по тротуару. Он спросил:

— Теперь ты ко мне по–другому относишься?

— Из–за того, что у тебя детей не может быть? Да, наверное. Вы ведь с ней не знали об этом, пока не поженились?

— Не знали.

— Но я–то знаю, — сказала Рейчел. — Так что у нас все будет по–другому. Ты ведь знаешь про меня, про Арта, знаешь, что он мне нравился, поэтому я и вышла за него. И ребенок — его. Но это ведь не плохо, а? Так и у тебя ребенок будет. А иначе и не получится.

— Я думал об этом, — сказал он.

— Когда?

— В первый вечер, когда у тебя остался.

— Да, — подтвердила она. — Я знала, что ты о чем–то думаешь — что–то про ребенка. Значит, хочешь? — Она повернулась к нему. — Хочешь жениться на мне, если удастся все устроить? Где–то год понадобится, а к тому времени и ребенок уже родится. Но мы почти все это время могли бы быть вместе.

— Могли бы, — согласился он.

Справа от них был овощной магазин. Она вошла в него, катя перед собой тележку. Он последовал за ней. У ящика с салатом–латуком она тщательно выбрала несколько кочанов, взвесила их и оборвала лишние листья. Покончив с латуком, она принялась наполнять бумажный пакет кабачками.

— Доброе утро, барышня, — поприветствовал ее пожилой продавец, когда она принесла овощи к прилавку.

— Здравствуйте, — сказала она.

На прилавке лежали помидоры. Она взяла два и добавила к ним зеленого лука и селвдерея. Джиму она сказала:

— Хочу приготовить тебе салат.

— У тебя это хорошо получается?

— Неплохо, — сказала она, платя за покупки. — Нужно взять итальянского домашнего сыра… Пробовал когда–нибудь? Рикотта называется.

В гастрономе она остановилась у витрины и стала изучать сыры и колбасы. Продавец узнал ее и поздоровался. Ее узнавали все — старички — владельцы итальянской бакалейной лавки, торговцы мясом и рыбой. Это был ее маршрут: она шла со своей тележкой из одного магазина в другой, внимательно все осматривала, находила нужное.

— Вот, — продавец предложил ей клинышек белого монтерейского джека[89]. — Как вам?

Она попробовала.

— Нет, поострее бы, — сказала она.

— Вам для салата?

Продавец дал ей чеддера.

— Этот пойдет, — одобрила она. — И еще рикотты.

Она расплатилась, положила пакеты в тележ-

---

[89] Примечания: 89

Монтерейский джек — мягкий сыр, который первоначально производился в районе г. Монтерея (Калифорния). По качествам напоминает сыры, которые делали в этих местах испанские монахи. Назван в честь некоего Дэвида Джекса, возобновившего производство сыра в период после калифорнийской «золотой лихорадки» (1845). Часто используется в блюдах мексиканской кухни.

ку, и они вышли на улицу.

— Тебе дают пробовать продукты? — спросил Джим.

— Это если не просишь, — сказала она. — Если просто стоишь и смотришь. Тебе нравится, как там пахнет? Турецким горохом, оливковым маслом, специями, колбасами разными. На колбасы у меня обычно денег не хватает.

— Все тебя знают, — заметил он.

— Я тут много времени провожу.

В супермаркете она купила коричневого рису, фунт сливочного масла по сниженной цене и кварту майонеза, тоже по сниженной цене.

— Яиц в распродаже нет, — посетовала она. — Глянь, шестьдесят центов за дюжину хотят. Придется в «Сейфуэй»[90] пойти, там посмотреть.

Докатив тележку до кассы, она встала в очередь. Он остался за ограждением. За ней стояла крупная старуха в шелковом платье, впереди — две темнокожие женщины. Среди домохозяек и покупателей она чувствовала себя как рыба в воде. Она улыбнулась ему.

— Ты мастер по магазинам ходить, — сказал он, когда они вышли.

---

[90] Примечания: 90

«Сейфуэй» — название фирменных универсамов одноименной компании.

— Мне это нравится.

— Без очереди не пытаются влезать? — спросил он и подумал, что вряд ли.

— Бывает. Но я тех, кто хочет пролезть, сразу вычисляю — по виду.

В «Сейфуэе» она купила яиц и кофе.

— Теперь в аптеку надо, — сказала она. — А потом — домой, обед готовить.

Держа в руке рецепт, она ждала у стойки с журналами, жевательной резинкой и лезвиями для бритв. Это была ее стихия. Ходить вот так по магазинам. Отмеривать, оценивать, сравнивать цены в разных местах. Осмотрительно переходить из одной лавки в другую.

Когда они пошли обратно, к ней, тележка была нагружена свертками.

— Откуда она у тебя? — спросил он про тележку.

— Арт сделал.

В гостиной она один за другим выложила свертки на массивный дубовый стол. Каждый из них она вынимала осторожно, чтобы не раздавить яйца и помидоры. Купленный пакет ягод она отнесла на кухню, чтобы помыть. Налив в кастрюлю воды, она зажгла конфорку под ней и положила два яйца. Потом достала большую

миску и принялась нарезать помидоры, латук и зеленый лук для салата. Сев за кухонный стол и поставив миску на колени, она стала измельчать сельдерей и сваренное вкрутую яйцо.

— И что, твое бесплодие нельзя вылечить? — спросила она.

— Нет.

— И ничего не изменится?

— Оно не пройдет, — сказал он.

Рейчел спросила:

— Ты об этом думаешь?

— Иногда. Когда больше делать нечего.

— Наверное, ужасно на душе от этого. А как это определяют — не на кроликах же?

— Берут пробу. Считают количество сперматозоидов на кубический сантиметр. Должно быть шестьдесят миллионов.

— У тебя было столько?

— Да. Но у слишком многих из них оказалось неправильное строение. Для них зачатие невозможно, — объяснил он.

— Но хоть какие–то были нормальными?

— Если бы я совокуплялся с женщиной круглые сутки несколько лет подряд, то, вероятно, смог бы ее оплодотворить. Пэт и я решили обследоваться и узнать, почему у нас ничего не получается. И

вот, нашли причину. Виноват оказался я.

— Шестьдесят миллионов — ничего себе.

— Но с точки зрения статистики вероятность очень мала.

К салату она сделала сэндвичи с сыром.

— Хлеб я сама пекла, — сообщила она.

Хлеб был превосходный.

— Как салат? — спросила она.

— Замечательный.

Он наелся досыта. Она сидела напротив и не отрывала от него глаз.

— Как ты думаешь, она на Арта набросилась, потому что знала, что у него ребенок будет? — спросила она.

— Может быть. И поэтому тоже.

— Чтобы наверстать, что с тобой не успела? — Она говорила без тени смущения.

— Думаю, она пошла на это от безысходности, — ответил он. — Ей нужно было сделать что–то, и она понимала, что со мной у нее не получится. И тут ей попался Арт.

— Разве ты не видишь, что она дрянь–человек?

— Это уж я сам как–нибудь решу.

Она кивнула.

— Это мое дело, — добавил он.

— Ну, решай. — Глаза у нее загорелись, она смот-

рела на него пристально, с угрозой. — Плохой она человек. Никудышный. Зачем ты делаешь вид, что это не так? Не понимаю, как такой мужчина, как ты, мог связаться с ней.

— Ты безжалостна.

— Что–что? О чем ты? — Взгляд ее стал подозрительным.

— Ты, Рейчел, самая настоящая пуританка. Уж такая праведница.

— Ты на ней женишься, чтобы от меня отделаться?

— Нет, — сказал он.

— Так зачем же тогда?

— Потому что я люблю ее.

— А тебе не кажется, что она теперь — как вещь общего пользования?

— Нет, — ответил он.

— Ты понял, что я в записке хотела тебе сказать?

— Понял. Поэтому и пошел за тобой.

— Что ты об этом думаешь?

Ему нечего было ответить.

— Я считаю, что тебе нужно забыть про нее и жениться на мне. Вот так. Из меня хорошая жена получится. Не веришь? Ты не веришь, что я на все готова, только бы тебе хорошо было?

Слова застряли у него в горле.

— Я не могу сказать тебе «да», — наконец произнес он.

— И что тогда? Значит, не женишься?

Он знал, что она спрашивает его в последний раз. И если он сейчас откажется, то с этим покончено. Какой соблазн! Как близок он к тому, чтобы согласиться. Пошло все к черту, подумал он. Это точно стоит все го остального, и даже больше.

— Постой, — сказала Рейчел и зажала уши руками. — Ничего не говори прямо сейчас. Сходи со мной в магазин… Одежду для беременных хочу посмотреть.

Она убрала посуду и поставила ее в раковину. Потом, надев свое чуть не волочащееся по полу коричневое пальто, вышла из квартиры. Он по шел с ней — ему хотелось этого, хотелось побыть с ней как можно дольше. Они оба, чувствуя что–то похожее, слонялись по улицам, лениво шли мимо магазинов, рассматривали витрины, людей. Рейчел заходила внутрь, разговаривала с продавцами, ей до всего было дело. До магазина одежды они добрались только в три часа.

На обратном пути она предложила:

— Давай колы где–нибудь попьем.

Впереди был ларек с хот–догами. Из радиопри-

емника доносились звуки джампа.

— Что будешь? — спросил он, доставая мелочь.

— Колу, и все.

Поставив пакет с одеждой у ног и перекинув пальто через руку, она прислонилась со стаканом кока–колы к стене киоска. Она пила молча, видимо, обдумывая то, что он сказал.

— Тебе ее жалко? — спросила она. — В этом дело?

— Нет, — сказал он.

— Тогда я не понимаю.

— А что ты чувствуешь к тем, кто беспомощен? Пользуешься этим?

Зажав в губах соломинку, она молча изучала его.

— Некоторые пользуются, — сказал он. — Даже большинство.

— Они сами виноваты, что такие слабые, — ответила она.

— Боже.

— Слабые не выживают. Это ведь эволюция, разве нет? Естественный отбор, или как там?

— Да, конечно, — понимая бесполезность спора, согласился он.

— А что тут плохого?

— Ничего.

— Но ты так не считаешь, — сказала она.

— Я так не считаю, когда я люблю человека. Если он беспомощен и ему нужна помощь, мне хочется помочь. Ты думаешь так же. Сама это говорила.

— Когда это?

— Ты сказала, что мне нужно о ней заботиться.

— Но она не заслуживает этого, — сказала Рейчел.

— Ладно, оставим это.

— Ты не можешь объяснить мне?

— Нет. Наверное, не могу.

— Ты любишь ее за то, что она слабая? Да? Ты не можешь иметь детей, поэтому тебе нужен кто–то, о ком ты будешь заботиться.

— Это не так, — сказал он.

— Будешь… смотреть за ней.

Допив кока–колу, она поставила пустой стакан на полку под окном, подняла с земли пакет и пошла.

— В этом только часть правды, — сказал он. — Другая часть в том, что мы с ней понимаем друг друга каким–то необъяснимым образом. Ты пытаешься разложить все по полочкам, но это невозможно. Я не могу сказать, что люблю ее за то, что она беспомощна, так же как не мог бы ска-

зать, что люблю тебя за то, что ты не беспомощна. Я люблю именно ее, больше всего на свете, и если она бессильна, мне нужно помочь ей. Если бы я оказался беспомощным, тебе ведь захотелось бы позаботиться обо мне, разве нет? Ты бы рада была. Это доставило бы тебе удовольствие.

Она кивнула.

— Вот видишь, в тебе это есть, — сказал он. — Это чувство — одно из самых сильных в тебе. Скоро у тебя родится ребенок, и, может быть, ты сможешь направить часть этого чувства на него. И потом, у тебя есть Арт. Видит бог, ему нужна помощь.

Во дворе перед одним из домов за забором внимание Рейчел привлекла огромная кактусовая георгина с махровыми цветками. Цветы были размером с тарелку. Она подошла к забору. Не успел он ее окликнуть, как она перегнулась через ограду и сорвала цветок.

— Ты совершила смертный грех, — сказал он.

— Это тебе, — ответила она.

— Положи обратно.

— Обратно не пришьешь.

Она держала георгину в вытянутой руке, но он не взял ее.

Подметавшая дорожку у дома дородная старуха

увидела цветок и подбежала к ним.

— Это что такое? — хрипло воскликнула она в гневе. Бородка кожи на ее шее поднималась и опускалась. — Вы не имеете права таскать цветы с чужих дворов. Я сейчас полицию вызову, пусть вас заберут!

Рейчел протянула георгину старухе. Та молча схватила цветок, подняла метлу и пошла в дом. Вскоре за ней захлопнулась сетчатая дверь.

Джим и Рейчел пошли дальше. Рейчел спросила:

— За кем же я буду смотреть? — Вдруг она встала на цыпочки и поцеловала его. Губы у нее пересохли и потрескались. — Никого у меня нет. — Она снова поцеловала его и отпустила. — Это все, что я могу сделать, — сказала она. — Разве не так?

— Прими бедного парня обратно.

— Нет, — сказала она.

— Сжалься.

По ее лицу было видно, что он затронул в ней что–то, но она старалась не показать этого. В ней шла внутренняя борьба, она пыталась найти решение.

— Дай ему то чувство, которое у тебя есть, — сказал он. — Оно ему предназначено. Он твой муж, и ребенок — его.

— Ребенок — твой.

— Нет, — сказал он. — Хотелось бы, чтоб он был мой, но это не так. Он не мой, и ты не моя.

— Я твоя.

— Рейчел, я не могу жениться на тебе. Если ты позволишь, я помогу твоему малышу деньгами. Хочешь? А если ты решишь отдать ребенка, захочешь жить сама по себе, если поймешь, что не сможешь обеспечить его, то, может быть, мы бы его усыновили.

— Ты и Пэт?

— Может быть. Если ты откажешься от малыша.

— Не откажусь, — сказала она. — Он мой.

— Ну и хорошо.

— Ты не можешь заполучить его без меня, — сказала она. — Тебе придется взять нас обоих.

— Тогда вопрос исчерпан.

За все остальное время, что они шли обратно, она ни разу не взглянула на него, не проронила ни слова. У двери своей квартиры, вставив ключ в замок, она спросила:

— А она будет заботиться о тебе?

— Надеюсь.

— Скажи ей, чтоб с пьянкой завязывала.

— Скажу.

— Наверное, не пила бы — все было бы у нее нормально. Не понимаю, как женщина может так пить. — Она шагнула через порог к себе домой. — Мне нужно на работу собираться. Пора прощаться.

— До свидания, — сказал он.

Он прикоснулся к ее волосам, повернулся и стал подниматься по ступенькам к дорожке.

Стоя у двери, она сказала:

— Если ты женишься на ней, я хочу сделать вам подарок.

— Найди лучше своего мужа, — ответил он.

Но она уже шла вверх по ступенькам.

— Что она любит? — спросила она нахмурившись. — Может, что–нибудь для кухни ей купить? Одежду я бы не стала ей дарить. В одежде она лучше моего разбирается.

— Просто пожелай нам удачи.

Рейчел взяла его за руку.

— Можно я еще с тобой побуду? Немножко. Ладно?

Держась за руки, они дошли до «Вулвортса» — десятицентовки[91].

---

[91] Примечания: 91

«Вулвортс» — сеть фирменных универсальных магазинов компании «Вулворт», в которых по относительно низким ценам продавались товары широкого потребления.

— Нет, — остановилась она. — Так не пойдет.

Через некоторое время им попался ювелирный магазин, и она направилась ко входу.

— Ты не можешь себе этого позволить, — сказал он, останавливая ее. — Если ты серьезно настроена, подари нам открытку.

— Гостей звать будете?

— Не знаю. Может быть.

Она вошла в ювелирный магазин и подошла к главной витрине.

— У меня всего три или четыре доллара, — призналась Рейчел.

В витрине были выставлены серебряные и посеребренные предметы. Рейчел заставила продавца вытащить их один за другим и осмотрела. После долгих раздумий она купила лопаточку для торта, и продавец завернул ее в подарочную бумагу.

— Ей понравится, — сказала она, когда они вышли из магазина. — Да ведь?

— Конечно, — согласился он.

— Ты рассмотрел ее? — спросила Рейчел. — Сделано в Голландии. Небольшая, правда, и не такая нарядная, как другие вещи.

Дома она развернула лопатку и заново обернула ее собственной бумагой, по–своему запечатала

и обвязала ленточкой.

— Так лучше, — сказала она, скручивая ленту лезвием ножниц. — Мне на Рождество приходилось в универмаге в центре города работать — покупки заворачивать.

В ленту она вставила гладиолус и несколько зеленых листьев и закрепила их скотчем.

— Очень красиво, — сказал он.

Она положила подарок в бумажный пакет.

— Это вам обоим.

— Спасибо, — поблагодарил он ее.

— А я, наверно, не пойду, — сказала она.

— Хорошо, — согласился он.

Проводив его до двери, она спросила:

— Можно, мы к вам в гости придем?

— В любое время, — ответил Джим.

Она мешкала у двери, говорила медленно, не глядя ему в глаза.

— Можно задать тебе вопрос?

— Сколько угодно.

— Или, может, попросить об одолжении. Я тут думала, вернешься ты на радио со своей программой или нет.

— Ты хочешь, чтобы я вернулся?

— Если ты это сделаешь, мы снова сможем слушать тебя.

— Я вернусь.

— Здорово, — кивнула она. — Я хочу снова услышать тебя. Мне всегда от этого как–то лучше становилось. Верилось, что тебе на нас не наплевать.

— Конечно, не наплевать, — сказал он. — И тогда, и сейчас.

— Даже сейчас? Вот сейчас?

— Ну конечно.

— До свидания, — попрощалась она, протянув ему руку, и он пожал ее.

— Спасибо за обед, — поблагодарил он. — За то, что готовила для меня.

— Я ведь неплохо готовлю, правда?

— Очень даже неплохо.

Она отошла от двери. А затем он вышел на улицу и стал подниматься по ступенькам.

— Постой, — окликнула его Рейчел. — Ты забыл.

В руке у нее был завернутый подарок.

Он вернулся и забрал его. На этот раз она смотрела, как он уходит Вышла на порог и стояла, пока он не сел в машину и не запустил двигатель. Отъезжая, он видел ее. Она не плакала. Она вообще не показывала никаких чувств. Она уже приняла все, как есть, и теперь строила планы,

решала, что делать дальше. Размышляла, как преодолеть трудности, думала о себе, о муже, о своей работе, о будущем своей семьи. Джим еще не успел скрыться из виду, а она снова принялась за работу.

Когда он поставил машину у своего дома и начал подниматься по лестнице, было четыре часа дня. Он открыл незапертую дверь. В квартире было темно и тихо, шторы опущены.

— Пэт! — позвал он.

У шкафа с пластинками гудел проигрыватель, на диске вращалась стопка пластинок. Он выключил проигрыватель и поднял шторы.

Комната была испачкана краской. Размазанная рукой краска блестела на мебели, на стенах, на портьерах — повсюду были маленькие, словно детские отпечатки больших пальцев и ладоней Пэт. Она ходила по квартире и прижимала руки ко всему, что попадалось ей на пути. Мольберт, кисти и тюбики были беспорядочно свалены в кучу на полу, у опрокинутого стакана. По ковру тянулся красный след, и он вдруг подумал, что это не краска, а кровь. Она наклонился и потрогал. Липко и горячо. Это краска смешалась с кровью — по всей квартире.

В спальне Пэт не было. Но и здесь все было в

краске и крови — покрывало, стены.

— Пэт! — снова позвал он.

Он был настороже, ум ясно работал. Он прошел на кухню.

Там, в углу, сгорбившись и прижавшись к шкафам, сидела и снизу вверх смотрела на него она, вся в крови и краске. С ее одежды капала блестящая, вязкая красная жидкость — теплая смесь, из тюбиков и из ее тела. Он подошел к ней. Она подняла трясущуюся руку.

— Что случилось? — спросил он, опустившись на колени.

— Я… порезалась, — прошептала она.

Рядом с ней лежал кухонный нож. Она порезала руку почти до кости. Запястье было перевязано пропитавшимся кровью носовым платком. Загустевшая кровь в месте пореза засыхала, она теперь не текла, а только сочилась. Пэт жалобно глядела на него, приоткрыв рот, желая что–то сказать.

— Когда это случилось?

— Не знаю, — сказала она.

— И как?

— Не знаю.

— Больно? — спросил он.

— Да. Очень больно.

Лицо ее было в запекшихся и засохших пятнах слез.

— Ты нарочно это сделала?

— Я… не знаю.

На сушильной полке раковины растаяли кубики льда, лежал лимон, оставалось немного джина.

— Надо было мне раньше вернуться, — сказал он.

— Что со мной будет? — спросила она.

— Все будет хорошо.

Он ласково убрал волосы с ее лица.

Прилипшие красные капли крови и краски сверкали в ее волосах. Полосы краски покрывали лицо, шею, руки; краской были испачканы рубашка, джинсы, ноги. А на лбу был темный кровоподтек.

— Я упала, — сказала она.

— Тогда и порезалась?

— Да…

— Ты держала в руках нож?

— Я шла с ним в гостиную.

— Я отвезу тебя к врачу, — сказал он.

— Не надо, пожалуйста.

— Тогда давай сюда врача вызову.

— Не надо, — покачала она головой. — Просто

останься со мной.

— Нужно перевязать, — сказал он.

— Давай.

Из аптечки в ванной он достал марлю, лейкопластырь и меркурохром[92]. Порез оказался чистым, хотя крови вытекло порядочно. Он промыл ей руку и смазал меркурохромом. Боли она, похоже, не чувствовала, как будто впала в какое–то онемение.

— Тебе чертовски повезло, — сказал он.

— Очень больно было.

— Впредь будь осторожнее. Не расхаживай с ножами.

— Ты насовсем вернулся?

— Да, — сказал он.

Он помог ей встать и, обхватив рукой, отвел в гостиную. Она прильнула к нему.

— Я думала, что умру, — сказала она. — Кровь все текла и текла.

— Ты не умерла бы.

— Правда?

— От этого — нет. С детьми такое постоянно случается. То с дерева упадут, то руку порежут, то коленки обдерут.

---

[92] Примечания: 92

Меркурохром — жидкий антисептик красноватого цвета, используемый для лечения повреждений кожи.

Она растянулась на диване, и он, обмакнув носовой платок в скипидар, стал смывать ей краску с волос.

— Я думала, что умру от потери крови, — сказала она.

Отмыв ей волосы, он нашел чистую рубашку и помог надеть ее. Потом показал:

— Вот. Это подарок.

И отдал ей подарочный сверток с гладиолусом, листьями и скрученной ленточкой.

— Это мне?

Она стала разворачивать подарок. Ему пришлось помочь ей.

— От кого это?

— От Рейчел, — сказал он.

Она лежала с лопаткой для торта на коленях, упаковка была брошена кучкой на пол у дивана.

— Мило с ее стороны.

— Ты все краской испачкала.

— Она отчистится?

— Наверное.

— Ты злишься, наверное, очень.

— Я только рад, что ты жива, — сказал он, поднимая с пола оберточную бумагу.

— Я никогда больше так не сделаю.

Он обнял ее и прижал к себе. От нее пахло крас-

кой и скипидаром, волосы у нее были влажные, а горло пестрело у его лица пятнышками синей и оранжевой краски — от уха до ключицы. Он крепко держал ее, но она осталась неподвижна, тело было неподатливо. Застегнув верхнюю пуговицу на ее блузке, он сказал:

— Я больше никогда не уйду от тебя.

— Правда? Обещаешь?

— Обещаю, — сказал он.

Он так и сидел на диване, прижимая ее к себе, пока в комнате не сгустились сумерки. Стало прохладно, но он не двигался. Наконец, совсем стемнело. Стихли звуки улицы за окном. Зажглись фонари. Вспыхнула неоновая вывеска.

Пэт спала в его объятиях.

Глава 20

В воскресенье в Сан–Франциско (штат Калифорния) заканчивался оптический конгресс, проходивший в отеле «Сент–Фрэнсис». К десяти часам вечера многие участники уже прощались и разъезжались из города на машинах, автобусах, поездами — на чем прибыли сюда в начале недели. Зал, отведенный им в отеле, был усыпан бумагами и окурками, а вдоль стены выстроились пустые бутылки. Тут и там, сбившись в компании, оптики пожимали друг другу руки и обменивались адресами.

Лица из узкого круга Хью Коллинза собрались для тайного дорогостоящего завершающего кутежа в номере Эда Гаффи в гостинице попроще с более свободными правилами в деловой зоне негритянского гетто близ улиц Филлмор и Эдди. Всего во внутренний, круг входило одиннадцать мужчин, и каждый из них уже готов был взорваться от нетерпения.

Хью Коллинз припер к стене Тони Вакуххи, который уже находился в номере Гаффи, когда ввалилась их группа.

— Где она?

— Сейчас будет, — сказал Вакуххи. — Не выпрыгивайте из штанов.

Всю неделю он терся где–нибудь поблизости от Фисбы, но эта ночь, этот заключительный спектакль, должны были стать венцом всего. Луиза, к его облегчению и удовольствию, любезно осталась в Лос–Анджелесе. Все было улажено. Он едва сдерживался.

— Когда? — спросил Гаффи, дымя сигарой.

— Вот–вот должна прийти, — ответил Коллинз, потирая верхнюю губу тыльной стороной руки.

Такого еще не было: мексиканские безделушки, которые он раздал ребятам, фильмы для избранных, добытые им и Гаффи у работников парка развлечений, его собственные альбомы с фотографиями моделей и поклоняющихся солнцу нудистов — все это не шло ни в какое сравнение.

— Это будет стоить потраченных бабок? — хотел знать Гаффи.

— О чем речь, — заверил его Коллинз. — Можешь не сомневаться.

Он беспокойно зашагал по комнате — скорее бы уже она появилась. Оптики шептались, острили, рассказывали анекдоты, пихали друг друга в бок. У некоторых были с собой мексиканские безделушки — они крутили их в руках. Но ребятам

уже становилось скучно, хотелось настоящего. Один из них, сложив руки рупором, прокричал Коллинзу:

— Ну что, дружище? Скоро?

— Скоро, — потея, успокоил его Коллинз.

Другой заорал:

— Где же эта поросятина?

— Эй, эй! — скандировали они. — Подавай поросятину в масле!

— Потише, — одернул их Гаффи.

Оптики кружком присели на корточки и нараспев в унисон повторяли:

— А ну, подавай, а ну, подавай!

Один из них встал и пустился в пляс в своей нейлоновой рубашке и брюках в тонкую полоску. Он закинул руки за голову и принялся вихлять мясистыми бедрами. Галстук болтался, как у клоуна.

И вдруг все затихли. Шумная возня прекратилась. Шуточки смолкли. Все замерли.

В гостиничный номер вкатилась в своем прозрачном пластмассовом шаре Фисба Хольт. Оптики так и охнули. Вакуххи, стоявший в коридоре, пинком вбросил ее в открытую дверь. Затем он закрыл дверь и запер ее. Пузырь остановился посередине комнаты. Фисба целиком

заполняла собой шар. Колени ее были подтянуты и прижаты к животу, она обхватила, стиснула их руками. Голова ее была наклонена вперед. Под подбородком, над коленями выпирали вверх ее огромные груди, сплющенные внутренней поверхностью шара.

Шар прокатился еще немного. Теперь Фисба застыла лицом вниз. Стали видны ягодицы — два голых полушария. Из–под искажавшего реальные формы слоя пластика казалось, что они растеклись по поверхности пузыря. Собравшиеся снова охнули. Один из оптиков толкнул шар туфлей, тот покатился и снова явил зрителям вид Фисбы спереди. Ее соски, увеличенные прозрачной поверхностью, краснели расплывшимися и застывшими кровавыми мазками.

Она улыбалась.

Господь всемилостивый, подумал Хью Коллинз, и его затрясло от похоти. В кругу все дергались и гримасничали, по гостиничному номеру прошлась пляска святого Витта.

— Гляньте–ка на эти сиськи, — сказал кто–то из оптиков.

— Вот это да!

— Интересно, какой у нее размер?

— Переверните ее жопой кверху! — крикнул

кто–то.

Шар толкнули, он покатился, и всем опять предстала обратная сторона Фисбы.

— Вы только посмотрите, какое мяско! — раздался чей–то голос.

— Можно задок поднять? — попросил какой–то оптик. — Ну, глобус повернуть. Чтоб посмотреть на что было.

Несколько человек легонько стукнули по шару. Он укатился слишком далеко, и снова им пришлось любоваться коленями и грудями Фисбы.

— Еще давайте, — сказал Гаффи, стоявший на четвереньках.

Они пихнули пузырь снова — на этот раз удачно.

— Обалдеть! — выдохнул один из оптиков.

— Нет, вы только посмотрите!

Это было что–то невероятное. Они толкали шар от одной стороны круга к другой. Увеличенная и искаженная Фисба подкатывалась к кому–нибудь, а потом ее отфутболивали в обратном направлении. Шар переворачивался, появлялись и снова исчезали ее злобно усмехавшееся лицо, груди, колени, ступни, ягодицы — поочередно все части взопревшего бледно–желтого тела. Восковая поверхность вращалась, от испарины внутри

шара помутнело. Ее рот был теперь прижат к вентиляционным отверстиям пузыря, она начала глубоко и судорожно вдыхать воздух.

— Слушайте, а может, сместим ее на несколько градусов — ну, чтобы отверстие сдвинуть, — предложил кто–то.

Но когда они попробовали повернуть шар, Фисба не изменила своего положения внутри.

Хью Коллинз, сидевший на полу, выставил ногу навстречу катившемуся к нему пузырю. Он, как и большинство оптиков, успел снять туфли и пнул теплый, нагретый заключенной в нем женщиной шар босой ногой. Как будто ее голую плоть лягнул. Он хихикнул.

На другой стороне шар отбил Эд Гаффи.

— Сюда! — завопил один из оптиков, подняв ногу для удара.

Шар покатился к нему.

— Моя очередь! — закричал другой, поставив руку на пути пузыря.

Тот перекатился через нее, и оптик взвизгнул.

Шар двигался все быстрее. Фисба, прильнув губами к отверстиям и пыхтя, хватала воздух. Пузырь запотел от телесных испарений, и ее стало плохо видно. Перед публикой мелькали то алые соски, то сферы ее зада, то пятки, прижатые

к внутренней поверхности.

— Здорово! — закричал еще один оптик, во весь рост вытянувшийся на полу. — Прокатите ее по мне! Давайте!

Оргия набирала обороты. Закончилась она внезапно, когда одному из оптиков пришло в голову налить в отверстия для дыхания Фисбы воды из картонного стаканчика.

— Так, — сказал Тони Вакуххи, выступая вперед, чтобы взять дело в свои руки. — Достаточно. Закончили.

Разбрызгивая капли пота, покрасневшая Фисба вылезла из шара.

— Зверюги хреновы, — ругнулась она, вставая и разминая ноги.

Тони бросил ей халат, она надела его и застегнулась.

— И это все? — возмутился Гаффи, грызя сигару.

— За две сотни баксов хотя бы за задницу пощипать дали.

Тони вывел девушку из номера, оттесняя оптиков плечами. Дверь за ним и Фисбой захлопнулась.

— Грабеж какой–то, — пробурчал Гаффи.

Посередине комнаты оставался пустой шар.

Хью Коллинз протиснулся сквозь толпу в коридор и побежал за Фисбой и Вакуххи.

— Постойте, — задыхаясь, сказал он, догнав их.

— В чем дело? — сухо спросил Тони, в то время как Фисба извергала беспрерывный поток ругательств. — Повеселились, за что заплатили — то и получили.

— Подождите. То есть дайте мне минутку поговорить с ней наедине, — сказал Коллинз.

— Что вы хотите сказать ей? Говорите при мне. Ну же, всю ночь, что ли, будем тут торчать? Мне вытереть ее надо.

— Я тут подумал… — Коллинз смотрел на нее с мольбой. — Ну, знаете насчет номера где–нибудь в мотеле. Последняя же ночь.

— Надо же какой! — сквозь зубы бросила Фисба и вышла с Вакуххи на улицу.

Униженный, Коллинз, крадучись, вернулся в номер Гаффи.

В номере стоял озабоченный гул. Некоторые хотели пойти на улицу и продолжить веселье там, другие уже готовы были бросить все это и разъехаться по домам. Один вызывал по телефону такси. У него были знакомые в одном таксопарке, которые якобы могли всем скопом отвезти их во вполне сносный публичный дом.

Гаффи осматривал пустой шар.

— Посмотрите–ка какого он размера, — сказал он Коллинзу. — Сюда можно пару сотен фунтов чего–нибудь запихать.

— Чего, например? — равнодушно спросил Коллинз.

— Да чего угодно. Слушай, кажется, у меня есть обалденная идея… — Он потащил Коллинза к шару. — Вот, его ведь можно заклеить — ну, может, и будет протекать, но совсем немного.

Он поставил часть оболочки на место, закрыв проем, сквозь который влезала и вылезала Фисба.

Оптики собирались вокруг них послушать, что происходит.

— Старая добрая водяная бомбочка, — сказал Гаффи, ударив кулаком о ладонь. — Чмок, прямо с крыши — и сваливаем отсюда!

— Черт подери! — отреагировал Коллинз, надеявшийся спасти хоть что–то из своих рухнувших планов.

— Да, большая ядерная бомбочка. От нее они тут живенько проснутся. Блин, через пару часов или самое позднее завтра нас туг не будет. Ну что, ради старых времен?

На них нахлынули чувства — в этот час про-

щания с товарищами они остро ощутили свою общность. Они не увидятся еще целый год — до пятьдесят седьмого. За год так много может измениться. Ах, эти узы старой дружбы.

— Хлопнем дверью напоследок, — сказал Гаффи. — Правильно? Чтоб запомнили. «А, это было в пятьдесят шестом, когда ребята сбросили с крыши шар — помните ту ночь в пятьдесят шестом году?» Парни, а ведь эта добрая старая ночка как раз сейчас на дворе!

Так оптики творили историю своих конгрессов. Это была веха в летописи их приключений.

— И чем ты собираешься его наполнить? — спросил Коллинз. — Где мы среди ночи наберем двести фунтов дерьма?

Гаффи засмеялся.

— Давайте начнем. Делового. Вся проблема в том, что у вас, ребята, не хватает воображения.

Они притащили пепельницы, несколько маленьких настольных ламп, туалетную бумагу из ванной, пару старых туфель, банки из–под пива, бутылки и свалили их в шар. И это было только начало.

— Давайте вот как поступим, — сказал Гаффи. — Идем на улицу и собираем всякий хлам, все, что влезет сюда. Банки, жестянки, что на

глаза попадется. Возвращаемся через двадцать минут. — Он засек время на своих часах. — Идет?

Через двадцать минут оптики начали вразброд вваливаться в номер: кто провел отведенное время без толку, кто успел набраться еще больше, чем когда уходил, а кто шел с поклажей.

Во все еще работавшем супермаркете они купили несколько дюжин яиц, упаковок молока, лежалых овощей. Из аптеки прихватили жестяных мусорных корзин, набор дешевых тарелок, несколько пустых картонных коробок. Один из оптиков притащил с угла улицы помойный бак. Другой привез на машине ведро с отбросами из–под дверей запертого ресторана.

Они запихнули все это добро в шар. Еще оставалось место.

— Воды, — сообразил Гаффи. — В ванную.

Они покатили шар в ванную. Им удалось подвинуть его достаточно близко к крану, чтобы заполнить оставшееся место водой. Отяжелевший дырявый шар перекатывался по ванной. Из отверстий, сквозь которые дышала Фисба, хлестали фонтанчики.

— Быстрее! — скомандовал Гаффи.

Оптики, ворча и потея, выкатили шар из комнаты и стали толкать его к лестнице. Там они

подняли его и медленно вытащили на верхний этаж гостиницы. Дверь на крышу оказалась незапертой, они поставили шар на битумное покрытие и подкатили его к краю.

Под ними раскинулась улица с неоновыми вывесками, машинами и пешеходами.

Потерев склизкие от воды, яиц и молока руки, Гаффи скомандовал:

— Ну что, парни, поехали!

Приподняв увесистый, набитый мусором шар над ограждением, они отпустили его.

— Разбегаемся! — крикнул Гаффи, и оптики, не дожидаясь результата, кинулись вниз по лестнице.

И вот они уже протискивались через черный ход гостиницы и мчались на стоянку, к своим машинам.

Людвиг Гриммельман в своей чердачной комнате на третьем этаже чувствовал, как что–то движется в ночи, и понимал, что ему не ускользнуть от врагов. От реальности не убежать.

Сердцем он чуял, что рано или поздно схватят всех, схватят и его. Он окажется у них в лапах, ему не спастись. Он приблизил глаз к щели, чтобы посмотреть, что происходит на темной улице. Ему виделись неясные формы и тени, движущи-

еся объекты. На другой стороне улицы кто–то стоял — Гриммельман знал, что он на крючке у мистера Брауна из ФБР. Мистер Браун поджидал его там, во мраке. Мистер Браун поймал его и собирается уничтожить. Людвигам Гриммельманам нет пощады.

Он–то считал, что, откладывая, медля и отсрочивая, он что–то выигрывает. В этом была его ошибка. Ничего он не выиграл — теперь он у них в руках, вернее, чем когда–либо. Они не удовольствуются ничем, кроме ликвидации Гриммельмана, всех его надежд и страхов. А он не был готов к тому, чтобы отдать им это. До сих пор он прятался и сейчас не собирается сдаваться. Он не капитулирует только из–за того, что его положение безнадежно.

Те, кто встречался с ним, и те, кто за ним следил, считали его шизиком, но это было не так, и мистер Браун знал это. Мистер Браун искал его и нашел, для этого ему потребовалось немало времени. На шизиков так много времени не тратят. Но мистер Браун никому ведь не скажет, вот в чем еще штука.

Гриммельман надел свою черную шерстяную шинель, ботинки десантника и нажал на кнопку аварийной сигнализации, спрятанную

под углом его рабочего стола. Передатчик войск связи, купленный на армейской распродаже, послал закодированное сообщение. Джо Мантила, получивший его в своей комнате в глубине родительского дома, знал — теперь пора.

Оставалось только бежать. Важные бумаги, газеты, карты, вырезки Гриммельман уже уничтожил. Оставив в комнате свет — чтобы сбить с толку мистера Брауна, он открыл боковое окно, выбросил в него канат и через секунду уже проворно спускался. Когда его ноги коснулись земли, он отпустил канат, и тот втянула обратно на чердак специальная пружина.

Ночь выдалась темная. Он чувствовал невидимое движение, ощущал, как что–то приходит и уходит, как носятся в воздухе сигналы.

Перебравшись через забор, он спрыгнул на лужайку и побежал по дорожке, сгорбившись и оглядываясь — не преследует ли его мистер Браун.

Его никто не заметил. Он тенью перескакивал через заборы, бежал вдоль домов, по газонам, проносился сквозь дворы, крался, снова пускался бежать, лез куда–то, постепенно выбираясь в промышленную зону. Он остановился, чтобы отдышаться, и оглянулся, всматриваясь во тьму.

Потом продолжил свой путь. Черная шинель вздымалась, ботинки шлепали по асфальту. Мимо проехала машина, фары ослепили его, и он спрятался за припаркованным грузовиком. Неужели это они? Заметили? Он побежал снова, юркнул на подъездную аллею и перепрыгнул через забор.

Когда он добрался до сарая из гофрированной листовой стали, двигатель «Хорьха» уже работал. Гриммельман отодвинул дверь гаража — там было шумно и дымно. Ему навстречу вышел Джо Мантила и отрапортовал:

— Машина готова.

— Реле от коробки отсоединено? — фыркнул Гриммельман.

— Все на мази. Ферд в «Плимуте». Кто поедет с тобой в «Хорьхе»?

— Иди в «Плимут», и поезжайте обратно, — Гриммельман забрался в «Хорьх» и сел за руль. — Ситуация сложилась негативная. Если мне удастся прорваться сквозь полицейский аппарат, я свяжусь с вами. В противном случае считайте, что Организация перестала существовать.

Джо Мантила уставился на него.

— А ты думал, у нас есть шансы? — спросил Гриммельман.

— Конечно, — кивнул Мантила.

Включив скорость, Гриммельман выехал на «Хорьхе» из гаража. Джо Мантила бегом промчался мимо него на противоположную сторону улицы, к «Плимуту». «Хорьх» повернул направо и поехал к автостраде, ведущей из Сан–Франциско.

В лицо бил ветер. Гриммельман достал из кармана шинели защитные очки и закрыл ими глаза.

На Ван–Несс–авеню он свернул направо.

Через два квартала за ним увязалась машина полиции Сан–Франциско.

Гриммельман увидел ее и понял, что ему не уйти. Он и раньше это знал. Он нажал на газ, и «Хорьх» рванул вперед. Гриммельман пригнулся как можно ниже и дал еще газу — и еще. Полицейские продолжали преследование.

Сначала тихо, потом сильнее завыла сирена. Сзади все мигал и мигал красный свет. Этот свет всматривался в него. Остальные машины на Ван–Несс–авеню остановились — теперь двигался только он, еще прибавив скорости.

Как холоден ночной воздух. Он плотнее укутался в шинель, держа руль одной рукой. Ветер хлестал его по лицу, и на какой–то миг стало ничего не видно. Он поднял руку, чтобы поправить

очки. Впереди из боковой улочки выехала вторая полицейская машина, и Гриммельман пересек двойную линию, чтобы не столкнуться. Автомобиль полиции остался позади, и он вернулся на свою полосу.

И тут «Хорьх» бортом задел машину, остановившуюся на звук сирены. Отвалилось крыло, и Гриммельман крутанул руль. «Хорьх» снова съехал влево. Впереди, прямо навстречу «Хорьху», неслись белые, разросшиеся до гигантских размеров фары. Гриммельман вскинул руки, и массивный «Хорьх» врезался в ослепляющий свет.

Вой полицейской сирены сзади смолк. Две полицейские машины приближались к нему справа.

Гриммельман с трудом вылез из разбитого «Хорьха». Шинель на нем порвалась, из глубокой раны на шее стекала кровь. Он пробежал несколько шагов и споткнулся о бордюр. Одна из полицейских машин поехала за ним. Он все так же быстро, не останавливаясь, бежал по тротуару.

Вывески на Ван–Несс–авеню погасли, и он спрятался в темноте площадки подержанных автомобилей. Впереди была вышка, он прокрался

мимо нее. Пробежали двое полицейских с фонариками — он скользнул за машину. Как только они удалились, он подполз к передней части автомобиля и извлек из кармана шинели большую связку проволок и ключей. Повозившись с замком дверцы, он открыл ее и влез в машину. Потом закрыл дверь и лег на сиденье, опустив голову под приборную доску. Раскрыв ножик, он срезал изоляцию на проводе системы зажигания.

Неподалеку, в мастерской Германа, Нэт Эманьюэл и Герман вместе снимали головку двигателя с «Доджа» 1947 года выпуска из автомагазина Нэта.

— Что там за шум? — удивился Нэт и пошел к выходу посмотреть, в чем дело.

Сначала он увидел только две полицейские машины. Одна из них поехала по улице дальше. Потом ему стали видны и два разбитых автомобиля — «Хорьх» и тот, с которым он столкнулся.

— Боже, — выдохнул он.

— Что там такое? — Герман тоже вышел.

Присмотревшись, Нэт заметил двух полицейских, бежавших по тротуару с фонариками. Они миновали площадку Полоумного Люка, и Нэт увидел, как кто–то крадется из–за вышки к ряду автомобилей и садится в один их них. Дверь

открылась и закрылась. Теперь ему было видно, как Гриммельман возится в машине Полоумного Люка с зажиганием.

— Он хочет угнать машину Люка, — сказал Нэт.

— Да? Где? — Герман ничего не видел.

— Да вон же, — показал Нэт, — в машину забрался, глянь, пытается тачку без ключа завести.

— Точно, — подтвердил Герман.

— Надо копов вызвать, — сказал Нэт.

— Зачем?

— Он же угоняет машину Люка.

— Не надо копов вызывать, — сказал Герман.

— Почему это? — Нэт уже бежал в мастерскую к телефону.

— Ну, угоняет он машину у Люка. Что же ты за дурак такой? Люк — самый большой ворюга в Сан–Франциско. Да у него все, что тут стоит, краденое, ты же сам знаешь.

— Это противозаконно, — сказал Нэт и скрылся в мастерской.

Герман услышал, как он в волнении набирает номер.

— Что такое для Люка одна машина? — сказал Герман, глядя, как Гриммельман пытается запустить двигатель.

Что за человек этот Нэт Эмманьюэл, думал Герман. Странные у него представления о справедливости. Ничему его жизнь не научила.

— Да пусть себе угоняет, — сказал он, но это был уже разговор с самим собой.

Джо Мантила и Ферд Хайнке припарковали «Плимут», съехав с Ван–Несс–авеню. Они видели, как «Хорьх» врезался в другую машину и как полиция схватила Гриммельмана.

— Это конец, — сказал Ферд.

С выключенными фарами они поехали прочь от Ван–Несс–авеню. На одной из боковых улиц, где было уже безопасно, они включили фары и прибавили скорость.

— Да, у него действительно шансов не было, — сказал Джо Мантила. — Он даже машину со стоянки угнать не смог.

Полчаса они простояли у «Старой перечницы», пытаясь решить, что делать дальше. К гриммельмановской берлоге ехать было опасно. Ни тот, ни другой не сказали об этом вслух ни слова, но Организация перестала существовать. Единственное, на что они теперь надеялись, — это не попасть в руки полиции.

— Надо Арту сообщить, — сказал Ферд Хайнке.

— К черту, — ответил Джо Мантила. — Я — до-

мой. Лучше, чтобы какое–то время нас не видели вместе.

— А если он на чердак припрется?

— Он туда перестал ходить. В семью вернулся, — сказал Джо, но все–таки дал задний ход на Филлмор–стрит и повернул налево. — Я постою с включенным двигателем, а ты сбегай, предупреди его.

Они остановились перед домом. Ферд выскочил из машины и побежал по дорожке к ступенькам в подвальный этаж. В гостиной горел свет, и он постучался.

Открыл Арт.

— Что случилось? — Он не ожидал увидеть Ферда.

— Гриммельмана взяли, — сообщил Ферд. — На чердак не ходи.

— А с «Хорьхом» что?

— Тоже забрали. Надо на какое–то время залечь на дно. — Он пошел обратно, к «Плимуту». — Делать нечего.

Арт постоял, пока «Плимут» не исчез из виду, и вернулся в квартиру.

Рейчел писала за кухонным столом письмо.

— Что там? — спросила она, кладя ручку на стол.

— Ничего, — сказал он.

— Что, Гриммельмана схватили? Я знала, что это случится. — Она снова принялась за письмо. — Плохо, конечно. Но ведь ты знал, что это произойдет. Думаю, для нас так даже и лучше, хотя его жалко.

Он сел напротив нее и откинулся так, что спинка стула уперлась в стенку.

— Это конец Организации, — сказал он.

— Хорошо, — сказала она.

— Почему?

— Потому что она была ошибкой. Чем занимался Гриммельман? Пытался бороться с ними их же методами. Естественно, они победили. Если так с ними воевать, они обязательно победят. У них ведь вся власть. А нам нужно не высовываться, чтобы нас не замечали.

— Теперь поздно, — сказал он. — Я уже в списке призывников.

Рейчел ответила:

— Но, может, им надоест, и они сдадутся. Может, решат, что оно не стоит того. Если каждый раз, когда тебя будут вызывать, мы будем приходить и спорить с ними, тянуть резину…

— Иногда мне хочется сдаться, — сказал Арт. — И сказать: «Да п–п–пошло оно все! Забирайте».

— Мы пропадем, если тебя заберут.

— А так не пропадем? — спросил он.

— Нет, если захотим.

— Я точно хочу, — с жаром сказал он.

— Это она купила тебе одежду, в которой ты вернулся? Никогда ее раньше на тебе не видела, а денег у тебя не было.

— Да, она купила.

— И даже костюм? — Рейчел положила ручку на стол. — Что, выбирала тебе?

— Да, — признался он.

— Хороший костюм. Я видела. Наверно, ты ей правда понравился, и ей хотелось, чтобы ты хорошо выглядел.

Жестом руки она подозвала его к себе:

— Посмотри, может, что–нибудь поправишь?

Он подошел к ней и увидел, что она пишет Патриции. В письме она желала им удачи в браке и выражала надежду, что они вскоре смогут как–нибудь собраться вчетвером.

Он прочел письмо, и ничего в нем не смутило его. Под именем жены он поставил и свое имя. Рейчел сложила письмо и сунула его в конверт.

— Как ты? — спросила она.

С тех пор как он вернулся, оба они чувствовали себя не в своей тарелке, им все еще было не по

себе в присутствии друг друга.

— Лучше, — сказал он.

— Что ты скажешь, если я поработаю некоторое время на полную ставку? — спросила Рейчел. — Чтоб денег побольше заработать.

— Не надо тебе этого делать.

— А может, стоило бы. Тогда не нужно было бы у кого–то помощи просить. — Она накинула на плечи пальто. — Не пройдешься со мной?

— Я сам отправлю, — он взял у нее письмо.

— Ты хочешь снова увидеться с ними?

— Давай, — согласился он. — Можно.

— Но нам нужно быть осторожными, — предупредила она. — Все, что извне, может повредить нам. Разве не так? Все внешнее, что могло бы вдруг снова встать между нами. Всегда есть опасность, что случится что–то ненастоящее, а нас убедят, что это как раз важно. Понимаешь? Выдумка, какой–нибудь набор слов. Они ведь так и стараются. Постоянно твердят что–нибудь такое.

На ее строгом личике отразилось беспокойство, тревога омрачила его. Арт поцеловал ее и пошел к двери.

— Я сразу домой, — сказал он. — Купить тебе что–нибудь?

— Да, возьми чего–нибудь по дороге. Может,

в «Старой перечнице». Мороженого какого–нибудь. — Она шла за ним. — Знаешь, чего я хочу? Их пиццы.

— Хорошо. Принесу.

Он поднялся по ступенькам на дорожку и, сунув руки в задние карманы джинсов, повернул к «Старой перечнице». Он шел, шаркая и стуча каблуками по асфальту. Полы его черной кожаной куртки отгибались назад, поднимались, развевались на холодном вечернем ветру.

На углу он опустил письмо в почтовый ящик и пошел дальше, к «Перечнице». До автокафе было несколько кварталов. Он не торопился, разглядывал бары, закрытые магазины, проезжавшие машины. Встретил приятелей и кивком поздоровался с ними. На углу у аптеки прохлаждались четверо знакомых парней, и он остановился, чтобы перекинуться с ними парой слов.

Потом он перешел улицу и миновал закрытый магазин одежды. Впереди толпились люди. Присмотревшись, он увидел стоявшую там полицейскую машину. У бордюра остановилась полицейская «Скорая помощь», и он понял — что–то случилось.

Народ собрался у входа в старый отель «Плезантон». По тротуару был разбросан мусор. В лужах

какой–то жидкости валялись яичная скорлупа, листья салата–латука, овощи, какие–то отбросы, битая посуда, мятая бумага. Работники «Скорой помощи» несли на тротуар носилки, полицейский оттеснял людей.

— Что случилось? — спросил он у группки подростков, стоявших с краю толпы.

— Какой–то шутник сбросил кучу дерьма с крыши, — сказал самый высокий из ребят.

— Ни фига себе, — удивился Арт.

Подростки наблюдали за происходящим, засунув руки в задние карманы.

— Чего тут, блин, только нет, — парень наклонился и поднял осколок. — Пластмасса какая–то.

— Кого–нибудь поранило? — спросил Арт.

— Женщину одну — мимо проходила. В нее, видно, попало. Не знаю, я только шум слышал.

Арт пробился поближе и увидел кучу мусора, а посреди всей этой помойки — обломки прозрачной сферической оболочки. Полицейский записывал то, что ему рассказывал пожилой господин с тростью.

Сойдя с тротуара, Арт прошел мимо «Скорой» и стал удаляться от толпы. На углу перед ним выехала полицейская машина, в глаза ударил свет.

— Документы предъяви, парень, — сказал коп.

Арт стал рыться в бумажнике. Два копа вышли из машины и направились к нему.

— Почему после одиннадцати на улице? Ты что, не знаешь про комендантский час?

— Я вышел письмо в ящик бросить, — сказал он.

— Покажи письмо.

— Я уже опустил его.

Он все возился с бумажником, потянулся было к внутреннему карману куртки — проверить, не там ли у него лежат личные документы, но тут один из копов схватил его за руку. Другой толкнул к стене.

— Что тебе известно про эту дрянь с крыши? — спросил первый коп.

— Про какую дрянь?

— Которую с крыши гостиницы сбросили. Ты был наверху?

— Нет, — сказал он, его голос прозвучал как–то тонко и слабо. — Я просто мимо шел… — Он показал туда, откуда пришел. — Я письмо вышел в почтовый ящик опустить…

— Почтовый ящик вон там.

— Я знаю, — сказал Арт. — Я туда его и бросил.

Еще один коп привел троих парней. Все они были напуганы до дрожи.

— Эти за гостиницей торчали.

Он пихнул их, и они подались вперед, чуть не упав.

— Через черный ход, наверно, выскочили, — сказал один из копов.

— Забирай, — сказал другой, отъезжая.

Рация в полицейской машине у тротуара громко вызывала кого–то, выкрикивала какие–то номера.

— Комендантский час нарушили — бери их пока на этом основании, а там расколются.

Вместе с другими ребятами Арта оттащили от стены и запихнули в машину. Пока выруливали на проезжую часть, он смотрел, как полицейские хватают все новых парней. К кварталу подъехало еще несколько автомобилей полиции. «Если бы не это письмо…» — подумал он.

— Честно, — говорил один из парней, негр, — мы ничего про это не знаем. Просто шли мимо. В драйв–ин шли, понимаете?

Никто из копов не отвечал.

Арт смотрел в окно и держал в руке свой бумажник и документы. Копы даже не взглянули на них, в спешке погрузив его в свою машину. Интересно, они вообще будут проверять документы, спросят, как его зовут, или им вообще нет до

этого никакого дела?

Глава 21

За выходные краску с мебели и стен квартиры Джима Брискина удалось отскрести. После уборки квартира приобрела прежний вид. Патриция спрятала мольберт, кисти и краски в шкаф, и ни он, ни она больше не говорили о том, что произошло. Он предоставил ей возможность почти все почистить, вымыть и оттереть самой. Сидя на полу в джинсах, хлопковой рубашке, с убранными в тюрбан волосами, Пэт трудилась, вооружившись мылом, водой, ведром и большой щеткой. Она, по–видимому, была не против. На это у них ушел весь день в субботу и воскресенье, а в воскресный вечер они пригласили в гости Фрэнка Хаббла. Втроем они пили вино и разговаривали.

— Что у тебя с рукой? — спросил Хаббл.

— Порезалась, — ответила Пэт, пряча руку.

— Печатать сможешь? — спросил он.

— Попробую.

Хаббл поинтересовался:

— Вы снова поженились?

— Еще не совсем, — сказал Джим. — Сдаем кровь на анализ. Через несколько дней получим разрешение и тогда поженимся. Не горит.

— На работу завтра выходишь?

— Да, — сказала Пэт. — В понедельник.

— А ты? — спросил он у Джима.

— Я вернусь, — ответил Джим. — В конце месяца.

— А если тебе дадут читать рекламу Полоумного Люка?

— Буду читать.

— Почему?

— Потому что хочу остаться в эфире.

Пэт, сидевшая рядом с ним, заерзала. Она подтянула ноги и подобрала их под себя.

— Джим хочет увеличить время «Клуба 17», — сказала она, — чтобы он по вечерам шел. Собирается вернуть его в восемь и продолжать до конца вещания.

— Если получится, — добавил Джим. — Если Хейнз согласится.

— Будешь много рок–н–ролла крутить? — спросил Хаббл. — Сети начинают давить — видел последний список запрещенных дисков? В основном это малые фирмы грамзаписи, негритянская и блюзовая музыка. Мне тут показали пресс–релиз Би–би–си: они уверяют, что у них нет списка запрещенных записей, есть просто список музыки, которую они не передают.

— Музыки ограниченного пользования, — сказал Джим.

— Да, это у них список произведений ограниченного пользования. Ты поосторожнее с этим. Тебе же старушки будут писать. Держись лучше привычных оркестров и мелодий.

— Гая Ломбардо[93]? — сказал Джим.

Хаббл рассмеялся:

— Почему бы и нет? Многим нравится такая сентиментальная музыка: возьми хотя бы Либераче[94]. Это увеличивает аудиторию. Рок–н–ролл выходит из моды. Пресли уже выдал публике все, что мог — через полгода о нем и не вспомнят.

Джим встал и подошел к проигрывателю. Закончилась долгоиграющая пластинка Бесси Смит[95]. Он перевернул диск. Старушки, подумал

---

[93] Примечания: 93

Гай Ломбардо (1902–1977) — канадско–американский бэнд–лидер, аранжировщик и композитор. Большой оркестр, созданный и возглавлявшийся им, смог успешно соперничать с лучшими свинговыми биг–бэндами (Гленна Миллера, Бенни Гудмена и др.). Его оркестр ориентировался главным образом на исполнение танцевально–развлекательной музыки. Ломбардо сделал широко популярными более 300 песенных мелодий. Оркестровый стиль, созданный им, — одна из вершин в области коммерциализированного свит–свинга 1930–х гг.

[94] Примечания: 94

Либераче (Владзиу Валентино Либераче) (1919–1987) — знаменитый шоумен и пианист. В 1950—1970–х гг. был самым высокооплачиваемым эстрадным артистом в мире. Декорации и костюмы его выступлений отличались необыкновенной роскошью, а на рояле всегда стоял канделябр с зажженными свечами.

[95] Примечания: 95

Бесси Смит (1894–1937) — певица, одна из наиболее известных и влиятельных исполнительниц блюза 1920—1930-х годов.

он, те же самые старушки, которые поддерживали его программу классической музыки. Будут писать. Первыми начнут давить.

В дверь позвонили.

— Кто это? — удивилась Пэт. — Ты звал кого–то еще?

Она все еще была в джинсах и хлопковой рубашке.

Джим открыл дверь. В коридоре появились двое — Ферд Хайнке и Джо Мантила.

— Здрасьте, мистер Брискин, — сказал Ферд. — Арта Эмманьюэла в полицию забрали.

— Что?

Слова Ферда показались ему бессмысленными, он пытался понять, что они значат.

Ферд объяснил:

— Гриммельмана взяли — вы его не знаете, а потом схватили Арта — из–за того, что кто–то с крыши гостиницы на Филлмор–стрит кучу дерьма сбросил, типа это Организация все устроила.

— Типа банда, — сказал Джо Мантила. — Но мы про этот мусор с крыши ничего не знаем.

— На каком основании они его задержали? — спросил Джим.

— Не знаю, — сказал Ферд. — Там Рейчел, пытается увидеться с ним. Они говорят, что он

несовершеннолетний, что за ним родители должны прийти. А родителям наплевать. Так что он в отделе по делам несовершеннолетних, или как оно там. А под ее залог его не отпускают — она ведь тоже несовершеннолетняя, но она говорит, что она его опекун, потому что они женаты.

— Такая лажа, блин, — подытожил Джо.

— Так что, может, вы дали бы нам немного бабок взаймы, — попросил Ферд, — а мы ей отвезем. А она адвоката там наймет, что ли, и вытащит его. Они ведь женаты, должно у нее получиться выручить его, как вы думаете?

Он отдал им все деньги, которые были у него дома. Джо принялся считать, а Пэт поискала еще у себя в сумочках.

— Сорок баксов, — сказал Джо. — Не знаю, хватит ли.

Джим позвонил на радиостанцию. Ответил из своего кабинета Боб Посин.

— Слушай, я тут к тебе двух ребят хочу послать — сделай одолжение, дай им немного денег. Дело серьезное.

— Сколько? — спросил Посин. — Не понимаю, почему я должен…

— Пятьдесят–шестьдесят долларов. Я отдам.

— Дело правда серьезное?

— Правда, — сказал Джим и повесил трубку. — Идите на радиостанцию, — обратился он к Ферду и Джо. — За предварительный гонорар в сотню долларов она сможет найти адвоката. А я пойду, попробую деньги по чеку получить.

Они поблагодарили его и поспешно удалились.

Пэт переодевалась в спальне.

— Я с тобой, — сказала она.

Хаббл, держа в руке бокал вина, спросил:

— Что происходит?

— Друзья, — объяснил Джим. — Я еще не ухожу, — сказал он Пэт. — Как фамилия адвоката, который занимался нашим разводом?

— Торки, — сказала она. — У меня есть его номер. Вот он.

Он поднял трубку и позвонил Торки.

— Его могут не отпустить, — сказал Торки.

Пэт вышла из спальни и стояла рядом, приложив ухо к трубке и слушая.

— Если он был связан с бандой, они этого так не оставят. Шеф Ахерн[96] крепко взялся за эти банды подростков. Полиция Сан–Франциско как раз старается искоренить подобный вандализм. Сам я за такое обычно не берусь.

---

[96] Примечания: 96

Фрэнсис Ахерн (1899–1958) — начальник полиции Сан–Франциско с января 1956 г. по сентябрь 1958 г.

— Это не ваша специализация? — спросил Джим.

— Как правило, я не веду дела такого рода. Но могу дать вам...

Джим поблагодарил Торки и повесил трубку.

— Можно найти другого, — сказала Пэт.

— Нет, — сказал он. У него болела голова, но думать он мог, и мысли у него были довольно ясные. — Этим должна заниматься она, а не мы. Пойдем деньги добывать.

— Может, ты и прав, — сказала Пэт.

Было полдвенадцатого. Улицы уже опустели. Добропорядочные граждане в такое время спят, как им и положено, подумал он.

Арт у них в руках, думал Джим, но я могу освободить его, потому что денег у меня достаточно. Или, по крайней мере, можно достать нужную сумму. Например, продать машину. Или взять взаймы. Пэт может занять. Да хоть попрошайничать пойду. Так и наберу нужную сумму. И в конце концов его выпустят.

— Я поеду туда, — сказал он Пэт. — В тюрьму на Керни–стрит.

— А мне можно с тобой?

Он взял пальто, она последовала за ним. На ней была голубая юбка и жакет, лицо ее омрачила

тревога.

— Разве я не могу хоть чем–нибудь помочь?

— Думаю, будет лучше, если я поеду один, — сказал он.

— Как скажешь. Только я знаю — это я виновата.

— В чем? — спросил он, остановившись у двери в коридор.

— Не знаю.

— Здесь нет твоей вины, — сказал он.

— На этот раз нет. Сейчас я не виновата.

— Что там у вас такое? — не выдержал Хаббл. — Какие–то ребятишки угнали машину? Или в чем дело?

Джим вышел в коридор и стал спускаться по лестнице, к машине. Когда он прогревал двигатель, у окна появилась Пэт.

— Если ты не возьмешь меня с собой, я поеду за тобой в своей машине, — сказала она.

— Садись, — взорвавшись, бросил он.

Она села рядом с ним, и он, не дожидаясь, пока прогреется двигатель, с запотевшим ветровым стеклом, выехал на проезжую часть.

— Тебе видно? — спросила Пэт. — Окна протер бы.

Ему просигналили из машины — видны были

только ее смутные очертания. Ослепительно вспыхнули фары. Он вынул носовой платок и вытер часть ветрового стекла прямо перед собой. На пальцы и запястье ему капнула холодная вода.

— Осторожнее, — вздрогнула Пэт.

— Хорошо, — процедил он, все еще сердясь и дрожа от этого.

Впереди из ниоткуда появилась машина. Он ударил по тормозам, завизжали колеса. В ветровом стекле на миг прямо перед его лицом вырос борт другого автомобиля и исчез. Дорога была свободна. Кто–то заорал. Оказывается, он проехал на красный свет. Сбросив скорость, он вырулил на обочину. Какое–то время оба сидели молча.

— Хочешь, я сяду за руль? — предложила Пэт.

— Мне бы просто отдышаться чуть–чуть, — сказал он.

Помолчав, она сказала:

— Ветер такой холодный, — и прикрыла лодыжки полами пальто. — Удивительно холодная погода для июля. Из–за тумана, наверное.

— Ладно, — уступил он, — садись за руль.

Он вылез и обошел машину. Пэт скользнула за руль и вела машину до самой Керни–стрит.

— Спасибо, — сказал он, когда она припарковалась напротив тюрьмы, на другой стороне

улицы.

На углу за несколькими машинами стоял синий довоенный «Плимут» В нем сидели два парня и девушка.

— Я здесь побуду, — сказала Пэт.

Он прошел по тротуару, дверь «Плимута» открылась перед ним. Между Джо Мантилой и Фердом Хайнке сидела Рейчел.

— Здравствуйте, — сказал Ферд.

— Съездили на радиостанцию? — спросил Джим, садясь в машину.

— Съездили, — ответил Джо Мантила.

— Адвоката ее ждем, — объяснил Ферд Хайнке. — Должен сюда подъехать — она ему позвонила.

— Спасибо за деньги, — поблагодарила Рейчел.

— Хватило?

— Да, — сказала она.

— Как ты? — спросил он.

— Нормально все у нее будет, — заверил его Джо.

— Мы его вытащим, — заявила Рейчел. — В полиции сказали, что не будут его держать. Весь вечер он со мной был, на улицу не выходил. Так что он не может иметь никакого отношения к этой истории с кучей мусора, который сбросили

с крыши. Только рано или поздно они все равно до нас доберутся, я знаю. Не сейчас, так потом.

— Гриммельмана посадят, — сказал Джо Мантила. — Тяжкое уголовное преступление — уклонение от призыва. Его ФБР разыскивало.

— Вы знали? — спросил Джим.

— Нет, — сказал Ферд Хайнке. — Он нам не рассказывал. Но мы видели, что он чего–то боится. «Хорьх» у него был наготове, чтобы можно было смыться. Только не получилось у него.

— Да, классная была машина, — сказал Джо.

— А ты что думаешь? — обратился Джим к Рейчел. — Хорошая была идея?

— Нет. Ты про Гриммельмана? Нет, это была ошибка. Ведь они его все–таки взяли.

— А если бы не взяли?

— Но взяли же.

От переживаний лицо ее побледнело и вытянулось. Выбившиеся пряди волос падали ей на щеки и уши. Какой голодный вид у этой девчушки, подумал он. И какие чудесные глаза. Черно–фиолетовые, огромные, с длинными ресницами. Вот он и увидел, как она чего–то все–таки испугалась.

Я отдам за это все, что у меня есть, решил он. Сделаю все, что от меня зависит. Если они до-

берутся до этой семьи, я буду драться с ними. Я сделал выбор, и гнев переполняет меня.

— Они, конечно, могут сказать, что мы не муж и жена. Мы же соврали про то, сколько нам лет, и нам могут сказать, что брак недействителен. Я думала об этом. У них этот козырь против нас на руках. Они в любой момент могут к нему прибегнуть.

— Но вы — муж и жена, — сказал он.

— Правда?

— Да, — сказал он. — Ты и Арт — муж и жена.

Ее лицо, неистово живое, даже чуть округлилось, исчезла впалость щек. Он увидел, как это лицо разглаживается, как расходится по нему румянец. Увидел, как ее изнутри наполняет тепло. Чудесное тепло.

— Думаешь, прорвемся? — спросила она. — Ты правда так думаешь?

Они знают, что победа будет за вами, подумал он. Знают, что сами они обречены. Вы отказались от их слов, от их культуры, обычаев, их изощренности, их вкусов. От их ценностей.

И я вынужден примкнуть к одной из сторон. Они говорят детям: вы наши враги. Мы будем вас убивать. Мы уничтожим вас. А я говорю вам: если вы решили воевать с детьми, тогда вам придется

бороться и со мной. Потому что я буду их защищать. Я увижу, как дети переживут вас.

Как–то январской ночью, в два часа, Джим Брискин проснулся от телефонного звонка. Он потянулся за трубкой, и рядом в постели зашевелилась и села Пэт.

— П–п–привет! — закричал ему в ухо Арт. — Здорово, Джим!

— Что, уже? — пробормотал он.

В комнате было темно, хоть глаз выколи, и холодно.

Пэт включила лампу.

— Началось? — спросил он, протирая глаза.

— Кажется, да, — сказал Арт. — Можешь подъехать?

Он оделся, сел в машину и поехал к дому на Филлмор–стрит.

Дверь ему открыл Арт.

— Каждые пять минут, — в отчаянии сказал он.

Джим вошел и позвал:

— Рейчел!

Она сидела в длинном розовом шерстяном халате на краю кровати, прижав руки к твердым бледным вискам.

— Да, — каким–то скрипучим голосом ответила

она.

— Ей больно очень, — сказал Арт, подбежав мимо него к жене. — Поедем.

Джим поднял ее в чем была и отнес в машину. Через несколько минут они ехали в больницу.

Позже, когда они сидели в больничном зале ожидания, он подумал — а ведь такое у него впервые. Никогда он так не сидел и не ждал — не ждал, когда женщина родит ребенка. Он позвонил с телефона–автомата Пэт, чтобы сказать, как идут дела.

— Им, кажется, что–то дают, чтобы притупить боль, — сказал он Арту вернувшись.

— Н–н–ну да, — ответил Арт.

— Но нам–то от этого не легче.

Его собственное волнение не улеглось. Так вот что при этом чувствуешь. Помолчав, Джим сказал:

— Славная у тебя жена.

Арт кивнул.

— Тебе повезло, — сказал Джим. — Я таких, как она, не встречал больше.

За дверями больницы в темноте раннего утра ехали куда–то немногочисленные машины. Чтобы отвлечься, он подошел к выходу и встал там, засунув руки в карманы.

Одна из машин волокла за собой на прицепе огромный белый рекламный щит из папье–маше. Автомобиль упрямо тащил вывеску. Там были какие–то слова, выведенные громадными буквами — чтобы издалека видели.

Слова, подумал он. Даже здесь, в четыре часа утра, где читать пока еще некому, куда–то тащат эти слова. Так и ездят они по улицам. Кругами.

На миг ему показалось, что это реклама Полоумного Люка. Но он ошибся. Чья–то еще. Но вполне могла быть и его.

Он смотрел на рекламный щит. Слова зависли в воздухе. Все висят и висят. Нет, подумал он. Сюда вам нельзя.

И слова двинулись прочь.

«Прочь!» — приказал он.

Постепенно слова скрылись из виду. Он постоял у входа — чтобы убедиться. Слова исчезли. Он подождал, некоторое время смотрел им вслед — слова не вернулись.

Мэри и великан

Роман Mary and the Giant был написан в 1953–1955 гг., впервые опубликован в 1987 г. американским издательством Arbor House.

Глава 1

Справа от несущейся машины, за обочиной шоссе, паслись коровы. Невдалеке за ними виднелись коричневые пятна, едва различимые в тени сарая. На стене сарая можно было с трудом разглядеть древнюю рекламу кока–колы.

Джозеф Шиллинг, сидящий на заднем сиденье, полез в жилетный карман и вынул золотые часы. Умело подковырнув крышку, он поднял ее и посмотрел на циферблат. Было два сорок жаркого калифорнийского дня середины лета.

— Далеко еще? — поинтересовался он с оттенком недовольства. Он устал от езды в машине и от пролетающих за окном сельских пейзажей.

— Минут десять, может, пятнадцать, — не оборачиваясь, проворчал согнувшийся над рулем Макс.

— Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Вы говорите о городишке, который отметили на карте. До него еще минут десять–пятнадцать. Я по ходу видел указатель; там, на последнем мосту.

И снова стада, и снова высохшие поля. Легкий туман, обволакивавший далекие горы, за послед-

ние несколько часов постепенно осел в низовьях долин. Куда б ни глянул Джозеф Шиллинг, туман разлился повсюду, покрыв иссушенные холмы и пастбища, ухоженные фруктовые сады, редкие фермерские постройки, покрытые известкой. Прямо по курсу показались предвестники города — два рекламных щита и прилавок со свежими яйцами. Он был рад, что город уже близко.

— Мы здесь еще никогда не проезжали, — сказал он, — правда?

— Ближе всего отсюда Лос–Гатос, где вы отдыхали еще в сорок девятом году.

— Одного раза всегда достаточно, — сказал Шиллинг, — нужно все время искать что–то новое. Как говорил Гераклит — нельзя войти в одну реку дважды.

— По мне, так она вся одинаковая — сельская местность. — Макс указал на отару овец, сгрудившихся под дубом. — Вон, все те же овцы, мы их весь день проезжаем.

Из внутреннего кармана Шиллинг вынул черный кожаный блокнот, авторучку и сложенную карту Калифорнии. Это был крупный мужчина под шестьдесят; он развернул карту мощными желтоватыми ручищами с грубой кожей, шишковатыми пальцами и толстыми до непро-

зрачности ногтями. На нем был костюм грубого твида, строгий шерстяной галстук и черные кожаные ботинки английского производства, покрытые дорожной пылью.

— Да, остановимся здесь, — решил он, убирая блокнот и ручку, — хочу осмотреться часок. Всегда есть шанс, что здесь как раз то, что надо. Как тебе это понравится?

— Вполне.

— Как называется городишко?

— Междуножье.

Шиллинг улыбнулся.

— Хорош шутить.

— У вас карта — вот и посмотрите, — пробурчал Макс. — Пасифик–Парк. Расположен в самом сердце плодородной Калифорнии. Дождь не чаще двух дней в году. Имеется завод по производству льда.

Теперь уже сам город мелькал по обе стороны шоссе. Прилавки с фруктами, заправка, одиноко стоящий продуктовый магазин с припаркованными в грязи автомобилями. От шоссе расходились узкие ухабистые дороги. «Додж» перестроился в правый ряд, и тут показались дома.

— Вот это у них называется городом, — произнес Макс. Вырубив мотор, он на холостом ходу

повернул направо. — Здесь? Или там? Решайте уже.

— Езжай в деловой район.

Деловой район состоял из двух частей. Одна прилепилась к шоссе с его транзитным движением и состояла главным образом из автокафе, заправочных станций и придорожных ресторанчиков. Вторая была центром города — туда и направился «Додж». Джозеф Шиллинг, высунув локоть в открытое окно, внимательно рассматривал, изучал обстановку, довольный присутствием людей и магазинов, довольный, что широкое поле на время отошло в прошлое.

— Недурно, — признал Макс, когда они проехали булочную, гончарную лавку, магазин «Тысяча мелочей» и новый молочный, а потом еще и цветочный магазины. Далее следовал книжный, занимавший здание в испанском стиле из необожженного кирпича, а за ним — процессия калифорнийских домов в стиле ранчо. И вот дома уже остались позади, появилась заправка, и они снова выехали на трассу.

— Остановись здесь, — указал Шиллинг.

То было простое белое здание с колыхавшейся на ветру вывеской. Негр уже поднялся с брезентового шезлонга, отложил журнал и приближался

к машине. На нем была накрахмаленная форма с вышитым словом «Билл».

— Автомойка Билла, — произнес Макс, ставя на ручной тормоз, — давайте выйдем, мне надо отлить.

Утомленный Джозеф Шиллинг чопорно открыл дверь и поставил ногу на асфальт. Выходя из машины, ему пришлось пробираться через свертки и ящики, которыми было заставлено заднее сиденье; на подножку вывалилась картонная коробка, и он с трудом нагнулся, чтоб ее поднять. Тем временем негр уже подошел к Максу и приветствовал его.

— Сейчас–сейчас. Заезжайте, сэр. Сейчас я позову помощника; он за колой пошел.

Джозеф Шиллинг стал прохаживаться, разминая ноги и потирая ладони. В воздухе приятно пахло. Несмотря на жару, здесь не было душно, как в машине. Он достал сигару, отрезал кончик и поджег. Он мерно выдувал клубы синего дыма, когда к нему подошел негр.

— Он им прям щас и займется, — сказал негр. «Додж» уже целиком заехал на мойку и наполовину исчез в клубах пены и пара.

— А сам чего? — спросил Шиллинг. — А, понятно, ты управляющий.

— Я здесь главный. Это моя мойка.

Дверь туалета была открыта. Внутри Макс с удовольствием облегчался и бубнил что–то себе под нос.

— А сколько отсюда до Сан–Франциско? — спросил Шиллинг негра.

— О, пятьдесят миль, сэр.

— На работу ездить далековато.

— А все одно ездят некоторые. Но это не пригород. Это всамделишный город. — Он указал на холмы. — Здесь много пенсионеров, приезжают сюда из–за климата. Обживаются, остаются, — он постучал себя пальцами по груди, — тут отличный сухой воздух.

По тротуару нестройной толпой прошли старшеклассники, пересекли лужайку возле пожарной станции и собрались возле автокафе на другой стороне улицы. Внимание Шиллинга привлекла симпатичная девчушка в красном свитере, которая остановилась, чтобы допить что–то из картонного стаканчика; ее большие глаза уставились в никуда, а черные волосы колыхались на ветру. Он смотрел на нее, пока она не заметила и не попятилась, поглядывая настороженно.

— Это все старшеклассники? — спросил он

Билла. — Некоторые выглядят постарше.

— Все школьники, — авторитетно заявил негр. — Время–то три часа всего.

— Все из–за солнца, — подшучивал Шиллинг, — у вас тут солнце круглый год… вот все и созревает раньше срока.

— Да, урожаи здесь круглый год. Абрикосы, грецкие орехи, груши, рис. Хорошо здесь.

— Правда? Тебе нравится?

— Очень даже, — закивал негр, — в войну я в Лос–Анджелесе жил, работал на самолетном заводе. На работу ездил на автобусе. — Он скорчил гримасу. — Фу–у–у.

— А теперь у тебя свое дело.

— Я устал. Я жил в разных местах и вот приехал сюда. Всю войну я копил на мойку. Мне так лучше. Жить здесь приятно. Я вроде как отдыхаю.

— И тебя здесь принимают?

— Для цветных все отдельно. Да и ладно. А чего еще ждать. По крайней мере, никто не говорит, что мне нельзя здесь селиться. Ну, вы понимаете.

— Понимаю, — сказал Шиллинг, погруженный в свои мысли.

— Так что здесь лучше.

— Да, — согласился Шиллинг, — гораздо луч-

ше.

Девчонка на другой стороне дороги допила свой напиток, скомкала стакан, бросила его в канаву и пошла дальше с друзьями. Джозеф Шиллинг смотрел на нее, пока из туалета, щурясь на солнце и застегивая штаны, не вышел Макс.

— Эй–эй, — забеспокоился Макс, увидев выражение его лица, — знаю я этот взгляд.

— Это просто невероятно хорошенькая девушка, — начал оправдываться Шиллинг.

— Но не вашего поля ягода.

Обернувшись к негру, Шиллинг спросил:

— А где лучше всего гулять? Там, по холмам?

— Тут два парка. Один — вон там, пешком дойти можно. Он маленький, но тенистый.

Он указал направление. Он был рад помочь, оказать услугу этому крупному, хорошо одетому белому джентльмену.

Крупный, хорошо одетый белый джентльмен с сигарой меж пальцев огляделся вокруг. Глаза его двигались так, что негр понял: смотрит он дальше автомойки и автокафе «Фостерз Фриз»; он оглядывал весь город. Он видел жилую зону с домами и особняками. Он видел трущобы, полу развалившуюся гостиницу и сигарную лавку. Он видел пожарную станцию, школу и современ-

ные магазины. Все это он охватил взором и, едва взглянув, словно бы завладел всем этим.

Также негру показалось, что белый джентльмен проделал долгий путь, чтобы добраться именно до этого города. Он приехал не из окрестностей. И даже не с востока. Он, может, вообще с другого конца света приехал; а может, он так и жил, переезжая с места на место. Все дело было в его сигаре: пахла она по–иностранному. Это была не американская сигара, ее привезли откуда–то. Стоял, значит, белый джентльмен, источая своей сигарой иностранный запах, в ношеном твидовом костюме, английских ботинках, французских манжетах из льна и золота. Может, его серебряная сигарная гильотинка была из Швеции. Может, пил он испанский шерри. Он был человеком мира — и явился издалека.

Когда он приехал, когда направил сюда свой большой черный «Додж», он привез не только себя. Нет, этого ему было бы мало. Он был настолько громадным, что возвышался надо всем, даже когда стоял склонившись и слушал, даже когда просто курил сигару. Негр никогда не видел человека, чье лицо так возвышалось бы. Оно было так высоко, что у него не было ни формы, ни выражения. Оно не было ни добрым, ни злым;

просто лицо, бесконечное лицо, возвышающееся над ним, с этой дымящей сигарой, которая создавала вокруг него и его помощника целый отдельный мир. В маленький калифорнийский городок Пасифик–Парк он принес с собой всю оставшуюся вселенную.

Джозеф Шиллинг, руки в карманах, прогулочным шагом шел по гравийной дорожке и любовался окружающим миром. У пруда дети бросали хлебные крошки откормленным уткам. Посреди парка стояла пустая эстрада. То там, то тут сидели старички и молодые полногрудые мамаши. Парк был засажен невероятно тенистыми эвкалиптами и перечными деревьями.

— Лодыри, — произнес семенящий следом Макс, вытирая носовым платком потное лицо. — Куда мы идем?

— Никуда, — ответил Шиллинг.

— Вы хотите с кем–нибудь поговорить. Вы сейчас сядете и будете разговаривать с кем–нибудь из этих лодырей. Да вы с любым готовы вести беседы — даже с тем черномазым.

— Я уже почти все решил, — сказал Шиллинг.

— Правда? И что же?

— Остаемся здесь.

— Почему? — не унимался Макс. — Из–за этого

парка? Да такой же точно в любом городишке в радиусе…

— Именно в этом городе. Здесь есть все, что мне нужно.

— Например, девки с большими буферами.

Они дошли до границы парка. Сойдя с поребрика, Шиллинг пересек улицу.

— Можешь пойти выпить пива, если хочешь.

— Куда это вы? — с подозрением спросил Макс.

Перед ними был квартал современных магазинов. Посредине располагалось агентство недвижимости. На вывеске значилось: «ГРЭБ и ПОТТЕР».

— Вот туда, — сказал Шиллинг.

— Подумайте хорошенько.

— Я все обдумал.

— Магазин вы здесь открыть не сможете; в таком городишке прибыли не дождешься.

— Может, и так, — рассеянно произнес Шиллинг, — зато, — он улыбнулся, — я смогу сидеть в парке и кормить уток хлебом.

— Встретимся в автомойке, — сказал Макс и покорно поплелся в сторону бара.

Джозеф Шиллинг помедлил секунду, а потом зашел в офис агентства недвижимости. В большом помещении было темно и прохладно. Длинная

конторка отгораживала часть комнаты. В той дальней части за столом сидел высокий молодой человек.

— Да, сэр? — сказал молодой человек, едва приподнимаясь. — Чем могу быть полезен?

— Вы сдаете нежилые помещения в аренду?

— Да, сдаем.

Джозеф Шиллинг подошел к краю конторки и взглянул на карту округа Санта–Клара.

— Позвольте взглянуть на ваш каталог, — меж пальцев показался белый краешек его визитки. — Я — Джозеф Р. Шиллинг.

Молодой человек встал.

— Меня зовут Джек Грэб. Приятно познакомиться, мистер Шиллинг. — Он осторожно протянул руку. — Нежилые помещения? Вам нужна долгосрочная аренда под розничную торговлю?

Он достал из–под конторки толстенный том с клепаной обложкой и положил его перед посетителем.

— Без движимого имущества.

— Вы коммерсант? У вас есть разрешение на розничную торговлю в Калифорнии?

— Я работаю в музыкальной индустрии, — ответил он и тут же добавил: — Раньше я подвизался на ниве издания музыки, а теперь вот решил

попробовать силы в торговле пластинками. Это вроде как моя мечта — иметь собственный магазин.

— У нас уже есть магазин грампластинок, — сказал Грэб, — «Музыкальный бар Хэнка».

— Это будет совсем другое. Это будет музыка для ценителей.

— Вы имеете в виду классическую музыку?

— Да, именно.

Послюнив большой палец, Грэб принялся бойко листать жесткие желтые страницы своего каталога.

— Кажется, у нас есть именно то, что вам нужно. Небольшой магазинчик, очень современный и чистый. Выложенный плиткой фасад, флуоресцентная подсветка, всего пару лет как построили. Это на Пайн–стрит, прямо посреди делового квартала. Там раньше был магазин подарков. Его держала приятная пара средних лет. Он продал дело, когда она умер ла. От рака желудка, насколько я понимаю.

— Я хотел бы взглянуть на это место, — сказал Джозеф Шиллинг.

Грэб хитро улыбнулся ему из–за конторки:

— А я хотел бы вам его показать.

Глава 2

На краю бетонной платформы фабрики «Готовая мебель Калифорнии» рабочий укладывал штабеля хромированных стульев в грузовик. Рядом ждал своей очереди фургон.

Апатичный экспедитор в линялых джинсах и суконном переднике вяло монтировал хромированный обеденный стол. Пластиковая столешница держалась на шестнадцати болтах; еще шесть не давали расшатываться полым металлическим ножкам.

— Говно, — сказал экспедитор.

Интересно, собирает сейчас кто–нибудь еще на свете хромированную мебель, подумал он. Чего только не представишь себе, чем только люди не занимаются, подумал он. В сознании его нарисовался пляж в Санта–Крус, девушки в купальниках, бутылки пива, комнатки в мотелях, радиоприемники, из которых доносится легкий джаз. Боль стала невыносимой. Внезапно он спустился к сварщику, который, приподняв маску, искал новый стол.

— Это же говно, — сказал экспедитор, — это тебе известно?

Сварщик осклабился, кивнул и промолчал.

— Ты закончил? — не унимался экспедитор. — Тебе нужен следующий стол? Да кто поставит такой стол у себя дома, черт побери? Я б его даже в сортире не поставил бы.

Блестящая ножка выскользнула у него из пальцев и упала на бетон. Экспедитор, чертыхаясь, пнул ее под лавку, где были свалены куски веревки и обрывки коричневой бумаги. Как только он нагнулся, чтоб вытащить ее оттуда, появилась мисс Мэри Энн Рейнольдс — она принесла ему новые бланки заказов.

— Не надо так уж, — сказала Мэри Энн; она знала, что в офисе слышат каждое его слово.

— Да черт с ним со всем, — сказал экспедитор, доставая ножку, — подержи, пожалуйста.

Мэри Энн отложила бумаги и стала держать ножку, пока тот прикручивал ее к раме. До нее дошел запах его недовольства жизнью; то был тонкий запах, едкий, как прогорклый пот. Ей было жаль его, но его тупость ее раздражала. Она занималась тем же полтора года назад, когда только начинала.

— Уволься, — сказала она. — Какой смысл ходить на работу, которая тебе не нравится?

— Помолчи, — огрызнулся экспедитор.

Мэри Энн отпустила готовый стол и посмотрела, как сварщик припаивает ножки. Ей нравилось смотреть на рассыпающиеся искры — это было похоже на праздник в честь Дня независимости. Она уже просила сварщика дать ей попробовать, но он всегда только ухмылялся.

— Твоей работой недовольны, — сказала она экспедитору, — мистер Болден сказал жене, что, если ты не исправишься, он не станет тебя держать.

— Вот бы обратно в армию, — сказал экспедитор.

Говорить с ним было без толку. Мэри Энн, крутанув юбками, повернулась и ушла обратно в офис.

Том Болден, пожилой владелец «Готовой калифорнийской», сидел за своим столом; его жена — за счетной машинкой.

— Как там дела? — спросил Болден, убедившись, что девушка уже на месте. — Сидят, баклуши бьют, как обычно?

— Работают в поте лица, — добропорядочно ответила она, усаживаясь за печатную машинку. Экспедитор ей не нравился, но и участвовать в его падении она не желала.

— Письмо Хэйлзу у тебя? — спросил Болден. — Я

хочу подписать его до отъезда.

— Куда ты собрался? — поинтересовалась жена.

— В Сан–Франциско. Из универмага Дормана сообщают, что в последней партии много брака.

Она отыскала письмо и передала его старику на подпись. На этом листе она не сделала ни одной ошибки, но гордости от этого не чувствовала; хромированная мебель, письма, которые она печатала, неурядицы в магазине — все смешалось в бессмысленной трескотне счетной машинки Эдны Болден. Она залезла под блузку и поправила лямку бюстгальтера. День был жаркий и пустой — как всегда.

— Вернусь часам к семи, — говорил Том Болден.

— Осторожней на дороге, — это была миссис Болден, которая придерживала для него дверь.

— Может, привезу нового экспедитора. — Он уже почти ушел, голос его удалялся. — Ты видела, что там происходит? Грязь, как в свинарнике. Повсюду мусор. Я возьму фургон.

— Езжайте через Эль–Камино, — сказала Мэри Энн.

— Чё? — Болден застыл в дверях, вытянув шею.

— Через Эль–Камино. Так медленнее, но без-

опаснее.

Бурча что–то себе под нос, Болден хлопнул дверью. Она слышала, как фургон завелся и выехал на шумную дорогу… впрочем, все это было неважно. Она принялась проверять свои стенограммы. Через стены офиса просачивался гул электропил, да экспедитор выдавал очереди, сколачивая свои хромированные столы.

— А ведь он прав, — сказала она. — Ну, Джейк, то есть.

— Что еще за Джейк? — поинтересовалась миссис Болден.

— Экспедитор.

Они даже не знали, как его зовут. Он был просто машиной для сколачивания столов… неисправной машиной.

— Возле скамейки на погрузке должна быть мусорная корзина. Как можно заниматься упаковкой и не сорить?

— Не тебе решать, — миссис Болден положила распечатку счетной машинки и повернулась к ней: — Мэри, ты уже достаточно взрослая, чтобы понимать — не следует говорить так, будто ты здесь главная.

— Я знаю. Меня наняли писать под диктовку, а не учить вас, как вести дела, — она уже слышала

это много раз, — так ведь?

— С таким поведением ты долго в бизнесе не протянешь, — сказала миссис Болден, — заруби себе это на носу. Ты просто обязана уважать вышестоящее начальство.

Мэри слышала слова и не понимала, что они значат. А вот миссис Болден они казались важными; похоже, грузная старуха и вправду расстроилась. Мэри это немного забавляло — ведь все это было так глупо, так незначительно.

— А вам что — не интересно, что происходит? — спросила она. Очевидно, нет. — На складе тканей нашли крысу. Может, крысы уже рулоны прогрызли. Разве вам не нужно все выяснить? Кто–то же должен рассказывать вам.

— Конечно, нам нужно все выяснить.

— Не вижу разницы.

Они помолчали. Наконец пожилая женщина произнесла:

— Мэри Энн, мы оба, Том и я, очень высокого о тебе мнения. Ты превосходно справляешься — у тебя есть голова на плечах, и соображаешь ты быстро. Но будь добра, не забывай свое место.

— Что еще за место?

— То, где ты работаешь!

Мэри Энн улыбнулась; какая–то мысль мельк-

нула у нее в голове. Она чувствовала легкое головокружение, словно что–то тихонько жужжало внутри.

— Да, кстати.

— Что «кстати»?

— Мне надо забрать из химчистки коричневый габардиновый плащ.

Она задумчиво взглянула на свои наручные часы. Она осознавала, как это взбесит Эдну Болден, но старуха попусту теряла время.

— Я уйду сегодня пораньше? Химчистка закрывается в пять.

— Жаль, что я не имею на тебя должного влияния, — сказала миссис Болден. Девчонка беспокоила ее, и она не могла скрыть огорчения. Взывать к Мэри Энн было бесполезно; обычные обещания и угрозы ничего не значили. Мэри Энн просто пропускала их мимо ушей.

— Простите, конечно, — продолжала Мэри Энн, — но все как–то нелепо и так запутано… Вот Джейк — он же ненавидит свою работу. Если ему так не нравится, так пусть бы бросил. А ваш муж хочет уволить его за грязь на рабочем месте, — она пристально посмотрела на миссис Болден, раздосадовав ту еще сильнее. — Так почему ничего не меняется? Ведь то же самое было и полтора

года назад. Что это со всеми нами?

— Просто делай свою работу, — сказала миссис Болден. — Давай–ка повернись к столу и допечатывай письма.

— Вы мне не ответили, — Мэри Энн по–прежнему безжалостно сверлила ее взглядом. — Я спросила, можно ли мне уйти пораньше.

— Сделай все, что нужно, тогда поговорим.

Мэри Энн задумалась на секунду и повернулась к своему столу. Если она пойдет с фабрики прямо в город, то до химчистки доберется минут за пятнадцать. Чтобы поспеть наверняка, нужно выйти в половине пятого.

Для нее вопрос был решен. Она сама его решила.

Под утомленным солнцем, в блеске раннего вечера она шла по Эмпори–авеню — невысокая, худенькая девушка с коротко остриженными каштановыми волосами; шла, расправив плечи, с высоко поднятой головой, небрежно перекинув через руку свой коричневый плащ. Она шла, потому что не любила ездить на автобусах, а кроме того, гуляя пешком, она могла остановиться где вздумается и когда вздумается.

Машины двигались по улице в обе стороны. Из лавок выходили торговцы, чтобы скатать

навесы; магазины в Пасифик–Парке начинали закрываться.

Справа от нее возвышались оштукатуренные корпуса средней школы Пасифик–Парка. Три года назад, в 1950–м, она закончила эту школу. Кулинарное искусство, основы гражданского права и история Америки — вот чему ее там учили. Пригодилось ей пока только кулинарное искусство. В 1951 году она устроилась на свою первую работу, секретарем в приемной кредитного общества «Эйс». К концу 1951 года это ей наскучило, и она перешла на работу к Тому Болдену.

Та еще работка — печатать в разные магазины письма про хромированные кухонные стулья. Да и стулья были сработаны так себе, она проверяла.

Ей было двадцать лет, и всю свою жизнь она провела в Пасифик–Парке. Она не испытывала неприязни к этому городу; он был таким хрупким, что, казалось, не вынес бы неприязни. Его жители играли в свои странные игры и принимали эти игры всерьез, как было и в ее детстве: правила, которые нельзя было нарушить, и ритуалы, в которых жизнь встречалась со смертью. А она, любопытная, все спрашивала — зачем это правило, откуда этот обычай, — и играла, как бог

на душу положит… пока ее не охватила скука, а затем и недоуменное презрение, которое пропастью пролегло между ней и остальными.

Она ненадолго притормозила возле аптеки «Рексол», чтобы рассмотреть стеллаж с книгами в бумажных обложках. Не останавливаясь на романах — слишком много было в них чепухи, — она выбрала брошюру «Обогати словарный запас за тридцать дней». Книжка и местная газета «Лидер» стоили ей тридцать семь центов.

Она выходила из аптеки, когда к ней приблизились две фигуры.

— Привет, — сказал один из них, хорошо одетый молодой человек. Это был продавец из магазина мужской одежды Фрюга; его спутник был ей незнаком. — Ты сегодня видела Гордона? Он тебя искал.

— Я ему позвоню, — сказала она, продолжая идти. Ей был неприятен цветочный аромат, который вился за Эдди Тэйтом. От некоторых мужчин пахло одеколоном, и даже приятно, или вот Туини — тот пах, как свежее дерево. Но только не это… к этому она не испытывала ни капли уважения.

— Чё читаешь? — спросил Тэйт, приглядываясь. — Какой–нибудь любовный романчик?

Она смерила его взглядом в своей обычной манере: спокойно и не желая обидеть, всего лишь любопытствуя.

— Хотела бы я знать насчет тебя наверняка…

— Что ты имеешь в виду? — спросил Тэйт, напрягаясь.

— Однажды я видела, как ты стоял у торгового причала с двумя моряками. Ты голубой?

— Это мой двоюродный брат!

— Гордон не голубой. Но он до того тупой, что даже не знает, что это такое; он считает, что ты очень стильный.

Она во все глаза разглядывала несчастного Эдди Тэйта; его ужас забавлял ее.

— А знаешь, как ты пахнешь? Ты пахнешь, как женщина.

Его спутник, заинтересовавшись острой на язык девушкой, встал рядом и прислушивался.

— Гордон на заправке? — спросила она Тэйта.

— Мне–то откуда знать?

— А ты разве там сегодня не тусовался? — Она прижала его к ногтю и не отпускала.

— Заглянул на минутку. Он сказал, что, может, зайдет к тебе домой вечером. Сказал, что уже заходил в четверг, но тебя не было.

Голос Тэйта стал удаляться, когда она пошла

дальше, перекинув через руку плащ и не глядя ни на одного из них. На самом деле ей было наплевать на обоих. Она думала о доме. То удовольствие, тот подъем, который она испытала, подразнив «голубого», рассеивались, и наступала тоска.

Входная дверь была не заперта. Мать готовила на кухне ужин. Во всех шести квартирах их дома что–то бряцало и шумело: работали телевизоры, играли дети.

Она вошла и предстала перед отцом.

Эд Рейнольдс — маленький и мускулистый, с торчащими, как проволока, седыми волосами — сидел в своем мягком кресле. Он впился пальцами в подлокотники и приподнялся, что–то бормоча и часто моргая. Пивная банка полетела на пол; смахнул он и пепельницу, и газету. Он был в кожанке, под которой виднелась майка, его потная и грязная хлопковая майка. Лицо и шея были в пятнах от смазки, и рабочие ботинки, стоявшие возле кресла, тоже были покрыты смазкой.

— Привет, — сказала она; как обычно, его присутствие поразило ее, словно она видела его впервые.

— Явилась не запылилась? — глаза его блестели, кадык ходил под дрожащими щетинистыми

складками кожи. По дороге в спальню он шел за ней по пятам, семеня по ковру своими липкими носками.

— Не надо, — сказала она.

— Что «не надо»? Почему ты так поздно явилась? — не отставал он. — Небось заболталась с кем–нибудь из своих черномазых дружков?

Она закрыла за собой дверь спальни и остановилась. За дверью слышалось его дыхание — низкий клекот, будто что–то застряло в металлической трубе. Не отрывая взгляда от двери, она переоделась в белую футболку и джинсы. Когда она вышла, он уже вернулся в свое кресло. Перед ним светился телевизор.

Зайдя на кухню, она бросила матери:

— Гордон звонил?

На отца она старалась не смотреть.

— Сегодня нет. — Миссис Роуз Рейнольдс нагнулась к дымящему в духовке казанку. — Пойди накрой на стол. Помоги хоть немного.

Она металась туда–сюда между плитой и раковиной. Она, как и дочь, была худощава; то же заостренное лицо, глаза в постоянном движении; те же складки беспокойства вокруг рта. Только вот от своего деда — уже покойного, похороненного на кладбище часовни Лесного склона в

Сан–Хосе, — Мэри Энн унаследовала прямоту и хладнокровное бесстрашие, которых недоставало матери.

Заглянув в кастрюли, Мэри Энн сказала:

— Я, пожалуй, уволюсь.

— Святые небеса, — откликнулась мать, разрывая пакет замороженного горошка, — да неужели, зачем это?

— Это мое дело.

— Ты же знаешь, что до конца года Эд будет на неполной неделе. Если бы не его стаж…

— Водопровод ломаться не перестанет. И его не сократят.

Ей было плевать; удачи она ему не желала. Усевшись за стол, она открыла «Лидер» на колонке редактора.

— Ты только послушай, до чего слабоумные бывают люди! Какой–то тип из Лос–Гатоса пишет, что Маленков — антихрист и Господь ниспошлет ангелов погубить его.

Она перелистала на медицинскую колонку.

— «Стоит ли беспокоиться, если на внутренней стороне губы у меня язвочка? Она не болит, но и не проходит». Да у него, наверное, рак.

— Тебе нельзя бросать работу.

— Я не Джейк, — сказала она, — не делай из

меня Джейка.

— Что еще за Джейк?

— Он там пять лет проработал.

Она нашла колонку с вакансиями и развернула газету.

— Нет, конечно, я всегда могу выйти за Гордона и сидеть дома — шить, пока он латает проколотые шины. Солдатик форменный. Такой послушный. Помаши флажком, Джейк Гордон.

— Ужин готов, — сказала мать. — Пойди скажи Эду.

— Сама скажи. Я занята.

Погруженная в чтение объявлений, она нашаривала ножницы. Вот, похоже, подходящее, и опубликовано первый раз.

«Для розничной торговли требуется молодая женщина. Требования: коммуникабельность, привлекательная внешность, аккуратная одежда. Знание музыки — преимущество, но не решающее. Джозеф Р. Шиллинг, тел. МАЗ—6041, с 9 до 17».

— Пойди позови его, — все повторяла мать, — я же тебе говорю; неужели нельзя помочь? Какой-то прок от тебя должен быть?

— Перестань, — нервно ответила Мэри Энн. Она вырезала объявление и положила к себе в

сумочку.

— Вставай, Эд, — сказала она отцу. — Давай, просыпайся.

Он сидел в кресле, и вид его заставил ее замереть в ужасе. Пиво пролилось на ковер, пятно росло на глазах. Она не хотела подходить к нему ближе и остановилась в дверях.

— Помоги мне встать, — протянул он.

— Нет.

Ее подташнивало; она не могла даже думать о том, чтобы коснуться его. И вдруг она закричала:

— Эд, давай! Вставай!

— Вы ее только послушайте, — произнес он. Ясные, тревожные глаза остановились на ней. — Зовет меня Эдом. Почему бы ей не назвать меня папой? Или я ей не отец?

Она засмеялась, сама того не желая, но сдержаться не было сил.

— Господи. — Она задыхалась.

— Прояви к отцу хоть какое–то уважение. — Он уже встал и подходил к ней. — Слышишь меня? Дамочка. Слушай сюда.

— Даже не вздумай руки распускать, — сказала она и поспешила обратно на кухню, к матери. Она вынула из серванта тарелки. — Только дотронься до меня, сразу уйду. Скажи ему, чтоб не

трогал меня, — попросила она мать. Вся дрожа, она стала накрывать на стол. — Ты же не хочешь, чтоб он меня трогал?

— Оставь ее в покое, — сказала Роуз Рейнольдс.

— Он что, пьяный? — вопрошала Мэри Энн. — Как можно напиться пивом? Это что — дешевле?

И тут он в очередной раз поймал ее. Он схватил ее за волосы. Игра, старая страшная игра повторилась снова.

Мэри Энн снова ощутила его пальцы на своей шее; маленькая, но очень сильная ручонка сдавливала основание ее черепа. Костяшки, впиваясь в кожу, пачкали ее; она чувствовала, как пятно разрастается и ширится, как грязь просачивается внутрь. Она закричала, но это было бессмысленно. И вот прогорклое пивное дыхание накатилось на нее волной — он силой поворачивал ее лицом к себе. Не выпуская из рук тарелок, она слышала, как скрипит его кожанка, как шевелится его тело. Она закрыла глаза и стала думать о другом: о чем–то хорошем и тихом; о том, что вкусно пахнет; о чем–то далеком и спокойном.

Когда она открыла глаза, он уже отошел; теперь он сидел за столом.

— Эй, — сказал он, когда жена подошла к нему с казанком, — смотри, какие у нее сисечки от-

росли.

Роуз Рейнольдс ничего не ответила.

— Растет девка, — буркнул он и подтянул рукава, чтобы поесть.

Глава 3

— Гордон, — сказала она.

Но это был не Дэвид Гордон. Дверь открыла его мать. Она выглядывала в ночную мглу и смутно улыбалась стоящей на крыльце девушке.

— Неужто Мэри Энн, — сказала миссис Гордон, — как мило.

— А Дейв дома? — спросила она. Она была в джинсах и матерчатом плаще; из дома она ушла сразу после ужина. В ней еще было живо ощущение побега, а в сумочке лежало объявление.

— Ты ужинала? — спросила миссис Гордон. Запах теплого ужина просачивался наружу. — Пойду наверх, посмотрю в его комнате — может, он еще не ушел.

— Спасибо, — сказала она, дыша нетерпением, в надежде, что он все же дома, потому что так было бы куда удобнее; она могла бы пойти в «Королек» и одна, но с провожатым все–таки лучше.

— Может, пройдешь, дорогая?

Ей казалось естественным, что невеста сына должна зайти в дом; она придерживала дверь, но Мэри Энн стояла на месте.

— Нет, — сказала она. У нее не было времени.

Она была загнана в угол необходимостью действовать. Черт подери, подумала она, машины нет. Гараж Гордонов был пуст, значит, Дейва не было. Что ж, пусть так.

— Кто там? — прозвучал радушный голос Арнольда Гордона, а вслед за голосом явился и он сам — с газетой и трубкой в руках, в тапочках на босу ногу. — Мэри, да проходи же; что с тобой, чего ты там стоишь?

Пятясь вниз по лестнице, она сказала:

— Дейва же дома нет? Впрочем, неважно. Я просто хотела узнать.

— Неужели ты не зайдешь? Не порадуешь стариков? Мэри, послушай, может, угостишься тортом с мороженым и мы поболтаем?

— Мы тебя так давно не видели, — добавила миссис Гордон.

— До свидания, — сказала Мэри Энн.

«Дорогая, — подумала она, — эта новая яйцерезка просто чудо. Обязательно возьмите ее, когда вы с Дэвидом заведете хозяйство. Дату еще не назначили? Положи себе еще мороженого».

— Дейв на собрании Молодежной торговой палаты, — сказал Арнольд, выходя на крыльцо. — Как твои дела, Мэри? Как родители?

— Хорошо, — сказала она, притворяя калит-

ку. — Если спросит, я в «Корольке». Он знает.

Засунув руки в карманы, она пошла в сторону «Ленивого королька».

В баре столбом стоял дым; было не протолкнуться — всюду беспорядочно толпилась подвыпившая публика. Она протискивалась меж столиков, между людьми, сгрудившимися возле эстрады, — к пианино.

За ним сидел Пол Нитц — пианист, игравший в перерывах между выступлениями. Откинувшись, он уставился в пространство — худой, косматый блондин с потухшей сигаретой во рту — и ударял по клавишам длинными пальцами. Не выходя из своего транса, он улыбнулся девушке.

— Послышалось мне, — чуть слышно напел он. — Бадди Болден сказал…[97]

В музыкальную ткань он тут же вплел отголосок старого мотива дикси. Обработанная и оборванная ниточка затерялась в основной теме

---

[97] Примечания: 97

Послышалось мне… Бадди Болден сказал… — Строчка из песни «Funky Butt», исполнявшейся в начале XX в. ансамблем под управлением короля новоорлеанского джаза Бадди Болдена (1877–1931): «I thought I heard Buddy Bolden say, funky–butt, funky–butt, take it away». Шуточная песенка, даже насвистывание которой считалось неприличным в хорошем обществе, намекала на неприятные ароматы, по разным причинам распространяемые на танцполе. Непристойное содержание не помешало песне стать классикой рэгтайма и послужить рождению нового музыкального стиля, известного как фанк.

— би–боповой композиции «Сон».

Несколько фанатов, собравшихся возле фортепьяно, вслушивались в бормотание Нитца. Полуприкрыв глаза, он кивнул одному из них; на лице слушателя изобразился ответ, и оба понимающе закивали.

— Да, — сказал Нитц, — думаю, я слышал его так же ясно, как теперь вижу тебя. Хочешь новость, Мэри?

— Какую? — спросила она, облокачиваясь на пианино.

— Нос течет.

— На улице холодно, — сказала она, потирая нос краем ладони. — Он будет петь? Скоро?

— Холодно, — эхом отозвался Нитц.

Он кончил играть, и его немногочисленные поклонники отшвартовались от фортепьяно. Основная публика терпеливо ожидала начала выступления возле эстрады.

— Тебе–то что? — спросил он. — Тебя здесь уже не будет. Малолетка. Мир полон малолеток. А когда я играю, тебе не все равно? Ты приходишь послушать меня?

— Конечно, Пол, — отозвалась она с симпатией.

— Я — прореха. Еле слышная прореха.

— Точно, — сказала она, усаживаясь рядом с ним на банкетку. — А иногда и вовсе неслышная.

— Я — музыкальная пауза. Между великими моментами.

Она немного успокоилась и оглядывала бар, присматриваясь к посетителям, прислушиваясь к разговорам.

— Хорошая здесь компания сегодня.

Нитц передал ей остатки своего потухшего косяка.

— Хочешь? Возьми, преступи закон, пади на самое дно.

Она бросила косяк на пол.

— Я хочу с тобой посоветоваться.

Все равно она уже здесь.

Вставая, Нитц произнес:

— Не сейчас. Мне нужно в туалет. — Он двинулся неуверенной походкой. — Сейчас вернусь.

Оставшись одна, Мэри без энтузиазма бренчала по клавишам и ждала, когда Пол вернется. С ним ей, по крайней мере, было спокойно; она могла спросить у него совета, потому что он ничего от нее не требовал. Увязший в собственных навязчивых идеях, он делал короткие перебежки от «Королька» к своей однокомнатной квартире и

обратно, читал вестерны в бумажных обложках и конструировал би–боповые композиции на фортепьяно.

— А где твой дружок? — спросил он, вернувшись и усаживаясь рядом с ней. — Ну, тот парнишка в спецовке.

— Гордон. Он на собрании Молодежной торговой палаты.

— А ты знаешь, что я когда–то состоял в Первой баптистской церкви города Чикала, штат Арканзас?

Прошлое Мэри Энн не интересовало; порывшись в сумочке, она достала вырезанное из «Лидера» объявление.

— Вот, — сказала она, подсовывая его Нитцу. — Что скажешь?

Прежде чем вернуть ей объявление, он невероятно долго изучал его.

— У меня уже есть работа.

— Да не тебе. Для меня. — Она в нетерпении убрала листок и закрыла сумочку.

Это определенно был новый магазин пластинок на Пайн–стрит; она обратила внимание, что там идет ремонт. Но до завтра она не могла пойти туда, и напряжение начинало ее утомлять.

— Я был добрым прихожанином, — продол-

жал Нитц, — но потом отвернулся от бога. Это случилось совершенно внезапно. Я был среди спасенных, и вдруг… — он фаталистически пожал плечами, — что–то подвигло меня подняться и отвергнуть Христа. Все это было очень странно. Еще четверо прихожан последовали за мной на алтарь. Какое–то время я разъезжал по Арканзасу, выступал с антирелигиозными проповедями. Бывало, я шел по пятам за караванами Билли Санди[98]. Я был эдакий скоромный Нитц.

— Я пойду туда, — сказала Мэри Энн, — завтра утром, раньше всех. Там просят позвонить, но я знаю, где это. С такой работой я отлично справлюсь.

— Это точно, — согласился Нитц.

— И смогу разговаривать с людьми… вместо того чтобы сидеть в офисе и выстукивать письма. Магазин пластинок — отличное место; постоянно что–то происходит. Все время что–то случается.

— Тебе повезло, что Итона сейчас нет, — сказал Нитц. Тафт Итон был владельцем «Королька».

— Я его не боюсь.

Через комнату пробирался негр, и, сидя на банкетке возле пианино, она вдруг вся встрепе-

---

[98] Примечания: 98

Билли Санди (1862–1935) — американский евангелист–проповедник.

нулась и распрямилась. И забыла о присутствии Нитца, потому что явился он.

Это был крупный мужчина с иссиня–черной кожей, очень блестящей и — как ей представлялось — очень гладкой. Сутулый и мускулистый, он тяжело двигался; в нем угадывалась личность простая и сильная; глядя на него, она улавливала его флюиды даже издалека. Волнистые густые волосы с маслянистым блеском; солидная шевелюра, требующая тщательного ухода. Он кивком поприветствовал несколько пар, поклонился людям, ожидающим возле эстрады, и прошел — целая гора собственного достоинства.

— А вот и он, — сказал Нитц.

Она кивнула.

— Это Карлтон Б. Туини, — добавил Нитц, — певец.

— Какой большой, — сказала она, не спуская с него взгляда. — Боже мой, ты только посмотри. — Она жадно пожирала, ощупывала его глазами. — Да он же грузовик может поднять.

Прошла уже неделя; она заприметила его шестого числа, в день, когда он давал свой первый концерт в «Корольке». Он, говорили, приехал из Ист–Бэй, где выступал в клубе «Эль Серрито». Все это время она изучала, оценивала, поглощала его

издали, как только могла.

— Все еще хочешь познакомиться? — спросил Нитц.

— Да, — сказала она и вздрогнула.

— Да ты сегодня точно под хмельком.

Она нетерпеливо пихнула Нитца локотком.

— Спроси его, не хочет ли он посидеть с нами. Ну же — прошу тебя.

Он подходил к пианино. Он узнал Нитца, и тут его огромные черные глаза остановились на ней; она почувствовала, что он увидел ее, принял во внимание ее присутствие. Она снова вздрогнула, как будто ее окатили холодной водой. На мгновение она закрыла глаза, а когда открыла — его уже не было. Он прошел дальше с коктейлем в руках.

— Привет, — не слишком убедительно начал Нитц, — присаживайся.

Туини замер.

— Мне нужно позвонить.

— На секунду, чувак.

— Не, нужно пойти позвонить, — в голосе его слышалась усталая важность. — Есть, знаешь ли, неотложные дела.

Нитц сказал, обращаясь к Мэри Энн:

— Гольф с президентом.

Она встала, уперлась руками в крышку пиани-

но и, наклонившись вперед, произнесла:

— Садитесь.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Проблемы, — сказал он и наконец нашел возле ближайшего столика свободный стул. Подтащив его одним движением руки, он сел прямо перед ней. Она медленно отстранилась, ощущая его близость, сдерживая свой голод; сознавая, что остановился он из–за нее. Так что не зря она сюда пришла. Заполучила его, хотя бы ненадолго.

— Что за проблемы? — поинтересовался Нитц.

Вид у Туини стал еще более озабоченным.

— Я живу на четвертом этаже. А прямо надо мной — водогрей, который подает горячую воду всему зданию. — Изучая свой маникюр, он продолжал: — Днище у него проржавело и дало течь. Течет прямо на газовые горелки и мне на пол, — с раздражением объяснил он, — всю мебель мне попортит.

— Хозяйке позвонил?

— Ясное дело. — Туини нахмурился. — Водопроводчик должен вот–вот прийти. Обычная волокита. — Он уныло замолк.

— Ее зовут Мэри Энн Рейнольдс, — сказал Нитц, указывая на девушку.

— Приятно познакомиться, мисс Рейнольдс. —

Туини церемонно кивнул.

— Вы очень круто поете, — ответила Мэри Энн.

Его темные брови шевельнулись.

— О? Спасибо.

— Я прихожу сюда при каждой возможности.

— Спасибо. Да. Мне кажется, я вас уже видел. И даже не один раз, — сказал он, вставая. — Нужно пойти позвонить. Не могу же я допустить, чтоб мой диван погиб.

— Импортный тасманский мохер, — пробормотал Нитц, — исчезающий вид, хер пушистый обыкновенный.

Туини уже поднялся.

— Рад знакомству, мисс Рейнольдс. Надеюсь, еще увидимся, — и он удалился по направлению к телефонной будке.

— Зеленый хер пушистый, — добавил Нитц.

— Да что с тобой? — потребовала объяснений Мэри Энн. Провокационный бубнеж Нитца раздражал ее. — Я читала, как однажды водогрей взорвался и погибла куча детей.

— Ты читала это в рекламе. В рекламе благоразумия. Семь симптомов рака. Ну почему я не застраховал свою крышу? — Нитц зевнул. — Используйте алюминиевые трубы… не пропускают садовых вредителей.

Мэри Энн следила за Туини, но его уже не было видно; дымка поглотила его. Она гадала, каково это — знать такого человека, быть рядом с таким великаном.

— Зря ты это, — произнес Нитц.

— Что зря?

— Насчет него. Я вижу, как ты на него смотришь… Пошло–поехало. Новый план.

— Какой план?

— Как всегда. Ты в своем плаще, руки в карманах. Стоишь себе где–нибудь с этаким озабоченным видом. Ждешь, когда кто–то появится. Что тебе неймется, Мэри? Ты достаточно умна; можешь сама о себе позаботиться. Тебе не нужен храбрый портняжка, чтоб тебя защищать.

— В нем есть стать, — сказала она. Она продолжала смотреть; он должен был появиться снова. — Это вызывает уважение. Стать и достоинство.

— А отец у тебя какой?

Она пожала плечами:

— Не твое дело.

— Мой отец пел мне колыбельные.

— Ну, — сказала она, — очень мило.

— В таком духе, — бормотал Нитц, — мама, мама, мама… — Он пел все тише, словно прова-

ливаясь в сон. — Вижу я свой гробик, мама. Бух, ух–ох. — Он постучал по клавишам монеткой. — А теперь сыграем это. Ага.

Мэри Энн недоумевала, как это Нитц может клевать носом, когда вокруг столько поводов для беспокойства. Нитц, похоже, полагал, что все должно складываться само собой. Она ему завидовала. Она вдруг пожалела, что не может хотя бы ненадолго отпустить поводья, расслабиться настолько, чтобы отрадные иллюзии овладели и ею.

Внезапно ей послышались отголоски давнишнего ритма, жуткой колыбельной. Она никак не могла забыть ее.

…коль суждено уснуть и не проснуться…

— Ты не веришь в бога? — спросила она Нитца.

Он открыл один глаз.

— Я во все верю. В бога, в Соединенные Штаты, в гидроусилитель руля.

— Толку от тебя мало.

Карлтон Туини снова появился в углу бара. Он болтал с завсегдатаями; сдержанный и гордый, передвигался он от столика к столику.

— Не обращай на него внимания, — пробурчал Нитц, — сейчас он уйдет.

Карлтон Туини приблизился, и она снова вся

сжалась. Нитц излучал осуждение, но ей было глубоко наплевать; для себя она уже все решила. И вот она вскочила — быстро, в одно движение.

— Мистер Туини, — выпалила она, и в голосе ее звучали, видимо, все ее чувства, потому что он остановился.

— Да, мисс Мэри Энн?

Она вдруг занервничала.

— Как… ваш водогрей?

— Не знаю.

— А что сказала хозяйка? Вы разве ей не звонили?

— Да, звонил. Но не застал ее.

Затаив дыхание от страха, что он вот–вот уйдет, она не отступала:

— Ну и что же вы намерены делать?

Губы его скривились, а глаза медленно подернулись поволокой. Повернувшись к Полу Нитцу, по–прежнему развалившемуся на банкетке возле пианино, он спросил:

— Она всегда такая?

— По большей части. Мэри живет во вселенной протекающих горшков.

Она покраснела.

— Я думаю о тех, кто живет внизу, — защищалась она.

— О ком? — не понял Туини.

— Вы же на самом верхнем этаже, не так ли? — Она еще не потеряла его, но он уже начинал ускользать. — Вода просочится к ним и испортит им стены и потолки.

Туини двинулся дальше.

— Пусть судятся с хозяйкой, — сказал он, закрывая тему.

— А когда вы закончите выступление? — спросила Мэри Энн, поспевая за ним.

— Через два часа, — ухмыльнулся он, глядя на нее сверху вниз.

— Два часа! Да они к тому времени, может, уже помрут.

Ей предстало видение хаоса: бьющие вовсю гейзеры, расколотые доски, а поверх всего — треск пожара.

— Лучше бы вам пойти туда прямо сейчас. А споете потом. А то нечестно получится по отношению к соседям. Может, там дети внизу. Есть у них дети?

Туини все это уже не забавляло, а начинало раздражать; он не любил, когда ему указывали, что делать.

— Благодарю за участие.

— Идемте.

Она уже все придумала.

Он с холодным недоумением уставился на нее.

— О чем это вы, мисс Мэри Энн?

— Идем! — Она схватила его за рукав и потянула к двери. — Где ваша машина?

Туини вознегодовал:

— Я вполне в состоянии разобраться без вашей помощи.

— На парковке? Ваша машина на парковке?

— У меня нет машины, — угрюмо признался он; его желто–кремовый «Бьюик» — кабриолет недавно был изъят за неуплату кредита.

— А далеко ваш дом?

— Недалеко. Квартала три–четыре.

— Тогда пройдемся. — Она твердо решила не отпускать его дальше, чем на расстояние вытянутой руки, и в своей настойчивости проглотила его проблему целиком.

— А вы что, тоже пойдете? — спросил он.

— Разумеется, — ответила она на ходу.

Туини неохотно пошел за ней.

— В вашем участии нет необходимости.

Идя за ней, он как будто стал еще больше, еще выше и прямее. Он был потревоженным государством. Он был империей, чьи границы нарушил враг. Но она заставила его действовать; она, нуж-

даясь в нем, принудила его с собой считаться.

Держа раскрытой входную дверь, она сказала:

— Не будем терять времени. Вот вернемся, и тогда вы споете.

Глава 4

Они плелись по торговой части трущоб, и сказать обоим особо было нечего. Магазины, к этому времени уже закрытые, уступили место частным домам и многоквартирным зданиям. Дома были старыми.

— Это район для цветных, — сказал Туини.

Мэри Энн кивнула. Ее возбуждение схлынуло; она чувствовала себя уставшей.

— Я живу в районе для цветных, — повторил Туини. — Кроме шуток.

Он с любопытством взглянул на нее.

— Вы всегда так суетитесь, мисс Мэри Энн?

— Я перестану суетиться, — сказала она, — когда сочту нужным.

Он громко рассмеялся:

— Я никогда не встречал таких, как вы.

Теперь, когда они покинули «Королек», он держался не так официально; его сдержанность уступила место открытости. От этой прогулки по пустынному вечернему тротуару Туини даже начинал получать удовольствие.

— Вы любите музыку, верно? — спросил он.

Она пожала плечами:

— Конечно.

— Мы с Нитцем не особенно ладим. Он предпочитает играть самый обычный популярный джаз. А я, как вы, возможно, заметили, стараюсь привносить в свои песни более изящные музыкальные формы.

Мэри Энн слушала, но слов почти не разбирала. Глубокий голос Туини придавал ей уверенности; он отчасти рассеивал ее смущение, и этого было достаточно.

Присутствие негров ее всегда успокаивало. В их мире было как будто больше тепла и меньше напряжения, чем у нее дома. Ей всегда было легко разговаривать с чернокожими; они были похожи на нее. Они тоже были аутсайдерами и жили в своем отдельном, обособленном мирке.

— Вас тоже много куда не пускают, — громко сказал она.

— Вы о чем?

— Но вы такой талантливый. Каково это — уметь петь? Вот бы я могла делать что–то подобное.

Она вспомнила о спрятанном в сумочке объявлении, и ее беспокойство усилилось.

— А вы где–нибудь учились? В колледже?

— В консерватории, — отозвался Туини. — Спо-

собности к музыке у меня нашли довольно рано.

— А вы тоже состояли в баптистской церкви?

Туини сдержанно рассмеялся:

— Нет, конечно.

— А где вы родились?

— Здесь, в Калифорнии. Я решил остаться тут на постоянное жительство. Калифорния — богатый штат… с неограниченными возможностями, — в подтверждение этой мысли он указал на рукав своего пиджака. — Этот костюм сшили специально для меня. Скроили и подогнали в солидной фирме в Лос–Анджелесе.

Он пробежался пальцами по шелковому галстуку с ручной росписью.

— Одежда — это важно.

— Почему?

— Людям видно, что у тебя есть вкус. Одежда — это первое, на что обращаешь внимание. Вы как женщина должны быть в курсе.

— Да, пожалуй.

Однако ее это мало волновало; для нее одежда была всего лишь обязанностью, накладываемой обществом, — такой же, как гигиена и приличное поведение.

— Приятный вечер, — заметил Туини. Он обогнул ее, чтобы идти по внешней стороне тро-

туара, — жест джентльменской заботы. — У нас в Калифорнии погода просто превосходная.

— А в других штатах вы бывали?

— Конечно.

— Вот бы я могла отправиться куда–нибудь, — сказала Мэри Энн.

— Когда побываешь в нескольких больших городах, начинаешь понимать одну фундаментальную вещь. Все они похожи один на другой.

Она приняла эти слова, но ее стремление от этого не угасло.

— Я бы хотела уехать куда–нибудь, где получше, — выразиться более внятно она была неспособна, да и сама идея была не яснее. — Но где лучше? Назовите мне какое–нибудь приятное место, где живут приятные люди.

— В Нью–Йорке есть свое очарование.

— А люди там приятные?

— В Нью–Йорке прекрасные музеи и оперные театры — одни из лучших в мире. Люди там культурные.

— Понятно.

Сойдя с тротуара, Туини сказал:

— А вот и мой дом, — при виде старого, обветшавшего здания он заметно скис. — Смотреть особо не на что, но… хорошей музыкой много

не заработаешь. Артисту приходится выбирать между коммерческим успехом и своими принципами.

Темная внешняя лестница вела из двора на третий этаж. Мэри Энн могла только осязать свой путь во мраке; впереди шел Туини, слева был собственно дом. Они проскользнули мимо бочки с дождевой водой, полной размокших газет. Далее следовал целый ряд бочонков из–под масла, затем — лестница. Деревянные ступени стонали и прогибались под ее ногами; она вцепилась в перила и не отставала от Туини.

В квартире было сумрачно; Туини провел ее через коридор на кухню. Она с любопытством огляделась — вокруг было скопление мебели и каких–то предметов, но ни различить, ни понять толком, что к чему, она не смогла. И тут включился свет.

— Извините за беспорядок, — пробормотал Туини. Он оставил ее в кухне, а сам стал, по–кошачьи осматриваясь, бродить из комнаты в комнату. Имущество его было вроде как цело: рубашки не своровали, гардины не потревожили, виски не выпили.

На кухне поблескивала лужица; сырой линолеум свидетельствовал о недавней катастрофе.

Однако водогрей был починен, последствия ликвидированы.

— Отлично, — сказал Туини, — поработал» на совесть.

Мэри Энн, поняв, что тревога оказалась ложной, присмирела и бродила по квартире, рассматривала книжные полки, выглядывала из окон. Квартира располагалась очень высоко; отсюда было видно весь город. Вдоль горизонта бежали яркие желтые огни.

— А что это за огни? — спросила она Туини.

— Дорога, наверное, — безучастно ответил он.

Мэри Энн вдохнула слегка затхлый аромат квартиры.

— Интересно у вас тут все устроено. Никогда такого не видела. Я пока живу с родителями. Здесь можно почерпнуть массу идей для моего собственного дома… понимаете?

Прикуривая сигарету, Туини произнес:

— Что ж, я оказался прав.

— Похоже, водопроводчик уже приходил.

— Не о чем было беспокоиться.

— Простите, — потерянно произнесла она, — я просто думала о соседях снизу. Я как–то читала… в общем, это была реклама страховой компании, и там говорилось про водогрей, который

взорвался.

— Теперь, коль уж пришли, можете и плащ снять.

Она сняла плащ и бросила его на подлокотник кресла.

— Похоже, я напрасно увела вас из «Королька».

Засунув руки в задние карманы джинсов, она вернулась к окну.

— Пива?

— Пожалуй, — она кивнула, — спасибо.

— Пиво восточное, — Туини налил ей стакан, — садитесь.

Она присела, неловко держа стакан. Стакан был холодным и запотевшим; по его стенкам ползли капли.

— Вы даже не знаете, живет ли внизу хоть кто–нибудь, — сказал Туини. Он высказал мысль и намерен был развить ее. — С чего вы взяли, что внизу кто–то есть?

Уставившись в пол, Мэри Энн пробормотала:

— Не знаю, я просто так подумала.

Туини уселся на край захламленного стола; теперь он начальственно возвышался над ней. По сравнению с ним девушка казалась совсем хрупкой и очень молоденькой. В своих джинсах и хлопковой футболке она вполне сошла бы за

подростка.

— Сколько вам лет? — спросил Туини.

Ее губы едва шевельнулись:

— Двадцать.

— Да вы еще совсем девочка.

Так оно и было. Она и ощущала себя маленькой девочкой. Она кожей чувствовала его насмешливый взгляд. Было ясно, что ее ждет суровое испытание — ей собирались прочесть нотацию. Наставить на путь истинный.

— Вам нужно расти, — сказал Туини, — вам предстоит многому научиться.

Мэри Энн всколыхнулась.

— Святые небеса, а я что, не знаю? Я и хочу многому научиться.

— Вы здесь живете?

— Естественно, — с горечью отозвалась она.

— Учитесь?

— Нет. Работаю на дурацкой фабрике разваливающейся хромированной мебели.

— Кем?

— Стенографисткой.

— Вам нравится эта работа?

— Нет.

Туини разглядывал ее.

— У вас есть какой–нибудь талант?

— Что вы имеете в виду?

— Вам нужно какое–нибудь творческое занятие.

— Я просто хочу уехать куда–нибудь, где вокруг были бы люди, от которых не ждешь подвоха.

Туини встал и включил радио. Гостиная наполнилась голосом Сары Вон[99].

— Видно, досталось вам по жизни, — сказал он, возвращаясь в свою выгодную позицию.

— Не знаю. Со мной не было ничего такого уж ужасного. — Она пригубила пиво. — А почему восточное пиво дороже, чем западное?

— Потому что у него более тонкий вкус.

— А я думала, может, из–за стоимости доставки.

— Думали? — На его лицо снова вернулась высокомерная улыбочка.

— Видите ли, у меня не было возможности выяснить. Откуда вы обычно узнаете такие вещи?

— Жизненный опыт в различных областях. Постепенно, с годами приобретаешь изысканный вкус. А для кого–то что восточное пиво, что западное — никакой разницы.

Мэри Энн пиво вообще не нравилось. Она

---

[99] Примечания: 99

Сара Вон (1924–1990) — американская джазовая певица, особенно популярная в конце 1940–х — начале 1950–х гг., обладательница «Грэмми».

нехотя потягивала из своего стакана, смутно сожалея, что она так молода, так мало видела и еще меньше сделала. Было очевидно, насколько она обыкновенная по сравнению с Карлтоном Туини.

— А каково это — быть певцом?

— В искусстве, — объяснял Туини, — духовное удовлетворение важнее материального успеха. Американское общество интересуют только деньги. Кругом поверхностность.

— Спойте мне что–нибудь, — вдруг сказала Мэри Энн и, смутившись, добавила: — Ну, то есть мне хотелось бы, чтоб вы спели.

— Что, например? — Он поднял бровь.

— «Мальчика на побегушках»[100]. — Она улыбнулась. — Мне нравится эта песня… вы пели ее однажды в «Корольке».

— Значит, это ваша любимая?

— Мы однажды, сто лет назад, пели ее в школе на концерте средних классов.

Мысли ее закружились вокруг школьных лет, когда она в матроске и шотландской клетчатой юбочке строилась в покорную шеренгу, шагав-

---

[100] Примечания: 100

«Мальчик на побегушках» («Water Boy») — народная негритянская тюремная песня, популяризированная композитором Эвери Робинсоном, в 1920–х гг. написавшим для нее джазовую аранжировку.

шую от одного класса к другому. Цветные мелки, внеклассная работа, учебные тревоги во время войны…

— Тогда, во время войны, было лучше, — решила она. — Почему сейчас не так?

— Какой войны?

— С наци и япошками. Вы там были?

— Я служил на Тихом океане.

— Кем? — сразу заинтересовалась она.

— Санитаром в госпитале.

— И как, это интересно — работать в госпитале? А как вы туда попали?

— Записался добровольцем.

Свое участие в войне он оценивал не слишком высоко. Он кем начал, тем и кончил: денежное довольствие в двадцать один доллар в месяц.

— А что нужно, чтобы стать медбратом?

— Пойти на курсы, как везде.

Лицо Мэри Энн запылало.

— Это, наверно, так чудесно — посвятить свою жизнь по–настоящему важному делу. Такому, как уход за больными.

— Купать больных стариков. Веселого мало, — произнес Туини с миной отвращения на лице.

Интерес Мэри Энн угас.

— Да уж, — согласилась она, разделяя его непри-

язнь, — это бы мне вряд ли понравилось. Но ведь это не все время так? В основном–то занимаешься тем, что лечишь людей.

— А что такого хорошего было в войну? — поинтересовался Туини. — Вы же, девушка, и войны–то никогда не видели. Вы не видели, как убивают. А я видел. Война — та еще гадость.

Она, конечно, не это имела в виду. Она говорила о единодушии, сплотившем всех в военные годы; о том, что люди на время забыли о своих склоках и раздорах.

— Мой дед умер в сороковом, — громко сказала она. — Он вел карту военных действий, большую настенную карту. Вкалывал в нее булавки.

— Да, — согласился Туини; его это не впечатлило.

Ее же это трогало до глубины души, потому что для нее дед был человеком чрезвычайно важным; он заботился о ней.

— Он объяснял мне про Мюнхен и чехов, — сказала она, — он очень любил чехов. А потом он умер. Мне было… — она подсчитала в уме, — мне было семь лет.

— Совсем маленькая, — пробормотал Туини.

Дедушка Рейнольдс любил чехов, а она любила его; быть может, он был единственным

человеком, к которому она была по–настоящему привязана. Отец — тот был не человек, а сплошная опасность. С той самой ночи, когда она поздно вернулась домой и он поймал ее в гостиной, поймал не в шутку, а всерьез. С той самой ночи она боялась. А он, ухмыляющийся человечек, знал это. И это доставляло ему удовольствие.

— Эд работал на оборонном предприятии в Сан–Хосе, — сказала она, — а дедушка дома сидел, он был старенький. Раньше у него было ранчо в долине Сакраменто. Он был высокий, — она чувствовала, что плавает, путается в собственных мыслях. — Помню еще, как он поднимал меня и кружил высоко над землей. Машину он водить не мог по старости; а когда был молодым — ездил на лошади, — глаза ее зажглись, — и он носил жилетку и серебряное кольцо, которое купил у индейца.

Туини поднялся и ходил по комнате, опуская жалюзи. Он наклонился над Мэри Энн, чтобы дотянуться до окна, возле которого она сидела. От него пахло пивом, накрахмаленным бельем и мужским дезодорантом.

— Ты симпатичная девушка.

Она чуть встряхнулась.

— Я слишком тощая.

— Уж точно не страшненькая, — повторил он, смотря на ее ноги. Она инстинктивно поджала их под себя. — Тебе это известно? — продолжал он странным хриплым голосом.

— Может быть.

Ее как судорогой пробило… ведь уже поздно. Завтра утром нужно встать пораньше; когда она пойдет по объявлению, надо быть свежей и бодрой. Думая об этом, она вцепилась в сумочку.

— Ты дружишь с Нитцем? — спросил Туини.

— Пожалуй.

— Он тебе нравится?

Он сидел, весь расслабившись, лицом к ней.

— Тебе нравится Нитц? Отвечай.

— Ну, ничего такой, — сказала она; ей было неловко.

— Он маленький, — глаза его заблестели, — уверен, что ты предпочитаешь мужчин покрупнее.

— Нет, — раздраженно сказала она, — мне все равно.

У нее начинала болеть голова, а близость Туини почти угнетала. И ей был отвратителен запах пива — он напоминал об Эде.

— А почему вы здесь не убираетесь? — спросила она, отодвигаясь от него подальше. — Бардак–то какой, повсюду мусор.

Он откинулся назад, и его лицо опало.

— Ужасно. — Она встала и взяла плащ и сумочку. Квартира больше не представляла для нее интереса — он сам все тут испортил.

— Здесь воняет, — сказала она, — все захламлено, и проводка наверняка плохая.

— Да, — согласился Туини, — проводка плохая.

— Так почему ж не починить? Это ведь опасно.

Туини ничего не ответил.

— А кто здесь убирается? — допытывалась она. — Почему бы вам не нанять уборщицу?

— Ко мне приходит одна женщина.

— Когда?

— Время от времени.

Он посмотрел на свои часы, усыпанные каменьями.

— Пора нам и возвращаться, мисс Мэри Энн.

— Да уж. Мне завтра рано вставать.

Она смотрела, как он пошел за пиджаком; он снова прятался в свой панцирь, и это была ее вина.

— Я рада, что ваш водогрей в порядке, — сказала она, как будто извиняясь.

— Спасибо.

Когда они шли по темной ночной улице, Мэри Энн сказала:

— Завтра я иду искать работу.

— Вот как.

— Хочу попасть в магазин пластинок.

Она чувствовала, что ему неинтересно, и ей хотелось вернуть его внимание.

— В тот, новый, который еще только откроется.

От порыва ветра она вдруг затряслась.

— Что с вами?

— Носовые пазухи. Думаю, нужно сходить и прочистить их. А то болят, когда температура меняется.

— Сами доберетесь? — спросил он. Они подходили к концу торгового района; впереди, на улице закрытых магазинов, уже виднелся «Королек».

— Да, — сказала она, — пойду домой и лягу спать.

— Спокойной ночи, — произнес Туини и двинулся дальше.

— Пожелайте мне удачи! — крикнула она вслед, внезапно почувствовав, что удача ей необходима. Подступало одиночество, и ей пришлось пересилить себя, чтоб не метнуться за ним.

Туини помахал рукой и пошел дальше. Она постояла, с тревогой смотря на его удаляющуюся фигуру, затем покрепче сжала сумочку и повернула в сторону дома.

Глава 5

В восемь тридцать следующего утра Мэри Энн зашла в телефонную будку молочного магазина Эйкхольца и позвонила в офис «Готовой мебели Калифорнии». Трубку взял Том Болден.

— Мне нужно поговорить с Эдной, — сказала Мэри Энн.

— Что? Кого вам надо?

Когда ей удалось добиться миссис Болден, Мэри Энн объяснила:

— Простите, но я не смогу прийти сегодня на работу. У меня начались месячные, а я всегда их тяжело переношу.

— Понятно, — произнесла миссис Болден нейтральным тоном, в котором не слышалось ни сомнений, ни уверенности, лишь приятие неизбежного. — Что ж, ничего не поделаешь. Завтра ты встанешь на ноги?

— Я буду держать вас в курсе, — пообещала Мэри Энн, вешая трубку. Идите вы к черту, подумала она. Вместе со своей фабрикой и хромовыми стульями.

Она вышла из молочного. Цокая каблуками, она быстро шла по тротуару, уверенная в том, что

все выбрала правильно — и прическу, и укладку, и ненавязчивый макияж, и духи. Два часа ушло у нее на то, чтобы привести себя в порядок; она съела только тост с яблочным пюре и выпила чашку кофе. Она была на взводе, но ничего не боялась.

Новый магазин пластинок раньше был салоном «Букеты и подарки». Плотники вовсю обустраивали помещение, монтировали в потолки встроенные лампы, стелили ковры. Электрик затаскивал проигрыватели из припаркованного рядом фургона. Повсюду стояли ящики с пластинками. В глубине двое рабочих крепили плиты звуконепроницаемого материала к потолку еще не достроенных будок для прослушивания. А заправлял всем этим пожилой мужчина в твидовом костюме.

Она перешла улицу и медленно попятилась, стараясь разглядеть нависшую над плотниками фигуру. Размахивая тростью с серебряным набалдашником, мужчина расхаживал туда–сюда, давал инструкции, устанавливал порядки. Он ходил так, будто земля возникала из небытия под его ногами. Из вороха тканей, досок, проводов, плитки он создавал свой магазин. Было интересно наблюдать, как работает этот большой человек. Это и есть Джозеф Р. Шиллинг? Хватит

околачиваться, решила она и пошла к дверям. Еще не было и девяти.

Зайдя внутрь, она внезапно почувствовала, что пустоты улицы как не бывало — тут вовсю кипела бурная деятельность. Все предметы здесь, казалось, были такими крупными и важными. Она ощутила сгустившуюся атмосферу, бодрящее напряжение, которое так много для нее значило. Она уже рассматривала свежеколоченный прилавок, когда мужчина в твидовом костюме бросил на нее взгляд.

— Вы мистер Шиллинг? — спросила она, слегка напуганная.

— Так точно.

Вокруг стучали молотками плотники; было даже шумнее, чем на мебельной фабрике. Она сделала глубокий вдох, с удовольствием втянув в себя запах опилок и новых нехоженых ковров.

— Мне нужно с вами поговорить, — сказала она, все больше удивляясь. — Это ваш магазин? А зачем столько стекла?

Рабочие заносили оконное стекло в глубь магазина.

— На будки для прослушивания, — ответил он. — Пройдемте в офис. Там разговаривать удобней.

Она неохотно оставила свой наблюдательный пост и пошла за ним следом через коридор, по лестнице, ведущей в подвал и в заднюю комнату. Он закрыл дверь и повернулся к ней.

Первым побуждением Джозефа Шиллинга было отослать девушку домой. Она определенно была слишком молода, не старше двадцати. Но он был заинтригован. Девушка была необычайно привлекательна.

Перед ним стояла маленькая, пожалуй, даже тощая девчушка с каштановыми волосами и бледными, почти соломенного цвета глазами. Его очаровала ее шея — длинная и гладкая, как на портретах Модильяни. Маленькие ушки с большими кольцами золотых сережек не алели ни чуточку. Безупречно чистая, с легким загаром кожа. Никакого акцента на сексуальности; ее тело не было излишне развитым, в нем был даже некоторый аскетизм, необычная, освежающая строгость линий.

— Вы ищете работу? — спросил он. — Сколько вам лет?

— Двадцать, — ответила она.

Шиллинг потер ухо и задумался.

— Какой у вас опыт?

— Восемь месяцев я работала в приемной кре-

дитного общества, так что привыкла иметь дело с людьми. А потом я год с лишним печатала под диктовку. Я профессиональная машинистка.

— Это мне без надобности.

— Не глупите. Вы что, только за наличные собираетесь торговать? И даже кредит открывать не станете?

— Вся бухгалтерия будет в другом месте, — сказал он. — А вы решили, что именно так и нужно себя вести, когда нанимаешься на работу?

— Я не нанимаюсь. Я ищу работу.

Шиллинг задумался, но разницы так и не понял.

— Что вы знаете о музыке?

— Все, что нужно знать.

— Вы имеете в виду популярную музыку. А что вы скажете, если я спрошу вас, кто такой Дитрих Букстехуде[101]? Вам знакомо это имя?

— Нет, — просто ответила она.

— Значит, вы ничего не смыслите в музыке. Вы попусту тратите мое время. Вы только и знаете, что песенки из хит–парада.

— А хиты у вас продавать и не получится, — заметила девушка, — во всяком случае, в нашем

---

[101] Примечания: 101

Дитрих Букстехуде (1637–1707) — датско–немецкий органист и композитор эпохи барокко.

городе.

— Почему это? — спросил удивленный Шиллинг.

— Хэнк — один из самых толковых закупщиков в поп–индустрии. Люди приезжают сюда из Сан–Франциско за пластинками, которых им не удалось достать в Лос–Анджелесе.

— А здесь находят?

— Обычно да. Всем, конечно, не угодишь.

— Откуда вам столько известно про этот бизнес?

Девушка мимолетно улыбнулась.

— А вы считаете, что я хорошо в нем разбираюсь?

— Ведете вы себя так, будто разбираетесь. Притворяетесь, значит.

— Я раньше гуляла с парнем, который работает у Хэнка на складе. И я люблю фолк и би–боп.

Отойдя в глубь кабинета, Шиллинг вытащил сигару, обрезал кончик и прикурил.

— В чем же дело? — спросила девушка.

— Я не уверен, что смогу поставить вас за прилавок. Боюсь, вы вздумаете указывать посетителям, что им должно нравиться.

— Вот как? — Она задумалась, потом пожала плечами. — Это будет зависеть от них. Я могла бы

им помочь. Иногда это не повредит.

— Как вас зовут?

— Мэри Энн Рейнольдс.

Ему понравилось, как звучит ее имя.

— Я — Джозеф Шиллинг.

Девушка кивнула:

— Я так надумала.

— В объявлении был указан только телефон, — сказал он, — но вы добрались прямо сюда. Вы обратили внимание на мой магазин.

— Да. — Воздух вокруг зазвенел от напряжения. Она вдруг поняла, что происходит нечто очень важное.

— Вы здесь родились? — спросил он. — Милый городишко; мне он понравился. Он, конечно, небольшой и не слишком активный.

— Да он мертвый, — она подняла лицо, и он увидел в ее глазах непреклонное суждение, — будьте реалистом.

— Ну, может, для вас он и мертвый, вы от него устали.

— Я не устала от него. Я просто в него не верю.

— Здесь есть во что поверить. Пойдите, посидите в парке.

— И что там делать?

— Слушать! — выпалил он. — Идите и послу-

шайте… мир вокруг вас. Виды, звуки, запахи.

— Сколько вы платите в месяц? — спросила она.

— Для начала двести пятьдесят. — Он был раздосадован. — Что, пора вернуться на землю?

Это не соответствовало впечатлению, которое сложилось у него о ней, но теперь он подумал, что в ее вопросе не было особого прагматизма: она просто пыталась нащупать точку опоры. Он чем–то огорчил ее.

— За пятидневную рабочую неделю это неплохо.

— В Калифорнии женщинам нельзя работать больше пяти дней в неделю. А что потом? Насколько поднимется зарплата?

— Двести семьдесят пять. Если все пойдет хорошо.

— А если нет? У меня сейчас очень неплохая работа.

Шиллинг расхаживал по кабинету, курил и пытался вспомнить, случалось ли с ним раньше что–нибудь похожее. Ему было неспокойно… настойчивость этой девушки взволновала его. Но он был слишком стар, чтобы относиться к миру как к источнику опасности; слишком многое доставляло ему удовольствие. Он любил вкусно

поесть, ценил и музыку, и красоту, и непристойные шутки — только если действительно смешные. Ему нравилось жить, а эта девушка видела в жизни только угрозы. Но она все больше интересовала его.

Она вполне могла оказаться той, кого он искал. Она бодрая; сотрудник из нее выйдет толковый. И она симпатичная; если ему удастся сделать так, чтоб она немного расслабилась, она станет украшением его магазина.

— Вы хотите работать в магазине пластинок?

— Да, — сказала она, — мне было бы это интересно.

— К осени вы уже войдете в курс дела, — он видел, что схватывает она на лету, — мы можем договориться об испытательном сроке. Мне нужно присмотреться… в конце концов, вы первая, с кем я говорю.

Из холла раздался телефонный звонок, и он улыбнулся.

— Наверное, еще одна соискательница.

Девушка ничего не ответила. Она как будто еще больше углубилась в свои тревоги, похожая на тех озабоченных зверьков, что он однажды видел; они часами жались друг к другу, не издавая ни звука.

— Вот что я вам скажу, — произнес Шиллинг, и голос его даже ему самому показался грубым и жестким. — Пойдемте напротив и что–нибудь съедим. Я еще не завтракал. Это нормальный ресторан?

— «Синий ягненок»? — Мэри Энн двинулась к двери. — Да, ничего. Там дорого. Не знаю, отрыты ли они так рано.

— Вот и посмотрим, — объявил Шиллинг, следуя за ней по коридору. Его обуяло легкомыслие, ощущение приключения. — А если закрыто, пойдем куда–нибудь в другое место. Не могу же я нанять вас, не узнав получше.

В торговом зале плотники били–колотили молотками поверх дребезжания телефона. Электрик, окруженный проигрывателями и колонками, безуспешно пытался расслышать сигнал усилителя. Шиллинг догнал девушку и взял ее за руку.

— Осторожней, — дружелюбно предупредил он. — Не заденьте косу — это провода для проигрывателей.

Под его пальцами рука ее была тверда. Он осязал ее одежду — сухое шуршание зеленого вязаного костюма. Он шел рядом и слышал едва уловимый аромат ее духов. Она была действительно на

удивление маленькая. Она брела вперед, глаза в пол; на улице она не сказала ни слова. Он видел, что она погружена в свои мысли.

Когда они перешли дорогу, девушка остановилась. Шиллинг неловко отпустил ее руку.

— Ну–с? — продолжил он, стоя с ней лицом к лицу на ярком утреннем солнце. Солнечный свет пах влагой и свежестью; он сделал глубокий вдох и обнаружил, что воздух даже лучше сигарного дыма. — Что вы думаете? На что это будет похоже?

— Приятный магазинчик.

— А стоит ли ждать финансового успеха?

Шиллинг проворно отошел, давая пройти рабочим, затаскивающим кассовый аппарат и коробку бумажной ленты.

— Возможно.

Шиллинг заколебался. Может, он совершает ошибку? Если он произнесет это, идти на попятный будет уже поздно. Но он и не хотел идти на попятный.

— Место ваше, — сказал он.

Секунду спустя Мэри Энн ответила:

— Нет, спасибо.

— Что? — Он был потрясен. — Что это значит? Что вы имеете в виду?

Не говоря ни слова, девушка пошла по тротуару. Какое–то время Шиллинг стоял как вкопанный; затем, выбросив сигару в сточную канаву, поспешил за ней.

— В чем дело? — потребовал он объяснений, преграждая ей путь. — Что–то не так?

Прохожие с интересом глазели на них; не обращая на них внимания, он схватил девушку за руку.

— Вам не нужна работа?

— Нет, — дерзко сказала она. — Пустите мою руку, а не то я позову копа и вас арестуют.

Шиллинг отпустил девушку, и она отошла на шаг.

— Да в чем же дело? — взмолился он.

— Я не хочу на вас работать. Я поняла это, когда вы ко мне прикоснулись, — голос ее сорвался. — У вас замечательный магазин. Простите — все так хорошо начиналось. Не надо было меня трогать.

И она ушла. А Шиллинг остался стоять; она растворилась в потоке ранних покупателей.

Он вернулся в магазин. Плотники колотили что было сил. Визжал телефон. Пока его не было, появился Макс, который принес ему сэндвич с ветчиной и картонный стаканчик кофе (с одним кусочком сахара).

— Вот, пожалуйста, — сказал Макс, — ваш завтрак.

— Оставь себе! — зло огрызнулся Шиллинг.

Макс вспыхнул:

— Да что с вами такое?

Шиллинг копался в кармане пиджака в поисках новой сигары. Он заметил, что у него дрожат руки.

Глава 6

Насвистывая себе под нос, Дэвид Гордон припарковал фургон техподдержки компании «Ричмонд» и спрыгнул на мостовую. Волоча сломанный топливный насос, он с полными руками гаечных ключей зашел в здание заправки.

Мэри Энн Рейнольдс сидела на стуле. Но что–то явно было не так — она была слишком притихшей.

— Ты… — начал Гордон. — Что с тобой, дорогая?

По щеке девушки скатилась одинокая слеза. Утерев ее, она встала. Гордон подошел, чтоб обнять ее, но она отступила.

— Где ты был? — тихо спросила она. — Я здесь уже полчаса. Мне сказали, что ты вот–вот вернешься.

— Сломались там одни на «Бьюике». На старом Большом Медвежьем проезде. Что случилось?

— Я ходила искать работу. Сколько времени?

Он отыскал глазами стенные часы; когда его спрашивали, который час, он всегда находил их с трудом.

— Десять.

— Значит, прошел уже час. Я немного прогулялась, прежде чем идти сюда.

Он был совершенно сбит с толку.

— Что значит — ты ходила искать работу? А как же «Готовая мебель?»

— Прежде всего, — сказала Мэри Энн, — пять долларов не одолжишь? Я купила у Стейнера перчатки.

Он вынул деньги. Она взяла банкноту и положила ее в сумочку. Он заметил у нее лак на ногтях, и это было необычно. Да она вообще вся приоделась: дорогой на вид костюм, туфли на высоких каблуках, нейлоновые чулки.

— Сразу могла догадаться, — говорила она, — как только он впервые посмотрел на меня. Но пока он меня не тронул, я не была уверена. А когда убедилась, поскорее ушла оттуда.

— Объясни, — потребовал он. Ее мысли, как и ее занятия, были для него тайной.

— Он хотел со мной отношений, — с каменным лицом произнесла она, — для этого все и затевалось. Работа, магазин пластинок, объявление. «Молодая, привлекательная женщина».

— Кто?

— Хозяин магазина. Джозеф Шиллинг.

Дейв Гордон и раньше видел, как она расстраи-

вается, и иногда ему даже удавалось ее успокоить. Но он не мог понять, в чем, собственно, дело; какой–то мужик к ней подкатил — ну и что? Да он сам раньше подкатывал.

— Может, он не имел в виду ничего такого, — сказал он, — ну, то есть, может, магазин — взаправду, но когда он тебя увидел… — он указал на нее, — да ты посмотри на себя — ты вся как куколка. Нарядная, накрашенная.

— Но он мужчина уже в возрасте, — настаивала она, — это неправильно!

— Почему? Он же мужчина, верно?

— Я–то думала, что ему можно доверять. От мужчины в возрасте такого не ожидаешь.

Она вынула сигареты, а он взял ее спички, чтоб дать ей прикурить.

— Ты только подумай — такой уважаемый человек, с деньгами, с образованием, приезжает в наш город, выбирает наш городок для таких вот затей.

— Не бери в голову, — сказал он, желая ей помочь, но не зная как, — с тобой–то все в порядке.

Она бессмысленно кружила по комнате.

— Меня прямо тошнит. Это так… возмутительно. Я так чертовски долго прихорашивалась. Да и магазин… — голос ее стих, — он такой красивый.

А как он посмотрел на меня сначала. Он казался таким убедительным.

— Так всегда бывает. Тебе достаточно пройтись по улице, возле аптеки. Парни оглядываются, смотрят.

— Помнишь тот случай в автобусе? Мы еще в школе учились.

Он не помнил.

— Я… — начал он.

— Тебя там не было. Я сидела рядом с одним мужчиной, коммивояжером. Он со мной заговорил, это было отвратительно. Шепчет мне прямо в ухо, а весь автобус сидит, покачивается себе, как ни в чем не бывало. Домохозяюшки.

— Эй, — придумал Гордон, — я заканчиваю через полчаса. Давай доедем до «Фостерз фриз» и съедим по гамбургеру с шейком. Тебе полегчает.

— Да ради бога! — она была возмущена. — Да повзрослеешь ты, наконец? Ты уже не мальчик — ты взрослый мужчина. Ты о чем–нибудь еще, кроме молочных коктейлей, можешь подумать? Ты просто школьник, вот кто ты такой.

— Не кипятись, — пробормотал Гордон.

— Зачем ты якшаешься с этими гомиками?

— Какими гомиками?

— Тейтом и компанией.

— Они не гомики. Они просто хорошо одеваются.

Она выдула на него облако сигаретного дыма.

— Работа на заправке — это не для взрослого мужчины. Джейк, вот ты кто; просто еще один Джейк. Джейк да Дейв — близнецы–братья. Стань Джейком, если тебе так нравится. Будь Джейком, пока тебя в армию не загребут.

— Оставь свои разговоры про армию. Они и так мне в затылок дышат.

— Послужи — тебе не помешает, — сказала Мэри Энн и с беспокойством добавила: — Отвези меня в «Готовую мебель». Мне нужно вернуться на работу. Не могу я здесь рассиживаться.

— Ты уверена, что тебе обязательно возвращаться? Может, тебе лучше пойти домой и отдохнуть?

Глаза девушки зловеще сузились.

— Я должна вернуться. Это моя работа. Надо хоть иногда брать на себя какую–то ответственность. Ответственность — тебе известно такое слово?

По дороге Мэри Энн нечего было сказать. Она сидела очень прямо, крепко держала свою сумочку и неотрывно смотрела на деревенские пейзажи за окном. В подмышках у нее темнели

влажные круги, издававшие запах розовой воды и мускуса. Она стерла почти весь макияж; белое лицо ее было лишено всякого выражения.

— Ты как–то странно выглядишь, — сказал Дейв Гордон. — Я серьезно.

Потом он с решительным видом произнес:

— Может, наконец скажешь мне, что с тобой происходит последнее время? Мы с тобой почти не видимся; у тебя всегда находятся какие–то отговорки. Похоже, ты меня ни в грош не ставишь.

— Вчера вечером я заходила к тебе домой.

— А когда я к тебе захожу, тебя никогда нет. И родители твои не знают, где ты. А кто знает?

— Я знаю, — коротко ответила Мэри Энн.

— Ты по–прежнему ходишь в этот бар? — В его голосе не было злости, только опасение, что она покинет его. — Я даже заходил туда, в этот «Королек». Сидел там и думал, может, ты появишься. Пару раз уже был.

Мэри Энн на минуту растрогалась.

— И что — появилась?

— Нет.

— Прости меня, — с тоской проговорила она, — может, скоро все это рассеется.

— Ты имеешь в виду работу?

— Да. Наверное. — Но она имела в виду куда

большее. — Может, я уйду в монастырь, — вдруг сказала она.

— Как бы мне хотелось тебя понять. Как бы хотелось видеть тебя почаще. Мне бы хватило и этого. Я… ну, вроде как скучаю по тебе.

Мэри Энн самой хотелось бы скучать по Гордону. Но она не скучала.

— Можно тебе кое–что сказать? — спросил он.

— Валяй.

— Мне кажется, ты просто не хочешь за меня замуж.

— Почему? — спросила Мэри Энн, повышая голос. — Зачем ты говоришь такое? Боже мой, Гордон, да откуда у тебя такие мысли? Ты, должно быть, спятил; да тебе к психоаналитику пора. Ты просто невротик. Ты в плохой форме, детка.

— Не смейся надо мной, — обиженно произнес Гордон.

Ей стало стыдно.

— Прости меня, Гордон.

— И бога ради, неужели обязательно звать меня Гордон? Меня зовут Дейв. Все зовут меня Гордон — но хоть ты могла бы называть меня Дейв.

— Прости меня, Дэвид, — сказала она с раскаянием. — Я на самом деле не хотела над тобой смеяться. Это все та жуткая история.

— А если б мы поженились, — спросил Гордон, — ты бы ушла с работы?

— Я об этом еще не думала.

— Я бы хотел, чтоб ты осталась дома.

— Почему?

— Ну, — начал Гордон, извиваясь от смущения, — если б у нас были дети, тебе пришлось бы о них заботиться.

— Дети, — произнесла Мэри Энн. Такое странное чувство. Ее дети: это была новая мысль.

— Тебе нравятся дети? — с надеждой спросил Гордон.

— Мне нравишься ты.

— Я говорю о настоящих маленьких детях.

— Да, — решила она, подумав. — Почему бы и нет? Было бы здорово.

Она задумалась.

— Я бы сидела дома… маленький мальчик и маленькая девочка. Только не один ребенок; как минимум два, а то и больше. — Она коротко улыбнулась. — Чтоб им не было одиноко. Единственному ребенку всегда одиноко… без друзей.

— Ты всегда была одинокой.

— Я–то? Да, наверно.

— Я помню тебя в старших классах, — сказал Дейв Гордон. — Ты всегда была сама по себе…

никогда не видел тебя в компании. Ты была такая красивая; помню, я наблюдал за тобой во время обеда, как ты сидела всегда одна с бутылкой молока и сэндвичем. И знаешь, что мне хотелось сделать? Хотелось подойти и поцеловать тебя. Но я тебя еще не знал.

— Ты очень хороший человек, — с теплотой сказала Мэри Энн, но тут же осеклась. — Терпеть не могла школу. Так хотелось поскорей ее закончить. Чему мы там научились? Научили нас там чему–нибудь полезному в жизни?

— Пожалуй, что нет, — ответил Дейв Гордон.

— Вранье собачье. Вранье! Каждое слово!

Впереди справа уже виднелось здание «Калифорнийской готовой». Они смотрели, как оно приближается.

— Вот и приехали, — сказал он, притормаживая у обочины. — Когда увидимся?

— Будет время. — Она уже потеряла к нему интерес; зажатая и напряженная, она готовила себя к встрече.

— Сегодня вечером?

Вылезая из фургона, Мэри Энн бросила через плечо:

— Не сегодня. Не появляйся какое–то время. Мне нужно о многом подумать.

Обескураженный, Гордон собрался уезжать.

— Иногда мне кажется, что ты сама копаешь себе яму.

Она резко затормозила:

— Что ты имеешь в виду?

— Некоторые считают тебя слишком высокомерной.

Она покачала головой, отсылая его прочь, и рысью пустилась вверх по тропинке, ведущей к фабричному офису. Шум мотора стих за ее спиной — хмурый Гордон поехал обратно в город.

Открывая дверь в офис, она не испытывала ничего особенного. Она немного устала, ее по–прежнему беспокоил желудок, вот, собственно, и все. Пока миссис Болден вставала из–за стола, Мэри Энн начала снимать перчатки и плащ. Она чувствовала возрастающее напряжение, но продолжала как ни в чем не бывало, без каких–либо комментариев.

— Так, — начала миссис Болден, — значит, ты решила все–таки прийти.

Том Болден, прищурившись из–за стола, нахмурился и стал слушать.

— С чего мне начать? — спросила Мэри Энн.

— Я ведь сверилась с календарем, — продолжала миссис Болден, преграждая ей путь к печатной

машинке, — и сейчас совсем не твоя неделя. Ты все это придумала только чтобы не работать. В прошлый раз я отметила дату. Мы обсудили это с мужем. Мы…

— Я ухожу, — вдруг выпалила Мэри Энн. Она натянула обратно перчатки и пошла в сторону двери. — Я нашла другую работу.

У миссис Болден отвисла челюсть.

— Сядь–ка на место, девочка. Никуда ты не уйдешь.

— Чек пришлете по почте, — сказала Мэри Энн, открывая дверь.

— Что она говорит? — пробурчал мистер Болден, вставая. — Она что — опять уходит?

— Прощайте, — сказала Мэри Энн; не останавливаясь, она выбежала на крыльцо, вниз по ступеням и на тропинку. Старик и его жена вышли за ней и стояли возле двери в полном замешательстве.

— Я ухожу! — крикнула им Мэри Энн. — Идите обратно! У меня другая работа! Убирайтесь!

Оба остались стоять, не зная, что им делать. Они не шелохнулись, пока Мэри Энн, удивляясь сама себе, не нагнулась за обломком бетона и не бросила его в них. Снаряд приземлился в мягкой грязи возле крыльца. Пошарив вдоль тропинки,

она захватила целую горсть бетонной крошки и влупила по старикам шрапнелью.

— Идите домой! — орала она, начиная потихоньку смеяться от удивления и страха за себя. Рабочие с погрузочной платформы с открытыми ртами смотрели на происходящее.

— Я ухожу! И больше не вернусь!

Вцепившись в свою сумочку, она побежала по тротуару, спотыкаясь на непривычных каблуках, и бежала, пока окончательно не запыхалась и перед ее глазами не поплыли красные пятна.

Ее никто не преследовал. Она замедлила бег, а потом остановилась, прислонившись к гофрированной железной стене завода по производству удобрений. Что она наделала? Бросила работу. Раз и навсегда, в одно мгновение. Ну, жалеть уж точно поздно. Скатертью дорога.

Мэри Энн встала на проезжую часть и взмахом руки остановила грузовик, нагруженный мешками со щепой. Водитель, поляк, раскрыл рот от удивления, когда она открыла дверь и забралась на сиденье рядом с ним.

— Отвезите меня в город, — приказала она. Упершись локтем в окно, она прикрыла ладонью глаза. После минутного колебания водитель тронул, и машина поехала.

— Вам дурно, мисс? — спросил поляк.

Мэри Энн ничего не ответила. Трясясь вместе с грузовиком, она приготовилась к обратному пути в Пасифик–Парк.

В дешевом торговом районе она заставила поляка ее высадить. Приближался полдень, жаркое летнее солнце било по припаркованным машинам и пешеходам. Пройдя мимо сигарного магазина, она подошла к обитой красным двери «Ленивого королька». Бар был закрыт, дверь заперта; подойдя к окну, она принялась стучать в него монетой.

Через некоторое время из темноты нарисовалась фигура пожилого пузатого негра. Тафт Итон приложил руку к стеклу, проверяя, не треснуло ли оно, а потом открыл дверь.

— Где Туини? — спросила она.

— Здесь его нет.

— Так где же он?

— Дома. Да где угодно.

Мэри Энн попыталась проскочить внутрь, но он, захлопывая перед ней дверь, отрезал:

— Тебе сюда нельзя; ты несовершеннолетняя.

Она услышала, как защелкнулся дверной замок, помедлила в нерешительности и зашла в сигарный магазин. Протиснулась между мужчинами,

толпившимися возле прилавка, к телефону–автомату. Не без труда удерживая в руках телефонную книгу, нашла номер и опустила в щель десятицентовую монетку.

Никто не ответил. Но, может быть, он спит. Придется зайти. Он был нужен ей прямо сейчас; она должна была его увидеть. Ей некуда было больше бежать.

Дом — большое трехэтажное здание с серыми каннелюрами, балконами и шпилями — возвышался посреди заросшего сорняком двора, полного битых бутылок и проржавевших консервных банок. Шторы на третьем этаже были задернуты и недвижимы — никаких признаков жизни.

Страх охватил ее, и она побежала по тропинке вдоль потрескавшихся цементных плит, мимо кипы газет, мимо кадок с усыхающими растениями у подножия лестницы. Она помчалась вверх, перепрыгивая через ступени и перехватывая балясины. Запыхавшись, добежала до конца пролета, повернула на следующий и тут почувствовала, как под ней провисла прогнившая доска, споткнулась о сломанную ступеньку и, цепляясь за перила, полетела носом вниз. Ударилась голенью о занозистую старую дере-

вяшку, вскрикнула от боли и упала на раскрытые ладони. Щекой она уткнулась в пропитанную пылью паутину, прицепившуюся к рукаву ее зеленого вязаного костюма. Растревоженная паучья семейка поспешно убралась прочь. Мэри Энн поднялась на ноги и последние несколько ступенек тащилась, чертыхаясь и скуля, а по ее щекам катились слезы.

— Туини! — крикнула она. — Пусти меня!

Ответа не последовало. Издалека донесся звук клаксона. Да на молокозаводе на краю бедного района что–то громыхнуло так, что эхо разнеслось по всему городу.

В тумане слез она добралась до двери. Земля качалась и плыла у нес из–под ног; какое–то время она, прислонившись к двери, стояла с закрытыми глазами и старалась не упасть.

— Туини, — переводя дыхание, шептала она закрытой двери, — пусти меня, черт побери.

Сквозь свое страдание она расслышала обнадеживающий звук: внутри кто–то зашевелился. Мэри Энн уселась на какую–то кучу на верхней ступеньке, согнулась в три погибели и качалась так из стороны в сторону. Ее сумочка расстегнулась, и все, что было внутри, просачивалось промеж пальцев; монеты и карандаши выкаты-

вались наружу и падали в траву далеко внизу.

— Туини, — прошептала она, когда открылась дверь и темная, слегка отсвечивающая фигура негра показалась в проеме, — пожалуйста, помоги мне. Со мной такое произошло…

Раздраженно нахмурившись, он нагнулся и сгреб ее в охапку. Босой ногой — на нем были только штаны — захлопнул за ними дверь. С ней на руках он прошлепал по коридору; от его иссиня–черного лица пахло мылом для бритья, а подбородок и волосатая грудь были в каплях пены. Он держал ее без всяких церемоний. Она закрыла глаза и приникла к нему.

— Помоги мне, — повторила она, — я бросила работу; у меня больше нет работы. Я встретила одного отвратительного старика, и он такое со мной сделал. Теперь мне негде жить.

Глава 7

На углу Пайн–стрит и Санта–Клара–стрит располагался шикарный шляпный магазин. За ним шел магазин чемоданов Двелли, а после — «Музыкальный уголок», новый магазин грампластинок, открытый Джозефом Шиллингом в начале августа 1953 года.

Туда, в «Музыкальный уголок», и направлялась пара. Магазин уже два месяца как открылся — была середина октября. В витрине была выставлена фотография Вальтера Гизекинга[102] и две долгоиграющие пластинки, наполовину вынутые из ярких обложек. Внутри магазина виднелись посетители: одни стояли у прилавка, другие — в кабинках для прослушивания. Сквозь открытую дверь доносилась органная симфония Сен–Санса.

— Неплохо, — признал мужчина, — впрочем, бабки–то у него есть; так что ничего удивительного.

Это был хрупкий на вид мужчина за тридцать,

---

[102] Примечания: 102

Вальтер Гизекинг (1895–1956) — выдающийся немецкий пианист, педагог и композитор, известный своими блестящими интерпретациями Дебюсси и Равеля.

щегольски одетый, с блестящими черными волосами, воробьиной грудью и элегантной походкой. Взгляд у него был быстрый и живой, и пальцы его бегали по жакету дамы, когда он пропускал ее в магазин.

Женщина обернулась, чтобы прочесть вывеску. На прямоугольном щите из твердого дерева с выпиленными вручную узорами было написано краской:

МУЗЫКАЛЬНЫЙ УГОЛОК

Пайн–сгрит, 517. МАЗ—6041

Открыто с 9 до 17

Пластинки и звуковые системы на заказ

— Миленькая, — произнесла женщина, — вывеска, то есть.

Она была моложе своего спутника — увесистая, круглолицая блондинка в слаксах, с огромной кожаной сумкой на ремне через плечо.

За прилавком никого не было. Двое молодых людей изучали каталог пластинок и увлеченно полемизировали. Женщина не видела Джозефа Шиллинга, но каждая деталь интерьера напоминала ей о нем. Узор на застилающем весь пол ковровом покрытии был в его вкусе, и многие картины на стенах — репродукции современных художников — были ей знакомы. Вазочку с буке-

том диких калифорнийских ирисов, что стояла на прилавке, она сама вылепила и обожгла. Да и лежавшие за прилавком каталоги были обиты тканью, которую выбирала она.

Женщина села и принялась читать номер «Хай–фиделити», который нашла на столе. Мужчина не мог похвастаться подобной невозмутимостью — он стал расхаживать, рассматривать стеллажи с товаром, крутить вращающиеся круги с пластинками. Он вертел в руках картридж «Пикеринг»[103], когда знакомое шарканье привлекло его внимание. На лестнице, ведущей из подвального хранилища, со стопкой пластинок в руках появился Джозеф Шиллинг.

Бросив журнал, женщина подняла свое пышное тело, улыбнулась и двинулась навстречу Шиллингу. Мужчина пошел рядом.

— Привет, — пробормотал он.

Джозеф Шиллинг остановился. Очков на нем не было, и какое–то время он просто не мог разглядеть этих двоих. Он решил, что это клиенты; их одежда сообщала ему, что это люди достаточно зажиточные, вполне образованные и весьма эстетствующие. И тут он их узнал.

---

[103] Примечания: 103

«Пикеринг» (Pickering & Company) — известный производитель профессиональной аудиоаппаратуры.

— Да, — произнес он голосом нестройным и недобрым, — вот уже и очередь… Удивительно, как быстро.

— Вот, значит, как тут, — сказала женщина, оглядываясь по сторонам. С лица ее не сходила напряженная улыбка — застывший оскал крупных зубов в обрамлении полных губ. — Просто прелесть! Как я рада, что ты, наконец, добился своего.

Шиллинг положил пластинки. Он был холоден. Интересно, а где Макс? Макса они боятся. Может, сидит и строит башню из спичек в кабинке коктейль–бара на углу.

— Расположение неплохое, — сказал он вслух.

Ее голубые глаза заплясали.

— Ты же мечтал об этом все эти годы. Помнишь, — обратилась она к своему спутнику, — как он все твердил про свой магазин? Магазин грампластинок, который он собирался открыть когда–нибудь, когда будут деньги.

— Вот, решил не дожидаться, — сказал Шиллинг.

— Дожидаться?

— Денег, — прозвучало это неубедительно; в этих играх он был не силен. — Я банкрот. Большая часть товара на реализации. Весь мой капитал

пошел на ремонт.

— Ну, ты–то прорвешься, — сказала дама.

Из пиджачного кармана Шиллинг достал сигару. Прикуривая ее, он произнес:

— Сдается мне, что ты пополнела.

— Надо думать.

Женщина пыталась что–то вспомнить.

— Сколько уже лет прошло?

— Это было в сорок восьмом, — подсказал мужчина.

— Все мы не помолодели, — заявила дама.

Шиллинг удалился, чтобы обслужить покупателя — мужчину средних лет. Когда он вернулся, они были на прежнем месте. Не ушли. Впрочем, он не особенно на это рассчитывал.

— Ну что, Бет, — начал он, — что привело тебя сюда?

— Любопытство. Мы так давно тебя не видели… а когда прочитали в газете про твой магазин, то сказали: «Давай просто прыгнем в машину и доедем». Сказано — сделано.

— В какой газете?

— В «Сан–Франциско кроникл».

— Вы живете не в Сан–Франциско.

— Нам прислали вырезку, — туманно сказала она, — кое–кто знал, что нам будет интересно.

Он связался с этими людьми пять лет назад, и это, конечно, была ошибка. Он и руки бы им не подал, особенно теперь. Но они нашли его и его магазин: он попал как кур в ощип. И активы его были все на виду.

— Так вы из Вашингтона приехали? — спросил он. — От зимы бежите?

— Боже мой, — сказала Бет, — да мы уж много лет как не живем в Вашингтоне. Мы жили в Детройте, а потом переехали в Лос–Анджелес.

За мной двинули, подумал Шиллинг. Шли на запад, вынюхивая следы.

— Мы заезжали по дороге повидаться с тобой, когда ты жил в Солт–Лейк–Сити. Но у тебя была какая–то деловая встреча, а у нас не было времен и ждать.

— У тебя там было отличное местечко, — произнес мужчина, которого звали Кумбс. — Твое собственное?

— Частично.

— Но ведь это был не магазин, так? Такое здоровенное кирпичное здание? Больше похоже на склад.

— Оптовая торговля, — сказал Шиллинг. — Мы обслуживали несколько студий.

— И ты копил, чтобы открыть этот магазин? —

недоверчиво уточнил Кумбс. — Там тебе было бы получше — какой уж бизнес в таком городишке.

— Вы, наверное, не видели утку, — сказал Шиллинг, — утку в парке. Она, конечно, пластинок не покупает, зато за ней занятно наблюдать. Вы–то чем теперь живете? Я имею в виду — зарабатываете.

— Да по–разному, — сказала Бет. — Я какое–то время преподавала — еще в Детройте.

— Фортепьяно?

— Ну конечно. На виолончели я уже много лет не играю. Перестала, когда познакомилась с тобой.

— Да, так и есть, — согласился Шиллинг, — в твоей квартире стоял инструмент, но ты к нему не прикасалась.

— Порвались две струны. К тому же я потеряла смычок.

— Кажется, был такой старый анекдот про виолончелисток, — сказал Шиллинг, — насчет их психологических мотивов.

— Да, — согласилась Бет, — жуткий анекдот, но мне он всегда казался смешным.

Шиллинг немного размяк, вспоминая:

— Психоанализ по Фрейду… в то время все им увлекались. А теперь он уже вышел из моды. Так

о чем это я?

— О виолончелистках. Они, мол, подсознательно стремятся к тому, чтобы вставить себе между ног что–то большое, — засмеялась Бет. — Ты был очарователен. Нет, правда.

Сложно было представить, что когда–то он возжелал эту пышную даму, увез ее на выходные, добрался до ее удивительно ненасытного чрева, после чего более или менее невредимой вернул ее мужу. Только тогда она не была такой пышной; она была маленькой. Бет Кумбс была по–прежнему привлекательна — такая же гладкая кожа и, как всегда, ясные глаза. То был короткий, но пылкий роман, и он получил огромное удовольствие. Если бы только не последствия.

— Какие планы? — спросил он, обращаясь к обоим. — Прогуляетесь по городу?

Бет кивнула, а Кумбс сделал вид, что не слышал.

— Будет тебе, Кумбс, — не сдавался Шиллинг. — Давай начистоту. Ты ведь у нас божья птичка, которая не сеет и не жнет, верно?

Кумбс так и не расслышал, зато Бет весело рассмеялась:

— Как я рада снова слышать тебя, Джо. Я скучала по твоим шуточкам.

Поверженный, Шиллинг наконец сдался.

— Чего вам — кипу пластинок? Или кассовый аппарат? — Он сопроводил эго смиренным жестом, — берите, пожалуйста. — Хотите алмазные иголки из картриджей? Они по десять баксов за штуку идут.

— Очень смешно, — сказал Кумбс, — но мы здесь по вполне легальному делу.

— Ты по–прежнему занимаешься фотографией?

— То так, то эдак.

— Ты ж не людей сюда фотографировать приехал.

Выдержав паузу, Бет произнесла:

— Главным образом мы рассчитываем на уроки музыки.

— Ты хочешь здесь давать уроки?

— Мы подумали, — сказала Бет, — что ты мог бы нам помочь. Ты довольно неплохо устроился. У тебя магазин; наверняка уже и знакомства завелись среди людей, которые интересуются музыкой. Ты же нотами собираешься торговать?

— Нет, — сказал Шиллинг, — и работы для вас у меня тоже нет. Валять дурака я тут не имею права; у меня весьма ограниченный бюджет и более чем достаточно расходов.

— Ты можешь нас порекомендовать, — возбужденно затараторил Кумбс, — это тебе ничего не будет стоить. Приходят старушки, спрашивают учителя фортепьяно. А под Рождество что ты собираешься делать? Ты не справишься тут один; тебе понадобится помощь.

— Ты, конечно же, кого–нибудь наймешь, — настаивала Бет, — странно, что ты еще не сделал этого.

— Я не большой мастер нанимать.

— Думаешь, сможешь обойтись без помощников?

— Я же говорю — у меня не так много покупателей. И денег тоже, — Шиллинг неотрывно смотрел на ящики с пластинками, стоящие между витринами. — Я повешу возле кассы карточку с вашим именем и адресом. Если кому–то понадобится учитель фортепьяно — направлю к вам. Это все, что я могу для вас сделать.

— А тебе не кажется, что ты задолжал нам кое–что?

— Что же это, господи?

— Что бы ты ни делал, — торопливо, спотыкаясь на словах, заговорил Кумбс, — тебе никогда не искупить зла, которое ты причинил нам. Ты должен встать на колени и молить Господа о

прощении.

— Ты имеешь в виду, — сказал Шиллинг, — что, раз я не заплатил ей тогда, я должен заплатить ей теперь?

Секунду Кумбс стоял столбом и только моргал глазами, а потом расплавился, превратившись в лужу бешенства.

— Да я в порошок тебя сотру, — сказал он, скрипя зубами, — ты…

— Пойдем, — позвала Бет и пошла к двери. — Пойдем, Дэнни.

— Мне тут недавно рассказали байку, — продолжал Шиллинг, обращаясь к Дэнни Кумбсу, — как раз по твоей части. В женском душе установили одностороннее зеркало — такое большое, знаешь, в полный рост. Может, ты растолкуешь мне, как это работает? С внутренней стороны отражает, а с внешней — просто окно.

Бет побледнела, но, держа себя в руках, произнесла:

— Удачи тебе с магазином. Может, еще встретимся.

— Вот и славно, — сказал он и, машинально схватив кипу пластинок, принялся их расставлять.

— Не вижу причин для ссоры, — продолжала

Бет, — не понимаю, почему мы с Дэнни не можем сюда переехать; в Лос–Анджелесе с работой не срослось, вот мы и двинулись вверх по побережью.

— В тот же самый город, — сказал Шиллинг, — не прошло и двух месяцев.

— Здесь настоящий музыкальный бум. Ты подготовил нам почву.

— Для своей могилы или для вашей? Или нашей общей?

— Не будь таким мерзким, — попросила Бет.

— Я не мерзкий, — ответил Шиллинг.

Что ж, это было наказание за потерю — на день или два — здравого смысла. За слабость, из–за которой он затащил в постель чужую жену, и неосмотрительность, из–за которой ее муж узнал о случившемся.

— Я просто ностальгирую, — сказал он, возвращаясь к своим пластинкам.

Глава 8

Осенью 1953 года Мэри Энн Рейнольдс жила в небольшой квартирке с девушкой по имени Филлис Сквайр. Филлис работала официанткой в столовой «Золотой штат», что располагалась рядом с «Ленивым корольком», и Карлтон Туини выбрал ее самолично. Таким образом он, по его мнению, разрешил все затруднения Мэри Энн. Больше их практически ничего не связывало. Ведь Мэри Энн была не более чем эпизодом на его богатом встречами пути; туда, сюда, обратно, он шел не останавливаясь и мимо нее.

В телефонной компании, где она нашла место, работать приходилось по скользящему графику. Она добралась до дома в пол первого ночи, поела и переоделась. Пока она переодевалась, ее соседка, лежа в кровати, читала вслух проповеди Фултона Шина[104].

— В чем дело? — спросила Филлис с набитым яблоком ртом. Из ее белого эмалированного

---

[104] Примечания: 104

Фултон Шин (1895–1979) — американский католический писатель и проповедник, автор около 60 книг о вере и нравственности, архиепископ.

радиоприемника в углу раздавалось мамбо в исполнении Переса Прадо[105]. — Ты совсем не слушаешь.

Не обращая на нее внимания, Мэри Энн проскользнула в свою красную юбку–брюки, заправила блузку и пошла к двери.

— Смотри не ослепни, — бросила она через плечо и закрыла за собой дверь.

Шум и движение выплеснулись на темную улицу, когда она зашла в «Королек». Столики были переполнены; за баром, тесно прижавшись друг к другу, сидела шеренга мужчин… но Туини на сцене не было. Она сразу это поняла. Эстрада посреди зала была пуста, и нигде не было видно ни его, ни даже Пола Нитца.

— Эй, — кликнул Тафт Итон из–за барной стойки, — убирайся–ка отсюда, я тебя обслуживать не буду.

Обогнув его, Мэри Энн стала вкручиваться между столиками в поисках места.

— Я не шучу. Ты несовершеннолетняя — тебе запрещено здесь находиться. Ты что, хочешь, чтоб я лицензии лишился?

Голос его стих, когда она подошла к эстраде. За

---

[105] Примечания: 105

Перес Прадо (1916–1989) — популярный кубинский музыкант, «кораль мамбо».

столом, ссутулившись, сидел и беседовал с парой посетителей Пол Нитц. Он, очевидно, оставил инструмент, чтобы поболтать с ними. Оседлав стул и положив костлявый подбородок на руки, он ораторствовал: «…нужно все–таки различать фольклор и а–ля фольклор. Как джаз и так называемую музыку в стиле джаз».

Слушатели бросили на нее взгляд, когда она, подтянув стул, села рядом. Нитц уже достаточно высказался, чтобы прерваться и поприветствовать ее.

— Как дела?

— Нормально, а где Туини?

— Только что выступал, сейчас вернется.

Она почувствовала нарастающую волну напряжения.

— Он в подсобке?

— Может, и там, но тебе туда нельзя. Итон вытянет тебя оттуда за ухо.

Возле стола материализовался по–прежнему пышущий гневом Тафт Итон.

— Черт побери, Мэри, я не должен тебя обслуживать. Если нагрянут копы и найдут тебя, «Королек» закроют.

— Скажешь, что я зашла в сортир, — пробурчала она и стала высвобождаться из плаща, делая

вид, что не замечает его.

Итон бросил сердитый взгляд на Нитца, который был занят тем, что выдирал из рукава хвостик от нитки.

— Не вздумай ей ничего покупать. Вы с Карлтоном — пособники в развращении малолетних. В тюрьму вас надо.

Прихватив ее за шиворот, он прошептал ей на ухо: «Ты должна держаться своей расы. Своей крови».

И ушел, оставив Мэри Энн массировать себе шею.

— Чтоб ты сдох, — пробормотала она.

Шея ныла, и она чувствовала себя униженной. Но потом боль постепенно отступила, и необходимость видеть Туини, как обычно, превозмогла все остальные чувства.

— Пойду посмотрю, где он там.

— Он скоро выйдет, — уверил ее Нитц, — сиди спокойно… Куда ты вечно спешишь? Расслабься.

— У меня еще дела. А где он был вчера вечером?

— Здесь.

— Да не здесь. Я имею в виду — после. Я заходила к нему в половине третьего, дома его не было. Он где–то шлялся.

— Может, и так, — с этими словами Нитц снова развернул свой стул к внимающей парочке. — Вы на это вот с какой стороны взгляните, — обратился он к пухлой, довольно симпатичной блондинке, — как, по–вашему, Стивен Фостер[106] играл фолк?

Блондинка на удивление долго думала, прежде чем ответить:

— Пожалуй, нет. Но он использовал народные мотивы.

— Вот и я о том же. Фолк — это не то, что ты играешь; это то, как ты это делаешь. Невозможно просто сесть да написать народную песню, как невозможно спеть народную песню, выступая при фраке и белой «бабочке» в каком–нибудь дорогущем баре.

— Что же, тогда фолк не поет вообще никто?

— Сейчас — нет. Раньше было дело. И пели, и сочиняли новые куплеты, и постоянно находили новый материал.

Она уяснила для себя суть их разговора. Речь шла о Туини, и они на него нападали.

— А вам не кажется, что он великий испол-

---

[106] Примечания: 106

Стивен Фостер (1826–1824) — композитор, поэт и певец, «отец американской музыки». Писал лирические песни, некоторые из них были настолько популярны, что стали считаться народными.

нитель фолк–музыки? — строго спросила она блондинку. В ее мире преданность была несущей опорой. Ей была непонятна эта завуалированная дружеская подстава, и она считала своим долгом вступиться за него. — Чем он вам не угодил?

— Я его так и не слышала. Мы все еще ждем.

— Я говорю не о Туини, — сказал Нитц, очевидно, осознав свой этический промах, — то есть не только о нем. Я говорю о фолк–музыке в целом.

— Но этот Туини — он же фолк–певец, — сказала блондинка. — Куда же его определить?

Сконфуженный Нитц сделал глоток из своего бокала.

— Сложно сказать. Я всего лишь пианист для антракта… простой смертный.

— Но вам его музыка не слишком–то нравится, — понимающе подмигнув, произнес спутник блондинки.

— Я играю би–боп, — Нитц покраснел и отвел глаза от осуждающего взгляда Мэри Энн, — для меня фольклор, тот же дикси — дохлый номер. Эта музыка никак не развивается со времен Джеймса Меррита Айвза[107]. Назовите мне хоть одну фолк–песню, ставшую популярной с тех пор.

---

[107] Примечания: 107

Джеймс Меррит Айвз (1824?1895) — американский литограф.

Теперь она рассердилась не на шутку. Она вся ощетинилась желанием защитить Туини, чтобы никто не смел посягать на его величие.

— А как же «Ol' Man River»[108]? — спросила она.

Туини исполнял эту песню не меньше раза за вечер, и она была одной из ее любимых.

Но Нитц только ухмыльнулся:

— Понимаете, о чем я? «Ol' Man River» написал Джером Керн[109].

Он прервался на полуслове, потому что в эту секунду послышались аплодисменты и на эстраде появился Карлтон Туини. Мэри Энн мгновенно позабыла про Нитца, блондинку и все остальное. Разговор повис в вакууме.

— Простите, — пробормотал Нитц. Он стал пробираться к своему фортепьяно; просто карлик, подумала она, по сравнению с громадой Туини.

— Моя первая песня, — мягко, нараспев громыхнул Туини, — рассказывает о горестях и ужасах,

---

[108] Примечания: 108

«Старая река» *(англ.).*

[109] Примечания: 109

«Ol' Man River» написал Джером Керн. — Джером Дэвид Керн (1885–1945) — американский композитор, автор более 700 песен и ряда популярных оперетт. Песню «Ol' Man River», ставшую большим хитом в исполнении Поля Робсона, написал на стихи Оскара Хаммерстайна для мюзикла «Show Boat» («Плавучий театр», 1927).

которые пережил негритянский народ во времена рабства. Возможно, вы ее уже слышали, — он выдержал паузу, — «Strange Fruit»[110].

Когда Нитц взял первые аккорды, по залу прокатилась волна возбуждения. И вот, сложив руки, опустив голову, наморщив раздумьем лоб, Туини начал. Он не закричал, голос его не зазвучал громче, он не взревел, не зарычал, не стал потрясать кулаками. Он задумчиво и глубоко прочувствованно говорил, словно обращаясь прямо к каждому из окруживших его людей; то было не концертное выступление, а личное общение высокой пробы.

Когда он закончил рассказывать им историю жизни на Юге, наступила тишина. Никто не хлопал; слушатели, теснившиеся у сцены, застыли в благоговейном ожидании, пока Туини обдумывал свой следующий выход.

— Мой народ, — начал он, — жестоко страдал от рабства и невзгод. Ему выпал несчастливый жребий. Но о своих лишениях негр слагает песни. И эта песня идет из самого сердца негритянского народа. В ней выражены его глубочайшие страдания, но в то же время и присущее ему чувство

---

[110] Примечания: 110
«Странный фрукт» *(англ.)*.

юмора. Потому что негр от природы счастлив. Для жизни ему нужно только самое простое. Вдоволь еды, место для ночлега, а главное — женщина.

Сказав это, Карлтон Туини запел: «Got Grasshoppers in My Pillow, Baby, Got Crickets All in My Meal…»[111]

Мэри Энн напряженно слушала, ловила каждое слово, не сводя глаз с того, кто находился от нее в паре метров. В последние месяцы она не была близка с Туини; она и видела–то его в основном здесь, в клубе. Она гадала, не для нее ли он поет; в словах песни она пыталась отыскать какие–то намеки на себя и на все, что между ними было. Но Туини, погруженный в себя, пел, как будто даже не замечая ее присутствия.

Сидевшая рядом с ней блондинка тоже слушала. Ее спутник не проявлял к происходящему ни малейшего интереса; он в задумчивости мял и катал кусочек воска, накапавший со свечи.

— И последней, — объявил Туини, закончив петь, — я исполню композицию, которая дорога сердцу каждого американца, будь то белый или неф. Она объединяет нас всех, потому что каждый из нас вспоминает ее в приближении дня, когда

---

[111] Примечания: 111

«Кузнечики в моей подушке, детка, в тарелке у меня сверчки» *(англ.).*

мы празднуем рождение Умершего за наши грехи — грехи людей всех рас и всех цветов кожи.

Полуприкрыв глаза, Туини запел «Белое Рождество».

Пол Нитц старательно выжимал нужные аккорды. Мэри Энн слушала, как он выколачивает из пианино мелодию, и силилась понять, что сейчас на душе у этих двух мужчин. Сгорбившемуся над клавиатурой Нитцу, казалось, едва ли не скучно — словно метлой метет, подумала она. Ее возмутило такое пренебрежение искусством. Неужели ему на все наплевать? Он как будто на сборочном конвейере… она злилась на него за то, что он предал Туини. Он вел себя просто оскорбительно; мог бы проявить хоть немного чувства. А Туини — о чем тот думал и думал ли вообще?

Ей показалось, что по лицу Туини пробежала почти циничная улыбочка; пустота, которая, возможно, была приглушеннейшей формой презрения. Но кому адресовалось это презрение? Песне? Но он сам ее выбрал. Людям, которые его слушали? По мере того как он пел, отстраненность уступала место страсти. В его голосе начинала пробиваться возвышенная сила, почти величие, и оно росло, пока не стало очевидно, что весь он вибрирует, трепещет от боли. В его

искренности сомневаться не приходилось: Туини обожал эту песню. Она глубоко волновала его, и он заражал своим волнением аудиторию.

Когда он закончил, снова наступила тишина, после чего зал взорвался бешеными аплодисментами. Туини стоял — потрясенный, весь во власти своих чувств. Затем отчаяние постепенно отпустило его, уступив место обычному, слегка циничному равнодушию. Туини пожал плечами, поправил дорогой галстук ручной росписи и сошел с эстрады.

— Туини! — пронзительно окликнула его Мэри Энн, вскочив на ноги. — Где ты был прошлой ночью? Я заходила, тебя не было.

Слегка подернув бровями — две ухоженные черные полоски, — Туини принял к сведению факт ее существования. Он подошел к столику и встал, опираясь на стул, который освободил Нитц.

— Присядьте с нами, — предложила блондинка.

— Спасибо, — ответил Туини. Он развернул стул и уселся. — Устал.

— Ты нехорошо себя чувствуешь? — озабоченно спросила Мэри Энн; выглядел он действительно вялым.

— Не слишком хорошо.

Упав на стул рядом, Нитц произнес:

— Это «Белое Рождество» я ненавижу пуще всех из нашего репертуара. Пристрелить бы того умника, который его написал.

Туини сразу сник.

— Да? — пробормотал он. — Ты серьезно?

Потягивая из бокала, Нитц продолжал:

— Что ты знаешь о страданиях негритянского народа? Ты родился в Окленде, в Калифорнии.

К неудовольствию Мэри Энн, блондинка потянулась к Туини и спросила, обращаясь к нему:

— Эта песня про кузнечиков… это же еще Лидбелли пел, правда?

Туини закивал:

— Да, Лидбелли исполнял ее, пока был жив.

— А он ее записал?

— Да, — рассеянно отвечал Туини, — но сейчас эту запись не найти. Это более–менее коллекционная пластинка.

— Может, у Джо найдется, — сказала блондинка своему спутнику.

— Спроси его, — ответил спутник без особого воодушевления, — ты ж там почти своя.

Спор вокруг фолк–музыки возобновился, и Мэри Энн удалось перетянуть внимание Туини

на себя.

— Ты так и не сказал, где был прошлой ночью, — обвиняющим тоном заявила она.

На лице Туини заиграла хитрая улыбочка, а его глаза, как обычно, подернулись тускло–серой пленкой безразличия.

— Я был занят. У меня что–то много дел последние несколько недель.

— Ты хочешь сказать, несколько месяцев.

В одно ухо слушая, как Нитц с блондинкой болтают теперь о Блайнде Лемоне Джефферсоне[112], Туини спросил:

— Ну как «Пасифик Тел энд Тел»?

— Паршиво.

— Печально слышать.

— Я собираюсь валить оттуда, — четким голосом проинформировала его Мэри Энн.

— Как — уже?

— Нет. Подожду, пока найдется что–нибудь. Я уже обжигалась.

— Хочешь вернуться в эту мебельную контору? Попроси их — они возьмут тебя обратно.

— Не подкалывай. Я и на спор туда не вернусь.

— Решай сама, — пожал плечами Туини, — твоя

---

[112] Примечания: 112

Блайнд Лемон Джефферсон (1897–1930) — один из наиболее влиятельных кантри–блюзменов первой трети XX в.

жизнь.

— Почему ты вышвырнул меня, когда я к тебе пришла?

— Я тебя не вышвыривал. Не припомню такого.

— Ты не позволил мне перевезти вещи. Ты заставил меня поселиться на другой квартире, а через неделю перестал оставлять меня на ночь. Мне приходилось вставать и уходить — вот что я имею в виду, когда говорю, что ты меня вышвырнул.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Ты в своем уме? Ты прекрасно знаешь, в чем дело. Ты несовершеннолетняя. Это уголовное преступление.

— В таком случае заниматься этим посреди бела дня не менее преступно, чем в три часа ночи.

— Я думал, ты все понимаешь.

— Заниматься этим…

— Не шуми, — предостерег Туини, бросив взгляд на Нитца и парочку. Теперь они завели дискуссию о современных атональных экспериментах. — Это ж было так — от случая к случаю. И свечку никто не держал.

— От случая к случаю? Временно?

Она рассвирепела, и по–настоящему. Потому

что она–то помнила то, о чем ему удобней было забыть: и тот день, когда он взял ее в дом, и то, как их шатало по захламленным комнатам; как они, словно пара животных, возлегли посреди завалов в этой крысиной норе. Как раскаленное солнце поджаривало мух, ползавших по оконным рамам… и как они лежали, липкие от пота, ничем не покрытые, распростершись на кровати под этим палящим, слепящим светом, до праздного и беспечного оцепенения.

Там, в квартире на последнем этаже, они ели свой завтрак, вместе залезали в старую ванну, готовили и гладили, бродили голыми по комнате, играли на маленьком пианино, а по вечерам слушали радио и глядели на красный огонек настройки, устроившись вдвоем на диване — на продавленном, пыльном диване.

Хотя в этом деле, если верить Туини, она была не сильна. Она научилась — ее научили — перемещать центр тяжести с копчика на лопатки, чтобы повыше поднимать бедра. Но при этом она чувствовала исключительно напряжение мускулов; все эти опыты не приносили ей ничего, и дать в ответ тоже было нечего.

Все это очень напоминало то, как доктор однажды засунул ей в нос металлический зонд, чтоб

удалить полип. То же давление, то же ощущение слишком большого предмета, который проталкивается внутрь; потом боль и немного крови… и кузнечики, стрекочущие в траве во дворе под окном.

Туини сказал, что проку от нее никакого: маленькая, костлявая и фригидная. У Гордона, понятно, своего мнения не было; некая вогнутость, лунка — это было все, чего он мог ожидать, это он и получил: не больше и не меньше.

— Туини, — сказала Мэри Энн, — нельзя притворяться, что между нами ничего…

— Не расстраивайся, — вкрадчиво произнес Туини, — а то пойдешь прыщами.

Мэри Энн наклонилась к нему, почти касаясь его лица своим маленьким аккуратным личиком.

— Чем ты занимался последние два месяца?

— Решительно ничем, кроме искусства.

— Ты живешь у кого–то. Дома не бываешь; однажды я прождала всю ночь, а тебя не было. Ты не пришел домой.

Туини пожал плечами:

— Я был в гостях.

Спор, происходивший рядом с ними, накалялся.

— Ничего об этом не слышал, — утверждал Нитц.

— Быть не может, — отвечала блондинка, — у вас что — радио нет? Каждый четверг Джо ведет передачу об этом на станции «Хорошая музыка из Сан–Матео». Послушайте. Он дает подробный разбор всего материала; он большой энтузиаст.

— Я пытался слушать эту музыку, — сказал Нитц, — но это не по мне. Вчерашний день.

Сохраняя молчание, Мэри Энн погрузилась в свои мысли; этот разговор ничего для нее не значил.

— Вовсе не вчерашний. Она и сейчас продолжает развиваться. Это тот же материал, что и у вас, только они иначе это называют. Мийо[113] в Окленде, или вот Роджер Сешонз в Беркли — поезжайте, послушайте его. Сид Хезель в Пало–Альто; он вообще один из лучших. Джо его знает… они старые друзья.

— А я думал, что, кроме Моцарта, ничего и нет, — сказал Нитц.

Блондинка продолжала:

— По воскресеньям, когда магазин закрыт, Джо устраивает что–то вроде концертов. Вам не поме-

---

[113] Примечания: 113

Мийо , Дариюс (1892–1974) — французский композитор, чье творчество отмечено влиянием джаза, фольклора и политональности.

шало бы сходить.

— Вы хотите сказать, что туда кто–то ходит?

— Да, приходит человек пятнадцать. Он ставит пластинки — и атональную, и раннее барокко, что пожелают.

Блеснув голубыми глазами, она посмотрела на Туини.

— Я вас там видела, вы приходили однажды.

— Было дело, — признался Туини, — в антракте вы вынесли нам поднос с кофе.

— Вам понравилось?

— И даже очень. Это потрясающий магазин.

— О чем речь? — резко встряла Мэри Энн.

Она уже проснулась: разговор перестал быть абстрактным. Теперь он касался чего–то реального, и она начала прислушиваться.

— Новый магазин пластинок, — пояснил Туини.

Мэри Энн повернулась к блондинке лицом.

— Вы знаете этого человека? — спросила она, в спешке припоминая и магазин пластинок, и смутные очертания мужчины в жилете, твидовом костюме и с золотыми часами.

— Джо? — улыбнулась блондинка. — Ну конечно. Мы с ним старые друзья.

— Где вы познакомились? — Ее охватил стран-

ный ужас, как будто ей рассказали о каком–то жутком преступлении.

— В Вашингтоне.

— Так вы не здешние?

— Ну да, — ответила блондинка.

— И ему правда можно доверять? — Ей снова стало больно. Но теперь, спустя четыре месяца, боль уже не была такой острой. За это время рана немного затянулась и перестала кровоточить.

— Джо всю жизнь проработал в музыкальной индустрии, — сказала блондинка. — Его тетя в Денвере продавала арфы еще во время испано-американской войны. В двадцатые годы, когда вы еще не родились, Джо работал в «Сенчури–мьюзик» в Нью–Йорке.

— Не нравится мне там, — задумчиво произнесла Мэри Энн.

— Это почему?

— Мурашки по телу, — и, не желая продолжать, Мэри Энн спросила Туини: — Когда ты уходишь? Будешь давать еще одно отделение?

Туини задумался.

— Я, пожалуй, пойду лягу. Нет, второго отделения не будет. На сегодня я уже достаточно поработал.

Блондинка по–прежнему с интересом изучала

Мэри Энн.

— Что вы имеете в виду? Чем вам не угодил магазин Джо?

Делая над собой усилие, Мэри Энн ответила:

— Дело не в магазине.

И это была чистая правда. Магазин ей очень понравился.

— Что–то случилось?

— Нет, ничего. — Она раздраженно замотала головой. — Забудьте, прошу вас.

Тут страх подступил снова, и она спросила у Туини:

— Ты правда туда ходишь?

— Конечно, — ответил Туини.

В это было сложно поверить.

— Но ведь это тот, о ком я тебе рассказывала.

Туини нечего была сказать.

— Ты… он тебе нравится? — спросила Мэри Энн.

— Он джентльмен, — убежденно сказал Туини. — У нас был интереснейший разговор о Баскоме Ламаре Лансфорде[114]. Он поставил мне его древнюю пластинку, записанную году в двадцать седьмом. Из своей личной коллекции.

---

[114] Примечания: 114

Баском Ламар Лансфорд (1882–1973) — американский певец, исполнитель народной музыки.

Сбитая с толку двумя настолько разными образами, Мэри Энн сказала:

— Ты никогда не говорил, что туда ходишь.

— Зачем? Какой смысл? — Туини демонстрировал полное равнодушие. — Куда хочу, туда и хожу.

Пол Нитц больше не мог молчать.

— Как думаете, он мог бы дать мне пару наводок?

— Джо работал со многими молодыми музыкантами, — заявила блондинка. — В свое время он и мне очень помог — издал несколько моих вещей. Сейчас он тоже продвигает одного парня из Сан–Франциско; он нашел его в кабаке на Норт–Бич, а теперь записывает его песни и добивается, чтобы напечатали его альбом.

— Чад Лемминг, — сказал ее спутник.

— А в каком стиле он работает? — спросил Туини, проявляя профессиональный интерес.

— Политические монологи под гитару, — сказала блондинка. — Что–то вроде рифмованных репортажей о текущих событиях. Цензура и промывание мозгов, сенатор Маккарти и все такое. Вы хотели бы его послушать?

— Возможно, — согласился Туини.

Блондинка быстро вскочила на ноги.

— Тогда — идем.

— Куда?

— Он сейчас у нас дома — он остановился у нас, а потом уедет обратно на полуостров. Он здесь всего на несколько дней.

Мэри Энн с тревогой ожидала ответа Карлтона Туини. Она понимала, что происходит, но ничего не могла поделать. И тут ей пришел на помощь Нитц.

— Старина, у тебя же еще одно отделение, — мягко, прикрыв глаза, проговорил он.

— Я устал, — ответил Туини. — Пропущу сегодня.

— Так нельзя.

Туини стал надменен; ясно было, что он не сдастся.

— Я не могу выступать с полной самоотдачей, когда я устал.

— Тогда вперед, — торопила блондинка.

В это время, как будто повинуясь какой–то неведомой силе, к столу подошел Тафт Итон; прицепившаяся к нему тряпка оставляла на полу влажный пузырчатый след.

— Еще одно отделение, Туини. Ты никуда не уйдешь.

— Ну конечно, — согласился Туини.

Ухмыляясь, Нитц подмигнул Мэри Энн и произнес:

— Вот непруха. А Леммингу вашему передайте, что можно и народных песен в репертуар подбавить.

С присущей ему степенной основательностью Туини отвернулся от блондинки. Она по–прежнему стояла и улыбалась, готовая встать и уйти с ним вместе.

— Может быть, — произнес Туини тоном, который был так хорошо знаком Мэри Энн, — вы приведете его ко мне? Я буду дома сразу, как закончу второе отделение.

— Договорились, — и она слегка колыхнула бедрами — весьма заметный победоносный вал. Затем пихнула своего по–прежнему сидящего спутника: — Пойдем.

— Мой адрес… — церемонно начал Туини, но Нитц его перебил.

— Я их провожу, — сказал он и заговорщицки пнул Мэри Энн под столом. — Я схожу с вами; хочу взглянуть, что это за птица.

— Будем счастливы вас видеть, — ответила блондинка.

— Секундочку, — начал Тафт Итон. — Пол, довольно странно слышать, что ты собираешься

уходить.

— Я ему аккомпанировать не нанимался, — отрезал Нитц. — Я играю между выступлениями. Пусть споет какой–нибудь стомп[115] или песню каторжников.

— А можно мне с вами? — в горестном порыве попросила Мэри Энн. Она не хотела оставаться за кадром; она была не в силах помешать сближению Туини с блондинкой, но, по крайней мере, могла при этом присутствовать.

— И моя девочка, — заявил Нитц, поднимаясь, — я ее тут не оставлю.

— Приводите и ее. — Блондинка уже двигалась к входной двери.

— Вот и вечеринка, — пробурчал ее спутник, поглядывая на Нитца с Мэри Энн. — Может, еще каких друзей захватите?

— Не груби, — сказала блондинка, притормозив рядом с Туини. — Меня зовут Бет, а это мой муж Дэнни. Дэнни Кумбс.

— Очень приятно, — сказал Туини.

— Ты не можешь уйти, — упрямо твердил Тафт Итон, — кто–то здесь должен хоть что–то делать.

— Я никуда не ухожу, — ответил Туини, — я же

---

[115] Примечания: 115

Стомп — род джазовой музыки с притопами и прихлопами.

ясно сказал. Вот спою второе отделение, тогда пойду.

Нитц положил руку на плечо Мэри Энн.

— Не вешай нос, — сказал он ей.

Мэри Энн, засунув руки в карманы, угрюмо плелась за Кумбсами.

— Не хочется идти, а надо.

— Все перемелется, — сказал Нитц.

Он открыл перед Мэри Энн обитую красной кожей дверь, и она ступила на тротуар. Кумбсы уже усаживались в припаркованный «Форд».

— Мы этому парню устроим веселую жизнь.

Он забрался на заднее сиденье и помог сесть Мэри Энн. Приобняв ее в утешение, он полез под пиджак и достал стакан с выпивкой.

— Готовы? — весело спросила Бет через плечо.

— Полный вперед, — сказал Нитц, откинулся назад и зевнул.

Глава 9

Когда они прибыли к Кумбсам, никакого Чада Лемминга в квартире не обнаружилось.

— Он в ванной, — сказала Бет, — моется.

Из ванной и правда доносился шум воды.

— Через пару минут выйдет.

Квартира состояла из громадной комнаты с роялем, двух крошечных спален и кухни величиной с горошину. Ванная, где засел Лемминг, располагалась через коридор; ею пользовались не только Кумбсы, но и семья этажом ниже. Стены были испещрены репродукциями — в основном Эль Греко и Гогена. Весь пол, кроме дальних углов, был покрыт серо–зеленой плетеной циновкой. Занавески были холщовые.

— Вы актриса? — спросила Мэри Энн у Бет.

— Нет. Раньше была.

— А почему бросили?

Бросив взгляд на Кумбса, Бет проследовала на кухню и занялась напитками.

— Переключилась на музыку, — ответила она. — Что вы будете пить?

— Бурбон с водой, — отозвался Нитц, шатавшийся по комнате, — если есть, конечно.

— А вы? — спросила она Мэри Энн.

— Да что угодно.

Она вынесла четыре бурбона с водой, и каждый из них по–своему неловко взял свой стакан. Бет сбросила жакет, обнаружив зрелую раздавшуюся фигуру. Она осталась в футболке и слаксах. Глядя на нее, Мэри Энн задумалась о собственном маленьком бюсте. Ей стало интересно, сколько Бет лет.

— Сколько вам лет? — спросила она.

Голубые глаза Бет расширились от смущения.

— Мне? Двадцать девять.

Мэри Энн была удовлетворена и закрыла тему.

— А это ваш рояль?

Она подошла к инструменту и наугад нажала несколько клавиш. К роялю она прикасалась впервые; его величественная чернота наводила на нее страх.

— А сколько они стоят?

— Ну, за «Безендорфер»[116], — сказала Бет (все это ее слегка забавляло), — можно отдать до восьми тысяч долларов.

Мэри Энн не знала, что такое «Безендорфер», но

---

[116] Примечания: 116

«Безендорфер» (L. Bosendorfer Klavierfabrik GmbH) — австрийская фирма, производящая фортепиано, которые считаются одними из лучших в своем классе.

ничего не сказала. Кивнув, она подошла к одной из репродукций и принялась внимательно ее изучать. Внезапно в коридоре послышалось движение — Чад Лемминг возвращался из ванной.

Лемминг — стройный молодой человек в развевающемся хлопковом халате — пронесся через гостиную и исчез в спальне.

— Я сейчас выйду, — выпалил он, — секунду.

По голосу Мэри Энн приняла его за голубого. Она вернулась к изучению репродукции.

— Послушай, Мэри, — сказал Нитц, подойдя поближе. Бет и Дэнни Кумбс последовали за Леммингом в спальню, на ходу говоря ему, что петь. — Хорош гвозди в себя заколачивать. Не стоит того.

Сперва она даже не поняла, о чем он.

— Карлтон Туини, — продолжил он, — самодовольный позер. Ты же была у него дома, ты видела и кувшины масла для волос, и шелковые рубашки. И его галстуки. Ах, эти галстуки.

Очень тихо Мэри Энн произнесла:

— Ты завидуешь ему, потому что он большой человек, а ты — букашка.

— Я не букашка, и я говорю тебе правду. Он глуп, он сноб, он — фальшивка.

Мэри Энн оторопела.

— Ты его не понимаешь.

— Почему? Потому что я с ним не спал? Все остальное у нас было; я разглядел его душу.

— Как?

— Аккомпанируя ему в «Many Brave Hearts»[117], вот как.

Поколебавшись, Мэри Энн произнесла:

— Он великий певец. Нет, ты ведь так не думаешь. — Она покачала головой. — Давай не будем об этом.

— Мэри Энн, — сказал Нитц, — ты чертовски хороший человек, ты хоть сама это понимаешь?

— Спасибо.

— Возьми своего парня, того салагу, что тебя возит. Дейв–как–там–его.

— Дейв Гордон.

— Перекрои его по правильным лекалам. Он и так, в сущности, неплох, просто не дорос еще.

— Он тупой.

— Ты всем этим ребятам дашь сто очков вперед… вот в чем беда. Ты для них слишком взрослая. А сама такая мелюзга, что даже жалко.

Она бросила на него недовольный взгляд:

— Оставь свое мнение при себе.

---

[117] Примечания: 117
Много храбрых сердец» *(англ.).*

— Тебе и слова не скажи. — Он взъерошил ей волосы, и она отпрыгнула. — Ты и для Туини слишком умная. Да мы все тебя не стоим. Интересно, кто ж тебя в итоге захомутает… наверное, не я. Куда уж мне. Закончится все каким–нибудь ослом; приткнешься к какому–нибудь громадине, эдакому буржуазно–респектабельному столпу, и будешь им восхищаться, верить в него. Почему бы тебе в саму себя не поверить?

— Отвянь, Пол, прошу тебя.

— Да ты хоть слушаешь, что я говорю?

— Я хорошо тебя слышу. Не кричи.

— Только ушами. Ты меня в упор не видишь, так ведь?

Нитц удрученно потер лоб.

— Забудь, Мэри. Я устал, раскис и несу какую–то околесицу.

Тут Бет подскочила к ним, вибрируя пышной грудью и возбужденно сверкая глазами:

— Чад будет петь. Всем заткнуться и слушать!

В комнату зашел молодой человек — стрижка «ежиком», очки в роговой оправе, галстук–бабочка под выдающимся кадыком. Просияв улыбкой, он взял гитару и начал свой монолог и песню.

— Ну, друзья, — весело произнес он, — полагаю, вы все читали в газетах, что бюджет теперь будет

составлять президент. Вот песенка на злобу дня — надеюсь, вам понравится.

Он тренькнул–бренькнул на гитаре и начал.

Мэри Энн бродила по комнате и рассеянно слушала, разглядывая репродукции и мебель. Песня как будто звенела металлом, сверкала и искрила, вливаясь в уши присутствующих. Мэри Энн поймала несколько фраз, но общий смысл от нее ускользал. Ей, собственно, это было неважно; ее не интересовал ни Конгресс, ни налоги. Никого подобного Чаду Лемингу она еще не видела, но это впечатление сразу же притупилось; ее ум был закрыт, и у нее хватало своих проблем.

За первой балладой почти сразу последовала вторая: теперь Лемминг блеял о пенсионерах. Потом была вдохновенная песенка о ФБР, затем еще одна, о генетике, и в итоге — затейливый, разухабистый распев про водородную бомбу.

…и если Мао Цзэдуну будет это интересно, мы

взорвем весь мир — не останется живого места…

Она раздраженно подумала: кому нужен этот Мао Цзэдун? Кто это — глава коммунистического Китая?

…когда разоружены закончат обсуждать,

давным–давно уж будем в руинах мы лежать…

Закрыв уши от этой бомбежки, она вышла из гостиной в одну из затемненных спален. Сидя на краю кровати — судя по всему, принадлежавшей Бет, — она приготовилась вытерпеть выступление Лемминга до конца. В ушах у нее звучало название песни, объявленное с большой помпой и тщанием: «Что нужно этой стране, так это хорошая водородная бомба за пять центов».

Где здесь смысл? В чем значение? Вместо того чтобы гадать, она вернулась к своим мыслям. К ощутимому присутствию сильного черного мужчины — Карлтона Туини; затем еще дальше, в прошлое, к воспоминаниям о том, что случилось в музыкальном магазине — с тем с крупным пожилым мужчиной в твидовом костюме. Сперва его широкая походка и серебряная трость… потом его пальцы на ее руке.

Постепенно она поняла, что пение уже закончилось. Она виновато поднялась и пошла обратно в гостиную. Бет удалилась на кухню за новой порцией напитков; Дэнни Кумбс сидел надутый в углу, оставив Нитца и Лемминга друг другу.

— Кто тебе все это пишет?

— Я сам, — скромно произнес Лемминг.

Теперь, когда не был захвачен пением, он казался обыкновенным чахлым первокурсником

в спортивной куртке и широких штанах. Положив гитару, он снял очки и стал вытирать их рукавом.

— Еще в Лос–Анджелесе я пробовал сочинять скетчи, но дело не пошло. Мне сказали, что это не продать. Ясное дело, вещи у меня слишком уж острые.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

— Так много? Ты не выглядишь на свой возраст.

Лемминг рассмеялся.

— Я закончил университет еще в сорок восьмом, химический факультет. Какое–то время работал на проекте… — он стал объяснять, — в радиационной лаборатории. Пожалуй, мог бы до сих пор там трудиться. Они так и не отобрали у меня допуск. Но мне больше охота тусоваться то здесь, то там… я, наверное, никогда не повзрослею.

— А бабки этим можно заработать? — спросил Нитц.

— Если и да, то я не знаю как.

— Но прожить–то на это реально?

— Наверное, — сказал Лемминг, — надеюсь.

Нитц был поражен.

— Так ты образованный парень — мог бы заниматься наукой, работать в большом проекте… А предпочел с этим вот болтаться. Тебе это настолько по кайфу? Стоит ли оно того — в смысле, ты–то сам своей жизнью доволен?

— Времена сейчас неспокойные, — пробормотал Лемминг, и Мэри Энн потеряла всякую нить — и в его словах, и в мыслях.

То, что он говорил, и то, что пел, было одинаково бессмысленным. А Нитц все что–то бухтел, задавал вопросы, выпытывал ответы. Ему явно было интересно, но что и почему? Она сдалась и перестала об этом думать.

— Вы так и не сказали, как вас зовут, — сказала Вет, приближаясь к ней с новым бокалом.

От выпивки Мэри Энн отказалась. Эта женщина ей не нравилась, и не без причины. Но она испытывала к ней неприятное уважение: Бет шла к Туини напролом, демонстрируя очевидное мастерство в вопросе, в котором сама Мэри Энн безнадежно плавала.

— Что это с ним? — сказала она, имея в виду Лемминга. — Наверное, ничего. Просто он такой — глупенький. А может, не он, а я. Я здесь не в своей тарелке.

— Не уходите, — снисходительно сказала Бет.

— Может, и уйду. А давно вы знаете Шиллинга?

— Лет пять–шесть.

— И как он? — ей было важно понять, а Бет, очевидно, была в курсе.

— Зависит от обстоятельств, — сказала Бет. — Мы с ним отлично веселились. Давным–давно, когда вам было… — она оценивающе разглядывала девушку, пока та не почувствовала себя оскорбленной, — ну, лет четырнадцать.

— Должно быть, надо иметь кучу денег, чтоб открыть такой магазин.

— О да, у Джо есть деньги. Не миллионы, но на все, что ему нужно, хватает.

— А что ему нужно?

— Джо — человек очень глубокий. А еще он очень одинок. И несмотря ни на что… — она изобразила улыбочку, — я чрезвычайно высокого мнения о его уме и вкусе. Он отлично образован; в нем есть старомодный шарм. Он джентльмен… по крайней мере, большую часть времени. Он отлично разбирается в музыкальной индустрии.

— Почему ж он тогда не руководит большой

звукозаписывающей компанией вроде RCA[118]?

— Вы когда–нибудь встречали собирателя пластинок?

— Нет, — призналась Мэри Энн.

— Джо получил то, чего всегда хотел: свой магазинчик, где у него полно времени, чтобы говорить о пластинках, перекладывать их, жить ими.

— Так, значит, он здесь и останется?

— Конечно. Он искал это много лет — сонный городок вдали от магистралей, где он мог бы осесть. Он уже не молод; ему нужна тихая пристань. Он привык находиться в водовороте событий, бегать на вечеринки, концерты, мероприятия, путешествовать туда–сюда. Похоже, что все это в прошлом… не знаю. Ему всегда нужно было окружение; он никогда не любил одиночества. По природе он не одиночка. Он любит поговорить, поделиться опытом. Это помогает ему держать связь… он никогда не опускает рук.

— Послушать вас, так он просто чудо что такое, — съязвила Мэри Энн.

— А вас послушать, так сразу видно, что вы не согласны.

---

[118] Примечания: 118

…звукозаписывающей компанией вроде RCA — RCA Records — звукозаписывающая компания, основанная в 1901 г. В настоящее время принадлежит корпорации «Sony Music Entertainment».

— Я чуть было не пошла к нему работать.

— Нам с вами, — начала Бет, — во многом сложно судить Джо Шиллинга. Когда–то я была убеждена, что он… ну, жестокий.

— А это не так?

— У него сильные желания. Он поражает своим напором.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— А почему я должна на него отвечать? Может, как–нибудь в другой раз.

— А если я вам скажу, что в магазине действительно кое–что случилось?

— Я знаю, что что–то было. И догадываюсь, что именно. Помните, мы с вами одного возраста… у нас схожие проблемы. И переживания.

— Вам двадцать девять, — задумчиво произнесла Мэри Энн, — мне двадцать. Вы старше меня на девять лет.

Уязвленная, Бет ответила:

— В том, что касается целей и намерений, мы по одну сторону баррикад.

Подвергнув даму спокойному, безжалостно–тщательному осмотру, Мэри Энн сказала:

— Может, поможете мне как–нибудь выбрать лифчик? Не хочется выглядеть такой худышкой. Вот бы мне бюст, как у вас.

— Бедное дитя, — покачала головой Бет, — да вы просто не понимаете, что к чему.

— Я готов! — с энтузиазмом выпалил Лемминг. — Прямо здесь?

— Нет, — ответил Нитц, — нам нужно идти. Так было условлено на высшем уровне, — он посмотрел на часы, — он, должно быть, уже дома.

— Я много о нем слышал, — доложил Лемминг.

Кумбс, пробудившись от летаргии, запротестовал:

— Не вижу смысла. Зачем мы туда идем?

— Не будь занудой, — парировала Бет.

— Мне не хочется с ним встречаться. Никому не хочется. Кроме тебя.

— Ну, я–то не против, — возразил Лемминг, — это полезно в профессиональном плане.

— Уже почти два ночи, — не унимался Кумбс, — я бы пошел спать.

— Мы ненадолго, — неумолимо сказала Бет, — пойди, возьми свой фотоаппарат, будь хорошим мальчиком. Мы обещали прийти. Он просил нас.

Кумбс осклабился.

— Он нас просил? — Он нашел камеру и застегнул ремешок. — То есть это ты его попросила. Та же старая история — только на сей раз подмазана дегтем. Что с тобой, ты устала от…

— Закрой рот, — бросила Бет, удаляясь. — Мы идем; мы обещали. И не верещи, как истеричка.

— Я тебя предупреждаю, — сказал Кумбс, — если мы пойдем туда, то без фокусов. Будешь вести себя прилично.

— Боже.

— Я не шучу.

— Ну конечно, не шутишь. Ты никогда не шутишь. Идем, — сказала она Нитцу и Мэри Энн, — здесь больше делать нечего.

Она махнула Леммингу в сторону двери.

— Да–да, Чад. Просто поверни ручку.

Мэри Энн безропотно принялась искать свой плащ.

— Я покажу вам, как проехать, — пробормотала она.

— Ну до чего же мило, — сказала Бет с томной улыбкой, — как это мило с вашей стороны, дорогуша.

Глава 10

Когда они подъехали, во всем доме Туини светилась лишь синеватая дымка в районе верхнего этажа.

— Он на кухне, — сказала Мэри Энн, открывая дверцу машины.

За ней последовали остальные, и через секунду они уже топали по длинному лестничному пролету.

Мэри Энн постучала; ответа не было. Тогда она сама открыла дверь и зашла. В коридоре мерцал тусклый свет. Послышалось движение. Мэри Энн поспешила в ту сторону и оказалась, запыхавшаяся, в кухне с высоким потолком.

Туини все в той же розовой рубашке и расписанном вручную галстуке сидел за столом и ел сэндвич с сардинами, запивая его пивом «Рейнголд». Перед ним в крошках еды лежал заляпанный номер «Эсквайр».

— Мы пришли, — сказала Мэри Энн; сердце ее заныло при виде него, такого большого и сильного, с закатанными рукавами на крепких и мощных руках, — и привели с собой как–там–его.

В дверном проеме материализовался Нитц.

— Готовься к прослушиванию, — объявил он и исчез обратно.

Остальные — Бет, Лемминг и Кумбс — пошли за ним в неприбранную гостиную, оставив Мэри Энн и Туини наедине.

— Он так себе, — сказала преданная Мэри Энн. — Только и делает, что болтает.

По лицу Туини пробежала тень незлобивого превосходства. Он пожал плечами и снова уткнулся в журнал.

— Угощайся. Где холодильник, ты знаешь.

— Я не голодна, — ответила Мэри Энн. — Туини…

В дверях появился сияющий Чад Лемминг с гитарой.

— Мистер Туини, я давно хотел с вами познакомиться. Наслышан о вашем творчестве.

Пропустив мимо ушей лесть юнца, Туини медленно поднял на него взгляд.

— Вы Чад Лемминг?

Лемминг застенчиво указал на гитару:

— Я выступаю с монологами про политику.

Туини внимательно посмотрел на него. Лемминг смущенно улыбнулся и начал что–то говорить, но тут же осекся. Гитара его издала

несколько жалобных звуков, как будто прощаясь.

— Давайте, — сказал Туини.

— Сэр?

Туини кивнул на гитару:

— Играйте. Я слушаю.

В полнейшем смятении Чад Лемминг принялся рассказывать истории и петь баллады, исполненные им недавно в квартире Кумбсов.

— Ну, — крякнул он нерешительно, — вы, наверно, читали в газетах о планах президента Рузвельта снизить налоги. Это навело меня на кое–какие мысли.

И, запинаясь, он слабым голосом запел.

Туини, посмотрев немного, незаметно вернулся к своему журналу. Зафиксировать мгновение, когда он это сделал, было невозможно; его движение было таким плавным, что Мэри Энн не смогла за ним уследить.

Просто в какой–то момент Туини уже снова жевал сэндвич с сардинами, изучая статью о бейсбольной лиге.

Остальные столпились в дверях, слушали и заглядывали на кухню. Лемминг, дрожа от обиды и понимая, что провалился, напоследок хрипло исполнил песню про библиотеку, в которой то ли

все книги сгорели, то ли там вообще книг не было — Мэри Энн так и не поняла. Ей хотелось, чтоб он перестал петь, чтоб он ушел. Он выставлял себя дураком, и это раздражало ее до крайности. К тому времени, как он закончил, она готова была завизжать.

Лемминг умолк, и вокруг повисла звенящая тишина. Тягостное ощущение лишь усиливал монотонный стук воды, капавшей в раковину из худого крана. Наконец Кумбс, покашливая, протолкался вперед и вытащил свою камеру со вспышкой.

— Это что? — поинтересовался Туини.

— Хочу сделать пару снимков.

— Чего именно? — В голосе Туини появились официальные нотки. — Меня и мистера Лемминга?

— Совершенно верно, — сказал Кумбс. — Чад, подойди к нему поближе. Туини, или как там вас, встаньте, чтоб вы оба были в кадре.

— Простите, ничем не могу помочь, — сказал Туини, — мой агент не разрешает мне участвовать в съемках без его согласия.

— Что еще за агент, черт подери? — возмутился Кумбс.

Случилась неловкая пауза. Туини возобновил

свой ужин; несчастный Чад Лемминг мялся у стола.

— Не упорствуй, — сказала Бет мужу, — делай, как говорит мистер Туини.

Кумбс, который стоял, уставившись на Туини, внезапно сдался. Он закрыл объектив крышкой, повернулся и шагнул к дверям.

— Да и черт с ним, — сказал он и добавил еще несколько слов, которых никто не разобрал.

Лемминг подхватил гитару и вышел из кухни. Теперь издалека доносились скорбные звуки — свернувшись калачиком в гостиной, он наигрывал себе под нос.

— Туини, — сердито сказала Мэри Энн, — тебе должно быть стыдно.

Туини поднял бровь, пожал плечами и прикончил свой сэндвич.

Стряхнув с брюк крошки, он поднялся и направился к раковине ополоснуть руки.

— Что будете пить? Пиво? Скотч?

Все согласились на скотч и уже с бокалами присоединились к Леммингу в гостиной. Молодой человек даже не взглянул на вошедших; увлеченный игрой, он сгорбился над гитарой.

— У тебя неплохо получается, — сочувственно сказал Нитц.

Лемминг благодарно пробурчал:

— Спасибо.

— Может, тебе стоит сконцентрироваться на этом, — заметила Бет, уловившая сигнал от Туини. — Может, просто играть на гитаре было бы лучше.

— Мне это куда больше нравится, — поддержала Мэри Энн. — К чему все эти разговоры?

— Но ведь в них вся суть, — с недоумением возразил Лемминг.

— Да и бог с ней, — ответила Бет.

Слоняясь по неприбранной гостиной, она набрела на пианино. Размером не больше спинета[119], инструмент утопал под стопками журналов и горами одежды.

— Вы играете? — спросила она Туини.

— Нет. Пол иногда мне аккомпанирует. Репетируем.

— Не слишком–то часто, — сказал Нитц, стирая пыль с клавиатуры носовым платком. Он взял аккорд, грамотно сыграл диминуэндо — и потерял интерес. — Непросто будет вытащить его отсюда, — заметил он.

— Туини никуда и не собирается, — мгновенно

---

[119] Примечания: 119

Спинет — небольшой клавишный струнный музыкальный инструмент, разновидность клавесина.

бросила Мэри Энн.

— Мы подняли его на веревках, — сказал Туини, — и спустить сможем тем же способом. Через окно на кухне, если надо будет.

— Куда ты собрался? — запаниковала Мэри Энн.

— Никуда, — ответил Туини.

— Скажи ей, — потребовал Нитц.

— Тут и говорить нечего. Так просто, есть одна… идея.

— Туини собирается стать звездой, — объяснил Нитц окаменевшей от ужаса девушке, — и переезжает в Лос–Анджелес. Его зовет Джейми Фелд — тот деятель, что организует большие концерты. Несколько пробных выступлений на его площадках — и вперед.

— Слова «пробных» никто не говорил, — поправил его Туини.

Усевшись за пианино, Бет стала выстукивать соль–минорную гамму.

Вокруг нее образовался маленький островок звука.

— Туини, — сказала она, встряхнув волосами, — а я ведь раньше сочиняла песни. Вы не знали?

— Нет, — ответил Туини.

— Она прихватила одну с собой, — мрачно

проскрипел Кумбс. — Сейчас покажет и будет просить, чтоб вы ее спели.

Услышав это, Туини раздулся, став еще больше, чем обычно; его гигантское самомнение, казалось, испускало синеватый ореол с металлическим отливом.

— Что ж, — сказал он, — мне всегда интересен новый материал.

Нитц рыгнул.

Пока Бет доставала ноты из своей необъятной сумки, Мэри Энн шепнула Нитцу:

— Почему ты мне не сказал?

— Я ждал.

— Чего? — не поняла она.

— Чтобы он тоже был рядом. Чтобы мог ответить.

— Но, — беспомощно сказала она, — он так и не ответил.

Она чувствовала, что теряет опору; земля уходила из–под ее ног, и она была не в силах это остановить.

— Он ничего не сказал.

— Вот именно, — произнес Нитц.

Его голос потонул в звуках фортепьяно. Бет заиграла, и Туини, стоявший позади нее, наклонился вперед, чтобы разглядеть слова. Он уже

вошел в фазу жесткой концентрации; музыка была для него делом серьезным. Что бы там Бет ни сочинила, он собирался отнестись к этому с полным вниманием. Ему была присуща грация, которую Мэри Энн не могла забыть или наблюдать равнодушно; он верил в то, что делал, и это только прибавляло ему стиля.

— Эта песня, — нараспев произнес Туини, — называется «Где мы, бывало, сиживали» и рассказывает историю молодой женщины, которая гуляет по осенним полям и вспоминает места, где она бывала со своим возлюбленным, теперь погибшим в далекой стране. Это простая песня. — И, вздохнув глубоко и со значением, он спел эту простую песню.

— Он нечасто так делает, — пробормотал Нитц, когда песня заканчивалась. Бет принялась наигрывать арпеджио, а Туини, похоже, погрузился в размышления о тайне бытия. — Обычно его не заставишь спеть с листа новый материал… он любит сначала просмотреть его, хотя бы бегло.

— Вы почувствовали это, верно? — говорила Бет, обращаясь к Туини. Она стала играть еще громче и эмоциональнее. — Вы почувствовали все, что я хотела в ней сказать?

— Да, — согласился Туини, с полузакрытыми

глазами покачиваясь в такт музыке.

— И вы раскрыли все это. Вы ее оживили.

— Это красивая песня, — сказал Туини; он был словно в трансе.

— Да, — прошептала Бет, — вы придали ей красоту. Почти пугающую красоту.

— «Белое Рождество»[120], — сказал Нитц, — вот твой потолок. Тут тебе и хана.

Несколько кратких мгновений Туини удавалось сохранять самообладание. Затем чувства пересилили, и он отвернулся от пианино.

— Обыденное хамство, Пол, способно ранить, и очень сильно.

— Только если ты не толстокож.

— Это мой дом. Ты пришел ко мне в гости, по моему приглашению.

— Твой только последний этаж. — Нитц был бледен и напряжен; он уже не шутил.

Последовало молчание, все более взрывоопасное. Наконец Мэри Энн подошла к Туини и сказала:

— Нам всем пора.

— Нет, — ответил Туини, снова становясь радушным хозяином.

---

[120] Примечания: 120

«Белое Рождество» («White Christmas») — популярная песня Ирвинга Берлина, впервые исполнена в 1941 г. Бингом Кросби.

— Пол, — сказала она Нитцу, — пойдем.

— Как скажешь, — откликнулся Нитц.

Бет, сидевшая за пианино, пробежалась по клавишам.

— А нас вы не хотите подождать? Мы бы вас подвезли.

— Я имела в виду, — пояснила Мэри Энн, уже понимая безнадежность своей затеи, — что нам всем пора. Всем пятерым.

— Отличная идея, — согласилась Бет. — Боже, ничего лучше и представить себе нельзя.

Она не тронулась с места и продолжала играть. В углу, поджав под себя ноги, сидел и печально перебирал струны всеми забытый Чад Лемминг. Его никто не слышал — голос гитары терялся среди более мощных фортепьянных аккордов.

— Теперь уж ее отсюда не сдвинешь, — в каком–то порыве сказал Кумбс Мэри Энн, — все, внедрилась и укоренилась.

— Закрой рот, Дэнни, — добродушно отозвалась Бет, начиная серию секвенций, переходящих в балладу Форе[121]. — Послушайте вот это, — сказала она Туини, — слыхали когда–нибудь? Это одна из моих любимых вещей.

---

[121] Примечания: 121

Форе , Габриэль Урбен (1845–1924) — французский композитор и музыкальный педагог.

— Никогда не слышал, — сказал Туини. — А это тоже ваше?

Бет фонтанировала музыкой, искрила и брызгала: вслед за прелюдией Шопена тут же зазвучала первая часть сонаты си–бемоль Листа. Туини, попав в этот бурный поток, держался стойко, выжил и даже сумел улыбнуться, когда закончилась кода.

— Обожаю хорошую музыку, — объявил он, и Мэри Энн в замешательстве отвела взгляд. — Жаль, что не получается уделять ей больше времени.

— А знаете «Лесного царя» Шуберта? — спросила Бет, не переставая яростно бить по клавишам. — Как замечательно вы могли бы его интерпретировать!

Кумбс навел камеру и щелкнул их обоих за пианино. Туини как будто даже не заметил; он по–прежнему вдыхал музыку, теперь с закрытыми глазами, со сжатыми перед собой ладонями. Кумбс, смеясь, скинул на пол использованную лампочку для вспышки и вставил новую, которую достал из кожаного футляра на поясе.

— Боже, — сказал он Нитцу, — он совсем покинул нас.

— Это бывает, — отозвался Нитц. — Боюсь, для

него это обычное дело.

Он придвинулся ближе к Мэри Энн и положил руку ей на плечо. От дружеского прикосновения ей стало чуть легче, но ненамного.

Внезапно Бет отпрыгнула от пианино. В экстазе она схватила Лемминга за руку и рывком подняла его на ноги.

— И ты с нами, — закричала она ему, остолбеневшему, в ухо, — давайте–ка, танцуют все!

Довольный тем, что его снова заметили, Лемминг принялся страстно играть. Бет поспешила обратно к пианино, где сбацала начальные аккорды шопеновского полонеза. Лемминг в исступлении пустился по комнате в пляс; бросив гитару на кушетку, он высоко подпрыгнул, хлопнул ладонями по потолку, приземлился, схватил Мэри Энн и закружил ее. Качаясь взад–вперед у пианино, Туини ревел:

«…И до конца времен…»

Мэри Энн было ужасно стыдно; она с трудом высвободилась из объятий Лемминга. Она ретировалась в безопасный угол и снова встала рядом с Полом Нитцем, поправляя жакет и приходя в себя.

— Сбрендили, — пробормотал Нитц, — унеслись в другое измерение.

Кумбс, хихикая, подкрался с камерой и втихаря запечатлел перекошенное лицо Бет. Очередная сгоревшая лампочка хрустнула под ногой Туини, а Кумбс метнулся дальше, туда, где выделывал коленца Лемминг. Всех снова ослепила вспышка. Когда к Мэри Энн вернулось зрение, она увидела, как Кумбс карабкается на пианино, чтобы сфотографировать их сверху.

— Боже мой, — поежившись, сказала она, — с ним явно что–то не так.

Отрешенный и подавленный, Нитц ответил:

— Все это такая гадость, Мэри. Я лучше отвезу тебя домой. Ты этого не заслуживаешь.

— Нет, — ответила она, — я не поеду.

— Почему? Что ты здесь потеряла?

Его передернуло, и он с отвращением кивнул в сторону Туини.

— Этот? Не унялось еще?

— Это не его вина.

— Ты никогда не сдаешься, так ведь? — сказал Нитц треснувшим голосом и со скрипом сглотнул. — Не могу больше выносить эти прыжки; я ухожу.

— Не надо, — быстро отозвалась Мэри Энн, — пожалуйста, Пол, не уходи.

— Боже милостивый, — взмолился Нитц, — ме-

ня тошнит.

Он передал ей свой стакан и, пригнувшись, поковылял из комнаты и по коридору. Кумбс, похожий на какого–то колченогого паука, радостно щелкнул затвором ему вслед.

— Посмотрите на меня! — кричал Лемминг, размахивая руками и тяжело дыша. — Кто я? Угадайте, кто я?

Бет заиграла «Бедную бабочку».

— Нет! — взвизгнул Лемминг. — Неправильно! — Он бросился на пол и закатился под пианино; видно было только, как он сучит ногами. — А теперь я кто?

Кумбс рванул туда, присел на корточки и фотографировал его. Одну за другой он скидывал перегоревшие лампочки и доставал из футляра новые. Глаза у него были выпучены, бледное лицо пошло красными пятнами, растрепанные лоснящиеся волосы слиплись на висках.

Мэри Энн стало нехорошо, и она сбежала на кухню, затыкая уши от этого шума. Но он продирался сквозь стены и пол, вибрировал и бился вокруг. Она слышала, как в ванной выворачивает Нитца — устрашающие звуки, будто его тело разрывалось на части.

Бедный Нитц, подумала она. Она отвела руки

от ушей, стояла и вслушивалась в его агонию, не зная, как помочь. Очевидно, никак. А страдал он и из–за нее тоже. За стенкой в гостиной продолжалась вакханалия; в дверях показался Лемминг с лицом, переполненным радостью, протянул к ней руки и туг же исчез. Бычий рев Карлтона Туини все не умолкал; он то поднимался, то становился глуше, по–прежнему в обрамлении неистовых аккордов старенького пианино.

Голос этого инструмента, такой знакомый и милый ей, сейчас звучал враждебно. Иногда, сидя в квартире в ожидании Туини (и редко дожидаясь его), она несмело выстукивала несколько мелодий, песенок из автомата — скудное наследство своей юности. Теперь же пианино громыхало и гремело вовсю. За дело взялись профессионалы, и звук нарастал, пока в серванте не задребезжали чашки и тарелки.

Там как раз исполняли «Джон Генри». Туини, по своему обыкновению, стоял возле пианино, откинув голову, и в экстазе барабанил по нему пальцами. Кумбс рыскал кругом, фотографируя то его, то Лемминга, который, обхватив Бет сзади, пытался достать пальцами до клавиш. Они заиграли в четыре руки, и дом содрогнулся от мощного взрыва страсти.

— Опа! — прозвучал голос Кумбса.

Мэри Энн испуганно открыла глаза и увидела, как он гнусно смотрит из дверного проема, нацелив на нее камеру. Она выхватила из сушилки тарелку и запустила в него; тарелка разбилась об стену над его головой. Он сморгнул и отступил.

Дрожа всем телом, она закрыла лицо руками и сделала глубокий вдох. Она уже жалела, что не ушла; не стоило ей тут оставаться. В гостиной Лемминг оттер Бет от фортепьяно, и теперь оба скакали по комнате, напевая что–то энергично–бессвязное. Для Туини это по–прежнему была песня «Джон Генри», и, хотя пианино стихло, он продолжал реветь. Танцующая пара нарезала круг за кругом; вдруг Бет остановилась, скинула туфли, отшвырнула их подальше и поспешила продолжить. Мэри Энн закрыла глаза и устало облокотилась на раковину.

Она стояла и терла глаза, стараясь продержаться еще немного, когда из ванной послышался грохот.

Враз проснувшись, она неловко скакнула на середину кухни и затихла, пытаясь сквозь шум расслышать, что происходит. Но там была тишина; в ванной, находившейся в конце коридора, все замерло. Внезапная догадка поразила ее; она

подбежала к закрытой двери, схватилась за ручку и потрясла. Ванная была заперта изнутри.

— Пол, — позвала она.

Он не ответил. Она пнула дверь ногой; стук отозвался эхом, но внутри было по–прежнему тихо. Отпустив дверную ручку, она повернулась и побежала по коридору к гостиной.

— Туини, ради бога, — проскрежетала она, вцепившись в негра, который в блаженном забытьи облокотился о пианино.

Никто не обращал на нее внимания. Кумбс с остекленевшим от возбуждения лицом перезаряжал камеру; Лемминг докружил Бет до дальнего угла и оттолкнул ее, чтобы снова схватить свою гитару.

Колотя безответного Туини по плечу, Мэри Энн закричала:

— С Полом Нитцем что–то случилось! Он убил себя!

Наконец Туини чуть шелохнулся под градом ее ударов; она схватила его за рубашку и притянула к себе.

— Туини, — взвыла она, — да помоги же!

Туини медленно — и весьма неохотно — очнулся от своего транса.

— Что? — пробурчал он, моргая и пытаясь сфо-

кусировать взгляд. — Где? В ванной?

Она стремглав понеслась обратно по коридору, а за ней, постепенно приходя в сознание, шагал Туини. Дверь была по–прежнему заперта. Она отошла в сторону, Туини тряхнул ручку и постучал.

— Эй, Нитц, — заревел он, приложив ухо к двери. Ответа не было.

— Он мертв, — сказала Мэри Энн.

— Боже правый, — бормотал Туини, оглядываясь по сторонам. Он пошел на кухню и вернулся с ключом. Замок поддался, и дверь распахнулась.

На полу лежал распростертый Пол Нитц, но мертвым он не был. Он отключился и упал, ударившись головой о край унитаза. Бедняга лежал с закрытыми глазами, раскинув руки, в лужице собственной рвоты. Похоже, прежде чем упасть, он сидел на краю ванны и блевал в унитаз; на белом фарфоре виднелись следы его пальцев.

Туини наклонился, поднял его и осмотрел ссадину на лбу. С подбородка Нитца свисала ниточка слюны и желудочного сока; он шевельнулся и застонал.

— Беги в гостиную, — скомандовал Туини, — и вызови доктора.

— Есть, — отвечала Мэри Энн и, промчавшись

по коридору, застыла в дверях гостиной. Там на маленьком деревянном столике стоял телефон. Но зайти она не смогла.

Бет отдалась восторгам танца полностью, без остатка. Она стянула с себя всю одежду, бросила кучей в угол и так, ничем не стесненная, устремилась к новым вершинам. Голая, блестящая от испарины, большая, бледная, она кружилась по комнате, и ее груди мощно раскачивались, а крутые бедра подрагивали от удовольствия. Лемминг свернулся калачиком на ковре и баюкал на коленях свою гитару; он не сводил восхищенного взгляда с инструмента, из которого неслась, то скользя, то вспыхивая в ритме оргиастической пляски Бет, безумная какофония.

Кумбс, не переставая хихикать, на карачках увивался вокруг трепещущего тела супруги и делал все новые снимки, а от его фотоаппарата одна за другой отлетали сгоревшие лампочки. Никто из них троих не заметил Мэри Энн; каждый был замкнут в собственной вселенной. Девушка так и стояла в дверях, не в силах ни зайти, ни убежать, пока, наконец, рядом не появился Туини, пришедший поинтересоваться, в чем дело.

— Боже правый, — снова произнес он.

Зрелище потрясло и его; он встал рядом с Мэри

Энн и смотрел, пока Кумбс, заметив его, не прервал охоту за прелестями своей жены.

Щеки Кумбса мгновенно стали отвратительно бледными. Он скосил глаза, с трудом поднялся на ноги, сделал несколько неверных шагов к Туини и сказал хриплым срывающимся голосом:

— А ты, ниггер, что тут делаешь? Ниггер, а ну пошел вон!

Туини промолчал.

Звуки гитары затихли. Встряхнув головой, Лемминг достал из кармана очки в роговой оправе, надел их и огляделся по сторонам. Бет, как старая механическая игрушка, у которой кончился завод, постепенно остановилась; она хватала воздух открытым ртом, и ее трясло от усталости и холода.

— Ниггер! — визжал Кумбс, мечась между Туини и потной наготой своей супруги. — Пошел прочь! Вали отсюда, или я убью тебя!

Вся его ненависть всплыла на поверхность; он поковылял к Туини, слепо вглядываясь и коряво кружа на месте — с каждым новым шагом он то приближался к негру, то снова отступал.

— Это мой дом, — пробурчал Туини. Уверенность постепенно возвращалась к нему; подтянувшись, он сказал почти сурово: — Не надо

говорить со мной так в моем доме. В собственном доме я делаю, что хочу.

С лестницы послышались глухие шаги, и в тот же миг вой сирен пронзил сумрак ночной улицы. Не успели они пошевелиться, как в дверь громко постучали.

Мэри Энн развернулась и побежала по коридору к двери. Она крутанула замок; дверь заехала ей по лицу, и ее бесцеремонно оттерли в сторону. Внутрь протиснулись и загромыхали по коридору к гостиной трое полицейских.

Мэри Энн без колебания нырнула во мрак площадки и бросилась вниз по лестнице, хватаясь за невидимые перила. Она кубарем выкатилась из подъезда и влетела во влажную живую изгородь, высаженную вдоль дорожки.

Сверху из темноты доносились резкие голоса. Полицейские все прибывали, светили фонариками, раздавали команды. Через несколько минут — на удивление быстро — по лестнице мрачно протопала первая группа — Туини и Бет Кумбс. За ними вышли Дэнни Кумбс и трясущийся субъект, который оказался Чадом Леммингом. Всех четверых запихнули в патрульную машину; машина ожила и рванула с места. То там, то здесь на крылечках вспыхивали огни и появлялись

разбуженные соседи.

— Это они? — спрашивал полицейский.

Из его патрульной машины доносилось бормотание рации. Он пригнулся к ней, уселся за руль и сказал что–то оператору в полицейском участке.

Копы разъезжались. Они подходили по одному, перекидывались парой слов и рассаживались по машинам. В дверях квартиры цокольного этажа стоял гордый негр, который смотрел на отбывающих полицейских с выражением торжествующей справедливости. Одна машина притормозила, и оттуда ему что–то сказали; негр удовлетворенно кивнул и скрылся за дверью.

Прошло немало времени, прежде чем Мэри Энн решилась пошевелиться. Она дрожала от холода; в волосах осел мокрый ночной туман, и, пока она выбиралась из живой изгороди, ей в ладони впивались кусочки гравия. Жакет порвался, а в прическе застряли листья. Она встала, дрожа всем телом, застыла в нерешительности, а потом стала медленно подниматься на третий этаж.

Гостиная лежала в руинах. Сверху бессильно струился непогашенный свет. Из открытой двери тянуло холодом; Мэри Энн закрыла дверь на замок и зашла внутрь. Одежда Бет лежала там, где она ее скинула; вниз ее погнали в плаще Туини.

В углу валялась камера Кумбса с использованной лампочкой во вспышке. Пол был усыпан осколками от разбитых ламп; в том месте, где Бет прошлась голой ступней и порезалась, блестели капли крови.

Мэри Энн машинально подняла гитару Лемминга и поставила ее к стенке. Потом она прошла к ванной и опасливо заглянула внутрь.

Пол Нитц сидел на полу, прислонившись головой к ванне. Он немного пришел в себя и неверной рукой ощупывал набитую об унитаз шишку. Заметив Мэри Энн, он моргнул, слегка ухмыльнулся и попытался встать.

— Не надо, — сказала Мэри Энн, поспешив присесть на корточки возле него, — я помогу.

— Меня так и не заметили, — пробормотал Нитц, — спасибо, Мэри. Я в порядке — просто мне стало худо, и я вырубился.

Поддерживая его, Мэри Энн вывела Нитца из ванной в гостиную, где царил хаос. Там она упала на диван, притянула его к себе и положила ушибленную голову себе на колени. Он задремал, а она сидела и смотрела перед собой невидящим взглядом, вцепившись в его узкие плечи и раскачиваясь туда–сюда. Наконец он шевельнулся и приподнялся.

— Спасибо, — сказал он слабым голосом, — ты очень хорошая.

Она ничего не ответила.

— Они меня не заметили, — гордо заявил Нитц, — дверь была заперта, и я сидел не шелохнувшись. Они и не поняли, что я там.

Легонько обняв его, Мэри Энн прижалась щекой к его лбу.

— Никого, кроме нас, — с вызовом бормотал он, — всех забрали. Никого. Остались только мы с тобой.

За окном ночная птица издала жутковатый звук. До рассвета оставался час с небольшим.

Глава 11

Как только его жена покинула квартиру, Дэниэль Кумбс надел пиджак, шляпу и вышел на улицу. Это был его первый полный день на свободе. Им, всем четверым, предъявили обвинение по двум пунктам: нарушение покоя в ночное время и нарушение общественного порядка. Каждый из них провел ночь в тюрьме, в отдельной камере.

И вот Дэниэль Кумбс шел в центр города и думал о том, как несправедливо устроен мир. Ну какой у его жены нравственный облик? У свиньи краше. Стоит на горизонте появиться какому–нибудь мужику, как она прыгает к нему в постель; она выставлялась перед Джозефом Шиллингом и переспала с ним, потом был тот итальянец, хозяин овощной базы, потом ее ученик, потом еще один, и вот теперь эта бестолковая вереница событий, которая закрутилась вокруг негра по имени Карлтон Туини. Все. Дальше некуда.

Ему припомнилось чудовищное падение того вечера, и он ускорил шаг. К деловому кварталу Пасифик–Парка он приближался почти бегом.

На боковой улочке задрипанного квартала, между кафе, бильярдными и магазинами сигар,

располагался оружейный магазин. Кумбс зашел туда и остановился у стеклянной витрины в ожидании хозяина. Вскоре перед ним предстал лысый тип в ковбойском жилете и брюках в мелкую полоску.

— Да, сэр, — произнес он с гнусавым новоанглийским выговором, — чем могу быть полезен?

Нужный ему пистолет Кумбс выбирал в течение часа. Это оказался матовый полуавтоматический «ремингтон» 32–го калибра, который стоил дороже, чем он предполагал. Еще пятнадцать минут он выторговывал цену поинтересней и в итоге ушел из магазина с покупкой.

Затем, прошагав трущобы и спальный район, он очутился за городом, в открытом поле. В нескольких милях от шоссе виднелся худосочный пролесок, и Кумбс направился к нему. Потом он блуждал в прохладном сумраке, выискивая какую–нибудь мишень, чтобы потренироваться. Он не стрелял из пистолета со времен сборов в Национальной гвардии.

Над ним пропорхнула стайка птиц, и он наугад пальнул посредине. Ни к чему, кроме птичьей паники и вороха перьев, это не привело. Он уныло побродил вокруг, пиная влажную поросль в надежде, что где–то упала птица. Но птицы не было.

Лес застыл. С далекого шоссе до него доносился шорох шин, гул моторов, да время от времени — истошные гудки грузовиков.

Вдруг он заметил, что сквозь траву продираются два мальчугана, а за ними бежит спаниель. Кумбс укрылся в тени мусорной кучи, поросшей сорняком. Собака принюхалась и замерла в нескольких метрах от него. Кумбс поднял пистолет и спустил курок. Из дула поднялась струйка серого дыма, и Кумбс отпрянул в тень; в ушах у него звенело от выстрела.

Напуганные звуком, мальчики осторожно двинулись назад; один из них все время тихо, испуганно звал: «Корки! Корки!» Раненная, но еще живая собака, скуля, пыталась ползти на голос. Когда мальчики выскочили на опушку и склонились над искалеченным псом, Кумбс перезарядил пистолет.

Наблюдая, как они безуспешно пытаются поднять животное, Кумбс размышлял о тщете жизни. Наконец они нашли широкую подгнившую доску и уложили на нее собаку. Держась за разные концы, мальчики потащили доску и исходящего кровью пациента с опушки в сторону шоссе. Делать больше было нечего, и Кумбс пошел за ними.

На краю леса выдохшиеся мальчуганы остановились и прилегли на доску. Тем временем Кумбс, повинуясь какому–то импульсу, вышел из леса и спросил:

— В чем дело? Что случилось?

— Кто–то застрелил нашу собаку! — прокричал заплаканный мальчик.

Другой молча уставился на пистолет в руке Кумбса.

— Ужасно, — сказал Кумбс. Снова подчиняясь импульсу и сам не понимая зачем, он вытащил и сунул в руку первому мальчишке десятидолларовую купюру.

— Проголосуйте, остановите машину, — наставлял он, хотя они, похоже, его не слышали, — он еще жив; успеете отвезти к ветеринару.

Он пошел дальше, а перепачканные кровью парни тупо смотрели ему вслед. Пройдя метров триста по чистому полю, он остановился, поднял пистолет, прицелился в темневшие на опушке фигуры и выстрелил. Звук выстрела растворился в утреннем воздухе, а Кумбс двинулся своей дорогой.

К десяти утра он вернулся в Пасифик–Парк. Его «Форд» был по–прежнему припаркован на Ильм–стрит, возле большого обшарпанного дома, где

жил Карлтон Туини. Кумбс в нерешительности стоял возле машины, а пистолет оттягивал ему карман; надумав, он пошел к лестнице и стал подниматься.

На его стук никто не ответил. Он приставил ладонь козырьком и стал вглядываться сквозь матовое стекло двери. Были видны захламленный коридор и часть комнаты; повсюду валялась одежда. Но — ни шороха. Никаких признаков присутствия Туини. Кумбс подергал ручку, но дверь была заперта. Делать было нечего; он спустился по лестнице, сел в машину и уехал.

Доехав до станции «Стандарт ойл», он переключился на вторую скорость и заехал на бетонную площадку. Он всю неделю собирался это сделать, так что при виде заправочной станции свернул туда рефлекторно, не раздумывая. Вылезая из машины, он спросил оператора:

— Сколько у вас займет машину мою промазать? Я, по крайней мере, две с половиной тысячи проехал.

— Полчаса или вроде того, — подумав, отвечал тот.

— Хорошо, — сказал он, залезая обратно, чтобы включить передачу. Потом он решил заглянуть в столовую по соседству, но, едва сделав заказ,

понял, что не голоден. Не прикоснувшись к супу, он расплатился и вышел.

«Форд», к его удовольствию, был уже на эстакаде. Он принялся околачиваться вокруг, критически посматривая на рабочих, которые спринцевали его трансмиссию. Затеял оживленную дискуссию о вязкости моторного масла и, вопреки их советам, горячо настаивал, чтобы ему непременно залили полный картер масла с моющими присадками вязкости десять–тридцать. Суетился и путался под ногами, пока все не сделали, как он хотел. Наконец операторы закончили, опустили машину и выписали чек.

В половине двенадцатого он приехал на Ильм–стрит и припарковался в квартале от дома Туини, достаточно близко, чтобы видеть всех, кто входит и выходит. Включив радио, он настроился на станцию «Хорошая музыка из Сан–Матео» и прослушал Третью симфонию Брамса. Время от времени кто–то проходил по тротуару, но по большей части все было тихо.

Сомнения охватили его. Может, Туини явился, пока его не было?

Он вылез из машины, пересек улицу и пошел к дому; в кармане у него болтался пистолет. Но когда он постучал в дверь, ответа снова не

было. Успокоенный, он вернулся в машину и снова включил радио. Теперь передавали «Римский карнавал», увертюру Берлиоза. Интересно, «Римский карнавал» — это название оперы или просто так, увертюра? Шиллинг уж точно знает. Шиллинг все знает — по крайней мере, о музыке. В том, что музыки не касалось, он особо не блистал; легкая добыча для любой шалавы. Кумбс решил было, пока эта увертюра не кончилась, прокатиться до музыкального магазина, но потом передумал. Там ошивался Макс Фигер. А это, как всегда, было слишком рискованно.

Немногим позже полудня по тротуару заспешила шатенка в матерчатом плаще, больших серьгах колечками и туфлях на каблуках. Это была подружка Туини, Мэри Энн Рейнольдс.

Девушка без колебаний сошла с тротуара и рванула вверх по деревянным ступеням, ведущим в квартиру Туини. Она даже не думала стучаться — вынула ключ, отперла замок и настежь отворила дверь. Исчезнув внутри, она захлопнула дверь за собой. Какое–то время на улице было тихо. Затем одно за другим распахнулись окна квартиры Туини. Из окон послышался какой–то шум. Наконец взревел пылесос; стало ясно, что она затеяла там уборку.

Удобно расположившись в теплом «Форде», Кумбс стал ждать дальше. Шли минуты, и столько их было, и были они так похожи, что он уже потерял нить происходящего и начал клевать носом. Через какое–то время сдался и аккумулятор, умолкло радио. Кумбс не обратил на это внимания. Он оставался недвижим до двух дня пополудни, пока, без всякого предупреждения, с другой стороны квартала не показался Карлтон Туини с дамочкой в обнимку. Дамочкой была Бет Кумбс. Они, болтая, поднялись по лестнице, затем, как парочка шершней, протиснулись в квартиру, и дверь за ними закрылась.

Собравшись с силами, Кумбс вышел из машины. Одна нога затекла, и ему пришлось постучать ей о мостовую, чтоб разогнать кровь. После чего, засунув руку в карман, он трусцой посеменил к трехэтажному зданию.

Глава 12

В то утро Мэри Энн нужно было в телефонную компанию к трем, поэтому утром она появилась в редакции «Лидера».

Обойдя стойку приемной, она направилась прямо в кабинет.

— Здравствуйте, мистер Гордон. Можно мне зайти и присесть?

Арнольд Гордон был рад видеть девушку, которая, как он считал и надеялся, скоро собиралась стать его невесткой.

— Конечно, Мэри, — сказал он, вставая и указывая ей на стул, — как поживаешь?

— Отлично. Как газетный бизнес?

— Развивается потихоньку. Ну–с, чем могу помочь?

— Вы можете дать мне работу? Я по горло сыта телефонной компанией.

Эта просьба его не удивила.

— Ты знаешь, Мэри, как бы мне самому этого хотелось, — с серьезным видом произнес он.

— Конечно, — согласилась она, понимая теперь, что дело и впрямь безнадежное.

— Однако, — начал Арнольд Гордон (и говорил

он правду), — это захолустная газета с очень небольшим бюджетом. Не считая курьеров, у нас служит шестнадцать человек, большинство из которых — наборщики; а в типографии можно работать только членам профсоюза. Ты же не этого хочешь?

— Ладно. Вы меня убедили. — Она встала. — Увидимся, мистер Гордон.

— Уже уходишь? Тратить время попусту ты не любишь, — моргая, заметил он.

— У меня еще много дел.

— Как у вас с Дэвидом?

Она пожала плечами:

— Как обычно. В прошлый четверг на танцы ходили.

— Вы уже назначили дату?

— Нет, и не назначим, пока он не повзрослеет.

— Что ты имеешь в виду?

— Эта его заправка. Он мог бы пойти на какие-нибудь заочные курсы. Была б я мужчиной, я бы так и сделала. Я бы не стала сидеть, сложа руки, плыть по течению и ждать у моря погоды. Он мог бы заняться делопроизводством. Или выучиться на телемастера, везде ж объявления.

— Или выращивать в подвале гигантские грибы? На самом деле ты такая непрактичная, Мэри.

Ты вроде бы такая деятельная и трезвомыслящая, но внутри ты… — он подыскивал верное слово, — идеалистка. Родись ты пораньше, была бы активисткой Нового курса[122].

Мэри Энн направилась к двери.

— А можно нагрянуть к вам на ужин как–нибудь в воскресенье? Свою соседку я уже видеть не могу.

— Когда пожелаешь, — сказал Арнольд Гордон. — Мэри…

— Что?

— Мне кажется, несмотря на все наши различия, мы с тобой поладим.

Мэри Энн исчезла за дверью, и он остался один. Сконфуженно покрякивая, Арнольд Гордон сел и закурил свою трубку. Ведь она еще совсем девочка… Неужели они теперь все такие? Поколение странных молодых людей, в чем–то даже более зрелых, чем хотелось бы. Резкие и непочтительные, они как будто не находят вокруг никого и ничего, что могли бы уважать… чтобы поверить, им нужно нечто настоящее; нечто действительно достойное уважения. Их просто невозможно одурачить, понял он. Они видят тебя насквозь.

---

[122] Примечания: 122

Новый курс — система мероприятий по выводу страны из Великой депрессии, предложенная президентом Ф. Д. Рузвельтом в 1933 г.

Он представил себе, какой ей должна казаться его жизнь, и ему стало не по себе. Пустые формальности, пошлости; церемониал, утративший содержание… Мир выхолощенных манер. Она заставила его почувствовать себя медлительным и глупым. Он чувствовал, что в чем–то крупно оплошал; каким–то непостижимым образом не потянул, не сумел оправдать ее ожиданий. Она заставила его стыдиться себя.

— Что вам, юная леди? — спросил светловолосый парень из окошка закусочной «Бобо», когда она подошла.

Она заказала гамбургер и молочный коктейль.

— Спасибо, — сказала она, забирая свой заказ. Он смотрел, как она осторожно отходит от окошка с сумочкой, гамбургером и стаканчиком в руках.

— Ты в здешней школе учишься? — спросил он.

— Было дело.

— То–то и оно. Кажется, я тебя там видел.

Отойдя несколько метров от окошка в тень, которую давала большая, ярко раскрашенная вывеска, она принялась за еду.

— Жарко, — произнес парень.

— И не говори. — Она отодвинулась чуть дальше.

— Когда ты закончила?

— Уж много лет тому.

— А зовут тебя как?

— Мэри Энн Рейнольдс, — с большой неохотой сказала она.

— Мне кажется, мы были в одном классе. — Он сделал приемник погромче. — Зацени–ка. — Из динамика полился и смешался со звуком дороги прогрессив–джаз.

— Узнаешь?

— Естественно. «Сон» Эрла Бостика[123].

— Да ты врубаешься.

Мэри Энн резко вздохнула.

— Что–то случилось?

— У меня язва.

— Ты пьешь капустный сок?

— С чего бы это мне пить капустный сок?

— Он язву лечит. Мой дядька всю жизнь язвой мучается, так он его литрами пьет. За ним надо в магазин здоровой пищи в Сан–Франциско ездить.

«Сон» закончился, и заиграла следующая мелодия — диксиленд. Мэри Энн допила коктейль и выбросила стаканчик в решетчатую урну.

---

[123] Примечания: 123

Эрл Бостик (1913–1965) — альт–саксофонист, ^блестящий исполнитель ритм–энд–блюза.

— А куда ты теперь? — спросил парень, облокотившись о прилавок. — На работу?

— Мне сегодня к трем.

— Где это?

— Телефонная компания, — ей хотелось, чтоб он поскорее отстал; она ненавидела, когда ей докучали.

— Это далеко, другой конец города. Как будешь добираться?

— Пешком!

Парень заколебался; выражение его лица было странным. Он прочистил горло и срывающимся голосом произнес:

— Хочешь, подброшу?

— Стартуй, — ухмыльнулась Мэри Энн.

— Моя смена через пару минут заканчивается. У меня крутой «Шевроле»; он вообще–то брата, но я тоже катаюсь. Что скажешь?

— Иди змеев позапускай.

Он напомнил ей Дейва Гордона; все они одинаковые. Вытерев руки бумажной салфеткой, она оглядела себя в зеркальном окне закусочной.

— Уходишь?

— Да ты экстрасенс.

— Точно прокатиться не хочешь? Отвезу, куда скажешь. Хочешь, в Сан–Франциско сгоняем?

Можем на концерт сходить, а потом поужинать.

— Спасибо, нет.

Седой пожилой джентльмен подошел к окошку, ведя за руку маленькую девочку.

— Два вафельных мороженых.

— Земляничных! — взвизгнула девочка.

— Земляники нет, осталось только ванильное.

— Ванильное нас вполне устроит, — пожилой джентльмен вытащил бумажник, — сколько с меня?

Заметив Мэри Энн, девчушка с надеждой сделала несколько шагов.

— Привет, — пропищала она.

— Привет, — ответила Мэри Энн. Она всегда охотно разговаривала с детьми; они, как и негры, не держали камня за пазухой. С ними ей было легко.

— Как тебя зовут?

— Джоана.

— Назови молодой леди свое полное имя, — поучительно произнес пожилой джентльмен.

— Джоана Луиза Мошер.

— Красивое имя, — сказала Мэри Энн. Она наклонилась, стараясь, чтобы юбка не задралась выше чулок, и протянула руку. — Что это у тебя?

Девочка посмотрела на зажатую в ладошке

поникшую камелию.

— Цветоик.

— Это камелия, — сказал пожилой джентльмен.

— Какая славная, — сказала, разгибаясь, Мэри Энн. — Сколько ей лет? — спросила она пожилого джентльмена.

— Три. Это моя правнучка.

— Вот это да. — Мэри Энн была тронута. Она вспомнила своего дедушку. Каким он был удивительно высоким… и как она бежала за ним, стараясь поспевать за его гигантскими шагами. — Каково это, иметь правнуков?

— Ну, — начал пожилой джентльмен, но тут ему протянули мороженое, и он принялся разворачивать брикеты и расплачиваться.

— До свидания, — сказала Мэри Энн девочке и погладила ее по голове. Помахав рукой, она двинулась к трущобному району на Ильм–стрит.

Дом Туини она, как обычно, опознала по высокой потрепанной пальме, которая росла во дворе. Хватаясь за балясины, поднялась по лестнице. Дверь, естественно, была закрыта. Она вынула свой ключ и зашла.

Ни шороха. Карточный столик в гостиной был заставлен пепельницами и пивными бутылка-

ми. На полу валялся стул со сломанной ножкой; она поставила его на место. На пианино, среди раскиданных газет и одежды, стояло блюдо с остатками бутербродов; при ее приближении оттуда юркнуло нечто маленькое.

На кухонном столе сохли остатки пищи. Вручную расписанный галстук Туини висел на спинке стула, а рядом под столом вместе с зажигалкой — тоже его — и двумя проволочными вешалками, валялась пижамная рубаха. Раковина была полна немытой посуды, мусорные мешки переполнены.

Сняв плащ, Мэри Энн зашла в спальню. При закрытых ставнях комната была погружена в янтарный сумрак, слегка затхлый из–за неприбранных простыней. Там, во мраке, она принялась неспешно раздеваться. Побросала юбку и блузку на кровать и, открыв стенной шкаф, стала нащупывать что–то среди пропахших нафталином вещей.

Вскоре она нашла то, что искала: женские джинсы и клетчатую рубашку, которая, когда она ее застегнула, была ей по колено. Надев мокасины, она подошла к окну и подняла шторы. То же она проделала и в других комнатах, а где смогла справиться с рамой, там раскрыла и окна.

Прежде всего она перемыла посуду. Затем стала тереть железной мочалкой с мылом деревянную сушилку. По голым рукам текли струйки въевшейся грязи. Остановившись, она убрала волосы с глаз, отдышалась и пошарила по ящикам в поисках тряпок. В стенном шкафу обнаружилась кипа чистых сорочек; разорвав их, она набрала ведро воды, развела мыло и принялась драить кухонный пол.

Покончив с этим, она взяла швабру и смахнула паутину со стен и потолка. На свежевымытый пол посыпалась сажа; тяжело дыша, она остановилась и поразмыслила. С потолка, конечно, надо было начинать, но теперь уж ничего не поделаешь.

Она собрала мусор и вынесла его на задний двор. Бак был полон; она высыпала свою охапку поверх и пошла обратно. Повсюду валялись банки и бутылки; в зарослях сорняка под ее ногой лопнула лампочка, и осколки разлетелись по сторонам. Она устало поднималась по лестнице, довольная, что выбралась из высокой травы невредимой: бог его знает, что там живет среди мусора и прогнивших досок.

Она принялась вытаскивать допотопный пылесос. Включившись, он выпустил облако пыли.

Она расстелила газеты и нашла шпингалет, чтоб его открыть. Целая туча пыли оросила ее лицо, и она отпрянула в ужасе. Это уже слишком, черт побери. Не стоит оно того.

Усталая, сквозь пыльную дымку, она окинула взглядом то, что удалось сделать. Практически ничего. Как же ей привести в порядок то, что захламлялось годами? Слишком поздно, да и когда она еще только родилась — уже было поздно.

Она сдалась, с трудом сложила пылесос и оттащила его обратно в стенной шкаф.

К черту этот его свинарник. К черту и его самого, подумала она о Туини. Пусть сам за собой убирает. Она пошла в комнату и стала искать в шкафу чистые простыни и покрывала. Выкинула грязное белье в коридор, едва не запутавшись в нем, и перевернула матрас.

Застелив постель, она разгладила покрывало и рухнула на кровать. Скинула мокасины, вытянулась, закрыла глаза. Тишина и покой. Иди ты к черту, Карлтон Туини, снова подумала она. Пол прав: ты придурок. Огромный ухмыляющийся придурок. Но, думалось ей, это не все. Совсем не все. Да, папочка, думала она, ты мог бы обращаться со мной и получше, но, черт побери, когда и кто со мной церемонился?

Она зашла в тупик. Верить в Туини больше не получалось. Она не могла дальше обманывать себя; он не был тем, кем она хотела его видеть — большим, добрым мужчиной, на которого можно положиться. Из–за него на нее снова обрушились и старые страхи, и прежнее одиночество.

Размышляя об этом, она заснула.

В два пополудни на лестнице послышались голоса; спустя минуту дверь отворилась и вошел Карлтон Туини в обнимку с Бет.

— Боже правый, — сказала Бет, наморщив носик, — откуда столько пыли? — Она застыла возле кипы грязного белья. — Что тут происходит?

— Кто–то здесь был, — проворчал Туини и, отойдя от нее, заглянул в гостиную. — Это, наверное, Мэри Энн, она часто заходит.

— У нее что, и ключ есть?

— Да. Она приходит и убирает у меня. Ей это нравится. — Туини подошел к спальне и застыл. — Разрази меня гром!

— Что такое? — Бет подошла и заглянула ему через плечо.

На кровати спала Мэри Энн. Лоб ее был нахмурен, лицо недовольно. Бет и Туини, остолбенев, стояли в дверях.

И тут Туини начал тихонько хихикать. Хихикал

он высоким фальцетом, сверкая широкой ухмылкой. Смех заразил и Бет — она низко, отрывисто зафыркала.

— Бедная мисс Мэри Энн, — прошептал Туини, стараясь не смеяться в голос.

Но сдержаться не получилось. Его лицо судорожно перекосилось, и они с Бет принялись повизгивать и ловить воздух в промежутках между взрывами хохота. Мэри Энн шевельнулась на кровати; веки ее затрепетали.

— Бедная мисс Мэри Энн, — повторял Туини, захлебываясь от смеха.

Так они и стояли, покачиваясь взад–вперед, пока дверь не распахнулась и в квартиру не вломился Дэниэль Кумбс.

Узнав его, Туини встал между ним и Бет, тот же поднял пистолет и почти не глядя выстрелил. Мэри Энн проснулась от шума; приподнявшись, она увидела, как Кумбс бежит от двери к спальне, нацеливаясь на Туини и Бет.

— Сейчас я буду тебя убивать, ниггер! — крикнул Кумбс, пытаясь выстрелить снова.

Он наступил на пачку журналов и поскользнулся. Туини, выпихнув Бет из коридора, схватил его за горло. Кумбс тщетно старался высвободиться, яростно размахивая руками. Туини хладнокров-

но потащил его на кухню.

— Туини! — завопила Мэри Энн. — Не надо!

И вот они с Бет уже повисли на нем. Туини, не обращая на них внимания, продолжал волочь свою добычу. Лица Кумбса не было видно за полами его пиджака; он беспомощно скреб ногами по полу, пока Туини не шарахнул его о кухонный стол, с которого упали солонка и сахарница, и не припер к раковине.

— Ради Христа, — молила Мэри Энн, колотя Туини по голеням.

Бет впилась ему в лицо своими длинными красными ногтями.

— Не делай этого, Туини! Тебя упекут на всю оставшуюся жизнь; тебя вздернут на виселицу, потом линчуют, обольют бензином, сожгут и будут плевать в огонь, плевать на твой труп. Туини, да послушай же меня!

Удерживая Кумбса одной рукой, Туини рывком открыл ящичек под мойкой и стал шарить среди столовых приборов, пока не нашел ледоруб. Тут Кумбсу удалось высвободиться — он метнулся к двери, вылетел в коридор и, оглушительно топоча, помчался вниз по деревянной лестнице.

Вдруг он пронзительно, по–овечьи взвизгнул; послышался треск старого дерева. А затем разда-

лось тихое «плюх», будто вдалеке опорожнило желудок какое–то огромное животное.

— Упал, — прошептала Бет, — мой муж.

Мэри Энн рванула к двери. Перила были на месте, но внизу лестницы лежал Дэниэл Кумбс. Перепрыгивая через ступеньки, он споткнулся и потерял равновесие.

Выскочила Бет.

— Он мертв?

— Я–то откуда знаю? — холодно ответила Мэри Энн.

Отпихнув ее в сторону, Бет проворно спустилась к своему мужу. Мэри Энн посмотрела еще секунду и вернулась в квартиру. Туини все еще сидел на кухне; выходя оттуда, он расправил рубашку и одернул галстук. Он был выбит из колеи, но не выглядел встревоженным.

— А копы–то, — сказал он, — ох как будут недовольны.

— Хочешь, чтоб я им позвонила?

— Да, пожалуй.

Она взяла телефон и набрала номер. Закончив, она повесила трубку и посмотрела ему в глаза.

— Ты хотел его убить.

Для нее это было последней каплей.

Туини промолчал.

— Твое счастье, что он вырвался, — сказала она безразлично, — теперь тебе не о чем беспокоиться.

— Хочется верить, — согласился Туини.

Мэри Энн присела.

— Приложи что–нибудь себе к лицу.

Скула — там, где они с Бет вцепились в него — кровоточила.

— Что ты сделал с ледорубом?

— Положил обратно в ящик, естественно.

— Ступай вниз и убедись, что она не станет об этом болтать. Торопись, пока они не приехали.

Она уже слышала вой сирен.

Туини послушно двинулся к двери. А Мэри Энн осталась сидеть, потирая ступню, которую подвернула, когда повисла на Туини, а он поволок ее. Через некоторое время она встала и пошла в спальню. Там она переоделась в юбку и блузку и уже вставала на каблуки, когда приехала полиция.

Когда она спускалась по лестнице, первый полицейский — она запомнила его с прошлой ночи — внимательно посмотрел на нее.

— Вас я не помню, — сказал он.

Мэри Энн ничего не ответила. Она остановилась, чтобы взглянуть на труп Кумбса, и где–то на

краю ее сознания мелькнула мысль о том, что на работу попасть сегодня уже не удастся.

Глава 13

Однажды утром в начале декабря Джозеф Шиллинг стоял и рассматривал свою уличную витрину. Солнце ярко светило, и он хмурился, представляя, как деформируются пластинки в конвертах. Потом он вспомнил, что конверты пусты — прежде чем выставить их на витрину, он сам вынул все диски. Довольный, он отпер дверь и зашел в магазин.

На прилавке громоздились кипы пластинок. Оставив их пока без внимания, он взял из стенного шкафа швабру и принялся расчищать сор, скопившийся возле двери за ночь. Закончив, зашел обратно и включил в сеть акустическую Hi–Fi систему, установленную над дверью. Выбрал из груды пластинок на прилавке и поставил на проигрыватель «Музыку на воде» Генделя.

Когда он снова вышел, чтобы развернуть тент, за его плечом возникла Мэри Энн Рейнольдс.

— Я думала, вы открываетесь в восемь. Я уже полчаса здесь сижу, — сказала она, указывая на «Синего ягненка».

— Я открываю в девять, — сказал Шиллинг, аккуратно раскручивая тент, — или вроде того.

На самом деле у меня нет четкого расписания. Иногда, в дождливые дни, не открываю и до полудня.

— Кого вы наняли?

— Никого, — ответил Шиллинг.

— Никого? Всю работу один делаете?

— Иногда ко мне заходит помочь старая подруга. Учительница музыки.

— Вы имеете в виду Бет Кумбс.

— Да.

— Вы слышали, что случилось с ее мужем?

— Да.

— Вы меня помните?

— Конечно, помню, — он был тронут до глубины души и с трудом подбирал слова, — я время от времени вспоминал вас и гадал, что же из вас вышло. Вы девушка, которая приходила наниматься на работу.

— А можно я зайду и присяду? — спросила Мэри Энн. — У меня от этих каблуков ноги болят.

Шиллинг зашел в магазин следом за ней.

— Извините за беспорядок… не было времени прибраться.

Оркестр громыхнул, и он нагнулся, чтобы убавить звук.

— Вы знаете миссис Кумбс? — Он старался гово-

рить непринужденно, чтобы эта беспокойная и зажатая девушка немного расслабилась. — А где вы с ней познакомились?

— В баре. — Мэри Энн уселась на подоконник и скинула туфли. — Вижу, вы убрали несколько будок для прослушивания.

— Мне не хватает места.

Девушка посмотрела на него прямо и внимательно.

— А хватит вам трех будок? А что, если посетителей будет толпа?

— Да вот все жду, чтобы проверить, — откровенно признался он.

— Вы вообще прибыль получаете? — Она массировала ступню. — Может, вам и нанимать–то никого не надо.

— Сейчас я готовлюсь к Рождеству. Если повезет, магазин, возможно, еще оживет.

— А что случилось с этим — как бишь его? — с тем певцом? Карьера заладилась?

— У Чада? Не совсем. Мы послали записи в Лос–Анджелес, но никто пока не откликнулся.

Девушка задумалась.

— Полу Нитцу он понравился. А мне показался дурачком каким–то. — Она пожала плечами. — Ладно, неважно.

Шиллинг стал раскладывать пластинки на прилавке, и какое–то время оба молчали.

Она сидела на подоконнике, как будто все–таки устроилась к нему на работу, как будто не развернулась и не выбежала тогда из магазина. В тот день он допустил грубую ошибку. Она ему понравилась, и он ее вспугнул. На этот раз он будет осторожней; теперь — надеялся он — все пойдет как надо.

— Вам нравится? — спросил он.

Смотрелась она так, как будто жила на этом подоконнике; словно кошка, она вошла и сделала это место своим. Теперь она приноравливалась, устраивалась здесь поудобнее.

— Магазин? — спросила она. — Я же вам говорила. Да, очень нравится. Здесь так мило, — голос ее прозвучал сухо и как–то по–деловому. И это смутило его.

— А ко мне вы, похоже, настроены враждебно, — заметил он.

Девушка не ответила. Она надевала туфлю.

— Вы сказали, что встретились с Бет в баре, — сказал Шиллинг, переводя разговор на более безопасную тему. — Это было здесь, в Пасифик–Парке? Раньше вы не были знакомы?

— Нет, раньше не были.

— А тогда вы ее уже знали? В тот день?

— В тот день ее еще здесь не было, — напомнила ему девушка, — они приехали позже.

— И как она вам показалась?

— Она привлекательная, — в ее голосе прозвучала нотка зависти, — у нее отличная фигура.

— Она толстая.

— Я так не думаю, — сказала Мэри Энн, закрывая тему, — а вот этот человечек, Дэнни Кумбс, он был неприятный. Что–то с ним было не так.

— Согласен, — сказал Шиллинг. Он вытащил пластинку из конверта и, взяв за края, просматривал, нет ли царапин. — Однажды Кумбс пытался меня убить.

— Правда? — заинтересовалась она.

Положив пластинку, Шиллинг подтянул рукав пиджака, вынул золотую запонку, расстегнул рукав белой хлопковой рубашки и показал запястье. Между волос пролегал бугристый шрам.

— Он ударил по этому месту железным прутом и сломал мне руку. Но тут подоспел мой Макс.

Пораженная, она смотрела на шрам во все глаза.

— Он и Туини пытался убить, но… — она осеклась, — ничего не вышло.

— Бет рассказала мне кое–что об этом. — Он

вставил запонку на место и поправил пиджак. — В Кумбсе была какая–то патология… а в присутствии негра она, очевидно, расцвела пышным цветом. Негр — это тот музыкант, насколько я понимаю.

— Типа того. А почему Кумбс хотел вас убить? Вы были с его женой?

Шиллинг смутился.

— Ничего подобного. Кумбс всегда ходил по краю. Он жил в искаженном, пропитанном ядом мире.

— Почему же она за него вышла?

— Бет сама немного того. Их мании сошлись, как кусочки головоломки, — сказал он. — По словам Бет, Дэнни выгнали из начальной школы за то, что он подглядывал за девочками в раздевалке. А потом он вырос и стал делать то же самое, только через видоискатель.

— А ей нравится… показывать себя, — с отвращением произнесла Мэри Энн.

— Бет работала натурщицей. Там они с Кумбсом и познакомились… у него было фотоагентство. Ему нужна была модель, готовая позировать обнаженной. Можете представить, как она была счастлива. Вот они и договорились к полному взаимному удовольствию.

Когда Кумбс погиб, он, конечно, вздохнул свободнее. В одиночку Бет представляла собой небольшую угрозу или даже вовсе никакой; ошибка, совершенная пять лет назад, наконец перестала отравлять ему жизнь. Теперь все могло измениться.

— Я не сожалею о его гибели, — произнес он.

— Нехорошо говорить так о мертвых, — сообщила ему Мэри Энн.

— Почему? — удивился он.

— Просто нехорошо, и все. Он же был человеком, верно? Убивать никого нельзя. Высшая мера и все такое, это все нехорошо.

Она кивнула, закрывая эту тему.

— Я пойду переобуюсь; эти туфли я надела, чтоб выглядеть постарше.

Это насмешило его.

— Я знаю ваш возраст. Вам двадцать лет.

— Да вы экстрасенс. — Она поковыляла к двери. — Я иду домой переодеваться. С работой все решено? Мы договорились, так ведь?

Его веселье сошло на нет.

— Вакансия открыта.

— Тогда я выдвигаю свою кандидатуру. Вы меня берете?

— Да, беру, — с чувством произнес он, — на

двести пятьдесят долларов в месяц, пятидневка, все, как мы обсуждали, когда вы были тут в прошлый раз.

Боже правый, прошло четыре месяца. Как же долго он ее ждал.

— Когда приступите?

— Вернусь сегодня же, как только переоденусь. — Она на мгновение заколебалась. — А что мне лучше надеть? Надо выглядеть по–деловому, наверное? Каблуки и все такое.

— Нет, это не обязательно, — хотя идея ему по–своему понравилась, — сгодятся и туфли без каблука. Но чулки — непременно.

— Чулки.

— Не стоит перегибать палку… но и в джинсах приходить не надо. Одевайтесь так, будто сами собрались в центр, чтобы пройтись по магазинам.

— Я так и предполагала, — сказала она, сверяясь с собой. — Как часто получка? Каждые две недели?

— Каждые две недели.

Без тени смущения она произнесла:

— А можно мне десять долларов прямо сейчас?

Это его и очаровало, и возмутило.

— Зачем? На что?

— Потому что я без гроша, вот на что.

Покачав головой, он достал бумажник и выдал ей десятидолларовую купюру.

— Я, может, и не увижу вас больше.

— Не глупите, — сказала Мэри Энн и исчезла в дверях, оставив его одного, как и прежде.

В час тридцать пополудни она вернулась — в хлопковой юбке и блузке с коротким рукавом. Ее волосы были зачесаны назад, а глаза светились готовностью к работе. Однако с нею пришел молодой человек вида весьма праздного.

— Где можно оставить вещи? — спросила она, имея в виду дамскую судочку. — В подсобке?

Шиллинг показал ей лестницу, ведущую в подвал.

— Здесь самое безопасное.

Просунув руку в лестничный колодец, он щелкнул рубильником и включил свет.

— Там дальше туалет и стенной шкаф. Небольшой, но плащ повесить можно.

Пока Мэри Энн не было, молодой человек профланировал к нему.

— Мистер Шиллинг, мне сказали, что вы разбираетесь в музыке.

Он вынул из кармана пиджака помятый конверт и принялся разглаживать его на прилавке. Шиллинг разглядел, что это список композито-

ров; все современные, все индивидуалисты–экспериментаторы.

— Вы музыкант? — спросил Шиллинг.

— Да, я играю боп на фоно в «Корольке». — Он пристально посмотрел на Шиллинга. — Давайте теперь посмотрим, на что вы способны.

— О, я способен на многое, — сказал Шиллинг, — спросите о чем–нибудь.

— Вы слыхали о парне по имени Арни Шейнбург?

— Шёнберг, — поправил Шиллинг. Он не мог понять — может, его разыгрывают? — Арнольд Шёнберг. Он написал «Песни Гурре»[124].

— И как давно вы в этом деле?

Шиллинг подсчитал.

— Ну, в той или иной степени в бизнесе я с конца двадцатых годов. Однако розничный магазин у меня впервые.

— Вы любите музыку?

— Да, — ответил Шиллинг, как–то смутно забеспокоившись, — очень.

---

[124] Примечания: 124

Арнольд Шёнберг. Он написал «Песни Гурре». — Арнольд Шёнберг (1874–1951) — австрийский, американский композитор, дирижер, музыковед и художник–живописец, представитель музыкального направления экспрессионизма, родоначальник атональной музыки и 12–тоновой системы композиции. «Песни Гурре» — оратория для пяти солистов, чтеца, хора и оркестра (1911).

— Вы хоть чем–нибудь еще занимаетесь? Выезжаете куда–нибудь? — молодой человек разгуливал, изучая магазин. — Элегантный магазинчик. Чувствуется вкус. Но скажите, Шиллинг, вы никогда не чувствуете себя оторванным от широких масс?

Из подсобки появилась Мэри Энн.

— Ну–с, приступим.

Нагрузив молодого человека пластинками, Шиллинг задвинул его в будку. Мэри Энн за прилавком деловито открывала кассовый аппарат.

— Это ваш друг? — спросил Шиллинг (его позабавило, что в ее мире просто не существовало такой формальности, как представить джентльменов друг другу).

— Пол играет в «Корольке», — ответила она, пересчитывая однодолларовые банкноты.

Уйдя отсюда, она поспешила домой, чтобы переодеться, а потом побежала в «Королек» отдавать Полу его десятку… на которую жила с тех пор, как проела последние деньги, полученные в телефонной компании.

— То самое место? — спросил Нитц. — Музыкальный магазин? Там, где этот парень, с которым мне все советуют поговорить.

— Пойдем со мной, — упрашивала его Мэри

Энн, леденея от мысли, что ей придется вернуться туда одной. — Пожалуйста, Пол, сделай одолжение.

Он поднял бровь.

— А в чем дело?

— Ни в чем.

— Ты боишься?

— Конечно, боюсь. Новая работа, первый день.

— А что ты знаешь об этом типе?

— Я с ним уже встречалась, — уклончиво сказала она, — он пожилой.

Отложив вестерн в бумажной обложке, он встал.

— Ладно, пойду. Буду тебя сопровождать. — Он дружески похлопал ее по спине. — Я даже готов вызвать его на дуэль — ты только подмигни.

— Что вы делаете? — спросил Шиллинг, глядя, как проворно ее пальцы перебирают купюры.

— Смотрю, сколько нам нужно взять из банка.

Когда она составила список, Шиллинг показал ей миниатюрный сейф возле дежурной лампочки.

— Я хожу в банк раз в неделю. В прочие дни пользуюсь вот этим.

— Так бы и сказали.

Покончив с пересчетом денег, она схватилась

за швабру.

— Я приберусь здесь, — сообщила она, — давно пора… Вы вообще когда последний раз подметали?

Смутившись, Шиллинг продолжал сортировать грампластинки. Потом он вышел в офис и включил кофе–машину. Приятель Мэри забаррикадировался винилом в первой будке и глазел оттуда.

Дана девушка, размышлял Шиллинг, которая в первый же день заняла денег у работодателя, сама решила, когда ей приходить, а когда наконец явилась, то привела с собой друга, готового весь день слушать в магазине музыку. Теперь же, вместо того чтобы послушно внимать наставлениям, она просто объявляет, чем намерена заняться.

— А почему бы вам не сдвинуть прилавок вглубь? — спросила Мэри Энн, когда он появился с кофе.

— Зачем? — Он налил две чашки.

— Чтобы покупатели сразу подходили к витрине, — она недовольно шлепнула по прилавку, — он только дорогу перегораживает.

— Мисс Рейнольдс, — сказал Шиллинг, сознавая, что сейчас он становится похож на всех, у кого она работала прежде, — отложите швабру и

подойдите сюда. Мне нужно с вами поговорить.

Ее узкие губы на мгновение растянулись в улыбке.

— Подождите, пока я закончу. — С этими словами она исчезла за входной дверью с совком. Вернувшись, нашла тряпку для пыли и принялась протирать прилавок.

Уязвленный, Шиллинг потягивал свой дневной кофе.

— Полагаю, вам следует научиться пользоваться нашим инвентарем и понять, чего я жду от вас в общении с клиентами. Я работаю по собственной системе; мне нужен индивидуальный подход. Нужно знать каждого клиента в лицо и обращаться к нему по имени, как только он переступает порог.

Мэри Энн кивнула, продолжая вытирать пыль.

— Когда клиент о чем–то спрашивает, вы должны быть готовы дать ему содержательный ответ, а не пялиться, разинув рот. Предположим, я захожу и говорю: «Я слышал концерт Баха для фортепьяно, сыгранный на скрипке. Что это?» Сможете вы ответить?

— Конечно, нет, — ответила Мэри Энн.

— Ну, — Шиллинг пошел на попятный, — этого я от вас и не ожидал. Это моя работа. Но вы

должны выучить достаточно, чтобы уверенно обслуживать обычных покупателей классики. Вам нужно уверенно принимать заказы на стандартные симфонические записи. Предположим, приходит клиент и просит у вас хорошую симфонию Дворжака. И лучше бы вам знать, сколько всего он написал симфоний, какие из записанных лучшие и что у нас есть в наличии. Также вам нужно знать Сметану, Брамса, Джозефа Сака, Малера и всех прочих композиторов, которые могут понравиться любителю Дворжака.

— Этим–то Нитц и занимается, — сказала Мэри Энн.

— Нитц? Что это?

— Пол Нитц, в будке. Он раньше никогда не слышал такой серьезной музыки.

— Идея моя в том, — резко продолжил Шиллинг, — что когда продавец открывает перед клиентом новые горизонты, клиент становится зависим от продавца. Это означает, что на вас лежит ответственность; вы должны отнестись к клиенту со всей серьезностью и не впаривать ему всякое барахло только потому, что оно залежалось на прилавке. Это уже не бизнес, а искусство со своими законами. Мы ведь продаем не жвачку и не газировку; мы продаем то, что — по крайней

мере для некоторых — становится частью образа жизни.

— А как это называется? — спросила Мэри Энн. — Ну, то, что он сейчас слушает?

— О чем вы говорите?

Она не уделила ему ни капли внимания.

— Мисс Рейнольдс, — сказал он, — вы слышали, что я вам говорил?

— Конечно, слышала, — отозвалась она, тщательно вытирая пыль. — Вы сказали, что я должна знать, что мы продаем. Но я не смогу сразу так все выучить… вам придется мне помочь.

— Но хотите ли вы узнать, что на этих пластинках? Вам это интересно?

— Да, интересно.

— Послушайте, что ставит ваш друг, — из будки доносился грохот экспериментальной перкуссии Чавеса. — Можете ли вы сказать, не покривив душой, что вам это нравится? Черт подери, — вспылил он, — да бросьте вы свои тряпки. Не нравится вам эта музыка; она для вас ничего не значит.

— Дичь жуткая, — согласилась Мэри Энн.

— И что же мне с вами делать? Не могу же я заставить вас полюбить ее? — в отчаянии произнес Шиллинг.

Она испытующе посмотрела на него.

— Вам самому–то нравится?

— Нет, — признался он, — меня не интересуют эксперименты с чистым звуком.

— Что же вам тогда нравится?

— Я собираю вокальные записи. Лирические песни, романсы.

— Но продавать можете и это тоже. — Она снова принялась стирать пыль. — И что, вы правда считаете, что музыка — это важно?

— Видите ли, — сказал Шиллинг, — музыка — это моя жизнь.

— Вся ваша жизнь? — она снова остановила на нем проницательный взгляд. — Значит, для вас нет ничего важнее музыки?

— Да, так и есть, — сказал он даже немного воинственно.

Больше вопросов девушка не задавала; она услышала, приняла его слова и сохранила их в каком–то уголке сознания.

— А почему нет? — спросил он, следуя за ней от одной протираемой поверхности к другой.

— Вот и Пол такой же. Иногда мне жаль, что у меня самой нет ничего похожего.

— Почему нет?

Она пожала плечами:

— Наверное, нипочему. Кроме того, что здесь, в этом городе — ну, кто и когда слыхал о том, что вы дали Полу? Он и сам такого никогда не слышал, а ведь он музыкант.

— Поэтому я и приехал, и поселился здесь.

— Здесь живут одни придурки.

— И я придурок, потому что приехал сюда?

— Я имею в виду тех, кто тут вырос, ничего не видел и ничего не знает. Таких, как Джейк Ловет, как Дейв Гордон… и все остальные. Потягивают пивко, шатаются по кондитерским да заправкам. Но вы не такой. Вы видели достаточно, чтобы понять, что вам нужно и что вам нравится. Вы не здешний.

Она перестала протирать пыль и стояла теперь, глубоко задумавшись. Джозеф Шиллинг подошел и уверенно забрал у нее тряпку. Взяв за руку, он подвел ее к прилавку и поставил за него. Она не сопротивлялась.

— А теперь, миссис Рейнольдс, — сказал он, — послушайте, что я вам скажу. Сейчас мы с вами освоим технику продажи грампластинок.

Она кивнула.

— Итак, — он положил конверт на прилавок, — я хочу купить эту пластинку. Я пожилой покупатель. Каков ваш первый шаг?

Мэри Энн взяла пластинку и осмотрела яркую обложку с нарисованными скрипками.

— Что это? — Шевеля губами, она разобрала имя композитора. — Прокофьев.

— Сейчас мы продаем пластинку; к музыке это никакого отношения не имеет. Что надо сделать, когда клиент принес свою покупку к прилавку?

Мэри Энн наклонилась под прилавок и достала пакет для пластинок.

— Нет, — покачал головой Шиллинг, — сперва вы проверяете, не поцарапана ли пластинка. — Он показал ей, как вынимать диск, держа его за края. — Ясно?

Она повторила.

— Что дальше? — спросил он, положив пластинку.

— Теперь я кладу ее в пакет.

— Нет, теперь вы заполняете бланк, где указывается имя и адрес покупателя. — Он презентовал ей механическое перо и показал, как пользоваться машинкой, копирующей бланки. — А вот теперь вы кладете пластинку и бланк в пакет. Наша копия накалывается вот сюда. — Он насадил бумажку на штырь.

Мэри Энн уложила пластинку в пакет, разогнула ручки и, взглянув на Шиллинга, одарила

его самой теплой улыбкой, какую он когда–либо видел.

— Спасибо, — сказала она и придвинула пакет через прилавок.

— Что такое? — забормотал он.

По–прежнему улыбаясь, она присела в легчайшем реверансе:

— Спасибо за покупку.

— Пожалуйста, — угрюмо пробурчал Шиллинг.

А она все улыбалась, и улыбка ее была так мила и бесхитростна, что и очаровывала его, и вселяла странную неуверенность.

— Следующий этап, — продолжил он, — это кассовый аппарат. С этим вы справитесь?

— Конечно, — не сразу ответила она.

— Что еще? — ему с трудом удавалось собраться с мыслями. — Вы знаете, где искать цены на пластинки?

— Нет.

Он вынул каталог пластинок «Шванн» и показал на прайс–лист в конце.

— Вот, все они здесь. Пока не выучите, все время сверяйтесь.

— Не желаете приобрести еще одну? — спросила она.

— Нет, — ответил он, — одной вполне достаточ-

но, спасибо.

Она взяла верхнюю пластинку из ближайшей стопки.

— Купите вот эту. — Она прочла название. — «Шуберт. Концерт для фортепьяно в четыре руки». Купите… хорошая пластинка.

— Правда?

— Да, — подтвердила она, — очень приятная.

— Тогда, может, и куплю.

— Хотите, я ее поставлю?

— Пожалуй, — сказал он с некоторым вызовом.

Тут она показала ему язык.

— Сами поставьте; вы уже не маленький.

Шиллинг неуверенно рассмеялся.

— Ну, похоже, вы справитесь.

Резко развернувшись, Мэри Энн пошла за своей тряпкой.

В четыре тридцать из насквозь прокуренной будки показался Пол Нитц, нагруженный пластинками, которые он сложил на прилавок.

— Спасибо, — сказал он Шиллингу.

— Вам понравилось?

— Да, — ответ ил тот, — кое–что.

Шиллинг принялся раскладывать пластинки.

— Приходите в воскресенье. Я буду ставить

новые вещи Вирджила Томпсона[125].

Нитц шарил по карманам.

— Я куплю вон ту, сверху.

— Пол, — резко сказала Мэри Энн, — у тебя же нет граммофона.

— Это не имеет значения.

Бросив конверты, которые ей нужно было унести в кладовую, она поспешила к Нитцу и выхватила у него пластинку.

— Нет, так нельзя. Я же знаю, как это будет. Ты будешь сидеть дома и смотреть на нее. А какой прок на нее пялиться?

— Ну ты и командирша, — пробормотал Нитц.

— Я спрячу ее под прилавок, — сказала она, — пойди и купи граммофон, а потом уж возвращайся за своей пластинкой.

Шиллинг стоял и смотрел, как она выпихивает парня на мостовую. Эта сцена казалась ему нереальной, почти сказочной; такого не бывает в магазинах. Это было даже по–своему забавно.

— Ему нужно на работу, — объяснила Мэри Энн, поспешая внутрь, — он играет боп на пианино в «Корольке».

— Из–за вас я не продал пластинку, — произнес

---

[125] Примечания: 125

Вирджил Томсон (1896–1989) — американский композитор и музыкальный критик.

Шиллинг, по–прежнему пребывая в некотором замешательстве.

— Послушайте… если бы он купил эту пластинку, он бы сидел дома и тупо на нее пялился. Я–то его знаю, поверьте мне на слово. Больше он никогда не купил бы ни одной пластинки; а теперь, когда он купит граммофон, он будет приходить за ними постоянно.

— Вы либо очень прозорливы, — сказал он, — либо у вас чересчур хорошо подвешен язык. Что выбрать?

Они смотрели друг на друга.

— Вы мне не верите? — спросила она.

Он нехотя улыбнулся:

— Отчасти. Но вы для меня слишком затейливая.

Эта фраза ее как будто заинтриговала.

— Затейливая? В каком смысле?

— Вы, с одной стороны, совсем молодая, неискушенная и наивная, — он внимательно на нее посмотрел, — и в то же время вы очень даже опытная. В чем–то даже беспринципная.

— А, — сказала она, кивая.

— Почему вы передумали? Почему решили прийти ко мне на работу?

— Потому что я устала работать в телефонной

компании.

— И все? — не поверил он.

— Нет. Я… — Она запнулась. — Со мной много чего произошло. Тот, на кого я полагалась, подвел меня. Теперь я уже не чувствую того, что прежде — ни к нему, ни вообще.

— Тогда вы меня испугались?

— Да, — призналась он, — даже очень.

— А теперь нет?

Она задумалась.

— Нет, теперь я иначе смотрю на вас. И на себя тоже.

Шиллинг надеялся, что она сказала правду.

— Что вы сделали с теми десятью долларами?

— Отдала их Полу Нитцу.

— Значит, вы опять без гроша?

— Да, без гроша, — улыбнулась она.

— Значит, завтра вы попросите еще десять долларов?

— А можно?

— Посмотрим.

Брови ее взлетели.

— Посмотрим? Правда?

Магазин был пуст. Предвечернее солнце отсвечивало от тротуара. Шиллинг подошел к окну и встал, засунув руки в карманы. Наконец, чтобы

унять разноголосые чувства, он закурил сигару.

— Выбросьте эту вонючку, — приказала Мэри Энн. — Как вы думаете, покупателям понравится этот запах?

Он обернулся.

— Если я приглашу вас на ужин, что вы скажете?

— Зависит от того, куда. — Она как будто сразу собралась, насторожилась; эта перемена не осталась для него незамеченной.

— А где хорошо кормят?

Она подумала.

— В «Ла Поблана», это на шоссе.

— Хорошо. Поедем туда.

— Туда мне придется переодеться. Снова надеть каблуки и костюм.

— Как закроем магазин, я отвезу вас к дому и вы переоденетесь, — своей спокойной рассудительностью он развеял ее тревоги и с облегчением услышал в ответ:

— Хорошо.

Довольный, в приподнятом настроении он затушил сигару и, пройдя в кабинет, стал готовить заказ для фирмы «Коламбиа».

Обычно эта рутинная работа доставляла ему мало радости, но сегодня он делал ее охотно и

даже с наслаждением.

Глава 14

В тот вечер он сводил ее поужинать. А четыре дня спустя, в субботу, взял с собой на вечеринку оптовиков в Сан–Франциско.

Они ехали к полуострову, и Мэри Энн спросила:

— Это ваша собственная машина?

— Этот «Додж» я купил еще в сорок восьмом. Это была пакетная сделка: к машине прилагался Макс. Теперь я меньше вожу, — добавил он.

Он стал плохо видеть и однажды врезался в припаркованную цистерну с молоком. Но об этом он предпочел не упоминать.

— Хорошая машина. Такая большая и тихая… — Она смотрела на темнеющие поля, которые проплывали мимо по обе стороны шоссе. — Так что будет на этой вечеринке?

— Ну, вы же не боитесь?

— Нет, — сказала она, очень прямо сидя рядом с ним и крепко сжимая в руках сумочку. Она нарядилась в нечто вроде черной шелковой пижамы.

Штанины оканчивались завязками на голых щиколотках, а блузку венчал огромный заостренный ворот. Обута она была в комнатные туфли

без каблука, а волосы собрала в конский хвост.

Когда она выбежала из дома и села в машину, он сказал:

— Для такого хвоста у вас коротковаты волосы.

Она, запыхавшись, уселась с ним рядом и хлопнула дверцей.

— Слишком претенциозно, да? Я неправильно оделась?

— Выглядите вы превосходно, — со всей искренностью сказал он, заводя мотор.

Однако она все же немного побаивалась. Ее большие серьезные глаза блестели в темноте салона; сказать ей было почти нечего. Она достала из сумочки сигареты и наклонилась к прикуривателю.

— Может, там и весело, — сказал он, подбадривая ее.

— Да–да, вы уже говорили.

— Лиланд Партридж — это фанатик; мы называем таких аудиофилами. Там будут колонки размером с дом, алмазные иглы и экстраклассные записи товарных поездов и глокеншпилей[126].

— Народу будет очень много? — спросила она в третий раз.

---

[126] Примечания: 126

Глокеншпиль , или оркестровые колокольчики, — ударный музыкальный инструмент, разновидность ксилофона.

— Ребята из розницы плюс часть музыкальной тусовки Сан–Франциско. Будет выпивка и много разговоров. Когда звукачи сцепятся языками с толковыми музыкантами, можно услышать кое–что интересное.

— Обожаю Сан–Франциско, — с жаром сказала Мэри Энн, — все эти крошечные бары и ресторанчики. Однажды мы с Туини ездили в одно место на Норт–Бич. Называлось оно «Бумажная кукла». Пианист играл диксиленд… круто играл.

— Круто, — передразнил Шиллинг.

— Он был весьма неплох. — Она постучала пальчиком по сигарете; из окна в темноту полетели искры. По радио играли симфонию Гайдна.

— Мне это нравится, — сказала она, наклонив голову.

— Узнаете, кто?

Она задумалась.

— Бетховен?

— Это Гайдн. «Симфония литавр».

— Как вы думаете, я когда–нибудь смогу различать симфонии? Когда мне будет столько же лет, сколько вам?

— Вы еще только учитесь, — произнес он как можно безмятежнее, — все дело в опыте, не более того.

— Вы действительно любите эту музыку. Я наблюдала за вами… вы не притворяетесь. Вот и Пол к своей музыке так же относится. Вы как будто… упиваетесь ею. Вы стараетесь услышать в ней все.

— Мне нравится ваш друг Нитц, — сказал он, хотя в чем–то тот ему даже мешал.

— Да, он замечательный. Он и мухи не обидит.

— И вас это восхищает.

— Да, — сказала она, — а вас — нет?

— Если абстрактно, то да, восхищает.

— Ах, эти ваши абстракции. — Она устроилась на сиденье, поджав ноги и упершись локтем в дверцу.

— Что там за огни? — Голос ее звучал почти испуганно. — Мы что, уже почти приехали?

— Почти. Соберите мужество в кулак.

— Уже собрала. И не смейтесь надо мной.

— А я и не смеюсь над вами, — мягко сказал он, — с чего бы это?

— Они высмеют меня, что бы я ни сказала?

— Нет, конечно, — сказал он и добавил, не удержавшись, — они будут так греметь своими записями со звуковыми эффектами, что и не услышат, что вы говорите.

— Я неважно себя чувствую.

— Вам полегчает, когда мы приедем, — по-отечески успокоил ее Шиллинг и прибавил скорости.

Когда они добрались до места, вечеринка уже началась. Шиллинг заметил, как преобразилась девушка, поднимаясь по лестнице в дом Партриджа. Страха как не бывало, он скрылся где-то в глубине; Мэри Энн с невозмутимым видом облокотилась на железные перила, в одной руке держа сумочку, а другую изящно положив на колено. Как только дверь открылась, она плавно выпрямилась и скользнула мимо мужчины, который их впустил. Когда Шиллинг затушил свою сигару и переступил порог, она уже дошла до конца коридора и приближалась к гостиной, откуда доносились шум и смех.

— Здравствуй, Лиланд, — сказал он, пожимая руку хозяину. — А куда подевалась моя девочка?

— Да вон же она, — сказал Партридж, закрывая дверь. Это был высокий, средних лет мужчина в очках. — Жена? Любовница?

— Кассирша, — Шиллинг снял пальто. — Как семейство?

— Да как обычно. — Придерживая Шиллинга за плечо, он вел его в гостиную. — Эрл опять хворает; тот же грипп, которым мы все переболели в

прошлом году. Как магазин?

— Грех жаловаться.

Они оба остановились, наблюдая за Мэри Энн. Она безошибочно распознала хозяйку и теперь принимала у Эдит Партридж бокал. Непринужденно обернулась, чтобы поздороваться с группой молодых клерков из студии звукозаписи, которые сгрудились за столом. Стол представлял собой выставку звуковой техники: вертушек, картриджей, звукоснимателей. Все это были элементы новой стереосистемы «Диотроник».

— У нее есть такт, — сказал Партридж, — для такой молоденькой девушки это редкость. Моя старшая примерно ее возраста.

— Мэри, — сказал Шиллинг, — подойдите к нам, познакомьтесь с хозяином.

Она повиновалась, и он представил их друг другу.

— А кто вон тот страшно толстый мужчина? — спросила она Партриджа. — Там, в углу, развалился на кушетке.

— Этот? — Партридж улыбнулся Шиллингу. — Это страшно толстый композитор по имени Сид Хезель. Пойдите, послушайте, как он сипит… серьезно, его стоит послушать.

— Впервые слышу, чтоб ты признал это за Си-

дом, — сказал Шиллинг. Партридж всегда казался ему немного зазнайкой.

— Когда он говорит, ему нет равных, — сухо ответил Партридж, — даже жаль, что он не занялся литературой.

— Хотите с ним познакомиться? — спросил Шиллинг Мэри Энн. — Это интересный опыт, даже если вы совершенно равнодушны к его музыке.

В сопровождении Партриджа они проследовали в угол.

— А что у него за музыка? — нервно спросила Мэри Энн.

— Очень сентиментальная, — объявил Партридж. Его клювастое лицо возвышалось над ее головой, пока он проталкивал их сквозь толпу гостей. — Все равно что тарелка мараскиновой вишни[127] на завтрак.

Поверх гула голосов гремела титаническая Первая симфония Малера, усиленная целой системой рупоров и колонок, наполнявших большую, нарядную гостиную.

— Лиланд имеет в виду, — вступил Шиллинг, —

---

[127] Примечания: 127

Мараскиновая вишня — разновидность черешни, произрастающая на побережье Хорватии. Отличается от других видов черешни меньшим размером, отсутствием косточек и более терпким вкусом.

что у Хезеля, в отличие от большинства его соотечественников, еще не иссякли мелодии.

— Ах, когда я слышу тебя, Джо, я как будто переношусь в прошлое, — сказал Партридж. — В те старые добрые времена, когда перед каждой записью выбегал человечек, который выкрикивал название подборки.

Сид Хезель был увлечен беседой. Он сидел, вытянув ноги и примостив трость в тучной промежности, и тыкал в сторону слушателей массивным пальцем. Хезель походил на целый материк плоти; из глубины жировых складок сверкали его черные, острые глаза. Тот самый Хезель, которого помнил Шиллинг; чтобы поудобней устроить огромный живот, он расстегнул две верхние пуговицы ширинки.

— …О нет! — брызгал слюной Хезель, вытирая рот скомканным белым платком, который держал возле подбородка. — Вы меня неправильно поняли; я никогда не утверждал ничего подобного. Франкенстайн — хороший обозреватель, отличный музыкальный обозреватель; лучший в наших местах. Но он шовинист. Если вы местный талант — вы соль земли, а если вас угораздило родиться каким–нибудь Лили Ломбино из Виллинга, Западная Виржиния, то Альф и не взглянет

на вас, будь вы даже скрипачом почище самого Сарасате[128].

— Я слышал, что обзоров концертов и выставок ему уже мало, — добавил один из присутствующих, — он собирается выгнать Колтановского и вести шахматную колонку.

— Шахматы, — произнес Хезель. — Вполне возможно; Альф Франкенстайн способен на все, кроме приготовления пищи. — Тут он заметил Партриджа и озорно сверкнул глазами. — Ох уж эти стерео–дел–мастера. Если бы только Малер был жив…

— В стерео, — мрачно вступил Партридж, — Малер смог бы услышать подлинное звучание своих вещей.

— Это аргумент, — признал Хезель, переводя внимание на хозяина. — Мы, конечно, должны помнить о том, что Малер добивался идеального звучания своей музыки. А есть ли в вашей системе рычаг или ручка, которая включала бы идеальное малеровское звучание? Ведь если она есть…

— Сид, — прервал его Шиллинг, зная, что долгие

---

[128] Примечания: 128

Сарасате , Пабло де (1844–1908) — испанский скрипач и композитор, прославившийся своей виртуозной техникой и легкостью игры; автор 54 произведений для скрипки.

годы дружбы дают ему такое право, — ты отдаешь себе отчет в том, что оскорбляешь Лиланда, при этом поглощая его выпивку?

— Если бы не его выпивка, — мгновенно парировал Хезель, — я бы вообще никого не оскорблял. Что тебя привело сюда, Джош? Все надеешься подписать контракт с Морисом Равелем?

Две мясистые руки, как огромные змеи, потянулись к Шиллингу, который принял их, и мужчины тепло обнялись.

— Ряд видеть тебя, — сказал Хезель; они оба были тронуты. — Все таскаешь с собой в чемодане коробку с контрацептивами?

— То, что ты называешь чемоданом, на самом деле большая кожаная спринцовка, сделанная на заказ.

— Как–то раз, — доверительно обратился Хезель к своей аудитории, — я встретил Джоша Шиллинга в баре… — Он на мгновение умолк. — Боже правый, Шиллинг! Хотел бы я посмотреть на женщину, которой впору такая спринцовка!

Немного смущенный, Шиллинг искоса глянул на Мэри Энн. Как–то она переносит явление великого современного композитора Сида Хезеля?

Она стояла, сложив руки, и ее, казалось, это ни забавляло, ни обижало. Что она думает, было

совершенно непонятно. В своих черных шелковых брюках она казалась невероятно стройной, линии ее прямой спины и удлиненной шеи были удивительно гармоничны, а маленькие острые грудки вызывающе торчали поверх скрещенных рук.

— Сид, — сказал Шиллинг, выводя Мэри Энн вперед, — я тут открыл маленький магазин пластинок в Пасифик–Парке. Помнишь, я всегда о таком мечтал? И вот однажды, когда я распаковывал посылку, из коробки выскочил эльф.

— Дорогая, — обратился к ней Хезель, в голосе которого теперь не было ни тени сарказма, — подите сюда и расскажите мне, что заставило вас пойти на работу к этому старику. — Он вытянул руку и сомкнул свои пальцы вокруг ее запястья. — Как вас зовут?

Она назвалась, негромко и с тем врожденным достоинством, к которому Шиллинг уже начинал привыкать.

— Не будьте такой неуловимой, — сказал Хезель, улыбаясь окружившей их публике. — Она ведь неуловимая, правда?

— Что вы имеете в виду? — спросила его Мэри Энн.

Хезель нахмурился.

— В виду? — как будто недоумевал он. — Ну, — воскликнул он чересчур громким, срывающимся голосом, — я имею в виду… — Он повернулся к Шиллингу: — Ты объясни ей.

— Он имеет в виду, что вы очень симпатичная девушка, — промолвила Эдит Партридж, которая появилась, держа поднос с бокалами. — Ну–ка, кто тут засох?

— Я, — пробурчал Хезель, нащупывая себе бокал, — спасибо, Эдит.

Отпустив руку Мэри Энн, он переключился на хозяйку:

— Как детишки?

— Ну и как он вам понравился? — спросил девушку Шиллинг, уводя ее сквозь кольцо слушателей прочь от Хезеля. — Он ведь вас не расстроил?

— Нет, — сказала он, покачав головой.

— Как обычно, слишком много выпил. Он показался вам отвратительным?

— Нет, — сказала он, — он же как Нитц, правда? То есть не такой, как большинство людей… что бы это ни значило. Наверное, это жестокость. То, чего я боюсь. А его я не боялась.

— Сид Хезель — добрейший в мире человек, — отозвался он, чувствуя облегчение и благодар-

ность. — Принести вам чего–нибудь выпить?

— Нет, спасибо, — ответила она и вдруг в приступе внезапного уныния спросила: — Тут ни для кого не секрет, сколько мне лет, так ведь?

— А сколько вам лет?

— Слишком мало.

— Вот и замечательно. Сравните себя, скажем, с нашей компанией — Партридж, Хезель, Шиллинг — трое старикашек, предающихся воспоминаниям о тех временах, когда музыку еще записывали на валики.

— Я бы и сама хотела об этом поговорить, — горячо возразила Мэри Энн. — А что я могу сказать? Только и остается, что повторять свое имя… ну не прелесть ли?

— По мне так очень даже, — сказал он, и это была правда.

— Вот вы знаете, кто такой Мийо?

— Да, — признался он.

Она побрела прочь, и после некоторого колебания он последовал за ней. Притормозив возле группы звукоинженеров, она стала прислушиваться к их разговору. Личико ее сделалось тревожно–хмурым; эту мину он уже видел не раз.

— Мэри Энн, — сказал он, — они сравнивают

спады частот у новых усилителей Богена и Фишера. Какое вам до этого дело?

— Да я даже не понимаю, о чем речь!

— О звуке. И временами я сомневаюсь, понимают ли они сами.

Он отвел ее в безлюдный угол и усадил в кресло у окна. Она вцепилась в бокал — сумочку у нее забрала Эдит Партридж — и уставилась в пол.

— Выше нос, — сказал он.

— А что это за жуткий грохот?

Он прислушался. Слышен был только шум голосов и, конечно, симфонический водопад Малера.

— А, вот, наверное, в чем дело. Здесь где–то рядом установлена рупорная колонка.

Он пошарил руками за репродукцией и обнаружил вмонтированную в стену решетку.

— Видите? Звук идет отсюда.

— А это как–то называется?

— Да. Это Первая симфония Малера.

Мэри Энн задумалась.

— Вы даже название знаете. А меня научите?

— Конечно. — Он был тронут.

— Потому что я хочу поговорить с этим человеком и не могу, — честно призналась Мэри Энн, — с тем толстяком. — Она встряхнула головой: — Я, кажется, устала… сегодня в магазине

было столько народу. Который час?

Была всего половина десятого.

— Хотите уже пойти? — спросил он.

— Нет, это как–то неправильно.

— Как захотите, так и будет, — произнес он совершенно искренне.

— А куда бы мы поехали? Обратно?

— Если хотите.

— Не хочу.

— Ну, — мягко сказал он, — тогда не поедем. Можем зайти в бар. Можем перекусить где–нибудь; можем просто погулять по Сан–Франциско. Что угодно можем сделать.

— А на фуникулере можем прокатиться? — слабым, унылым голосом спросила она.

Меж тем в дальнем конце комнаты разгорался спор. Сквозь завесу симфонического шума прорывались недовольные голоса. Это были Партридж с Хезелем.

— Давайте попробуем рассуждать разумно, — брюзжал Партридж. — Я согласен, что мы должны сохранить ясное представление о цели и средствах. Однако звук — это не средство, а музыка — не цель; музыка — это ценностная характеристика, применяемая к признанным звуковым паттернам. То, что вы называете звуком, это тоже

музыка, просто она вам не нравится. И более того…

— И более того, — громыхнул в ответ Хезель, — если я пару раз подряд шандарахну по мешку с бутылками, то могу с полным правом заявить, что сочинил произведение под названием «Исследование стекла» — так, по–вашему? Или я вас неправильно понял?

— Не нужно переходить на личности.

Партридж повернулся спиной к Хезелю и зашагал прочь, натянуто улыбаясь, двигаясь от компании к компании и здороваясь с вновь пришедшими. Постепенно гостиную снова наполнили разговоры и музыка, а Хезеля, окруженного сонмом неофитов, перестало быть слышно.

— Боже мой, — выдохнул Партридж, приближаясь к Шиллингу и Мэри Энн, — ну конечно, он напился. Ладно, сам виноват.

— Сам виноват, что пригласил его? — спросил Шиллинг.

Тут послышались характерные звуки пианино — кто–то начинал играть. Партридж вскипел с новой силой.

— Это Хезель, черт его дери! Он все–таки нашел инструмент. Я же говорил Эдит, чтобы увезла его из дома с глаз долой.

— Не так уж это просто, — сказал Шиллинг, не испытывая особого сочувствия к хозяину, — такие вещи нахрапом не делаются.

— Я должен его остановить; он все испортит.

— Что он испортит?

— Как что? Демонстрацию. Мы собрались здесь, чтобы торжественно презентовать новое измерение звука, и у меня нет никакого желания терпеть его инфантильные…

— Сид Хезель, — прервал его Шиллинг, — публично играет на фортепьяно в среднем раз в год. Я могу назвать нескольких студентов–композиторов, которые охотно отдали бы правый глаз за то, чтобы его услышать.

— То–то и оно. Он специально выбрал этот момент; конечно, на публике он не играет. Но как он добрался до пианино? Он такой жирный, что еле переваливается с ноги на ногу.

— Идем, — сказал Шиллинг, наклоняясь к Мэри Энн, — это нельзя пропустить… такого шанса вам больше не выпадет.

— Жаль, что с нами нет Пола, — сказала она, когда они протискивались поближе.

Гостиная уже была наэлектризована; мужчины и женщины, забыв про свои разговоры, устремились к одной точке. Те, что были сзади, встав на

цыпочки, с трудом могли разглядеть огромную гору плоти, сгорбившуюся над клавиатурой.

— Вот что, — сказал Шиллинг, — я вас приподниму.

Он обхватил девушку за талию. Она была тонкой; очень тонкой и твердой. Его пальцы почти сошлись, когда он поднял ее — так, чтобы она могла видеть поверх голов.

— О, — сказала она. — О, Джозеф… ты только посмотри.

Когда выступление закончилось — Хезель довольно скоро выдохся, — толпа рассеялась и разбрелась. С пылающим лицом Мэри Энн шла вслед за Шиллингом.

— Вот бы Пол это увидел, — с тоской сказала она, — как жаль, что мы не взяли его с собой. Ну разве он не чудо? А казалось, что он спит… закрыл глаза, да? А какие огромные у него пальцы — как ему удается? Как он по клавишам–то попадает?

Сид Хезель сидел в углу, пытаясь отдышаться; лицо его покрылось пятнами и помрачнело. Когда Шиллинг и Мэри Энн подошли, он едва на них глянул.

— Спасибо, — сказал ему Шиллинг.

— За что? — просипел Хезель. Но, похоже, он понял. — Ну, хоть встал на пути у этого их стерео-

звукового будущего.

— Ради этого стоило приходить сюда, — быстро произнесла Мэри Энн. — Я никогда не слышала, чтобы так играли.

— А что у тебя за магазин? — поинтересовался Хезель и закашлялся в платок. — Ты же раньше звукозаписью занимался, Джош; вы с Ширмером работали.

— От них я уже давно ушел, — ответил Шиллинг, — какое–то время оптом пластинками торговал. Но это мне нравится куда больше… в собственном магазине я могу разговаривать с людьми, сколько пожелаю.

— Да, ты всегда обожал тратить время попусту. Ты, должно быть, по–прежнему собираешь свою чертову коллекцию… все эти диски «Дойче Граммофон» и «Полидор». А та девчонка, которую мы любили слушать в старые времена… Как ее звали?

— Элизабет Шуман[129], — припомнил Шиллинг.

— Да, та, что пела детским голосом. Я на всю жизнь ее запомнил.

— Как бы я хотел, — признался Шиллинг, —

---

[129] Примечания: 129

Элизабет Шуман (1885–1952) — немецкая певица (сопрано), исполнительница песен Шубрета, Брамса, Шумана, Штрауса, Малера и др.

чтоб ты взглянул на мой магазин.

— Магазин? Магазинов мне и здесь хватает.

— Я там стараюсь как–то расшевелить интерес к музыке. Каждое воскресенье у меня день открытых дверей — пластинки и кофе.

— Смерти моей хочешь? — спросил Хезель. — Я доберусь дотуда и кончусь. Помнишь, что случилось в Вашингтоне — когда я упал, сходя с поезда? Помнишь, сколько времени я тогда провел в койке?

— У меня машина; я отвезу тебя туда и обратно. Можешь спать всю дорогу.

Хезель задумался.

— Ты заедешь в яму. Найдешь ухабы и будешь по ним гонять. Я тебя знаю.

— Слово чести — не буду.

— Да ну? Тогда давай поклянемся древней клятвой бойскаутов. В эти дни моральной неустойчивости должно быть хоть что–то, на что можно положиться. — Глаза Хезеля ностальгически заблестели. — Помнишь, как мы с тобой заблудились в китайском борделе на Грант–авеню? И ты напился и пытался…

— Нет, я серьезно, — перебил его Шиллинг, которому не хотелось обсуждать это в присутствии Мэри Энн.

— Если серьезно, надо будет как следует это обмозговать. Я хочу убраться подальше от Залива[130]. Здешний провинциальный дух меня убивает. Приехать, что ли, людей попугать. Может, там мы с тобой этих звуковиков и прищучили бы. — Он похлопал Шиллинга по руке. — Я позвоню тебе, Джош. Если буду прилично себя чувствовать.

— До свидания, — произнесла Мэри Энн, когда они с Шиллингом двинулись прочь.

Хезель открыл усталые глаза.

— До свидания, маленькая мисс Эльф. Неуловимый эльф Джоша Шиллинга… я вас запомнил.

Вечеринка сходила на нет. Оставшиеся собрались вокруг Hi–Fi аппаратуры Партриджа и рассматривали стереосистему «Диотроник», но большинство уже отчалило.

— Пойдемте? — спросил Шиллинг.

— Наверное, да.

— Вам лучше, правда?

— Да, — сказала она и поежилась.

— Холодно?

— Просто устала. Может, найдете мою сумоч-

---

[130] Примечания: 130

… подальше от Залива. — Имеется в виду так называемая «область залива Сан–Франциско» — крупная городская агломерация с центрами в Сан–Франциско, Сан–Хосе и Окленде.

ку… кажется, она отнесла ее в спальню.

Он отправился за сумочкой и за своим пальто. Через минуту они пожелали Партриджам хорошего вечера и спустились по лестнице на тротуар.

— Брррр, — дрожала Мэри Энн, прыгая в машину, — как я замерзла.

Он завел мотор и включил обогреватель.

— Хотите домой? Завтра воскресенье, не надо рано вставать.

— Домой не хочется. Может, сходим куда–нибудь, — предложила неугомонная Мэри Энн. Однако выглядела она уставшей и вымотанной. Щеки впали, а лицо из сухопарого сделалось почти костлявым.

— Я отвезу вас домой, — решил Шиллинг, — вам уже пора в кровать.

Она не стала спорить, снова уселась поглубже и притянула колени к груди. Уронив подбородок на сложенные руки, она неотрывно смотрела на рулевую колонку.

Только один раз, когда они проезжали вдоль полуострова по соединяющему города шоссе, Мэри Энн подняла голову и пробормотала:

— Если он и правда приедет, Пол сможет его послушать.

— Конечно, — согласился он.

— А тогда, в будке, Пол слышал что–нибудь его?

— Да, я дал ему одну вещицу Хезеля. Его Деревенскую сонату для маленького камерного оркестра.

— А вы говорили, что сонаты пишут для фортепьяно.

— Чаще всего да… только не Сид Хезель.

— Господи, — вздохнула Мэри Энн, — как все запутано… мне никогда в этом не разобраться.

— Не беспокойтесь об этом.

Девушка замолчала.

— Вам по–прежнему холодно? — чуть погодя спросил он.

— Нет, но надо было надеть плащ. Просто я хотела, чтоб вы увидели мой наряд. Вам понравилось?

— Превосходно, — сказал он уже во второй раз, — самое то.

Она снова нахмурилась.

— В среду будет дознание. Или как там это называется.

— Что за дознание?

— По делу Дэнни Кумбса. Мне придется пойти и объяснить, что случилось, чтоб они поняли,

нужно ли кого–нибудь арестовывать.

— Ну и как — нужно?

— Нет, это ведь был несчастный случай. Кумбс выбежал и упал. Курьер из прачечной его видел. Кажется, что это было так давно… а прошла всего пара недель. Кажется, будто я все это придумала. Только если мы скажем что–нибудь не то, Туини отправится в каталажку. — Голос ее сорвался.

— Вы не хотите, чтоб он попал под суд.

— Конечно, нет. Да и не за что его судить. А он ходит гоголем — от Кумбса избавился. Теперь никто не стоит между ним и Бет. Ну и хорошо.

Она вздохнула, свернулась калачиком и откинулась на сиденье. Через несколько секунд она беспокойно задремала.

Когда он затормозил возле ее дома, она все еще спала. Он выключил мотор и распахнул дверь, но она так и не шелохнулась. Он уже брал ее на руки, когда, моргнув, она открыла глаза.

— Что это вы делаете, — встрепенулась она, — хотите отнести меня на руках?

— А вы не против?

— Да вроде нет, — она зевнула, — смотрите только, аккуратней… не убейтесь.

Он обнаружил, что весит она примерно как четыре коробки пластинок — наверное, немногим

больше сорока килограммов. Он без труда открыл парадную дверь и поднял девушку по лестнице. То там, то здесь под дверью виднелась полоска света, но в ее квартире было темно, а дверь, когда он дернул за ручку, оказалась закрыта.

— У меня есть ключ, — пробормотала она, — в сумочке. Опустите меня, я достану.

Он опустил ее; слегка пошатываясь, с полузакрытыми глазами она прислонилась к стене. Потом улыбнулась, открыла сумочку и залезла внутрь.

— Спасибо за чудесный вечер, — сказала она.

— Всегда пожалуйста.

— Мы ведь провели этот вечер вместе, верно?

— Пожалуй, что да. Вам было весело?

— Хотелось бы только… — она снова зевнула, показав маленькие белые зубки и розовый кошачий язык, — хотелось бы понимать побольше. А мы когда–нибудь увидимся еще с этим толстяком… Сидом Хезелем? Он сюда приедет?

— Возможно. Надеюсь.

Положив руки ей на плечи и слегка касаясь пальцами шеи, он нагнулся и поцеловал ее почти в губы. Она издала беззвучный возглас удивления; ее рука поднялась в защитном движении, как будто она хотела его царапнуть. Но если и

хотела, то передумала. На мгновение она сонно прильнула к нему и тут вдруг совсем проснулась. Она приняла какое–то решение; тело ее сжалось, и она отпрянула.

— Нет, — объявила она, выскальзывая из его объятий и становясь бесплотной тенью во мраке коридора.

— Что — нет? — отозвался он, не понимая.

— Туда нам нельзя; она там.

И, взяв его за руку, Мэри Энн повела его прочь от запертой двери своей квартиры.

Глава 15

Сжимая его руку, она поспешно спустилась по лестнице многоквартирного дома и выбежала на темную улицу. Шиллинг направился к машине, но она вела его дальше по тротуару.

— Машина не нужна, — с трудом переводя дыхание, сказала она, отдаляясь от поблескивающей груды черного металла. — Тут недалеко, мы дойдем пешком.

— Куда мы идем?

Ответ растворился во тьме; он просто его не расслышал. В ночной тиши слышалось ее прерывистое дыхание. По–прежнему сжимая его руку, она пересекла дорогу и повернула за угол. Впереди сияли огни делового района с его магазинами, барами и заправками.

Она вела его в магазин пластинок. Спеша по темным улицам, она подводила Шиллинга все ближе к его собственному магазину. Теперь он понял, чего не расслышал; она сказала «кладовая». Они шли туда, в его перестроенный подвал. Она уже сражалась с сумочкой, выуживая оттуда ключи.

— Дай я отвезу тебя домой, — воспротивился

он, — ко мне домой.

— Джозеф, прошу тебя — я не хочу туда.

— Но почему в магазин?

Она замедлила шаг; в свете уличных фонарей ее лицо казалось очень бледным.

— Я боюсь, — произнесла она, как будто это все объясняло.

И он действительно понял. Ее охватывала паника, как тогда, в первый день. Но на этот раз он был готов; это не было для него сюрпризом.

— Послушай, — рассудительно начал он, останавливая ее, — возвращайся домой. Я оставлю тебя в покое… тебе не о чем тревожиться. — Он разжал ее пальцы, высвобождая руку. — Видишь, как все просто?

— Не уходи, — тут же отозвалась она. — Пожалуйста, идем в магазин. Я там успокоюсь; мне нужно спуститься туда, вниз, там не страшно, — и она опять поспешила туда, блестя и шелестя шелком костюма.

Он пошел за ней. Он догнал ее, когда она уже перешла улицу; уже виднелся магазин пластинок с горящей огнями витриной.

— Вот, — сказала она, — открывай дверь.

Она впихнула ему ключ, он взял его, отпер замок и распахнул дверь.

В магазине было холодно. Внутри было темно, горела только витрина. В будках для прослушивания висел едкий туман сигаретного дыма; затхлость, смешанная с запахами лука и человеческих испарений, — напоминание о клиентах. По левую руку от них стоял прилавок, заваленный пластинками. Шиллинг потянулся к выключателю, напоролся коленом на угол стола, всхрапнул и остановился, сложившись пополам от боли.

В глубине магазина включился свет. Мэри Энн скрылась в офисе и почти сразу вернулась в шерстяном жакете, накинутом на плечи.

— Ты где? — спросила она.

— Здесь. — Он нащупал дежурную лампочку и вкрутил ее.

Кряхтя, он поковылял к двери, опустил жалюзи и запер дверь. Тяжелый засов влетел в паз.

— Да, — согласилась она, — запри. Я забыла. Можно включить обогреватель?

— Конечно.

Усевшись на подоконник, он потирал колено. Мэри Энн уже исчезла в офисе; над его столом зажегся мягкий голубоватый свет флуоресцентной лампы. Он слышал, как она бродит там, передвигает электрообогреватель, опускает жалюзи.

— Нашла? — спросил он, когда она появилась

снова.

— И включила. Уже нагревается.

Она подошла и устроилась рядом с ним, присев на корточки и прислонившись спиной к прилавку.

— Джозеф, — сказала она, — почему ты меня поцеловал?

— Почему? — эхом отозвался он. — Потому что я люблю тебя.

— Правда? А я все гадала, так ли это.

Она опустилась пониже и стала смотреть на него, тревожно нахмурившись.

— А ты уверен в этом?

Туг она вскочила на ноги.

— Пойдем в офис, там теплее.

Маленький электрообогреватель светился и излучал жар, создавая вокруг островок тепла.

— Посмотри, — сказала Мэри Энн, — он просто греется... больше ничего.

— Ты боишься меня? — спросил он.

— Нет, — она беспокойно ходила по офису, — по крайней мере, я так думаю. С чего мне тебя бояться?

По пустой улице пронеслась машина, осветив фарами витрины, полки и стеллажи с пластинками за прилавком. Машина проехала, и магазин

снова погрузился во мрак.

— Я пошла вниз, — объявила она, уже выходя в коридор.

— Зачем?

Ответа не было; она включила внизу свет и уже спускалась по лестнице.

— Вернись сюда, — приказал он.

— Пожалуйста, не кричи на меня, — без выражения сказала она, но остановилась на лестнице, — я не выношу, когда на меня кричат.

— Посмотри на меня, — сказал он.

— Нет.

— Прекрати чертову истерику и посмотри на меня.

— Не надо мною командовать, — сказала она, но все–таки медленно повернула голову и, сжав губы, уставила на него свои темные глаза.

— Мэри Энн, скажи мне, в чем дело?

Ее глаза затуманились.

— Я боюсь, что со мной что–то случится.

Она схватилась за перила маленькой дрожащей рукой.

— Черт с ним, — выдавила она; ее губы искривились. — Это давно началось, слишком долго рассказывать. Прости меня, Джозеф.

— Зачем? — повторил он. — Зачем тебе спус-

каться в подвал?

— За кофейником. Разве я не сказала?

— Нет, не сказала.

— Он там остался… я его сегодня помыла. Сохнет на упаковочном столике возле липкой ленты. На куске картона.

— Ты хочешь кофе?

— Да, — уверенно сказала она, — может, от него я согреюсь.

— Хорошо. Тогда пойди и принеси его.

Она благодарно взглянула на него, отпустила перила и поспешила вниз, в кладовую. Шиллинг пошел следом. Зайдя внутрь, он нашел ее сидящей на углу расшатанного упаковочного столика; она закручивала кофейник. На ее запястьях блестели капли; вода, которой она наполнила колбу, брызгала во все стороны.

Сперва он хотел достать ей жестянку с кофе «Фолджер»; она уже шарила по полкам, вставая на цыпочки и раздвигая коробки с бечевкой и скотчем. Он сделал шаг к ней — отчасти за этим, отчасти с другим намерением, которого сам не осознавал, пока не подошел вплотную. Она протянула ему кофейник. Он взял его, а потом, не раздумывая, поставил на край стола и опустил руки ей на плечи.

— Какая ты тоненькая, — произнес он вслух.

— Я же тебе говорила.

Она подвинулась, усаживаясь на столик.

— Как это называется, когда хочется убежать? Паника? Да, похоже, что так. Но мне всегда нужно было место, куда бежать, где можно спрятаться… вот только, когда я туда добиралась, меня не пускали… или это оказывалось совсем не то место, куда хотелось попасть. Так у меня ничего и не вышло; что–то вечно было не так. И я бросила эту затею.

— Ты уже приходила сюда ночью?

— Пару раз.

— И что делала? Просто сидела?

— Сидела и думала. Раньше мне никогда не давали ключей от работы. Ставила пластинки… пыталась вспомнить, что ты мне о них рассказывал, что мне надо послушать. Одна мне особенно понравилась; я поставила ее на проигрыватель и пошла в офис, потому что там теплее. Ты злишься на меня?

— Нет.

— Никогда мне не выучить все это — все, что ты знаешь. Но приходила я сюда все–таки не поэтому. Мне просто хотелось послушать пластинки и побыть здесь одной, за запертой дверью.

Однажды — кажется, это было прошлой ночью — пришел коп и посветил на меня своим фонариком. Пришлось открыть дверь и доказывать ему, кто я есть.

— Он тебе поверил?

— Да, он видел, что я работаю здесь днем. Он спросил, все ли у меня в порядке.

— И что ты сказала?

— Сказала, что у меня все в том же порядке, что и обычно. Но не то чтобы в полном.

— Что я могу для тебя сделать?

— Ты не должен ничего делать.

— Но я хочу помочь.

— Тогда найди кофе.

— А еще что–нибудь можно?

Она задумалась; их головы соприкасались. Одну руку она держала у самого лица, другую положила на колено. Он чувствовал ее дыхание и видел легкое движение губ. Она, как ребенок, дышала ртом. Она сидела так близко, что даже в тусклом свете он видел крошечные, идеальной формы завитушки, которые росли за ее ухом и терялись в массе темных волос. Вдоль ее челюсти под левым ухом протянулся почти невидимый шрам — тонкая белая линия, исчезавшая в легком пушке на щеке.

— Это откуда? — спросил он, касаясь шрама.

— А, — она улыбнулась ему, задрав подбородок, — когда мне было одиннадцать, я стукнулась об сервант и разбила стекло. — Ее глаза хитро забегали. — Больно не было, но крови было много; помню, она текла по шее большими красными каплями. У меня был кот, он любил прятаться в шкафу и спать в большой миске, где мама замешивала тесто. Я пыталась его оттуда вытащить, но он все не хотел вылезать. Я тянула его за лапу, и он вдруг меня поцарапал. Я отскочила, и стеклянная дверца разбилась.

Она все еще вспоминала, как поранилась, когда он развернул к себе ее лицо и поцеловал — на этот раз прямо в сухие губы. Избытка плоти на ней не было вовсе; кости лежали прямо под кожей: сначала он коснулся шелка, а затем сразу тверди ее ребер, и лопаток, и ключиц. Волосы ее слегка отдавали сигаретным дымом. Ближе кушам осели следы давно испарившегося парфюма. Она устала, и в ней чувствовалась эта усталость; она безвольно обмякла и молчала.

Сначала он обнимал ее некрепко, потому что думал, что она может захотеть высвободиться, и важно было дать ей такую возможность. Однако вскоре он понял, что она потихоньку

проваливается в сон — или, по крайней мере, в некое оцепенение. Ее глаза были по–прежнему открыты — она уставилась на коробки с лентой для счетной машинки, — но взгляд уже не был осмысленным. Она знала, где она, и знала, что он рядом, но помнила об этом смутно, сквозь дрему. Ее сознание было обращено внутрь и вращалось вокруг мыслей и воспоминаний о мыслях, вокруг событий давно минувших дней.

— Сейчас я в безопасности, — сказала она наконец.

— Да, — согласился он, — так и есть.

— Это из–за тебя?

— Надеюсь, что да. А еще из–за магазина. Он нас кормит.

— Но в основном из–за тебя. А раньше было по–другому. Совсем не так. Помнишь?

— Я напугал тебя.

— Ты на меня такого страху нагнал. Ты был такой — суровый. Стал читать мне лекцию; ты был похож… — она стала рыться в памяти, и ее глаза блеснули, — когда я была маленькой… у нас в воскресной школе висела картина с богом. Только у тебя нет длинной бороды.

— Я не бог, — сказал он.

Он был обычным человеком; он не был богом и

нисколько не был похож на бога, что бы там ни было на картине, которую она видела в воскресной школе. В нем поднимались горечь и гнев. Вот он, ее странный, теплый, такой детский идеал… а ведь он почти ничем не может помочь.

— Ты расстроена?

— Думаю, нет.

— Бог бы тебе не понравился. Он отправляет людей в ад. Бог — старорежимный реакционер.

Она отпрянула и, глянув на него, наморщила носик. Он снова поцеловал ее. На этот раз она пошевелилась; отодвинув лицо, она улыбнулась и выдула ему в лицо струйку теплого воздуха. А потом улыбка без всякого предупреждения угасла. Вздрогнув, девушка наклонила голову, вся сжалась, сомкнула руки и стала, стеная, подниматься, пока ее обнаженное горло не оказалось на уровне его глаз.

Джозеф Шиллинг знал, что сейчас ей опять страшно; что призрак из прошлого вернулся и снова мучает ее. Но он не шелохнулся. Движение было бы ошибкой. Он твердо помнил об этом.

— Джозеф, — сказала она, — я… — слова не шли из ее уст, она запнулась от смущения. Встряхнув головой, она порывисто распрямилась, как будто желая высвободиться.

— Что такое? — мягко спросил он, вставая вместе с ней.

Соскочив со стола, она ухватилась за него, вцепилась ногтями в рукава. Зажмурившись, быстро сглатывая, она боролась с собой.

Шиллинг увидел, как его пальцы распускают завязки на ее блузке. Как странно, подумал он. Но все–таки продолжал. Его красноватые ручищи деловито тянули и теребили шелк, и зрелище это было не для слабонервных. Мэри Энн открыла глаза и взглянула вниз. Теперь они оба смотрели, как его руки расстегнули блузку донизу, взлетели на голые плечи и стянули ткань до локтей.

— Боже мой, — прошептала она.

Шиллинг, не в силах осмыслить происходящее, отошел и сел, потирая ладони.

Мэри Энн сделала глубокий вдох и начала застегивать блузку. Ее лицо было удивленным:

— Ты сделал это? Ты ведь и впрямь это сделал!

— Да, — согласился он.

После чего протянул руку и совсем снял с нее блузку, расцепив оставшиеся застежки. Она не воспротивилась; она с любопытством наблюдала, как его руки спускаются по ее животу к кнопке, на которой держались джинсы. В какой–то момент она попыталась снять лифчик, но только

без толку теребила за спиной руками, пока Шиллинг не развернул ее, не отодвинул ее пальцы и не расстегнул крючки.

— Спасибо, — пробормотала она.

Лифчик упал, и она поймала чашечки. В несколько коротких движений стянула джинсы и, вздрогнув, сбросила трусики. Собрав одежду в кучу, она отпихнула ее в сторону. Несколько мгновений перед его глазами, слегка отсвечивая, покачивался ее позвоночник; после чего она — очень мягкая, очень живая — подбежала к столу и стала на него забираться.

— Да, — сказала она, — не жди; скорее, Джозеф, ради всего святого.

Ему не пришлось ждать. Она сумела расслабиться и принять его; собственной рукой направила, впустила до предела и замерла, опершись на сжатые кулаки. Внутри она оказалась очень теплой; теплее, чем она, у него никогда никого не было. Она закрыла глаза, прислушиваясь к своему ритму. Мускулы ее таза напряглись и стали мелко пульсировать; затем в работу включилось все тело, вплоть до груди и набухших сосков. Он так быстро вошел в нее, что никто из них не произнес и слова.

Когда дело было кончено, по ее коже пробежала

дрожь; она вся затвердела, а затем снова обмякла. Потом глубоко вздохнула, вытянулась на спине, разжала кулаки и с умиротворенным видом положила ладони на живот.

Шиллинг, чуть помедлив, осторожно вышел из нее. Мэри Энн ничего не сказала. Когда он уже оделся и встал, она шевельнулась, открыла глаза и села.

Тихим голосом она робко произнесла:

— Раньше со мной такого не бывало. Я никогда ничего не чувствовала внутри. Со мной что–то делали, а я сама — нет.

— Это хорошо, — уверил он ее.

Она нашла свою одежду и стала одеваться. Он не удержался и посмотрел на часы. С тех пор, как они спустились в кладовую, прошло всего десять минут. В это сложно было поверить, но это было так. Если б они пошли наверх и поставили кофе, он бы только поспел.

— Ты как, Мэри Энн? — спросил он, когда девушка оделась.

Она потянулась, встряхнулась по–звериному и рысцой поскакала к лестнице.

— Мне хорошо. Только очень хочется есть. Может, мы сходим куда–нибудь перекусить?

— Прямо сейчас? — рассмеялся он.

Она остановилась на середине лестницы и обернулась к нему.

— А почему нет? Что в этом такого?

— Ничего.

Поднявшись по лестнице, он встал у нее за спиной. Казалось, она ничего не имела против; тогда он приобнял ее за талию, и она снова не стала возражать. Откинувшись на него, она расслабилась и довольно мурлыкнула. Он положил руку ей на грудь, и даже это ее устраивало; более того, она прикрыла его руку своей и прижимала к себе, пока он не нащупал ее ребра.

— Куда ты хочешь пойти? — спросил он, выпуская ее из объятий.

— Куда угодно. Где есть горячие пирожки, и ветчина, и кофе. Вот чего мне хочется. И побольше.

Она живо поднялась по лестнице.

— Идет? — спросила она. Ее силуэт возвышался над ним.

— Идет, — охотно согласился он и протянул руку, чтобы выключить свет в подвале.

Глава 16

Они пришли в закусочную «Пасифик стар» — деревянный домик на самом отшибе делового района. Мэри Энн открыла сетчатую дверь и вошла. У стойки сидели, пили кофе и читали зеленые странички спортивных новостей «Сан–Франциско кроникл» таксист и двое рабочих в кожанках. В одной из кабинок чинно сидела темнокожая пара.

— А можно я возьму все, чего мне захочется?

С искрящимися глазами она проскользнула в свободную кабинку в самом конце.

— Конечно, — согласился Шиллинг, раскрывая меню.

— А хочется все того же, что я сказала. Здесь это подают?

— Если нет, мы пойдем в другое место.

Официант — длиннорукий грек в замызганном белом фартуке — подошел и принял у них заказ.

— А долго ждать? — спросила Мэри Энн, когда грек удалился, чтобы достать из холодильника ветчину. — Ведь нам не придется ждать долго?

— Пару минут, не больше.

— Я помираю от голода. — Она принялась

читать названия песен в музыкальном автомате. — Ты посмотри, здесь одни танцевальные мелодии. Все из серии «Джаз в филармонии»[131]… А можно я поставлю одну? Можно вот эту — Роя Брауна? Она называется «Good Rockin' Tonight». Ты не против?

Он нащупал и придвинул к ней по столу несколько монет.

— Спасибо, — смущенно сказала она, опуская монету в автомат и набирая номер композиции. Кафе загудело от звука альт–саксофона.

— Наверное, это ужасно, — сказала Мэри Энн, когда шум наконец стих.

Она не стала брать больше монет, и Шиллинг спросил:

— Может, еще поставишь?

— Какой в них толк.

— Не говори так. В своей области они настоящие артисты. Я не хочу, чтобы ты отказывалась от того, что тебе нравится, ради моих вкусов.

— Но то, что нравится тебе, — лучше.

— Вовсе не обязательно.

---

[131] Примечания: 131

«*Джаз в филармонии*» — популярная в 1940—1950–е гг. серия концертов и записей, организованных Норманом Гранцем — сыном выходцев из Тирасполя, одним из величайших джазовых продюсеров. Гранц одним из первых стал выводить на одну сцену белых и черных музыкантов и отменил на своих концертах расовую сегрегацию аудитории.

— Если не лучше, то почему же тебе это нравится? — Мэри Энн жадно потянулась за салфеткой. — А вот и еда. Я хочу пригласить Гарри поесть с нами. Это Гарри несет нам еду, — пояснила она.

— А откуда ты знаешь, что его зовут Гарри?

— Просто знаю; всех греков так зовут.

Когда официант подошел к столику и стал расставлять тарелки с едой, Мэри Энн объявила:

— Гарри, пожалуйста, присядь; мы хотим, чтоб ты поел с нами.

— Извините, мисс, — ухмыльнулся грек.

— Да ладно. Закажи, что хочешь. За наш счет.

— Я на диете, — сказал грек, протирая стол влажной тряпкой, — мне ничего нельзя, кроме апельсинового сока.

— Что–то не верится, что он настоящий грек, — призналась Мэри Энн Шиллингу, кода официант отошел, — наверняка его даже не Гарри зовут.

— Может, и нет, — согласился Шиллинг, приступая к еде.

Было вкусно, и он обильно поужинал. Немного позже и Мэри Энн, сидевшая напротив него, допила последнюю чашку кофе, отодвинула тарелку и сказала:

— Я все.

И правда, она опустошила свою тарелку дочиста. Закурив сигарету, она улыбнулась ему через влажно–желтый стол.

— Ты не наелась? Хочешь еще?

— Нет. Мне хватит.

Она рассеянно огляделась по сторонам.

— Интересно, а каково это — быть хозяином маленького кафе? Можешь есть что хочешь и когда хочешь. Можно и жить прямо тут… как ты думаешь, он здесь и живет? Ты думаешь, у него большая семья?

— У всех греков большие семьи.

Девушка неутомимо барабанила пальцами по столешнице.

— А может, прогуляемся? Хотя ты, наверное, не любишь ходить пешком?

— Раньше, пока не купил машину, я все время ходил пешком. И вроде бы не особенно страдал.

Он закончил есть, промокнул рот платком и встал.

— Так что пойдем, прогуляемся.

Он заплатил Гарри, который развалился за кассой, и они вышли на темную улицу. Прохожих было уже меньше, и в большинстве магазинов выключили электричество на ночь. Руки в карманах, сумочка под мышкой, Мэри Энн шагала

вперед. Шиллинг шел за ней, позволяя ей самой выбирать путь. Однако она сама не знала, куда направиться, и в конце квартала остановилась.

— Куда захотим, туда и пойдем, — объявила она.

— Воистину.

— А сколько могли бы пройти, как ты думаешь? До восхода смогли бы?

— Ну, наверное, нет, — была четверть двенадцатого, — нам бы пришлось идти семь часов.

— И докуда бы мы тогда дошли?

Он стал подсчитывать.

— Если по главному шоссе, то могли бы добраться до Лос–Гатоса.

— А ты был когда–нибудь в Лос–Гатосе?

— Был однажды. В сорок девятом, еще когда работал в «Эллисон и Хирш». У меня был отпуск, и мы направлялись в Санта–Крус.

— А кто это — мы? — поинтересовалась Мэри Энн.

— Макс и я.

— А насколько вы были близки с Бет? — спросила она, медленно переходя улицу.

— Однажды мы были очень близки.

— Так же близки, как мы с тобой?

— Нет, не настолько. — Он хотел быть с ней

честным, поэтому он добавил: — Мы провели ночь в лачуге на берегу Потомака, в будке при шлюзе на старом канале. На следующее утро я привез ее обратно в город.

— Тогда–то Дэнни Кумбс и пытался тебя убить?

— Да, — признался он.

— Значит, тогда ты сказал мне неправду, — произнесла она, но в ее голосе не было злости. — Ты сказал, что ты с нею не был.

— Бет еще не была его женой.

Теперь он не мог сказать ей правду — она не поняла бы. Такое нужно пережить, чтобы понять.

— Ты любил ее?

— Нет, совершенно не любил. С моей стороны это была ошибка — я всегда сожалел об этом.

— Но меня ты любишь.

— Да, — сказал он. И в этом он был абсолютно уверен.

Удовлетворенная ответом, девушка пошла дальше. Через какое–то время она как будто снова забеспокоилась.

— Джозеф, — сказала она, — а почему ты поехал с ней, если ты ее не любил? Разве это хорошо?

— Нет, наверное. Но для нее это было обычное дело… я был не первый и не последний, — все–таки нужно было хоть как–то объяснить ей. — Она

была… ну, вроде как доступна. Такое иногда случается — физический контакт, и все. Накапливается напряжение, и ты находишь способ его выпустить. В этом нет ничего личного.

— А до меня ты кого–нибудь когда–нибудь любил?

— Была одна женщина по имени Ирма Флеминг, вот ее я очень любил.

Он замолчал, вспоминая жену, которую не видел уже много лет. Они с Ирмой официально развелись — боже, когда это было? — в 1936 году. В тот год, когда Альф Лэндон баллотировался в президенты.

— Но, — продолжил он, — это было очень давно.

— А как давно? — спросила Мэри Энн.

— Мне не хотелось бы об этом говорить.

В этой истории было много подробностей, о которых он предпочел бы не распространяться.

— А если я спрошу, сколько тебе лет?

— Мне пятьдесят восемь, Мэри.

— А, — она кивнула, — я примерно так и думала.

Они дошли до автомойки на обочине шоссе. Увидев ее, Шиллинг вспомнил свой первый час, проведенный в Пасифик–Парке: Билла, черно-

кожего владельца автомойки, и его помощника, который пошел куда–то за колой. И ту школьницу с темными волосами.

— А ты в эту школу ходила?

— Конечно. Другой здесь нет.

— И давно ты ее закончила?

Он легко мог представить ее в образе школьницы; как она в свитере и юбке, с несколькими учебниками под мышкой, плелась, как та девушка, от школы к кафе «Фостерз Фриз» в три часа теплого летнего дня.

Свежие маленькие грудки, подумал он почти грустно. Как дрожжевые пирожки. Покрытое легким пушком тело растет и наливается… и от него пахнет весной.

— Два года назад, — сказала Мэри Энн. — Я не любила школу. Дети все тупые.

— Ты сама была ребенком.

— Только не тупым, — парировала она, и он готов был в это поверить.

Радом с закрытой автомойкой стояла придорожная лавка, где торговали керамикой. Там еще горело несколько огней; женщина в длинном халате заносила товар внутрь.

— Купи мне что–нибудь, — вдруг сказала Мэри Энн, — чашку или горшок для цветов; что–ни-

будь, чем я могла бы пользоваться.

Шиллинг подошел к женщине.

— Вы еще не закрылись? — спросил он.

— Нет, — не прерываясь, ответила женщина, — можете выбрать что пожелаете, но я, с вашего позволения, продолжу уборку.

Вместе с Мэри Энн они прошлись между тарелок и мисок, ваз и кашпо.

— Тебе что–нибудь понравилось? — спросил он. По большей части это была цветастая безвкусица на потребу автолюбителям.

— Выбери сам, — попросила Мэри Энн.

Он поискал и нашел простое глиняное блюдо, покрытое голубой в крапинку глазурью. Он заплатил и понес его Мэри Энн, которая стояла и ждала его в сторонке.

— Спасибо, — скромно сказала она, принимая блюдо, — красивое.

— По крайней мере, без рисунка.

С блюдом в руках Мэри Энн последовала дальше. Оставив позади магазины, они приближались к темному перелеску на краю города.

— Что это? — спросил Шиллинг.

— Парк. Здесь устраивают пикники.

Вход был перегорожен висящей цепью, но девушка перешагнула через нее и пошла к бли-

жайшему столику.

— Ночью сюда вообще–то нельзя, но за этим никто не следит. Мы сюда все время ходили… когда в школе учились. Приезжали на машине, парковались у входа и шли дальше пешком.

Возле стола нашлись каменный мангал и урна, чуть дальше — питьевой фонтанчик. Вокруг площадки для пикников вразброс росли деревья и кусты — хаотичные тени в сумраке ночи.

Мэри Энн присела на скамейку и откинулась в ожидании, когда он догонит. Дорожка на площадку вела в гору, и, подойдя к ней, он с трудом переводил дыхание.

— Здесь приятно, — сказал он, усаживаясь на скамейку возле нее, — зато в другом парке есть утка.

— Ну да, — отозвалась она, — тот здоровый селезень. Он уже много лет там живет. Хотя я помню его еще утенком.

— Он тебе нравится?

— Конечно. Хотя как–то раз он пытался меня укусить. Но ведь тот парк — он для пенсионеров. — Она огляделась. — Летом мы часто сидели здесь, когда была жара; тут было здорово, мы пили пиво и слушали переносной «Зенит». Я забыла, чей он был. Однажды он выпал из машины

и разбился.

Положив голубое блюдо на колени, она стала внимательно его изучать.

— Ночью даже не скажешь, какого оно цвета.

— Оно голубое, — сказал Шиллинг.

— Крашеное?

— Нет, это обожженная глазурь, — объяснил он, — ее наносят кисточкой, а потом все это дело ставят в печь на обжиг.

— Ты знаешь почти все на свете.

— Ну, я видел, как обжигают глиняную посуду, если ты это имеешь в виду.

— Ты, наверное, весь мир объездил?

Он засмеялся от этой мысли.

— Нет, я был только в Европе. Англия, Франция, около года в Германии. Даже не вся Европа.

— Ты говоришь по–немецки?

— Достаточно хорошо.

— По–французски?

— Не так хорошо.

— Я два года учила испанский в старших классах, — призналась Мэри Энн, — а теперь ни слова не могу вспомнить.

— Ты все вспомнишь, если тебе это когда–нибудь понадобится.

— Мне бы хотелось попутешествовать, — ска-

зала она, — поехать в Южную Америку, в Европу, на Восток. Как ты думаешь, каково в Японии? У моей соседки есть брат, так он был в Японии после войны. Он прислан ей много пепельниц, и коробочки с секретом, и прелестные шелковые занавески, и серебряный нож для писем.

— Япония — это было бы здорово, — сказал Шиллинг.

— Тогда давай туда поедем.

— Хорошо, — согласился он, — сначала поедем туда.

Какое–то время Мэри Энн молчала.

— Ты понимаешь, — снова заговорила она, — что, если я уроню это блюдо, оно разобьется вдребезги?

— Весьма возможно.

— И что тогда?

— Тогда, — сказал Шиллинг, — я куплю тебе другое.

Мэри Энн резко вскочила со скамейки.

— Пойдем гулять. А если мы пойдем по шоссе, нас собьют насмерть?

— Может, и собьют.

— Все равно хочется, — сказала она.

Было без четверти двенадцать. Они шли два часа, по большей части молча, сосредоточившись

на машинах, которые время от времени проносились мимо. Тогда они становились на поросшую травой обочину, а когда очередная машина удалялась — шли дальше.

Ближе к двум ночи перед ними вырос какой–то островок света. Когда они приблизились, россыпь огоньков превратилась в заправку «Шелл», закрытый фруктовый лоток и таверну. В окне горела неоновая вывеска «Золотое зарево»; в ночь просачивались голоса и смех.

Пройдя по площадке, Мэри Энн плюхнулась на ступеньки таверны.

— Не могу больше идти, — сказала она.

— Я тоже, — отозвался он, еле переставляя ноги.

Он зашел внутрь и вызвал такси. Через пятнадцать минут машина заехала на заправку и остановилась возле них. Таксист распахнул дверь и сказал:

— Запрыгивай, ребята.

По дороге в Пасифик–Парк Мэри Энн смотрела, как мимо проносится ночное шоссе.

— Я устала, — очень мягко сказала она.

— Неудивительно, — отозвался Шиллинг.

— Неправильные туфли надела. — Она снова поджала ноги. — А ты как себя чувствуешь?

— Прекрасно, — сказал он, и это была правда. — Скорей всего, завтра даже спину ломить не будет, — добавил он, и это была, скорее всего, неправда.

— Может, сходим еще как–нибудь прогуляться, — предложила Мэри Энн, — наденем подходящую обувь и все остальное. По дороге в горы есть замечательное местечко… там высоко и видно на много миль вокруг.

— Звучит восхитительно, — несмотря на усталость, идея ему действительно понравилась, — если хочешь, можем проехать часть пути на машине, оставить ее и пойти дальше пешком.

— Приехали, ребята, — добродушно сказал таксист, подруливая к дому Мэри Энн. — Вас подождать? — спросил он, открывая дверь.

— Да, подождать, — сказал ему Шиллинг.

Они поднялись по лестнице, он открыл дверь, и она проскользнула внутрь под его вытянутой рукой.

В парадной она остановилась, крепко держа свое голубое блюдо.

— Джозеф, — сказала она, — спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил он и, наклонившись, поцеловал ее в щеку. Улыбаясь, она подняла к нему лицо.

— Береги себя, — сказал он. Ничего больше он придумать не смог.

— Постараюсь, — обещала она, развернулась и побежала по лестнице.

Шиллинг вышел из парадной на крыльцо. Такси ждало его с включенными фарами. Он уже спустился по бетонным ступеням и забирался в такси, когда вспомнил про свою машину. Влажный темный «Додж» стоял всего в нескольких метрах от него; это совершенно вылетело у него из головы.

— Я пройдусь, — сказал он таксисту. — Сколько с меня?

Водитель хлопнул по ручке таксометра и оторвал бумажный чек.

— Девять долларов восемьдесят пять центов, — посмеиваясь, сказал он.

Шиллинг заплатил, на негнущихся ногах подошел к своей машине и сел за руль. Обивка сиденья была неприятно холодной. Он завелся, и мотор неровно забухтел. Он несколько минут подождал, пока мотор прогреется, а потом отжал ручной тормоз и выехал на тихую, безлюдную улицу.

Глава 17

На следующее утро, в воскресенье, она позвонила ему в десять часов.

— Ты уже проснулся? — спросила она.

— Да, — ответил Шиллинг, который уже побрился и теперь одевался, — я встал в девять.

— Что ты делаешь?

— Собирался пойти в город и позавтракать, — честно ответил он.

— А почему бы тебе не позавтракать у меня? Я что–нибудь приготовлю. — И чуть тише она прибавила: — Может, захватишь воскресную газету?

— Да, конечно. — Он боялся уточнять, будет ли соседка, и вместо этого спросил: — Привезти тебе еще чего–нибудь? Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — в ее голосе слышались лень и довольство, — денек, похоже, будет славный.

Он еще и в окно не выглядывал.

— Скоро увидимся, — сказал он и, повесив трубку, стал искать свое пальто.

Когда он приехал, дверь ее квартиры была открыта настежь. Теплый аппетитный запах яичницы с беконом выплывал в коридор вместе со звуками Нью–Йоркского филармонического

оркестра. Мэри Энн встретила его в гостиной; на ней были коричневые брюки и белая блузка с закатанными до локтей рукавами. Ее лицо блестело от пара; она поздоровалась и поспешила обратно на кухню.

— Ты на машине?

— Да, — ответил он, выкладывая на диван воскресный выпуск «Кроникл» и снимая пальто. Потом он подошел и закрыл дверь в коридор. Соседки видно не было.

— Пухлой — моей соседки — нету, — объяснила Мэри Энн, заметив его взгляд. — Она в церкви. А потом она обедает с подружками, а потом идет на спектакль. Раньше вечера не вернется.

— Ты от нее, похоже, не в восторге, — сказал он, прикуривая сигарету. Он решил отказаться от сигар.

— Она зануда. Может, зайдешь на кухню? Ты мог бы накрыть на стол.

Покончив с завтраком, они заслушались последними аккордами Нью–Йоркского филармонического. В квартире все еще витал аромат бекона и теплого кофе. На улице сосед в футболке и рабочих штанах мыл машину.

— Хорошо, — с глубоким умиротворением произнесла Мэри Энн.

Шиллинг чувствовал, как глубоко они понимают друг друга. Так мало — почти ничего — было сказано, но все ясно. Ясно без слов, и они оба знают об этом.

— Что это? — спросила Мэри Энн. — Вот эта музыка?

— Фортепьянный концерт Шопена.

— Красивый, правда?

— Слегка пошловат.

— О–о. — Она кивнула. — А ты расскажешь мне, какие из них — пошлые?

— С удовольствием. В этом–то отчасти и интерес. Наслаждаться музыкой каждый может, а вот чтоб не любить ее, надо потренироваться.

— У меня есть несколько пластинок, — сказала она, — но там все только поп и танцы. Кэл Тьядер[132] и Оскар Питерсон[133]. А соседка слушает мамбо.

— Почему бы тебе от нее не избавиться? — Он не имел в виду ничего такого, только ощущение покоя в ее квартире. — Найди себе отдельное

---

[132] Примечания: 132

Кэл Тъядер (1925–1982) — американский джазовый музыкант, вибрафонист и руководитель джаз–бэнда.

[133] Примечания: 133

Оскар Питерсон (1925–2007) — канадский джазовый композитор, виртуозный пианист.

жилье.

— Я не могу себе этого позволить.

Музыка по радио закончилась. Теперь слушатели хлопали, а ведущий рассказывал о программе на следующую неделю.

— А кто такой Бруно Вальтер? — спросила Мэри Энн.

— Один из величайших дирижеров современности. Он уехал из Австрии в тридцать восьмом году… недели за три до того, как записал Девятую Малера.

— Что девятую?

— Симфонию.

— А, — она кивнула, — я слышала это имя; кто–то спрашивал, что у нас есть из него.

— У нас его полно. На днях я поставлю тебе малеровскую «Песню Земли», которую он записал с Кэтлин Ферриер[134].

Мэри Энн выскочила из–за стола.

— Поставь сейчас.

— Сейчас? Сию минуту?

— А почему нет? У нас что, нет ее в магазине? — Она подошла к радио и выключила его. — Давай чего–нибудь придумаем.

---

[134] Примечания: 134

Кэтлин Ферриер (1912–1953) — выдающаяся английская певица, контральто.

— Хочешь сходить куда–нибудь?

— Ходить — ни в коем случае. Я хочу лежать и слушать музыку.

Сверкнув глазами, она побежала и надела свой красный жакет.

— Давай? Здесь нельзя — пухлая придет. Где все твои пластинки, твоя коллекция — дома?

— Дома, — сказал он, вставая из–за стола.

Она еще не бывала в его квартире и теперь, впечатленная, во все глаза разглядывала ковры и мебель.

— Вот это да, — тихонько сказала она, заходя вперед него, — как тут красиво… а вон те картины настоящие?

— Это репродукции, — сказал он, — не оригиналы, если ты об этом.

— Да, наверное, об этом.

Она стала стаскивать жакет; он помог ей и повесил его в стенной шкаф. Бродя по квартире, она подошла к гигантскому дубовому столу Шиллинга и остановилась.

— Вот здесь ты и сидишь, когда пишешь свою радиопрограмму?

— Прямо на этом месте. Вот моя печатная машинка и справочники.

Она принялась разглядывать пишущую ма-

шинку.

— Это иностранная?

— Немецкая. Я купил ее, когда работал на Шиммера. Я был их представителем в Германии.

Она с благоговением пробежалась пальцами по клавиатуре.

— А эта смешная буква здесь тоже есть?

— Умляут? — Он напечатал для нее умляут. — Видишь?

Он включил свой проигрыватель «Магнавокс», установил его на семьдесят восьмую скорость и, пока он прогревался, зашел в кладовую, чтобы выбрать вино. Не посоветовавшись с ней, он выбрал бутылку хереса «Fino Perla Mackenzie», нашел два маленьких бокала и вернулся в комнату. Они кое–как устроились и стали слушать, как Генрих Шлюснус поет «Орешник»[135].

— Это я уже слышала, — сказала Мэри Энн, когда кончилась пластинка, — очень мило.

Она сидела на ковре, прислонившись головой к краю дивана; бокал стоял рядом. Поглощенный музыкой, Шиллинг едва ее расслышал; он по-

---

[135] Примечания: 135

...Генрих Шлюснус поет «Орешник». — Генрих Шлюснус (1888–1952) — выдающийся немецкий лирический баритон, особенно популярный в период между мировыми войнами. «Орешник» — песня Роберта Шумана.

ставил следующую пластинку и сел обратно на стул. Она внимательно слушала, пока сторона не закончилась и он не подошел перевернуть диск.

— Что это было?

— Аксель Щьётс[136], — сказал он, после чего назвал саму вещь.

— Тебя больше интересует, кто поет. Кто он? Он жив?

— Шьётс жив, — сообщил Шиллинг, — но поет все реже. Он больше не может брать высокие ноты… все, что ему осталось, это нижний регистр. Но он по–прежнему обладатель одного из самых необычных голосов нашего столетия. По–своему — лучшего голоса.

— А сколько ему лет?

— Ближе к шестидесяти.

— Вот бы избавиться от этой чертовой соседки, — бодро сказала Мэри Энн. — У тебя есть идеи? Может, где–нибудь найдется место поменьше и не слишком дорого.

Шиллинг поднял с пластинки иголку; до нарезки она еще не дошла.

— Ну, — сказал он, — единственный выход

---

[136] Примечания: 136

Аксель Шьётс (1906–1975) — датский тенор, завоевавший народную любовь исполнением датских народных песен во время немецкой оккупации 1940–1945 гг.

— начать искать. Почитай объявления в газете, походи по городу, посмотри, что предлагают.

— А ты мне поможешь? У тебя машина… и ты в этом разбираешься.

— Когда ты хочешь искать?

— Прямо сейчас. Как можно скорее.

— То есть сейчас? Сегодня?

— А что — нельзя?

Он был немного удивлен.

— Допей сначала вино.

Она опрокинула бокал, даже не распробовав. Поставила его на ручку дивана, встала на ноги и стала ждать.

— Это твоя квартира на меня подействовала, — сказала она, когда они вышли. — Не могу больше жить с этой дурой — с ее ветками клена и пластинками с мамбой.

В магазине на углу Шиллинг взял субботний номер «Лидера» — воскресного не было. Он колесил по городу, а Мэри Энн сидела рядом и внимательнейшим образом изучала каждое объявление.

Через полчаса они уже взбирались по лестнице большого современного бетонного здания на краю города, в новом районе с собственными магазинами и необычными уличными фонарями. При въезде журчал фонтан с подкрашенной

водой. Вдоль парковочных мест были высажены маленькие плодовые деревья — калифорнийские сливы.

— Нет, — сказала Мэри Энн, когда агент продемонстрировал им пустые стерильные комнаты.

— Холодильник, электроплита, стиральная машина и сушилка внизу, — сказал обиженный агент. — Вид на горы, все чистое, новое. Леди, этому зданию всего три года.

— Нет, — повторила она, уже стоя на выходе, — здесь нет… как там его? — она встряхнула головой. — Здесь слишком пусто.

— Тебе нужно место, где ты сама могла бы все устроить, — сказал ей Шиллинг, когда они поехали дальше, — вот что нужно искать, а не просто квартиру, куда можно въехать, как в гостиничный номер.

В полчетвертого пополудни они наконец нашли то, что ей понравилось. Большой дом в приличном жилом районе был разделен на две квартиры; стены были в панелях красного дерева, а в гостиной — огромное венецианское окно. В комнатах витал запах древесины; покой и тишина. Мэри Энн напряженно бродила туда–сюда с открытым ртом, заглядывала в стенные шкафы, трогала, принюхивалась.

— Ну? — спросил наблюдавший за ней Шиллинг.

— Чудесно.

— Подойдет?

— Да, — прошептала она, едва посмотрев на него, — представь, как будет здорово, если вон там поставить широкую кровать, а на пол положить китайские циновки. А ты подыскал бы мне репродукции, как у тебя. Я могла бы смастерить книжные полки из досок и кирпичей… я однажды видела. Мне всегда хотелось чего–то такого.

Довольная хозяйка, седая женщина за шестьдесят, стояла в дверях.

Шиллинг подошел к Мэри Энн и положил ей руку на плечо.

— Если ты хочешь ее снять, тебе придется оставить пятьдесят долларов задатка.

— Ой, — забеспокоилась Мэри Энн, — да, и правда.

— У тебя есть пятьдесят долларов?

— У меня ровно один доллар и тридцать шесть центов.

Она чувствовала, что проиграла; опустив плечи, она угрюмо сказала:

— Об этом я забыла.

— Я заплачу, — сказал Шиллинг, уже доставая

бумажник.

Он этого ожидал. Он хотел этого.

— Но это неправильно. — Она пошла за ним. — Может, ты вычтешь это из моей зарплаты? Ты же это имеешь в виду?

— Позже разберемся.

Он оставил Мэри Энн одну и подошел к женщине, чтобы рассчитаться.

— Сколько вашей дочке? — спросила она.

— Э, — замялся Шиллинг.

Ну вот, реальность снова напоминала о себе. Хорошо еще, Мэри Энн не слышала; она отошла в другую комнату.

— Она очень симпатичная, — продолжала женщина, заполняя квитанцию. — Учится?

— Нет, — пробормотал Шиллинг, — работает.

— У нее ваши волосы. Но не такие рыжие, как у вас, более каштановые. На ваше имя выписывать или на ее?

— На ее. Она будет платить.

Он взял квитанцию и вывел Мэри Энн на улицу. Она уже вовсю строила планы.

— Можем перетащить мои вещи на машине, — говорила она, — у меня нет ничего такого уж крупного. — Она бежала впереди него и, обернувшись, воскликнула: — Просто не верится

— посмотри, что мы устроили!

— Прежде чем распакуешь вещи, — заметил Шиллинг практично, хотя и его охватило то же радостное возбуждение, — нужно покрасить потолок, и еще стены — там, где нет деревянных панелей. Кое–где обои уже расходятся.

— Точно, — согласилась Мэри Энн, проскальзывая в машину, — но где же мы в воскресенье возьмем краску?

Она была готова приступить тут же, в этом он не сомневался.

— Краска есть в магазине, — сказал он, направляя машину в деловой район, — осталась после ремонта. Я держу ее, чтоб подновлять. Ее, может, и хватит, если тебя устроит выбор цветов. Или лучше подождать до понедельника…

— Нет, — сказала Мэри Энн, — можно начать сегодня? Я хочу переехать. Хочу вселиться туда прямо сейчас.

Пока Мэри Энн заворачивала тарелки в газеты, Джозеф Шиллинг носил вниз картонные коробки с вещами и сгружал их в багажник своего «Доджа». Он сменил костюм на шерстяные рабочие штаны и серый свитер грубой вязки. Свитер этот служил ему уже много лет — это был подарок на день рождения от девушки из Балтимора, имя

которой он давно позабыл.

Где–то на краю сознания маячила мысль о том, что сейчас он должен быть в магазине и, как обычно, открывать свою воскресную музыкальную гостиную. Но, сказал он себе, черт с ней. Ему трудно было думать о пластинках, вообще о делах; невозможно было представить себе, чтобы в эту минуту он, как планировал, готовился читать лекцию о модальности Ренессанса.

Ужинали они в квартире Шиллинга. Порывшись в холодильнике, Мэри Энн отыскала телячью отбивную и запекла ее в духовке. Было шесть часов; вечерняя улица погружалась во мрак. Стоя у окна, Шиллинг слушал, как девушка готовит. Она энергично гремела ящиками, из которых доставала всевозможные кастрюли и миски.

Ну что ж, много чего произошло. С прошлого воскресенья он проделал большой путь. Интересно, что с ним будет еще через неделю? Теперь он должен вести определенный образ жизни, быть вполне определенным человеком. Ему придется внимательно следить за тем, что он говорит и делает; приложить усилия, чтобы остаться этим человеком и дальше. Долго ли он продержится? Случиться может что угодно. Он вспомнил речь, которую прочел Мэри Энн, — об ответственности,

которую берет на себя каждый, кто открывает для другого новые горизонты… Улыбаясь иронии судьбы, он отвернулся от окна.

— Помощь нужна? — спросил он.

Она показалась из кухни — стройная, высокогрудая фигурка в дверном проеме.

— Можешь сделать пюре, — сказала она.

Скорость, с какой она перемещалась по кухне, впечатлила его.

— Ты, наверное, много помогала матери.

— Моя мать дура, — сказала она.

— А отец?

— Он… — она заколебалась, — гнусная козявочка. Только и знает, что пить пиво да смотреть телевизор. Потому–то я и ненавижу телевизор — сразу перед глазами он в своей черной кожанке. И в очках, этих его очочках в стальной оправе. Смотрит на меня и ухмыляется.

— Чему?

Казалось, она не может больше говорить. Ее лицо помрачнело и застыло; тончайшие морщинки беспокойства стянули и исказили ее черты.

— Дразнит меня, — с трудом выдавила она.

— По поводу?

Превозмогая себя, она заговорила:

— Однажды — мне было, наверное, лет пят-

надцать–шестнадцать, я еще в школе училась — я вернулась домой поздно, около двух ночи. Я была на танцах, в клубе — там, на холмах. Когда я открыла дверь, я его не заметила. Он спал, но не в их комнате, а в гостиной. Наверное, выпил и вырубился. В одежде, даже в ботинках, он лежал враскоряку на диване, а вокруг — газеты и пивные банки.

— Тебе не обязательно это рассказывать, — сказал он.

Она кивнула.

— Я проходила мимо. И он проснулся. Он увидел меня; на мне был длинный плащ. Думаю, он перепутал — не сообразил, что это я. Короче, — ее передернуло, — он схватил меня. Все случилось так быстро, что я даже не поняла. Даже не сразу его узнала. Я решила, что их двое, — она горько улыбнулась, — в общем, он уложил меня на диван. В одну секунду. Я даже ахнуть не успела. Он ведь когда–то был очень красивым. Я видела его фотографии, когда он был молодым, когда они только поженились. У него было много женщин. Они открыто говорили об этом. Постоянно мусолили эту тему. Может, он сделал это рефлекторно; понимаешь?

— Да, — ответил он.

— Он был очень скор. Кроме того, он по–прежнему силен; он работает на трубопрокатном заводе, с большими такими трубами. Особенно руки у него сильные. Я ничего не могла поделать. Он задрал мне платье на голову и держал руки. Хочешь, чтобы я продолжала?

— Если хочешь — продолжай.

— Собственно, и все. Он не успел… ну, по–настоящему сделать это. Мать, должно быть, что–то услышала. Она зашла и включила верхний свет. Ему не хватило времени. И тут он увидел, что это я. Он, наверное, не знал. Я все время, каждый раз об этом думаю. Но для него это все шутка. Он считает, что это весело. Дразнит меня — то и дело подкрадывается и хватает. И его это здорово вставляет. Как будто игра такая.

— А мать не против?

— Против, но она никогда его не останавливает. Не может, наверное.

— Господи, — произнес Шиллинг; он был глубоко расстроен.

Мэри Энн подтащила маленькую стремянку и достала тарелки и чашки.

— И все они здесь, в этом городе: моя семья, мои друзья, Дейв Гор дон…

— Кто такой Дейв Гордон?

— Мой жених. Он работает за заправке «Ричфилд», водит грузовик. Ему даже в голову не приходит, что можно уехать куда–нибудь; для него это только и значит, что одолжить фургон на выходные.

— Да–да, — подтвердил Шиллинг, — ты о нем говорила.

Ему было не по себе.

— Иди, садись, — сказала Мэри Энн, взяла прихватку и наклонилась к духовке, — ужин готов.

Глава 18

После ужина, в восемь часов вечера, Шиллинг повез ее к закрытому магазину. Они погрузили краску в багажник «Доджа»; оба были взволнованы и даже немного напуганы.

— Ты так притихла, — заметил он.

— Я боюсь.

— А где теперь твой дружок, Пол Нитц? — Ему показалось, что это неплохая мысль. — Поехали, прихватим его.

Дружелюбный Нитц был рад оставить свои занятия и присоединиться к ним.

— Но не позже двенадцати мне нужно быть в «Корольке», — предупредил он. — Итон считает, что я должен показываться там хотя бы время от времени.

— Мы и сами дольше не задержимся, — сказал Шиллинг, — завтра же понедельник.

Уже втроем они перетащили наверх пожитки Мэри Энн, сложили их на кухне, обитой панелями красного дерева, и теперь трясли банки с краской и размягчали кисточки. Зажав во рту неприкуренную сигарету, Пол Нитц вылил в ведро каучуковую краску и стал размешивать ее

сломанной вешалкой.

Прохладный ночной ветерок овевал их, пока они работали; чтобы не дышать краской, они открыли все окна и двери. Они стояли на стульях и красили потолок каждый в своей комнате, лишь изредка переговариваясь. Время от времени по улице, сверкнув фарами, проезжала машина. Соседей снизу дома не было; там не было ни света, ни звука.

— У меня кончилась краска, — сказал, останавливаясь, Шиллинг.

— Пойди возьми еще, — отвечала Мэри Энн из гостиной, — в ведре еще полно.

Обтерев руки тряпкой, Шиллинг сошел со стула и двинулся на звук ее голоса. Она стояла на цыпочках и обеими руками тянулась вверх. Короткие каштановые волосы повязаны банданой; на щеках, лбу и шее капельки желтой краски. Влажными следами от краски были покрыты и ее руки, и одежда, и голые ступни. Она была в закатанных джинсах и футболке; и все. Она казалась уставшей, но веселой.

— Ну, как идет? — спросил он.

— Здесь я уже почти закончила. Посмотри, ничего не пропустила?

Она, конечно же, покрасила все, что нужно;

работала она тщательно и скрупулезно.

— Мне не терпится распаковать коробки, — говорила она, энергично размахивая кисточкой, — мы успеем до ночи? Не хочу там ночевать… в любом случае и постельное белье, и вся одежда, все вещи уже здесь.

— Распакуемся, — пообещал Шиллинг, вернулся в свою комнату и принялся красить.

Пол Нитц работал в спальне. Шиллинг решил прерваться и навестить его.

— Хорошо, блин, ложится, — сказал Нитц, спрыгнув со стула на пол.

Он вытащил из кармана помятую пачку сигарет, предложил ее Шиллингу и закурил сам. Когда Шиллинг доставал сигарету, его внезапно накрыло волной воспоминаний. Вот так же, только пять лет назад, он стоял в квартире Бет Кумбс и смотрел, как она красит кухонный стул. При жилете и галстуке, с портфелем под мышкой, он пришел к ней с официальным визитом; он представлял музыкальное издательство «Эллисон и Хирш», для которого она должна была написать несколько песен.

Он вспомнил, как она сидела на корточках посреди кухни — в шортах и майке на бретельках, с полосками краски на обнаженной коже. Он

возжелал ее бешено — здоровую блондинку, которая поболтала с ним, налила выпить и весьма недвусмысленно прижималась к нему, пока они смотрели черновики песен. Настойчивое прикосновение пылкого женского тела; эти груди, которые хотелось схватить и помять…

— Работает она на износ, — сказал Нитц, указывая на девушку.

— Да, — вздрогнул Шиллинг, возвращаясь в настоящее.

Он был в смятении: образы из прошлого смешивались с новыми. Бет, Мэри Энн, девушка с длинными рыжими волосами, с которой он жил в Балтиморе. Он так и не смог припомнить, как ее звали. Барбара, а дальше… Она была похожа на поле пшеницы… вокруг него и под ним она танцевала, как самка орангутанга. Он вздохнул. Этого он не забыл.

— Что вы о ней думаете?

— Ну–у, — протянул Шиллинг. Несколько мгновений он не мог понять, кого Нитц имеет в виду. — Да, я много о ней думаю.

— Я тоже, — произнес Нитц с легким ударением, ускользнувшим от Шиллинга. — Она бешеная, но четкая.

— Что значит — бешеная? — спросил Шиллинг.

Звучало это не слишком галантно, и он не был уверен, что готов согласиться.

— Мэри слишком серьезно ко всему относится. Вы хоть раз в жизни слышали, чтоб она смеялась?

Он попытался припомнить.

— Я видел, как она улыбается.

Он представил ее всю, теперь очень ясно. И был этому рад.

— Молодежь больше не смеется, — сказал Нитц, — должно быть, настали такие времена. Они только беспокоятся.

— Да, — согласился он, — она всегда о чем–то беспокоится.

— Это вы обо мне, что ли? — послышался голос Мэри Энн. — Потому что если да, то заканчивайте.

— Она укажет вам, что делать. У нее своя голова на плечах. Но… — он вернулся к покраске, — в некоторых вещах она просто двухлетний младенец. Об этом легко позабыть. А ведь это малыш, который бродит потерянный и ждет, что его кто–нибудь найдет. Что добрый дядя–полицейский с блестящими пуговицами и значком придет и отведет ее домой.

— А ну прекратите! — приказала Мэри Энн; она

спрыгнула на пол и прямо с валиком, с которого капала краска, зашла в спальню. Потерев щеку запястьем, она напомнила им: — Это, между прочим, мой дом. Я могу вас обоих вышвырнуть.

— Маленькая всезнайка, — сказал Нитц.

— А ты закрой рот.

Передав Шиллингу сигарету, Нитц подпрыгнул, обхватил ее за талию, подтащил к открытому окну и приподнял над подоконником.

— Вам на выход! — кричал он.

Мэри Энн вопила и яростно отбивалась, схватив его за шею и колотя голыми ногами по стене.

— Отпусти немедленно! Ты слышишь меня, Пол Нитц?

— Не слышу.

Ухмыляясь, он опустил ее на пол. Запыхавшаяся, нетвердо стоящая на ногах, она мешком опустилась на пол и села, положив подбородок на колени и обхватив руками лодыжки.

— Отлично, — проворчала она, переводя дыхание, — ах, какой шутник; так смешно, дальше некуда.

Нитц наклонился, чтобы развязать ей бандану.

— Утереть нос хорошенечко, — сказал он возмущенной девице, — вот что тебе нужно. Слишком высоко ты его задираешь.

Мэри Энн презрительно усмехнулась в ответ и вскочила на ноги.

— Ну вот, — воскликнула она, — у меня тут теперь синяк будет!

— Переживешь, — ответил Нитц. Он поднял свой валик и забрался на стул.

Мэри Энн сердито на него посмотрела, а потом вдруг улыбнулась.

— А я кое–что про тебя знаю.

— Что?

— Ты красить не умеешь, — улыбка ее стала шире, — тебе даже не разглядеть, где неровно.

— Твоя правда, — смиренно признал Нитц, — я чертовски близорук.

Развернувшись на голой пятке, Мэри Энн проследовала в гостиную и снова взялась за дело.

В десять тридцать Шиллинг спустился к припаркованной машине и достал из бардачка пол–литра «Глейва»[137]. При виде бутылки лицо Нитца посерело от жадности и предвкушения.

— Боже правый, — проговорил он, — чего это у вас там, дядя? Это что — настоящий?

Порывшись в коробках с тарелками и кастрю-

---

[137] Примечания: 137

«*Глейв*» (Glayva) — шотландский ликер на основе виски с травами, анисом, вересковым медом, миндалем и цитрусовыми; начал производиться под Эдинбургом вскоре после Второй мировой войны.

лями, Шиллинг откопал три стакана, наполнил их до половины водой из–под крана, поставил на кафель раковины и открыл бутылку.

— Эй, стоп, — запротестовал Нитц, — мне этой дурацкой воды не надо.

— Это чтоб запить, — объяснил Шиллинг, передавая ему бутылку.

— Ух. — Тот хватал воздух, фыркая и покачивая головой. Утерев рот тыльной стороной ладони, он передал бутылку Шиллингу. — Да уж. Знаете, как я это называю? Писи ангелов, чисто и просто.

В дверном проеме показалась любопытная Мэри Энн.

— А мне?

— Тебе можно столовую ложку, — сказал Шиллинг.

Ее глаза вспыхнули.

— Столовую ложку, как же! Еще чего… — она схватила бутылку, — ты же давал мне то вино, тогда.

— Это совсем другое, — сказал он, но нашел пластиковый мерный стаканчик и налил ей с мизинец. — Только смотри не подавись, — предупредил он, — сразу не пей, а потягивай маленькими глоточками, как сироп от кашля.

Мэри Энн глянула на него и с интересом под-

няла край стаканчика. Сморщив носик, она сказала:

— Бензином пахнет.

— Ты уже пила скотч, — сказал Нитц. — Туини пьет скотч — у него ты и пробовала.

Мужчины, каждый глубоко погрузившись в свои мысли, смотрели, как девушка одним глотком осушила стаканчик. Мэри Энн скорчила рожицу, вздрогнула и потянулась за стаканом с водой.

— Видишь, — проворчал Шиллинг, — тебе это совсем ни к чему; тебе ведь даже не понравилось.

— Это нужно с чем–то смешивать, — уклончиво ответила она, — может, с фруктовым соком.

Нитц покачал головой:

— Какое–то время тебе лучше держаться от меня подальше.

— Ничего, это у тебя пройдет.

Мэри Энн исчезла в гостиной; забравшись обратно на стул, она вернулась к работе.

Мужчины сделали еще по глотку скотча.

— Превосходная вещь, — сказал Шиллинг.

— Мое мнение вы уже знаете, — сказал Нитц, — но это не для детей.

— Согласен, — пробурчал Шиллинг, ощущая

неловкость, — я и дал–то ей всего ничего.

— Ладно, — сказал Нитц и вышел, оставив Шиллинга одного, — пора в соляные копи.

— Будем считать, что мы в расчете, — произнес Шиллинг, глядя ему вслед.

Он с грустью почувствовал, что Нитц жестоко ревнует, — и знал, что ревность эта справедлива и оправдана. Он пришел и вытащил девочку из ее мира, ее городка, прочь от Нитца. Его можно было понять.

— Еще не в расчете, — отозвался Нитц, — я хочу закончить спальню.

— Хорошо, — покорно сказал Шиллинг.

Они работали до половины двенадцатого. Шиллинг полз по полу, докрашивая плинтус, и понимал, что выпрямить ноги будет очень непросто. Синяк на колене, который он набил о прилавок, набух и болел.

— Старею, — сказал он Нитцу, остановился и бросил кисточку.

— Все, наработались? — с тревогой спросила Мэри Энн. — Оба?

Нитц с виноватым видом зашел в гостиную, теребя свою потертую спортивную куртку.

— Прости, дорогая, мне нужно в «Королек», иначе Итон меня уволит.

Шиллинг вздохнул с тайным облегчением.

— Я отвезу вас. В любом случае пора закругляться; для одного вечера мы сделали более чем достаточно.

— Боже мой, а ведь мне еще играть, — Нитц выставил свои запачканные краской пальцы, — вместо этих надо вставить новые.

Пройдя с Нитцем на кухню, Шиллинг сказал:

— Сделаете мне одолжение?

— Конечно, — согласился Нитц.

— Возьмите скотч себе.

Это был жест примирения… кроме того, теперь ему хотелось избавиться от этой бутылки.

— Черт побери, да я на столько не накрасил.

— Я думал, мы прикончим ее здесь, но потерял счет времени. — Он положил бутылку в коричневый бумажный пакет и преподнес его Нитцу. — Договорились?

Шлепая босыми пятками, на кухню вошла Мэри Энн.

— А можно я тоже поеду? — взмолилась она. — Я хочу с тобой.

— Сотри сначала краску с лица, — сказал Шиллинг.

Она зарделась и стала искать влажную тряпку.

— Ты же не против? Здесь так одиноко… мебели

никакой, сплошная грязь и бардак. Мы так и не закончили.

— Да с удовольствием, — пробормотал Шиллинг, все еще слегка расстроенный поведением Нитца.

Она вытерла краску с лица, и он подал ей жакет. Потом она пошла за мужчинами на лестницу; спустившись, они оказались на темной улице. Доехали они буквально за минуту.

— Народу, похоже, набилось достаточно, — сказал Шиллинг, когда обитые красные двери «Королька» раскрылись, чтобы впустить какую-то парочку. Он впервые видел это место — ее привычное убежище. Вдруг он произнес:

— Хочешь, зайдем ненадолго?

— Не в таком виде.

— Какая разница? — сказал Нитц, вылезая из машины на тротуар.

— Нет, — решила она, глянув на Шиллинга, — как-нибудь в другой раз; я хочу вернуться. Там еще очень много работы.

— Работа не убежит, — говорил Нитц, стоя у машины, — не нервничай, Мэри.

— Я не нервничаю.

— Ты не сможешь сделать все за день, куколка.

— Легко тебе говорить, — буркнула Мэри Энн.

Она придвинулась к Шиллингу, за что тот был ей благодарен. — Тебе не придется там спать.

— Тебе тоже, — сказал Нитц.

— Я собираюсь ночевать там.

— Следи повнимательней за тем, где остаешься на ночь, — сказал Нитц, и Шиллинг подался вперед, потому что понимал, к чему это все ведет. Но было поздно — Нитц уже продолжал: — Нехорошо это, Мэри. Прости меня. Мне чертовски жаль, но это правда. Он слишком стар для тебя.

— Доброй ночи, Пол.

Он даже не взглянул на него.

— Я должен был это сказать.

— Все — хорошо, — жестко сказала она.

— А что хорошего? Ну, может, и много чего. Но все равно недостаточно. А теперь ненавидь меня, если хочешь.

— Я тебя не ненавижу, — произнесла она слабым отрешенным голосом, как будто вглядывалась во что–то очень далекое.

Нитц потянулся, чтобы щелкнуть ее по носу, но она отпрянула.

— Поговорим об этом как–нибудь в другой раз, — сказал Шиллинг. — Мы все устали. Сейчас не лучшее время.

— Время не лучшее, — согласился Нитц. — А

что лучшее? Все совсем не так хорошо, как ты думаешь, Мэри. Или хочешь думать.

Шиллинг завел мотор.

— Оставь ее в покое.

— Простите, — сказал Нитц. — Я, правда, прошу прощения. Думаете, мне это нравится?

— Тебя ждут на работе, — отрезал Шиллинг.

Он отжал сцепление, и машина поехала. Перегнувшись через Мэри Энн, он захлопнул дверь. Она не возразила, даже не пошевелилась. Нитц, сжимая коричневый бумажный пакет, постоял на тротуаре, а потом повернулся и исчез внутри бара.

Через какое–то время Шиллинг сказал:

— И Христа распяли одни из самых славных людей на земле.

— Что это значит? — пробурчала Мэри Энн.

— Это значит, что Нитц — славный парень, но у него есть свои предубеждения, свои идеи. И свои желания, конечно, как и у всех нас. Он не смотрит со стороны. Ты ему не безразлична, очень даже не безразлична.

— Хорошо, — сказала она, — мне приятно это слышать.

Он чувствовал, что совершает ошибку, продолжая этот разговор. Она была не в том состоянии,

чтобы слушать, рассуждать и принимать решения. Но он не мог остановиться:

— Прости меня.

— За что?

— За эту перебранку.

— Да, — кивнула она и уставилась в окно.

Они катили дальше по темной улице, и вдруг он спросил:

— Ты уверена, что тебе это нужно?

— Что — это? Да, я так хочу. Я уверена.

— Ты слышала, что он сказал. И ты доверяешь ему. А что с твоей соседкой? Она сможет найти кого–то другого? Или ей придется одной платить за всю квартиру?

— За нее не беспокойся, — сказала Мэри Энн, решительным жестом отметая его сомнения, — бабок у нее навалом.

— Все произошло так быстро. Ты не успела ничего толком обдумать.

Она пожала плечами.

— Ну и что?

— Тебе нужно больше времени, Мэри. — Нитц вынудил его сказать это. — Ты должна абсолютно ясно понимать, во что ты ввязываешься. В чем–то он прав. Я не хочу… ну, втянуть тебя во что–то не то.

— Не глупи. Квартира мне очень понравилась. Я хочу развесить там репродукции и разложить циновки. Ты можешь повозить меня и помочь все выбрать. И одежду… — глаза ее загорелись новыми идеями и планами. — Я хочу, чтобы мне было что надеть, когда мы снова пойдем…

— Возможно, это тоже было ошибкой, — сказал он, — может, не стоило тебя туда брать, — произнес он, хотя думать об этом было уже поздновато.

— О… — протянула она, пихнув его плечом, — ты говоришь, как полный идиот.

— Спасибо.

Мэри Энн нагнулась к нему, загородив лобовое стекло.

— Ты на меня злишься?

— Нет, — сказал он, — только отодвинься, мне ничего не видно.

— Чего не видно? — Она замахала руками перед его лицом. — Фьють, задавили кого–то. Давай разобьемся — смотри, мне плевать.

В приступе горького нигилизма она схватилась за руль и крутанула его туда–сюда. Тяжелый автомобиль вихлял из стороны в сторону, пока Шиллинг не разжал ее руки.

Сбавив скорость, он спросил:

— Пешком хочешь пойти?

— Нечего мне угрожать.

Изнемогая от усталости, он произнес:

— Тебя нужно выпороть. Кожаным ремнем.

— Ты говоришь, как мои родители.

— Я с ними согласен.

— Да пошел ты, — сказала она спокойным, но сдавленным голосом. — Ты мог бы меня ударить? Ты на это способен, да?

— Нет, — ответил он, следя за дорогой.

— А может, и способен… все возможно. Что угодно может быть. Все и ничего.

Она скользнула вниз по сиденью и задумалась.

— А ты не хочешь остановиться где–нибудь поесть?

— Не слишком.

— Я тоже. Я не знаю, чего я хочу — чего же я хочу?

— Никто, кроме тебя, этого не знает.

— Ты во что–нибудь веришь?

— Конечно, — сказал он.

— Почему?

Они подъехали к ее новому дому. Окна второго этажа светились в темноте. Через стекло были видны свежепокрашенные потолки; они блестели и переливались влажным светом.

Взглянув наверх, Мэри Энн поежилась.

— Там так пусто. Ни занавесок, ничего.

— Я помогу распаковать, — сказал он, — все, что тебе понадобится на сегодня.

— Это значит, что красить мы больше не будем.

— Пойди, ляг и поспи. Завтра тебе полегчает.

— Я не могу здесь ночевать, — сказала она, и в голосе ее звучали отвращение и страх, — ничего не доделано. Я так не могу.

— Но твои вещи…

— Нет, — сказала она, — и речи быть не может. Прошу тебя, Джозеф; клянусь, я так не могу. Ты ведь понимаешь, о чем я, правда?

— Безусловно.

— Нет, не понимаешь.

— Понимаю, — сказал он, — но… ерунда какая–то получается. Вещи твои там — одежда, все. Где тебе еще ночевать? Ты же не можешь вернуться на старую квартиру.

— Нет, — согласилась она.

— Хочешь переночевать в гостинице?

— Нет, только не в гостинице. — Она задумалась. — Боже мой, как по–дурацки все вышло. Не надо было затевать покраску. Нужно было просто перевезти вещи.

Она устало уронила голову и закрыла лицо руками.

— Я сама во всем виновата.

— Если хочешь, можешь переночевать у меня, — сказал он.

Он вряд ли предложил бы ей это при обычных обстоятельствах; мысль эту породили усталость, и желание отдохнуть, и эта глухая стена, в которую они уткнулись. Он чувствовал, что не справляется; он слишком устал. Все мысли он отложил до завтра.

— А можно? Я тебя не слишком побеспокою?

— Думаю, нет.

Он завел машину.

— Ты уверен, что это удобно?

— Я отвезу тебя, а потом вернусь сюда за вещами.

— Ты такой милый, — вяло сказала она, прильнув к нему.

Он довез ее до своего дома, припарковался и впустил девушку в квартиру.

Вздохнув, Мэри Энн упала в глубокое кресло и уставилась на ковер.

— Здесь так спокойно.

— Прости, что не успели докрасить там.

— Ничего страшного. Закончим завтра вече-

ром.

Шиллинг снял пальто и подошел к ней, чтобы взять ее красный жакет.

— Что могло бы тебя развеселить? — спросил он.

— Ничего.

— Хочешь поесть?

Она раздраженно закачала головой.

— Нет, я не хочу есть. Боже мой, я просто устала.

— Тогда пора в кровать.

— Ты только туда и обратно?

— Это быстро. Что важно не забыть?

Он поискал бумагу и карандаш, но сдался.

— Говори, я так запомню.

— Пижаму, — пробормотала она, — зубную щетку, мыло… да черт с ним, я поеду с тобой.

Она поднялась и направилась к двери. Шиллинг остановил ее; она прислонилась к нему и стояла так молча, просто отдыхая.

— Иди сюда, — сказал он. Он взял ее за руку и отвел в спальню, где стояла большая двуспальная кровать.

— Забирайся и спи. Я вернусь через полчаса. Что забуду, привезу завтра перед работой.

— Хорошо, — согласилась она, — пусть так.

Она принялась машинально расстегивать пояс. Шиллинг задержался в дверях. Она сняла туфли; не говоря ни слова, схватилась за края перепачканной краской футболки и стянула ее через голову. Тут ею овладела безысходность; она безмолвно стояла посреди спальни в лифчике и джинсах, не двигаясь ни туда, ни сюда.

— Мэри Энн, — начал он.

— Ну что еще? — спросила она. — Оставь меня в покое, ладно?

Кинув футболку на кровать, она расстегнула джинсы и сбросила их на пол. Потом, не обращая внимания на стоящего в дверях мужчину, голышом прошла к кровати и забралась под одеяло.

— Выключи, пожалуйста, свет, — попросила она.

Он выключил. Из темноты на это ничего не сказали. Он тянул время; уходить не хотелось.

— Я закрою тебя на замок, — наконец сказал он.

— Как хочешь, — отозвалась она.

Шиллинг пересек темную спальню.

— Можно присесть? — спросил он.

— Пожалуйста.

Он сел на самый краешек кровати.

— Мне стыдно. Стыдно, что мы не закончили.

И еще больше — за кое–что другое. Гораздо больше.

— Я сама виновата, — пробормотала она, уставившись в потолок.

— Мы найдем помощников; может, и без Нитца обойдемся. И закончим все, возможно, к середине недели.

Она ничего не ответила, и он продолжал:

— А до тех пор можешь остаться здесь. Как тебе такая идея?

— Хорошо, — помедлив, кивнула она.

Он слегка отстранился. Мэри Энн лежала неподвижно и, казалось, уже дремала. Он смотрел на нее, но не мог понять.

— Я не сплю, — сказала она.

— Так спи.

— Засну. Кровать хорошая. Широкая.

— Очень широкая.

— А ты заметил, что ковер похож на воду? Как будто кровать плывет по волнам. Может, это из–за света… Когда я красила, мне все время светило в глаза. Меня мутит. — Она зевнула. — Поезжай, пожалуйста.

Он на цыпочках вышел из комнаты. Закрывая входную дверь, он подергал ручку, чтобы убедиться, что она заперта, а потом пошел вниз по

лестнице.

В новой квартире Мэри Энн по–прежнему горела лампа. В воздухе стоял неприятно сильный запах краски. Он побыстрее собрал ее пожитки, выключил свет и отопление и вышел.

Когда он открыл дверь в свой дом, из темной спальни не послышалось ни звука. Он освободил руки и снял пальто. Помявшись, он объявил:

— Я привез твои вещи.

Ответа не было. Может быть, она спала. Но могла быть и другая причина. Взяв фонарик, он зашел в спальню. Там не было ни ее, ни ее разбросанной одежды. Смятая кровать была еще теплой там, где она лежала.

В гостиной, на крышке проигрывателя, он нашел записку.

«Прости, — прочитал он; это был листок с аккуратными карандашными строчками — прямым, как топором вырубленным почерком Мэри Энн. — Увидимся завтра в магазине. Я все обдумала, и вашу историю с Полом тоже, и решила, что лучше сегодня переночевать у родителей. Не хочется заходить слишком далеко. По крайней мере, пока мы по–настоящему неуверены. Ты знаешь, что я имею в виду. Не сердись. С любовью, Мэри».

Он скомкал записку и сунул ее в карман. Что ж, лучше сейчас, чем потом. Он чувствовал что–то вроде облегчения — скучного и неубедительного.

— Бог ты мой, — сказал он, — господи!

Он проиграл; он позволил им отнять ее.

В тоске он вернулся в спальню и принялся расправлять пустую постель.

Глава 19

Миссис Роуз Рейнольдс прислонилась к холодильнику и, скрестив руки на груди, наблюдала, как ее дочь насыпает себе хлопьев. Мэри Энн плеснула в миску молока. Пока хлопья набухали и растворялись в нем, она придвинула чашку кофе и намазала маслом тост.

— Дорогуша, — начала миссис Рейнольдс, — давай–ка уже того.

— Чего того? — она уплетала ложкой завтрак. — У меня нет времени рассиживаться; я должна быть в магазине к девяти.

— Скажи мне, с кем ты спишь, — настойчиво потребовала женщина.

— С чего это ты взяла? Почему ты вообще об этом заговорила?

— Главное, чтоб это был не черномазый. Я этого не перенесу.

— Не беспокойся.

Миссис Рейнольдс поджала губы.

— Значит, с кем–то ты спишь. Он тебя выставил? И поэтому ты явилась домой? — теперь она тихо, без выражения бубнила. — Тебе жить, конечно. Значит, переехала отсюда ради него, а

потом надоела ему. Могу я спросить? Когда это началось? Еще когда ты жила под этой крышей? Я спрашиваю, потому что давно уж заметила, как ты себя трогаешь, лазишь себе в трусы. Несколько лет, никак не меньше.

— Пойди, расскажи соседям, — ответила Мэри Энн. Она закончила завтрак и отнесла посуду в раковину.

— Я хочу обсудить с тобой кое–что, — продолжала миссис Рейнольдс, — мои хорошие знакомые говорят, что тебя видели с певцом из какого–то бара. Не помню точно, как этот бар называется, но неважно. Он ведь цветной, этот певец, верно? И как это люди обо всем узнают, просто удивительно. Я читала в газете про черномазого, который убил белого человека, и его арестовали. Удивительно, что его выпустили под залог. У них, должно быть, хорошие связи тут, в Калифорнии, особенно в Лос–Анджелесе. — Скрестив руки, она ходила за Мэри Энн. — Когда мы с тобой обсуждали супружеские отношения, я упоминала о том, как сложно незамужней девушке приобрести колпачок. Однако с помощью знакомых можно… — речь ее прервалась.

В кожанке и рабочих штанах, с контейнером для ленча под мышкой, в дверях появился Эд

Рейнольдс; он как раз собирался на завод.

— Как поживает моя девочка? — спросил он. — И где это ты пропадаешь последние месяцы? Только давай начистоту.

— Я снимаю квартиру — ты же знаешь.

Она попятилась от отца и повернулась к нему спиной.

— А откуда ты явилась вчера ночью?

— Говорят, она спуталась с цветным парнем, — сказала миссис Рейнольдс, — спроси ее сам. Я не могу от нее ничего добиться. Может, ты сумеешь.

— Она не залетела? Ты ее посмотрела?

— Вчера вечером не получилось.

— Не ходите за мной, — сказала Мэри Энн, выбегая из кухни к своей бывшей спальне. — Мне на работу пора! — трусливо взвизгнула она, когда мать увязалась за ней. Пытаясь запереть дверь, она завопила: — Убери от меня свои руки, черт побери!

— Лучше пусти меня, — отвечала мать, — или войдет он; ты же не хочешь, чтоб он заходил, так что ради своего же блага пусти меня. — Она распахнула дверь. — Когда они были последний раз?

— Чего последний раз?

Делая вид, что не обращает на мать внимания, Мэри Энн порылась в стенном шкафу и вынула оттуда темно–красный костюм. Из комода она достала старую сумочку; сорок долларов были на месте — там, где она их спрятала. Они их не нашли.

— Месячные, — уточнила миссис Рейнольдс, — или ты не помнишь?

— Нет, не помню. В прошлом месяце.

Торопясь и нервничая, Мэри Энн припрятала джинсы и футболку, в которых пришла прошлой ночью. Она уже начала натягивать узкую юбку, как вдруг мать отскочила от двери и рванула к ней.

— Отпусти! — завизжала Мэри Энн, царапаясь и впиваясь ногтями.

Эд Рейнольдс встал в дверях и пристально наблюдал за происходящим.

Схватив девушку за талию, Роуз Рейнольдс стянула с нее трусы и с силой запустила руку ей в промежность. Мэри Энн визжала, пытаясь вырваться. Наконец, удовлетворив свой интерес, мисс Рейнольдс отпустила ее и большими шагами отошла к двери.

— Убирайтесь отсюда! — завопила Мэри Энн; она схватила туфлю и запустила матери вслед.

По ее лицу текли слезы ярости. — Пошли вон!

Она подбежала к родителям, вытолкала их из комнаты и захлопнула дверь.

Всхлипывая и теребя одежду, она с грехом пополам привела себя в порядок. Было слышно, как они обсуждают ее за дверью.

— Заткнитесь! — закричала она, утирая слезы тыльной стороной ладони.

А потом поспешила выполнять свой план.

В девять часов она уже маячила возле «Ленивого королька». Тафт Итон — угрюмый, в грязном переднике и рабочих штанах — подметал тротуар. Когда она подошла, он попытался сделать вид, что в упор ее не видит.

— Чего тебе? — спросил он наконец. — Вечно с тобой одни неприятности.

— Ты можешь оказать мне услугу, — сказала Мэри Энн.

— Какого рода?

— Я хочу снять комнату.

— Я не сдаю комнат.

— Ты знаешь все дома в округе. Где есть свободное место? Просто комната, самая дешевая.

— Здесь все больше цветные.

— Знаю. Здесь дешевле.

Кроме того, присутствие негров успокаивало

— а сейчас ей было нужно именно это.

— А что случилось с твоей квартирой?

— Тебя это не касается. Давай ближе к делу — у меня времени в обрез. Я не могу целый день ходить и присматривать себе жилье.

Итон задумался.

— Без кухни. И ты знаешь, как тут с цветными. Хотя да, ты же любишь с ними якшаться. Только зачем? Какой тебе в этом кайф, а?

Мэри Энн вздохнула:

— Может, эту часть пропустим?

— У Карлтона Туини проблемы с законом, и все из–за тебя.

— Я в этом не виновата.

— Ты его девушка. Ну, или была ею. Теперь эта пухлая блондинка. Что у него — аппетит разыгрался?

Мэри Энн терпеливо ждала.

Итон взял швабру и принялся отщипывать от нее свалявшиеся комки пыли.

— Меблированных комнат здесь хватает. Есть одно место — не фонтан, конечно. Там живет один из наших поваров.

— Отлично. Давай адрес.

— Поди, сама его спроси; он на кухне, — сказал Итон, но, когда Мэри Энн уже подошла к двери,

передумал. — Нет уж, мне будет спокойней, если твоего носа тут не будет.

Он записал адрес в блокнот из кожзаменителя, вырвал листок и протянул ей.

— Это та еще дыра; ты там не останешься. Полно алкашей и помойных крыс из канализации. Ты когда–нибудь таких видела? Они приплывают из залива. Вот, — он показал руками, — здоровые, как собаки.

— Спасибо, — сказала Мэри Энн, засунув записку в карман.

— А в чем, собственно, дело? — бухтел Итон, когда она отходила. — За тебя что, и заплатить некому? У такой–то красотки?

Здание полностью соответствовало описанию Итона. Высокое и узкое, оно было втиснуто между магазином медицинских инструментов и телемастерской. Некрашеные ступеньки вели на крыльцо, где она обнаружила стул и опрокинутую винную бутылку. Она позвонила в звонок и стала ждать.

Крошечная, высохшая цветная старушка с острыми черными глазенками и длинным крючковатым носом открыла дверь и внимательно посмотрела на нее.

— Да? — визгливо спросила она. — Что вам

нужно?

— Комнату, — ответила она. — Тафт Итон сказал, что у вас, может, есть свободная.

Женщине это имя ничего не говорило.

— Комнату? Нет тут никаких комнат.

— Здесь разве не меблированные комнаты?

— Да, — сказала старушка, перекрывая проход сухощавой рукой.

Одета она была в мешковатое серое платье и белые гольфы. За ней открывался тусклый интерьер парадной: сырое и мрачное углубление, где Мэри Энн разглядела стол и зеркало, цветок в горшке и начало лестницы.

— Но у нас все занято.

— Отлично, — сказала Мэри Энн, — а мне что прикажете делать?

Старушка уже закрывала дверь, но остановилась, подумала и сказала:

— А когда она вам понадобится?

— Прямо сейчас. Сегодня.

— Обычно мы сдаем только цветным.

— Мне это все равно.

— У вас кавалеров не слишком много? У нас тут спокойно. Я стараюсь, чтоб все было прилично.

— Никаких кавалеров.

— Спиртное употребляете?

— Нет.

— Точно?

— Абсолютно, — убедила ее Мэри Энн, постукивая по крыльцу каблучком и заглядывая через голову старушки, — и каждый вечер перед сном читаю Библию.

— А в какую церковь ходите?

— В первую пресвитерианскую, — сказала она наугад.

Старушка задумалась.

— Тут принято соблюдать тишину — я слежу, чтоб никто не шумел и не безобразничал. Здесь живут одиннадцать человек, и все они приличные, уважаемые люди. После десяти радио не включать. Ванны после девяти не принимать.

— Супер, — вздохнула Мэри Энн.

— У меня есть одна свободная комната. Не уверена, могу ли я вам ее сдать… но все же покажу. Не желаете зайти посмотреть?

— Конечно, — ответила Мэри Энн, протискиваясь мимо нее в парадную, — давайте посмотрим.

В девять тридцать она приехала в оплаченную Шиллингом квартиру с панелями красного дерева.

Она открыла дверь своим ключом, но внутрь не зашла. Здесь так и стоял запах свежей краски

— сильный, тошнотворный запах. Из окон лился холодный утренний свет; бледные блики ложились на смятые, закапанные краской газеты, разбросанные на полу. В квартире было до жути пусто. Посреди каждой комнаты стояли нераспакованные картонные коробки с ее пожитками. Коробки, газеты, все еще сочащиеся краской кисти и валики…

Она спустилась вниз, к соседям, и резко постучала в дверь. Когда хозяин — лысеющий мужчина средних лет — открыл, она спросила:

— Можно от вас позвонить? Я ваша соседка сверху.

Она вызвала городское такси и пошла наверх — ждать.

Хозяйка объявилась, когда она руководила погрузкой вещей. Таксометр бодро тикал, а водитель носил коробки и складывал их в багажник; оба уже вспотели, тяжело дышали и были рады, что дело близится к концу.

— Святые небеса, — начала хозяйка, — что все это значит?

Мэри Энн притормозила:

— Я переезжаю.

— Да, я вижу. Ну, и в чем же дело? Кажется, я имею право знать.

— Я передумала; я не буду у вас снимать. — Ей казалось, что это очевидно.

— Полагаю, вы потребуете назад свой задаток.

— Нет, — ответила Мэри Энн, — я не так наивна.

— А что мне делать со всем этим мусором? С газетами и краской? Вы начали, но не докрасили. Я не смогу сдать квартиру в таком состоянии. Вы будете доделывать?

Она пошла за Мэри Энн, которая, взяв у таксиста кипу одежды, рассовывала ее между коробками.

— Мисс, в таких обстоятельствах вы не можете просто уехать; так не годится. Вы обязаны оставить квартиру в том же состоянии, что приняли.

— На что вы жалуетесь? — Женщина начинала ее раздражать. — Получили полсотни баксов за здорово живешь.

— Позвоню–ка я лучше вашему отцу, — заявила хозяйка.

— Моему кому?

Тут до нее дошло, и сперва это показалось ей смешным. Потом она решила, что смешного тут немного, но к этому времени уже начала смеяться.

— Это он вам сказал? Да, папочка. Отец Джозеф, лучше родителя и не сыщешь. Лучший, черт

побери, папочка на свете.

Хозяйка была напугана этой вспышкой.

— Идите вы… бабочек ловить, — сказала Мэри Энн, — займитесь делом, сдайте квартиру.

Она прыгнула в такси и захлопнула дверь. Таксист положил последнюю картонку на заднее сиденье, сел за руль и завел мотор.

— Стыдно вам, барышня, — сказала хозяйка.

Мэри Энн ничего не ответила. Когда машина съехала с обочины, она откинулась назад и закурила; ей хватало своих забот, и она не собиралась раздумывать еще и о жалобах хозяйки.

Когда водитель увидел комнату, в которую она въезжала, он покачал головой и сказал:

— Даты, девонька, сбрендила.

— Думаешь?

Она сгрузила охапку вещей и снова вышла в пыльный, покрытый разводами коридор.

— Да уж конечно. — Он плелся рядом с ней по коридору и вниз по лестнице. — Переехать сюда из такой классной хаты — сплошь в красном дереве. И райончик там понарядней.

— Вот ты ее и снимай.

— Ты правда здесь жить собралась?

Он взял две коробки и потащил их по лестнице.

— Эта работа, девонька, обойдется тебе недешево. То, что по счетчику, это только первый взнос.

— Отлично, — сказала Мэри Энн, с трудом поднимаясь за ним следом, — давай, накрути побольше.

— Такой уж обычай. Мы же погрузкой–разгрузкой не занимаемся. Это проходит под рубрикой «Добрые услуги».

— Никто ничем не занимается, — сказала Мэри Энн.

Из своей комнаты высунулась крошечная цветная старушка — ее звали миссис Лесли — и с подозрением наблюдала за происходящим.

— Стало быть, мне повезло, что ты такой добрый.

Когда последняя коробка оказалась наверху, она ему заплатила. Не так много, как опасалась; на счетчике был доллар семьдесят, а сверху он запросил — когда наконец заговорил об этом — еще два доллара. Весь переезд обошелся ей в три семьдесят — не так уж дорого. Ну и, конечно, двадцать долларов за комнату: за месяц вперед.

Может быть, таксист был прав? Она с растущим ужасом осматривала комнату — чистую, темную, пахнущую плесенью. Одно маленькое окно над высокой железной кроватью, другое, побольше

— в дальней стене, над комодом. Потертый ковер. Заштопанное кресло–качалка в углу. Там же малюсенький шкаф, похожий на перевернутый ящик, сто лет назад сколоченный из фанеры каким–то доморощенным мастером на все руки.

Окно поменьше выходило на дорожку, которая вела от заднего крыльца к помойным бакам. Большое окно смотрело на улицу; прямо перед ним была неоновая вывеска:

ДОКТОР КЭМДЕН

ЛЕЧЕНИЕ ЗУБОВ В КРЕДИТ

На стене висела дешевая репродукция в рамке, изображающая младенца Иисуса с ягнятами. Она сняла ее и запихнула в ящик; этого ей только не хватало.

Может, таксист прав и она действительно сумасшедшая? Но, по крайней мере, у нее есть свой угол, за который она сама заплатила. И нашла она его сама — Итон не в счет, — а скоро будет самостоятельно красить и обставлять вещами, которые сама и выберет. И у нее будет время подумать.

Она посмотрела на часы: десять утра. Придется ему сказать. Она ушла; она съехала с квартиры. Он в любом случае узнает. Так что выбора нет.

Пока она думала, как и что скажет, дверь откры-

лась, и в комнату осторожно заглянул Карлтон Туини.

— Как ты меня нашел? — испуганно спросила она.

— Итон дал нам адрес.

Он зашел, за ним проследовала Бет Кумбс.

— К тому же я знаю этот дом; в разное время народу здесь пожило порядочно.

На нем был его лучший двубортный костюм; щеки тщательно выбриты, волосы уложены и умащены; за ним стелился шлейф одеколона. Бет, как обычно, была в жакете и с огромной сумкой.

— Привет, — сказала она, сверкнув ослепительной улыбкой.

Мэри Энн коротко кивнула. Подойдя к кровати, она открыла чемодан и принялась распаковывать вещи.

— Ты, похоже, занята, — сказал Туини.

Бет, как кошка, прошлась по комнате, с любопытством оглядывая картонные коробки.

— Кто тебе помогает?

— Никто, — ответила Мэри Энн, — мне нужно идти. Я уже должна быть на работе.

Бет присела на край высокой кровати; сетка недовольно заскрипела, и она тут же вскочила.

— Непросто было тебя найти… ты так часто

переезжаешь.

Бросив чемодан, Мэри Энн взяла плащ и направилась к двери. Какое ей дело до того, как непросто ее найти — им или кому–то еще?

— Подожди–ка минутку, Мэри, — сказал Туини, преграждая ей путь.

— Что еще такое? — На миг она потеряла голову от страха. — Вы что, просто мимо проходили?

— Мы заехали в магазин; думали, ты там, — сказала Бет, — но Джо сказал, ты еще не приходила.

— Я туда и иду. Прямо сейчас. У меня там дела.

Бет продолжала:

— Потом мы поехали в квартиру, которую тебе устроил Джо; тебя и там не было. Ну, мы и отправились туда, где ты еще раньше жила с этой официанткой. В ту комнату, что нашел тебе Карлтон.

— Филлис, — пробормотала Мэри Энн.

— Она понятия не имеет, где ты. Карлтон придумал спросить у Итона: мне бы такое и в голову не пришло.

— Мы хотим поговорить с тобой о дознании, — произнес Туини. Выглядел он торжественно и печально; при упоминании столь серьезного вопроса лицо его вытянулось.

Она совершенно забыла об этом.

— Господи, — сказала она, — ну конечно.

— Тебя вызвали повесткой, так ведь? — спросила Бет. — Значит, тебе придется давать показания. Если тебе принесли повестку, явка обязательна.

Повестку действительно приносили. Бумажка лежала в какой–то из картонных коробок; расписавшись, она убрала ее с глаз долой и больше не вспоминала. Это была уже не ее забота. Так вот зачем они ее выследили — беспокоятся за собственные шкуры.

— Когда оно?

Она попыталась вспомнить; дознание должно быть совсем скоро, буквально на днях.

— В среду, — нахмурившись, сказал Туини.

— Что ж, тогда присаживайтесь. Куда — сами решайте.

Отойдя от двери, она сняла плащ. На это у нее найдется время; это ерунда. Сама она уселась на плетеный стул. Бет и Туини, быстро переглянувшись, сели на кровать, не касаясь друг друга, но очень близко.

— Как вам моя хатка? — спросила Мэри Энн.

— Жуть, — ответил Туини.

— Да, согласна.

— А почему ты уехала от Филлис? — спросил Туини. — Что там у вас случилось?

— Кленовые венки осточертели.

— Квартирка, которую тебе снял Джо, вроде бы вполне сносная. Мы ее только секунду и видели, конечно. Вы начали там красить, но не закончили. Дверь была открыта… ты, должно быть, только съехала.

— Сегодня утром, — сказала.

— Вот как. — Бет поджала губы. — Понятно.

— Что тебе понятно?

— Я так и думала. Тогда, в первый раз, ты была права.

— Какой раз? — устало спросила Мэри Энн.

— Когда ты отказалась у него работать. Ты боялась, что что–то произойдет, не так ли?

Она кивнула.

— Я могла бы тебя предупредить, — сказала Бет, водя взглядом по комнате.

— Так что ж не предупредила? — язвительно спросила Мэри Энн. — Как я тебя ни выспрашивала, ты только и распиналась о том, какая у него замечательная коллекция пластинок да какая он яркая личность.

— Будь лапочкой, сходи вниз, принеси нам пива, — сказала Бет Туини.

Туини поднялся с крайне недовольным видом.

— Мы пришли, чтоб обсудить дознание.

Бет выудила из сумочки и сунула ему в руку пятидолларовую купюру.

— Иди и не бухти. Продуктовый на углу.

Сердито ворча, Туини вышел из комнаты. Слышно было, как пол в коридоре отзывается на его шаги мерной, затухающей дрожью.

Пауза затянулась; Бет и Мэри Энн сидели, молча глядя друг на друга. Наконец Бет закурила сигарету, откинулась и спросила:

— А на твой размер лифчики вообще бывают?

— Нет, — сказала Мэри Энн, — ничего не поделаешь. Я слишком тощая.

— Не глупи. Не пройдет и пары лет, как все изменится.

— Правда?

— Конечно. Когда–то и со мной так было, и со всеми остальными. Потом это проходит, а в итоге ты набираешь больше веса, чем можешь на себе носить, — как я.

— Выгладишь ты нормально, — сказала Мэри Энн.

— В сорок восьмом я выглядела получше.

— Это тогда и произошло?

— Это было в Вашингтоне. В студеную зиму. Мне было двадцать четыре года, немногим старше тебя. Так что ты не первая.

— Он рассказывал, — призналась Мэри Энн, — про будку на берегу канала.

Блондинка заметно напряглась.

— Неужели?

— Почему ты поехала с ним? Ты его любила?

— Нет, — отвечала Бет.

— Тогда я не понимаю.

— Он меня склеил, — сказала Бет, — как и тебя. Так что давай признаем очевидное: кое–что общее у нас есть.

— Спасибо, — сказала Мэри Энн.

— Хочешь подробностей? Можем сравнить показания.

— Вперед, — сказала она.

— Может, это тебя чему–то научит.

Бет затушила сигарету.

— Не знаю, на какую удочку он поймал тебя. Должно быть, на работу. Но в те времена у Джо еще не было магазина пластинок; он работал в издательском бизнесе.

— «Эллисон и Хирш».

— Он тебе и это рассказал? В те времена я… но ты ведь слышала одну. Мою песню.

— «Где мы, бывало, сиживали», — с отвращением произнесла Мэри Энн.

— Ну, собственно, больше рассказывать особо

нечего. Я хотела их издать. Однажды Джо появился в моей квартире. Я была на кухне и красила стул — я отлично помню. Он не торопился; мы выпили, поболтали. Говорили об искусстве, музыке, все такое.

— Ближе к делу.

— Он взглянул на мои песни. Но издать их он не мог. Сказал, что еще недостаточно воды утекло.

— Что это значит?

— Сначала и я не поняла. А потом увидела, как он на меня смотрит. Ты понимаешь, что я имею в виду.

— Да, — ответила Мэри Энн.

— Вот, собственно, и все. Он сказал что–то, мол, лучше не в квартире; что в нескольких милях от города у него есть хижина и там нам никто не будет мешать.

— Он использовал работу, чтобы соблазнять женщин?

— Джо Шиллинг, — сказала Бет, — исключительно добрый, мыслящий человек. Мне он нравится. Но я не обманываюсь. У него есть слабость: он очень любит женщин.

На это Мэри Энн задумчиво произнесла:

— Значит, ты легла с ним в постель, чтобы он опубликовал твои песни?

Бет зарделась:

— Ну, можно и так сказать. Однако я…

— Дэнни был фотографом, так ведь? Я помню ту ночь… ты прыгала по квартире голая, а он тебя все время щелкал. Я так и не поняла, что происходит; мне это казалось бредом. Ты же позировала для него, верно?

— Я была профессиональной моделью, — сказала Бет; щеки ее горели. — Я же тебе объяснила. Я была артисткой.

Вдруг Мэри Энн произнесла:

— Туини это в самый раз.

— Что ты имеешь в виду?

— Я только что поняла, что ты такое, — без эмоций, просто констатируя факт, сказала Мэри Энн. — Ты шлюха.

Бет встала. Она побледнела, и маленькие морщинки, словно трещинки, разошлись от ее глаз и сбежались ко рту.

— А сама–то ты кто? Залезла в койку, чтобы с работы не поперли, — и ты, значит, не шлюха?

— Нет, — сказала она, — все было совсем не так.

Она знала, что все было по–другому.

— И тут ты вдруг решила стать разборчивой, эдакой привередой, — быстро продолжала Бет, —

чего ради? Только потому, что он старше? Взгляни на вещи трезво — за тобой красиво, по–европейски ухаживают. Твой любовник отлично знает свое дело. О чем еще мечтать; тебе просто повезло.

Погруженная в свои мысли, Мэри Энн едва ее слышала.

— Боже правый, да ты сама, как весь этот мусор — все эти песенки типа «Белого Рождества». Вот потеха–то. Бедный Туини, ну надо же.

— О чем это ты? — сказала Бет. — Не желаешь ли мне разъяснить? Мне кажется, я этого заслуживаю.

— Господи, — продолжала Мэри Энн, — так и есть. Так оно и есть. «Где мы, бывало, сиживали», «Рождественские санки»… Боже мой, да ты — сентиментальная шлюха.

— Понятно, — проговорила Бет, — что ж, возможно с твоей точки зрения, с позиции циничного подростка…

Тут она умолкла; дверь открылась, и над ними нависла массивная фигура Карлтона Туини. Он принес три банки «Золотого сияния» и открывалку.

— Так быстро? — оживленно спросила она.

— Пиво теплое, — буркнул Туини.

— Я неважно себя чувствую, — сказала Бет, взяла свою сумку и направилась к двери. — Ничего серьезного, просто голова раскалывается. Пойдем, Карлтон. Прошу тебя, отвези меня домой.

— Но мы же… — начал он.

Бет открыла дверь и вышла в коридор. Уже оттуда, не оборачиваясь, она сказала:

— Это, безусловно, самый грязный дом, в котором я бывала за свою жизнь.

Сказав это, она ушла. После секунды колебаний Туини оставил банки и пошел за ней. Дверь закрылась, и Мэри Энн осталась одна.

Она огляделась, чтобы найти плащ. Подождала, пока Бет и Туини уйдут наверняка, бросила ключ в сумочку, захлопнула дверь и пошла по коридору.

На крыльце сидели две чернокожие толстухи; они пили вино и читали журнал про кино. Обогнув их, Мэри Энн спустилась по ступенькам и влилась в поток прохожих.

Волна музыки обрушилась на нее; симфонический оркестр бушевал и гремел. Она застыла в дверях, потом спустилась по двум низким ступенькам, глядя на свои ноги и одновременно рассматривая рисунок на полу. Потом вдруг увидела прилавок и поразилась этому; даже рот

открыла от удивления. Неужели она прошла так далеко? Подняв голову, она увидела Джо Шиллинга, расположившегося за прилавком. Он обсуждал пластинки с молодым человеком, похожим на студента. Ближе ко входу Макс Фигер подметал пол шваброй; значит, она проскочила мимо него.

— Здравствуйте, — сказала она.

— О как, — угрюмо посмотрев на нее, сказал Макс. — Смотрите, кто пожаловал.

— Простите, — ответила она.

Обернувшись, Макс через весь магазин крикнул Шиллингу:

— Смотрите–ка, кто решил заскочить к нам, чтобы поздороваться!

Шиллинг быстро взглянул на них и отложил пластинку.

— А я уже начинал беспокоиться.

— Я опоздала, — сказала она, — простите.

— Опоздала, но не слишком, — ответил он и снова заговорил с покупателем.

Она сняла плащ и аккуратно отнесла его вниз. Когда она поднялась обратно, молодой человек уже ушел и Джозеф Шиллинг один стоял за прилавком. Макс подметал тротуар возле магазина.

— Рад тебя видеть, — сказал Шиллинг. Он рас-

кладывал пластинки — новые поступления от фирмы «Виктор». — Ты навсегда вернулась?

— Естественно, — ответила она, заходя за прилавок. — Прости, что тебе пришлось позвать Макса.

— Ничего страшного.

— Наверное, ты даже свой утренний кофе не успел выпить, да?

— Да.

У него было вытянутое, в морщинах лицо, и сегодня он казался особенно неповоротливым. Нагибаясь, чтобы вытащить что–нибудь из коробки, он делал это очень осторожно.

— Как поясница? — спросила она.

— Как чугунная.

— Опять я виновата, — сказала она. — Давай я разберу коробку. А ты пойди и выпей кофе.

Шиллинг сказал:

— А я уж думал, ты вообще не придешь.

— Я разве не обещала, что приду?

— Обещала, — он сосредоточился на пластинках, — но я не был уверен.

— Иди пить кофе, — сказала она и вдруг добавила: — Почему это я за тебя решаю?

Он посмотрел на нее с чувством; не сводя с нее глаз, он прочистил горло, пытаясь что–то

сказать.

— Иди пить кофе, — повторила она; ей не хотелось, чтоб он так на нее смотрел.

Он вынудил ее уйти. Или, по крайней мере, не сделал так, чтобы она смогла остаться. Ей снова стало страшно, и она попятилась от него к входной двери. Какая–то женщина зашла в магазин и принялась изучать стеллаж с пластинками.

Стоя в глубине, Джозеф Шиллинг передумал и не стал ничего говорить. Он пошел к своему кабинету. Она слышала его шаги. Значит, ей не придется говорить ему сейчас; она скажет потом. Или не скажет вовсе.

— Да, мэм, — сказала она, повернувшись к покупательнице, — чем мои помочь?

Глава 20

После работы Джозеф Шиллинг повез ее ужинать в «Ла Поблана». Тот самый ресторан, куда они ходили в первый день. Их особенное место.

Огоньки свечей расцвечивали полумрак, сквозь который они шли за официантом к своему столику, тоже тому самому. Невысокие столы были накрыты красными клетчатыми скатертями. Стены глиняные, в испанском стиле, потолок низкий, а в конце зала — резные перила а–ля рококо, увитые старым плющом. За ними сидели и играли легкую музыку три музыканта в испанских костюмах.

Официант усадил Мэри Энн, положил перед Шиллингом раскрытое меню и отбыл. Над залом витало облако из сигаретного и свечного дыма; слабый гул голосов смешивался со звуками оркестра.

— Здесь так спокойно, — сказала Мэри Энн.

Джозеф Шиллинг слышал ее голос и теперь, держа в руках меню, посмотрел на нее через стол, чтобы убедиться, то ли она чувствует, что говорит.

— Да, — согласился он, потому что в ресторане

действительно было спокойно. Люди приходили сюда поесть, отдохнуть, поболтать друг с другом; приглушенный свет создавал ощущение глубокой безмятежности, словно все — и люди, и столы — мерцали и плавились, как свечи, становясь одним неподвижным целым. Он отдыхал. Он чувствовал, как напряжение отступает и он становится таким же, как все люди вокруг.

А вот девушка не могла расслабиться; она сказала, что ей спокойно, но сама сидела, точно маленький жезл из слоновой кости, сложив руки на столе: в свете свечей ее белые кисти казались очень холодными. Нет, она не была спокойна; она была твердым, резным, зеркально отполированным механизмом, как будто лишенным всяких чувств. Она ушла в себя, не оставив снаружи ничего, кроме осмотрительности. Она все слышала и видела, даже не глядя на него, но и только.

— Хочешь, чтобы я выбрал еду? — спросил он.

Если он действительно хочет ей помочь, ему придется двигаться очень осторожно, взвешивая каждую фразу. Он не мог рисковать, не имел права на ошибку. Он обязан был справиться во что бы то ни стало.

— Пожалуй. Ты знаешь, что здесь вкусно, — глухим голосом проговорила Мэри Энн.

— Ты голодна?

Он видел, как она силится изобразить аппетит.

— Хочется попробовать что–то новенькое. Чего я еще никогда не ела.

— Что–то новенькое.

Он тщательно изучил все меню, все названия и цены.

— Что–нибудь необычное, на твой вкус.

— Как насчет долмы?

Мэри Энн надолго замолчала, как будто обдумывала вопрос чрезвычайной важности. Возможно, так оно и было.

— А что это? — спросила она.

— Долма — это смесь риса с говядиной, завернутая в виноградные листья, как тортилья.

— Звучит очень вкусно. Я бы попробовала.

Он заказал.

— Что будешь пить? — спросил он.

Официант стоял рядом, готовый записать заказ в блокнот. Это был тот же официант, что и в прошлый раз, — светлокожий мексиканец с длинными бакенбардами.

— Вина? Я помню, что здесь подают превосходный херес.

— Просто кофе.

Он заказал себе то же самое, и официант ушел.

Вздохнув, он расстегнул манжеты. Когда он ослаблял узел галстука, Мэри Энн пристально смотрела на его руки.

— Заходили Бет и Туини, искали тебя, — сказал он. — Нашли?

— Да.

Это огорчило его. Он–то надеялся сбить их со следа — впрочем, он и сам точно не знал, где ее нужно искать.

— Что–то важное? — спросил он. — Они были на взводе.

Девушка пошевелила губами.

— Дознание.

— Ах да.

— Что нам делать? Что с нами будет?

— Ничего не будет, — сказал он, думая о том, до чего тщательно взвешивает свою уверенность. И до чего осязаемо ее страдание. — Крыша на нас не упадет, и земля не разверзнется, чтобы нас поглотить.

Он выдержал паузу и посмотрел на нее.

— Они что–нибудь сказали?

Она кивнула.

— Вот как?

Да уж, хотел бы он до них добраться.

— Еще чье–нибудь мнение тебя интересует?

Что твои родители?

— Родители не знают.

— Однако им, возможно, придется высказаться.

— Так придумай же что–нибудь! У тебя есть голова на плечах — ты должен знать, что делать. Или мы будем здесь просто сидеть и… — Она взмахнула рукой. — Джозеф, ради бога, сделай что–нибудь.

Появился официант и принес сначала миски с зеленым салатом, а потом заказанные блюда. То, что их прервали, было весьма кстати; он нарочно тянул время, тщательно рассматривая долму. Он даже затеял разговор с официантом.

— Это виноградные листья?

— Простите, сэр, — отвечал тот, — зимой виноградных листьев не бывает.

— Капуста?

— Да, сэр. За правильной долмой нужно приходить в апреле, начале мая.

Официант налил им кофе.

— Что–нибудь еще, сэр?

— Не теперь, — ответил Шиллинг.

И он ушел, оставив их наедине.

— Не беда, — сказала Мэри Энн. Она машинально принялась жевать. — Это как раз то, чего мне

хотелось.

— А что за человек этот Дейв Гордон? — спросил он. — Ты мне никогда о нем толком не рассказывала. Я сегодня утром думал о том, что ты говорила. Макс занимался примерно тем же; он управлял прокатом машин, у него была бензоколонка, и он мог кое–что починить. Так, по мелочи. И вот он сидел в своем кабинете — я иногда видел его по дороге на работу. Похоже было, что он ничем особенно не занят — просто сидит в своем кабинете, — он разрезал долму пополам, — и это ему вроде бы нравилось. Он, можно сказать, в пятнадцать лет уже вышел на пенсию.

Кажется, она слышала его. И даже следила за мыслью. Это, по крайней мере, обнадеживало. Но сказать ничего не сказала. Он подождал, потом заговорил снова — непринужденно и без нажима:

— Я сам во многом такой же. Я приехал сюда на пенсию; хотел открыть магазин пластинок в тихом городке, где никогда ничего не меняется. Мне как нельзя лучше подходит именно эта сонная атмосфера; я могу начинать работу, когда захочу, и болтать с покупателями, не думая о времени. Здесь особо нечего делать, да и смотреть не на что. Если бы я хотел что–нибудь увидеть, мне стоило бы поехать куда–то еще.

— Куда, например? — спросила Мэри Энн.

— Сложно сказать.

Он старательно задумался, как бы перебирая в уме города, места и штаты.

— Наверное, в Нью–Йорк или Сан–Франциско. В Лос–Анджелес я бы не поехал. Несмотря на свои размеры, по сути это небольшой городок. Там, конечно, очень неформальная атмосфера; люди ходят по улице в шортах.

— Я слышала, — отозвалась она.

— И климат там хороший. Все эти разговоры про смог — по большей части пропаганда. Там тепло и просторно, зато городской транспорт работает ужасно. Если бы ты переехала туда, тебе пришлось бы купить машину. — Он глотнул кофе. — Ты никогда об этом не думала?

— Нет, — сказала она.

— Ты умеешь водить?

— Нет, даже не задумывалась об этом.

— Кто–то мне говорил, что машины там на двести — триста долларов дешевле. У нас на них очень большой спрос.

Она вроде бы чуть–чуть ожила.

— А за сколько можно научиться водить?

Шиллинг стал считать.

— Зависит от человека. На твоем месте я бы

пошел в обычную автошколу. Две–три недели. Получишь права, а дальше можно практиковаться самостоятельно. В том, чтобы иметь свою машину, есть масса плюсов. Ты ни от кого не зависишь; можешь взять и поехать, куда и когда тебе захочется. Поздно ночью… по пустым улицам. Когда у меня бессонница, я иногда иду и сажусь за руль. А если ты еще и водишь хорошо — это настоящее удовольствие. Это такой же навык, как и все прочие; если уж научишься, то навсегда.

— Машины дорого стоят, разве нет?

— Некоторые — да. Тебе имеет смысл — если надумаешь — смотреть на легкие машины, типа купе. Скажем, «Форд» или «Шевроле» пятьдесят первого или пятьдесят третьего года. Небольшой двухдверный «Олдсмобиль» тоже пойдет; можно было бы взять с автоматической коробкой. Вот уж с ней можно повеселиться.

— Мне бы пришлось откладывать, — подумав, ответила она.

— Вот что ты можешь предпринять, — сказал Шиллинг и перестал есть. Она тоже отложила прибор. — Самое главное — решить, чего ты хочешь: выйти замуж и заниматься семьей или выбрать профессию, в которой ты могла бы проявить свои способности — например, медицину,

юриспруденцию; может быть, какое–то из коммерческих искусств — рекламу, моду или даже телевидение.

— Ненавижу тряпки, — сказала она, — даже на выкройки смотреть не могу. — Потом добавила: — Я интересовалась медициной. В школе я училась на медсестру.

— А чем ты еще интересовалась?

— Я думала, что можно было бы… ты будешь смеяться.

— Не буду, — пообещал он.

— Какое–то время я думала стать монашенкой.

Он и не думал смеяться. Он был глубоко встревожен.

— Правда? А сейчас ты об этом думаешь?

— Иногда.

— Не стоит прятаться в тень, — начал он. — Тебе нужно быть активной; быть с людьми, что–то делать. Удалиться от мира и предаться созерцанию — это не твое.

Она кивнула.

— А как насчет искусства? Ты когда–нибудь проходила тест на способности?

— Да, в двенадцатом классе. У меня нашли способности к… — она стала загибать пальцы, — больше всего к ручному труду: машинописи,

шитью, работе со всякими вещами.

— К манипуляции предметами, — уточнил он.

— Еще там было написано, что у меня способности к делопроизводству — ну, к тому, чтоб заполнять и оформлять бумаги, управляться со всякими офисными приборами. Никаких особых творческих талантов — ни в живописи, ни в рисунке, ни в литературе. А вот тест на интеллект я прошла совсем неплохо. На социологии нам задали написать сочинение о том, кем мы хотим стать. Я выбрала профессию социального работника. Я много читала об этом в библиотеке. Я хотела бы помогать людям… Знаешь, трущобы, алкоголизм, преступность… А еще расизм — на школьном собрании я делала доклад о расовых проблемах. И у меня получилось.

— В большом городе, — сказал Шиллинг, — ты могла бы пойти учиться. Здесь с этим хуже. Местный колледж — это не то. Стэнфорд в Пало–Альто — совсем другое дело. Или даже городской колледж Сан–Франциско. Или университет в Беркли.

— Стэнфорд дорогой. Я как–то узнавала, уже когда заканчивала школу. Но… — голос ее затуманился и затих, — из школы я мало что вынесла.

— А тебе и не нужна школа, — сказал он. — Те-

бе нужно выучиться какой–то профессии. Это будут практические навыки, а не просто факты и теории. То, что станет твоей работой, занятием на всю жизнь.

— А на что я буду жить?

— Можно работать по вечерам. Или по вечерам учиться, а работать днем. В таком городе, как Сан–Франциско, ты сможешь выбирать. Или вот еще что. Может, ты могла бы получить стипендию. Какие оценки у тебя были в школе?

— В основном четверки.

Шиллинг достал из кармана черный кожаный блокнот и авторучку и принялся расчерчивать лист четкими, крупными штрихами.

— Давай по порядку. Первое, — он сделал запись, — тебе нужно уехать из этого города.

— Да, — согласилась она, глядя на ручку.

Подавшись вперед, она следила за тем, как на бумаге появляются черные линии. Ее лицо оставалось застывшим и бесстрастным, и он не мог угадать, что она чувствует. Напряжение не уходило; она так и не расслабилась. Возможно, подумал он, она не расслабится никогда.

— Тебе надо будет где–то жить. Можно снять квартиру с несколькими девушками или с одной соседкой, поселиться в общежитии Ассоциации

молодых христианок или найти пансион. Но мне кажется, что тебе лучше жить одной, чтобы дома ты могла оставаться наедине с собой. Тебе нужно какое–то убежище; место, где можно спрятаться.

Он положил ручку.

— Тебе это необходимо. Возможность вырваться. Верно?

— Да, — сказала она.

Он стал писать дальше.

— Можно поискать квартиру на Норт–Бич или в районе Телеграф–Хилл. Или где–нибудь ближе к округу Марин. Или даже в Филморе. Это район цветных; бары и магазины, шум и гам. Или, если хватит денег, можно снять шикарную квартиру в одном из новых пригородов — например, в Стоун–Тауне. Я сам не был, но, говорят, это прямо город будущего.

— Я видела его, — сказала она. — Весь этот город построила какая–то страховая компания. Он стоит на берегу океана.

— Теперь работа, — он глотнул кофе, — я много думал об этом. На мой взгляд, у тебя есть два варианта. Где ты работала раньше? Напомни, пожалуйста.

Мэри Энн повторила:

— Секретарем в приемной кредитного обще-

ства. А потом на мебельной фабрике.

— Кем?

— Стенографисткой и машинисткой. Я ненавидела эту работу.

— А потом в телефонной компании?

— Да, — сказала она, — а потом у тебя.

— Не соглашайся на маленькие конторы. Такие, где протирают штаны еще шесть девочек да посыльный. У тебя два пути. Первый: устроиться на службу к профессионалу с частной практикой — доктору, юристу или архитектору, — в современный офис, где ты сидела бы одна и была бы сама себе хозяйкой. Словом, в одну из этих новомодных приемных со встроенными светильниками и отделкой из стекла и кирпича, чистую и светлую.

— А второй?

— Пойти в большую корпорацию — «Шелл» или Фонд Кайзера[138]. Или даже в Банк Америки. Словом, в крупную фирму, где можно затеряться, но в то же время есть куда расти. Где работают люди разных профессий. Такую большую, что…

Мэри Энн перебила его:

---

[138] Примечания: 138

Фонд Кайзера — некоммерческий фонд, основанный в 1948 г. американским предпринимателем Генри Джоном Кайзером и занимающийся в основном проблемами здравоохранения в США.

— Может, я смогу устроиться в музыкальный магазин в Сан–Франциско. В «Шерман Клэй», например.

— Да, возможно, — теперь он чувствовал, что чего–то достиг; что, может быть, в итоге ему удастся помочь ей удержаться на поверхности.

Если он поможет ей, если он действительно хочет распутать клубок ее отчаяния, то делать это нужно прямо сейчас. Она смотрела на него, вглядывалась в его записи, слушала, что он говорил. Он достучался до нее. Ее глаза больше не были остекленевшими от страха; она внимательно и вдумчиво следила за планом, который он выстраивал для нее.

— Видишь, я помогаю тебе составить план, — сказал он.

— Спасибо.

— Это тебя не раздражает?

— Нет, — сказала она.

— Хочешь еще что–нибудь съесть? У тебя уже все остыло; еще кофе?

Мэри Энн произнесла:

— Сегодня утром я опоздала… знаешь, из–за чего?

— Из–за чего?

— Я сняла комнату. Перевезла туда свои вещи.

А хозяйку отшила.

Он не особенно удивился. Но и не слишком обрадовался. Видимо, это было заметно, потому что Мэри Энн сказала:

— Я верну тебе деньги — те пятьдесят долларов задатка. Прости, Джозеф. Я сразу хотела тебе сказать.

— А как ты перевезла вещи?

— Вызвала такси. В той квартире ничего не осталось, кроме краски и газет.

— Да, — произнес он, — краска.

— Да, в банках и на стенах. — Голос ее оживился. — А как ты думал? Что еще?

— Хорошая комната?

— Нет.

— Прости, — взволнованно сказал он, — но почему?

— Райончик паршивый. Вид на неоновую вывеску и на помойку. Но это как раз то, что мне нужно. Двадцать долларов в месяц. То, что я могу себе позволить.

Шиллинг перевернул страницу своего блокнота.

— Какой там адрес?

— Забыла.

Ее глаза вдруг снова стали колючими и пу-

стыми.

— Он у тебя, наверное, где–то записан.

— Может быть. А может, и нет. Дорогу я знаю.

— Это там тебя нашли Бет и Туини?

— Да.

Значит, подумал он, это в цветном районе. Возможно, она нашла комнату через знакомых в «Корольке». Скорей всего, через хозяина.

— И как туда идти?

— Нет, — ответила она.

— Что «нет»?

— Я не скажу тебе, где это.

Он ошибся. Он слишком на нее надавил.

— Хорошо, — согласился он, убирая блокнот, — не хочешь, не говори.

— И я ухожу.

— Из магазина?

— Я увольняюсь.

Он благоразумно кивнул.

— Хорошо. Как скажешь.

С этим он уже смирился. Он знал, что это неизбежно и ему придется это пережить.

— А как быть с деньгами?

— Денег у меня достаточно, — сказала она.

— Я дам тебе столько, сколько понадобится, — заверил Шиллинг. — На несколько месяцев

вперед. Столько, чтобы хватило и на переезд, и на обустройство.

Она испуганно смотрела на него.

— Я попробую найти тебе подходящую работу, — продолжал он, — но в этом от меня проку мало. Я много лет не был в этих краях и растерял все контакты. Впрочем, я знаю кое–кого из оптовиков. Тут я еще мог бы попытаться. И ты можешь поговорить с Сидом Хезелем. Возможно, он поможет тебе по старой дружбе. Тебе в любом случае стоит к нему заглянуть, если ты туда поедешь.

— Я поеду в другое место.

— На восток?

— Нет, — она учащенно дышала, — не спрашивай меня.

Он был так осторожен и все–таки довел ее до этого. Значит, у него ничего не получилось. Он не сумел ей помочь. Теперь он мог только стараться вести себя так, чтобы не навредить еще больше.

Именно теперь, вдруг понял он, один штрих мастера, один верный ход мог бы все изменить, привести к решению, которое бы все прояснило. Но у него не было этого хода. Он сидел в полуметре от нее, он мог к ней прикоснуться, но ничего не мог поделать. Все его знания, вся мудрость и понимание, накопленные во многих странах

за долгие годы, — все это было бесполезно. До этой тоненькой, напуганной провинциальной девочки было не достучаться.

— Дело твое, — сказал он.

— Какое?

— Боюсь, я не смогу тебе помочь. Прости.

— А я и не хочу, чтоб мне помогали, — сказала она, — я просто хочу, чтобы меня все оставили в покое.

— Мэри Энн…

Она сложила руки на столе. На клетчатой скатерти они казались еще белее.

— Я люблю тебя, — промолвил он и протянул ей руку…

…Но она отпрянула. Его рука, словно живое существо, подбиралась к ней, нащупывала ее. Она смотрела как зачарованная. Рука была уже совсем близко, а старик все бормотал что–то бессмысленное и напыщенное.

Когда его пальцы сомкнулись на ее коже, Мэри Энн пнула его по лодыжке острым носком туфли и в ту же секунду рванула назад, как можно дальше от стола. Кофе закружился и расплескался через край, а чашка упала набок, забрызгав ей юбку и ногу.

Сидящий напротив Джозеф Шиллинг сдавлен-

но вскрикнул от боли; он нагнулся и ощупывал ушибленную ногу. По лицу видно было, что ему очень больно.

Какое–то мгновение она стояла поодаль, тяжело дыша, а потом развернулась и пошла прочь от стола. В голове ее было пусто — ни мыслей, ни напряжения, только огни свечей, силуэт официанта да взгляды посетителей. Ее как будто окружил густой, не пропускающий звуков туман. Люди вокруг, любопытствующие зеваки, казались уродливыми рыбьими мордами, которые раздувались, заполняя собой всю комнату. Ей было холодно. Очень холодно. В нее словно бы пробралось и обустраивалось внутри какое–то тупое безразличие; она с огромным усилием встряхнула головой, посмотрела вокруг и увидела, куда дошла.

Она была в самом углу ресторана, а рядом стоял одинокий стул. С прямой спинкой, покрытый лаком, блестящий, отставленный подальше от остальных. Она села и сложила руки на коленях. Отсюда ей был виден весь зал. Она была здесь зрителем. А там, вдалеке, корчилась за столом жалкая, сморщенная, скукоженная фигурка; то был Джозеф Шиллинг. Он не пошел за ней.

Джозеф Шиллинг остался за столом. Он не по-

шел за ней и теперь старался не смотреть в ее сторону. В ресторане все успокоилось: завсегдатаи ели, официант сновал туда–сюда. Открылись и захлопнулись двери кухни; поварята, звеня посудой, потащили тележку к выходу.

Возле кассы стояла, собираясь уходить, молодая пара. Мужчина надевал пальто, его жена поправляла шляпку перед зеркалом. Двое детей, мальчик и девочка, оба лет девяти, спускались по лестнице к парковке.

Поднявшись на ноги, Джозеф Шиллинг подошел к ним.

— Простите, пожалуйста, — произнес он хриплым неровным голосом, — вы ведь в город едете?

Мужчина с сомнением взглянул на него.

— Да, в город.

— Можно попросить вас об одолжении? — продолжил он. — Видите ту девушку в углу?

Он не стал указывать на нее, не пошевелился и даже не взглянул в ее сторону. Мужчина ее уже видел и теперь лишь слегка обернулся.

— Не могли бы вы ее подвезти? Я был бы вам очень признателен.

Подошла жена.

— Та девушка? — спросила она. — Вы хотите, чтобы мы взяли ее с собой? А с ней все в порядке?

Она не больна?

— Нет, — уверил ее Шиллинг. — С ней все в порядке. Вас это не слишком затруднит?

— Да нет, наверное, — сказал муж, обмениваясь взглядом с женой. — Что скажешь?

Жена, ничего не ответив, подошла к Мэри Энн, наклонилась и заговорила с ней. Шиллинг стоял рядом с мужчиной, оба молчали. Наконец Мэри Энн встала, и женщины вдвоем вышли из ресторана.

— Спасибо, — сказал Шиллинг.

— Не за что, — ответил мужчина и зашагал за своим семейством; он был озадачен, но не протестовал.

Джозеф Шиллинг оплатил счет и по пустой парковке прошел к «Доджу». Он завел машину и посмотрел, не видно ли молодой пары, их детей и Мэри Энн, но их уже и след простыл.

И он поехал в город один.

Глава 21

Молодое семейство высадило ее в деловом районе, и оттуда она по вечерним улицам пошла к себе домой. На крыльце так и валялись бутылки из–под вина, которое пили негритянки; гладкие и блестящие, они загремели под ее ногами, когда она открывала дверь.

Сырой и узкий коридор вился перед ней, пока она пробиралась к своей комнате; она порылась в сумочке, нашла ключ и остановилась у двери.

В какой–то из соседних комнат послышалась танцевальная мелодия. За окном уборочная машина катила по своей сложной траектории между магазинами и домами. Мэри Энн вложила ключ в замок, повернула его и зашла.

В свете коридорной лампочки видны были только очертания картонных коробок с ее пожитками. Она их так и не распаковала. Она закрыла дверь, перекрыв слабый источник света. Комната сразу провалилась сама в себя, сжавшись в сплошную твердую поверхность.

Она прислонилась к двери и стояла так долго–долго. Потом сняла плащ, подошла к кровати и присела на краешек. Пружины застонали, но

она их не видела, только слышала. Она сдвинула покрывала, скинула туфли и залезла в кровать. Накрывшись с головой, она легла на спину, руки по швам, и закрыла глаза.

В комнате все застыло. Уборочная машина проехала дальше. Пол слегка вибрировал от голосов и шорохов из других комнат, но это было скорее движение, нежели звук. Она уже ничего не видела, а теперь перестала и слышать. Она лежала на спине и думала о разных вещах, хороших и приятных, о чистоте, о дружбе и о покое.

В ее темноте ничто не двигалось. Но время шло, и тьма отступила. Сквозь потертые гардины комнату залил солнечный свет. Мэри Энн лежала на спине, руки по швам, и слушала гул машин и голоса людей за окном. За стенами в туалетах загремела вода, в комнатах начинали шуметь соседи.

Она лежала, уставившись на пятна солнечного света на потолке. И думала о разных вещах.

В девять утра Джозеф Шиллинг открыл свой магазин, нашел в стенном шкафу швабру и принялся подметать тротуар. В девять тридцать, когда он уже раскладывал пластинки, появился Макс Фигер в своих запачканных штанах и куртке.

— Не пришла? — спросил он, ковыряя спичкой в зубах. — Я и не думал, что она появится.

Не отрываясь от работы, Шиллинг сказал:

— Она не вернется. Так что я прошу тебя приходить теперь каждый день. По крайней мере, до Рождества. Потом, может быть, я смогу опять справляться один.

Макс приостановился, с умудренным видом облокотившись на прилавок; всезнающая сухость осыпалась с него, словно перхоть, и он со значением рассеивал свою сущность везде, где бы ни проходил.

— А я вам говорил, — сказал он.

— Неужели?

— Еще когда вы загляделись на ту девчонку с большими буферами. Ту, что пила молочный коктейль, помните?

— Все так, — согласился Шиллинг, продолжая работать.

— И почем она вас взяла?

Шиллинг проворчал что–то невнятное.

Макс продолжал:

— Пора бы уж поумнеть. Вы все думаете, что можете брать этих малышек, но они разворачивают все так, что сами берут вас за жабры. Так и будет. Они знают, что делают. Провинциальные

девицы — это хуже всего. Они умеют заломить цену. И уж знают, где да как обналичить чеки. Вы хоть что–нибудь получили за свои деньги?

— В подвале, — сказал Шиллинг, — стоит посылка от «Коламбиа», которую я не успел распаковать. Открой ее и сверь со счетом.

— Ладно, — Макс поплелся в подвал. Он развязно хихикнул: — Кое–что вы все–таки получили, верно? Расплатилась же она хоть как–то ?

Шиллинг подошел к витрине и стал смотреть на прохожих, на магазины напротив. Услышав, что Макс уже возится с посылкой, он вернулся к работе.

В час тридцать, когда Макс ушел обедать, в магазин зашел чернявый паренек в желтой спецовке. Шиллинг подождал джентльмена, суетившегося возле прилавка, отослал его в будку и шагнул навстречу парню.

— Мисс Рейнольдс здесь? — спросил тот.

— Ты — Дейв Гордон?

Парень застенчиво улыбнулся.

— Я ее жених.

— Ее здесь нет, — сказал он, — она тут больше не работает.

— Она уволилась? — разволновался паренек. — Она уже несколько раз так делала. Вы знаете, где

она живет? Я уже даже адреса ее не знаю.

— Я не знаю, где она живет, — отвечал Шиллинг.

Дейв Гордон замешкался.

— Где ее Можно найти, как вы думаете?

— Понятия не имею, — сказал Шиллинг. — Могу я дать вам совет?

— Конечно.

— Оставьте ее в покое.

Сбитый с толку, Дейв Гордон вышел вон, а Шиллинг продолжил работу.

Он не думал, что Дейв Гордон найдет ее; поищет немного, а потом вернется на свою заправку. Но были и другие, которые могли ее найти. А кое–кто уже и отыскал.

В тот вечер он остался в пустом магазине после закрытия, чтобы подготовить рождественский заказ для фирмы «Декка». На темной улице было тихо; проезжали редкие машины. Пешеходов почти не было. Он работал за стойкой под единственной включенной лампой и слушал новые записи классики.

В семь тридцать его напугал резкий стук; он поднял глаза и увидел в дверях фигуру Дейва Гордона. Парень знаками показывал, что хочет войти; из спецодежды он переоделся в строгий

двубортный костюм.

Положив карандаш, Шиллинг подошел к двери, отпер и спросил:

— Чего тебе?

— Ее родители тоже не знают, где она, — сказал Дейв Гордон.

— Ничем не могу помочь, — сказал Шиллинг, — она проработала здесь всего неделю.

Он начал закрывать дверь.

— Мы уже ездили в этот бар, но он еще не открылся, — говорил парень. — Заедем еще, попозже. Может, они знают.

— Кто это — мы? — спросил Шиллинг, остановившись.

— Со мной ее отец. У него нет машины. Я вожу его на своем фургоне.

Шиллинг выглянул на улицу и увидел желтый служебный грузовик, припаркованный в нескольких метрах от входа. В кабине тихо сидел маленький человек.

— Давай–ка на него посмотрим, — сказал Шиллинг. — Скажи ему, чтоб зашел.

Дейв Гордон отошел, постоял у фургона с минуту, что–то объясняя, и вернулся уже с Эдвардом Рейнольдсом.

— Простите за беспокойство, — пробурчал Эд

Рейнольдс.

Это был стройный мужчина легкого телосложения, и в его лице Шиллинг видел знакомые черты. Его руки и кисти нервно подрагивали; эти непроизвольные движения вполне могли объясняться подавляемым избытком энергии. Он был довольно хорош собой, заметил Шиллинг. Но голос у него был резкий и неприятный.

— Вы ищете свою дочь? — спросил Шиллинг.

— Все так. Дейв говорит, она на вас работала. — Он быстро заморгал. — Я вот думаю, не случилось ли с ней чего.

— Чего, например?

— Ну. — Мужчина повел рукой и снова заморгал. Он поковырял пол носком ботинка, сжимая и разжимая руки, отчего на его лице задергалось несколько мышц. — Понимаете, она в этом баре якшалась с цветными. Был там один; он, кажется, белого убил. Об этом в газете писали. — Он замолк. — Может, вы слышали.

Вот он — ее мучитель. Шиллинг видел перед собой маленького человечка за пятьдесят; рабочего, ссутулившегося от усталости после заводской смены. Мужчина, как и большинство человеческих существ, пах возрастом и потом. Его кожанка, вся в пятнах и складках, кое–где

порвалась. Он был небрит. Очки ему были малы, и линзы в них, наверное, уже отслужили свое. Один палец был заклеен махристым пластырем — видимо, он ушибся или порезался. В нем не было ничего от злобного садиста. Он был таким, каким Шиллинг и ожидал его увидеть.

— Идите домой, — сказал Шиллинг, — и займитесь своими делами. Ей вы только помешаете. У нее и без вас забот хватает.

И он закрыл и запер дверь.

Посовещавшись с мистером Рейнольдсом, Дейв Гордон снова застучал по стеклу. Шиллинг уже дошел до прилавка, но вернулся и открыл. Дейв Гордон был очень смущен, а отец девушки покраснел от робости.

— Убирайтесь, — прикрикнул Шиллинг, — пошли вон!

Он хлопнул дверью и опустил жалюзи. Стук возобновился почти сразу же. Шиллинг прокричал сквозь стекло:

— Убирайтесь, или вы у меня оба окажетесь в каталажке!

Кто–то из них что–то промямлил; он не расслышал.

— Пошли вон! — рявкнул он и, открыв дверь, добавил: — Ее даже нет в городе. Она уехала. Я

выдал ей зарплату, и она уехала.

— Видите, — сказал Дейв Гордон отцу девушки, — она уехала в Сан–Франциско. Она давно об этом думала. Я же говорил.

— Мы не хотим вас беспокоить, — не отступался Эд Рейнольдс, — мы просто хотим ее найти. Вы знаете, куда она поехала в Сан–Франциско?

— Она поехала не в Сан–Франциско, — сказал Шиллинг, прикрывая дверь.

Потом пошел к прилавку и опять взялся за работу. Не поднимая глаз, он сосредоточился на бланке заказа для «Декка». Дейв Гордон и Эд Рейнольдс тихо зашли за ним в темный магазин. Они остановились у прилавка и стали ждать, не говоря ни слова. Он продолжал работать.

Он чувствовал их присутствие. Они стояли и ждали, что он скажет им, где она. Они подождут еще немного, а потом пойдут в «Королек» и там узнают, где она поселилась. И тогда они пойдут в ее комнату; в комнату, из которой она глядит на неоновую вывеску. И все будет кончено.

— Оставьте ее в покое, — сказал он.

Ответа не последовало.

Шиллинг положил карандаш. Открыл ящик, вытащил оттуда сложенный листок и сунул его ожидавшим.

— Спасибо, — произнес Эд Рейнольдс, и они двинулись к выходу, — мы вам очень благодарны, мистер.

Когда они ушли, Шиллинг снова запер дверь и встал за прилавок. Они унесли с собой адрес оптового поставщика пластинок в Сан–Франциско, на Шестой улице в округе Мишин. Это все, что он мог для нее сделать. К десяти они вернутся, а потом пойдут в «Ленивый королек».

Больше он не мог сделать ничего. Он не мог пойти к ней сам и не мог оградить ее от других. В своей двадцатидолларовой комнатке, в какой–то миле от него или даже всего в нескольких кварталах, она сидела так же, как тогда в ресторане: руки на коленях, ноги вместе, голова наклонена чуть вниз и вперед. Он мог помочь ей только одним: не причинять новой боли. Он мог только удержаться и не навредить ей еще больше — и это все, что ему оставалось.

Если оставить ее в покое, она поправится. Если бы ее всегда оставляли в покое, ей бы и поправляться не пришлось. Ее научили бояться; она не сама придумала свои страхи, она не вызывала их, не поощряла, не просила расти. Может быть, она и не знала, откуда они явились. И уж точно не знала, как от них избавиться. Ей требовалась

помощь, но все было совсем не так просто; одного желания помочь было недостаточно. Когда–то, может, и было бы, но не теперь. Прошло слишком много времени, и она была ранена слишком глубоко. Она не доверяла даже тем, кто был на ее стороне. Она не верила, что на ее стороне есть хоть кто–то. Она постепенно отсекла от себя всех и оказалась одна; шаг за шагом она загнала себя в угол и теперь сидела там, сложив руки на коленях. У нее не было выбора. Ей некуда было идти.

Он думал о том, что изменилось бы, если бы ее дед не умер; если бы у нее был другой отец; если бы она жила в большом городе, где нашелся бы хоть кто–то, кому она могла бы довериться. Каким человеком она стала бы тогда? Шиллингу не верилось, что она сильно отличалась бы от себя теперешней. Страх, наверное, был бы просто глубже похоронен, его прикрывали бы несколько слоев благодушной уверенности, так что никто даже не догадался бы, что там внутри. Он не мог убедить себя, что причиной всех ее бед стало предательство Карлтона Туини или что Дейв Гордон был каким–то образом виноват в том, что оказался слишком молод, но недостаточно умен и восприимчив. Вина — если она и была — распространялась, распылялась на всех и вся.

На другой стороне улицы какой–то мужчина, не выключив фар, припарковал машину, чтобы проверить шину на заднем левом колесе. Может, и его можно считать виноватым: он подошел бы не хуже, чем любой другой. Он, как и все, жил в этом мире; и если бы когда–то раньше он совершил — или, напротив, не совершил — какое–то особенное движение, тогда, может быть, Мэри Энн была бы сейчас здорова и уверена в себе, и ей ничто не угрожало бы.

Возможно, кто–то и был за это в ответе — на каком–то временном отрезке, в какой–то точке земного шара. Но он сомневался в этом. Никто не заставлял ее сбиться с пути, да она и не сбивалась; она была не хуже других и куда лучше многих. Но все это было бессмысленно. Он готов был признать, что она во всем права, и она сама, в своей отчаянной паранойе, чувствовала, что это так; но это не помогало ей найти способ выжить. И это был не вопрос морали. Это был практический вопрос. Когда–нибудь, через сто лет, станет возможным мир, где ей найдется место. Но сейчас его нет. Ему казалось, что он может разглядеть черты этого мира. Она не будет там вполне одинока; она ведь не придумала его сама. Этот мир можно отчасти разделить с другими,

там есть какое–то подобие общения. Но существа, населяющие его, не способны к полноценному контакту, пока еще нет. Ее связи с людьми были краткими и обрывочными — здесь ребенок, там негр; иногда какая–то мысль, которая едва успевала вызвать отклик, а затем сразу таяла. Он чувствовал все это, хотя бы отчасти, и это доказывало, что она не была больной, и дело было не в том, что ее просто неправильно понимают. А он был настолько старше, что у него не было шансов приблизиться к ней. Он любил ее, и не он один, но это не помогало. Самой добиться успеха — вот что ей было нужно.

Неопознанный тип на улице все пинал свое колесо, снова и снова наклонялся и смотрел на него. Шиллинг наблюдал, как мужчина обошел машину, еще раз нагнулся и, сев за руль, шумно стартовал. Спустила ли у него шина? Наехал ли он на бутылку или пивную банку? Или уронил и потерял что–то очень ценное? Мужчина уехал, и ему никогда этого не узнать. Что бы ни сделал этот человек, что бы он ни замыслил и ни воплотил, все это останется для него тайной.

Шиллинг открыл адресную книгу и нашел телефон «Ленивого королька». Он набрал номер и стал ждать.

— Алло, — мужской голос, голос негра, ответил ему в ухо. — Клуб «Ленивый королек».

Он попросил Пола Нитца, и тот, наконец, взял трубку.

— Кто это подходил к телефону? — спросил Шиллинг.

— Тафт Итон. Хозяин заведения. А кто говорит? — без особого интереса спросил Нитц. — Мне играть пора.

— Спроси его, где сейчас Мэри Энн, — сказал Шиллинг. — Это он нашел ей комнату.

— Какую комнату?

— Спроси его, — сказал Шиллинг и дал отбой. Чувствуя себя чуть лучше, он вернулся к работе.

Люди проходили за закрытой дверью. Он слышал их шаги по мостовой, но не поднимал глаз. Он отнес новые пластинки в будку для прослушивания, заточил карандаш, запечатал в конверт бланк заказа для «Декка» и принялся за «Капитол».

Тьму, повисшую над ней, вспорол свет из коридора. Она повернула голову и увидела, что дверь открыта. Она ее не запирала — не видела смысла. В тусклом свете виднелся силуэт мужчины.

— Быстро же ты, — сказала она.

Мужчина зашел в комнату. Но это был не Джо-

зеф Шиллинг.

— О, — тихо воскликнула она, когда смутная фигура материализовалась рядом с ней, — это ты. Тебе Туини сказал?

— Нет, — ответил Пол Нитц и сел на ее кровать. Через мгновение он протянул руку и убрал прядь волос с ее лба. — Я узнал в «Корольке», от Итона. Ну и крысиный же угол ты себе нашла.

— Когда ты узнал?

— Только что. Когда пришел на работу.

— Яне очень–то в форме.

— Ты бежала, — сказал Нитц, — и наскочила прямо на себя. Ты даже не смотрела, куда летишь… просто бежала со всех ног как можно дальше. Вот и все.

— Черта с два, — сказала она слабым голосом.

— Но я же прав.

— Ладно, ты прав.

Нитц ухмыльнулся.

— Я рад, что до тебя добрался.

— Я тоже. Как раз вовремя.

— Я хотел, чтоб ты ушла — тогда, у тебя на квартире. Меня тошнило от этой покраски.

— Меня тоже, — согласилась она и через секунду попросила: — Сделай одолжение.

— Все, что пожелаешь.

— Можешь принести мне сигареты?

— Где они?

Он встал.

— В моей сумочке на комоде. Если тебе не трудно.

— А комод далеко?

— Ты его видишь. У меня только одна комната — не слишком далеко?

Какое–то время она лежала и слушала, как Нитц шарит впотьмах. Потом он вернулся.

— Спасибо, — сказала она, когда он прикурил и вложил ей в губы сигарету. — Ох, это было безумие. Сумасшедшая неделя.

— Как ты себя чувствуешь?

— Не слишком, — призналась она, — но со мной все будет в порядке. Через какое–то время.

— Лежи и отдыхай.

— Да, — благодарно согласилась она.

— Я включу обогреватель.

Он нашел маленький газовый обогреватель и включил его. Загорелись голубые язычки пламени, огонь засвистел и зашипел в темной комнате.

— Я не хочу его больше видеть, — сказала Мэри Энн.

— Хорошо, — согласился Нитц, — не беспокой-

ся. Я позабочусь о тебе, пока ты не встанешь на ноги, а потом ты сможешь отправиться куда пожелаешь.

— Спасибо. Я этого не забуду.

Он пожал плечами:

— Ты однажды тоже обо мне позаботилась.

— Когда?

Она ничего такого не помнила.

— В ту ночь, когда я вырубился и расшиб голову об унитаз. Ты уложила меня на диван и баюкала на коленях.

Он смущенно улыбнулся.

— Да, — припомнила она, — в тот вечер мы славно развлеклись, ничего не скажешь. Лемминг… интересно, что с ним стало. Странный это был вечерок.

— Я взял в «Корольке» отпуск, — сказал Нитц, — почти две недели буду свободен, как птица. Что–то вроде преждевременных рождественских каникул.

— Оплаченных?

— Ну, частично.

— Зачем ты это сделал?

— Мы могли бы поездить по разным местам.

Мэри Энн задумалась.

— Ты правда отвезешь меня куда–нибудь?

— Конечно. Куда захочешь.

— Потому что, — честно сказала она, — я много где хотела бы побывать… а в Сан–Франциско мы можем поехать?

— Когда пожелаешь.

— А на пароме — тоже можно?

— Факт. Есть паром, который идет до Окленда.

С пылом она произнесла:

— Я хотела бы сходить в какой–нибудь ресторанчик на Норт–Бич. Ты там бывал когда–нибудь?

— Сто раз. Я свожу тебя в клуб «Хэнговер» послушать Кида Ори[139].

— Вот было бы здорово. А еще можем сходить в парк аттракционов… и в павильон смеха. Можем и на горках прокатиться. Ты бы хотел?

— Конечно, — согласился он.

— Боже, — она потянулась к нему и обняла, — какой ты еще ребенок.

— Ты тоже, — ответил Нитц.

— Я — да, — сказала она. И тут она вспомнила про Джозефа Шиллинга. И вот, рыча от боли и

---

[139] Примечания: 139

Я свожу тебя в клуб «Хэнговер» послушать Кида Ори. — Эдвард Ори (1886–1973) по кличке Кид (Малыш) — джазовый тромбонист и бэнд–лидер, один из плеяды великих джазменов Нового Орлеана. В 1950–е гг. выступления его оркестра в клубе «Хэнговер» транслировались по радио и пользовались большой популярностью.

отчаяния, она вцепилась в сидящего рядом мужчину и завопила: — Что же мне теперь делать? Ответь мне, Пол! Разве можно так жить?

— Нет, нельзя, — сказал он.

— И раньше–то было плохо. Я знала, что что–то не так, — но теперь еще хуже. И зачем я только туда пошла; боже мой, если б я только не зашла туда в тот день.

Тут она слукавила, потому что на самом деле была рада, что нашла этот магазин.

— И все это никуда не делось, — судорожно добавила она. — Магазин. Джозеф Шиллинг. Оба на месте. По–своему.

По–своему — да, но это была уже мертвая раковина. Внутри ничего не было. Она лежала в темноте, с сигаретой меж пальцев, и всхлипывала, приобняв Нитца за шею. Оно пришло и ушло, оставив ее одну. Но она не хотела оставаться одна.

— Мне этого не вынести! — прокричала она и швырнула сигарету через всю комнату; ударившись об стену, окурок маленьким красным огоньком упал на ковер. — Я не собираюсь подохнуть в этой крысиной дыре.

Нитц подошел и затушил сигарету.

— Конечно, — произнес он, вернувшись. Он

взял ее на руки вместе с покрывалом и понес к двери.

— Поехали, — сказал он, прижимая ее к себе.

Он пронес ее по коридору и вниз по лестнице, мимо закрытых дверей с их ревом и грохотом, мимо хозяйки, миссис Лесли, которая выглянула и смотрела на них злобным взглядом, полным подозрения и тревоги. Он пронес Мэри Энн по ступенькам крыльца и по ночному тротуару, мимо гуляющих толп и парочек, мимо магазинов и заправочных станций, автолавок и гостиниц, баров и аптек. Он пронес ее сквозь трущобы и сквозь деловой район, мимо неоновых вывесок, и кафе, и редакции «Лидера», и мимо всех модных витрин Пасифик–Парка. Крепко прижимая к себе, он нес ее в свою комнату.

Глава 22

Старики сидели в парке — целые ряды пожилых людей на скамейках, накрытых плащами и газетами.

Желтые листья, усеявшие газоны, хрустели под ногами. Два мальчугана в джинсах топали на край парка с коричневыми бумажными пакетами для ленча. Старики читали свои еженедельники и грелись под осенним солнышком. За парком отбрасывала длинную тень высокая католическая церковь. Несколько голубей вышагивали в поисках крошек по гравию возле питьевого фонтанчика. Небо над Сан–Франциско было прозрачно–хрупким и нежно–голубым. Повернувшись на скамейке, Мэри Энн посмотрела на склон Телеграф–Хилл и венчавшую его башню Койт, похожую на колонну дохристианской эпохи.

Большой зеленый автобус проехал по Коламбус–авеню и скрылся за офисными зданиями. Сидящий на ее коленях ребенок заерзал, потянул ручки. Она усадила его обратно. Автобус ему был не нужен.

Ему вообще ничего не было нужно: пухлый

малыш, закутанный в теплую одежду, чистый и ухоженный. Он задремал. Прислонившись к матери, он слышал городской перезвон. Мэри Энн — над ним и вокруг него — была ему защитой.

Она сидела на скамейке со своим сыном, такая юная и свежая. На ней была свободная белая блузка и туфли на низком каблуке. Ее по–прежнему короткие каштановые волосы кудрявились над ушами и спадали челкой на лоб. Большие медные кольца сережек сверкали на солнце. Из туфель торчали худые, бледные голые щиколотки. Она достала из кармана сигареты и закурила.

Был тихий, спокойный день. По небу кружила чайка. Время от времени она кричала, издавая звук, с которым сухая веревка ударяется о дерево. На тропинке появилась благожелательная дама средних лет в черном плаще и села на скамейку напротив Мэри Энн.

Мэри Энн взяла книжку в бумажном переплете, которую ей дал почитать Пол, посмотрела на обложку, повертела — и убрала обратно. Читать не хотелось, вообще ничего не хотелось; ей было хорошо просто сидеть. Было три часа дня, и через час должен был появиться Пол. Она встретит его здесь; она любила встречать его в парке.

Сидящая напротив благожелательная дама

средних лет наклонилась к ним и с улыбкой произнесла:

— Какой здоровячок.

Мэри Энн приподняла ребенка.

— Это мой сын.

— А как его зовут?

— Пол. Ему одиннадцать месяцев.

— Какое красивое имя, — сказала благожелательная дама средних лет; она помахала ребенку и стала строить ему рожицы.

— Его зовут так же, как отца, — сказала Мэри Энн и, глянув вниз, поправила на сыне хлопковый нагрудник, — вообще–то у меня семеро, это младший, а старшему — тринадцать лет.

— Боже милостивый, — поразилась благожелательная дама средних лет.

— Шучу, — отозвалась Мэри Энн.

Но когда–нибудь так оно и будет; у нее будет полон дом сыновей — больших сыновей, сильных и шумных.

— Он еще не говорит. Но любит слушать музыку. Его отец — музыкант.

Благожелательная дама средних лет глубокомысленно закивала.

— Днем его отец учится, а по вечерам играет на пианино в клубе «Престо» на Юнион–стрит.

Би–боп. У них в ансамбле пять человек.

— Музыка, — сказала благожелательная дама. — Я уже много лет — с самой войны, наверное — не слушала музыки, которая могла бы сравниться с Рихардом Таубером[140].

— Ну, это старье, — сказал Мэри Энн, играя детской ручонкой. — Правда, Пол?

— А Жанетт Макдональд, — ностальгировала благожелательная дама средних лет, — никогда не забуду, как они с Нельсоном Эдди играли в «Мае»[141]. Какой был замечательный фильм. Я в конце даже плакала; я и сейчас плачу, когда о нем вспоминаю.

— Идите, поплачьте в другом месте, — сказала Мэри Энн, подбрасывая сына на коленке.

Благожелательная дама средних лет взяла сумочку и удалилась. Мэри Энн улыбнулась сыну, и тот заклокотал, пуская пузыри.

Жилые дома над парком отражали лучи послеполуденного солнца.

---

[140] Примечания: 140

Рихард Таубер (1891–1948) — популярный австрийский оперный певец и артист оперетты, которого называли «австрийским Карузо».

[141] Примечания: 141

…Жанетт Макдональд… как они с Нельсоном Эдди играли в «Мае». — Жанетт Макдональд (1903–1965) — американская певица и актриса, известная своими ролями в музыкальных комедиях с Морисом Шевалье и Нельсоном Эдди (1901–1967). «Май» (Maytime, 1937) — мюзикл Роберта Леонарда, поставленный по мотивам одноименной оперетты 1917 г.

Темные точки машин ползли по узким улицам в горку. У ног Мэри Энн прохаживался и что–то клевал голубь.

— Видишь птичку? — тихонько спросила сына Мэри Энн. — Симпатичный голубь. Ужин на одного. Пирожка с голубятиной не желаешь? Иди сюда, голубок. Покорми бедных.

Она спугнула голубя носком. Он ухлопал и приземлился поодаль, но почти сразу вернулся, бессмысленно кружа на месте. Мэри Энн гадала, что же съедобного он там нашел и о чем думал. Интересно, а где он живет? Кто о нем заботится, и заботится ли кто–нибудь?

— Ты девочка, — спросила она голубя, — или мальчик?

Она сидела в парке на скамейке, прижимая к себе сына, и разглядывала голубей, стариков, детей. Она была очень счастлива. Она смотрела, как люди появляются и проходят мимо; как листья опадают с осенних деревьев; как блестит влажная трава. Весь жизненный круговорот проходил перед нею: она видела, как младенцы вырастают, потом становятся согбенными мужичками, читающими газеты, а затем снова пробуждаются для новой жизни на руках у женщин. А они с сыном оставались невредимыми;

этот бесконечный цикл рождения и распада не был над ними властен. Они были в безопасности. Она видела, как солнце садится и снова восходит, и ее это не пугало.

И откуда ей только явился такой покой, гадала она. Он пришел вместе с ребенком; но откуда взялся ребенок? Она не до конца его понимала. Он был для нее загадкой — частью ее самой, и в то же время ее мужем; и все это она крепко держала в руках. Возможно, он прилетел к ней по ветру. Теплый весенний ветер овеял ее и одарил этим; наполнил ее бесконечной жизнью. А пустоту унес прочь.

Мэри Энн и ее сын смотрели, как мир меняется вокруг них, и видели все, что когда–либо произошло и произойдет. А потом они встали и пошли в конец парка. Там они стали ждать, потому что пришло время.

По Коламбус–стрит спешили прохожие, и Мэри Энн приставила ладонь козырьком, чтобы посмотреть, не идет ли он. Она держала ребенка на плече, и люди обходили ее с обеих сторон. И вот она увидела его сухопарую фигуру; он шел танцующей походкой — руки в карманах, куртка распахнута, длинные волосы растрепаны.

— Вот и он, — сказала она сыну. — Ты не туда

смотришь, — она повернула его, чтоб он увидел. — Видишь?

— Отлично выглядишь, — подойдя, робко сказал Пол Нитц.

— А ты нет; ты выглядишь, как бродяга, — она поцеловала его, — пойдем есть. Ты купил чего–нибудь?

— Купим по дороге домой, — ответил он.

— А деньги у тебя есть?

Они шли, и он шарил по карманам куртки, вынимая автобусные билеты, скрепки, карандаши и сложенные записки.

— Кажется, я их тебе отдал.

Он прищурился — тротуар отсвечивал прямо в глаза.

— Кому–то из вас, точно.

Немного отстав от него, Мэри Энн шла, прижимая к себе сына и разглядывая витрины, а Пол Нитц все рыскал по карманам. Она зевнула. Остановилась поглазеть на прилавок с импортными шотландскими трубками, потом с губными гармошками. Потом догнала мужа и прислонилась к нему, стоя на переходе в ожидании зеленого света.

— Устала? — спросил он.

— Спать охота. А как бы ты смотрелся с труб-

кой?

— Как гнев господень, — ответил он.

Зеленый зажегся — и они, вместе с другими, перешли улицу.

Прозябая на клочке земли

Роман Puttering About in a Small Land написан в 1957 году. Впервые издан в 1985 году американским издательством Academy Chicago.

Глава 1

В этом направлении она ехала впервые. Прожив в Лос–Анджелесе почти девять лет, она ни разу не выезжала на север по Девяносто девятому шоссе — внутренней скоростной магистрали, промчавшись по которой пятьсот миль, можно добраться до Сан–Франциско. Позади остались последние заправки «Шеврон», кафе и дома типовой застройки, дальше дорога уходила прямо в горы. Со всех сторон ее машину вдруг окружил плотный поток легковых и грузовых автомобилей, двигавшихся по расселине в первой гряде холмов на бешеной скорости — судя по спидометру, семьдесят — девяносто миль в час. Настоящие горы высились впереди. «Какие унылые, — подумала она. — И безлюдные». Справа и слева ее обогнали два дизельных грузовика. Водители, сидя в своих высоких кабинах, хмуро смерили ее надменным и презрительным взглядом. Это всегда выводило ее из себя. Грузовики оторвались и исчезли за поворотом.

«Боже!» — мысленно воскликнула она, крепка сжимая руль вспотевшими бледными руками. Грохот грузовиков все еще стоял у нее в ушах.

— Ну и лихачи, — бросила она Греггу, сидевшему рядом.

— Да уж, — подтвердил он ей в тон.

Оба почувствовали, как мало они значат, их низвели до уровня дорожной пыли. Не успели они опомниться, как мимо с ревом пронеслись еще три грузовика.

— Мне за ними не угнаться, — посетовала Вирджиния. — Можно попытаться, но я не стану. Господи, мы с тобой и так выжимаем семьдесят пять миль в час. Но разве это скорость. Здесь грузовики мчатся под девяносто.

«Представить только, — подумала она, — а вдруг один из них повернет — а там, на встречной полосе, легковушка с заглохшим двигателем?» Она читала в газетах о таких катастрофах, но сама ни с чем подобным не сталкивалась. Лишь один раз у нее на глазах молочный фургон задел бортом такси — осколки стекла летели тогда во все стороны, асфальт залило молоком. От таксомотора тоже что–то отлетело.

— Ты видел, они так каждый день ездят, всю жизнь, — сказала она.

— Нам ведь не очень далеко ехать? — спросил Грегг, нервно сжимая руки на коленях — так делал его отец, когда не мог справиться с вол-

нением.

Мальчик нахмурил лоб и сердито выпятил подбородок. Он весь съежился от тревожного напряжения. Она убрала правую руку с руля и ободряюще похлопала его по худому плечу. «Одни косточки», — подумала она. Он и правда весь сгорбился, втянул голову в острые плечи и лишь время от времени осторожно поглядывал в окно на то, что проносилось мимо.

— Тут близко, — успокоила она его. — Скоро уже съедем с шоссе. Разверни–ка карту.

Сын хлопотливо, с шуршанием раскрыл карту.

— Посмотри, где мы сейчас? — Вирджиния не отводила взгляда от дороги. — Я карандашом отметила — вдоль Девяносто девятого шоссе. Видишь? Красным цветом.

— Вижу, — ответил он.

— Поворот на нашу дорогу видишь? — Она быстро взглянула на карту. — Сто двадцать шестое шоссе, кажется.

— Угу.

— Город там есть?

Грегг не сразу ответил. Наконец он сказал:

— По–моему, нет.

Мимо них промчался спортивный автомобиль, похожий на черную изюмину.

— Ненавижу их, — буркнула Вирджиния.

— Какая смешная машинка! — Грегг приподнялся и вытянул шею. — Ухты!

Она посмотрела карту перед поездкой и знала: чтобы съехать с шоссе, нужно встать в крайний левый ряд, через три полосы. Никаких знаков не было видно, и она запаниковала. Слева двигался сплошной поток машин. Они все набирали скорость, как будто пустились с ней наперегонки. Вирджиния включила сигнал левого поворота, но никто не обращал на это внимания. Наверное, ее не хотели замечать. Водители как ни в чем не бывало ехали мимо с равнодушными непроницаемыми лицами.

— Видят ведь, что мне выбраться нужно! — воскликнула она. — И как мне это сделать, если они меня не пускают?

Съезд с шоссе был, вероятно, за следующим поворотом дороги, если она его еще не проехала.

— Глянь по карте, — снова обратилась она к Греггу. — Где там следующий съезд?

Грегг зашуршал картой.

— Быстрее! — поторопила его Вирджиния.

— Я не нашел, — как всегда, неуверенно захныкал он.

— Дай сюда.

Держа руль левой рукой, Вирджиния взглянула на карту. Но долго рассматривать ее было нельзя. Слева просигналили, и она повернула руль, чтобы вернуться на свою полосу.

— Пропади все пропадом, — она отбросила карту. — Не понимаю, почему они не дают мне проехать.

Грегг вжался в свое сиденье. Его не интересовало, что там, на дороге. Это рассердило Вирджинию: она почувствовала себя брошенной. Получается, всем наплевать? Но тут в потоке машин образовался просвет, и ей удалось быстро проскочить на следующую полосу, а оттуда — в нужный ряд. Там автомобили неслись еще быстрее — она вдруг оказалась в стремительном потоке машин, которые летели на такой скорости, что лучше бы этого не видеть.

— И зачем мы поехали? — пробормотала она.

— По–моему, скоро уже съезд этот, — сказал Грегг так робко и жалобно, что Вирджиния устыдилась.

— Не привыкла я ездить по скоростным дорогам, — попробовала оправдаться она.

Эти горы, подумала она, какие они мрачные. Там и не живет почти никто. Как можно было построить школу в таком пустынном месте? Вот

взять восточные горы — до нашего поколения там жили другие люди, а еще раньше в них тоже кто–то обитал. Очевидно, что люди там жили всегда. До англичан — индейцы. Неизвестно, кто населял их до индейцев, но какой–то народ, какая–то цивилизованная форма жизни там присутствовала. И еще животные. Она сама слышала когда–то, как они там проворно шныряют туда–сюда. Какая–никакая, а жизнь. Здесь же горы напоминают бесцветные терриконы: земля — просто грязь, а растительность — бурьян, отдельными пучками торчащий то тут, то там, и среди бурьяна банки из–под пива и обрывки бумаги, принесенные в каньоны ветром. Так это каньон, а не расселина. Ветер ревет, словно хочет оторвать машину от земли.

Город был уже совсем далеко. Время от времени попадался одинокий дом на отшибе, заправка, мелькал какой–нибудь рекламный щит — но все это стояло особняком. Ничто их не связывает, подумала она. А по ночам где–то там, за обочиной светятся далекие огоньки.

— Вон он! — встрепенулся Грегг.

Впереди показалось какое–то строение, знаки и дорога. Вирджиния увидела светофор и белую разметку. Горел желтый свет, и она сбавила ско-

рость, с облегчением думая о том, что ничего страшного не случилось.

— Спасибо, — сказала она.

Вирджиния успела повернуть налево, прежде чем загорелся красный свет, и они наконец съехали с шоссе. Машины теперь мчались в обратном направлении. «Скатертью дорога!» — мысленно пожелала она им.

— Нашли все–таки, — произнес Грегг.

— Нашли, — подтвердила она. — В другой раз уже не заблудимся. Будем ехать спокойно.

Он кивнул.

По обеим сторонам дороги, гораздо более узкой, чем шоссе, пошла посадка высоких деревьев необычного вида. Довольная, она показала на них Греггу и спросила:

— Что это за деревья? Не фруктовые.

— Не знаю, — ответил он.

— Может, для скрепления почвы. Или от ветра.

Вдалеке справа отвесно, как стена карьера, краснея сухой глиной, возвышался огромный обрыв. Наверху виднелась полоска листвы, но склон был голый.

— Далеко еще? — спросил Грегг.

— Вроде бы нет. Мы едем через Санта–Паулу. У тебя же карта — можешь посмотреть, сколько

осталось.

Он зашуршал картой, пытаясь найти Охай.

— Это недалеко, — сказала она.

Теперь они ехали между деревьями пониже, их ветки сплелись в плотные округлые кроны.

— Апельсиновые, — обрадовавшись, определила она. Это была сельская местность с плодородной почвой, посреди полей хозяйничали трактора. — Тут живут фермеры. — И ландшафт был здесь, слава богу, ровный. — Мы, наверное, высоко забрались. Мы ведь с тобой в горах.

Грегг смотрел на трактора и людей, что трудились рядом с ними.

— Да это же мексиканцы! — разглядел он.

— Может быть, «мокрые спины»[142], — предположила она.

Апельсиновые деревца были такими низенькими, что Вирджиния почувствовала себя в сказочном мире: она бы, наверное, не удивилась, увидев тут пряничные домики и крохотных старичков с белыми бородами до самых туфель с загнутыми носами. Мрачное настроение и волнение куда–то исчезли, и она подумала, что, может

---

[142] Примечания: 142

«Мокрые спины» — Прозвище сельскохозяйственных рабочих — мексиканцев, которые в поисках работы в США нелегально переплывают или переходят вброд пограничную реку Рио–Гранде.

быть, все у них получится со школой.

— А как же школа? — вспомнил Грегг.

Он ведь так и не понял, он думал, что его везут в летний лагерь.

— Господи, — вздохнула она.

— И как же, — он беспокойно ерзал на сиденье, — как я домой вернусь?

— Мы приедем за тобой.

— Когда?

— На выходные. В пятницу вечером. Теперь ты знаешь.

— А если мне станет плохо?

— Там есть медсестра. Послушай меня. Ты уже большой мальчик, самостоятельный. Мне не обязательно быть рядом с тобой и день, и ночь.

При этих словах он жалобно зашмыгал носом.

— Прекрати, — сказала она.

— Домой хочу, — продолжая всхлипывать, заявил Грегг.

— Так, мы с тобой уже поговорили об этом. Ты знаешь — это делается, чтобы подлечить твою астму. И класс у тебя будет намного меньше, всего пятеро или шестеро ребят.

Это в своих письмах особо подчеркивала миссис Альт, владелица «Школы в долине Лос–Падрес».

— Хочу домой, — повторил Грегг, хотя знал, как

и она, что это бесполезно.

Они оба понимали, что решение уже принято.

Найденная ими дорога резко повернула направо, в густой лес, потом пошла вверх, прочь от деревень, садов и полей. Начались настоящие заросли, какая–то заброшенная земля, и Вирджинии вновь стало не по себе. Дорога сузилась, искривилась, и снова она почувствовала безлюдность и пустоту незаселенного пространства. В одном месте им попался охотник с ружьем. Всюду были предупреждающие надписи: «Посторонним вход воспрещен. Частная собственность. Охота и рыбалка запрещена». Ей казалось, что от этих гор веет безжалостной первобытной угрозой. Она заметила свисавшую с деревьев ржавую колючую проволоку, ее когда–то натянули здесь, а потом — так она думала — срезали, чтобы сделать проход для какого–нибудь охотника.

— А вон ручей, — увидел Грегг.

Ручей тек за обрывом и деревьями. Когда они выехали на бревенчатый мост, ее взгляду предстала на миг группа рыболовов с заброшенными в воду удочками. Их машины стояли у дороги, и, чтобы проехать мимо них, Вирджинии пришлось максимально сбавить скорость. Никто из рыбаков даже глазом не повел в их сторону.

— Глянь–ка, рыбачат, — сказал Грегг и еще долго смотрел назад. — А мне можно будет на рыбалку? Мы уже подъезжаем к школе?

Не дождавшись ответа, он снова заговорил:

— Я никогда не был на рыбалке, а Патрик Дикс ездил как–то со своим папой — на море куда–то, кажется. Здоровенную рыбину поймали. Вот такую огромную. Акулу, по–моему.

Дорога внезапно повернула налево, а дальше шел такой крутой подъем, что машина заурчала, и автоматически переключились передачи. Вирджиния перевела рычаг в нижнее положение. Две машины, ехавшие следом за ними, отстали и скоро исчезли из виду.

— Ну и круча, — выдохнула она, недовольная тем, что ее никто не предупредил о горной дороге. — Высоко забираемся.

Подъем все продолжался, один поворот сменялся другим, и, наконец, они достигли вершины горного хребта. Внизу простиралась долина Охай. Оба они ахнули, увидев ее.

— Там равнина! — крикнул Грегг, приподнявшись, чтобы лучше видеть.

— Спускаемся, — решительно сказала Вирджиния сквозь стиснутые зубы, вцепившись в руль.

На каждом повороте при виде разверзшейся

пропасти, — и никакого спасительного ограждения, — она вспоминала, что ей придется возвращаться по этой дороге, возможно даже, ночью.

«Как я поеду? — думала она. — Шестьдесят с лишним миль в один конец…»

— Смотри! — воскликнул Грегг. — Автобус!

Навстречу тяжело полз, одолевая повороты, допотопный школьный автобус. В нем сидели дети, которых то и дело подбрасывало от тряски. Ширины дороги едва хватало для одного автобуса, его водитель уже сигналил ей. «Твоя личная дорога, что ли?» — подумала она с досадой, не зная, что делать. Автобус снова просигналил, и Вирджиния съехала на обочину. По окну царапнул грунт и корни, проросшие в нависавшем обрыве. Правые колеса забуксовали — она угодила в кювет. Запаниковав, Вирджиния резко вырулила обратно на дорогу и оказалась лоб в лоб с автобусом. Тот, сигналя, шарахнулся в сторону, и она едва разошлась с ним. С обрыва шумно посыпалась земля.

— О боже! — обретя дар речи, прошептала она и поехала дальше. Ее всю трясло.

— Черт, мы были на волосок! — подвел итог Грегг.

Рельеф стал плоским — они миновали горы и были теперь в долине. Дорога шла прямо. Вдале-

ке, на противоположном конце, показался город Охай. «Слава богу», — обрадовалась Вирджиния. Она бросила взгляд на часы — было полдвенадцатого. Оказывается, они едут всего только полтора часа. Может быть, еще и пообедать успеют. «Все, что угодно, за чашку кофе», — подумала она.

У входа в школу они оба обратили внимание на то, что здесь растет еще больше низеньких апельсиновых деревьев с овальными кронами. Теплый ветерок нес пыль над их головами, сквозь деревья, вдоль дорожки. После сидения в машине было так приятно пройтись пешком — она почувствовала большое облегчение. Но за школьными зданиями маячили горы, все те же грозные горы.

— Не укачало? — спросила она у Грегга.

Он замедлил шаг и пытался нащупать что–то у себя в кармане.

— Не трогай спрей, — остановила его Вирджиния, взяв за руку. — Ты же нормально дышишь с тех пор, как мы выехали из Лос–Анджелеса. Это точно из–за смога. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — ответил он, но адреналиновый спрей из руки не выпустил.

Еще в машине он успел им воспользоваться, и на брюках осталось пятно от капли. Греггу стало не по себе. Она остановилась, тут же остановился

и он.

— Вон там, наверное, лошадей держат, — показала Вирджиния на конюшню, чтобы подбодрить его. — Кажется, кто–то даже верхом скачет!

Грегг посмотрел в ту сторону — на поросший травой и деревьями склон за территорией школы. Тропа, а точнее противопожарная полоса, отделяла кустарник холма от школьной площадки для игр.

— Видишь, тут и в футбол играют.

В конце дорожки, по которой они шли, у ступенек рос лимонный куст с темными лоснящимися листьями. Грегг сорвал гроздь лимонов. Когда они с Вирджинией стали подниматься по ступенькам, плоды, цветки и листья рассыпались у него в руках. Он выглядел затравленным зайчонком. На нее саму вновь накатила тоска: выйдет ли что–нибудь из всей этой затеи со школой, с его учебой вдали от дома?

— Сынок, ты сам решишь, — сказала она. — Если тебе будет плохо, ты всегда можешь вернуться домой. Ты же знаешь. Но давай хотя бы попробуем.

Он молчал, сжав губы, и сощуренными глазами вглядывался в главное здание. На лбу у него снова собрались морщинки — свидетели беспо-

койства, как будто сам размер строения подавлял его. На школьной территории было в это время пустынно: закончился семестр, и дети на неделю разъехались по домам. Даже учителей не было видно. Через пару дней соберутся, подумала Вирджиния. Тогда здесь станет оживленней.

— Тут есть горная тропа, — продолжала она. — Можно будет в походы ходить. Будешь в палатке ночевать, костры разводить, как твой друг Боб Рули — помнишь, он в летнем лагере был? — Она вспомнила иллюстрации в буклете, который ей прислала миссис Альт. — А еще тут живут кролики, коза, лошади, и собаки, и кошки — всякая живность. Даже опоссум есть. В клетке живет.

Гримаса отвращения не сходила с его лица.

Стеклянные двери парадного входа были открыты, и Грегг, шаркая ногами, вошел в здание. В вестибюле было темно и тихо. Как в старомодной гостинице, подумала Вирджиния. Тут же была и конторка. Но не было слышно ни звука. Это чтобы чувствовалось, куда ты попал, решила она. Чтобы родителей впечатлить. Лестница вела на второй этаж. А в дальнем конце вестибюля располагалась столовая.

— Надо пойти раздобыть чашку кофе, — сказала она сыну.

Никто из школьного персонала гак и не появился, чтобы встретить их. И что ей делать?

Справа, в части вестибюля, служившей библиотекой, из двух широких окон открывался вид на долину. Школа была построена на возвышенности, и, повернувшись к окнам, она поняла, что это было сделано намеренно. Сначала в поле зрения попадал городок Охай с его домами в испанском стиле, мимо которых они только что ехали. Даже было видно, что стены авторемонтной мастерской увиты плющом. Вдоль главной улицы, с западной стороны, раскинулся парк. Соединенные в галерею магазины на противоположной от парка стороне вполне можно было принять за католическую миссию. Или конюшни. У каждого была своя глинобитная арка. На углу стояла башня, первый этаж которой занимала почта, а наверху была, похоже, колокольня.

Виден был и весь парк, где друг за другом расположились несколько теннисных кортов. Там проходили теннисные матчи. И музыкальные фестивали. За городком долина простиралась до подножия гор и упиралась в них ровно под прямым углом. У Вирджинии было ощущение, как будто она стоит внизу, на дне, взирая вверх, на стены. И они не давят на нее, так обширна

долина. Но горы окружили ее со всех сторон, и иного пути обратно, кроме как через перевалы, нет. Если верить карте, есть всего две дороги, одна другой опаснее и круче.

— Чудный вид, правда? — обратилась она к Греггу, который вместе с ней подошел к окнам.

— Да, — согласился он.

— Мы с тобой побывали в этих горах — мы через них ехали. Здорово, а?

— Да, — снова повторил он.

Забеспокоившись, Вирджиния принялась ходить туда и обратно, вышла из библиотеки, прошла по вестибюлю мимо конторки, снова вернулась. Дверь одного кабинета была открыта. Там на полу лежали стопки книг — множество экземпляров одной книги, какого–то учебника. Ей вспомнилось собственное детство, как она когда–то вот так же впервые заглядывала в незнакомые классные комнаты, пахнувшие лаком и бумагой, в такие же вот кладовые.

Через боковой вход вошла какая–то женщина средних лет в свободных брюках и холщовой блузке, заметила Вирджинию и спросила:

— Я могу вам чем–то помочь?

Лицо женщины немного портил крючковатый нос, очки без оправы придавали ей вид строгой

солидности, а в походке отражались прямота, практичность и властность, которые Вирджиния так хорошо помнила: эта дама обладала открытой жизнестойкостью профессионального педагога, из тех, что блюдут порядок в среде молодежи со времен римских вилл. Разумеется, это была миссис Альт.

— Я Вирджиния Линдал, — представилась Вирджиния.

— Ах, да! — женщина протянула руку. — Я Эдна Альт.

Волосы у нее были зачесаны назад и схвачены — о, боже! — резинкой. А щеки, хоть и упругие, приобрели сероватый оттенок — вероятно, в походах и за время руководства кружком кожевенного ремесла.

— Воспользуюсь возможностью и буду называть вас Вирджинией, — заявила миссис Альт с улыбкой, заставившей Вирджинию подумать: «Вот так они тебе улыбаются, когда вступаешь в их боевую революционную партию». — Это Грегг?

— Да, — ответила она. — Знаете, миссис Альт, неплохо было бы заранее предупредить, какая тут у вас дорога — такие виражи в горах, что…

— Ну, если уж наш школьный автобус справля-

ется с ними — а ему двадцать лет, то вы и подавно сдюжите, — отпарировала миссис Альт все с той же улыбкой, которой, очевидно, желала показать ей, как важно быть уверенной в себе и уметь полагаться на собственные силы.

Однако улыбка заключала в себе столько добродушия и жизнерадостности, что Вирджинии она не показалось обидной. Миссис Альт верила, что каждый человек от природы наделен большими задатками, и Вирджинии нравился такой подход. Тем же настроением были проникнуты и письма миссис Альт, и это стало одной из причин, по которой Вирджиния выбрала именно школу «Лос–Падрес».

— Я, кажется, видела ваш автобус, — сказала она.

Но миссис Альт уже переключила внимание на Грегга.

— Ага, — произнесла она, и это прозвучало совсем не глупо, а вполне естественно. — Значит, у нашего мальчика что–то не ладится с дыханием. Это у тебя адреналиновый спрей? — Она протянула руку. — Грегг, знаешь, что я могу обещать тебе? Эта штука тебе здесь точно не понадобится.

«Хорошо бы это оказалось правдой, — подумала Вирджиния. — Дай–то бог, миссис Альт. Ведь мне

эта затея обойдется в двести пятьдесят долларов в месяц».

— Хочешь увидеть свою комнату? — спросила миссис Альт у Грегга, который молча смотрел на нее. — Можно сходить туда.

Забрав спрей, она взяла его за руку и уже было повела, точнее, потащила к лестнице. Но Грегг уперся.

— Хорошо, тогда можешь погулять. Джеймс сейчас, кажется, подковывает лошадь. Видел когда–нибудь, как лошадь подковывают?

Ее голос зазвучал мягко и загадочно, как будто она посвящала мальчика в какую–то особую тайну. Вирджинии вспомнились радиопередачи для детей: женщины, которые вели их, говорили так же. Может быть, это профессиональная манера. Но Грегг стал потихоньку оттаивать.

Она смотрела, как миссис Альт ведет ее сына на улицу, на каменную террасу, вниз по ступенькам. А теперь, молодой человек, пожалуйте в котел, тут мы варим новичков.

Впрочем, она, пожалуй, неплохой педагог. Неглупа. Они нашли бы общий язык с матерью Вирджинии. Хорошая получилась бы парочка.

Миссис Альт стремительно вошла обратно — таким шагом, будто возвращалась из много-

мильного похода.

— Мы посмотрели немного, как ставят палатки, — сообщила она Вирджинии. — Когда тепло, мы спим на улице. Воздух тут отличный.

— Астма его уже не так беспокоит, — сказала Вирджиния.

Она побаивалась миссис Альт.

— Да, по–моему, он нормально дышит. А когда у него начались затруднения с дыханием? Я думаю, их причиной могла стать эмоциональная атмосфера в семье, а вовсе не смог. Как вы считаете? Пойдемте ко мне в кабинет, я найду ваше письмо. — Она уже шла по коридору.

В кабинете пахло мылом. Вирджиния положила пальто на колени. Запах шел из туалетной комнаты. Ей представился педагогический коллектив: сплошь из дам в очках, каждая ободряюще улыбается, все регулярно моют руки, может быть, каждый час. Может быть, по звонку. Но в здешней атмосфере не чувствовалась дисциплинарная суровость, от школы веяло теплом. Тут царило воодушевление.

Вирджиния закурила и сказала:

— Две с половиной сотни, конечно, ударят по карману, но мы думаем, это окупится.

— Вот как? — Миссис Альт помолчала, глядя на

нее искоса. — Понимаю.

И снова молчание. Наконец миссис Альт нашла письмо, перечитала его; закончив, отложила в сторону, откинулась на спинку кресла и принялась пристально разглядывать Вирджинию.

— Почему вы решили отправить его в школу?

Немало удивившись, Вирджиния ответила просто:

— Потому что так будет лучше для него.

— Почему?

Как бы показывая, что проблема письма Вирджинии исчерпана, миссис Альт отбросила его подальше от себя.

— Видите ли, — начала было объяснять Вирджиния, — дома у нас дела обстоят не очень, трения разные и…

— Я спрашиваю, — перебила миссис Альт, — потому что хочу быть уверена, что вы не пытаетесь просто увильнуть от родительской ответственности.

— Послушайте… — попыталась возразить Вирджиния.

— Греггу дома хорошо живется?

— Ну… — запнулась она, потеряв от стыда дар речи.

— Что он думает о переезде сюда? Он ведь все-

гда жил только дома? Вы постоянно были у него под боком.

— Я чувствую, что его может надломить разлад между нами, в котором он совсем не виноват.

Она уставилась в точку на полу. Во что она ввязалась?

— Понимаю, — сказала миссис Альт.

— Боже мой! Я вполне отдаю себе отчет в том, что делаю и почему.

Сложив руки на письменном столе, миссис Альт спросила:

— А что думает по этому поводу ваш муж?

— Должна признаться, он не в восторге от этого плана.

— Какие у него отношения с Греггом?

— Нормальные. В целом. То есть Роджер очень занят работой. — Она помолчала и продолжила: — Как я вам писала, у него свой магазин телевизоров. Это отнимает много времени. Домой он приходит, когда сын уже спит. Видятся они только по воскресеньям — вы же понимаете, что в субботу магазин открыт весь день. Да и в выходной день Роджер частенько убегает в магазин — и пропадает там.

— А как вы с мужем ладите? — поинтересовалась миссис Альт.

— Что? Замечательно.

Как это унизительно.

— А как же ваши… трения?

Вирджиния простонала.

— Вы не хотите обсуждать это со мной? — спросила миссис Альт.

— Да нет, ради бога. Просто не совсем понятно зачем.

Она немного подумала и продолжила:

— Так или иначе, я, кажется, писала вам о том, что занималась и сейчас немного занимаюсь танцевальной терапией — это помогает мне разбираться в психологических механизмах, в том числе моих собственных и мужа. И в семейной ситуации.

— Вы упоминали об этом, — неопределенно заметила миссис Альт.

Похоже, слова Вирджинии не произвели на нее никакого впечатления.

— Важно понимать, — продолжала Вирджиния, — что мы с Роджером совершенно по–разному формировались.

— Что вы хотите мне этим сказать? — резко перебила ее миссис Альт. — Меня это возмущает…

Она встала, походила по кабинету, похлопывая себя руками по плечам, и снова села.

— Вирджиния, сколько вам лет? Ведь вам нет еще и тридцати? Ну, скажем, тридцать. А говорите вы, как какой–нибудь престарелый психиатр эпохи… как бы это сказать–то… эпохи Народного фронта, например. Бросаетесь терминами. А нельзя сказать просто, без этих выкрутасов?

— Это, наверное, у учителей привычка такая — всех ставить на место, — разозлилась Вирджиния.

В то же время этот укор странным образом позабавил ее: она ведь сама составила похожее мнение о миссис Альт.

«Вот как вы это поняли», — подумала миссис Альт.

— Нет, — не согласилась она с Вирджинией. — Я просто хочу, чтобы вы спустились на землю. А давайте лучше уйдем отсюда, покинем этот душный кабинет. Пойдемте–ка на улицу, на солнце.

Направившись к выходу, она оглянулась. Вирджиния потушила сигарету, взяла пальто и сумочку и тоже вышла на жаркий воздух, под палящее солнце. Миссис Альт повела ее от здания вниз по длинной грунтовой дороге. Под их туфлями рассыпались комья засохшей грязи, Вирджиния даже споткнулась. Миссис Альт, конечно же, была в рабочих туфлях на низком каблуке. От

горячего воздуха у Вирджинии совсем пересохло в горле, и она опять вспомнила о кофе. Но ее уводили от столовой и кухни в сторону каких–то деревянных построек, похожих на сараи.

— Можете помочь нам проветрить брезент, — предложила миссис Альт.

— Только не в этой одежде, — отказалась Вирджиния.

— Ну, тогда наблюдайте, — улыбаясь, сказала миссис Альт. Она замедлила шаг, чтобы Вирджиния догнала ее. — Вирджиния, это вам не повредит. А может быть, расстелить палатку на траве, на свежем воздухе, гораздо полезнее, чем заниматься танцевальной или какой–нибудь другой так называемой творческой психотерапией — что бы вы на это сказали?

— Не знаю, что мне сказать.

Вирджиния чувствовала себя раздавленной.

— Ладно, не буду вас больше мучить.

На ровной лужайке, сидя на корточках, расправляла брезентовые палатки компания детей, одетых в одни только короткие штанишки цвета хаки. Большинство из них были, пожалуй, старше Грегга. Его среди них не было.

— Молодцы, — похвалила их работу миссис Альт.

— Миссис Альт, а я в одной палатке жабу нашел, — сообщил ей мальчуган. — Можно я ее себе оставлю?

— Она живая?

— Да вроде шевелится. Наверно, если ее травой накормить, она отойдет.

Глядя, как возятся дети, Вирджиния не могла не отметить, что все девочки — их было трое, восьми–девяти лет — полуголые, на них, как и на мальчиках, были только короткие штанишки. Ну да, восемь лет, еще маленькие, размышляла она. Наверное, это неважно. И все–таки на это можно и по–другому посмотреть. Кожа у ребят лоснилась темно–коричневым загаром. Вид у них тут действительно здоровый. Трудно представить, что кто–то будет страдать здесь от астмы. Простуда, астма — вам не сюда. Дети были довольны, но как–то притихли.

— Приглядитесь–ка к вашей жабе повнимательнее, — сказала миссис Альт, — нет ли у нее в голове драгоценного камня?

Вирджиния недобро расхохоталась.

Драгоценного камня дети так и не обнаружили, и миссис Альт, вернувшись к Вирджинии, отвела ее в сторонку.

— Вирджиния, хотите, в двух словах скажу

вам, каково мое первое впечатление о вас? Этакий словесный экспресс–портрет? Я думаю, вы умны, получили очень хорошее образование, в сущности, вы славная женщина, но довольно противная — а все из–за того, что я бы назвала неведением. Противная и к тому же высокомерная. Знаете, чем больше я с вами общаюсь, тем больше согласна, что Греггу следует остаться у нас. Вы меня убедили.

Миссис Альт обняла Вирджинию одной рукой и прижала к себе, до смерти перепугав ее.

Стараясь сохранять невозмутимость, Вирджиния произнесла:

— Ну что ж, миссис Альт, я все обдумаю и сообщу вам.

— Сообщите?

— Да. У нас ведь есть еще пара дней до начала семестра? Я позвоню или напишу.

Про себя она уже все отменила. С нее хватит.

— А вы способны ух как разозлиться, не правда ли? — заметила миссис Альт. — Я так и предполагала. Вирджиния, вы проделали весь этот путь к нам, чтобы отдать Грегга в школу. Послушайте, вы ведь взрослая, умная женщина — стоит ли менять решение только потому, что немного задеты ваши чувства?

— И так плохо, и этак нехорошо! — в отчаянии бросила Вирджиния. — Чего вы от меня хотите?

Миссис Альт взяла ее под руку и повела обратно по грунтовой дороге.

— Успокойтесь. Расскажите–ка мне лучше, как вы с мужем умудрились по–разному формироваться.

— Могу я где–нибудь выпить чашку кофе? — спросила Вирджиния.

— Мы с вами пообедаем. Уже ведь двенадцать? Дети поели — их тут сейчас немного, так что мы не открываем столовую, они у нас едят на кухне. Ничего, если я посажу вас за стол вместе с учителями? Они, наверное, сейчас как раз там.

— Мне все равно, — вздохнула Вирджиния.

На кухне за желтым деревянным столом ели и беседовали две женщины и мужчина. Необъятных размеров повариха–мексиканка, которой было на вид за шестьдесят, готовила обед на керосиновой плите, а другая ее соотечественница, помоложе и с виду миловидная, расставляла посуду. Вирджиния не ожидала увидеть такую большую кухню, размером с лекционный зал. Плита занимала всю стену. На полках стояли идеально чистые стаканы и тарелки. Миссис Альт представила Вирджинию учителям, но та про-

пустила их имена мимо ушей. Ее словно обухом по голове ударили, на душе было безрадостно, и все ее мысли были только о том, как бы сесть и выпить кофе.

— Давно вы живете в Калифорнии? — обратилась к ней миссис Альт, сев напротив, рядом с учителем.

— С сорок четвертого года, — ответила она. Кофе дымился на столе. Он оказался горячим и неплохим на вкус. — До того мы жили в Вашингтоне. Там мы и познакомились.

— Грегг маловат ростом, правда? Ему восемь?

— Семь с половиной.

— Вы знаете, что в течение первого месяца все дети проходят у нас медосмотр. Бывают, понятно, обычные недомогания — на территории школы постоянно дежурит дипломированная медсестра. Тем не менее у нас школа, а не больница. Если у Грегга вдруг наступит серьезное обострение, мы вынуждены будем расстаться с ним. Но я не думаю, что это стучится.

— Спрей помогает, — сказала Вирджиния. — Грегг знает, как им пользоваться. На случай ухудшения у него есть ингалятор. Но тогда вам придется помочь ему — надо будет разогреть, смешать травы — или что туда входит. — Теперь

ею овладело безразличие. — Он пока ни разу не понадобился. Не помню даже, куда я его положила. — Затем она подытожила: — В любом случае, в этом весь смысл. Если ему не станет здесь лучше, мы его заберем. Нам, правда, не хотелось никуда его отправлять. Но, как я уже начала объяснять, мы по многим важным вопросам расходимся во мнении — в смысле я и Роджер. У него обо всем свои представления, и они не совпадают с моими.

Она немного отпила из чашки.

— Вы оба родились в Вашингтоне?

— Я — в Бостоне, — ответила Вирджиния. — А Роджер — на Среднем Западе.

— Не хотите сказать, где именно?

Она пожала плечами:

— Кажется, в Арканзасе. — Когда бы она ни говорила об этом, у нее всегда бежали по коже мурашки. — Детство у него прошло в нищете. Во время Великой депрессии они жили на госпособие да на подачки. Многие, видимо, так прозябали. Ели соседские картофельные очистки. — Эта тема всегда вводила ее в какое–то оцепенение, она просто машинально излагала факты. — Нам легче было, но это, конечно, всех коснулось. Как бы то ни было… — Она выпрями-

лась и оперлась локтями на стол, держа чашку на уровне подбородка. — Из–за того, что Роджер пережил в детстве — а он не особенно об этом распространяется, я узнаю от него только отдельные эпизоды, — он часто беспокоится о том, что меня не волнует, например о деньгах. Еще о еде. Они никогда не ели вдосталь, хотя вряд ли голодали в буквальном смысле. Он всегда боится, как бы чего не вышло… Понимаете? Все время в напряжении. В основном просто сидит у себя в магазине, ничего не делая, ну, как бы… — Она махнула рукой. — Чтобы все было под контролем, что ли. Быть уверенным, что всё на своем месте.

— А две с половиной сотни в месяц не усилят его страхи?

— Ну, да, — согласилась она. — Зато там Грегга не будет. Так что, можно надеяться, его это не затронет.

Трое учителей разговаривали о чем–то своем, но вполуха слушали и ее.

— Не понимаю, каким образом вы надеетесь улучшить ситуацию, если это вас разорит, — недоумевала миссис Альт.

— Не разорит, — отрезала Вирджиния.

— У нас действует программа помощи учащимся, вы можете написать заявление. Для

некоторых детей учеба оплачивается родителями частично, остальное платят заинтересованные организации.

— Сами справимся, — сказала Вирджиния. — Если не передумаем. — Она снова отпила кофе. — Потом, мы по–разному смотрим на некоторые важные вопросы, например на религию. У Роджера вообще нет никаких религиозных убеждений. На самом деле, он против религиозного воспитания. Я не хочу, чтобы Грегг рос в такой атмосфере. И не хочу, чтобы он рос там, где презирают просвещение, образование в целом.

— Что ваш муж думает по поводу вашей танцевальной терапии?

— Гм… Ему это безразлично.

— У вас есть хоть какие–нибудь общие интересы?

— Ну конечно, есть, — на этот раз замечание не задело Вирджинию.

Миссис Альт переключилась на обсуждение каких–то пустяков с учителями. Вирджиния съела сэндвич, который лежал перед ней, допила кофе, закурила. Никто не дал ей прикурить. Учитель в свитере, свободных брюках и галстуке был поглощен разговором. Она бросила взгляд на часы. И вспомнила про дорогу, про предстоящее

кошмарное возвращение. Больше всего ее пугала перспектива задержаться здесь и отправиться в обратный путь, когда стемнеет.

— Пойду–ка я Грегга поищу, — сказала она миссис Альт. — Скоро нужно будет домой возвращаться.

— Приведите его сюда, — ответила та. — Пусть тоже пообедает. Он ведь не ел еще?

— Нет, — признала Вирджиния.

— Не повезете же вы его голодным. Я оставила его с Джеймсом. Конюшню вы легко найдете — наверное, видели ее, когда шли сюда от машины. Это в конце спортплощадки. Хотите, я с вами пойду?

И миссис Альт тут же вернулась к разговору с учителем, речь шла о расписании занятий.

— Нам правда надо ехать, — сказала Вирджиния и, встав, поблагодарила: — Спасибо, что накормили.

— Что это вы так срываетесь с места?

— Из–за дороги, — объяснила она.

— Она так уж пугает вас?

Учитель, молодой и привлекательный, присоединился к разговору:

— Лично я не стал бы часто разъезжать по этой дороге. Но некоторые родители ездят. Каждые

выходные, по два раза сюда и обратно. — Обращаясь к Вирджинии, он добавил: — Если ваш сын останется в школе, вы будете забирать его на выходные?

— Да, — сказала она. — По крайней мере, я ему обещала. Думаю, придется. Мы ведь договорились об этом.

— По пятницам дети освобождаются после трех часов, — сказала миссис Альт. — Раньше его не отпустят. А вернуться он должен к шести вечера в воскресенье. Так что зимой вам придется ездить в темное время. Наверное, не стоит этого делать, судя по тому, что я от вас услышала: вы будете нервничать, это передастся Греггу, у него будет такое чувство, что вы не хотите его забирать.

— Все эти предположения… — начала было Вирджиния.

— А может быть, мальчика подвозил бы кто–нибудь другой из родителей? — предложила одна из учительниц. — Они могли бы по очереди ездить.

— Лиз Боннер забирала двух своих сыновей почти каждую пятницу, — сказал учитель. — Может, с ней договоритесь?

— А что, это идея, — согласилась миссис Альт. — Лиз, кстати, завтра их привозит. — Она посмотрела на Вирджинию. — Если вы завтра будете

здесь, я вас познакомлю. Разумеется, вы можете пожелать, чтобы его возил кто–нибудь другой.

— Миссис Боннер хорошо водит, — сообщил учитель.

— Правда, лихачит по лос–анджелесски, — сказала одна из учительниц, и все засмеялись.

Вирджиния приободрилась.

— А она не откажет? Я могла бы как–то платить ей. Ведь есть за что.

— Лиз все равно нужно будет ездить, — сказала миссис Альт. — Давайте поступим так: я поговорю с ней, когда она приедет с мальчиками, а потом вам позвоню. Согласится — подъедете и обговорите детали. Вы живете в Сепульведе, а они, кажется, где–то рядом, в сторону Сан–Фернандо, довольно близко, так что ей почти по пути. Может быть, она Грегга к себе будет привозить, а вы уж потом его заберете.

— Да пусть она с миссис Боннер там и поговорит, — предложил молодой учитель. — Зачем ей обратно сюда тащиться?

— Я бы предпочла, чтобы она договорилась с Лиз здесь, — возразила миссис Альт. — Чтобы быть уверенной, что вопрос решен. Вы же знаете Лиз.

Извинившись, Вирджиния вышла из кухни и

направилась к конюшне. Боже, наконец–то все решилось само собой! Прямо гора с плеч.

Ты полюбишь «Школу в долине Лос–Падрес», мысленно заклинала она. Делай, как я велю, молодой человек. Полюби «Школу Лос–Падрес». Потому что со следующей недели — это твой дом. А Эдна Альт — твой друг.

Глава 2

— Посмотрите–ка, он все еще здесь! Я думал, ты уже ушел домой, — сунув голову в дверь конторы магазина, удивился Пит Баччиагалупи.

Магазин «Современные телевизоры. Продажа и сервис» уже закрылся для покупателей, штора была опущена. Рабочий день закончился. Лампы на потолке замерцали — это мастер по ремонту Олсен нагнулся к выключателю и погасил свет.

— Тебя жена ищет, — сказал Пит. — Она в желтой зоне[143] припарковалась. Пошла обратно взять что–то.

— Ага, — откликнулся Роджер Линдал.

Он захлопнул бухгалтерскую книгу и встал. Вернулась, значит, из своей экскурсии в Охай. Вместе с Питом он обошел магазин, проверяя, все ли выключено.

— Переговорное устройство, — сказал он. — Посмотри.

— Уже посмотрел, — доложил Пит. — Все

---

[143] Примечания: 143

Желтая зона — По правилам дорожного движения Калифорнии, окрашенный в желтый цвет тротуар означает место остановки только для посадки или высадки пассажиров (погрузки или выгрузки товаров).

проверено, иди домой. Я включу ночное освещение. — Он нажал на клавишу кассового аппарата и стал заправлять новую ленту. — Ты, главное, деньги–то прибрал?

Олсен крикнул от входной двери:

— Тут какая–то дамочка к нам рвется. Кто объяснит ей, что мы закрылись?

— Это Вирджиния, — сказал Роджер. — Я впущу ее.

Своим ключом он отпер ей дверь.

— Привет, — поздоровалась она. — Я отвезу тебя домой.

Она поцеловала его, обдав всевозможными дорожными запахами: табака, жары, пыли, усталости от езды в потоке других автомобилей. Изнуренная и одновременно необычно возбужденная, она прижалась к нему и тут же отстранилась, держа дверь открытой.

— Ну что, поехали? — спросила она.

— Погоди, — сказал он. — Мне надо кое–что забрать из кабинета.

Он двинулся в темноту магазина. Вирджиния последовала за ним. Она дошла до самого кабинета, свободно распахнув пальто и то и дело вертя головой, — такого он что–то не помнил за ней: как будто она украдкой разглядывала его.

— Мне там что, хвост сзади пришпилили?

— Давай присядем, — предложила Вирджиния. Усевшись прямо на стол, она скрестила ноги и сбросила туфли. — Я на каблуках поехала. Хоть отдохну чуть–чуть. Три часа в машине, а потом еще по грязи топали, боже ты мой.

Она попыталась сдуть с туфель рыжеватую пыль.

— Ну да, лагеря ССС[144], — не скрывая отвращения, произнес он.

Пит, задержавшись у двери кабинета, сказал:

— До свидания, миссис Линдал. До свидания, Роджер. До завтра.

Роджер попрощался с ним, а Вирджиния как будто и не заметила его — она рылась в своей сумочке.

— До свидания, — проорал Олсен из дальнего конца магазина, и за ним захлопнулась дверь.

Когда ушел и Пит, Роджер спросил у жены:

---

[144] Примечания: 144

ССС — Гражданский корпус охраны природных ресурсов (Civilian Conservation Corps). Федеральное ведомство, созданное с целью обучения и предоставления рабочих мест, а также проведения в жизнь общенациональной природоохранной программы. Основано в 1933 г. под названием «Срочные работы по охране природы» (Emergency Conservation Work) и переименовано в 1937 г. Благодаря программе работу получили около 3 млн человек, были созданы трудовые лагеря для безработной молодежи; на осуществление программы потрачено около 2,9 млрд долларов. Организация прекратила свою деятельность в 1942 г.

— Где Грегг?

— Дома. С Мэрион.

Это была ее мать, миссис Уотсон.

— Ну что, подобрала какие–нибудь школы по своему вкусу?

Из его слов нетрудно было понять, как он к этому относится.

Ее лицо настороженно вытянулось.

— Я только в одной школе побывала. «Лос–Падрес» называется. Мы там пообедали. И посмотрели, как лошадь подковывают.

— И что? — отозвался он. — Завтра снова туда?

— Нет, — сказала она. — Завтра я с Хелен дела заканчиваю.

Хелен возглавляла избирательную кампанию Демократической партии в их округе. Вирджиния с головой ушла в эту деятельность — зонирование и тому подобное.

— А послезавтра ты идешь на танцы, — констатировал он.

— Я хотела тебе сказать… — осторожно начала разговор Вирджиния.

При этих словах ему на плечи легла та самая тяжелая ноша, от которой она избавилась.

— Что, выписала им чек? — спросил он.

— Да.

— Сколько?

— За первый месяц. Двести пятьдесят долларов.

— Я могу аннулировать его, — сказал он.

— Не надо.

— Обязательно сделаю это завтра утром.

Всенепременно, подумал он. У него даже сомнений никаких не было.

— Она замечательная — миссис Альт.

— Это чтобы у тебя было больше свободного времени? — спросил Роджер. — Значит, у тебя останутся только терапевтические занятия и родительский комитет? Какой, к черту, родительский комитет — про это можно забыть. Ты же забираешь его из государственной школы, так что этому конец. Так что же ты выигрываешь?

Вирджиния сидела напротив него в застывшей позе, склонив голову и улыбаясь.

— Тебе необходимо мое разрешение, — заявил он. — Я проконсультируюсь у юриста.

— Давай, — весело щебетнула она.

Они смотрели друг на друга в упор.

В конце концов, ей стало не по себе.

— Я знаю, правда на моей стороне, — сказала она. — Ты даже не видел эту школу.

— Где квитанция? — протянул он руку в ожи-

дании.

— Ты не хочешь съездить посмотреть школу? Сделай хоть это.

— Посмотрю, когда поеду забирать чек.

— Вот поэтому я и хочу отдать Грегга, — сказала Вирджиния. — Мы с тобой не…

Она замолчала и судорожно сглотнула. Просто сидела и смотрела на мужа широко распахнутыми глазами. Навернулись слезы, коснулись ее ресниц, сверкнули и задрожали на самых кончиках. Но не более того.

— Я позвоню им сегодня же, — сказал Роджер, снимая трубку. — Чтоб не успели получить деньги по чеку.

Когда оператор ответил, он попросил дать номер школы «Лос–Падрес» в Охае.

— Я уйду от тебя, — сказала Вирджиния.

Повесив трубку, он записал номер в блокнот.

— Почему?

— Я буду посмешищем — да–да. Или это не имеет никакого значения? — В ее голосе появились резкие нотки, но выдержки она не теряла — сказывалась тренировка. — Я, значит, еду туда, устраиваю Грегга в школу, изучаю с миссис Альт разные списки, чтобы купить ему все, что нужно, — метки там на одежду, на всю причем,

лекарства всякие, — я заехала в аптеку и отоварила четыре рецепта, я сама объясняла Греггу, зачем все это нужно, я два раза за один день проехала по этой треклятой дороге, на которой кто угодно убьется, даже ты. Подожди, вот поедешь сам — увидишь, что мне пришлось пережить.

Выдернув из кармана костюма носовой платок, она высморкалась и вытерла глаза.

Роджер снял трубку и набрал номер. Потом попросил соединить с абонентом в Охае. Пока он ждал, Вирджиния спрятала платок, спрыгнула со стола прямо в туфли, схватила сумочку и выбежала из кабинета. Ее каблуки простучали по полу, открылась и захлопнулась дверь.

Телефонные гудки прервал низкий женский голос.

— «Школа в долине Лос–Падрес».

— Я хотел бы поговорить с миссис Альт.

— Это я.

— Меня зовут Роджер Линдал. — И тут он растерялся. — Моя жена… разговаривала с вами сегодня.

— Ах, да. Вирджиния. Они с Греггом нормально доехали?

— Нормально, — ответил он.

— Она сказала, что дорога стала для нее боль-

шим испытанием. — Миссис Альт говорила спокойно, но в ее голосе слышалось участие. — Полагаю, вы только сейчас узнали, что Вирджиния отдала Грегга в школу. Правда ведь? Она мне этого не говорила, но у меня сложилось впечатление, что она сделала это по собственной инициативе.

— Да, — растерянно признался он.

— Она находится в состоянии сильного душевного напряжения, — сказала миссис Альт, — но мне кажется, она знает, что делает. Может, подъехали бы и обсудили ситуацию со мной? Я придержу чек, пока мы с вами не поговорим. Или я могу к вам заехать, если так будет удобнее — я завтра буду в Лос–Анджелесе ближе к вечеру, у меня там племянница живет.

— Я сам подъеду, — сказал он. — Как раз и школу посмотрю.

— Хорошо, — сказала миссис Альт. — Во сколько? Давайте лучше утром.

— В десять, — предложил он.

— Прекрасно. Грегга сможете с собой взять? Чем больше он побудет здесь, прежде чем вы решитесь на что–то, тем лучше. Мне хотелось бы, чтобы он пожил тут с неделю, но через несколько дней начинается семестр, и нам нужно закончить

регистрацию. Ну что ж, увидимся в десять. Если вдруг заблудитесь и не сможете отыскать школу, спросите любого в городе.

В трубке щелкнуло.

В замешательстве он повесил ее на место и встал, чтобы выключить свет в кабинете. Она мастер своего дела, подумал он, надевая пальто. Любому зубы заговорит.

Заперев входную дверь, он заметил, что их «Олдсмобиль» все еще стоит в желтой зоне. Вирджиния не уехала — сидела за рулем и ждала его.

— Я позвонил ей, — сказал он, открыв дверь и садясь в машину. — Поеду туда завтра утром, с Греггом.

Ничего не ответив, Вирджиния завела мотор и выехала из желтой зоны на проезжую часть.

Утром Вирджиния продолжала молчать, тем не менее из дому не ушла. Роджер позвонил Питу, велел ему открыть магазин, побрился, вымылся, надел чистую рубашку, галстук и костюм. Вирджиния ходила по дому крадучись, а перед тем, как они с Греггом собрались выходить, улизнула на кухню, не попрощавшись ни с тем, ни с другим.

— Мама сердится, да? — спросил Грегг, когда

они ехали к шоссе.

— Только на меня, — ответил Роджер.

Ехать по шоссе доставляло ему настоящее удовольствие, он наслаждался каждым отрезком дороги. Проехав поворот, он остановился у придорожного автокафе и заказал пива с жареными креветками себе и яичницу с беконом Греггу.

— Балдежно! — радовался Грегг. — Пап, классно ты тот грузовик обошел! — Он был в восторге от азартной игры, когда переезжаешь с одной полосы на другую. — Помнишь, пап?

Потом они ехали вдоль посадки низкорослых деревьев с шатровыми кронами.

— Видишь вон те деревья? — кивнул Роджер. — Знаешь, как называются? Орех пекан.

От езды у него улучшилось настроение. Когда они проехали ручей и увидели рыболовов, он остановился и вышел из машины.

— Пойдем, — сказал он сыну и повел его по тропе вниз от дороги.

С полчаса они помогали рыбакам. Греггу даже дали подержать удочку и разрешили вытащить из воды рыбу. Рыбка оказалась маленькой замухрышкой, но рыбаки приветствовали улов дружным восклицанием. Один из них заявил, что впервые видит, чтобы рыбу этого вида поймали в

здешних местах округа Вентура. Рыбешку отдали Греггу, завернув в газету. Бросив ее на заднее сиденье, они поехали дальше. Мчались, едва снижая скорость на подъемах и поворотах, чтобы нагнать потерянное время.

— Вот и Оджай, — сказал Роджер, когда горы остались позади.

Грегг хихикнул:

— А мама говорит «Охай».

Они вышли из машины и пошли пешком по дороге из города к школе. Роджер оставил машину в авторемонтной мастерской на тысячемильную смазку — кто знает, сколько миль наездила Вирджиния, не меняя масло.

— Вон школа, — показал Грегг.

Впереди справа начиналась низкая пастбищная изгородь, окружавшая сад. За садом виднелись здания, высокие ели и что–то вроде флага.

— Что ты обо всем этом думаешь? — спросил Роджер.

— Не знаю, — ответил Грегг и замедлил шаг. — Там в клетке опоссум живет. Я его репкой кормил.

Роджер спросил:

— Тебе нравится эта школа? Хочешь здесь остаться?

— Не знаю.

— С мамой и со мной тогда только по выходным сможешь видеться.

Грегг кивнул.

— Хорошая школа?

Иногда Роджер получал ответ на свой вопрос, задав его по–другому.

— Да, — ответил Грегг.

— Ребята хорошие?

— Они еще не приехали.

— А учителя хорошие?

— Вроде да. Джеймс хороший. У него кожа черная–черная. Как у Луиса Уиллиса. Он лошадь подковывал.

Всю дорогу Грегг подробно объяснял, как нужно подковывать лошадь.

Негр, подумал Роджер. Они всюду.

Они вступили на школьную территорию. Дорога стала ровной. Грегг, забежав вперед, кричал ему:

— Эй, пап, я покажу тебе опоссума! Вот он, опоссум!

Вертясь и подпрыгивая, он исчез из поля зрения. Слышен был только его затихающий голос:

— Опоссум…

— Боже, — пробормотал Роджер.

Оставшись один, Роджер занервничал — остановился и потянулся за сигаретами. Пачка осталась в пальто, а оно — в машине — он бросил его на сиденье, когда воздух прогрелся. Оглядевшись, он увидел ступеньки, поднимавшиеся к самому большому из зданий. На террасу вышла худощавая женщина средних лет в очках и джинсах, со схваченными сзади волосами. Она пристально смотрела на него сверху вниз. Роджер сразу догадался, что это миссис Альт и что эту дамочку на мякине не проведешь.

Он совсем испугался. Чего? Как мальчишка, подумал он. Стою и дрожу. Господи, мысленно взмолился он, потея, кажется, я сейчас грохнусь в обморок.

— Эй, пап! — раздался крик запыхавшегося Грегга, резво скачущего с раскрасневшимся лицом. — А можно я на лошади покатаюсь? Можно мне на лошадке покататься? Ну, можно, а? Ну пожалуйста! Джеймс мне разрешил, ну можно мне покататься? — Приплясывая вокруг Роджера, он схватил его за руку и потянул. — Пап, ну пожалуйста! Разреши мне на лошадке покататься. Пап, ну разреши, а! Ну папа же! Давай я на лошадочке покатаюсь, а? Ну пожалуйста!

С террасы наблюдала строгая дама. Лицо и тело

Роджера вспотели под палящим солнцем.

— Пап, ну пожалуйста!

Роджер заметил деревья. По дорожке цокала копытами лошадь. Лошади, подумал он. Черт возьми. Симпатичная. Круп изящный. Пахло сеном, пекло стояло невыносимое.

Вытирая шею, он сделал пару шагов. Пот застилал глаза. Он вытер их. От здешнего воздуха кружилась голова. Запах фермы.

— Глянь, лошадь!

— Да–да, — выдохнул он.

Ферма, все пропахло навозом. И соломой.

Женщина смотрит с террасы. Руки–в–боки. Откуда эта слабость, думал Роджер, что это со мной?

— Роджер! — резко позвала женщина.

Да, отозвался он. Иду. Лошадиная вонь.

Он сделал шаг, еще один. Пожалуйста, произнес он.

Пожалуйста. А вот конюшня. Грязь между пальцами его ног. Куча проволок. Цепь холмов, зеленых, покрытых деревьями.

За конюшней — склон, поросший травой и кустарником, вверху земляной, а внизу каменистый. В воздухе повисла летняя полуденная тишина. На него с писком налетела мошка, он

отмахнулся.

— Пожалуйста! — просил он ее со страхом. — Можно мы пойдем?

Они со Стивеном оба дрожали. Она кивнула.

Они побежали по траве, потом по земле, прочь от нее, от дома, мимо ржавого грузовика. В луже барахтались свиньи. Кабан, стоявший рядом с лужей, насторожился и изготовился спасаться бегством. Сложив уши, он рванулся и, выгибаясь и пыхтя, добежал до самого забора.

Войдя в сарай, они захлопнули дверь и прикрутили проволоку, чтобы никто не открыл, чтобы мать не поймала их.

— Холодно, — сказал Стивен. — Слушай, я ничего не вижу — ты видишь что–нибудь?

Наконец стало чуть виднее.

— Сюда, — сказал он брату.

Они приходили в это безопасное место, где можно было запереться, чтобы посоревноваться, кто дальше пописает.

— Ты первый, — предложил Стивен.

— Давай ты.

— Нет, — Стивен съежился в беспокойстве, прислушиваясь. — Ты же это придумал.

Пол сарая провалился под весом навоза и заплесневелой соломы. В углы были составлены

банки с консервами под заржавевшими крышками. Потоки теплого воздуха, проникавшего сквозь щели в стенах сарая, вертели паука, висевшего в центре паутины.

Встав в конце сарая, он пописал.

— Готово, — доложил он Стивену.

Стивен сделал то же самое. Они замерили расстояние, и оказалось, что он переписал Стивена почти на фут.

— Зато я больше нассал, — заявил Стивен.

— Это не считается.

— Почему? Давай кто больше нассыт.

— Я уже поссал, — сказал Роджер. — И ты тоже.

— Тогда давай сходим попьем.

— Потом долго ждать надо будет.

— Не, — возразил Стивен. — Сразу выйдет. Если молока попить, можно уже через пять минут писать.

От прохлады Роджера потянуло в сон. Он чувствовал себя в безопасности. Это было их место. Здесь можно было ни о чем не беспокоиться. Он упал на джутовые мешки у останков молотилки. В конце концов Стивен последовал его примеру.

— Пойдем на говнотечку, — предложил Стивен.

Так он называл канализационную канаву, про-

копанную вдоль свекольных полей от уборной во дворе. Над канавой висели осы, и можно было половить их. А иногда они со Стивеном перекрывали канаву и строили отводы. Во всяком случае, это было место, где что–то происходило.

Пока они со Стивеном лежали на мешках, сквозь щель между досками в сарай забралась курица.

— Глянь, старая курица, — сказал Стивен.

— Что она тут делает?

Курица, заметив их, развернулась и вылезла обратно.

— У нее, наверно, гнездо здесь, — предположил Роджер. Ему стало интересно. — Слушай, она, наверно, сюда все время тайком заглядывает яйца нести.

Стивен встал.

— Давай поищем его.

Они вместе занялись поисками, но ничего не нашли.

— Может, вернется, — сказал Роджер. — Подождем. Не шуми.

И они с братом долго лежали в темном, сыром, прохладном сарае, на джутовых мешках. По ступне Роджера пробежала мышь, он стряхнул ее. Множество мышей пробегало, шуршало и

попискивало над их головами, в стропилах.

Вдруг курица появилась между досок, закрыв собой солнечный свет. Стивен впился пальцами в руку брата.

Курица подергивала головой, поворачивала и поднимала ее. Потом пролезла через проем и снова оказалась внутри сарая. Торопливо устроившись в углу, она взъерошила перья, прокудахтала победную песнь, подпрыгнула и покинула сарай тем же путем, что пришла.

— Какая–то старая кура–дура, — сказал Стивен. — Несет яйца здесь, чтоб никто не нашел.

Они с Роджером бросились в угол сарая. От сломавшейся опорной балки в земле осталось углубление чуть больше крысиной норы. Земля и кусочки дерева смешались в мягкую массу. Роджер с братом откопали в ней целую кучу яиц, — некоторые потрескались, другие сгнили и потемнели, но были и свежие, белые. Братья стали копать дальше и под слоем яиц нашли еще один слой, совсем старый, в котором яйца были похожи на камни.

Вытащив все яйца и положив их в ряд, они со Стивеном насчитали целых двадцать шесть штук.

Никогда еще ни одному из них не доводилось

найти столько яиц разом. Они сложили их в ведро и отнесли в дом.

Пройдя долгий путь пешком, Роджер Линд ал медленно миновал винный магазин и оказался у дома на Массачусетс–авеню, в котором жил с того времени, как стал распадаться его брак.

В гостиной валялись в беспорядке коробки, чемоданы с вещами и ящики с книгами. Его вещи уже были отделены от вещей Тедди, но вывезти их он еще не успел. В столовой с включенным верхним светом Тедди кормила ребенка. В доме пахло кислятиной от немытой посуды и остатков засыхавшей еды, брошенных в столовой и на кухне. Голый пол был по щиколотку усыпан мусором и безделушками, которыми играла малышка. С дивана, подобрав под себя лапы, на него враждебно взирали две сиамские кошки Тедди.

— Привет, дружок, — поздоровалась с ним Тедди, давая с ложечки гороховое пюре девочке, которая уже успела обслюнявить ее нагрудник, руки и живот. — Посмотри в той комнате лампу и коврики и скажи, нужны они тебе или нет. А то у меня есть кому их отдать.

Свет ослепил его, и он закрыл глаза. Кошки занимали все свободное место на диване. Их шерсть была всюду. Падавший сверху свет об-

нажал серые прожилки царапин и шерсти на дереве серванта. С обеих ручек дивана свисали клочья. Все остальные запахи дома пронизывал застоявшийся едкий дух не выходящих на улицу животных.

Его жена (они еще не успели развестись) протянула руку и выключила радио, работавшее от того же провода, что и верхний свет. «My Devotion» смолкла. Тедди двигалась устало, и ему стало ее жалко: она работала в Министерстве сельского хозяйства, после работы забирала ребенка из яслей, ехала в магазины за покупками, готовила поесть себе и малышке и, конечно же, старалась как–то убрать за кошками. Кошки, подумал он, теперь она еще сильнее привязалась к ним. Кошки свирепо смотрели с дивана, как бы предупреждая: «Попробуй только подойти, и мы растерзаем тебя. Мы знаем, как ты к нам относишься». Кошки сидели, поджав под себя лапы. Они были начеку и держали оборону. Неустанно стояли на страже своей жизни.

— Будь добр, зажги нагреватель, — попросила Тедди.

Взяв с плиты спичку, он зажег газовый нагреватель и открыл дверь в холл.

— Ты передумал? — спросила Тедди. — Хочешь

переночевать здесь?

— Просто зашел кое за чем.

— Как там Ирв и Дора?

— Хорошо.

— Очень любезно с их стороны, что они позволили тебе пожить у них. Где ты спишь? Место там хоть есть? У них ведь всего одна спальня, да?

Он вспомнил, как ребенком написал в детскую радиопередачу: «Дорогой дядя Хэнк! Тут нарисован мой маленький брат Стивен, он спит в пианино».

— Ты можешь ответить мне? — злобно спросила она, повернув к нему свое птичье лицо и в ярком свете люто сверкнув глазами.

А еще он увидел в них голод, и еще страх.

— Мне жаль, что я ухожу, — произнес он.

— А если мне бросить работу и поехать с тобой в Калифорнию? — спросила она вымученно. — Как ты на это посмотришь?

Ее глаза моргали, их внимательный взгляд, от которого ему всегда становилось не по себе, менял направление. Но старая ведьма потеряла над ним власть. Ничто в мире не вечно. Даже камни в конце концов превращаются в пыль. Даже сама земля.

Вначале она была невестой его приятеля Джо

Филда. Джо, он и Ирв Раттенфангер уже несколько лет тихо существовали благодаря программам WPA[145]. Для всех них это была пора полного безденежья. Из фанеры и кафеля они смастерили себе набор ма–джонга[146]. Раз в месяц ходили поесть в итальянский ресторан.

Тедди сообщила:

— Я говорила с адвокатом — тебя могут арестовать за то, что оставил семью и не платишь пособие на ребенка. Стоит мне только слово сказать.

— У меня совсем нет денег.

— Как же ты собираешься добраться до Калифорнии?

— Ну, немножко у меня есть, — сказал он. — Машину у Ирва возьму. — И с гордостью добавил:

---

[145] Примечания: 145

WPA — Управление общественных работ, федеральное независимое ведомство, созданное в 1935 г. по инициативе президента Ф. Д. Рузвельта и ставшее основным в системе трудоустройства безработных в ходе осуществления Нового курса.

[146] Примечания: 146

Ма–джонг (ма–чжан) — азартная игра для 4 игроков; набор для игры состоит из 136, иногда 144 карт–фишек с изображением иероглифов, палочек бамбука, кружочков и цветов; выигрывает тот, кто первым наберет определенную комбинацию карт; появилась в Китае.

— Я достал наклейку «С»[147].

Он уже налепил ее на ветровое стекло рядом со старой наклейкой «В» Ирва. Это давало ему право на такое количество бензина, какое ему будет нужно.

— Почему бы тебе не поехать на автобусе? Не дешевле бы обошлось одному–то? Если колымага Ирва сломается, ты не сможешь ни запчастей найти, ни шин — застрянешь где–нибудь в пустыне. И потом, одному небезопасно. Машина ведь — развалюха. Я один раз на ней ехала. Вот–вот на части разлетится.

— Я хочу вещи перевезти, — объяснил он.

— Что, нельзя контейнером отправить?

Он хотел взять свое имущество с собой — если по пути найдет что–нибудь дельное, можно будет остановиться и обосноваться.

— Если в письмах будешь денег просить, я не буду отвечать, — заявила Тедди. Вытирая ребенку рот мокрой тряпкой, она спросила: — Что будешь делать, когда доедешь? Со мной свяжешься? Может, после того, как найдешь работу на авиа-

---

[147] Примечания: 147

…достал наклейку «С»… — 15 мая 1942 г. Управление по регулированию цен США ввело нормирование бензина на Восточном побережье, а в декабре и по всей стране. Для контроля количества расходуемого бензина выдавались различные наклейки, которые должны были прикрепляться к ветровому стеклу.

ционном заводе под Лос–Анджелесом, а? Там ты хорошо зарабатывать будешь. К тому времени тебе станет одиноко. Я тебя знаю: тебе захочется на кого–нибудь опереться. — Она тараторила ровной скороговоркой, все еще занимаясь ребенком. — Знаю я тебя, змееныш противный. Сам ты не справишься, ты же как дите малое. Так и не вырос. Посмотри на себя — росточком два фута всего.

— Там, где надо, росточек нормальный, — отпарировал он.

— Ты про эту штуку? Найди себе дырку от сучка в дереве — это все, на что она у тебя годится.

Она ткнула в девочку ложкой. Защищаясь, Роза инстинктивно подняла руки и отдернула их.

— На ней только не надо зло вымещать, — сказал он.

На Роджера угнетающе подействовала эта сцена, и он переключил внимание на коврики и лампу. Он оставлял ей все, что она хотела. Их брак продлился пять лет, и за это время у них каких только вещей не накопилось, они заполняли весь дом — полки, шкафы, подвал. Себе он взял прежде всего одежду, наборы гаечных ключей и сверл, гобой, на котором он играл со школьных дней, медные пепельницы, подаренные его род-

ственниками им на свадьбу. И множество разных мелочей: щетку для волос, перламутровые запонки, фотографии, сувениры. И еще одеяла и посуду, чтобы во время поездки можно было поспать и поесть в машине.

— Когда уезжаешь? — спросила Тедди.

— Как только пришлют чек.

Государство затягивало последнюю выплату: несколько месяцев ему платили компенсацию за травму спины, полученную при падении, когда он работал на военно–морском судоремонтном заводе в Ричмонде. Врачи государственного учреждения решили, что он уже выздоровел. Теперь перед ним стоял выбор: вернуться на одно из основных военных предприятий или пойти в армию.

— Давай сходим куда–нибудь, — предложила Тедди. — Проведем этот вечер весело. Может, твой чек завтра придет.

Она убрала детскую еду в холодильник и вымыла руки над раковиной.

— Я переоденусь, и можно сходить на танцы или в кино. Или здесь посидеть — мы ведь в последний раз вместе, давай не будем упускать эту возможность.

Она уже расстегивала блузку и, направившись

к нему, сбросила с себя туфли на низком каблуке. Ее длинные, тяжелые, лишенные блеска волосы, как всегда, свободно свисали и колыхались при ходьбе. У нее был вытянутый, тонкий нос, и, приближаясь, она пристально, по–птичьи глядела поверх него. Ноги у нее были некрасивые, в их форме были видны лишь мышцы да кости. Она шумно шлепала ступнями по полу. Глаза ее блестели, дыхание стало прерывистым.

— Что–то не хочется застолий, — поспешно сказал Роджер. — Я только что из–за стола. — Он вспомнил, зачем пришел сюда, и добавил: — Хочу отнести им бутылку вина, чего–нибудь особенного.

— Можно я с тобой? — задыхаясь, спросила она. — Позволь мне тоже пойти.

— Нет, — отрезал он.

— Ну и черт с тобой, — вспылила она. — Денег от меня не получишь. Тебе же нужна пара баксов, чтобы выпендриться перед ними с вином, правда?

— Я пообещал им.

— Как нехорошо получилось!

На какое–то время оба замолчали. От его близости ее то переполняло изнутри, то отпускало, как будто это бился пульс. С какой бы радостью

она сейчас вонзила в него свои ногти, вцепилась бы в него что есть силы. Руки ее непроизвольно судорожно хватали воздух. Она не отводила от него взгляда.

Оставив Тедди, Роджер вернулся в столовую, где малышка сидела на высоком стуле под лампой. При его появлении болезненное личико ребенка расцвело улыбкой. Неожиданно для себя он решил забрать Розу с собой. А почему бы и нет? Он сел рядом с ней за стол, там, где Тедди кормила ее. Взяв со стола чистую ложку, он медленно помахал ею, и у девочки от удивления открылся рот. От ложки отразился свет, и ребенок радостно загулил. Роджер тоже засмеялся.

Две сиамские кошки глазели на ложку со своего дивана. Их взгляд был полон алчности и ненависти. Ощущая исходящую от них жажду разрушения, он повернулся на стуле к ним спиной.

Глава 3

Женщина на террасе сказала:

— Здравствуй, Грегг. Значит, снова к нам в гости.

— Здравствуйте, миссис Ант, — ответил Грегг.

Он все еще тянул отца за руку.

Спустившись по ступенькам, миссис Альт протянула Роджеру руку:

— Добрый день. Очень рада познакомиться с вами, мистер Линдал.

Он высвободил руку, за которую крепко держался сын.

— Позже, — негромко бросил он ему.

Роджер почти справился со своим смятением и уже мог внимательнее присмотреться к миссис Альт.

— Извините, — сказал он. — Ему хочется покататься на лошади.

Они пожали друг другу руки, и миссис Альт сказала:

— У вас очень яркая супруга, мистер Линдал. Она на всех нас произвела большое впечатление. — Наклонившись, она обратилась к Греггу: — Чем хочешь заняться? В футбол хочешь поиг-

рать с мальчиками? Кажется, они все пошли на футбольное поле. Отвести тебя туда?

— Я знаю, где оно, — сказал Грегг. — Я там вчера был. — Он отбежал на несколько ярдов, остановился и, обернувшись, крикнул: — До свидания! Я — на футбольное поле!

И побежал дальше мимо деревьев, а потом скрылся из виду.

— Он найдет? Не заблудится? — забеспокоился Роджер.

— Он уже на месте. Это сразу за подъемом, — успокоила его миссис Альт.

— Я не знал, что это все ваша территория. Больше на ферму похоже.

— Нуда. Мы стараемся, чтобы дети как можно больше времени проводили на свежем воздухе. У нас есть животные — на самом деле здесь раньше и была ферма. Тут разводили элитный скот. Несколько пенсионеров этим занимались. Имение принадлежало им, а потом один из них умер.

— Там, где я родился, разводят элитных свиней, — поделился с ней Роджер.

— Знаю, я около года прожила на западе Арканзаса, в Фейетвилле.

— Там всюду свиньи, — сказал Роджер.

— Вы выросли на ферме?

— Да.

— Тогда вам здесь, наверно, как… — Миссис Альт засмеялась. — Ну, то есть вам тут все должно казаться знакомым — постройки, запахи. Некоторые родители, принюхавшись, начинают не на шутку сомневаться, может, тут антисанитария какая… Это заметно по тому, как они начинают всюду совать нос.

— По мне, так хорошо пахнет, — заверил ее Роджер.

Сложив руки на груди, миссис Альт сказала:

— Чек вашей жены у меня в кабинете. Если хотите, мы вам вернем его.

— Спасибо, — поблагодарил он.

— Жена рассказала вам, что мы с ней поссорились? И пикировались все время, что она тут пробыла. У нас с ней это сразу началось. По всем мыслимым поводам.

— Простите, что говорю об этом снова, — сказал Роджер, — но у меня магазин. Если вы готовы отдать мне чек, я заберу Грегга и поеду обратно.

Ему не хотелось задерживаться здесь: школа, запах сена, животных и навоза, вид конюшни, земля и засохшая трава — все это слишком подействовало на него.

— Как знаете, — ответила миссис Альт и тотчас

же пошла вверх по лестнице, к зданию.

Держа руки в карманах, он последовал за ней. Директриса шла быстро, и он, отстав от нее, оказался в пустом коридоре, перед ним стоял письменный стол, а дальше был вестибюль. На стуле сидела маленькая девочка и, не отрываясь, читала книгу. Скорее всего, она его даже не заметила.

— Вот ваш чек, — просто сказала появившаяся миссис Альт.

Она отдала Роджеру чек, и он сунул его в карман рубашки.

— Так часто бывает? — поинтересовался он.

— Бывает иногда. Мы относимся к этому спокойно.

Не похоже было, чтобы она злилась, в ней чувствовалось только нетерпение. Видимо, она умеет подходить ко всему безоценочно: ни одобрять, ни осуждать. Наверное, у нее тут забот хватает, в голове приходится одновременно держать много разных дел. Она была не против постоять здесь и поговорить с ним, но поскольку их деловые отношения закончились, ей хотелось поскорее вернуться к ждавшей ее работе.

— Не буду вас задерживать, — сказал он. — Большое спасибо за то, что не… — он сам в

точности не знал, что хотел сказать. — За то, что освободили меня от лишних хлопот.

— В следующий раз все–таки заранее обговаривайте все с женой, — посоветовала миссис Альт, улыбнувшись дружелюбно, но сдержанно. — Приятно было с вами познакомиться. У вас славный мальчик. Надеюсь, астма у него пройдет. Уверена в этом. Он такой живой, любознательный. Ему понравилось смотреть, как подковывают лошадь. Вопросами всех так и засыпает.

Они снова пожали друг другу руки, и он вышел из темного вестибюля на крыльцо. Солнечный свет ударил ему в глаза, и он закрыл их. Привыкнув к свету, он направился туда, где скрылся Грегг.

Роджер пережил потрясение. Эти запахи так ярко напомнили ему о брате. Вдруг с ужасающей силой возникла иллюзия, что брат рядом, что его одиночество закончилось. Прелое сено, конюшня, сухая крошащаяся почва… Прямо перед ним, под рукой.

«Стивен», — произнес он.

Разбитые, отвердевшие яйца. Черные трещины, источающие запахи и слизь. Ведро нес он.

— О боже! — воскликнула его мать. Голос у нее был звонкий, твердый. — Это еще что? Уберите

это с кухни, и не надо приносить сюда всякую дрянь.

Мы сохранили эти яйца. Двадцать шесть штук.

Два разбились.

По двору носится старая наседка: ищет в сарае и рядом с ним. То внутрь заскочит, то выскочит между досками.

Смешно.

Встал мужчина на вид лет тридцати, что–то сказал женщине, сидевшей рядом, вышел на поле, взял мяч и тщательно построил ребят.

— Джерри, ты стань сюда. Уолт, ты сюда. Тебя как зовут? Грегг? Становись сюда, Грегг. Майк, туда. Все, хорошо. Готовсь! — Сам мужчина приготовился выбросить мяч между широко расставленных ног. — Начали! — крикнул ой.

Мяч пролетел несколько ярдов и упал в траву. Дети с воплями бросились к нему, вытянув руки и изготовившись хватать пальцами.

Мужчина, улыбаясь, прошел упругой походкой с футбольного поля обратно, к своим спутникам.

К полю вниз по склону вела тропа. Роджер пошел по ней и оказался недалеко от того места, где сидели взрослые. Они заметили его. Одна из женщин вытянула шею, чтобы рассмотреть его получше, потом все разом повернулись в его

сторону.

Не обращая на них внимания, Роджер смотрел на детей. Учителя, решил он. Его положение тут не из лучших. Он на чужой территории. Грегг не имеет права носиться по их футбольному полю, играть их мячом. От этого он чувствовал себя неловко. Хотелось забрать Грегга и немедленно уехать.

Но для ребенка место отличное. С этим не поспоришь.

Он так и стоял один, беспокойно глядя на детей, пока, наконец, один из взрослых не встал, перебросившись несколькими словами с сидевшими, и не подошел к нему.

— Вы ведь мистер Линдал? Отец Грегга?

— Да, — ответил он.

— Я — Ван Эке. Преподаватель арифметики.

Учитель пожал ему руку. Держался он покладисто, непринужденно — вероятно, это было профессиональное. Он, как и другой учитель, был одет в спортивную гавайку с короткими рукавами и легкие брюки. Оба они и еще три женщины тут отдыхали. Все приветливо улыбались Роджеру. У них был с собой переносной радиоприемник, настроенный на популярную музыку, и поднос с кувшином и стаканами.

— Присоединяйтесь к нам! — предложил Ван Эке. — Ваша жена тоже здесь? Я познакомился с ней вчера, когда она приезжала с Греггом. Мы даже пообедали вместе.

— Они были не вдвоем, — вставила одна из женщин, и все засмеялись. — Миссис Альт тоже с ними обедала.

Роджеру ничего не оставалось, как подойти к ним вместе с Ван Эке. Учитель арифметики представил его всей компании.

— Это миссис Макгиверн, преподаватель естественных наук. Мисс Тай, преподает у нас английский и физкультуру. А это мистер и миссис Боннер. Родители, как и вы. Их дети там, вместе с вашим.

— Мы — рангом ниже. Сначала идут учителя, потом родители, — пошутила миссис Боннер.

— А потом дети, — добавил ее муж.

— Они на нижней ступени иерархии, — сказал Ван Эке.

— А как же опоссум?

— Виноват, на нижней ступени — он.

Ван Эке поинтересовался:

— Миссис Линдал тоже приехала?

— Нет, — сказал Роджер, неловко присев рядом. — Только я и Грегг.

— Сколько лет вашему мальчику? — спросила миссис Боннер.

— Семь с половиной. — ответил он и добавил: — Он у нас ростом пока не вышел.

— Вот побудет здесь — подрастет до шести футов и выше.

И снова все засмеялись, кроме мистера Боннера, внимательно изучавшего его. Все казались открытыми, добродушными, кроме, пожалуй, Боннера. Но Роджер ощущал все большую неловкость. Ему придется рассказать им о своей ситуации и выставить себя в дурацком свете.

Учителя продолжили беседу, наблюдая за игрой детей. Мистер и миссис Боннер были приблизительно его возраста, старше учителей, которые походили скорее на студентов колледжа. Ван Эке точно еще не было тридцати. У мисс Тай было бесцветное мягкое лицо. Она, скорее всего, получила диплом сразу после войны. Из всех учителей миссис Макгиверн казалась самой опытной и зрелой. У Боннера были пухлые волосатые руки, розовое лицо, редеющие, но вьющиеся волосы. Рядом с ним сидела его жена, положив руки на подтянутые колени и вертя пальцами травинку. В отличие от учительниц, сидевших в джинсах, она была в юбке и блузке. Благодаря ленточке в

волосах она выглядела моложе мужа и учителей, но когда подняла взгляд, Роджер понял, что ей за тридцать. У нее было привлекательное круглое лицо и хорошие глаза. Глаза ему понравились.

— Это с вами я должна договориться о мальчике? — спросила она.

— Вряд ли, — ответил он.

— Миссис Альт что–то такое говорила о том, что я могла бы подвозить вашего мальчика по выходным.

— Мне об этом ничего неизвестно, — признался Роджер.

— Может, речь шла о ком–то другом, — предположила миссис Боннер, подбросив травинку и поймав ее. — Я думала, она говорит о вас. Надо будет спросить у нее. — Она обратилась к мужу: — Разве она не «Линдал» сказала? По–моему, «Линдал».

— Насколько я помню, — вставил Ван Эке, — об этом говорила миссис Линдал. Во время обеда. Мол, ей это неудобно.

— А, да, это миссис Линдал была, — подтвердила миссис Макгиверн.

Все в ожидании повернулись к нему.

— Прошу прощения, — сказал Роджер, — мне она об этом ничего не сказала.

Боннер повернул руку внутренней стороной и взглянул на часы. Густо поросшее волосами запястье было перехвачено темным кожаным ремешком.

— Сходи–ка лучше, Лиз, да спроси у нее. Нам уж уезжать скоро.

— Она, наверное, наверху, у себя в кабинете, — подсказала миссис Макгиверн.

— Пойду, узнаю все–таки, о ком был разговор, — согласилась Лиз Боннер. — Она говорила, что хочет сегодня это уладить.

Взяв сумочку, она легко встала и пошла вверх по тропинке. Пройдя половину пути, она оглянулась и сказала:

— О ком–то ведь шла речь.

И скрылась из виду.

«Поеду–ка я отсюда», — решил Роджер. Окружающим он сказал:

— Приятно было со всеми познакомиться. Может быть, еще увидимся. — Он поднялся. — Пора возвращаться в Лос–Анджелес.

— Грегга вы сегодня оставляете? — спросил Ван Эке.

— Нет, на неделе, — ответил он и, не оглядываясь, пошел к полю. — Грегг! — позвал он. — Пора ехать домой.

— Еще чуть–чуть! — прокричал Грегг. — Пожалуйста, еще немного, ладно?

Повернувшись к нему спиной, мальчик исчез среди детей.

Роджер разозлился и прикрикнул:

— Ну–ка, быстро сюда!

Догнав сына, он схватил его за запястье и потащил прочь от других ребят. Грегг удивленно и обиженно заморгал, потом его расстроенное лицо сморщилось, он открыл рот и громко заплакал. Остальные дети притихли: все смотрели, как Роджер уводит сына с поля.

— Подожди, я тебе еще задам, — пригрозил Роджер. — Я тебя так выпорю, навсегда запомнишь. Я не шучу.

Грегг споткнулся и чуть не упал. Роджер поднял его и пошел дальше, вверх по тропинке. Земля скользила и осыпалась у них под ногами, вслед за ними летел вниз целый поток комьев вперемешку с травой и камнями. Взрослые молча наблюдали.

Сквозь слезы и рыдания Греггу удалось сказать:

— Пожалуйста, не надо меня пороть. — Его лишь раз в жизни наказали физически. — Прости меня, я больше не буду. — Он, очевидно, очень

смутно понимал, что же такое он натворил. — Пожалуйста, папочка.

Школьные здания остались позади, и они добрались до дороги, которая вела обратно в город.

— Ладно, — смягчился Роджер, — пороть не буду.

Его гнев и тревога начали ослабевать.

— Но в следующий раз чтоб слушался меня. Понял, нет?

— П–понял, — пробормотал Грегг.

— Ты же знал, что я тебя жду.

Грегг спросил:

— А когда мы сюда вернемся?

— О, боже, — в отчаянии выдохнул Роджер.

— Может, завтра вернемся?

— Сюда ехать очень далеко.

— Я хочу сюда вернуться, — настаивал Грегг.

Они с трудом тащились по дороге. Роджер держал сына за руку. Оба вспотели, оба молчали.

«Ну и попал, — подумал он. — Все вверх дном».

— Мама сказала, можно будет, — сказал наконец Грегг.

— Далеко очень.

— Ничего не далеко.

— Далеко, далеко, — настаивал Роджер. — И слишком дорого. Так что хватит об этом.

Казалось, этому пути не будет конца, обоим становилось все хуже, оба уже не понимали, где они и что тут делают. Оба ничего перед собой не видели — просто поворачивали, куда вела дорога. Спустившись, они остановились: Грегг наклонился, чтобы завязать шнурок.

— Я куплю тебе содовой, — предложил Роджер.

Сын только шмыгнул в очередной раз носом и, даже не взглянув на отца, встал и пошел дальше.

— Ну и ладно, — сказал Роджер. — К черту все.

Они вошли в город, сначала шли по жилому району, потом вошли в деловую часть.

— Посмотри, там парк, — показал Роджер. — Хочешь, в парк сходим?

— Нет, — ответил Грегг.

В авторемонтной мастерской Роджер забрал машину, оплатил счет за смазку и задним ходом стал выезжать на улицу. Сын рядом ерзал на сиденье.

— Мне в туалет надо, — буркнул Грегг.

Дернув ручной тормоз, Роджер открыл дверцу машины и помог сыну выйти, чтобы вернуться в мастерскую. Он оставил машину и отвел Грегга в туалет. Когда они вернулись, машины на месте не было.

— Кто–то угнал, — предположил Грегг.

— Да нет, — сказал Роджер, оглядываясь в поисках кого–нибудь из персонала. — Где моя машина? — спросил он. — Я оставил ее здесь с заведенным двигателем.

— Наш работник припарковал ее на той стороне улицы, — ответили ему. — Она въезд перегораживала. Вон там, видите?

Он показал в сторону, где они увидели свою машину — она стояла через улицу, у почтового ящика.

— Спасибо, — поблагодарил Роджер.

Переждав на переходе поток машин, они пошли на другую сторону. В это время рядом с ними остановился «Форд–универсал», и женский голос окликнул его:

— Мистер Линдал, подождите, пожалуйста, минутку!

Затем «Форд» отъехал, повернул направо и резко затормозил у тротуара. Роджер не понял, кто это: рассмотреть женщину он не успел, а голос не узнал. Машину эту он видел впервые.

Дверь автомобиля распахнулась, из него выскочила Лиз Боннер, заперла машину и спешно пошла навстречу Роджеру и Греггу.

— Послушайте, — запыхавшись, начала она, — вы спешите в Лос–Анджелес? Не можете задер-

жаться еще на пару мину!? Миссис Альт сказала, что вы передумали и решили не оставлять Грегга в школе. Почему? Что случилось? Вы же собирались? Из–за кого это? — Подойдя совсем близко, она серьезно и пристально смотрела на Роджера. От нее пахло солнцем, тканью и испариной. — Это из–за того, что мои мальчики наскочили на него, когда играли в мяч? Чик — мой муж — говорит, это из–за того, что вы видели, как мы кричали на него, и это вас разозлило. Это правда?

Он чувствовал себя последней сволочью.

— Нет, — ответил он, — я принял решение раньше. С вами это никак не связано.

— Да? — Видно было, что она не верит ему. — Точно? Но вы же привезли его сюда, ехали аж из Лос–Анджелеса. А ваша жена договорилась, чтобы я забирала его в выходные. Потом, они с Эдной составили списки вещей, которые ему надо привезти. Кажется, ваша жена даже заплатила ей за первый месяц. Ничего не понимаю. Эдна, по–моему, расстроилась, из нее ничего членораздельного не вытянуть. — Тут словесный поток миссис Боннер иссяк. Она потянула за бретельку платья и, кажется, поняла странность своего положения. — Боже, это, наверное, глупо, — пробормотала она. — Что–то я разошлась. Ну, как бы

то ни было, мы хотели как лучше.

Ни он, ни она не знали, что делать дальше.

— Привет, — сказала Лиз Боннер Греггу и ласково убрала ему челку со лба.

— Здравствуйте, — ответил Грегг.

— Как вы поедете в Лос–Анджелес? — спросила Лиз Боннер. — Ах, у вас машина. Значит, вас не надо подвозить.

— Спасибо, — сказал он.

— Что ж, жаль. А школа хорошая. Может быть, в другой раз. — Она как–то нерешительно улыбнулась. — Рада была с вами познакомиться. — Помедлив, она сказала: — Мы–то подумали… Мы подумали, что вы новенький родитель и у вас было идеалистическое представление о школе, и вот вы привозите сюда вашего мальчика, а тут — мы. И мы все испортили. — Она пожала плечами. — Не знаю уж как. И мы подумали, что Эдна из–за этого разозлилась. Из–за того, что мы испортили все. Ну, может, увидимся. Когда–нибудь.

Она поспешила к своей машине, отперла дверь, села и, внимательно посмотрев на поток автомобилей, поехала в сторону школы. Ее «универсал» нуждался в мойке: он был покрыт слоем пыли и дорожной грязи. Автомобиль быстро исчез и снова показался на склоне при выезде из городка.

Роджер и Грегг смотрели, как его серый силуэт взлетает вверх по холму, по которому они недавно плелись вниз.

— Мы могли бы поехать вместе с ней, — сказал Грегг.

Они сели в свой «Олдсмобиль». Двигатель работал. Служащий автомастерской не стал его выключать.

— Обратно в Эл–Эй, — вздохнул Роджер.

Рванув от тротуара, он двинулся в направлении, противоположном тому, в котором ехал красный «Форд–универсал».

— Ну и дела, — сказал он Греггу. — Ты когда–нибудь видел что–то подобное?

Ехал он медленно, держа руль обеими руками. «И как же я в это влип? — спрашивал он сам себя. — Как вообще можно попасть в такое положение?»

Яркий свет ослеплял его — солнце било прямо в глаза. И так предстояло ехать весь обратный путь.

«Господи, — думал он. — И так все плохо дома. Не надо делать еще хуже, пожалуйста, не надо».

Глава 4

В субботу, ближе к вечеру, когда Вирджиния шла от автобусной остановки домой в северо–восточной части Вашингтона, к тротуару подъехал старый, обшарпанный автомобиль. Окно опустилось, и ее окликнули.

Сначала она подумала, что это Ирв Раттенфангер: это был его «Бьюик» 34–го года, только нагруженный ящиками и коробками. Приваренный к крыше багажник тоже был завален вещами. Затаив дыхание, она остановилась и узнала Роджера Линдала, который целиком прикончил ее бутылку вина на давешнем застолье у Раттенфангеров. Ему едва хватало места на переднем сиденье среди коробок. Радостно помахав ей рукой, он припарковался, выскочил из машины, обежал ее и прыгнул на тротуар. Он был сегодня весел, но Вирджиния насторожилась. Как только она узнала его, внутри возникло одно из тех иррациональных дурных предчувствий, что коренятся в детских переживаниях и опыте жизненных неудач.

Она поздоровалась с ним и заметила:

— Ты прямо сияешь сегодня.

— Только что получил чек от государства, — радостно сообщил он. — Я тут катался вокруг — девушка, с которой ты снимаешь комнату, сказала, что ты вот–вот придешь домой. С работы возвращаешься? — Он потащил ее к своей машине. — Садись, подвезу до дома.

— У тебя же совсем нет места, — сказала она с сомнением.

— Найдется. — Открыв дверь, он показал ей место рядом с водительским, которое он заблаговременно освободил от коробок. — Слушай, я в Калифорнию еду.

Она невольно заинтересовалась.

— Вот на этом?

— Выезжаю сегодня, поздно вечером. Уже погрузился, и у меня есть наклейка «С». Ой… — Он замолчал, и его лицо стало серьезным. — Слушай, я не смогу выехать, пока не схлынет движение. Не хочешь проехаться со мной?

На секунду она подумала, что он предлагает ей буквально проехать с ним какое–то расстояние в его перегруженной машине, чтобы просто проверить, как будут работать передачи и двигатель — такой пробный прогон.

— Ну, в смысле, давай прокатимся в парк Рок–Крик или еще куда–нибудь. На пару часиков. —

Он вскинул руку и внимательно посмотрел на часы. — Еще только три часа.

— Ты что, действительно собрался уезжать?

— Нуда.

Его лицо засветилось улыбкой и словно разгладилось.

— Ты так и не вернулся, — сказала она. — На вечеринку.

— Я позже пришел, — рассеянно ответил он. — После того, как ты домой ушла. — Он переминался с ноги на ногу. — Ну так что? Там вроде звери живут, в вольерах. Я один раз ехал через этот парк.

И ни слова о вине, которое он поклялся вернуть. Почему–то она была уверена, что он никогда этого не сделает.

— Ну, давай, — согласилась она.

Она жила недалеко от парка, и ей нравилось бродить там, особенно у реки. Место знакомое, и ей было не так страшно. Да и, в конце концов, он дружит с Раттенфангерами. У него даже их старый безобидный автомобиль.

Когда они сели в машину, двери едва закрылись. Ей пришлось поставить на колени картонную коробку с одеждой. Его манера вождения сначала напугала ее: он стремительно срывался с места у светофоров и, не сбавляя скорости, поворачивал

на углах. Но делал он это умело.

— Что за чек? — спросила она, не придумав, о чем еще заговорить.

— Компенсация, — сказал он. — От Дядюшки Сэма.

— А–а. — Она вспомнила о своей собственной работе в вашингтонских военных госпиталях. — Ты был в армии?

— Да, — кивнул он. — Получил ранение на Филиппинах. — Он бросил на нее взгляд и сказал: — Мы дрались с япошками, меня схватили с группой партизан и увезли на подводной лодке.

— Куда тебя ранило?

— В ногу, — сказал он. — Японский пулеметчик прострелил кость навылет. Но я убил его — филиппинским метательным ножом.

Роджер снова взглянул на нее, и Вирджиния поняла, что это выдумки.

— Врешь, — сказала она.

— Нет, правда. У меня там серебряная пластина.

— Покажи.

— Она внутри. Прижилась. — Его голос звучал как–то особенно, глухо.

— Я работаю с ранеными военными, — не поверила Вирджиния. — Ты не смог бы так хорошо

ходить.

Роджер хотел было возразить, но передумал. В нем появилось что–то лукавое, грубовато–проказливое, и она невольно попала под его обаяние. Но он не признавался, что соврал: только кивал головой.

— Мне нужно заправиться, — сказал он, когда они въехали в деловой район.

Не произнеся больше ни слова, он свернул с улицы и пронесся мимо насосов автозаправочной станции «Тексако», затем сдал задним ходом к эстакаде для заправки смазкой и выключил двигатель. Неожиданно, не покидая машины, он вдруг разговорился — торопливо, сбивчиво и нервно:

— Был у нас молочник, и мы иногда прикрепляли на крыльце записку, ну, кнопкой к двери прикалывали, чтобы он не оставлял нам в этот день молока. Как–то раз я выглянул в окно и увидел, что он на крыльцо не поднимается: раз висит записка, он просто дает газу и отъезжает, чтоб время зря не терять. И я стал писать разное. Напишу, например: «Оставьте четыре галлона сливок, шесть фунтов масла и шесть пинт молока», вывешу такую записку, а он выглянет из окна своего грузовика — и газу. А в один прекрас-

ный день приехал новый молочник, поднялся на крыльцо, прочитал записку, ну и выгрузил все это дело. Масла, сливок и молока на двадцать долларов. И еще кварту апельсинового сока.

Роджер замолчал.

— Когда это было? — спросила она. — Когда ты был маленький?

— Да, — ответил он.

И опять Вирджиния почувствовала, что он увиливает. Ведь даже в ее детстве — а она была моложе его — молоко развозили на лошадях. Она помнила, как цокали копыта на рассвете, когда все еще спали. Но, может быть, в другом городе было по–другому, предположила она.

— Кажется, Дора говорила как–то, что ты женат.

— Господь с тобой! — казалось, ужаснулся он.

К ним, вытирая руки тряпкой, подошел служащий заправки в коричневой форме.

— Вам помочь?

— Будьте добры, можно на пару секунд воспользоваться вашим гидравлическим домкратом? — попросил Роджер.

— Зачем?

— Потому что моим бамперным домкратом весь этот груз — да еще на багажнике — не под-

нять. — Теперь его голос звучал подобострастно, унизительно угодливо — такого ей не приходилось слышать никогда. — Ну пожалуйста, будьте хорошим парнем.

Служащий пожал плечами и отошел. Роджер тут же выскочил из машины и помчался за гидравлическим домкратом, который успел заметить ранее. Вскоре он вернулся, таща его за собой.

— Хочу поставить запасную шину на заднее левое, — пояснил он Вирджинии. — Всего пару секунд, ладно?

Домкрат скрылся под автомобилем. Она открыла дверь и ступила на тротуар.

Стоя на четвереньках, он подталкивал домкрат под заднюю ось. У Вирджинии возникла странная уверенность в том, что, как бы глупо это ни казалось, он проделывает все это специально для нее, а не потому, что ему действительно нужно заменить шину. Таким косвенным образом он хотел что–то донести до нее.

Может быть, он так демонстрирует свое мастерство, подумала она. И хотя Вирджиния не очень в этом разбиралась, даже для нее было очевидно, что у Роджера не очень хорошо получалось: сначала он не мог установить домкрат на пра-

вильном месте, потом долго пытался разобраться, как работает сам домкрат, и, наконец, когда задняя часть машины начала подниматься, никак не мог снять колпак. Поискав вокруг, он нашел отвертку, принадлежавшую заправке «Тексако». Действуя ею как рычагом, он сковырнул колпак, и тот лязгнул о землю. Тем временем подошел служащий. Вместе с Вирджинией он стоял и молча скептически наблюдал за происходящим. Ей было приятно, что работник станции стоял рядом и был того же мнения, что она.

Роджер тем не менее не терял бодрого расположения духа. Он орудовал гаечным ключом и бросал на землю рядом с собой одну за другой гайки, болты и что–то еще. Колесо, наконец, отвалилось. Он прислонил его к крылу и поднял запасную шину, чтобы поставить ее. Сгорбившись над своими худыми коленями, потея и кряхтя, он бился, пока работник не пришел все–таки ему на подмогу. Когда первый болт был прикручен, работник удалился, и Роджер закончил работу сам. Радостно повернувшись к ней, он спросил:

— Как ты считаешь, доеду я до Калифорнии?

— Думаю, доедешь, — ответила она.

Он поблагодарил работника — уж слишком

расшаркивается, подумала она, — и вскоре они снова были в пути. Роджер рассказывал какую–то длинную историю, случившуюся с ним и Ирвом в тридцатые годы, но она не слушала, а размышляла, пока вдруг не поняла: заменой шины он хотел показать ей, что не способен добраться до Калифорнии, что его на это не хватит. Может быть, он даже сам не осознавал этого.

Вместе с этой мыслью на Вирджинию волной накатило новое чувство, что–то похожее на нежность. Теперь ей стало ясно, что из него можно лепить все, что угодно. Сидя за рулем собственного автомобиля, он ждал указаний от нее: на самом деле он вез ее не в парк Рок–Крик. У него не было никакой конкретной идеи, никакого плана, только желание быть с ней. И так он ехал, поворачивал, ждал перед светофорами, непрестанно болтая, но так ничего и не сказав по сути. А ведь он скрывает все хоть сколько–нибудь важное о себе, подумала она. Задавать ему прямые вопросы бесполезно, потому что в ответ она услышит выдумки, небылицы, как про его подвиги на Тихом океане. Но он делал это не для того, чтобы произвести на нее впечатление, он не хвастался, а просто заполнял паузы.

В целом она нашла его милым. Ну и пусть несет

околесицу. Ее от этого не убудет.

— У тебя есть знакомые в Калифорнии? — спросила она.

— Есть, — ответил он. — У меня полно приятелей на Побережье, в районе Лос–Анджелеса. Там сейчас все развивается, можно хорошо заработать.

— Ты там бывал?

— Ну конечно.

— А я ни разу.

— Я отвезу тебя.

Она ничего не ответила. А он не стал повторять. Но после этого она вдруг снова почувствовала то же, что и при первой встрече с ним, когда обнаружила, что он выпил вино, принесенное ею на вечеринку.

— Тебе стоило бы повидать кого–нибудь из этих воевавших, — сказала она, дрожа от какого–то смутного внутреннего возмущения; ее почти трясло. — Страшные ожоги, раны. Их заново нужно учить двигать ногами и руками, как детей, им все нужно начинать с нуля. Те, кто там не побывал, просто не понимают, как это ужасно. И они поступают каждый день, их толпами привозят с разных тихоокеанских островов. Люди смотрят кинохронику, а там показывают только, как пуш-

ки стреляют да высаживаются войска. Никто не видит всей этой жути, каково это на самом деле. Кажется, что это увлекательно, как рассказы о приключениях. Как то, о чем пишут в журналах. Материалы тщательно отбираются.

— Так и есть, — согласился он, но как–то вяло. — Здесь, в Штатах, у людей странное представление обо всем этом.

— Я вижу их каждый день, — сказала Вирджиния, и после этого нечего больше было сказать.

Но она позволила ему покатать ее. Прежде всего ей было любопытно узнать, правда ли он собирается уехать этим вечером или же вся эта история с Калифорнией взбрела ему в голову как оправдание нагруженной машины. Может, он просто переезжает с одной квартиры на другую, подумала она. Или перевозит эти коробки и тюки на хранение к Раттенфангерам. То, что он куда–то перемещается, было очевидно по тому, как он неслышно расхаживал без обуви по квартире Раттенфангеров, роясь в их шкафах, по тому, что купил их автомобиль и везет свои пожитки. Может быть, ей попался бродяга, странствующий в поисках работы? Девочкой, когда она росла в Мэриленде, она видела, как мать прогоняла бомжей от парадных ворот — случалось, что они

проникали во двор, чтобы съесть свой сэндвич и выпить кофе, спрятавшись на ступеньках черного хода, и потом продолжить свои скитания. Однажды какой–то бродяга оставил недоеденный сэндвич, и мать велела ей немедленно выбросить его в мусорный бак и вымыть руки. Вирджиния скормила сэндвич собаке.

Ну да, он бродяга, решила она. Но образ бродяги слился в ее представлении с веселым лицом Тома Сойера, отправляющегося в путь с узелком на палке через плечо, уместив все свое имущество в — что же это было? — красный носовой платок, такой большой, из тех, которыми пользовались нюхальщики табака. Танцующего на дороге… С голубыми глазами и открытой улыбкой. Поющего, болтающего, мечтающего, скачущего на одной ноге.

И, между прочим, собака не сдохла. Вирджиния глаз с нее не спускала, опасаясь, не подложил ли бомж в сэндвич яду. Или она боялась микробов? Давно это было, уже точно и не вспомнишь.

Обложенный коробками, Роджер Линдал продолжал что–то рассказывать. Она стала слушать. Речь шла о телевидении. В послевоенном мире телевидению суждено превратиться в гигантскую индустрию, и Роджер увлекся телевизионной

электроникой и конструированием. Одному его приятелю, имени которого он не назвал, удалось создать развертывающее устройство с увеличенным количеством строк — или с уменьшенным: ей было не уследить за ходом повествования, потому что Роджер тараторил взахлеб, торопясь дойти до конца истории. Он говорил сбивчиво, с жаром, задыхался, как будто ему приходилось бежать, чтобы донести до нее свои мысли, словно ему только что явилось нечто удивительное. Ей представилось, как он спешит куда–то по снегу, как его ноги–жерди отмеряют версты по полям Мэриленда. В ее воображении этот худой суматошный человек стал частью пейзажа, проплывавшего мимо них в окнах автомобиля. Приглядевшись, Вирджиния обнаружила, что он завез ее в центр города, недалеко от Приливного бассейна, и, встрепенувшись, радостно ахнула. Он тотчас замолчал, как будто его выключили. Для нее в Приливном бассейне и здешних деревьях было что–то таинственное; они сохраняли в самом центре города атмосферу сельской местности, как бы показывая, что здешний ландшафт нельзя вытеснить окончательно. По правде говоря, она побаивалась этого места: здесь, у морского побережья, суша была изрезана водными путями

и заводями, все здесь было: каналы, реки и ручьи, сам Рок–Крик и, конечно же, Потомак. Когда она оказывалась на берегу Потомака, поток воды совершенно уносил ее из настоящего времени в другую реальность: река и современный мир в ее представлении были несовместимы.

Берега Потомака заросли жестким, как щетка, кустарником; суша, не обрываясь, гладко подходила к самой воде. Река, разливаясь, добиралась до корней деревьев. Даже птицы планировали на уровне глаз летя в сторону Атлантики или на запад, в глубь лесов. Когда–то она бегала по берегу заброшенного канала, шлюзы которого были закрыты уже лет сто. Деревянные балки разрушались водорослями, а в запертой воде сновали тысячи крошечных рыбок. Они тут и родились, решила она тогда, вглядываясь в воду с высоты. Каким глухим было это место, даже тогда. Заброшенным. Теперь здесь водились только самые прожорливые живучие существа: сойка, крыса, рулившая на плаву хвостом. И все они были беззвучными, кроме разве что сойки, да и та, прежде чем крикнуть из зарослей ежевики, должна была удостовериться в своей полной безопасности. Вирджиния шла с матерью по треснувшим доскам канала. Когда они дошли до

железнодорожного пути — его скрывала трава — и наткнулись на шпалы, мать разрешила ей идти по колее: поезда не ходили, или их было совсем мало. А если бы и появился поезд, она услышала бы его за час. Рельсы шли под корявыми деревьями, а потом пересекали ручей. Вода под эстакадой была грязно–коричневой, мутной, застойной.

— Если появится поезд, — говорила мать, переводя Вирджинию через эстакаду, — можно будет прыгнуть в воду.

Ступая широкими шагами, мать довела ее до другого берега. Там снова пошли деревья.

— Здесь воевали, — сказала мать.

Тогда Вирджиния очень смутно понимала это — ей было восемь или девять лет. Она представляла себе какую–то войну, без людей, какие–то бои в кустах ежевики. Потом мать рассказала ей о Потомакской армии. Один из дедов сражался в армии Макклеллана в долине Шенандоа. Ее они увидели тоже: горы Голубого хребта и саму долину. Они проехали всю долину на машине. Горы высились островерхими конусами, каждый стоял отдельно от других. Можно было видеть машины на их склонах, взбиравшиеся по серпантину к вершинам. Она боялась, что ее тоже туда повезут. Через некоторое время так и случилось.

В свое время семья ее матери перебралась в эти места из Массачусетса, и, когда они ехали через долину, лицо матери оставалось невозмутимым, но глаза как–то жутко потухли. Она молчала всю дорогу. Все вокруг были в восторге от поездки, от полей за окном, от развернутых на коленях карт, от соков и лимонадов, и только мать сидела, отгородившись ото всех молчанием. Отец же притворялся, что ничего не замечает.

Мать все–таки поселилась в Мэриленде, купила двухэтажный каменный дом с камином и стала считать себя принадлежащей к местному сообществу. Город оказался спокойным. На закате по улицам маршировал оркестр из Учебного манежа Гвардии. Его шумно приветствовали дети, в том числе и Вирджиния. Мать же оставалась дома — читала в очках, куря сигареты. Это была довольно полная, но крепкая уроженка Новой Англии, которая жила в городе южанок — все они были ниже ростом, говорливее и куда громогласнее. Вирджиния помнила, как голос матери перекрывался резкой речью мэрилендцев, и за те почти двадцать лет, что они прожили в Мэриленде, вплоть до этой осени 1943 года, манеры и привычки матери нисколько не изменились.

— Давай остановимся, — предложила она Род-

жеру Линдалу.

— Это Рефлекшн–Пул[148], — сообщил он ей.

Она засмеялась, потому что он ошибался.

— Это не он.

— Ну как же. Вон, там вишни растут. — В его глазах приплясывал невинный огонек лукавства. — Он самый.

Он убеждал ее, дружески просил поверить ему на слово. Да и какая разница?

— Ты будешь моим экскурсоводом? — улыбнулась она.

— Ну да. — Он напыжился, но продолжал поддерживать шутливый тон. — Так и быть, покажу тебе эти места.

Это место, Приливной бассейн, принадлежало ей. Частица ее детства жила здесь. И она, и ее мать любили Вашингтон. После смерти отца они ездили сюда вдвоем, обычно на автобусе, шли по Пенсильвания–авеню к Смитсоновскому институту или Мемориалу Линкольна, гуляли у Рефлекшн–Пула или вот здесь, особенно часто здесь. Они приезжали в столицу на цветение сакуры, а как–то раз были на катании крашеных яиц на лужайке перед Белым домом.

---

[148] Примечания: 148

Рефлектинг Пул в Вашингтоне.

— Катание яиц, — произнесла она вслух, когда Роджер припарковался. — Его, кажется, отменили?

— На время войны, — сказал он.

И еще… девочкой, когда был жив отец, ее привозили посмотреть парад, на котором проходили маршем ветераны Гражданской войны — она видела их, хрупких, высохших стариков в новенькой форме; они шли, или их везли в инвалидных колясках. Глядя на этих людей, она вспоминала про холмы, ежевику на берегу Потомака, заброшенную железнодорожную эстакаду, сойку, беззвучно пролетевшую мимо нее. Как таинственно это было!

Гуляя, оба они продрогли. Поверхность Приливного бассейна покрылась рябью, с Атлантики принесло туман, и все посерело. Деревья, конечно, уже отцвели. Земля проседала под подошвами, кое–где дорожку покрывали лужи. Но пахло приятно: она любила туман, близость воды и запах земли.

— Холодновато, однако, — поежился Роджер.

Медленно шагая по гравию, засунув руки в карманы и опустив голову, он пинал перед собой камешки.

— Я привыкла, — сказала она. — Мне нравится.

— Твоя родня здесь живет?

— Мать, — ответила она. — Папа умер в тридцать девятом.

Он понимающе кивнул.

— У нее дом в Мэриленде, недалеко от границы. Я вижусь с ней только по выходным. Она почти все время у себя в саду работает.

— Выговор у тебя не мэрилендский, — заметил Роджер.

— Да, — согласилась она, — я родилась в Бостоне.

Повернув голову, он уставился на нее сбоку.

— А знаешь, откуда я родом? Угадаешь?

— Нет, — сказала она.

— Из Арканзаса.

— Там красиво?

Она никогда не была в Арканзасе, но однажды, когда они с матерью летели на Западное побережье и она смотрела вниз, на холмы и леса, мать, изучившая карту, решила, что это Арканзас.

— Летом, — ответил он. — Там не так душно, как здесь. Нет хуже лета, чем тут, в Вашингтоне. Куда угодно готов отсюда на лето уезжать.

Из вежливости она согласилась.

— Правда, там, где я родился, часто бывают наводнения и циклоны, — продолжал Роджер. — А

хуже всего то, что, когда вода сойдет, остаются крысы. Ну, в мусоре. Помню, когда я еще был мальчишкой, как–то ночью крыса пыталась пролезть в дом, из–под пола, у камина.

— И чем кончилось дело?

— Мой брат застрелил ее из своей двадцатидвушки.

— А где сейчас твой брат? — спросила она.

— Умер, — сказал Роджер. — Упал и сломал позвоночник. В Уэйко, в Техасе. С парнем одним повздорил…

Голос у него упал, он нахмурился и выглядел очень удрученным. Он едва заметно, как–то по–стариковски закачал головой из стороны в сторону, как в параличе. Губы его беззвучно шевелились.

— Что? — спросила Вирджиния, не расслышав.

Она заметила морщины на его лице, он ссутулился, замедлил шаг, уставившись взглядом в землю. И вдруг снова воспрял к жизни, улыбнулся ей и повеселел, почти как прежде.

— Шучу, — сказал он.

— Вот как? — переспросила она. — В смысле, про брата?

— Он в Хьюстоне живет. У него семья, работает в страховой компании. — Глаза Роджера за очка-

ми игриво посверкивали. — Поверила, да?

— Трудно понять, когда ты говоришь правду, — сказала она.

Впереди две женщины освободили скамейку. Роджер резво направился к ней, Вирджиния последовала за ним. У самой цели он уже бежал, как мальчишка. Развернувшись, он упал на скамью, вытянул ноги и раскинул руки на спинке. Она села рядом с ним, а он выудил из кармана рубашки пачку сигарет, закурил и стал пускать клубы дыма во все стороны, довольно вздыхая и попыхивая сигаретой, как будто найти свободную скамейку было большой удачей, за которую он был благодарен. Он скрестил ноги, склонил голову набок и нежно улыбнулся ей. Этой улыбкой он словно немного доверился ей, приоткрыв край своей плотной защитной оболочки. Как будто, подумала Вирджиния, его что–то переполнило до краев для того, чтобы прорваться наружу и заставить заметить то, что видит она: деревья, воду, землю.

— Мне не обязательно ехать в Калифорнию, — признался он.

— Наверное, не обязательно, — согласилась она.

— Можно было бы и здесь остаться. Телевиде-

ние во всех больших городах будет развиваться… В Нью–Йорке, например. Но ребята с побережья ждут меня. Рассчитывают.

— Тогда тебе лучше поехать, — снова согласилась Вирджиния.

Роджер долго молча смотрел на нее.

— Ну, то есть, если ты им действительно обещал — что приедешь.

Тут он снова насторожился, и Вирджиния поняла, что на самом–то деле он очень хитер: сначала он робел, немного сомневался в себе, шалил, нащупывал то, что было ему нужно, но постепенно метания прошли, он преодолел свою неловкость, перестал дурачиться и хвастливо нести всякую чушь. Он освободился от всего этого и теперь больше походил на того тихого, унылого, даже, пожалуй, мрачного человека, которого она помнила по давешнему застолью. Как он ловок, однако. Способен на многое. Еще раньше она почувствовала себя беспомощной от того, что он сидел и пил ее вино как ни в чем не бывало, и сейчас к ней вернулось ощущение той беспомощности: сидя на скамейке рядом с ней, Роджер казался таким изобретательным, таким опытным, и, конечно же, он был старше ее. И она ведь по–настоящему его не знала — не прини-

мать же всерьез то, что он ей понарассказывал, и даже то, что она видела сама. Казалось, он хозяин самому себе и может стать кем только пожелает.

Особенно ей бросилась в глаза его способность терпеливо выжидать. Какие–то особые отношения со временем — она совсем этого не понимала. Может быть, дальновидность.

— Мне надо ехать, — внезапно объявил Роджер, швырнул сигарету в мокрую траву и встал.

— Да, — отозвалась она, — но не сию же минуту.

— У меня много всего накопилось, — сказал он.

Но не сдвинулся с места.

— Ну, тогда поезжай и занимайся делами, — предложила Вирджиния.

— А как же ты?

— Да иди ты! — огрызнулась она.

— Как? — ошеломленно произнес он.

Не вставая, она сказала:

— Поезжай. Делай, что наметил.

Они удивили друг друга и разозлили. Но Вирджиния знала, что права. Она смотрела мимо него на какой–то предмет в воде, посередине бассейна, притворившись сама перед собой, что следит за тем, как это нечто двигается, то скрываясь под водой, то снова всплывая.

— Не надо сердиться, — сказал Роджер.

Самообладание постепенно вернулось к нему, и снова она подумала, что ему нужно только время. Несмотря на свой рост — примерно на дюйм ниже — он сумел завоевать ее уважение: раньше она посмеивалась над низкорослыми мужчинами — над тем, как они ходят с важным видом, изображают из себя невесть что, носятся со своим самолюбием. Но Роджер был не таков. Его жизнестойкость произвела на нее впечатление. Вирджиния все еще вглядывалась в буй на воде, а он уже снова улыбался.

Глава 5

Высокая стройная девушка в пальто, шедшая вдалеке по улице, напомнила ей дочь: она шагала так стремительно, что волосы шлейфом развевались за ней — такие же неуложенные и взлохмаченные, как у Вирджинии. Девушка переступила через бордюр, не глядя, привычно нырнула вперед, не задумываясь, куда ставит ногу. Это получилось у нее так же нескладно, как у Вирджинии: походка совсем не женская, ни тебе плавности, ни даже приличной координации. С руками она, похоже, не знала, что делать. Но ноги у нее были длинные и гладкие — короткие юбки военного времени обнажали их до самых колен, — и спина совсем прямая. Когда она стремительной походкой дошла до ближайшего квартала, миссис Уотсон поняла, что это Вирджиния. Боже, она что, на автобусе приехала? Ее ведь всегда кто–нибудь привозил на машине.

— Я тебя не узнала, — сказала миссис Мэрион Уотсон.

Вирджиния остановилась у забора. Она запыхалась и дышала ртом с астматическим присвистом — скорее от радостного возбуждения, чем от

быстрой ходьбы. Она стояла неподвижно, даже не пытаясь открыть калитку и войти во двор — похоже, ей и на тротуаре было хорошо. Помедлив, миссис Уотсон вернулась к работе: склонилась над кустом чайной розы и принялась обрезать отросшие ветки.

— Что делаешь? — весело спросила Вирджиния. — Подрубаешь их, пока одни пеньки не останутся? Они у тебя как палки.

— Не ожидала, что ты пешком пожалуешь, — сказала миссис Уотсон. — Я думала, ты с Карлом приедешь.

Карл был парень, который обычно привозил ее дочь на своей машине, они встречались уже год, хотя нерегулярно.

Открыв калитку и пригнувшись, Вирджиния прошла под аркой из столистных роз, задевая ветки, но не замечая их. Всю жизнь она просто проходит мимо, от всего отмахивается, все несется куда–то. Она чуть задержалась рядом с матерью и направилась к черной лестнице.

— Мне нужно тут закончить, — сказала миссис Уотсон. — Как раз пора их подрезать. — Она снова стала отсекать ветки — они лежали наваленные по всему двору и вдоль боковой стены дома. — Осталось совсем чуть–чуть.

Стоя на крыльце, Вирджиния осматривала двор, спрятав руки в глубоких карманах пальто и раскачиваясь из стороны в сторону. Ее худенькое, но, по мнению матери, очень даже милое лицо без макияжа блестело под прямыми лучами полуденного солнца. Яркий девичий рот с тонкими губами, чуть присыпанные веснушками щеки, растрепанные рыжеватые волосы. Студенческая юбка и блузка, все те же двухцветные кожаные туфли на низком каблуке, которые они вместе выбирали, когда ездили за покупками несколько лет назад.

С трудом поднявшись — мышцы болели от работы в саду, — миссис Уотсон сказала:

— Теперь мне нужно сгрести их в дальний угол, потом Пол сожжет.

— Кто такой Пол?

— Темнокожий один заезжает — по саду помогает, мусор вывозит. — Она принесла из гаража грабли и принялась за обрезанные ветки розовых кустов. — Я говорю, как южанка?

— Я же знал, что ты не южанка.

Мать оторвалась от работы.

— Южанка. Иначе бы я туг не копалась. — Она показала рукой на двор. — Конечно, теперь это патриотично. — Большая часть земли была пре-

вращена в огород победы[149]: свекла, морковка и редиска, росшие рядками, покачивали ботвой. — Но надо смотреть правде в глаза.

— Я сегодня ненадолго, — сказала Вирджиния. — К ужину хочу вернуться к себе. Ко мне могут зайти.

— Из больницы?

— Нет. Это один из моих друзей — сейчас в Калифорнию едет.

— Как же она зайдет к тебе, если она едет в Калифорнию?

— Ну, он может передумать — тогда, вероятно, заедет.

— Я его знаю?

— Нет, — сказала Вирджиния. Она открыла сетчатую дверь и двинулась было в дом. — Он дружит с Раттенфангерами. Они устроили для меня вечеринку…

— Как она прошла?

Миссис Уотсон знала про вечеринку — на ней праздновали первую годовщину работы Вир-

---

[149] Примечания: 149

Огороды победы — домашние огороды американцев во время обеих мировых войн, к обзаведению которыми активно призывало федеральное правительство. В период Первой мировой войны школьники вступали в «Американскую армию школьных огородов» (United States School Garden Army) и после занятий занимались выращиванием овощей в городских парках.

джинии.

— Неплохо. Посидели, поговорили. Всем надо было рано ложиться спать — в субботу ведь на работу.

— Что он за человек?

Она один раз видела Раттенфангеров в городе, у Вирджинии. Эти двое не произвели на нее такого же сильного впечатления, как на Вирджинию, но она ничего не имела против них: по крайней мере, это добродушные люди, ничего из себя не строят.

Задержавшись на ступеньках, Вирджиния ответила:

— Трудно сказать. Не знаю. Можно ли о ком–то сказать, что он за человек? Многое зависит от обстоятельств. Иногда просто меняется настроение.

— Ну, чем он занимается?

Дочь не ответила, и миссис Уотсон переспросила:

— Он военный?

— Его комиссовали. Он, кажется, был ранен на Филиппинах. В общем, на инвалидности. Вроде ничего парень. Наверное, уже до Калифорнии добрался. Или едет.

Сказала она это как–то не очень весело. И тут

же скрылась за сетчатой дверью в доме.

Они сидели за кухонным столом и скручивали папиросы странной машинкой, купленной миссис Уотсон в «Народной аптеке». Машинка превращала бумагу и трубочный табак — только его и можно было еще достать — в довольно приличные папиросы, которые были уж во всяком случае лучше десятицентовых сигарет, что лежали теперь на полках магазинов и имели специфический вкус — как будто их подобрали с пола в конюшне.

— Кстати, — вспомнила Вирджиния. — У меня в сумке талоны для тебя. Напомни, чтобы я не забыла.

— Ты сама точно обойдешься без них?

По ее голосу было понятно, что она обрадовалась.

— Точно. Я же обедаю на работе. Если мясник спросит, почему они оторваны от книжки, скажи, что ты получила их за жир.

— Мне так не нравится, что я проедаю твои талоны, — сказала миссис Уотсон. — Но не откажусь. Послушай, дорогая, я куплю баранью ножку и приготовлю на следующее воскресенье — приходи, поешь.

— Можно и так, — отозвалась Вирджиния, как

будто не слушая.

Ее мысли занимало что–то другое, и она сидела молча, напрягшись в неудобной позе, отодвинув стул далеко от стола. От этого она казалась совсем тощей: щеки впали, взгляд ввалившихся глаз устремлен вниз, обнаженные руки опираются на стол. Работая машинкой, она постукивала тонкими, но сильными пальцами по столу, потом спохватилась и перестала.

Миссис Уотсон, которой все это не нравилось, сказала:

— Ты прямо воплощаешь голод.

— Да нет, я не голодна…

— Я имею в виду Голод. Как узница фашистского концлагеря.

Дочь сдвинула брови.

— Что за глупости!

— Да я просто тебя поддразниваю.

— Ну, нет, — возразила Вирджиния, — ты так обычно подбрасываешь какую–нибудь идею.

— Ты могла бы пользоваться косметикой, — предложила миссис Уотсон. — Прической как–то заняться. Ты ведь совсем перестала подбирать волосы, да?

— Некогда мне. Ты же знаешь, идет война.

— На голове у тебя — не пойми что, — сказала

миссис Уотсон. — Нет, ну правда. В зеркало бы на себя посмотрела.

— Я знаю, как я выгляжу, — ответила Вирджиния.

Обе помолчали.

— Ну, — снова заговорила миссис Уотсон, — мне просто неприятно: ты ведь хорошенькая, а сама все портишь.

Вирджиния не ответила. Она снова скручивала папиросы.

— Не принимай все так близко к сердцу, — посоветовала ей миссис Уотсон. — У тебя есть такое свойство, и я знаю, что ты это знаешь.

Вирджиния подняла голову и одарила мать строгим взглядом.

— Как поживает Карл? — после паузы спросила миссис Уотсон.

— Хорошо.

— Почему он тебя не подвез?

— Давай поговорим о чем–нибудь другом.

Вирджиния прекратила работу, она принялась подцеплять со стола ногтями частички табака. Хоть в ней и била кипучая энергия, сейчас она быстро иссякала.

— Его не послали снова за океан? — поинтересовалась миссис Уотсон. Из всех парней дочери

ей больше всего нравился Карл: он всегда успевал открыть тебе дверь, пожать руку, почтительно склонить свою высокую фигуру. — Во время войны все меняется прямо на глазах. Как ты думаешь, сколько она еще продлится? Скорее бы уж закончилась.

— Скоро должны открыть Второй фронт, — сказала Вирджиния.

— Думаешь, это произойдет? Думаешь, русские продержатся? Конечно, мы им столько по ленд-лизу даем. Но меня удивляет, что их так надолго хватило.

С самого начала она была уверена, что русские сдадутся. Включая радио, она и сейчас ожидала услышать, что они подписали с немцами договор.

— Ты со мной не согласишься, — сказала Вирджиния, — но я считаю, что война — это благо, потому что она несет с собой перемены. Когда она закончится, мир станет намного лучше, и это компенсирует все военные потери.

Мать тяжело вздохнула.

— Перемены — это же хорошо, — повторила Вирджиния.

— Насмотрелась я на перемены. — В 1932 году она голосовала за Гувера. Первые месяцы пре-

зидентства Рузвельта привели ее в ужас. В это время у нее умер муж, и два события смешались у нее в сознании: смерть и утрата, и резкое изменение сложившегося порядка — повсюду эмблемы NRA[150], на улицах — плакаты WPA. — Вот доживешь до моего возраста — увидишь.

— Неужели тебе неважно, что будет с нами через год? Почему тебе это неважно? Это же здорово — так и должно быть.

Миссис Уотсон кольнуло сильное подозрение, кое–что открылось ей с поразительной ясностью, и она спросила:

— Какой он, этот парень?

— Какой парень?

— Который собирается заехать к тебе. Который передумал ехать в Калифорнию.

Вирджиния улыбнулась:

— А–а.

Но не ответила.

— Что за инвалидность у него? — Миссис Уотсон до смерти боялась калек, она запрещала Вирджинии рассказывать о пациентах в больни-

---

[150] Примечания: 150

NRA — Национальная администрация восстановления (НАВ), одно из наиболее важных федеральных ведомств периода «Нового курса», созданное по Закону о восстановлении национальной промышленности (NIRA) в 1933 г. для контроля за проведением в жизнь «кодексов честной конкуренции».

це. — Он ведь не слепой?

Ничего хуже она не могла себе представить — страшнее была только смерть.

— Кажется, какое–то растяжение спины. Смещение позвонка.

— Сколько ему лет?

— Тридцать примерно.

— Тридцать!

Это было не лучше, чем увечье. Она представила себе Вирджинию с лысеющим мужчиной средних лет в подтяжках.

— Господи! — выдохнула миссис Уотсон.

Она вспомнила, как однажды дочь не на шутку перепугала ее. Это случилось, когда они жили недалеко от Плампойнта, в лачуге на Чесапикском заливе. Детвора носилась по пляжу и собирала бутылки из–под кока–колы, оставленные купальщиками. Бутылки продавались по два цента за штуку, и на вырученные деньги целые толпы детей мчались в парк с аттракционами в Беверли–Биче. Как–то раз после обеда за деньги, полученные от продажи бутылок, Вирджиния наняла какого–то типа покатать ее по заливу на лодке, которая оказалась протекающей посудиной, покрытой раковинами усоногих рачков и насквозь пропахшей водорослями. Почти час

лодка качалась на волнах, а миссис Уотсон и ее мужу оставалось лишь в бессильной ярости наблюдать за происходящим, пока, наконец, не истекло купленное на пятьдесят центов время и гребец не причалил к берегу.

— Ну, может, тридцати ему нет, — сказала Вирджиния. — Но он старше меня. — Она снова принялась скручивать машинкой папиросы. — Он много пережил. Но, видимо, сам не отдает себе в этом отчета, все мыкается туда–сюда.

— А что ему нужно? — спросила миссис Уотсон. — Ну, в женщине.

— По–моему, ему ничего не нужно. — Помолчав, она добавила: — Ну, разве что поговорить. А так, хочет стать инженером–электронщиком после войны.

— Когда ты меня с ним познакомишь?

Снова улыбнувшись, Вирджиния сказала:

— Никогда.

— Я хочу, чтобы ты меня с ним познакомила, — миссис Уотсон сама удивилась резкости своего тона.

— Думаю, он уехал в Калифорнию.

— Ничего подобного ты не думаешь. Приведи его, познакомь нас. Или ты не хочешь, чтоб я его видела?

— В этом нет никакого смысла.

— Есть, — настаивала миссис Уотсон. — Мне очень хотелось бы. У него есть машина? Пусть привезет тебя. Как насчет следующих выходных? — Ей просто необходимо было увидеть его у себя, прежде чем что–то произойдет. Сначала пусть приедет сюда. — Конечно, это твоя жизнь, — сказала она. — Ты это понимаешь, и я тоже.

Вирджиния засмеялась.

— Разве не так? — настаивала мать. — Разве это не твоя собственная жизнь?

— Моя, — кивнула Вирджиния.

— Не пытайся переложить ответственность на меня. Тебе самой решать. Ты работаешь, ты взрослый человек, самостоятельный.

— Да, — спокойно согласилась Вирджиния.

В два часа дня Вирджиния отправилась домой, и мать проводила ее до самой автобусной остановки. Когда она вернулась в дом, звонил телефон.

Голос в трубке спросил:

— Вирджиния у вас?

— Нет, — ответила запыхавшаяся миссис Уотсон. Она узнала Пенни, девушку, с которой Вирджиния снимала комнату. — Она уже ушла,

только что.

Входная дверь в конце коридора осталась открытой. Мимо проходил юный разносчик со свернутой кипой газет. Она заглянул, поколебался и метнул газету на крыльцо.

— Тут к ней пришли, — сказала Пенни. — Наверно, она скоро приедет, раз уже ушла.

— А кто пришел? — пожелала знать миссис Уотсон. — Не тот, что в Калифорнию собирался? Спроси у него.

— Да, это он, — ответила Пенни. — Он не поехал.

— Скажи ему, что я хочу поговорить с ним. Пусть подойдет к телефону. Ты знаешь, как его зовут?

— Его зовут Роджер, фамилию не знаю, — сказала Пенни. — Минутку, миссис Уотсон.

Затем надолго воцарилась тишина, и она вслушивалась в нее, вдавив трубку в ухо. Где–то далеко кто–то двигался и что–то бубнил: до нее доносился мужской голос и голос Пенни, потом послышались шаги и резкий скрип в трубке.

— Алло, — сказала миссис Уотсон.

— Алло, — приглушенным голосом ответил мужчина.

— Я мать Вирджинии, — представилась она. —

Это вы собирались в Калифорнию? Не поехали, да? Значит, вы еще какое–то время тут побудете, правда? — Она подождала, затаив дыхание, но он ничего не сказал. — Я велела Вирджинии привезти вас ко мне на ужин, — сообщила она. — Так что я вас жду. В следующие выходные. Сможете приехать? Ее сможете подвезти? У вас ведь есть машина?

В трубке что–то зашуршало. Наконец он ответил все тем же приглушенным голосом:

— Да, думаю, смогу.

— Буду с нетерпением вас ждать, — сказала она. — Вас Роджер зовут? А фамилия как?

— Линдал.

— Хорошо, мистер Линдал. Я позвоню Вирджинии на неделе и скажу, когда будет ужин. Очень рада с вами познакомиться, мистер Линдал.

Она повесила трубку, прошла по коридору к входной двери и подхватила газету, брошенную разносчиком.

Разыскав футляр с очками, она надела их и направилась с газетой к кухонному столу. Потом размешала чашку растворимого кофе «Нескафе», закурила одну из изготовленных с Вирджинией папирос и принялась читать новости.

«Я правда считаю ее такой глупой?» — подума-

ла она, кладя газету на стол.

Ее взгляд остановился на кучках отрезанных веток розовых кустов за окном кухни: она так и не успела сгрести их до конца в дальний угол. И, не выбрасывая сигарету, она вышла на задний двор, где повесила грабли. Вскоре из разрозненных кучек у нее получился один большой ворох. С сигаретой в губах она утрамбовала ветки граблями. Тут она спохватилась: «Я же шокирую соседок. Какой скандал для южанок: курит у себя во дворе!»

Не прошло и десяти минут, как она закончила работу. Снова вооружившись садовыми ножницами, она обвела взглядом двор: что бы еще такое поделать?

«Ну и наплевать, если она такая глупая, — подумала она. — Я просто хочу посмотреть на него. Хочу увидеть, какой он».

Ее охватило желание увидеть, как в точности он выглядит. Ей важны были подробности: цвет волос, рост, во что одет, как изъясняется. «А иначе все возможно, — думала она. — Все что угодно может произойти между ними».

Взгляд ее привлекла глициния, и она направилась к ней с ножницами. Щелкая лезвиями, она быстро шла по саду.

Глава 6

Когда он вернулся из Охая домой, Вирджиния спросила:

— Ты забрал чек?

— Да. — Он отдал ей чек. — Чертова школа, — выругался он. — Знаешь, на какую хрень я там натолкнулся? Она мне Арканзас напомнила. Ты не сказала, что это ферма. Там раньше конный завод был для богатых.

Грегг, входя в дом, доложил Вирджинии:

— Папа не дал мне в футбол поиграть, он заставил меня обратно поехать, потому что я не послушался его. Он разозлился на меня.

На этот раз без слез он подошел к матери и обхватил руками ее бедра.

— У них даже конюшня есть, — сказал Роджер. — Целое предприятие — корова, кролики, куча кошек. Эта женщина — фермерша: стоит только посмотреть на ее руки. Боже, она точно фермерша. Разве ты не поняла?

Вирджиния спросила:

— Вы пообедали по дороге?

— Нет. — Раздраженный, он пошел обратно к машине. — Мне надо в магазин. Я не могу здесь

торчать. Который час? Полвторого? Господи. Не позвонишь Питу? Скажи ему, что я уже еду. Ему, наверное, даже в сортир сегодня некогда было сходить.

Пока Вирджиния звонила, Роджер рыскал по дому. Она обнаружила его в ванной — он переодевал рубашку и галстук.

— От меня воняет, как от мексиканца, — проворчал он. — Вся эта дорога, проклятая жара.

— Мог бы душ принять, — сказала она. Ей еще не приходилось видеть его таким взволнованным, взвинченным. — Ты вообще как? — спросила она.

— У меня было такое чувство, как будто он там, — проговорил Роджер. — Как будто вот–вот появится. Все было, только его не было. — Он сполоснул лицо над раковиной. — Как в тот день, когда мы с ним нашли двадцать шесть яиц в сарае. А через неделю с ним это и случилось. Тогда нам в последний раз было весело. Она наорала на нас за то, что мы принесли яйца на кухню. Блин! — Бросив полотенце, он завопил, обращаясь к Вирджинии: — А куда нам еще было их тащить? Нас ведь учили: собрали яйца в курятнике — несите на кухню. Знаешь, что кладут в эти чертовы куриные гнезда? Ручки от дверей фарфо-

ровые и другие подобные штуки — по одному в каждое гнездо. Чтоб несушку обмануть. Да меня самого это, блин, обманывало, ей–богу — сунешь руку в солому, вроде вот, яйцо нащупал. А там дверная ручка!

Он пристально смотрел на жену. А она не знала, что и сказать.

Последовав за ней на кухню, он продолжал:

— Видела когда–нибудь яйца внутри у курицы? Когда она еще не успела снестись? Самых разных размеров — странно так. Ни на что не похоже. Меня пугало это — до чертиков. А потом мы эту курицу съедали. Можешь себе представить?

— По–моему, ты говорил мне, что твой брат жив, — сказала она.

Ей до сих пор так и не удалось получить сколько–нибудь реальное представление о его семье — брате, отце, матери.

— Он спрыгнул с кузова грузовика, этого драндулета, что стоял у нас во дворе, и упал прямо на искореженную железяку. Ему чуть не отрезало большой палец ноги. А мы еще и потешались. Помню, я ошивался рядом и прикрывал рот ладонью, чтобы не расхохотаться. В общем, с ним случился столбняк, и он умер.

Роджер бросился за кухонный стол и положил

голову на руку.

— Значит, он умер, — заключила Вирджиния.

Сняв очки, Роджер смотрел на нее невидящим взглядом.

— Несколько лет назад ты сказал мне, что он живет в Техасе, — в негодовании сказала она.

Он все так же незряче глядел на нее, держа очки в руках.

— М–да…

Он кивнул. И тут лицо его так сникло, что она немедленно села рядом с ним, прижавшись головой к его голове.

— Хорошо, что ты вернулся, — сказала она.

— Ты что, просила их, чтобы эта женщина забирала Грегга по выходным? — спросил Роджер.

— Об этом миссис Альт заговорила.

— Я видел ее, — сказал Роджер. — Она там с мужем была и с детьми. Грегг играл с ними в футбол. Лиз и Чик Боннер. Они вроде бы здесь живут.

— В Сан–Фернандо, кажется.

Очнувшись, он сказал:

— Мне нужно в магазин.

Он поцеловал ее в губы — от него пахло «Эрридом»[151], которым он только что освежился, — и

---

[151] Примечания: 151

«Эррид» — товарный знак антиперспиранта фирмы «Чёрч энд Дуайт» (с 2001 г., ранее принадлежал компании «Картер–Уоллес»).

ушел. Все так же сидя за столом на кухне, она услышала, как заводится, а потом затихает вдалеке «Олдсмобиль».

В тот же вечер, после ужина, когда Вирджиния показывала Греггу, как рисуют цветными карандашами, Роджер позвал ее:

— Пойдем в спальню. Нужно поговорить.

— Минутку.

Она закончила раскраску в книжке Грегга и вышла из комнаты вслед за мужем. Он, кажется, был в хорошем настроении, и она тоже повеселела.

— Ты хочешь этого? — услышала она.

Озадаченная, она спросила:

— Чего этого?

Может быть, он предлагает заняться тем, что у них не принято называть своим именем и что обычно происходит в спальне? Она смутилась. Но Роджер не это имел в виду.

— Я про то место, — сказал он.

— Про школу? — Значит, передумал, в конце концов. — А не поздно? — спросила она, но уже просчитала, как им лучше поступить: они явятся в школу с Греггом оба, она и Роджер, привезут все его вещи и чек. Без всяких звонков и подготовительных мероприятий. — Тогда нам завтра придется поехать. И сложить все за вечер.

— У тебя есть список, — расплылся он в улыбке.

— Поможешь?

— Конечно.

Они вместе стали лихорадочно собирать вещи. В полночь они все еще возились. Греггу не стали ничего говорить — не хотели перевозбуждать его перед сном.

— Миссис Альт решит, что мы сбрендили, — сказала Вирджиния. — Интересно, что она скажет. Наверное, и слов не найдет. Может, сделаем вид — ну, шутки ради, — что для нас это в порядке вещей, ничего особенного. Скажем просто: «А вот и мы. Вот Грегг. Ах, да. Вот чек».

— Скажем, что ей почудилось, — подхватил Роджер.

— Да, давай скажем, что ей все померещилось, глядя ей прямо в глаза.

Сонные и усталые, они получали удовольствие от сборов: повеяло бодрящим дыханием перемен, какого–то нового уровня существования. Эти сборы знаменовали собой конец одного этапа и начало другого, и сейчас ни ему, ни ей и в голову не приходило ни вздорить, ни тревожиться по этому поводу.

В час ночи они закончили сборы и сложили

чемоданы и коробки у входной двери. Потом пошли на кухню выпить.

— Он в любой момент сможет приехать домой, — сказала Вирджиния.

— Вряд ли он захочет. Ему там понравилось.

— Но он мог бы.

— Он не поедет, — сказал Роджер. — Разве что на выходные.

Рано утром они одели Грегга в лучший костюм, погрузили весь багаж в «Олдсмобиль», заперли дом и отправились в Охай.

За руль сел Роджер. До долины они добрались к половине девятого. Солнечный свет был холодным и белым, со всех деревьев капала утренняя роса. В открытые окна машины врывался чистый воздух.

Как только Грегг понял, куда они едут, он принялся рассказывать о своих бесчисленных планах: он намеревался покататься на лошади, подковать лошадь, взобраться на вершину горы и водрузить там флаг США и калифорнийский Медвежий флаг, покормить опоссума, выиграть в футбол, помочь ставить палатки, выяснить, почему у Джеймса темная кожа, отказаться от своей комнаты и жить в подземной пещере, оборудованной атомной аппаратурой, управляемой

часовыми механизмами, привезти миссис Альт (которую он продолжал называть «миссис Ант») домой поужинать, пригласить всех своих старых друзей посмотреть школу и как ему в ней живется, отвезти всех новых друзей в Лос–Анджелес посмотреть его старую школу и так далее. Кроме того, он перечислял все места и предметы, которые они проезжали, и высказывал свое мнение по их поводу, придумывая на ходу описание деревьев, домов, состояния дороги, марок автомобилей, намерений людей, которых видел в полях или у дороги.

— Так, — наконец не выдержал Роджер. — Угомонись.

Обняв сына, Вирджиния сказала:

— Мы почти приехали.

Она расчувствовалась, к глазам подступили слезы. Достав из сумочки расческу, она стала причесывать Греггу волосы. А он продолжал свой монолог.

— А потом, — рассказывал он им, — я бежал, бежал, и никто не мог за мной угнаться, я так быстро бежал, что никто даже понятия не имел, где я. Они все: «Куда он делся? Куда он делся?» — а я уже наверху, откуда вода бежит. Может быть, я часть пути проплыл. По–моему, я часть пути

проделал вплавь. Там все ветки да ветки. И никто не понял, где я.

— Послушай, — сказал Роджер. — Хватит, а?

На этот раз он припарковался на школьной территории. Ничего тут не изменилось, только сегодня было много машин. По дорожкам и тропинкам между зданиями прогуливались другие родители со своими детьми. Пахло завтраком.

— Кажется, мы не единственные, — сказала Вирджиния. Родители были хорошо одеты: матери — в мехах, все мужчины — в деловых костюмах. — Сегодня важный день.

— Прямо как на свадьбе — как все разоделись, — заметил Роджер.

Они вышли из машины, оставив вещи. Грегг при виде других родителей с детьми притих. Похоже, он испытывал благоговейный страх.

— Вот будет забавно, — прошептал Роджер, когда они втроем поднимались по ступенькам главного здания, — если она скажет, что у них нет свободных мест. Об этом мы не подумали.

Вестибюль здания был набит родителями и детьми, все держались торжественно, безупречно. Люди собирались небольшими группами, вели негромкий разговор. Комнаты и залы наполнял запах сигарет, духов, трубок и кожи.

— Надо бы найти ее, — сказала Вирджиния. — Она где–то тут.

— Скрести пальцы, — посоветовал Роджер сыну.

— Хорошо, — согласился Грегг и скрестил пальцы.

Они нашли миссис Альт в окружении нескольких пар. Едва заметив их, она отделилась от своих собеседников и деловито пошла навстречу. По–видимому, она не была удивлена.

— Все–таки привезли Грегга? — Она пожала Вирджинии руку. — Рада снова увидеться с вами. Вы успели, хоть и в последнюю минуту. Вещи его привезли? Если нет, у вас еще есть пара дней. На самом деле дети подъезжают весь первый месяц.

— Здравствуйте, миссис Ант, — поздоровался Грегг.

Миссис Альт улыбнулась.

— Здравствуй, Грегг. Добро пожаловать обратно.

Она провела Линдалов в кабинет и закрыла дверь. Гул голосов затих.

— Этот день всегда суматошный — когда дети приезжают. Вот так теперь и будет.

Сев за стол, она отвинтила колпачок авторучки и принялась писать.

— Я скажу Джеймсу, чтобы он отнес вещи Грегга в его комнату. Они будут жить вшестером. Кое–кто из его соседей по комнате уже здесь — он может познакомиться с ними прямо сейчас. Какой шум!

Она оторвала квитанцию и отдала ее Роджеру, а он вернул ей выписанный Вирджинией чек.

— Отлично, — подытожила миссис Альт. — Кофе хотите? Можете пойти в столовую: двери открыты. Когда будет возможность, я представлю вас кое–кому из родителей, прежде всего родителям его соседей по комнате. — Она встала и проводила их до двери кабинета. — Я постараюсь найти кого–нибудь из учителей, чтобы вам показали школу, пока вы здесь. Или вы уже осмотрели нашу территорию? В любом случае, вы вольны пойти куда хотите: сегодня день открытых дверей.

К ней подошел учитель, она попрощалась с Линдалами и поспешно удалилась.

— Ну вот, — сказала Вирджиния. — Все. — Она была слегка оглушена. — Решено.

Из коридора Роджер позвонил в магазин и сказал Питу, что задержится. Повесив трубку, он увидел, что жена и сын стоят с группой родителей.

— …Ах, школа чудесная. Луис и Барбара у нас уже три года здесь. Когда съедутся все дети, их будет почти поровну. Сейчас вы видите больше мальчиков — они почему–то прибывают первыми. Некоторые мальчики остаются и на каникулы. Из девочек тоже, кажется, кое–кто остается. За ними очень хорошо смотрят. Можете не волноваться. Вам будут писать в конце каждой недели и сообщать о его успехах. Не забудьте сказать им, сколько карманных денег он будет получать. И про прачечную не забудьте — это за дополнительную плату. Они стирают на стороне.

Разговор продолжался в том же духе.

Роджер оставил их и пошел бродить по школе, улавливая обрывки разговоров, разглядывая родителей. В основном они были молодые и все хорошо одеты. Женщины были по большей части худые и высокие, симпатичные, с резко очерченными лицами. Голоса их звучали громче, чем мужские, и, похоже, разговаривали преимущественно они. Мужчины курили, слушали, кивали, время от времени обменивались друг с другом замечаниями. Их вытеснили на задний план.

Мимо шел в своем свитере и неглаженых свободных брюках молодой учитель арифметики Ван Эке, и Роджер поздоровался с ним.

— А, здравствуйте, — откликнулся Ван Эке, очевидно, не узнав его. — Как ваши дела?

— Хорошо, — ответил Роджер.

Помолчав, Ван Эке сказал:

— В этот день родители пристрастно изучают нас, хотят понять, стоит ли овчинка выделки. Большинство из них не появляются здесь до конца семестра. Ну, некоторые, конечно, заезжают иногда, но таких немного. — Он внимательно смотрел на Роджера. — Увидим.

— Я Линдал, — напомнил ему Роджер.

— А–а. Ну да. Как ваш ребенок? Да, вы все решили? Что–то там было по поводу его комнаты или одежды.

— Да, все утрясли, — сказал Роджер.

— Я вижу вон там вашу жену, — заметил Ван Эке. — Какая очаровательная женщина. Миссис Альт говорила, что она танцует. А что за танцы? Балет?

Роджер объяснил.

— А, как Сид Шаррисс[152], — кивнул Ван Эке. —

---

[152] Примечания: 152

Сид Шаррисс (1922–2008) — американская актриса и танцовщица. Начала заниматься танцами с шести лет, родители отдали ее заниматься балетом после перенесенного полиомиелита. В числе первых фильмов, в которых она снялась, был фильм «Миссия в Москву». Наибольшую популярность ей принес фильм «Поющие под дождем». Ноги Сид Шаррисс были застрахованы на 5 миллионов долларов.

Да, в городе много всего такого. Разное экспериментальное искусство. Боюсь, для меня это слишком сложно. А вы чем занимаетесь, мистер Линдал?

— У меня магазин телевизоров в Лос–Анджелесе, — ответил Роджер.

— Ничего себе! Наверное, за телевидением будущее. И спектакли, и спорт, и комедии — все можно показывать.

Роджер спросил:

— Вам Боннеры на глаза не попадались?

Ван Эке отрицательно мотнул головой:

— Они уехали рано утром — ночевали тут. У них здесь сыновья. Кажется, они старше вашего мальчика: им не то по одиннадцать, не то по двенадцать. — Он сделал пару шагов назад, намереваясь отойти. — Надеюсь, еще увидимся, Линдал.

Была половина десятого. Привлеченный запахом кофе, Роджер вошел в столовую. Большинство столов были не накрыты, но на нескольких, в углу зала, стояли чашки, сливочники, сахарницы, лежало столовое серебро и салфетки. Из–за дверей кухни появилась двухэтажная металлическая тележка со стеклянными кофейниками. Ее катила огромная смуглокожая женщина, по–

видимому, мексиканка. Потом она принялась расставлять на столах чашки. Вокруг толпились люди. Все казалось приятным. Роджер подошел и взял себе чашку.

Он уже сидел, помешивая кофе, когда соседний стул занял мужчина в синем деловом костюме. Бросив взгляд на Роджера, он пододвинул себе чашку, попросил кого–то передать сахар и, наконец, спросил:

— Вы случайно не учитель?

— Нет, — ответил Роджер. — Я родитель.

Мужчина кивнул.

— Неплохая у них тут школа, — немного смущенно заметил он, помешивая кофе. — Хотя поездка еще та, с виражами.

— Просто не тормозите на поворотах, — посоветовал Роджер. — Держите ногу на газе.

— Но ведь тогда разгонишься сильно.

— Не надо тормозить, когда поворачиваете, — повторил Роджер. — Всегда можно притормозить, сбросив газ. Сбавляйте скорость до виража. Иначе занесет.

— Понятно, — сказал его сосед по столу. Он еще немного помешал кофе, а потом пробормотал: — Извините, — и, поднявшись, куда–то побрел.

«Что–то не то сказал», — подумал Роджер. И

почувствовал себя одиноко. Но возвращаться к жене у него не было ни малейшего желания. За стол садились новые люди, кивали ему или здоровались и через некоторое время уходили.

Наконец он поставил чашку и вышел из столовой. Через боковую дверь выбрался на воздух, на террасу, закурив, стал смотреть на открывавшийся с нее вид. Потом спустился по ступенькам к дороге, прошел к ельнику, а оттуда к земляному гребню, возвышавшемуся над футбольным полем.

Детей не было видно.

Засунув руки в карманы, он стоял, не думая ни о чем конкретном и ничего особенного не чувствуя. Было около десяти часов, начинало по-настоящему теплеть. Далеко в долине по дороге ехал грузовик. За ним шлейфом тянулся дым от дизельного двигателя.

Услышав за спиной шаги, Роджер обернулся. К нему шел негр со стопкой бумаг в руках.

— Вы мистер Рэнк? — спросил негр.

— Нет, — сказал Роджер.

— Прошу прощения.

Негр резко развернулся и ушел туда, откуда появился.

Это Джеймс, решил Роджер. Здравствуй,

Джеймс, и до свидания. И в нем проснулся страх, вечно живущая память о нем, боль в губах.

Постояв, он пошел дальше, куда глаза глядят. Впереди стояло небольшое бетонное здание с торчащей трубой. Часть школьной отопительной системы, решил он. Миновав постройку, он взобрался по крутой тропе обрыва. Невдалеке был еще один домик, ветхий, от него попахивало кормом, навозом и животными, но запах был незнакомый. Это не лошади, подумал он, направляясь в ту сторону.

Постройка была без дверей. Он вошел в темноту. Ряд клеток — и больше ничего. В клетках что–то возилось и фыркало. Кролики. Он остановился у первой клетки. Коричневато–желтый кролик, подергиваясь, смотрел на него. Воняло невыносимо, но Роджера это не беспокоило. Он заглянул в каждую клетку. Некоторые кролики обратили на него внимание, другие сидели, повернувшись широкими задами к решетке, и их мех клоками торчал сквозь нее. Он легонько пощекотал одного кролика, тот подвинулся и сел подальше от решетки. Животные беспрерывно шевелили носами. Их большие равнодушные глаза наблюдали за ним.

Он вышел из сарая и снова отправился сам

не зная куда. На глаза ему попалась группа родителей с детьми. Он перебрался через нагромождение валунов — русло пересохшего ручья — и взбежал на другую сторону. Там все было тихо, ничто не нарушало эту тишину.

Роджер продрался сквозь кусты и оказался на футбольном поле, на дальней его стороне.

Смотря себе под ноги, он пересек поле, шагая по траве. И остановился на том месте. Вот тут, подумал он. В тени, под холмом. Где не было солнца. Он потоптался, пиная комки грязи.

На земле валялась длинная увядшая травинка, в рыхлый грунт были вдавлены несколько окурков. Да, здесь. Травинка была брошена, когда миссис Боннер отправилась на поиски миссис Альт.

Наклонившись, он поднял травинку и положил в карман.

Видимо, я спятил, сказал он себе и пошел дальше, по той же тропе, что тогда, вверх. Нет, подумал он. Это заведет меня не туда, куда надо.

Я правда чокнулся.

Он добрел до своей машины. Отперев дверь, сел и опустил окна. Включив радио, стал слушать музыку, новости, рекламу. Потом выключил его, вылез из машины и снова запер дверь. Черт, окна.

Забыл поднять. Открыв дверь, он дотянулся до противоположного окна и закрыл его.

Затем снова направился к главному зданию школы.

В вестибюле он нашел стул и устроился на нем. Кто–то из родителей поднялся наверх, в комнаты детей, кто–то был в классных комнатах, кто–то вышел на улицу — народу стало поменьше.

Его заметила миссис Альт, подошла и упала в стоявшее рядом кресло с плетеным сиденьем.

— Совсем замоталась, — призналась она.

— Прямо светопреставление, — согласился он.

— Знаете, я очень рада, что вы передумали.

Он кивнул.

— Можно, я кое–что скажу о вашей жене?

— Конечно, — сказал он.

— Мне кажется, она очень холодна с детьми, — поделилась с ним миссис Альт. — Отстранена. Думаю, она вообще не очень умеет с ними ладить. Это мнение, которое у меня сложилось спонтанно. Ей я это уже сказала, иначе не стала бы говорить вам. Я сказала ей, что именно поэтому хочу, чтобы Грегг остался у нас.

— Это правда, — согласился Роджер. — Наверное.

— Она хотела, чтобы у вас был ребенок?

— Не помню.

— А ее мать, какая она?

— Еще хуже, — усмехнулся он.

— Она сказала, что ее мать живет где–то недалеко от вас.

— Слишком недалеко. Она проследовала за нами с Востока.

— Думаю, вы приняли правильное решение, — сказала миссис Альт. — Ваша жена вселяет в Грегга слишком сильное чувство уязвимости.

— Как и я, — ответил он.

— Да, как и вы.

— Но не нравится вам именно Вирджиния.

— Это так, — подтвердила миссис Альт. — Не люблю таких людей.

— Странно, что вы так прямо это говорите.

— Почему бы и нет? — Она повернулась к нему. — Вирджиния это понимает.

— Вирджиния считает вас замечательным человеком.

— Разумеется.

Последняя реплика осталась ему непонятной.

— Полагаю, на меня так подействовал ее снобизм, чувство своего рода–племени, — сказала миссис Альт. — Я из Айовы. И принимаю это близко к сердцу.

Она рассмеялась раскатистым грудным смехом.

— Я так и подумал, что вы со Среднего Запада, — признался он.

— Когда–нибудь бывали там?

— Один раз, — сказал он. — Ребенком. С отцом ездили. Он покупал какую–то технику для фермы. У нас был грузовик.

— Да, Лиз Боннер вы огорчили, — сообщила миссис Альт. — Она просто вылетела отсюда… Но — с ней это бывает. У нее неистощимая способность перевирать в уме то, что ей говорят: она все понимает иначе, и никто не может ничего с этим поделать. Она из тех милых, искренних людей, что верят всем на слово, а потом в ее мозгах — если они есть — происходит бог весть что. Например, мы должны доставать специальную зубную пасту для двоих ее сыновей, потому что она где–то вычитала, что в обычной пасте — той, что рекламируют, — содержится кизельгур, а он снашивает зубы. По–моему, кизельгур не добавляют в зубную пасту с двадцатых годов. А может, и добавляют, не знаю. Может быть, она права. В том–то и дело, что ее неправоту никогда не докажешь. Она как… — Миссис Альт не могла найти нужное слово. — Не хочу сказать сумасшедшая,

нет. Она как дурочка с налетом мистицизма. В Средние века ее, наверное, сожгли бы заживо на костре, а через много лет причислили бы к лику святых. Да, так я себе представляю Жанну д'Арк. Так и вижу, как Жанна слышит голоса о войне с англичанами, о дофине, как она полностью перестраивает всю ситуацию у себя в уме — а потом выбегает в дверь, примерно так же, как Лиз выбежала отсюда, когда я сказала ей, что вы передумали оставлять Грегга в школе.

— Она поехала в Охай искать нас, — сказал Роджер.

— Серьезно? — усмехнулась миссис Альт.

— Чем занимается ее муж? — спросил Роджер.

— Хлебобулочным бизнесом. Вице–президент компании. Вы знаете. «Боннерс Бонни Бред».

— А, да, — Роджер связал между собой имя и название.

— Сначала у его деда была небольшая пекарня. Потом его отец объединил ее с несколькими независимыми пекарнями в Лос–Анджелесе. А название оставили прежнее. — Миссис Альт помолчала. — Знаете, я только одного не могу простить Лиз Боннер. Что бы вы ей ни сказали, она будет клясться, что вы ей этого не говорили. Она просто пропускает все мимо ушей. Как будто

живет в каком–то другом мире. Скажите ей что–нибудь — на следующий день она уставится на вас своими большущими карими глазами: «Нет, этого я не знала. Вы про что?» И она опять удивлена, и так всегда. На первых порах это… как бы это сказать? Ну, скажем, сначала это не доводит тебя до белого каления. Но когда это повторяется месяц за месяцем, и она каждый раз совершает одно и то же открытие…

— Как ее муж терпит это?

— Ну, Чик — легкий человек. Он тоже витает в мире своих грез. По правде говоря, мне кажется, он ее не слышит. Каждый из них идет своим путем.

По вестибюлю к ним шли две женщины. Одна оказалась Вирджинией, а другая — миссис Макгиверн, учительницей естественных наук.

— Что обсуждаем? — спросила миссис Макгиверн, подтащив себе стул.

— Лиз Боннер, — сказала миссис Альт.

— Там нечего обсуждать, — заявила миссис Макгиверн. — Она просто глупенькая.

Вирджиния сказала Роджеру:

— Я отпустила Грегга с другими мальчиками и мистером Ван Эке. На прогулку в город.

— Хорошо, — кивнул он.

— Я бы так не сказала, — возразила миссис Альт. — Скорее рассеянная.

— Это одно и то же, — сказала миссис Макгиверн.

— Нет, — не согласилась с ней миссис Альт. — Про нее не скажешь, что она еле тащится — с глупостью у меня обычно ассоциируется тихоход, этакая замороченная личность. Лиз всегда начеку, даже слишком. Она схватывает все, что видит и слышит. В этом–то, в частности, и беда. В ней нет избирательности. Она все в себя впитывает без разбору.

— У нее нет объективного взгляда на вещи, — подытожила миссис Макгиверн. И, обращаясь к Вирджинии, добавила: — Какие мы умные, правда? Сидим себе тут и перемываем косточки человеку, который находится за семьдесят миль от нас.

— Если уж говорить о ком–то за глаза, то надо позаботиться, чтобы это действительно происходило за глаза, — сказала миссис Альт.

— Да Лиз это было бы все равно, — заметила миссис Макгиверн. Ее саму можно было назвать медлительной и педантичной, это была несколько мужеподобная женщина с короткими волосами и грубым квадратным лицом. — Она

бы только позабавилась.

— Я ее, кажется, не знаю, — вставила Вирджиния.

— Это женщина, о которой я вам говорила, — пояснила миссис Альт. — Которая каждые выходные приезжает за своими детьми.

— А, — сказала Вирджиния. — Надеюсь, она достаточно умна, чтобы водить машину по этой дороге.

— Достаточно, — успокоила ее миссис Макгиверн. — Да на это большого ума и не требуется. Тут как раз требуется слабое воображение.

— Или чувство дороги, — вмешался Роджер.

— Это что такое? — поинтересовалась миссис Макгиверн.

— Умение ориентироваться, когда едешь, — объяснил он.

Миссис Макгиверн отмахнулась от его слов:

— После того как появились эти новейшие автоматические коробки передач, управление и тормоза с вакуумным усилителем, все, что остается сделать, — это повернуть ключ.

— И сразу же свалиться в кювет, — разозлившись, сказал Роджер. — Водить нужно уметь. Это или есть у вас, или нет. Вы давно водите машину? Что вы делаете, когда понимаете, что вас заносит?

Ударяете по тормозам?

Миссис Макгиверн не ответила. Она подвинула свой стул так, чтобы сидеть лицом к миссис Альт. Начался разговор о каких–то лабораторных столах. Он почувствовал, как Вирджиния взяла его за руку, и еще она предупреждающе поднесла палец к губам.

— Ладно, — сказал он.

— Ты меня удивляешь, — прошептала Вирджиния.

— Ладно.

И он погрузился в молчание.

Обратно в Лос–Анджелес оба ехали в подавленном настроении. Все будет для них не так легко — они уже чувствовали это. Вел машину Роджер. Сидя рядом с ним, Вирджиния смотрела на пейзажи за окном. Бесполезная земля, думала она. Миля за милей. Никому от нее никакого толка.

— Вот гадина, — сказал Роджер.

— Кто?

— Эта училка естественных наук.

— Да, она какая–то противная. — Тут она вспомнила, что произошло, и сказала: — Но тебе не нужно было орать. Что это на тебя нашло?

— Вот поэтому бабы и водят так паршиво — потому что так к этому относятся, — сказал

он. — Они думают, все, что надо, — это повернуть ключ. Поэтому и въезжают прямо в тебя.

— Миссис Альт, кажется, устала.

— Угу, — согласился он.

— Я бы не вынесла такой ответственности, — помолчав, сказала Вирджиния. — Я тут думала о том, что мы забыли. Мы не взяли его толстые шерстяные носки, ну те, длинные, которые он надевает на обычные. Надо список составить. Можно будет привезти их ему или отдать, когда его привезут эти Боннеры.

— Ты бы позвонила им, — посоветовал Роджер.

— Да, — согласилась она. — Точно. Все как–то перепуталось. Мне лучше самой связаться с ней: миссис Альт, наверно, про это не вспомнит. Но Боннеров вроде там сейчас и нет. Насколько я поняла. Ты их видел?

— Сегодня — нет, — сказал он.

— Позвоню им вечером.

Вирджиния нашла в сумочке карандаш и листок бумаги. Составив список вещей Грегга, она пометила себе: «Найти номер телефона, позвонить Лиз Боннер». Тут ей вспомнилось, как сплетничали миссис Альт и миссис Макгиверн.

— Не знаю, — сказала она. — По тому, что они о ней наговорили, она не производит впечатление

надежного человека. Тебе так не показалось, когда ты ее видел?

— Нет, — сказал он.

— Что ты о ней думаешь?

— По–моему, она неплохая.

— А вдруг она его высадит где–нибудь по дороге?

Роджер нахмурился.

— Стоит нескольким бабам собраться вместе — берегись.

— Она красивая? — спросила Вирджиния.

— Нет. Не особенно.

— Как она выглядит? Может быть, я видела ее, но не знала, что это она.

— Ее там не было. — Он закусил нижнюю губу. — Им обоим лет по сорок. Он лысеет. Когда я видел его, он был в спортивной рубашке — мужик как мужик. У нее каштановые волосы.

— Я познакомилась с Джерри и Уолтом, — сообщила Вирджиния.

— Это еще кто такие?

— Их дети.

— А–а, — протянул он и взглянул на нее.

— Оба рыжие. И в веснушках. Они такие…

— Я их видел, — сказал Роджер. — Большие.

— Ну, — припомнила Вирджиния, — им уже по

двенадцать. — Она подсчитала в уме. — Значит, она старше тридцати. Если только не вышла замуж в семнадцать лет.

— Значит, тридцать пять, — сказал он.

— Кажется, я не понравилась миссис Альт, — призналась Вирджиния.

— Да понравилась, ладно тебе.

— Всегда я конфликтую с такими женщинами.

Они приехали в Лос–Анджелес, и Роджер припарковался в желтой зоне перед магазином «Современные телевизоры. Продажа и сервис».

— Увидимся позже, — сказал он. — Почувствуешь себя одиноко — сходи в кино, что ли.

— В любом случае, там с детьми будут заниматься, — она словно искала оправдание. — Ну, во второй половине дня.

Больше всего ее беспокоили вечера.

Доехав до дома, Вирджиния поставила машину в гараж. Поделав кое–что по дому, она заметила, что прошло около часа. Угнетенная тишиной, она открыла телефонный справочник и стала искать Чарльза Боннера, проживавшего в Сан–Фернандо. Таких оказалось двое. Она позвонила первому, никто не ответил, тогда она позвонила второму.

— Здравствуйте, — с придыханием приветствовал ее юный голос, как будто в самое ухо говорила

девчонка–подросток.

Вирджиния едва решилась спросить:

— Миссис Боннер?

— Да.

— Вы миссис Элизабет Боннер?

— Да.

— Я миссис Линдал, — представилась Вирджиния.

— Кто?

— Ваши мальчики сейчас в… — И тут она забыла название школы. — В Охае, — сказала она. — Джерри и Уолтер.

— А! — откликнулся голос. — Да, конечно. А вы, говорите, кто?

— Вирджиния Линдал, — повторила она. — Миссис Альт собиралась поговорить с вами обо мне.

— Кто? А, Эдна? — судя по голосу, она так и не поняла, о чем идет речь. — Про что? Секундочку. — На другом конце линии трубку положили на стол, Вирджиния услышала звуки радио, которые вскоре смолкли. Потом послышались шаги, и трубку снова взяли. — Так о чем вы? — спросила миссис Боннер.

Вирджиния пояснила чуть ли не по слогам:

— Миссис Альт сказала, что поговорит с вами

и вашим мужем, не могли бы вы отвозить моего сына Грегга по выходным домой из школы в Охае. — Она вспомнила название. — Из «Школы в долине Лос–Падрес».

— Так?

— Мне хотелось бы обсудить это с вами, — раздражаясь, сказала Вирджиния. — Может быть, мы бы договорились о чем–нибудь. Я могла бы платить вам, или мы могли бы ездить по очереди, или еще как–нибудь. Миссис Альт предложила, чтобы мы что–нибудь сами решили.

— Вы здесь, в Лос–Анджелесе?

— Да, здесь, — сказала Вирджиния.

— Я думала, вы решили не оставлять вашего малыша в этой школе, — протараторила Лиз Боннер смущенно. — Разве ваш муж не забрал его?

— Мы передумали, — сказала Вирджиния.

— Вот как. Замечательно! Школа прекрасная. Он сейчас там? Мы уже отвезли наших мальчиков — сегодня утром. А с вашим мужем познакомились вчера. Забыла, как его зовут. А как зовут вашего малыша? Джордж?

— Грегг, — сказала Вирджиния.

— Он просто прелесть. Они вместе в футбол играли. Конечно, я с удовольствием буду его отвозить. Я поеду туда в пятницу вечером. Хотите

— заберу его. Или, может быть, в первый раз лучше вам за ним заехать, как вы считаете? Решайте сами. Я в любом случае поеду. А то можно вместе поехать: давайте так и сделаем? На одной машине. Я бы в ту сторону за руль села, а вы — обратно, например. Как вы считаете?

— Да вроде бы неплохой вариант, — согласилась Вирджиния. — Думаю, неважно, на чьей машине мы поедем.

— Поедемте–ка на «универсале», — предложила миссис Боннер. — Если мальчики устанут, то смогут уползти назад и поспать и не будут все время висеть над нами. Я поеду в пятницу примерно в час дня. И заеду за вами. Или приезжайте лучше сюда на своей машине — когда вернемся, сможете сразу отвезти Грегга домой. Хорошо? Я дам вам мой адрес.

— Он у меня есть, — сказала Вирджиния. — Из телефонного справочника.

— Ах, да. Ну хорошо. Что ж, тогда увидимся в пятницу, примерно в час. — После длинной череды предложений миссис Боннер вежливо закончила разговор: — Я… рада с вами познакомиться, миссис Линдал. Буду ждать… встречи с вами.

— Большое вам спасибо, миссис Боннер, —

сказала Вирджиния. — Я так благодарна вам за помощь. Ну что ж, тогда до свидания.

Она повесила трубку и закрыла телефонную книгу.

Действительно, в одно ухо входит, в другое выходит, подумала она. Они правы. Но по разговору — милая.

Глава 7

Зимой 1944 года, когда вопрос о разводе Роджера Линдала был окончательно решен, Вирджиния вышла за него замуж. Она ушла со своей работы в вашингтонских военных госпиталях, Роджер оставил место дежурного электрика на Ричмондском военно–морском судоремонтном заводе, и вдвоем они отправились на поезде в Лос–Анджелес, в Калифорнию.

Погода в Калифорнии была теплой, здесь не было снега, гололедицы, цепей на колесах машин, детям не нужно было носить кальсоны и шерстяные носки, по улицам не пыхтели старики в тяжелых пальто и наушниках. Пальмы очаровали ее: как будто она попала совершенно в другую страну, даже на другой континент. Самыми главными предприятиями стали в ту пору авиационные заводы, все остальное ушло на второй план. Взгляд едва охватывал пространство, на котором стояли припаркованные машины рабочих. Заводы работали без перерыва: как только заканчивалась одна смена, начиналась другая, и так день за днем, за вечерней сменой следовала ночная, потом снова обычная дневная. Потоки

людей втекали в заводские здания и вытекали из них со своими «тормозками» — мужчины в джинсах, женщины в свободных брюках и косынках. Вирджиния видела, как они устают, как всегда готовы начать свару, как стычки то и дело вспыхивают на углах улиц, в кафе, барах и даже в городских автобусах. Люди работали в сверхурочные часы и зарабатывали столько денег, что их трудно было сосчитать, сохранить или даже запомнить их сумму; они уставали, богатели, большинство из них приехали со Среднего Запада, жили в тесных комнатенках, а когда пытались заснуть, под окнами кричали дети. В свободное время они пили пиво в барах, несли грязную одежду в прачечные самообслуживания, ели, мылись — и снова возвращались на работу. Это была ненормальная жизнь в вечной спешке, вряд ли она нравилась им, но они понимали, что никогда больше не будут столько зарабатывать. Каждый день прибывали новые люди, искали жилье, вставали в очередь перед заводскими воротами. Музыкальные автоматы в кафе играли «Стрип–польку», а вечерами на улицы вывалывались толпы солдат и матросов с близлежащих баз, и на них во все глаза глядели выстроившиеся рядами и одетые во все лучшее мальчишки–мек-

сиканцы — они стояли у освещенных входов в магазины и напоминали Вирджинии свежелакированные деревянные статуи индейцев.

За пару дней молодожены нашли квартиру в доме военной шестиблочной постройки в поселении, состоявшем из однотипных зданий. Дома стояли на особых улицах, которые часть дня были закрыты для сквозного движения, а у входа в поселение на большом знаке можно было прочитать:

«Здесь проживают 2400 взрослых и 900 детей!

Соблюдать осторожность при проезде!

Снизить скорость — не более 15 миль в час!»

В поселении жили только белые, но в миле от него, за паровой прачечной и супермаркетом, было второе, такое же, построенное для негров.

И она, и Роджер сразу нашли работу: она — учетчицей, он — электриком. Их смены совпадали по времени, и они могли вместе есть и ходить по магазинам. У молодой супружеской пары, жившей в комнате на другой стороне коридора, были противоположные смены: муж вставал в полдень, начинал работу в два и возвращался домой после полуночи, а его жена спала с десяти часов вечера до шести утра и уходила на работу в полвосьмого. Некоторые из жильцов дома старались время от

времени устроить себе две смены подряд, чтобы получить полуторную оплату за сверхурочные вторые восемь часов. Если вторая смена выпадала на ночь в выходные, за две такие смены они зарабатывали сумасшедшие деньги. У них с Роджером была семидневка. На двери их комнаты висела табличка: «НЕ БЕСПОКОИТЬ! ОТДЫХАЕТ ТРУЖЕНИК ТЫЛА». Позже он обил дверь листом оцинкованного железа, чтобы заглушить голоса и шум, доносившиеся из коридора. К осени 1945 года на их сберегательном счете накопилась приличная сумма, а банковский сейф был полон облигаций военного займа.

Оба они страшно уставали от долгих часов работы на авиационном заводе. Как те люди в барах, они в любой момент готовы были взорваться. Оба похудели — они и приехали–то сюда довольно худыми — и помрачнели. Почти все свободное время они простаивали в очереди в супермаркете, покупая продукты, или ждали, когда постирается одежда в прачечной самообслуживания. Вечерами слушали радио или ходили на угол выпить пива, иногда ближе к ночи она читала какой–нибудь журнал, а Роджер спал. По радио шли программы Боба Хоупа и Реда Скелтона, шоу «Фиббер МакГи». Развлечения изнуренных рабо-

той людей сводились к тому, чтобы полежать, не раздеваясь, на кровати и послушать хит–парад в субботний вечер или программу «Джелло» с Джеком Бенни, Деннисом Деем и Рочестером в воскресный. Война постепенно подходила к концу. Авиационные заводы начали группами увольнять работников, сокращать количество смен, сверхурочные часы и отказываться от семидневной недели. Но Роджер и Вирджиния не стали уезжать, как рабочие–мигранты. Они заработали достаточно, чтобы остаться. Они уже считали себя калифорнийцами, не хуже Сынов Родины. Лос–Анджелес стал крупнейшей по численности населения территорией в мире; все сюда приезжали, и никто не уезжал.

Недалеко от их военного поселения вокруг супермаркета образовалось скопление магазинов и предприятий быта. Первой после прачечной открылась мастерская по ремонту обуви, затем косметический кабинет, пекарня, два гриль–бара, агентство недвижимости. Потом агентство куда–то переехало и помещение освободилось. Однажды на нем появилась вывеска: «РЕМОНТ РАДИО ЗА ОДИН ДЕНЬ». Вскоре в витрине рядом с радиолампами, аккумуляторами, лампочками для фонариков и иглами для проигрывателей

появились настольные радиоприемники первых послевоенных моделей. Видно было, как внутри за прилавком возится с чем–то человек в рабочем холщовом халате.

У них сломался старый приемник «Эмерсон», и как–то утром Вирджиния отнесла его починить в «Ремонт радио за один день».

— Это, наверное, всего лишь лампа, — сказала она. — Вряд ли там что–нибудь серьезное. Просто заглох, и все.

— Сейчас посмотрим, — сказал человек за прилавком, включая приемник в сеть и щелкая ручкой туда и обратно.

Наклонившись, он постучал костяшкой пальца по лампам, заглянул внутрь и, приложив ухо, послушал динамик. Мастер был крупным мужчиной с круглым лицом и напомнил ей Ирва Раттенфангера: было что–то славное в его увлеченности делом. В маленькой мастерской, новой, едва открывшейся, уже всюду валялись перегоревшие лампы и переходники.

— Я выпишу вам квитанцию, — сказал мастер и сунул руку под прилавок. — Сразу не смогу сделать.

Она назвала ему свое имя и адрес, и он выдал ей квитанцию на получение, оторвав ее от ярлыка.

Когда она зашла через несколько дней, приемник был готов. Обошлось это в семь долларов пятьдесят центов.

— За одну только лампу? — возмутилась она.

— Фильтры, — сказал мастер, показывая ей ярлык. — Полтора доллара за детали, остальное — работа.

Он включил приемник — тот работал нормально.

— Только за то, что поставили деталь? — все не могла успокоиться она.

Тем не менее она отдала ему деньги и ушла с приемником.

Вечером она рассказала Роджеру, сколько пришлось заплатить. Раньше, в Вашингтоне, он в гневе забегал бы по квартире, но теперь только взял квитанцию, посмотрел, положил и пожал плечами.

— Мухлюют, наверное, — сказала она, вспомнив одну статью, прочитанную в журнале.

Роджер лежал, растянувшись на диване и положив ноги на валик.

— Не думаю, — сказал он. — Они примерно так и берут.

Он лежал без очков, закрыв глаза рукой.

— Жалко, тебя со мной не было. — Она никак

не могла унять раздражение. Цены на все росли, это было ужасно. — Ты мог бы поговорить с ним. Я в радио ничего не понимаю. А они, если видят, что ты не разбираешься, пользуются этим.

Но Роджера это не волновало, он, казалось, заснул. Полчаса он лежал на спине с закрытыми глазами, иногда вздыхал, ворочался, приглаживал ладонью волосы. Тем временем она стирала в тазу нижнее белье. Из квартиры внизу доносились звуки радио, во дворе залаяла собака. Кто–то завел машину. По бетонной дорожке под окном бегали дети, какая–то женщина громко звала их домой, ужинать.

Вирджинии было спокойно у себя в квартире: всеобщее напряжение спало, и люди радовались этому. Они закончили войну одним броском. Это тяжкое испытание не прекращалось ни днем, ни ночью; не было места ни веселью, ни, уж конечно, идеализму. И вот все закончилось: теперь можно было лежать на диване, стирать или сидеть и вслух рассуждать о том, как потратить заработанные деньги, какие возможности открываются перед ними. Начали возвращаться те, кто воевал. У них было мало денег или не было совсем, и многие хотели пойти учиться по

программе Солдатского билля о правах[153] или вернуться на старую работу, которую им обязаны были предоставить по закону, или же они просто проводили время с женами и детьми, довольствуясь тем, что могут теперь всецело посвятить себя этому. Рабочим военных заводов нужно было что–то большее, ощутимое. Они привыкли всегда что–нибудь держать в руках, какой–нибудь реальный предмет.

— Думаю, мы можем себе это позволить, — сказала Вирджиния.

Он что–то пробормотал, по–прежнему лежа на диване.

— Деньги у нас есть, — добавила она.

Она читала газетный раздел объявлений о недвижимости, в который время от времени заглядывала, чтобы узнать о ценах и новых участках продажи. Как выросли цены на жилье за последний год! Дом, который продавали за пять тысяч, теперь стоил десять. Появилась реклама новых земельных массивов — их называли жилмассивами, у каждого было свое громкое название. Самый маленький из типовых домов продавался за семь–восемь тысяч долларов. Она

---

[153] Примечания: 153

Солдатский билль о правах — ряд законов, принятых в разное время в США и предусматривавших льготы для ветеранов.

считала, что это слишком дорого. В рекламе типовых домов говорилось о снижении первоначального платежа для военнослужащих, а им без такой скидки придется труднее, думала она, понадобится тысяча–две.

— Строят их не очень хорошо, — продолжала она. — Эти новые дома. Из сырого дерева, кажется. Помнишь, мы про это читали?

Он сел на кровати, протер глаза, опустил ноги на пол и потянулся рукой за очками.

— Извини, — сказала она. — Не хотела тебя будить.

— Слушай, пойдем, сходим в магазин, купим чего–нибудь сладенького, — предложил он. — Мороженого или пирога. — Обуваясь, он оглядывался в поисках пальто. — Я все еще есть хочу.

Она тоже надела пальто, прямо на хлопковую блузку, и они неторопливо пошли по вечерней улице в супермаркет, где все огни слились в одно яркое пятно. На тротуаре валялись обертки от конфет, разный мусор, но никто не обращал на это внимания — все привыкли. Внутри магазина голубовато–белый флуоресцентный свет освещал полки с банками и бутылками. Набросав в тележку всяких мелочей: пива, банку маринованных огурцов, пачку маргарина, пучок салата–латука

и ягодный пирог, Вирджиния и Роджер встали в очередь в кассу. По пути домой Роджер остановился у края тротуара и огляделся.

— Это вон там радио чинят? — спросил он.

— Да, — сказала она.

Мастерская была закрыта на ночь, неоновая вывеска не горела. В витрине виднелись образцы настольных радиоприемников, подсвеченные сзади выстроенными в ряд лампочками. Подняв сумку с покупками, Роджер сошел с тротуара и перешел улицу по направлению к витрине. Она последовала за ним.

— Интересно, сколько он в это вложил, — заинтересовался Роджер.

— Вряд ли у него тут большие запасы — несколько приемничков да радиолампы.

Роджер поднес руку к стеклу и стал всматриваться внутрь, за витрину, в глубь мастерской, где стояли полки и аппаратура.

— Думаешь, он сам все чинит?

— Ну да, — сказала она. — Тут, кроме него, никого нет.

— Приемники на пару сотен баксов, — стал подсчитывать он. — Бэушная аппаратура. Испытатель радиоламп. Запчасти. Что еще? Касса, наверное. Вот и все.

— Еще аренда, — напомнила Вирджиния.

— Скорее всего, он живет в задней части дома. — Отвернувшись от окна, Роджер пошел дальше. — Наверняка он открыл свою лавочку меньше, чем за три тысячи долларов.

— Не думаю, что он много зарабатывает, — сказала Вирджиния. Ей мастерская не понравилась, уж слишком пусто тут было. Как–то очень скромно и мрачно. Ей трудно было представить себя в таком заведении. — Ты думаешь, такая лавочка может долго продержаться? Да к нему никто не ходит, поэтому он и дерет втридорога. Его хватит на месяц–другой, не больше. И то, что вложил, он, скорее всего, потеряет.

— Сейчас продавать нечего, — сказал Роджер.

— Ну да, — согласилась она, — у него только эти приемники.

— Но потом, — продолжал он, — через пару лет, он будет продавать телевизоры.

— Если не разорится к тому времени.

Он не ответил. Она подождала и спросила:

— Так ты про такую мастерскую говорил? Я думала, у тебя в планах что–нибудь посолиднее, как те магазины в центре города.

Она представила себе уютные универмаги с коврами, продавцами, отраженным светом. С эс-

калаторами и жужжанием кондиционеров. Она всегда любила бродить по большим центральным универмагам, любила запах тканей, кожи, ювелирных изделий, надушенных продавщиц в черном, с цветами.

— Господи, — выдохнул он, — чтобы открыть универмаг, нужен миллион долларов.

— Я просто хотела сказать…

Вирджиния не знала, что хотела сказать.

— Я говорю о том, что в наших силах, — пояснил Роджер. — Можно было бы купить такой магазинчик. Всю работу по ремонту я смогу делать сам, не нужно платить кому–то зарплату — ну вот, как он работает.

— У нас всего тысяча двести долларов.

— Ну и нормально.

— Внутри там ужасно, — не успокаивалась она. — Ты не заходил туда, а я там была. Дыра какая–то убогая — как у какого–нибудь чистильщика обуви. Просто мелкая лавчонка.

Он кивнул, соглашаясь с ней.

— А что бы ты сделал? — спросила она. — Почему у тебя было бы по–другому?

Хозяин мастерской, наверное, представлял себе симпатичный магазинчик, думала она. Но чтобы сделать его таким, не хватило средств.

— Он теперь небось жалеет, что начал это дело, — сказала она вслух.

Хотя на самом деле хозяин производил впечатление человека, вполне довольного своей унылой конурой. Но ведь он был на вид таким бледным, угодливым — душа приказчика, рабочий муравей, мурлыкает что–то себе под нос, улыбается посетителям. Какая жалкая жизнь!

— Тебе не это нужно, — продолжала Вирджиния. — Тебе нужно что–то большее. Я знаю, что таким ты вряд ли бы удовольствовался. Если хочешь, чтобы у тебя был свой магазинчик, это должно быть что–то изысканное. Красивое… — Она вспомнила современный магазин одежды в центре Пасадены[154], в который она захаживала: привлекательный, стильный фасад, цветы в канавке вдоль всей витрины. — Ты ведь хочешь гордиться своим магазином, правда? Он ведь будет не только для того, чтобы просто зарабатывать деньги, — должно быть что–то еще.

Роджер, шедший рядом с ней, промолчал.

— Если бы речь шла обо мне, — сказала она, — я бы предпочла работать в каком–нибудь приличном магазине, чем владеть такой лавчонкой.

---

[154] Примечания: 154

Пасадена — город, северо–восточный жилой пригород Лос–Анджелеса. Популярный зимний курорт.

После этого никто из них не сказал ни слова. Оставшуюся часть пути до дома они прошли молча.

Позже, разогревая в печи пирог, она сказала как бы между прочим:

— Посмотрим, может, мои смогут помочь.

Конечно же, Вирджиния имела в виду свою мать. Ценные бумаги и рента первоначально принадлежали ее отцу. Поэтому как бы подразумевалось, что ими владеет не столько мать, сколько семья. И в каком–то смысле она тоже имела на них право. Их точную стоимость она не знала, но помнила, что она составляла не меньше двадцать тысяч долларов. Достаточная сумма для того, чтобы теперь, когда кончилась война, ее мать призадумалась о поездке в Европу. Мать писала ей о разных планах путешествий, в том числе и о посещении Западного побережья. Она постоянно подумывала о том, чтобы поехать в Африку.

— Над чем это ты хихикаешь? — спросил Роджер, заглядывая на кухню.

— Прости.

Она и не заметила, что рассмеялась, представив себе, как Мэрион в болотных сапогах и панаме, сжимая в руках дробовик, топает по вельду.

Ее невозмутимая, практичная мать, уроженка Новой Англии… Бог мой, подумала она. И вспомнила, как выглядела Мэрион, когда вернулась из отпуска, проведенного в Мексике: огромные лакированные сандалии на ногах, темно–красные брюки с золотым галуном, слишком тесные ей, кружевная шаль и мундштук ручной резьбы, длинный, как линейка. Тогда Вирджиния сказала ей, что она похожа на президента Рузвельта, и тогда, по крайней мере, исчез мундштук. Но потом мать несколько месяцев подряд работала в саду в своем мексиканском облачении, пока не порвались темно–красные брюки. Необычные сандалии, по ее словам, защищали ноги от грязи.

Под окном кухни соседка снимала белье с веревок, протянутых над лужайкой. Рядом носилась туда–сюда собака. Соседке было за тридцать, она была полненькая, волосы у нее были убраны под сетку, и Вирджиния подумала: «Выглядит, как официантка. В придорожном кафе. Где–нибудь между… между Аризоной и Арканзасом». Соседка вдруг визгливо закричала на собаку, отгоняя ее от корзины с бельем, — голос у нее был пронзительным, как труба.

«Боже, — подумала Вирджиния. — Неужели и я так ору? И выгляжу так?»

Она машинально вытерла руки и, поднеся их к волосам, поправила прическу. В это время она стриглась коротко из–за станков, на которых работала. Для безопасности. И повязывала голову красной хлопковой косынкой.

Роджер снова растянулся на диване в гостиной, положив ноги на валик. «Нельзя допустить, чтобы у него была такая захудалая лавка, — подумала она. — Даже если он хочет».

Нужно что–нибудь получше.

Когда они доели пирог, Роджер сказал:

— Увидимся позже. — Он достал часы. — Захочешь спать — ложись. Пойду, пройдусь до угла.

— Посидел бы лучше дома, — попыталась удержать его она.

— Я совсем ненадолго, — ответил он.

Он смотрел на нее спокойно и уверенно, с лукавыми искорками в глазах. Ее всегда раздражало в нем это лукавство.

— А то поговорили бы, — сделала она еще попытку.

Роджер стоял в дверях, засунув руки в карманы, склонив голову набок. И ждал, демонстрируя бесконечное терпение, не вступая с ней в спор, просто стоял, и все. «Как зверек, — подумала она. — Косное, безмолвное, полное решимости

существо, знающее, что оно получит то, что ему нужно — стоит только подождать».

— Пока, — сказал он, открывая дверь в коридор.

— Ладно, — ответила Вирджиния.

В конце концов, она к этому привыкла.

— У меня созревают кое–какие планы, — объяснил он ей. — Потом расскажу, когда в голове все более или менее уложится.

И ушел, загадочный и хитроумный. Дверь за ним закрылась, и Вирджиния подумала: «Что на этот раз?» Она вернулась на кухню, в которой старалась всегда поддерживать чистоту и порядок, и принялась мыть посуду.

Глава 8

Зайдя в знакомый гриль–бар недалеко от дома, Роджер увидел тех, кто был ему нужен: они сидели за столиком в дальнем конце, и он, протиснувшись мимо стойки, направился прямо туда.

Его приятель Дик Макро махнул ему рукой в знак приветствия и показал на сидевшего рядом с ним человека.

— Привет, — сказал он. — Это вот Джон Бет, только не прибавляй «Мак», он этого не любит, а это Дейвис. А имя твое я не расслышал, извини.

Дейвис пожал Роджеру руку и молча пересел. Его имя так и осталось тайной. Джон Бет, к фамилии которого нельзя было прибавлять «Мак», протянул руку. У него были умные, ясные глаза, а его плотнотканый костюм из шелковой «акульей кожи» придавал ему весьма стильный вид. Волосы, вздыбленные помадой, стояли торчком. Подавшись вперед и сказав что–то невнятное, Джон крепко стиснул Роджеру руку. У него был очень неправильный прикус, но зубы были ровного цвета — вероятно благодаря тому, что он не курил. Ему можно было дать лет пятьдесят пять.

— Рад познакомиться, — сказал Роджер, садясь напротив Джона Бета и Макро.

Дейвис, человек угрюмый, тщедушного сложения, вертел в руке бокал; его, похоже, не интересовало, о чем говорят другие.

— Правда рады? — откликнулся Бет.

— Я не мог не узнать в вас владельца «Центра бытовой техники Бета», — пояснил Роджер.

Бет кивнул.

— Послушайте… — начал Роджер.

Его приятель Макро с рассеянным видом водил ногтем по стене, предоставив Роджеру и Бету объясняться между собой.

— Хочу поговорить с вами кое о чем, — тут же принялся за дело Роджер. — В общем, я видел ваш магазин, знаю, что он отличный: у вас продаются всевозможные приборы — плиты, холодильники, машины стиральные, вся основная аппаратура, и когда их ассортимент увеличится, дело пойдет в гору — с вашим–то выгодным расположением. Но вот одно вы, кажется, не учли. В общем, я знаю, что вы продаете те приемники, которые сейчас выпускаются, к вам, наверно, поступают заказы: у вас и настольные модели, и напольные, и радиолы…

— У меня в продаже «Зенит», — уточнил Бет, —

и «Хоффман», и «Кросли», и «Ар–Си–Эй». Я не продаю «Филко» или хлам типа «Сентинела»[155].

— Понимаю. Знаете, тут вот какая штука, — продолжал Роджер, — я был в вашем магазине и заметил, какой у вас широкий ассортимент приемников и радиол, ну, или будет широкий, но еще я заметил, что у вас нет отдела технического обслуживания.

— Да, мы решаем эту проблему на стороне, — ответил Бет.

— Я как раз про это. Один ваш продавец провел меня вниз, в подвал, я посмотрел, где вы складируете свой товар в коробках, и подумал, что вы могли бы разместить там такой отдел.

— Мне нужна эта площадь, — сказал Бет.

— Ну и как вы ее используете? Вы используете ее, чтобы складировать штабелями коробки. Для этого могли бы арендовать гараж за пять долларов в месяц на какой–нибудь боковой улочке, а товар завозить на тележках — распаковывать в гараже, чтоб покупатель не спотыкался о картон под ногами, когда идет вниз посмотреть, как работает проигрыватель.

Бет покручивал бокал со своим напитком.

---

[155] Примечания: 155

«Хоффман», «Кросли», «Ар–Си–Эй», «Филко», «Сентинела» — товарные знаки бытовой электрической и электронной техники.

— Я о будущем думаю, — сказал Роджер.

Дейвис недоверчиво произнес:

— Никакого телевидения еще лет десять не будет.

— Ну нет, — возразил Роджер. — Тут вы не правы. Года не пройдет, как телевидение будет — я прочитываю все коммерческие журналы, и уж я–то знаю. Ровно через год телевизоры обгонят по продажам все остальное, вместе взятое, — это факт. Я ничего не придумываю.

— Это всего лишь разговоры, — не поверил Бет.

— Так и будет, вот увидите, я не придумываю.

Бет усмехнулся:

— И что вы от меня хотите? Чтобы я нанял вас ремонтировать телевизоры, которые даже еще не изобрели?

Макро и Дейвис фыркнули, и это положило конец разговору. Джон Бет бросил взгляд на Дейвиса, затем встал и пошел искать официантку. Роджер сделал вид, что не заметил этого взгляда.

Позже, когда Макро попрощался, а Дейвис ушел в туалет, Роджер сказал Бету:

— Я не прошу вас нанимать меня.

Бет недоуменно поднял брови.

— А что тогда?

— Я хочу, чтобы вы сдали мне внаем часть помещения под мастерскую техобслуживания. Я куплю оборудование и оплачу свою долю накладных расходов, вы будете получать часть прибыли, а если дела пойдут не очень хорошо, вы ничего не теряете, кроме небольшого участка складских площадей, которые все равно вам пол года не понадобятся.

Бет прищурился.

— Рекламу я сам буду давать, — добавил Роджер.

— От чьего имени?

— От имени «Центра бытовой техники Бета».

Бет задумчиво опустил голову.

— Вы ничем не рискуете, — сказал Роджер. — А когда у вас пойдут теле визоры, вы только рады будете, что у вас есть отдел техобслуживания. Я знаю, что будет нужно для ремонта телевизоров. Вы представляете себе, что шасси телевизоров будут под напряжением в пятнадцать тысяч вольт? Я теперь читаю справочники, как только они выходят.

— Правда?

— В шасси телевизора в десять раз больше деталей, чем в шасси радио. Питание только высоковольтное.

Бет разглядывал его.

— Каждому проданному вами прибору понадобится техобслуживание, чтобы не прогореть, а заработать пару центов на телевизорах. И нужен отдел технического обслуживания.

Бет рассматривал Роджера так, как будто тот пукнул носом.

— Если вы будете передавать работу другим, это сожрет вашу прибыль. Готов поспорить, вы уже сейчас переплачиваете. А что будет, если вам придется выполнять кучу обязательств по гарантийному обслуживанию? Вы вынуждены будете списывать это в убыток. Вопрос серьезный, не правда ли?

Бет с ухмылкой продолжал пристально смотреть на него.

— На вас зарабатывают другие, — сказал Роджер. — Кто получает настоящую прибыль — вы или фирма, которая предоставляет за вас техобслуживание?

Тут вернулся Дейвис.

— Послушайте, — сказал Бет, — если я надумаю открыть отдел по ремонту и техобслуживанию, я вам позвоню — тогда заезжайте, и мы поговорим об этом. Хочу посмотреть, чего ты стоишь за монтажным столом.

Пожав Роджеру руку, он встал вместе с Дейвисом, и они ушли, оставив Роджера одного за столиком, уставленным пустыми бокалами и с пепельницей, полной окурков и смятых бумажек. Все трое смешивали напитки, а перед ним стояли только бутылки пива «Голден Глоу». И только он один, как сейчас понял Роджер, был без галстука и не в деловом костюме. Он вышел из дома в рабочей одежде: брюках, полотняной рубашке и пиджаке.

Допив пиво, Роджер вышел из гриль–бара и в невеселом настроении сел в автобус, ехавший к дому.

Вирджинию уже уволили с завода, а примерно через месяц и он получил извещение об увольнении. Они выписывали чеки по Программе помощи безработным штата Калифорния, каждую неделю сообщали об усилиях, предпринятых в поисках работы, и уже начали понемногу тратить скопленные деньги. В начале декабря 1945 года ему позвонил Джон Бет.

— Слушайте, я хочу, чтобы вы заглянули в «Центр бытовой техники», — сказал он. — Хочу вам кое–что показать.

Надев костюм и галстук, Роджер поехал в центр города на автобусе. Бригада рабочих переделы-

вала подвал «Центра бытовой техники Бета». Внутрь вносили длинные монтажные столы для техобслуживания.

— Мой отдел ремонта, — сообщил ему Бет. — Хотите работать у меня? Макро говорит, вы свое дело знаете.

Макро работал с ним на военном заводе. Теперь Макро стал закупщиком деталей в крупной фирме, занимавшейся поставками.

— Я хочу войти в долю, — сказал Роджер.

— Это нельзя. Магазин мой.

Они сидели наверху, в кабинете Бета над демонстрационным этажом.

— Это ведь моя идея открыть отдел ремонта, — возмутился Роджер.

— Не уверен. Насколько припоминаю, мы все перетирали эту тему. Ну, так что вы скажете? Не хотите — не надо.

От такого поворота событий Роджер оцепенел. Он не нашел ничего лучшего, чем сказать:

— У меня есть где–то тысяча долларов, чтобы вложиться: я могу закупить приборы и приспособления.

Он не мог посмотреть в лицо Бету, словно глаза и рот были забиты ватой. Он просто сидел и бессмысленно потирал верхнюю губу.

— Ну, мне работать надо, — сказал Бет, так больше ничего и не добившись от него.

Роджер встал, вышел из кабинета, спустился вниз и оказался на улице.

Остаток дня он провел, блуждая по центру города, рассматривая витрины магазинов и раздумывая, что же ему делать. Наконец он зашел в какую–то радиомастерскую и спросил у владельца, не нужен ли ему мастер по ремонту. Владелец сказал, что не нужен, и он ушел. Увидев еще одну мастерскую, он спросил и там. Ответ снова был отрицательный. Роджер предложил свои услуги еще в двух местах — и махнул рукой. Сев в автобус, набитый женщинами с покупками, он поехал домой.

Как они меня, однако, думал он. Как такое могло произойти?

Наверное, он вообще двигался в неправильном направлении. Ему вспомнилась его первая жена Тедди и их дочка, которую отдали в школу где–то на востоке. Это было два года назад, и с тех пор он их не видел. Она снова вышла замуж. Да, конечно, он уехал в Калифорнию, его желание исполнилось. Но все шло не так, как ему хотелось. Тяжелое испытание трудом в тылу, бессонные ночи, долгие поездки на автобусе каждый день,

тесная квартирка. И на кой хрен все это?

За несколько кварталов от своего дома он сошел с автобуса и заглянул в парикмахерскую[156]. Все кресла были заняты. Везде сидели мужчины, они читали газеты и курили. Он снова махнул рукой и ушел. Зайдя в бар на другой стороне улицы, он заказал бутылку пива.

Он пил пиво, но ему не хватало ощущения парикмахерского кресла под собой, лосьонов для волос и горячего влажного полотенца, не хватало уюта. Парикмахерская была видна ему из окна, он все смотрел туда и, когда ожидавших в очереди стало меньше, снова перешел улицу.

— Меня побрить, — велел он парикмахеру, когда подошла его очередь. — И постричь тоже: и то, и другое.

Он позволял себе бриться у парикмахера только один раз в год: это была ни с чем не сравнимая роскошь. Он откинулся в кресле и закрыл глаза.

Некоторое время спустя парикмахеру пришлось разбудить его.

— Чем вам спрыснуть волосы? Просто водой?

— Нет, — сказал Роджер. — Каким–нибудь из

---

[156] Примечания: 156

...и заглянул в парикмахерскую... — для многих американцев это был символ жизни в маленьком уютном городке или квартале, то место, где можно узнать все новости, где собираются старики.

этих масел, что так хорошо пахнут.

Парикмахер дал ему понюхать несколько флаконов, и Роджер выбрал тот, что понравился ему больше всего.

— В гости, наверное, собираетесь? — спросил парикмахер, втирая ладонями масло ему в волосы. — Будете благоухать, могу вас заверить, а женщин, по–моему, именно это и привлекает.

Роджер расплатился и вышел из парикмахерской в гораздо лучшем настроении. Он и не помнил, сколько лет назад его щеки и подбородок были такими гладкими. Так хорошо меня еще никогда не брили, думал он, шагая по тротуару. Повсюду автобусы закончили развозить рабочих, и ему приходилось пробираться сквозь их толпу. Люди молча спешили домой. Мимо все проплывали и проплывали их лица, пористые, покрытые щетиной, пока он не зашел в бар, в котором уже не раз бывал. Почти час, сгорбившись над столом, он пил пиво и размышлял.

В минуту отдыха с ним заговорил бармен:

— Вам не приходилось видеть, как конь бегает задом?

— Нет, — рассеянно ответил он.

— Готов поспорить, это и невозможно. А вот человек может бегать задом.

Сидевший рядом рабочий в черной кожаной куртке и стальной каске вставил:

— Если бы он попробовал, то смог бы побежать задом.

— Черта с два, — отрезал бармен. — Ему не будет видно, куда двигаться.

Допив пиво, Роджер встал со стула, пожелал окружающим спокойной ночи и медленно направился к выходу.

На улице стемнело. Свет фонарей беспокоил его, и он прищурился. Положив очки в карман пальто, он постоял, протирая глаза. «Что же дальше?» — уже в который раз спрашивал себя он. И снова вспомнил Тедди, и Ирва Раттенфангера, и песенку «Bei Mir Bist Du Schon», которая была популярна, когда он и Тедди стали встречаться. Как–то вечером они танцевали под «Дипси Дудл» в придорожном кабачке в Мэриленде — в то время он неплохо, черт возьми, танцевал. Странно, что Вирджиния, которая когда–то была танцовщицей, не любила танцевать. Только раз они с ней сходили на танцы. С координацией у нее что–то не то, думал он, ступая на тротуар. Отсутствует чувство ритма. Почему? Непонятно.

Перед ним остановился высокий негр, чтобы поговорить с другим негром. Роджер, шедший с

опущенной головой, налетел на высокого негра; тот даже не пошатнулся.

— Смотреть надо, куда прешь, — выругался негр.

— Видел же, что иду, — огрызнулся Роджер.

— Самому смотреть надо, — буркнул негр, здоровенный детина.

— Это ты смотри, — огрызнулся Роджер. — Уголек черномазый.

Но сказал он это недостаточно тихо. Негр услышал и, когда Роджер уже собирался пройти мимо, занес кулак и врезал ему в ухо. Роджера развернуло, и он упал. Вскочив на ноги, он бросился на негра и изо всех сил нанес ему удар. Почти одновременно негр снова заехал ему, на этот раз в нижнюю челюсть, и во все стороны полетели зубы. Роджер осел на четвереньки. Негр со своим приятелем быстро удалился. Подошли какие–то люди, белые, двое из них помогли ему встать.

— Что сделал этот черномазый? — кричали они, и вокруг набежали другие белые. — Дружище, он тебя не порезал?

Они ощупали его с головы до ног, не течет ли где кровь, а он покачивался, прикрывая пальцами разбитые передние зубы.

— На этого парня ниггер напал, — сообщил

кто–то собравшейся вокруг них толпе. — Избил и смылся.

Один из мужчин предложил подвезти его домой. Кляня всех негров, прохожие посадили его в машину, отдали вывалившиеся из кармана очки и пожелали удачи.

— Их каждый день в Лос–Анджелес все больше наезжает, — посетовал человек, который вез его.

Роджер, корчась от боли, подпер голову рукой.

— В основном с юга, конечно, едут, — сказал мужчина. — Сельхозрабочие по большей части — в городе совсем не умеют себя вести. Ну, то есть впервые в жизни у них в руках деньги — ну в голову и ударяет. Кайфуют, мать твою. Но лучше уж они, чем мексы, скажу я вам. Тем если попадешься — котлету из тебя ногами сделают, сапогами своими с выступами на подошвах.

Стараясь как можно яснее выговаривать слова, Роджер прошамкал:

— Ниггеры хреновы.

— Ну, это мог быть кто угодно, — сказал мужчина, остановившись у многоквартирного дома. — Вам здесь?

— Да, — ответил он, держа у рта носовой платок. В ухе звенело, и он плохо слышал: звуки сливались в какой–то гул, а потом гасли. — Спа-

сибо, — выдохнул он, выбираясь из машины.

— Бывает, — сказал мужчина.

Он дождался, когда Роджер дойдет до крыльца дома, и только тогда уехал.

Увидев его, Вирджиния в ужасе подскочила:

— Что случилось?

Она подбежала к нему и отвела его руки ото рта.

— О, Господи, — так и ахнула она. — Что это было? Что случилось?

— Мужик один побил, — объяснил он. — Я его первый раз в жизни видел.

— Я вызову полицию, — сказала она. — Я пошла звонить.

И она двинулась было в коридор.

— Да брось ты это на хрен! — в отчаянии воскликнул он и, опустившись на диван, попросил: — Дай ледяных кубиков.

Она принесла несколько кубиков льда, и он соорудил из них компресс. Лежа на спине, он прижимал лед к верхней челюсти. Вирджиния вытерла струйку ледяной воды.

— Нужно будет идти к зубному, — сказал он.

— Позвонить сейчас?

— Нет. Завтра.

В постель он не стал ложиться — всю ночь про-

лежал навзничь на диване. Несколько таблеток анацина[157] заглушили боль, но заснуть он так и не смог.

«Что мне делать?» — спрашивал он себя.

Он вспоминал другие места, которые нравились ему больше. Он понял, что на самом–то деле не стал хоть сколько–нибудь счастливее оттого, что приехал сюда, даже в самом начале. В Вашингтоне, округ Колумбия, было куда лучше, решил он. Несмотря на погоду. Ему нравились тамошние дома. И снег ему был не помеха.

В Арканзасе, в детстве, он когда–то, проваливаясь, бегал по снегу. Он помнил длинные веретенообразные деревья без листьев, чащами торчавшие на склонах холмов — все хилые, хрупкие и тем не менее росшие повсюду на нерасчищенной земле. Может быть, они и до сих пор там стоят. Он вспомнил, как однажды поставил на пенек старую глиняную вазу и бросал в нее камни до тех пор, пока она не разлетелась на осколки, и среди черепков оказалась монета, вставленная еще когда глина была мокрой. Очистив монету, он обнаружил, что это двадцатицентовик. За всю свою жизнь — а ему тогда было одиннадцать

---

[157] Примечания: 157

Анацин (анасин) — болеутоляющие таблетки.

— ему ни разу не приходилось ни видеть монету в двадцать центов, ни слышать о такой. Он почти два года таскал ее с собой, уверенный, что обладает единственным в мире экземпляром. И вот в один прекрасный день он попытался потратить денежку, а продавец отказался принимать ее, сказав, что она фальшивая, что такой монеты не существует[158]. И тогда Роджер выбросил ее.

Теперь, лежа на спине с прижатым ко рту компрессом, он пытался вспомнить, что же он хотел купить на те двадцать центов. Наверное, конфету. Ну, сейчас ее в любом случае уже не было бы — будь то денежка или конфета.

На следующее утро у него так распухли губы, что он не смог есть. Он попробовал отпить кофе, но боль была невыносимая. И все же он не уходил из–за кухонного стола, сидел и смотрел на чашку и тарелку.

— Тебе нужно к зубному, — сказала Вирджиния. — Тебе даже не поесть, и ты едва говоришь — давай я позвоню.

— Не надо, — отказался он.

---

[158] Примечания: 158

...обнаружил, что это двадцатицентовик... <...>...что такой монеты не существует... — Серебряные монеты в двадцать центов чеканились в США несколько лет — с 1875 по 1878 годы. При этом лишь в 1875 и 1876 годах они поступали в обращение. 950 монет 1877–1878 годов выпускались для коллекционеров.

— Но что ты собираешься делать?

Большую часть утра Роджер просидел в жалком состоянии в гостиной, ничего не предпринимая, не разговаривая с Вирджинией и даже не думая ни о чем. Сломанные передние зубы совсем разболелись, и после полудня он все–таки разрешил ей спуститься к телефону–автомату. Она долго не возвращалась и наконец, появившись, сказала:

— Едва нашла врача, который сможет посмотреть тебя сегодня. Его зовут доктор Корнинг.

Он прочел адрес — кабинет находился на другом конце города.

Взяв клочок бумаги, он надел пальто.

— Я с тобой, — вызвалась Вирджиния.

— Нет, — покачал головой он.

— Я пойду.

— Нет!

Обойдя ее, он вышел в коридор и направился к лестнице. Но она последовала за ним.

— Ты можешь упасть в обморок, — сказала она. — Я хочу пойти с тобой. Почему ты не хочешь, чтобы я была рядом?

— Иди к черту, — взъярился Роджер. — Ступай обратно, домой.

Спустившись и выйдя на тротуар, он увидел, что она сдалась. И он пошел к автобусной оста-

новке один.

На дорогу ушло больше часа. В приемной у стоматолога он попытался закурить, но не смог удержать сигарету в зубах, и ее пришлось потушить. Ожидание заняло пятнадцать минут. Напротив него сидели, вытянув ноги, трое маленьких детей. Все трое уставились на него, хихикая, пока мать не приструнила их.

Наконец врач принял его и сделал укол новокаина.

— Один можно спасти, — сообщил он. — Могу поставить на него коронку. Но два других сломаны прямо у десен. — Он начал удалять кусочки зубов. — Ваша жена сказала по телефону, что вас кто–то ударил.

Роджер кивнул.

— На изготовление коронки уйдет пара дней. Как бы то ни было, теперь, когда я удалил остатки других зубов, боль должна прекратиться. Думаю, можно будет есть мягкую пищу, только не пытайтесь кусать. — С помощью зеркальца он осмотрел другие зубы. — Когда вы в последний раз были у стоматолога?

— Давно, — ответил Роджер.

Он не был у зубного врача с довоенного времени.

— Нужно будет подремонтировать. Почти на всех коренных — кариес. Снимочки сделать. Нельзя позволять зубам разрушаться. На сладкое реагируют?

Роджер что–то пробормотал.

— Коронка и остальная моя работа будут стоить шестьдесят долларов, — сказал доктор Корнинг. — Сейчас можете оплатить? С новых пациентов я обычно беру вперед.

Роджер заплатил чеком.

— Восстановление остальных зубов обойдется вам долларов в двести–триста. И чем дольше вы будете откладывать, тем будет дороже.

Договорившись, когда ему будут ставить коронку, Роджер спустился и вышел на улицу. От новокаина лицо у него онемело и деформировалось, и он то и дело поднимал руку, чтобы дотронуться до него. Сумма оплаты привела его в бешенство. Он понимал — он знал, — что его ограбили, воспользовались его положением. Но что он мог сделать?

«Черт возьми», — выругался он про себя.

Всюду ему мерещились всевозможные жулики и мошенники. Он проникал взором в конторские здания, где обделывались грязные делишки, где вращались колеса всей этой машины. Кредитные

учреждения, банки, стоматологи, другие врачи, целители–шарлатаны, сосущие деньги из пожилых дам, мексы, громящие витрины магазинов, дефектная аппаратура, еда с подмешанными отбросами, туфли из картона, шляпы, тающие под дождем, садящаяся и рвущаяся одежда, машины с неисправными блоками цилиндров, стульчаки, кишащие болезнетворными микробами, собаки, разносящие по городу чесотку и бешенство, рестораны, в которых подается гнилая еда, обесценившиеся кредиты на недвижимость, липовые акции в несуществующих горных компаниях, журналы с непотребными фотографиями, хладнокровно забиваемые животные, молоко с дохлыми мухами, жуками, паразитами и экскрементами, разный мусор и хлам, дождь из нечистот, льющийся на жилые дома и магазины. Потрескивали электрические аппараты хиропрактиков, визжали пожилые дамы, кипели во флаконах и взрывались патентованные лекарственные средства… И всю войну он увидел как колоссальный хитроумный обман, когда людей убивают для того, чтоб жирные банкиры размещали займы, когда строят корабли, которые прямиком идут ко дну, когда невозможно погасить облигации, когда власть захватывают коммунисты, а кровь,

предоставляемая Красным Крестом, заражена сифилисом. Негритянские и белые войска, квартирующие вместе, медсестры, подрабатывающие проституцией, генералы, трахающие своих ординарцев, нажива, масло с черного рынка, учебные лагеря, в которых новобранцы тысячами мрут от бубонной чумы, болезнь, страдания и деньги, перемешанные вместе, сахар и резина, мясо и кровь, продовольственные талоны, плакаты, предупреждающие об опасности венерических заболеваний, обследования половых членов, винтовки М–1, артисты Объединенной службы организации досуга войск, выступающие с таким видом, словно им кол в жопу вставили, ублюдки, гомики и ниггеры, насилующие белых девушек… Он увидел, как небо вспыхнуло и потекло, по небесам пронеслись половые органы, и услышал голос, каркающий в уши про месячные его матери. Он увидел, как весь мир корчится в волосах — чудовищный волосатый шар, лопающийся и заливающий его кровью.

— Дерьмо, — выдохнул он.

Роджер шел по тротуару, засунув руки в карманы. Постепенно к нему вернулось самообладание.

— О Господи, — слабым голосом проговорил

он.

Руки у него тряслись, ему было холодно. Подмышки вспотели, ноги подкашивались. Остановившись у питьевого фонтанчика, он наклонился и набрал полный рот воды. Выплюнув воду в желоб, он вытер подбородок носовым платком.

Вообще–то все не так уж плохо, подумал он. У них все еще лежит в банке семьсот–восемьсот долларов — больше у него никогда и не бывало.

Но страх не отпускал. Он не знал, что ему делать. И поэтому шел дальше, мимо продуктовых магазинов, площадок с подержанными автомобилями, аптек, булочных, обувных мастерских, химчисток и кинотеатров, вглядываясь в витрины и пытаясь понять, что было бы лучше всего для него самого и его жены.

Перед площадкой с подержанными автомобилями стоял продавец, ковырявший в зубах и смотревший на прохожих. Он спросил у Роджера:

— Какую машину хотели, старина?

— Откуда вы знаете, что мне нужна машина? — вопросом на вопрос ответил Роджер.

Продавец пожал плечами.

— Что у вас есть? — спросил Роджер.

— Много чистых машин, старина, — сказал про-

давец. — Заходите, посмотрите. Выгодно купите — нигде в городе больше такого не найдете.

Держа руки в карманах, Роджер зашел на площадку.

Заслышав его шаги по лестнице, Вирджиния бросилась открывать. От его жалкого и унылого вида не осталось и следа, он улыбался ей, как раньше, загадочной, многозначительной улыбкой, как будто знал что–то такое, чего не знала она.

— Что с тобой сделали? — спросила она. Опухоль уже спала, он свободно двигал губами. — Почему так долго?

— Пойдем вниз, — сказал Роджер.

— Зачем? — замялась она, не зная, что подумать.

— Хочу кое–что тебе показать. — Повернувшись, он пошел обратно. — Я купил машину.

У тротуара стоял голубой довоенный седан.

— Тридцать девятая «шевролетка», — представил он ей автомобиль.

— С чего бы это? — воскликнула она.

Лицо Роджера лукаво расплылось от сознания того, что он совершил нечто важное и дерзкое. Он покачивался взад–вперед, бросая взгляды то на нее, то на машину, и наконец сказал:

— А угадай, с чего бы. Ну, ладно. Ни за что не угадаешь.

— Скажи сам.

— Мы съездим с тобой на восток, — сказал он.

— В Вашингтон?

— Не так далеко, — широко улыбаясь, ответил он. — В Арканзас.

Она видела: он настроен серьезно.

Глава 9

В пятницу в магазине Пит Баччиагалупи спросил его:

— Слушай, ты какой–то весь всклокоченный. Выгодное дельце назревает?

Роджер ответил:

— Мой парень сегодня приезжает из школы домой.

Вторая половина дня тянулась бесконечно. Некоторое время он провел у буфетной стойки в соседнем аптечном магазине, потом занимался в подвале с Олсеном делами, связанными с техобслуживанием.

Когда Роджер снова поднялся наверх, Пит наводил порядок на прилавке.

— Я наконец убрал двадцатиоднодюймовый «Филко» из отбеленного дуба, — сообщил он.

Пит положил руку на плечо Роджеру и развернул его лицом к той части магазина, где находился небольшой демонстрационный зал. Там в полутьме сидел и молча ждал мужчина.

— Явился, когда я работал, — сказал Пит. — Ему, естественно, нужен ты.

Подойдя к двери зала, Роджер заглянул внутрь.

Скрипнуло кресло — ему навстречу поднялся Джул Ним. Старик был без пиджака, от него пахло потом и табаком. Он сконфуженно сопел. Когда он улыбнулся, в темноте сверкнул золотой зуб. Джул беспомощно всплеснул руками, словно пытаясь извиниться за что–то.

— Мистер Линдал, — обратился он к Роджеру.

— Привет, Джул, — сказал Роджер. — Как дела?

Старик был владельцем магазина «Садово–газонной мебели и принадлежностей», расположенного по соседству, справа.

— Вы так заняты, — сказал Ним. — Не хотелось вас беспокоить. Я просто думал, может быть, вы или ваш молодой сотрудник могли бы помочь мне. — Когда нужно было сказать что–то действительно важное, он начинал говорить неуверенно, как бы защищаясь, и витиевато, словно какой–нибудь аристократ. — Если сейчас не время… — Он снова взмахнул руками.

— Я вам помогу, — успокоил его Роджер. — Что там у вас стряслось?

Они вместе прошли через весь магазин к выходу. С каждым шагом живот мистера Нима переваливался из стороны в сторону. Верхняя пуговица на брюках была расстегнута, под мышками на шелковой рубашке образовались мокрые

круги.

— Качели, — сказал он Роджеру. — Мы не можем перетащить их к окну.

Его раскрасневшееся лицо все еще подрагивало от напряжения — сидя в демонстрационном зале у Роджера, он пытался отдышаться.

— В следующий раз зовите меня, — сказал Роджер.

— Видите ли… — Мистер Ним закрыл лицо ладонью. — Мне так не хочется беспокоить вас, мистер Линдал.

В магазине садовой мебели у качелей, тяжело дыша, стояла миссис Ним. Пока муж ходил за помощью, пожилая женщина пыталась передвинуть качели сама. Увидев Роджера, она благодарно улыбнулась, выпрямилась и взглянула на мужа. Джул встал на ее место, а Роджер взялся за другой конец. Вместе они дотащили качели до фасадного окна и установили их там. Миссис Ним следовала по пятам, желая проследить, чтобы качели непременно поставили так, как нужно, но не говоря ни слова. Как только она начинала показывать рукой направление, муж отмахивался.

— Тяжелые, — сказал Роджер, когда они отпустили качели.

— Это так мило с вашей стороны, мистер Линдал, что вы позволили отвлечь вас от собственной работы, чтобы сделать для нас то, с чем нам надо бы справляться самим, — поблагодарила его миссис Ним.

И она, и Джул были смущены, они прильнули друг к другу, не зная, как его благодарить.

— Обращайтесь, — ответил Роджер, а сердце его все еще колотилось в груди.

У него перехватило дыхание, и пришлось какое–то время помолчать. Он полез за сигаретой и спичками. Стоило ему поднять что–нибудь тяжелое — телевизор, плиту, холодильник, как руки сразу белели, а пальцы деревенели, и на них оставались следы. Вот и сейчас было так — как будто кисти рук вот–вот отвалятся. Роджер сунул их в карманы, чтобы не было видно. Джул Ним тут же торопливо вскочил и скрылся за занавесками в глубине магазина. Появившись с коробкой в руках, он протянул ее Роджеру.

— Хотите кусочек рахат–лукума? — настойчиво предложил он сладости. — Настоящий, сестра прислала. Возьмите пару кусочков.

Роджер взял два куска для Пита, который любил такие вещи. Вернувшись в свой магазин, он положил рахат–лукум на прилавок.

— Спасибо, — поблагодарил его Пит, откусывая. — Что было на этот раз?

— Опять садовые качели.

— Твоя жена звонила, — сообщил Пит. — Как раз когда ты помогал им двигать качели. — Он показал Роджеру запись в телефонном блокноте. — Сказала, что приехала из Охая. Перезвонит попозже. — Чавкая, он продолжил: — А там хорошо. Много богатеньких пенсионеров там живет. — Он проследил взглядом, как Роджер сунул записку в карман. — Старик Ним души в тебе не чает. А ведь скоро у него опять сердце прихватит прямо в магазине — чего доброго, свалится мертвым на какие–нибудь качели.

В полшестого Вирджиния позвонила снова.

— Я дома, — сказала она. — Мы только что вернулись. Вот Грегг.

В трубке что–то сильно зашумело, и Роджер услышал голос сына:

— Пап! Знаешь, что со мной было? Я из окна выпал — ну, там, где мы были. Прямо на землю свалился. А потом…

Вирджиния взяла у него трубку.

— С ним ничего страшного. Из окна палатки он выпал.

— Ну и как он? — спросил Роджер.

— Хорошо. Очень, конечно, рад, что я приехала. Ждал меня у стоянки. Хорошо, что я поехала, ну, то есть не просто ее попросила забрать.

— Как дорога?

— Ужасно, — призналась Вирджиния. — Хуже не бывало. Но она умеет быстро ездить. Мчится, почти как ты.

— Ты в какую сторону вела машину?

— Обратно. А она в это время детьми занималась.

— Как она тебе? — спросил Роджер.

— Они совершенно правы.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она действительно глупенькая.

— Хм, ну да, — буркнул он.

— Но она такая милая. Поговорим позже: Грегг носится по дому и сносит лампы. Ты где–то в полседьмого будешь дома?

— Да, — сказал он и повесил трубку.

— Что там? — поинтересовался Пит. — Доехали–то нормально?

— Нормально, — ответил Роджер.

У него испортилось настроение.

— Я выйду на минутку, — сказал он. — Кофе попью.

Оставив Пита за главного, он пошел в аптеч-

ный магазин.

Вечером, когда они уложили Грегга спать, Роджер спросил у жены:

— А почему ты считаешь, что она глупенькая? Что ты имеешь в виду? Мне она такой не показалась.

Вирджиния, сидевшая в халате на диване, сказала:

— Она совершенно не слышит, что ей говоришь, а если слышит, то не понимает. Путает все до абсурда. Разве это не значит быть глупенькой?

— И чего вы все к ней прицепились?

— Я только что провела с ней четыре с половиной часа, — сказала Вирджиния. — Так что можешь мне поверить.

— Значит, ты думаешь, ничего не получится?

— Что не получится? Это не имеет никакого отношения к делу.

— Как вы договорились? — спросил он.

— Она отвезет троих мальчиков в школу в это воскресенье. Потом мы снова поедем вместе, в следующую пятницу.

Роджер с горечью произнес:

— Если она такая глупая, может, лучше тебе с ней не иметь дела?

— Не вижу связи.

— Ты просишь ее помочь тебе, она ведет машину по дороге, где ты сама боишься ехать, а потом ты приходишь домой и разглагольствуешь о том, какая она глупышка. По–моему, это называется лицемерием. А ты как считаешь? — Он все больше выходил из себя. — Тебе не стыдно?

— Ты спросил меня, что я о ней думаю, — сказала Вирджиния.

Тут она была права.

— Ладно, — сказал он. — Забудь.

Но сам он никак не мог успокоиться.

— По дороге у вас ничего не случилось? — спросил он через некоторое время.

— Нет, — ответила Вирджиния.

Она читала журнал.

— Точно?

Она бросила журнал.

— Да что с тобой такое? В чем вообще дело?

Он надел пальто — старое, с оторванной пуговицей.

— Пойду, в магазине побуду. — Дома ему было неспокойно, не сиделось. — Надо посмотреть несколько настольных телевизоров, настроить к субботе.

— Вот как! — Вирджиния грустно прошла за ним к двери. — А если с тобой Грегг захочет по-

говорить?

— Господи, — с раздражением сказал он, — его не было дома всего три дня. Позже увидимся.

Он закрыл за собой дверь.

У подъезда вспыхнул свет: это она включила его для Роджера.

Он сел в «Олдсмобиль», прогрел двигатель и поехал обратно, в свой закрытый магазин.

Внизу, в отделе ремонта, горел верхний флуоресцентный свет. За монтажным столом сидел Олсен и все еще работал. Рядом с ним лежала картонная коробка с кофе и остатками сэндвича. Роджер видел только его большую, испачканную грязью спину и поднятую к свету голову с небрежно постриженными седыми волосами. Он был поглощен своим делом.

— Привет, — поздоровался Олсен.

— Здорово, — сказал Роджер. — Чего это ты все еще пашешь?

— Да так. Ты же мне платишь.

В помещении раздавались громкие звуки приемника, стоявшего перед Олсеном. Он чуть уменьшил громкость. В мастерской пахло его потом. Это был длиннорукий неулыбчивый ремесленник–одиночка, каких уже мало осталось. Угрюмый и неразговорчивый, он был тем не

менее превосходным мастером радиоремонта. К работе он подходил ответственно. Никто не знал, сколько ему лет, но выглядел он не моложе пятидесяти. Приехал Олсен, как он сам говорил, из Юты. Одет был вечно неряшливо, в какие–то в лохмотья; в местах, где расходилась тесная рубашка, видны были темные волосы на животе. Не выносил в нем Роджер только привычку плевать в мусорную корзину.

— Сколько ты уже здесь? — спросил он.

— Я отмечаюсь. — Олсен показал на захватанную согнутую тетрадь в обложке из кожзаменителя, в которую заносил свои рабочие часы. — Посмотри, если надо.

— Ух, слесаря чертовы, — сказал Роджер.

Но он был рад обществу Олсена.

— По пивку? — предложил Роджер.

— Угощаешь?

— А то.

— Ну тогда давай.

Протянув руку вверх, Олсен выключил стенд. Рабочий шум стих, стрелки приборов вернулись на ноль. Убрав ноги с перекладин табуретки, Олсен грузно встал с нее, потянулся, застегнул брюки, сплюнул в мусорную корзину у края стенда и снял пальто с гвоздя, вбитого им в балку

стены.

— Пошли, — сказал он.

Вдвоем они сидели в баре на углу и пили пиво «Будвайзер» из бутылок. Музыкальный автомат проигрывал запись Джонни Рэя. В баре сидели, разговаривая или погрузившись в размышления, несколько рабочих и бизнесменов и блондинка в горжетке. В глубине бара два посетителя играли в шаффлборд[159]. Время от времени раздавался стук фишек. Шипела газовая плита. В баре было уютно.

— У тебя неприятности? — спросил Олсен.

— Нет.

— Чего ж тогда ты не дома?

Ему не хотелось отвечать.

— Пришел телевизоры настроить, — сказал он.

— Черта с два, — не поверил Олсен.

Подняв голову, Роджер сказал:

— Какие у меня могут быть неприятности? Бизнес приносит деньги. Есть жена, сын. Здоровье вполне ничего. Никаких у меня особенных проблем нет.

Он пил пиво, опершись локтями о стойку.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде

---

[159] Примечания: 159

Шаффлборд — игра с передвижением деревянных, пластмассовых или металлических кружков по размеченной доске.

чем Олсен снова заговорил:

— Я тоже женат. Детей у меня нет, зато вот есть работенка непыльная. Пусть даже работаю я на одного чудака. Но я не сижу дома. Вот уже девять вечера, а я занимаюсь ремонтом.

Он повернул голову и, глядя искоса, стал внимательно рассматривать Роджера.

— Что такое? — удивился Роджер.

— Да ничего. — Он отвел в сторону взгляд воспаленных глаз. — Спросить хотел кое о чем.

— Спрашивай.

Голос у Олсена был хрипловатый, словно он был простужен:

— Когда ты в последний раз хорошенько трахнулся?

— Смотря что ты под этим подразумеваешь.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я. — Олсен сунул большой палец в пиво и, подняв, осмотрел его. — Понятно, не у себя дома в гостиной.

— Два года назад, — признался Роджер.

В 1950 году под Новый год он переспал с одной девицей, с которой познакомился на развеселом пьяном застолье. Вирджиния тогда на что–то обиделась и ушла домой раньше, оставив его одного среди гостей.

— Может, в этом все дело.

— Иди к черту, — сказал Роджер.

Олсен пожал плечами.

— Вот это многих мужиков и губит. Люди без этого заболевают. То, что случается у тебя дома, не в счет.

— Я не согласен, — возразил Роджер. — Твой дом — твоя семья.

Олсен снова хитро усмехнулся.

— Ты так говоришь, потому что не знаешь, как бы тебе подъехать к какой–нибудь…

— Нет, — не соглашался Роджер. — Я говорю то, что думаю.

— Разве плохо было тебе тогда, два года назад?

— Лучше бы этого не было, — признался Роджер. После того случая он чувствовал раскаяние и никогда больше так не поступал, даже не пытался. — В чем смысл того, чтобы жениться? А как насчет твоей жены? Тебе понравится, если она изменит?

— Это другое, — сказал Олсен.

— Ну конечно. Двойные стандарты.

— А почему бы и нет? Для мужика погулять — дело нормальное. Так же как для бабы — не гулять. Если бы моя сходила налево, я бы ее убил. Она это знает.

— Ты ей изменяешь? — спросил Роджер.

— При каждой удобной возможности. При любой.

При этом Олсен выглядел суровым неприступным праведником.

«Вот ведь паршиво как, — подумал Роджер и отпил пива. — Знаю, что это нехорошо. Но в этом случае совсем другое дело».

— Любовь важнее брака, — сказал он Олсену. — Люди ведь женятся по любви, разве не так?

— Иногда — да, — великодушно согласился тот.

— Значит, любовь — прежде всего. — Роджер назидательно поднял указательный палец, обращаясь к Олсену. Но тот с отсутствующим видом устремил взгляд куда–то вниз. — На первом месте всегда должна быть любовь. Брак вырастает из нее, сначала — любовь. В Китае женятся не по любви, там до свадьбы даже не видят друг друга. Это все равно, что скот разводить — разве нет? В этом и разница между человеком и животным: человек влюбляется, и если ты не идешь за любовью, то ведешь себя как животное, а для чего, черт возьми, ты живешь? Скажи мне? Только для того, чтобы работать, есть и размножаться?

— Понимаю, — сказал Олсен. — Но как узнать наверняка, что ты любишь? Может, тебе надо

только немного покувыркаться с бабой. Это не одно и то же. Можно любить и не хотеть с ней спать — может, как раз это и есть настоящая любовь: тебе не надо тащить ее в постель, ты не хочешь ее запачкать. Если мужчина по–настоящему любит женщину, он ее чтит и уважает.

— В сексе нет ничего неуважительного, — возразил Роджер.

— Заниматься сексом — несправедливо по отношению к женщине. У нее девственность отнимают. Самое ценное, что у нее есть. Ты бы хотел, чтобы такое произошло с женщиной, которую ты любишь? Да если бы кто–нибудь позарился на твою любимую, ты бы его точно грохнул, отрезал бы ему, что надо. Я считаю, если по–настоящему любишь женщину, ты должен защищать ее. Женщине секс ничего не дает. Им это почти всем противно. Отдаются, только чтобы мужику сделать приятно.

— Чушь какую ты несешь, — сказал Роджер. — Женщины получают от этого такое же удовольствие, как и мужчины.

— Ну, это только дешевки, — ожесточаясь, отрезал Олсен. — Настоящая женщина, которую можно любить и которой гордишься, на которой и жениться готов, не будет получать удоволь-

ствие от этого, она тебе и не даст, вот что я тебе скажу. Покажи мне бабу, которая готова лечь с тобой — и это будет шлюшка.

— Даже после женитьбы?

Олсен принялся ковырять волдырь на большом пальце.

— Это другое. Тут детишки должны быть. А на стороне сексом заниматься — грех. Спать друг с другом положено только, чтоб детей рожать.

— А я вроде слышал, ты делаешь это при любой удобной возможности.

Олсен бросил на него сердитый взгляд.

— Это не твое дело.

— В сексе нет ничего унижающего, — сказал Роджер. — Если только ты сам не видишь в нем это.

— У тебя есть сестра? — спросил Олсен. — Ответь мне: есть у тебя сестра?

— Ты говоришь, это грех, — продолжал Роджер, — а сам ходишь от жены налево. Ты точно запутался.

Поставив пиво на стол, Олсен сказал:

— Не надо мне грубить. Хоть ты и мой босс. Ты отличный парень и все такое, только не надо мне хамить, особенно если дело касается моей жены. Я не позволю тебе про мою жену болтать, хоть ты

мне и друг и я тебя ценю.

— Извини.

Роджер протянул руку, и Олсен, чуть помедлив, пожал ее.

— Ты сам себе яму роешь, — проговорил Олсен, — когда так говоришь.

Он снова взялся за пиво и с угрюмым видом решительно сделал несколько больших глотков. Роджер тоже вернулся к своей кружке. После этого они почти не разговаривали. Когда они вернулись из бара в магазин, Олсен спустился в отдел техобслуживания, оставив Роджера одного.

Тот, пройдя в кабинет, сел в темноте и стал смотреть, как за закрытой парадной дверью проезжают машины и проходят люди.

«Вот беда–то», — думал он.

Была половина десятого. «Не очень поздно», — решил он. Надев пальто, он вышел из магазина, не попрощавшись с Олсеном, и направился к своей машине. Вскоре он ехал в сторону Сан–Фернандо.

Остановившись на заправке «Стэндард», Роджер стал искать в телефонном справочнике адрес. Там значились два Чарльза Боннера, но он помнил название улицы — слышал его от Вирджинии. Он вернулся в машину, доехал до дома

Боннеров и остановился перед ним, не выключая двигатель и фары.

Дом ничем не отличался от тех, что стояли рядом — небольшой, недавно построенный одноэтажный калифорнийский дом в стиле ранчо, с большим гаражом, единственным перечным деревом во дворе и со слабо светившимся венецианским окном, задернутым шторами. Перед домом стоял красный «Форд–универсал». В тусклом свете уличных фонарей машина казалась серой.

«Сейчас или никогда», — сказал он себе.

Он вылез из машины, перешел улицу и, дойдя по дорожке до крыльца, позвонил в дверь.

Что–то брякнуло. На крыльце вспыхнул свет. Значит, не спят. Еще нет десяти. И потом, сегодня пятница. Ему завтра не надо на работу. А может, надо. Он запаниковал.

Стукнула защелка, и дверь распахнулась. На пороге стоял Чик Боннер — в рубашке, без обуви.

— А, Линдал, — сказал он. — Входите.

— Поздно уже, — замялся Роджер. — Я так, на секунду заскочил.

— Какой там поздно, еще рано. — Он закрыл за Роджером дверь. — Рад видеть вас. Снимайте пальто. — И протянул руку: — Давайте повешу.

— Я сейчас пойду, — сказал Роджер. — Просто хотел парой слов с вами перекинуться.

— Давайте я вам налью чего–нибудь выпить. — В гостиной был беспорядок: всюду — на диване, на полу — валялись журналы. Работал телевизор. Чик выключил его. — Я тут какой–то дурацкий телеспектакль смотрел — ну из этих, что по полчаса идут. Вы ведь телевидением занимаетесь? Наверно, за день столько всего насмотритесь. — Он выключил телевизор. — Садитесь.

Похоже, Лиз Боннер нет дома. Может, оно и к лучшему. Но теперь, вдобавок к панике, Роджер почувствовал леденящую пустоту. Разочарование.

— Я хотел поблагодарить вас за сына, — сказал он.

— А, да, — вспомнил Чик. — Они же вдвоем ездили, да?

Опустившись на диван, Роджер сцепил руки и сказал:

— Я тут подумал — если все будет хорошо, то надо как–то на равных это организовать, по очереди.

— Зачем? Все в порядке, — сказал Чик. Ему, видимо, стало неловко. — Пусть так и ездят.

— Нет, — возразил Роджер. — Я вот что думаю.

Несправедливо, чтобы ваша жена взваливала на себя наши заботы. Я считаю, нужно вот как поступить, если это возможно. Вирджиния боится ездить по этой дороге, так что с нашей стороны буду ездить я. Если вы и ваша жена сможете забирать ребят в пятницу, то я буду отвозить их обратно в школу в воскресенье вечером. Я только по воскресеньям могу, по пятницам я работаю.

— Я тоже, — сказал Чик. — Поэтому в пятницу не могу. — Он пригладил волосы рукой и задержал ладонь на плеши, потом снова провел ею по волосам. — Должен признаться кое в чем, хоть это и не очень легко: я не вожу машину. У меня нет прав. За рулем у нас всегда Лиз.

Роджер пожал плечами:

— Ну и что тут такого.

У него самого пару раз отбирали права.

— Ну да. Как бы то ни было, я лично очень даже за. — Чик сел напротив Роджера. — До сих пор она ездила туда четыре раза в неделю. А теперь будет только два. Очень хорошо. Хоть она и говорит, что ей нравится, для одного человека это слишком напряженно.

— Верно, — поддакнул Роджер.

— Ну что ж, тогда отвезете их в это воскресенье?

— Конечно, — ответил он. — Заеду около четырех и заберу ваших двоих ребят.

— Отлично, — подытожил Чик, удовлетворенно улыбаясь. — То есть и так было здорово, но… вы понимаете. Чем меньше она ездит, тем мне спокойнее.

Роджер встал и направился к двери.

— До воскресенья.

— Лучше где–то к двум подъезжайте, — предложил Чик.

— Ладно. Спокойной ночи. Передавайте привет вашей жене.

Провожая его, Чик сказал:

— Жалко, Лиз нет дома. Она в гостях у одной знакомой, тут недалеко. У них тоже дети, завтра куда–то идем. Не спрашивайте куда, — со мной не советовались.

И вот Роджер уже снова был на крыльце, Чик пожелал ему спокойной ночи и закрыл дверь.

Когда он переходил улицу и шел к машине, под ним подкашивались ноги. Так или иначе, он ввязался в это. Четыре с половиной часа в неделю в дороге, с шумной возней мальчишек на заднем сиденье машины. На него вдруг всей тяжестью навалилось бремя будущих забот: выезжать можно будет рано, почти всю вторую половину

дня проводить в школе. И вырваться из дома в воскресенье после обеда — у него теперь будет уважительная причина смыться. И, слава богу, не надо сидеть в одиночестве на краешке котла. Что бы это ни означало. Мысли его затуманились. Он позволил себе не сопротивляться.

Сев в машину, он заметил, что Чик не выключил свет над крыльцом. Наверное, для жены. Она скоро вернется.

Роджер закрыл дверцу машины и подвинулся, чтобы его не было видно снаружи. Но все равно это было слишком рискованно. Тогда он вставил ключ зажигания в замок и завел двигатель. Включив фары, он отъехал, свернул за угол и выехал на соседнюю улицу. Вскоре он припарковался на расстоянии нескольких домов от Боннеров, за молочным фургоном.

Прошло пятнадцать минут. По тротуару пробежала трусцой собака, обнюхала куст и потрусила дальше. Проехало несколько машин. Из одного дома вышел мужчина, махнул кому–то на прощание рукой и быстро пошел прочь.

«Я сошел с ума, — подумал Роджер. — А если Вирджиния позвонит в магазин? Скажу, что был внизу. Не мог подойти к телефону. А вдруг Олсен подойдет и ответит? Не ответит. Он никогда не

отвечает.

Ну а вдруг случится так, что Олсен будет наверху, рядом с телефоном?»

Где–то далеко на той же улице хлопнула дверь, прервав его размышления. По дорожке от дома к тротуару быстро шла женщина. Роджер приглядел ся к тусклому свету, ее было хорошо видно. Женщина почти бежала вприпрыжку, опустив голову: то припустит бегом, то замедлит шаг, то снова почти бежит. Ее волосы, связанные сзади в конский хвост, подлетали в такт ходьбе. На ней было короткое пальто, на бегу она придерживала его руками. Широкую юбку подхватывал ветерок.

«Лиз», — подумал он.

Он проводил ее взглядом, пока она не взбежала по ступенькам своего дома и не скрылась внутри. Дверь захлопнулась. Свет над входом погас, и на крыльце стало темно.

Посидев еще немного, он завел двигатель и поехал обратно, домой.

Свет в гостиной был выключен. Роджер неуверенно пошарил в темноте. Из спальни его окликнула Вирджиния.

— Это ты?

— Да, — сказал он.

Он нащупал торшер и включил его.

— Я уже легла. Извини.

— Тебе принести чего–нибудь? — спросил он. — Ты уже спишь? Или читаешь в постели?

Заглянув в спальню, он увидел, что она действительно легла спать: в комнате было темно.

— Я звонила в магазин, — сказала она.

— Когда?

— Примерно полчаса назад. Никто не ответил.

— Я, наверно, внизу, в подвале, был. Мы с Олсеном новыми телевизорами занимались.

— Есть что–нибудь будешь? — Повернувшись, она приподнялась и включила лампу у кровати. — Если будешь, я бы тоже чего–нибудь съела.

— Не знаю, — сказал он. Ему не хотелось есть, но он зашел на кухню и открыл холодильник. — Может, сэндвич съем. — Он бесцельно осматривал продукты, и взгляд его наткнулся на швейцарский сыр. — Мы с Олсеном выходили. Пива попили.

— Я думала, ты работать пошел.

— Мы разговаривали.

Вирджиния вошла, завязывая пояс халата. Ее длинные взъерошенные волосы падали ей на глаза, и она отбросила их назад.

— Только не шуми — Грегга не подними, — ска-

зала она. — Все никак не угомонится — я уже пару раз к нему заходила.

— Я принял решение, — объявил он. — Не хочу, чтобы ты по этой дороге ездила. Я буду возить их по очереди с Боннерами: они по пятницам, а я по воскресеньям. Так будет лучше. На равных условиях.

— Вот здорово! — с явным облегчением выдохнула Вирджиния. — Знаю, я эгоистка, но я так люблю тебя! Ты правда сможешь? В свой единственный выходной? — Она сияла от восторга. — Может, мне ездить с тобой, чтобы мальчишек попридержать? А то на голову тебе ведь сядут.

Об этом он не подумал — что они могут ездить вдвоем.

— Слишком тесно будет, — сказал он.

— Ну да, наверное. Ну, может быть, иногда. — Она смотрела на него с такой нежностью, что он задохнулся от чувства вины. — Я люблю тебя, — сказала она. — Ты это знаешь? Ты что, сидел там, в магазине, и раздумывал, как будешь ездить с детьми?

— Я не смогу все дни их возить, — уклонился он от ответа. — По пятницам я не могу ездить. Так что придется чередоваться с Боннерами.

— Знаешь, что мне сказала Лиз? Ее муж по-

терял права. Наверное, водил как попало. Она не сказала, что именно случилось… Так что за рулем у них всегда она. Мне позвонить завтра Лиз, поговорить с ней? И ты мог бы сказать им, когда поедешь с Греггом. — Она обдумывала, как все лучше сделать, пока он делал сэндвич с сыром. — Я постараюсь позвонить ей.

— Я уже сказал им, — признался он.

— Да? Ну и хорошо. И что они?

— Я разговаривал только с ним. Он одобрил.

— Я его так и не видела. Когда я к ним приходила, он был на работе. У них маленвкий типовой домишко, мебель простенькая, обычный набор: телевизор, шторы, журнальный столик, диван и ковер. То, что покупают на распродажах с колес: гарнитуры для гостиной за тридцать долларов авансом, а остальное — по доллару в неделю.

— Куда ходят оуки[160], — вставил он.

Она подхватила:

— Ну да, где ставят громкоговорители и играет музычка оуки. — Тут она улыбнулась своей

[160] Примечания: 160

«Оуки» (*англ.* okie) — странствующий сельскохозяйственный рабочий (преимущественно из штата Оклахома); житель Оклахомы; уроженец Оклахомы. Прозвище ввел в литературный язык Джон Стейнбек в романе «Гроздья гнева». Первоначально слово «оуки» считалось только пренебрежительным прозвищем, но впоследствии, особенно после песенки М. Хэггарда «Оуки из Маскоги» (1969), жители штата сами стали называть себя так.

сдержанной, натянутой улыбкой. Когда она не была уверена, что именно он хотел сказать, она начинала напускать на себя роль этакой хозяйки дома, которая тебя и слушает, и не слышит. — Ой, ну что ты. Я знаю, тебе не нравится, когда так говорят другие.

— Не нравится, — резко бросил Роджер.

— Она говорила, что они выкупают дом. Деньги у них в основном, наверное, в хлебозавод вложены. Конечно, я не должна судить обо всем по тому, какой у нее дом. Мне бы не понравилось, если б какая–нибудь тетка пришла ко мне, стала совать нос куда не надо и сделала вывод о том, как я живу. Но ведь люди так и поступают. И обо мне так судили. Тетки из родительского комитета. Только я думаю, Лиз–то это все равно. Если бы ее это хоть немного трогало, она бы как–то прибирала весь этот кавардак. По–моему, это несправедливо по отношению к нему. Хотя, может, его волнует только работа. Он вице–президент. «Бонни Боннер Бред» — мы как–то их хлеб покупали.

— Может, я и сейчас держу его в руках, — сказал Роджер, и его голос дрогнул.

— Что такое? — насторожилась Вирджиния.

— Домишко у них маленький, мебель простенькая, она глупая, дома у нее бардак. Когда ты

увидишь его, скажешь: «А он лысый».

— А он лысый? Что, правда? — Замечание явно уязвило ее. — Сколько ему лет?

Роджер не ответил, продолжая что–то искать в холодильнике. Он чувствовал себя оскорбленным до глубины души, горло словно сдавило. «Не хочу визжать», — подумал он. Он боялся сорваться на дискант. Лучше вообще ничего не говорить. Он стоял, наклонившись, в висках стучало, вены на запястьях вздулись.

— Тебя беспокоит, что я вожу машину, — решила Вирджиния. — Ты поэтому таким становишься.

Он поднял голову.

— Не смотри на меня так, — сказала она. — Я знаю, тебе не нравится, как я вожу.

— Да наплевать мне, как ты водишь! — Он затрясся всем телом. Как она любит все переврать. Но, может, оно и лучше. Пусть беспокоится об этом. Сама боится водить машину и поэтому думает, что он тоже сомневается в ее способностях.

— Ты поэтому хочешь сам ездить? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Не поэтому.

Ее взгляд говорил: «Поэтому. Я вижу. Но я согласна, пусть. Это правда. Мы оба это знаем».

Глава 10

В аэропорту Лос–Анджелеса миссис Уотсон разыскивала седан «Шевроле» тридцать девятого года. Найдя его, она увидела и свою дочь.

— Тебя прямо не узнать, — сказала она, когда Вирджиния подхватила ее чемодан и запихнула его на заднее сиденье. — Встань–ка, я тебя хорошенько рассмотрю.

Вирджиния закрыла дверь машины и встала лицом к матери.

— Вот, волосы постригла, — сказала она. Она все еще носила свое длинное пальто, которое привезла с собой из Вашингтона. Но пострижена была коротко, под мальчика, и неровно, как будто ее стригли дома. — Это из–за моей работы. Но уже отрастают. — Подавшись вперед, она поцеловала мать. — Спасибо, что не остановилась в Денвере.

— На обратном пути остановлюсь, — сказала миссис Уотсон.

— Я тебя разочаровала?

— Ты о чем?

Вирджиния объяснила:

— Я не очень–то похожа на леди.

— Да нет, — сказала миссис Уотсон. Ее это

никогда особенно не заботило. — Но ты похудела, — сказала она. — И… мне кажется, у тебя немного нездоровый вид.

Вокруг глаз ее дочери собрались бороздки — не морщины, а следы напряжения. Она выглядела холодной, отстраненной, уверенной. На лице не было косметики, руки без маникюра. В своем строгом сером костюме она напоминала ей молодую женщину, нацеленную на карьерный рост.

— Я бы побоялась теперь спорить с тобой о чем–нибудь, — призналась миссис Уотсон. — Ты бы, наверное, сразила меня каким–нибудь приемом джиу–джитсу.

Уже в дороге, сидя за рулем, Вирджиния сказала:

— Роджер не приехал, потому что я ему сказала, что хочу поговорить с тобой наедине.

— Как его зубы?

По междугородному телефону Вирджиния успела рассказать ей, что он занялся зубами, ходит к стоматологу. От самой мысли об этом ее передернуло. Хотя это ведь не ей туда ходить. У него и зрение плохое, в зубах дырки, а два года назад, когда она впервые увидела его, по его походке видно было, что у него проблемы со спиной.

— На один ему коронку поставили, — сообщила

она матери.

— Пусть на все поставят, — посоветовала миссис Уотсон.

Вирджиния сказала:

— Я сняла тебе на неделю приличную комнату, в ней можно готовить.

— Надо посмотреть, что за комната.

— Хорошая. Ее только что покрасили. Так или иначе, на улице ты не останешься. Лучше бы, конечно, тебе было у нас остановиться, но у нас всего одна спальня, а кроме нее — только гостиная.

— Он на этой машине в Арканзас ехать собрался? — Миссис Уотсон не очень хорошо разбиралась в автомобилях. — Вроде неплохая.

— Лучшая из подержанных.

— Если ты не хочешь ехать в Арканзас, так ему и скажи, — сказала она.

— Тогда он один поедет.

— Ах, вот как?

— Просто возьмет и исчезнет. — Вирджиния чуть кивнула головой. — Будет возиться с машиной, проверять, на ходу ли она, достаточно ли бензина, масла и чего там еще нужно для нее, запихнет вещи назад, в багажник — и ни слова не скажет, просто уедет. Когда я уйду в магазин или

буду спать. Встану — а его нет. — Она немного помолчала. — Он постоянно только об этом и думает. Выходит из дому, моет машину из шланга, заводит ее. Ездит по городу, с людьми разговаривает. Готовится к отъезду, но надеется, что я тоже поеду. Пока еще он вернулся. По–настоящему он так и не ушел.

— Но это противозаконно.

Миссис Уотсон не удивилась тому, что услышала. Теперь–то, когда кончилась война и нет больше легких денег. Когда начали закрываться авиационные заводы. Он ведь за деньгами ехал в Калифорнию — ну, а вот теперь хочет уехать. Деньги на поездку давала она. Он выбрался на Западное побережье за счет Вирджинии. Все тут ясно.

— Роджер считает, что здесь ему ничего не светит, — сказала Вирджиния.

— Мог бы работу найти.

— Он хочет открыть магазин телевизоров.

— Может, это удастся ему в Арканзасе. Когда он будет один.

На секунду оторвав взгляд от дороги, Вирджиния молча посмотрела на мать.

— Почему ты не отпустишь его? — спросила миссис Уотсон.

— Не хочу отвечать на этот вопрос.

— Отпусти его и разведись.

— А если я скажу тебе, что беременна?

Миссис Уотсон вздрогнула. Вот этого она боялась больше всего. Она знала, что рано или поздно это случится.

— Да, — сказала Вирджиния. — На четвертом месяце.

— Все равно оставь его.

Вирджиния улыбнулась.

— Нет. Я его не брошу. Я хочу, чтобы он остался здесь. По–моему, тут ему самое место. Если бы у него были деньги, он смог бы открыть магазин. Думаю, он бы справился, если бы ему удалось начать дело. Он изобретательный. Энергичный. Ты не поверишь. Два года он работал семь дней в неделю, и все заработанные деньги мы откладывали на счет. Тратили только на квартиру, еду, на его зубы да на машину. Ее мы можем продать. Он работает с тех пор, как мы поженились.

— Ты тоже.

— Я работала и до того, как познакомилась с ним.

— Но не на военном заводе.

— Так что ты скажешь? — спросила Вирджиния.

— Ах ты, господи, — сказала мать. — Не проси у меня. Не могу я вам дать денег на то, чтобы он удрал с ними в Арканзас.

— Дай деньги мне, и я зарегистрирую все на свое имя. Тогда он не сможет удрать с ними в Арканзас. Каким образом? Не заберет же он с собой магазин.

— Да, тебя легко обвести вокруг пальца, — сказала миссис Уотсон.

— Меня? Да ты ее не видела. Я бы ни за что, как она не…

— Кого не видела? — спросила миссис Уотсон.

— Его первую жену.

— Да, не видела, — подтвердила мать.

— А я видела, — сказала Вирджиния. — Отвратительное зрелище. Она к нам зашла один раз, перед тем как мы с Роджером поженились. С их маленькой девочкой пришла.

— Она хотела, чтобы ты забрала к себе девочку? — ужаснулась миссис Уотсон.

— Да нет, конечно. Просто хотела с ним встретиться и на меня посмотреть, увидеть, что я из себя представляю. Как страшно оказаться в таком положении — понимаешь, каково это? Представь — она увидела своего мужа со мной. — Вирджиния подняла голову. — Я подумала: а

вдруг когда–нибудь наступит моя очередь? Я ему надоем, и он надумает сбежать — один или с какой–нибудь женщиной. И я твердо решила… — Ее пальцы крепко вжались в руль. — Со мной такое, как с ней, никогда не случится. Я не позволю ему уйти с кем–то, чтобы потом, как она, объедки выклянчивать.

— Объедки… — повторила миссис Уотсон. — Он, что же, оставил ее голодать?

— Да нет, просто у нее ничего не было. С чем она осталась?

— С ребенком.

— Вот в этом–то и весь ужас, — сказала Вирджиния. — Еще и с ребенком. Со мной такому не бывать. Тогда я дала себе слово, и вот теперь пришло время — я должна действовать так, как решила. Все получится, я ходила в банк, в ссудный отдел…

— На это ссуду не дадут.

Вирджиния кивнула.

— Но мне там многое рассказали. Сколько это будет стоить, какой у нас должен быть чистый доход, какое место нам надо искать. Один из работников даже прокатил меня на своей машине.

— Конечно, им бы только отнять чье–нибудь заложенное имущество, — проворчала миссис

Уотсон.

— Они не могут ничего отнять, пока не дали ссуду.

Дочь миссис Уотсон сидела рядом с ней, выпрямив спину и энергично крутя баранку.

— Я не знала, что ты водишь машину, — сказала миссис Уотсон. — Давно научилась?

— Роджер научил.

— У тебя ведь есть права? — Ей вдруг стало не по себе. — То есть все как положено, да?

Они въехали в торговый район. Вирджиния притормозила и показала ей несколько магазинов, расположенных в ряд.

— Вон тот, второй, видишь?

Магазин мелькнул, и миссис Уотсон не успела рассмотреть его.

— Я объеду квартал, — сказала Вирджиния. — Хочу, чтоб ты на него посмотрела. Его мне мистер Браумайнор показал. Из банка. Сказал, что тут аренда через пару месяцев заканчивается, хозяйка на пенсию уходит. Говорит, отличное место.

Они снова ехали мимо магазинов. Вирджиния свернула на свободное парковочное место и выключила двигатель. Отсюда виден был фасад магазина, витрины и вывеска. Это был магазин шляп.

— Здание принадлежит банку, — сообщила Вирджиния. — «Банку Америки». Крупнейший банк в Калифорнии. Недвижимость занимает львиную долю их бизнеса. Раньше они «Банко д'Италиа» назывались. После Первой мировой у них были закладные на все фермы в долине Империал, а во время Великой депрессии они получили всю землю.

— Это мистер Браумайнор тебе рассказал?

— Я читаю об этом. У меня весь день свободен: я ведь не работаю. Не хочу торчать без дела в военном доме и просто слушать, как у кого–то другого говорит радио и шумят дети.

Она говорила с таким ожесточением, что матери стало неловко.

— Симпатичный магазин, — сказала миссис Уотсон.

— Здание построено в сороковом году. Так что проводка, трубы — все новое. И фасад современный. Еще лет десять, как минимум, не надо переделывать.

— Вы этот хотите взять?

— Он мне еще несколько показал. И назвал агента, который малым бизнесом занимается. Знаешь, сколько народу сейчас в Лос–Анджелес переезжает? Лет через десять тут будет жить

больше людей, чем в Нью–Йорке.

— Что–то сомневаюсь я, — сказала миссис Уотсон.

Вирджиния вспыхнула.

— Тебя всегда так несет, — продолжала миссис Уотсон, — стоит только начать. Давай чуть сбавим обороты.

Вирджиния внимательно посмотрела на нее.

— Я хочу, чтобы это состоялось.

— Куда торопиться? Сколько денег вам нужно — что говорят в банке?

— Они думают, по меньшей мере, десять тысяч долларов. А желательно пятнадцать или двадцать. В любом случае, не меньше десяти.

— А сколько у вас есть?

Чуть улыбнувшись, Вирджиния сказала:

— Долларов семьсот, включая рыночную стоимость этой машины.

— Значит, — сказала миссис Уотсон, — когда дойдет до дела, вложиться должна буду полностью я.

— Это хорошее вложение капитала. Вложить деньги в недвижимость в Калифорнии — дело беспроигрышное.

— Но вы же не покупаете недвижимость. Вы будете только арендовать ее. Владеть будете только

товарами и аппаратурой.

— И местоположением.

— Почему бы вам не купить участки? Землю под застройку?

— Потому что нас это не интересует, — со своим вечным упрямством заявила Вирджиния. — Нам нужен собственный магазин.

Поднимаясь по лестнице, Роджер услышал наверху голоса — жены и еще какой–то женщины. До него дошло, что это приехала с востока его теща, миссис Уотсон. Вдвоем сидят, подумал он. Ждут в гостиной.

Он все же поднялся и открыл дверь.

Теща подняла голову, и обе женщины сразу замолчали. В комнате пахло сигаретами и женской одеждой. На стул были брошены пальто и сумочки, а рядом стоял чемодан миссис Уотсон. Все окна были закрыты, в комнате было душно. Из приемника на этажерке, починенного в «Ремонте радио за один день», лилась легкая музыка. И то, что он увидел, и запах, и звуки, не раздражали его; пожалуй, он даже рад был снова встретиться с миссис Уотсон.

В 1943 году, когда Роджер познакомился с ней, она обошлась с ним любезно. Трапеза у нее дома в Мэриленде напоминала обед в первоклассном

ресторане: тушеное мясо, печеная картошка и рулеты, льняные салфетки. На нем был хороший костюм и галстук, позаимствованный у Ирва Раттенфангера. Разговор вращался вокруг его планов, и это было неплохо, он на это и рассчитывал. Он все толковал ей о своей предстоящей поездке в Калифорнию. Во всяком случае, она его слушала. Позже, когда Вирджиния сказала ему, что он не особенно понравился ее матери, он принял это как само собой разумеющееся. Мать первой жены тоже его не жаловала.

— Здравствуйте, — сказал Роджер, ставя свой пакет на пол. — Рад, что вы нормально добрались.

Миссис Уотсон протянула руку, и он пожал ее. Рука была маленькая, шершавая, сильная. Он заметил, что ее кожа потемнела и покрылась пятнышками, особенно на шее. Старческими пятнами была усеяна и тыльная сторона руки, выступали наружу вены. Миссис Уотсон была еще более худа, чем Вирджиния, и немного ниже ростом. Для немолодой женщины она выглядела хорошо. Во всяком случае, в ней не было грузной вялости, которой отличалась мать Тедди.

— Приятно снова с тобой увидеться, — сказала миссис Уотсон.

— Что принес? — спросила Вирджиния, поднимая пакет.

— Да так, кое–что.

Он купил в строительном магазине пистолетный паяльник: такие только что появились в продаже — с двумя элементами, оба нагревались мгновенно, один — до исключительно высокой температуры. В оптовой фирме по поставке радиодеталей он нашел электросхемы звукоснимателя нового типа, разработанного компанией «Дженерал Электрик» и работавшего по принципу переменного магнитного сопротивления. Он много времени проводил, посещая такие фирмы–поставщики; новый звукосниматель интересовал всех.

— Вирджиния говорит, у тебя проблемы с зубами, — сказала миссис Уотсон.

— Да, — подтвердил он.

Желая, чтобы обе женщины сели, он неуверенно прошел к дивану.

— Всякий раз, когда они достают свою иглу, — сказала миссис Уотсон, — мне хочется тихо умереть от сердечного приступа и избавиться от хлопот.

Говорила она знакомым ему ровным, спокойным голосом, словно изрекала что–то важное.

— Садитесь, — пригласил Роджер и присел сам.

Тогда Вирджиния и ее мать тоже сели. Повисла неловкая пауза. На него это подействовало угнетающе.

— Нас уволили, — сказал он. — С завода. Сейчас всех увольняют.

Сидя в гостиной своей квартиры, он вдруг ясно увидел, какая она маленькая, невзрачная и, пожалуй, развалюха, как и он сам. Что у него есть? Как он выглядит? На нем, как всегда, были рабочие брюки, пиджак и холщовая рубашка, стоптанные грязные башмаки. А костюм–то он отдал в глажку — раньше завтрашнего дня ее не ждали. Роджер почувствовал себя раздавленным… Перехватило дыхание.

Вообще–то, ему до смерти хотелось уйти, уехать куда угодно. Его тянуло прочь отсюда, уехать было просто необходимо. На улице у дома стояла его машина, готовая для поездки по Шоссе 66[161].

---

[161] Примечания: 161

Шоссе 66 (*англ.* Route 66; также известное как Шоссе Вилла Роджерса (Will Rogers Highway), в разговорной речи также известно как «Главная улица Америки» или «Мать Дорог») — одно из первых шоссе в системе шоссе США. Шоссе 66 было открыто 11 ноября 1926 года. Шоссе первоначально начиналось в Чикаго (шт. Иллинойс), проходя через штаты Миссури, Канзас, Оклахома, Техас, Нью–Мексико, Аризона, и заканчивалось в Лос–Анджелесе (шт. Калифорния), охватывая в общей сложности 3940 километров (2448 миль). В массовой культуре получило известность в 50—60–е годы XX века благодаря популярным песням, ставшим хитами, а также телесериалам.

Сначала в Барстоу[162], потом через пустыню Мохаве, мимо Нидлса[163], и, наконец, через границу Аризоны. Сидя напротив жены и тещи в тесной гостиной с закрытыми окнами, он уже слышал звук колес своей машины, чувствовал близость дороги.

Боже, подумал Роджер. Выдержу ли я это?

Он теребил пальцами край пиджака на колене, разглаживал ткань, рассматривал ее. Просто сидеть на месте было невыносимо. Он встал и подошел к окну.

— Можно я открою окно? — спросил он. — Душно тут.

Ни та, ни другая ничего не ответили.

— Я все–таки открою, — сказал он, покрываясь испариной.

Открыв окно, он остался там, наслаждаясь свежим воздухом.

Протянув матери пачку сигарет, Вирджиния спросила:

— Как тебе твоя комната?

— На время сойдет, — сказала миссис Уотсон. — Если задержусь надолго, поищу что–нибудь

---

[162] Примечания: 162

Барстоу — город в округе Сан–Бернардино (шт. Калифорния).

[163] Примечания: 163

Нидлс — город на берегу реки Колорадо (шт. Калифорния).

другое.

— Это я ее нашел, — сообщил Роджер. — Мой выбор.

Миссис Уотсон заметила:

— Машина у тебя хорошая. Вирджиния сказала, ты недавно ее купил.

— Я ее сейчас довожу до ума, — ответил он.

Несколько дней она стояла у него на станции «Шелл», неподалеку. Он чистил свечи, возился с регулировкой карбюратора. Познакомился с двумя парнями, работавшими на станции. Один из них был женат и в этом месяце приходил с женой к ним в гости поужинать.

— Если у тебя нет собственной машины для работы, ты просто зависишь от других, — изрекла миссис Уотсон.

— Это точно, — согласился Роджер.

И снова все замолчали.

На столе стоял ЧМ–приемник, который он начал собирать по схеме. Вирджиния взяла его и сказала:

— Мэрион спросила меня, что это такое.

— Да, я заинтересовалась, — подтвердила миссис Уотсон.

— Я не знала, как это назвать, — сказала Вирджиния. — Это ведь радио, да? — Она поставила

аппарат на место. — Я только сказала, что ты это мастеришь.

— Монтирую, — сказал он.

Ему хотелось ухватиться хоть за какой–нибудь термин, чтобы им стало ясно: это не конструктор, не модель для сборки.

— Это будет диапазон такой, — сказал он. — Новый диапазон.

Он не мог объяснить. Это ведь целый новый мир, открытие новых областей, новых уровней… Да и черт с ним, подумал он, осознав тщетность своей попытки. Ладно, скажу, что это телескоп, что тешусь, чтоб время убить. Потом примусь за изобретение микроскопа, а там — и за печатный станок. Если будет время, паровой двигатель изобрету. И буду подвешивать эти игрушки к потолку моей комнаты…

— Послушайте, — сказал он, — это то, что придумал полковник Армстронг. Такое же важное изобретение, как супергетеродинная схема. Ее тоже он создал.

Женщины внимательно слушали.

— Беда только в уходе с частоты, — сказал он. — Когда приемник нагревается, пластины расширяются, и происходит дрейф со станции. Так что приходится перенастраивать.

Роджер поднял незаконченный ЧМ–тюнер.

— Ну да кто–нибудь сообразит, что с этим делать.

Он чувствовал себя увлеченным мальчишкой.

Миссис Уотсон сказала:

— Вирджиния говорит, ты купил машину, чтобы вернуться в Арканзас?

— Да, — ответил он.

— А ее ты спросил, хочет она этого?

Он не знал, что сказать.

— Думаю, тебе следовало бы поинтересоваться у нее, — сказала миссис Уотсон. — Может быть, она не хочет ехать в Арканзас.

— Это хороший штат, — только и сказал он, не глядя ни на ту, ни на другую.

— И что ты там собираешься делать, когда приедешь?

— Осмотрюсь, — Роджеру не хотелось вдаваться в объяснения.

— А здесь ты не можешь этим заняться?

— Все идет не так, как я думал. Вышло не то, чего я хочу. Мне здесь не везет.

— Думаешь, в Арканзасе тебе больше повезет?

— Я ведь там вырос.

— Ты хочешь, чтобы твои дети росли там?

— Не знаю, — сказал он.

— Разве там место для детей? Какие там школы?

— Не знаю, — снова сказал он.

— Знаешь, что я думаю? — спросила миссис Уотсон. — Я думаю, ты сваливаешь на других то, в чем сам виноват.

Он кивнул, глядя в пол.

— Да, ты сам виноват, — сказала миссис Уотсон. — Почему ты не смотришь на меня, когда я говорю?

Он поднял взгляд.

— Это все отговорки — везет, не везет. Дело тут совсем не в везении. Ты ведь это знаешь, правда? Знаешь не хуже меня. А теперь хватит об этом, давай посмотрим правде в глаза. Ты ведь хотел сюда уехать, так что теперь придется добиваться поставленных целей. У тебя жена на руках, а скоро и ребенок будет, и к тому времени у тебя должна быть работа. Здесь легко найти работу. Нужно только поискать. Ты ведь решил, что пора двигаться дальше?

Роджер думал, что бы такое ей ответить. Лицо Вирджинии, сидевшей напротив, оставалось бесстрастным.

— У меня много дел, — наконец нашелся он. — Надо закончить с машиной. — И, вставая,

добавил: — Схожу–ка я лучше на станцию.

— Сядь и послушай меня, — велела миссис Уотсон.

— Мне надо идти.

— Машина, между прочим, не только твоя, — заявила миссис Уотсон. — По закону, это не твое единоличное имущество: оно у вас с Вирджинией совместное. Если ты сбежишь на этой машине, то фактически совершишь кражу.

— Это моя машина, — пробормотал он растерянно.

— Ты чем слушаешь? Я говорю ему, что он ею не владеет, а он заладил: моя да моя. Наполовину она твоя, но сбежать на ней ты не можешь. В любом случае, ты не можешь уехать из штата без жены. Ты знаешь это. Тебя арестуют и вернут обратно. Ты не можешь вот так просто оставить семью.

— Мы уедем в Арканзас вдвоем.

— Вирджиния не едет ни в какой Арканзас. Она остается здесь. И тебе нельзя ехать. Это будет означать, что ты бросил жену, а если выедешь на машине из штата, на тебе будет кража в крупных размерах.

— Мне свечи почистить нужно, — сказал он. — Нет такого закона, который запрещал бы мне съездить на заправку, чтобы там покопались в

моей собственной машине.

Направившись к двери, Роджер ожидал, что миссис Уотсон что–нибудь скажет или остановит его — может быть, вскочит, налетит и вцепится в него. Но она лишь курила, а Вирджиния так и осталась сидеть безучастной рядом с ней, ни один мускул не дрогнул на ее лице. Казалось, она погрузилась в свои раздумья.

— Где–то через час вернусь, — пообещал Роджер, обращаясь к жене и надеясь, что она скажет хоть что–нибудь и отпустит его.

Женщины обменялись взглядами.

— Если ты собрался ехать на машине, подвези Мэрион до ее жилья, — попросила Вирджиния.

— Мне нужно что–нибудь взять туда с собой, — сказала миссис Уотсон.

— Простыни, — предложила дочь. — Что там еще? Посуду.

— Если, конечно, можешь дать.

— У меня есть два шерстяных одеяла. Должно хватить. Где наш список? — Вирджиния поискала в бумагах на столе. — Так, тебе нужны полотенца для лица и большие махровые.

Женщины принялись собирать вещи по всей квартире, стараясь ничего не забыть. Роджер остался стоять у двери — он не уходил, но и не

помогал им, просто стоял молча, не зная, что делать.

— Думаю, для начала хватит, — рассудительно сказала миссис Уотсон. — Еду в магазине куплю, продукты не клади.

Вирджиния сложила в картонную коробку столовое серебро, тарелки, сковородку, пароварку и солонку с перечницей.

— Снесешь вниз? — обратилась Вирджиния к мужу.

Он взял коробку, отнес ее вниз и поставил в машину. Вирджиния спустилась вслед за ним с матрасом и подушками.

— Возвращайся побыстрее, — попросила она.

Вместе с постельными принадлежностями она поставила на заднее сиденье машины мусорную корзину, наполненную фарфоровой посудой.

— Ты не поедешь?

— Нет, — сказала она. — Мне еще надо в прачечную, твои рубашки забрать.

Появилась миссис Уотсон с чемоданом.

— На телефон, наверное, очередь, — сказала она Вирджинии.

— Ну, мы можем попробовать. Я позвоню, поговорю насчет этого.

Миссис Уотсон открыла переднюю дверь ма-

шины и сказала дочери:

— Утром зайду.

— Хорошо.

Вирджиния стояла на тротуаре, сложив руки на груди, и провожала их взглядом.

Когда машина отъехала на несколько кварталов, Роджер заговорил:

— Я не собирался бросать Вирджинию.

Миссис Уотсон ответила:

— Оставь–ка ты лучше эту затею с Арканзасом.

— Я вам правду говорю! — воскликнул он.

— Ты уже был один раз женат, — напомнила ему миссис Уотсон. — Так ведь?

— Да, — не отрицал он.

— Где сейчас та жена?

— Не знаю. Там где–то, на востоке осталась.

— Дети у вас были?

— Дочка.

— Они тебе пишут?

— Нет.

— Как–нибудь помогаешь им деньгами?

— Нет. Она снова вышла замуж.

— Я знала, что так будет, — сказала миссис Уотсон. — Уже тогда, когда впервые увидела тебя. Но Вирджиния не хочет с тобой расставаться. Что ж, это ее дело. Я ей с самого начала сказала, что

о тебе думаю.

— Я тоже о вас не очень высокого мнения, — с горечью сказал Роджер.

— Я тебе вот что скажу. Даже и не думай о том, чтобы удрать и бросить мою дочь, да еще сейчас, когда она ждет ребенка. Смирись с этим. Ты останешься здесь и будешь им помогать. Что это за собственное дело ты задумал? Какую–нибудь мастерскую по радиопочинке? А потянешь?

Роджер не отрывал взгляд от дороги.

— По–моему, — продолжала миссис Уотсон, — тебе лучше было бы рабочим куда–нибудь устроиться. Но Вирджиния считает, что у тебя получится открыть небольшую лавку.

— Это не ваше дело, — сказал он в смятении. — Не суйте свой нос куда не надо. Это мы сами решим, я и моя жена. Вас это никак не касается.

— Не смей так со мной говорить.

У Роджера слова застряли в горле.

— Не вмешивайтесь в дела моей семьи, — наконец потребовал он.

— Она моя дочь, — сказала миссис Уотсон. — Я знаю ее очень давно, не то что ты. И меня намного больше, чем тебя, волнует, что с ней будет дальше. Тебе–то лишь бы филонить на какой–нибудь непыльной работенке, где ничего не надо делать.

Ты из тех, кого у нас швалью зовут. Что, разве не так? В глубине души ты сам это знаешь. Знаешь, что ты никчемный хвастун. Я говорила дочери, чтобы не связывалась с тобой, но она работала в своих вашингтонских госпиталях, у нее были благородные помыслы — война, инвалидам надо помогать. Если она хочет погубить свою жизнь, посвятив себя тому, чтобы исправить тебя, сделать из тебя что–то путное — что ж, мне ее не остановить. Не сомневаюсь, в один прекрасный день она проснется, и все ей станет ясно. Так или иначе, я приехала сюда с твердым намерением помочь моей дочери, насколько это в моих силах, ведь я всегда ее поддерживала, даже после того, как она за тебя вышла. Я не из тех родителей, которые готовы отвернуться от своего ребенка только потому, что тот пошел против их воли. В Вирджинии нет ничего низкого или дурного, это она по незнанию — у нее, как и у многих, во время войны здравый смысл отключился.

Она сетовала и ругала Роджера на южный резкий манер: обвиняла его бог знает в чем, как настрадавшаяся южанка. И вдруг умолкла, открыла свою большую кожаную сумку и принялась искать зажигалку.

— Не надо на меня так наезжать, — сказал он.

Закурив, миссис Уотсон снова заговорила, но уже как обычно — сухо, сдержанно. Успокоившись, она повела себя скорее по–деловому.

— Пока я здесь, хочу помочь Вирджинии — раз уж ей так это нужно. По–моему, она твердо решила все устроить — чтобы у тебя была эта лавочка по починке. Ну, хочет — хорошо, конечно, я сделаю все, что от меня зависит, чтобы у нее получилось. Я всегда старалась помочь ей, чем могла. К тебе это не имеет никакого отношения, я делаю это исключительно ради моей дочери Вирджинии.

До Роджера вдруг дошло, к чему она клонит. Он понял, что она готова говорить о том, чтобы дать им денег на открытие магазина. Прежде ему бы такое и в голову не пришло. Это стало для него полной неожиданностью. Догадка как молния пронзила Роджера, его затрясло так, что он чуть не выпустил из рук руль и ехал дальше, не замечая перед собой ни машины, ни улицу, ни сигналы и знаки для пешеходов. И тут уж он сорвался и заорал на миссис Уотсон.

— Не надо мне ваших гребаных денег, слышите? Я не дотронусь до ваших гребаных денег! — Он кричал, насколько хватало силы легких. — Уберите свои мерзкие руки от моего магазина,

слышите? Не желаю иметь с вами никакого дела, убирайтесь обратно к себе, живите там, а нас не трогайте. Вы меня слышите? Понятно? Если еще к нам придете, я за себя не ручаюсь, я вам говорю серьезно, миссис Уотсон. Мне наплевать, кто вы и сколько у вас денег, я серьезно вам говорю. Деньги свои вонючие себе оставьте. Это я тоже серьезно. Не нужны они мне. Я открою свой магазин, и никакой вашей помощи мне не надо.

Миссис Уотсон побелела от потрясения.

— Вытряхивайтесь из моей машины! — не унимался Роджер, продолжая ехать по улице. — Открывайте дверь и выматывайтесь, слышите? Или я уже сейчас за себя не ручаюсь.

Нажав на педаль газа, он прибавил скорость. Машина рванулась вперед, свернула и поехала по боковой улице, все больше разгоняясь. Он не замечал скорости.

— Забирайте все свои манатки и вытряхивайтесь. Давайте, давайте. Вытаскивайте этот хлам с заднего сиденья. Будет тут еще всякая дрянь мне машину загромождать. Мне нужна моя машина. Когда уберетесь, чтобы все с собой забрали.

Впереди справа, среди других зданий, показался дом, в котором была ее комната. Проехав вдоль края тротуара, Роджер резко затормозил. Миссис

Уотсон подбросило на сиденье. Желая защититься, она подняла руки и изогнулась всем телом. Ее швырнуло вперед, на приборную доску и на дверь. Ударив по тормозам, Роджер выскочил из машины и побежал открывать дверь со стороны миссис Уотсон. Обеими руками он вытащил чемодан, потом коробки, постельные принадлежности и корзину с заднего сиденья и бросил их на тротуар. Буквально окаменев, миссис Уотсон широко открытыми глазами наблюдала за его действиями с переднего сиденья.

— Вытряхивайтесь из моей машины! — приказал он тоном, не терпящим возражений.

Она уставилась на него в полном замешательстве.

— Вылезайте! — Он стоял, орал, но не прикасался к ней. — Давайте, вон из моей машины.

Миссис Уотсон медленно спустила ноги и нетвердо ступила на тротуар, сжимая в руках сумочку, солнцезащитные очки и пачку сигарет.

— Так что, если завтра придете, чтобы уважительно со мной разговаривали. Слышите? Поняли, что я вам сказал?

Не дожидаясь ответа, Роджер обежал машину и запрыгнул в нее. Захлопнув дверь, он отъехал на первой передаче, не переключая ее, слабо давя на

педаль газа. И уехал, ни разу не оглянувшись.

Он вспомнил себя мальчишкой, второклассником. Никто тогда не обращал на него внимания, никто не слушал его, никому не было дела до его мнения. На обед им давали сэндвичи, томатный суп, молоко. Как–то раз он взял хлебные корки и приклеил их себе на макушку. Смешнее ничего нельзя было придумать, все вокруг хохотали. На следующий день в обед он повторил этот номер, и снова все смеялись. Целый месяц он каждый день приклеивал к голове корки от хлеба, все смотрели на него и хлопали в ладоши. Он вставал, подпрыгивал, махал руками, корчил рожи, и все вокруг хохотали без устали. То было самое счастливое время в его жизни.

Теперь, сидя за рулем, он подумал, что наконец–то у него будет свой магазин. Он заплакал от унижения. Крупные слезы стекали по щекам, падали на рубашку, на руки. Волоски на запястьях намокли, влажные пятна остались на брюках. Остановившись на красный свет, он достал носовой платок и утерся. Проклиная себя, жену, миссис Уотсон, негра, который его ударил, зубного врача, содравшего с него шестьдесят долларов, продавца, сбагрившего ему ненужную машину, и Джона Бета, не разрешившего ему открыть отдел

ремонта при «Центре бытовой техники Бета», он ехал домой, к жене, в их дом военной блочной постройки, и все плакал, вытирая лицо.

Глава 11

В субботу утром, когда Роджер ушел на работу, Вирджинии позвонила Лиз Боннер, чтобы договориться о совместном походе по магазинам. Вирджиния подъехала к дому Боннеров и припарковалась.

— Привет, — поздоровалась Лиз, открывая дверь и впуская ее. — Я тут собаку купаю. Заходите, я уже почти закончила.

Кареглазая, в хлопковой рубашке и вельветовых брюках, она выглядела пухленькой и привлекательной. Она ходила босиком, рукава были закатаны выше локтей, с нее летели ошметки пены и брызги воды. Волосы Лиз убрала назад и завязала ленточкой. Она побежала через комнату впереди Вирджини, и груди ее запрыгали под рубашкой.

— Печенья хотите? Вчера вечером пекла, на вкус, правда, как мыло, получилось. Так, во всяком случае, мальчишка–почтальон сказал — я его угостила. Считайте, что оно кокосовое.

Посреди обеденного стола стояло стеклянное блюдо с печеньем — тарелка, полная белых квадратных кирпичиков.

— Когда вы хотите поехать? — спросила Вирджиния.

Они договорились съездить до полудня в Пасадену.

— Да когда угодно, — сказала Лиз. — Простите.

Тут она проворно исчезла куда–то, и Вирджиния услышала плеск воды и голос Лиз, обращающейся к собаке. Еще было слышно, как стрекочет газонокосилка. За окном столовой прошел с газонокосилкой краснолицый мужчина в яркой спортивной рубашке. Ее внимание привлекли его большие волосатые руки. Она подумала, что он похож на инструктора по физкультуре или на вожатого скаутов — такой спокойный, надежный, крупный. Он не показался ей таким уж лысым. В лучах утреннего солнца его вспотевшее лицо блестело. Он остановился, вытер лоб рукой и двинулся дальше. Похоже, он был не против этой работы.

Вирджиния пошла на звуки плещущейся воды и обнаружила Лиз Боннер в сарае: та сидела на корточках у цинковой ванны — в ней стояла колли, с которой стекала вода.

— Это Чик, да? — спросила Вирджиния. — Газон во дворе подстригает.

— Да, — сказала Лиз. — Ах, вы же не знако-

мы. — Она с усилием поднялась. — Извините, забыла. Хотите познакомиться? Пойдемте. — Она щелкнула собаке пальцами. — Все, купание закончено.

Пес выскочил из ванны и отряхнулся. Во все стороны полетели брызги, и Вирджиния отступила назад. Лиз сняла с дверной ручки полотенце и стала вытирать собаку.

— Иди на солнышко, — велела она. — Давай, выходи.

Колли направилась к двери сарая.

— Иди, посиди на дорожке. Только не в тени — не простудись.

Пес более или менее следовал ее указаниям. Он вышел из сарая, остановился и еще раз отряхнулся, а потом пошел по дорожке.

— А вы принарядились, — сказала Лиз. — Пойду–ка и я переоденусь. Я не знала, в чем вы будете, так что решила подождать. Хороший костюмчик. Вам не кажется, что там, на востоке, одеваются лучше, чем здесь? Знаете… — Она двинулась по ступенькам, которые вели из сарая в кухню. — Я эти брюки шесть дней в неделю ношу — и в магазин, и дома, и никто не обращает внимания. В частности, наверно, из–за погоды — тут ведь так тепло. — У двери в спальню она остановилась,

повернулась и спросила: — А где сегодня Грегг? Он не поедет с нами? Наши мальчики едут.

— Он у бабушки, — сказала Вирджиния.

— Возьмите и ее. — В темноте спальни — там были опущены шторы — она начала сбрасывать с себя одежду. — Чик тоже едет. Он хотел взглянуть на магазин Роджера. Это же по пути, да?

Этого еще не хватало, подумала Вирджиния и представила себе, как они всей толпой, с детьми и собаками, таскаются по людным центральным универмагам.

— Я выйду во двор, — сказала она. Туда она еще не заглядывала, и ей было любопытно. — Пока вы одеваетесь.

Не дожидаясь ответа, она вышла из дома, открыла дверь черного хода из сарая и неожиданно оказалась на солнце.

Газонокосилка остановилась.

— Здравствуйте, — сказал Чик Боннер. — Вы миссис Линдал?

— Работайте–работайте, — сказала она. — Вы, кажется, получаете от этого удовольствие?

— Это возможность побыть на свежем воздухе. Пять дней в неделю я сижу в четырех стенах в своей конторе. И только в субботу и воскресенье могу отвести душу, если, конечно, не считать

отгулов.

Рядом с домом были разбиты клумбы. Она принялась рассматривать их. Все ухожено, без сорняков. На неизвестных ей растениях огромные цветки. По всем признакам во дворе работал настоящий хозяин, как будто дали вволю потрудиться японскому садовнику. Но, наверное, это его заслуга, подумала Вирджиния. Какой загорелый! Она представила его с мешками удобрений, тяжелыми лейками и импортными английскими садовыми ножницами в руках. Грамотно организованный уход за растениями. А внутри дома — такой кавардак. Какой контраст: здесь порядок, а внутри хаос. Два разных мира.

— Как тут у вас красиво, — сказала она.

Чик принял комплимент.

— Вы увлекаетесь садоводством? — спросил он. — Ну, то есть вас тянет хоть иногда этим заняться?

— Нет, — ответила она. — У нас мама больше по этой части. В Мэриленде у нее был чудесный садик. А здесь она не добилась больших успехов. Тут сухо очень, она никак к этому не привыкнет.

— Приходится поливать, — согласился Чик.

Он снова двинулся по двору с газонокосилкой. Она блестела новой краской и была ручной, не

бензиновой, но на толстых шинах низкого давления. Точно как в витрине садово–огородного магазина, подумала Вирджиния. Так и видится свисающий с нее ценник, а рядом, в той же витрине, — тачка.

— Мне с цветами никогда особенно не везло, — призналась Вирджиния. — Как–то я посадила несколько гладиолусов, но соседские дети сорвали их.

— Понятно, — кивнул Чик, продолжая стричь газон.

— Это просто убивает меня. Еще у меня тюльпаны росли вдоль дорожки — тоже детвора из соседних дворов уничтожила, как только расцвели.

— Каждый тюльпан цветет только один раз в год, — сообщил Чик. — Садоводу с ними больше хлопот, чем пользы. Нужно по–настоящему их любить, чтобы тратить на них время.

«Один цветок или сто — какая разница, — подумала Вирджиния, — все равно детишки сопрут. Они ведь тогда даже с корнями их выдрали — так хотелось цветов урвать. Утром она вышла из дома, а на дорожке валяются белые волосатые луковицы.

А через ваш сад они не бегают? Видимо, нет. Он

у вас образцовый — отдельный мирок. И даже если эти чертовы штуки всходили, мне никогда не удавалось сохранить их. Когда детишки повыдергали тюльпаны (что они потом с ними сделали? Продали? Подарили матерям? Учителям?), я стояла у окна, готовая вершить правосудие, но поймать их так и не удалось — они больше не вернулись, во всяком случае, на той неделе. Не могла же я там вечно стоять — из–за каких–то цветочных луковиц.

Вы меня восхищаете, — думала она. — Как не восхититься, когда человеку удается поддерживать в порядке сад при том, что рядом дети».

Сбоку распахнулась калитка, и навстречу ей и Чику вошли сыновья Боннеров с пачками книжек–комиксов под мышками.

— Когда мы поедем в центр? — спросил Джерри и поздоровался с ней: — Здравствуйте, миссис Линдал.

— Можно взглянуть? — Чик прислонил ручку газонокосилки к животу и потянулся за комиксами.

Мальчики подали книжки так, чтобы он мог просмотреть их, одну за другой, исследуя обложки. Несколько книжек были изъяты. Дети приняли его приговор как должное, без возра-

жений.

— А ваш сын приносит такое домой? — спросил Чик у Вирджинии, показав ей одну из забракованных книжек с заголовком на всю обложку «Байки из склепа» и картинкой, на которой омерзительный монстр поджаривал насаженную на палку голову девушки. — Просто поражаешься иногда. — Свернув не прошедшие цензуру комиксы в трубочку, он сунул их в задний карман и вернулся к стрижке газона. — Неужели ничем другим нельзя на жизнь зарабатывать?

Мальчики пошли прочь со своими книжками.

— Полезайте–ка лучше в машину, — сказал Чик. — Там почитаете.

— Хорошо, папа, — отозвался Уолтер.

Дети были уже у калитки и вскоре исчезли за углом дома.

— Как вы думаете, где издают такое? — обратился к ней Чик.

— Где–то в Нью–Йорке, — предположила Вирджиния.

— Такой дряни много и здесь печатают, в Лос–Анджелесе, — сказал Чик. — Это целая индустрия. По телевизору тоже всякую чушь показывают. Но комиксы ужасов я впервые вижу. Когда я был маленьким, комиксов вообще не было, и как–то

мы без них вполне обходились. А что будет, когда они доживут до нашего возраста? — Он присел на корточки и стал очищать ножи газонокосилки. — Где–то находят и домой тащат. И ничего с этим не поделаешь.

— Что, даже там, в школе? — спросила Вирджиния, подумав о Грегге.

— Эта дрянь, — он похлопал по забракованным комиксам в заднем кармане, — всюду проникает. По всему миру. Большой бизнес, как нефтяной или обувной.

С громким стуком распахнулась дверь черного хода, и вышла Лиз, напудренная и надушенная, в мягких кудряшках. На ней была широкая юбка в сборку и блузка с буфами на рукавах.

— Ну что, едем? — обратилась она к Вирджинии. — Чик, иди–ка переоденься. Нельзя же ехать в субботу в центр города в таком виде. Иди, надень костюм.

Она улыбнулась Вирджинии.

— Подождите, косилку уберу, — сказал Чик, крутя ножи большим пальцем.

С них падали пучки мокрой травы.

— Что это у тебя в кармане? — Лиз наклонилась и вытащила свернутые книжки. Разгладив, она рассмотрела обложку первой из них. — Это

еще что такое? — Видимо, она не могла себе представить, откуда могли взяться эти комиксы. Отойдя к крыльцу, она села, расстелила книжки на коленях и принялась читать. — Ужас какой, — смущенно проговорила она.

Похоже, комиксы не вызвали у нее отвращения, а только привели в замешательство.

Чик, вставая, подмигнул Вирджинии и покатил газонокосилку в сарай, а Лиз, сидя на крыльце, углубилась в чтение книжки. Ветер ерошил ей волосы и трепал юбку, она машинально поправляла ее. На солнце она разрумянилась, выглядела прелестно, ярче в выходном наряде, и Вирджиния не могла не любоваться ее волосами, гладкой кожей. Вот так–то вот, подумала Вирджиния. Сидит, старательно изучает комиксы, держа книжку обеими руками, хмурится, шевелит губами.

Подняв глаза, Лиз спросила:

— Где он их взял?

— Мальчики принесли, — сказала Вирджиния.

— Вы их посмотрели?

— Нет.

— Правда, что труп может ожить и показать своего убийцу? Вот о чем тут. Глупости какие!

Она закрыла книжку и швырнула ее и несколько других назад, в дом. Чтобы удержать равнове-

сие, она вытянула ноги, и Вирджиния увидела, что на ней туфли на высоких каблуках, но нет чулок. С войны такого не видела, подумала Вирджиния. Опершись на локоть, Лиз подтянула колени, скрестила ноги и снова принялась читать. Она погладила себя по талии, заправила блузку под пояс, отбросила упавшие на глаза волосы. Не вставая с крыльца, она сказала:

— Ну что, наверно, пора ехать. Уже почти десять, — и неохотно поднялась на ноги.

Из сарая вышел Чик и прошел мимо жены, шлепнув ее ладонью.

— Поехали, — сказал он.

— Как я выгляжу? — спросила Лиз у Вирджинии. — Ничего?

— Замечательно, — сказала Вирджиния и подумала: «Если не считать комиксов».

Но ее тут же кольнуло чувство вины. «Злая я, — сказала она себе. — Злая и несправедливая. Но Роджеру все–таки расскажу, — с наслаждением думала она. — Вот бы сфотографировать, как она тут сидела. На память».

На заднем сиденье «универсала» мальчики со всей серьезностью погрузились в чтение, не обращая никакого внимания на то, что мелькало за окнами.

— Ребята, не надо читать на ходу, — наставительно сказал Чик. — Зрение испортите. — Пес, услышав его голос, вскочил. — Заканчивайте, ребята.

Хоть и не сразу, они оторвались от комиксов и отложили книжки в сторону. «Какие послушные», — подумала Вирджиния. В них присутствовала та же основательность, что и в их отце, который умел придать значение любому действию. А ее сегодня, как и всегда по субботам, охватывала лень. Хождение по магазинам вызывало у нее ощущение достатка, как будто еще оставались какие–то лишние деньги. Она разрешала себе ходить, не торопясь, перебирать юбки, платья, примерять, что хотелось. Она не обязана покупать что–то или не покупать. Если продавщицам что–то не нравилось — что ж, она не нуждается в их одобрении. Можно просто уйти. Она свободна: можно сходить куда–нибудь еще, можно даже просто вернуться домой. И ей нравился гул толпы, теснота и толкотня в центральных магазинах по субботам, словно какое–то действо разыгрывалось среди этого многолюдного собрания.

Отключившись от своих размышлений, Вирджиния услышала, как Чик и Лиз вполголоса, но

сварливо заспорили о чем–то.

— Надо же, без чулок, — сказал Чик, сидевший лицом к жене и спиной к Вирджинии. — А под блузкой надето что–нибудь? Вообще ничего?

— Нижнее белье, — ответила Лиз, сосредоточенно глядя поверх руля на ехавшие впереди машины.

— Да нет на тебе нижнего белья.

— Есть. Смотри.

Оторвав левую руку от руля, она показала ему лямку комбинации.

— А еще? — Он подождал ответа, но его не последовало. — Больше ничего. Почему ты не надеваешь бюстгальтер, когда выходишь из дома? Почему тебе обязательно надо хоть что–нибудь, да не надеть? Ты выходишь в таком виде, чтобы на тебя обращали внимание? Это какая–то инфантильная тяга выставлять напоказ свое тело или бросать вызов обществу, или же твоя невнимательность настолько вошла в привычку, что ты уже не знаешь, одета ты или нет? Скажи мне, почему ты не надела все остальное? А если ты забыла, почему это повторяется так часто?

— Я не нашла ни одной пары чулок, на которой не спустилась бы петля, все мои лифчики или сушатся, или в стирке, или еще где–то, а трусы я

не успела надеть.

— Разворачивайся–ка, поехали домой, и ты их наденешь.

— У нас нет на это времени. Да и тебе–то какая разница? Почему тебя всегда так волнует то, что тебя вообще не касается? Кто–нибудь увидит, что я без чулок, если только случайно не окажется ко мне впритык?

— Нужно носить бюстгальтер. Нельзя выходить из дома без бюстгальтера. Через блузку же все видно. Я ведь через нее и увидел, что ты без лифчика. Посмотри сама, когда солнце на тебя светит. Вниз посмотри. Я пока руль подержу.

Он ухватился за руль, но она не отпускала его.

— Ты просил меня поторопиться, — сказала Лиз. — Я не успела погладить лифчик.

Чик повернулся на сиденье лицом к Вирджинии. Он не на шутку разозлился.

— Заметьте, это я, оказывается, виноват, но она торопится, все, мол, как положено. На самом деле она просто не знает, почему она поступает так или иначе. Делает первое, что придет в голову.

Сидевшим сзади мальчишкам, похоже, не было никакого дела до этой размолвки. Они снова, все так же серьезно, принялись за комиксы. Но Вирджинии ссора была неприятна. Ей хотелось,

чтобы все как–то уладилось.

— По–моему, все очень просто, — сказала она, обращаясь к Чику и Лиз. — Мы ведь по магазинам собрались походить — вот Лиз и купит все, что нужно.

А иначе день пойдет насмарку.

— Правильно, — согласился Чик. — Очень практичный выход.

Лицо его было уже не таким суровым, и вскоре он уже улыбался.

— Я поищу, — сказала Лиз. — Посмотрю, будет ли там то, что мне нужно. — Она остановила машину на красный свет. — Больше всего мне нужны туфли. А обоим ребятам рубашки нужны. У меня в сумке список.

Чик больше не спорил.

— Заедем сначала за вашей мамой и Греггом, или сразу в магазин? — спросил он у Вирджинии. — Решайте.

— Надо бы сначала их забрать, — сказала Вирджиния. — Я думаю. Они могли уйти. Мама вроде бы собиралась к одной знакомой, которая занимается недвижимостью: она подумывает, не попробовать ли получить лицензию. Эта знакомая подбивает ее.

— А что, дело неплохое, — поддержал эту идею

Чик. — Вложений своих не теряешь — разве что на оргтехнику. Правда, там такая конкуренция. И с лицензией штата целая морока. — Он уже окончательно успокоился. — А сами вы не думали заняться чем–нибудь в этом роде? Многие энергичные молодые женщины пробуют себя в недвижимости. У них весь день для этого свободен.

— Знаю, — сказала она. — Но у меня много дел. Танцы, например.

Чик подумал.

— Меня–то, конечно, больше участки под коммерческую застройку интересуют, — признался он. — Я бы не смог возить туда–сюда пожилых дам, вечно лебезить перед ними. Одно из необходимых качеств агента по недвижимости — уметь вешать лапшу на уши. Вы со мной согласны?

— Согласна, — сказала она.

— Это, в конце концов, не полноценный бизнес, — вынес приговор Чик и важно насупил брови. — Некоторым из этих ловкачей только бы комиссионные загрести и смыться.

Вирджиния кивнула, озабоченная тем, что он подумает об их магазине. Очевидно, в бизнесе он строго придерживался этических норм. Его мнение было ей важно.

— А ваш магазин вам небезразличен? — поинтересовался Чик.

— Он мне небезразличен, — сказала она. — Но мне не обязательно там сидеть. В этом нет необходимости. Он и без меня прекрасно справляется.

— А что за танцами вы занимаетесь?

Он спросил это так, что ей сразу стало ясно, какие у него на этот счет представления: ночные клубы, или в лучшем случае танцевальный дуэт Каслов[164], или, возможно, Джинджер Роджерс и Фред Астер.

— Вы слышали о Марте Грэм?

— Кажется, да, — сказал он.

Она рассказала ему об этой школе интерпретативного танца–модерн. О групповой терапии, психодраме и тому подобном. Он вроде бы слушал, но особого отклика не чувствовалось.

— Это кормит? — спросил он. — Ну, то есть можно ли этим зарабатывать?

— Нет, — призналась Вирджиния. — Не особенно.

Чик промолчал. Но для нее снова было важно его мнение. Это не может стать делом твоей жизни, словно читала она его мысли. Это всего лишь

---

[164] Примечания: 164

Вернон и Айрин *Касл* — известнейшая семейная танцевальная пара второго десятилетия XX века в Европе и Америке.

забава, пустяшное времяпрепровождение.

— Я теперь не так много времени посвящаю танцевальной терапии, как раньше, — попыталась она оправдаться.

«Как трудно это донести до других, — подумала она. — Очень непросто заинтересовать людей».

Глава 12

Суббота была в магазине самым горячим днем. Роджер стоял за прилавком как сомнамбула: эта суббота слилась с субботами прошлыми и будущими. Звонил телефон, входили и выходили покупатели. Сегодня мы не болеем, думал он. По субботам никто не болеет. Никто просто не гуляет по улице, не остается дома, не занимается помывкой своей ванны. Все стекаются сюда — такая вот нужда. Он выписал посетителю квитанцию. Все наши помыслы устремились сюда.

Рано утром Олсен уехал на служебном грузовике, и с тех пор его не видели. Те, к кому он должен был заехать, звонили и спрашивали, куда он пропал.

«Где же ты? — подумал Роджер. — Люди ждут и не могут понять, почему тебя нет».

— Застрял небось где–нибудь, — сердито предположил Пит. — Он повез этот ящик аж в Сан–Бернардино.

— Сегодня? В субботу?

Роджер чувствовал, что начинал закипать.

— Единственный день, когда этот клиент дома. Олсен рассчитывал, что успеет смотаться

туда до пробок. Наверно, на обратном пути за каким–нибудь драндулетом плетется. А клиент — Фланниган, это тот, что жалуется вечно.

— Ладно, — сказал Роджер. — Как позвонит, скажешь.

Он вернулся к посетителям, стоявшим у прилавка.

— Да, мэм, чем могу помочь?

— Я у вас на днях иглу купила, — сообщила женщина бальзаковского возраста в рыжевато–коричневом платье. — А она к моему проигрывателю не подходит. Мне ее вон тот, кажется, присоветовал, с которым вы только что разговаривали.

Роджер осматривал иглу, когда у входа вдруг загалдели. Он поднял глаза — такую компанию он никак не ожидал увидеть. В магазин вошли его жена Вирджиния и теща Мэрион Уотсон, с ними Грегге, два веснушчатых рыжеволосых мальчика, собака, а за ними — Чик и Лиз Боннер. Четверо взрослых вели дружескую беседу. Дети немедленно разбежались по всему магазину, хватаясь за телевизоры и протискиваясь мимо посетителей. Собака породы колли уселась на входе — видимо, так была обучена.

Роджер заменил покупательнице иглу, вышел

из–за прилавка и направился к жене. Все четверо медленно шли в глубь магазина: Вирджиния, кажется, что–то показывала Боннерам. Его некоторое время никто из них не замечал. Наконец Вирджиния бодро обратилась к нему:

— Почему ты не сказал, что ездил к ним вчера вечером?

— Ездил, — подтвердил он.

— Гм. Если бы я знала, поехала бы с тобой.

Чик и Лиз Боннер поздоровались с ним, он кивнул в ответ.

— А что происходит? — спросил он у Вирджинии.

— Мы с Лиз договорились походить сегодня по магазинам в Пасадене. Я подумала, что можно было бы поехать всем вместе. А потом я упомянула в разговоре о нашем магазине, и Чик предложил заехать, посмотреть.

— Линдал, у вас тут очень славно, — сказал Чик. — Вам принадлежит? Ну, то есть вы единственный владелец?

— Да, — ответил Роджер.

Когда Чик отошел на несколько шагов, Роджер отвел Вирджинию в сторону и упрекнул ее:

— Ты не говорила мне, что по магазинам ходить собралась.

— Мы заранее точно не договаривались. Так, возникла идея, когда из школы домой ехали. А сегодня утром она мне позвонила.

— Вот как, — удивился Роджер. — Она тебе позвонила.

— Кажется, она хотела, чтобы мальчики познакомились с тобой до воскресенья, — сказала Вирджиния. — Чтобы ты не был для них совсем чужим человеком. До сих пор она их всегда сама возила.

Младшие Боннеры стали спускаться в подвал. Чик крикнул, чтобы они подождали. Вместе с Лиз он последовал за мальчиками. На нем была спортивная рубашка с короткими рукавами — то ли та же самая, то ли другая такая же — и свободные брюки. Лиз в юбке и блузке выглядела прелестно. Похоже, они не торопились.

— Ты можешь отлучиться кофе попить? — спросила Вирджиния.

— Нет, — сказал он.

— Даже на пару минут? Могли бы все вместе в соседнее заведение зайти.

— Ты видишь, сколько народу. Ты ведь знаешь, что тут по субботам творится.

Подошла миссис Уотсон и встала рядом с Вирджинией.

— Как я могу оставить магазин в субботу? — продолжал Роджер. — Ты прекрасно знаешь, что мне не отойти.

Вирджиния с матерью снова присоединилась к Боннерам, оставив его одного. К Роджеру вернулось уже забытое мучительное чувство заброшенности. И где — в своем собственном магазине.

— Тебя к телефону, — позвал Пит.

— Кто?

— Не знаю. Насчет телевизора кто–то.

Пит положил трубку и пошел обратно, показывать молодой парочке комбинированные телеприемники.

— Алло, — сказал Роджер в трубку.

— Я тут сижу, жду, когда ваш мастер привезет мой телевизор, — услышал он сварливый мужской голос. — А его все нет и нет. И сколько мне еще ждать? Он утром должен был приехать. Мне нужно в город, я не могу все время дома сидеть.

Закончив с перебранкой по телефону, Роджер пошел обслуживать пожилую даму, стоявшую у прилавка, которая принесла для проверки целый бумажный пакет ламп. Она доставала их одну за другой и выкладывала на прилавок. Каждая лампа была обернута газетой.

Спустившись с лампами вниз, он на скорую руку проверил их и вернулся.

— Лампы исправные, — сказал он старушке. — Это что–то другое. Приносите телевизор.

— Но он такой большой, — ужаснулась пожилая дама. — Самой мне его не дотащить.

От старушки он отделался не скоро. Когда, наконец, выдалась минутка перерыва, он увидел, что миссис Уотсон, Чик и Лиз Боннеры, Вирджиния, его сын Грегг, мальчишки Боннеры и колли покидают магазин. Они были уже почти у выхода. Собака стояла на старте. Роджер почувствовал себя никому не нужным.

— До свидания, — сказала ему Вирджиния.

И все они, каждый на свой манер, попрощались с ним. Чик Боннер разглагольствовал на какую–то тему: он разглядывал потолок магазина, измерял шагами ширину дверного проема, потом вышел на улицу и стал рассматривать окна.

«Что он, черт возьми, замышляет? — недоумевал Роджер — Что там еще у него на уме? Что еще?»

Когда все удалились, к нему подошел Пит.

— Твои друзья?

Он объяснил:

— Их дети в той же школе, что и Грегг.

— Ничего дамочка. Вид у нее очень даже… как это… цветущий. Да ведь?

Роджер кивнул, совсем упав духом.

— Олсен не звонил? — спросил Пит.

— Нет.

— Пора бы уже и появиться. Будет сегодня до полуночи телевизоры развозить.

Пит отошел к телефону и протянул руку к трубке.

Роджер за прилавком принялся разбирать бирки. Руки двигались машинально. Значит, звонила, думал он. После того как узнала, что он заходил. Это что–нибудь означает? Если да, то что? И что вообще может скрываться за «знаками»? — гадал он. И как это узнать?

Наверняка никогда не узнаешь. До самого смертного часа. А может, и тогда не будешь уверен. Все мы тут пытаемся во что–то проникнуть, строим догадки, вычисляем. Стараемся, как можем.

Послышался какой–то шум, и Роджер поднял глаза.

В магазин ворвалась Лиз Боннер. Она проскользнула к прилавку и встала перед ним — в мгновение ока оказалась прямехонько напротив него, дюйм в дюйм, смуглое, живое существо с

веселыми глазами, в длинной юбке. Его руки машинально продолжали перебирать бирки. Он был так изумлен, что не мог остановиться. Как у заведенного робота под стеклянным колпаком, руки его поднимались и опускались, пальцы хватали следующую по порядку бирку и подносили к отверстию проволоку. Но он хотя бы мог не смотреть на то, что делает: взгляд его был устремлен на Лиз. Он совсем потерял самообладание, был так беспомощен, что подумал: «Слава богу, хоть этим могу себя занять».

— Сумочку забыла, — сказала Лиз.

Цвета ее лица и одежды стали ярче. «Смущается», — понял он. Казалось, что даже юбка и волосы у нее потемнели, а глаза расширились, и он увидел, что они кофейного цвета. В них светились надежда, ожидание и готовность к тому, что он сейчас что–нибудь сделает или скажет.

— Забыли? — едва слышно произнес он. — У нас?

Она дерзко разглядывала его, румянец и радостное выражение не сходили с ее лица, как будто она вернулась нарочно, как будто это очень много значило.

— Наверное, я оставила ее в подвале, — сказала она. — Там, где большие телевизоры.

— Да–да, — только и нашелся, что сказать, Роджер — у него пропал дар речи.

Разгоряченное сияющее лицо, глядевшее на него через прилавок, отражало не меньшее замешательство. Темные глаза Лиз светились, она хотела что–то сказать, запнулась и без слов бросилась к лестнице. Ее длинная юбка шлейфом плыла сзади.

«Что мне делать?» — лихорадочно думал он. Между тем его руки продолжали разбирать бирки, скреплять их, сортировать. Просто стой здесь, приказал он себе. Пусть жизнь вытекает через кончики пальцев, пока не ослепнешь, пока не подкосятся ноги и ты не грохнешься замертво.

Очень скоро она вернулась с сумочкой. Сумка была кожаная, новая, с ремешком, который она тут же перебросила через плечо. Видимо, она была рада, испытывала облегчение от того, что нашла ее.

— Какой был бы ужас, если бы я ее потеряла, — сказала она. — У меня там чего только нет.

У выхода она, запыхавшись, остановилась и обернулась.

— Уходите? — спросил он.

Она кивнула.

— До свидания, — попрощался тогда он. — Уви-

димся.

Не ответив, она пригнула голову, быстро вышла из магазина и устремилась прочь по тротуару.

Некоторое время спустя Роджер пришел в себя и задумался: «Ничего не знаю. Как понять? Расценивать это как какой–то сигнал? Делать из этого какие–то выводы? А может, я уже дошел до того, что во всем вижу какие–то знаки, потому что хочу их видеть. Еще немного, и я начну слышать голоса. В чем найти опору? Чему верить?»

За спиной у него зашипело переговорное устройство. Там в одной лампе периодически коротило и шипело каждый день. «Мне уже и в этом чудятся знаки, — подумал он. — А почему бы и нет? Какая разница — услышать что–то в шипении переговорного устройства или увидеть в том, что только что произошло у меня на глазах, прямо здесь, передо мной, в моем собственном магазине, где мне знаком каждый уголок и где все мое.

Глянь–ка, на что я повелся. Уцепился за какое–то шипение, всего лишь звук, такой тихий, что его едва слышно. На пороге слышимости. Фон какой–то».

Ф–ф–ф–

«Туманно как–то очень. Нужно напрячься. Попробовать постичь.

Боже, — подумал он, — так ведь и надорваться можно. Угробить себя, вслушиваясь.

Ф–ф–ф–

«Это я сам с собой разговариваю», — напомнил он себе.

— Что ты там делаешь? — спросил он в переговорное устройство. — Сидишь, что ли, просто? Заснул?

«Уж ты–то крепко заснул», — сказал он себе.

— Отвечай, — потребовал он. — Я знаю, что ты там.

Я не один, думал он. Я это знаю.

— Ну же. — Он надавил на кнопку и резко повернул регулятор громкости до максимума. — Отвечай!

Пол завибрировал у него под ногами.

Это мой голос — подо мной. Из–под земли.

К прилавку подошел Пит, закончивший разговаривать по телефону.

— Эй! — окликнул он Роджера. — Ты чего это?

— С отделом техобслуживания разговариваю, — отмахнулся тот и оставил в покое кнопку переговорного устройства.

Устройство зашипело.

Вечером, после ужина, Вирджиния показала ему свитера, купленные во время похода по магазинам с Боннерами.

— Смотри. — Она держала их перед ним. — Неплохие, правда?

— Замечательные, — сказал он. — Хорошо съездили?

— Ты же знаешь, что мне нравится ходить по магазинам в Пасадене.

— Зачем Чик измерял фасад моего магазина?

— А он измерял? А, он, кажется, определял ширину витрины.

— Но зачем?

— Это ты у него спроси, — сказала Вирджиния.

Подумав, он признался:

— Я сильно удивился, когда увидел, как вы толпой вваливаетесь в магазин.

— Толпой?

— Ну да, считая собаку. Чья она?

— Уолтера и Джерри. Очень ласковая и воспитанная.

С места, где он сидел, ему не было видно лица Вирджинии. Он размышлял, стоит ли рассказать ей о том, что он заходил к Боннерам. Что будет хуже — рассказать или не рассказать?

И тут не знаешь. Ничего нельзя знать наверняка. Какие–то проблески в тумане. Может, так, а может, этак. Зацепки, намеки… Он сдается.

«А, может быть, это и к лучшему, — подумал он, — что по–настоящему ничего нельзя знать. Что остается только гадать. А это большая раз-

ница».

Подтверждения — вот чего не хватает. Без него они могут блуждать наугад до бесконечности. Или оно просто свалится на них с неба. Подтверждение для него — того, что он предполагал, или для Вирджинии — если она что–нибудь подозревала.

«Я подозреваю, что ты подозреваешь. А ты–то что подозреваешь, господи ты боже мой? Все ведь так смутно».

— А, забыла тебе сказать, — вспомнила Вирджиния. — Хотя тебя это, наверно, разозлит… — Она улыбнулась. — Лиз забыла сумочку в одном универмаге в центре города. Пришлось ехать обратно в Пасадену — едва успели до закрытия.

— И что, нашлась?

— Да, продавец отложил ее. Чик говорит, с ней всегда так.

«Значит, эта версия отпадает, — подумал он. — Видишь как. А что же шипение? Что за голоса ты слышишь в этом шуме без всякой причины?»

«Ф–ффф», — говорит ему мир. Со всех сторон. Отовсюду. Шипение и помехи. Они пытаются достучаться до него, сообщить ему что–то.

— О чем ты думаешь? — спросила Вирджи-

ния. — Что–то ты хмурый.

— Про цветное телевидение думаю.

— А ты не думай.

— Не могу, — сказал он. — Я думаю о том, что у меня полный склад черно–белых телевизоров, которые я должен буду отдать фактически даром.

— Попробуй думать о чем–нибудь приятном, — посоветовала ему Вирджиния.

— Попробую, — пообещал он. — Постараюсь.

В воскресенье после обеда Роджер посадил Грегга в «Олдсмобиль» и поехал к Боннерам. При свете дня их типовой домик выглядел довольно убогим. Окна нуждались в покраске, газон давно не стригли. На красном «универсале», стоявшем перед домом, все еще лежал слой пыли. На грязном крыле кто–то неразборчиво вывел заглавные буквы. Наверное, их мальчишки.

Закрывая дверцу «олдса», он подумал: «Я мог бы и в этих буквах, выведенных на крыле машины, что–нибудь прочитать».

— Мы сейчас обратно поедем? — спросил Грегг, когда они переходили улицу.

— Скоро.

Была половина второго. Они приехали с запасом.

— А мама не едет с нами? Я думал, она поедет.

Мальчик угрюмо смотрел на отца.

— Мама попросила, чтобы тебя отвез я, — сказал Роджер. — Я и Уолта с Джерри повезу. — И пошутил в своем духе: — Конечно, если я для тебя недостаточно хорошо вожу, можешь взять такси на те сорок центов, что ты скопил.

— А может, попозже поедем? — попросил Грегг.

— Посмотрим, — ответил Роджер, поднялся с сыном на крыльцо дома Боннеров и позвонил в дверь.

Никто не откликнулся. Он позвонил снова. Дом казался пустым.

— Может, их нет дома, — бросил он Греггу.

И тут обнаружил, что стоит на крыльце один. Грегг куда–то сбежал. «Вот засранец», — выругался Роджер про себя. Он спустился с крыльца и пошел по газону.

— Грегг! — позвал он.

Сын появился из–за угла дома.

— Они на заднем дворе, — сообщил он. — Они там, за домом.

— Хорошо, — сказал Роджер и пошел вместе с сыном по дорожке между стеной дома и забором, вошел через калитку, мимо кустов и оказался на заднем дворе.

Собака породы колли лежала посередине ступенчатого газона, выставив вперед лапы. Задний двор оказался ухоженнее, чем фасад. В глубине росло несколько фруктовых деревьев, стояла мусоросжигательная печь и лежала куча сухих веток и листьев. По боковым сторонам забора были разбиты клумбы. У заднего забора мальчишки Боннеры строили из деревяшек домик. Он был уже почти готов. Оба трудились в джинсах, с обнаженными торсами, босиком. Чик Боннер занял позицию поблизости, на кирпичном бордюре. Он сидел, опустив голову и полуприкрыв глаза. Его лысина влажно блестела на солнце. Остатки волос были такими редкими, как будто им уже недолго оставалось красоваться на своем месте. Кожа головы порозовела и покрылась пятнами, а когда Чик поднял взгляд, Роджер увидел, что брови у него тоже розовые. Заслоняя глаза ладонью и щуря их, Чик посмотрел на него и достал солнечные очки.

— Так слепит, что ничего не вижу, — сказал он.

— Это я, — подал голос Роджер.

Лиз Боннер, лежавшая, растянувшись, в купальнике на траве, пошевелилась и приподнялась.

— Что, уже пора? — пробормотала она.

Перевернувшись, она оперлась на локти, обхватив щеки ладонями.

— Здравствуй, Грегги, — сказала она. — Подойди–ка сюда.

Когда тот подошел, она протянула руку и взяла его за рубашку.

— Вы заставляете его ходить в рубашке? А можно он ее снимет?

Встав на колени, она расстегнула Греггу рубашку и забросила ее за кирпичный бордюр в конце газона.

— Сними ботинки, — сказала она Греггу. — Спроси у папы, он не возражает?

— Можно я сниму ботинки? — спросил Грегг, вернувшись к нему.

— Конечно, — разрешил тот. — Снимай. — И обратился к Лиз и Чику: — Как у вас тут безмятежно.

Лиз сидела теперь, подогнув ноги перед собой, откинувшись чуть назад и упираясь в землю ладонями. К ее купальнику, ногам и животу прилипли травинки. Кожа у нее оказалась светлее, чем ему запомнилось. Она была коренастее и ниже Вирджинии, а бедра у нее были, на его вкус, куда женственнее. «Как хорошо она сложена!» — подумал он. Как и мальчишки, корпевшие над

своим домиком, Лиз сбросила с себя максимум одежды. Вольготно растянувшись на банном полотенце, она смотрелась в полной гармонии с солнцем, собакой породы колли и всем двором.

— Присоединяйтесь к нам, — пригласила его Лиз.

— В каком смысле? — пробормотал он.

— Ложитесь. Вздремните. Снимайте рубашку и туфли.

— Идея замечательная.

Грегг, оставшийся в одних штанах, отправился в разведку по двору. Петляя, он приближался к домику в задней части двора и, наконец, уже просто ходил кругами. Хотя он на него не глядел, домик явно не давал ему покоя. Боннеры–младшие окинули его недовольным взглядом и вернулись к своему занятию.

— А у вас неплохой магазин, Линдал, — сказал Чик, расставив ноги и положив руки на бедра. — Только фасад узковатый, согласны? Мне кажется, витрины у вас уж больно маленькие. Может, я и не прав. У меня никогда не было знакомых в розничной торговле. Эта тема меня всегда интересовала, но конкретно ею я как–то еще не занимался. В соседнем с вами магазине фасад побольше будет, да?

— Вроде бы да, — ответил Роджер.

— Вы ведь только арендуете?

— Да.

— И сколько платите в месяц?

— Триста, примерно.

— Ни черта себе! — поразился Чик. — Такую сумму? Хотя вы находитесь в хорошем месте. И помещение ведь у вас вытянуто в длину? Я когда–то архитектурой увлекался, когда учился еще. Лекции даже посещал — мне проектировать нравилось. У каждого, наверное, такой период в жизни бывает. — Подняв голову, он разглядывал Роджера через темные очки. — Приносит розничная торговля удовлетворение? Ну, наверное, витрины украшать — это приятно; не знаю, мне так кажется. С другой стороны, когда я у вас был, видел там много старушек. Наверное, торгуя в розницу, часто приходится наступать на собственное самолюбие. Так или иначе, думаю, вам кажется унизительным потакать капризам стариков и разбираться с их жадобами. Это я тоже только предполагаю, но готов поспорить, что я прав.

Роджеру странно было слышать такое точное описание собственного положения дел. Чик попал в самое яблочко.

— Витрины — дело занятное, — осторожно согласился он.

— А как с закупками? Мне это представляется этаким соревнованием интеллектов — ты как бы меряешься силами со своим оптовиком. Это было бы, пожалуй, по мне.

— И это тоже, — подтвердил Роджер.

Тут Чик, по–видимому, потерял интерес к разговору. Он снова погрузился в свой внутренний мир.

— Грегг, — позвал Роджер сына. — Скоро пора ехать.

Мальчик тащил доску, чтобы пристроить ее к крыше домика. Роджер пошел в том же направлении и сказал Боннерам–младшим:

— Пора ехать.

Оба, не обращая на него внимания, продолжали трудиться.

Лиз с усилием поднялась со своего большого махрового полотенца и подошла к ним. Ее голые руки и плечи блестели; он увидел, как низко соскользнула верхняя часть ее купальника. Левая грудь, полная и гладкая, была почти обнажена.

— Они на меня злятся, — сказала она. — Потому что я не еду.

Лиз подтянула лямку купальника.

— Вот как, — пробормотал Роджер. Очевидно, на него мальчики тоже сердились. Они делали вид, что не замечают ни его, ни Грегга. — Вот ведь как, — неуверенно добавил он, бросив на нее взгляд.

Тут вмешался Чик:

— Ребята, а ну–ка, заканчивайте. Марш одеваться и — в машину.

— Слушаюсь, — недовольно повиновался Уолт.

Он бросил дощечку и, волоча ноги, пошел прочь. Джерри последовал за ним.

Лиз спросила у мужа:

— Что будем делать? Это серьезно?

— Ничего, переживут, — ответил Чик.

— Посмотри на ситуацию их глазами, — сказала Лиз. — Я их не виню.

Чик промолчал.

— Я поеду с ними, — решила Лиз.

— Они уже большие, смогут и без тебя съездить, — невозмутимо сказал Чик. — Ты сама воспитываешь в них зависимость. Мне уже только поэтому нравится идея возить их по очереди. Когда мне было двенадцать — да я бы лучше пешком прошел все это расстояние, чем явиться вместе с мамашей. Пускай съездят пару раз без тебя — ничего, быстро привыкнут. — Он повер-

нулся к Роджеру: — Правда ведь?

— Не впутывайте меня, — сказал тот.

— Вы не считаете, что двенадцатилетний мальчишка уже достаточно вырос, чтобы поехать куда–то без матери?

Хлопнула дверь черного хода, и вышли полностью одетые Джерри и Уолт.

— Что, без мамы никак не съездить? — обратился к ним Чик.

Дети что–то пробормотали и повесили головы.

— Идите в машину, — приказал Чик. — Сидите там и ждите.

Мальчики поплелись к машине.

— Давай я все–таки на этот раз съезжу, — не унималась Лиз. — Я туда поведу машину, а на обратном пути Роджер сядет за руль.

— Ты прямо на привязи парнишек держишь, — сказал Чик. — Удивляюсь, как ты вообще их в эту школу отпустила.

— Пойду переоденусь, — поставила точку Лиз и, схватив банное полотенце, скрылась в доме.

— Это меня убивает, — пожаловался Чик Роджеру. — А как ваша Вирджиния? Она произвела на меня впечатление разумной женщины. Она ведь не нянчится так с вашим парнем?

— По–разному бывает, — ответил Роджер, снова

уклоняясь от дискуссии.

— Между нами говоря, — продолжал Чик, — вы это не передавайте, но, знаете, Лиз всегда принимает решения уже на ходу. У нее нет правил, все у нее зависит от настроения.

— Грегг, пошли, — позвал Роджер сына. — Одевайся и садись в машину с Джерри и Уолтером.

Он отвел мальчика за руку к тому месту, где лежали рубашка, ботинки и носки. Стоя рядом, он подгонял его, чтобы тот не затягивал отъезд, а потом отправил по боковой дорожке вдоль дома.

— А вы, Линдал, не болтливы, правда? — сказал Чик Боннер и посмотрел на Роджера с особым уважением. — Но, думаю, если вы собираетесь заниматься бизнесом, вам придется этому научиться.

Потом оба замолчали. Наконец из дома раздался голос Лиз:

— Я готова. Пойдемте, пожалуй.

— Не надо язвить, — сказал Роджер Чику.

— Вы правы, — пристыженно ответил тот. — Я в этих делах ничего не понимаю. Желаю хорошей поездки. Вы там построже с мальчишками, если будут докучать — я разрешаю, иначе с ними не справиться.

Роджер прошел вдоль дома к газону перед

фасадом. Грегг и мальчики Боннеров сидели в «Олдсмобиле» и сверлили друг друга враждебными взглядами. Потом все вместе повернули головы и злобно уставились на него. Но Роджера это не трогало. «Меня кое–кто другой волнует», — думал он.

Дверь дома открылась, и на дорожку с переброшенным через руку пальто и качающейся на лямке сумочкой вышла Лиз Боннер. Она надела накрахмаленную рубашку в полоску и юбку в цветочек.

— Будете небось замечания отпускать по поводу того, как я машину вожу? — сказала она. — Ах, это же будет ваша машина, — Лиз заметно занервничала. — Мы же едем в вашей машине?

— Так мы будем в равных условиях, — сказал он.

— А мне можно вести вашу машину? — Она нерешительно заглянула внутрь.

Мальчики оживились. Джерри и Уолт, поняв, что мать тоже едет, стали общительнее.

— Какое у вас переключение?

— Автоматическое, — сказал он. — У вас все получится.

— Давайте в эту сторону вы поедете, — попросила Лиз.

— Хорошо, — согласился он, придерживая перед ней дверь.

Она села в машину. Он захлопнул дверь и прошел к месту водителя.

«Вот, она здесь», — зашептали на ухо голоса. Это был уже не фон, они действительно говорили с ним. Но что это значит? И значит ли что–то вообще? Или ничего? Откуда ему знать? Ему это неизвестно.

Глава 13

Вирджиния, погрузив руки в говяжий фарш, месила его с яйцом, горчицей, хлебом и луком. Она готовила к ужину мясной рулет, когда на переднем крыльце послышались мужские шаги. «Приехал», — решила она. Но тут в дверь позвонили, и ей стало до дрожи страшно. Она представила себе дорожных патрульных, которые сообщают ей о катастрофе в горах, где–то между Охаем и Лос–Анджелесом.

Вирджиния вытерла руки бумажным полотенцем и помчалась что есть духу открывать дверь.

На крыльце стоял Чик Боннер с тощим пакетом под мышкой.

— Здравствуйте, Вирджиния, — дружелюбно сказал он.

— Он не вернулся, — с дрожью в голосе сказала она. — Что–нибудь случилось?

— Да нет, ни о чем таком не слышал, — с неизменной невозмутимостью ответил Чик.

— Разве он не должен уже вернуться?

Подняв руку, он поднес к свету часы.

— Да нет, не обязательно. Лиз редко когда до шести–семи часов успевала приехать.

Чик опустил руку и твердым шагом направился внутрь дома, прямиком в центр гостиной. У кофейного столика он остановился, положил пакет и снял пальто. Вирджиния, не успев опомниться, уже закрыла дверь и шла взять у него пальто.

— Вы меня напугали, — сказала она, ошеломленная вторжением в ее дом.

Похоже, Чик был уверен, что ему тут рады: он не стал объясняться или извиняться, даже не поинтересовался, чем она занимается, одна ли дома и есть ли у нее время, и вообще — хочет ли она, чтобы он входил и клал на стол свой пакет.

С довольным вздохом он опустился в кресло, стоявшее напротив камина.

— Послушайте–ка, что я скажу, — объявил он. — Вы занимайтесь, чем занимались. Я могу говорить, пока вы работаете.

— Я готовила ужин, — сказала Вирджиния, не вполне понимая, что ей делать.

Чик принял это к сведению.

— Вот и готовьте. Знаете, кажется, ваш муж толковее меня. Я тут принес кое–что, хочу, чтобы он посмотрел.

Он признался в этом как–то грустно.

— Вы меня извините, — сказала Вирджиния. — Я буду дальше готовить.

Она вернулась на кухню и снова принялась мять фарш для рулета. Добавив молока, она стала перемешивать массу большой деревянной ложкой. В гостиной Чик Боннер занялся своим пакетом. Она слышала, как он открыл его. Оглянувшись, она увидела, что он вынул несколько листов плотной светло–коричневой бумаги длиной во весь столик. Делал он это настолько тщательно и молчаливо, что напомнил ей какое–то запасливое млекопитающее, которое собирает себе пропитание на зиму. Чик все исследовал и просчитывал будущее на десять лет вперед. Настоящее оставляло его равнодушным.

— У вас есть минутка? — спросил Чик.

— Только не прямо сейчас, — попросила Вирджиния, кладя в фарш соль — она чуть не забыла сделать это.

Он прошел на кухню, и в ней тут же стало тесно — такой он был большой человек. Чик стоял, и она не могла протиснуться мимо него. Заняв прочную позицию, он стал наблюдать, как она возится со своей готовкой.

— Позвольте задать вам пару вопросов, — попросил он, — если мои разговоры не мешают вам работать. Какую валовую прибыль приносит этот его магазин в год?

Она этого не знала.

— Это вам придется у него спросить.

— Думаю, наценка составляет от двадцати пяти до сорока процентов. Сколько зарплат ему нужно платить? Наверное, регулярный оклад он берет из общей прибыли — в бухгалтерии он показан так же, как любая другая зарплата, да?

— Вам лучше у него спросить, — сказала Вирджиния, ставя мясной рулет в духовку.

— Так, — продолжал Чик. — Значит, у него есть мастер по ремонту. Потом тот продавец. Кто–нибудь еще?

— Нет, — сказала она.

— Бухгалтерию он ведь не сам ведет?

— Не сам.

— А вы иногда помогаете ему? В Рождество, например?

— Да, в Рождество прихожу. Отвечаю на звонки, обслуживаю посетителей. Еще у него парень работает водителем грузовика на доставках.

Чик записал.

— Бизнес, в общем–то, небольшой. А вы не знаете, ну хотя бы совсем приблизительно, сколько он вложил?

— Нет, — ответила она.

После этого он перестал задавать вопросы,

просто стоял.

— Выпить хотите чего–нибудь? — предложила она.

— Давайте, — сказал он.

— Что будете? Кофе? Вино? Пиво? В кладовой есть бурбон.

— Пиво, — выбрал Чик.

Она открыла банку пива и налила ему стакан. Он отпил и поставил его на стол.

— Я хотел это предварительно с вами обсудить, — сказал Чик, — хочу знать, как он может отреагировать на мое предложение. Он такой человек, что может с ходу отказаться, и все. Он принимает решение и делает то, что ему кажется правильным. И потом его уже никто не переубедит. Наверное, поэтому ему и удалось добиться успеха в розничной торговле.

— Что вы хотите ему предложить?

— Что вы думаете, как он посмотрит на то, чтобы расшириться? Пойдемте в ту комнату, я покажу вам свои проекты. Идемте.

Чик двинулся обратно в гостиную, и Вирджиния пошла вместе с ним. Ей было любопытно — так же она чувствовала себя, когда какой–нибудь напористый страховой агент начинал доставать свои планы, графики и прогнозы на

будущее.

А сейчас Чик разложил на столе свои выкладки, которые вызывали у нее уважение. Она наклонилась, вытирая руки о фартук, и увиденное ошеломило ее. Эскизы были выполнены профессионально, они напоминали иллюстрации будущих общественных зданий, которые она иногда видела в газетах. На одном из эскизов был изображен длинный и низкий фасад магазина — горизонталь, разорванная перпендикуляром вывески. На другом был план прилавков и касс. У этого медлительного здоровяка явный талант.

— Кассы у него плохо поставлены, — сказал Чик.

— Почему?

Вирджиния была зачарована. Как будто ей оказывали какую–то особую услугу, предлагали пройти тест — в колледже она участвовала в тестах на выявление способностей, на интеллект, и всегда просто не могла дождаться результатов.

— Слишком близко к двери. Это отпугивает клиентов. Посетителям нравится входить в магазин свободно. Самим все смотреть, запросто подходить к полкам и витринам, быть самим себе хозяевами. — Он постучал по эскизу. — А когда прилавки у входа, на посетителя как бы

начинают давить — или он так думает — с самого порога. Я обратил на это внимание, как только мы вошли в магазин. Единственный довод за то, чтобы расположить прилавок в передней части, — это борьба с кражами, и иногда это дает возможность сократить численность персонала, когда один человек совмещает две должности — продавца и кассира. Вот если бы у него был продуктовый магазин, где продавец фактически не нужен, а нужен только кассир, и где много мелкого товара — тогда он должен был бы поставить кассы у входа.

— Понятно.

Вирджиния рассматривала схему освещения и многое в ней понимала. «Мне действительно понятно», — подумала она.

— Вам нужно показать это ему, — сказала она.

— Как вы думаете, что он скажет? — серьезно спросил Чик. — Я решил сначала поговорить с вами, потому что вы знаете его лучше, чем я. Пока он привязан к единоличному предприятию, он никогда…

— А что бы сделали вы? — перебила его она, поняв, к чему идет дело, в чем истинная суть разговора. — Продали бы пекарню?

— Пекарня не моя. Мне принадлежит некото-

рый процент акций, и я получаю жалованье. Я бы ушел со своей работы там, продал бы часть акций, конвертировал их и вложил, так чтобы быть на равных с Роджером в том, что касается оборудования, имущества и тому подобного.

— А работать стали бы? — не отставала Вирджиния. — Вы ведь не ограничились бы одним вложением денег?

— Мне бы хотелось попробовать свои силы в розничной торговле.

— Тогда вы бы работали в магазине.

Он кивнул.

— Эти эскизы… — Она села на ручку дивана. — Они ведь для нового магазина? Или для реконструкции?

— Для того и другого. Многое будет зависеть от того, что Роджер думает о местоположении магазина. Ему будет виднее. А для реконструкции придется выкупать аренду по крайней мере одного соседнего магазина в этом здании, предпочтительно газонно–качельного. Тогда получится нужная длина фасада.

— Вы это все вполне серьезно? — спросила Вирджиния.

Чик выглядел таким рассудительным, что вопрос прозвучал риторически.

— Но вы же видели его всего один раз, — недоумевала она. — И про нас почти ничего не знаете.

— Все есть в бухгалтерских книгах, — сказал Чик. — Вот просмотрю отчетность и узнаю все, что мне нужно. Когда увижу выручку, накладные расходы, то, что ему пришлось списать, и так далее.

Идея уже начинала увлекать Вирджинию.

Подойдя к телефону, она спросила:

— Можно я позвоню маме и поговорю с ней?

— Как хотите, — не стал возражать Чик.

Он принялся заново раскладывать эскизы к приходу Роджера.

В трубке раздался гудок, затем послышался сдержанный голос матери.

— Здравствуй, — сказала Вирджиния. — Послушай. Как насчет того, чтобы приехать сюда ненадолго? Тут кое–что назревает, думаю, тебе понравится.

— Ну… приезжай сама, заберешь меня, — резко сказала Мэрион. — И я успею еще кое–что сделать.

— Секунду. — Повернувшись к Чику, она спросила: — Мы сможем съездить за ней на вашем «универсале»?

— Конечно, — кивнул Чик, сидевший над своими эскизами.

— Тогда мы сейчас за тобой приедем, — сказала Вирджиния. — Минут через десять.

— Что там у тебя? — спросила Мэрион. — Почему бы не сказать мне?

— Увидишь, — ответила она. — Пока. Через десять минут подъедем.

И повесила трубку.

— Да, — сказал Чик. — Ее мнение мне тоже хотелось бы узнать. Вероятно, она могла бы подсказать мне, как он может отреагировать.

Потянувшись за пальто, Вирджиния спросила:

— Почему вы не взяли с собой Лиз?

Чик ответил:

— Она в последний момент разнервничалась и решила тоже поехать с ними.

— В школу? — Это ее удивило. — Они что, оба поехали?

— Да, оба. Лиз за мальчишек волнуется. Им не приглянулась идея ехать с незнакомым мужчиной. Ведь до сих пор их всегда возила только она.

«О, нет, — подумала Вирджиния, едва сдерживая смех. — Четыре с половиной часа слушать болтовню Лиз Боннер. Бедный Роджер».

— Вы улыбаетесь, — заметил Чик.

— Да просто вспомнила кое–что, — Вирджиния постаралась соблюсти приличия. — Роджер выстроил целую теорию о том, как было бы лучше отвозить наших мальчиков: вы по пятницам, мы по воскресеньям, — и вдруг они едут вместе.

Глава 14

Когда они доехали до школы — в половине четвертого, — мальчишки тут же очнулись от дремоты и оживленно загалдели. Не успел Роджер выключить двигатель, как они выскочили из машины на пыльную дорогу. Уолтер и Джерри галопом помчались к главному зданию. Грегг остался, ожидая указаний от отца.

— Мне нужно отвести его в здание, — обратился Роджер к Лиз. — Так ведь? Или как?

Лиз, еще сидевшая в машине, согласилась:

— Да, пойдемте туда.

Во время поездки они говорили мало — смотрели на проносившиеся мимо пейзажи, иногда отпускали какие–нибудь замечания. Когда съехали в долину, Лиз сбросила туфли и свернулась калачиком на сиденье, чтобы вздремнуть.

— Вы идете? — спросил Роджер.

Он вылез, разминая затекшие ноги, и обошел машину. Ноги как будто судорогой свело, голова раскалывалась. Когда Лиз уснула, он включил радио и нашел детективные и юмористические программы для мальчишек. К тому времени, когда они добрались до школы, никто уже не об-

ращал на радио ни малейшего внимания. «Да уж, поездочка», — подумал он. Дорога еще та. Какое счастье, что ему не придется крутить баранку на обратном пути. Поток машин по Девяносто девятому шоссе будет неимоверный.

Лиз опустила ступни на землю. Ей с большим трудом удалось принять вертикальное положение.

— Ничего, если я так зайду? — спросила она, потягиваясь. Туфли она оставила в машине. — Их это не шокирует: они ко мне привыкли.

Она взяла сумочку и пошла за мальчиками.

— Как хорошо наконец выбраться из машины, — сказал Роджер, не отставая от нее.

— Я храпела?

— Нет, — сильно удивившись, ответил он.

— Чик говорит, иногда я храплю, когда засыпаю в машине. Сигаретку не дадите?

Он протянул ей свои сигареты и зажег спичку. Оба остановились и прикрыли огонек ладонями. Дул предвечерний ветер. Длинная юбка Лиз прилипла к коленям, а когда она отступила с сигаретой, порыв ветра поднял ее волосы и, как тканью, закрыл ими ее лицо. Держа сигарету на расстоянии, она отвернулась и отбросила волосы назад.

— Их накормят? — спросил Роджер.

— Да, ужин в шесть, — сказала она. — Поэтому Эдна и заставляет нас подтягиваться с бедными малолетними заключенными до этого времени.

Грегг, шедший впереди, замедлил шаг и спросил:

— Папа, когда ты и мама снова приедете?

— В пятницу.

— А–а.

Он постоял, опустил голову и пошел по дорожке, загребая ногами пыль.

— Что ты там видишь? — спросила Лиз, обхватив мальчика за талию и заставляя его поднять голову.

Грегг споткнулся, и она прижала его к себе. Он захихикал и стал вырываться. Лиз отпустила его, и он помчался вперед, обежал ее и Роджера и ринулся обратно, к ним, широко расставив руки.

— Полегче, — сказала Лиз, защищаясь, и сдержанно улыбнулась Роджеру.

— Не обожгись о сигарету, — предостерег Роджер сына.

— Не обожжется, — сказала Лиз, высоко подняв руку с сигаретой. — Слишком уж вы беспокоитесь. А даже если и обожжется? Смотрите. — Она поднесла к его глазам голое запястье. — Видите?

Там был белый шрам. Чтобы лучше рассмотреть, он взял ее за руку и ощутил теплоту и гладкость ее кожи. Оба остановились.

— Дайте мне посмотреть! — закричал Грегг.

Впереди, забежав на террасу здания, мальчики Боннеров скрылись из виду. Они знали, куда идти.

— Это сделал мальчишка с нашей улицы, — сказала Лиз. — Спичечной головкой. Я поспорила с ним, что не отдерну руку. Я была в него влюблена.

— Правда?

— Да еще как. Потом всю дорогу вопила, пока до дома бежала. Я все рассказала отцу, он пошел и рассказал отцу Эдди Тарски, а тот выпорол Эдди до полусмерти. Я не призналась им, что идея была моя.

— Сколько вам было лет?

— Восемь. Мне духу не хватило. — Она поддела ногой камень, и он укатился на обочину дорожки. — Это было в Соледаде. Приходилось бывать в Соледаде?

— Нет, — сказал он.

— Это в долине Салинас. Прямо на железной дороге Южной Тихоокеанской компании. Там рядом тюрьма общего режима… Мы, бывало, бол-

тались там, перешучивались с заключенными — они в полях работали. Иногда мы клали на рельсы монетки, и они сплющивались. Одна у меня до сих пор хранится… На счастье ношу.

Грегг спросил:

— Поезда из–за этого с рельсов не сходили?

Они уже подошли к ступенькам и стали подниматься.

— Как скоро вы хотите поехать обратно? — поинтересовался Роджер у Лиз.

Он надеялся, что ей захочется некоторое время побыть здесь, он рассчитывал на это.

— Да когда угодно, — беспечно ответила она.

— Мне бы хотелось немного здесь задержаться. Мне тут нравится. Я ведь родился на ферме.

— Правда?

— В Арканзасе.

— На ферму тут не похоже, — убежденно заявила Лиз. — Ни сельскохозяйственных культур, ни крупного рогатого скота, ни овец. Тут ничего не выращивают — только держат на цепи маленьких пленников. А вам ферму напоминает? Чем?

— Тут есть животные.

— Какие животные?

Она озадаченно посмотрела на него.

— Лошади, — сказал Роджер. — Кролики.

— А, — похоже, вспомнила она. — Точно. Я плачу пять долларов в месяц, чтобы Джерри и Уолтер учились ездить верхом. Впрочем, возможно, я плачу за стирку.

Тут их увидел проходивший мимо учитель арифметики Ван Эке. На нем был галстук, свитер и короткие брюки цвета хаки.

— Привет, Лиз, — поздоровался он. — А, здравствуйте, мистер Линдал. Ну что, утрясли все наконец?

— Более или менее, — сказал Роджер.

Ван Эке зашагал рядом с ними.

— Лиз, а где главный пекарь? Дома, со своими буханками?

В ответ она сморщила нос.

На террасе у входа в здание мальчишки Боннеров стояли с группой своих сверстников. Грегг сторонился их, он чувствовал себя немного не в своей тарелке. Не подавая вида, он бочком отошел от них и присоединился к Лиз, отцу и мистеру Ван Эке.

— Папа, — сказал он, — хочешь посмотреть мою комнату, где мы с мальчиками живем?

— Давай, — сказал Роджер. — Показывай.

— Встретимся здесь, — сказала ему Лиз. — Или, в случае чего, я приду к машине. Не уезжайте без

меня, — крикнула она ему вдогонку. — Даже если вы не сможете меня найти, я буду где–то здесь.

Следуя за сыном, Роджер поднялся в маленькую спальню мальчиков, и тот показал ему чистенькую, простую большую комнату, в которой шестеро школьников спали на трех двухъярусных кроватях. К одной из тумбочек была приклеена табличка с именем Грегга, а сверху лежала кипа комиксов и «Золотых книжек»[165].

— Замечательно, — сказал Роджер, не в состоянии проявить интерес.

— Пап, хочешь, я тебя с Билли познакомлю? — Билли был новым другом его сына. В выходные Грегг им все уши прожужжал, рассказывая о нем и их совместных делах. — Он, по–моему, внизу. Или на той стороне коридора. По–моему, он на той стороне коридора, пап.

— По–моему, он внизу, — сказал Роджер и вынудил сына снова спуститься в вестибюль.

За дверью на перилах террасы сидела в одиночестве Лиз и курила сигарету, из тех, что дал ей он. Увидев его с Греггом, она улыбнулась и спрыгнула.

— А где Ван Эке? — спросил Роджер.

---

[165] Примечания: 165

«Золотые книжки» — популярная серия книг для детей.

— Трудится в поте лица своего.

— А Джерри и Уолтер где?

— Помогают какому–то мальчугану мастерить коротковолновой приемник. Надо бы вам к ним пойти — это же ваша специальность. Не хотите? Сами не мастерили в детстве коротковолновые приемники?

— Бывало, — сказал он.

— Вы бы произвели на них впечатление. — Она наклонилась и, сложив губы трубочкой, спросила у Грегга: — Папа внушает тебе уважение тем, что умеет конструировать коротковолновые приемники?

Она поднялась и стояла теперь так близко к Роджеру, что ему пришлось отступить, чтобы она не задела его волосами.

— Боже, — вздохнула она. — Вам удалось заморочить голову Чику. Он решил, что вы — единственный, кто не боится Эдны Альт… — Она заговорила тише. — И у кого хватает характера уехать отсюда не зазомбированным. Он ее боится, как школьник. И я тоже.

— Она жесткая женщина, — сказал Роджер.

— Тогда, на футбольном поле, — вспомнила Лиз, — когда мы впервые увиделись с вами и вы сграбастали Грегга и утащили его домой, Чик

долго обдумывал происшедшее — сначала он решил, что вы на нас разозлились. Я тоже так подумала. Мы решили, что, наверное, мы что–то не то сказали или мальчишки дразнили Грегга. Ну, знаете, как это бывает. Кажется, я вам про это уже говорила. — Она глядела на него задумчиво. — А потом, когда он узнал, что вы забрали у Эдны чек, его это обеспокоило, и он пришел к выводу, что вы видите ее насквозь. Всю дорогу домой он только про это и говорил. «Этот Линдал твердо знает, чего хочет». «Линдал к ней на удочку не попадется».

— А что он сказал, когда узнал, что мы вернули Грегга в школу?

— О, над этим он тоже размышлял. В конце концов — я тогда пылесосила гостиную — он вошел и сказал: «Линдал знает, что делает. Он должен был показать этой старой, — ну, неважно, — что все будет так, как он решит. Это для него было делом принципа». И все в этом духе. Потом спросил у меня, знаю ли я, чем вы занимаетесь. Я сослалась на Эдну — вроде бы вы рубашками торгуете.

— Здорово, — сказал Роджер.

— Он просто помешался на вашем магазине.

— Я рад, что он ему понравился.

Роджер был бы не против закончить разговор

о ее муже. Для него Чик был абсолютно неизвестной величиной — таким и он сам хотел бы остаться для Чика.

К ним на террасу донеслись голоса: один принадлежал миссис Альт, а два других мужчине и женщине. Вскоре появилась миссис Альт в сопровождении хорошо одетой молодой пары. За ними робко следовала девочка лет шести в накрахмаленном платье с вышитыми красными и желтыми розами, похожая на кролика. Лицо у нее вспухло от слез.

Лиз тихо шепнула на ухо Роджеру:

— Как бы вам понравилось, если бы вас отослали в это карательное учреждение?

— Смотря в каких обстоятельствах.

— Вам бы тут не понравилось.

— А ведь это вы меня уговорили оставить здесь Грегга, — заметил Роджер.

— Я?

Она изумленно уставилась на него.

— Когда настигли меня в Оджае.

— В Охае, — поправила она.

— Это вы меня убедили.

Теперь он понял, что имела в виду Вирджиния.

Лиз наморщила лоб.

— Мне показалось, что вы на нас сердитесь. Я

хотела извиниться.

Миссис Альт, молодая пара и девочка, похожая на кролика, приближались к ним по террасе. Увидев их, миссис Альт прервала разговор и кивнула:

— Здравствуйте, Лиз. Здравствуйте, мистер Линдал.

— Здравствуйте, миссис Ант, — поздоровался Грегг.

Родители девочки улыбнулись. По их утомленным лицам видно было, что расставание с дочерью стало для них тяжелым испытанием.

— Мистер и миссис Майнз, — представила их миссис Альт, — познакомьтесь, пожалуйста, с мистером… — Она чуть запнулась, нахмурила брови, но в следующий момент ее взгляд прояснился: — С мистером Линдалом и миссис Боннер. А этот молодой человек — Грегг Линдал, сын мистера Линдала. Вполне возможно, что Грегг и Джоанн будут посещать некоторые занятия вместе.

Все поздоровались и пожали друг другу руки. На время обе компании объединились.

Грегг сообщил Майнзам:

— Один раз я выпал из окна комнаты. Все прибежали посмотреть, не поранился ли я. По–моему, это даже вчера было.

Миссис Майнз участливо спросила:

— Ну и как, не поранился?

— Нет, — сказал Грегг. — Но все думали, что я разбил что–нибудь.

Миссис Майнз поинтересовалась у Лиз:

— Давно ваш мальчик в этой школе?

— Он не мой мальчик, — сказала Лиз. — Я никогда его раньше не видела.

Это почему–то развеселило мистера Майнза. Засмеявшись, он сказал:

— Я понимаю, о чем вы.

— Нет, правда, — настаивала Лиз, обращаясь ко всем вместе. — Я ему совсем не родственница. У меня два мальчика — куда, кстати, они запропастились? — И спросила у Роджера: — Вы не видели, куда пошли Джерри и Уолтер?

Похоже, бедняжка была совершенно выбита из колеи.

Миссис Альт, как всегда, безапелляционно напала на нее:

— Да бросьте, Лиз. Вы прекрасно знаете, что видели Грегга и раньше. Вы же ехали сюда вместе с ним. — Она объяснила Майнзам: — Лиз такая — мы иногда не можем понять, кто родитель, а кто ребенок.

Майнзы улыбнулись и вместе с дочерью по-

следовали за миссис Альт по террасе ко входу в здание.

Лиз была уничтожена:

— Зачем я это сказала? Вы не знаете?

— Ничего страшного.

Роджер, как и мистер Майнз, нашел это забавным, и не более того.

— Должно быть, я сошла с ума, — сказала Лиз совершенно упавшим голосом. Она приобняла Грегга одной рукой и погладила его. — Я хочу сказать, ну… нехорошо какого получилось. Естественно, эти люди — как там их? — решили, что мы муж и жена, а Грегг — мой сын. Ужасно неловко. Даже Эдна Альт начала представлять нас как мистера и миссис таких–то.

— Она нашла выход из ситуации, — сказал Роджер.

— Теперь, наверное, сердится на меня.

— Никто на вас не сердится.

— Я сама себя сильно корю, — сказала Лиз. — Грегг, я не хотела.

Грегг, очевидно, не следил за ходом разговора. Он знал, что Лиз не его мать, и не обратил внимания на сказанное ею.

— Грегг меня ненавидит, — сказала Лиз.

Она вдруг подошла вплотную к Роджеру и по-

ложила голову ему на плечо. Ее волосы слегка коснулись его лица. Он уловил теплый аромат женщины, мучительно ощутил ее близость.

— Можно прислониться к вашему плечу? — спросила она.

— Конечно, — ответил он.

Потом так же неожиданно Лиз быстро выпрямилась и пошла вперед по террасе.

— Надо бы нам уже возвращаться в город. Обратно ехать хуже — столько машин, что убиться можно. Я и забыла про это, иначе не просила бы вас сесть за руль на обратном пути. Если хотите, могу вести и туда, и обратно, я не устала.

— Но сюда не вы вели машину, — сказал он. — За рулем сидел я, помните?

— Да что вы, — возразила она, — а по–моему, я. — Она вдруг возмутилась: — Я знаю, что я была за рулем. А в обратную сторону — ваша очередь. Разве мы не так договаривались?

— Я буду только рад, — заверил ее Роджер.

Лиз сразу успокоилась и засомневалась в своей правоте.

— Все хорошо, — сказал он.

Ему не хотелось уезжать из школы, и сейчас он думал об этом. Но в одном она права: чем дольше они задержатся, тем труднее будет ехать.

— Пойду, схожу в туалетную комнату, — сказала Лиз, — пока вы прощаетесь с Греггом. — Она уже повернула ко входу, но потом нерешительно остановилась. — А вдруг я снова встречу миссис Альт и этих людей?

— Идите, — подбодрил ее он. — Не берите в голову.

Она неуверенно посмотрела на него, ища поддержки.

— Ну, правда, — сказал он.

— Хорошо, — кивнула она и пошла в вестибюль.

На обратном пути, когда они ехали через долину Охай, Лиз сказала:

— Ваша жена — замечательная женщина. Просто исключительная. Мы с ней наговориться не могли. Не помню, когда мне еще приходилось общаться с человеком, который настолько в курсе того, что происходит в мире.

Она взглянула на него искоса.

— Это правда, — подтвердил Роджер.

— Вирджиния рассказала мне про свои танцы. И разрешила прийти на занятие, которое будет проводить. Она пыталась объяснить мне, в чем заключается терапевтическая составляющая, но я не поняла. Я так ей и сказала. Она очень

терпелива. То есть ей, видимо, неважно было, что я ничего про это не знаю. Мне показалось, что я ей понравилась. Такое у меня было ощущение. А когда я позвонила ей в субботу утром, она так загорелась этой поездкой по магазинам. Потом Чик заикнулся о том, что хотел бы как–нибудь посмотреть ваш магазин, и Вирджиния сразу же согласилась туда съездить и заскочить на пару минут. Миссис Уотсон — это ведь ее мама, а не ваша? Она мне тоже понравилась. Я правда считаю, что вам очень повезло с женой. У нее такие красивые, сильные ноги. Это благодаря танцам? Одевается она лучше, чем большинство знакомых мне женщин. Когда мы ходили по магазинам, я уговорила ее выбрать мне пару платьев.

— Вот и хорошо, — вздохнул он.

— И Грегг — просто прелесть. Роджер, вам здорово повезло. У вас такие жена и ребенок, такой магазин. Даже теща у вас славная. Вам бы жить и радоваться. Вы довольны? Вы понимаете, что за женщина Вирджиния? Она понравилась даже Эдне Альт. А это много значит.

— Не думаю, что Вирджиния нравится миссис Альт. Они поцапались в первую же минуту знакомства.

— Нет, — настаивала Лиз. — Я знаю, что она

нравится Эдне. С чего это вы взяли? Что значит поцапались?

— Мне так Вирджиния сказала.

— Не могу себе представить, чтобы Вирджиния с кем–нибудь ссорилась. Она такая светлая, веселая. Она всегда в хорошем настроении, правда ведь? Это потому, что она из Вашингтона? Она рассказывала, что познакомилась там с вами во время войны. Она работала медсестрой, а вас комиссовали, потому что вы были ранены. — Лиз повернулась, положила руки на спинку сиденья и устремила на него пристальный взгляд. — Где вас ранило? Она ухаживала за вами? Я легко могу представить себе Вирджинию, работающую медсестрой, — она из тех женщин, что всегда готовы заботиться о раненых солдатах. А я во время войны знаете чем занималась? Не поверите. Вся моя помощь в тылу заключалась в том, что я работала стенографисткой на хлебозаводе «Бонни Боннер Бред» в Лос–Анджелесе. С Чиком я познакомилась еще раньше, к тому времени мы были уже женаты. Что я хочу сказать: когда всех мужчин призвали, я устроилась на работу, чтобы как–то помогать. В сороковом году родился Джерри, а в сорок первом, в середине лета — Уолтер. А с Чиком мы познакомились в тридцать восьмом.

Мы переехали в Лос–Анджелес. Мой отец был врачом, да он и сейчас — врач, только уже на пенсии. Мы женаты уже четырнадцать лет. Боже, так не бывает.

Вот, опять удобный момент — сейчас или никогда, подумал Роджер.

— Непривычно как–то, правда? — сказала Лиз. — Без ребят. Машина такая пустая.

— Да, — согласился он.

Руки у него вспотели, поверхность руля ощущалась как стекло. Он еще сильнее занервничал и обнаружил, что едет слишком быстро. Лиз заметила это.

— Вы просто гоните машину, — сказала она.

— Нужно притормозить.

Он убрал ногу с педали газа. Машина, сбавив скорость, плавно покатила по дороге.

— А теперь мы едем просто по инерции, — сказала Лиз.

Роджер обратился к ней как можно более уверенно:

— Который час? Так ли уж мы спешим?

Лиз как будто не услышала его. Опершись на спинку сиденья, она внимательно смотрела назад.

— Надо же, — сказала она. — Уолтер забыл в

машине свой портативный телескоп — он, наверное, выпал у него из кармана.

— Хотите, остановимся?

— Зачем?

— Вы возьмете его.

— Позже возьму, — сказала она. — Напомните мне. Я его специально заказывала для Уолтера. Знаете, сколько он стоит? Пятьдесят центов и несколько оберток от мыла «Свои», кажется. Точно не помню. Вполне приличная вещь.

— Который час? — снова спросил Роджер.

— Не знаю. А у вас разве нет часов?

— У нас есть время где–нибудь остановиться?

— Зачем? Для чего?

— Просто так, — сказал он, чувствуя, что тонет в этой ситуации и выглядит нелепо. Рассеянность Лиз стала его раздражать.

— Мне не нужно.

— А мне нужно, — сказал он.

— Делайте, как хотите. — Она откинулась на сиденье, отодвинувшись от него, и, по всей видимости, задумалась. — Вы за рулем, — сказала она еле слышно. — И машина ваша.

Дорога впереди уходила в горы. Скудная земля по обеим сторонам поросла травой. Не было видно ни домов, ни знаков.

— Вон кто–то голосует, — сказала Лиз.

На обочине дороги стоял, вытянув в их сторону большой палец и с надеждой улыбаясь, батрак–мексиканец в накинутом на плечи пальто и соломенной шляпе.

— Давайте его подвезем, — предложила Лиз. — Я всегда подвожу их через горный хребет, иначе им приходится весь путь домой идти пешком — они идут в «Санта–Паулу.

Роджер не остановился. Оставшаяся позади фигура мексиканца быстро уменьшалась. В зеркале заднего вида Роджер успел заметить, как лицо мужчины возмущенно вытянулось.

— Вы не подвозите тех, кто голосует на дороге? — спросила Лиз без осуждения, но обеспокоенно.

— Это опасно, — сказал он.

— Да? Может быть, вы правы. Но я чувствую вину, если проношусь мимо них и не подбираю. У них ведь нет ничего, кроме того, что на них надето, а тут мы, у которых есть деньги, чтобы отправить детей учиться в частную закрытую школу. У вас свой магазин, у Чика акции хлебной компании; и у меня, и у вас есть дом и все, что нам нужно. Это несправедливо. Но, может быть, вы и правы.

Она устроилась поудобнее, подтянув вверх колени, расставив локти и положив подбородок на большие пальцы.

На каждом повороте дороги была площадка на обочине, с которой открывался вид на долину. Роджер видел, как с дороги съезжают машины и замирают на изрытых колеями, ухабистых стоянках.

— Не здесь, — сказала Лиз.

За этими словами могло крыться все что угодно.

— Почему? — спросил он, желая понять, полный решимости припереть ее к стенке.

Она ответила неестественно напряженным голосом:

— Послушайте, я не малолетка.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он.

— Я хочу сказать, мне кажется, что вы задумали какую–то глупость. Остановиться на обочине и полизаться. Роджер, мне тридцать четыре года. Я четырнадцать лет замужем. И вы женаты. Думаете, за четырнадцать лет у меня было недостаточно… секса? Этим меня не соблазнить. Я не собираюсь прятаться с вами время от времени в каком–нибудь мотеле или там еще где–нибудь.

Она сверлила его взглядом.

Он не сразу сумел ответить:

— Конечно.

После этого оба молчали до тех пор, пока не миновали горы со стороны Санта–Паулы. Лиз включила радио и поймала программу, где играл струнный оркестр.

— Вам нравится классическая музыка? — спросила она. — Чик ее ненавидит.

Роджер не отводил взгляд от дороги. По обеим сторонам росли деревья. Мимо проносились дома и узкие объездные дороги. Земля вокруг была ровной, плодородной и всюду возделанной.

— Не сердитесь на меня, — сказала Лиз.

— Я не сержусь.

Но даже он сам понимал, что ответ прозвучал обиженно. Роджер был огорчен как ребенок. Как какой–нибудь малолетка.

— Не спорю, было бы приятно где–нибудь остановиться и страстно предаться любви, забыв обо всем. Но я не буду этого делать. Вы мне очень нравитесь. С самого начала, с того мгновения, когда я впервые увидела вас. Вы были на холме около футбольного поля, мы вас увидели, и миссис Макгиверн еще спросила, кто это. Но… во–первых, я боюсь Вирджинии и вашей матери.

— Тещи, — поправил Роджер.

— И Чика боюсь.

— Я тоже, — признался он.

— Я хотела поехать с тобой, я специально поехала, сказала Чику, что за детей беспокоюсь. Когда мы ехали в ту сторону, я всю дорогу думала, что будет на обратном пути, когда мы будем без мальчишек, вашего и моих.

Он молчал.

— Который час? — Дрожа, Лиз взяла его за руку и приподняла рукав, чтобы посмотреть на часы. — Полпятого. Можно где–нибудь остановиться на час. Но не больше.

— И что мы будем делать?

— Я позволю тебе угостить меня выпивкой.

— Хорошо, — согласился он.

— Когда въедем в Санта–Паулу, поверни направо. Там, в стороне от дороги, есть кафе и бар. Укромное место. Там нас никто не узнает. Это не у самой дороги, не придорожная забегаловка.

Лиз вдруг подвинулась на сиденье, он почувствовал ее пальцы на шее, потом ее рука легла ему на плечо.

— Так лучше? — спросила она.

— Не стоит.

Она отстранилась.

— Роджер, не надо рассказывать все жене, лад-

но? Кое–что можно держать в секрете, если это важно… если это действительно тайна.

— Конечно, — согласился он.

Лиз выглядела встревоженной, раздираемой двойственным чувством.

— Может быть, я совершаю чудовищную ошибку. У тебя ведь это было на уме? Хочу быть уверена. Ты ведь для этого приходил к нам вечером? Ты ведь это специально устроил, да? Скажи, хочу услышать это от тебя.

— Да, — подтвердил он.

Так ведь и было: он должен был пойти на это.

— Мне не по себе, — сказала Лиз. — И как подумаешь — ни к чему хорошему это не приведет. Может, у нас получится встречаться иногда на час–другой, только что с того?

— Это уже что–то.

— Боже, — вздохнула она. — Знаешь, мои дети не будут иметь ничего общего с вашим парнишкой: он для них слишком маленький. Странно как–то. Вот мы с тобой тут. У нас обоих есть дети, они знакомы друг с другом. Чем ты занимался четырнадцать лет назад, в тридцать восьмом году?

— В программе WPA работал, — сказал Роджер.

Лиз рассмеялась.

— Надо же. Смешно. Странно все это. — Ото-

двинувшись от него, она прищурила глаза и посмотрела вперед, на дорогу. — Знаешь, я правда хочу выпить. Я так и нашла это место. Пару раз сама сюда заглядывала. Мне иногда тоскливо становится. Чик все сидит над своими деловыми бумагами. Ты ведь не такой, правда? Тебя не только одна работа интересует. Он читает профессиональные журналы по бизнесу — в колледже изучал деловую рекламу. А моей специальностью был французский язык.

Роджер искал, где бы свернуть, чтобы побыстрее доехать до бара.

— Тормози, — сказала Лиз. — Это где–то рядом.

Он доехал до пересечения двух шоссейных дорог и повернул направо, к побережью. Вскоре они миновали заправку и несколько магазинов.

Впереди показался мотель — современный, манящий. Оба смотрели в одном направлении.

— Я передумала, — вдруг сказала Лиз. — Остановись здесь. Почему бы нам туда не зайти? Кто об этом узнает?

— Никто, — согласился Роджер, пытаясь отделить реальность от плодов разыгравшегося воображения. Но все события сошлись в реальности. Это были уже не просто фантазии.

— Кажется, тут чисто, — сказала Лиз, прикры-

вая глаза рукой. — Правда? Не похоже, чтобы было обшарпано. Что скажешь?

Он въехал на гравий и остановился с работающим двигателем.

— Как скажешь, — ответил Роджер.

Оба сидели молча. Он вытер пот с рук.

— Ну что? — спросил он.

— Пойдем в мотель, — решила Лиз.

Открыв дверь, она спрыгнула на гравий. Предвечерний ветер полоскал ее юбку. Лиз придержала ее и подняла руку, чтобы закрыть от ветра волосы.

— Поговоришь с ними? — спросила она. — Я боюсь. Давай ты этим займешься. Мне просто хочется войти внутрь, упасть и побыть с тобой.

Пока он договаривался с администратором мотеля, Лиз проехала на машине через увитую плющом решетчатую арку во двор, где находились домики.

— Открой дверь, — попросила она, когда они поднялись на крыльцо своего домика.

И вдруг обняла его и поцеловала. Ее губы с такой силой прижались к его губам, что он почувствовал, как в него вдавливаются ее зубы.

— Роджер, я очень боюсь, — сказала она, подняв лицо, так что ее губы оказались у самого его

уха. — Но я хочу. Сколько у нас времени? Час? Не очень–то много.

Тут он озаботился кое–чем далеким от романтики.

— Мы будем предохраняться?

Лиз сказала:

— Еще там, в школе, я поставила диафрагму. — Она первой прошла внутрь и бросила сумочку на стул. — Помнишь, я отлучалась перед тем, как мы сели в машину. Она еще на пару часов сгодится.

Выгнув спину, она расстегнула юбку. Он с удивлением увидел, что под ней ничего нет, а когда она сняла свою полосатую рубашку, оказалось, что ничего нет и под ней.

— Я всегда хожу без нижнего белья, — объяснила Лиз. Скользнув к нему, она положила прохладные маленькие руки ему на плечи. — Сама не знаю почему. Не нравится, и все. Мне хочется чувствовать солнце.

В доказательство этого она настояла на том, чтобы поднять в домике шторы; она даже заставила его подвинуть кровать, чтобы на них падал убывающий солнечный свет. Он согревал их все то время, что они там провели.

Глава 15

В Сан–Фернандо они вернулись, когда уже зашло солнце. Зажглись фонари и неоновые вывески, но улицы, по которым, разыскивая дом, ехал Роджер, были темны.

— В следующем квартале, — сказала Лиз. — Который час?

— Без двадцати семь, — ответил он.

— Не так уж и поздно. Я обычно в это время и возвращаюсь. Если он начнет что–нибудь выяснять, я скажу, что мистер и миссис Майнзы вместе с миссис Альт попросили меня рассказать о школе — хотели, мол, знать, куда отдают дочь. — Она погрузилась в раздумья. Прижала ладони к лицу, прищурилась и сказала: — Думаю, тебе лучше зайти со мной. Это ведь будет естественно, правда? На минутку. А потом скажешь, что тебе надо попасть домой к ужину. Но не задерживайся у нас.

После того как они уехали из мотеля, Лиз успела и так, и этак перебрать все проблемы, которые могут у них теперь возникнуть. Она настояла на том, чтобы они вместе согласовали все подробности рассказа о том, что с ними было с того

момента, как они покинули школу и пока не доехали до ее дома.

При этом она была оживлена, весела, всю дорогу вертелась, прижималась к нему, комментировала все, что попадалось им по пути, расспрашивала его, что у него да как, сколько девушек он успел перелюбить, как долго они с Вирджинией в браке, впервые ли с ним такое…

— Роджер, ты знаешь, как это называется? Супружеская измена!

Она в ужасе уткнулась лицом в ладони.

— Да не волнуйся ты так, — сказал он, чувствуя большую нежность к ней и даже к этому ее смятению и метаниям между свершившимся и настоящим.

— Но ведь это так? — настаивала она, сев на колени и возвышаясь над ним. — Это преступление, это противозаконно. Господи, а вдруг кто–нибудь узнает — Эдна Альт, например. И все там, в школе.

Вид у нее был убитый: лицо побледнело, глаза расширились и потемнели.

— Об этом не беспокойся, — сказал он. — Узнать они могут только от нас самих.

— Я могу сдуру сболтнуть!

Он должен был признать, во всяком случае,

мысленно, что она вполне способна это сделать. Но вслух он сказал:

— Не сболтнешь.

Тем не менее эта возможность не укрепила его собственное чувство безопасности. Он мог себе представить, как она внезапно, под влиянием минуты, объявляет Чику:

— Должна признаться тебе, по пути из Охая мы с Роджером остановились в мотеле и переспали.

— У меня такое чувство, что я сделала что–то очень нехорошее, — сказала Лиз. — Как будто я предала моих сыновей, Чика, Эдну и всех остальных. А ты что чувствуешь?

— Я чувствую себя превосходно, — не стал кривить душой Роджер.

— Ты не сожалеешь об этом?

— Нет, — сказал он.

— Я тоже. — Лиз успокоилась и, прижавшись к нему, обняла его. И вдруг отпрянула. — Мы почти приехали. Это вон там, за телефонным столбом. А где наш «универсал»? — Она сразу насторожилась. — Его нет. И свет нигде не горит. Что–то случилось. Может, он нас искать поехал? Как ты думаешь? Боже мой, а вдруг он за нами следил, а? Такое возможно, он это может.

Роджер припарковал машину через улицу от

дома Боннеров. Дом с темными окнами казался всеми покинутым.

— Пойдем вместе, — попросила Лиз, вцепившись в него. — Мне страшно. Не хочу быть одна, если что–нибудь случится.

Он открыл дверцу и помог Лиз выйти.

— Ничего мне не говори, — тихо сказала она. — И не смотри на меня — ну понимаешь. Не подавай никаких знаков. Понимаешь, да?

Закрыв машину, они перешел улицу. К двери ее дома была прикреплена записка, напечатанная на машинке. Лиз сорвала ее, потом достала из сумочки ключ, отперла замок и, открыв дверь, включила свет над крыльцом.

Прочтя записку, она чертыхнулась.

— Что там? — спросил он.

— Он у тебя. — Она со стоном отдала ему записку. — Что теперь? Боже, давай мы туда не поедем. Ты видишь, он хочет, чтобы ты привез меня туда. Но я не поеду. Я не хочу, чтобы меня увидела твоя жена. Ей достаточно будет посмотреть на меня, и она все поймет.

— Лучше все–таки съездить, — сказал он. — И тебе лучше поехать.

— А может, ты съездишь и скажешь им, что у меня голова разболелась или что–нибудь в этом

духе?

Он подумал.

— Это может навести их на подозрения.

Лиз внезапно бросилась в дом. Откуда–то из его темных недр она впопыхах крикнула:

— Я приму ванну и переоденусь. Нет, ванну нельзя — эта штука должна простоять еще шесть часов как минимум. Но как бы то ни было, я переоденусь. Входи же! Как ты думаешь, стоит им позвонить? О, Господи, а вдруг он вернется, а ты — здесь, а я в спальне переодеваюсь… — тараторила она из спальни, уже сняв рубашку. — Что он подумает? Он убьет нас обоих — сначала меня. — Торопливо застегнув чистую рубашку, она вышла из комнаты: — Пойдем. Пошли отсюда. Если он нас застанет тут вместе, это будет конец.

Роджер посадил ее в машину и поехал к своему дому.

— Роджер, — сказала Лиз, когда они в последний раз повернули перед его улицей, — ты в меня влюблен, как ты думаешь? Как все это сложно. Четырнадцать лет… А ты сколько женат? Ты говорил, но я забыла.

— Чуть меньше девяти лет, — ответил он.

— Мы с Чиком уже пять лет были женаты, когда вы с Вирджинией только поженились. Мы были

женаты еще до того, как ты с ней познакомился, так получается?

— Ну, видимо, так, — согласился Роджер.

— Джерри и Уолтер были в детском саду, когда вы поженились. Они родились до того, как вы с Вирджинией познакомились. — Она вздохнула. — Ну и дела. И как нам теперь из этого выбраться? Неудивительно, что адюльтер осуждают. Вон как все сразу запуталось. А может, просто войти и признаться им? Ты все расскажешь Вирджинии, а я Чику. — Она засмеялась. — Или ты можешь сказать Чику, а я отведу Вирджинию в сторонку и скажу ей: «Вирджиния, я должна вам кое в чем признаться. Мы тут с твоим мужем заехали в мотель, да и переспали. Что вы думаете по этому поводу?» А как бы ты Чику признался? Что бы сказал?

— Не знаю, — ответил он.

Ему хотелось, чтобы она оставила эту тему.

— А вообще, забавно, — сказала Лиз.

Он припарковался у своего дома. В гостиной горел свет. Впереди стоял красный «универсал».

— Давай войдем и вручим им записку, — сказала Лиз. — Я сейчас напишу.

Она полезла в сумочку, но он взял ее за руку.

— Что, не надо? — спросила она. — А даже

забавно было бы, наверное. Взять и вот так объявить… Нет, пожалуй, не надо.

Они вылезли из машины и пошли по дорожке.

— Глянь, — сказала Лиз. — Твоя машина стоит прямо за нашей. Это смешно.

В темноте она потянулась к нему, схватила за руку и крепко сжала ее. Потом отпустила и взбежала на крыльцо. Не постучавшись, не позвонив и не подождав его, открыла дверь и влетела в дом.

— Привет, — радостно крикнула она. — Здравствуйте, миссис Уотсон. Как дела? Что у вас тут?

Вирджиния, услышав, как открывается парадная дверь, подняла взгляд, ожидая увидеть Роджера. Вместо него в дом ворвалась Лиз Боннер, весело и громогласно обращаясь ко всем, кто был в комнате — к ней, к Чику Боннеру и ее матери. Чуть погодя вошел Роджер. Вид у него был усталый. Лиз с блестящими глазами заметалась по комнате. Казалась, она впала в какой–то транс.

— Что это такое у вас? — спросила она, увидев эскизы на столе. — О Господи, ты их принес? Я думала, ты шутил.

Она бросила пальто и сумочку на свободный стул и подбежала к Вирджинии, встав так близко, что ее ключица и груди уперлись Вирджинии

в руку.

— У вас есть аспирин? Голова разболелась, просто ужас. Слава богу, обратно не надо было сидеть за рулем. — Обращаясь ко всем в комнате, она сказала: — Мне так повезло, что Роджер поехал. Но нам все равно пришлось ненадолго остановиться. Столько машин — это что–то ужасное.

Вирджиния пошла на кухню за анацином. Лиз последовала за ней по пятам, не отходя ни на дюйм.

— У вас отличная кухня, — сказала Лиз. — Не затрудняйте себя, воды не надо.

— Как это? Обязательно нужно запить.

Вирджиния налила воду в бокал для вина и подала его Лиз вместе с анацином.

— Спасибо, — поблагодарила ее Лиз, отвернувшись, чтобы проглотить таблетку. — Уф. Иногда не могу съесть пилюлю, если на меня смотрят. — Поставив стакан и коробочку на сливную полку раковины, она схватила Вирджинию за руку. — Вы всегда так добры ко мне, — произнесла она, глядя на жену Роджера со странной мольбой в глазах.

— Это же всего лишь таблетки, — сказала Вирджиния, удивляясь, чем так взбудоражена ее гостья.

Лицо Лиз было неестественно напряженным, на нем не было ни грамма косметики, волосы растрепаны, должно быть, ветром, а пахло от нее чем–то темным, мускусным, какой–то смесью табака, ткани, пота и дезодоранта. Однако выглядела она очень симпатично, такая вся кругленькая, и Вирджиния невольно почувствовала к ней симпатию, несмотря на бессмысленную болтовню.

— Вы на меня сердитесь? — спросила Лиз и замерла, полуоткрыв рот.

Не дождавшись ответа, она обняла Вирджинию и уткнулась головой ей в шею.

— Я такого высокого мнения о вас и о Роджере, — сообщила она. — Послушайте, а что это там Чик разложил у вас в гостиной? Чертежи магазина? Пошлите его подальше. — Она отстранилась от Вирджинии. — Не обращайте на него внимания.

— Лиз, вы такая чудачка, — сказала Вирджиния, не зная, смеяться ей или возмущаться.

— Почему это? — искренне удивилась Лиз. — Что я такого сказала? — Пожав плечами, она отправилась обратно в гостиную. — Я себя не считаю чудачкой. А вы так про меня думаете?

— Лиз, следить за ходом ваших мыслей мне так

же трудно, как… — Она повела рукой. — Садитесь–ка лучше, а я сварю вам кофе. Вы с Роджером ели?

— Нет, — сказала Лиз, остановившись в коридоре.

Она устало поникла.

— Тогда, может, съедите чего–нибудь? Идите на кухню.

— Нет, спасибо, — сказала Лиз. — Вы так добры ко мне. Я этого не заслуживаю.

Тут к ним из гостиной вышел Роджер и спросил у жены:

— Ты что–то говорила про еду? Мы хотели остановиться и поесть, но застряли в пробке.

— У тебя усталый вид, — сказала Вирджиния. — Вы оба вымотанные.

— Что ты нам предложишь поесть? — спросил он. — И что тут у вас происходит? Что там за картинки? — Он выглядел изможденным, помятым, глаза покраснели, наверное, от слепящего света. — С чего вдруг тут оказалась твоя мать?

— Это мы ее привезли, — Вирджиния почувствовала себя немного виноватой: она знала, что муж всегда раздражался, застав Мэрион у них дома. — Вы с Лиз садитесь здесь, на кухне, я вам сейчас супчик, что ли, приготовлю. Лиз, возьмите

в холодильнике и в кладовой все, что хотите — не знаю, насколько вы голодны. — И добавила, обращаясь к Роджеру: — Может, тебе разогреть пирога с курицей из морозилки?

— Да все равно, — сказал он. — Дай чего–нибудь горячего.

— Можно я воспользуюсь вашей ванной? — спросила Лиз. — Это здесь, да?

И она скрылась в ванной.

Сев за стол на кухне, Роджер вздохнул:

— Как хорошо дома.

— Она всю дорогу трещала, туда и обратно?

Он странно посмотрел на нее.

— Ну, ничего, — сказала Вирджиния.

Она по себе знала, каково это — ехать с Лиз.

В дверях нарисовался Чик Боннер со своими блокнотами.

— Извините, — обратился он к Вирджинии. — Здравствуйте, Линдал. Вирджиния, а куда подевалась Лиз?

— В ванную пошла, — объяснила Вирджиния. — Сейчас выйдет.

— Спасибо, — поблагодарил ее Чик и остался на кухне, пристально уставившись на Роджера. — А мы уже начали за вас беспокоиться.

— Это настоящая каторга, — сказал Роджер. —

Вам повезло, что у вас нет прав.

Стало слышно, как Лиз возится в ванной. Потом щелкнул замок, и дверь открылась.

— Вирджиния, — позвала Лиз.

Вирджиния подошла к двери ванной.

— У вас все нормально?

— Зайдите сюда. — Лиз сидела на закрытом унитазе, устало глядя на Вирджинию. — Что он там затеял? Собрался говорить с Роджером о том, чтобы войти в долю в вашем магазине? — Она потерла лоб ладонью. — Знаете, Вирджиния, что–то меня мутит не на шутку. Можно вас попросить об одолжении? Я прилягу где–нибудь ненадолго, а?

— Конечно, ложитесь, — сказала Вирджиния. — Правильное решение.

— Спасибо, — поблагодарила ее Лиз, выйдя из ванной и вместе с ней проследовав в спальню. — Ой. Только не на вашу кровать.

— А куда же?

— Не знаю. Куда скажете. — Лиз опустилась на край кровати и сложила руки на коленях. — На кровать Грегга? Нет, наверно, не стоит.

— Я закрою дверь, — сказала Вирджиния. — Если понадоблюсь я или Чик, зовите.

Она направилась к выходу из спальни.

Лиз сбросила туфли и легла на спину, положив

голову на подушку.

— Вирджиния, — сказала она, — надеюсь, мы с вами всегда будем добрыми друзьями. Как вы думаете, у нас это получится?

— А почему нет? — ответила Вирджиния, про себя, впрочем, испугавшись такой перспективы.

И все же в Лиз было что–то трогательное, особенно это проявлялось, когда она была со своими детьми. Поэтому Вирджинии захотелось проявить немного заботы о ней.

— Поспите, — сказала она и закрыла за собой дверь.

— Что там стряслось с Лиз? — спросил Роджер, когда Вирджиния вернулась на кухню.

— Просто устала. Укачало в машине. Пройдет.

Хмурясь, он сказал:

— Это, наверно, я виноват.

Он вопросительно взглянул на Чика Боннера.

— Да нет, не думаю, — сказал Чик. — Бывают у нее такие перепады настроения. После того, как поругаемся. Хочет, чтобы я ей посочувствовал из–за долгой тяжелой поездки. Демонстрирует, как она настрадалась. Ей просто нужно, чтобы кто–то подержал ее за руку.

Доводы Чика показались Вирджинии вполне вероятными.

— Сколько это обычно у нее продолжается? — спросила она у Чика.

— Недолго. Поймет, что я не приду, и встанет.

Грузно сев на стул, Роджер молчал. Уже давно Вирджиния не видела его таким усталым. Он едва следил за тем, что происходит вокруг.

— Грегг обрадовался, что снова оказался в школе? — спросила она его.

— Он показал мне свою комнату, — ответил Роджер.

Ответил он не сразу и так рассеянно, что она повторила вопрос, поняв, что он его не услышал.

— А, да, — сказал он. — Обрадовался. Ему там нравится.

Тут Чик решил, что настал удобный момент:

— Послушайте, Линдал, можно вас на минутку в гостиную?

Открыв глаза, Роджер спросил:

— Зачем?

— Я тут показывал кое–что вашей жене и теще, миссис Уотсон. Хотелось прежде узнать и их мнение. Они мне кое–что ценное подсказали. Вы, по–моему, благосклонно отнеслись к моей идее, правда, Вирджиния?

— Да, — ответила она. — В целом да.

Помолчав, Роджер спросил:

— Что там у вас? Фотографии?

— Речь о магазине, — пояснила Вирджиния.

Из гостиной раздался голос миссис Уотсон:

— Роджер, иди же сюда. Мы хотим кое–что тебе показать.

— Что значит — о магазине? — спросил Роджер.

— У меня появились кое–какие идеи, — признался Чик, улыбаясь Вирджинии, — и я хотел бы обсудить их с вами.

Вирджинии передалось его возбуждение, и она улыбнулась в ответ.

— Пойдемте все вместе, — предложил Чик.

— Послушайте, Чик, — сказал Роджер, — воскресенье — мой единственный выходной день.

Из гостиной снова позвала миссис Уотсон:

— Роджер! Мистер Боннер хочет показать тебе свои планы по расширению магазина.

— Мне сейчас не до этого, я устал, — отрезал Роджер. — Сами подумайте. Да я шесть дней в неделю только про магазин этот и думаю, с меня достаточно.

Сняв очки, он сунул их в карман рубашки. Потом протер глаза, поморщился, встал и подошел к раковине.

— Мне очень жаль, — проговорил Чик, оскорб-

ленно глядя на Вирджинию. — Я должен был это предвидеть. Я не хотел его обидеть.

— Роджер, ты меня удивляешь, — сказала Вирджиния.

— Чего вы хотите? — спросил Роджер, стоя к ним спиной. — Войти со мной в долю?

— Что–то вроде того, — сказал Чик. — Но мы можем обсудить это позже.

— Вы ничего не знаете про мой магазин.

— Он всегда так злобствует? — спросил Чик у Вирджинии. — Линдал, ну в самом деле, простите меня.

С чувством оскорбленного достоинства он вернулся в гостиную, и когда Вирджиния туда заглянула, то увидела, что он собирает свои чертежи.

— Не убирайте, — попросила Мэрион. — Оставьте, как есть. Я сама могу их ему показать.

— Не надо, мама, — сказала Вирджиния. — Лучше тебе в это дело не лезть. — И обратилась к мужу: — Садись–ка снова за стол, накормлю тебя супчиком. Тебя и Лиз — вы прямо как детишки после однодневного похода.

— Я устал, — пробормотал он, стоя у раковины.

— Знаю.

Она поцеловала его в сухую и колючую от ще-

тины щеку.

Чик уже из дверей сказал:

— Мы пойдем, Вирджиния.

Он держал пачку своих чертежей, через руку было перекинуто пальто.

Но она заставила его вернуться в гостиную для разговора.

— Вы ведь видите — он устал. Завтра сам себе будет дивиться, чего это он так взъелся. На самом деле ему интересно.

— Наверное, меня немного занесло, — предположил Чик. Он как–то сник, говорил тише, его пыл угас. — Не лучше ли будет позвонить ему? — Он позволил ей добавить в пачку забытый им чертеж. — Спасибо. Вирджиния, я благодарен вам за помощь. — Успокоившись, он покорно посмотрел на нее и сказал почти шепотом: — У него такое бремя на плечах, да? Знаете, иногда мне приходится ходить по универсамам и сетевым магазинам, разговаривать о том, как они продают наш хлеб… Так что мне тоже довелось с народом по делу пообщаться. Не он один устает. Конечно, он этим больше занимается, чем я.

— Чик, я хочу попросить вас об одолжении, — сказала Вирджиния.

— О каком? — спросил он, такой большой и

ручной, но при этом понимающий, что обошлись с ним неважно.

— Пока вы с Лиз не уехали, хочу попросить вас отвезти мою маму домой — чтобы Роджеру не ехать. Не хочу, чтоб он сегодня еще садился за руль.

— Конечно, — согласился Чик. К нему возвращалось утраченное чувство собственного достоинства. Он снова положил свою пачку на стол. — А она сама–то хочет?

Вирджиния повернулась к матери:

— Хочешь, Чик сначала отвезет тебя домой? А я накормлю Роджера, и мы, наверное, ляжем сегодня пораньше.

— Я бы еще у вас посидела, — сказала миссис Уотсон. — Наверно, не помешала бы…

— Мама, ну пожалуйста.

— Ладно, — уступила миссис Уотсон, вставая. — Куда вы подевали мое пальто?

Отыскав пальто матери, Вирджиния проводила ее с Чиком. Когда она вернулась на кухню, Роджер уже снова сидел за столом.

— Чик повез Мэрион домой, — сообщила она, открывая дверь кладовой. — Ну что, может, протертого куриного супа?

— Давай, — вяло сказал он.

Она поставила суп на плиту и засунула в духовку замороженный куриный пирог.

— Я, наверно, виновата, — сказала она.

— Брось.

— Мы все погорячились. У него правда есть дельные идеи — знаешь, он ведь все это серьезно, он действительно этого хочет, а не просто дурака валяет.

— Хочет чего?

— Войти с тобой в долю, дорогой.

Роджер ничего не сказал.

— Ты ему нравишься, — сказала она.

— Он мне тоже нравится.

— Он с уважением к тебе относится. Ты подумай: если он войдет в долю, у тебя будет новый фасад, а может быть, и вообще совершенно новый магазин.

Она включила в сеть электрический кофейник.

— Видно, денег у него куры не клюют.

— Он бы не стал просто сорить деньгами. Он разбирается в инвестициях. Смотрит деловые обзоры по телевизору. Знаешь, чем он больше всего интересуется? Цветным телевидением. Говорит, что в розничный магазин цветных телевизоров нужно будет вложить втрое больше денег при

тех же товарных запасах.

— В лучшем случае, — хмыкнул Роджер.

— Он инвестор, — сказала Вирджиния.

— Наверное, да.

— Бедненький, ты как будто в облаках витаешь.

— Ничего, скоро пройдет. — Он поправил очки. — Как там Лиз?

— Спит, наверно. Я про нее и забыла.

— Отнесешь ей поесть?

— Проснется, попросит, тогда да.

— Сходи, спроси у нее, может, она есть хочет.

— Чего это я вдруг пойду, — возмутилась Вирджиния. — Если голодна, может сказать. Я ей не официантка.

— Ну и денек, — буркнул ее муж.

Она поставила суп на стол, и Роджер принялся сосредоточенно есть. Он шумно хлебал с ложки, и, глядя на него, она подумала, что так он не ел уже много лет. Когда она только познакомилась с ним, он, опустив голову, набрасывался на еду и жадно поглощал ее.

Ей вспомнился ужин у матери, в Мэриленде. Они впервые сидели за столом вместе. Он вот так же ел без остановки, не обращая внимания на Мэрион, не произнося ни слова.

В дверь позвонили. Вытерев руки, она побежала открыть дверь Чику.

— Спасибо, — сказал он и, сняв пальто, спросил: — Как он сейчас себя чувствует?

— Лучше. Ест.

Вдвоем они вошли на кухню. Роджер поднял взгляд на Чика.

— Хочу извиниться, — сказал Чик. — За то, что вас побеспокоил.

— Я просто устал. Скоро приду в себя. Выпейте кофе.

— Конечно, это вас надолго не задержит, — поддержала мужа Вирджиния.

— Ну хорошо, спасибо, — согласился Чик.

Он сел напротив Роджера. Вирджиния налила кофе обоим. Кофе Чик пил так же, как перед этим пил пиво. Он все мог оценить по достоинству, и он ей нравился. И как это он только мог связаться с Лиз?

— Лиз спит, — сказала она. — Мне не хотелось ее будить, и я ничем ее не накормила.

— Не дело это, чтобы она валялась на вашей кровати, — заявил Чик.

Его красноватое лицо светилось довольством. Она видела, что ему хорошо — сидеть в этой кухне и попивать кофе вместе с ней и Роджером. Чик

уже решил, что деловой разговор он отложит. Позицию Роджера он принял как окончательную и теперь был настроен расслабиться, пока Роджер не передумает. То, что он не стал упорствовать, тоже тронуло ее. Необязательно решать все сразу. Роджер прав. Воскресный вечер — не лучшее время для обсуждения деловых вопросов. Взяв с полки третью чашку и блюдце, она налила кофе себе и тоже села за стол.

— Какая у вас милая кухонька, — заметил Чик.

— Маленькая, — сказала Вирджиния. — Зато здесь тепло.

Роджер спросил:

— Чего это вам вдруг вздумалось заняться розничной торговлей. У вас же все так хорошо устроено.

— Мне интересно, — сказал Чик.

— Денег вы на этом много не заработаете. Телевизоры приходится слишком часто ремонтировать по гарантии. Сервис съедает прибыль.

— Дело не в деньгах, — сказал Чик. — Смысл в том, что в этой области можно экспериментировать. Мне нужен опыт. Я думаю, это дало бы мне пространство, в котором я мог бы совершенствоваться.

И он стал рассказывать им о своей собственной

работе. Он говорил и говорил. Вирджиния уже не слушала, но ее муж, казалось, слушал — во всяком случае, он внимательно смотрел на Боннера. Но этот взгляд был почти презрительным. И ему не было по–настоящему интересно. Увлекательная тема слияния компаний и расширения ни в малейшей степени не задевала его.

Как узко он смотрит на вещи, подумала Вирджиния. Прозябает на каком–то клочке земли. Доволен тем, что исправит один телевизор утром, другой вечером. Телефонные звонки… Живет в царстве пустяков.

— С кинескопом телевизора, — перебил Роджер Чика, — приходится работать в лайковых перчатках. Если вдруг треснет, надо сразу отойти.

— Я думаю, — кивнул Чик.

— Обычно трескается в горловине. Это не очень серьезно. Конечно, на пятнадцать–двадцать баксов влетаешь в среднем.

— В каждом деле свои профессиональные риски, — обобщил Чик. — В любом пищевом производстве существует проблема порчи и загрязнения.

— Раньше, — продолжал Роджер, — самой большой головной болью был кинескоп, даже больше, чем напряжение. Помню, рассказывали про од-

ного рабочего на конвейере — трубка взорвалась, и цоколь с острыми штырями прошел парню сквозь живот и вылетел с другой стороны.

Чик, с свою очередь, поведал о крысе, запеченной в буханке хлеба, которую купила старушка в Сакраменто.

— Бабуля отсудила тысяч сорок, не меньше, — сказал он. — Крысы — это проблема.

Раздался какой–то шорох, и Вирджиния повернула голову. Из спальни вышла Лиз.

— Привет, — сказала она, сонно стоя в дверном проходе и опершись рукой о стену. — Я проснулась от запаха кофе.

— Как вы? — спросила Вирджиния.

— Лучше.

Окончательно придя в себя, Лиз подошла к Чику. Он похлопал ее по спине и притянул к себе.

— Можно мне кофе? — попросила она у Вирджинии. — Я сама налью, не вставайте.

— Может, съела бы чего–нибудь? — спросил Чик.

— Не хочу, — ответила Лиз, гремя чашками и кофейником у раковины. — Вирджиния, это мясной рулет? По–моему, к нему никто даже не прикасался.

— Я и забыла про него, — сказала Вирджиния. —

Мы тут разговорились.

Чик внимательно посмотрел на жену:

— У тебя ужасный вид. Пойди–ка, сполосни лицо холодной водой.

Вернувшись к столу с чашкой кофе, Лиз призналась:

— Вирджиния, у меня никогда не получается сварить хороший кофе.

— Нет ничего проще. Надо только точно отмерить воду и кофе, а когда будете подогревать, ни в коем случае не доводите до кипения.

— А как узнать, что готово?

— Засечь время, — сказала Вирджиния.

— Ты не торопишься с этим совместным бизнесом? — спросила Лиз у Чика.

— А что вы об этом думаете? — обратился к ней Роджер.

— В каком смысле, что думаю? То есть одобряю ли?

Он кивнул.

— Ничего я не думаю, — сказала Лиз. — А что тут думать? Рано об этом говорить, в любом случае. Чику захотелось посмотреть на ваш магазин — пусть смотрит. Но это ваш магазин.

— Может, и так, — согласился Роджер.

— Вопрос не в этом, — заметила Вирджиния.

— Ты ничего про это не знаешь и вообще понятия не имеешь, о чем идет речь, — сказал Чик.

— Я знаю, что это глупо, — заявила Лиз.

Немного помолчав, Роджер сказал:

— Вообще–то, Лиз права — куда спешить?

Чик рассердился:

— Что дает тебе право так говорить? Ты сколько–нибудь разбираешься в деловых отношениях, у тебя есть какой–то опыт?

— Я опираюсь на здравый смысл, — ответила Лиз. — Возьми Гилберта и Салливана. Все кончилось тем, что они даже разговаривать друг с другом перестали.

— Зато заработали кучу денег, — сказал Чик, глядя на Роджера.

— Правда? — спросила Лиз.

— Меня лично не очень волнует, буду ли я разговаривать со своим деловым партнером, ужинать вместе с ним или обмениваться мушками для ловли форели, — заявил Чик. — Прежде всего меня интересует, насколько он компетентен и надежен.

— Но в конце концов мы все равно столкнемся, — сказала ему Лиз. — Вы оба будете работать в магазине, Вирджиния и я будем приходить.

— Да, но это естественно, — сказала Вирджи-

ния. — Жены партнеров всегда свободно заходят в магазин и выходят из него. Как и жены работников. Так ведь, Роджер?

Ее муж ответил:

— Говорят, хочешь потерять друга — затей с ним совместный бизнес.

— Довольно пессимистичный взгляд на вещи, — сказала Вирджиния. — У нас нет причин думать, что мы лишимся чьей–то дружбы.

Чик попенял Лиз:

— А ведь пока ты не пришла, у нас так хорошо все шло.

— Ну, спасибо, — сказала Лиз, прихлебывая кофе.

— Так или иначе, на сегодня нам эту тему стоит закрыть, — подытожил Роджер.

— Мне вам позвонить? — спросил Чик. — Может быть, завтра или послезавтра?

— Нет, в магазине вам меня не достать. Я сам позвоню, может, вечером как–нибудь.

Явно огорченный, Чик сказал:

— Буду ждать вашего звонка. Если через пару дней не позвоните, может, выкрою время и загляну к вам в магазин.

— Как вам будет удобнее, — равнодушно ответил Роджер.

Убила бы тебя, Лиз Боннер, подумала Вирджиния. Так бы и удушила за то, что явилась и отравляешь тут все своей безнадегой. Что вообще с тобой происходит? Почему, когда все заняты чем–то важным, нужно прийти со своими идиотскими замечаниями? Да что ты знаешь о жизни?

Глупая баба. Смазливая, моложавая, грудастая и пустоголовая. Шла бы ты к себе домой, на кухню, где тебе и место.

— Почему вы ни во что не верите? — спросила она у Лиз.

— Вовсе нет, — ответила та. — Может, все и получится. Только всегда легче во что–нибудь такое впутаться, чем потом выпутаться.

— Боитесь рисковать? — спросила Вирджиния. — Но ведь только так можно чего–то в жизни добиться.

— Особенно в бизнесе, — поддержал ее Чик.

И Лиз, и Роджер уставились в свои чашки с кофе.

— Ну, Вирджиния, думаю, нам пора ехать, — засобирался Чик. — Мы вам позвоним, может быть, в середине недели.

— Хорошо, — сказала она. — Вы в пальто приехали?

— Мое — в гостиной, — ответил Чик, вставая. —

Лиз, по–моему, тоже в пальто была.

— Да, — подтвердила Вирджиния. — Я повесила его в шкаф. Сейчас принесу.

Она встала из–за стола, прошла по коридору в спальню, к шкафу, и достала пальто Лиз. В спальне было темно, но видна была смятая постель, отпечаток тела Лиз. Вот тетеря, подумала Вирджиния. Бросив пальто на стул, она принялась перестилать и разглаживать постель.

Когда она вышла из спальни, Чик стоял у двери с пальто через руку и ждал жену.

— Мне понравилась ваша идея, — сказала она ему.

— Спасибо, Вирджиния, — поблагодарил ее Чик. — Не обращайте внимания на Лиз. Ей просто тоже хочется вставить свое слово.

Вирджиния прошла по коридору к кухне. Там у стола стояли лицом к лицу Роджер и Лиз. У Роджера изо рта торчала сигарета, он хлопал себя по карманам в поисках зажигалки.

— Она у меня, — сказала Лиз, открыла сумку и достала его зажигалку.

— Спасибо, — сказал он, взяв зажигалку и прикуривая.

— Вот ваше пальто, — сказала Вирджиния.

«Странно, — подумала Вирджиния, когда Лиз

надевала пальто. — Почему зажигалка моего мужа оказалась у нее?»

Наверное, дал ей в дороге, решила она. Сидел за рулем, она спросила, нет ли у него спичек, он говорит: «Нет, возьмите мою зажигалку», а она потом не соизволила вернуть ее.

Но Вирджинию неприятно задело то, как они говорили друг с другом — с какой прямотой.

— Идем же, — позвал Чик, стоя у открытой входной двери.

— Иду! — крикнула Лиз. И устало поблагодарила Вирджинию: — Спасибо за аспирин.

— Как ваша голова?

— Лучше, — сказала Лиз.

Роджер вышел с женщинами, все трое присоединились к Чику. Вирджиния включила на крыльце свет, и они дошли по дорожке до тротуара. Лиз и Чик направились к красному «Форду–универсалу».

— Спокойной ночи, — сказал Чик. — Увидимся.

Помахав на прощание рукой и возвращаясь обратно к дому, Роджер подумал: «Ну вот и уехала. С мужем. К себе домой».

Когда же теперь? Ему уже очень не хватало ее. Руки и ноги ныли. Она была нужна ему сейчас, когда он шел в дом со своей женой.

— Господи! — вскрикнула Лиз у «Форда». — Забыла.

Ее каблучки застучали по асфальту.

— Роджер! — позвала она. — Я этот чертов телескоп забыла.

— А, точно, — вспомнил он, останавливаясь на крыльце: на заднем сиденье «Олдсмобиля», она же хотела забрать его. — Наверно, так и лежит в машине.

— Что лежит? — спросила Вирджиния, стоявшая рядом.

— Игрушечный телескоп Уолтера, — объяснил Роджер. — Он его в машине забыл.

Подбежав к «Олдсмобилю», Лиз потянула за ручку двери.

— Заперто.

— Сейчас открою.

Он пошел обратно по дорожке, потом по тротуару к машине. Отпер ключом дверь. Лиз втиснулась в машину и принялась шарить на заднем сиденье. Заработал двигатель «Форда». Чик включил фары. На крыльце дома, дрожа, ждала его Вирджиния.

Лиз тихо произнесла:

— Я позвоню тебе.

— Когда?

— Завтра. В магазин.

Она нашла телескоп.

— Вот он, — сказала она. — Спасибо.

Приободрившись, Роджер вернулся к дому, к ждавшей его жене.

Вирджиния, закрыв входную дверь и выключив свет на крыльце, заметила:

— Она вечно все забывает, правда?

— Его вообще–то мальчишки забыли, — буркнул он.

— Не нравится мне она, — сказала Вирджиния. — Почему она так настроена против разумной идеи, от которой кому–то другому будет хорошо?

— Например?

— Ладно, оставим, — махнула рукой Вирджиния.

Глава 16

В понедельник за целый день Лиз так и не позвонила. Вечером Роджер ехал домой в отвратительном настроении. Он не заметил, что ел на ужин, не слышал, что говорила Вирджиния, потом уселся в гостиной перед телевизором и тупо смотрел программу за программой, пока не пришла пора ложиться спать.

Я позвоню ей, сказал он себе. Нет, нельзя. Как я буду звонить по их номеру? Трубку возьмет Чик Боннер.

Тогда, решил он, я наплету что–нибудь про его проекты, будь они неладны.

Пока Вирджиния была чем–то занята, Роджер снял трубку и начал набирать номер Лиз.

Нет, тут же смалодушничал он и положил трубку на место. Если она хотела позвонить, то сделала бы это днем. Что–то случилось.

На следующее утро она позвонила ему в магазин.

— Что случилось, боже мой! — воскликнул он, узнав ее голос. — Я чуть с ума не сошел.

— Прости, — беззаботно сказала она. — Я собиралась позвонить тебе вчера, но знаешь — то

одно, то другое. Всю вторую половину дня у нас мастер чинил холодильник. Ты в холодильниках что–нибудь понимаешь? Размораживаться перестал.

— Как у тебя дела? — спросил он, отойдя с телефоном от прилавка на всю длину шнура.

Он сел на корточки, положив телефон на колено и не отрывая взгляда от Пита Баччиагалупи, вставшего за прилавок, чтобы обслужить клиентов.

— Хорошо, — сказала Лиз.

— Чик ничего не говорил?

— Про что?

— Про… ну, вообще, — сказал он.

— Нет, — ответила Лиз. — Злился на меня за то, что я не оценила его грандиозные планы. Ему бы хотелось, чтобы я визжала от восторга по поводу каждой его идеи. — Она вздохнула. — Знаешь, Роджер… Ой, ты говорить–то можешь? У тебя есть время?

— Есть, — сказал он, не обращая внимания на посетителей, ждавших у прилавка.

— Я тут лежу, — сообщила Лиз. — В спальне. У нас параллельный аппарат в спальне, у кровати. Я сегодня разленилась. И мне очень хорошо. Как ты думаешь, Вирджиния что–нибудь подозре-

вает?

— Нет, — сказал он.

— Она все время как–то так на меня смотрела. Мне просто необходимо было куда–нибудь выйти, и ничего другого, кроме как прилечь, я не придумала. Так странно было лежать на ее кровати. В смысле, на вашей. Понимаешь? Ну и ситуация… и как это мы с тобой так влипли?

— Ты хочешь, чтобы все закончилось? — спросил он.

— Нет, что ты, — уверила его Лиз. — Роджер, правда, было здорово. То, что у нас с тобой было. С Чиком так никогда не было. Поверь мне.

Магазин наполнился посетителями. Из подвала поднялся Олсен, чтобы поговорить с клиентом о ремонте. Из–за грохота телевизора Роджер почти ничего не слышал и прижался к стене, пытаясь укрыться от шума.

— Что это там у вас? — спросила Лиз.

— Ничего, — сказал он. — Я тебя слушаю.

— Как ты думаешь, что сделает Вирджиния, если узнает? Она такая милая… одна из самых очаровательных женщин, которых я встречала. Жалко, я ей не нравлюсь.

— Когда мы увидимся? — спросил он.

— Я думала об этом.

Ее интонация насторожила его.

— Может, сегодня вечером? — предложил он.

— Роджер, — сказала она, — хорошо ли это?

— Господи, сейчас не время пускаться в рассуждения.

— Ты прав, — согласилась она. — Просто хотела удостовериться, что ты думаешь по этому поводу. Знаешь, Роджер, ты можешь прекратить все, как только захочешь. Ты это понимаешь?

— Когда мы сможем увидеться? — спросил он.

— Так… — обдумывая, произнесла она.

Он представил себе ее — непослушные волосы, жар ее кожи, изысканные завитки возле уха, короткий жесткий пушок на шее. Подстригается сама, так она ему говорила.

— Знаешь, в чем я сейчас? — спросила она. — На мне только нижняя часть купальника. Я лежала в саду, загорала… Зашла переодеться и решила тебе позвонить. И боялась. Хотела, но… Я к такому не привыкла.

Не знаю, как себя вести. Странно так было, когда мы с тобой сидели у тебя на кухне, в футе друг от друга, и я не могла ничего сказать или прикоснуться к тебе. А мне так хотелось до тебя дотронуться, и я даже чуть не протянула к тебе руку. Боже, а если бы вдруг Чик увидел! Или

Вирджиния. Странно, да? Мы вчетвером болтаем непонятно о чем, а мне в это время хочется только одного — броситься тебе на шею и обнять тебя.

— Когда? — повторил он свой вопрос.

— Может, завтра вечером?

— Давай, — согласился он.

— Чик уедет на совещание. Он каждую среду ходит. Вернее, ездит на машине.

— Во сколько?

— Я позвоню, когда он уйдет.

— Только не домой, — предостерег он ее. — Я подойду сюда, в магазин. Во сколько? В семь, в полвосьмого?

— Где–то так. И тогда ты можешь сюда прийти. Или встретимся в другом месте. Правда, машина у него будет.

— А не опасно мне к вам приходить?

Роджер подумал о соседях и о том, что Чик может вернуться домой.

— Да нет, — сказала Лиз. — Или заезжай за мной, куда–нибудь сходим. — Она вдруг заторопилась. — Кто–то пришел, мне надо идти. Позвоню в среду в магазин.

— До свидания, — попрощался он.

— До свидания, — ответила она и положила трубку.

В тот вечер, во вторник, Вирджиния услышала, как Роджер сказал из другой комнаты:

— Пойду–ка я в магазин. Нужно пару телевизоров починить.

— Вот как? — удивилась она и почувствовала, как ее кольнуло подозрение.

Но он остался дома — читал журнал, просматривал заказы. В девять часов он сказал:

— Сегодня, наверно, уже не пойду. Устал я.

— Ты подумал о том, что предлагает Чик?

— Нет, — сказал он.

— Позвонишь ему?

— Пню этому?

— Не надо так его называть.

Ее подозрительность переросла в злость.

— Но он и есть пень, — сказал Роджер. — Жирный лопух с придурью, которому все в жизни на тарелочке подносили. В рубашке родился.

— Чушь какая.

— А его прожекты! Знаю я эти его идеи: да он через неделю меня разорит. Разведет гардении для дам, будут у него тарелочки, точечная подсветка. Наймет продавцов, которые только и будут, что без дела околачиваться. Мы таких пальмами в кадках называем. Вон — в универмагах торчат. Одни гомики.

Ее негодование было столь велико, что она прекратила разговор и ушла на кухню. Там села за стол и закурила.

— Терпеть не могу таких типов, — донесся его голос из коридора. — Им бы трусами торговать. Такие прям елейные.

— Чик не елейный, — сказала она.

— Сам–то нет, но наймет таких. Знаю я, этот Чик из разряда этаких толстеньких нарядных партнеров — в магазинах такой вечно вертится где–нибудь рядом. Всегда болтается неподалеку. И ничего не делает, просто торчит, и все. За весь день жопу от стула не оторвет, разве что за газетой к двери, когда разносчик придет. Поверь мне, знаю я таких.

— Ты зато у нас работящий, — съязвила она.

— Я свое дело делаю, — отрезал он.

— Это Пит всю работу делает. А ты по соседству кофеек попиваешь да в бане валяешься, болтаешь с другими…

Она хотела сказать: «торгашами».

— Договаривай, — сказал он.

— Что «договаривай»?

— Не знаю. — Он зашел в кухню. — Хотела же какую–то гадость выдать.

— Ты не можешь отличить хорошего человека

от плохого, — сказала она. — Я где–то читала, что главная польза от высшего образования в том, чтобы научиться видеть хороших людей. Плохо, что у тебя нет высшего образования.

— Я знаю, кто хороший человек, а кто нет. Вот Пит — хороший, а ты его ни в грош не ставишь. Олсен хороший. А Чик Боннер — просто осел.

Роджер вышел из кухни.

— Ты не заслужил этот магазин, — бросила Вирджиния ему вслед. — Зря я так старалась, чтобы он у тебя был.

Помолчав, он ответил:

— Теперь уже поздно.

— Знаю.

— Чего ты хочешь? — спросил он. — Благодарности?

И пошел в другую комнату.

— Да просто чтобы ты хоть как–нибудь пристойно ответил, — сказала она. — Разумно, здраво.

— Господи! — закричал он. — Не собираюсь я пускать этого типа к себе в магазин. Магазин мой, и не нужен мне никакой партнер. Лиз права.

— Интересно, — с горечью произнесла Вирджиния. — Ее мнение для тебя, значит, важнее моего. С чего это вдруг?

— Потому что она права.

— Только поэтому? Знаешь, я, наконец, поняла, кого мне напоминает Лиз. В больших супермаркетах, куда мы ходим по субботам, стоит в проходе толстенькая веселушка с подносом крекеров и каким–нибудь новым сортом сыра — в желтой форме с поясом, знаешь, да? И когда идешь мимо с тележкой, выкрикивает веселеньким таким, жизнерадостным голоском: «Голубчик, угощайтесь, попробуйте наш новый плавленый сыр чеддер с беконом компании «Крафт», или что еще там они предлагают.

— Пойду–ка я лучше поработаю, — сказал Роджер.

— Постой. — Вирджинии не хотелось, чтобы он уходил. — Извини. Я не то сказала. — И тут же не удержалась и спросила: — Что ты в ней такого нашел? Чем она тебя покорила? Женскими прелестями своими отвратными? Интересно было бы узнать. Скажи.

— Иди к черту, — сказал он.

— И еще я не понимаю, — не удержалась она, — каким образом с этой бабой мог связаться такой человек, как Чик Боннер.

Входная дверь закрылась. Вирджиния тут же вскочила и побежала к выходу. Ну вот, высказалась, пробормотала она и открыла дверь. Роджер,

сгорбившись, стоял на крыльце, засунув руки в карманы.

— Прости, — сказала она, подошла к нему и обняла. — Не уходи в магазин. Я больше ничего не буду говорить. Давай что–нибудь придумаем — погуляем, в каком–нибудь клубе посидим. Музыку послушаем.

— Нет, — отказался он. — Я устал. — Но все–таки вернулся вместе с ней в дом. — Не хочу сейчас об этом говорить.

— Может, это я из–за того, что по Греггу скучаю, — сказала она.

— А эти твои танцы что, не помогают?

Она снова почувствовала прилив гнева. Но промолчала. К злости примешивался страх. Что–то я не понимаю, подумала она. Что это? Что происходит?

Может, он что–то скрывает от меня.

И тут ей пришла в голову мысль: «А может, он уже готов влюбиться в нее?»

Но она же такая дура. Как ее еще назвать? Круглая дура.

Комедиантка. В шляпе с обвисшими полями и трезубцем — или что там носили шуты? Крошка Лиз Боннер, от нее все со смеху покатываются.

Но — она вспомнила небьющуюся пластинку

фирмы «Декка», «Пузатого Тубу»[166] в исполнении Дэнни Кея, которую бережно хранил Грегг, — в конце концов, потешный музыкальный инструмент одержал победу.

На следующий вечер, в среду, придя домой, Роджер сказал:

— Я только поесть успею, и снова надо будет вернуться на работу.

— Хорошо.

Вирджиния ждала этого.

За ужином он почти ничего не ел.

— Неприятности? — спросила она, и ей хотелось, чтобы он что–нибудь сказал, поделился. — Давай я с тобой пойду. Может, помогу чем. Или просто компанию составлю.

— Спасибо, не надо, — отказался Роджер.

---

[166] Примечания: 166

...она вспомнила небьющуюся пластинку фирмы «Декка», «Пузатого Тубу»... — В 1941 г., после исполнения музыкальной пьесы Пола Трипа (Paul Trip) и Джорджа Клейсинджера (George Kleinsinger), Трип и Клейсинджер поблагодарили музыкантов, в том числе исполнявшего партию тубы, который сказал: «Знаете, тубы тоже умеют петь». В тот же вечер Пол Трип написал историю о том, как туба находит свою мелодию, а позже вместе с Джорджем Клейсинджером они переложили эту историю на музыку. После окончания Второй мировой войны музыкальная история «Тубы Табби» («Пузатого Тубы») стала всемирным хитом. В 1947 г. был снят мультфильм «Туба Табби» — рассказ о тубе в оркестре, инструменте, который хотел играть «мелодию», а не просто «умпс–ин» далеко на заднем плане. С помощью гениальной лягушки Табби учится мелодии и потом сам учит этой мелодии весь оркестр.

— Какая–нибудь тяжелая работа?

— Да, кое–что. Несколько коробок перекидать надо. Перенести телевизоры наверх.

— Ты там осторожнее.

Надев пальто, он с ключом от машины в руке направился к выходу. Что–то показалось Вирджинии странным, когда он проходил мимо. От него необычно хорошо пахло. Остановив его, она потянулась к нему.

— Что такое? — сказал он, отступив.

Запах лосьона после бритья, поняла она. Значит, побрился.

— Может, к будущим клиентам заехать придется, — объяснил он. — Сегодня парочка в магазин заходила, оставили свои координаты. Может, завезу им телевизор.

— А, — сказала она.

Он, бывало, так поступал. Ну, конечно, это возможно.

— Значит, когда я позвоню в магазин, тебя там может не оказаться.

— Нуда.

— Можно я буду называть тебя «Малыш Пикколо»?

Он насторожился.

— Что это такое? С чего это?

— Это друг Пузатого Тубы, — сказала она. — С пластинки.

Некоторое время он раздумывал над тем, что она сказала, потом понял и очень выразительно посмотрел на нее. Трудно было догадаться, что именно выражает его лицо. Но она знала, что он чувствует.

— А иди ты! — сказал он. — Иди к черту!

Повернувшись к ней спиной, он пошел по дорожке к машине.

Не нужно было этого говорить, подумала она. Зачем я это сказала? Что со мной происходит?

Всю дорогу, до самого магазина, у Роджера тряслись руки, поток машин расплывался в глазах. Он доехал на автопилоте, припарковался на свободном месте и пошел по тротуару к погруженному в темноту закрытому магазину.

«Уйду от нее, — решил он. — Не вернусь больше к ней».

Он открыл дверь, вошел и заперся изнутри, оставив ключ в замке.

— Господи, — вздохнул он.

Голова была готова лопнуть, изнутри страшно давило. Он спустился в туалет, ополоснул лицо холодной водой.

Учуяла, значит, лосьон после бритья, черт бы

его побрал. Это было даже немного забавно.

«Что же делать? — думал он. — Сейчас все прекратить, пока она не заметила что–нибудь еще? Что–нибудь, от чего уже не отвертишься».

Наверху зазвонил телефон. Сюда звук едва доходил, и если бы не привычка, он совсем бы его не услышал.

Его часы показывали семь. Еще рано. Даже если бы он бросился вверх по ступенькам, то вряд ли успел бы. И он еще сбрызнул лицо водой, вытерся и неторопливо поднялся на основной этаж. К тому времени телефон смолк.

Роджер сидел в кабинете за столом, курил и раздумывал. Что, если Чик придет домой? Что, если Вирджиния возьмет такси и приедет сюда? Что, если она поедет туда?

Но в любом случае, думал он, даже при самом благоприятном стечении обстоятельств, когда ни Чик, ни Вирджиния не приедут вдруг домой, и не явятся сюда, и не наймут частного соглядатая и так далее, у него все равно остается неразрешимый, безнадежный вопрос. Он до сих пор не знает, насколько глубоко его чувство к Лиз, как далеко готов он пойти. Потому что кончиться все должно было очень серьезно, а именно: бракоразводным процессом или двумя, а потом, после года

промежуточных постановлений, вступлением в новый брак. С Лиз Боннер. Тогда она уже будет Лиз Линдал. А как же дети? Кто из них будет жить с ними? Ее мальчики, пожалуй, останутся с ней. Или нет. Нет, если на развод подаст Чик, то нет — если их разведут по причине супружеской неверности. А Вирджиния ни за что не отдаст Грегга. Так что в лучшем случае он окажется вместе с Лиз и ее двумя сыновьями. Его лишат Грегга, и может оказаться, что Джерри и Уолтер, даже вместе с Лиз, не заменят его.

Конечно, у них с Лиз родятся дети. При этой мысли ему чуть полегчало.

Боже, не слишком ли он размечтался? Не рановато ли? Но ведь когда они остановились в мотеле и легли в постель, а потом просто лежали, ничего не делая, Лиз вдруг сказала:

— Знаешь что?

— Что? — откликнулся он.

— Я хотела бы родить тебе ребенка, я правда родила бы. Хочу этого больше всего на свете.

И он подумал тогда о ней как о движимом инстинктами женском теле, рыскающем в поисках мужчины, который оплодотворил бы ее, а потом, когда это случится, она будет искать место, где можно будет родить. Какое–нибудь спокойное,

безопасное место. Одним оплодотворением дело не кончится, ей потребуется и все остальное. Как может она обойтись без остального? Если представить себе, что она забеременела от него, то это будет только начало их отношений. А если не забеременела, то думает об этом. Когда она снова ляжет с ним — если это произойдет, — эта мысль не покинет ее. Конечно, она не осмелится зачать до тех пор, пока не будет ясно, что он может и готов уйти от Вирджинии. В каком–то смысле ему повезло, что он сейчас женат: Лиз никогда бы не пошла на такой риск, она даже в своей легкомысленной спешке не способна снять колпачок или оставить диафрагму в коробке. Так что можно не беспокоиться, что она огорошит его таким известием. Если они не совершат ошибку.

Но Роджер прекрасно знал — пусть Вирджиния думает иначе, — что Лиз вполне соображает, что к чему. Особенно в том, что касается диафрагмы и как ее носить. В этом ее глупой не назовешь. Тут уж она не ошибется. И не потому, что ее ведет какое–то внутреннее чутье. Просто она не может позволить себе ошибиться. Слишком велика будет цена.

«Люблю ли я ее? — спрашивал он себя. — И о чем на самом деле этот вопрос?»

Нет, решил он, наверное, нет. Но ведь он и Вирджинию никогда не любил, и Тедди, и ту девочку в школе, что звали Пегги Готтгешенк, первую девчонку, с которой у него что–то было. В наше время никто никого не любит, как никто не молится и не вскрывает желудки ласточкам, чтобы узнать будущее.

«Но я бы защищал ее, — думал он. — А что может быть ближе к любви, чем это? Если бы встал вопрос: я или она, я, не задумываясь, позволил бы отрубить себе голову, лишь бы спасти ее. Разве этого недостаточно? Остальное — пустой треп.

У меня было такое чувство к брату. Перед тем, как он умер. Пожалуй, я чувствовал это к ним всем: к брату, потом к Пегги Готтгешенк, к Вирджинии Уотсон, теперь вот к Лиз Боннер. Ну, и что из этого следует? Следует ли из этого, что я лжец? Или что я сам себя дурачу? Да нет. Это доказывает только одно: что ничто не вечно. Даже здание «Банка Америки», в который стекаются все деньги и свидетельства о собственности в Калифорнии. Когда–нибудь исчезнет и оно. Пройдет не так много времени, и нас всех не будет. Но моя любовь так же велика, как и их любовь, которая уже стала почти преданием».

Зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Здравствуй, — с придыханием сказала ему в ухо Лиз.

— Здравствуй, — сказал он.

— Как дела?

— Хорошо.

— Он ушел, — сообщила она. — Приезжай скорей.

— Еду.

— Поторопись, — попросила Лиз и повесила трубку.

Роджер запер магазин, сел в машину и на всех парах помчался в Сан–Фернандо.

В полдевятого того же вечера Вирджиния позвонила в магазин. Никто не ответил. Подождав до девяти, она позвонила снова.

В подавленном настроении Вирджиния набрала номер матери.

— Я тебя не подняла? — спросила она.

— В девять–то часов?! — ответила Мэрион. — Ты, наверно, совсем старушенцией уже меня считаешь.

— А я тут одна сижу. Роджер уехал в магазин, поработать.

— Бедняжка Роджер, — сказала Мэрион. — Он поговорил с Чиком Боннером про магазин?

— Нет, — ответила Вирджиния. — Что ты об

этом думаешь? Тебе понравилась идея?

— По–моему, из этого могло бы что–то выйти.

— Чик тебе понравился?

— Да, — сказала Мэрион. — Прямой человек, как мне показалось, и недюжинных способностей.

— Как думаешь, он смог бы стать хорошим партнером для Роджера?

— Думаю, он был бы отличным партнером. Если бы Роджер смог с ним сработаться и не чувствовать… как бы это сказать? Не обращать внимания на некоторое неравенство.

— А как тебе Лиз Боннер?

— Мне нужно отвечать?

— Пожалуйста, — сказала Вирджиния. — Ты не заденешь моих чувств.

— Мне лично кажется, — начала мать, — она как раз из тех, кого я и ожидала встретить здесь, в Лос–Анджелесе. То есть это женщина, ничего особенного из себя не представляющая. Какая–то никакая. Пустое место. Ни говорить не умеет, ни держать себя, ничего–то она не знает. По–моему, здешние автокафе, универмаги и закусочные полны таких девушек.

— Вот и я так считаю, — сказала Вирджиния. — Такие в супермаркетах раздают бесплатные образцы какого–нибудь нового плавленого сыра.

— Нет–нет, — возразила миссис Уотсон. — Я скажу тебе, что это за тип людей. Она из тех — ты послушай меня, Джинни, — из тех, кто… В общем, представь, что тебе нужно пробраться к прилавку с майонезом, чтобы купить баночку со скидкой, не за семьдесят девять центов, а за сорок девять; и вдруг дорогу тебе перегораживает тележка. А тележку эту толкнула туда, чтобы ты не успела пройти, такая вот полненькая коротышка, а сама она уже у прилавка с майонезом, и пока ты кипишь от злости и бормочешь себе: «Эта баба что, навсегда проход заблокировала?» — эта пышка одарит тебя беззаботной улыбочкой и уведет последнюю баночку майонеза за сорок девять центов.

— Зачем ты это говоришь?

— Просто знаю, и все, — сказала миссис Уотсон.

— Ты хочешь сказать, что не так уж она и глупа? Что ты имеешь в виду? — Вирджиния почувствовала, что начинает злиться. — Поконкретнее.

— Я просто хочу сказать, что эта ее тележка — понимай, как знаешь — скоро может встать на твоем пути.

— Мне не очень понятны такие метафоры.

Миссис Уотсон решила сменить тему:

— Давай поговорим о чем–нибудь более приятном.

Они потолковали о том о сем, потом Вирджиния нашла какой–то предлог и повесила трубку.

«Надо же, откуда такая стыдливость», — подумала она. Но разговор–то она сама завела.

Вирджиния снова позвонила в магазин. И снова никто не подошел. И тут она решилась на нечто заведомо нехорошее. Посмотрев в окно, она убедилась в том, что нигде поблизости нет их «олдса». Потом приоткрыла входную дверь, чтобы можно было услышать звук подъезжающего автомобиля, пошла в спальню, к комоду, и выдвинула нижний ящик. В нем Роджер хранил личные вещи. За все время, что они прожили вместе, она ни разу не заглянула в этот его тайник. Но сейчас все изменилось, оправдывала она себя. Мне ничего больше не остается, должна же я что–то предпринять. Не могу я просто сидеть сложа руки.

Но все равно было противно.

Какое унизительное это занятие. Нет, не стоит, говорила она себе. Забудь об этом. Только хуже будет. Это хуже всего — вот так рыться в вещах. Высматривать, выискивать, да еще слушать в одно ухо, не подъезжает ли машина.

Что я скажу, если он меня застукает? Это будет конец всему.

Но Вирджиния не остановилась, пальцы быстро заработали. Она просматривала бумаги, фотографии: это были деловые документы, а на снимках в основном — они вдвоем. «Как кстати», — усмехнулась она. Их фотографии, свидетельство о браке, документы о его разводе с Тедди, налоговые декларации, справки страховой компании о медицинском осмотре, свидетельство о праве собственности на дом, договор о страховании дома от пожара, бесчисленные бумаги, связанные с магазином… От усиливающегося чувства стыда она вся покраснела, как будто ее ошпарили кипятком.

В самом низу она обнаружила пакет из светло–коричневой бумаги. Открыть? Она размотала бечевку и открыла пакет.

И не поверила своим глазам: в нем оказались фотографии, вырванные из журналов «только для мужчин». На одной с луком и стрелой стояла Джейн Расселл[167]. На другой в профиль у окна красовалась Мэрилин Монро в комбинации, сквозь которую просвечивал лифчик. «Боже

[167] Примечания: 167

Джейн Расселл (1921–2011) — американская актриса, «секс–символ» 1940–х и начала 1950–х гг.

мой!» — воскликнула про себя Вирджиния и села на стул, чтобы лучше рассмотреть фотографию. Свет, казалось, проникал даже под лифчик.

Каприз яркого освещения обнажил взгляду грудь и сосок. «Какой большой, — подумала она. — И похож на фасолину».

Словно загипнотизированная, она вернулась к содержимому пакета. Дальше лежал календарь за 1950 год. На нем была запечатлена раздевающаяся молоденькая девушка с довольно невзрачным лицом. Из одежды на ней было только что–то вроде набедренной повязки, да и та была расстегнута, демонстрируя голое бедро и большую часть таза. Груди у девушки, по мнению Вирджинии, были дрябловатые, обвисшие. А место сосков, к ее удивлению, занимали лишь красные пятна.

Под календарем она обнаружила обычный конверт за три цента, а в нем — пачку свернутых и перевязанных листков бумаги. Она развязала веревку. Развалившаяся пачка упала ей на колени. Бумага была грубая, нелощеная, а картинки такие тусклые, что вначале ничего нельзя было различить. На первой было изображено что–то анатомическое; в конце концов, ей удалось рассмотреть женское тело, изогнутое немыслимым образом. «Что это вообще такое?» — удивилась

она и посмотрела на следующий листок. Там были мужчина и женщина. И тут до нее дошло, что впервые в жизни она видит похабные картинки. Да это же порнография, и она совсем не похожа на то, что она всегда себе представляла. Тут было что–то бесформенное, извращенное, почти смешное. Это было отвратительно. Она просмотрела остальное. «Как могут человеческие тела принять такие формы?» — спрашивала она себя. Хуже, чем в старой книге по медицине, попавшейся ей как–то на глаза в приемной у врача. Но выглядит почти так же. Она свернула листки и сунула пачку обратно в конверт.

Закрыв пакет, она положила его на место, в ящик комода к деловым бумагам.

Человек, получающий удовольствие, разглядывая такие картинки, должен быть ненормальным, думала она.

«Раз он держит у себя эти изображения, значит, у него точно есть какой–то выверт в психике», — заключила Вирджиния, выходя из комнаты.

Дрожа, она прошла на кухню и стала у плиты.

С ним всегда было что–то не так, сказала она себе. И ей показалось, будто он рядом, навалился на нее своим худым костлявым телом. Будто дышит ей в лицо.

«Господи», — прошептала она. И содрогнулась.

Сама виновата. Зачем нужно было смотреть? Вот и получай по заслугам. Картинки плыли у нее перед глазами. Нужно избавиться от них, сказала она. Я должна это сделать. Зачем я стала там рыться? Смогу ли я теперь когда–нибудь снова думать о… сексе, как прежде?

Она закурила, долго стояла с сигаретой. Потом открыла холодильник и поискала, чего бы такого съесть, сладенького чего–нибудь, что ли. Нашла в морозилке остатки мороженого. Доев его, она почувствовала себя лучше. Снова закурила и принялась расхаживать по дому.

Постепенно Вирджиния успокоилась, к ней вернулось обычное расположение духа.

«Что это я в истерику впала, — подумала она. — Все мужики, начиная с восьмилетнего возраста, западают на такие картинки. И Роджер как все. В магазине это добро небось передают из рук в руки. Может, их ему другой торговец с этой же улицы дал или Пит, или Олсен.

Даже мальчишки вон на стенах в туалетах пишут. И на заборах. И рисуют всякое. Это в природе вещей — со времен древних египтян до наших дней».

Значит, у нее просто ум за разум зашел. Палец

покажи — готова уже на людей кидаться. Она утратила способность объективно воспринимать мир — да, и сама в этом убедилась. Здравый смысл стал меня подводить, решила она. Во всяком случае, есть одна польза от происшедшего: я обрела осознанность.

Вирджиния включила радио и послушала музыку, потом новости из Кореи. На верхней полке книжного шкафа стоял сборник рассказов, печатавшихся в «Нью–Йоркере» и «Харперсе». Она удобно устроилась с книгой на диване и стала просматривать ее с предисловия, пропуская первые абзацы, потом целые страницы, почти дойдя до конца и так ничего толком и не прочитав. Наконец один рассказ заинтересовал ее. Речь в нем шла о Новой Англии. Она обратила внимание на имя автора — это была женщина. Она дочитала рассказ до конца, ей понравился живой слог.

Вот бы мне научиться так писать, вздохнула она. Может быть, чувство ритма помогло бы ей. Ритм важен во всем.

Отложив книгу, Вирджиния пошла в спальню и, сняв юбку и блузку, надела трико и хлопковую футболку. Потом поставила в гостиной пластинку с «Вальсом» Равеля и, чуть помедлив, начала танцевать.

Во время танца у нее созрела мысль. Можно ведь позвонить Боннерам, подумала она. Проверить.

Она стала перебирать в уме все возможные варианты. Если никто не ответит, можно предположить, что никого нет дома или что Лиз и Роджер там. Если к телефону подойдет Чик, можно считать, что Роджера там нет, но Лиз может быть, а может и не быть дома. Если она будет дома, значит, все хорошо. Но если она не дома…

— О, господи, — вслух сказала Вирджиния и прекратила танцевать.

К черту. Не стоит.

Подняв трубку, она набрала номер матери.

— Спала? — спросила она. — А, ведь я уже спрашивала.

— Может быть, на этот раз уже и спала бы, — сказала Мэрион. — Роджера у меня нет, если ты это хочешь знать.

— Я знаю, где Роджер, — вскинулась Вирджиния. — Я не по этому поводу звоню. Он работает у себя в магазине, в подвале. Просто хотела пригласить тебя пообедать завтра в городе.

Это было первое, что пришло ей в голову.

— Ну, можно. Ты о чем–нибудь конкретном хотела со мной поговорить?

— Нет, — ответила она. — Я за тобой заеду часов в двенадцать. По дороге решим, куда поедем.

— Мне надеть все лучшее? Поведешь меня в модный ресторан?

— Да нет, оденься, как обычно.

Она повесила трубку. Ей стало легче. Мысль о предстоящем обеде с Мэрион приободрила ее. Можно будет поговорить.

Чтобы скоротать время, Вирджиния стала думать о разных недостатках Лиз Боннер. Нужно обладать весьма воспаленным воображением, чтобы считать Лиз опасной или эффектной, убеждала она себя. Она дорисовала придуманный ею образ Лиз — низенькой полной женщины, раздающей в супермаркете бесплатные образцы крекеров и чеддера. А на спине формы должно быть ее имя, придумала она. Вышитое красными нитками слово «ЛИЗ» — чтобы любой мог обратиться. Красная вышивка возвещает: «Супермаркет Эрниз. А меня кличут Лиз, если вдруг понадоблюсь. Нужно просто позвать. Я здесь, чтобы помогать вам».

Глава 17

Она держала его в объятиях, держала в себе так близко и так далеко, насколько он позволял. Она ласково гладила его по спине, уткнувшись губами ему в ухо и чувствуя на них собственное дыхание. В спальне пахло корицей.

— Ты — мой, — сказала она. — До смерти могла бы тебя замучить.

«Я тебя люблю, — произнесла она про себя. — Что сказала бы твоя жена?»

Протянув руку, Лиз приподняла штору: ей хотелось видеть его. В комнату проник свет, часть окна приоткрылась. В гостиной соседнего дома был зажжен свет, как и в гостиных других домов на противоположной стороне улицы. На одном крыльце свет горел ярче, чем на других. На дорожке, ведущей к нему, стоял трехколесный велосипед и игрушечный легковой автомобиль. Лиз лежала и слушала доносившиеся от соседей звуки радио и голоса.

— Вот, расселись сейчас в гостиных, — проговорила она. — Смотрят телевизор и штопают носки.

— Ты о ком? — спросил Роджер.

— Да обо всех. Разговаривают о… — Она подумала. — Мистер Дэниелс говорит, что в июне повысят окружные налоги. Мистер Шарп говорит, что ему больше нравится смотреть выступления аккордеонистов, чем спектакли. Миссис Фелтон говорит, что идет распродажа мыла «Тайд» в больших кусках. Который час? Девять? Что сейчас по телевизору? Ты, поди, знаешь, телевизорами ведь торгуешь.

— Не знаю, — сказал он.

Голос его прозвучал приглушенно — он зарылся лицом в подушку и волосы Лиз. Она пригладила ему волосы. Его колючий подбородок прижимался к ее плечу. Когда он говорил, щетина впивалась ей в кожу.

— У тебя очень хорошая спина, — сказала она.

— Что это значит?

— Ты не толстый. С тебя не свисают во все стороны жировые складки.

Лиз подвинулась, чтобы приподняться. Ей хотелось смотреть в окно и видеть всю улицу, каждый дом.

— Интересно думать про них, — сказала она. — Про людей, которые там живут. Как ты думаешь, что бы они сказали, если бы видели нас?

Она вспомнила о Вирджинии, она всегда о ней

помнила. Вот, лежу здесь с ее мужем. Я думаю об этом так — Вирджиния, твой муж принадлежит мне. Не нужно меня за это ненавидеть.

— Тебе не больно? — спросил Роджер.

— Нет. Лежи спокойно. — Она сжала его в объятиях так, что услышала, как у нее самой что–то хрустнуло. — Ты не тяжелый.

Намного легче, чем тот, другой, подумала она. Какими разными могут быть тела!

Если бы они нас видели, то окаменели бы. Так и вижу их — стоят тут мраморными статуями среди зарослей сорняков и ежевики, думала она. Стены растрескиваются… Лиз видела словно наяву, как ветшают дома, разваливаются, зарастают розовыми кустами, рушащими их, пока те не проваливаются вниз. А каменные статуи стоят разинув рты. «Мы состарились, глядя на вас, — говорят они. — Мы ведь не можем отвернуться».

— Почему это убило бы их? — продолжала недоумевать Лиз. — Неужели они бы не пережили? Разве это настолько плохо… по сравнению с чем–нибудь другим?

— Позавидуют, — пробормотал он.

Она поцеловала его.

«Ты не прав, — мысленно размышляла Лиз. — Я тебя люблю, но ты не понимаешь. С чего бы им

завидовать? Мужчины такие странные. Гуляют с девушкой и подают другим мужикам сигналы. Эй, ребята, гляньте, кого я трахаю. Знаю я вас. — Она еще крепче обняла его. — Ну, может быть, кто–то из них тебе и завидует, те, у кого этого какое–то время не было. А что остальные? Я про них думаю. Про мистера Шарпа, мистера Дэниелса и миссис Фелтон.

Они стояли бы с разинутыми ртами, потому что чувствовали бы, как теряют силы, — думала она. — Выдыхаются с каждой секундой и не знают, что с этим делать. А я вот так, не старею. Пока я лежу тут, а он во мне, я не теряю силы, не угасаю. Я никуда не стремлюсь. Я — это просто я. Покуда мне этого хочется. Покуда я могу быть с ним».

— Это вера такая. Ты с этим согласен? — вслух спросила Лиз.

Он уже почти уснул.

— С чем?..

— Что пока занимаешься сексом, не стареешь.

Пошевелившись, он сказал:

— Никогда такого не слышал.

Он приподнялся, сдвинулся в сторону и, высвободившись, лег лицом к ее шее, положив руку ей на живот.

— Знаешь, почему она меня ненавидит? —

спросила она и подумала: «Да потому, что я здесь». — Потому что не может иначе. Я бы ее тоже ненавидела. Я ее не обвиняю. Этим можно заниматься только с одним человеком. Разве не так? Если ты здесь, со мной, то ты не с ней, ты ее вычеркнул. Я забрала тебя целиком. И я хочу этого. Именно к этому я и стремилась с самого начала.

«Что Вирджиния получит обратно? — думала она. — Что я оставлю, когда все кончится? Что за существо, дрожа, вернется домой, слабой рукой откроет дверь? Вымотанное, бесцветное. Я все из него высосала. Он излил себя в меня. Я чувствовала его. Он кончил в меня всем, чем он является и что у него есть. Влажной жизнью, облаченной в кожу. Настоящей жизнью. Есть это маленькое местечко, этакое несовершенство, откуда она может выйти наружу. И если знать, как это делается — а я знаю, — можно взять ее себе. В том случае, если все пойдет хорошо, твой любимый сделает последний рывок. И ты узнаешь об этом в тот же момент, когда и он поймет, что с ним: он уже знает, что кончает, и не может остановиться, он не властен над этим. Он покидает себя, свое тело и пытается вернуться, но не может. Тогда ты знаешь: он твой. Ты его получила.

С чего он взял, что у него что–то осталось? Что у него есть? А ну–ка, покажи. Только что он просто кое–где побывал — здесь он побывал (она извлекла из коробки, стоявшей рядом с кроватью, салфетку «клинекс» и стала вытираться), а теперь снова вышел. Но я–то это взяла в себя, и оно сейчас во мне. Плевать на то, что я читала в «Британской энциклопедии», я верю, что взятое мной впитывается в меня и навсегда становится частью меня. Я чувствую это всем телом».

Она подняла кисти рук, прижала их к глазам и увидела вспышки яркого света разных цветов и форм. Везде. В каждой частице. И если кому–то знакомо это, он сразу поймет.

«Вирджиния могла бы понять сегодня ночью, как только увидела бы меня. Увидела бы цветное сияние вокруг меня».

— Ты счастлив в постели? — спросила она.

В постели у женщины, в самом безопасном месте. Мирно растянувшись.

Лиз вытерлась носовым платком.

— Липкая, — сказала она. — Она ко мне прилипнет, внутри? Не ускользнет?

Она прилипла к ней, оставалась в ней. А еще у тебя есть?

— Это все? Ты истощился, да?

Не много же ее у тебя. Что осталось, то в основном для нее. Но я хочу всю. Она моя. Она принадлежит мне, это часть меня.

— Хочу от тебя ребенка, — сказала она. — Представь, как бы это было. Я была бы хорошей матерью.

Я его мать, а не Вирджиния. Я знаю, как ею быть.

Даже если я останусь с Чиком. У меня может быть мой малыш, я могу носить его в себе, внутри себя. Растить его. Он мой. Я знала это, когда впервые увидела тебя.

— Почему так мало? — Она встала в постели на колени и положила на него руки. — Ты так хочешь?

— Нет, — пробормотал он.

Спи. Спи тут, в моей постели, а не в ее. А я возьму тебя, когда ты будешь спать. Буду за тебя держаться. Что ты принес для меня?

— Я люблю тебя, — сказала она.

И обхватила его руками, вдавила себя в него. А потом села на кровати, отодвинувшись. Затем слезла с кровати и встала. Я оберну тебя собой, возьму тебя, хотя бы твою маленькую частичку. Она все меньше и меньше. Ты не уйдешь. Хоть частичка эта, да останется.

— Боже, — вздохнула она.

С тобой я могла бы не останавливаться. А так можно? Вообще кто–нибудь может так? Почему мы тут, в конце концов, оказались? Каким образом нам удалось получить хоть эту малость? Никто нам этого не предлагал, никто не хочет, чтобы у нас это было. Я не должна была пускать тебя сюда, прятать тебя в себе — никогда в жизни. Мне положено стареть и умирать.

Ей представилось, как он однажды ловил рыбу и вдруг свалился в воду, пошел ко дну далеко от берега. И жил с принцессой–черепахой. Рыбак и черепаха.

Люди, которых он встречал на улице, стали другими; изменились дома; собаки, когда–то встречавшей его веселым лаем, больше не было — она сдохла, и ее закопали. Другими стали цветы, все поменяло форму, и он никого и ничего не узнавал — ни зерно в элеваторах, ни камни, ни муравьев на земле. Исчезли ящерицы, и высокие деревья, и болота. И остыла вода. Дело к ночи, подумал он. Вода стала холодной и прозрачной, и он снова увидел землю и поплыл к ней, помня ее. Но все изменилось. Никто его не знал.

— Что ты ей скажешь? — спросила Лиз.

Роджер что–то пробормотал в полусне, лежа

на простыне посередине кровати. Одеяло они сбросили на пол.

Ты знаешь, кто она? А ее имя? Можешь открыть рот и сказать, как ее зовут? Что бы случилось, если бы я спросила тебя сейчас? Что–нибудь исчезло бы из комнаты, как будто улетело обратно? Все стало бы разматываться и пропадать, как в фильме, прокручиваемом назад? Перья облаками взлетают из кучи и приклеиваются к индейке. Брызги уходят в воду, из которой ногами вверх поднимается человек и на огромной скорости взмывает к небу, вода собирается, опускается и выравнивается. Из ошметков возрождается лопнувший воздушный шар. Шевелится земля, и под ней что–то движется. Сквозь расселину видно, как что–то перемещается в глубине. Потом из–под земли поднимаются иссохшие дряхлые тела: садятся, встают, выходят, начинают махать руками и разговаривать. И, наконец, возвращаются в город, к тому, что когда–то покинули.

Прокричи она ее имя, и все непременно проснутся. Произнеси кто–нибудь ее имя или их имена.

Ему казалось, что дома вдоль улицы — с освещенными окнами, звуками радио и телевизоров, детишками на коврах, женщинами на кухнях

— стали совсем другими. Он искал свой дом. Где–то должен быть гараж с подъездной дорожкой и розовыми кустами, растущими на решетке у парадной двери, игрушки сына, оставленные на крыльце. Дверь открыта, но это не то крыльцо. Исчез и сам дом, и гараж, и розовые кусты. Остались лишь колючки и ежевика. И сорняки, которые пропалывали, пропалывали еженедельно. По всему дворику.

Пока мы здесь, она постарела и умерла. Если я укажу на нее, она отступит. Рот ее открыт, руки подняты вверх. Губы шевелятся, но она ничего не произносит. Ни звука я не слышу, ни имени.

Дверь в дом открылась, и он вошел — все в том же костюме, туфлях и галстуке — и обнаружил внутри лишь высохшую старую каргу. Он спросил, кто она, но она не помнила.

Но это не я с ней сделала. Это произошло само собой. Я лишь лежала здесь, удерживала тебя. Я прилепила тебя к моей постели.

— Слушай, — сказала она, рухнув на кровать рядом с ним. — Давай–ка выйдем.

— Куда?

— На улицу.

Лиз слезла с кровати, схватила его за руку и потащила. Когда он встал на ноги, она повела его

из спальни к двери, выходившей в сад.

Они ступили на мокрую траву, и их обдало холодным ветром. Весь двор был погружен в темноту.

— Я не хочу выходить, — сказал Роджер. — Нас могут увидеть.

— Не увидят.

Опрокинувшись на траву, она увлекла его с собой, к себе.

— Сюда, — шепнула она.

На землю, в сырость, где можно дышать. Я нахожу тебя в темноте. Она нашла его и ввела в себя, туда, где он уже был. Темно? Не теряйся. Я здесь, сказала она. Под тобой. Вокруг тебя. Чувствуешь меня со всех сторон? Ты разве не понимаешь, что это я? Он опустился на нее всем весом, вдавив в траву. Какое–то насекомое, может быть, паук, проползло по ее ноге на бедро. От травинок у нее зачесалось тело. Ей хотелось извиваться. Двигай меня всю. Я чувствую, как шевелится каждая мышца. Теперь я везде. Лиз прикоснулась к нему в темноте и стиснула его в объятиях, придавила к себе.

Слейся со мной, просила она. Кто я? Я та же, какой была всегда. Я не меняюсь. Но меняется все остальное. Я вижу, как она стареет, как нена-

видит меня. Это так же верно, как то, что во мне кипит настоящая жизнь. Вирджиния, я здесь: ты найдешь меня в темноте? Найдешь. Ты узнаешь меня по запаху — так пахнет трава.

— Она похожа на меня? — спросила она.

— Кто?

— Вирджиния.

Он что–то пробурчал.

Вирджиния, ты тонкая. У тебя узкое тело. Как бы ты себя вела? Твердой была бы, холодной как камень. Сухой, как лист. Ты кричала бы? Двигалась бы?

Я вышла за него, когда мне было девятнадцать. Я тогда еще жила с родителями в Лос–Анджелесе. Он играл с моим отцом в карты, и отец, врач, подходил к комоду, выдвигал ящик, в котором хранил образцы лекарств разных фармацевтических фирм, и нагружал его всевозможными пилюлями, всем, что тому было нужно. Он нравился моему отцу. Они разговаривали о япошках и Рузвельте, о Советском Союзе и Фрейде, и о Джо

Хилле[168]. Летом мы с ним поехали на север, в долину Салинас, посмотреть на фермы. Мы нашли славное хозяйство, где выращивали овощи и паслись коровы и овцы. Овец он ненавидит.

— Ты ненавидишь овец, — сказала Лиз вслух.

Роджер снова ответил что–то невнятное.

Где–то через год я забеременела. Сначала родился Джерри, потом Уолтер. Последним появился на свет Грегг. Он всегда был его любимцем. Мы прикупили еще земли и завели свиней, и у нас всегда были куры и утки. Выращивали люцерну. Он хорошо разбирается в сельском хозяйстве. Даже мелкую ферму сделал рентабельной. За четырнадцать лет она стала у нас полноценным предприятием. Сейчас Джерри тринадцать, а Уолтеру двенадцать. А Греггу — семь.

---

[168] Примечания: 168

Джо Хилл — Скорее всего, имеется в виду американский поэт шведского происхождения, рабочий, борец за права трудящихся, революционер, активист профсоюза «Индустриальные рабочие мира» (Джозеф Хилстром, настоящее имя Йоэль Эмануэль Хеглунд; 7 октября 1879 г. — 19 ноября 1915 г.). В январе 1914 года Хилл был обвинен в убийстве в Солт–Лейк–Сити владельца бакалейной лавки, бывшего полицейского офицера, и его сына. Вскоре после перестрелки в лавке Хилл обратился к врачу с огнестрельной раной. При Хилле был пистолет, от которого он избавился по дороге от врача домой. Место получения им огнестрельного ранения Хилл назвать отказался. Хилл не признал своей вины, в итоге был признан виновным в результате громкого и противоречивого судебного разбирательства. Расстрелян в американской тюрьме 19 ноября 1915 г.

— Семь, — произнесла она. — Греггу ведь семь лет?

— Около того, — отозвался он.

Я срываю с наших деревьев абрикосы, персики и зеленые сливы «сатсума». Сушу абрикосы на лежащей вровень с землей деревянной двери подвала. Варю сливовое варенье, делаю виноградное желе. На пеньке за сараем отрубаю голову курице — та в панике хлопает крыльями, разбрасывая перья. На кухне у стола стоит Грегг и смотрит, как я вспарываю курице живот, чтобы выпотрошить ее. Я объясняю ему, для чего нужна каждая часть внутренностей. Показываю камешки во втором желудке. Разрешаю ему подержать в руках яйца, так и не вышедшие на белый свет. В гостиной спит малыш.

Люблю тебя, сказала она. Ты — мой. Где–то там стареют люди. Она чувствовала, как они старятся, слышала, как они скрипят, как трещат их кости. В домах, тех и этих, в посуде скапливалась пыль, пыль покрывала полы. Собака его не узнала: его не было слишком долго. Никто его не знал. Он ведь покидал этот мир.

Вот его руки обхватили ее за талию, он приподнял ее за спину, и она почувствовала, как сгибается. Он увлек ее выше, еще выше. Заслоня-

ясь, она прикрыла глаза рукой. И захотела, чтобы он поцеловал ее. Именно тогда, сказала она. И ждала, давая ему войти в нее. Ты укроешь меня. Собой. Она взяла его за голову и повернула лицом к лицу, так чтобы можно было смотреть на него. Приблизилась так, что капли пота стали падать с его щек ей на лицо. Заставила его разжать губы, с готовностью поднесла к ним свои, зубы к зубам, держа его, а он двигался внутри ее. И прижала губы к его губам, поняв, что внутри ее снова, в третий раз, происходит это. Когда–нибудь раньше тебе удавалось так много раз подряд? С ней? Она длила поцелуй. Ты внутри меня, а я внутри тебя, сказала она, пробираясь языком ему в рот — как можно дальше. Я вошла в тебя настолько, насколько могу. Мы обменялись. И кто теперь я? Может быть, это я должна буду вернуться к ней, измотанная и опустошенная до дна. Нет, меня не опустошить. Я здесь навсегда, буду лежать тут, на земле, держать тебя, чтоб ты всегда был рядом, на расстоянии вытянутой руки, со мной, а я в тебе.

Глава 18

В десять часов Вирджиния вздрогнула от стука в дверь. Отложив свою книгу рассказов, она подошла к окну и посмотрела на крыльцо. Там горел свет — она включила его для Роджера. На крыльце ждали двое: Чик Боннер в деловом костюме и мужчина постарше — высокий, худой, с большими ушами, в костюме и пальто. Спутник Чика курил сигару.

Открыв дверь, Вирджиния поздоровалась:

— Здравствуйте, Чик.

Чик сказал извиняющимся тоном:

— Вирджиния, простите, что так вторгаюсь к вам. Роджер мне так и не позвонил, и я подумал, может быть, забежать к вам с мистером Гиллик ом, чтобы Роджер с ним познакомился. Эрл, это миссис Линдал, жена человека, о котором я вам рассказывал.

— Рада познакомиться, — сказала она и пожала мистеру Гиллику руку.

Он как–то незаметно сбросил с себя пальто, и она увидела на лацкане слуховой аппарат.

— Входите, — пригласила она.

— Спасибо, — сказал Гиллик и вошел с Чиком

в дом.

Гиллик был крепким здоровяком и этим походил на Чика. Окинув взглядом комнату, он произнес:

— Очень мило у вас тут, миссис Линдал. — И подмигнул ей. — Уж я–то в этом понимаю, ведь я строитель.

— Эрл — подрядчик, — пояснил Чик. — Мой старый знакомый. Это он построил новое здание пекарни.

И Чик, и мистер Гиллик были как–то очень возбуждены. Она поняла: они ждут, что из другой комнаты сейчас появится Роджер.

— Роджера нет дома, — сказала она.

У Чика вытянулось лицо.

— Пошел домой к одному будущему клиенту, — объяснила она.

— Понятно, — сказал Чик. — Ну что ж, я сам виноват, что не позвонил. Понадеялся, что, может, у него будет настроение посмотреть сегодня мои эскизы.

Он и Гиллик обменялись разочарованными взглядами. Оба не знали, как быть. Переминаясь с ноги на ногу, они снова взглянули друг на друга.

— Садитесь, — предложила она им. — Давайте пальто.

— Мы ненадолго, — сказал Гиллик, но позволил ей забрать свое массивное, пропахшее сигарами пальто.

Повесив пальто нежданных гостей, Вирджиния пояснила:

— Этот клиент только по вечерам бывает дома. — И добавила к своей выдумке еще несколько подробностей: — Роджер на прошлой неделе дал ему опробовать настольный «Ар–Си–Эй». Сегодня вечером он должен решить.

Значит, Чик, ты не дома, думала она. Разгуливаешь где–то.

— Что это вы, Чик, бродите в такой поздний час? — спросила она, садясь на ручку дивана.

— Мы с Чарльзом ходили на собрание… — ответил Гиллик и моргнул. — Ассоциации по этическим нормам торговцев скобяными изделиями Лос–Анджелеса. Хотели посмотреть, как они управились с Министерством юстиции.

— Они выступают против одной странной операции, — сказал Чик. — Один большой сетевой универмаг, «Кермане», пустил у себя в продажу алюминиевую посуду как сопутствующий товар. Скобянщики попытались бойкотировать своих оптовиков через Ассоциацию, но это может не пройти из–за… как это?., ограничения конкурен-

ции или чего–то там такого.

— А какое это имеет отношение к хлебу? — спросила Вирджиния.

Тема была ей неинтересна, и она испытывала раздражение.

— Это решение по коммерческому вопросу, касающееся свободных рынков сбыта, — сказал Чик и пустился в пространные объяснения.

Гиллик, сидевший рядом, кивал.

Ты не дома, думала Вирджиния, ты не был дома весь вечер. Может быть, с самого ужина.

— Длинное получилось заседание, — заключил Гиллик. — Они все спорили и спорили. Я думал, никогда на закончат.

— Жалко, что Роджера нет, — сказала Вирджиния.

— Ну, может, как–нибудь в другой раз, — выразил надежду Чик.

— Буду с нетерпением ждать встречи с вашим мужем, — заверил ее Гиллик.

Он, как и Чик, похоже, робел в ее присутствии. Вирджиния вдруг вспомнила, что так и сидит в трико и футболке.

— Я о нем наслышан, — сообщил Гиллик, попыхивая сигарой.

— Вас интересует наш магазин? — спросила

она Гиллика.

— Ну, в известной степени, — ответил он. — Чарльз попросил меня оценить здание и фасад. Я согласился.

— Вы видели магазин?

— Нет, — сказал Гиллик. — Еще нет.

— Чик, вы ведь на «универсале»? Давайте доедем до магазина, пусть мистер Гиллик посмотрит, — предложила она.

— Это было бы здорово, — обрадовался Чик, — правда, мне неудобно просить Гиллика заниматься этим, раз ваш муж не…

Гиллик хлопнул его по колену и сказал:

— Да ладно. Давайте съездим, посмотрим.

Он встал и направился к двери.

— Сейчас принесу ваши пальто, — сказала Вирджиния, быстро прошла в спальню и извлекла их пальто из шкафа.

«Может, переодеться? — подумала она и решила. — Не буду».

И надела длинное пальто, скрывшее ее. Схватив сумочку, она вернулась в гостиную.

— Вот, — протянула она мужчинам их пальто.

— Мы так быстро ушли, — сказал Чик, когда она вывела их на крыльцо. — Может быть, еще немного, и мы бы дождались Роджера? Меня

беспокоит…

— Сомневаюсь, — перебила она. — Иногда он задерживается на этих выездах на дом. Где ваша машина?

— Вон там.

Гиллик зашагал впереди, а Чик с Вирджинией приотстали.

— Послушайте, Вирджиния, — понизив голос, сказал Чик, — знаете, у меня небольшая проблема. При малейшей возможности я стараюсь не садиться за руль. Иногда, конечно, этого не избежать. Вот на собрание ехал, Эрла к вам привез… Знаете, у меня в прошлом году отобрали права. Вернут не скоро, наверно, не в этом…

— Я сяду за руль, — вызвалась Вирджиния.

— Спасибо, — поблагодарил Чик.

Отдав ей ключи, он подержал дверь, и она забралась на водительское сиденье.

— Я вам очень благодарен.

Он и Гиллик сели в машину. Не успел Чик захлопнуть дверь, как Вирджиния уже завела двигатель.

Вот я и узнаю, сказала она себе. Может быть, ты в подвале и просто не можешь ответить на звонки. А может, и нет.

Когда они подъехали к магазину, в нем было

темно. Улица была пуста. Поблизости не стояло ни одной машины.

Ну да, его там нет, подумала она про себя.

— Место хорошее, — заметил Гиллик.

— Это правда, — подтвердил Чик.

Припарковавшись перед магазином, она спросила:

— Отсюда вам хорошо видно?

— Лучше выйти, — предложил Чик.

Он и Гиллик ступили на тротуар.

— Магазин старый, — сказал Чик. — Надо бы сделать косметический ремонт.

— Слишком много дерева, — добавил Гиллик.

— Я ему про это говорил, — ответил Чик. — Поэтому я и подготовил чертежи.

Гиллик осмотрел верх.

— Плохо видно в темноте. Вывеска тоже старая. Безвкусица. Боже, а окна–то какие узкие. — Он измерил шагами ширину магазина. — Слишком узко. — Поднеся руку к окну, он стал всматриваться внутрь магазина. — Зато длинный. Подвал есть?

— Да, с туалетом и умывальником.

— Интерьер и оборудование не рассмотреть. Верхнее освещение какое?

— Дневной свет, — ответил Чик.

Сидя в машине, Вирджиния слушала, как разговаривают мужчины, расхаживая по тротуару. «Тебя ведь тут и не было, так?» — подумала она.

— Кассовый аппарат старомодный, — продолжал Гиллик. — Ты только посмотри на эту древнюю кассу. Прямо реликвия.

— Я ему и об этом говорил, — сказал Чик.

Гиллик потянул дверь за ручку.

— Заперто. Жаль, нельзя войти.

— Может быть, днем, — сказал Чик. — Будешь как–нибудь случайно проходить мимо…

Гиллик спросил у Вирджинии:

— Миссис Линдал, у вас есть ключ? Мы можем войти?

Да, — сказала она, открывая дверь машины. — Я вас впущу.

Она вошла в магазин первой. В глубине в призрачном голубоватом ночном свете виднелись телевизоры, экраны. Воздух остыл, и всюду висел застарелый запах, шедший от пепельниц и от мусорного ящика под прилавком.

Если бы он был здесь, думала Вирджиния, его ключ торчал бы в замке. Это его невротическая привычка: он всегда боялся быть захлопнутым в магазине как в ловушке, и поэтому старается, заперев дверь, оставлять ключ в замке.

— Вниз, — сказала она вслух.

— Да, — согласился Чик. — Давайте посмотрим. Пусть Гиллик увидит фундамент.

— Изнутри мне фундамент не увидеть, — сказал Гиллик, когда они стали спускаться.

Вирджиния повела их вниз по ступенькам и включила в подвале свет.

В отделе обслуживания было пусто.

«Вот сволочь», — выругалась про себя Вирджиния.

— Ну что, посмотрели? — спросила она, держа руку на выключателе.

Гиллик бросил на нее взгляд.

— Если нужно идти, мы готовы, миссис Линдал, — сказал он.

— Да, наверное, нужно, — ответила она. — Время позднее.

— Вы правы, — согласился Гиллик.

— Понравился вам магазин моего мужа? — спросила Вирджиния.

— Ну конечно, — ответил Гиллик.

— Я помогала его покупать, — сообщила она. — Моя мама и я.

— Вот как, — сказал Чик. — Я не знал. — Он и Гиллик внимательно посмотрели на нее. — Значит, он записан на ваше имя, да?

— Нет, — сказала она. — Право собственности принадлежит Роджеру. Я позволила ему так это устроить.

— Очень мило с вашей стороны и со стороны миссис Уотсон, — заметил Чик.

— Знаете, почему я в трико? — спросила Вирджиния. Распахнув пальто, она показала им, во что одета — так они и застали ее, когда пришли. — В этом я занималась танцевальной терапией. Мне пришлось бросить занятия, чтобы он открыл свой магазин. Зря, да? Не нужно было. Я совершила серьезную ошибку.

Гиллик и Чик молчали.

— Вы замечательно выглядите, — наконец сказал Гиллик, дымя сигарой.

— Пойдемте, — сказала Вирджиния и щелкнула выключателем. — Пошли, пошли.

Она двинулась обратно, наверх.

Дождавшись их у входной двери, она повторила:

— Пойдемте.

Вирджиния стояла, а они вышли на улицу. Заперев дверь, она поспешила к «универсалу». Не успели мужчины сесть в машину, как она задним ходом выехала на улицу, переключила передачу и поехала к дому.

— Не надо так волноваться, — сказал через некоторое время Чик.

Не понимая, что происходит, мужчины занервничали.

Она резко повернула направо, и машина едва не задела стоявший на углу грузовик.

— Не торопитесь так, Вирджиния.

Не отвечая, она продолжала гнать на самой высокой скорости. Остановившись у своего дома, она поспешно выскочила из машины.

— Спокойной ночи, — попрощалась она с мужчинами и швырнула ключи на колени Чику.

Схватив сумочку, Вирджиния побежала по дорожке к крыльцу. Войдя в дом, включила свет в гостиной, села перед телефоном и набрала номер Лиз. Долго не отвечали. Наконец в трубке щелкнуло, и она услышала голос Лиз:

— Алло?

— Роджер у вас? — напрямую спросила она.

— Ч–что? — отозвалась Лиз.

— Роджер у вас?

— Нет, — сказала Лиз.

— Мне нужно с ним поговорить, — потребовала Вирджиния.

— Его у меня нет, — сказала Лиз. — С чего бы ему тут быть? Я его уже неделю не видела.

— Я хочу поговорить с Чиком.

— Он прилег вздремнуть.

— Ах ты лгунья наглая! — воскликнула Вирджиния. — Я знаю, что ты врешь, ведь Чик здесь, у моего дома, в вашей машине. С Гилликом. Они даже еще не уехали. Чика не было дома весь вечер. Он был на совещании.

В трубке щелкнуло, и связь пропала.

Вирджиния повесила трубку, потом сняла опять и снова набрала номер. Она долго слушала гудки, наконец Лиз ответила.

— Что вам нужно? — спросила она.

— Чтоб духу твоего рядом с моим домом больше не было! — приказала Вирджиния. — Держись отсюда подальше. Лгунья ты смазливая, и больше никто. Слышишь меня? Больше сюда не вздумай соваться. Чтобы никогда я больше не видела, как ты у моего дома хвостом крутишь!

На другом конце линии Лиз начала было что–то говорить, но Вирджиния не стала ее слушать и повесила трубку. Вскочив на ноги, она подошла к окну и посмотрела на улицу. «Универсала» уже не было. Улица была пуста.

Прошло пятнадцать минут. Она все стояла у окна, не снимая пальто. Через полчаса на улицу выехал «Олдсмобиль». Он остановился на

подъездной дорожке, погасли фары, выключился двигатель, открылась дверь, и показался Роджер. Он запер машину и пошел по дорожке к крыльцу. У крыльца он остановился. Дверь была распахнута, Вирджиния так и оставила ее. Роджер немного постоял и вошел.

Увидев его лицо, Вирджиния сразу поняла, что, когда она звонила, он был там. Он весь закрылся. Это хмурое, непроницаемое, упрямое выражение его лица было хорошо знакомо ей уже много лет. Он ссутулился, руки засунул в карманы. Вначале стоял молча, только время от времени бросая на нее взгляд. Губы его шевельнулись, он хотел было что–то сказать, но потом вытер рот пальцами, что–то пробубнил и снова замолчал.

— Ты был там, — сказала Вирджиния.

— Где? — пробормотал он.

— Когда я звонила. Ты был у Лиз. Ты еще не успел уйти.

— Не был я у нее, — сказал он.

И тут лицо Роджера медленно расплылось в хитрой самоуверенной ухмылке. У тебя нет никаких доказательств, словно говорил он. Потоптавшись на месте, он взглянул на Вирджинию и усмехнулся. Но он боялся ее. Ухмылка не скрыла страх. Он улыбался, потому что трусил.

— Где же ты был? — спросила она.

— В магазине.

Он был удивлен.

— Я звонила в магазин.

— Я был внизу. Работал в подвале, — сказал он.

— Все время?

— Да. Было много работы.

— Ты такой же отпетый лгун, как и она, — сказала Вирджиния. — Мы ездили в магазин.

— Кто это «мы»?

— Чик, я и Гиллик.

Теперь Роджеру нечего было сказать. Он потер рукой подбородок, уставился на свои ноги и продолжал ухмыляться — усмешка, пустая и бессмысленная, не сходила с его лица. Это привело Вирджинию в бешенство.

— Ну и дрянь же ты.

Он заморгал.

— Я все про это знаю, — сказала она. — Сходи–ка, пока не поздно, в аптеку, купи себе какое–нибудь лекарство, а то, может, подхватил что–нибудь.

Она верила в то, что говорила, но, как только произнесла эти слова, почувствовала себя глупо. И Роджер после ее слов глядел уже совсем по–другому.

Как будто то, что она сказала, придало ему

какой–то уверенности, укрепило его. Роджер перестал дергать себя за подбородок. Он больше не улыбался и выглядел серьезным. Расстегнув пальто, он прошел с ним мимо нее к шкафу. Вернувшись, он спросил:

— Ты что, ей звонила?

— Да, — ответила Вирджиния. — И ты это прекрасно знаешь.

Она почувствовала слабость.

— Не надо ей звонить, — резко бросил Роджер. — Оставь ее в покое.

— Да что ты!

— Оставь, и все.

Она уже готова была расплакаться.

— Давай, давай, поплачь, — с насмешкой сказал он.

Вирджиния вышла в коридор и постояла там одна, вытирая глаза рукавом пальто.

Сама виновата, сказала она себе. Не нужно было этого говорить. Зачем я это сказала? Нельзя так. Прежде чем открыть рот, нужно сначала выйти и подумать.

Она вернулась в гостиную. Роджер сидел посередине дивана и внимательно смотрел на нее.

— Ты ужинал? — спросила она.

— Зашел в аптеку и съел гамбургер.

— По пути домой?

— Я заглянул домой к клиенту, — сказал он. — А гамбургер купил по дороге сюда. — Он положил руки за голову и раскинул локти в стороны. — А чего это ты в пальто по дому ходишь?

Вирджиния подошла к шкафу и повесила пальто.

— Чику я ничего не сказала, — сообщила она. Роджер промолчал. — Если она не запаникует и сама не расскажет, ему неоткуда будет узнать.

Она села на кухне, в темноте. Оттуда через коридор ей была видна гостиная, диван и ее муж с расставленными руками.

— Была минута, когда я чуть не рассказала ему. Гнала домой на предельной скорости, только чтобы не рассказать.

Роджер не пошевелился.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— В смысле? Ты о чем?

— С ней.

— Не знаю, о чем ты, — сказал он.

Вирджиния понимала, что ответа от него не добьешься.

— Жениться на ней ты не сможешь, — сказала она. — Я тебе этого не позволю.

Он снова промолчал.

— Запретить тебе встречаться с ней я не могу. Если, конечно, ты этого хочешь. Если тебе действительно нужна такая женщина. Только стоит ли? А вдруг Чик поймает тебя? Он ведь тебя, поди, убьет.

— За это не убивают, — сказал Роджер.

— А по–моему, очень даже убивают.

— Он просто трепло.

— Думаю, он тебя убьет.

Роджер встал с дивана.

— Забудем про это, — сказал он.

— Лучше тебе с ней не видеться, — настаивала Вирджиния. — Ради твоей собственной безопасности. Ты что, не можешь себе найти незамужнюю девчонку? Если он что–нибудь с тобой сделает, закон будет на его стороне. Он будет это знать. Что ты будешь делать, если он застукает тебя с ней? А если бы он сегодня пришел домой раньше? Ты ведь знаешь, она дурочка и не сможет долго таиться. Ты же слышал, что она сказала, когда я позвонила. Конечно, что еще ей было придумать? Если бы он явился домой, что бы ты делал? Бросился бы наутек через черный ход? — От представленной картины ей стало тошно. — Отвратительно. Не думаю, что это того

стоит. Никак не стоит.

— Он всегда сначала отвозит домой Гиллика. Это ему по пути. Потом жена Гиллика звонит Лиз, — объяснил Роджер.

— Ах, вот как. Не знала. Значит, у нее отработанная система? Она уже много лет этим занимается?

Роджер не ответил.

— Наверное, не нужно тебя больше об этом спрашивать.

— Не нужно, — сказал он.

— Ты поэтому передумал и решил все–таки отдать Грегга в школу? Из–за того, что ее встретил?

— Нет.

— Но и из–за этого тоже.

— Нет, — сказал он.

Вирджиния знала, что с этого момента он больше ничего не скажет, вообще не будет отвечать.

— Одно хочу тебе сказать, — продолжала она. — Раз Чик сюда заехал, он знает, что сегодня вечером тебя не было дома. Так что будь крайне осторожен. Знает он, и что она была сегодня одна. Если он задумается над этим совпадением, этого может быть достаточно. Лучше тебе какое–то время не звонить и не разговаривать с ней. Когда Чик приедет домой, то обязательно скажет, что

был у нас, и тогда она сообразит — думаю, сообразит, — каким образом я узнала наверняка, что ты был у нее. Видимо, она хорошо поднаторела в таких делах и понимает, что некоторое время должна держаться от тебя подальше.

Вирджиния ждала, но Роджер молчал. Тогда она сказала:

— Я вот как поступлю. Позвоню ей за тебя, если хочешь. Не сегодня — завтра в течение дня.

— О боже, не надо, — он вскинулся с такой горячностью, что она отказалась от этой идеи.

— Как хочешь, — сказала она.

Сидя за кухонным столом, Вирджиния все ждала, что муж что–нибудь сделает или скажет. Но поняла, что он там, в гостиной, тоже ждет.

Утром, за завтраком, Роджер сообщил ей:

— Сегодня поеду на работу на «олдсе».

— Где ты его оставишь? — спросила она.

— На стоянке, за углом.

— Ч его это ты сегодня решил? — удивилась Вирджиния.

— По–дурацки как–то чувствую себя.

— Мне нужна машина, — возразила она. — В двенадцать нужно заехать за Мэрион. Мы договорились поездить по магазинам и пообедать.

— Обойдетесь, — сказал Роджер. — Я вчера до

десяти вечера работал, паршиво мне, нужна машина. Моя работа прежде всего.

— На работу я тебя отвезу, — сказала она.

— Ас работы?

— Заеду, отвезу домой.

На это ему нечего было ответить. Он наморщил лоб, но так ничего и не придумал.

В полдевятого Вирджиния села в машину и завела двигатель. Роджер появился на крыльце в костюме и галстуке, свирепо поглядывая на нее.

— Поехали! — крикнула она. — А то опоздаешь.

Сонный и злой, он нехотя втиснулся в машину. Она довезла его до магазина. Пока ехали, почти все время молчали.

— Ты знаком с Гилликом? — спросила наконец Вирджиния.

— Нет.

— Он произвел на меня впечатление. Чик сказал, что он подрядчик.

Она высадила Роджера у магазина.

— Спасибо, — пробормотал он, ступая на тротуар.

Луч раннего утреннего солнца сбоку осветил его лицо, и Вирджиния увидела, что он плохо выбрит: на щеке, возле уха, темнел островок

щетины. У него там всегда что–нибудь да оставалось.

— До вечера, — попрощалась она.

На краю тротуара он помедлил, повернувшись к ней спиной, ожидая, чтобы его отпустили.

Она уехала.

Глава 19

Слева привычным движением рук открывали свои витрины торговцы. У входа в «Ссудосберегательную Ассоциацию Западного Побережья» толпились служащие. Лицо Роджера грели лучи утреннего солнца. С мокрых тротуаров к небу уже поднимался пар. У дверей его магазина валялся оставшийся с вечера строительный мусор, и он отгреб его ногами на тротуар, а потом в сточную канаву. Одновременно он извлек из кармана ключ. Потом отпер дверь и вошел.

Над радом телевизоров с щелчками вспыхивала и гасла реклама «Зенита», остальная часть магазина была погружена в темноту. Затхло пахло сигаретами, мебельным лаком и тканью. В этом нежилом помещении было безлюдно, холодно и уныло. Он включил верхнее дневное освещение, открыл световой люк и осветил большой дисплейный знак «Ар–Си–Эй» над входом. Засунув руки в карманы, он стоял у открытой двери и смотрел на улицу.

В девять часов появился щеголеватый Пит Баччиагалупи в синем однобортном костюме и галстуке пастельных тонов.

— Привет, — сказал он, широко распахивая дверь, чтобы впустить утренний воздух. — Вид у тебя, как с перепоя.

Он прошел мимо Роджера — повесить пальто.

Через несколько минут, замедлив ход, въехал на свое парковочное место их грузовик. Открылась дверца, и из кабины выпрыгнул Олсен. Он плюнул на асфальт, поморщился, поднял отвертку, выпавшую из грузовика на землю, и неторопливо двинулся в магазин.

— Приветствую, — бросил он Роджеру.

Тот сказал:

— Хочу сегодня взять на себя разъезды. А ты останься у монтажного стола.

Повесив пальто, вернулся Пит, и Роджер сказал ему:

— Пусть никто сегодня не забирает грузовик. Он мне понадобится. Я сказал Олсену сидеть за монтажным столом.

— Делай, как знаешь, — сказал Пит, — только сегодня предстоит много разъездов.

— Беру их на себя.

— Ты точно не в духе сегодня, — сказал Пит и положил руку на плечо Роджеру. — Может, стоит дойти до аптеки и принять «Бромо»?

Пит внимательно смотрел на него.

— Может быть, — ответил Роджер, но так и остался стоять у основной кассы.

— Я могу чем–то помочь?

— Нет, — сказал Роджер. — Разве что клиентами заняться.

Он все стоял, ничего не делая, не обращая внимания на тех, кто заходит в магазин, на телефонные звонки, на то, что делает Пит. Когда уже было почти десять часов, он увидел, как на другой стороне улицы мелькнуло знакомое пальто. И тут же бросился на улицу.

— Я скоро вернусь! — крикнул он Питу, разговаривавшему по телефону.

Не останавливаясь, он пошел за ней по тротуару. На углу перешел улицу на красный свет и догнал ее.

На ней были туфли с тонкими высокими каблуками и пальто в клетку. Волосы были убраны под платок, лицо сильно накрашено, губы — почти До коричневого цвета. Она узнала его, и ее выразительные темные глаза наполнились влагой, даже прохожие заметили, и кое–кто на нее оглянулся. Когда он поравнялся с ней и взял ее за руку, она не поддалась.

— Нет, — отстранилась она. — Мне просто хотелось пройти мимо, увидеть тебя.

— Пойдем.

Роджер попытался увлечь Лиз с собой.

— А вдруг она нас увидит?

— Пошли туда, — сказал он и повел ее за угол, на боковую улицу.

— Я поехала в центр за часами — забрать из ювелирного магазина, — объяснила она.

— Я схожу с тобой.

— Всю ночь не спала, все думы в голову лезли, — сказала Лиз. — А вдруг она, думаю, позвонит еще раз или возьмет и придет. Все прислушивалась: не звонит ли телефон, не стучат ли в дверь.

Из какой–то конторы вышли два дельца, и ей пришлось остановиться за ним, чтобы пропустить их. У обоих были толстые, красные лица без подбородков. Они были так похожи друг на друга, что вполне могли бы сойти за братьев. Один ковырял в зубах. Оба посмотрели на нее с одинаковым выражением лица.

— А где этот ювелирный магазин? — спросил Роджер.

— По–моему, в следующем квартале. — Лиз достала из кармана пальто кошелек и на ходу принялась рыться в нем. — У меня тут квитанция, на ней написан адрес.

Отыскав квитанцию, она отдала ее Роджеру,

чтобы тот прочел адрес.

— Нам нужно прекратить это, — сказала она. — Разве нет? — И забрала у него квитанцию. — До свидания.

И резко пошла прочь между двумя припаркованными машинами, вышла на проезжую часть — перед ней затормозило такси, она перешла на другую сторону и исчезла среди покупательниц, толпившихся перед входом в магазин одежды. Он пошел за ней. «Ты этого не сделаешь, — сказал он про себя. — Я тебя знаю. Я так и знал — сначала покажешься, а потом убежишь».

В середине квартала он догнал ее. Лиз держала в руке квитанцию и смотрела на номера на фасадах магазинов.

— Дай–ка мне, — сказал он. — Я найду.

И пошел с ней.

— Мне сразу надо будет домой, — сказала она. — Дома генеральная уборка ждет: нужно пропылесосить, окна помыть и еще после обеда кресло поискать. Чик хочет, чтоб я купила такое большое кресло для курения в гостиную — с зеленой кожей. Не старомодное, сейчас новые такие делают. Намного лучше смотрится. Как конторское.

— Хочешь меня бросить? — спросил он.

— Нет. Я люблю тебя. Но я пришла попрощаться. Может быть, когда–нибудь мы еще с тобой увидимся, но даже если я долго не увижу тебя, все равно буду про тебя думать — я тебя не забуду. До свидания. — Она провела пальцами по его лицу, губам, подбородку. — Я ни о чем не жалею. Было здорово. Ты ведь тоже так думаешь?

Избитые слова, подумал он. Штампы, которых она набралась тут и там, из книг, кино, телевизора, журналов.

— Я знаю, что мы еще увидимся, — сказала она, еще стоя рядом, касаясь его. — Если два человека стали частью друг друга, то их невозможно разлучить.

Вот как она говорит. Все говорят так. Преднамеренная пустота, заранее подготовленная. Как будто ему зачитывают приговор какого–то совета старейшин. Долго заседали, специально подбирали слова. Перебрасывались ими друг с другом равнодушными голосами. И, наконец, поручили ей объявить их решение. Она — их глашатай.

Теперь остается или согласиться с этой чушью, думал он, или подбросить как монету в воздух, прямо сейчас, не откладывая. Иных способов нет. Если он начнет подыгрывать, слушать ее, кивать, отвечать, пытаться что–то доказывать,

то, в конце концов, сам же просто расхохочется. Не принимаю я тебя всерьез, сказал он про себя. Сейчас я слышу то, что слышат все остальные, — легкомысленную болтовню, словесную нелепицу, которой ты их кормишь. Теперь ты кормишь меня этим вздором. Разве не так? Теперь он изливается и на меня. И я понимаю, что чувствуют люди. Всего через секунду — через какую–то долю секунды ты станешь для меня такой же, как для них. Еще немного, и я буду смотреть на тебя по–другому. Уже почти смотрю, подумал он. Как все хрупко, черт возьми.

— Лиз, сегодня утром, когда я проснулся, я немного полежал и сказал себе: я люблю Лиз Боннер.

Она спокойно выслушала его. Видимо, это было для нее чем–то само собой разумеющимся.

— Знаю, — сказала она. — Только у меня вопрос, насколько это именно так. Ночью, после вчерашнего звонка твоей жены, я думала об этом. Может быть, мы просто физически стимулировали друг друга. Так ведь может быть?

Вычитала, подумал он. В книжонке какой–нибудь, учебнике, в статье из популярного журнала, подобранного где–нибудь в автобусе.

— Секс — сложное явление, — изрекла Лиз. —

Никто ничего про это по–настоящему не знает. Что–то с тобой происходит, даже когда спишь. Когда тебе что–нибудь снится, это связано с сексом, ты это знал? То, что с тобой происходит во сне — это сексуальные символы. Мне, например, недавно приснилось длинное низкое здание, похожее на здание суда. Это символизирует женский половой орган — так написано в одной книге по психологии. Я ее читала, когда впервые вышла замуж, еще до знакомства с Чиком, и когда у меня только начиналась половая жизнь. Автор, врач, рекомендует женщинам всегда быть активными в супружеских отношениях. Он пишет, что большинство женщин фригидны, потому что не понимают, что должны активно участвовать в акте. Вот я всегда и старалась участвовать. Ну, то есть, может быть, из–за того, что я стремилась жить здоровой супружеской жизнью, я как–нибудь тебя перевозбудила или что–нибудь в этом роде. Не знаю.

— А еще что он пишет? — спросил Роджер.

— Объясняет роль различных мышц. Большинство из них находится у женщины всю жизнь в спячке, и она даже не подозревает об их существовании. Я даже их названия одно время помнила.

Лиз сделала несколько шагов по тротуару. Он

последовал за ней. Мимо в обоих направлениях спешили люди.

— Чик никогда не был в этом особенно хорош, — сказала она. — В том, что касается супружеских отношений. Ему всегда хотелось сразу же вставить, если ты понимаешь, о чем я. Ничего, что я так говорю? Я думала… Мне хотелось открыто поговорить с тобой об этом. Ему никогда не нравилась прелюдия. По–моему, так это называется. Но для женщины это крайне важно. Если женщина хочет испытать оргазм, ей это необходимо. Дело в том, что оболочка внутри у женщины в какой–то момент становится нечувствительной. Так что после проникновения она может перестать реагировать. Есть одно очень чувствительное место, только я забыла, как оно называется. Ты не знаешь?

— Нет, — ответил он.

— Это что–то вроде кости, и если войти правильно, то оно сразу же возбуждается. Его можно рукой достать. Если женщина, особенно молодая, незамужняя, хочет поласкать себя, то обычно делает это таким способом. И оно находится снаружи. Многие мужчины не знают этого, но это так. Иногда, когда все уже кончено, после оргазма, женщине невыносимо, чтобы к нему

прикасались. Как же оно называется? Начинается на «с» или на «к». Ну, не важно, если к нему прикоснуться, женщина закричит. Но у женщины (у большинства женщин) бывает много оргазмов, один за другим — у мужчин все по–другому. Так что, когда мужчина слишком быстро кончает, это несправедливо по отношению к женщине. У него уже все, а она едва успела начать. Поэтому женщина очень редко получает удовольствие от полового акта, если вообще получает.

— И что? — спросил он.

— А то, что обычно все это только для мужчины. Наслаждается только он. Женщина как бы подчиняется, чтобы сделать ему приятно. Но это неправильно. Женщина не должна этим заниматься, если самой ей это ничего не дает. Не согласен? Если она понимает, что не получает ничего, даже если хочет. Очень часто она просто не может этого. Это не ее вина. Чаще всего виноват мужчина. Все зависит от того, как он действует, и если он недостаточно бережен с ней, она, конечно же, ничего хорошего не чувствует.

На углу Лиз свернула на боковую улицу. Он держал ее за руку — она позволила ему это.

— Какое яркое солнце, — сказала она. — Нужно было взять темные очки.

Из двора на них затявкал толстенький шпиц, и Лиз, протянув руку, пошла к нему.

— Обожаю собак, — сказала она, наклоняясь. — Как тебя зовут, малыш?

— Осторожно, — предостерег ее Роджер.

Присев, она погладила собаку по бокам.

— Он меня не укусит. Видишь?

У шпица был высунут язык — маленький, красный, как у кошки, а уши стояли торчком. Лиз потрепала их.

— Он прелесть, — сказала Лиз, а Роджер пошел дальше.

На другой стороне улицы, во дворе за забором внимание Лиз привлек огромный кактусовый георгин с махровыми цветками, желтыми, густыми, размером с тарелку. Он не успел ее остановить, и она пошла через улицу. Когда он нагнал ее, она уже протянула руку через ограду и оторвала один цветок от стебля. Подметавшая дорожку у дома дородная старуха в ситцевом платье увидела кражу и побежала к ним.

— Это еще что такое? — воскликнула она. — Сейчас полицию вызову, пусть вас заберут! Это кто вам позволил цветы с чужих дворов таскать?

Лиз держала в руке георгин.

— Дай ей доллар, что ли, — попросила она

Роджера, как будто не замечая старуху. — Хочу оставить его себе. — И сказала старухе: — Он все равно уже скоро осыплется. И, послушайте, у вас их так много — целый куст.

Смущенный тем, что они привлекли внимание, Роджер заплатил старухе за цветок. Та молча схватила деньги и снова принялась мести дорожку. От ее метлы клубами поднималась пыль.

Они пошли дальше. Лиз воткнула стебель цветка под пояс.

— Ну как смотрится? — спросила она.

— Довольно мерзко так поступать, — сказал он.

— Он у нее не последний.

— Нельзя было без этого обойтись?

Лиз фыркнула, издав глубокий горловой звук. И вдруг сорвалась и побежала прочь от него.

Это у нее не получится, подумал он и бросился за ней, но она вырвалась и припустила дальше, мотая головой и молотя руками по воздуху и… упала — с криком покатилась по земле в распахнувшемся пальто, хватаясь пальцами за асфальт, упавшая сумочка раскрылась, и из нее в разные стороны разлетелись зеркальце, губная помада, документы, карандаши. Она все катилась, когда он настиг и остановил ее, прижал к тротуару.

Какая нелепость! Ужасно и нелепо — как это могло произойти? Он поднял ее, крепко прижал к себе. Лицо ее было поцарапано. На щеке сверкала капелька крови, она смахнула ее — и размазала. Глаза у нее остекленели.

— Ничего, ничего, — сказал он.

Несколько прохожих остановились и глазели на них. Он яростно махнул рукой, прогоняя их. Они ушли, но продолжали оглядываться.

Сидя на тротуаре, Роджер крепко держал ее. Она неровно дышала. Когда Лиз, наконец, подняла на него взгляд, он увидел, что лицо ее смертельно побледнело, даже царапины.

— Все будет хорошо, — произнес он и стал собирать то, что высыпалось из сумочки — кое–что отлетело довольно далеко.

Он помог ей встать и повел в ту сторону, откуда они пришли. Ее словно оглушило, он заметил, что она хромает. Наверно, сильно ушиблась, подумал он.

— Умыться бы, — сказала Лиз и, нагнувшись, дотронулась до ступни. — Кажется, каблук отлетел.

Она сняла туфлю и подняла ее. Каблука не было, и Роджер нигде его не видел. Наверно, улетел в сточную канаву.

— Сниму я их, — сказала она.

Опершись на Роджера, ухватившись за него пальцами, Лиз сняла обе туфли.

— А вон там не он? — показала она взглядом. — У стены.

Роджер поднял каблук — это действительно оказался он. А Лиз уже сняла и чулки и положила их в сумочку. И пошла босиком — медленно, оцепенело.

— Георгин, кажется, потеряла, — рассеянно заметила она.

Он вернулся с ней на торговую улицу, и они отыскали обувную мастерскую. Внутри, у станков, парень в синей форме пришивал подошву к полуботинку. В мастерской скрежетало и грохотало.

— Пару минут обождите, — сказал парень.

Лиз села на один из стульев с матерчатым сиденьем и хромированными ножками, поближе к пепельнице.

— У тебя есть сигарета? — спросила она у Роджера дрожащим, усталым голосом.

Он прикурил сигарету и вложил ей в руку.

— Странно, да? — помолчав, сказала она.

— Что? — спросил он, раздражаясь.

— То, как мы нашли друг друга. Ты привез своего мальчика, чтобы устроить его в школу…

Там оказались мы с Чиком, смотрели, как они играют в футбол. Никогда прежде друг о друге не слышали… А теперь — не разлей вода. Нас ничто не разделяет и не может разлучить. А еще месяц назад мы и знать друг друга не знали.

Роджер промолчал. Что он мог на это ответить? Дура она, подумал он. Да, в этом нет сомнений.

— Как ты думаешь, что нас свело? — спросила Лиз.

Он услышал свой голос как бы со стороны:

— Ничто нас не сводило. Мы сами встретились.

— Тебе не кажется, что за нами наблюдает какая–то Сила?

— Да нет. С чего бы это ей наблюдать за нами?

Поразмыслив, она опять спросила:

— Ты веришь в то, что в мире существует всего одна душа?

— Нет.

Парень выключил свой станок и бодро поспешил к ним.

— Извините, что заставил ждать. А вы, женщина, уже и туфли сняли, приготовили. — Он взял у Лиз туфлю со сломанным каблуком и осмотрел. — В решетку попали? На днях одна женщина в решетку на тротуаре каблуком угодила. Могу

прямо сейчас починить, семьдесят пять центов будет стоить.

Не дожидаясь ответа, он скрылся у себя за прилавком и принялся стучать молотком, забивая мелкие гвозди.

— Что собираешься делать? — спросила Лиз. — Тебе решать.

— Я хочу, чтобы все продолжалось, — ответил Роджер.

— Я тоже, — сказала она. — Это того стоит. Я знаю, что я чувствую и что ты чувствуешь ко мне. На все остальное мне наплевать. Даже на то, знает она или нет. В каком–то смысле я даже рада, что она знает. Глупо, да?

— Да нет, — солгал Роджер, желая продолжения и понимая, что если ему действительно этого хочется, то придется слушать ее и верить ей.

— Ты готов рисковать? — спросила Лиз. — Может быть, она расскажет Чику. Он, скорее всего, убьет меня. Или тебя. А, может, обоих. А суд его оправдает.

— Не думаю, что он кого–то убьет, — сказал он.

— Ты ведь не боишься его? Знаю, не боишься. Иначе бы в это не ввязался.

— И не думаю, что она ему что–нибудь скажет.

Лиз встала и, покачиваясь, затушила сигарету в

пепельнице. Потом очень медленно и осторожно босиком подошла к парню, колотившему молотком по туфле, и сказала ему:

— Мы с этим человеком переспали прошлой ночью.

Парень, не отрываясь, лихорадочно работал. Возможно, он слышал весь разговор.

— Перестань, — вставая, сказал Роджер. — Он-то тут при чем?

Лиз вернулась на место.

— Хочу, чтоб он знал, — объяснила она. — Да он и так знает. — Повернувшись к парню, она спросила: — Ты ведь и так уже знал?

Парень погрузился в работу и не обращал на нее внимания. Молоток яростно стучал по каблуку.

— Почему мы должны прятаться? — сказала Лиз, садясь. После падения состояние оцепенения так и не покинуло ее. — Пусть знают. Да они и так знают. Я пойду вместе с тобой в твой магазин.

— Нет, — сказал он.

Отремонтировав туфлю, сапожник вышел из-за прилавка, вытирая руки о фартук.

— С вас семьдесят пять центов, — сказал он, глядя мимо них.

Парень покраснел и немного нервничал. Сунув туфлю Роджеру, он пошел обратно.

— Спасибо, — сказала ему Лиз. — Я вам благодарна.

Она надела одну туфлю, потом другую.

— Отлично, — сказала она Роджеру.

Обувшись, она взяла сумочку и направилась к выходу. Роджер порылся в карманах, нашел доллар и отдал его парню.

— Спасибо, — сказал тот, взглянув на него и судорожно сглотнув.

Лиз, стоя у двери, спросила:

— Отчего ты так смутился?

Парень опустил глаза и резко включил один из станков.

Но она вернулась к нему.

— Почему нам нельзя спать вместе? — спросила она у парня. — Мы любим друг друга. Разве не это главное? У меня двое детей, и у него маленький сын, прелестный мальчуган. Что нам остается? Пожениться мы не можем — поженились бы, если бы могли. Мы не виноваты.

Роджер взял ее за руку, но она высвободилась.

— Постой, — сказала она. — Хочу у него спросить. Что он видит тут такого дурного? — И обратилась к мальчишке: — Ты когда–нибудь спал с девушкой? Было ведь дело, да? Ты ведь не был на ней женат? Так чего же ты нас винишь

за это, а себя нет? Последовательным нужно быть. — Потом обратилась к Роджеру: — Он непоследователен. А это единственное, чего я от него хочу. Думать он может все, что угодно, но не нужно противоречить самому себе: мы ничем не отличаемся от других. Все так поступают. Тогда, значит, все виноваты. Так, да? Может, это и имеется в виду, когда говорят о первородном грехе?

Парень ушел из–за прилавка в глубь мастерской. Лиз последовала за ним.

— Мне просто хочется у тебя спросить, — сказала она. — Понять хочется, вот и все. Ты не можешь мне ответить? Разве ты не переспал бы со мной, если бы у тебя появилась такая возможность? В этом есть что–то дурное?

Парень не отвечал. Роджер вывел ее из мастерской на улицу.

— Это нам в наказание, — сказала Лиз. — Это то, чего мы заслужили. Мы потеряли с ними всякий контакт, да? Мы живем с ними в разных мирах. Они не слышат нас, а мы не слышим их. Этот мальчик ни слова не услышал из того, что я сказала. Я могла бы с таким же успехом говорить все, что угодно. Он полностью закрылся.

— Он тебя услышал, — сказал Роджер, думая о том, что обувная мастерская находится всего в

паре кварталов от его магазина.

— Нет, — не соглашалась Лиз. Они шли по тротуару. — Ничего он не услышал. Останови любого — меня не услышат.

— Не надо, — сказал он.

— Ты ведь не передумал? — спросила она. — Ты ведь хочешь продолжения?

Он кивнул.

— Просто хочется точно знать, — объяснила она.

Роджер не понимал, что с ней делать, когда она такая. Ему нужно было возвращаться в магазин, но он боялся оставить ее. И все же они не могли так торчать на тротуаре, нужно было куда–то двигаться, на что–то решаться.

— Я лучше пойду домой, — сказала Лиз. — Мне не следует быть здесь, находиться в этом районе. Но надо зайти в ювелирный магазин, а то Чик будет допытываться, чем я сегодня занималась. Он может позвонить домой, пока меня там нет, и нужно будет что–то сказать. Лучше не ходи со мной в ювелирный. Там нас видели вместе с Чиком. Я заберу часы, пойду домой и буду ждать тебя.

— Слишком рискованно, — заколебался Роджер.

— Что? А, тебе заходить в наш дом? Да, теперь это слишком рискованно.

— Позже, — сказал он.

— Да, — согласилась она. — Правильно. Объясни. Ты хочешь отложить все на неопределенное будущее?

— Нет. Я не это имею в виду.

— Это, — упрямо сказала Лиз. — Ты имеешь в виду, что хочешь все отложить на неопределенное будущее.

Он молчал.

— А если бы я не пришла? Ты бы меня нашел?

— Да, — сказал он.

Выгнув брови, она всматривалась в его лицо.

— Ты что, пытаешься со мной за что–то расквитаться? Я не виновата в том, что Чик явился в твой дом и твоя жена узнала, где ты был.

— Знаю, — ответил Роджер.

— Ты не можешь сказать мне, что происходит у тебя в голове? Я не хочу от тебя уходить и не хочу, чтобы ты ушел от меня. Давай попробуем, может, у нас получится.

Она вся спряталась в пальто, как нахохлившаяся птица.

— Конечно, давай, — сказал он. — Но нужно быть осторожными.

— Ну, я не понимаю. Как знаешь. Я не могу заставить тебя делать то, чего ты — как сам же сказал — хочешь. — Она медленно пошла прочь от него. — Может быть, позвонишь как–нибудь.

— Я считаю, что я прав.

— Да ты, наверное, и не позвонишь, — сказала она. — Но я все равно буду думать о тебе. — У нее задрожал голос. — Удивительно. Вначале ты ничего не сказал.

— Я тебе позвоню, — сказал Роджер, нагнал ее и обнял одной рукой.

Лиз прижалась к нему, потом крепко обняла и поцеловала. Из седана «Меркьюри», в котором ехала компания подростков, громко засвистели, просигналили и замахали руками. Она отпустила его и серьезно посмотрела ему в глаза.

— Дети, — сказал он.

— Ты прав. Я знаю, что ты прав. Я пришла сюда, чтобы в последний раз увидеться с тобой. Я хочу снова увидеть тебя, но не могу. Береги себя, обещаешь?

— Да, — сказал он и, расставшись с ней, пошел к своему магазину.

Вокруг прилавка столпились клиенты, закрывая собой Пита. Роджер почувствовал себя виноватым. Это же его собственный магазин.

— Извините, — сказал он, вставая за прилавок.

Пит, пробивая чек на продажу настольного радиоприемника, сказал:

— Эта женщина хочет забрать свое радио. Вот номер.

Он передал Роджеру квитанцию.

Обслужив клиентов, Роджер стал перебирать у кассы ярлыки — он включился в работу.

— Хорошо за час наторговали, — сказал он Питу. — Олсен внизу?

— Вышел, — ответил Пит, занося в книгу продажу радиоприемника. — Кофе пьет.

В дверях появилась пожилая дама с объемистой матерчатой хозяйственной сумкой.

— Это вы радиомастер? — спросила она у Пита. — Мне тут радио надо починить. — Она принялась расстегивать сумку. — Взяло и заглохло. Тринадцать лет верой и правдой служило, не понимаю, чего это оно вдруг. Может, проводок оборвался.

Или по голове твоей диплодок прогулялся, сказал про себя Роджер. Он помог ей вытащить приемник из сумки и включил его в сеть. Пит принес из шкафа в глубине магазина веник и принялся подметать пол.

— Боюсь, вам придется его оставить, — сказал

Роджер. — Сейчас выпишу ярлык.

Он снял с ручки колпачок и вписал в верхнюю часть ярлыка дату.

— Боже мой! Я без него пропала — как же я буду слушать новости?

Когда пожилая дама ушла, он сказал Питу:

— В витрине валяются дохлые мухи. А табличка перед 21–дюймовым «Эмерсоном» лежит лицом вниз. Может, достанешь, не сдвигая остальное?

— Хорошо, — подчинился Пит, продолжая мести пол. — Послушай, вид у тебя сегодня как с похмелья. Сходил бы ты в финскую парилку, что ли, посидел бы там. Сразу поправишься.

Зазвонил телефон. Пит прислонил веник к стене, подошел и взял трубку.

— «Современные телевизоры», — сказал он.

В магазин вошла молодая пара и остановилась перед стеллажом с телевизорами «Вестингауз».

— Доброе утро, — поздоровался с ними Роджер. — Показать вам что–нибудь?

Он очень старался, но безуспешно. Молодые люди поблагодарили его, сказали, что вернутся и купят телевизор в корпусе цвета слоновой кости или незатейливом пластмассовом, и ушли, прихватив несколько рекламных буклетов.

— Время только отнимают, — бросил Пит, снова

принимаясь подметать пол.

К одиннадцати часам, съев булочку и выпив кофе в аптечном магазине «Рексолл», вернулся Олсен. Проходя мимо Роджера, он показал назад большим пальцем и сказал:

— Там один старый пердун хочет тебя видеть — этот сосед, старикан.

— Джул Ним, — сказал Пит. — Я видел, он там крутился чего–то.

— Меня? — отозвался Роджер и подумал: «Боже, только этого еще не хватало».

— Опять садовые качели, — сказал Пит. — Закатывай рукава, за работу.

Положив пиджак под прилавок, Роджер направился в соседний аптечный магазин. У буфетной стойки, крупный и неопрятный, сидел и поедал сэндвич с ростбифом Джул Ним. Верхняя пуговица на его ширинке была расстегнута, за ворот рубашки была заправлена бумажная салфетка, свисавшая как слюнявчик. Увидев Роджера, он жестом пригласил его сесть на свободный стул рядом с ним.

— Здравствуйте, друг мой, — улыбаясь ему, сказал Ним.

— Добрый день, Джул, — ответил Роджер.

— Как у вас дела?

— Да ничего, — сказал Роджер. — В общем, неплохо.

— По–разному бывает, да? Никогда не знаешь, что будет. Я считаю, нужно радоваться тому, что мы имеем. Не стоит заглядывать слишком далеко вперед, надо сейчас наслаждаться. — Ним откусил от сэндвича и заговорил с набитым ртом: — Вот так, мистер Линдал. Это мы знаем, но что еще мы знаем? Вот, говорят про небеса, про жизнь после смерти. По–моему, лучше об этом не беспокоиться. Жизнь коротка. Мы мучаем себя мыслями об этом, как будто у нас и без того не о чем волноваться. Страданий у нас в жизни и так хватает. Винить себя бесполезно. Нас мучает мир, из–за этого мы мучаем сами себя. Надо же — какого мы о себе плохого мнения, раз ведемся на это. Наверно, мы соглашаемся, что окружающие про нас говорят правду. Мы не чувствуем себя достойными счастья, а когда вдруг получаем его крупицу, то нам кажется, что мы украли что–то чужое.

Слушая старика Нима вполуха, Роджер вертел в руке сливочник, который официантка поставила на стойку.

— Доброе утро, мистер Линдал, — поздоровалась хорошенькая официантка в красной блузке

и крошечной белой шляпке. — Как сегодня идут дела?

— Прекрасно, — ответил он.

— Что закажем сегодня?

— Кофе, — сказал Роджер, доставая десятицентовую монету.

Ним остановил его.

— Мистер Линдал, позвольте мне заплатить.

Роджер пожал плечами:

— Спасибо.

— Вы какой–то грустный сегодня, — сказал Джул Ним, когда официантка ушла. — Что там вас ни гложет, надеюсь, все это окажется несерьезным. Вы достойнейший человек, мистер Линдал. Поверьте моим словам. Я знаю, как вы ведете дела, как относитесь к своим работникам и клиентам. В нашем районе вас все очень уважают. Если я чем–то могу помочь вам, вы только скажите. Вы для меня большой авторитет, я очень вам доверяю. Говорят — я иногда слышу такое, — что в каждом человеке много хорошего, но я с этим не согласен. По мне, вот так брать на себя роль судьи — это ужасно. Судить всех по заранее изготовленной мерке, как будто люди способны отличить хорошее от плохого. Человек сам для себя должен определять, что для него лучше. И те,

кто любят его, если они действительно его уважают, дают ему право самому принимать решение. Знаю, религиозные люди так не считают, а жаль. Человек важнее, чем разные теории нравственности. Знаете, в юности я увлекался философией. Вам не приходилось читать великого мыслителя Спинозу? Он где–то пишет о процессии музыкантов — уличном оркестре, который — ну, как это происходит на Юге — проходит мимо похорон. И музыка этого оркестра… — и он продолжал свою бессвязную речь.

Принесли кофе, и Роджер машинально взял чашку, не обращая внимания на чудаковатого старика, сидевшего рядом.

— В моем магазине, на задах, довольно большое пространство — там, где мы храним товар, — сообщил Ним, допивая стакан пахты. — Это целый отдельный мир. Туда, кроме меня и жены, никто не заходит, да и сами мы так заняты, что редко бываем там. Помню, как–то раз захожу, а там кошка спит на мешках с семенами трав. Не знаю, как уж она пробралась в магазин. Мы и не замечаем, кто там заходит и выходит. Хотят зайти — пускай заходят. — Он наклонился к самому лицу Роджера и заговорил тише, почти шепотом: — Давайте зайдем ко мне в магазин вместе, мне пора возвра-

щаться. — Вытерев губы, он отодвинул пустую тарелку и встал с высокого стула. — На минутку. Хочу вам кое–что показать. Я сказал вашему мастеру, что хочу поговорить с вами. Я вас видел, когда проходил мимо вашего магазина, но вы были заняты — разговаривали с молоденькой парой, и я не стал заходить. Не хочу долго отсутствовать. Не знаю, сколько она там еще пробудет. Она пришла такая расстроенная. Но моя жена ее успокоила. Думаю, сейчас ей намного лучше. Она не хотела заходить в ваш магазин, чтоб у вас не было неприятностей. Вот и зашла к нам и объяснила ситуацию — не все, конечно; просто, что хотела увидеть вас на минутку, но не могла зайти в ваш магазин или посчитала, что не может. Ну, я и сказал ей посидеть, пойду, мол, схожу за вами.

Положив тяжелую ручищу на плечо Роджеру, он повел его от стойки к двери, дыша ему в затылок пахтой.

— Как ее зовут? — спросил Ним, когда они вышли на тротуар и направились к магазину садовой мебели. — У нее мы не стали спрашивать. Не хотите — не говорите. Нет, наверно, не надо.

Чуть задержавшись у своего магазина, Роджер жестом показал Питу, что идет к Ниму. Пит подмигнул и изобразил, как поднимает что–то

тяжелое.

— Очень красивая женщина, — сказал Ним.

— Да, — подтвердил он.

— У нее очень приятное лицо. Заходите.

Ним открыл дверь своего магазина, и Роджер вошел.

В глубине, за перегородкой, на одной из качелей Нима, положив руки на колени, сидела Лиз. Радом лежала ее сумочка. Едва увидев Роджера, она вскочила на ноги и с ходу бросилась к нему. Она сразу как будто выросла и с распростертыми объятиями кинулась ему на шею.

— Ну пожалуйста! — проговорила она.

— Зачем же ты сюда–то пришла? — спросил он.

— Пойти домой мне было невмоготу.

Она выглядела напряженной как струна. Он поразился тому, как исказились черты ее лица.

— Знаю, это ошибка, — сказала Лиз, — но мне все равно. К черту ее. И Чика к черту, и мальчишек, все пошли к черту. Ты ведь тоже так считаешь, правда?

«Черт», — подумал Роджер.

— Это что, дурно? — продолжала она. — Я люблю тебя. Все они как будто ушли куда–то на задний план. Я знала, что мне нужно вернуться.

А они — где–то там, как вон те люди.

Лиз говорила о прохожих за окном, машинах, автобусах, конторских зданиях, магазинах.

— Даже мои дети, — сказала она. — Мне сейчас нет дела даже до Джерри и Уолтера. А тебе есть дело до твоего магазина? Все это ничего не значит. Я никогда в жизни не чувствовала ничего подобного. Это что–то удивительное.

— Ты будешь дома?

— Да, — сказала она. — Оставшуюся часть дня я буду дома.

— Что, если я приду после двенадцати?

— Очень хорошо, — сказала Лиз и отстранилась. — Что ж, тогда увидимся. Через пару часов.

Роджер смотрел, как она поспешно выходит из магазина садовой мебели Джула Нима, смотрел, пока она не скрылась из виду.

Да, к черту их, думал он. К черту мою жену Вирджинию с ее матерью миссис Уотсон, к черту твоего мужа Чика и твоих двоих сыновей Уолтера и Джерри. Я согласен с тобой. К черту их всех, даже моего сына Грегга, — семью, друзей, вещи, магазин, наши жизни, планы, которые мы строили, все, что у нас было и о чем мы мечтали, все, кроме вот этого.

Но они–то нас настигнут, грустно подумал Род-

жер. Ты, дурочка, глупышка, и не понимаешь этого. А я понимаю. Они все вернутся.

Глава 20

Придя домой, Вирджиния положила на тарелку домашний сыр и взяла консервированные груши. Посидев за кухонным столом, она убрала в раковину посуду, оставшуюся после завтрака. Потом позвонила знакомой по имени Рей Фелпс — они вместе когда–то отдавали детей в детский сад. Имя миссис Фелпс было написано на отпечатанной гектографом карточке, заложенной на первых страницах телефонного справочника.

— Хотела попросить у вас машину на сегодня, — сказала Вирджиния. — Если можно.

В ухо ей пророкотал голос миссис Фелпс.

— А мне на чем ездить? Не хочу показаться невежливой, но мне нужно отпрысков своих в школу отвезти, потом забрать и по магазинам проехаться. А так — дала бы без вопросов.

— Можете взять у меня на день мой «олдс», — предложила Вирджиния.

— Не поняла, — удивилась Рей Фелпс.

— Мне это нужно для одного дела, — объяснила она. — Не хочу ехать на «олдсе».

Ее знакомство с Рей Фелпс было сугубо шапочным, и она даже не помнила ни цвета, ни марки

ее машины. Помнила только, что машина была большая и относительно новая.

— Бред какой–то, — с присущей ей прямотой сказала миссис Фелпс. — Но раз вы хотите махнуться машинами, я не возражаю. Заедете?

Вирджиния поблагодарила ее и повесила трубку.

Затем она переоделась в костюм, который Роджер ни разу не видел — темно–синий, с белым воротником. Надела перчатки, маленькую шляпку, чулки, туфли на высоком каблуке, а вещи из сумки, которую обычно носила, переложила в подаренную Мэрион блестящую черную кожаную сумочку, с которой никогда еще не ходила.

«Он позвонит сюда, — сказала она себе. — Чтобы убедиться, что я дома».

В начале двенадцатого зазвонил телефон.

— Здравствуй, — ответила Вирджиния.

— Привет, — угрюмо откликнулся Роджер.

— Ты застал меня на пороге, — сказала она. — Я как раз собралась ехать за Мэрион.

— Хотел узнать, не оставил ли я дома книжку с ярлыками. Здесь одной не хватает.

Она походила по квартире, поискала.

— Нет, нигде ее не вижу.

— Ну ладно, — сказал он. — Наверно, здесь где–

то затерялась. Спасибо.

Едва положив трубку, Вирджиния выскочила из дома, села в «олдс» и поехала к Рей Фелпс, которая жила примерно в миле или чуть дальше от ее дома. Там она передала миссис Фелпс свой «олдс» и получила в обмен хорошо навощенный темно–зеленый «Империал».

— Я осторожно поеду, — сказала Вирджиния, забеспокоившись.

— Не волнуйтесь, она застрахована, — успокоила ее миссис Фелпс.

Это была высокая, доброжелательная, энергичная женщина. Похоже, она была совсем не против уступить на время свою машину.

— Что бы вы там ни затеяли, надеюсь, все у вас получится, — сказала она. — Что, вечеринка с сюрпризом?

— Да, — ответила Вирджиния.

«Империалом» оказалось удивительно легко управлять. Она доехала по скоростной автостраде до промышленной части города, а потом и до хлебозавода «Бонни Боннер Бред». Видела она его в первый раз, и он впечатлил ее своими размерами.

— Я хотела бы поговорить с мистером Чарльзом Боннером, — сказала она девушке в приемной и

назвала свое имя.

Через минуту девушка пригласила ее:

— Да, миссис Линдал. Мистер Боннер у себя и просит вас пройти к нему. Сразу направо, вот эта дверь.

Вирджиния вошла в кабинет Чика.

— Добрый день, — сказала она.

— Какой сюрприз! — воскликнул Чик, вставая из–за металлического стола, на котором лежали отпечатанные на ротаторе отчеты и стояла пишущая машинка.

— Я только на секунду. Ваши проекты здесь? — спросила она, в то же время думая: «Не дай бог, они и правда здесь».

— Нет, — ответил он. — Они дома.

— Хочу показать их нашему доверенному лицу, — сказала Вирджиния. — Мне захотелось, чтобы он их посмотрел.

Лицо Чика расплылось в довольной улыбке.

— Отличная идея, Вирджиния. То есть прямо сейчас?

— Где у вас телефон? — спросила она. — Я позвоню, узнаю, на месте ли Лиз. Если она дома, я заеду и возьму их. Мистер Шарпантье ждет меня, а уже почти двенадцать.

— Звоните, — сказал Чик и подвинул к ней те-

лефон. — Она должна быть дома, если не уехала за покупками.

Пока Вирджиния набирала номер, Чик вертелся поблизости. Она звонила себе домой. Конечно же, никто не ответил. Она подождала, чтобы он услышал гудки.

— Черт, — сказал он. — Понятное дело, Лиз где–то носит. Небось с какой–нибудь соседкой языки чешут.

— Так, — проговорила Вирджиния, кладя трубку, — наверное, мне с Шарпантье надо на другой день договориться на этой неделе.

Засунув руку в глубь кармана брюк, Чик сказал:

— А что, если я дам вам ключ? Можете их забрать: они в гостиной лежат, на журнальном столике.

— Хорошо, — согласилась она и посмотрела на свои часы.

По расчетам Вирджинии, у нее оставалось совсем немного времени. Взяв у Чика ключи, она вышла из здания компании «Бонни Боннер Бред», села в «Империал» и поехала по деловому району, пока не увидела мастерскую по изготовлению ключей. Там ей за тридцать пять центов сделали дубликат ключа от входной двери Чика.

Затем она вернулась на хлебозавод и вернула ключи Чику.

— Я не застала мистера Шарпантье, — сказала она. — Он уже ушел на обед.

— Ой, жаль, — вздохнул Чик.

— Попрошу его на другой день встречу назначить.

— Я смотрю, у вас уже вполне серьезные намерения! — заметил Чик. — Это еще вчера было видно, когда вы выходили из магазина. Вы боялись проговориться… — Он улыбнулся. — Это наложило бы на вас обязательства. Я прав?

— Правы, — сказала Вирджиния, попрощалась и вышла из здания.

В полдень она заехала за Мэрион.

— Что это? — спросила ее мать, рассматривая машину, когда они уже были в пути. — Ты избавилась от «олдса»?

— Эту машину я взяла на время, — сказала Вирджиния. — Послушай меня. Мы не поедем в центр, я передумала.

— Чего это ты так разоделась? Выглядишь просто великолепно. Не помню, чтоб ты так когда–нибудь наряжалась. Почему ты всегда так хорошо не одеваешься? На твоем фоне я чувствую себя оборванкой. — Миссис Уотсон заметила

сумочку. — Эту сумочку я тебе подарила, но ты никогда ее не носила. Я все ждала, когда же ты наконец извлечешь ее из шкафа. Чудесно идет к твоему синему костюму. Я его когда–нибудь видела?

— Мы заедем ненадолго в магазин, — сказала Вирджиния. — Тебе не нужно ничего делать, я просто хочу, чтобы ты была со мной.

— Что стряслось? — Мать уставилась на нее. — Джинни, посмотри на меня. В чем дело?

— Не могу я на тебя смотреть, — огрызнулась та. — Я за рулем.

— У тебя неприятности из–за этой женщины? Этой Лиз Боннер?

— Мне просто нужно, чтобы ты была рядом, — сказала Вирджиния.

— Я имею право знать, что происходит, — настаивала миссис Уотсон.

— Обойдешься. Будешь просто сидеть и смотреть. И все. Делай, как я сказала, поняла?

— Боже мой, Вирджиния! — воскликнула ее мать.

Поставив машину напротив магазина на другой стороне улицы, Вирджиния повернула зеркало заднего вида так, чтобы было видно вход. В погрузочной зоне стоял знакомый грузовик.

— Он на нем поедет, — сказала она.

«Слава богу, он еще здесь», — подумала она. Как всегда, по уши в делах.

— Он с ней встречается? — спросила миссис Уотсон.

Вирджиния не ответила.

В половине первого Роджер появился в дверях магазина с шасси телевизора. Погрузив его в машину, он вернулся и скоро вышел еще с одним шасси.

— Сейчас поедет, — сказала Вирджиния.

— А что это за механизмы он выносит?

— На развозку, — ответила она. — Знаешь, оказывается, можно запросто получить ключ от дома любого человека, достаточно попросить. Нужно просто сказать, что ключ нужен тебе.

Вирджиния вынула ключ от дома Боннеров из сумочки и положила его на пол машины, рядом со своей правой ногой так, чтобы его можно было немедленно схватить.

— Ты меня удивляешь, — сказала ее мать с обидой и беспокойством в голосе.

Вирджиния закурила и продолжала наблюдать. На душе немного отлегло — увидев грузовик, она почувствовала некоторое облегчение. В магазине Роджер переговаривался с Питом. Он просмотрел

большую табличку со списком развозок по домам и позвонил кому–то с телефона у кассы.

— Почти готов, — сказала Вирджиния.

«Со мной такого не будет, — мысленно заклинала она себя. — В мои планы не входит закончить так, как она».

В Вашингтоне в один прекрасный день к ним зашла Тедди. Они услышали голоса в коридоре, и Роджер, вскочив, бросился к двери. Сначала она не поняла, кто такая Тедди, поздоровалась с ней, решила, что это просто его знакомая, сказала, какая прелесть ее маленькая девочка. Роджер вдруг так погрустнел, что она, опустившись на колени рядом с ребенком, сразу поняла, что это его дочь, а Тедди — бывшая жена, с которой он тогда разводился.

— Хотелось увидеться с вами, — сказала Тедди.

У нее были тонкие как спички ноги — смотреть не на что, она по–утиному, вширь расставляла плоские ступни. Голос у нее был пронзительный, с дочкой она говорила монотонно и как будто обвиняла ее в чем–то — и Вирджинии, и девочке было от этого не по себе. Так вот на ком он женился. Вот она.

Потом она сказала Роджеру:

— Что ты в ней мог найти?

— Не знаю, — угрюмо пробормотал он.

Какая противная, подумала она тогда. Уж не видит ли он чего–то подобного и во мне? Неужели ему это нужно?

— Ему такие нравятся, — сказала Вирджиния матери. — Вернулся, куда его всегда тянуло. Он с такими, как Лиз, путался, когда на верфи работал и в WPA, а, может, и раньше, в Арканзасе.

И из–за такой он готов все оставить, подумала она. И меня.

— Ты что, просто бросил ее? — спросила она его тогда.

— Нет, — сказал Роджер. — У нас все разваливалось. Мы пришли к соглашению.

— Но она хочет, чтобы ты вернулся.

— Нет.

— Конечно, хочет. Поэтому и зашла. Закинула удочку — нельзя ли заставить тебя передумать. Жалеет, что дала тебе развод, чуть не произнесла это вслух при мне.

Он повторил:

— Мы пришли к соглашению.

— А ребенок? — возмущалась Вирджиния. — Да ты просто удрал от них. Интересно, ты и от меня можешь так уйти?

Она почувствовала холодный запах снега, льда,

вод Приливного бассейна, холмов и лесов по берегам Потомака, увидела деревья на Пенсильвания–авеню, большие дома, цветную прислугу в пальто и красных хлопковых косынках, едущую утром в автобусе на работу, городской оркестр в Мэриленде, марширующий вечером по улице и оставляющий своих музыкантов в разных домах, заборы из белого штакетника, духоту лета.

— Он просто сбежал от нее, — сказала она матери. — Так они и делают. Всегда. Это в их природе.

— Я тебя предупреждала, — сказала мать.

— Как он смеет так поступать со мной? — негодовала Вирджиния. — И ради кого? Я знала, что рано или поздно с ним это случится, когда ему приспичит.

Роджер, наконец, вышел из магазина и остановился, щурясь от яркого солнца. Он снял очки, надетые на нос, протер их платком, обвел взглядом улицу и сел в кабину грузовика.

— Поехали! — сказала Вирджиния и включила двигатель «Империала»; он заурчал и заглох. Чертыхнувшись, она завела его снова. — Не знаю эту машину — я ее у Рей Фелпс взяла. Надеюсь, справлюсь.

— Ты поосторожнее, Джинни, хорошенько подумай, что делаешь. Может, ты слишком торо-

пишься? Ну, крутит он с этой Лиз Боннер, и что? Пойдешь к адвокату да в два счета получишь развод, ты же знаешь. Зачем тебе вся эта канитель?

Вирджиния дала задний ход с парковочного места и поехала за грузовиком.

— Он не видит тебя? — спросила миссис Уотсон.

— Эту машину он не знает, — ответила она.

Кроме того, ей было известно, что из грузовика плохо видно в зеркало заднего вида.

Почти час грузовик мотался по городу, по одним домам развозя шасси телевизоров, из других забирая. Уж не ошиблась ли она?

— Он работает, — сказала миссис Уотсон. — Делает, что ему положено. А вот ты чем занимаешься?

«Жду», — сказала она про себя.

— Как ты достала этот ключ? — спросила миссис Уотсон. — Это что, правда ключ от ее дома?

«Надеюсь, — подумала Вирджиния. — Вот будет смеху, если он окажется ключом от их гаража». Но человек, выдававший ей заказ в мастерской, заверил ее, что из всего, что висело на кольце, этот был единственным ключом от входной двери, из всей связки только он подходил к американскому автоматическому замку.

— По-моему, ты совсем сбрендила, — сказала миссис Уотсон. — Я не удивлюсь, если окажется, что в сумочке у тебя пистолет. Про такое пишут в газетах. Не понимаю, как можно так опускаться.

— Мне нужно застукать его, — объяснила Вирджиния. — Иначе он всегда будет отпираться. Никогда не признается.

— Ну и что с того?

Она не ответила.

В два часа грузовик повернул в сторону Сан-Фернандо. Проехав большую часть пути, он остановился на заправке «Стэндард». Роджер вышел, размял ноги и направился в туалет. Потом вошел в помещение станции и позвонил с автомата.

— Звонит, — прокомментировала Вирджиния, следя за ним из машины.

— Он просто хочет узнать в своем магазине, не изменился ли маршрут, — сказала миссис Уотсон. — Ему не хочется зря тащиться в такую даль.

«Наверное, так и есть», — подумала Вирджиния.

Вернувшись в грузовик, Роджер снова выехал на дорогу. Она последовала за ним, держась на большом расстоянии. Потом, на перекрестке,

она его упустила. Ей пришлось остановиться на красный перед самым светофором. Грузовик неторопливо скрылся за углом.

— Ну и что? — завопила ей в ухо миссис Уотсон. — Надо же было вот так его упустить! Что ты натворила!

Когда загорелся зеленый, Вирджиния повернула направо и поехала прямиком к дому Боннеров. Она припарковалась на поперечной улице между двумя машинами.

— Сейчас явится, — пообещала она.

Через пять минут мимо них проехал и остановился где–то поблизости грузовик Роджера. Они с матерью смотрели из «Империала», как он идет по тротуару, бросая взгляды по сторонам, в сторону дома Боннеров. Когда он поднялся на крыльцо, дверь немедленно открылась, и он вошел. Дверь тут же захлопнулась.

«Ну, все», — сказала Вирджиния сама себе.

— Поехали, — произнесла она вслух, завела машину и выехала на улицу.

— Мы уезжаем? — удивилась мать.

— Да, — сказала она.

— А как же ключ? Зачем нужно было делать этот ключ, если ты никак им не воспользуешься?

— Не хочу, — ответила Вирджиния, отъезжая

от дома Боннеров.

— У тебя есть ключ, ты знаешь, что они там, ты сама сказала, что тебе нужно застукать его.

— Хорошо, — передумала она.

На перекрестке Вирджиния развернулась. Спавшая на улице собака вскочила и застыла в недоумении. Она поехала обратно.

— Ты войдешь со мной? — спросила она. — Одна не хочу.

— Зайду, — согласилась мать. — Вообще–то мне это не нравится, но думаю, что я должна.

Вирджиния припарковалась, проехав несколько домов. Некоторое время она неподвижно сидела.

— Нам надо поторопиться, — сказала ее мать. — А то уйдет.

Они открыли дверцы с обеих сторон.

— Не хлопай, — прошептала мать, тихо закрывая свою дверь. — Нельзя, чтобы они поняли, что это ты.

Оставив дверь машины открытой, Вирджиния пошла к дому Боннеров.

— Ключ взяла? — спросила мать.

— Нет.

Она вернулась к машине и подняла ключ с пола.

— Ну, давай, не бойся, — подбодрила ее мать.

А Вирджиния и не боялась. У нее закружилась голова, как будто она поплыла. В детстве с ней такое бывало, когда она поднималась по ступенькам на сцену цокольного актового зала.

— Такое чувство, как будто речь сейчас буду произносить, — сказала она. — Патриотическую какую–нибудь.

Она засмеялась.

— Не волнуйся, — сказала мать. — Просто входи, и все.

Вирджинии стало смешно. Она остановилась на дорожке.

— Не могу я, — сказала она, все еще смеясь. — Прости, но как–то нелепо это. Заходи, если хочешь.

Выхватив у нее ключ, миссис Уотсон заявила:

— И войду. Еще как войду.

— Постой, — остановила ее Вирджиния. — Не хочу, чтобы ты в это вмешивалась.

Она отняла у нее ключ, взошла по ступенькам и отперла входную дверь. Таща за собой мать, она вошла в дом. В гостиной было темно и прохладно, занавески на окне были задернуты. Ей показалось, что в комнате беспорядок, пахло деревом. «Откуда этот запах?» — подумала она и вспом-

нила про камин. Рядом с ним лежали дубовые дрова. В камин была брошена пачка подлежащих сожжению газет и журналов.

Из коридора вышла Лиз с открытым ртом и вытянувшимся, застывшим от испуга лицом.

— Я в сад выходила, — сообщила она. — Что вам нужно?

На ней была нижняя часть шерстяного купального костюма, а сверху она набросила рубашку. Она стояла босиком. Полы рубашки свисали почти до колен, а между пуговицами Вирджиния увидела загорелую кожу. Под рубашкой у нее ничего не было, она даже не застегнула ее до конца. Ее ноги блестели от пота.

— Туда я не хочу входить, — сказала Вирджиния Лиз. — И не пойду.

— Куда? — слабым голосом спросила Лиз.

Она помотала головой, и с волос на рубашку упали пушинки.

— В вашу спальню.

— Как вы попали в дом? — спросила Лиз. — Разве дверь не была заперта?

Стоя в коридоре, она застегивала последние пуговицы на рубашке. Ее полы она заправила в трусики.

— Я была в саду, — повторила она. — Что вам

нужно? Зачем вы ворвались в мой дом?

Пройдя мимо Лиз, Вирджиния прошла по холлу к закрытой двери спальни. Отворив ее, она заглянула внутрь.

На стуле была аккуратно сложена одежда Роджера: пиджак, брюки, трусы, галстук, рубашка и носки. Его туфли стояли в ногах кровати. Свернутые покрывала были помещены на комод. Роджер лежал на кровати под простыней. Он укрылся ею так, что видно было лишь макушку да глаза. Он смотрел прямо на нее. Очков на нем не было — Роджер положил их на комод и поэтому не совсем разглядел ее. Подойдя ближе, она увидела, что он уставился на ее костюм. Он не вполне узнавал ее.

Вирджиния присела на край кровати. А он все держал простыню, закрываясь, как будто боялся, что она стянет ее и увидит его.

— Боишься, что я на тебя посмотрю? — спросила она. — Не буду, если ты сам этого не захочешь.

— Кто с тобой? — спросил он.

— Мама.

Из холла донеслись голоса ее матери и Лиз.

— Мне выйти, пока ты одеваешься?

— Не надо, — сказал он.

— Закрыть дверь?

Помолчав, он ответил:

— Да, закрой.

Она закрыла дверь. Но он все лежал, прикрываясь простыней.

Лежа в постели, Роджер подтянул на себя простыню. Он придерживал ее обеими руками и все смотрел, не подходит ли она ближе. Она поймала его, и он ждал, что же будет. Ужас, думал он, дрожа и предчувствуя неотвратимое наказание. Оно надвигается, оно уже здесь. Долгие годы он боялся, что его застанут за этим, запирал дверь, подготавливался, вслушивался. Дверь распахнулась, и она ворвалась. Встала у кровати, возвышаясь над ним. Она всегда подозревала, и ее подозрения привели ее сюда. Теперь она видит, что он натворил, и ему не спрятаться. Он один, лицом к лицу с ней, и случилось все именно так, как он всегда это себе представлял.

Какая грязь, думал он. Как ей не противно смотреть на него? Конечно же, ей, наверное, хотелось сразу же хлопнуть дверью и уйти. Но эта женщина осталась. Похоже, ока хочет сказать: «Я этого ожидала. Теперь мне нужно решить, как поступить. Мне нужно принять это и принять тот факт, что совершил это ты».

Да, думал он. Я совершил это, совершаю. И меня

застукали. Все так себя ведут, но это не имеет значения. Ты права. Смилостивься надо мной, думал он, глядя на нее. Прости меня. Мне стыдно. Лучше бы мне было не родиться на белый свет. Как мог я позволить себе такое? Это сведет тебя с ума, уже свело, довело меня до безумия — чего только я себе уже не воображаю! Но ты внезапно разбудила меня, рассеяла этот кошмар. Ты видишь, я лежу тут без сновидений, и ничто не защищает меня. Будь добра ко мне. Не суди меня слишком строго — я согласен с твоим приговором. Да, думал он, согласен. За такой грех я заслужил наказание. Только не очень суровое. Оставь мне хоть что–нибудь.

— Я отвернусь, — сказала Вирджиния. — Пока ты одеваешься.

Она взяла со стула его одежду и положила на кровать рядом с ним.

— Спасибо, — поблагодарил он ее, прикасаясь к одежде.

— Давай, вставай.

Защищаясь, он проговорил:

— Со Стивеном тоже такое бывает.

Она бросила на него раздраженный взгляд. Не нужно было этого говорить, подумал он, снова замыкаясь в себе.

— Это ты на зеленом «Империале» ехала? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Не думала, что ты меня узнаешь.

— Боже, ты следила за мной. Я–то думал, мне показалось. Я видел большую машину, в которой сидели и разговаривали две разодетые женщины… Думал, это у меня воображение разыгралось.

Стоя у кровати, Вирджиния оглядела комнату. Роджер видел, как она ее изучает. Так вот где ты бываешь, говорило выражение ее лица. Приходишь сюда, в эту комнатенку, запираешь дверь и тайком тут этим занимаешься. Но я прервала твои утехи, тебе пришлось вдруг остановиться.

— Я больше не буду, — пообещал он.

Она, казалось, не слышала его. Сложив руки на груди, она отошла к окнам, выходящим во двор.

Через задние окна спальни Вирджиния увидела сад. В него вела стеклянная дверь. За садом был еще один двор, потом дом, телефонные столбы. Он мог убежать туда, подумала она. Почему он этого не сделал? Наверно, так страшно стало, что не смог.

Ужасно, думала она. Вот так попасть в ловушку. В комнату врываются, а ты лежишь, голый,

беспомощный, даже без очков. Но я должна была это сделать, сказала она себе. Это правильно для нас обоих.

— Послушай меня, — сказала Вирджиния.

Роджер смотрел на нее снизу вверх с постели, щуплый, хилый человек, не способный даже как следует ее рассмотреть.

— Наверное, я должна сказать тебе, что делать, — продолжала она. — Да? У тебя ведь не хватает ума самому о себе позаботиться.

Роджер сжал губы.

Обнажив нижние зубы, он спросил:

— Зачем ты мать притащила?

— Хотела, чтобы она была свидетельницей.

— Будешь подавать на развод?

— Нет, — сказала она. — Думала, может, Чику понадобятся свидетели.

Роджер напряженно смотрел на нее, упрямо выпятив подбородок, его губы безмолвно шевелились. Через некоторое время он спросил:

— Он знает?

— Нет, — ответила она.

Хмурясь и дрожа, он поразмыслил, прогоняя в голове череду возможных вариантов.

— Я не хочу, чтобы он пострадал, — сказала Вирджиния. — У меня нет желания разрушать

его семью. Если бы он узнал про тебя, то развелся бы с Лиз и никогда больше не захотел иметь с тобой дела. О совместном бизнесе тогда можно будет забыть.

— Да, — пробормотал он.

— Я не скажу ему, — пообещала она.

Подняв голову, Роджер испуганно и в то же время с какой–то нелепой обидой смотрел на нее.

— Я не хочу, чтоб ты разрушал планы насчет совместного бизнеса, — сказала Вирджиния.

«Если у тебя будет такой партнер, как Чик Боннер, — думала она, — из тебя еще может что–то выйти. Можешь, в конце концов, чего–нибудь достичь. И для магазина это будет хорошо.

А иначе ты так и останешься слабонервным хиляком, который валяется под простыней без очков. Мне этого мало. Мне нужно больше. Я отдала свою жизнь, работу и настаиваю на том, чтобы меня хоть как–нибудь вознаградили.

Остаться с пустыми руками не входит в мои планы».

— Послушай меня, — сказала Вирджиния. — Я хочу, чтобы ты переписал магазин на мое имя.

Он смотрел на нее снизу вверх, испуганно ухмыляясь.

— А когда мы подпишем с Чиком документы, —

продолжала она, — я хочу, чтобы его часть была записана не на них обоих, а только на его имя. Не хочу, чтобы имя Лиз фигурировало где–нибудь в бумагах. — «Хочу иметь то, что я заслужила», — подумала она. — Как тебе такой план?

Роджер продолжал слабо ухмыляться, качнул головой сначала в одну, потом в другую сторону.

— Ну ладно, — сказала она.

«Добился, чего хотел, — мстительно подумала она, — теперь получаешь по заслугам. Сам на себя это навлек. Сам виноват».

— Одевайся, — резко скомандовала она. — Вылезай из этой постели, хватит.

Большим пальцем он потянул к себе одежду, взял рубашку, стал внимательно перебирать свои вещи. Потом сел и наклонился вперед, собрал все на коленях, перевалил на простыню.

— А что касается тебя, — сказала Вирджиния, повернувшись к нему спиной, чтобы не смотреть на него, — можете вытворять с ней все, что угодно. Только тихо.

Не отвечая, он продолжал возиться с одеждой. Она слышала шорох.

«Только меня этим не беспокой, — думала она. — Чтоб этого не было в моей жизни. У меня есть ребенок, он учится в школе, получает то

образование, которое ему нужно, и очень скоро у меня будет работа. И я не хочу, чтобы меня беспокоили. У меня нет на это времени».

Пока он одевался, она прохаживалась по комнате. Верхний ящик комода был приоткрыт, и она выдвинула его, чтобы посмотреть, что там внутри. Там лежало множество цветных шарфов, а на них — коробочки с серьгами. С ними соседствовала настенная фаянсовая поделка — лицо красноносого ирландца в цилиндре, с топорщащимся галстуком. Наверное, кто–то ей подарил. Презент. А она сунула его в ящик комода, спрятала. Может, это его подарок. Она выдвинула второй ящик. Он был заполнен нижним бельем. Ее внимание привлек уголок плоской коробки. Она вынула ее и обнаружила, что это диафрагма и тюбик спермицида.

Пораженная, Вирджиния сказала:

— Посмотри — она ее не надевает. Так и лежит в комоде.

Она повернулась и показала ему коробку.

— У нее еще одна есть, — сказал Роджер. Он пришибленно стоял у кровати в брюках и расстегивал рукава рубашки. — Два комплекта.

— Вот оно что.

«Один, значит, чтобы Чика дурачить. Один

лежит в ящике комода. И второй, — думала она, — чтобы носить весь день. Круглые сутки, куда ни пойдет. На всякий случай».

Вирджиния положила коробку обратно в комод и задвинула ящик.

— Какой отвратительный образ жизни, — сказала она.

Он притворился, что занят рубашкой.

— Тебя это не волнует? — спросила она.

Ответа не последовало.

— Ты не брезгливый.

И снова он не ответил.

— Я бы обеспокоилась, — сказала она.

Глава 21

1 мая 1953 года новый магазин открылся. С шести до десяти часов вечера проводился день открытых дверей: женщинам раздавались гардении, бесплатно фотографировали детей, всех угощали кофе с печеньем. Каждый вошедший в «Эл энд Би Эпплаенс Март» получал билет грандиозной лотереи, в которой разыгрывались комбинированные телевизоры, миксеры «Микс-мастер», электроутюги, бритвы «Санбим». Целую неделю установленные у бордюра прожекторы взрезали небо лучами света, а в субботу вечером появились несколько игроков бейсбольной команды «Лос–Анджелес Эйнджеле», которых выставили на всеобщее обозрение на освещенной сцене вместе с нанятым для церемонии открытия оркестром музыки кантри из десяти человек.

Новое название, «Эл энд Би Эпплаенс Март», выбрали, чтобы задать жару старине Джону «Мак» Бету и его «Центру бытовой техники». Магазины конкурировали на одном рынке.

У «Эл энд Би Эпплаенс Марта» был длинный фасад — сплошная витрина. Раньше в этом здании размещался гастроном. От своих знакомых

в розничной продуктовой торговле Чик Боннер прослышал, что оно продается за бесценок. Эрл Гиллик привез свою команду, которая принялась за полную реконструкцию здания. Стекло поставили наклонно, чтобы прохожим не бил в глаза отраженный свет. Вывеску не стали крепить к зданию, как это делалось в старые времена — вместо этого прямо на стену, одну отдельно от другой, наклеили буквы названия. На углу, где Гиллик пробил широкий вход, установили вертикальный неоновый щит по проекту Чика Боннера, одобренному Вирджинией Линдал. Двери поставили двойные, из сплошного стекла, только ручки были из пластмассы и меди, да посередине двери справа была щель для почты. Вход был сделан с небольшим уклоном. Снаружи магазин покрасили в бледно–зеленый цвет, цвета для интерьера подобрали тоже пастельные. Встроенные светильники дневного света выбирал Роджер Линдал. В здании работала новая система кондиционирования воздуха, а зимой оно отапливалось трубами, проложенными под полом из полиамидной плитки, по которым бежала в разных направлениях горячая вода. Позади здания построили невидимую покупателям высокую платформу для получения товара и по-

грузки нескольких грузовиков фирмы. Работало при магазине и складское хозяйство.

К лету 1954 года стоимость реконструкции начала окупаться. Аудиторы предсказывали, что огромные первоначальные затраты в конечном счете оправдаются.

Как–то утром в среду в октябре 1954 года стеклянные двери магазина открыл своим ключом дежурный администратор Херб Томфорд и вошел внутрь. На улице старательно занимался своей работой мойщик окон. Томфорд помахал ему рукой. Тот помахал в ответ.

«Доброе утро», — сказал Томфорд про себя.

Он включил систему кондиционирования и верхний свет. «Я сегодня первый, — подумал он. — Какой я молодец». Поднявшись на административный этаж, он повесил пальто в шкаф. Потом подвинул стул к одному из столов и занялся сортировкой окончательных вторничных ярлыков.

Хозяев еще не было, и он не мог открыть сейф, чтобы взять деньги для касс. Ему всегда неудобно было находиться в магазине до того, как вынесут деньги: а вдруг кто–нибудь придет и захочет что–нибудь купить? Что ж, дам сдачу мелочью, хоть тонну. Спустившись, он открыл первую кассу и

намотал ленту, чтобы она читалась. Пока он этим занимался, к въезду на их стоянку подкатила машина миссис Л, резко развернулась и встала на персональное место.

«Номер один, — констатировал про себя Томфорд. — Сама леди приехала».

Он захлопнул кассу и прошел через магазин к небольшому прилавку с аппаратурой. Там, среди бритв, тостеров и утюгов, он открыл и установил кассу.

Леди, которая была его работодателем, оставила припаркованную машину и шла ко входу в магазин. Полы ее пальто развевались. «Как быстро она ходит, — подумал Томфорд. — Идет напрямик через стоянку. Не теряет времени».

— Доброе утро, миссис Л, — поздоровался он, когда распахнулась дверь.

— Доброе утро, Херб, — сказала она, остановившись у прилавка, чтобы положить часть целой кипы бумаг.

— Мистер Б будет сегодня?

Она улыбнулась ему отсутствующей усталой улыбкой.

— А почему же не будет? А, у него же сенная лихорадка. — Она сняла трубку и набрала номер. — Сейчас узнаю.

— День сегодня вроде хороший, — сказал Херб Томфорд.

— Привет, — сказала миссис Л. — Чик, ты сегодня будешь в магазине? — Ей что–то ответили. — Выкопай их, — посоветовала она. — Если это точно они. Я бы их выкорчевала. Я их и так–то терпеть не могу. По мне, это просто сорняки. — Чик снова что–то ответил ей. — Хорошо. Пока. — Повесив трубку, она сказала: — Около двенадцати будет. Говорит, теперь решили, что это от ракитника, который растет у него в дальнем конце участка.

— А он сам говорил, что на него и думает. Еще когда в первый раз цветы появились.

Миссис Л повесила пальто в шкаф, затем открыла сейф.

— Вот ваши деньги, — сказала она. — Если что, я наверху.

В магазин стали подходить продавцы. Они работали за комиссионное вознаграждение с авансом и, войдя, сразу же бросали быстрые взгляды по сторонам — не наклевывается ли что. Один из них закурил и расположился за главным прилавком. Другой сел за свой стол с буклетами и принялся заносить имена в книгу потенциальных клиентов. Третий — дородный, осанистый,

в костюме в тонкую светлую полоску — сложил руки за спиной и разместился у входной двери, поблизости от стенда с напольными моделями телевизоров. Все они обменивались лишь официальными приветствиями, каждый тут же удалялся и начинал по–своему готовиться к рабочему дню. Продавец, вошедший последним, немедленно направился к телефону, положил перед собой составленный карандашом список и стал звонить.

Когда все продавцы были на своих местах, появились два мастера по ремонту. Они вместе завтракали на другой стороне улицы. Не заговаривая с продавцами, они сразу прошли к себе, в отдел техобслуживания. В девять часов вбежал парень — водитель грузовика для доставки товара на дом, а за ним явился мастер по ремонту на дому — он ездил на автомобиле отдела техобслуживания и ставил его у погрузочной платформы за магазином. Последним прибыл бухгалтер. Он поднялся по лестнице в административный отдел, поздоровался с миссис Линдал, расчехлил арифмометр и приступил к работе.

«Ну, теперь можно сходить в туалет, — с облегчением вздохнул Херб Томфорд. — Крепость личным составом укомплектована».

— Я в сортир, — доложил он одному из продавцов.

— Хорошо, — отозвался тот.

Захватив с собой утреннюю газету, Херб Томфорд отправился в туалет и заперся там, чтобы его никто не беспокоил. Устроившись поудобнее, он раскрыл газету и стал читать спортивную страницу, после которой перешел к письмам к редактору.

Он был погружен в чтение, когда кто–то подошел и стал колотить в запертую дверь уборной.

— Это вы там? — обратилась к нему миссис Л. — Херб?

— Я, — сказал он.

— Не думаю, что вам стоит проводить там все свое время. Вы мне нужны здесь.

Херб Томфорд ответил:

— Но я пока нужен себе тут. — Он сложил газету и швырнул ее в угол. — Сейчас выйду. Зачем я вам?

— Через десять минут надо будет отвезти телевизор «Магнавокс». Фред его сейчас настраивает.

— А кто его продал?

— Фред. Какому–то своему знакомому.

— Он получает комиссионные?

В прошлом возникали некоторые разногласия

по поводу того, причитается ли комиссионное вознаграждение мастерам по ремонту за проданную ими аппаратуру.

— Да, — ответила она.

— Тогда ладно, — согласился он.

Ему шел один процент с продаж всей основной техники вне зависимости от того, кем она продана.

Моя руки, он сказал:

— Ради этого кое–кто из отряда пальм в кадках готов и выйти.

Ответа не последовало. Видимо, ушла. Вытирая руки, он поднял газету и открыл дверь.

В полдень, раздумывая, где бы пообедать, он поднял взгляд и увидел Чика Боннера, ставившего на стоянку свой красный «Форд–универсал». «А вот и человек–гора, собственной персоной», — отметил про себя Херб Томфорд.

Когда Чик вошел в магазин, его лицо, распухшее и красное от сенной лихорадки, не выражало никаких особенных чувств.

— Доброе утро, Херб, — поздоровался он. — Идут дела понемногу?

— Ну, так, кое–что, — сказал Томфорд, показывая ему ярлыки.

— Так, — неопределенно кивнул Чик. — Слу-

шай, Херб. Я хочу, чтобы мне пол выровняли сегодня вечером, после закрытия. Можешь позвонить?

— Думаю, да, — ответил Томфорд. — Где–то у меня был их номер.

Встав на колени, Чик провел ладонью по полу у края ковра.

— Видишь эти вмятинки? Знаешь от чего они? От шипов на обуви школьников. Я вывеску повешу, чтобы дети в туфлях с такими набивками снимали обувь, прежде чем войти. Да и что им тут нужно?

— А что всем нужно? — сказал Томфорд, думая про себя, что полы надо всегда поддерживать в хорошем состоянии, и неважно, заходят сюда подростки или нет. — Я тут на днях одному мальчишке портативный «Зенит» продал. Если вы об этом.

— Он скрежетал, когда шел?

— Зубами, вы имеете в виду?

— Да нет, башмаками своими.

— Простите меня, мистер Б, но мне так хотелось, чтобы продажа состоялась, что было как–то не до того, — сказал Томфорд.

Осматриваясь по сторонам, Чик заметил:

— Кажется, стенд с «Филко» стоит с самого

сентября.

— Я сниму его.

— Эту витрину они оформляли? Или ты?

— Я разрешил им оформить ее, — сказал Томфорд, зная, что Чик не одобряет, когда оптовики лезут в витрины магазина. — Это их работа. У них ведь есть вся эта хрень — степлеры и всякое такое. Я не собираюсь ползать по витрине, штаны рвать. Меня не для этого на работу принимали. Вы хотите, чтобы мы витринами занимались — найдите лучше какую–нибудь девчонку или педика из какого–нибудь универмага. В последний раз, когда я лазил по витрине, рядом собралась компания детворы — рожи мне корчили, как будто я клоун какой.

— Понимаю, — сказал Чик. — Ладно, посмотрим.

И он оставил его, перейдя к другим делам.

Чуть позже, когда Херб Томфорд поднялся наверх, его позвала к себе в кабинет миссис Л.

— Это ведь ваш ярлык? — спросила она.

«Что–то еще», — подумал он.

— Да, мой. Что вы там не можете прочитать?

— Ни я, ни бухгалтер не можем прочитать адрес. — Она дала ему ярлык, и он сел за стол, пытаясь разобрать, что там написано. — Почему

вы не пользуетесь шариковой ручкой? — спросила она. — Как все. Эти аппараты считывают только записи, сделанные шариковой ручкой, перьевые они не читают, от них оттиск недостаточно четкий.

Она сидела и ждала. Ярлык из голубой бумаги был четвертой копией, сделанной под копирку: в магазине действовала сложная система предотвращения краж со стороны работников.

— Что–то я тоже не могу прочитать, — сказал Херб Томфорд. — Посмотрю в телефонном справочнике.

Он вернул ей ярлык и взял с другого стола справочник.

— О чем Чик с вами разговаривал там, у главного прилавка? — спросила миссис Л.

— О витринах.

— Разве оформление витрин не входит в ваши обязанности? Вам ведь предоставлено все необходимое.

— Когда я пришел к вам, витрины оформлял мистер Л, — ответил Херб Томфорд. — Я не знал, что это тоже будет моей работой.

— Вы знаете, что Роджер приходит только по вечерам поработать за монтажным столом.

— А над чем он работает? — спросил Херб Том-

форд.

— Спросите у него. Разве вы его не встречаете перед тем, как уходите?

Смутившись, Томфорд сказал:

— Вы ведь знаете, я стараюсь убраться отсюда в шесть.

— Да, знаю, знаю, — сказала миссис Л.

Некоторое время спустя, когда в кабинет поднялся Чик Боннер, Вирджиния спросила у него:

— Не стоит ли нам распрощаться с Хербом, как ты считаешь?

— Никак не могу принять решение, — ответил Чик. — Может, у него на уме какие–то другие планы. Что–то он совсем не проявляет интереса к работе.

— Я не удивлюсь, — сказала Вирджиния, — если в один прекрасный день он объявит нам, что перешел на работу в другое место на нашей улице или прямо напротив нас. У меня такое чувство, что он хочет совсем уйти из розничной торговли. От кого–то я слышала, что он разговаривал с людьми из «Эмерсона». Им нужен человек, который взял бы на себя их представительство в Северной Калифорнии.

Чик поморщился, и вид у него стал совсем кислым. Вирджиния поняла: сейчас начнет о чем–то

просить.

— Может быть, Роджер мог бы снова заняться оформлением витрин? От него не убудет. Времени свободного у него много.

— Ему пришлось бы заниматься этим в дневное время.

И она, и Чик знали, как не любит Роджер приходить в магазин в рабочее время.

— Ну, может быть, вечером?

— Тогда он не будет различать цвета, — сказала она. — Нужен дневной свет. Так говорят все, кто занимается оформлением витрин.

— А как насчет выходных?

— Нет.

«И это не подлежит дальнейшему обсуждению», — подумала она. Такова была договоренность между нею и Роджером. Выходные принадлежат ему. Чик, конечно, этого не понимал. Для него мир за пределами магазина не имел никакого значения. «Для меня тоже, — подумала она. — Только мне–то это понятно. Но мистеру Б это недоступно».

— Решай сама, — сказал Чик. Он разложил на столе бланки заказов и стал делать предварительные пометки карандашом. — Я бы оставил это на твое усмотрение.

— Ну, дело терпит, — ответила Вирджиния.

Поработав с заказами, Чик спросил у нее:

— Можно я выпишу чек Лиз за этот месяц со счета магазина? Эти уколы от сенной лихорадки… Мне пришлось снимать со своего счета. Поступим, как раньше делали: пусть бухгалтер запишет это как мой аванс.

— Делай, как знаешь, — разрешила Вирджиния.

Сидевший за своим столом бухгалтер все слышал и кивнул.

— Сколько? — спросила Вирджиния. — Триста?

— Да, — сказал Чик.

— Может быть, она снова выйдет замуж.

— Это ничего не изменит. Это же деньги на детей, на моих сыновей. — Он оторвался от работы, положил карандаш и высморкался. Потом откинул голову и закапал капли в нос. — Этому парню нужно будет их официально усыновлять.

— Подоходным налогом ведь не облагается?

— Еще бы облагалось, — хлюпая носом, сказал он.

— Скучаешь по ней?

— По мальчишкам скучаю. А на то, чтобы по ней скучать, у меня времени нет. Магазин все отнимает.

— Я считаю, что ты поступил правильно, — сказала Вирджиния.

«Правда, я в этом не уверена, — подумала она. — Но если бы она все время маячила где–то рядом, ни о каком согласии у нас тут и речи бы не было. Я рада, что ее удалось уговорить».

— Она живет в Санта–Барбаре, — сообщил Чик.

— Знаю.

Ей не хотелось дальше обсуждать это, и она вернулась к работе.

Но Чик продолжал:

— А ты ведь ее с самого начала раскусила? Надо отдать тебе должное.

— Ну да, — ответила она, зная, что он не остановится.

— Интересно, что Роджер про нее думал? — Чик повернул стул, чтобы смотреть на нее, работу он отложил. — Вот это совершенно сбивает меня с толку. Этому человеку, по–моему, сам бог велел работать с людьми, он хорошо ориентируется в деловом мире, но я уверен, что как только дело доходит до оценки людей на личном уровне, он ошибается почти так же, как я. Я не говорю о присутствующих, конечно. Но я убежден, что у Роджера сложился идеализированный образ Лиз. У меня вначале было почти так же. Боже, мне по-

надобилось десять или одиннадцать лет, чтобы начать понимать, насколько у нее по большому счету… — Жестикулируя, он пытался подобрать нужное слово. — Насколько у нее по большому счету одномерный взгляд на жизнь.

Внизу зазвонил телефон. Потом на столе у бухгалтера дважды пропищал зуммер.

— Это вас, миссис Л, — сказал бухгалтер, передавая ей телефон верхнего этажа.

— Слушаю, — сказала она.

Звонили из «Ар–Си–Эй», чтобы сообщить о невыполненных заказах прошлого месяца.

— Нет, их не отменили, — сказала девушка из отдела продаж. — Хотите, чтобы отменили?

Вирджиния сказала, что не хочет, поблагодарила девушку и положила трубку.

Пока она говорила по телефону, Чик сидел, сцепив руки, и размышлял.

— До того как Лиз решила уйти от меня, она приходила к тебе, интересовалась твоим мнением? — спросил Чик.

— Да, — сказала Вирджиния.

В каком–то смысле, так и было.

— Что ты ей сказала?

— Сказала, что если ее не интересуют твои дела, то будет довольно нелепо торчать рядом и изоб-

ражать то, чего она на самом деле не чувствует.

Помолчав, Чик сказал:

— Иногда я все–таки по ней скучаю.

— Но не очень сильно.

— Да, — согласился он. — Наверное, не очень.

Он еще поразмышлял, потом взял карандаш и вернулся к бланкам заказов.

— Я тут думаю, может, заехать к ней на днях, — сказал он. — Хотя бы мальчишек увидеть.

— Она может посадить их на автобус, — ответила Вирджиния. — Сколько им лет? По четырнадцать? Вполне уже большие, сами могут приехать.

— Ты права, — согласился Чик. — Она их, наверно, так успела изнежить, что они, может, и не решатся. Вот что меня беспокоит, Вирджиния. Не вырастут ли они маменькиными сыночками? А то будет у них в голове все наперекосяк, как у нее самой.

— Они ведь бывают у нее только по выходным. Пока они в школе, у них здоровое окружение.

Чик мрачно заметил:

— Остался только этот семестр, и школа закончится.

— К тому времени у них уже сформируется характер, — успокоила его Вирджиния.

Она встала и подошла к картотеке посмотреть один безнадежный долг, из тех, которые она подумывала передать агентству по сбору задолженностей.

— Ну что, спишем Уотта? — спросила она Чика. — Откажемся от него и удовольствуемся надеждой на пятьдесят процентов от агентства?

— Давай, — равнодушно сказал Чик. Сидя над заказами, он потирал лоб и шумно дышал. — Проклятая сенная лихорадка. Каждый год в это время мучаюсь.

— От аллергии многие страдают, — заметила Вирджиния. — Все по–разному. У Грегга анализы показали, что у него аллергия на фасоль, картошку, кошачью и другую шерсть, растительный пух, домашнюю пыль и на шесть или семь видов пыльцы. Так что можешь считать, что тебе еще повезло.

— Чем же его там кормят?

— Тем же, чем и всех, просто картошку и фасоль он не трогает. Кошачью и другую шерсть он никогда не пробовал.

— Но ему же нужно спать под специальными одеялами.

— Да, — сказала она. — Он и спал под ними примерно с год. Астма у него в основном была от

домашней пыли, а не от смога. Когда был смог, мы закрывали окна, и он обычно не выходил гулять. Вот тогда–то он ее и подцепил. Там, в школе, у него иногда бывает реакция на пыльцу, но это ничто по сравнению с тем, как на него действует домашняя пыль.

Высморкавшись, Чик сказал:

— Ужас какой–то.

В шесть часов Херб Томфорд надел свое серое пальто, запер парадный вход, попрощался со всеми и ушел, держа под мышкой свернутую в трубку газету. Вслед за ним отправились домой продавцы, потом оба мастера по ремонту.

— До свидания, миссис Л, — сказал бухгалтер, снимая пальто с вешалки в шкафу. — До завтра. До свидания, мистер Б.

— До свидания, — сказала Вирджиния.

— Уже шесть? — спросил Чик.

Он сверял новый прайс–лист «Зенита» со старым и менял цифры на ценниках. На его столе лежал итог часовой работы — пачка чистых новых ценников.

— Прикреплю завтра, — сказал он Вирджинии.

«Полдня выписывать новые ярлыки», — подумала она. Спустившись вниз, к главному прилавку, она открыла кассу и стала отсчитывать

деньги в два матерчатых мешка. Потом сделала пометку на ленте кассового аппарата, засунула бумажку вместе с деньгами и закрыла мешки. Чик проделал то же самое с другой кассой.

— Неплохой выдался день, — сказал Чик.

— Да, — подтвердила она.

— Завтра нам понадобятся десятицентовики.

— Ну да, — согласилась она, рассматривая ярлыки.

Открылась парадная дверь, и в магазин с ключом в руке вошел Роджер.

— Привет, — поздоровался он с женой.

— Привет, — ответила она. — Как дела?

Когда она уходила утром из дома, он еще спал.

— Хорошо. Собираешься?

Он вошел с сигаретой в руке, но стоило Вирджинии посмотреть на него, бросил ее в пепельницу у двери, примял и, моргая, отошел. К вечеру, к концу рабочего дня, вот как сейчас, Роджер серел и становился похожим на паука. От утомления он горбился больше, чем обычно, казался еще меньше, совсем высыхал. Из–за стекол очков смотрели воспаленные глаза. Характерным движением руки он отбросил со лба волосы.

— У тебя усталый вид, — сказала она.

— Ну да, — рассеянно кивнул он.

Он так и пришел в рабочей одежде, запачканных брюках, рубашке, куртке и высоких ботинках.

Потерев губу, он спросил:

— Тебе очень хочется ужинать? Мне — нет. Но я схожу с тобой.

— Я проголодалась, — сказала она.

Бродя по магазину, он дошел до его дальнего конца.

— Я переоденусь, — сказал он и, войдя в дверь, исчез в отделе техобслуживания.

— Ну что, Вирджиния, — сказал Чик, уже надевший шляпу и пальто. — Пока. Отдыхай.

— До завтра, — ответила она.

Стоя посреди магазина и подняв голову, она прислушивалась, стараясь уловить все звуки. «Все ли выключено? — спрашивала она себя. Потом решила: — Все».

— Напомни мне завтра, чтобы я первым делом прицепил ценники к этим телевизорам, — сказал Чик и отпер парадную дверь. — Чтобы мы деньги не теряли.

Дверь закрылась за ним, и он пошел через стоянку к своему «Форду–универсалу». Выехав задним ходом на улицу, он помахал ей рукой. Она едва заметно махнула в ответ. Для него до-

статочно.

Когда Роджер появился снова, на нем был галстук–шнурок и свободные брюки.

— Пиджак нужно надевать? — спросил он. — Наверно, не буду.

Вирджиния поинтересовалась:

— Ну как твое тестирование?

Роджер работал в компании «Данн Инкорпорейтед», тестировал на сборочной линии коммутаторы для схем вычислительной аппаратуры, предназначенной, в частности, для использования в ракетах.

— Все то же самое, — сказал Роджер.

— Постой, — сказала она. — Пока мы не ушли. — Нагнувшись, она включила освещение витрины. — Ты не посмотришь витрины?

— Зачем?

— Ты ведь знаешь толк в их оформлении.

Не двинувшись с места, он сказал:

— Они нормально оформлены.

— Мне хотелось бы, чтобы ты снова занялся ими, — сказала она.

— У меня нет на это времени.

— Ты ведь работаешь всего пять часов в день, мог бы приходить по утрам.

— С ними все нормально, — повторил он. —

Что ты все придираешься к Хербу? Он славный малый.

— Да, — согласилась Вирджиния, — но хороший ли он работник?

— Не вижу разницы.

— В том–то и дело.

«Поэтому я и владею нашей половиной магазина, а ты — нет, — подумала она. — Поэтому Л — это я, а не ты. А мог бы быть ты, мой дорогой. Но тебе нужен был бы магазин, в котором работают одни славные малые.

А кроме того, тебе нужен был еще один славный малый, дружок с каштановыми волосами, ясными веселыми глазами и улыбкой, словно говорящей: «Берите, угощайтесь на здоровье!» Вот славный был малый, правда? Она любила и любит двух своих сыновей; наверное, любила и до сих пор любит тебя. И она была верна тебе, только уж больно глупа, поэтому и не смогла проявить свою верность. Да и ты тоже был хорош. Немного же ты ей добра принес — ты, еще один хороший парень.

Где она сейчас? — думала Вирджиния. — Живет одна, в другом городе, на алименты, которые получает от Чика, да на свою зарплату машинистки в молочной компании. Счастлива ли она? Кто

знает. Да и кому какое дело. Про нее разве можно что–нибудь точно сказать?

По крайней мере, у нее есть два ее мальчика. Если бы Чик узнал тогда про нее и Роджера, он развелся бы с ней, и детей у нее забрали бы. Это было бы несправедливо — и для Роджера тоже. Если бы Чик узнал, он бы всем показал, где раки зимуют. И магазина бы не было никакого. Во всяком случае, Лиз хватило ума понять это.

В каком–то смысле тебе повезло, Лиз Боннер. Ведь ты такая недалекая, на жизнь смотришь как саламандра, смогла получить удовольствие. Успела повеселиться на своем веку. В этом, пожалуй, было даже что–то чистое — ты жила без всяких тревог о будущем, о последствиях, которые–таки наступят, о том, что у тебя есть муж, дети, что у Роджера есть жена и ребенок, что ему надо управлять магазином. Ты вмиг все это снесла, стоило только начать. Закрутила все, хорошо провела время, а потом, к своему изумлению, осталась ни с чем. Но пусть попробует кто–нибудь доказать, что ты не виновата.

Никто не станет возражать, что какое–то время ты обладала тем, чего так желала. И, быть может, это время показалось тебе бесконечным. Может быть, в твоей утлой жизни это была чуть ли не

вечность. Наверное, это событие заполнило собой всю твою память, до самых пределов того, что ты способна охватить мысленным взглядом.

Может быть, ты и получила то, чего хотела, ведь к большему ты не стремилась.

Жаль, но я так не могу. Жаль, что все мы не способны взять в свою жизнь что–то такое».

— Так или иначе, — вернулась она к разговору с Роджером, — подумай, может, все–таки займешься переоформлением витрин? Хербу как раз поможешь. Эти витрины становятся просто яблоком раздора — или он уступит, проявит смирение на глазах у всех, или этим займешься ты, или же за это возьмутся оптовики.

— Ненавижу этих дебильных оптовиков, — выпалил Роджер. — Ворвутся в магазин, когда ты работаешь как вол, и давай лепить на стены свою рекламу. Не успеешь оглянуться, а вокруг все обклеено логотипами «Ар–Си–Эй». Я начинал срывать эти бумажки еще до их ухода: а пусть видят.

Он снова закурил. Руки у него дрожали. Вирджиния увидела, как трясется спичка.

— Я готова, — сказала она.

Роджер подержал дверь, и она вышла из магазина.

— Сейчас запру, — сказал он, вставляя ключ в замок. — Все выключила?

— Да. Я послушала. Если что–то включено, я слышу.

После ужина Вирджиния поехала домой. Роджер вернулся в магазин поработать с аппаратурой и на монтажном столе.

Включив над столом дневной свет, он подтащил табуретку и поставил ее на коврик, включил измерительные и испытательные приборы. У паяльника был собственный специальный выключатель и вилка, он всегда включался отдельно. Роджер воткнул вилку в розетку и перевел триггер максимально горячего состояния в положение «Включено».

Его новоизобретенная антенна свисала с потолка отдела техобслуживания. По стене на стол спускался двойной провод, дальше он шел к барабанному селектору шасси телевизора. Антенна представляла собой окружность из тонкой алюминиевой трубки с сетью из еще более тонких трубок внутри, расходящихся в разных направлениях, как спицы колеса.

Ячеистая сеть проводов от множества трубок была собрана и зажата в единый кабель, шедший к блоку управления с клеммами и наконечника-

ми, а оттуда — к двойному проводу.

«Полная хрень», — сказал про себя Роджер.

Его идея заключалась в том, чтобы создать постоянно перестраиваемую антенну, управляемую селектором каналов. При вращении селектора одни секции антенны выключались, а другие включались. Нужно было избавиться от повторных изображений, усилить слабые сигналы, устранить статические помехи и так далее. Но в итоге вся эта регулировка никак не влияла на качество картинки.

Он поменял паяльником несколько проводов, пара полос частотных каналов вернулась, и он бросил это занятие.

Ну и черт с ней, решил он и выключил шасси. Единственное, что могло бы повлиять на качество изображения — это поднять антенну, а для этого потребуется силовой агрегат, какой–нибудь электромотор на четверть лошадиной силы. А это так повысит цену, что лишит систему конкурентоспособности.

«Ну и все», — покончил он с этим.

Зацепившись ногами за перекладины табуретки, Роджер качнулся на ней назад, совсем немного не дойдя до точки равновесия. Сзади был цементный пол, и он подумал: «Упасть, что ли?

Посмотрим, что при этом чувствуешь».

Но вернул табуретку в исходное положение.

«Это не для меня», — решил он. Расцепив ноги, он встал с табуретки на резиновый коврик. В зале отдела техобслуживания было холодно, от люминесцентной лампы болела голова. Выключив оборудование, Роджер вышел через открытую дверь в основную часть магазина.

Большая часть единого пространства магазина, уставленная телевизорами, плитами, холодильниками и стиральными машинами, была погружена в темноту. Свет из витрины лился на улицу и освещал выставленные товары в передней части магазина. Роджер прошел мимо прилавка к полкам с аппаратурой «Филко». Она стояла здесь две недели, и место для нее было выбрано не самое лучшее.

«Довольно убого смотрится, — подумал он. — Почему она здесь? Кто ее поставил?

Но почему, собственно, я должен это менять? Какое я имею к этому отношение?»

Пока он стоял и рассматривал технику, выставленную в витринах, на тротуаре появился какой–то человек и направил ему в глаза луч фонарика. Ослепленный, он поднял руки. Человек жестом велел ему идти к двери, и, всмотревшись,

Роджер понял, что это полицейский, которого торговцы наняли, чтобы он совершал обход, когда стемнеет, и проверял, заперты ли двери магазинов. Продолжая светить Роджеру в глаза, коп вынул из кобуры пистолет и прицелился в него, продолжая показывать на дверь.

— Хорошо–хорошо, — повиновался Роджер и, в притворном подобострастии, еще выше поднял руки.

Подойдя к двери, он отпер и распахнул ее.

— Кто вы? — спросил коп. — Ваши документы.

Роджер вытащил бумажник, и свет упал ему на руки.

— Я работал там, в дальнем конце, — сказал он. — Вышел на минутку к витринам.

— Вы родственник миссис Л?

— Да, — подтвердил он.

— Муж?

Он кивнул.

— Извините, что побеспокоил, — сказал полицейский, опустил фонарик и убрал пистолет. — Я решил, что вы стоите у кассы и ждете, пока я пройду. — Он слегка толкнул Роджера локтем. — А потом собираетесь запустить руку в кассу.

— Нет, просто вышел передохнуть.

— Слушайте, вы разбираетесь в телевизорах?

Ну, если вдруг забарахлит?

— В общем, да, — сказал Роджер.

Коп приблизился к нему вплотную.

— У меня телевизор «Паккард–белл». Иногда смотришь — ну, там «Шоу Эда Салливана» или еще что–нибудь в воскресенье вечером, и вдруг изображение зернистым становится. Отчего это?

— Вы хотите сказать, такой рисунок вверху появляется? — спросил Роджер.

— Нет, сплошное зерно. Ну, вы знаете.

— Помехи, наверное.

— В смысле, кто–то портит картинку?

— Статические помехи, — сказал Роджер. — Только вы их видите, а не слышите.

Он начал закрывать дверь. Полицейский заметил это и тут же собрался уходить.

— Спасибо большое, мистер Линдал. Значит, если и дальше так будет, можно принести вам показать?

— Конечно, — сказал Роджер. — Приносите в любое время.

— А сколько примерно ремонт займет?

— Пару дней.

Он закрыл и запер дверь. Коп помахал ему рукой из–за стекла, сказал что–то — Роджер не услышал — и пошел со своим фонариком даль-

ше.

«Боже, — подумал Роджер. — Что я тут торчу? Все равно ничего не делаю».

Он удостоверился, что паяльник и другое оборудование в отделе техобслуживания выключено, и ушел из магазина.

«Куда теперь? — спросил он себя. — Домой. Туда, куда прихожу уже десять лет, не считая короткого перерыва пару лет назад».

Он вспомнил о «Школе в долине Лос–Падрес». Сегодня среда, значит, через два дня, послезавтра, еженедельная поездка за Греггом.

«Долго ли так выдержу?» — подумал он.

Глава 22

Вирджиния ушла, а он еще лежал в постели. Слышно было, как завелся и укатил красный «Форд–универсал». Звук становился все слабее и исчез. «Хорошо, что не забыла оставить «олдс», — подумал он. — Без него мне далеко не уехать».

Роджер вылез из–под простыней, босиком неслышно прошел к телефону, позвонил в «Данн Инкорпорейтед» и сообщил, что сегодня его не будет. Покончив с этим, он снял пижаму и встал под душ. К половине десятого утра он уже побрился и надел довольно приличный костюм. Потом подобрал с крыльца газету и бросил ее на кухонный стол. За завтраком прочел новости, комиксы, еще кое–какие разделы.

«Времени много», — подумал он.

В половине одиннадцатого он позвонил в школу, миссис Альт.

— Я, наверное, сегодня пораньше приеду, — сказал он.

— Хорошо, — добродушно ответила она. — Пообедаете у нас? Сегодня обед в час дня.

— Спасибо.

— А привезите–ка знаете что? Может быть,

остановитесь в филателистическом магазине, возьмите несколько наборов для Грегга. Он австрийскую коллекцию собирает, вчера сказал, что хочет вас попросить. Просто скажите продавцу, что вам нужно австрийских марок на пару долларов — он даст, что надо.

— А если у Грегга какие–то из них уже есть?

— Тогда он с кем–нибудь из мальчиков поменяется, — сказала миссис Альт.

— От нее были известия на этой неделе? — спросил Роджер.

В такие моменты он сильно напрягался всем телом.

— Да, — сказала миссис Альт. — Звонила мне во вторник.

— Она приедет?

— Думаю, да. Вы же знаете, как она говорит.

— Хорошо, — сказал он. — Что ж, увидимся в час.

Он положил трубку и написал себе записку, чтобы не забыть о наборе австрийских марок для Грегга.

Было уже почти одиннадцать часов, когда он вышел из дома, сел в «Олдсмобиль» и поехал по шоссе на север. Остановившись у магазина для филателистов, он купил австрийские марки и

отправился дальше своим обычным маршрутом до скоростной трассы, выходившей на Девяносто девятое шоссе. Роджер ездил по ней так часто, что почти автоматически срезал путь. Он поставил себе целью доехать как можно быстрее и рассчитывал добраться до долины Охай и школы пораньше, чтобы успеть к обеду.

Роджер не обращал никакого внимания на пейзаж. Он все больше удалялся от Лос–Анджелеса, и только это имело сейчас значение. Замечал он только препятствия.

Без пяти час он свернул с дороги, спускавшейся из Охая, на школьную территорию. Он радовался, что приехал вовремя.

«Получилось! С точностью до секунды».

Он выключил двигатель, вышел из машины и закрыл дверь.

Никто не видел, как он приехал.

От двигателя характерно пахло. Из–под капота шло тепло. От машины исходила инерция движения. Тут и там шевелились от полуденного ветра деревья. Он слышал, как дует этот осенний ветер, когда ехал через горный хребет — звук был такой, как будто что–то льют с большой высоты. Подняв взгляд, он увидел качающиеся на ветру верхушки елей. Колючие ветки словно

били кого–то. Стая потревоженных птиц, порхая, пыталась вернуться на насиженные места. Как обезумевшие, подумал он. Щебет птиц долетал к нему вниз. Они думали, что кто–то их нарочно согнал с места.

«Чем меньше птичка, тем злее», — подумал Роджер и пошел по дорожке к главному зданию. У террасы ему пришлось остановиться и пропустить целую толпу детей, мчавшихся к столовой. Они кричали, толкались, на него никто не обращал внимания. Зазвонил школьный звонок, созывая всех на обед. Суп из колотого гороха, сухарики, молоко, персики. Кофе для взрослых. Когда дети протиснулись в стеклянную дверь столовой, вошел и он.

Сидевшая за дальним столом Эдна Альт сразу увидела его и помахала рукой. Он направился к ее столу.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Про марки не забыли? — спросила она.

Сидевшие за столом мистер Ван Эке и миссис Макгиверн тоже поздоровались с ним.

— В машине оставил, — сказал он. — В бардачке. — Отодвинув стул, он сел и развернул бумажную салфетку. — По запаху понятно, что будет суп.

— Для этого у нас есть рабочая команда, — сообщил мистер Ван Эке. — Чтобы занять шалунов. Посылаем их каждый день по полчаса колоть горох.

Роджер достал из кармана присланный школой еженедельный отчет о поведении и успеваемости его сына.

— Полчаса в рабочей команде, — зачитал он. — Что он натворил?

— Сделал из карниза для штор духовое ружье и стрелял бобами, — доложила миссис Альт.

— Вот ведь маленький бандит, — охарактеризовал Грегга мистер Ван Эке, и все засмеялись.

— У старших мальчишек забавы поопаснее, — как всегда, деловито сказала миссис Макгиверн. — Они мастерят пистолеты из прищепок. Стреляют спичками метров на восемь, а головка спички зажигается. Мальчишки — старшие, не ваш — собираются где–нибудь человек по десять–пятнадцать и стреляют друг в друга горящими спичками.

— Необъяснимо, что никто ни разу не получил ожога и никому ни разу не попали в глаз — можно же его и лишиться, — сказала миссис Альт. — Если кто–то попадается, мы за это автоматически отстраняем от занятий на месяц. Но

наказание не помогает. Они незаметно заряжают свои пистолеты спичками в туалетах и таскают с собой в кармане — иногда целыми днями. Ну, а когда никто из нас не смотрит… — Она сделала жест, как будто стреляет. — Бах! И прямо в лицо малышу Джимми Морзу.

— А малыш Джимми Морз стреляет в ответ — прямо в лицо малышу Рейли Хинклу. А потом обоим достается от малыша Филипа Адамса с его парой пистолетов.

Повариха выкатила первую железную тележку с супом из колотого гороха. Две молоденькие мексиканки принялись ставить еду на столы. Дети болтали без умолку. За каждым столом порядок среди детей поддерживал один из учителей, он же раскладывал своим восьмерым подопечным еду из больших тарелок. Из рук в руки передавались супницы. Повариха подкатила свою тележку к учительскому столу. Миссис Альт взяла у нее суп и начала разливать его половником по мискам. Роджеру его порцию передал мистер Ван Эке.

— Вы пропустили молитву, — сказала Роджеру миссис Макгиверн. — Вам нельзя есть.

— Прочтите сейчас, — предложил мистер Ван Эке, зачерпывая суп ложкой.

— Ему необязательно читать молитву, — за-

метила миссис Альт, наливая суп себе. — Это положено только малолетним заключенным, как их называет Лиз.

Роджер спросил:

— А она здесь?

— Недавно появилась, — сказала миссис Альт, — но уехала со своими мальчиками в Охай. Хотят купить там карбидную лампу. Вряд ли они ее там найдут. Придется ей покупать в Санта–Барбаре.

— Сегодня вечером мы идем в поход с ночевкой, — сообщила миссис Макгиверн. — Поэтому им и нужен фонарь.

Во время еды миссис Альт сказала Роджеру:

— Идемте с нами. Вы ведь уже ходили как–то? Мы недалеко идем. Летом лес был закрыт, а сейчас уже довольно влажно, можно ходить. У нас есть место, где нам разрешили развести костер. Мы сами его расчистили.

— Посмотрим, — сказал Роджер.

После обеда он и миссис Альт разыскали Грегга и отдали ему набор австрийских марок.

— Ух ты! — закричал Грегг и запрыгал. — Гляньте–ка! Можно я пойду ребятам покажу? Я скоро вернусь, мы же еще не уходим? — Он бегал по кругу, прижав к себе пакет с марками. — Можно

я их на арифметику с собой возьму?

Роджер и миссис Альт разрешили ему пойти на урок с набором марок. В час сорок прозвенел звонок, и дети постепенно разошлись по классным комнатам. Вестибюль почти опустел, только за столом с коммутатором работал один мальчик.

— Как Вирджиния? — спросила миссис Альт.

— Хорошо.

— Что там с сенной лихорадкой у Чика?

— Без особых перемен.

— А он приезжал, где–то месяц назад. К сыновьям.

— Она мне говорила, — сказал Роджер. — Лиз. Ребята ей рассказали.

— Знаете, по–моему, хорошо бы было, если бы вы поженились, — призналась миссис Альт.

— Я тоже так считаю, — согласился он.

— А не может Вирджиния все–таки передумать? Может быть, когда Грегг будет старше, и она будет не так беспокоиться о нем?

— Возможно, — сказал Роджер, хотя на самом деле не верил в это. — До тех пор пока она будет блюсти мои интересы, вряд ли она даст мне развод по обоюдному согласию.

— Вирджиния такая высоконравственная, — сказала миссис Альт. — Это просто разрушитель-

но. По крайней мере, в ее случае. Можно было бы пойти на это ради вас, ради Лиз. Мне кажется, если веришь в свою правоту, то нет такой цели, которая была бы недоступна.

— Даже если бы я получил развод и смог бы жениться на Лиз, мне пришлось бы расстаться с Греггом, — ответил Роджер. — И мне пришлось бы воспитывать сыновей Чика Боннера.

Роджер терпеть не мог обоих мальчишек. Они слишком напоминали ему Чика: оба были крупные, грузные, рыжеволосые и веснушчатые, задиристые. Оба были шумливы и без меры деятельны. Он не мог представить, что у них получилась бы семья: он, Лиз и мальчишки Боннеры. Конечно, у него с Лиз родились бы собственные дети…

«Я все пытаюсь убедить себя, — подумал он, — но факт остается фактом — Грегг мой сын. Да и, в конце концов, Вирджиния — моя жена. Даже я признаю это, не только она».

— Лиз стала бы вам прекрасной женой, — сказала миссис Альт, улыбнувшись строго и одновременно сочувственно.

— Да и так все неплохо, — сказал он.

Но и он, и миссис Альт знали, что на самом деле все плохо. Да, это было хоть что–то, но вообще–то

паршиво, хуже некуда. Но ничего лучшего они так и не смогли придумать.

— Вирджиния не звонила, не писала вам по этому поводу? — спросил он.

— Нет, — ответила миссис Альт. — Мы общаемся с ней исключительно по поводу Грегга.

Они вошли в библиотеку. В окно он увидел ели, дорожку, а дальше — стоянку и свою машину.

— Она ведь скоро должна вернуться? — спросил он.

— Если не застрянет где–нибудь по дороге. Если вы останетесь на ночь и пойдете в поход, она, пожалуй, тоже пошла бы. Оставайтесь.

— Может, останусь, — сказал Роджер.

Но ему хотелось точно знать, что Лиз тоже будет здесь. Его волновало только это, да он этого и не скрывал. Миссис Альт предоставила им в школе комнату — на том этаже главного здания, где находились комнаты учителей; там они с Лиз чувствовали себя в безопасности. Там им не грозило ничье любопытство. Комната миссис Альт располагалась между их комнатой и лестницей, спускавшейся на первый этаж, а годы работы научили ее просыпаться от любого непривычного звука.

— Мы с Лиз очень вам обязаны, — сказал Род-

жер.

— Лиз мне всегда нравилась. Я всегда считала, что мы с ней друзья. И с вами тоже.

— Спасибо, — сказал он.

В три часа Лиз с сыновьями вошла в здание. До Роджера, сидевшего в одиночестве в библиотеке, донеслись их голоса. Он слышал, как мальчики убежали, как Лиз потом выкладывала свои покупки в кабинете у миссис Альт, как поздоровалась с ней.

— Я знала, что вы ее там не найдете, — сказала миссис Альт.

— Зато неплохо провели время. Знаете, что мы видели? Зашли в парк, а там спектакль репетировали. Не знаю, что за пьеса. Один из персонажей — бабочка. Что это?

— Понятия не имею, — сказала миссис Альт.

Голоса стихли.

Он так и сидел с журналом на коленях. Его охватило привычное волнение, руки ослабели, стали холодными и влажными, кожа — чувствительной.

«Никогда не смогу поверить, что имею на это право, — думал он. — Никогда не смогу по–настоящему это принять: все жду громких шагов на крыльце, жду, что распахнется дверь. Постоянно

жду, что меня уничтожат.

Но почему я этого жду, не знаю. Это случилось два года назад. Тогда меня поймала Вирджиния. Все остальное — ничто».

— Привет, — входя, сказала Лиз.

— Привет, — сказал Роджер, вставая и откладывая журнал в сторону.

Она подошла и поцеловала его.

— Ты понимаешь что–нибудь в карбинных лампах?

— Карбидных, — поправил он.

— От меня пахнет чесноком, — сказала она. — Мы ели пиццу в «Ориентал Пицца–паласе Сэма» — как–то так место называется.

Одной рукой она прижимала к себе качественно сработанную сумку, набитую покупками, а другой обнимала его, дыша ему в лицо. От нее и правда пахло чесноком, а еще шампунем.

— Хорошо от тебя пахнет, — сказал он. — Что в сумке?

— Зефир и булочки для похода. — Ее лицо сияло от восторга. — На этот раз мы не берем с собой палаток. Спать будем прямо на земле, в спальных мешках. И еще будем рыть яму, потом в ней огонь разведем, поставим решетку и приготовим ужин. Что скажешь? Если ты не пойдешь, я тоже

не пойду.

— Похоже, будет неплохо, — сказал он, разделяя ее возбуждение.

Из кабинета миссис Альт он позвонил в магазин Вирджинии. Ответил один из продавцов:

— «Эл энд Би Эпплаенс Март».

— Можно миссис Л? — попросил он.

Миссис Альт, сидевшая за своим столом, едва заметно улыбнулась.

— Алло, — через некоторое время услышал он голос Вирджинии.

— Я из школы звоню, — сказал Роджер. — Хочу сегодня здесь переночевать. Обратно, наверное, завтра после обеда поедем. Если решим остаться еще на одну ночь, я тебе позвоню.

— Приятно провести время, — ответила Вирджиния.

— Мы в поход идем, с ночевкой, — объяснил он. — В Лос–Падрес, лес снова открыли.

— Лиз там?

— Какая тебе разница?

— Да никакой, — сказала она. — Только если идешь в поход, будь поосторожнее.

Он положил трубку, и миссис Альт спросила:

— Переодеться есть во что?

— Да, — сказал он. — Наверху.

Роджер поднялся в их комнату и вытащил из шкафа рабочие брюки, рубашку и тяжелые ботинки. Когда он зашнуровывал ботинки, неслышно проскользнула Лиз и закрыла за собой дверь. Он тут же бросил свое занятие.

В полпятого группа с рюкзаками на плечах вышла в сторону большого леса. Первым шел мистер Ван Эке. За ним следовала компания из семерых или восьмерых мальчишек старшего возраста, настроенных воодушевленно и уверенно. Дальше шли миссис Альт, миссис Макгиверн, Лиз и Роджер — говорили они мало, двигались легко.

— Главное — не напрягаться, — сказала миссис Альт. — Как только устанем, устроим привал.

Возник спор, можно ли курить.

— Это исключено, — сказала миссис Макгиверн.

— Но земля же мокрая, — возразила Лиз.

— Ну и что? Сигареты и спички даже проносить через границу леса запрещено.

— Мы же несем спички для костра, — сказала Лиз.

— Мы ведь и так нарушаем закон. Нам разрешили пойти в поход в виде исключения.

Роджеру Лиз сказала:

— Я буду курить.

В лес они вошли по берегу высохшего ручья. В овраге валялись стволы деревьев, валуны, сломанные ветки. Потом они прошли мимо остатков плотины, обветшалой башни пожарного наблюдения. Тропа резко, под крутым углом, пошла вверх, затем выровнялась до горизонтали. Почва была сухая, светлых тонов. Здесь рос кустарник какого–то одного вида, и больше ничего. Бесплодная, продуваемая всеми ветрами земля. Остановившись, Роджер оглянулся — за ними лежала долина, квадраты полей, дороги и их школа у склона горы. Отсюда склон выглядел как ряд холмов, на которых не видно было деревьев, во всяком случае, живых. Вдалеке чернело выгоревшее несколько лет назад плато с торчавшими стволами мертвых деревьев.

Впереди тропа пересекала русло ручья, потом обвивала возвышенность, а дальше шла спиралью вокруг первого пика. Сгустился легкий туман, и в дымке пик стал едва различим.

— Туда? — спросил он у миссис Альт.

— Нет, — сказала она. — Срежем.

И они двинулись дальше. Сузившаяся тропа повела их вниз, в широкий овраг, в котором росли деревья. Они пересекли узкий поток воды и с полчаса шли по ручью на восток. Подъем был не

очень крутой. Никто не устал. В двадцать минут шестого тропинка резко повернула в сторону от воды вверх, к вершине горы. Видимость стала такой слабой, что они поднимались почти на ощупь. Роджер, помогавший Лиз, видел только темнеющее вечернее небо, дымку и удлиненный, поросший сорняками пик.

На самом верху их уже ждал мистер Ван Эке с мальчиками. Остановиться они собирались на другой стороне пика. Вниз большими ступенями спускались несколько горных площадок. Долину отсюда не было видно. Они были окружены горами. Воздух стал холодным, разреженным, пахло горечью. Любой звук было слышно за несколько миль. Где–то по крутому склону что–то покатилось вниз — может быть, куча комьев грязи с корнями. Между валунами и кустами перелетали птицы. Ветер подымал, кружил и уносил в лощину обрывки газет, оставленных их предшественниками. Внизу, в оврагах и ложбинах, уже совсем стемнело. На верхушках склонов еще можно было что–то рассмотреть, но и там краски постепенно поглощала тьма. Оставались лишь коричневые и буро–зеленые цвета листвы. Синева неба посерела.

Они шли дальше, вниз по склону, мимо рядов

огромных деревьев, останавливавших ветер и закрывавших собой солнечный свет. Тропу стало едва видно. Они спотыкались о груды скатившихся со склона скальных обломков, усеявших плоские площадки. Чуть ли не из–под ног выскользнула змея. Мистер Ван Эке с мальчишками протопали мимо этого места, но миссис Макгиверн и Лиз остановились.

— Что это была за змея? — спросила миссис Макгиверн.

— Красавка обыкновенная, — сказала миссис Альт, продолжая путь.

Роджер повел Лиз дальше, она пошла, внимательно глядя под ноги.

Тропа вела в расселину между двух скал. Им пришлось взбираться, хватаясь за корни. Через несколько минут наверху появился мистер Ван Эке и объявил, что они прибыли на место стоянки. Остальные тоже вскарабкались по очереди и оказались на почти горизонтально ровной, чашеобразной поверхности между поднимающимися склонами. Здесь не было ветра. Это место казалось спокойным и защищенным.

Миссис Макгиверн зажгла бензиновый фонарь и повесила его повыше, так чтобы его свет распространялся на все пространство стоянки. Роджер

взял лопату и стал копать яму для костра. Когда он закончил, все принялись носить дрова — закон все понимали по своим потребностям. Бросили еще и мятых газет. К семи часам в кастрюлях и на сковородках, поставленных на решетку, готовился ужин, тут и там были разложены спальные мешки. Небо уже совсем почернело. Свет шел только от шипящего бензинового фонаря.

Обходя фонарь, Лиз спросила:

— А он не может взорваться?

— Нет, — сказал мистер Ван Эке. — Но кто–то должен смотреть за ним и подкачивать, когда упадет давление.

Следить за фонарем поручили одному из сыновей Лиз.

На ужин у них были отбивные из молодой баранины с печеной картошкой и зеленой фасолью, пирожные, молоко из термоса, для взрослых — кофе. Закрытые банки с рагу отложили в сторону — на завтрак.

На небе высыпали бесчисленные звезды, и целый час все искали разные созвездия. Пролетел камнем метеор и исчез за горами на севере. Никто не видел, откуда он взялся; казалось, он возник просто из ничего. И все согласились, что он появился сам по себе. Земное притяжение

потянуло его вниз.

Там, куда не доставал свет бензинового фонаря, шевелились и издавали разные звуки какие–то живые существа. Один звук все время повторялся — возбужденное курлыканье.

— Это бурундук, — сказала миссис Альт.

— А не лесная кошка? — усомнилась Лиз.

— Бурундуки тут повсюду, — сказал мистер Ван Эке.

Ночью в темноте разразилась яростная драка. Пронзительные крики и звуки потасовки в подлеске разбудили всех мальчишек.

Ван Эке прокомментировал:

— Кто–то кого–то съел.

— Скорее всего, сова, — сказала миссис Альт. — Наверное, лесную мышь или белку поймала.

Она, миссис Макгиверн, мистер Ван Эке, Лиз и Роджер сидели вокруг костра, время от времени подправляя его палочками от сосисок и зефира. Была уже половина двенадцатого.

— Похолодало, — заметила миссис Макгиверн.

Лиз сидела рядом с Роджером, подтянув к себе колени и обхватив их руками. Она закатала джинсы, и в свете костра ее гладкие голые икры отливали темно–красным. Гладкие как кость, подумал он. Протянув руку, он прикоснулся к ее

лодыжке, потянул за носок. Она опустила руку и накрыла его пальцы своими. Ее кожа от близости огня была горячей. От костра остались одни только угольки, и от них по земле расстилалось тепло. Лиз наклонилась вперед, приблизившись к нему головой. Ее волосы отражали цвет костра, красновато–коричневый, почти переходивший в черный. На ее шее он увидел мокрые полоски, и они напомнили ему тот день два года назад, когда Вирджиния ворвалась в дом и Лиз одна вышла из спальни, чтобы встретить ее. Обычно испарина проступала у нее, когда ей бывало страшно, когда она волновалась, была в напряжении и даже когда была счастлива. Капельки влаги словно выпрыскивались на поверхность.

Но та материя, та субстанция, в которой она жила, сомкнулась вокруг нее, превратившись в обитель покоя, думал он. И Лиз ушла в тот идеальный сокровенный уголок неизменности, где ей было так легко. Быть может, ее слегка встряхнуло. Но он не видел, чтобы в ней что–то изменилось. С ней ничего тогда не произошло. А этого–то он и искал с самого начала. Он видел это в ее глазах, вернее, в глубине ее глаз. Это доступно каждому. Во внутренний мир глаз можно проникнуть. Когда он прямо смотрел в ее глаза, то видел в них

завершенную личность, плавно движущуюся вокруг своей оси. Ничто не могло изменить ее, повлиять на нее. Вирджиния тогда вторглась в дом, и Лиз выбежала из спальни, защищая не столько свой дом и свою честь, сколько его — и даже это пронеслось над ней, не задев ощутимо. Она осталась совершенно такой же, какой и была.

Вот она сидит, думал он, склонив голову на колени, положив свои пальцы на мои. Вот ее гладкие, темные, блестящие, теплые ноги. От ее волос, как всегда, приятно пахнет, у нее всегда будет эта прекрасная улыбка, и, помимо всего остального, она будет впускать в себя мой пристальный взгляд, в самую глубь, так, чтобы я мог увидеть — как не видел ни у кого другого — то, с чем я говорю на самом деле. И она никогда не убежит. Никогда не солжет. Пока я способен удерживать ее внимание, я буду видеть все, как оно есть на самом деле. Она являет собой, пожалуй, окончательное бытие, насколько это для нее возможно. В пределах своего существования она абсолютна. И это так, потому что она ни на что, по сути, не завязана, просто существует. Но добиться ее против воли или овладеть ею невозможно.

Счастье ее, думал Роджер, состоит вот в этом, в том, что она сидит сама по себе, рядом со мной,

ничего не делает, ничего ей не нужно, да в каком–то смысле она нигде и не была. У нее нет памяти, она неспособна смотреть в будущее, ничего не знает о смерти — как будто она всегда была здесь, еще до этого костра, и пальцы ее лежали на его пальцах.

Но со мной–то, думал он, все кончено. Для меня это был конец. На нее это, наверное, не повлияло, но на меня — еще как. Знает ли она об этом? Она старалась — выскочила из комнаты, встала между мной и Вирджинией. Сделала все, что от нее зависело. Значит, знала, чем это может стать для меня. Но Вирджиния прорвалась сквозь ее защиту, вошла в комнату.

Черт бы ее побрал, эту Вирджинию, подумал он. Но ведь когда–нибудь даже Вирджиния заболеет и умрет. Жизнь ее пойдет на убыль, и будет она ползать на ощупь, ожидая конца.

Но меня–то к тому времени уже давно не будет. Так что какая разница? Я уйду первым. В каком–то смысле, меня уже нет.

Сидевшая рядом Лиз спросила:

— А если вдруг откуда–нибудь выпрыгнет лесная кошка, что делать? Колотить в сковородку?

— Да, — ответил Роджер. — Или призвать на помощь бога.

Покачав головой, она устремила на него свой серьезный, полный надежды взгляд.

— Ты же не веришь в бога. Я знаю, ты мне говорил.

— Не верю, — подтвердил Роджер.

— А может быть, нужно верить? — спросила она.

— Может быть.

Наклонившись к ней, он поцеловал ее в губы.

На следующий день, в субботу, после обеда Роджер с Греггом ехали обратно в Лос–Анджелес.

— А у древних римлян были марки? — спросил Грегг.

— Не думаю, — ответил он.

— У меня, кажется, есть одна марка из Рима.

— Может быть, — сказал он.

Яркий свет слепил глаза, и Роджер достал из бардачка темные линзы, которые крепились к его обычным очкам.

— Мне не хотелось идти в поход, — сказал Грегг. — Не люблю я походы.

— Почему?

— Да мы один раз с Билли Хаагом заблудились. Сами пошли в поход, никому не сказали. Два часа не могли дорогу найти.

— Осторожнее надо быть, — сказал он.

— Мы по компасу Билли шли.

Впереди на обочине стояло несколько батраков–мексиканцев, ловивших попутку. Они подняли руки, и он немного притормозил.

«Она бы остановилась», — подумал он, но прибавил скорость и проехал мимо.

Мексиканцы остались позади, их фигурки быстро уменьшались.

— Нужно было остановиться, — сказал он Греггу.

— А вон еще стоят, — увидел Грегг.

Впереди голосовала еще одна группа мексиканцев, некоторые даже вышли на дорогу. На этот раз он действительно затормозил. Мексиканцы ринулись к машине, и он знал, что повезет их, нравится ему это или нет.

— Открой дверь, — сказал он Греггу.

Грегг открыл дверь, и мексиканцы один за другим полезли в машину. Первая группа тоже бросилась к ним и добежала прежде, чем он успел тронуться. Когда все втиснулись, места для Грегга уже не оставалось. Один из мексиканцев сгреб Грегга в охапку и посадил к себе на колени.

— Куда едете? — спросил у них Роджер.

Они залопотали между собой по–испански. Наконец один из них сказал:

— Санта–Паула.

— Через горы, — добавил другой.

— Хорошо, — сказал Роджер. — Я тоже туда.

Они поднялись по крутой извилистой дороге, перевалили через хребет и стали спускаться по его южной стороне. Один из мексиканцев спросил:

— Это твой мальчик?

— Да, — сказал Роджер.

Мексиканец погладил Грегга по голове.

— Он в школу ездит, — объяснил Роджер. — В Охай.

Все пассажиры широко улыбались Греггу, кое–кто протянул руку и тоже погладил его.

— Куда ты едешь? — спросил Роджера смуглый молодой человек с мощным лбом и крепким носом.

У него были большие, но не толстые губы и крупные зубы.

— В Лос–Анджелес, — сказал он.

— Там живешь?

— Да, — сказал он.

Молодой мексиканец сообщил:

— А мы едем в Империал. Ездим туда на зиму работать. — Все те, что сидели впереди и сзади, и тот, который держал Грегга на коленях, подтвер-

дили это. — Всю зиму урожай. Салат–латук. — Он изобразил, как нагибается, и все мексиканцы тяжело вздохнули. — Пора уже ехать, — сказал молодой. — А то поздно будет.

— Никогда не был в долине Империал, — сказал Роджер.

Всю оставшуюся часть пути до Санта–Паулы они рассказывали ему о долине Империал.

Когда Роджер их высадил, Грегг сказал:

— Надо же, все в машину влезли.

— Им нужно было перебраться через горы, — сказал Роджер.

Наконец они прибыли в Лос–Анджелес, он доехал до дома, припарковался. Дверь была открыта, значит, Вирджиния или, скорее всего, чернокожая горничная дома. Он смотрел на дом, и через некоторое время на крыльцо вышла горничная Кэти вытрясти швабру. Увидев его и Грегга, она помахала им рукой.

— Пойдем домой, — сказал Грегг, ерзая на сиденье. — Пошли, пап.

— Иди, иди сам, — ответил Роджер.

На его часах было полшестого. Скоро приедет Вирджиния.

— Давай, иди, — сказал он. — Я в магазин съезжу.

— Хорошо, — согласился Грегг.

— До свидания, — попрощался Роджер. Его сын выскочил из машины и пошел по дорожке.

— До свидания! — крикнул в ответ Грегг.

Роджер поехал в сторону магазина. Где–то через квартал он остановился и закурил. Солнце зашло. Тут и там зажглись огни. Многие магазины закрылись на выходные. В шесть часов он вышел, запер машину и пошел пешком, пока ему не попалась заправочная станция. Ее служащий сидел и выписывал талон на смазку. Когда Роджер открыл дверь и вошел, он не обратил на него никакого внимания.

— У вас есть карты? — спросил Роджер.

— Какие? — спросил служащий. — Пиратские?

Роджер взял с полки карту Калифорнии. Все остальные оказались картами Лос–Анджелеса.

— Спасибо, — сказал он.

В машине он развернул карту.

«Шоссе 66, — подумал он. — До Барстоу, потом через пустыню Мохаве до Нидлса, потом по затяжному уклону, через границу Аризоны до Кингмена. Затем прямо на восток, через Нью–Мексико и «Техасский полуостров»[169] в

[169] Примечания: 169

«Техасский полуостров» — Полоса территории штата Техас между штатами Нью–Мексико и Оклахома.

Западную Оклахому, до Оклахома–Сити, и на север. До самого Чикаго».

Машина наполовину его. У него есть законное право выехать на ней за пределы штата. Вирджиния тут не сможет никак помешать, он был уверен в этом.

Но, конечно же, ему нужны деньги. Добравшись до Чикаго, он сможет устроиться мастером по ремонту, электриком или рабочим на завод, будет заниматься тем же, чем и сейчас. Но чтобы попасть туда, ему нужно триста долларов. Он вытащил бумажник и посчитал все, что у него было. Двадцать долларов. Не хватит даже, чтобы пересечь Аризону.

«Нет никаких причин, по которым мне нельзя их взять, — сказал он себе. — В каком–то смысле — и даже очень прямом — они мои. Никто меня не остановит, все признают, что у меня есть право бывать там. И полицейский так сказал».

Роджер завел двигатель и поехал по улице. В витринах магазина горел свет, внутри было темно. Продавцы, мастера, Вирджиния, Чик и Херб все заперли и ушли. Он повернул налево и въехал на стоянку у магазина. Припарковавшись у погрузочной платформы за магазином, где его не было видно, он вышел из машины. Потом

обошел здание и отпер парадную дверь.

В магазине было пусто. Все ушли домой.

Он запер за собой дверь, прошел мимо прилавка и вошел через заднюю дверь на склад, где хранились в коробках товары — телевизоры, плиты, холодильники. Пожалуй, легче всего будет продать настольные телевизоры, особенно в городках, через которые он будет ехать. Он открыл дверь, выходившую на погрузочную платформу, и выбрал себе телевизоры — взял те, что стояли в задних рядах, их не было видно. По одному он стал выносить их в машину и загрузил ими багажник и заднее сиденье. Телевизоры были тяжелые, и когда он закончил, у него страшно разболелся бок.

«Чертов бок», — думал он, тяжело дыша и дрожа. Зато телевизоры в машине. Не меньше чем на семьсот долларов по цене дилера. Даже если он получит меньше, чем по сотне за штуку, все равно наторгует на пятьсот долларов.

Поднявшись в кабинет, он нашел карточки учета на взятые им телевизоры, сунул их в карман и спустился. Удостоверившись, что везде выключил свет, он запер магазин и сел в машину, за руль.

Машина, чуть просевшая под тяжестью телеви-

зоров, медленно выползла со стоянки. «Ничего, вес еще сброшу, — подумал он. — Когда доберусь».

На территории Мильтона Ламки

Роман In Milton Lumky Territory был написан в 1958–59 гг. Впервые опубликован в 1985 году американским издательством Dragon Press.

От автора

Перед вами — очень забавная книга, по–настоящему забавная, да к тому же еще и хорошая, такая, где смешные вещи происходят с реальными людьми. И окончание у нее счастливое. Что еще может сказать автор? Что еще может он предложить?

Глава 1

На закате по пустынным улицам Монтарио, штат Айдахо, с озера обычно тянуло едко пахнущим ветерком. Вместе с ним появлялись тучи острокрылых желтых мушек; они разбивались вдребезги о ветровые стекла автомобилей. Водители, чтобы избавиться от клякс, включали «дворники». Когда зажигались уличные фонари на Хилл–стрит, повсюду начинали закрываться лавки, пока открытыми не оставались лишь аптеки — по одной в каждом из районов города. Кинотеатр «Люксор» не открывался до половины седьмого. Несколько кафе к городу вообще не имели отношения: открытые или закрытые, они принадлежали федеральному шоссе 95, которое проходило по Хилл–стрит.

Гудя, стуча колесами и скользя по самому северному из четырнадцати параллельных путей, появлялся плацкартный поезд «Юнион Пасифик», следующий из Портленда в Бойсе. Он не останавливался, но на переезде через Хилл–стрит замедлял ход, пока не показывался почтовый вагон — тускло–зеленое металлическое сооружение, выделяющееся среди кирпичных пакгаузов

вдоль пути, едва перемещающееся, с открытыми дверьми, из которых высовывались и тянули вниз руки двое железнодорожников в полосатых костюмах. Женщина средних лет в стеганом шерстяном одеянии ловко вручала несколько писем одному из железнодорожников.

Еще долго после того, как исчезал из виду последний вагон поезда, семафор мельтешил своими крылышками и горел красным огнем.

За обеденным прилавком в своей аптеке мистер Агопян ел гамбургер со стейком и консервированную волокнистую фасоль, между делом читая экземпляр «По секрету», взятый с полки у входной двери. Сейчас, после шести, никто из клиентов его не донимал. Он сидел так, чтобы видеть улицу за окном. Если бы кто–то вздумал войти, он бы тут же прекратил есть и вытер бы рот и руки бумажной салфеткой.

Вдалеке, то пускаясь в бег, то останавливаясь и оборачиваясь, чтобы броситься обратно, появился мальчишка с задранной к небу головой, увенчанной хвостатым, как у Дэви Крокетта[170], кепи. Мальчишка, выделывая кренделя, пересекал улицу, и мистер Агопян осознал, что тот

[170] Примечания: 170

Дэви Крокетт (1786–1836) — знаменитый американский солдат, конгрессмен и национальный герой.

направляется в его аптеку.

Мальчик, держа руки в карманах и двигаясь неуклюже и дергано, вошел в лавку и приблизился к полке с кондитерскими изделиями, которые все были перемешаны под надписью «3 за 25 центов». Мистер Агопян продолжил есть и читать. Парень взял наконец коробку «Милки Дадс», упаковку M&M's и плитку «Херши».

— Фред, — кликнул мистер Агопян.

Откинув в сторону занавеску, его сын Фред вышел из задней комнаты, чтобы обслужить мелюзгу.

В семь часов мистер Агопян сказал Фреду:

— Ты можешь идти домой. Теперь уже вряд ли мы тут нужны вдвоем. — Думая об этом, он испытывал раздражение. — Никто здесь сегодня уже не появится и ничего не купит.

— Я останусь, — сказал на это Фред. — Все равно заняться нечем.

Зазвонил телефон. Это была миссис де Руж с Пайн–стрит: она хотела, чтобы они изготовили и доставили прописанное ей лекарство. Мистер Агопян взял свой гроссбух и, сверив номер, обнаружил, что миссис Руж нужны обезболивающие пилюли. Он заверил ее, что Фред принесет их ей к восьми.

Пока он подготавливал пилюли — капсулки с кодеином, — дверь аптеки открылась. Через порог ступил хорошо одетый — однобортный пиджак, галстук — молодой человек. У него был веснушчатый костистый нос и коротко остриженные волосы, и по этим приметам мистер Агопян понял, кто это — по ним, да еще по его улыбке. У парня были хорошие зубы, белые и крепкие.

— Могу я помочь вам, сэр? — спросил Фред.

— Пока просто осматриваюсь, — сказал посетитель. Сунув руки в карманы, он двинулся к журнальным стеллажам.

Интересно, почему его так долго здесь не было, подумал Агопян. Раньше он заявлялся сюда постоянно. С детских лет. Неужели он променял его на аптеку Уикли? При этой мысли старик ощутил растущее раздражение. Покончив с пилюлями для миссис де Руж, он ссыпал их в пузырек и двинулся к прилавку.

Молодой человек, Скип Стивенс, уже подошел к Фреду с экземпляром журнала «Лайф» и шарил в кармане брюк в поисках мелочи.

— Что–нибудь еще, сэр? — спросил Фред.

Мистер Агопян хотел было заговорить со Скипом Стивенсом, но как раз в это мгновение Скип наклонился к Фреду и приглушенным голосом

сказал:

— Да, я хотел бы взять упаковку «Троянцев».

Мистер Агопян деликатно отвернулся и чем–то себя занимал, пока Фред не завернул упаковку презервативов и не сделал в журнале отметку о продаже.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Фред тем деловитым тоном, который появлялся у него всякий раз, когда кто–нибудь покупал презервативы. Покидая прилавок, он подмигнул отцу.

Сунув журнал под мышку, Скип направился к двери, очень медленно, разглядывая по пути журналы на полках, чтобы показать, что не испытывает никакого стеснения. Настигнув его, мистер Агопян сказал:

— Давненько тебя не было видно. — От возмущения у него дребезжал голос. — Надеюсь, у тебя и твоих родных все в порядке?

— У всех все хорошо, — сказал Скип. — Я их пару месяцев не видел. Живу сейчас в Рино. У меня там работа.

— Вот как, — сказал мистер Агопян, ничуть ему не веря. — Понимаю.

Фред наклонил голову, прислушиваясь.

— Ты же помнишь Скипа Стивенса, — обратился мистер Агопян к сыну.

— Ах да! — сказал Фред. — Я тебя не узнал. — Он приветственно кивнул Скипу. — Не видел тебя чуть не с полгода.

— Я теперь обретаюсь в Рино, — объяснил Скип. — С апреля не был в Монтарио.

— А я–то гадал, почему тебя не видать, — сказал Фред.

— А твой брат все еще учится в колледже где–то на востоке? — спросил мистер Агопян.

— Нет, — сказал Скип. — Он его уже закончил, а после того еще и женился.

Нет, не живет этот парень в Рино, подумал мистер Агопян. Ему просто стыдно признаться, почему он здесь не появлялся. Скип переминался с ноги на ногу, явно испытывая неловкость. Было очевидно, что ему не терпится уйти.

— А что у тебя за работа? — спросил Фред.

— Я агент по закупкам.

— Какого рода?

— Работаю в БПЗ.

— Это что, на телевидении? — спросил мистер Агопян.

— В Бюро потребительских закупок, — сказал Скип.

— Это еще что такое?

— Что–то вроде универмага, — объяснил

Скип. — Новое заведение, на шоссе 40, между Рино и Спарксом.

— Я знаю, что это такое, — со странным выражением лица сказал Фред отцу. — Мне рассказывал один парень. Это один из дисконтных торговых домов.

Сначала старик ничего не понял. Но потом вспомнил, что именно приходилось ему слышать о дисконтных домах.

— Так ты что, хочешь пустить по миру всех розничных торговцев? — повысив голос, спросил он Скипа.

— Это ничем не отличается от супермаркета, — ответил Скип, краснея. — Просто там закупают оптом, а экономию распространяют и на потребителя. Точно так же действовал и Генри Форд, организуя массовое производство.

— Это не по–американски, — сказал мистер Агопян.

— Как раз по–американски, — возразил Скип. — И это повышает уровень жизни, потому что исключает накладные расходы и посреднические наценки.

Дальнейший разговор со Скипом Стивенсом старика совершенно не интересовал. Конкуренция с китаёзами и япошками — вещь и так

достаточно паршивая. Но эти новые большие дисконтные дома представлялись ему куда более опасными: они прикидывались американскими — у них имелись неоновые вывески, рекламные щиты и парковки, и, если не знать, что они представляют собой на самом деле, их действительно можно было принять за супермаркеты. Он не знал, кто ими заправляет. Никто никогда не видел владельцев дисконтных домов. Собственно говоря, сам он никогда не видел даже и дисконтного дома.

— Это никак не затрагивает ваш бизнес, — сказал Скип, проследовав за Фредом, который стал упаковывать посылку для миссис де Руж. — Никто не поедет за пять сотен миль, чтобы что–то купить, пусть даже и что–то большое, вроде мебели.

Пока сын занимался упаковкой, мистер Агопян готовил этикетку.

— В любом случае, это только в больших городах, — продолжал Скип. — Этот городок недостаточно велик. Бойсе, может, и подошел бы.

Ни Фред, ни его отец ничего не сказали. Фред натянул куртку, взял у отца этикетку и вышел из аптеки.

Старик принялся сортировать разнообразные

товары, доставленные на протяжении дня. Вскоре за Скипом Стивенсом закрылась дверь.

Ведя машину среди жилых кварталов Монтарио, по неосвещенным улицам с гравийным покрытием, Брюс Стивенс думал о старике Агопяне, с которым у него всю жизнь случались стычки. Как–то раз, давным–давно, старик погнал его от полки с комиксами и преследовал даже за дверью аптеки. Несколько месяцев Агопян потихоньку кипел от негодования, когда детишки, скорчившись в три погибели за полкой с бутылками минерального масла, читали комиксы «Шик–Блеск» и «Кинг», почти никогда ничего не покупая. Наконец он решил наброситься на первого же ребенка, которого застанет за таким занятием, и этим ребенком оказался Брюс Стивенс — которого в те годы звали Скипом Стивенсом из–за его яркого лица, круглого и веснушчатого, и рыжеватых волос. Старик и по сей день называл его «Скипом». Какой же убогий мирок, думал Брюс, глядя на дома вокруг. Я рассердил его тогда, и он до сих пор злится. Просто удивительно, что он не позвонил в полицию, когда я купил упаковку «Троянцев».

Но возмущение старика, что Брюс работает на дисконтный дом в Рино, нисколько Брюса не

трогало, потому что он знал, что именно испытывают мелкие розничные торговцы; точно так же они чувствовали себя и сразу после Второй мировой войны, когда открылись первые супермаркеты. И эта их враждебность даже доставляла ему некоторое удовольствие. Это доказывало, что люди уже начинали закупаться в дисконтных домах — или, по крайней мере, уже слышали о них.

Это уже настает, еще раз сказал он себе. Через десять лет никому не придет в голову покупать сегодня лезвия для бритья, а завтра — мыло; все будут покупать в один из дней недели, в таком заведении, где можно приобрести любую вещь, от пластинки до автомобиля.

Но потом он вдруг осознал, что упаковку презервативов он купил не в Рино, а в маленькой аптеке, за полновесную розничную цену. Сказать по правде, он не знал, имеются ли презервативы на складах дисконтного торгового дома, в котором работал.

Да еще и этот журнал, подумал он. Чтобы скрыть свои истинные намерения. Он всегда испытывал неловкость, покупая презервативы. Приказчики за прилавком каждый раз доставляли ему неприятности. Бросая маленькую

металлическую упаковку так, чтобы ее могли увидеть посторонние. Или крича с дальнего конца ряда: «Так какие вы хотите, «Троянцев» или…» — каким бы там ни был альтернативный бренд. «Шейхи» или что–нибудь еще. С тех пор как ему стукнуло девятнадцать и он начал носить с собой презервативы, Брюс привязался к «Троянцам». Такова Америка, в очередной раз сказал он себе. Покупай по бренду. Знай свой товар.

Конечным пунктом его поездки из Рино был Бойсе, но, проезжая через свой родной город, он решил остановиться и, может быть, заглянуть к той девушке, к которой хаживал в прошлом году. Он вполне мог продолжить путь на следующее утро: до Бойсе было всего пятнадцать миль на северо–восток, по федеральному шоссе 95, шедшему из Невады. Или, если дело не выгорит, он мог двинуться дальше этим же вечером.

Брюсу было двадцать четыре года. Ему нравилась его работа в БПЗ, которая не приносила ему много денег — около трех сотен в месяц, — но давала возможность колесить по дорогам на его «Меркурии» 55–го года, встречаться с разными людьми, торговаться с ними и соваться в разнообразные учреждения, тем самым удовлетворяя острую внутреннюю потребность к открытиям.

И ему нравился его босс, Эд фон Шарф, который носил большие черные усы, как у Рональда Кольмана[171], и был сержантом морской пехоты во время Второй мировой войны, когда Брюсу было восемь.

И ему нравилось жить самостоятельно, в квартире в Рино, вдали от родителей и от фермерского, по сути, городка, расположенного в картофелеводческом штате, где вдоль шоссе устанавливали объявления: ОСТОРОЖНЕЕ С МЕНГО, что означало «осторожнее с огнем», — проезжая мимо какого–нибудь из них, он всегда приходил в ярость. Из Рино он при любой нужде мог с легкостью добраться через Сьерры в Калифорнию или же отправиться в противоположную сторону, в Солт–Лейк–Сити. Воздух в Неваде был чище, в нем не было этого солоноватого тумана, что накатывал на Монтарио, принося с собой мушек, на которых он наступал и которых вдыхал всю свою жизнь.

Сейчас сотни тех же самых мушек, раздавленных насмерть, усеивали капот, бамперы, крылья и ветровое стекло его автомобиля. Они засорили радиатор. Их тощие волосатые тельца испещря-

---

[171] Примечания: 171
Кольман, Рональд Чарльз (1891–1958) — английский актер.

ли поле его зрения, из–за чего поиски дома Пег значительно осложнялись.

Наконец, благодаря широкой лужайке, крыльцу и деревьям, он узнал дом. Внутри повсюду горел свет. И несколько машин были припаркованы неподалеку.

Когда он припарковался и поднялся на крыльцо, чтобы позвонить в дверь, то изнутри отчетливо услышал музыку и множество голосов. Там что–то затеяли, сказал он себе, нажимая на кнопку звонка.

Дверь распахнулась. Узнав его, Пег задохнулась, взмахнула руками, затем скользнула вбок и втащила его в дом.

— Вот так сюрприз! Кто бы мог подумать!

В гостиной было немало народу — все сидели там и сям с бокалами в руках, слушая пластинку Джонни Рэя. Трое или четверо мужчин и столько же женщин.

— Мне, наверное, следовало позвонить, — сказал он.

— Нет, — возразила Пег. — Ты же знаешь, что я всегда тебе рада.

Лицо ее, маленькое, круглое и гладкое, так и сияло. На ней были оранжевая блузка и темная юбка, а распущенные волосы выглядели очень

мягкими. Она казалась ему необычайно привлекательной, и он страстно захотел ее поцеловать. Но несколько человек повернули головы в его сторону, молча улыбаясь в знак приветствия, так что от поцелуя он воздержался.

— Только что приехал? — спросила она.

— Да, — подтвердил он. — Я выехал в семь утра. И довольно быстро. Почти все время гнал под семьдесят миль.

— Наверное, здорово устал. Обедал, нет?

— Останавливался перекусить, часов в пять примерно, — сказал он. — В дороге голода я обычно не чувствую.

— А сейчас чего–нибудь хочешь?

Она провела его по коридору мимо гостиной на кухню. Там на кафельной сушильной доске стояла чаша с кубиками льда, теснились бутылки имбирного и горького пива, валялась лимонная кожура, а венчала все это полная бутылка недорогого бурбона. Открывая холодильник, она сказала:

— Давай–ка приготовлю тебе что–нибудь горячее — я же помню, что когда ты за рулем, то обходишься сэндвичем да коктейлем. Прекрасно помню…

И она начала вынимать блюда с едой и ставить

их на стол.

— Погоди, — остановил он ее. — Я сейчас погоню дальше. Мне надо быть в Бойсе. Надо провернуть там одно дельце завтра.

— Как тебе твоя работа? — спросила она, оставив свои хлопоты.

— Ничего.

— Идем в гостиную, я тебя представлю.

— Я слишком устал.

— Всего на несколько минут. Они же видели, как ты вошел. Это просто друзья, заехали ненадолго. Мы ужинали в Бойсе. В китайском ресторане. Утка с лапшой и чау–мейн из свинины. Они подбросили меня домой.

— Не хочу вторгаться…

— Ты просто прикидываешься мучеником. Надо было позвонить мне. — Закрыв холодильник, она шагнула к нему, распахнув руки, и позволила обнять себя и поцеловать. — Сам знаешь, как давно мы с тобой не были вместе. Может, я от них отделаюсь. Наверное, они скоро разъедутся. Останься ненадолго, а я вроде как заведу разговор о завтрашней работе.

— Нет, — сказал он. Но позволил провести себя обратно по коридору, в гостиную. Она была права: после того как они в последний раз были вместе,

времени прошло немало, а за восемь или девять месяцев, прожитых в Рино, он еще так и не познакомился с девушкой, которую бы хорошо узнал. Настолько хорошо, как Пег. А значит, в течение этих восьми или девяти месяцев у него никого не было. Теперь, после того как поцеловал ее, он, чувствуя, как ее маленькие, теплые и влажные пальцы обхватывают его запястье, начал испытывать потребность в сексе. Одно дело — просто обходиться без секса, и совсем другое — когда он прямо перед тобой, совершенно доступен.

С первого взгляда он определил собравшихся как канцелярских зануд из офисного здания, где работала Пег. У всех был бледный вид почти никогда не бывающих на открытом воздухе людей, и в то же время каждый из них отличался тем, что он для себя определял выражением «доходит, как до Айдахо». Под этим подразумевалась некоторая медлительность. Всегда наблюдался некий промежуток между выслушиванием и пониманием, весьма ощутимый интервал. Наблюдая за ними, он видел замедленность реакции. Они просто не поспевали за происходящим. Им необходимо было пережевывать даже простейшие вещи, а вещи сложные — что ж, сложные вещи до жителей Айдахо никогда не доходили и никогда не дойдут.

Так что беспокоиться было не о чем.

— Это Брюс Стивенс, — сказала Пег, обращаясь ко всем сразу. — Он только что приехал из Рино — весь день в пути.

К тому времени как она представила ему последнего из гостей, он уже забыл, как зовут первого. А когда она принесла ему выпивку — бурбон со льдом, — он забыл все их имена. Они снова стали слушать проигрыватель, так что это не имело значения. Разговор тоже продолжился, речь шла вроде бы о попытках русских достичь Луны и о том, обитаемы ли другие планеты. Получив бокал, он уселся как можно ближе к Пег.

Эти чахлые клерки, все время проводящие в помещении, раздражали его своей болтовней. Он не сводил глаз с Пег, прикидывая, светит ли ему удача, и потягивая свой бурбон. А пока он занимал себя этим, в дальнем конце дома открылась дверь ванной, откуда появилась некая женщина и прошла по коридору в гостиную. Прежде он ее не замечал — наверное, она удалилась туда еще до того, как он приехал. Подняв взгляд, он рассмотрел темноволосую женщину старше всех остальных, очень привлекательную, с белым шарфом на шее и большими кольцеобразными серьгами. С водоворотным кружением юбок она

уселась на подлокотник кушетки, и он увидел, что она обута в сандалии. Ноги у нее были голыми. Она ему улыбнулась.

— Я только что сюда попал, — пояснил он.

— О, Сьюзан, — сказала Пег, пробуждаясь к жизни. — Сьюзан, это Брюс Стивенс. Брюс, познакомься, это Сьюзан Фейн.

Он поздоровался.

— Привет, — сказала Сьюзан Фейн. И больше ничего не добавила. Опустив голову, она присоединилась к разговору остальных, как будто не покидала комнату. Он наблюдал за тем, как раскачиваются из стороны в сторону ее волосы, увязанные конским хвостом. Помимо длинной юбки, на ней был кожаный пояс, очень широкий, с медной на вид пряжкой, и черный свитер. К правому плечу была приколота серебряная брошка. Разглядывая брошку, он пришел к выводу, что та мексиканская. И сандалии, наверное, тоже. Чем больше он смотрел на Сьюзан, тем привлекательнее она ему казалась.

— Сьюзан только что вернулась из Мехико, — шепнула ему на ухо Пег. — Она получила там развод.

— Вот так–так, — сказал он, кивая. — Чтоб я провалился.

Он продолжал наблюдать за ней, держа перед собой поднятый бокал, так что со стороны представлялось — или же он надеялся, что представляется, — будто он разглядывает свою выпивку. Руки у нее выглядели сильными и умелыми, и он догадался, что она занимается какой–то ручной работой. Под черным свитером он различал бретельки ее лифчика, а когда она наклонялась, его глазам открывалась полоска голой спины между верхним краем ее юбки и свитером.

Она вдруг подняла голову, почувствовав, что он за ней наблюдает. Ее взгляд был настолько пристальным, что Брюс не смог его выдержать; перестав смотреть на нее, он предоставил своим глазам бесцельно блуждать как угодно, чувствуя, что у него мгновенно зарделись щеки. Она же после этого продолжила говорить с сидящими на кушетке.

— Она мисс или миссис? — спросил он у Пег.

— Кто?

— Она, — сказал он, указывая на Сьюзан Фейн своим бокалом.

— Я же только что сказала тебе, что она развелась, — удивилась Пег.

— Точно, — подтвердил он. — Теперь я вспомнил. Что она делает? В какой области?

— Она управляет службой проката пишущих машинок, — сказала Пег. — И сама печатает на машинке и работает на мимеографе. Работает и по нашим заказам. — Под «нами» Пег имела в виду адвокатскую фирму, где трудилась секретаршей.

— Обо мне говорите? — спросила Сьюзан Пейн.

— Да, — сказала Пег. — Брюс спросил, чем ты занимаешься.

— Как я понимаю, вы только что вернулись из Мехико, — сказал Брюс.

— Да, — сказала Сьюзан Пейн, — но это не то, чем я занимаюсь. — Окружающие нашли ее реплику забавной и рассмеялись. — Не совсем то, — добавила она. — Вопреки тому, что вы, возможно, слышали.

После этого она соскочила с подлокотника и с пустым бокалом прошла на кухню. Один из заморышей–клерков поднялся и последовал за ней.

Я ее знаю, думал Брюс, потягивая свой бурбон. Где–то я видел ее раньше.

Он пытался вспомнить, где именно.

— Хочешь, я повешу твой пиджак? — сказала ему Пег.

— Спасибо, — сказал Брюс. Занятый своими мыслями, он поставил бокал, встал и расстегнул

пиджак. Когда она взяла его и понесла в шкаф в прихожей, он последовал за ней.

— По–моему, я знаю эту женщину, — сказал он.

— В самом деле? — сказала Пег. Она вешала пиджак на плечики, и в это время произошла одна из тех вещей, которых ни один мужчина не может предвидеть и мало кто способен пережить. Из кармана пиджака на ковер упала упаковка «Троянцев» в пакетике «Аптека Агопяна».

— Что это? — сказала Пег, наклоняясь, чтобы подобрать пакет. — Такое маленькое?..

Разумеется, Фред Агопян уложил «Троянцев» так, чтобы они с легкостью могли выскользнуть из пакета и предстать перед кем угодно. Когда Пег увидела их, на лице у нее появилось странное холодное выражение. Не промолвив ни слова, она вернула упаковку в пакет, а пакет — в карман пиджака. Закрывая дверь шкафа, она сказала:

— Что ж, как я понимаю, ты хорошо заранее подготовился.

Он меж тем сокрушался, что не отправился прямиком в Бойсе.

— Ты всегда был оптимистом, — заметила Пег. — Но у них неограниченный срок годности, так ведь? Я полагаю, они завсегда пригодятся.

Возвращаясь в гостиную, она добавила через

плечо:

— Не хочу, чтобы ты потерял свою инвестицию.

— Что за инвестиция? — спросил один из тусклых типов на кушетке.

Ни он, ни Пег ему не ответили. И на сей раз он не старался сесть к ней поближе. Само собой, теперь это было безнадежно. Он сидел, попивая бурбон и прикидывая, как побыстрее смыться.

Глава 2

Возможность уехать представилась почти сразу. Сидевший напротив него маленький плешивый клерк поднялся и объявил, что ему надо отправляться домой, на автобусе.

Брюс, тоже поднимаясь на ноги, сказал:

— Я вас подвезу. Все равно мне надо в Бойсе.

Никто не возражал. Пег кивнула на прощание и скрылась на кухне, когда они с мистером Мьюиром вышли из дома.

Когда они добрались до Бойсе, то потребовалось некоторое время, чтобы отыскать улицу мистера Мьюира. Тот, сам не будучи автомобилистом, не имел ни малейшего понятия, в какую сторону ехать. Высадив его наконец, Брюс снова вернулся на шоссе, чтобы найти какой–нибудь мотель. А затем, как раз в тот момент, когда ему попался приличный с виду мотель, до него дошло, что его пиджак так и остался висеть в шкафу, в прихожей у Пег. Стыд заставил его вычеркнуть это из памяти.

«Надо ли мне за ним вернуться?» — спросил он себя.

«Или не стоит?»

Остановившись у обочины, он взглянул на часы. Чуть больше девяти. Когда он вернется в Монтарио, будет половина десятого. Может, лучше подождать до завтра? Пиджак был ему нужен; он не мог появиться на деловой встрече без него.

Завтра, решил было он. Но Пег рано утром отправится на работу. Если он с ней разминется, то не увидит больше своего пиджака.

Заведя машину, он развернулся и поехал в том направлении, откуда прибыл.

Машин возле дома уже не было. И свет не горел. Дом, темный и запертый, выглядел заброшенным. Брюс поспешил по дорожке к крыльцу и позвонил.

Никто не отозвался.

Он опять позвонил. Опыт говорил ему, что, во–первых, даже в Монтарио никто не ложится спать в половине десятого и, во–вторых, никакая вечеринка не может быть оборвана так быстро. Возможно, все они отправились к кому–нибудь еще. Или в какое–нибудь кафе на Хилл–стрит, ради второго ужина, или в один из баров, чтобы выпить пива, или вообще бог знает куда.

Но в любом случае его пиджак оставался в доме. Дернув дверь, он убедился, что та заперта. Тогда он по знакомой тропинке прошел через калитку

в задний двор. Окно прачечной, как он помнил, было всегда приоткрыто. Подставив под окно ящик, он сумел открыть его полностью, а затем пролез внутрь и, вытянув перед собой руки, свалился на пол прачечной.

Ориентируясь по единственной лампочке — той, что в ванной, — он пробрался в прихожую, к шкафу, открыл его и нашел свой пиджак. Слава богу, подумал Брюс. Надев пиджак, он прошел в гостиную.

В гостиной царил табачный дух. Это было странное, унылое и пустынное помещение, которое покинули люди… Тепло и следы их пребывания — скомканная пачка из–под сигарет в пепельнице, бокалы, даже чья–то сережка на приставном столике. Как будто они унеслись вместе с дымом, словно эльфы. И готовы вернуться, как только смертные — например, он — повернутся спиной. Застыв и прислушавшись, он различил гудение.

Проигрыватель был не выключен — крошечная красная лампочка горела. Брюс поднял крышку, чтобы выключить аппарат. Итак, они явно не собирались отсутствовать слишком долго, а может, уходили впопыхах.

Тайна покинутого парусника, подумал он, бредя на кухню. Еда на столе… на сушильной доске

по–прежнему стояла бутылка бурбона, уже полупустая. Чаша с растаявшими теперь кубиками льда. Лимонная кожура. Несколько пустых бокалов. И тарелки в раковине.

«Чего я жду? — спросил он себя. — Пиджак на мне. Почему бы мне просто не уйти?»

Будь оно все проклято, подумал он. Если бы не случилось этой гадости из–за Агопяна, я мог бы остаться здесь на ночь.

Глубоко засунув руки в карманы и стоя наполовину в кухне, наполовину в коридоре, он вдруг услышал чей–то вздох. Далеко, в каком–то другом помещении, кто–то поворочался и вздохнул.

Это его испугало.

Надо бы поосторожнее, подумал он. Не производя ни малейшего шума, он прошел обратно к гостиной, а потом к входной двери. У двери остановился, взявшись за ручку, и, чувствуя себя в безопасности, опять прислушался.

Ни звука.

Теперь обстановка не выглядела такой уж угрожающей. Он открыл дверь, помедлил, а затем, оставив ее приоткрытой, двинулся назад. В доме было настолько темно, что его, как он понимал, нельзя было увидеть — по крайней мере, отчетливо. Он выступал как силуэт, самое большее — как

абрис, слишком размытый, чтобы его можно было опознать. В этом было нечто волнительное, почти как в детской игре. Память наших ранних дней… Снова остановившись, он приставил ладонь к уху и, затаив дыхание, прислушался.

Доносилось далекое дыхание из комнаты, которую он знал как спальню. Дверь туда не была закрыта. Трепеща от дурных предчувствий, он приблизился к ней шаг за шагом и просунул голову в дверную щель, чтобы заглянуть внутрь. Освещения там хватало ровно настолько, чтобы он мог разглядеть кровать, туалетный столик и лампу.

На кровати, забросив одну руку за голову и уставившись в потолок, лежала и курила сигарету Сьюзан Фейн. Сандалии она сбросила. В изножье кровати грудой лежали пиджаки и сумочки остальных гостей. Сразу же осознав его присутствие, она села и спросила:

— Что, уже вернулись?

— Нет, — пробормотал он.

Она вгляделась в него, потом сказала:

— Я думала, вы давным–давно уехали.

— Я забыл пиджак, — сказал он, чувствуя себя очень глупо.

— Он на вас.

— Теперь я его нашел, — сказал он и тут же спросил: — А куда они все подевались?

— Поехали купить еще чего–нибудь слабоалкогольного, — объяснила она.

— Я забрался через окно, — сообщил он. — Входная дверь была заперта.

— Так вот что это был за шум, — сказала она. — Я думала, это они толклись на крыльце, открывали дверь. И удивлялась, почему не слышно никаких разговоров. Я, должно быть, задремала. У меня, похоже, какая–то вирусная инфекция. Боюсь, я что–то подцепила в Мехико. С тех пор как я оттуда вернулась, меня постоянно тошнит. Не могу ничего выпить и удержать в себе — все тут же выходит наружу. И каждые несколько минут чувствую большую слабость и головокружение. Мне просто необходимо было прилечь.

— Вот как, — сказал он.

— Нас там предупреждали, чтобы мы не ели сырых овощей и фруктов и не пили некипяченой воды. Но когда приходишь в ресторан, то ведь не попросишь, чтобы тебе вскипятили стакан воды. Правильно? Невозможно же прокипятить все те блюда, что тебе подают.

— Может, это азиатский грипп? — спросил он.

— Возможно, — сказала она. — У меня как раз

эти периодические рези в желудке… — Она давно расстегнула пояс и теперь потирала свой плоский живот в области талии. Потом опять села, вынула изо рта сигарету и встала с кровати. — Они вот–вот должны вернуться, — сказала она, всовывая ноги в сандалии. — Если только где–нибудь не застряли. Приготовлю–ка я себе чашечку кофе. Вы как, хотите?

Пройдя мимо него — движения ее были проворными, но в них все же чувствовалась слабость, — она вышла из спальни. Когда он снова ее увидел, она уже включила на кухне свет и, встав на цыпочки, заглядывала в шкаф над мойкой. Нашла там банку растворимого кофе.

— Мне не надо, — сказал он, переминаясь с ноги на ногу в некоей нейтральной зоне возле кухонного стола.

— Когда мы однажды летом ездили в Мазатлан, то Уолт, мой муж, мой бывший муж, хочу я сказать, страшно боялся, что кто–нибудь из нас подцепит там амебную дизентерию. Это считается чем–то очень серьезным. Иногда и смертельным. Вы там когда–нибудь бывали?

— Нет, — признался он.

— Когда–нибудь обязательно съездите.

У него имелось свое представление о Мехико:

он разговаривал с парой приятелей, которые ездили туда из Лос–Анджелеса, через границу у Тиахуаны. Их рассказы создали у него в уме картину Мехико — девицы в купальниках, стейки на Т–образных косточках, за 40 центов подаваемые в причудливых ресторанах, лучшие номера в отелях за 2 доллара в ночь, женская прислуга, безналоговый виски и удовольствия разного рода, получаемые прямо на улице. Бензин там стоил всего 20 центов за галлон, и это особенно его привлекало, потому что он слишком много сжигал топлива во время своих деловых поездок. А в одежных магазинах там продавались английские высококачественные шерстяные вещи по неприлично низкой цене.

Она, конечно, говорила правду: там надо следить за тем, что ешь, но если воздерживаться от местных продуктов — все будет в порядке.

Подойдя к плите, Сьюзан Фейн поставила на огонь кофеварку, собираясь приготовить кофе. Он, воспользовавшись случаем, заметил:

— Лучше поздно, чем никогда.

— Что именно? — спросили она.

— Кипятить воду, — пояснил он.

— Это для кофе, — сказала она серьезным голосом.

— Понимаю, — сказал он. — Я просто пошутил. Полагаю, не стоит шутить, если кто–то плохо себя чувствует.

Она уселась за стол, положила на него руки, а потом опустила на руки голову.

— Вы живете здесь, в городе? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Я приехал из Рино.

— А знаете, что я сделаю? — сказала она. — Добавлю себе в кофе немного коньяку. Я видела бутылку на верхней полке шкафа. Не достанете ли? Ее запихнули так, чтобы никто не смог ее найти, если просто заглянет.

Он, сама любезность, достал ей бутылку. Та была не открыта. Сьюзан долго ее рассматривала, читала надписи на этикетке, подносила бутылку к свету. Вода на плите закипела.

— С виду ничего, — сказала она. — Пег возражать не станет. Наверное, ей кто–то подарил. Хотя я все–таки сначала попробую.

Она отдала ему бутылку, и он понял, что должен ее открыть.

Бутылка оказалась закупоренной пробкой, и ему пришлось нелегко. Пришлось зажать бутылку между колен, сгорбиться, как какое–то животное, и, просунув нож в кольцо штопора, ухватиться так, чтобы тянуть изо всех сил. Пробка

поднималась понемногу, а под конец выскочила из горлышка, сразу же расширившись. Что–то в этом показалось ему обидным, и он встал, держа только штопор и не притрагиваясь к пробке.

Сьюзан все это время критически за ним наблюдала. Потом, когда он вытащил пробку, она налила в чашку кипятку, размешала в нем ложку растворимого кофе и добавила немного коньяку.

— Попробуйте и вы, — сказала она.

— Нет уж, спасибо.

Ему не нравился коньяк, особенно французский. Повернувшись к ней боком, он поправлял рукава, которые измялись из–за дерганий.

— Вы что, слишком молоды?

— Вовсе нет, — проворчал он. — Просто на мой вкус он чересчур сладок. Я пью скотч.

Кивнув, она поставила перед собой свой cafe royal [172]. После первого же глотка, содрогнувшись, отодвинула его в сторону.

— Не могу такое пить, — сказала она.

— Вам надо показаться доктору, — сказал он. — Выяснить, насколько это серьезно.

— Терпеть не могу докторов, — заявила она. — И так знаю, что это несерьезно. Просто что–то

---

[172] Примечания: 172
Королевский кофе *(фр.)*.

психосоматическое. Потому что я беспокоюсь, тревожусь из–за распада моего брака. Я стала такой зависимой от Уолта. Я с ним была как ребенок: предоставляла ему принимать все решения, а это неправильно. Если что–то шло не так, я во всем винила его. Это был порочный круг. Потом мы наконец оба поняли, что мне надо освободиться и снова попробовать жить самостоятельно. По–моему, я не была готова к замужеству. Чтобы стать к нему готовой, необходимо достичь определенной стадии. А я ее не достигла. Просто думала, что уже готова.

— Как долго вы были замужем? — спросил он.

— Два года.

— Это долго.

— Да не очень–то, — сказала она. — Мы все еще продолжали узнавать друг друга. А вы женаты, мистер… — Его имя так и не огласилось.

— Стивенс… — напомнил он ей. — Брюс.

— Мистер Стивенс? — закончила она.

— Нет, — сказал он. — Я какого думал об этом, но хочу подождать, пока не достигну полной определенности. Не хочу ошибиться в таком серьезном деле.

— Разве вы не всерьез ухаживали за Пег Гугер?

— Какое–то время, — сказал он. — В прошлом

году или вроде того.

— Вы тогда жили здесь?

— Да, — сказал он невнятно, не желая портить иллюзии относительно того, что прибыл из Рино.

— Вы приехали, чтобы повидать Пег?

— Нет, — сказал он. — Так, заехал по пути, я сейчас в деловой поездке.

После чего он рассказал ей о Бюро потребительских закупок, о том, чем занимается оно и чем занимается он сам. Поведал, что оно продает товары со средней скидкой в двадцать пять процентов, что ему нет нужды в рекламе, что накладные расходы низки, потому что не приходится тратиться на обустройство витрин и обслуживание множества оборудования, поскольку это единое, огромное и длинное одноэтажное здание, вроде фабрики, с прилавками, обслуживаемыми приказчиками, которым не требуется даже носить галстуки. Объяснил, что дисконтный дом никогда не держит полные линейки, а только те товары, которые можно приобрести достаточно дешево. Товары эти появляются и исчезают в соответствии с тем, что именно удается заполучить закупщикам.

А прямо сейчас, сообщил Брюс, он приехал

сюда, в Бойсе, чтобы разведать цены на складе автомобильного воска.

Это ее заинтриговало.

— Автомобильный воск, — сказала она. — Неужто? Пять сотен миль ради автомобильного воска?

— Отличная вещь, — сказал он. — Восковая мастика.

Дело в том, пояснил он, что восковая мастика теперь не так хорошо продается, поскольку для ее использования требуется слишком много усилий. Сейчас появились новые силикаты, которые можно наносить, а затем сразу стирать. Но ничем не достигнуть такой полировки, какую дает добрая старая восковая мастика, из жестянки, а не из бутылки или спрея, и об этом знает каждый автолюбитель — или же полагает, что знает. И по дисконтной отпускной цене в девяносто центов за упаковку воск вполне пошел бы. Любой согласится провести целую субботу, втирая его в свою машину, чтобы сэкономить доллар на том, что, как ему известно, было бы розничной ценой.

Она внимательно его слушала.

— А как много придется заплатить вам?

— Мы предложим продать нам оптовую партию, — сказал он. Его босс велел ему начать с

сорока центов и дойти максимум до шестидесяти. И, разумеется, если воск окажется слишком старым, если он засох, то сделка не состоится.

— И вы повсюду разъезжаете, чтобы делать такие закупки? — спросила Сьюзан.

— Повсюду. На восток до самого Денвера, ну и по всему Побережью. Вплоть до Лос–Анджелеса. — Он нежился в лучах своего величия.

— Очаровательно, — сказала она. — И никто не знает, где вы добываете то, что продаете. Наверное, обычные розничные торговцы очень на вас злятся и хотели бы знать, не продают ли вам их поставщики товары с большими скидками, нежели им.

— Так оно и есть, — подтвердил он. — Но мы никогда не раскрываем своих поставщиков. — Он понял, что разглашает информацию, которую обычно держат в тайне. — Иногда, само собой, мы получаем товары непосредственно от местных оптовиков, по их цене. А по–настоящему хорошая сделка — это поехать к производителю (у нас есть свои большие грузовики) и купить товар прямо там, по оптовой цене или даже ниже. И еще, когда разоряется какая–нибудь розничная торговая точка, мы скупаем товары там. Или избытки, которые не пользуются спросом. Или

даже старые товары.

Сидя за столом, Сьюзан Фейн двигала своей чашкой кофе с коньяком так медленно и уныло, что он понял: его рассказы подействовали на нее удручающе.

— И такие сделки происходят постоянно? — тихо проговорила она. — Неудивительно, что я ничего не могу добиться.

— Вы же не занимаетесь розничной торговлей, — сказал он. — Верно?

— Да так, — апатично отозвалась она. — Время от времени продаю пару лент для пишущих машинок да по нескольку листов копирки.

Она поднялась, отошла и встала, глядя на него со скрещенными под грудями руками. Ее пояс все еще был расстегнут, из–за чего верх юбки отделился от того места, где должен был удерживаться, и две кромки материи свисали свободно. У нее были по–современному узкие бедра, и у Брюса сложилось впечатление, что если она не застегнет свой пояс, то вскоре кое–что постепенно соскользнет. Но она по–прежнему не обращала на себя внимания; на лице у нее было хмурое, задумчивое выражение. Он заметил, что она стерла помаду, из–за чего ее губы пересохли, приобрели соломенный цвет и покрылись бесчисленными

разбегающимися трещинками. Кожа у нее тоже была суховатой, но, натянутая, выглядела гладкой. Несмотря на совершенно черные волосы, она была белокожей. А глаза у нее, увидел он, были голубыми. Внимательнее присмотревшись к ее волосам, он обнаружил, что у корней они имели рыжеватый оттенок. Так что она их явно красила. Это объясняло отсутствие блеска.

Я знаю ее, снова подумал он. Я видел ее раньше, говорил с ней, она мне знакома — ее голос, манеры, выбор слов. Особенно выбор слов. Мне привычно ее слушать. Этот голос отменно мне известен.

Пока он это обдумывал, с крыльца в дом вкатилась огромная звуковая волна. Дверь распахнулась, и множество людей устремились внутрь, включая свет и переговариваясь. Пег и ее конторские приятели вернулись в дом, накупив имбирного пива.

Не моргнув глазом — как будто и не слышала шума, — Сьюзан сказала:

— Мне все это очень и очень интересно. Думаю, так оно и должно быть. Это ведь более или менее новое направление в торговле. Собственно…

Она повернула голову, когда на кухне появилась Пег с бумажным пакетом на плече.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Пег, изумленная его вторичным появлением. — Я думала, ты уехал.

Протиснувшись мимо него, она водрузила бумажный пакет на сушильную доску. В пакете звякнуло.

— Я забыл свой пиджак, — сказал он.

— А как попал внутрь? Дверь была заперта.

— Это я ему открыла, — выручила Сьюзан.

— Тебе вроде бы стало худо, и ты прилегла, — сказала ей Пег, после чего вернулась в гостиную, оставив их наедине.

— Она что, злится на вас? — спросила Сьюзан. — Когда вы уехали, она вела себя как–то странно. Вы ведь уехали так поспешно. Как долго вы еще здесь пробудете, прежде чем отправитесь обратно в Рино?

— Зависит от того, как быстро я управлюсь, — сказал он. — День, самое большее.

— Мне бы хотелось как–нибудь еще раз с вами поговорить, — сказала Сьюзан, опираясь о край мойки.

— Мне тоже, — сказал он. — Знаете, у меня такое чувство, словно я вас знаю.

— И у меня такое же чувство, — сказала она.

— Конечно, — кивнул он, — люди всегда так

говорят.

— Это что–то вроде «Волшебного вечера». — Она улыбнулась. — Мгновенное узнавание возлюбленного.

При этих словах у него участился пульс.

— Знаете, — сказала Сьюзан, — после того как вы рассказали мне о хитростях купли–продажи, мне стало лучше. В животе больше не урчит.

— Это хорошо, — сказал он, задвигая ее замечания на задворки сознания: они не согласовывались с ее образом, с остальным их разговором и всем прочим.

— Может, это мне и нужно, — продолжала она. — После того как я вернулась из Мехико, все так смешалось. Собственно, это было около месяца назад. Я вроде никак не могу собраться… почему бы вам не навестить нас как–нибудь? Слушайте, я дам вам карточку нашей конторы.

Она прошла мимо него к выходу из кухни. Он остался. Вернувшись, она с официальной церемонностью вручила ему визитную карточку.

— Заезжайте, — сказала она, — и тогда сможете угостить меня ленчем.

— С удовольствием, — ответил он, уже прикидывая, зачем и когда ему снова выпадет отправиться в Бойсе. Стоило ли пускаться в поездку, в

тысячу миль туда и обратно в свое личное время? Если ждать следующей командировки, это может занять еще полгода, и тогда, как и сейчас, у него в запасе будет лишь один день или около того. Пока он разбирался с этими мыслями, Сьюзан оставила его, выйдя в гостиную к остальным.

А ведь ради нее я бы на это решился, подумал он. Очень даже решился бы.

Через несколько минут он со всеми распрощался и вышел из дома во второй раз.

Сидя в машине и снова направляясь к шоссе, он думал, насколько же лучше ухожены не столь молодые женщины. Если они хорошо выглядят, то это у них получается намеренно, а не случайно. Не потому, что природа наделила их хорошим сложением, зубами и ногами. Их красота — красота культивированная.

Ко всему прочему, он был уверен — хотя и проверял этого, — что они, женщины постарше, знают, что делать.

Он почти добрался до шоссе, когда вдруг вспомнил, кем была Сьюзан Фейн. Замедлив ход, он позволил машине катиться по инерции.

В те дни, когда он жил в Монтарио, никто из них не знал ее имени, а фамилия «Фейн» была, конечно, фамилией по мужу. Естественно, в ту

пору она не носила этой фамилии. Все они знали ее как мисс Рубен. В последний раз он видел ее в 1949 году, когда заканчивал школу.

Сьюзан Фейн была его учительницей в пятом классе. В средней школе имени Гаррета О. Хобарта[173], в Монтарио. В 1944 году, когда ему было одиннадцать лет.

[173] Примечания: 173

Хобарт, Гаррет Огастес (1844–1899) — 24–й вице–президент США (1897–1899).

Глава 3

Он переночевал в мотеле в пригороде Бойсе. На следующее утро встретился с поставщиками автомобильных принадлежностей и успешно провел переговоры о закупке большой партии автомобильного воска.

В одиннадцать часов он арендовал трейлер и начал загружать как можно больше картонных коробок в трейлер и в свою машину. Поставщики тем временем утвердили его чек. Они подписали накладную, договорились о доставке оставшихся ящиков, и он поехал, чувствуя, как сильно груз и трейлер замедляют его скорость.

С таким грузом он не отправится сразу в Рино — днем было слишком жарко. Если бы он сейчас выехал в пустыню, то двигатель «Меркурия» перегрелся бы, вода бы выкипела, да и откидной верх мог покоробиться. Обычно при таких обстоятельствах он расставался с долларом или около того, чтобы получить на день номер в мотеле, — там он мог вздремнуть, расслабиться, почитать, а потом, на закате, снова вернуться на дорогу.

Какое–то время он ехал вдоль полосы мотелей, но потом передумал, развернулся и отправился

в центр Бойсе.

В час пополудни он припарковал машину и трейлер перед обувным магазином, вышел, убедился, что проходящим мимо ворам не удастся стибрить его коробки, а потом вместе с дневными покупателями зашагал по тротуару, пока не увидел перед собой маленькое заведение с вывеской наверху:

КОПИРОВАЛЬНЫЕ УСЛУГИ.

Нервничая и потея, он вошел в офис, отметив, что прилавок и вся обстановка там модерновые и что на другой стороне улицы, прямо напротив, расположен еще один модерновый офис, занимающийся недвижимостью и нотариальными делами. Вентилятор на прилавке охлаждал помещение. Для посетителей были расставлены несколько мягких стульев.

К нему приблизилась дружелюбная с виду женщина средних лет, облаченная в рабочий халат.

— Здравствуйте, — сказала она.

— А мисс Рубен здесь? — поздоровавшись, спросил Брюс. И тут же пожалел, что не спросил о миссис Фейн, ведь таким вопросом он сразу же все выдал. Если она его слышала, то поняла бы, что он знал ее в прошлом.

Но женщина сказала:

— Сьюзан сегодня не пришла. Она позвонила утром, часов в девять, и сообщила, что плохо себя чувствует.

— Как жаль, — сказал он, испытав облегчение. Теперь он стал спокойнее. — Загляну как–нибудь в другой раз.

— А я не могу вам чем–нибудь помочь? — спросила женщина. На ней были очки черепаховой оправы, а зачесанные вверх волосы охватывало оплетенное тесьмой кольцо. У нее было благожелательное морщинистое лицо, округлое, с тяжелым подбородком, а когда она улыбалась, то демонстрировала окружающим множество золотых и серебряных коронок.

— Нет, — сказал он. — Я ее друг. Приехал сюда из Рино и думал заскочить да поприветствовать ее.

— Какая досада, что вы ее не застали.

— Да нет. Я видел ее прошлым вечером.

— Вот как, в доме у Пег Гугер?

— Да.

— И как она тогда себя чувствовала?

— Тоже неважно, — сказал он. — Даже прилегла на какое–то время. Сказала, что боится, не впала ли она в депрессию после поездки в Мехико. Хотя мне показалось, что это больше похоже на азиатский грипп.

— Слушайте, — взволнованно сказала женщина. — Почему бы вам не съездить к ней домой? Вы ведь на машине, не так ли? — Она поспешила за прилавок и вытащила кипу бумаг. — У меня здесь кое–что, что ей надо просмотреть, сегодня же. Я собиралась закрыться в четыре и поехать к ней на такси. — Держа бумаги под мышкой, она вернулась к прилавку. — Чеки, которые она должна подписать, почта, рукопись, которую принес один студент, с математическими символами; мы таких символов напечатать не можем, но Сьюзан умеет их вписывать — такими работами занимается у нас она, а не я. — Она протянула ему бумаги.

— Не знаю, смогу ли я, — пробормотал он, но обнаружил, что уже держит бумаги в руках. — Я никогда там не бывал.

— Найти нетрудно. — Она ухватила его за рукав и подвела к большой глянцевой карте города, висевшей на стене. — Вот, — сказала она, указывая на красный крестик на карте. — Мы находимся здесь. А вы езжайте вот так.

Она подробно растолковала ему маршрут и написала адрес, явно испытывая облегчение, что нашла кого–то, кто доставит бумаги ее партнерше.

— Буду вам очень признательна, — закончила она. — У меня здесь столько дел, когда Сьюзан отсутствует. Она, знаете ли, уезжала из страны. Мне приходится управляться со всем, — она повысила голос, проходя обратно за прилавок и усаживаясь за большую электрическую пишущую машинку старомодного образца. Улыбнувшись и взглянув на него поверх очков, начала печатать. — Надеюсь, вы меня извините.

— Спасибо, что объяснили мне дорогу, — сказал он, обеспокоенный тем, что она готова выложить чековую книжку фирмы в руки какому–то незнакомцу просто потому, что он упомянул имя совладелицы. Что за неприкаянная душа, подумал он. И что за причудливый способ заниматься бизнесом. — Как вы думаете, может, захватить ей какое–нибудь лекарство или еще что–нибудь? Раз уж я туда поеду.

— Нет, — весело сказала она. — Почта и чековая книжка — вот что важно. И не забудьте напомнить ей, что кому–то из нас, ей или мне, надо позвонить этому студенту, чтобы он знал, сколько это будет стоить. У него всего пятьдесят долларов.

Попрощавшись, он вышел из офиса. Мгновением позже открыл дверцу машины и стал

укладывать на сиденье пачку бумаг, конвертов и гроссбух в твердом картонном переплете.

Теперь мне точно придется к ней поехать, в полной мере осознал он.

Заведя машину, Брюс влился в транспортный поток и направился к дому Сьюзан Фейн.

Много лет назад, когда он учился в средней школе, ему довелось подрабатывать почтальоном. После уроков он разносил газеты жителям Монтарио, а мисс Рубен жила как раз на его маршруте. В первые несколько месяцев он никак с ней не пересекался, потому что она ничего не выписывала. Но однажды, взяв свою стопку газет, он обнаружил уведомление о новой подписчице на маршруте 36, а также еще одну газету, которую должен был добавить в пачку. Так он впервые взошел по широким бетонным ступеням, минуя деревья и цветочные клумбы, затем, оказавшись под балконом второго этажа, остановился и через ограду бросил сложенную газету на террасу дома. А после этого проделывал то же самое по шесть раз в неделю на протяжении почти года.

Ее новый дом не походил на тот чудесный каменный особняк с его деревьями, с фонтаном, в бассейне которого плавали рыбки и купались птички, с окружавшей его системой поливки. В

те дни она была незамужней и арендовала дом на паях с тремя другими женщинами. Этот же дом, поменьше и выстроенный из дерева, а не из камня, выглядел заносчиво добропорядочным и пропорциональным. Окна в нем были маленькие. Во дворе перед фасадом не росло никаких деревьев, только несколько кустов и цветы, а трава вообще отсутствовала. Ступеньки были кирпичными. Но это был современный дом, в хорошем состоянии, и Брюс заметил, что позади него простирается длинный травянистый двор, ровный и ухоженный, с чем–то вроде пинг–понгового стола посередине и с розами, разросшимися в подобие свода… Дом был недавно покрыт приятной матовой белой краской. Судя по засохшим каплям на листьях кустов, красили с месяц назад.

Он закрыл и запер дверцу машины, пересек тротуар, поднялся на крыльцо и позвонил в дверь, не оставляя себе времени на сомнения.

Никто не отозвался. Он позвонил снова.

Откуда–то из дома слышалось радио, настроенное на программу танцевальной музыки. Он еще позвонил и подождал, а потом спустился на дорожку, обошел дом и через открытую калитку проник на задний двор.

Сначала сад показался пустым. Он двинулся

было обратно, а потом увидел Сьюзан Фейн, которая не двигалась и потому сливалась с окружением. Она сидела на задней ступеньке, держа на коленях какую–то яркую одежду, — очевидно, штопала или шила, потому что рядом с ней на ступеньке лежали ножницы и множество катушек с нитками. На коленях же у нее были детские носки. И теперь он заметил разбросанные по саду игрушки, заржавевшую металлическую лошадку, кубики, принадлежности каких–то игр. На Сьюзан была белая блузка с оборочками и короткими рукавами и широкая, длинная юбка, не глаженная, в складках, из какого–то тонкого материала, полоскавшаяся вокруг ее лодыжек при каждом дуновении ветра. Ее руки и ноги казались необычайно белыми. Она была босая, но он заметил рядом пару полотняных туфель, которые она сбросила.

Если она и штопала носки, то сейчас явно оставила это занятие. Она наклонилась, и один красный носочек обвивал ее правую ладонь и запястье. На указательном пальце ее левой руки поблескивал наперсток. Но ни иглы, ни нитки видно не было.

— Где же ваша иголка с ниткой? — спросил он.

Сьюзан подняла голову.

— Что? — медленно произнесла она, щурясь, чтобы разглядеть, кто спрашивает. Ее движения были такими вялыми, словно она готова была вот–вот уснуть. — А, это вы. — Наклонившись, она пошарила пальцами возле своих ступней. — Я ее уронила, — сказала она.

Когда он приблизился, она уже нашла иголку и возобновила штопанье. Яркий свет заставлял ее щуриться, лоб избороздили складки, а глаза, устремленные на ослепительно–яркий носок, были едва ли не закрыты.

— Привез вам кучу всяких бумаг, — сказал он, удерживая в равновесии всю кипу.

Она снова подняла голову.

— Из вашего офиса, — пояснил он, протягивая ей свой груз.

— Это вам миссис де Лима дала? — спросила Сьюзан.

— Женщина, которая там была, — сказал он. — Среднего возраста, с каштановыми волосами.

— Я сказала ей, что плохо себя чувствую, — сказала Сьюзан. — А мне просто необходимо было выйти на работу. За этот месяц я была там один день.

— Раз плохо себя чувствуете, то и не езжайте, — сказал он.

— Я нормально себя чувствую, — возразила она. — Просто не могу себя заставить. Это так уныло… Ну, не создана я, чтобы заниматься бизнесом! Я была учительницей в школе.

При этих словах он кивнул.

Сьюзан вздохнула.

— Несите их в дом. Чеки и почту. А что это за большой пакет?

— Рукопись. — Он подробно изложил ей все, что просила передать миссис де Лима.

Сьюзан отложила кучу носков и поднялась на ноги.

— Понятно, чего она хочет: чтобы я печатала дома. Знает, что у меня здесь есть электрический «Ундервуд». Наверное, придется. Не следовало мне заставлять ее делать всю работу за себя… последний месяц она была так ко мне добра. Проходите. Простите, что я такая медлительная. Я сегодня ни на чем не могу сосредоточиться.

Она зашла в дом, и Брюс последовал за ней.

Войдя с заднего крыльца и оказавшись среди тазов для стирки и полок для белья, он сразу ощутил прохладу. Сьюзан уже прошла в выкрашенную желтым, ярко декорированную кухню, откуда по коридору проследовала в гостиную, выходившую на фасад. Когда он ее догнал, то

обнаружил, что она расположилась в глубоком старомодном кресле, положив руки на подлокотники, обтянутые темной ворсистой тканью, откинув голову и не сводя глаз с потолка.

Выгрузив бумаги на стол, он сказал:

— Я удивился, когда она дала мне все эти документы.

— Почему? — спросила Сьюзан, закрывая глаза.

— Она же меня не знает.

— Бедная Зоя, — сказала Сьюзан. — Она не в себе. Всем готова поверить. Ничуть не лучше меня. Ни у одной из нас нет никакого делового чутья. Не знаю, как только мы за это взялись.

— Все–таки вы зарабатываете себе на жизнь, — сказал он.

— Нет, — сказала она. — Мы не зарабатываем себе на жизнь. Брюс? Так же тебя зовут? Меня именно то и угнетает, что сейчас я действительно должна иметь источник доходов. А это все никакого дохода не приносит.

— А чьи это игрушки, что я видел на заднем дворе? — спросил он.

— Тэффи, — сказала она. — Моей дочери. Она ходит в школу. Во второй класс.

В этот миг у него возникло побуждение сказать

ей, что она была его учительницей. Это чуть было не сорвалось у него с языка; он так и этак повертел в уме несколько слов, но потом неожиданно сказал:

— Раз уж ты учительница, то почему бы тебе не обучать ее дома? По мне, лучшего и быть не может.

— Все дело в коллективе, — сказала Сьюзан. — Ребенка нужно готовить к жизни в коллективе. Кофе хочешь?

Она поднялась с кресла и двинулась к выходу.

— Нет, спасибо, — пробормотал он. Побуждение миновало, и, странным образом, вместе с ним исчезло и всякое намерение рассказывать ей о прошлом. Может, он так никогда ей об этом и не скажет, эта тема закрыта раз и навсегда. Он помнил ее, молодую учительницу, встретившую их одним прекрасным утром, когда они вошли в свой класс.

В те дни, прикинул он, ей, вероятно, было двадцать три или двадцать четыре. Господи, пронеслось у него в голове. Столько же, сколько сейчас мне.

Думая об этом, он пытался представить ее такой, какой она была тогда на самом деле, а не такой, какой рисовалась ему, когда он был учени-

ком пятого класса, мальком одиннадцати лет от роду. Образ оказывался размытым, как, наверное, тому и следовало быть. Он мог закрыть глаза и вообразить себе разных дружков того времени: Тейта Толстогубика, Бада МакВея, Эрла Смита, Луиса Селкирка, пацана из многоквартирного дома по другую сторону улицы, который как–то раз отмутузил его на виду у всех, девчонку, сидевшую в классе через проход от него (у нее были длинные черные волосы, и Джин Скэнлен по его просьбе написал ей однажды записку, которую перехватила старая миссис Джэффи, но — слава богу — не смогла разобрать). Все это по–прежнему оставалось для него видимым, но когда он думал о ней, о мисс Рубен, то видел только женщину с замкнутым лицом, сердитыми глазами и бледными кривящимися губами, одетую в голубой костюм с огромными пуговицами, похожими на медали, что крепятся на горлышки бутылок с шампанским, только белыми. И вспоминал о необузданной властности ее голоса, особенно на игровой площадке во время перемен; она стояла, надзирая за ними, на крыльце у входа в школу, накинув на плечи теплое пальто.

В Айдахо она приехала из Флориды и к холоду была непривычна. Зимой и в первые месяцы

весны она все дрожала и жаловалась, даже им, и лицо у нее было осунувшимся и измученным, а губы втянуты так, что их почти не было видно. В классе она постоянно рассказывала о Флориде, о том, какой там чудесный климат, о лимонах и апельсинах, о пляжах. Они все ее слушали. Обязаны были слушать.

Он боялся ее с самого первого дня. Все они видели, что перед ними — жесткая, напористая молодая женщина, в которой бурлят силы и которая совершенно несхожа с престарелой миссис Джэффи, — та была больна и однажды посреди урока спустилась к медсестре, чтобы никогда больше не вернуться в класс. Несколько месяцев до этого миссис Джэффи сетовала на слабость и жар. Когда она вышла из класса, дети начали вопить и швыряться ластиками. Им было очень весело, пока не появился директор и не утихомирил их. А потом, через несколько дней, они вошли в свой класс и увидели мисс Рубен.

В начальной школе имени Гаррета О. Хобарта миссис Джэффи была самой старой учительницей, и все остальные учителя не могли тягаться с ней в возрасте. В любом случае она собиралась оставить работу по окончании полугодия. Ей было шестьдесят восемь. По словам мистера Хил-

лингса, директора, она преподавала в их школе с момента ее открытия, состоявшегося сорок один год назад, в 1904 году.

Он–то, Скип Стивенс, при миссис Джэффи как сыр в масле катался. В сущности, это она поспособствовала тому, чтобы его избрали старостой, что облекало его почетным правом выступать на школьных собраниях от имени их класса, а также определять сроки поливки классного огорода на заднем дворе школы. В то время он был крупным и крепким парнишкой, веснушчатым и рыжеволосым, задававшим жару в игре в кикбол на переменах, первым и в кафетерии во время ленча, и на игровом поле.

Теперь, оглядываясь назад, Брюс понимал, что был задирой и хулиганом. Поскольку он перевешивал всех остальных пацанов в своем классе, это было естественной ролью, и вины он не чувствовал. Кому–то же надо выступать задирой, в таком–то возрасте.

Миссис Джэффи в последние свои месяцы стала слишком нестойкой и ненаблюдательной, чтобы кого–нибудь допекать. К тому времени как она оставила их и спустилась к медсестре, весь класс давно уже был в его власти. Однажды он устроил пожар в раздевалке. А как–то раз, когда миссис

Джэффи вышла в учительскую умывальню, он вывалил ей на стол все содержимое корзины для бумаг.

Сьюзан, вернувшись из кухни с алюминиевой кофеваркой в руке, сказала:

— Брюс, ты ведь на машине? У меня молока нет. Не знаю, смогу ли уговорить тебя привезти пакет молока. Секундочку. — Она поставила кофеварку на стол, подошла к дивану и взяла свою сумочку. Протягивая ему пятьдесят центов, сказала: — Гастроном здесь в четырех кварталах, на углу. Да, а как с твоим автомобильным воском? Решил этот вопрос?

— Да, — сказал он. — Дело закрыто.

Он не взял у нее пятидесятицентовую монету. Но направился к входной двери.

— А когда тебе надо отправляться в Рино?

— Сегодня вечером, — сказал он.

— Славно, — сказала она. — Значит, тебе не надо выезжать прямо сейчас.

— Я мигом, — сказал он, открывая дверь и выходя на крыльцо.

Отъезжая от ее дома, он недоумевал, почему не противится этому. Мальчик на посылках, подумал он. Но, значит, он хоть что–то может для нее сделать.

Это ему было приятно.

«В самом деле? — спросил он себя. — Почему мне хочется хоть чем–то ей услужить? Женщине, которой я боялся… молодой учительнице, которая кричала на меня, унижала меня перед всем классом. Может, — подумал он, — я снова вступаю с ней в отношения прежнего типа. Повиновение. Рабство. Неравенство детей и взрослых…»

Но он отнюдь не чувствовал себя связанным, вынужденным исполнять ее приказания. Он получал от этого удовольствие: ведя свой «Меркурий» и высматривая гастроном, он ощущал себя значительным. Полезным. На него полагались.

Вернувшись в дом с пакетом молока, он обнаружил ее в гостиной. Достав авторучку, она подписывала чеки, и лицо у нее при этом было мрачным, с плотно сжатыми губами. Это выражение лица прекрасно сохранилось у него в памяти: жесткое, яростное неприятие. Лоб пересекали складки. На плечи она набросила напоминающую шаль кофту, не застегнутую, — просторную старушечью розовую кофту, для тепла. Ему тоже показалось, что в гостиной довольно прохладно. Темно, тихо и никакого солнца. Пока его не было, она выключила радио: танцевальная музыка больше не играла. Без музыки дом казался более

старым, серьезным и строгим. Она в этой кофте тоже выглядела старше. Кроме того, она обулась — не в те туфли, что он видел на заднем дворе, но в пару двухцветных кожаных туфель. Предварительно натянув белые хлопчатобумажные носки, подростковые.

— В твоем дисконтном доме продают пишущие машинки? — спросила она, не поднимая головы. — Или я уже об этом спрашивала?

Он отнес молоко на кухню. В дополнение к молочной картонке он купил пару бутылок пива «Лаки Лагер» и пакет крекеров с сырным вкусом.

— У нас есть несколько моделей портативных машинок, — сказал он. — А офисных и электрических мы не держим.

Подтолкнув к нему сложенный листок лоснящейся бумаги, она сказала:

— А вот об этом что ты думаешь?

Он прочел. Это была реклама портативной пишущей машинки, использующей новую карбоновую ленту.

— Заявляются к нам разные коммивояжеры, — продолжала Сьюзан. — Начинают загружать нас всем этим словоблудием… честное слово, точь–в–точь как розничных торговцев. Которым всучивают бог знает что.

— Надо сопротивляться, — сказал он.

— Мы продаем понемножку подержанные машинки. У нас просто не хватает денег, чтобы закупить портативные. Если бы нам выдали их на консигнацию… там говорится, сколько хотят за эту?

Брюс не обнаружил в рекламке никакой цены, ни оптовой, ни розничной.

— Нет, — сказал он.

— Спасибо, что привез молоко, — сказала она. Встала, закрыла чековую книжку, убрала авторучку и двинулась было к двери. Но потом остановилась прямо перед ним и очень близко, так что он почувствовал на своем лице ее дыхание. Впервые он осознал, что она гораздо ниже его ростом. Чтобы говорить с ним, стоя так близко, ей приходилось смотреть почти прямо вверх. Это придавало ей вид просительницы, она словно молила его о чем–то.

— Как мы можем получать какую–то прибыль, если у нас нет никакого начального капитала? Все, что нам удается, так это оплачивать счета за газ и электричество. Энергетическая компания штата буквально поедом нас ест. А бумага и копирка, которыми мы пользуемся, — мы, конечно, покупаем их в розницу. Но все–таки…

Стоя перед ним и изливая ему поток жалоб, она казалась не только маленькой, но еще и худенькой и замерзающей. Плечи ее под кофтой подались вперед, словно она дрожала. И она все время не сводила взгляда с его лица.

Ему никогда раньше не приходилось видеть ее так близко. Это разрушало его воспоминания о ней. Во–первых, он видел, что его давнее мнение о ней как о сильной женщине было ошибочным; силы в ней было не больше, чем в любой другой женщине, а он всегда признавал, что, в общем и целом, женщины являют собой создания нежные и даже в некотором смысле хрупкие. И ему казалось, что она тоже это осознает. Более того, она, несомненно, понимала это всегда. Она представлялась им жесткой и сильной, потому что они прежде всего сами были маленькими и, в дополнение к этому, она на них сердилась, а ведь это было ее работой — наводить на них ужас, придираться, производить впечатление. Вот почему школьное правление выбрало ее: им нужен был учитель, способный держать детей в руках. Вне работы она, наверно, была такой же даже тогда. Да, вспомнилось ему, позже, когда доставлял ей газету, я заглянул однажды внутрь их дома и заметил крошечные китайские чашечки на столе в

гостиной. Она сервировала чай для своих подруг. Это совсем не соответствовало моему представлению о ней. Значит, это мое представление всегда было неверным.

Она отошла от него, ступая по ковру, и ее туфли не производили ни звука.

— Ох, — вздохнула она. — Поспорить готова, что ты привез гомогенизированное молоко. Надо было сказать тебе брать обычное, чтобы мы могли снять с него сливки.

Она открыла коричневый бумажный пакет и увидела пиво.

— Пиво?

— Жарко сегодня, — пояснил он с некоторой нервностью.

— А молоко ты все–таки привез обычное, — заметила она, вынимая картонку.

— Точно, — согласился он.

— Кофе будешь?

— Лучше пиво.

— Пиво не для меня. Никогда не пью пива.

Подойдя к сушилке, она нашла открывалку и откупорила бутылку. Налила полный стакан и протянула ему.

— Что ты думаешь о наших «Копировальных услугах»? — спросила она.

— Навскидку — очень милое заведение. Современное.

— Не мог бы ты вникнуть в наши дела и сказать мне, что надо делать? У тебя ведь явно куда больше опыта, чем у нас.

Застигнутый врасплох, он не нашелся, что сказать.

— Знаешь, чего я хочу? — сказала она. — Хочу, чтобы ты взял все в свои руки и управлял нашим заведением. Ты мог бы закупить партию портативных машинок. Тогда на Рождество, когда все остальные вокруг наживаются, и у нас было бы что продать. — Сузив глаза, она напряженно и страстно смотрела ему в лицо. — Я серьезно. Пока тебя не было, я только об этом и думала. Зоя вообще никуда не годится. Мне надо от нее избавиться. Я собираюсь это сделать в любом случае. Каждая из нас вложила в дело по три тысячи долларов, только–то. Всего шесть тысяч. Соглашение, которого я достигла с Уолтом, дает мне лишь такую же сумму примерно. Я собиралась погасить долг за этот дом, но лучше, пожалуй, поступлю иначе: выкуплю долю Зои и перепишу весь офис на себя. Тогда ты сможешь принять на себя руководство и делать все, что только пожелаешь. Может, мне удастся договориться с

банком и получить кредит, которого бы хватило на то, чтобы ты закупил портативные машинки. Или, если не захочешь, вложишь его во что–то другое, что сам выберешь.

Он молчал, не веря своим ушам.

— А я хочу умыть руки и никак больше не соприкасаться с бизнесом, — сказала она.

— Понимаю, — негромко проговорил он.

— Я не создана для таких беспощадных занятий, как бизнес. Я хочу оставаться дома и быть с Тэффи. У меня есть женщина, которая приходит сюда около двух, прибирается в доме, а потом отправляется за Тэффи, приводит ее и остается с ней, пока к шести вечера не вернусь я. Это она заботилась и о доме, и о Тэффи, когда я была в Мехико. Уолт сейчас в Юте, в Солт–Лейк–Сити. Он там уже около года.

— Ясно, — сказал он.

— Ты справишься с этим? — спросила она. — С руководством фирмой?

— Полагаю, да, — сказал он.

— Теперь насчет того, как я предполагаю тебе платить. Мы с Зоей выкраивали для себя два оклада. Ты же сможешь получать ровно половину прибыли. Не оклад, но ровно пятьдесят процентов всех доходов. Как тебе это? Столько же,

сколько и я, и при этом тебе не надо беспокоиться ни о каких вложениях.

— Это неправильно, — сказал он.

— Почему?

— Несправедливо по отношению к тебе.

Полным страдания голосом она сказала:

— Мне просто необходимо, чтобы кто–нибудь мне помог. — Она отодвинулась от него и плотно обхватила себя руками за плечи. — Мне надо на кого–то положиться. У меня нет больше Уолта — раньше я полагалась на него. Он занят в бизнесе с гальванизированными трубами. Все мое время должно принадлежать Тэффи, вот в чем все дело. Это надо учитывать в первую очередь. Я не знаю, сколько ты сейчас зарабатываешь… наверное, больше. Но если ты умен, то сможешь все себе возместить. Согласен? Заведение маленькое, но расположено в удачном месте.

— Так оно и есть, — согласился он.

Внезапно она повернулась к нему лицом.

— Брюс, — сиплым, чуть не плачущим голосом сказала она, — прошлой ночью я лежала без сна и все думала о тебе. Я знала, что ты приедешь. Когда сидела на заднем дворе, то надеялась, что ты вот–вот появишься. Ждала все утро. Я знала, что тебе… — Она взмахнула рукой. — Надо было

закончить то дело. Вот почему я не поехала в офис, а осталась дома. Мы с Зоей едва уживаемся; я не хочу, чтобы она хоть что–нибудь узнала об этом, прежде чем все будет улажено и мне останется только подойти к ней, посмотреть ей прямо в лицо и сказать, что я хочу выкупить ее долю. Это часть нашего юридического контракта. Мы оговорили это, когда стали партнершами. Мне страшно сообщать ей об этом… мы же с ней дружим много лет. Мы вместе жили в Монтарио, когда я преподавала в школе Хобарта.

Наверное, Зоя была одной из тех женщин, что арендовали с ней дом, подумал он.

— Послушай, Брюс, — сказала она мучительно серьезным тоном. — Я хочу быть с тобой совершенно честной. Мне действительно не справиться со всем этим. Никакого содержания от Уолта я не получила. Его вообще нет в этом штате. Он будет каждый месяц присылать деньги, но только для Тэффи. И на многое рассчитывать не приходится. У меня ровно четыре тысячи долларов, это моя доля из того, что мы имели, плюс этот дом. Уолт забрал машину. Я получила кое–какую мебель, но этого мало. Я в самом деле на грани отчаяния. Устраиваться на работу я больше не стану: сыта этим по горло. Покончила с учитель-

ством, как только вышла замуж. Я скорее сойду в могилу, чем снова стану преподавать — или работать где–нибудь секретаршей, машинисткой или делопроизводительницей. До этого я не унижусь. Лучше уж я отдам Тэффи Уолту, а сама…

Она осеклась. Раскачиваясь взад–вперед и обхватывая себя руками, сказала:

— Мне ужасно одиноко. Большинство наших друзей отвернулись от меня, потому что думают, будто это я виновата в нашем с Уолтом разрыве. Ты видел этот народец у Пег. Они — просто кучка…

— Клерков, — подсказал он.

— Точно.

— В маленьких городках по–другому не бывает, — заметил он.

— Может, вот что мне следует сделать. Уехать отсюда и поселиться в Рино. Или отправиться на Восточное побережье. Но у меня на руках этот чертов печатно–копировальный бизнес. Брюс… — Сьюзан повысила голос. — Я должна добиться, чтобы он приносил прибыль. — Она подалась к нему. — Готова поспорить, что если ты станешь им заниматься, он будет приносить прибыль. Знаю, что будет. Если бы ты не приехал, я бы сама добралась до Рино на «Грейхаунде» и

нашла бы тебя. Я даже позвонила и выяснила, когда отправляются автобусы. Сейчас тебе покажу.

Пронесясь мимо него, она исчезла из кухни. Почти тотчас вернулась, размахивая сложенным листом бумаги, на котором карандашом нацарапала расписание автобусных рейсов.

— Мне надо это обмозговать, — сказал он, думая о своей работе в БПЗ, о квартире в Рино, о своих тамошних друзьях, о своем боссе Эде фон Шарфе, от которого он зависел, обо всем, что он для себя намечал.

Но, подумал он, я смог бы добиться, чтобы это дело приносило прибыль. Смог бы им управлять. Моя собственная точка розничной торговли, мой собственный бизнес. Некому указывать мне, что именно делать. У меня были бы развязаны руки. Вложить в работу весь мой талант и опыт…

— Звучит заманчиво, — признал он.

— Знаешь, когда нам приходится заказывать товары для Рождества? — спросила она.

— Осенью? — предположил он.

— В августе, — сказала она с обидой в голосе. — Я бы хотела, чтобы к тому времени ты уже был в деле и полностью в курсе.

Он кивнул. А потом взял открывалку и откупорил вторую бутылку пива, вслед за чем нашел на

полке сушилки высокий стакан и наполнил его. Сьюзан наблюдала за его действиями с отсутствующим видом.

— Держи, — сказал Брюс, протягивая ей стакан. — Чтобы вроде как отпраздновать, — добавил он, чувствуя себя косноязычным и неуклюжим.

— Ой, нет, спасибо, — сказала она. — Слишком рано. Да и со штопаньем мне надо закончить.

Она двинулась к выходу, а когда он за ней последовал, то обнаружил, что она опять сидит над чековой книжкой с авторучкой в руке, что–то пишет и хмурится.

— Думаю, мы договорились, — сказал Брюс, ошеломленный собственными словами, но осознавая, что, каким бы невероятным это ни было, он, в сущности, сообщил ей, что принимает ее предложение.

— Слава богу, — пылко сказала она, приостанавливая свою писанину. — Ты мне действительно нужен, Брюс. — После чего снова принялась заполнять чеки.

Потягивая пиво, он стоял в прохладной гостиной.

Глава 4

Вернувшись в Рино с грузом автомобильного воска, он поехал прямиком в Бюро потребительских закупок, где стал искать своего босса, Эда фон Шарфа. Нашел его на складе в задней части здания — тот сидел на коробке с «Попсиклом» в руке, а на полу перед ним лежала инвентарная ведомость. При галстуке, облаченный в жилетку, брюки из ткани с рисунком «елочкой» и черные полуботинки, босс занимался инвентаризацией и перетасовкой коробок с электрическими миксерами. Его черные волосы были испещрены пылью с коричневых картонных коробок, и это придавало ему неординарный вид.

— В Монтарио произошло нечто непредвиденное, — сказал Брюс. — Мне надо туда вернуться. Если я не смогу получить отпуск за свой счет на неограниченный срок, то, полагаю, мне придется уволиться. — Свою легенду он придумал еще в пути. — Заболел мой отец, — продолжил он, зная, что его наниматели вряд ли смогут возразить против такой причины. — Мне надо будет пробыть там неопределенное время.

Они препирались полтора часа. Потом подня-

лись на второй этаж и обсудили это с обоими братьями Парети, которым принадлежало БПЗ. В конце концов Парети выписали ему двухнедельный расчетный чек, обменялись с ним рукопожатиями и сказали, что он свободен и может ехать.

Его босс прошел с ним до машины, мрачный и обескураженный.

— Чертовская неожиданность, — сказал он, когда Брюс отцепил от своего «Меркурия» трейлер с грузом автомобильного воска. — Будь на связи. Идет?

Он похлопал Брюса по спине, пожелал ему и его семье удачи, а затем вернулся в здание БПЗ.

Испытывая сильнейшее чувство вины, Брюс поехал по направлению к дому, в котором снимал квартиру. Но, по крайней мере, он обеспечил себе возможность вернуться на старую работу — на тот случай, если дело с офисом Сьюзан не выгорит. Это было не более чем практично.

Изложив свою легенду квартирохозяйке, он поднялся к себе, достал чемодан и начал паковаться. К заходу солнца он вынес все свои вещи к «Меркурию», загрузил их туда, где всего несколько часов назад находились коробки с воском, а затем вернул миссис О'Нил ключ от квартиры. Та

тоже пожелала ему удачи, поднявшись из–за обеденного стола, чтобы проводить его до коридора.

В половине девятого он выехал обратно в Айдахо.

На следующее утро Брюс с затуманенным сознанием и взором въехал в Бойсе. Остановился у мотеля и снял номер. Не разгружая ничего из своих вещей, разделся, забрался в постель и проспал целый день. В половине шестого вечера поднялся, принял душ, побрился, надел чистую одежду, а затем поехал в центр Бойсе к «Копировальным услугам».

Когда он парковался, в дверном проеме офиса появилась Сьюзан Фейн — она помахала ему рукой и снова исчезла внутри. Он завершил парковку, вышел из машины и направился туда же.

В стенах офиса Зоя де Лима приветствовала его холодным кивком и сразу же отвернулась. Он поздоровался с ней, но она не ответила, углубившись в работу на машинке.

Ей все известно, сказал он себе.

Из глубины офиса к нему вышла Сьюзан Фейн, держа в руках куртку и сумочку.

— Пойдем, — сказала она.

Они вместе прошли по тротуару и сели в машину.

— Я ей рассказала, — сообщила Сьюзан. — Мы целый день друг на друга орали. А ты как, справился? — Она повернула голову и увидела всю его одежду, чемоданы и коробки с личными вещами, втиснутые на заднее сиденье. — Справился, как вижу.

— Я уволился с работы, — сказал он. — И отказался от квартиры.

— Поехали есть, — сказала она. — Я так проголодалась.

— Ты ее оставишь? — спросил он.

— Почему бы и нет? — сказала Сьюзан. — А, понимаю, что ты имеешь в виду. Но пока она по–прежнему моя партнерша. У нее есть ключ. Я не могу заставить ее уйти. Чтобы закрыть легальный бизнес, требуется около недели. В любом случае, не думаю, чтобы она попыталась отомстить. Да, она уязвлена, она злится на меня как сумасшедшая, но все же она женщина порядочная. Я ее сто лет знаю. И мы все равно думаем остаться подругами.

— Что ж, ты ее знаешь, а я нет, — сказал Брюс.

Некоторое время они сидели в машине молча. Тротуары невыносимо сверкали под склоняющимся к закату солнцем, и Сьюзан ерзала, явно испытывая неудобство. Потом сказала:

— А вернусь–ка я сейчас туда и скажу ей, что мы вполне уже можем закрываться.

Она вышла из машины и поспешила по тротуару к офису. Время шло. Брюс включил радио и стал слушать новости. Наконец миссис де Лима покинула офис и резко двинулась в противоположном направлении. Сьюзан заперла дверь и, улыбаясь, пошла к нему.

— Вот и все, — сказала она, усаживаясь рядом.

— Куда поедем перекусить? — спросил он, заводя двигатель.

— Мне надо домой, — сказала Сьюзан. — Миссис Поппинджей должна уходить ровно в шесть сорок пять, минута в минуту, будь то град, дождь или снег. И мне правда нужно обедать вместе с Тэффи, мне это необходимо, так же как и ей. Обычно миссис Поппинджей начинает готовку, а потом я, когда добираюсь до дома, заканчиваю, подаю на стол, и мы с Тэффи едим вместе. Это нам обеим идет на пользу. А ты обедал? Не знаю, почему я не спросила раньше… Мне просто казалось само собой разумеющимся, что ты поешь вместе с нами.

— Идет, — сказал он.

Когда они приехали к ее дому, Сьюзан представила его миссис Поппинджей, седовласой

старушке, пухлой и низкорослой, которой явно не терпелось поскорее уйти домой, к своей собственной семье. Тэффи уединилась в своей комнате, рисуя что–то цветными карандашами и слушая детскую передачу по телевизору, к которому сидела спиной. Она едва обратила на него внимание, когда Сьюзан сказала, как его зовут, и сообщила, что он будет работать в их офисе.

— Миловидная девчушка, — сказал он, хотя успел увидеть лишь то, что в комнате находится маленькая девочка, что она чем–то занимается на полу и что у нее светлые, почти белокурые волосы. — На кого она больше похожа, на тебя или на Уолта?

Сьюзан со смехом сказала:

— Она вовсе не от Уолта. Господи прости! Я была замужем дважды.

— Вот как, — сказал он.

— Тэффи родилась во время Корейской войны. А с Уолтом я не была знакома вплоть до начала 1955 года. Помню, у него был новехонький, 55–го года выпуска, «Шевроле V8», и он всегда говорил мне, что это самый первый «шеви» этой серии и у него что–то не так с кольцами. Масло он так и жрал.

— Да, — сказал он. — Это факт.

— Уолт тоже часто бывает в разъездах, как и ты. Исколесил все вплоть до Солт–Лейк–Сити и Лос–Анджелеса. Странно, правда?.. Представить, как вы оба разъезжаете вокруг. Он представитель фабрики. Конференции, всякие там ярмарки…

Она повесила свою куртку и надела фартук.

— Гальванизированное железо приносит уйму денег, — заметил он.

— Да, — сказала она, — и ты только посмотри, как много я от этого получила.

После ужина они уселись покурить и отдохнуть. Тэффи ушла куда–то, наверное, вернулась в свою комнату. Она казалась спокойной девочкой, умеющей найти себе занятие и не требующей, чтобы кто–то постоянно находился рядом. В доме было тепло и покойно. Пахло жареным мясом.

— Как кухарка я тебя устраиваю? — спросила Сьюзан.

— Более чем, — отозвался он. Ее стряпня действительно показалась ему райским наслаждением в сравнении с едой в ресторанах и придорожных кафе, которой он скрепя сердце перебивался на протяжении последних двух лет. Ни тебе пригоревшего жира, ни пережаренных овощей, водянистых и безвкусных.

— Я так волнуюсь, — сказала Сьюзан.

— Я тоже.

— Я знаю, что нас ждет успех. И я обо всем сказала Зое: сняла с души эту ужасную тяжесть. Как только ты вчера уехал, начала готовиться к разговору с ней. А утром, когда мы открыли офис, сказала: «Зоя, нам надо поговорить». И выложила ей все как есть.

— Вот и хорошо, — пробормотал он, чувствуя сонливость.

— Это бессердечно? — спросила Сьюзан.

— Нет, — пробормотал он. — Такое происходит сплошь и рядом, постоянно.

— Теперь у меня дурные предчувствия.

Это заставило его встрепенуться.

— Все решено, — сказал он. — Я здесь; я уволился с работы и отказался от квартиры.

Она согласно кивнула.

— И все будет чудесно. Завтра отправимся в офис вместе, и я начну тебе показывать, что к чему. Или мы могли бы съездить туда и прямо сегодня. Нет, можно подождать. — А потом ей пришла в голову некая мысль. — Брюс, может, нам подождать до тех пор, пока Зоя не уйдет совсем? Не думаю, что будет разумно допустить столкновение между вами; мы подождем. Как у тебя с деньгами?

— Что ты имеешь в виду? — сказал он. — У меня на руках двухнедельный расчетный чек. И немного наличных.

Он не понимал, к чему она клонит.

Обстоятельно поразмыслив, Сьюзан спросила:

— Где ты остановился?

— В мотеле «Трактир Джека Рэббита».

— Сколько там берут?

— По шесть баксов в день.

Она поморщилась.

— Это же сорок два доллара в неделю.

— А я начну подыскивать комнату, — сказал он. — Не собираюсь торчать там целую неделю. Если мне не надо заниматься офисом прямо сейчас, то вполне можно уделить время поискам.

— Но я хочу, чтобы ты приступил к делу сразу же, — сказала Сьюзан. — Хочу, чтобы начало было положено. — Она раздраженно вертела в пальцах сигарету. — Не хочу я ждать… а ты как думаешь? Тебе будет сложно, если придется пересекаться с Зоей в офисе?

— Мне все равно, — сказал он. Он и правда сомневался, что могут возникнуть сложности. В конце концов, он этой женщины не знал и ничего не терял из–за ее враждебности.

— Я хотела бы сразу начать тебе платить, —

сказала Сьюзан, — но это невозможно, пока не будут подписаны все бумаги и она не перестанет иметь официальное отношение к бизнесу. То есть — пока она не получит от меня деньги за свою долю. Так что тебе нельзя будет платить по меньшей мере неделю.

Это было ударом.

— Ладно, — сказал он, надеясь, что как–нибудь перебьется.

— Это ставит тебя в неудобное положение, — сказала она. — Понимаю, что ставит. Прости, Брюс, я не подумала об этом, прежде чем мы приняли решение и ты уехал в Рино.

Оба замолчали. И вдруг она сказала:

— Слушай, а почему бы тебе не остаться здесь?

Он почувствовал себя так, словно у него раскололся череп.

— Ну конечно же, — сказала она, настойчиво постукивая его по руке, — ты можешь и спать здесь, и питаться; две спальни свободны, да и в шкафах полно места. Почему бы нет?

Пытаясь совладать с собой, он сказал:

— Если никто не будет против.

— Ты имеешь в виду соседей? Не думаю, что они вообще обратят внимание. Какое им дело? Так или иначе, а у нас куча дел. Я хочу, чтобы ты

начал работать прямо сейчас; мы сможем съездить в офис позже вечером, когда Тэффи ляжет спать. И я закажу для тебя ключ. А потом будут выходные. — Она вынула изо рта сигарету и вскочила на ноги. — Давай перенесем твои вещи из машины. У тебя с собой все, что тебе надо?

— Да, — сказал он. В мотеле у него ничего не осталось. — Но ты уверена, что хочешь этого? — Ему это представлялось огромным шагом.

— Конечно, уверена, — сказала она, открывая входную дверь. — Это совершенно естественно; удивляюсь, как мы не подумали об этом раньше. — Приостановившись, она бросила через плечо: — Если только ты не слишком чопорен.

— Чопорен? — эхом отозвался он. — Это как?

— Думаю, нет. Смущен, может, я это имею в виду. Все равно мы собираемся проводить вместе все время. В маленьком бизнесе, в котором участвуют всего двое, — ты ведь привык к большому штату сотрудников, нет? У маленького бизнеса гораздо более интимный характер, это почти как семья.

Когда–то он работал в аптеке, где, кроме него, отвечавшего за поставки товаров, был всего лишь один приказчик. Так он знал, что к чему.

— Со мной легко поладить, — сказал он.

— Надеюсь, что так, — сказала она, — потому что со мной нелегко. Порой на меня находит. Когда ты позавчера приехал, у меня как раз был приступ депрессии. Но ты ее из меня вышиб.

Без видимых причин возбудившись, она ухватила его за рукав и потянула за собой, по дорожке к автомобилю.

— Ты для меня — отличная терапия, — добавила он через плечо.

Примерно через час он разместился в спальне с высоким потолком, его чемоданы и коробки были аккуратно уложены на полу в одном из углов, а одежда висела в шкафу. Бритвенные принадлежности помещались в шкафчике в ванной комнате вместе с флаконом спрея–дезодоранта, расческой, зубной щеткой и множеством флакончиков, тюбиков и жестянок.

К этому времени дочка Сьюзан уснула. Телевизор был выключен. Атмосфера в доме, в котором не спали только он и Сьюзан, приобрела новую для него степень непринужденности; он никогда не сталкивался с таким отсутствием всяческого давления на себя.

Они отдыхали, сидя в гостиной. Вскоре Сьюзан стала вспоминать о тех днях, когда была учительницей. Казалось, они всегда присутствовали на

заднем плане ее сознания.

— Я все еще учительствовала, когда познакомилась с Питом, — сказала она. — С отцом Тэффи. Он хотел, чтобы я уволилась, и я так и сделала, когда появилась Тэффи. И мы переехали из Монтарио в Бойсе.

Из ящика бюро она достала большой альбом. Усевшись рядом с ним, стала переворачивать страницы, показывая фотографии из своего недавнего прошлого.

— Вот мой шестой класс в школе Хобарта в 1949 году, — сказала она, дотрагиваясь до снимка.

В конце концов ему пришлось увидеть и общую фотографию пятого класса 1945 года, своего собственного класса. Его толстая круглая мордашка, само собой, выглядывала из второго ряда. Вот он, один из множества надутых, угрюмых с виду мальчишек, затерянный среди себе подобных и, конечно, настолько непохожий на себя сегодняшнего, что никто не усмотрел бы между ними никакой связи. Собственно говоря, если бы он не видел этой фотографии раньше, то не узнал бы себя и даже не заподозрил бы, что сам присутствует где–то среди всех этих лиц. Вместе с Сьюзан они разглядывали этот классный снимок. Вот она сама, вполне опознаваемая, стоит

сбоку, прямая и официальная, с улыбкой на лице, с полузакрытыми из–за яркого солнца глазами. В своем костюме с большими пуговицами… Поразительно, думал он, видеть эту фотографию снова. У него был свой экземпляр, но его мать давным–давно забрала фотографию себе; с тех пор он этого снимка не видел.

И на этой фотографии мисс Рубен, какой она была в сорок пятом году, совсем не походила на тот образ, что ему помнился. Он видел только очень красивую, подтянутую молодую женщину, со вкусом одетую, несколько сухощавую, с тревожными складками у глаз и у рта. Измучена опасениями, подумал он. Напряжена из–за невыносимого и неусыпного осознания своей ответственности за класс, которым руководила. Может быть, слишком напряжена. Слишком обеспокоена. Он вспомнил, как однажды на перемене один пацан сильно порезался о разбитую бутылку из–под шипучки; мисс Рубен бросилась в медпункт, и, хотя она сразу же привела медсестру и сумела заставить остальных детей вернуться к занятиям, самой ей пришлось какое–то время бороться с полуобморочным состоянием, и тогда даже они, пятиклашки, осознавали, что она близка к истерике. Она стояла, повернувшись

ко всем спиной и стискивая платок, которым утирала то глаза, то нос. Конечно, в то время это заставляло их всех хихикать. Они едва способны были сдержать веселье.

Разглядывая снимок, он заметил под ним напечатанные микроскопическим шрифтом имена учеников. Разумеется, там значилось и его имя: Брюс Стивенс. Однако Сьюзан этого не замечала. Она принялась вспоминать другие события и больше не обращала внимания на фотографию.

— Я никогда бы не оставила учительство, — сказала она. — Просто я для этого не очень–то пригодна. Когда приходила домой, то вся тряслась. Весь этот шум, суматоха. Дети, бегающие во всех направлениях. Голова у меня всегда так и раскалывалась. Пит считал, что я не приспособлена иметь дело с детьми. Слишком, утверждал, невротична. Может, он и прав. Это одна из причин нашего разрыва. Мы не могли договориться, как именно воспитывать Тэффи.

— Чем он сейчас занимается? — спросил он, переворачивая страницу, чтобы скрыть из виду свое имя.

— Он в Чикаго, — сказала Сьюзан. — А чем занимается, не имею никакого понятия. Когда мы познакомились, он учился на инженера. Мне

было двадцать шесть, а ему — двадцать пять.

— Сколько же тебе было, когда ты начала преподавать? — спросил он.

— Давай прикинем, — сказала она. — Я начала в Тампе, штат Флорида. В 1943 году. Помню это потому, что как раз в тот месяц, когда я впервые получила свой класс, шла Сталинградская битва. Мне было девятнадцать.

— А когда начала преподавать в школе Хобарта?

— В сорок пятом, значит, в двадцать один год.

Итак, она ровно на десять лет старше, чем он. Сейчас ей тридцать четыре. Примерно так он и думал.

— С тех пор я не видела никого из этого маленького народца, — сказала Сьюзан. — Они просто исчезли. Тринадцать лет назад… теперь они должны быть почти взрослыми; им тогда было лет по одиннадцать, значит, сейчас им стало по двадцать четыре. Уже поженились, кое у кого и дети есть. — На ее лице появилось задумчивое выражение. — Дети некоторых из них могли уже начать ходить в школу. Хотя это, наверное, преувеличение. Но заставляет остановиться и подумать.

— Тринадцать лет между одиннадцатью и

двадцатью четырьмя — это очень длинный срок, — заметил он.

— И очень важный. Но вот я, когда оглядываюсь назад, особых изменений в себе вроде бы и не замечаю. Что двадцать один, что тридцать четыре. Хотя мне не следует так говорить. У меня ведь есть Тэффи, и я дважды была замужем и дважды разводилась! То есть я не хочу сказать, что перемен не было. Но чувствую я себя все так же. Не ощущаю, чтобы я за это время как–нибудь изменилась внутри. Вот выгляжу, наверное, по–другому.

Она вернулась на прежнюю страницу, чтобы снова посмотреть на свой снимок, сделанный в 1945 году.

— Не думаю, что сейчас ты выглядишь иначе, — сказал он. И так оно, конечно, и было.

— Спасибо, — сказала она. — Очень милый комплимент.

— Я серьезно, — сказал он.

Сьюзан закрыла альбом.

— Чувствую себя опустошенной. Я не имею в виду, что прямо сейчас — нет, в общем и целом, за последние годы. Когда два брака идут прахом… всегда спрашиваешь, не твоя ли в этом вина. Знаю, что моя. Пит говорил, что я только и знаю,

что переживать да беспокоиться, а Уолт такого не говорил, но вполне мог сказать то же самое; он говорил, что я все воспринимаю как кризис. Говорил, что у меня кризисный менталитет. Я каждую минуту опасаюсь какого–нибудь бедствия. Как Хенни Пенни. Падает небо… ты помнишь?

— Да, — сказал он.

— И оба они говорили, что тем же самым я наделяю и Тэффи… — Повернувшись к нему, она сказала с настойчивостью в голосе: — Вот почему мне нужен рядом такой человек, который был бы весел, добродушен и легко мог бы со всем справляться. Такой, как ты.

— Я не думаю, что ты так уж влияла на Тэффи, — сказал он, думая про себя, что она, если на то пошло, терроризировала его целый год и оставила в его сознании неизгладимый отпечаток, но он все же всплыл на поверхность, преодолел подавленность и достиг взрослости с оптимистичным настроем. Разве это не доказывает, что она не причинила ему никакого реального вреда? Конечно, подумал он, мне, может, просто повезло. А может, подумал он вслед за этим, какая–то душевная рана во мне и присутствует, где–то глубоко под поверхностью. Я просто этого не знаю. Никогда этого не ощущал.

В половине двенадцатого Сьюзан пожелала ему спокойной ночи и оправилась принять ванну, чтобы затем лечь спать.

Он в одиночестве сидел в гостиной, глядя по телевизору какой–то старый фильм.

Я вернулся в Монтарио, думал он. Нет, не совсем в Монтарио. На самом деле это Бойсе. Но для него это было одним и тем же — местом, откуда он родом.

Однако никакого уныния он не чувствовал. Все было совершенно по–другому. Он был уже далеко от тех давних дней, от его бытности учеником средней школы, когда он складывал газеты и бросал их на террасы… или, еще раньше, играл в шарики после школы и смотрел «Хауди Дуди»[174] по телевизору с трехдюймовым экраном в семейной гостиной, пока его старший брат Фрэнк возился на заднем крыльце с водой из пруда для своего микроскопа.

Это заставило его задуматься о Фрэнке.

Его старший брат Фрэнк работает теперь химиком–исследователем в химической компании в Цинциннати. Он окончил Университет Уэйна в Детройте, на стипендию, предоставленную

---

[174] Примечания: 174

«Хауди Дуди» («Howdy Doody») — детская телепрограмма, транслировавшаяся в США с 1947 по 1960 г.

мыловаренной компанией. Фрэнк женат, и у него имеется трехлетний ребенок. Сколько же лет самому Фрэнку? Что–то около двадцати шести. И он владеет домом и машиной — или выплачивает за них кредит. Так что Фрэнк добился успеха, по всем стандартам; он работает по профессии, занимается тем, что всю жизнь доставляло ему удовольствие… Он талантлив, сметлив, умел, когда–нибудь он станет публиковаться в научных журналах. У него великое будущее; да что там, великое настоящее. В школе Фрэнк был настоящей звездой. Брюс помнил, как тот расхаживал в своих теннисных туфлях и слаксах, с зачесанными назад и смазанными бриолином волосами, с сияющей безукоризненной кожей. Он делал ручкой каждому встречному, блистал на школьных танцах и непрерывно избирался то туда, то сюда. Постоянно ходил с Людмилой Медоуленд, блондинкой, которую старшеклассники избрали «Мисс Монтарио» для выпускного карнавала 1948 года. На параде, состоявшемся десятого июня, она проехала по Хилл–стрит на плоту, сделанном из картофеля, держа в руках знамя с надписью: ПОБЕЖДАЙ, ШКОЛА МОНТАРИО, ПОБЕЖДАЙ! Директор средней школы Монтарио обменялся рукопожатиями с ней и с Фрэнком, и фотография

их троих появилась в «Газетт», той самой газете, охапки которой приходилось волочить Брюсу, складывая каждый экземпляр и швыряя, складывая и швыряя, — изо дня в день, целых два года.

Всю жизнь все окружающие долдонили ему, что его брат Фрэнк очень способный.

Очевидно, подумал он, так оно и есть. Посмотри, где сейчас Фрэнк. И посмотри, где ты сам.

Но, как он ни старался, ему не удалось вызвать у себя чувство уныния. Мне это нравится, думал он. Я от этого заряжаюсь… меня к этому по–настоящему влечет. В этом есть что–то удовлетворяющее, некий порядок. Единство. То, что некто из его детства смог притянуть его обратно вот таким образом, внушало ему чувство, что все эти годы не прошли даром. В те давние дни он, естественно, ничем не мог себе помочь. После школы все кидали шарики, и он тоже их кидал. В субботу после полудня все стояли в очереди за билетами на детский сеанс в кинотеатре «Люксор», и он тоже туда шел, какой бы паршивый фильм ни крутили. Эти рутинные и никчемные годы были настолько тягостны, что время от времени он отчаивался. Для чего все это было? Что он из этого получал? Ясное дело, ничего.

Практически единственное событие в первые

пятнадцать лет его жизни, имевшее для него в то время какое–то значение, произошло совершенно случайно. В «Газетт» было напечатано объявление о рассылке по почте пластинок с великими симфоническими шедеврами в обмен на купоны, вырезанные из ежедневных выпусков. Поскольку он был разносчиком, у него было доступ к этим купонам, так что он собрал их целую кучу и отправил в Иллинойс, а примерно через месяц получил по почте плоский пакет, завернутый в коричневую бумагу и оклеенный лентой. Вскрыв его, он обнаружил картонный футляр с тремя двенадцатидюймовыми пластинками. Наклейки на пластинках были голубыми, и на них значилось только «Величайшие симфонии мира», без указания названия оркестра и имени дирижера. Этот конкретный набор пластинок — у него не было альбома, только бумажные конверты–вкладыши — оказался симфонией № 99 Гайдна. Он проигрывал его на своем настольном проигрывателе, который получил в подарок на Рождество, когда учился в средних классах. Прежде его музыкальный вкус простирался до Спайка Джонса, да и после остался более или менее таким же. Но эта именно симфония оказала на него огромное воздействие, пробрала его до

мозга костей. Он проигрывал эти три пластинки, пока они не побелели и не истерлись так, что вместо музыки стало слышаться только громкое шипение.

Его неукротимый интерес к этой музыке доказывал, что, будь у него выбор, он переменил бы свою жизнь, потому что жил не в том городе и не с теми людьми. Доказывал, что он не был счастлив. Разумеется, он это понимал. Он постоянно хандрил из–за этого, отправляясь из дома в школу, а потом обратно. Какой контраст с его братом Фрэнком, который ежедневно выплывал в первоклассном свитере, слаксах и с напомаженными бриолином волосами.

В пятнадцать лет он лежал в темноте у себя в комнате, слушая эту музыку на проигрывателе. Затачивая кактусовые иглы с помощью маленькой машинки, которую купил за полтора доллара и которая вращала иголку по диску из наждачной бумаги… накапливая заостренные иглы в коробке «Содействия Оркестру», чтобы всегда, хотя бы и посреди одной из сторон пластинки, можно было заменить иглу в иглодержателе, если та слишком уж изнашивалась.

Он мог бы вообще жить только в этой комнате, если бы кто–нибудь додумался кормить его

через замочную скважину. По трубочке, думал он. За пределами своей комнаты он страдал. Он не мог носить с собой проигрыватель. Хотя ему нравилось иногда выбираться наружу, чтобы осмотреться. В конце концов он укатил в Рино и стал работать на БПЗ. И точно так же прикатил обратно, заинтригованный открывавшимися возможностями и неспособный уклониться от новизны.

Когда старый фильм закончился, он выключил телевизор, проверил, закрыта ли входная дверь, погасил, следуя инструкциям Сьюзан, свет в гостиной, а потом присмотрелся к двери в ванную комнату, убеждаясь, что Сьюзан там нет. Все выглядело покойным и темным, так что он прошел к себе в спальню, достал из чемодана полотенце и отправился в ванную. Вскоре он мылся и чистил зубы, готовясь ко сну.

Лежа в своей спальне, он беспрерывно ворочался, не в силах заснуть. Бессонница мучила его в детстве — и вернулась к нему здесь, возможно, потому, что он снова находился в Бойсе, и потому, что слишком часто на протяжении дня он вынужден был вспоминать о прошлом.

Нет ли у него какой–нибудь пилюли, которую можно было бы принять? Где–то у него хранилась

бутылочка с пилюлями антигистамина, назначаемого от аллергии и простуды, но он обнаружил, что антигистамин расслабляет его и погружает в дремоту, и держал эту бутылочку как раз для таких целей. Несомненно, она валялась в бардачке его автомобиля. Он проворочался еще час, но сон все не шел. В конце концов он встал, накинул на себя голубой шерстяной халат, сунул ноги в кожаные шлепанцы и отправился через темный дом к входной двери.

Он успешно добрался до машины, но никакой бутылочки в бардачке не нашел. Так что с пустыми руками вернулся по темной дорожке к дому, поднялся на крыльцо и прошел в гостиную. Может, эти пилюли каким–то образом затесались в его чемодан и скрылись среди обуви? Подумав об этом, он оправился по коридору в свою комнату.

Прежде чем он открыл дверь в комнату, открылась другая дверь, и в коридор выглянула Сьюзан.

— А, это ты, — сказала она. — Я думала, уж не Тэффи ли это бродит.

— Забыл кое–что в машине, — объяснил он, открывая дверь в свою комнату.

— Я не хочу, чтобы ты беспокоился, — сказала она ему в спину.

— О чем?

— О чем бы то ни было. Вид у тебя какой–то потерянный.

— Просто не могу уснуть, — сказал он. — Все эти треволнения.

Он вошел в свою спальню и посмотрел на часы. Сьюзан прошла туда вслед за ним. На ней был длинный розовый халат, вроде как стеганый, с узким веревочным поясом. Волосы были распущены, образуя огромное множество свободных светлых прядей, с виду совершенно невесомых. Они ниспадали ей на плечи и были гораздо длиннее, чем ему представлялось раньше.

— У меня есть фенобарбитал, — сказала она.

— Это было бы чудесно, — сказал он с благодарностью.

Она куда–то ушла и вернулась, держа в одной руке желтую пластмассовую чашку с водой для запивки, а в другой, на ладони — крошечную трубчатую пилюлю.

— Спасибо, — сказал он, перекатывая пилюлю с ее ладони на свою. Она дала ему чашку, и ему даже удалось проглотить снотворное у нее на глазах. Обычно ему делалось не по себе, если кто–то смотрел, как он глотает пилюли.

Она вдруг подняла руку и потрогала его лоб,

из–за чего он так сильно вздрогнул, как будто его лягнули.

— Ты перегрелся, — сказала она. — Из–за поездки. По–моему, у тебя легкий солнечный удар; ты весь горишь.

— Да нет, — пробормотал он.

Она скользнула к окну и отвела в сторону штору и тюлевую занавеску, проверяя, закрыто ли оно.

— Я слышала, как ты ворочаешься, — сказала она. — Это потому, что дом незнакомый, да? Знаешь, я, наверное, прямо так и скажу Зое: хочу, мол, чтобы ты начал ходить в офис. Завтра пойдем вместе со мной, в девять. Хорошо? Так что ложись и засыпай, чтобы утром быть свежим. Я хочу показать тебе счета–фактуры за последние пол года на товары, которые я заказывала.

Ночи, которые он проводил у Пег, были омрачены тем, что Пег требовалось накручивать волосы на металлические бигуди, из–за которых они прижимались к голове в виде твердой и узловатой подушечки. Но вот перед ним стоит Сьюзан с волосами распущенными и мягкими, и он этому удивляется. До чего же ограничен его опыт в том, как выглядят женщины ночью! Его мать ходила по дому ночью с волосами, зачесанными вверх и убранными в мешочек, который завязывался, как

хвостики негритянского старушечьего чепчика. На этом его опыт и исчерпывался.

А ноги у нее, как заметил он под краем халата, были босыми.

— Я всегда свежий, — заявил он.

— Вот и замечательно, — сказала она. — Спокойной ночи, Брюс.

Она вышла из спальни, закрыв за собой дверь.

Фенобарбитал начал на него действовать, чувства притупились, и он, сбросив халат и шлепанцы, забрался в постель. Вскоре начал задремывать.

Затем до него дошло, что дверь снова открылась и Сьюзан вернулась в комнату. Она подходила все ближе и ближе к нему, к кровати, а потом наклонилась так, что оказалась прямо над ним. Ее волосы щекотали ему лицо, из–за чего ему хотелось чихнуть. Потом стеганый воротник ее халата прижался к его плечу. «Можно к тебе?» — сказала она. И, скользя и извиваясь, забралась в постель рядом с ним, завернутая в халат.

Вздохнув, стала устраиваться поудобнее. Натянула на себя одеяло, потом перевернулась на бок, лицом к нему. Потом села, отбросила одеяло и начала расстегивать халат. Высвободив плечи и руки, скомкала его и спихнула с кровати на пол.

В темноте он слышал ее участившееся дыхание. Кровать качнулась, когда она снова повалилась на спину рядом с ним, оставаясь теперь в какой–то ночнушке — какой именно, он не видел, но край ее касался его шеи.

Теперь, лежа на спине, она ждала. Но ждала недолго. Совершенно внезапно она перевернулась, уперев ему в грудь свои острые, твердые локти, наклонилась над ним и вперила в него безжалостный взгляд. Как будто, подумалось ему, если она будет смотреть достаточно пристально, то сможет осветить комнату. И его самого тоже принудит светиться, чтобы он стал видимым. Он и вправду чувствовал себя так, словно она его освещала, заставляя сиять повсюду, с головы до ног. А она продолжала блуждать по нему изучающим взглядом, из–за чего он становился все ярче и ярче. Собственное свечение причиняло ему боль, он задохнулся и поднял руку, чтобы убрать в сторону один из ее локтей.

— Привет, — сказала она.

— Ты, я вижу, не беспокоишься, — сказал он.

— Это благодаря тебе. Ты защищаешь меня от этого.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил он.

— Все, что тебе угодно, — сказала она. Ее голос был исполнен смирения и покорности, что для него было внове; звучал он очень тихо, она едва ли не напевала себе под нос. Вдруг ее веки распахнулись, и она посмотрела на него диким взглядом; рука взметнулась, и она прижала ее костяшками себе ко рту, словно пытаясь не разразиться смехом. — Это невероятно, — сказала она. Трепеща, она откатилась от него, выбралась из постели и поднялась на ноги; стоя к нему спиной, она застыла, опустив голову и держа одну руку на горле, а другой быстро поглаживая себя по волосам.

Облаченный в пижаму, он поднялся с кровати и, стоя прямо перед ней, положил руки ей на плечи. Когда он вдавливал в нее пальцы, кости ее ощущались полыми; она, казалось, подается, делается меньше. Уронив руки по бокам, она оставалась безмолвной, пассивной, даже какой-то удаленной. И вскоре после того как он начал держать ее в руках, горестные складки исчезли с ее лица. Он сжал ее покрепче, и ситуация перестала ее тревожить. Все в ней разгладилось и стало расслабленным и спокойным.

Отпустив ее плечи, он взял ее за руку и повел к кровати. Она безмятежно сделала шаг, забралась

в постель без какого–либо недовольства и устраивалась там, пока он снимал с себя пижаму.

— Замерзла? — спросил он.

— Не очень, — сказала она отрешенным голосом. — Голова немного болит, вот и все.

Когда он залез в постель рядом с ней, то почувствовал, как она протянула мимо него руки, чтобы подтянуть. Укрыв их обоих, она обняла Брюса.

— Надеюсь, Тэффи не проснется, — вдруг встревожившись, сказала она.

— Не беспокойся об этом, — велел он ей.

— Но вдруг она начнет меня искать и прибежит сюда… А, будь что будет!

В приливе властности она потянула его на себя.

Бедра у нее были узкие, а живот, находившийся теперь под ним, казался мягким. Но от нее чудесно пахло — благодаря тем солям, что она насыпала себе в ванну. Тело ее повсюду было совершенно гладким, без единой жиринки. Она держала себя в форме, как спортсменка или танцовщица. Как раз то, чего он так страстно хотел.

Глава 5

Утомившись донельзя, они накинули халаты и уселись на заднем крыльце, в темном и прохладном ночном воздухе. Их овевал ветер, заставлявший кусты и деревья в саду клониться то в одну, то в другую сторону. Они слышали, как он шумит листвой больших, невидимых деревьев, росших в каком–то другом дворе.

В этом было что–то всемирное.

Никто их них не сказал ни слова. Сьюзан натянула шерстяные носки, большие лыжные носки, доходившие ей до икр. На нем была пара носков, вязанных «ромбиком», но даже при этом он мелко трясся, а иногда даже его всего передергивало, и он никак не мог уняться. Это было почти механическим содроганием. Вероятно, решил он, это связано с мышечным истощением. Усталость чувствовалась в каждой клетке тела, но он не хотел копаться в себе дальше. Он с удовольствием слушал шум ветра, зарывавшегося в деревья, которых они не видели.

— Страшно, — прошептала Сьюзан.

— Не согласен, — отозвался Брюс. Он улавливал запах цветов. Как–то раз мимо пролетел мотылек,

наткнулся на сетчатую дверь и исчез. Возможно, он влетел в дом: дверь они оставили открытой, чтобы не оказаться отсеченными от внутреннего пространства.

Схватив его за руку, Сьюзан стиснула ее, а потом ударила его в грудь своей твердой головой.

— Ты ведь не был женат, правда? — спросила она.

— Нет, — сказал он.

— Но сексом ты занимался и раньше. Или же читал о нем необычайно хорошую книгу. Ты не вел себя как неумеха. Впрочем, другого я и не ожидала. Хочу, чтобы ты хорошенько подумал вот о чем. Я развелась с Уолтом. Для женщины, которая дважды была замужем, начать подумывать о третьем браке — очень большой шаг. Но браки заключаются и разрушаются. Лучше попытать счастья и ошибиться, чем… — Она задумалась. — Страх — это не то, чем следует руководствоваться. Воздерживаться из–за боязни совершить ошибку… Или это все тебе кажется смешным?

— Нет, — сказал он. — Не кажется. — Хотя на самом деле так оно и было. Теперь ему хотелось одного — вернуться в дом, лечь и уснуть. — Пойдем–ка в дом.

— Хорошо, — сказала Сьюзан, когда он закры-

вал сетчатую дверь на задвижку. — Ты пойдешь к себе в комнату, а я вернусь в свою. У миссис Поппинджей есть ключ, и, хотя она вряд ли придет раньше девяти часов, мы можем проспать.

— Хорошо, — сказал он, куда больше заинтересованный в сне, нежели в чем–то еще. Времени было половина пятого, и его усталость обратилась в боль.

Направляясь к своей комнате, она приостановилась, чтобы послать ему воздушный поцелуй. Доброй ночи, беззвучно произнесли ее губы, а по том, когда каждый из них открыл свою дверь, она наконец пропала из виду.

Что за ночь, думал он, забираясь во все еще влажно–теплую, смятую и чудно пахнущую постель.

Брак, подумал он.

И все же такая мысль ничуть его не встревожила. В браке присутствовала естественность и обыденность.

Полагаю, Тэффи станет моей падчерицей, подумал он. А как насчет офиса, «Копировальных услуг», моей работы там? Достанется ли мне часть этого бизнеса… стану ли я совладельцем?

Все это звучало для него очень приятно. Уснул он довольным, всеми помыслами устремляясь в

завтрашний день.

На следующее утро, в половине одиннадцатого, они с Сьюзан вместе поехали на его «Меркурии» в центр, к офису.

Когда они парковались на другой стороне улицы, за пределами двухчасовой зоны, Сьюзан сказала:

— Слушай, мне надо пройти немного вниз и прикупить кое–какой материал для платья. А ты ступай внутрь, увидимся через полчасика. — Она поднесла ладонь козырьком ко лбу и пригляделась. — Дверь отперта. Зоя должна быть там. Если она слишком уж на тебя напустится, просто выйди и посиди здесь, в машине, или где сам захочешь. Но я не думаю, чтобы она так себя повела. Скорее всего, она тебе мало что скажет, наверное, займет себя работой.

— Не хочешь ли, чтобы я ей что–нибудь сказал? — спросил он, испытывая смутное раздражение.

— Нет, — сказала она, стоя на тротуаре и захлопывая дверцу со своей стороны. В костюме она выглядела очень ухоженной и элегантной. — Конечно, — добавила она, наклоняясь к окну, — не упоминай о том, что живешь у меня, или о том, что было прошлой ночью.

Сьюзан быстро зашагала прочь. Он запер машину, перешел улицу и, поеживаясь от неловкости, зашел в офис.

Как и предсказывала Сьюзан, Зоя не обратила на него внимания. За одним из столов в глубине помещения она сосредоточенно работала на старинной, массивной пишущей машинке, вынимая из нее страницу за страницей. Какое–то время он переминался с ноги на ногу в передней части офиса, где, очевидно, полагалось находиться клиентам, а потом решил взять быка за рога и прошел за прилавок и мимо нескольких столов.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе утро, — отозвалась Зоя.

— Я буду здесь работать, — сообщил он.

— А, — сказала она веселым, оживленным голосом. — Мне Сьюзан так и говорила. — Мельком глянув на него, добавила: — Для меня это, конечно, мало что значит, потому что я отсюда ухожу.

— Ясно, — сказал он, кивая так, словно это для него было новостью.

— Наверное, через несколько дней. Я мечтаю выбраться из этого тупика уже год, самое меньшее.

Она перестала печатать и повернула стул, чтобы смотреть ему в лицо. Медленнее и отчетливее

произнесла:

— Мы постоянно несем убытки, как вам, вероятно, известно. Сьюзан, полагаю, вам это изложила. Она так же мало верит в этот бизнес, как и я. Не знаю, почему она хочет барахтаться дальше. Здесь через дорогу есть дешевый магазин, где продают бумагу, ленту и копирку; мы не можем конкурировать с ними, потому что они закупают сразу помногу. А в большой аптеке на углу торгуют портативными пишущими машинками. Это не оставляет нам ничего, кроме сдачи машинок в аренду, печатания рукописей и копирования на мимеографе, а на таких вещах много не заработаешь. Даже если бы у нее были деньги на инвестицию, ничего хорошего не получилось бы, если только она не собирается перебраться в какое–нибудь другое место. А если она решится на это, то потеряет почти все, что мы вложили в обустройство этого заведения.

Он ничего не сказал. Услышанное его несколько озадачило.

— Для какой именно работы она вас наняла? — спросила Зоя. — Просто заниматься здесь обычной текучкой? Вы умеете печатать? Она, конечно, не собирается перепечатывать рукописи и заполнять стандартные формы сама… В

основном заниматься этим приходится мне. — На ее морщинистом пожилом лице отразился утонченный триумф. Не было у нее жалости ни к нему, ни к Сьюзан: теперь, узнав о своем уходе, она сделалась бессердечной.

— Чем вы собираетесь заняться, когда уйдете? — спросил он.

— О, я думаю открыть небольшое заведение неподалеку от Далласа. Там живут мои друзья.

— Что ж, я желаю вам удачи, — сказал он.

— Я тоже желаю вам удачи в работе с Сьюзан, — твердым голосом заявила Зоя. — Вы давно с ней знакомы? Если вам удастся сделать это заведение преуспевающим, то это будет ваша заслуга, а не ее, — у нее абсолютно нет ни способностей, ни усердия. Она просто хочет вытягивать отсюда столько денег, сколько ей хватало бы для удовлетворения своих потребностей.

Она резко оборвала разговор и вернулась к своей работе. Прошло какое–то время, и она спросила:

— У вас есть опыт работы в розничной торговле?

Вопрос был задан с такой интонацией, словно ее ничуть не удивило бы, что у него такого опыта целые годы и что Сьюзан заманила к себе

кого–то, кто сможет взять на себя руководство и управлять этим заведением с максимальной эффективностью. Несмотря на неприязнь, она явно питала к нему уважение, чуть ли не благоговение. Как будто, заменяя ее, он уже тем самым доказал, что лучше пригоден для этой работы. И, конечно, он был мужчиной. Наблюдая за ней и изучая ее, он чувствовал, что она автоматически уступает первенство мужчинам. В этом, должно быть, крылась ее слабость. И это было одним из обстоятельств, что препятствовали им в налаживании бизнеса, в ведении дел с оптовиками и клиентами.

Две женщины, пытающиеся заниматься бизнесом. Да, ситуация неблагоприятная.

— Я хотел бы посмотреть ваши счета–фактуры за последние несколько месяцев, — сказал он.

— Они в скоросшивателе, в картотечном шкафу. По алфавиту.

Усевшись за свободный стол, он принялся изучать счета–фактуры, чтобы разобраться, каким образом шли прахом все их затраты.

— Изучаете, какие у нас были доходы? — как–то невзначай спросила Зоя.

Почти сразу же он заметил, что Сьюзан и Зоя производили закупки наихудшим способом:

понемногу каждый месяц и по самой высокой цене за единицу товара. Увидел он и то, что они никогда не забирали свои закупки сами — им их всегда доставляли.

— Как у вас насчет возвратов? — спросил он у Зои. — Насчет бракованной продукции, которая возвращается поставщикам?

— Об этом вам надо спросить у Сьюзан, — сказала Зоя.

Возможно, они упускали возможность обновлять свои припасы с помощью периодических рекламаций. Он расхаживал по офису, заглядывая в шкафы с товарами, на полки со стопами печатной бумаги, коробками с машинописными лентами, плоскими пакетами копирки и износившимися старыми пишущими машинками, которые сдавались в аренду по цене пять долларов в месяц и ниже. С первого взгляда он понял, что эти древние машинки занимают большую часть пространства хранения; ими были полностью заставлены две стены, от пола до потолка. На большинстве из них лежал толстый слой пыли. Витринное пространство тоже занималось машинками на продажу, и все были подержанными, ни одной новой. Как в лавке старьевщика, мрачно подумал он. Его опыт восставал против

подержанной техники, он испытывал тошноту даже при мысли дотронуться до пыльных, неопрятных предметов в магазинах старых товаров. Ему нравились вещи новые, в гигиенических целлофановых упаковках. Представь себе покупку подержанной зубной щетки, подумал он. Господи…

Закурив сигарету и размышляя, он начал подумывать о льготах на поставку. Если новые пишущие машинки продаются поблизости, то производители могут быть против открытия новых торговых точек. Но… возможность заполучить технику есть всегда. Она никуда не денется, если у покупателя имеются наличные и, желательно, средства немедленной транспортировки.

Собственные замыслы начали его волновать. Преобразовать это заведение…

— Думаю, что смогу сделать здесь много чего хорошего, — сказал он.

Зоя не ответила.

В полдень в офис влетела Сьюзан с целой охапкой пакетов. Она остановилась возле Зои и принялась показывать ей всякую всячину. Брюс, осознавая ее присутствие, продолжал работать. Наконец она подошла к нему.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — отозвался он. — А я тут кое–что уже нарыл.

Он обнаружил папку со счетами дебиторов и занимался сведением в таблицу всех неоплаченных долгов.

— У тебя такой занятой вид, — заметила Сьюзан.

Из–за своего стола подала голос Зоя:

— Если никто не возражает, то я, пожалуй, выйду перекусить.

Она уже зачехлила машинку и убрала свой рабочий халат.

— Ступай, конечно, — озабоченным голосом сказала Сьюзан.

Как только Зоя вышла из офиса, Сьюзан уселась напротив него.

— Как все прошло? — нетерпеливо спросила она. — Много она говорила?

— Очень мало, — сказал Брюс. Он чувствовал к ней некоторую прохладу из–за того, что ему пришлось войти в офис одному; ему казалось, что ей следовало бы составить ему компанию.

— Вот и хорошо, — сказала она с облегчением. — Понимает, что должна смириться с твоим присутствием.

Сьюзан наклонилась к нему.

— Она рассказывала, что мы пытались получить льготу на поставку у фирмы «Ундервуд», а они нам отказали? — Она встревоженно изучала его взглядом.

— Нет, — сказал он. — Но я как раз думал о возможности таких льгот.

— Если бы мы смогли сколотить достаточно денег, чтобы вложить их в действительно большую начальную закупку, нам бы ее предоставили. Согласен? Ты ведь все о таких делах знаешь.

— Посмотрим, — сказал он.

— Я рассчитываю на тебя в закупках товаров, которые мы будем продавать.

— Знаю, что рассчитываешь, — сказал он. — Но денег я найти не могу.

— Зато ты можешь заключать договора о поставках, которые не обойдутся нам слишком уж дорого. И ты можешь получать товары на консигнацию. Разве нет?

— Зависит от обстоятельств, — сказал он.

— А что ты думаешь о прилавках? Если мы раздобудем новые портативные машинки, нам понадобится место, чтобы их выставить.

Он сказал:

— Если уж мы заговорили о деньгах, то вот вопрос: я на тебя официально работаю?

— Как… Я имею в виду, — сказала она, выпрямляясь на стуле и хмурясь на лихорадочный, беспокойный манер, — да, конечно, ты начал работать этим утром, как только сюда вошел. Я считаю тебя официальным участником фирмы.

С величайшей осторожностью и тактом он спросил:

— Как ты собираешься организовать мою оплату?

— Тебе придется брать деньги из прибыли, так же как и нам. Временно, конечно. И мы всегда это фиксируем: у нас есть постоянная форма, вроде квитанции, которую мы обе подписываем.

— Но сколько именно?

— Сколько… сколько, по–твоему, тебе надо?

В этом пункте он, разговаривая с нею, оказался перед глухой стеной.

— Вопрос не в этом. Вопрос в том, чтобы привести все в порядок, чтобы мы видели реальное положение дел.

Это тотчас встревожило ее и смутило.

— Решай сам, — порывисто сказала она. — Я приму все, что ты скажешь. Особенно, если… — Она осеклась и оглянулась. — Если мы последуем нашим планам, на что я очень надеюсь. — Она понизила голос. — Брюс, я хочу, чтобы ты был

свободен решать, сколько тебе надо. Я дам тебе бухгалтерские книги, и ты увидишь, какие суммы брали мы с Зоей.

После того как она показала ему бухгалтерские книги и они обстоятельно все обсудили, было решено, что он может снять со счета до трехсот пятидесяти на период в тридцать дней.

— Я тебя не граблю? — обеспокоенно спросила она.

— Нет, — сказал он, довольный, что этот вопрос улажен.

— Я хочу платить тебе больше. Ты достоин большего. Может быть, позже, когда у нас будет что–нибудь на продажу. — Сжав кулаки, она воскликнула: — Черт, нам позарез надо что–нибудь на продажу!

Вошел какой–то клиент, и Сьюзан встала, чтобы его обслужить.

Позже тем же днем он оправился в дешевую лавку на другой стороне улицы, чтобы самолично посмотреть, что у них продается, а что нет.

Прилавок, на котором была выложена бумага и принадлежности к пишущим машинкам, тянулся вдоль одной стороны лавки и с улицы был невидим; с другого прилавка продавали бижутерию и пуговицы, так что лавка вроде бы

уделяла равное внимание печатным аксессуарам и пуговицам. Ленты у них были уложены в две аккуратные горки. Каждая из лент продавалась по цене 89 центов, их бренд был ему незнаком, и он распознал в них низкокачественные укороченные ленты, пригодные лишь для печатания писем и совершенно не подходящие для офисных работ. Кроме того, он заметил, что в лавке не было запаса лент для всех моделей пишущих машин. Их машинописная бумага шла по цене от 10 до 25 центов за пакет, пачками ее не продавали. Это тоже был дешевый второсортный товар, а не лоскутная или льняная бумага с водяными знаками, на которой машинистки предпочитают печатать первые экземпляры. Это его приободрило. А что до копирки, то она у них была синей.

Он прошел дальше, к аптеке.

Как и следовало ожидать, в аптеке имелось четыре бренда доступных по цене портативных пишущих машинок, и каждый из них был хорошо выставлен: машинки помещались в конце прилавка с фотоаппаратами и сопутствующими товарами, рядом с камерами и недорогими магнитофонами. Он отметил, что в аптеке представлены только самые дешевые портативные машинки каждой линии, а офисных моделей

нет вообще.

Когда рядом с ним замаячила девушка, готовая его обслужить, он поинтересовался, какая у портативных машинок гарантия. Ровно девяносто дней, ответила она.

— И ее надо будет везти сюда, — спросил он, — если что–то сломается?

— Нет, — беззаботно сказала она. — Вам придется доставить ее в ремонтную мастерскую… — Она нагнулась, исчезнув за прилавком, и появилась снова, держа в руках измочаленную папку. — В городе ремонтной службы нет. Она на шоссе в Покателло.

— Не знаете ли, — спросил он, — есть ли здесь поблизости контора, где мне могли бы кое–что профессионально напечатать?

— По–моему, такой офис находится ниже по этой улице, — сообщила девушка.

Поблагодарив ее, он покинул аптеку.

Они явно не занимались пишущими машинками всерьез. Ориентировались в основном на школьников и бизнесменов, которым нужна дома какая–нибудь машинка, чтобы время от времени что–то напечатать. Он порылся в своих знаниях о системе льготных поставок и вспомнил, что дилерам часто предоставляют льготу,

которая позволяет им продавать только самые дешевые товары в линии, а не все, что в ней имеются. Он легко мог бы выяснить, есть ли у этой аптеки льгота на поставку машинок большего размера, если бы таковые потребовались. Скорее всего, не было.

Он снова перешел улицу и вернулся в офис.

Посреди офиса по ту сторону прилавка стоял низкорослый и смуглый тип с округлыми плечами, одетый в элегантный серый однобортный костюм и при галстуке–бабочке. Облако сигаретного дыма окружало его после каждой затяжки. Заметив Брюса, он сощурился на него через очки роговой оправы, сделал гримасу, сплюнул клочок сигаретной бумаги и сказал хриплым, но дружелюбным голосом:

— Обслужить вас не могу. Я здесь не работаю.

У его ног Брюс заметил кожаный портфель, сумку с ручками. Этот тип, очевидно, был коммивояжером от какого–то производителя. Он наблюдал за Брюсом с ироничной бесцеремонностью, как будто хотел его обслужить, но считал себя недостаточно компетентным, а к тому же и посторонним. Находясь за прилавком, но здесь не работая, он словно бы плыл под чужим флагом. У него был извиняющийся вид.

— Все в порядке, — сказал Брюс, проходя мимо него.

У того широко открылись глаза.

— Вот как, — проворчал он. — Раб, значит.

— Верно, — сказал Брюс. Нигде не было видно ни Сьюзан, ни даже Зои. — А где они? — спросил он у предполагаемого коммивояжера.

Тот пожал плечами:

— Зоя в туалете. Сьюзан нет. Меня зовут Мильт Ламки.

Он протянул ладонь, и Брюс увидел, что руки и ноги у него короткие, а кисть широкая и плоская, узловатая, но опрятная, с профессиональным маникюром. Лицо покрывали оспины, но за зубами он ухаживал хорошо. Ботинки, черные и вроде как импортные, были потерты, но тщательно начищены.

— Кого вы представляете? — спросил Брюс, пожимая ему руку.

— «Бренди братьев во Христе», — сказал Ламки своим грубым, как гравий, голосом. А потом наклонил голову, скорчил гримасу и пробормотал: — Ну не тупость ли так говорить? Сегодня у меня один из свободных дней. Захожу сюда и никого не застаю на месте. Чего же удивляться рецессии? Я из «Бумажных поставок Уолена». Но представьте

себе, ликероводочная компания под названием «Братья по Христе»! Все равно что оружейный завод имени Иисуса. Я заметил их рекламу в винной лавке через дорогу. Никогда раньше на глаза не попадалась.

Брюс сказал Ламки, как его зовут.

— Давно здесь работаете? — поинтересовался Ламки. — Я захожу сюда не чаще, чем раз в два месяца.

Брюс объяснил, что только–только.

— Собираетесь управлять этим заведением? — доброжелательно спросил Ламки. — Вот этого им и недостает, человека, который явился бы сюда и все взял в свои руки. А так они ничего не решают. Все идет юзом. Где вы были до этого?

Брюс сказал, что работал в БПЗ.

— Вот за это я бы засветил вам в промежность, — сказал Ламки.

— Вы не одобряете дисконтные дома?

— Ежели они торгуют прогорклыми конфетами — нет, не одобряю.

Подобного аргумента он еще не слыхивал. Это показалось ему невероятно смешным, и он захохотал, полагая, что Ламки шутит. Но тот, напустив на себя надменный и решительный вид, поспешил убедить его в обратном.

— Как–то раз купил коробку «Маундз» в одном дисконтном доме в Окленде, что в Калифорнии… — Ламки закашлялся, поперхнувшись сигаретным дымом, уж так ему не терпелось доказать свою точку зрения. Помахал рукой, разгоняя дым. — На вкус они были как мыло. Должно быть, раздобыли какие–то остатки в гарнизонных лавках времен Второй мировой.

— Не все же дома одинаковы, — сказал Брюс.

— Ваше слово против моего, — отрезал Ламки. Вынув изо рта сигарету, он достал пачку «Парламента» и предложил Брюсу угощаться. — Думаю, у вас, приверженцев дисконта, все пойдет прахом, потому что торговля для вас не работа. Это какое–то безумие, как домашние морозилки. Вам бы людьми торговать.

Он говорил об этом с угрюмым видом, как о некоем факте, который он не одобрял, но все же принимал. Руки у него, когда он прикуривал новую сигарету, дрожали, кончик ее вихлял, уклоняясь от язычка пламени, вырывавшегося из зажигалки «Ронсон» в кожаном футлярчике, и ему пришлось большим пальцем двигать сигарету.

— Но вы все равно стоите на своем, — процедил он углом рта. Дым попал ему в левый глаз, и тот

покраснел и заслезился. Он криво улыбнулся Брюсу.

— О, Мильт! Здравствуй. — В офис вошла Сьюзан.

Мильт Ламки убрал зажигалку в карман пиджака, отчего тот выпятился, нарушая правильность линий его костюма.

— Где ты была? Я поживился деньгами из твоей кассы, просто чтобы тебя проучить.

— А что, разве Зои нет?

— Сидит на горшке, — ответствовал Ламки. — Хочешь, пойдем выпьем кофе?

— Я только что ела — вот где я была, — сказала Сьюзан. — Не думаю, чтобы нам сейчас захотелось что–то у тебя покупать. Ты уж прости. Если только ты не хочешь показать нам что–то новенькое.

— Как насчет линейки дешевых арифмометров?

— Никак, — сказала она.

— Цифровых компьютеров?

— То же самое.

— «Униваки» домашней модели за 17 долларов 95 центов. Твоя цена. В розницу рекомендуется, кажется, 49.95. Ничего выгода, а? Лучший подарок на Пасху.

Сьюзан обвила его рукой за шею и похлопала по спине.

— Нет, — сказала она. — Как–нибудь в другой раз. Сейчас нам надо решить много реорганизационных вопросов. У нас столько планов!

Повернувшись к Брюсу, Ламки сказал:

— А как насчет нас? Выпьете со мной чашку кофе?

— Хорошая мысль, — сказала Сьюзан. — Мильт, это Брюс Стивенс. Он будет заниматься закупками. — Она понизила голос. — Зоя уходит.

— Пойдем, — Ламки кивнул в сторону двери, призывая за собой Брюса. — Этого мерзавца я оставлю здесь, — сказал он, имея в виду свой кожаный портфель. — Если тебе нравится быть инфантильной, можешь в нем порыться.

Вскоре они с Брюсом уселись за стойку в кофейне неподалеку.

— Значит, Зоя де Лима уходит, — сказал Ламки, прикуривая третью сигарету, водружая локти на стойку и держа руки возле своего носа, а большие пальцы — в ноздрях. — Сьюзан поступает умно. Ей следовало бы выбраться из–под этого завала еще два года назад. Сьюзан — сумасбродка, а Зоя — просто цыпленок, во всех отношениях.

Им подали кофе.

— С Сьюзан, по крайней мере, можно о чем–то договориться, — сказал Мильт. — Но вот Зою ничем не прошибешь. Она прогнила насквозь, как старая сосновая доска. Все, что нужно Сьюзан, — чтобы кто–то говорил ей, что делать. — Кое–как сунув за ворот салфетку, он отхлебнул кофе.

— Место хорошее, — заметил Брюс, слегка ошарашенный Мильтом Ламки и его откровенностью. Ему больше были привычны восторженные, якобы искренние торговцы, никогда не говорившие правды.

— Я знаю Сьюзан не один год, — угрюмо сказал Мильт. — Хорошая женщина. Хотя я всегда удивлялся, почему она терпит неудачу в бизнесе. — Нахмурившись, он потрогал какой–то из своих зубов. — Слушайте, — продолжал он. — Вы не находите, что она чертовски привлекательна?

— Спору нет, — несколько уклончиво отозвался Брюс.

— Где–то на задворках сознания у меня всегда крутилась мыслишка попытаться пригласить ее куда–нибудь вечером. На ужин или куда–нибудь еще. И попробовать пробиться сквозь ее умелое притворство, распознать, кто она такая на самом деле. Вы можете себе представить, что она когда–

то была учительницей в школе? Все равно что обнаружить, что парень, который доставляет тебе уголь, — это Альберт Эйнштейн, занимающийся тем, что ему больше всего по нраву. Эйнштейн, конечно, умер. Я читаю «Тайм», так что все такое знаю. Полезно быть в курсе мировых событий. Вы так не думаете? Это иногда может помочь заключить большую сделку.

— Вы живете неподалеку? — спросил Брюс.

— Да, черт бы его побрал. Моя территория включает в себя всю северо–западную часть Тихоокеанского побережья, хотите — верьте, хотите — нет. Раньше я жил в Орегоне, но приходилось слишком много ездить. Так что теперь я здесь, в Айдахо. Вроде как посередке. Я разъезжаю повсюду, от Портленда на севере до Кламат–Фолса на юге, а на восток — вплоть до Покателло. Жалкое, конечно, это местечко, чтобы здесь жить.

Ламки погрузился в молчание.

— Я здесь все просто ненавижу, — сказал он наконец. — Айдахо меня подавляет. Особенно дорога отсюда в Покателло. Вы когда–нибудь видели такую убогую дорогу, сплошь разбитую, дерьмовую донельзя? В любом другом штате это было бы окружным проселком для фермеров с телегами арбузов. А здесь это — на тебе! — феде-

ральная магистраль. А эти мушки, что вьются вокруг Монтарио? Эти дьявольские мушки — желто–прозрачные, неслышно порхающие и жалящие все подряд… вы когда–нибудь поднимали такую мушку, дохлую, чтобы рассмотреть ее вблизи? Эта чертова тварь ухмыляется. Как может ухмыляться насекомое, не имея ни зубов, ни десен, ни губ, — этого я не знаю.

— В Монтарио я родился, — сообщил Брюс.

— На вашем месте я бы об этом помалкивал, — сказал Ламки.

— Если бы у вас был выбор, — спросил Брюс, — где бы вам хотелось жить?

Ламки фыркнул:

— В Лос–Анджелесе.

— Почему?

— Потому что когда заезжаешь в автолавку, чтобы купить солодового молочка, то у девицы, которая его тебе приносит, задница точь–в–точь как у Мэрилин Монро.

Это был хороший ответ.

— Не подумайте, что я сижу здесь и размышляю о женских задницах, — продолжал гудеть Ламки своим грубым голосом. — На самом деле я об этом уже год как не думаю. Вот что вытворяет с человеком жизнь в Айдахо. И здесь нечем

заняться, нечего читать, нечего смотреть. Есть пара баров, грязных, заплеванных и темных, но это почти и все. Может, я из–за ковбойских шляп так раздражаюсь? Никогда не верил тем, на ком ковбойская шляпа. По–моему, они все психи. Я не приспособлен, чтобы торговать машинописной бумагой. Вы понимаете? Разве это не очевидно? Не забудьте об этом в следующий раз, когда я заеду к вам со специальными летними предложениями. Просто скажите мне «нет», и я укачу. Мне наплевать, купите вы что–нибудь или нет. По правде говоря, надеюсь, что не купите. А не то мне придется заполнять заказ. Я даже не знаю, при мне ли еще моя ручка. — Он пошарил во внутренних карманах своего пиджака. — Вы только посмотрите, — сказал он. — Эта чертова штука вся протекает. Что за гадость. — Он с мрачным видом снова застегнул пиджак.

— Вам бы понравилось в Рино, — сказал Брюс.

— Может быть. Когда–нибудь мне придется поехать туда и посмотреть. Что вы намерены сделать, работая у Сьюзан?

— Раздобыть что–нибудь на продажу. Избавиться от подержанного хлама.

— Правильно, — сказал Мильт.

— Я бы хотел закупить новые портативные

машинки, но в аптеке поблизости об этом уже побеспокоились.

— Я скажу вам, чем вам следует заняться всерьез, — сказал Мильт. — И поскольку сам я этим не занимаюсь, то, как понимаете, вовсе не пытаюсь соблазнить вас какой–то сделкой.

— Не томите, излагайте, — сказал Брюс.

— Займитесь импортными портативными машинками, — провозгласил Мильт.

— Итальянскими? «Оливетти»?

— На рынок сейчас выходит японская машинка. Электрическая. Первая в мире, какую я только знаю.

— «Смит–Корона» выпускает электрическую портативную машинку, — возразил Брюс.

Мильт улыбнулся:

— Да, но там ручной возврат каретки. А в японской машинке все на электричестве.

— И сколько стоит?

— В том–то и дело. Они собирались обзавестись дилерами и продавать их напрямую. Импортировать без посредников. Но парочка крупных американских производителей пишущих машинок перепугалась и затеяла переговоры. А машинки тем временем на рынок так и не попали. Они придерживают их, пока не будет вы-

работана основа для льготных поставок. Полагаю, что где–то здесь поблизости имеется, по крайней мере, один склад, забитый ими под завязку.

— Никогда не слыхал ни о чем подобном, — сказал Брюс, чувствуя прилив торгового энтузиазма.

Какое–то время они обсуждали эту тему, потом покончили с кофе и пошли обратно в «Копировальные услуги».

У обочины Брюс увидел незнакомый автомобиль, светло–серый седан со старомодной, но в высшей мере классической решеткой радиатора. Автомобиль выглядел несколько архаично, но его чистые линии перекликались с новейшими концепциями в дизайне. Оставив Мильта, он подошел к машине, чтобы как следует ее осмотреть. Его внимание привлек значок в виде трехконечной звезды. Это был «Мерседес–Бенц». Первый, который ему довелось увидеть.

— Вот машина, от которой я бы не отказался, — сказал он, упиваясь ее видом. — Пожалуй, это единственная иностранная машина, которую я не прочь видеть. Посмотрите на эту кожу внутри. — Сиденья, обтянутые толстой кожей, представлялись ему последним словом в элегантности.

— Это моя машина, — сказал Мильт.

— Правда? — Он не поверил. Этот низкорослый и растрепанный бумажный коммивояжер, конечно же, снова его дурачил.

Вытащив необычного вида ключ, Мильт отпер переднюю правую дверцу «Мерседеса». На заднее сиденье машины были уложены пачки образцов бумаги, некоторые из них соскользнули на пол.

— Я намотал на ней тридцать тысяч миль, — сообщил Мильт. — Гонял ее по всем четырнадцати западным штатам и никогда не знал с ней никакого горя.

— Это «восьмерка»?

— Нет–нет, — резко сказал Мильт. — «Шестерка». По–настоящему устойчивая машина. У нее сзади качающиеся оси. И синхронизатор низко расположен. Новыми они стоят около тридцати четырех сотен.

Брюс открыл и закрыл дверь.

— Как будто сейф закрываешь, — сказал он. Дверца была пригнана идеально.

Когда Мильт снова запер машину, они прошли в офис.

— Я думал, что если заимею такую машину, — говорил Мильт, — то вся езда, которой мне приходится заниматься, будет сплошным удовольствием. Но особой разницы нет. Так,

незначительная. В чем я по–настоящему нуждаюсь, так это в другой работе.

— Так ты хочешь работать здесь? — сказала Сьюзан, невольно подслушав последнюю фразу.

— Это единственная работа, которая еще хуже моей, — отрезал Мильт. — Розничная торговля гаже всех остальных унизительных занятий в мире.

Она обратила на него тусклый, серьезный взгляд.

— Ты так считаешь? Жаль, что я этого не знала. И что же, по–твоему, такая работа делает с человеком, развращает?

— Нет, — сказал он. — Она просто разъедает самоуважение. Начинаешь смотреть на себя сверху вниз.

— Я не считаю, что занимаюсь розничной продажей, — сказала Сьюзан.

— Конечно, занимаешься. Чем же еще, как не этим?

— Оказываю профессиональные услуги.

Мильт улыбнулся:

— Курам на смех. Как и любой другой, ты хочешь что–нибудь продать и зашибить денег. Вот чего жаждет вся эта улица. Вот чего жажду и я. Вот для чего ты наняла этого МакПука — чтобы

твой бизнес приносил прибыль.

— Ты слишком уж циничен, — сказала Сьюзан.

— Увы, я циничен недостаточно. Будь я циничен в должной мере, я бы покончил с этим бизнесом. Но моего цинизма хватает лишь на то, чтобы не любить то, чем приходится заниматься. Не забывай, я намного старше тебя, поэтому знаю, что говорю. Ты просто недостаточно долго занимаешься бизнесом.

Брюс не сомневался, что Ламки просто дурачится. Но Сьюзан восприняла все это абсолютно серьезно: остаток дня она проходила с угрюмым и напряженным видом, с такой озабоченностью, что он в конце концов спросил, хорошо ли она себя чувствует.

— С ней все в порядке, — встряла Зоя. — Она просто не переносит, когда ей говорят правду о жизни.

— Он же просто шутил, — сказал Брюс.

— Думаю, так оно и есть, — согласилась Сьюзан. — Но с ним так трудно это распознать. С этой его манерой общаться…

Разумеется, к тому времени Ламки уже укатил на своем «Мерседесе», мрачный до крайности.

— Он очень образованный человек, — поведала Сьюзан Брюсу. — Говорил он тебе, что окончил

Колумбийский университет? Бакалавр гуманитарных наук, специализировался на европейской истории, если не ошибаюсь.

— Как же его занесло в торговлю бумагой? — поинтересовался Брюс.

— Его отец — один из партнеров в фирме Уолена. Ты видел его машину и его одежду? У него куча денег. Он странный тип… ему тридцать восемь, и он никогда не был женат. Он, пожалуй, самый одинокий человек изо всех, кого я когда–либо знала, но близко к нему не подберешься: такой уж он язвительный и ироничный.

Сидя за своим столом, Зоя де Лима стрекотала на пишущей машинке.

— Она его терпеть не может, — сказала Сьюзан.

— Не могу, можешь не сомневаться, — сказала Зоя, не переставая клацать. — Он вульгарен, да еще и сквернослов в придачу. Худший из торговцев, что здесь появлялись. Я боюсь поворачиваться к нему спиной, потому что он может ущипнуть за задницу; он как раз такого типа.

— Щипал когда–нибудь? — спросила Сьюзан.

— У него никогда не было такой возможности, — сказала Зоя. — Во всяком случае, со мной. — Подняв голову, многозначительно доба-

вила: — А вот как насчет тебя?

— Он не вульгарен, — сказала Сьюзан Брюсу, не обращая внимания на свою подругу. — У него хороший вкус. А этот язык, к которому он прибегает, не более чем скорлупа. Он просто высмеивает тех, с кем ему приходится работать. Его язвительность направлена против мира бизнеса, против торговцев вообще. И еще: многие низкорослые мужчины несчастны и одиноки. Они держатся лишь своего собственного общества.

— Ты хорошо его знаешь? — спросил он.

— Мы вместе пьем кофе, — сказала Сьюзан. — Когда он сюда заезжает. Однажды он попросил меня поужинать с ним, но я не могла. Тэффи тогда была нездорова, и мне надо было ехать прямо домой. По–моему, он мне не поверил. Так или иначе, он заранее был уверен, что я не соглашусь. Так что я просто доказала, что он был прав.

Глава 6

Когда они с Сьюзан ехали вечером домой, она спросила:

— Ты ведь не упоминал Мильту о том, что остановился у меня в доме, правда? Я уверена, что не упоминал.

— Нет, — сказал он. Ему было прекрасно известно, что коммивояжеры — основные переносчики сплетен из одного конца штата в другой.

— Нам надо быть осторожнее, — сказала она. — Я устала. Мы так мало спали. И потом эта проблема с Зоей… я вздохну с облегчением, когда она наконец уйдет. Да, ты просматривал счета–фактуры. Наткнулся на что–нибудь существенное, что хотел бы изменить?

Брюс в общих чертах обрисовал то, что обнаружил. Основной упор он делал на необходимость закупать товары большими партиями. На полпути, остановившись перед светофором, он глянул на нее и увидел, что ее мысли где–то витают: на ее лице снова появилось задумчивое, рассеянное выражение, и он понял, что она мало что услышала или же вообще ничего.

— Прости, — сказала она, когда ему удалось

привлечь ее внимание. — У меня просто так много всего на уме. Меня беспокоит, как будет реагировать Тэффи на то, что не видит Уолта. В ее понимании он сделался отцом. Надеюсь, теперь им станешь ты. Так оно должно быть. Я и впрямь не могу увлечься этими мелкими проблемами бизнеса. Думаю, что Мильт прав: это разъедает самоуважение.

— Ничего такого я не ощущаю, — возразил он. — Мне это в радость.

Подавшись вперед, она его поцеловала.

— Вот почему ты больше не живешь в Рино. Нас с тобой ожидает чудесное будущее. Ты это чувствуешь, да? А вот я чувствую, что возвращаюсь к жизни. Знаю, что это звучит банально, но так оно и есть. У чувства такого рода существует, наверное, совершенно разумная физиологическая основа… может быть, задействован метаболизм. И эндокринная система. Новые энзимы высвобождают нерастраченную энергию. — Она с такой силой стиснула его руку, что он едва не потерял управление машиной. — Давай остановимся и купим на ужин что–нибудь особенное. Знаешь, чего бы я хотела? Упаковку crepes suzette

[175]. Я, когда покупала сигареты в супермаркете, заметила, что они у них продаются.

Он поставил машину на парковке супермаркета и, пока она в ней сидела, потащился внутрь, взял упаковку crepes suzette отстоял в очереди, заплатил и вернулся.

— Мне еще надо зайти в аптеку, — сообщила она, когда они поехали дальше. — Это не то, что можно тебе поручить.

Он стал во втором ряду припаркованных автомобилей, и Сьюзан ленивой походкой проследовала в аптеку. Машина позади него назойливо сигналила, пока не заставила его тронуться с места и объехать вокруг квартала. Когда он вернулся на прежнее место, то не обнаружил никакого ее признака и поэтому снова поехал вокруг квартала. На этот раз она ждала, расхаживая взад–вперед по тротуару.

— Куда ты делся? — спросила она, впрыгивая внутрь и захлопывая дверцу. — Я думала, ты подождешь.

— Не мог, — сказал он.

На коленях она держала продолговатый прямоугольный пакет, завернутый в коричневую

---

[175] Примечания: 175

Crepes suzette (*фр.*) — очень тонкие блины, свернутые или сложенные в горячем апельсиновом соусе; обычно подаются с горящим бренди.

бумагу и перевязанный белой бечевкой. Он отвел глаза, чувствуя меланхолию. Его угнетала эта ее необычная открытость, угнетала с самого начала.

— Ты такой невозмутимый, — заметила она позже.

— Я устал, — сказал он. Упаковку crepes suzette он купил на свои деньги, а денег у него было немного. Их договоренность пока не имела для него смысла, и это продолжало его мучить.

— Когда, по твоим ощущениям, ты сможешь принять на себя руководство фирмой? — спросила Сьюзан.

— Трудно сказать.

— Через неделю?

— Может быть.

Она вздохнула.

— Я так на это надеюсь. Тогда я смогу посвятить все свое время заботам о Тэффи. — В ее голосе появился напор. — Понимаешь, как только я буду в состоянии отпустить миссис Поппинджей, то это сразу же даст экономию в двести с чем–то долларов в месяц. Это немало, даже и в наши дни. А еще я буду чувствовать себя гораздо более здоровой, когда смогу оставаться с дочкой дома, отводить ее в школу, забирать оттуда и быть

вместе с ней после школы.

— Ты хочешь сказать, что вообще не собираешься появляться в офисе? — Он впервые об этом слышал. — Там необходимо присутствовать двоим. К тому же я не умею ни печатать рукописи, ни заполнять бланки. — Он наблюдал, как такими вещами занималась Зоя, и пришел к выводу, что это, вне всякого сомнения, само по себе требует полного рабочего дня.

— Я могу кое–что делать дома, — сказала Сьюзан.

— Тебе придется приезжать в офис, — сказал он.

— Иногда буду.

Он решил оставить эту тему.

— Ты же знаешь, что я хочу, чтобы ты взял руководство на себя, — сказала она.

— Если ты отпускаешь Зою, — сказал он, — то должна будешь проводить там почти столько же времени, сколько раньше. Если мы достанем что–нибудь для продажи, то это плюс общее руководство будет на мне, а перепечатки будут на тебе. Позже мы, наверное, сможем вообще отказаться от печатания, но, разумеется, не сразу.

— Как скажешь, — сказала она. — Тебе виднее. — Но остаток дороги к дому держалась

несколько отчужденно.

После ужина, когда они с Сьюзан убирали со стола и мыли посуду, зазвонил телефон. Вытерев руки, она вышла, чтобы ответить.

— Тебя, — сказала она, вернувшись. — Это Мильт Ламки.

Недоумевая, что могло понадобиться Мильту, он подошел к телефону и сказал «алло».

— Привет, — прорычал Мильт. — Я прикинул, что у меня неплохие шансы найти вас вот таким способом. Уже поужинали?

— Да, — сказал он, начиная злиться.

— Как насчет пива? Мне надо с кем–нибудь поговорить. Я сейчас заскочу, и мы поедем в центр и выпьем пива, идет?

— Вы имеете в виду одного меня? Или меня вместе со Сьюзан?

— Разве у нее нет маленькой девочки? — сказал Мильт.

— Есть, — признал он.

— Если не желаете, то так и скажите, — продолжал Мильт. — Эта мысль явилась ко мне экспромтом. Я пробуду в этом городе еще пару дней, а потом покачу в Покателло. И тогда вернусь через неделю. Все, что у меня здесь есть, это комната с ванной и отдельным входом. Этого

недостаточно, чтобы меня здесь удерживать. Питаюсь я все время вне дома.

— Минутку, — сказал он, положил трубку и снова прошел на кухню.

— Чего он хочет? — спросила Сьюзан. — Мне он только сказал «алло» и спросил, здесь ли ты.

— Хочет, чтобы я поехал в центр и выпил с ним пива.

— А! Должно быть, ему одиноко. Почему бы тебе не поехать? Все равно я устала, так что, наверное, лягу, как только уснет Тэффи. Может, немного почитаю в постели или посмотрю телевизор.

На обратном пути к телефону он все обдумал.

— Спасибо за приглашение, — сказал он Ламки, — но нам надо обсудить множество дел. Может, как–нибудь в другой раз, и я угощаю.

— Что?! — прорычал Ламки.

— Я вынужден просить перенести это на другой день, — сказал он.

— Вы что, красный или что еще? Ладно, ежели у вас душа не лежит… Может, найду кого–нибудь в Покателло.

— Надеюсь, это не означает, что с нашими отношениями покончено, — сказал Брюс.

— Нет, — сказал Ламки. — Скорее всего, нет.

Оба пожелали друг другу доброй ночи и пове-

сили трубки.

— Я ему отказал, — сообщил он Сьюзан. Ему не очень–то улыбалось сидеть в баре и выслушивать чьи–то излияния и жалобы. — Мне и здесь хорошо.

И это, конечно, было правдой. В Рино ему приходилось сиживать в барах, в полной мере страдая от одиночества, и он от души надеялся, что с этим покончено. В мире насчитывались миллионы неприкаянных мужчин, пивших пиво в одиночестве. Жаждущих хоть кому–нибудь все об этом поведать.

— Раз уж ты не поехал, — сказала Сьюзан, покончив с посудой и снимая фартук, — то и я не стану сразу ложиться. Я так сказала, чтобы ты чувствовал себя вольным приходить и уходить, когда тебе угодно. Не хочу, чтобы тебе казалось, будто ты со мной как–то несвободен. Я тебе сегодня даже кое–что приготовила, только забыла отдать.

Она прошла в гостиную за своей сумочкой. Достала из нее дверной ключ и вручила Брюсу.

— От дома, — сказала она. — А, и еще кое–что. — Она порылась в сумке и на сей раз выудила кольцо со множеством ключей. — От офиса, — пояснила она, снимая один из ключей с кольца. — Видишь,

как мне с тобой легко и свободно?

Благодаря этим двум ключам настроение у него улучшилось. Испытывая душевный подъем, он сказал:

— Надеюсь, ты никогда об этом не пожалеешь.

— Уверена, что не пожалею, — сказала она. — Ты не подведешь меня, Брюс. Судить о людях не так уж трудно. Мы не очень–то много говорили о любви. Но ты ведь об этом думал, а?

— Кое–что, — сказал он, чувствуя неловкость.

— Не очень–то ты со мной разговорив, — сказала она. — Потому что в ситуации, которая влечет за собой столь многое, обычно готовы сказать чуть ли не все на свете. Ты же чувствуешь, что лучше от этого воздержаться. Я сама не всегда озвучиваю то, что испытываю. И не требую развернутого изъявления чувств… если сама не могу этого дать, то и не вправе об этом просить. Мне кажется, я понимаю, о чем ты думаешь. Это немало тебе дает, не так ли? На самом деле я почти не знаю, как ты жил раньше. Могу только догадываться, каким ты был до встречи со мной. В тот вечер, в доме у Пег, тебе было одиноко?

— Да, — подтвердил он. — Я же приехал из Рино. В такой долгой поездке нельзя не ощутить одиночества. — Ему не хотелось говорить, что

одиночество стало ему привычным; по какой–то причине он избегал откровенничать об этом. Возможно, потому что иначе могло бы показаться, что его потянуло к ней из чистого одиночества, а это было неправдой.

— Я даже не знаю, в скольких девушек ты был влюблен, — сказала Сьюзан. — И насколько сильные испытывал чувства — я имею в виду в эмоциональном плане. Может быть, ты не из тех парней, что волочатся за каждой юбкой, а потом бросают несчастных девушек. Время покажет. Для меня это очень важно.

— Что ты так уныло? — сказал он.

— Да нет же, я не унываю. Я никому прежде не давала ключа от офиса. Если, конечно, не считать, что свой ключ есть у Зои.

— А как насчет ключа от дома?

— Один есть у миссис Поппинджей. Естественно, у Уолта был свой ключ. Я знаю, куда ты клонишь. Нет, Брюс. — Она сказала это голосом маленькой девочки, очень тихо и уверенно.

Около двенадцати часов они услыхали какой–то глухой стук снаружи, на переднем крыльце. До этого они вместе были в спальне, а теперь, хотя в дверь никто не звонил, прекратили свои занятия и вернулись в гостиную, оба взъерошенные.

— Там кто–то есть, — сказала Сьюзан, поправляя волосы.

Он открыл дверь. На крыльце стоял в темноте Мильт Ламки.

— Это ваш «Меркурий» там стоит? — сказал Ламки. — С номерами штата Невада? — Войдя в дом, он сунул Брюсу кусок пересохшей, сморщенной, порванной бумаги. — Я позволил себе это содрать, — заявил он.

Это были останки афишки БПЗ, ранее приклеенной к заднему окну его машины.

Мильт кивком приветствовал Сьюзан. Пылающее его лицо излучало жар. На нем была ярко–желтая спортивная рубашка с короткими рукавами, из морщинистого нейлона. И мягкие серые слаксы, без ремня. И ботинки на каучуковой подошве.

— Где же доброе слово? — сказал Мильт. — Не убьете же вы человека за то, что он к вам заглянул. Проезжал мимо, вижу, ваша машина еще здесь, значит, вы пока не уехали.

Он уселся на диван.

— Если тебе кажется, что я не рада тебя видеть, — сказала Сьюзан, — то это потому, что у меня много всего на уме.

Повернувшись к нему спиной, она изобразила

жалобную гримасу, адресованную Брюсу. Это грозило обернуться серьезным испытанием для них обоих. Все зависело от того, насколько решительно Мильт был настроен остаться.

— У тебя здесь очень мило, — заметил Мильт, укрепившись в центре гостиной и положив руки на колени. Ему было не по себе: он осознавал, что вломился в дом против их воли, но в то же время намеревался задержаться. Он хотел быть с ними. Очевидно, ему некуда было больше пойти. — Полагаю, вы прикидываете, как бы от меня избавиться, — смиренно, но решительно прорычал он своим грубым голосом. — Я ненадолго. Уйду вместе с Брюсом.

Что он этим хотел сказать, одному богу известно. Брюсу стало неловко, интуиция подсказывала ему, что этот тип со своими разговорами будет ломиться то туда, то сюда, пока случайно или намеренно не причинит какого–нибудь ущерба… он спрашивал себя, знает ли Сьюзан что–то большее, чем говорит. Она по–прежнему смотрела на Мильта с подозрительностью, но в то же время казалась довольной. Может, потому что тот выпил. Он ее одновременно и раздражал, и веселил, и Брюс подумал о всех тех случаях, когда он испытывал то же самое по отношению к

своим выпившим приятелям. Необходимо быть настороже… а в данной ситуации — вдвойне необходимо. Но Мильт ничего против них не имел, это было очевидно. Он хотел быть рядом с ними, как и говорил. Ему нужна была их компания, компания друзей.

Но вот время оказалось неудачным. Посетители им были ни к чему, они не расположены были составлять кому–то компанию. Он совершил ошибку. Судя по его решительности, он это чувствовал, хотя, вероятно, еще не понимал, почему это было такой грубой ошибкой. Теперь он начнет размышлять об этом. Почему они так не рады его видеть? Брюс видел, что такие мысли начинают циркулировать в сознании Мильта. Им придется обходиться с ним дружелюбно, иначе он поймет лишнее об их отношениях. Обнаружит, что Брюс не собирается уезжать. И тогда им придется остерегаться его.

При виде Мильта Ламки в желтой спортивной рубашке, до краев накачанного пивом, Сьюзан впала в озорное, беспечное состояние, которого Брюс прежде у нее не наблюдал. Он знал людей, которых всегда забавляли пьяницы. Мильт, конечно, пьяницей не был. Но он утратил способность держать язык за зубами. А это освобождало

Сьюзан от обязательств вежливости. Это ее оживляло. Она тоже могла сказать, что хотела, могла поделиться хотя бы некоторыми из своих забот. Она трепалась с чувством полной безнаказанности, а Брюс думал, что если это доставляет ей удовольствие, то в ней, должно быть, закупорено много такого, что она боится проявить. А может, не знает, каким образом это проявить.

Плохой признак, думал он, наблюдая за ними. Предположим, она над ним издевается. Брюс этого не выносил. Он не понимал тех, кто готов мучить человека, чьи рефлексы замедлились после нескольких выпивок. Калеки, пьяницы и животные никогда его не воодушевляли, не радовали. Собственно говоря, они его, как правило, удручали. Он всегда чувствовал, что должен для них чтото сделать, только не знал, что именно.

— Где твой пиджак? — спросила Сьюзан. — Оставил где–нибудь?

— В машине, — пробормотал Мильт.

— Ты, наверно, замерз без него.

— Нет, — сказал он, — ничуть не замерз.

— Хочешь сказать, что не чувствуешь холода?

— Думай, как хочешь, — сказал Мильт. — Привет, малышка! — Его взгляд обратился мимо них, в коридор. — Входи.

Обернувшись, Брюс увидел, что Тэффи, одетая в пижаму в красную полоску, вышла из своей комнаты и стоит, глазея, в дверях в гостиной.

— Разве она не разговаривает? — спросил Мильт.

— Она проснулась и услышала твой голос, — сказала Сьюзан. — Наверное, подумала, что это Уолт. — Она повернулась к девочке: — Беги обратно в кроватку. Я приду тебя укрыть. Это не Уолт. Ты же видишь, что это не он.

— Меня зовут Мильт Ламки, я водопроводчик из Филадельфии, — сказал Мильт, протягивая руку. — Чем там стоять, лучше проходи сюда и присаживайся.

Осторожно подходя к нему, Тэффи спросила:

— Почему у тебя такое красное лицо?

— Не знаю, — сказал Мильт, как будто это было загадкой. — Почему у меня такое красное лицо?

— Я первая спросила, — хихикнула Тэффи.

Он подхватил ее на руки и усадил на кушетку.

— Зачем было говорить, что у тебя ветрянка, тогда, в ноябре 1956 года, когда я хотел закатить большой обед и потанцевать?

— Не знаю, — со смехом сказала Тэффи.

— Видели когда–нибудь ребенка, который не был бы врунишкой? — спросил Мильт у Брюса. —

Сколько тебе лет? — обратился он к Тэффи.

— Семь с половиной, — сказала та.

— Видите? — сказал Мильт Брюсу.

— Так оно и есть, — сказала Сьюзан. — Ей семь с половиной лет.

— Погоди–ка, — сказал Мильт Тэффи. — У меня для тебя кое–что есть. — Он полез в карман и вытащил металлический цилиндрик. — Смесь открывалки и шариковой ручки, — пояснил он.

На вещице, изготовленной из жести и пластика, имелся штамп: НАИЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ ОТ УОЛЕН ИНК. СПОКАН, ВАШИНГТОН.

— Чтобы писать внутри бутылок. — Он показал ей, как проводить голубые линии на тыльной стороне ее ладони. — Стереть невозможно. Останется на всю жизнь. Я сделаю тебе татуировку. — Он нарисовал у нее на запястье парусник и летающих над ним чаек. Смущенная Тэффи непрерывно хихикала.

— Что она будет делать с открывалкой? — спросила Сьюзан.

— Например, отрывать головы куклам, — сказал Мильт.

Глядя на девочку, Брюс осознал, что никак не учитывал ее в своих отношениях с Сьюзан. Между ним и Тэффи не было точек соприкосновения, и

никто из них не помышлял об их возникновении. Однако Тэффи сразу же направилась к Мильту Ламки, полная любопытства и дружелюбия.

Тогда ему пришло в голову, что он никогда не общался с детьми. И, конечно, у него не было никакого опыта: он не знал, что делать или говорить, а потому ничего не делал и не говорил.

Сьюзан хотелось бы кого–то, кто любит детей, подумал он. Или нет? Она не предпринимала никаких попыток, чтобы вызвать в нем интерес к Тэффи. Может, ей все равно. Может, она сама намерена быть для своей дочери всем на свете, занять все роли. Если бы Тэффи привязалась к нему, то ей было бы тяжело, оставь он их, как оставили Пит и Уолт — и, возможно, другие.

Это не то, чего от меня хочет Сьюзан, понял он. Она не ждет, чтобы я качал Тэффи на колене, рассказывал ей занимательные истории и играл с нею. И он впервые ощутил глубокую подавленность. У Сьюзан не было ни малейшего понятия о равенстве в отношениях. Полное их неравенство предстало ему как своего рода откровение, абсолютное и несомненное.

Но как мог он жаловаться? Он не сделал ни шагу, чтобы приблизиться к ребенку. Бесполезно винить Сьюзан — ведь он показал ей, что не заме-

чает Тэффи и не заботится о ней. Теперь слишком поздно. Но, может, если бы он обратил на нее внимание — так же, как сейчас Ламки, — то это положило бы конец его связи с Сьюзан. Он видел, с каким выражением лица она наблюдала за Мильтом Ламки. Приязни на лице не было. Никакого удовольствия из–за его интереса к девочке. Только холодность и настороженность. Почти открытая враждебность, как будто при первом удобном случае она готова щелкнуть пальцами и потребовать Тэффи обратно.

Теперь Мильт взял Тэффи за другое запястье и начал рисовать на нем женский торс.

— Вот тебе история о Джине Лоллобриджиде и ките, — говорил Мильт, набрасывая огромные груди. Тэффи глупо хихикала. — Давным–давно Джина Лоллобриджида шла вдоль морского побережья солнечной Италии, как вдруг появился огромный кит, приподнял свою шляпу и говорит: «Леди, а вы не думали когда–нибудь заняться шоу–бизнесом? Посмотрим правде в глаза: с этакой фигуркой вы понапрасну теряете время».

— Хватит, — сказала Сьюзан.

Мильт сделал паузу.

— Сейчас я нарисую на ней волшебный свитер, — сказал он. — Так что все будет в порядке,

не беспокойся.

— Хватит, — повторила она.

— Волшебный свитер — штука важная, — сказал он, но рисовать пере стал. — Дальше в той истории, — обратился он к Тэффи, — говорится об оптовых закупках нижнего белья, а это тебе будет неинтересно. — К разочарованию девочки, он выпустил ее руку.

— Ручку–открывалку она может оставить себе, — сказала Сьюзан таким тоном, который подразумевал, что она пришла к этому решению как к разумному компромиссу.

— Прекрасно, — сказал Мильт, вручая вещицу Тэффи.

— Что надо сказать? — спросила Сьюзан.

— Что мир чертовски холоден и низок, когда не можешь радовать детей, — сказал Мильт.

— Я не тебя имею в виду, — сказала Сьюзан. — Я имею в виду Тэффи — что надо сказать, когда кто–то что–нибудь тебе дарит?

Захлебываясь и глупо улыбаясь, та выдавила из себя:

— Спасибо.

— Спасибо, дядя Ламки, — сказал Мильт.

— Спасибо, дядя Ламки, — эхом отозвалась она, а потом спрыгнула на пол и бросилась из гости-

ной обратно в коридор. Сьюзан пошла за ней в ее спальню, чтобы уложить ее в кровать и укрыть.

Мильт и Брюс остались наедине.

— Прелестная малышка, — приглушенным голосом сказал Мильт.

— Да, — сказал он.

— Не находите, что она похожа на Сьюзан?

До сих пор он об этом не думал.

— Немного, — сказал он.

— Никогда не понимал, что можно говорить детям, а чего нельзя, — пожаловался Мильт. — Когда–то дал обет избегать с ними морализаторства, но, возможно, перегибаю палку в другом направлении.

— Меня об этом спрашивать бесполезно, — сказал Брюс. — Я вообще в детях ничего не понимаю.

— Я люблю детей, — сказал Мильт. — Всегда их жалею. Когда ты так мал, то никому не можешь противостоять. Кроме тех, кто еще меньше. А это не многого стоит. — Он потер подбородок и оглядел гостиную, мебель и книги. — А она неплохо устроилась. Подумать только, я никогда здесь раньше не бывал. У нее уютно.

Брюс кивнул.

Вернувшись в комнату, Сьюзан сообщила:

— Она спрашивала, почему от тебя так смешно пахнет. Я сказала ей, что ты съел что–то очень странное, чего у нас не подают.

— Почему ты так сказала? — спросил Мильт.

— Не хотела говорить ей, что пил пиво.

— Это не пиво. Я не пил пива. Я вообще ничего не пил.

— Знаю, что пил, — сказала Сьюзан. — Заметила, когда только вошел. И лицо у тебя так и горит.

Лицо у него вспыхнуло еще сильнее.

— Я серьезно, ничего я не пил. — Он поднялся на ноги. — У меня давление поднялось. Надо принять резерпин. — Сунув руку в карман, он вынул пилюлю, завернутую в папиросную бумагу. — Чтобы понизить давление.

Они оба молчали, дивясь его поведению.

— Все так подозрительны в нашем мире, — сказал Мильт. — Нет больше взаимного доверия. И это называется христианской цивилизацией. Дети врут о своем возрасте, женщины обвиняют тебя в том, чего ты не делал.

Он, казалось, не на шутку рассердился.

— Не принимайте близко к сердцу, — сказал Брюс.

— Надеюсь, когда эта малышка вырастет, — ска-

зал Мильт, — то будет жить в лучшем обществе. — Он двинулся к двери. — Ладно, — проговорил он угрюмо, — увижусь с вами обоими, когда снова буду здесь проезжать.

Открывая перед ним дверь, Сьюзан сказала:

— Не сердись. Я тебя просто дразнила.

Он спокойно взглянул ей в лицо.

— Я не держу на тебя зла. — Он обменялся рукопожатием с ней, а потом с Брюсом. — Просто это меня угнетает, вот и все. — Он обратился к Брюсу: — Где вы остановились? Я загляну к вам, когда вернусь.

— Он еще не устроился, — сказала Сьюзан.

— Это плохо, — заметил Мильт. — Чертовски тяжело устраиваться в новом городе. Надеюсь, вам удастся найти славное место. Во всяком случае, я всегда смогу найти вас в «Копировальных услугах».

Он пожелал им доброй ночи, после чего за ним закрылась дверь.

— Думаю, я должна была сказать ему, — сказала Сьюзан.

— Ты правильно сделала, — сказал он. Но это его беспокоило.

— Я не хотела, чтобы ты брал это на себя. Думаешь, он вернется, чтобы проверить? Может,

у него возникло подозрение насчет нас? По–моему, это не имеет значения. Он здесь бывает всего несколько раз в год. Думаю, он все еще испытывает ко мне интерес, а это заставляет его ревновать.

— Может, и так, — сказал он. Но, по его мнению, Мильт просто страдал от одиночества и искал компанию.

— Если бы мы устроили все это по закону, — сказала Сьюзан, — то могли бы избежать таких ситуаций. Иначе они будут возникать снова и снова. Тебе надо подумать о своей почте… и разве ты не должен сообщить на призывной пункт свой постоянный адрес? А водительские права? Миллион деталей. Даже налоговые декларации, которые я должна заполнять как твоя нанимательница.

Моя нанимательница, подумал он. Это верно.

— Это недостаточная причина, чтобы жениться, — сказал он.

Она бросила на него резкий взгляд.

— Никто этого и не утверждал. Но мне не нравится говорить людям неправду. Из–за этого я чувствую неудобство. Я знаю, что мы не делаем ничего дурного, но если нам придется лгать, то это будет чуть ли не признанием вины.

— Я же не против, — сказал он.

— Жениться на мне?

— Да, — сказал он.

Они оба задумались об этом.

Заперев дом и погасив свет, они укрылись в ее спальне, как было до приезда Мильта Ламки. Довольно долгое время ничто не мешало им наслаждаться друг другом. Но совершенно неожиданно, без какого–либо звука или предупреждения, дверь спальни распахнулась. Сьюзан голая выпрыгнула из постели. В дверном проеме стояла Тэффи.

— Я ее потеряла, — прогундосила она. — Она упала, и я не могу ее найти.

Сьюзан, тусклая и сглаженная в темноте, подхватила дочку с пола и вынесла из комнаты. «Найдешь ее завтра», — услышал он, пока с колотящимся сердцем лежал в кровати под сбившимся одеялом. Раздались еще какие–то приглушенные фразы, произнесенные Сьюзан и ее дочерью, потом звук закрывающейся двери. Сьюзан мягкими шагами прошла обратно и вернулась в постель. Тело у нее было холодным, она дрожала и прижималась к Брюсу.

— Черт бы побрал этого Мильта Ламки вместе с его ручкой–открывалкой, — сказала она. — Тэф-

фи уронила ее с кровати, она уснула, держа ее в руке. Измазала чернилами или чем–то там еще всю подушку.

— Как она меня напугала, — сказал он.

Она все сильнее прижималась к нему худым и холодным телом. Обвила его руками.

— Ну и ночка, — сказала она. — Не беспокойся. Она была такой сонной, что едва понимала, что делает. Не думаю, чтобы она заметила, что ты здесь.

Но и после этого он продолжал испытывать дискомфорт.

— Я все понимаю, — говорила Сьюзан, лежа рядом с ним. — Это расстраивает. И ты не привык, чтобы рядом был ребенок. А вот я — да. Я учила детей. Это для меня вторая натура, думать, как думают они. Ради бога, не проецируй на восьмилетнего ребенка своих взрослых чувств. Она ничего не видела, кроме меня; это моя комната, и она знает, что я здесь. Ребенок есть ребенок.

Он попытался вообразить себя в этом возрасте. Входящим в спальню родителей. Сцена оставалась смутной.

— Может, оно и так, — согласился он.

— Я все время была замужем, сколько она живет на свете, — сказала Сьюзан. — Даже если

бы она тебя здесь заметила, это показалось бы ей естественным. Мужчина есть мужчина. Для такого маленького ребенка.

Но он знал, что все пойдет либо так, либо этак. Либо он съедет отсюда и найдет себе какую–нибудь квартиру, либо пройдет через все и женится на ней. Она тоже это понимала.

Хочет ли он на ней жениться?

Что я теряю, подумал он. Я же всегда могу развестись.

Сьюзан заснула, держа его руку у себя на груди. Она сама притянула ее. Под своими пальцами он чувствовал ее дыхание, размеренное, медленное дыхание спящей. Засыпать здесь, подумал он, вот так. Когда захочу, положив на нее руку. Разве это не самое важное во всем этом? Не офис и не поиски способа сколотить побольше денег, но вот такие часы, поздно ночью. И ужинать вместе, и все остальное.

Вот зачем я остановился в Монтарио, подумал он. Собственно, вот зачем я заглянул в аптеку Агопяна. Конечно, ему не пришлось воспользоваться своей упаковкой «Троянцев». У Сьюзан было что–то, чем она пользовалась постоянно и запасы чего пополнила по пути домой.

— Ты не спишь? — спросил он, будя ее.

— Нет, — сказала она.

— Я думаю, мы справимся, — сообщил он.

Она перекатилась поближе и положила голову ему на плечо.

— Брюс, — сказала она, — ты знаешь, я намного старше тебя.

— Ты старше меня на десять лет, — сказал он. — Но это ничего. Только я хочу тебе кое о чем сказать.

— Говори.

— Я был одним из твоих учеников. В пятом классе, в 1945 году.

— Мне все равно, чьим ты был учеником, — сказала она, смыкая вокруг него руки. — Ну не странно ли? Вот почему я показалась тебе знакомой. Мне бы такое никогда и в голову не пришло.

Она зевнула, повозилась, устраиваясь поудобнее, а потом ее руки постепенно ослабли и выпустили его. Она снова уснула. Ее лицо мягко покачивалось у него на плече.

Вот и все, сказал он себе, слегка ошеломленный.

Но какой груз был снят с его души!

Четвертого числа они со Сьюзан полетели в Рино и поженились. Провели там три дня и при-

летели обратно. Тем вечером за ужином они обо всем рассказали Тэффи. Та не удивилась. В Рино он купил ей игру — электрический кегельбан, — и вот ее–то вид девочку удивил по–настоящему.

Глава 7

В один из первых вечеров их супружества он обнаружил Сьюзан уединившейся в гостиной с большим альбомом на коленях.

— Покажи мне, — сказала она. — Ты уверен? Или ты просто имел в виду, что ходил в школу Хобарта?

Она передала ему альбом, и он, усевшись с ней рядом, стал переворачивать страницы. Она внимательно смотрела через его плечо.

— Вот, — сказал он, указывая на самого себя на фотографии класса. Круглое мальчишеское лицо со скошенным взглядом, бесформенными волосами. Полный животик, выпячивающийся над ремнем. Брюс почти не ощущал связи с этим образом, и тем не менее на фотографии был именно он.

— Это ты? — спросила она, обвив рукой его шею и повиснув на нем; пальцы ее при этом несколько раз кряду нервно ткнулись ему в плечо, а дыхание быстро и громко звучало у него в ухе. — Ну же, не скромничай, — сказала она, вглядываясь в подпись под фотографией. — Да, — признала она, — здесь и в самом деле написано

«Брюс Стивенс». Но я не помню никого в этом классе по имени Брюс. — Она тщательно изучила фотографию, а затем звенящим от торжества голосом спросила: — Так тебя звали Скип?

— Да, — признал он.

— Понимаю, — сказала она взволнованно. — Ты, значит, был Скипом Стивенсом? — Она дотошно разглядывала его, сравнивая с фотографией. — Так и есть, — сказала она. — Я тебя помню. Ты — тот самый мальчишка, которого привратник застукал возле медпункта, когда ты пытался заглянуть в замочную скважину, чтобы увидеть девчонок в нижнем белье.

— Верно, — сказал он, краснея.

Глаза у нее расширились, затем стали крошечными.

— Почему ты не сказал об этом раньше?

— Зачем мне было говорить?

— Скип Стивенс, — сказала она. — Как же ты меня мучил! Ты был любимчиком миссис Джэффи, она позволяла тебе делать все, что ты хотел. Вскоре я положила этому конец. Почему… — Она задохнулась от возмущения и отодвинулась от него, разъяряясь все больше и больше. — Вы же были ходячим буйством, все поголовно! Ты еще устроил пожар в раздевалке, разве не так?

Он кивнул.

Ее рука потянулась к его лицу.

— Мне хочется взять тебя за ухо, — сказала она. — И просто крутить его, крутить. Ты был хулиганом! Не так ли? Да, ты терроризировал малышей; ты ведь был толстяком.

— Сама понимаешь, почему я об этом не говорил, — сказал он с некоторой горечью. — Я ждал, пока не уверился в наших чувствах. Не вижу смысла привносить в наши отношения прошлое.

Ее внимание снова переключилось на фотографию класса. Постукивая по ней, она сказала:

— Но ты был очень способен в арифметике. И произнес замечательную речь на школьном собрании. В тот день я очень тобой гордилась. Но та история с подглядыванием в медпункте… Зачем ты это сделал? Это же позор. Ошивался там украдкой, пытаясь заглянуть в замочную скважину.

— А ты никогда об этом не забывала, — сказал он.

— Да, не забывала, — согласилась она.

— После того случая ты распространялась об этом всякий раз, когда сердилась.

— Это все странно, — сказала она. Потом вдруг закрыла альбом. — Я согласна: лучше нам об этом забыть. Но я хочу знать одну вещь. Ты ведь

не вспомнил меня, когда увидел в первый раз, правда? Потребовалось какое–то время?

— Пока не уехал из дома Пег, не вспомнил, — сказал он.

— Тебя не потянуло ко мне из–за того, что… — Она задумалась. — Твоя реакция не основывалась на том, что ты меня узнал. Да, я в этом уверена. По крайней мере, на сознательном уровне.

— Полагаю, и на подсознательном тоже, — сказал он.

— Никто не знает, что происходит на подсознательном.

— Ладно, что толку об этом спорить, — сказал он.

— Ты прав. — Она убрала альбом. — Давай подумаем вот о чем. Я говорила тебе, что забрала у Зои ключ?

— Нет, — сказал он. Она отходила примерно на час и еще не рассказывала ему, чем занималась.

— Завтра ее не будет. Мы не дадим ей денег до конца месяца, но я объяснила ей, что мы поженились и оба будем там находиться, и она не хочет выходить на работу. Так что мы видели ее в последний раз. Но в конце месяца ей, конечно, надо будет заплатить.

— Она по–прежнему официально является ча-

стичной владелицей?

— Полагаю, что да. Фанкорт должен быть в курсе.

Это имя было для него внове.

— Кто это такой? — спросил он.

— Мой адвокат.

— Ты приглашала аудиторов, чтобы ознакомились с бухгалтерией и сделали заключение о действительной стоимости бизнеса?

Она сразу же сделалась неуверенной.

— Он кого–то присылал. Они все просмотрели. Сделали инвентаризацию. И, по–моему, ознакомились с бухгалтерскими книгами и счетами.

— Разве тебя там не было?

Он недоумевал, почему сам этого не видел.

— Это было, пока мы оставались в Рино, — сказала она. — Зоя, конечно, была на месте. Он мой адвокат, а не ее. Так что все в порядке. Нет, я никому не позволила бы заниматься аудиторской проверкой бухгалтерских книг в мое отсутствие, не будь это мой адвокат. Он хороший адвокат. Я познакомилась с ним, когда занималась кое–какими политическими делами в 1948 году. Очень проницательный человек. Собственно, с Уолтом я познакомилась через него.

— Как насчет Зои? Разве она не должна прове-

сти раздельную аудиторскую проверку?

— Должна, — сказала Сьюзан. — Я уверена, что должна.

Он сдался. С одной стороны, это было не его заботой. Но с другой, это очень даже было его заботой.

— Надеюсь, ты ей не переплачиваешь, — сказал он, — просто чтобы от нее избавиться.

— Что ты, нет, — сказала Сьюзан.

— Позволь задать тебе один вопрос. Папка со счетами дебиторов. Те товары ты давала полностью в кредит?

— Думаю, что да, — сказала она, помедлив.

— Предположим, некоторые из этих типов никогда не заплатят. Весь риск на тебе. Ты помнишь, сколько примерно это составляет?

Речь шла о клиентах, которым каждый месяц выставлялся счет за прошлые покупки или оказание услуг в кредит.

— Пару сотен долларов, не больше; для беспокойства недостаточно.

— Как много из этих счетов были выписаны с тех пор, как мы с тобой познакомились? — спросил он. У него сложилось впечатление, что значительная их доля появилась несколько месяцев назад.

Сьюзан с улыбкой сказала:

— Не забывай, мы познакомились много лет назад. Когда тебе было… — Она подсчитала. — Одиннадцать.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Большинство из них относятся к марту этого года, — объяснила она. — Мы тогда ужасно поссорились. Собирались разбежаться. Но мой брак тоже рушился, и я, честно говоря, просто не могла вынести, чтобы все вокруг меня развалилось. Я уладила отношения с Зоей, и они — по крайней мере, на какое–то время — сохранились. Но я понимала, что больше так продолжаться не может. Вернувшись из Мехико, я хотела выкупить ее долю; я тебе об этом говорила. Разве нет? Когда ты впервые спросил меня об этом.

Что–то такое она ему рассказывала, но точных слов он не помнил.

— Брюс, — сказала она. — Или мне называть тебя Скипом?

— Никаких Скипов, — резко сказал он.

— Когда ты учился в школе, в моем классе, у тебя были какие–нибудь сексуальные фантазии обо мне? Такое встречается сплошь и рядом.

— Нет, — сказал он.

— Что же ты ко мне испытывал? — Она пере-

шла на убийственно серьезный тон. — Старушка миссис Джэффи ко всем вам была так снисходительна… не казалось ли тебе, что я чересчур строга?

На этот вопрос было не так уж легко ответить.

— Ты хочешь услышать, как я думал тогда? — спросил он. — Или как мне это видится сейчас? Это не одно и то же.

Она вскочила и стала расхаживать по гостиной, сложив руки под грудями и подталкивая последние вверх и вперед, как будто осторожно неся их перед собой. На лбу у нее опять появились тревожные складки, а губы сжались.

— Что ты тогда чувствовал?

— Я тебя боялся, — сказал он.

— Ты чувствовал вину и боялся, что она… раскроется?

— Нет, — твердо сказал он. — Я просто боялся.

— Чего?

— Того, что ты могла сделать или сказать. У тебя была полная власть над нами.

Она фыркнула:

— Ой, да перестань. Ты же знаешь, что это неправда. Как насчет родителей? Вот кто терроризирует учителей. Они каждый день добиваются их увольнения — один разгневанный родитель

в кабинете директора стоит всех учительских профсоюзов на свете. Знаешь, почему я оставила учительство? — Она перестала ходить по комнате и принялась с силой разглаживать свою блузку. — Меня попросили уволиться. И мне пришлось это сделать. Из–за своих политических взглядов. Это было в 1948 году. Во время выборов. Я вступила в Прогрессивную партию и очень активно выступала за Генри Уоллеса. Так что когда истек мой контракт, возобновлять его не стали. А попросили меня спокойно уйти и не поднимать шума. Я, естественно, спросила почему. — Она развела руками. — И мне объяснили. Так что шума я не поднимала. Сама была виновата. А позже я еще подписала эти чертовы Стокгольмские мирные предложения. Уолт меня уговорил. Он тоже был очень активен в Прогрессивной партии. Конечно, это все в прошлом.

— Никогда об этом не знал, — сказал он.

— Некоторые родители жаловались на то, что я рассказывала в классе о «единомирии». У меня были материалы ООН. А потом, когда они провели дознание, выяснилось, что я состою в Прогрессивной партии Айдахо. Вот и все. Кажется, это было в какую–то другую эру, все равно что говорить о Гувере и WPA. Какое–то время я

возмущалась, но так или иначе с этим покончено. Наверное, я снова могла бы преподавать. Пусть не в Айдахо, но в каком–нибудь другом штате, в Калифорнии например. Теперь, когда стали плакаться, что учителей не хватает. Разрушили школьную систему этой своей охотой на ведьм… раз сделали учителей такими робкими, то неудивительно, что они ничему не могут научить. Стоило учителю раскрыть рот, чтобы сказать хоть что–то о сексуальном воспитании, контроле за рождаемостью или атомной войне, как его увольняли. Так что не было у меня такой уж большой власти, — завершила она, вспомнив, о чем его спрашивала. — А что ты чувствуешь ко мне теперь? — Она повалилась на кушетку рядом с ним и положила руки ему на плечи. — Я хочу, чтобы ты дал мне честный ответ.

— Я всегда с тобой честен, — с жаром сказал он.

— Ну–ну, не сердись. Но ты же можешь вообразить, что тебе надо быть вежливым. Не обижать меня. Не забывай, с учительством я покончила, так что для меня не так важно, насколько хорошей я была учительницей. Я не думаю о себе в этой роли уже очень много лет. Но меня всегда интересовало, какое влияние я оказывала. Есте-

ственно, я склоняюсь — особенно в подавленном настроении — к тому, что вообще никак на вас не влияла. Дети подвержены воздействию столь многих внешних хаотических сил.

Он слушал эту как бы выученную наизусть речь, понимая, что она укрепляет оборону против того, что он мог бы ей сказать.

— Послушай, — продолжала она, — я, честное слово, ничуть не обижусь.

— Дело не в этом, — сказал он, подаваясь вперед и целуя ее в окоченевшие от огорчения губы, от которых не последовало ни малейшего ответа. — Для меня это гораздо важнее, чем для тебя; я не о тебе думаю.

— Почему?

— Ты была взрослой. Сформировавшейся. — Ему не хотелось раскрывать всех карт и сообщать ей, что она была одним из основных факторов, воздействовавших на его жизнь. — Предположим, я был самым худшим из твоих учеников, но разве это имеет хоть какое–нибудь значение? У тебя ведь было множество других учеников. И это длилось только год!

Это его удручало. Всего–то год для нее, даже меньше, потому что она преподавала им не весь срок. Но для него это же самое время — реаль-

ность, продолжающаяся неограниченно долго. Какой пятиклассник может представить себе окончание пятого класса?

— Тридцать учеников, а учительница всего одна, — подчеркнул он.

— Говори же, — настаивала она, теперь окончательно встревоженная.

— Ты представляла собой наибольшее беспокойство в моей жизни, — нехотя проговорил он.

— Ты имеешь в виду, что несколько раз я причиняла тебе неприятности? Думаю, ты чувствовал себя несчастным, когда мы отвели тебя в кабинет мистера Хиллингса, поймав тебя на подглядывании.

— Нет, — сказал он, — это продолжалось изо дня в день. Дело не только в том случае. Я хочу сказать, что всегда тебя боялся. Что в этом такого уж сложного? Ты что, даже не думала об этом? Не помнишь, как Джек Коскофф однажды отказался идти в школу, потому что ты внушала ему ужас?

Она медленно кивнула, пытаясь его понять.

— Я боялся тебя много лет.

Она рассердилась:

— Я преподавала в вашем классе только часть полугодия!

— Но я же тебя помнил.

— У меня не было над тобой никакой власти, абсолютно никакой, после того как ты ушел из школы Хобарта. Я же тебя больше никогда даже не видела.

— Я доставлял твою чертову газету, — сказал он подрагивающим от обиды голосом: теперь до него дошло, что она этого не помнит.

— В самом деле? — На ее лице ничего не отразилось.

— Когда ты жила в том большом каменном доме вместе с другими женщинами. Разве не помнишь, как ты пыталась уговорить меня брать деньги за доставку только раз в три месяца, а я терпеливо объяснял тебе, что, возможно, не буду ходить по этому маршруту три месяца и тогда потеряю деньги, а следующий разносчик получит их ни за что?

— Что–то смутно припоминаю. Так это был ты? — Она нервно рассмеялась. — Значит, мы в то время были знакомы?

Подумать только, даже этого он не помнил наверняка. Она здоровалась с ним в то время, как будто узнавала его. Но, может, она просто осознавала, что видела его раньше, что он, возможно, был одним из ее учеников, но не идентифицировала его как личность. Не думала, как его зовут.

Не соотносила его, сверх этого общего узнавания, с неким конкретным лицом.

— Может, я только думал, что ты меня знаешь, — сказал он. — Но ты здоровалась со мной каждый раз, когда меня видела. А еще спрашивала, как поживает моя мать.

— Я когда–нибудь называла тебя Скипом?

— Нет, — сказал он. Такого он припомнить не мог.

— Я недолго там жила, — сказала она.

— Тем не менее я тебя помню.

— Это естественно, — сказала она, вздыхая.

— Но меня это чертовски огорчает, — сказал он. — Обнаружить, что ты, может, вообще не узнавала меня в то время.

— Почему?

— Я хотел… — Он попытался объяснить ей. — Попасть в тот дом.

Она рассмеялась.

— Прости. Как в дом Пег… ты имеешь в виду, через окно?

— Я имею в виду, что хотел быть узнанным и принятым; я, бывало, проходил мимо и видел, как все вы сидите внутри и пьете чай или что–то вроде. — Бесполезно было пытаться воспроизвести его тогдашнее мучительное чувство по

отношению к ней.

— Не чай, — сказала она. — Хочешь, скажу, что именно пили мы вчетвером во второй половине дня, около пяти, особенно летом, когда стояла жара? Обычно мы смешивали себе коктейли «старомодные» и пили их из чайных чашек. Чтобы кто–нибудь, если бы… — Она погрозила ему пальцем. — Как раз для этого. Чтобы разносчик газет, если бы заглянул к нам, сказал бы: «Они пьют чай. Как это по–британски. Как утонченно». — Она не переставала смеяться.

При этих ее словах и он не смог сдержать улыбки.

— Преступницы, — сказала она. — Нам надо было быть осторожными. Это было в 1949 году, в разгар всех моих неприятностей с правлением школы Монтарио. Ты вполне мог бы войти; собственно, ты ведь и входил. Я помню. В какой–то месяц у меня не нашлось мелочи, и я пригласила тебя войти. Это было зимой. И ты вошел и сидел в гостиной, пока я шарила по всему чертову дому в поисках мелочи. Дома никого, кроме меня, не было. В конце концов я нашла полтора доллара в чьем–то ящике.

Он помнил, как сидел в одиночестве посреди огромной пустой гостиной с пианино и камином,

пока мисс Рубен где–то наверху искала деньги. Он слышал, как она в раздражении сыплет проклятиями, и чувствовал себя не более чем помехой. На кофейном столике лежала раскрытая книга… она ее читала. Пока ее не прервал мальчишка–разносчик в полвосьмого вечера. Как мне от него избавиться? Черт, где же мелочь? А он, сидя внизу, все пытался придумать какую–нибудь яркую фразу, чтобы пустить ее в ход, когда она снова появится, какое–нибудь замечание о книгах, стоявших в шкафу. Он лихорадочно их рассматривал, но ни одна из них не была ему знакома. Только названия виделись ему сквозь пот и испуг, которые лишали его дара речи и настолько оглупляли, что, когда она вернулась, он был не в состоянии что–либо сделать, кроме как взять у нее деньги, поблагодарить, пожелать доброй ночи и снова выйти за дверь.

— Я помню, в чем ты тогда была, — сказал он обвиняющим тоном.

— Правда? Как интересно, а вот я не припоминаю…

— На тебе были черные брюки.

— Тореадорские? Да. Из черного бархата.

— Никогда не видел ничего столь волнительного.

— Что в них было волнительного? Я их все время носила. Даже когда работала в саду.

— Я тогда пытался придумать и сказать что–нибудь интересное.

— Что ж ты просто не спросил, нельзя ли тебе посидеть со мной и поговорить? Я была бы рада компании. — Помолчав, она добавила: — Сколько тогда тебе было?

— Пятнадцать.

— Ну так и что, — сказала она, — мы могли бы побеседовать о нашем прошлом. Но, поспорить готова, на самом деле ты хотел сорвать с меня те самые возбуждающие тореадорские штанишки и оприходовать меня от и до. Разве не этого втайне хотят все пятнадцатилетние разносчики газет? Это же примерно тот возраст, когда вы читаете все эти дешевые книжонки из аптек.

Господи, подумал он. И вот теперь эта женщина — моя жена.

В тот вечер, прежде чем лечь спать, Сьюзан решила принять ванну. Он сопровождал ее в ванную комнату, где смотрел на нее, сидя на плетеной корзине для белья; она не возражала, а ему очень этого хотелось. Он не пытался объяснить это или как–то оправдать.

Шум воды какое–то время не давал им обоим

говорить. Она добавила в воду пену для ванн, и та, пока ванна наполнялась, образовала массивные розовые слои. Наконец воды показалось ей достаточно. Его изумило, какое требуется количество воды. И она не желала, чтобы вода была чересчур горячей; осторожно открыв холодный кран, она выжидала, пока большая часть пузырьков не полопалась. Она поразила его расточительностью, но он ничего не сказал. Он, зритель, ни во что не вмешивался.

В ванне она легла на спину, опустив голову на фарфоровый бортик. Тело ее покрылось пузырьками.

— Как во французском фильме, — заметил он.

— Вот видишь, мне бы такое и в голову не пришло, — сказала она. Пузырьки начали исчезать. Она зашевелилась, взбалтывая их, и те стали исчезать еще быстрее. — Ненадолго же их хватает.

— Тебе надо было забираться в ванну, прежде чем она наполнилась.

— Серьезно? А я всегда жду. Боюсь обжечься.

— Разве ты не можешь крутить краны пальцами ног?

— О боже, что за чудовищная мысль! Ну и ну! Как обезьяна?

Всю свою взрослую жизнь он регулировал

поток воды пальцами ног. Чтобы воды было ровно столько, чтобы не прикасаться к голому фарфору.

— Вот одно из различий между мужчинами и женщинами, — сказал он.

— Если ты так делаешь, то лучше не распространяйся об этом. — Волосы она спрятала под пластиковую шапочку, и в этом тоже было различие. А еще она терла спину щеткой с длинной ручкой, а ногти — маленькой нейлоновой щеточкой. Поразительно, думал он. Так много различий даже в таком простом деле, как купание.

Она отмокала в ванне с полчаса. Он никогда не оставался в воде дольше нескольких минут. Как только та остывала, он всегда из нее выпрыгивал. Но Сьюзан просто села, снова включила горячую воду и держала ее открытой, пока ванна опять не нагрелась.

— Теперь ты не боишься, — сказал он. — Обжечься, я имею в виду.

Она взглянула на него без выражения.

Искупавшись, она вытерлась белым полотенцем размером с ковер, а затем в него же и завернулась. Сунув ноги в вязаные шлепанцы, которые привезла из Мехико, прошла из ванной в спальню, где на кровати была аккуратно сложена

вся ее одежда.

— Может, я не буду одеваться, — сказала она. — Мы же скоро уже ляжем спать, правда? — Она отправила его в гостиную узнать время: часы в спальне остановились. Было пол–одиннадцатого, о чем он ей и сообщил.

— Решай сама, — сказал он. Возвращение из Рино не очень–то его утомило; после того как он так часто ездил туда и обратно автомобилем, у него не было никаких претензий к воздушному путешествию.

— Я устала эмоционально, — сказала она, стоя в своей белой накидке, все еще влажной после ванны. — Но мне хочется сделать что–нибудь безумное. — Она отдернула оконную штору. — Ночь сегодня темная. Мне хочется выбежать на задний двор без ничего.

— Сомнительное удовольствие, — сказал он. — Особенно после ванны. У тебя может случиться рецидив азиатского гриппа.

— Верно, — согласилась она. — Но мне все–таки хочется что–нибудь сделать. Давай поедим. Ты умеешь готовить?

— Нет, — признался он.

— Я терпеть не могу готовить. Совсем в этом деле профан. Приготовь что–нибудь поесть, —

сказала она уговаривающим тоном, но твердо.

В конце концов он отправился на кухню и обследовал консервированные и замороженные продукты.

— Как насчет креветок в пивном соусе?

У них еще оставалась бутылка пива из тех, что он привез в первый день.

— Отлично, — она, по–прежнему в накидке, уселась за кухонный стол и выжидательно сложила руки. — Давай, их приготовишь ты; обожаю, когда кто–нибудь что–то для меня делает — это ведь такая роскошь.

Он поджарил креветки в соусе и поставил на стол тарелки.

— Брюс, — сказала она, когда они принялись за еду. — Честно говоря, я не вполне понимаю, каким образом ты по закону связан с офисом. До того как мы поженились, он принадлежал мне — я имею в виду, моей была моя доля.

— Она по–прежнему твоя, — сказал он, не желая обсуждать.

— Но, — возразила она, — по мере его развития ты приобретешь в нем равные права. Не должно быть так, чтобы ты оставался в нем просто наемным работником. Он станет совместной собственностью. Я поговорю с Фанкортом о юри-

дической стороне дела, как ради тебя, так и ради себя. Хочу, чтобы мы с тобой были равными. Собственно, я думала поручить ему подготовить правооснование, чтобы ты значился в нем совладельцем. Вот как бы я это сделала: дала бы тебе три тысячи долларов в качестве подарка, сразу, без ограничений, а ты купил бы у Зои ее долю и получил бы равное со мной право.

— Нет, черт побери, — сказал он, охваченный ужасом.

— Почему?

— Я этого не заработал. Все, чего я хочу, — это сделать твое заведение более или менее преуспевающим.

— Но это превращает тебя всего лишь в наемного работника, который каждый месяц получает фиксированное жалованье за свою работу.

— Это нормально. Я — менеджер офиса. Руковожу.

«Руковожу, — подумал он, — своей женой и собой самим». Не очень–то много народу надо, чтобы управлять фирмой. Но он был уверен, что Сьюзан позволит ему принимать деловые решения: она уже показала, что хочет на него опереться.

— У тебя там полная власть, — сказала она,

медленно покачивая головой. — У тебя будет возможность выписывать товары, заказывать их, подписывать чеки, писать рекламу для газет и так далее. Но, знаешь ли — мне самой трудно это осознать, — все наши деньги должны будут поступать оттуда. Я к такому не привыкла; я, когда офис терпел убытки, могла просто жить на заработки Уолта. Денег из офиса должно хватать на двоих взрослых и одну школьницу. На двоих с половиной человек. Это означает, что фирма должна приносить чистого дохода около пяти тысяч в год, не меньше.

— Это составит всего около четырехсот в месяц, — сказал он.

— У нас никогда не было четырехсот долларов дохода в месяц. За все время, что мы вели там дела. Знаешь, у меня замерзли ноги. — Она положила свою вилку. — Меня это пугает. Я просто в панике.

Он сел рядом с ней, но она оставалась совсем закоченевшей.

— Не забывай, что ты наняла меня, потому что сочла специалистом, — сказал он. Какими же отдаленными казались теперь первоначальные деловые отношения, когда она хотела нанять его, потому что он работал закупщиком в большом и

преуспевающем дисконтном доме…

— Но ты никогда не управлял фирмой, — сказала она.

Он ощутил холодок. Как будто возник вариант, что она возьмет свои обещания обратно и переменит решение.

— Мы все устроим, — сказал он. — Выход найдется. Полагаю, уже все решила, и я не стану это обсуждать.

— Прости, — сказала она. — Мне надо воздерживаться от того, чтобы идти на попятную. Я знаю, что это один из главных моих недостатков. Все так говорят. Что–нибудь скажу, а на другой день вдруг расстроюсь и забуду, что говорила.

— Я знаю, что могу управлять офисом, — отрывисто сказал он, — так что мы можем оставить эту тему.

Она выглядела по–настоящему огорченной.

Пока он убирал тарелки в раковину, она сказала из–за стола:

— Давай куда–нибудь поедем. В коктейльный бар или куда еще. В Рино я совсем испортилась. Мне все время хочется броситься куда–нибудь и как следует повеселиться. Нам действительно есть что отпраздновать.

— А как насчет Тэффи?

— Если мы уедем ненадолго, она не проснется, — сказала Сьюзан.

Поскольку подобное было для него внове, он спросил:

— А если все–таки проснется?

— Не проснется.

— Ловлю тебя на слове. — Он вытер руки. — Но тебе лучше что–нибудь надеть.

Она исчезла в спальне. После некоторых колебаний остановила свой выбор на простом темном костюме.

— Пойдет? — спросила она.

Надевая спортивный пиджак, он сказал ей, что да, пойдет, после чего они прокрались из дома к «Меркурию». Вскоре, съехав с шоссе, остановились на гравийной парковке рядом с баром и кафе. Когда они вышли и поднялись на продолговатое крыльцо, он сказал:

— Не будет ли для тебя ударом, если у меня попросят предъявить права?

— Ты хочешь сказать, здесь могут подумать, что ты слишком молод, чтобы покупать спиртное?

— Да, — как можно невозмутимее сказал он. Но ему хотелось подготовить ее заранее: время от времени такое все еще случалось.

— Тогда мы уедем, — заявила она.

— Нет. Я покажу им свои права. Я не так уж и молод.

«Или ты этого не замечаешь?» — подумал он с некоторой иронией.

Официантка обслужила их без вопросов. Заведение оказалось тихим и теплым, никто не шумел. Собственно, в нем никого и не было, кроме них. Они уселись в кабинке подальше от музыкального аппарата. Вскоре, однако, вошли мужчина и женщина, явно уставшие с дороги. Уселись за стойку и, попивая заказанные напитки, разложили перед собой карту Айдахо и Юты и заспорили резкими обвинительными голосами.

— Они с дороги, — сказал Брюс.

— Да, — безразлично отозвалась она.

Те двое, среднего возраста и хорошо одетые, никак не могли решить, какой выбрать маршрут, чтобы ехать через Орегон. Маршрутов было всего три. Официантка и бармен никогда по ним не ездили, поэтому помочь ничем не могли.

— Пойду, поговорю с ними минутку, — сказал Брюс, вставая. Он подошел к стойке.

— Я ездил по среднему, — сказал он путешественникам, и те замолчали, с благодарностью его слушая. — По шоссе 26. На 20–м никогда не бывал, но мне говорили, что оно долго тянется

через пустыню. 26–е идет в основном через лес. Движения на нем очень мало, встречаются чудесные городки, а пейзажи просто восхитительны.

— А как насчет 30–го? — спросил мужчина.

— Единственная часть 30–го, которую я знаю, проходит через Айдахо, — сказал он, — и она отвратительна. Впрочем, в Айдахо отвратительны все дороги.

— В этом мы убедились на собственной шкуре, — сказала женщина. — Решили на этот раз попробовать проехать через Айдахо, а не через Неваду, и пожалели. Предпочла бы всегда ездить по 40–му или по 50–му, лишь бы не по 30–му. Это все равно что козлиная тропа, все время ползешь вверх по краям каньонов, — и к тому же все эти ужасные строительные работы. Мы совершенно измотаны.

— Дальше будет лучше, — заверил он. — Как только доберетесь до Орегона.

— Вы живете неподалеку? — поинтересовался мужчина.

Он начал было отвечать — мол, нет, я живу в Рино. Но теперь это стало уже неправдой.

— Я живу здесь, в Бойсе, — сказал он. — Только что переехал. — И добавил: — Только что женился.

Пожилые люди заметили Сьюзан и теперь повернулись к ней, чтобы вежливо помахать ей рукой и произнести что–то поздравительное.

Официантка, услышав это, подошла к бармену, посекретничала с ним, а потом принесла поднос с выпивкой для Брюса и Сьюзан.

— Свадебный подарок! — провозгласил бармен со своего высокого табурета.

— Спасибо, — сказал Брюс, чувствуя неловкость.

— Как зовут вашу жену? — спросила женщина.

Он назвал ей имя Сьюзан, и мужчина поведал ему, что его зовут Ральфом МакДевитом, а его жену — Лоис, и что он занимается искусственными мушками для ловли форели. Его компания производит приманки для рыбной ловли.

Брюс пригласил их присоединиться к нему и Сьюзан, и те согласились. Какое–то время они вчетвером болтали и шутили, хотя ему казалось, что Сьюзан в этом не очень–то участвует; она вежливо отвечала на вопросы, однако почти ничего не говорила по своей инициативе, и голос ее оставался тихим, лишенным оживленности. К тому же она вроде бы и не следила за разговором.

Ральф МакДевит спросил у Брюса, каким тот занимается бизнесом, и он ответил, что они со

Сьюзан руководят копировальной и печатной службой. А потом добавил, что хочет преобразовать этот оказывающий услуги офис в магазин, торгующий оргтехникой. Долгое время они с МакДевитом обсуждали вопросы закупок для торговли в розницу. Он рассказал МакДевиту об однотипной аптеке напротив, о лавке дешевых товаров и о японской портативной пишущей машинке, которую расписывал ему Мильт Ламки. Как–то раз он заметил, что Сьюзан глядит на него хмуро. Очевидно, она не одобряла, что он так открыто говорит о бизнесе, поэтому он опять перевел разговор на тему поездок и различных шоссе. Это продолжалось, по крайней мере, полчаса. В этом разговоре Сьюзан вообще не принимала участия.

— Нам, пожалуй, пора, — сказал он, решив, что она устала.

МакДевиты снова их поздравили, обменялись с ними рукопожатиями, дали им свой адрес в Калифорнии, а затем Брюс и Сьюзан пожелали всем доброй ночи и вышли из бара. Снаружи, неподалеку от его «Меркурия», был припаркован заляпанный грязью «Бьюик» МакДевитов — капот, ветровое стекло, передние бамперы и крылья усеивали тысячи мертвых и умирающих

насекомых; внутри виднелись груды багажа.

Это вдруг пробудило в нем чувство дороги. Вот они стоят на краю шоссе, которое простирается до самого Побережья, пересекая один штат за другим. Шоссе, которое тянется миля за милей… а он в ночной тьме видит только несколько сот футов этой протяженности. Остальное сокрыто. Но, проходя мимо машины МакДевитов, он ощущал все.

И обонял запах горячего, разжиженного моторного масла, которое начало просачиваться из картера машины. Она так много проехала, так разогрелась и так долго использовалась, что масло теперь покрывало всю нижнюю сторону двигателя.

Прошли годы, прежде чем он узнал, что значит этот запах. Запах этот появлялся лишь тогда, когда повторяющиеся такты двигателя выталкивали масло вниз и почти разрушали его, меж тем как на клапанах образовывался углерод, а на поршнях — окалина, отложения опускались и выбрасывались из картера через выхлопную трубу, а водянистые осадки выдувались через масляный затвор в конце коленвала, чтобы вылетать через картер сцепления в виде мелких брызг, которые постепенно, час за часом, смешивались с пылью, дорожной грязью, трупами насекомых, кусочка-

ми камня и более старым маслом от предыдущих машин, и с запахом шин, с запахом всего автомобиля, его металла, резины, смазки и ткани, даже с запахом водителя и пассажирки, сидевших на своих сиденьях с самого рассвета и выходивших наружу лишь затем, чтобы воспользоваться туалетами на заправочных станциях, поесть в придорожных закусочных, спросить совета в барах и посмотреть, что там производит странный шум на резких поворотах. Для Брюса этот запах был темным подводным течением, вызывающим тошноту. Он означал, что двигатель изношен, изношен чрезмерно, и требует капитального или, по крайней мере, текущего ремонта с установкой новых колец, особенно масляных, потому что масло выбрасывалось под давлением, создаваемым в картере, но в то же время он думал, что этот двигатель износился на горных перепадах, в Сьеррах, и на длинных протяженностях пустыни, становившихся все жарче и жарче; двигатель этот не сломался, но износился, выполняя ту работу, для которой был создан. Он износился, преодолев более семидесяти тысяч миль дороги. А это — двадцать пять раз через всю страну…

— Что такое на тебя нашло! Зачем было трещать им о нашем бизнесе? — резко спросила

Сьюзан, когда они уселись в «Меркурий». — Я ушам своим не верила.

— Парень занимается искусственными мушками, — сказал он. — Он даже и не живет в этом городе, они здесь проездом. Какой же вред могут причинить мои слова? — Он был готов к ее наскокам: предвидел, что они неизбежны.

— Первое правило бизнеса состоит в том, чтобы держать свои дела при себе, — изрекла она, не переставая дымиться от негодования.

— Ничего страшного не случилось.

— Не это главное. В чем дело, в том, что ты выпил? Поэтому все трещал и трещал без умолку? Я чуть было не встала и не ушла; ушла бы, но ради тебя не стала так поступать.

Какое–то время они ехали молча.

— Ты что, постоянно собираешься так делать? — спросила она.

— Я собираюсь делать то, что считаю наилучшим.

— Не понимаю, как… — Она осеклась. — Ладно, проехали. Но надеюсь, что впредь ты будешь разумнее.

— В чем дело? — спросил он, понимая, что подразумевается нечто большее.

— Ни в чем, — сердито проговорила она, судо-

рожно ерзая и никак не находя удобного положения. — Тебе, конечно, доставляет удовольствие рассуждать о машинах и поездках, да? Я думала, что вы с ним никогда не закруглитесь. Уже ведь так поздно. Ты что, не понимаешь, что Зоя завтра не приедет, чтобы открыть офис, — нам придется ехать туда самим!

— Не волнуйся, — сказал он. — Ты просто устала. Успокойся.

И вдруг она, словно раненый зверь, хрипло выкрикнула:

— Слушай, я не хочу отдавать Зое деньги! Они еще у меня, и я хочу сохранить их, а она пусть остается совладелицей.

Он почувствовал себя так, словно утратил контроль над всем окружающим; единственное, что он был в состоянии делать, так это продолжать вести машину. Знакомое рулевое колесо вело себя в его руках как–то странно, точно вдруг ожило. Оно крутилось помимо его воли, и Брюс хватал его, возвращая на место.

— У меня просто нет на это сил, — причитала она задыхающимся голосом. — Я не могу этого сделать; мне очень жаль, правда–правда. Если я не дам ей денег, то все отменяется. Она останется, хочется ей этого или нет. Я знаю, что могу не

выполнять условий, пока не передам ей деньги на самом деле. Уже выяснила это у Фанкорта. Но на тебя это никак не повлияет. — Она резко подалась к нему, и он увидел, каким безумным блеском светятся в темноте ее глаза. — Ты все равно будешь управлять нашим заведением; я уверена, что Зоя не станет возражать.

Он не находил, что сказать. Он вел машину.

— Иначе нам не продержаться, — сказала она. — Мы не можем рисковать — разве ты не понимаешь, что офис должен поддерживать нас сразу же, потому что у нас совсем нет денег. И мы никогда не сможем потратиться на какие–нибудь товары для продажи. У тебя есть деньги?

— Нет.

— А достать можешь?

— Нет.

— Значит, ничего не поделать, — сказала она с окончательностью настолько унылой и горькой, что он испытал к ней жалость, перевесившую все остальные чувства.

— Если Зоя останется, — сказал он, — то можешь быть уверена, что офис нас не продержит. Разве не так?

— Но у нас будут три тысячи, — возразила она. — Вот что меня терзает. Как только я ей их

отдам, они навсегда пропадут. Понимаешь? Мы сохраним эти три тысячи, а если они у нас будут, то не потребуется, чтобы наше заведение сразу же нас поддерживало.

— По крайней мере, какое–то время, — сказал он.

И тут, безо всякого предупреждения, Сьюзан сказала:

— Брюс, а давай от него откажемся. Почему бы и нет? Пусть остается Зое. Мы предложим ей купить его, за любую цену, которую она захочет уплатить. Может, договоримся о ежемесячных выплатах. Сколько ты получал в том дисконтном доме?

— Около трехсот пятидесяти, — с трудом ответил он.

— Этого не хватит, но с тремя тысячами мы сможем продержаться, пока ты не станешь получать больше, а я еще могла бы печатать по вечерам. Ты можешь вернуться на прежнюю работу?

По неведомым самому себе причинам он сказал ей правду:

— Да.

— Давай так и сделаем. — Она говорила с детской настойчивостью. — Давай переедем в Рино. Там, по–моему, великолепно. И воздух намного

здоровее, правда? Поэтому–то ты туда и переехал; я помню, ты мне об этом говорил. Забыла только, когда именно. Отличное место, чтобы воспитывать ребенка; там все такое чистое и современное. И очень космополитическое.

— Верно, — признал он.

— Ну так что ты думаешь? — Сидя с ним рядом, она так и жаждала услышать, что ему это по нраву. Своей позой, своей напряженностью она молила его согласиться.

— Ты слишком часто передумываешь, — сказал он.

— Брюс, я должна быть уверена в средствах существования. Я знаю, что ты талантлив, разбираешься в том, как покупать и продавать, но это слишком рискованно. К тебе это не имеет никакого отношения, все дело в том, сколько мы сможем выручить капитала, ну и в самом бизнесе. Это плохой бизнес. Я знаю. Я занималась им несколько лет, а ты нет.

— Я собирался попробовать.

— Но тогда придется выкупить долю Зои и лишиться трех тысяч. — Потребность сохранить наличные выступала как основной фактор, направлявший ее мысли. Очевидно, теперь, когда пришло время расстаться с деньгами, она просто

не могла этого сделать.

— Выкупи ее долю, — сказал он. — Как ты и намеревалась.

— Нет, — сказала она, но голос ее дрогнул.

— Выкупи, — повторил он. — Мы попробуем справиться. Если я не смогу заставить фирму нас обеспечивать, то устроюсь на работу, а ты сможешь либо продать ее, либо управляться в ней сама. Время покажет.

— Ты и впрямь думаешь, что добьешься прибыли? Сразу же?

— Да, я так думаю, — сказал он, и это прозвучало достаточно твердо, чтобы произвести на нее впечатление; он дал ей понять, что у него нет никаких сомнений.

— А если ты ошибаешься?

— Не помрем. Голодать не будем. В худшем случае, ты потеряешь свою долю. Но как только я устроюсь на работу, мы будем себя обеспечивать. Будем жить, как все остальные семьи; тем, что я буду зарабатывать, мы запросто сможем продержать и себя, и Тэффи. И у нас есть дом. У большинства нет и этого. Пусть даже кредит еще не выплачен. Ну же, не будь такой робкой. Никто в этой стране не голодает.

— Мне бы твою уверенность, — вздохнула она.

— Отдай ей деньги, — снова сказал он.

— Я… подумаю об этом.

— Нет, — сказал он. — Думать не надо. Просто вручи их ей. Мы можем поехать к ней прямо сейчас и прямо сейчас все ей и отдать. Разбуди ее и сунь их ей в лицо. Где она живет?

— Я отдам их ей завтра, — сказала она, покоряясь его уверенности.

Той ночью она ворочалась в кровати, пока не оказалась лежащей под ним, цепляясь за него руками и коленями, всем своим худым и гладким телом. Она хотела так и уснуть, но он не мог на ней спать: она для него была слишком твердой, слишком неровной. Тогда она решила проверить, нельзя ли примоститься на нем сверху. Легла головой ему на грудь, обвила руками его шею, просунула ноги между его ног. Долгое время на него давили ее тазовые кости, но потом она наконец расслабилась и впала в дремоту. Руки перестали сжимать его шею. Голову она повернула набок, и ее дыхание со свистом устремлялось ему под мышку; оно щекотало его, и он по–прежнему не мог уснуть.

Ладно, подумал он, во всяком случае, она спит.

Сразу после этой мысли зазвенел будильник, и Сьюзан, соскользнув с него, выбралась из посте-

ли. Она умудрилась пролежать на нем всю ночь. Откинув одеяло и встав, он обнаружил, что у него все одеревенело и болит. Из–за костистого колена на ноге у него образовался темный кровоподтек.

Глава 8

В то утро, в офисе, Брюс уселся напротив Сьюзан и не сводил с нее глаз, пока она не позвонила Джеку Фанкорту и не попросила его прийти. Потом он добился, чтобы Зоя де Лима выползла из своей квартиры и явилась к ним. Заполучив всех троих, он стал давить на каждого из них по очереди, пока наконец Фанкорт не дал Сьюзан знак действовать. С застывшим от страха лицом она выписала чек на три тысячи долларов, промокнула его и передала его Зое. Атмосфера в комнате была похоронной.

Зоя, как только чек оказался у нее в руках, холодно им кивнула и удалилась.

Фанкорт произнес несколько фраз, быстро просмотрел официальные бланки, а потом тоже ушел.

Сьюзан, сидя за столом, сказала:

— Чувствую себя так, словно вот–вот случится какое–то ужасное бедствие. Даже вставать не хочется. Так бы здесь и сидела…

Он отпер дверь для посетителей, чтобы они могли приступить к работе.

— Просто церемония, вот и все, — сказал он.

— Боже, — отозвалась она. — Ну да что ж теперь поделаешь.

Через час зазвонил телефон. Подняв трубку, он обнаружил, что говорит с Пег Гугер.

— Ты, я слыхала, женился, — сказала он.

— Верно.

На заднем плане пищали чьи–то приглушенные голоса: она, несомненно, звонила из своего адвокатского офиса, и это жеманное попискивание издавали ее приятельницы–секретарши.

— Просто не верю своим ушам! — воскликнула она. — Значит, это правда? Что ж, поздравляю. Мне придется прислать вам обоим по свадебному подарку.

Ее тон ему ничуть не нравился.

— Не стоит беспокоиться, — сказал он.

— Это так невероятно — ты ведь только что с ней познакомился. На той вечеринке. У вас, должно быть, все было так, как об этом пишут в романах. — Она сделала паузу, чтобы подавить смех, — взволнованная болтовня на той стороне провода не давала ей сосредоточиться. Он стерпел это, не имея другого выбора. — Значит, так, — продолжила Пег. — Вы вместе должны ко мне заглянуть, и мы устроим вечеринку.

— Хорошо, — сказал он. — Увидимся.

Опять послышались приглушенные смешки. Он попрощался и отсек ее от себя, положив трубку посреди какой–то ее фразы.

Чертова тупица, сказал он себе. Дурацкий звонок испортил ему настроение, но усилием воли он выкарабкался. Вот уж с этим я мириться не должен, решил он. С намеками безграмотных секретарш, в умишках которых плещется грязь, а сердца пусты и злобны. С их глупостью и крохотными кликами прихвостней, которые помогают им скоротать рабочий день.

Какая же разница между ними и Сьюзан… контраст, который так поразил его в тот первый вечер. Лепечущие чушь инфантильные клерки, а потом Сьюзан, сдержанная и серьезная, даже слегка трагичная в этом своем черном свитере. Но — женщина до мозга костей. Совершенно от каждого из них отдаленная. Задумчивая, сама по себе, но именно та, кто достойна внимания и уважения. И глубочайшей любви.

Сейчас же Сьюзан трудилась на лучшей из электрических машинок; она впечатывала что–то в стандартную форму.

Пора за работу, сказал он себе.

— Ты продержишься немного сама? — спросил он. — Мне надо кое–куда съездить.

— Да, — сказала она с вымученной улыбкой.

Он вышел, уселся в «Меркурий» и съездил к паре посредников.

Довольно скоро он вернулся, и машина его была доверху загружена портативными «ундервудами» и «роялями», а также огромным множеством аксессуаров для оформления витрины, включая вращающуюся платформу, приводимую в действие электрическим моторчиком.

— Чего я хочу, — сказал он Сьюзан, — так это добиться, чтобы это выглядело как место, где человек может приобрести пишущую машинку. Новую.

Он принялся переносить весь свой груз внутрь.

После этого убрал из витринного пространства все подержанные машинки, начисто отдраил саму витрину стеклоочистителем и горячей водой, вытер ее тряпками, а затем достал банки с быстросохнущей эмалью и стал красить деревянные части в яркий пастельный цвет.

— Завтра утром витрина будет готова, — пообещал он Сьюзан.

Связавшись по телефону с красильней, он арендовал пульверизатор, приспособление для снятия старой краски, питающееся от сети, лестницу, а

заодно договорился о закупке краски. Съездил и доставил все это самолично. Облачившись в старую одежду, принялся сдирать старую краску с потолка и стен. Слои прежней краски так и сыпались на пол, столы и подержанные машинки. Но это не имело значения, потому что он намеревался все обновить новыми пластиковыми покрытиями.

— Могу я чем–нибудь помочь? — спросила Сьюзан.

— Нет, — отозвался он. — Твое дело — печатать.

— Если смогу, — сказала она, удаляясь в свой угол и скрываясь из виду.

— Я хочу обзавестись вывеской, — сообщил он.

— Все эти машинки… ты их купил? — несколько нервно спросила она.

— Нет. Взял на консигнацию. Не думаю, что мне удастся продать слишком уж много; просто хочу всем показать, что мы занимаемся бизнесом по продаже пишущих машинок.

Отдыхая от снятия краски, он позвонил по нескольким номерам и разузнал сметы на неоновые вывески. В конце концов решил подождать, пока не получит одну–две льготы: тогда, возможно, удастся разделить стоимость вывески с

производителем. И он таким образом обзаведется вывеской больших размеров.

Закрывшись в шесть часов, они со Сьюзан стали красить. Он съездил и привез Тэффи, и та слонялась вокруг, наблюдая, как они работают. В восемь они устроили перерыв на ужин, после чего снова принялись за дело. Сьюзан, одетая в старый рваный рабочий халат, ранее принадлежавший Зое, начала приободряться.

— Знаешь, это так забавно, — сказала она. Лицо ее испещряли полоски краски. Волосы она подвязала кверху кухонным полотенцем, но до рук и шеи краска добралась тоже. — Чувствовать в себе… созидательную мощь.

— Наше заведение будет выглядеть новее, — заверил он.

Тэффи, вооружившись кисточкой из верблюжьего волоса, провела тонкую кайму. Прочерчивать такую линию она навострилась в школе. Малышка радовалась, что сегодня ей можно бодрствовать допоздна; они позволили ей помогать им вплоть до десяти часов, а потом Брюс отвез ее и Сьюзан домой и уже в одиночестве вернулся, чтобы продолжить. Он работал не покладая рук до половины третьего ночи.

Да, совсем другое дело, сказал он себе, осматри-

вая то, чего ему удалось добиться.

Пораньше выехав на следующее утро, он принялся декорировать витрину. К девяти, когда появилась Сьюзан, все было готово.

— Ну как? — спросил он.

— Просто чудо, — выдохнула она, забыв снять пальто, и озиралась, очарованная и изумленная.

Покончив с витриной, он вскочил в свой «Меркурий» и поехал за материалами для обновления прилавка. Выбрал синтетический материал под сучковатую сосновую древесину — тот продавался в рулонах, как шпон, и предназначался для наклеивания. Потом он долго приглядывался к автоматическим кассам и пришел к выводу, что те слишком дорого стоят. В качестве компромисса он взял аппаратик для выписывая чеков, который делал сразу три копии. Деньги пока придется по–прежнему держать в разменном ящике.

До самого вечера он занимался оклейкой, Тщательно разглаживая каждую полосу материала. Когда закончил, перед ними предстал совершенно новый прилавок.

— Глазам своим не верю, — сказала Сьюзан.

— Этот новый синтетический шпон под дерево — классная штука, — сказал Брюс.

Затем он прикинул, во что обойдется оклейка

шпоном всех внутренних стен. Чересчур дорого. Так что ему оставалось достать кисти и снова малярничать.

Последним пунктом в тот день стала покупка и установка прожектора для ночной подсветки витрины. Он выхватывал одну портативную пишущую машинку золотистого цвета и, вместе со вращающейся платформой, должен был не выключаться всю ночь.

— Это, конечно, стоит денег, — признался он Сьюзан, — но он действует и как аварийная лампа. Бросает отсвет внутрь магазина, так что если кто–нибудь вздумает нас ограбить, его увидят полицейские.

Новые цвета, в которые он окрасил стены и потолок, сделали помещение гораздо светлее. И создали иллюзию большего простора. Казалось, что стены и потолок отступили.

— Мы только что отвоевали себе немного свободного пространства, — сказал он Сьюзан.

По пути к машине Брюс сообщил ей, что завтра собирается настелить на пол нейлоновую плитку. Он знал, где ее можно взять по оптовой цене.

— А это — и все такое прочее — не отбросит нас назад? — спросила Сьюзан.

— Не отбросит, — сказал он.

— Что еще ты намерен сделать?

— Хочу внести изменения в фасад, — сказал он. — Но для этого потребуются профессиональные плотники. Отложу до тех пор, пока мы не разбогатеем. Может, в этом году, но позже. А еще выброшу все это ржавое старье. Подержанные машинки. Эти чертовы «ундервуды» 5–ой модели, которые ты пытаешься продавать по пятнадцать долларов. Они не стоят того места, что занимают. Тебе надо подсчитать, сколько стоит пространство. В таком маленьком магазинчике пространство обходится очень дорого. Можно штукатурить и красить, покупать новую обстановку, но невозможно создать дополнительное пространство. — Эти слова напомнили ему о том, что он собирался поискать новые потолочные лампы, мягкого флуоресцентного типа.

— Надеюсь, мы не разоримся, — вздохнула она. — Просто покупая краску.

— Мы разоримся, когда станем закупать товары для продажи, — утешил он Сьюзан. Это было самым главным. Что–нибудь на продажу.

Черт побери, думал он, мне необходимо раздобыть что–то такое, что я смогу продать!

Вооружившись бухгалтерскими книгами магазина — Брюс утверждал, что это теперь магазин,

а не офис, — он отправился в Центральный банк Айдахо, отделение города Бойсе, где затеял дискуссию о займе.

После нескольких часов обсуждения представители банка сообщили ему, что, учитывая все обстоятельства, они, вероятно, смогут предоставить магазину долгосрочный заем на сумму в две тысячи долларов. Чтобы утвердить это решение, потребуется, самое малое, неделя. Но весьма вероятно, что оно в конце концов пройдет.

Брюс покинул банк в счастливом расположении духа.

На тот вечер он вызвал на дом нянечку, чтобы та позаботилась о Тэффи. И повез Сьюзан по окружной дороге, которая в конце концов привела их к сельскому дому, в котором жили его родители. Из–за езды по ухабам Сьюзан немного укачало. Когда они наконец припарковались, она спросила:

— Можно нам немного здесь посидеть? Прежде чем мы войдем?

— Я так и так собираюсь войти первым, — ответил Брюс. Он до сих пор не сообщил родителям о своей женитьбе.

— Со мной все в порядке, — сказала Сьюзан. В белых перчатках и шляпке, очень хорошо одетая,

не пожалевшая помады, она приобрела ту же драматическую ауру, которая так тронула его тогда, в первый вечер. Но щеки у нее впали, а под глазами образовались складки. Вне всякого сомнения, ей требовался отдых.

— Сначала мне надо с ними кое–что обсудить, — с этими словами он ее поцеловал, выбрался из машины и по склону, представлявшему собой месиво гравия и земляной грязи, пошел к воротам.

Он снова увидел его, этот высокий серый дом фермерского типа, древний, окруженный сухой почвой, а также сорняками да геранями, прораставшими из голой коричневой земли. Ни тебе лужайки, ни вообще какой–либо зелени, кроме плюща, оплетающего ограду и обвивающегося вокруг ворот. Вдоль передней веранды тянулся ряд цветочных горшков с неразличимыми группками растительности. А еще его глазам предстало плетеное кресло рядом с этажеркой для растений, на которой лежала кипа журнальчиков «Ридерс дайджест».

Подумать только, родиться вот в этакой развалюхе, сказал он себе, отрывая ворота.

Где–то на заднем дворе громко залаяла собака. Он видел желтый свет, сочившийся сквозь шторы окна гостиной. И слышал бормотание

телевизора. Рядом с полуразрушенным гаражом торчал все тот же ржавеющий и бесполезный каркас «Доджа» 1930 года; Брюс играл в нем, когда был маленьким.

Я жил здесь, когда учился в начальной школе имени Гаррета Э. Хобарта.

За окнами цокольного этажа виднелась паутина, а в одном из окон имел место пролом, заткнутый тряпкой. Стало быть, теперь, когда и он, и Фрэнк покинули этот дом, отец больше не спит внизу. Он, несомненно, спит наверху, в какой–нибудь из их комнат.

Отец спал в подвале днем, поднимаясь в десять вечера, откидывая люк и вылезая, чтобы побриться, перекусить и отправиться на работу. Днем же он спал у них под ногами, под половицами. Среди квартовых банок с абрикосовым вареньем, досок и проволоки.

По утрам, вернувшись с работы домой, отец отряхивался от покрывавшей его белой пыли: работая в «Белоснежной пекарне», ему приходилось по локти погружать руки в муку. Потом, в подвале, он имел дело с другой белой пылью: штукатурной, поднимаемой из–за его нескончаемой возни с новыми перегородками. Он намеревался устроить в цокольном этаже несколько комнат,

чтобы сотворить отдельную квартиру с ванной и туалетом, которую впоследствии можно было бы сдавать. Поставка материалов прекратилась с началом войны. Снаружи дома, вдоль подъездной дорожки, лежали мотки проволоки и штабеля древесно–стружечных плит марки «биверборд»[176], собирая птичий помет, ржавея и выгнивая. Мешки с цементом отсырели и стали портиться, из–за чего в них завелись крошечные ростки сорняков. В подвале, прежде чем отойти ко сну в два часа пополудни, отец до изнеможения пилил, наполняя свои легкие опилочной пылью. Он терпеливо вдыхал древесную пыль, мучную, штукатурную, а летом еще и пыль дорожную вкупе с пыльцой сорняков, приносимой с полей.

Брюс, остановившись на дорожке, увидел в вечерних сумерках, что абрикосовые деревья, росшие у задней двери, уже омертвели. Слава богу, подумал он. Никто никогда не ел эти абрикосы; бесчисленные банки с ними, загромождавшие подвал, никогда не открывались. Ребенком он как–то раз вытащил эти банки наружу и стал швырять в них камни, так что те взрывались фонтанами липкого сока и стекла. Это привлек-

[176] Примечания: 176

Beaverboard (букв, «бобровая доска») — ныне не существующая торговая марка ДСП.

ло шершней. Летом лужицы абрикосового сока превратились в жужжащие болота, в котором извивались желтые спинки шершней. Никто не осмеливался подойти к ним ближе, чем на несколько ярдов.

Так, теперь подняться по ступенькам на веранду и постучать в дверь. Доски прогибались под его ногами, сама веранда давно покосилась. Когда–то, много лет назад, дом и веранда были выкрашены серой корабельной краской. Теперь та растрескалась и шелушилась вплоть до самых досок, так что из–под серого виднелись полоски желтовато–коричневого цвета.

Он поднял металлическое кольцо дверного молотка и отпустил его, чтобы раздался удар.

Дверь тут же открылась, и перед ним предстал Ноэль Стивенс — с лицом, омраченным выросшей за день щетиной, в рубашке с закатанными рукавами и в брюках на подтяжках. Он, не сказав ни слова, впустил Брюса внутрь. Затем отец, тяжелый и инертный, воздел руку, безмолвно призывая мать Брюса, которая хлопотала на кухне. В глазах Брюса отец всегда походил на какого–то рабочего из начала столетия, массивного, честного, не очень умного шведа, каменщика или водопроводчика, который прибыл в Америку

и направился прямиком в Миннесоту, никогда не помышляя учить английский или посещать другие города. Лицо у отца было широкое, мясистое и, за исключением подбородка и щек, блестящее, с длинным носом, прогнутым или сломанным посередине. Кожа под глазами была усеяна множеством кратеров, слегка коричневатых, весьма похожих на те пятнышки, появление которых некогда было принято объяснять плохим функционированием печени.

— Ну… ей–богу! — сказал отец. Перед Брюсом возникла его красноватая безволосая лапа, и он взял ее в свою.

Из кухни появилась мать. Крохотное, загорелое, умное и набожное лицо ее так и лучилось, яркие глаза сияли. Здесь, у себя дома, она носила простую чистую одежду, которая всегда ассоциировалась у него с деревенскими жителями, людьми из маленьких городков Айдахо. Она улыбнулась ему, и ее тускловатые, просвечивающие искусственные зубы цвета целлулоидной расчески отразили свет лампы и заискрились.

— Привет! — сказал Брюс, чья рука все еще была зажата в плоской, мягкой и влажной ладони отца. — Как поживаете?

— Отлично, — сказал отец, выпуская наконец

его руку и снова садясь в свое глубокое кресло, пружины которого звякнули под его тяжестью.

Мать порывисто схватила его и приложилась губами к его щеке, это произошло так быстро, что он и шевельнуться не успел, прежде чем она снова отпрянула.

— Как мы рады тебя видеть! — воскликнула она. — Как там, в Рино?

— В Рино я больше не живу. — Он уселся, и мать тоже. Оба родителя выжидательно на него смотрели, причем у отца лицо было невыразительным, а у матери — веселым и добрым, она ловила каждое его движение, каждое слово. — Я теперь живу в Бойсе. Я женился.

— О! — У матери перехватило дыхание, она вся так и сморщилась, потрясенная. Отец же не шелохнулся.

— Совсем недавно, — сказал он.

Отец по–прежнему никак не реагировал.

— Я не верю, — простонала мать.

— Будь это неправдой, он бы тебе этого не сказал, — обратился к ней отец.

— Нет, — сказала она. — Я все равно не верю. Кто она? — спросила она, переводя взгляд с одного на другого.

— Я не знаю, — сказал отец, похлопывая ее по

колену. — Успокойся, вот и все. — Он перевел взгляд на Брюса. — Это она сидит там в машине?

— Она там, снаружи? — возопила мать, вскакивая и подбегая к окну. — Как ты узнал, что она там? — спросила она у отца.

Тот отвечал в своей неторопливой манере:

— Услышал, что рядом остановился автомобиль, вот и выглянул посмотреть, кто там.

— Надо ее привести, — сказала мать, устремляясь к двери. — Как ее зовут?

— Не ходи за ней, — приказал отец.

— Да, — отозвалась мать, открывая дверь и выходя на веранду.

— Иди сюда и сядь! — громко сказал отец.

Она вернулась, возбужденная и раскрасневшаяся.

— Почему ты оставил ее в машине? — спросила она у Брюса.

— Сейчас он тебе объяснит, — сказал отец.

— Ее укачало, — сказал Брюс.

— Скажи ей, чтобы вошла в дом и прилегла, — потребовала мать.

— Сначала я хочу с вами поговорить, — сказал Брюс. — Я не приведу ее, пока вы не поклянетесь на Библии, что не скажете о ней ничего дурного.

— Никто и не собирается говорить ничего дур-

ного, — сказал отец.

— Не приведу ее, пока вы оба не примете решение поступать так, как должно, а не так, как вас побуждают чувства, — продолжал Брюс. — Если вы скажете о ней что–нибудь дурное, я уйду и больше вы никого из нас не увидите. Я все обдумал, и мне очень жаль, но мне не хочется, чтобы вы как–нибудь ее огорчали.

— Он прав, — сказал отец.

— Да, — согласилась мать. — Что ж, теперь мы ее увидим?

— Она старше меня, — сказал Брюс.

— На сколько? — спросила мать.

— Это не имеет значения, — сказал отец. — Если Брюс на ней женился, то лучше бы тебе об этом и подумать. А решать — это не твое дело.

— На десять лет, — сказал Брюс. — Ей тридцать четыре.

Мать заплакала.

— Десять лет — это много, — с серьезностью в голосе заметил отец.

— Теперь я вам все рассказал, — подвел черту Брюс.

Родители сидели с несчастным видом, преодолевая расстройство чувств.

— Мне хотелось бы знать, в каком вы сейчас

финансовом положении, — снова заговорил Брюс. — Послушайте. Вот вы отправили Фрэнка в колледж, но мне пришлось пойти работать сразу после средней школы; собственно, я работал еще и тогда, когда ходил в школу. Как насчет свадебного подарка?

— За свадебным подарком дело не станет, — сказал отец.

— Я не имею в виду десятидолларовую банкноту, — сказал Брюс. — Нам нужны тысячи долларов, тысяч шесть или семь.

Отец кивнул, словно это представлялось ему совершенно естественным.

— Я хотел спросить вас о деньгах, прежде чем вводить ее сюда, — сказал Брюс. — Это для меня, так что к ней никакого отношения не имеет.

Далее он рассказал им кое–что о своем магазине. Оба внимательно слушали, но он сомневался, что они его понимают. Они потеряли дар речи. Слишком уж были ошеломлены.

— Я не могу долго обо всем распространяться, у меня нет времени, чтобы быть вежливым; нам надо решить это прямо сейчас. Хочу получить деньги, прежде чем приведу ее сюда.

Голос его все повышался и повышался, пока он не начал уже на них кричать; они же сидели,

придавленные к своим местам, и не перебивали его. Он успешно их шантажировал, что было единственным способом, с помощью которого он мог надеяться добиться своего. Он говорил и говорил, а они слушали; он им все разъяснил, а потом обрушился на них с требованием:

— Вы отправили Фрэнка в колледж; теперь пора сделать что–то и для меня, и сейчас как раз такое время, когда я действительно в этом нуждаюсь. — Он обошел молчанием тот факт, что Фрэнк выигрывал одну стипендию за другой. — Так что вы скажете?

— Мы всегда были готовы поддержать тебя, когда ты решишь, чем именно хочешь заниматься, — с достоинством сказал отец.

— Хорошо, — сказал Брюс, донельзя довольный; он победил их. Одним только напором своего голоса он заставил их принять все, что сказал; проскользнул мимо их естественной бережливости и здравого смысла. — Ну и чем же вы можете мне помочь? Послушайте, я хочу привести ее в дом, она там замерзает, а я сказал ей, что вернусь за ней через пару минут.

Он вскочил и беспокойно заходил по комнате, передавая им свое нетерпение.

Родители пришли в крайнее возбуждение,

желая поскорее все уладить. Отец сел за стол в столовой и, сражаясь с тяжеловесностью своих движений, стал искать свою чековую книжку, мать бросилась наверх за авторучкой. Вскоре у него в руках был отцовский чек на тысячу долларов, и родители наперебой говорили ему, как им жаль, что они не могут дать больше. Вскоре мать, снова всхлипывая, сказала, что хочет только увидеть Сьюзан, деньги ее не интересовали. Отец, оправдываясь, бормотал, что, может быть, позже, когда у него будет возможность взглянуть на облигации, которые хранятся в центре города, в банковском депозитном ящике, он сумеет добавить кое–что еще.

— Пойду приведу ее, — сказал Брюс, словно теперь у него наконец были развязаны руки.

Он прошествовал на веранду, родители сопровождали его вплоть до ступенек, где и стояли с боязливым видом, когда он открывал дверцу машины.

— Мне уже лучше, — сказала Сьюзан. — Это твои родители? — Она видела их на веранде. — Как бы мне хотелось не входить к ним в дом… однако, думаю, без этого не обойтись.

Старательно придерживая юбку, чтобы не задралась, она соскользнула с сиденья; он держал

дверцу, и она встала рядом с ним, держа в руках сумочку и перчатки и приводя себя в порядок.

— Мы ненадолго, — шепнул он ей, когда они вдвоем стали подниматься по ступенькам, ведущим на веранду.

— Она кренится, — заметила она.

— Так всегда и было. Не упадет, не бойся.

Он взял ее под руку. Лампа на веранде была включена, и в ее неровном свете по лицу Сьюзан пробегали крапчатые тени. Его родители, стоявшие на веранде, уставились вниз в состоянии, близком к истерии; ему никогда не приходилось видеть, что на кого–либо оказывал столь глубокое воздействие вид кого–то другого. Едва Сьюзан взошла на веранду — она двигалась так медленно и размеренно, как только могла, — его мать схватила ее и увлекла в дом. На протяжении какого–то времени он их больше не видел, хотя голоса их по–прежнему слышались, доносясь из разных частей дома.

Отец, вместе с ним входя внутрь, заверил его:

— Никому бы и в голову не пришло, что она старше тебя.

Это было неправдой, но Брюс чувствовал, что это сказано из самых лучших побуждений.

— Ее зовут Сьюзан, — сообщил он. А потом,

впервые за все время, ему пришло в голову, что кто–то из его родителей или же оба могли видеть ее в прошлом, когда она была его учительницей; педсовет проводил собрания с родителями, — жаль, что я не учел это раньше, думал он, потому что теперь слишком поздно. — Мы не сможем задержаться надолго.

— Как тебе случилось с ней познакомиться? — спросил отец.

Он предоставил скудный отчет.

— Значит, она из Бойсе, — сказал отец, очень довольный. — Не из Рино.

Если они обнаружат, что она была моей учительницей в пятом классе, подумал он, то, пожалуй, потребуют свою тысячу обратно. Эта мысль заставила его рассмеяться.

На кухне его мать показывала Сьюзан набор отвратительных тарелок, присланный ей какой–то подругой из Европы, и Сьюзан громко восхищалась их красотой. Ему стало немного спокойнее.

По пути домой он остановился в центре Бойсе возле аптеки, сказав Сьюзан, что хочет купить сигареты. На самом деле он купил коробку конвертов и несколько трехцентовых марок. Он вложил чек в один из конвертов, адресовал его себе и Сьюзан, наклеил марку и попросил служа-

щего отправить его по почте.

— Как твои родители меня восприняли? — Сьюзан уже несколько раз спрашивала об этом во время поездки.

— Увидим, — ответил он наконец. О чеке он ничего ей не рассказывал.

— Что значит «увидим»?

— Если ты им понравилась, — сказал он, — они выразят это каким–нибудь конкретным способом. С такими людьми, старомодными сельскими жителями, ничего нельзя предвидеть. Они сообщат тебе о своей реакции, и ты все поймешь.

— Я в недоумении, — сказала она. — Потому что ничего не могла понять. Твоя мать была очень мила и расстроена, отец был вежлив, но я не могла сообразить, что под этим кроется.

На следующий день конверт с чеком его отца был доставлен в магазин. Он вскрыл его и показал чек Сьюзан.

— Видишь? — сказал он. — Они одобряют мой выбор.

Потрясенная, она сказала:

— Брюс, это же спасает нам жизнь! Посмотри, что ты сможешь раздобыть на эти деньги по дилерским ценам.

То, что случилось, произвело настоящую ре-

волюцию в ее моральном состоянии: остаток дня она строила планы, вынашивала замыслы, обдумывала бесчисленное множество будущих решений.

— Какие же они великолепные люди! — сказала она. — Нам надо написать им или даже поехать туда снова и поблагодарить их лично. Мне так не по себе… и все же я думаю, что принять этот дар будет правильно.

— Разумеется! Так оно и есть.

— Почему бы мне не позвонить им и не поблагодарить?

— Лучше предоставь это мне, — поспешил сказать Брюс.

С тысячей долларов наличными он мог гарантировать банковский заем. Тот поступил в конце месяца, и теперь у него на руках было двадцать пять сотен долларов на закупку товаров для продажи. Но он по–прежнему не знал, что купить. Деньги он положил на счет, который давал ему четыре процента прибыли, а это было ненамного меньше, чем процентная ставка на пятнадцать сотен долларов банковского займа.

Но мне надо поскорее найти какой–нибудь склад, полный каких–то товаров, осознавал он. Иначе то, что я одалживал и вымаливал эти

деньги, окажется ошибкой. Пока что у нас нет никаких доходов, и нам придется отщипывать от суммы на этом счете, чтобы вносить ежемесячные платежи.

Может, мне удастся так раскрутить эти деньги, чтобы обеспечить ежемесячные выплаты по займу. Это стало бы новым способом ведения бизнеса.

Между тем к этому времени он обследовал все в районе Бойсе и ничего не нашел.

— Думаю, мне придется пуститься в путь, — сказал он Сьюзан.

— Куда? — спросила она. — Ты имеешь в виду долгую поездку?

— Может, в Лос–Анджелес. Или в Солт–Лейк–Сити. Или в Портленд. Куда–нибудь, где бы я смог найти что–то на складе. Я не могу допустить, чтобы деньги не были в обороте.

Он начал звонить по межгороду, пытаясь разузнать что–нибудь заранее.

Двумя днями позже его «Меркурий» был полностью смазан и проверен, шины заменены, и он, с чемоданом в багажнике, пустился в путь по шоссе 26, следуя наг запад, в Орегон и Калифорнию.

Глава 9

На первом этапе пути Брюс миновал весь Орегон и въехал в самую северную часть Калифорнии. Повернув на юг, проехал через Кламат–Фолс, через пограничный пост, а затем последовала трудная дорога мимо горы Шасты и по извивающимся подъемам–уклонам возле Дансмьюра в самой глубине страны лесорубов, где из поля зрения никогда не исчезают озера и быстро движущаяся вода.

Рано утром он покинул гористую страну лесорубов и оказался в беспощадно жаркой плоской долине фермеров. Измотанный донельзя, он остановился у первого же мотеля.

Мотель этот на поверку являл собой не более чем несколько похожих на лачуги домиков, выстроенных в два рада фасадами друг к другу, с разбросанным вокруг гравием и гигантскими вековыми деревьями, стоявшими у двери в контору. На паре шезлонгов, на которых отбрасывал тень пляжный зонт, спали пожилые супруги. С дороги съехали и припарковались несколько машин. Он видел и слышал, как в тени от навеса над верандой одного из домиков возится в пыли

кучка детей.

Однако он уже заглушил двигатель. Поторговавшись с владельцем мотеля, он заключил свою обычную сделку: пользование домиком на протяжении восьми часов за полтора доллара. Его договор об аренде не давал ему права принимать ванну или забираться в постель, но он мог умыться, воспользоваться полотенцем для рук, но не банным, лежать на кровати, не снимая с нее покрывала и не прикасаясь к простыням, а еще, естественно, он мог воспользоваться горшком. В восемь утра он запер машину, вошел в плохо вентилируемый домик и прилег вздремнуть.

В четыре часа пополудни хозяин разбудил его. Машины начали прибывать во множестве, и домик оказался востребованным. Взяв свои наручные часы, которые снимал перед сном, и туфли, он, не вполне еще проснувшись, проковылял наружу, под все еще ослепительное солнце.

Как только он вышел, в домик поспешила жена хозяина со свежим полотенцем для рук и мылом.

— Где здесь поблизости можно перекусить? — спросил он у хозяина, лысеющего коротышки с сердитым видом.

— Примерно в десяти милях дальше по шоссе будут кофейня и заправка, — бросил тот, спеша

навстречу полному людей «Плимуту», который, хрустя гравием, подъезжал к конторе мотеля.

Брюс забрался в машину, завел двигатель и снова выехал на дорогу.

Обнаружив кофейню, он сначала подъехал к насосам заправки, велел служителю наполнить весь бак и, оставив там машину, трусцой перебежал через шоссе, чтобы перекусить. Поглощая котлету с подливкой, консервированный горошек, кофе и ягодный пирог, он наблюдал, как служитель проверяет в его машине воду, шины и аккумулятор.

Закурив сигарету, он сидел над опустевшей тарелкой, остро ощущая свое одиночество.

Быть за рулем ночь напролет не доставило ему никакого удовольствия. Слепящий свет мчащихся навстречу фар досаждал больше обычного. Бодрствовать час за часом, чтобы замечать каждый из рефлекторных столбов, обозначающих повороты, было тяжело. Он всю ночь держал включенным радио, слыша в основном шум статики и неразборчивые обрывки популярных мелодий, транслировавшиеся станциями, расположенными слишком далеко, чтобы их можно было постоянно слушать. Мелодии приплывали и уплывали. И чуть различимые голоса дикторов,

говорящих из других штатов, продающих продукты, которых он никогда не увидит.

И, разумеется, он переехал через множество пересекающих дорогу силуэтов, одни из которых были кроликами, а другие, вероятно, змеями и ящерицами. А перед самым восходом прямо перед ним вспорхнули две птицы бриллиантового окраса — и тут же исчезли. Позже, на заправке, он нашел обеих мертвыми и раздавленными у основания радиатора. Он не смог избежать ни одного из этих наездов, и это его угнетало. Невозможно ехать по шоссе, не убивая одно маленькое существо за другим. А уж количество ранее убитых зверьков, распластанных на мостовой впереди, не поддавалось никакому счету.

Ночью, мчась по шоссе, он пронизывал города, в которых были закрыты все двери и не горело ни единого огонька. Такие города внушали ему тревогу. Ни людей, ни движения. Ни даже машин, припаркованных в темно–серых дворах. Заправочные станции тоже были пустынны и безлюдны: ужасное зрелище для водителя. Но рано или поздно в поле зрения оказывалась освещенная заправка, часто с одним или двумя стоящими поблизости гигантскими дизельными грузовиками с работающими двигателями, води-

тели которых сидели в кафе, уплетая сандвичи с ростбифом. Пространство, озаряемое желтым светом, работающий музыкальный автомат, туалет с приоткрытой дверью, сверкающие белые кафельные плитки и унитаз, бумажные полотенца, зеркало. Входя туда, он умывал лицо и глядел в открытую дверь, на лес, пригодный для заготовки древесины. На абсолютную черноту снаружи. Как же все это одиноко. Как безмолвно.

Как только привыкаешь проводить ночи не в одиночестве, это уже не для тебя, подумал он. Как только узнаешь, каково, пробуждаясь, видеть рядом с собой другое лицо, женское. Или чувствовать, как эта женщина прижимается к тебе на рассвете, когда в комнате становится прохладно. Это больше, чем секс. Секс завершается спустя несколько минут. А это исполнено покоя и длится все то время, пока она лежит рядом с тобой. Это кладет конец ужасу и начинает нечто такое, что лучше всего остального в жизни.

Это все меняет, подумал он. Распространяется на все явления и события, покрывает их.

Он никогда не ожидал ничего подобного и ничего о таком не знал. Его опыт, заключавшийся в том, чтобы время от времени проводить ночь с какой–нибудь девушкой, не имел к этому никако-

го отношения. Предчувствия того, как оно будет со Сьюзан, утратили актуальность. Это захватило его гораздо больше, чем он ожидал. Оказывается, истекшие девять или десять дней могли полностью изменить его взгляды и предпочтения, оказав воздействие даже на его чувство дороги, чувство пребывания за рулем…

Поев, Брюс снова уселся в машину и поехал дальше по Калифорнии, в направлении Залива. Приехав туда поздно ночью, пересек мост через Залив, оказался в Сан–Франциско, нашел уличный туннель, который увел его с шоссе, и, наконец, добрался до Маркет–стрит. Там он припарковался и вышел из машины, чувствуя себя усталым до дрожи, но возбужденным.

Что–то на Маркет–стрит изменилось. Он пошел по хорошо освещенному тротуару, мимо высоченных кинотеатров первого разряда, а потом осознал, в чем дело. Исчезли старые лязгающие трамваи. Вместо них вдоль края тротуара бесшумно проносились автобусы.

Сунув руки в карманы, он шагал в сторону порта. Дойдя до пересечения с Первой улицей, начал замечать маленькие магазины, где продавались излишки армейской утвари и обмундирования, поэтому перешел на другую строну и направился

обратно. Дойдя до пересечения с Пятой, свернул на нее, а затем прошел сначала по одной тупиковой улочке, а затем по другой, разглядывая все разнообразные маленькие магазинчики, процветающие и не очень. Спустя примерно час он оказался стоящим перед витриной с магнитофонами, камерами и пишущими машинками, среди которых была маленькая алюминиевая портативная машинка, какой он никогда прежде не видел. Бренд назывался «Митриас». Вскоре он заметил сетевой шнур, свешивавшийся сзади. Значит, машинка электрическая. А еще он разглядел ремень, соединявший каретку с двигателем. Стало быть, у нее автоматический возврат каретки. На ней не было никаких указаний на то, что она импортная, но он опознал ее как японскую портативную машинку, о которой ему рассказывал Мильт.

Этикетку можно было частично прочесть. Он прочел ее, но там давалась стандартная информация, наложенная на вполне приемлемом, грамотном английском языке. Но он знал, что это японская машинка. Его талант и чутье говорили ему об этом.

Магазин, конечно, был закрыт. Но ему и не надо было знать чего–то большего, чем то, что он уже

знал; эта машинка распространялась в области Залива. Какой–то оптовик поставлял ее этому розничному торговцу. Естественно, будучи портами, Сан–Франциско и Лос–Анджелес являлись наиболее вероятными местами, где можно найти эти машинки, поскольку те прибывали именно на кораблях. Порты имелись также в Сиэтле и Сан–Диего. Но именно здесь больше развита розничная торговля.

После беглого осмотра ему стало ясно, что этот магазинчик не специализировался на продаже именно пишущих машинок. Он не видел здесь ни популярных моделей, ни рекламных материалов. Это был просто предприимчивый маленький торговец, закупающий понемножку того, понемножку сего, от микроскопов и причудливых тканей до камней, которые светятся в темноте, перламутровых зажигалок и настенных цветочных ящиков красного дерева. Что–то вроде магазина подарков, с уклоном скорее в вещицы из металлов, стекла и пластика, а не в антиквариат.

Это укрепляло его надежды. Производители «Митриасов» еще не выработали условия льготных поставок или не были в состоянии отозвать ранее проданные экземпляры. Во всяком случае,

машинки сбывались через обычные торговые точки. Не наблюдалось никаких причин, мешавших ему закупить их на тех же условиях, что и любой другой розничный продавец. Конечно, придется придумать, как оттранспортировать их в Бойсе. Но очень большое их количество ему и не надобно.

Если только, подумал он, я не хочу совершить эту закупку по принципу «все или ничего». Взять их в таком количестве, какое только возможно. Заработать на каждой всего по нескольку даймов, рекламировать их с помощью прожекторов, бесплатных объявлений и фонограмм.

Одноцентовая продажа. Купи одну портативную электрическую машинку за столько–то, получи вторую за пенни.

Но ему по–прежнему требовалось найти склад с ними, причем такой, владелец которого хотел бы от них избавиться. Наилучший шанс на это будет, вероятно, не в Сан–Франциско или Лос–Анджелесе, но в менее крупном городе где–то посередине, где местный оптовик пытался сделать у себя дома то же самое, что делалось повсюду. В срединном городе вроде Бейкерсфилда, где торговой точке какой–нибудь фармацевтической компании, универмагу или супермаркету была, возможно,

предоставлена квота таких машинок, но продать их они не смогли.

Города в долине. Салинас, Фресно, Стоктон, Ливермор. Ему придется каждый из них прочесать, один за другим.

На это может уйти несколько недель.

Нет, он не может допустить, чтобы это заняло недели. На это можно уделить неделю, самое большее. Так что если он всерьез намерен выйти на склад с машинками «Митриас», ему понадобится найти туда прямой маршрут.

Черт возьми, подумал он. Когда он работал в БПЗ, то его время было временем компании, и можно было бешено рыскать или неспешно слоняться по собственному усмотрению. Иногда он и его босс, Эд фон Шарф, проводили целый месяц в разъездах, выискивая возможность выгодной закупки и рискуя клюнуть на множество незначительных, отчасти шутливых предложений, прежде чем наконец, едва ли не из чистой скуки, владелец предоставлял им то, что они искали.

Перед ним возник образ его босса, черные усы и все такое, и как он сидел среди картонных коробок и жевал «Попсикл», в то же время разбираясь с инвентарной ведомостью. Профессионал с двумя десятилетиями опыта закупок, каковой опыт

восходил к дням армейских излишков — настоящих армейских излишков, — затем охватывал оптовые закупки продовольствия, на смену которым пришли домашние морозильники и располовиненные коровьи туши, продаваемые в рассрочку, потом продажа по оптовым ценам непосредственно потребителям, без наценок, и, наконец, участие в деле с братьями Парети и их дисконтным домом, который закупает все и везде.

Вернувшись к своему «Меркурию», он посмотрел на карту. Так, можно выехать на федеральное шоссе 40 или 50 прямо у Восточного залива и оказаться в Рино через четыре часа. Продолжительность затянувшегося бейсбольного матча.

Времени было — он взглянул на часы — половина второго. Он мог попасть в Рино до восхода. Однако лучше соснуть пару часов в машине, чтобы был уже дневной свет, когда он доберется до Сьерр. Затем, прибыв в Рино, заехать домой к какому–нибудь приятелю, чтобы помыться, побриться и переодеться в чистую рубашку, может, и позавтракать задаром, а потом заскочить в БПЗ и поговорить с Эдом фон Шарфом.

Заведя «Меркурий», он двинулся по направлению к Оклендскому мосту через Залив.

Шоссе через долину Сакраменто было таким широким и ровным, как только можно пожелать. Он не без удовольствия пронесся между полями, а потом наконец выехал на узкий мост, построенный не над водой, но над милями тростниковых зарослей. Металлические ограждения моста отзывались шумным эхом, и из–за этого звука, равно как его близости, он чувствовал напряженность. Эту часть пути он проделал в темноте, но теперь, на въезде в Сакраменто, небо на востоке начало белеть. Если он хотел проехать здесь, прежде чем межштатные перевозчики, огромные прицепы и грузовики, заблокируют дорогу всем и каждому, ему следовало поторопиться.

Но в центре Сакраменто, несмотря даже на пустынность улиц, он растерялся. Знаки «грузовой маршрут» указывали в разные стороны. В конце концов он оказался на ухабистых и затененных деревьями улочках, состоявших из лачуг и механических мастерских из рифленого металла. Могло ли здесь пролегать шоссе из Сакраменто? Он наткнулся на широкий переезд через железнодорожные пути, проехал по колее, проложенной в грязи, и по множеству узких улочек выбрался на двухполосное шоссе, по обе стороны которого стояли закрытые закусочные, фруктовые лотки

и заправочные станции. Повернув влево, он проследовал по шоссе. Оно огибало холм, поднималось, и он увидел на обочине четыре грузовика, дизели которых грохотали, прогреваясь, а в кабинах горел свет. Грузовики готовы были вот–вот вернуться на дорогу. Водители проспали в них всю ночь, но сейчас проснулись и принялись за работу. Он прибавил скорость, следуя изгибам дороги.

Шоссе все время поднималось. Оно оставалось узким, но хорошо ухоженным. Фруктовые лотки исчезли, и взору открылась лесистая местность. Небо между тем становилось светлее. Оно сияло яркой белизной, и как–то раз, достигнув вершины подъема, он увидел то, что походило на горы.

Позже он въехал в городок, стоящий на склоне холма, на сваях, и выстроенный исключительно из дерева; он не видел ни камня, ни металла, лишь красноватую древесину, темную в сумерках раннего утра. Ничто здесь не шевелилось. Но едва выехав из этого городка, он увидел еще несколько грузовиков, содрогающихся от нетерпения вернуться на дорогу. Когда он встретится с группой таких же чудищ, уже находящихся в движении, было только вопросом времени. А после этого от него уже ничто не будет зависеть, придется

следовать за ними по подъемам и спускам, через перевал и вниз по другой стороне, вплоть до самого Рино.

Теперь дорога резко забирала в гору. Лесистые поросли сменились настоящими сосновыми лесами, страной лесорубов. Трудно было поверить, что эта узкая дорога и есть главная магистраль, федеральное шоссе 40; что случилось с широкой четырехполосной ровной мостовой между Валлехо и Сакраменто? Это больше походило на некий альтернативный маршрут, маршрут штата или округа, предназначенный для лыжников и рыбаков, но не для межштатных перевозчиков. Дорожных знаков было немного. Землю с каждой из сторон сгребли в насыпи, из–за чего казалось, что дорога постоянно прорезает красноватую почву, вскидывая ее до самой крыши автомобиля. Время от времени, довольно часто, на глаза ему попадалось строительное оборудование, стянутое на обочину и укрытое брезентом.

Впереди появился задний борт грузовика, делавшего поворот; Брюс сбросил скорость, а потом обогнал его по встречной полосе. Первый, подумал он. А я еще не достиг вершины.

Сьерры вокруг него — он вынужден был поверить дорожной карте, что это именно Сьер-

ры, — походили на курортную зону, которую портили узкие, как тропы, проселки, штабеля бревен, двойные колеи, оставленные тракторами и бульдозерами. Постоянно попадались груды мусора, состоящего в основном из бумажных тарелок и жестянок из–под пива, напоминая ему о множестве туристских домиков, едва–едва скрытых из виду соснами. К ним вела каждая из узких тропинок, протоптанных по земле. И он понял, что, когда доберется до вершины, ему предстанет озеро или два.

Центр Сьерр, подумал он. Как это угнетает. Дорога впереди поднималась совсем незначительно; собственно, он впервые не мог точно сказать, шла ли она по–прежнему в гору. Возможно, это был длинный, почти ровный спуск. Пологое поле справа вдруг отступило, и он увидел пару машин, съехавших на обочину. Вершина, решил он. Неожиданно обнаружилось, что у него все затекло, он замерз и ему необходимо отлить. Так что он съехал с дороги на широкую земляную обочину и заглушил двигатель.

В горах было тихо. Ни ветерка. Ни голосов. И поразившее его ощущение простора. Открыв дверцу, он на нетвердых ногах выбрался наружу. Сколько времени? Полвосьмого утра. И вот он

здесь, вверху, один–одинешенек. Какая пустынная местность. По дороге мимо него пронеслась какая–то машина, яростно грохоча шинами. Ощущая судороги в каждой мышце, он побрел в сторону, сунув руки в карманы и чувствуя себя мерзейшим образом.

Это место не для меня, решил он. Нечто вроде всеобщей свободной парковки с деревьями. Он не ощущал, что находится на большой высоте. Но воздух был холодным, разреженным и пронизан дурным запахом. Пахло не сосновыми иглами или землей — этот запах был горьким, и у Брюса начало свербеть в носу. Он спотыкался о комья засохшей земли. Спустившись по куче грунта, он отыскал укромное местечко в кустах, помочился, а потом судорожными рывками проковылял обратно к машине.

Двигатель, наверное, не заведется, подумал он, захлопывая дверцу. На такой высоте автоматический дроссель всегда барахлит. Подумать только, проторчать здесь целую неделю… Но двигатель завелся.

Выждав, чтобы машина, шедшая следом, промчалась мимо, он снова выехал на дорогу и уже через несколько мгновений оказался на вершине следующего холма. Внезапно появившееся

солнце, до тех пор прятавшееся за холмами и деревьями, резануло его по глазам. Ослепительный белый свет испугал его и ошарашил, так что он машинально затормозил. Ехавший сзади маленький пикап промчался мимо, увернувшись.

Об этом я забыл. То, что я достиг вершины на рассвете, означает, что теперь придется ехать прямо на солнце весь остаток пути. Он никогда не видел, чтобы солнце ранним утром было таким раздутым, таким огромным.

Вскоре он и в самом деле увидел озеро; собственно, даже пару озер. Они располагались по одну сторону дороги, далеко внизу, плоские, радостно–голубые, раскинувшиеся на поверхности, похожей на плато. Деревья возле них росли гуще. Он все время поглядывал на озера, но затем резкая впадина в дороге, подобная внутренности мяча, заставила её переключить все внимание на управление автомобилем. Теперь, миновав высшую точку перевала, он обнаружил, что спускается гораздо стремительнее, чем поднимался; уклон был настолько крутым, что какое–то время он от испуга и не замечал, что пересек границу штата и въехал в Неваду.

Холмы стали мельче, незначительнее. Раз он проехал между нагромождениями камней, по

сухой, неплодородной зоне. Это и в самом деле Невада, подумал он. Растительности больше нет. Воды нигде не видно. Вскоре въеду в пустыню. И так оно, разумеется, и случилось.

Какое удручающее зрелище. Таким же оно представлялось ему и раньше, когда случалось здесь проезжать. Совсем не похоже на горы… скорее поросшее лесом препятствие для коммерции, которое в конце концов — ко всеобщему удовлетворению — будет срыто и увезено в грузовиках в виде грунта и древесины.

Во второй половине дня, в Рино, Брюс сидел вместе с Эдом фон Шарфом в знакомом кабинете наверху, откуда открывался вид на шумный, подобный базару основной этаж Бюро потребительских закупок. Его бывший босс поставил всех в известность, что устраивает перерыв на чашку кофе, так что никто не пытался прервать их беседу. Для начала Брюс рассказал о своей женитьбе, показал фотографию Сьюзан, сделанную в Рино, в день их бракосочетания.

— Она что, старше тебя? — спросил фон Шарф.

— Да, — сказал он. — Ей тридцать.

— Ты вполне уверен в том, что знаешь, что делаешь?

— Более чем, — сказал он и описал «Копиро-

вальные услуги». Изложил все подробности. Бывший босс слушал его с глубоким вниманием.

— Прохожих на тротуаре хватает?

— Да, — сказал он. — Между одиннадцатью и часом народ, что работает в офисных зданиях, так и прет.

— Мне кажется, что ты не хочешь как следует поработать головой, — сказал фон Шарф. — Что ты на деле имеешь? Хорошее местоположение и небольшую сумму, которую можно во что–то инвестировать, а еще торговую точку с минимумом обстановки и витриной. Так почему же ты зациклился на пишущих машинках?

— Потому что это заведение с ними связано.

— Ничего подобного. Чему ты здесь научился? Покупать по приемлемой цене все, что, на твой взгляд, ты сумеешь продать. Тебе надо искать что–либо, что можно купить задешево и что, по–твоему, найдет сбыт, машинки или овощи; не имеет значения, что именно. Но ты, вкладывая деньги в одно–единственное наименование товара, теряешь свои преимущества. Ты являешься на рынок продавцов. И первым делом начинаешь перебивать кому–то цену на эти японские машинки. Послушай, ты же ничего о машинках не знаешь. А во–вторых, у тебя нет

реальных оснований полагать, что ты найдешь, где сделать такую закупку. Я скажу тебе, на чем сейчас можно нагреть руки. На бензине. Там, на Побережье, ведется ужасная бензиновая война. За истекший месяц розничные цены на обычный бензин снизились там до 19 центов за галлон. Оптовые торговцы им там затоварены.

— Мы не можем продавать бензин, — сказал Брюс и спросил, не доводилось ли фон Шарфу видеть машинки «Митриас».

— Нет, — сказал тот, — даже никогда о таких не слыхал. Насколько мне известно, ни одна из них сюда не попадала.

— Тогда перед нами чистое поле.

— Сколько их ты сможешь купить на двадцать пять сотен долларов? Если, допустим, придется платить по сотне за штуку? Всего–то двадцать пять железяк. Это бессмысленно.

Брюс до сих пор этого не подсчитывал. Он похолодел.

— Слишком мало, чтобы стараться, — сказал его бывший босс. — У тебя просто нет достаточного капитала.

— Может, мне удастся взять партию «Митриасов» дешевле, чем по сотне за штуку, — упрямо сказал он.

— Может, и так. Ладно, ты приехал, чтобы что–то узнать у меня. Что же?

— Я приехал, потому что думал, что ты знаешь, где я смогу раздобыть некоторое их количество.

— Нет, не знаю, — сказал бывший босс. — Никогда не видел даже рекламы, нигде не встречал в списках наличных товаров. Если хочешь, могу поспрашивать для тебя там и сям.

— Буду признателен, — сказал Брюс.

Его бывший босс позвонил нескольким своим знакомцам, в том числе и одному из братьев Парети, который на какое–то время выехал на Восточное побережье. Никто из них ничего не знал о «Митриасе», но один полагал, что слышал это название раньше. Ему казалось, что он что–то читал об этом в журнальной статье, имевшей какое–то отношение к Англии.

— Это совсем другое, — сказал Брюс. — Какая–то гробница, которую там откопали. Старинная.

— Ну что ж, прости, — сказал фон Шарф.

— Я сам виноват, — сказал Брюс. В конце концов, он мог бы и позвонить сюда с Побережья, вместо того чтобы ехать.

— Тебе бы лучше вложить свои деньги в игрушечные пишущие машинки для детей, — сказал фон Шарф.

— Ты серьезно?

— Вполне. Можешь сделать закупку прямо сейчас. Продать их на Рождество.

— Я, пожалуй, вот что сделаю, — сказал Брюс. — Попытаюсь найти человека, который первым мне о них рассказал. Мильта Ламки.

— А, этого, — сказал фон Шарф, улыбаясь. — Он представляет одного производителя бумаги где–то на северо–западе. Такой коротышка с басистым голосом.

— Я и не знал, что ты с ним знаком.

— Мы как–то раз закупили через него некое количество бумаги. Общаться с ним нелегко, но парень он скрупулезный. Так это он рассказал тебе об этих японских железках? Что ж, он малый смышленый. Может, он и владеет целым их складом и жаждет от них избавиться.

Брюс объяснил, что Ламки находится где–то в разъездах, между Сиэтлом и Монтпилиером.

— Ты можешь его поймать, — сказал фон Шарф. — Можешь позвонить в его компанию и спросить, какой у него график передвижений. Или же сказать, чтобы они, когда он сам им в следующий раз позвонит, велели ему связаться с тобой. Или связаться с каким–нибудь крупным закупщиком бумаги на его маршруте и попро-

сить передать ему, чтобы он позвонил тебе.

Брюс поразмыслил.

— Пожалуй, в его компании должны знать, где он.

Он позвонил по телефону БПЗ в «Бумажную компанию Уолена» и сказал, что хочет связаться с Мильтом Ламки, их торговым представителем на северо–западе Тихоокеанского побережья. После некоторой задержки его проинформировали, что мистер Ламки находится в дороге между Покателло и Бойсе, но девятого числа этого месяца непременно будет в Покателло. У него договоренность о встрече с владельцем молочного завода, который хочет заказать молочные картонки нового стиля. Сотрудник компании Уолена дал Брюсу адрес молочного завода и точное время встречи. Поблагодарив его, Брюс повесил трубку.

— Сегодня только седьмое, — сказал ему бывший босс, показывая на календарь.

— Думаю, я поеду в Покателло, — решил он.

— Если хочешь остаться на ночь в Рино, — сказал фон Шарф, — то пообедаешь со мной и моей женой, а переночевать, насколько это зависит от меня, сможешь на диване в гостиной.

— Спасибо, — сказал он, — но я хочу отправиться прямо сейчас.

— Не обидишься, если я дам тебе совет?

— Валяй, — сказал он.

— Никогда не вкладывай разом всего, что имеешь. Старайся, чтобы, если все распадется, ты все же выбрался с чем–нибудь на руках. Не заканчивай с пустыми руками.

— Она вкладывает гораздо больше, чем я, — сказал Брюс.

Его бывший босс извинился и спустился на главный этаж. Вскоре он вернулся с бумажным пакетом, запечатанным специальным зажимом фирмы, всегда прикрепляемым во время покупки.

— Это чтобы ты не уезжал отсюда с плохим настроением, — сказал он.

— У меня вовсе не плохое настроение, — ответил Брюс. Но пакет все же вскрыл. Там оказалась кварта импортного дисконтного скотча, которую его босс только что купил в ликеро–водочном отделе. — Спасибо, — сказал он.

— Ты всегда говорил, что тебе нравится скотч.

Бывший босс пожал ему руку, похлопал по спине и проводил его до тротуара.

Теперь мне предстоит проехать шестьсот миль, подумал он, забираясь в машину. Но эту дорогу он знал наизусть. Остановившись у продоволь-

ственной лавки, он купил кое–какой еды, а потом поехал по шоссе 40 на восток, к пересечению с шоссе 95. Отбыл на розыски Мильтона Ламки, подумал он. Который, одетый в лимонную футболку и серые слаксы, находится где–то в Айдахо, продает оптом бумагу в одном городке или в другом, ведет свой «Мерседес–Бенц», слушая автомобильное радио и куря сигару «Уайт оул».

Глава 10

Дорога подводила его все ближе и ближе к Бойсе, и у него появилось желание там остановиться. Ему ужасно хотелось переночевать в доме вместе со Сьюзан и Тэффи. Но неподалеку от Уиннемакки пришлось менять облысевшую шину, и это задержало его на несколько часов. Он не мог позволить себе приехать впритык: в Покателло надо было прибыть с запасом по времени.

Так или иначе, задержка повлияла на его график, и в Бойсе он въехал в три часа утра. Разумеется, ключ от дома был при нем, но если бы он вообще там остановился, то ему могло бы потребоваться провести там большую часть следующего дня. Оказалось бы, что Сьюзан нужно помочь с теми или иными проблемами, и, стоило бы ему начать с этим разбираться, он мог бы вообще не двинуться дальше.

Я мог бы вообще здесь остаться, подумал он.

Так что он проследовал через темный Бойсе, где все было закрыто, и на противоположной стороне города выехал на шоссе 30, на длинный прямой отрезок, простиравшийся вплоть до того места, где начинались малоприятные повороты

и спуски. Движение в это время было скудным. Дорога была в его распоряжении.

На рассвете он съехал на обочину, обошел, чувствуя невыносимую усталость, вокруг машины, забрался на заднее сиденье и уснул. Жаркое солнце разбудило его перед самым полуднем. Вернувшись на водительское место, он поехал дальше, пока не увидел придорожную закусочную. Там он поел и отдохнул. Хозяин разрешил ему воспользоваться своей умывальней, и он побрился, вымылся до пояса, переоделся, обрызгался новым дезодорантом, после чего вернулся в машину, чувствуя себя обновленным.

По дороге ему пришло в голову, что он въехал на территорию Мильтона Ламки. В любое мгновение на глаза ему мог попасться серый «Мерседес». А что, если он движется ему навстречу? Сделать разворот и поехать за ним? Возможно, он направляется в Покателло, тогда надо будет только догнать его и держаться следом; у «Меркурия» максимальная скорость выше, так что это будет нетрудно. Но вдруг, подумал он, это окажется не Мильтон Ламки и не его «Мерседес»; вдруг это будет совсем другой «Мерседес», за рулем которого сидит кто–то другой, совсем незнакомый? Подумать только, я буду преследовать его миля

за милей, все дальше и дальше от Покателло… но сколько серых «Мерседесов» могут разъезжать в этой части Айдахо в это время? Все равно, хватит и одного. Одного, помимо «Мерседеса» Ламки.

Или, подумал он, я мог бы наткнуться на него в придорожном кафе или на заправке. В мотеле. В аптеке в каком–нибудь городке, где мы оба будем покупать крем от загара, сигареты или пиво. Я мог бы остановиться на красный свет и увидеть его идущим по улице. Мог бы заметить его на обочине, дремлющим на заднем сиденье своего «Мерседеса». В Покателло мог бы увидеть, как он переходит улицу или слоняется со своим портфелем. Где угодно и когда угодно. Теперь, когда я оказался на территории Мильтона Ламки.

В Покателло он въехал вечером, на самом закате. Встреча на молочном заводе назначена у Мильта на половину одиннадцатого следующего утра. Так что он прибыл с запасом времени. Брюс свернул к мотелю под названием «Чудный вид», припарковал машину, снял комнату, внес свой чемодан внутрь и положил его на кровать.

Возможно даже, подумал он, что следующей машиной, которая въедет сюда, в мотель «Чудный вид», будет серый «Мерседес» Мильта.

Вечер был теплым, и он оставил дверь откры-

той, пока принимал душ в крохотной ванной комнате.

Ему пришло в голову, что неплохо бы узнать точное местоположение молочного завода. Поэтому, покончив с душем и надев свой нарядный однобортный костюм, он на машине отправился на розыски. Хозяин мотеля дал ему исчерпывающие указания, и он нашел завод в течение нескольких минут. Естественно, все уже разошлись по домам. Сзади, у металлической погрузочной платформы, выстроился ряд грузовиков. Этот вид — пустые грузовики — удручил его, и он поехал обратно в город. И ради такой вот картины проехать тысячу миль, подумал он. Хотя при дневном свете она не выглядела бы такой унылой.

Делать ему было нечего, и он проехался вверх и вниз по шоссе по обе стороны Покателло, высматривая серый «Мерседес». Возле каждого мотеля он сбрасывал скорость, чтобы тщательно и не торопясь осмотреть машины, припаркованные между домиками или у стен между пронумерованными дверьми. Ему попадались все марки машин и все разновидности мотелей, но нигде не было и признака искомого «Мерседеса». Он не оставлял этого занятия несколько часов, разъезжая в раз-

ные стороны и замедляясь возле каждого мотеля и вообще повсюду, где видел припаркованные машины. Позже движение начало редеть, и к двум часам все улицы в городе принадлежали ему одному. Но он продолжал ездить — ему не очень–то этого хотелось, но, с другой стороны, не жаждал он и возвратиться в мотель и лечь спать. К трем часам у него слишком замедлились реакции, чтобы он мог продолжать. Не добившись никакого успеха, он вернулся к своему мотелю, припарковался, вошел и лег.

На следующее утро Брюс поехал на молочный завод.

В солнечном свете заведение показалось ему гораздо более веселым, хотя признаков жизни он видел почти так же мало, как накануне. Очевидно, молоко привозили сюда на рассвете и разливали по бутылкам для доставки: от давешних выстроенных в ряд грузовиков не осталось и следа. Заводоуправление размещалось в маленьком здании с одной из сторон пастеризующего цеха, и он открыл дверь и вошел.

За лакированным дубовым столом сидела добродушная женщина сельского типа, одетая в расшитое цветами платье. Она спросила, чем может ему помочь, и он объяснил ей, что хочет

увидеть мистера Ламки, когда тот появится.

— Может появиться в любой момент, — сообщила женщина. Она предложила ему стул и несколько субботних номеров «Ивнинг пост», чтобы было чем себя занять. Но он предпочел стоять у окна, выходящего на парковку компании; он по–прежнему высматривал серый «Мерседес», как и все время с тех пор, как оказался на территории Мильтона Ламки. Это стало у него идеей фикс, целью в цели; он жаждал увидеть не самого Ламки, но его «Мерседес».

Спустя какое–то время секретарша подошла к нему и сказала:

— Простите, но мистер Ламки позвонил и сказал, что не в состоянии прибыть на встречу с мистером Эннисом.

Он тупо на нее уставился.

— Он сказал, что болен, — пояснила она.

— Когда же он в таком случае появится? — спросил он.

— Он сказал мистеру Эннису, что очень скоро с ним свяжется.

— Так он здесь, в городе?

— Да–да, — покивала секретарша. — Остановился где–то здесь.

— А где именно, вы не узнали?

— Нет, — сказала она. — Он сказал, что сам свяжется с нами.

Сообщив свое имя и номер телефона в мотеле, он вышел из здания.

Теперь у него не было ни малейшего понятия, что делать. Он занялся тем же, что раньше, — стал разъезжать по Покателло, вверх по одной улице, затем вдоль следующей, разыскивая тот самый «Мерседес». Думать было не о чем. Он заехал так далеко, что оставить поиски было просто невозможно. Так что он колесил и колесил, но к закату так и не увидел никакого признака «Мерседеса», ни движущегося, ни припаркованного.

В половине седьмого он пообедал в ресторане. Потом остановился у своего мотеля, чтобы узнать, не звонил ли ему Ламки. Тот не звонил. Поэтому он снова принялся разъезжать по городу.

Если Ламки болен, то какова природа его болезни? Как сильно он болен? Попал в аварию на дороге? Или это было не более чем отговоркой, чтобы не явиться на встречу на молочном заводе? Допустим, думал он, Ламки вообще не добрался до Покателло; допустим, он остановился в каком–то другом городе и позвонил им оттуда. На этот раз он может и вовсе не добраться до Покателло. На молочном заводе Мильт может не

появиться вплоть до своей следующей поездки, через несколько недель…

Но он продолжал ездить.

Движение вокруг оставалось довольно интенсивным до девяти или десяти вечера, потом, как и накануне, начало редеть. К часу ночи машины попадались ему на глаза совсем редко.

В два часа ночи он увидел «Мерседес».

Впереди на желтый свет светофора проскочил «Мерседес». Ему пришлось остановиться и смотреть, как тот едет дальше. Когда загорелся зеленый, он рванул следом, запоминая особенности его задних огней. Номера прочесть было невозможно: ему не удавалось подобраться достаточно близко. Может, это другой «Мерседес», думал он. Ночью все машины, кроме ярко–пастельных и черных, выглядят серыми. Он прицепился к нему, подбираясь все ближе и ближе, и наконец с ним поравнялся. Увидел на дверце выведенную по трафарету надпись:

БУМАЖНАЯ ФАБРИКА УОЛЕНА
ОБСЛУЖИВАНИЕ СЕВЕРО–ЗАПАДА
ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Значит, все–таки Ламки. Он стал стучать по клаксону. На улице было темно, и Ламки он не видел, а потому никак не мог понять, узнал тот

его или нет. «Мерседес» не останавливался. Он тоже не отставал, следуя то сбоку, то впереди. Ближе к выезду из города тот стал набирать скорость. Брюс сделал то же самое.

У очередного светофора ему удалось остановиться впереди. Поставив машину на ручник, он выскочил и бросился к «Мерседесу». Тот начал отъезжать, намереваясь обогнуть его «Меркурий».

— Эй! — крикнул он, колотя по дверце. «Мерседес» продолжал пятиться, а потом водитель переключил передачу и двинулся вперед, так рванув в его сторону, что ему пришлось отпрыгнуть. При этом он умудрился ухватиться за ручку двери и открыть ее.

За рулем в машине сидела какая–то девушка, испуганная, с широко открытыми глазами. На ней была пышная юбка, а волосы были уложены длинными прядями, очень светлые волосы, так что она напоминала тщательно причесанную и ухоженную школьницу, отдраенную до блеска. С виду ей было не больше шестнадцати–семнадцати лет.

— Я ищу Мильта, — сказал он, повиснув на ручке двери, меж тем как машина продолжала двигаться.

— Что? — слабым голосом пропищала она.

— Останови свою чертову машину, — сказал он. — Я знаю, что это машина Мильта. Почему он заболел?

Девушка поставила ногу на тормоз, на ней были туфли без шнурков.

— Мильта Ламки? — спросила она звонким высоким сопрано.

— Я проехал сюда всю дорогу из Рино, чтобы поговорить с ним, — едва разборчиво пропыхтел он.

— Дайте мне отдышаться, — сказала она, уставившись на него.

— Съезжай на обочину, — сказал он. Им уже начали сигналить другие машины. Он побежал обратно к «Меркурию», впрыгнул в него и съехал с дороги. «Мерседес», вихляя, последовал за ним и тоже остановился. На этот раз Брюс подошел с пассажирской стороны, потеребил ручку, и девушка отперла дверь. Теперь она не выглядела испуганной, но ее бледные, хрупкие черты безусловно были чертами ребенка; ему с трудом верилось, чтобы она могла вести эту машину, да и любую машину вообще. Ноги ее едва достигали педалей. Собственно, и сидела–то она на подушке. Теперь он заметил, что в ее белокурые волосы

вплетена лента. Верх ее одеяния был с глубоким вырезом, но фигура при этом никак не проявлялась. Это было детское платье на детском теле.

— Вы друг Мильта? — спросила она своим слабым голосом.

— Да, — сказал он. — Я пытался перехватить его на молочном заводе.

— Он не смог приехать на ту встречу, — сказала она. — А я искала какую–нибудь продовольственную лавку, еще не закрытую, или еще какое–нибудь заведение, где бы я могла купить ему банку замороженного апельсинового сока.

— Где он сам? — спросил он.

— Остановился в моей квартире, — сказала девушка. — Мы уже давно живем вместе.

Это объясняло, почему он не видел «Мерседеса» ни у одного из мотелей.

— Я приметил одну еще не закрытую лавку, — сказал он. Проехав по стольким улицам, он знал теперь в Покателло каждый закуток. — Могу показать, если поедешь следом.

Вскоре они остановились перед миниатюрной семейной лавкой, где до сих пор не выключили свет и вывеску.

— Как вас зовут? — спросила девушка, когда они вошли в лавку. Когда он назвался, она помо-

тала головой: — Он никогда о вас не упоминал.

— Он не знал, что я приеду, — пояснил он.

Пока хозяин лавки разбирался с покупками, Брюс добился, чтобы девушка дала ему свой адрес. Теперь, даже если бы они с ней расстались, он все равно смог бы найти Мильта. Он почувствовал воодушевление.

О чем ему беспокоиться? Один шанс из миллиона… после двух дней езды по городу. Потому что Мильту захотелось замороженного апельсинового сока.

В обычных условиях он вряд ли стал бы ожидать, что столь сложный поиск достигнет цели, но здесь, на территории Мильта Ламки, это представлялось вполне естественным. Теперь, когда это случилось, он ничуть не удивлялся.

Стоя рядом с ним в лавке, девушка спросила, для чего он хочет повидаться с Мильтом. В своих туфлях без каблуков она доходила ему до второй пуговицы пиджака. Он прикинул, что роста в ней не больше пяти футов и одного дюйма. Теперь, при лучшем освещении, он видел, что кожа у нее суше и грубее, чем у ребенка, а руки, когда она потянулась за пакетом с продуктами, не имели ничего общего с детскими руками. Пальцы у нее оказались узловатыми, а суставы их — стертыми

докрасна. Ногти, когда–то окрашенные, но теперь шелушащиеся и неровные, она явно обгрызала. Линии на ладонях превратились в глубокие желобки. Мускулатура казалась необычайно развитой, и, поскольку на ней была блузка–безрукавка, он заметил у нее на плече белую оспинку, которой, несомненно, было уже немало лет. На одном из пальцев красовалось золотое кольцо, по виду обручальное.

Он ответил, что у него есть дело, которое он хочет обсудить с Мильтом. Девушка кивнула, по–видимому, восприняв это как нечто естественное. Он спросил, как ее зовут, и она сказала, что Кэти Гермес и что она замужем. Ее муж, Джек, живет где–то в Покателло, но не с ней; они расстались с год назад. С Мильтом она познакомилась у себя на работе, в конторе городской управы Покателло, где служила машинисткой; Мильт оказался там в связи с поставками бумаги городу. Теперь они уже несколько месяцев живут вместе, как будто они женаты.

— Сколько уже Мильт провел в Покателло? — спросил он, когда они пошли обратно к своим машинам.

Она ответила, что Мильт в городе уже почти неделю, он должен был проехать мимо Покател-

ло, но заболел по дороге на восток, в Монпелье, и дальше не поехал.

— Что с ним такое? — спросил он, открывая и придерживая для нее дверцу «Мерседеса».

Она сказала, что этого никто из них не знает — а если Мильт и знает, то ничего не говорит. Какое–то хроническое заболевание, время от времени обостряющееся. Через несколько минут Брюс все увидит сам, до ее дома совсем близко.

Забравшись в свой «Меркурий», он следовал за задними огнями «Мерседеса», пока наконец она не свернула на подъездную дорожку на жилой улице и припарковалась в деревянном гараже без дверей. Он остановился сзади, непосредственно на дорожке. Кэти подошла к нему с пакетом в руках.

— Это наверху, — сказала она. — Мы можем подняться по черной лестнице.

Она повела его вверх по наружной деревянной лестнице, мимо белья, развешанного на веревках, пустых бутылок, цветочных горшков и стопок газет, мимо нескольких дверей, на самый верхний этаж. Там, удерживая в равновесии пакет с продуктами, она достала ключ, отперла дверь, и они вошли в прихожую, где пахло мылом.

Когда она включила свет, он обнаружил, что

находится в старом–престаром доме, в котором до сих пор сохранились медные водопроводные трубы, искусственные свечи, вмонтированные в стены, и узорчатые яйцеобразные дверные ручки, которые помнились ему с детских лет. Стены были выкрашены в желтый цвет. Прихожая была очень узкой, но дальше он оказался в просторной гостиной с высоким потолком, канделябры здесь были сняты, а электрический провод с потолка тянулся к полу, где кто–то установил розетку для настольной лампы и радиоприемника.

— Мильт, — позвала девушка, исчезая в другой комнате.

Вернувшись, сказала Брюсу:

— Одну минуту.

Она прошла с пакетом продуктов на кухню, а он ждал ее в гостиной. В комнате было прохладно, и он видел, как она чиркнула спичкой, зажигая духовку в черной старинной печи.

— Мильт, — повторила она, снова проходя в другую комнату. — Здесь один человек, который приехал из Рино, чтобы с тобой поговорить.

Она закрыла за собой дверь, и больше он ничего не слышал и не видел. Он ждал. Через закрытую дверь до него донеслись звуки каких–то шевелений и мужское бормотание. Потом голос

девушки. Казалось, они спорили. Наконец звуки прекратились вообще, он ничего не слышал.

Дверь открылась, девушка вышла и закрыла дверь снова.

— Ничего, если вы еще какое–то время с ним не увидитесь? — спросила она.

— Ладно, — сказал он, подавляя свое нетерпение.

Девушка прошла на кухню и стала готовить апельсиновый сок.

— Какие у него симптомы? — спросил он, проходя за ней.

— Постоянный жар, — сказала она. — Слабость, отеки вокруг глаз. И у него проблемы с мочеиспусканием.

— Похоже на почечную инфекцию, — сказал он.

— Да, — согласилась она, размешивая сок в квартовой банке из–под майонеза. — У него есть какие–то таблетки. Это наступает и проходит. Сегодня уже не так плохо, как было вчера.

— Вы назвали ему мое имя? — спросил он.

— Сейчас он слишком сонный, — сказала девушка.

— То есть он меня не вспомнил?

— Ему настолько не по себе, что он не хочет

никого видеть, пока не почувствует себя лучше. — Она так и не говорила, вспомнил его Ламки или нет. — Уверена, что он захочет поговорить с вами позже, когда почувствует себя лучше.

Он сказал ей, что не сможет задержаться в Покателло надолго.

— Может быть, завтра, — сказала она. — Наверное, ему будет лучше, когда он проснется утром. Сейчас он едва ли сам понимает, что говорит. Если вы хотите поговорить с ним о деле, то лучше подождать.

Шум из другой комнаты вынудил ее поставить банку с соком и выйти из кухни. Он слышал, как они с Мильтом о чем–то говорят, потом она стала ходить из одной комнаты в другую. В таз наливалась вода, что–то наполнялось, относилось, потом снова зазвучали голоса.

— Тогда я загляну завтра утром, — сказал он, когда девушка вернулась.

— Хорошо, — согласилась она. — Знаете, я выпущу вас через переднюю дверь. Все равно он сейчас не спит.

Она провела его через всю квартиру и через комнату, в которой лежал на диване Мильт, завернутый в одеяло и с белой подушкой под головой. Проходя мимо, он увидел, что это, вне

всякого сомнения, Мильт Ламки. Глаза у него оставались закрыты, и он шумно дышал. Руки у него были нездорового темного цвета, и таким же было лицо. В комнате пахло болезнью. На полу рядом с диваном лежали очки, стояли какие–то кастрюльки и лекарства.

Придерживая входную дверь, девушка выпустила его в коридор.

— Доброй ночи, — сказала она и почти сразу же закрыла за ним дверь.

Во всяком случае, он его видел, он точно знал, что это Мильт.

Он вернулся в свой мотель.

Глава 11

Приехав туда на следующее утро, он обнаружил, что дверь заперта, а к ней приколота записка:

Уважаемый сэр,

мистеру Ламки сегодня стало лучше, и он поехал на молочный завод, чтобы поговорить с руководством. Я на работе. Буду дома в половине шестого.

Искренне ваша,

миссис Кэти Гермес.

Он попробовал дверную ручку. О чем это ему напоминало? О той ночи, когда он вернулся к Пег Гугер, чтобы забрать свой пиджак, обнаружил, что дом заперт и пуст, проник в него через окно и нашел там Сьюзан, лежавшую в спальне и курившую сигарету. Но как же по–разному это было… Он обошел вокруг обветшалого трехэтажного здания и поднялся по лестнице; задняя дверь тоже оказалась заперта, равно как единственное окно, выходившее на крыльцо. Миссис Гермес была слишком осторожна.

«Мерседес», разумеется, исчез: гараж был пуст. Кто–то из них на нем уехал, скорее всего, Мильт. Он гадал, вернется ли Мильт сюда или же, закон-

чив свои дела на молочном заводе, поспешит в следующий город, чтобы наверстать упущенное время.

Не в состоянии придумать что–то еще, он поставил свою машину прямо перед домом, сел в нее и стал ждать.

Примерно через час толчок, заставивший всю машину прыгнуть вперед, привел его в состояние панической бодрости. «Мерседес», подкравшийся к нему сзади, ударил его бампером о бампер; Брюс, выпрыгнув из машины, оказался лицом к лицу с Мильтом Ламки, который ухмылялся ему из–за руля «Мерседеса».

— Привет, МакПук, — сказал Мильт, высовываясь из окна. Он заглушил двигатель и выбрался наружу, держа в руке свой кожаный портфель и несколько пакетов с образцами. — Думай остро, делай остро!

Он выглядел, как обычно, никаких признаков болезни не наблюдалось. Облаченный в розовую рубашку с щеголеватым галстуком–бабочкой и в спортивный костюм, он прошествовал мимо Брюса и поднялся на крыльцо.

— Пойдем, — бросил Мильт через плечо.

— Очень рад тебя видеть, — сказал Брюс. — Я боялся, что ты, может, поехал в следующий город.

Поднявшись на верхний этаж, Мильт прочел записку, приколотую к двери, после чего разорвал ее и сунул в карман пиджака.

— Как тебе Кэти? — спросил он, отпирая дверь.

— Очень заботливая, — сказал Брюс.

— Мне надо собрать вещи, — сказал Мильт, придерживая для него дверь. — Я на два дня отстал от своего графика.

Пока Брюс стоял в сторонке, он перенес свои рубашки из комода в чемодан. В ванной собрал свои бритвенные принадлежности.

— Прости, что не смог поговорить с тобой ночью, — сказал Мильт, засовывая пары туфель в боковые карманы чемодана.

— Ничего, — сказал он. — Сейчас можешь об этом поговорить?

— О чем? — спросил Мильт.

— Я интересуюсь этими японскими машинками. «Митриасами». Видел одну такую в Сан–Франциско.

— Точно, — сказал Мильт. — Их можно прикупить именно нам, на Побережье. Как Сьюзан?

— Прекрасно, — сказал он.

— Зою выставили?

— Да. Теперь у нас есть кое–какой оборотный капитал. — По некоей причине ему не хотелось

говорить Мильту о своем браке с Сьюзан. — Что ты можешь сказать мне о покупке нескольких «Митриасов»? — спросил он. — Ты рассказывал о них, когда мы виделись в прошлый раз.

— Какую сумму ты готов потратить?

— Достаточную, если цена будет хорошей.

— У меня на руках их нет, — сказал Мильт.

— Значит ли это, что обычно ты берешь проценты?

— Нет, — сказал он. — Но я обычно больше знаю. Я сам подумывал их купить.

— А теперь нет?

— Если бы я их взял, то ничего не смог бы с ними сделать. Мне пришлось бы их держать и пытаться устроить там рабочее место для какого–нибудь розничного торговца.

— А я вот хочу их продавать, — сказал Брюс. — Рекламировать. Но все зависит от цены.

— Деньги твои?

— Мои и Сьюзан.

— Я могу тебе сказать только, что об одном складе я знаю наверняка. Но он не здесь, а в Сиэтле.

— Это нормально, — сказал Брюс. Он так и знал, что склад находится где–то на Побережье; если бы тот вдруг оказался здесь, то что–то было бы не так.

— Точно, — сказал Мильт, закрывая чемодан. — Ты же у нас великий ездок. Кэти сказала, что ты прикатил из Рино. — Он рассовал несколько вещиц по карманам и озирался в поисках чего–то еще. — Когда ты хочешь их взять? Беда в том, что в Сиэтле я еще пару недель не буду.

— Я хочу взять их как можно быстрее. Если вообще сумею до них добраться.

— Ты уже одну опробовал?

— Нет, — сказал он.

— Не думаешь, что надо бы?

— Опробую, — сказал он. — Прежде чем вкладывать какие–то деньги.

— Знаешь, ты настоящий закупщик. Сама машинка тебя ни черта не интересует, ты смотришь на нее лишь как на инвестицию. Ты отстранен. Отчужден, как ученый. — Он похлопал Брюса по руке. — Пойдем. Я все собрал.

Они пошли вниз.

— Я хочу провернуть это дело, — сказал Брюс, — но не знаю, как это сделать, если ты впрыгнешь в свой «Мерседес» и укатишь.

— Ты что, не можешь поехать вместе со мной? — Потом он заметил его «Меркурий». — А! — сказал он. — Я просто подумал, что мог бы подбросить тебя до Монпелье, и тогда мы все обсудили бы по

дороге. Жаждал заполучить спутника. Почему бы тебе не оставить свой танк здесь? Я пробуду в Монпелье где–то с день, а потом вернусь сюда. Тогда ты сможешь забрать свою машину.

— А потом? — спросил Брюс.

— Это зависит от того, до чего мы договоримся. — Внезапно Мильт сделался серьезным; тихим, застенчивым голосом он сказал: — Знаешь, я всегда чуть с ума не схожу, когда еду в одиночку. Мне и впрямь нужно чье–то общество, серьезно. И я уверен, что мы сумеем обмозговать дело с этими японскими машинками.

Тогда Брюс прикинул, насколько же болен его консультант. Если ему требуется постоянный уход. Его покоробило от мысли, что он станет нянчиться с Мильтом Ламки, как нянчилась с ним Кэти Гермес. И, вероятно, другие женские особи по всей территории Мильтона Ламки. Но ему требовалось уладить дело с машинками. А если он откажется от поездки в Монпелье, то Мильт просто помашет ему на прощание да и укатит; он уже завел двигатель и сидит за рулем. Похоже, действительно торопится. Удивительно, что он вообще вернулся в квартиру.

— Ты не можешь задержаться здесь на некоторое время, чтобы мы успели это обсудить? —

спросил он.

— Вопрос не в этом, вопрос в том, чтобы начать кое–какие действия, связанные с этим делом. Забрасывай свое барахло на заднее сиденье, и через пару часов мы будем в Монпелье. Твоя машина будет здесь в целости и сохранности; просто забери из нее все вещи и запри.

Без особой охоты Брюс так и сделал. Он пополнил коробки с образцами, громоздившиеся на заднем сиденье, своим чемоданом, и мгновением позже Ламки устремился в утренний трафик Покателло.

Дорога из Покателло в Монпелье ни в коей мере не была такой же гадкой, как дорога из Бойсе в Покателло. Пейзажи радовали глаз, по большей части представляя собой фермы и фруктовые сады, сама мостовая была в приличном состоянии, а несколько участков были положены совсем недавно. Движение транспорта не обременяло. Ламки не ехал особо быстро, но держал хорошую профессиональную скорость, обходя медленные машины и уступая путь новым «Бьюикам» и «Кадиллакам», выжимавшим полную скорость из трехсот лошадей своих двигателей. В среднем он делал пятьдесят пять миль в час, что для такой дороги было неплохо.

После полудня они прибыли в Монпелье. Запущенность тамошних улиц граничила с полным упадком. В некоторых местах мостовая была настолько разбита, что от нее не оставалось ничего, кроме булыжника. У всех домов вид был удручающе архаичным; они не то чтобы требовали покраски или явного ремонта, но цвет каждого из них, уныло нейтральный, делал их невзрачными донельзя. Они походили на собранные вместе фермерские дома, а в промежутках между ними теснились заросшие сорняками лужайки и цветочные клумбы. Зимние шины на многих из припаркованных машин, попадавшихся им на глаза, давали основание предполагать, что грязь при дожде превращает дороги в свиные лежбища. У первого мотеля, который они увидели, для парковки имелся только земляной выгон, домики являли собой лачуги из дранки, а вывеска была не неоновой, а нарисованной вручную на доске. Затем они миновали полуразвалившийся гараж, две или три заправки, лоток с мороженым, после чего оказались на главной улице городка с ее барами, лавками по продаже спецодежды и заброшенными складами, которые когда–то, в годы большого грузооборота, приносили неплохие барыши. В воздухе висела пыль. Все машины,

попадавшиеся им на глаза, были серыми от пыли. Мужчины на тротуарах носили широкополые, как в вестернах, шляпы. Это зрелище обескуражило и Брюса, и Ламки.

— Ну и местечко, — сказал Ламки. — Я стараюсь здесь не задерживаться. И это почти на границе с Ютой… — Он ткнул рукой в сторону юга. — Стоит только ее пересечь, как окажешься в лесу, а потом въедешь в Логан. Вот где бы мне хотелось сейчас быть. Там чисто. По всей Юте чисто.

— Знаю, — сказал Брюс, а про себя подумал, что вот он, самый что ни на есть предел территории Мильтона Ламки. Ее форпост.

— В Юте не дают вот так вот носиться пылище, — сказал Ламки, ища место для парковки. Почти все места уже были заняты заляпанными грязью пикапами, рабочими лошадками фермерской зоны. — У них там вода бежит по канавам. И земля везде плодородна. Так уж они устроены, все благодаря ЛСД.

— ЛДС[177], — поправил его Брюс.

---

[177] Примечания: 177

Церковь LDS (Latter–day Saints, т. е. Святых новейшего времени) — одно из обозначений мормонской церкви, центр которой находится в Солт–Лейк–Сити, Штат Юта.

— Точно. Просто я думал об «ЛСМФТ»[178]. Двусмысленность, конечно. Если живешь в Юте, то должен вступить в их Церковь. Это черт знает что — они ни на миг не оставят тебя в покое. Ни сигарет не купить, ни выпивки; даже если пьешь кофе, на тебя уже странно поглядывают. Ни комнату снять, ни в туалет сходить. — Он нашел свободный закуток и поставил туда «Мерседес». — А здесь, на севере, всем на все наплевать. Весь город разваливается. — Он вышел из машины и ступил на тротуар, застегивая ремень, который расстегнул во время езды.

В пути у обоих испортилось настроение. Брюс не привык быть просто пассажиром, когда за рулем сидит кто–то другой, и вскоре стал досаждать Ламки советами. Но теперь, выйдя из машины, оба почувствовали себя лучше.

— Как насчет поесть? — спросил Ламки.

— А когда тебе надо встретиться с этими людьми?

— Как можно скорее. Но если я не поем, у меня будет урчать в животе. — Он двинулся по тротуару. — А это губит любую сделку.

---

[178] Примечания: 178

«LSMFT» — «Lucky Strike Meams Fine Tobacco» («Лаки Страйк» означает — «отличный табак») — рекламный лозунг компании «Lucky Strike», бывший в ходу в 50—60–е гг.

Вскоре они оказались в смахивавшем на тоннель длинном и темном кафе, наполненном хриплым визгом электрогитары из музыкального автомата в глубине и тусклом из–за чада горящего жира. За стойкой, не снимая шляп, сидели в ряд и ели с деревянных тарелок несколько мужчин.

Стены заведения были выкрашены в черный цвет. Три усталые женщины средних лет беспрерывно мыли посуду.

— Настоящий ад, — сказал Мильт. — Но еда ничего. Закажи себе жареной ветчины. — Он нашел два свободных табурета и взобрался на один из них. Брюс пристроился рядом.

Еда, когда ее подали, и в самом деле оказалась аппетитной.

— Есть места и похуже, чем Монпелье, — сказал Мильт, когда они начали есть. — Так что не расстраивайся.

— Лично я не видел ничего хуже, чем возле Шайенна, это по дороге на север из Денвера через Грили.

— Мужу Кэти принадлежит одна из этих автомобильных свалок в Колорадо, — сообщил Мильт. — Слабоумный мусорщик. Мне никогда не приходило в голову, что кто–то нарочно выставляет этот хлам вдоль шоссе. Но она говорит,

что он очень прилежно свозит туда разбитые драндулеты. Наверное, думает, что это красиво.

Они поели и перешли к кофе.

— Хотел бы я знать, почем я смогу заполучить эти японские машинки, — сказал Брюс. — За штуку.

— Эти штуковины хранятся на складе вот уже два года, — сказал Мильт. — Весь этот импорт из Японии — полная хрень. Слишком большую цену они не заломят.

— Меньше сотни долларов?

— Гораздо меньше.

Брюс совершенно воспрянул духом.

— Опиши ситуацию.

— Мне кажется, они шли около сорока долларов за машинку. В оригинальных упаковках. На том складе, когда я их видел, было штук двести. Это составит… — Он подсчитал. — Примерно восемь тысяч за весь лот. У тебя есть столько на руках?

— Нет, — сказал он. — Скорее двадцать пять сотен.

— Звучит так, словно ты продал свою машину, — ухмыльнулся Мильт. — Примерно за столько идет подержанный «Меркурий». Собственно, ровно столько я отдал за свой «Мерседес», только он не был тогда подержанным. Конечно, двухсот

машинок тебе и не нужно. Ты можешь взять шестьдесят, это вроде как правильно для магазина такого размера, как твой. Но проблема вот в чем: продадут ли тебе шестьдесят штук по такой цене?

— Шестьдесят штук здорово бы нас выручили, — сказал он. — Гораздо больше выручили бы, чем двадцать пять.

Значит, это в конце концов было, может, не напрасно — долгая поездка и все трудности, связанные с поисками Мильта Ламки.

— Как я понимаю, в розницу они продаются примерно по сто восемьдесят долларов, — продолжал Мильт. — Чтобы конкурировать с фирмой «Смит–Корона». Думаю, тебе надо принять во внимание и что–то вроде гарантии. Об этом я ничего не знаю. Лучше бы все это тщательно разведать. — Он покатал по стойке крошку, оставшуюся от еды, а потом добавил: — Может, я смогу одолжить вам еще кое–какую сумму. Достаточную для того, чтобы взять склад целиком. Если они не согласятся на сколько–нибудь пристойную цену. — Он уставился на Брюса. — Я имею в виду Сьюзан. Для Сьюзан. А не тебе лично.

— Это могло бы стать свадебным подарком, — шутливо сказал Брюс, а потом до него дошло, что

именно он только что ляпнул.

Лицо его визави тотчас исказилось, выражая, насколько он мог понять, противоречивые чувства.

— Вы со Сьюзан?..

— Да, — сказал он.

— И как давно? — спросил Мильт.

— Всего несколько дней назад.

— Так это серьезно? — подавленным голосом спросил Мильт. — Никак в себя не приду. Что ж, поздравляю. — Он протянул руку, и Брюс ее пожал. Рука у Мильта была влажной и подрагивала. — Было у меня такое подозрение, когда я заглянул к ней в тот вечер, а ты был там. Но я его отбросил. Вы… уже были женаты?

— Еще нет, — сказал он.

— Поразительно. Я и не думал, что она быстро снова выйдет замуж. Да, век живи — век учись. Это, конечно, правда. Пойду заплачу. — Он взял оба счета и соскользнул с табурета. Не добавив ни слова, направился к выходу из кафе и вытащил бумажник, чтобы заплатить кассирше.

Брюс, догнав его на тротуаре, сказал:

— Сам не знаю, почему не рассказал тебе об этом сразу.

— Очень даже сразу, — резко сказал Мильт. —

Мне кажется, что сразу, — добавил он, забираясь в машину. Лицо у него посерело и осунулось. — Может, мне стоит позвонить и поздравить ее, — пробормотал он, усаживаясь за руль, но не заводя двигатель. — Нет, я должен повидаться с этими типами. — Он взглянул на часы на приборном щитке. — Дельце касается бумажных стаканчиков. Подумать только, проезжать тысячи миль, чтобы продать какому–то хмырю в крохотном городишке бумажные стаканчики! Нет, комми-вояжерский бизнес чертовски странен.

— Да уж, — сказал Брюс, испытывая неловкость.

— Пошарь–ка там сзади, — сказал Мильт. — Такая длинная тонкая картонка. Забитая стаканчиками.

Когда Брюс нашел нужную коробку, Мильт вскрыл ее и убедился, что стаканчики целы.

— Посиди пока здесь, — сказал он, выбираясь из машины со стаканчиками в руках. — Пойду да закину им их, а потом вернусь. Это вон в том отеле, в двух шагах отсюда. Скажу, чтобы позвонили нам, если захотят такие стаканчики. Пусть сами решают. — Он пошел прочь, оставив Брюса, машину и свой портфель.

Время шло, и он наконец вернулся, уже без

стаканчиков.

— Вот и все, — сказал он, скользнув за руль. Завел двигатель и начал задним ходом выезжать на мостовую. — Едем домой. К черту этот Монпелье, штат Айдахо.

Словно в поддержку этих слов, басовито прогудел автобус «Грейхаунд». Свирепо ударив по клаксону, Мильт просигналил в ответ.

Когда они ехали обратно по сельскохозяйственным землям, которые видели всего около часа назад, Мильт сидел за рулем сгорбившись, выпятив челюсть и не отрывая взгляда от дороги. Радио, которое он включил, вопило так, что не было никакой возможности разговаривать. По всем признакам Мильт впадал в задумчивую апатию: машиной он управлял все рассеяннее и медленно реагировал на изменения дорожной обстановки. Но потом наконец выпрямился, выключил радио и взялся за руль обеими руками.

— Я поеду с тобой на Побережье, — объявил он.

— В Сиэтл?

— Да, — сказал Мильт. — Мы добудем твои машинки.

— Это здорово, — сказал Брюс.

— Сколько, по–твоему, это займет времени?

— Зависит от того, возьмем ли мы обе машины

или нет. Будет быстрее, если поедем на одной и будем меняться за рулем.

— Мне придется вернуться сюда снова, — заметил Мильт.

— Я поеду обратно вместе с тобой.

Они обсудили, какую машину лучше выбрать. «Меркурий», будучи крупнее, сулил большее удобство. И в нем они могли бы ехать быстрее. С другой стороны, «Мерседес» потребовал бы меньше бензина.

— Что ты чувствуешь, когда кто–то другой ведет твою машину? — спросил Брюс. — Мне все равно, кто поведет мой «Меркурий».

— Для твоей машины легче найти запчасти, — сказал на это Мильт. — Шины, свечи и все прочее.

Прямого ответа на вопрос он так и не дал.

В конце концов они остановились на «Меркурии»: тому, кто не за рулем, будет проще улечься и уснуть в машине больших размеров.

Примерно через час они снова въехали в Покателло. Дорогу им преградила похоронная процессия: машина за машиной с включенными фарами величаво проплывали перед ними, охраняемые полицией в сияющей униформе и шлемах. Мильт, сидя за рулем, смотрел на эти ма-

шины сначала молча, а потом принялся осыпать их проклятиями.

— Ты только посмотри, — перебил он самого себя. — Должно быть, это сам мэр.

Машины, большинство из которых были новыми и дорогими, проезжали в некий вроде бы общественный парк, на деле, наверное, являвшийся самым роскошным кладбищем в городе.

— Смердящий, грязный, похотливый, мерзкий, мертвый мэр Покателло… — Он повысил голос. — Ты только посмотри на лакированные шлемы этих копов! Все равно что в нацистской Германии. — Опустив окно, он выкрикнул прямо на улицу: — Кучка чертовых эсэсовцев! Расхаживают еще тут с важным видом!

Полицейские не обратили на него никакого внимания. Наконец перед ними проползла последняя машина похоронной процессии, полицейские засвистели в свои свистки, и движение возобновилось.

— Дерьмо, — сказал Мильт, заводя машину и давая полный ход на низшей передаче.

— Вообще–то мы не так уж много времени потеряли, — сказал Брюс, но Мильт не отозвался.

Доехав до дома Кэти, они поставили «Мерседес» в гараж без дверей и стали перегружать в

«Меркурий» все то, что заполняло заднее сиденье и багажник.

Пока они занимались этим, к бордюру подъехала еще машина. Дверца ее открылась, из нее выскочила Кэти Гермес, захлопнула дверцу и прощально взмахнула рукой. Машина, «Крайслер» 1949 года, тронулась с места и свернула на углу налево.

— Ее муженек, — сказал Мильт, поднимая с заднего сиденья «Мерседеса» охапку образцов. — Привозит ее домой с работы и отчаливает. Вот так дом.

Кэти с такой скоростью устремилась к ним, что ее коричневая полотняная куртка так и захлопала.

— Так быстро вернулся? — крикнула она, стискивая сумочку и переходя на бег. — Что ты делаешь? Собираешься поехать куда–то на его машине?

— Мы снова уезжаем, — сказал Мильт.

— Куда? — Подбежав, она остановилась прямо перед ним, не давая ему перенести в «Меркурий» хоть что–то еще.

— В Сиэтл.

— Сейчас? Сразу? — Она часто дышала и хмурилась, глядя на него в сиянии предвечернего

солнца. — Что за спешка? Я думала, ты никуда не поедешь еще три дня. Ты же собирался отдохнуть здесь до вторника, самое меньшее.

— Я вернусь, — сказал он.

При этих словах она взвилась и проговорила своим тонким настырным голоском:

— Тебе нельзя совершать такую длительную поездку за один раз. Сам же знаешь, что для тебя это слишком тяжело. И почему тебе надо ехать с ним? Ты что, оставляешь свой «Мерседес»?

— Можешь им пользоваться, — сказал Мильт, отодвигая ее в сторону, чтобы положить охапку образцов в «Меркурий». — Вот ключ.

— У меня и так есть ключ, — сказала она. — Может, объяснишь мне, что все это значит? По–моему, я имею право знать, потому что это мне придется тебя выхаживать.

— Он и одна моя подруга поженились, и я, в качестве свадебного подарка, хочу помочь им уладить одно дело, — сказал Мильт.

Оба они отошли в сторону и начали спорить. Брюс не хотел вмешиваться, так что просто продолжал переносить в «Меркурий» все, что мог найти в «Мерседесе».

Мильт подозвал его к себе и сказал:

— Мне надо забрать кое–какое барахло наверху.

Через пару минут спущусь обратно.

Волоча ноги, он вошел в здание, угрюмый и отчужденный. Кэти, стискивая сумочку, безмолвно осталась стоять на дорожке.

— Наверное, это я виноват, — сказал Брюс, закончив погрузку.

— Он знает, что ему нельзя ехать, — сказала Кэти.

— Вести в основном буду я.

У нее вспыхнули щеки.

— Ему нельзя так долго сидеть, а еще он, когда едет где–то между городами, недостаточно часто останавливается, чтобы сходить в туалет. Это, да еще тряска. Разве он не мог просто позвонить по телефону насчет этого вашего дела?

— Ему виднее, — неловко сказал он. — Я не знаю.

Когда Мильт вернулся, Кэти обратилась к нему:

— Почему бы тебе просто не позвонить?

— Не годится, — сказал Мильт. Он положил в «Меркурий» вещи, которые принес. — Да ничего со мной не случится, — сказал он ей. — Я прилягу, раскинусь на заднем сиденье, а Брюс пусть себе ведет.

— Должно быть, эта женщина доводится тебе

очень хорошей подругой, — сказала Кэти. — Может, она сумеет о тебе позаботиться. Если ты из–за этого заболеешь, я за тобой ухаживать не стану.

Она направилась к дому.

— Как пожелаешь, — сказал Мильт, забираясь в «Меркурий». — Поехали.

Стоя на крыльце, Кэти крикнула:

— Сюда не возвращайся!

— Хорошо, — сказал Мильт.

— Пусть за тобой ухаживают твои подружки из Бойсе! — сказала она, швырнув ключ от «Мерседеса». Тот шлепнулся в грязь подъездной дорожки, а она открыла входную дверь, вошла и захлопнула ее за собой.

— Поехали, — повторил Мильт.

Брюс завел двигатель «Меркурия», и они молча поехали прочь.

— Посмотрим, что она скажет, когда я вернусь, — заявил Мильт позже, когда уже сам сидел за рулем.

— Ее действительно очень заботит твое здоровье, — заметил Брюс, испытывая глубокое чувство ответственности, но в то же время осознавая, что если он хочет заполучить свои машинки, то это, возможно, единственный способ.

— Сьюзан, наверное, точно так же относится

к тебе. Считает, наверное, что я на тебя дурно влияю, — только и сказал Мильт в ответ.

— Она не знает, где я.

— Если бы знала, то предостерегла бы тебя от общения со мной. Женщины всегда так относятся к друзьям своего мужа. Это нечто инстинктивное. Боязнь того, что их муж в действительности может оказаться голубым.

— Не думаю, чтобы Кэти злилась из–за этого, — возразил Брюс. — А ты?

— Я тоже, — признал Мильт.

— Не представляю, из чего можно было бы заключить, будто кто–то из нас страдает отклонениями. — Даже от мысли о чем–то подобном ему было не по себе.

— Это просто фигура речи, — сказал Мильт, слегка улыбнувшись.

Спустя некоторое время Брюс спросил:

— Ну и каково вести американскую машину после твоего «Мерседеса»?

— Все равно что вести чан с ворванью.

— Почему ты так говоришь? — возмутился он.

— Елозит, как мыло в тазу, — сказал Мильт, покачивая усиленный гидравликой руль, чтобы машина, вильнув из стороны в сторону, пересекла разделительную полосу, а затем сдвинулась

к обочине. — Ты уверен, что этот руль прикреплен к чему–то внизу? Такое чувство, что ведешь мешок с цыплячьими перьями. Никакой устойчивости. Зато обзор хороший. — Он ткнул Брюса в ребра локтем. — Что твой салон–вагон с прозрачной крышей.

— Ты попробуй ее поднять, — сказал Брюс. — Тогда и увидишь разницу. Эта машина целый день может давать девяносто миль в час.

Не останавливаясь в Бойсе, они продолжили ехать по шоссе 30, в северную часть Орегона. Рано утром, еще до рассвета, Мильт предложил съехать с дороги и перекусить. Они нашли придорожное кафе, поели и снова вернулись на дорогу. Но теперь Мильт выглядел неуклюжим и медлительным. Позволив Брюсу сесть за руль, он привалился к дверце со своей стороны, обхватив себя руками, но не спал. Ведя машину, Брюс все время прислушивался к его дыханию.

— Как себя чувствуешь? — спросил он наконец.

— Нормально, — ответил Мильт. — Дремлю.

— Почки не беспокоят?

— Нет у меня никаких почек, — отрезал Мильт.

— Может, нам где–нибудь остановиться? — ска-

зал Брюс, однако собственная его потребность состояла в том, чтобы ехать дальше и дальше. Может, им удастся достичь Сиэтла без остановок, одним броском. Возбуждение от собственно езды начало преобладать в его сознании над первоначальной целью поездки в Сиэтл. Большинство его дальних выездов были одиночными испытаниями, ему не с кем было ни разделить работу, ни поговорить. Теперь он вполне понимал, почему Мильт так нуждался в обществе. В езде со спутником все обстояло иначе. Вот они едут вместе, как когда–то с его бывшим боссом Эдом фон Шарфом, еще до того, как Брюс набрался достаточно опыта, чтобы ездить и покупать самостоятельно. Как много это напоминало ему о тех днях… за исключением того, что ситуация в некотором смысле перевернулась. Теперь в основном он сам вел машину и принимал, если требовалось, решения, каким маршрутом двигаться. Его компаньон становился все более и более инертным.

Но в некотором отношении такое положение вещей его радовало, ему нравилось сидеть за рулем, пока Мильт расслабляется на соседнем сиденье. Благодаря этому Брюс осознавал, что в одиночку Мильт, вероятно, и не добрался бы до Сиэтла; по крайней мере, не вот так, гоня и гоня

без остановок. Отчасти дело здесь было в возрасте. И в общем физическом здоровье. Но, кроме того, это было стихией Брюса. Он был рожден для дороги; еще в средней школе он самостоятельно доехал до Рино, будучи семнадцати лет от роду и уже мечтая о…

Мильт перебил течение его мыслей.

— Что с тобой такое? — проворчал он, уставившись на него испепеляющим взглядом. Выпрямившись на сиденье, продолжил: — Как ты до этого дошел? Это что, какая–то поза?

— Объясни, что ты имеешь в виду, — попросил застигнутый врасплох Брюс.

Вертясь из стороны в сторону, Мильт указал на дорогу и на землю вокруг.

— Да ты же просто прешься от этого! Я наблюдал за тобой — ты этим нажираешься. Тебе чем больше, тем лучше. И как только человек может сделаться вот таким? Я спрашивал себя об этом снова и снова. Тебе что, не надо ничего, что было бы вне тебя? Человеческие существа для тебя совершенно ничего не значат?

Эта тирада, явившаяся без предупреждения и столь беспорядочным образом, заставила Брюса недоумевать, что же на Мильта нашло.

— О чем ты? — спросил он.

Немного успокоившись, Мильт сказал:

— Ты самодостаточен. Нет, еще хуже. Ты совершенно не заботишься ни о ком другом; может быть, не заботишься и о самом себе. Для чего ты живешь? — В его голосе появились обвинительные нотки. — Ты вроде тех миллиардеров–магнатов, что в грубых башмаках шагают прямо по людям.

Он говорил с таким жаром и искренностью, что Брюс не удержался от смеха. Из–за этого Мильт стал говорить даже еще бессвязнее.

— Да, это действительно смешно, — сказал он. — Ты хотя бы о жене своей заботишься? Или ты женился на ней только затем, чтобы унаследовать бизнес? Черт, да ты сумасшедший!

Мильт не сводил с Брюса глаз.

— Я не сумасшедший, — сказал Брюс, подавляя приступы смеха, потому что у сидевшего рядом Мильтона Ламки лицо сделалось красным, а глаза готовы были выскочить из орбит. И все из–за чего? Непонятно. — Слушай, — начал он, — если я рассердил тебя тем, что…

— Ты меня не рассердил, — перебил его Мильт. — Я тебе сочувствую.

— Это еще почему?

— Потому что ты никого на свете не любишь.

— Ты никак не можешь этого знать.

— Ты ни с кем не связан узами любви. Я тебя раскусил. У тебя нет сердца. — Он резко, со страстью ударил себя по груди и крикнул: — Нет у тебя этого чертова сердца, понял! Признай это, и все.

Никогда бы не поверил, подумал Брюс, что кто–то может говорить что–то такое. Просто весь мусор, который он когда–то читал, изрыгается из него, используя его рот и голос. Но, вне всякого сомнения, для Мильта это было болезненной темой. Это его отрезвило, и он сказал:

— У меня очень даже серьезные чувства к Сьюзан.

— А как насчет меня? — спросил Мильт.

— Что ты имеешь в виду?

— Ладно, забудь, — буркнул Мильт.

За всю свою жизнь Брюс не слышал, чтобы кто–нибудь так говорил.

— Я знаю, что тебя беспокоит, — сказал он. — Тебя этот пейзаж приводит в уныние, а меня нет. Это тебя тревожит, и из–за этого ты бесишься.

— А ты что, никогда не унываешь? Ни из–за чего?

— Только не из–за пейзажей, — сказал он.

Но потом вспомнил, как чувствовал себя, когда ехал через Сьерры. Замусоренные и безлюдные

горы. Скудная растительность. Безмолвие…

— Хотя, — поправился он, — иногда это и меня достает. Мне не так уж нравится ездить между городами. Думаю, каждый чувствует себя так же, когда оказывается на дороге, особенно здесь… Ведь у нас впереди Великая Западная пустыня.

— Я вообще не могу вести машину по этой пустыне, — признался Мильт. — На юг по Неваде.

Вид у него опять стал болезненным и слабым, он снова привалился к дверце. Краска схлынула с его лица, из–за чего оно сразу как–то усохло. Долгое время никто из них не произносил ни слова. Наконец Мильт пошевелился и сказал:

— Давай съедем с дороги и немного поспим. — Он закрыл глаза.

— Хорошо, — неохотно сказал Брюс.

На рассвете они добрались до маленького мотеля, отстоявшего от дороги, со все еще горящей и мигающей вывеской с указанием о наличии свободных мест. Хозяйка, женщина средних лет в купальном халате, провела их к домику, и вскоре они заперли машину, внесли внутрь свои чемоданы и забрались в две односпальные кровати.

Засыпая, он удовлетворенно подумал, что осталось всего двести миль. Мы почти на месте.

Нет, поправил себя он. Скорее все–таки три-

ста. Но это не важно. Мы доберемся безо всяких хлопот.

В одиннадцать утра он проснулся, слез с кровати и неслышными шагами прошел в ванную. С трудом стянул с себя измятую и неприятную на ощупь одежду и с наслаждением встал под душ. Потом побрился и надел все чистое, в частности недавно накрахмаленную белую хлопчатобумажную рубашку. Это заставило его почувствовать себя лучше. И все же что–то угрожающе раскачивалось на задворках его сознания, портя ему настроение. Что же? Лишь мельком запомнившаяся неприятность. Стоя перед зеркалом в ванной и возясь со своим тальком, он пытался понять природу давившей на него тяжести. Снаружи теплое солнце искрилось на проезжавших по шоссе автомобилях, и он почувствовал себя готовым покинуть мотель; ему сразу же захотелось ехать дальше. Нетерпение погнало его из ванной в комнату.

Мильт Ламки лежал в своей кровати на боку, подтянув ноги к животу, а лицо его скрывала простыня. Он не шевелился, но и не спал. Брюс видел его глаза. Ламки, не мигая, смотрел куда–то в угол.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Брюс.

— Нормально, — сказал Ламки. Он по–прежнему смотрел в угол, а потом сказал: — Мне противно говорить тебе об этом, но я болен.

Подняв свой чемодан, Брюс начал заново укладывать в него вещи.

— Насколько болен? — спросил он.

— Очень, — сказал Мильт.

Услышав это, Брюс почувствовал страх. У него задрожали ноги. Вот что за ужас крылся на задворках его сознания, а теперь выдвинулся вперед. Он тем не менее продолжал паковаться. Мильт наблюдал за ним с кровати.

— Вот ведь беда какая, — сказал Брюс. — Мне очень жаль. Конечно, нельзя сказать, что это такой уж сюрприз.

— Мне придется какое–то время пролежать в постели, — сообщил Мильт. Он говорил медленно, но без малейшей тени сомнения. Как будто знал свое состояние настолько хорошо, что никаких возражений и быть не могло.

— Тогда она, может, была права, — сказал Брюс. — Да?

— Увы, права, — сказал Мильт.

— Будь оно все проклято, — в сердцах сказал Брюс. — Черт знает что!

Он прекратил собирать чемодан и бессмыслен-

но стоял посреди комнаты.

— Это черт знает что, чтобы тебе такого пожелать, — сказал Мильт, — но пока мы ничего не можем с этим поделать. — Очевидно, он не испытывал желания извиниться: голос у него был резковатым.

— Тебе нужно лекарство?

— Может быть, позже, — сказал Мильт. — Пока просто так полежу.

Он не пошевельнулся, чтобы встать. Он казался спокойным, не выказывал признаков боли или хотя бы тревоги. Был только безропотным и несколько подавленным. Не пытался по этому поводу шутить.

Может, он знал, что это случится, подумал Брюс. Пари держу, что знал. Может, он таким образом нам мстит. Мстит хотя бы за то, что мы поженились. Ревнует ко мне, наверное. Мысли такого рода приходили ему в голову, когда он смотрел на Мильта Ламки, лежавшего в постели. В конце концов, Мильт сам говорил, что неравнодушен к ней.

— Значит, в Сиэтл мы не поедем.

— Позже, — сказал Мильт.

— Я имею в виду, может, мы вообще туда не поедем.

Мильт ничего не сказал. Потом лицо исказилось гримасой — то ли от боли, то ли от каких–то мыслей. Он заворочался, появились его короткие пальцы, и он ухватил подушку, поправляя ее под головой. Теперь он лежал спиной к Брюсу.

Спустя какое–то время Брюс открыл дверь домика и прошел на парковку к своей машине. Уходя, они подняли стекла, и он видел, что внутри машины стало влажно и душно. Поэтому открыл дверцу и опустил все стекла. Обивка раскалилась настолько, что обожгла ему руку, когда он к ней прикоснулся. В машине, как всегда по утрам, пахло кожей и пылью. Он сел за руль и закурил.

Я не могу его оставить, осознал он. Не могу уехать, оставив его на собственное попечение. Нет никаких сомнений, что он действительно болен. Да и все равно без него мне это дело с машинками не провернуть.

Он ничего не мог сделать без Ламки; у него были связаны руки. Ему оставалось только ждать и надеяться, что Ламки поправится.

Из–за Ламки он здесь застрял. Ему невозможно было ни вернуться к Сьюзан в Бойсе, ни поехать в Сиэтл, ни отправиться в Рино или куда–нибудь еще. Застрял во второразрядном мотеле то ли на севере Орегона, то ли в Вашингтоне; он даже не

знал, пересекли они границу с Вашингтоном или нет. Не знал даже названия этого мотеля.

Глава 12

Он прошел по дорожке в контору мотеля. Хозяйка, яркоглазая женщина средних лет, надраивала белый эмалированный автомат по розливу напитка «Севен–ап»; она улыбнулась ему, когда он вошел.

— Доброе утро, — звонко поприветствовала она его, а затем продолжила чистку.

В углу' конторы сидел мальчик, читая книжку комиксов. Рядом с дверью стояла вращающаяся подставка с открытками, на которых красовались виды штатов Вашингтон и Орегон. Слева он увидел стойку, а справа — таксофон. В конторе было чисто, уютно и солнечно.

— Не знаете ли вы доктора поблизости? — спросил он. — Кого бы вы порекомендовали?

— Ваш спутник болен? — Она прекратила чистку и выпрямилась. — Я заметила, что вы не очень–то шевелитесь этим утром. А когда вы приехали, я подумала, что слишком уж усталым он выглядит.

Она убрала в сторону свою тряпку и банку чистящего средства.

— Вы родственники? — спросила она, взирая

на него уже из–за стойки.

— Нет, — раздраженно сказал он.

— Я подумала, может, он ваш родственник, может, ваш старший брат. — Нервно посмеиваясь, она полезла куда–то под прилавок и достала записную книжку. — Здесь есть несколько хороших докторов… Одну минутку. — Она перелистывала страницы.

Из задней двери появился ее муж, тощий, угрюмый тип, похожий на уроженца Оклахомы.

— Это для чего? — спросил он у Брюса. — Чем он болен?

— Я не знаю, что с ним такое, — сказал тот. — Что–то хроническое. — И, поскольку оба они так и пожирали его глазами, добавил: — Я не очень хорошо его знаю; это деловое знакомство.

— Вам бы лучше выяснить, что это такое, — сказал оклахомец. Его жена кивнула.

— Думаю, вы правы, — сказал Брюс.

— Пойдите и спросите у него, что с ним, — велела хозяйка. Они переглянулись, и она добавила: — Узнайте у него, заразно ли это, хорошо? — Они проследовали за ним до порога конторы.

— То, что это не заразно, я и так знаю, — сказал он. — Это почечная болезнь.

— Болезни почек тоже бывают заразными! —

крикнул ему вслед мужчина, стоя в дверном проеме конторы.

Направляясь к домику, Брюс слышал, как они тихонько переговариваются у него за спиной.

Наверное, скажут нам, что если он здесь останется, это будет противозаконно, подумал он. Наверное, заставят нас съехать.

Есть, конечно, и другие мотели. Если Мильт не настолько плох, что его нельзя транспортировать.

Ему не очень–то хотелось входить в домик, и он остановился на крыльце. По шоссе одна за другой проносились машины. Оттуда, где он стоял, не было видно их колес; казалось, что они просто скользят. Как металлические игрушки, которые тянут на веревочке по мостовой, все быстрей и быстрей. От этого зрелища ему стало не по себе, и он открыл дверь.

— Привет, — пробормотал Мильт, по–прежнему лежавший в постели.

— Ты не подскажешь, как бы мне связаться с Кэти? — спросил он.

— Зачем?

— Хочу спросить у нее совета.

— Она ничего не сможет тебе сказать. Неужели ты думаешь, будто я не знаю, что со мной такое?

Они долго спорили, и в конце концов Брюсу удалось узнать, в каком отделе муниципалитета Покателло работала Кэти — в отделе городских налоговых сборов.

— Я не хочу, чтобы ты ей звонил, — сказал Мильт, привставая на кровати. По его лицу теперь было видно, что он начал испытывать сильнейшую боль; под глазами у него набрякли мешки, прорезанные извилистыми складками.

— Я отлежусь, и все будет нормально. Мне просто какое–то время надо не вставать с постели.

— Скажи мне, что именно с тобой такое.

— Нефрит, — сказал Мильт. — Это из–за скарлатины, которой я переболел в детстве. Брайтова болезнь, так ее обычно называют.

— И насколько это у тебя серьезно?

— Наступает и проходит. Что меня достает, так это боли в спине, охренеть какие. И сделать ничего нельзя. Так что не звони Кэти. И не беспокойся. Мы будем в Сиэтле к завтрашнему вечеру. — Он снова опустился на кровать, положив руки по бокам.

— Ты уверен, что тебе не надо что–нибудь купить?

— Ступай и купи себе какой–нибудь завтрак.

Брюс вышел из домика и побрел куда глаза гля-

дят, через поле, вдоль огороженного пастбища, где пара лошадей пощипывала траву. В воздухе пахло навозом и сеном. Земля крошилась у него под ногами, когда он наступал на нору какого–нибудь грызуна. Нагнувшись, он понаблюдал за работой больших красных муравьев. По шоссе в отдалении проносились машины.

Однажды в июле у него случилась поломка возле городка Уэндовер, штат Невада. Съехав на обочину, он возился с лопнувшим маслопроводом с десяти утра до половины второго дня, хотя все это время знал, что у него нет никакой возможности его починить. Он просто пытался показать водителям проезжавших мимо машин, что все в порядке, что скоро он снова вернется на дорогу. Все это время он стоял спиной к дороге, спрятав голову под капотом, кипя от стыда и ярости, но надеясь, что ни одна из машин не остановится. В конце концов из Уэндовера появился какой–то буксир, и водитель, заметив его, доставил машину в гараж. Почему он испытывал такое чувство вины из–за того, что застрял на обочине? Не знаю, думал он сейчас. Не знал он этого и тогда. Но вот он снова застрял, и на гораздо более длительное время. Случилось то, чего он больше всего боялся.

Не думаю ли я, что они надо мной смеются, спросил он у самого себя.

Как старик Агопян, подумал он, когда я покупал коробку «Троянцев». Все они в таких случаях так и прутся.

Вспомнив об этом, он покраснел.

Господи, подумал он, что в этом смешного? Все равно ведь каждому рано или поздно приходится их покупать. Пока не женятся, а потом женщины покупают нечто взамен, продающееся в тюбиках. Больше похожее на лекарство.

Однажды он видел цветного мальчишку, который нашел выброшенный презерватив, вероятно, в канаве. Негритенок надувал этот кондом, как воздушный шарик.

Господи, и ведь он, вне всякого сомнения, был использованным! Брюс не знал, смеяться ему или испытывать отвращение. Или выбить его из рук мальчишки. Так или иначе, он пошел дальше с невозмутимым видом, как будто ничего не заметил.

Это и в самом деле было смешно.

Разве не рассмеялся бы любой прохожий, случись ему такое увидеть?

Мне действительно надо выбраться отсюда, подумал он. Даже если бы Мильт был моим кров-

ным родственником, как решила хозяйка мотеля, мне все равно пришлось бы уехать.

Но, конечно, было бы гнусно оставить его здесь одного. Кто–то должен быть рядом с ним.

Он снова пересек поле и прошел в контору мотеля. Хозяйки и ее оклахомца–мужа нигде не было видно. Рядом с таксофоном он положил листок с номером Кэти и бросил в прорезь автомата десятицентовик. Телефонистка сказала ему, сколько надо добавить, и он опустил нужное количество монет. Его соединили. Ответила какая–то женщина, не Кэти. Он попросил миссис Гермес и чуть погодя стал говорить уже с ней.

— Это Брюс Стивенс, — сказал он.

— Как он? — спросила Кэти без паузы, сразу поняв, почему он звонит.

— Лежит в постели, — сказал он. — Вымотался.

— Как далеко вы добрались?

— Очень далеко. — Он уже знал, что они были в Вашингтоне, неподалеку от города Паско. — Но теперь остановились в мотеле. Переночевали. До утра я не осознавал, в каком он состоянии. Я помню, ты меня предупреждала, но это все–таки случилось. Что скажешь?

— Я ничего не могу сделать, — сказала она.

— У тебя же его машина. Ты могла бы выехать

сюда после работы. — Он начал объяснять ей, как найти мотель, но она его перебила:

— У меня нет ключа. Я бросила его Мильтону.

— Он на подъездной дорожке, — сказал он.

— Его там нет, — возразила она. — Я искала сегодня утром, но не нашла. Даже на работу опоздала, потому что очень долго все там обыскивала.

— Я знаю, что он там, — настаивал Брюс. — Потому что Мильт его не поднимал.

— А я знаю, что его там нет.

— Тогда, может, на автобусе? — сказал он.

— Нет.

— Мне надо ехать в Сиэтл. Улаживать то дело.

— Вы серьезно? Вы что, в самом деле уедете, бросите его одного, когда он болен и пластом лежит в мотеле?

— Придется, — сказал он. И, не дождавшись ответа, добавил: — Это все–таки моя машина.

— Ну есть, есть у меня ключ от «Мерседеса»! — призналась она, что нисколько его не удивило.

— Тогда выезжай, — сказал он и выдал ей длинный и сложный список указаний по маршруту.

— Это займет много времени, — сказала она капризным, взбалмошным тоном. — Я не смогу проехать такое большое расстояние за один раз. Мне придется останавливаться; думаю, что

никак не раньше послезавтра. Придется договориться на работе о нескольких днях отпуска. Даже не знаю, дадут ли их мне. Значит ли это, что до послезавтра он будет один? Или вы с ним останетесь, пока я не приеду?

— Я должен ехать прямо сейчас.

Едва не плача, она сказала:

— Тогда мне нет никакого смысла ехать. Что, если вы его бросите, а потом, пока я буду туда добираться, он тоже уедет?

— Он не сможет уехать, потому что у него нет машины.

— Это так, — сказала она. — Нет, — решила мгновением позже. — Не буду я этого делать. Вы сами должны с ним остаться. В конце концов, это вы виноваты. — В телефоне клацнуло. Она положила трубку.

«И что же теперь мне делать?» — спросил он себя, вешая трубку. Позвонить ей снова? Но по телефону мне ничего не добиться, я не могу заставить ее приехать сюда ни на машине, ни на автобусе. Если она не хочет ехать, то это все. А когда она сказала, что я сам виноват, то была совершенно права.

Но я не понимаю, почему она не может приехать, подумал он. Я–то полагал, что она сразу же

прыгнет в машину и поедет. Разве она не колесила той ночью по всему Покателло, ища для него апельсиновый сок? И эту машину легко вести. К тому же она хорошо с ней знакома.

Выйдя из конторы, он стал разыскивать среди домиков хозяйку. Она обнаружилась в пустом домике, где вешала чистые полотенца.

— Не найдется ли у вас немного мелочи? — спросил он. — Для телефона?

— Вы выяснили у своего друга, что с ним такое? — поинтересовалась она, когда они возвращались в контору.

— У него нефрит, — ответил он. — Это не заразно.

Она разменяла ему пятидолларовый чек.

— А семья у него есть? — спросила она. — Жена?

— Думаю, да, — сказал Брюс. Опустив монеты в телефон, он позвонил Сьюзан в Бойсе. Хозяйка мотеля вышла из конторы.

— У меня неважные новости, — сказал он в трубку. — Я сейчас на севере, в Вашингтоне, вместе с Мильтом Ламки, и он заболел. — Он стал рассказывать то же самое, что рассказывал хозяйке мотеля, но Сьюзан перебила.

— Я знаю, что у Мильта больные почки, — ска-

зала она.

— По–видимому, он страдает этим почти всю свою жизнь.

— Ты лучше побудь там с ним, — сказала Сьюзан. — Денег у тебя хватит? Если что, могу перевести тебе телеграфом. — Они еще раньше договорились о том, что она вышлет ему деньги по телеграфу, когда ему понадобится платить за товар.

— Пока обойдусь, — сказал он.

— Когда у него приступ, он обычно пару дней лежит пластом на спине, — сказала она. — И это очень больно.

— Меня предупреждали, — сказал он. — Та девушка, с которой он живет в Покателло, говорила мне об этом, да и к тому же он уже был болен, когда я туда добрался. Так что винить мне некого; уж во всяком случае, его я никак не могу винить.

— В определенной степени можешь, — взвешенным, рациональным тоном сказала Сьюзан. — Только он в состоянии судить о своем здоровье, и если он поехал с тобой, то это не твоя вина. Он знает, что делает, он не ребенок. От тебя никто не ждет, чтобы ты оценивал болезнь другого человека, тем более если ты едва с ним знаком. Почему эта девушка не едет к вам?

— Я говорил с ней по телефону, но она сказала, что не хочет ехать.

— Это не твоя забота, — сказала Сьюзан. — Если, конечно, ты не хочешь сделать это своей заботой. Если считаешь себя ответственным.

— Я чувствую, что это моя вина, потому что если бы я не запытал его насчет машинок, то он бы никуда не поехал; в конце концов, вся эта поездка, чтобы я смог получить их. Ему от этого никакой выгоды нет. Это услуга, которую он нам оказывает.

— Ты не можешь себе позволить застрять там слишком надолго, — указала она.

— Верно, — согласился он. — Но я чувствую, что должен.

— Хорошо. Будь на связи.

— Да, я позвоню тебе еще, — сказал он, попросил ее не волноваться, а потом дал отбой. Через несколько мгновений он вышел из конторы и побрел обратно к домику.

Это как раз тот случай, думал он. Когда кто–то заболевает, то это перевешивает все остальное, особенно вопросы о том, что практичнее. Ты не можешь уже поступать как тебе выгодно. Никто не может. Экономическая целесообразность — это еще не все. И даже не самое главное. Я знаю,

что если бы заболел я, то Мильт непременно остался бы.

В этом ведь основная причина, по которой Мильт оказался здесь, подумал он. Потому что ставит дружбу со мной выше всяких там практических соображений. И это главное. И ничего с этим не поделать.

Когда он открыл дверь домика, Мильт с постели пробормотал:

— Мне стало лучше. Эта чертова пакость приходит и уходит. — Теперь он сидел, подсунув себе под спину подушку. — Закрой дверь, — попросил он. — Свет меня слепит.

Закрывая дверь, Брюс сказал:

— Хозяева мотеля опасаются, что это бубонная чума.

— Тогда скажи им, чтобы скорее драпали, — хмыкнул Мильт. — Слушай, я тут вот что подумал. Может, тебе следует поехать дальше. Поищи–ка в моем пиджаке бумажник. Я записал имя того типа на обороте какой–то карточки. Парня, которому принадлежат эти машинки.

— Да ладно, — сказал Брюс. — Я уж здесь перекантуюсь.

— Принеси его, — потребовал Мильт.

Он достал бумажник и передал его Мильту.

Кряхтя от натуги, Мильт стал перебирать визитные карточки и сложенные листки бумаги; рассматривая их поочередно, он всякий раз заинтересовывался и останавливался, чтобы поразмыслить и вспомнить, что означает каждый из этих предметов и почему он его хранит. Некоторые карточки слиплись, и он подносил их близко к глазам, чтобы осторожно отделить одну от другой. Одна из карточек погрузила его в мечтательную задумчивость, и он некоторое время не говорил и не двигался.

Наконец он возобновил поиски и нашел, что хотел.

— Фил Барановский, — сказал он, прочитав имя на обороте карточки. — Здесь записаны его адрес и телефон. Этот Фил забавный парень. Мы познакомились на вечеринке оптовиков. А позже он показал мне эти машинки, наряду со всем остальным хламом, что хотел сбыть с рук. Это было шесть или семь месяцев назад. Все эти вещицы наверняка все еще у него, плюс куча разного нового барахла.

— Я не поеду, — сказал Брюс. — Во–первых, потому что он, ясное дело, не продаст мне эти машинки, если тебя не будет рядом, а во–вторых, потому что я не думаю, что тебя можно остав-

лять одного. Не уверен, что ты нормально себя чувствуешь.

— Он продаст их, если ты будешь действовать с умом. Дай ему понять, что ты меня хорошо знаешь.

В конце концов Брюс сдался и принял карточку. Но ему все равно было тревожно. Могло ведь случиться так, что он поедет дальше в одиночку, прибудет в Сиэтл, а Барановский откажется иметь с ним дело. Поэтому, несмотря даже на то, что у него не было намерения ехать и он собирался остаться в мотеле вместе с Мильтом, он спросил:

— А не мог бы ты написать ему какую–нибудь записку? Или позвонить ему?

Мильт дернул плечом.

— В этом нет необходимости, — сказал он, бросая на него сердитый взгляд.

— Если возникнут проблемы, могу я сказать, чтобы он тебе позвонил?

Поднимаясь на кровати, Мильт сказал:

— Если хочешь. Если сумеешь до меня добраться. Здесь ведь нет телефона.

— Один есть. В конторе.

Мильт кивнул.

Усевшись в кресло в углу и глядя на Мильта, он попытался расслабиться. Но беспокойство

продолжало расти.

— Слушай, — сказал он, вставая, — я думаю пройтись по окрестностям и, может быть, купить почитать. Хочешь чего–нибудь? Журнал или книгу?

Мильт постепенно осел обратно на кровать. Он открыл глаза, внимательно посмотрел на него, а потом сказал:

— Брюс, я хочу тебе кое–что сказать. Я все время думал об этом, пытаясь уразуметь, что за изъян в тебе кроется, почему ты такой, какой ты есть. По–моему, я наконец в тебе разобрался. Ты не веришь в бога, да?

На этот раз Брюс действительно рассмеялся. На этот раз вопрос был слишком бессмыслен и задан чересчур серьезным тоном; он захихикал и, раз начав, уже не мог остановиться. Вскоре он уже лежал в кресле, закрывая глаза рукой, хрипя, плача и задыхаясь, меж тем как Мильт продолжал мрачно смотреть на него через комнату. Чем больше Брюс старался прекратить, тем труднее это становилось. Наконец он утратил способность производить какие–либо звуки вообще. Даже смех его сделался беззвучным. Никогда со времен начальной школы, со времен детских сеансов в «Люксоре», где показывали комедии «Трех асси-

стентов»[179], — никогда он так не смеялся. Он понимал, что Мильт дурачился. Теперь до него дошло, что Мильт дурачился и раньше, в машине. Он все время подшучивал над ним с невозмутимым видом. Оглядываясь назад и осознавая, что Мильт его постоянно разыгрывал, он смеялся все сильнее и сильнее, пока у него не заболели ребра, не иссякли все силы и не закружилась голова.

Подняться на ноги ему удалось не сразу. Кое–как выдавив из себя просьбу его простить, он шаг за шагом проковылял в ванную. Закрыв за собой дверь, ополоснул лицо холодной водой. Растер его полотенцем, причесался, глянул на себя в зеркало, а потом вернулся в комнату.

Мильт по–прежнему лежал в постели.

— Мне очень жаль, — подрагивающим голосом сказал Брюс, снова усаживаясь в кресло.

— То ли я сплю, то ли вообще ничего не понимаю, — сказал Мильт. — Я задал тебе совершенно простой вопрос, а ты смеешься как сумасшедший.

— Больше не надо, — слабым голосом сказал

---

[179] Примечания: 179

«Три ассистента» (Three Stooges) — «родовое» наименование ряда американских водевилей и комедий 20–х и 30–х годов XX века, где ведущего комика» пытающегося петь или рассказывать анекдоты, постоянно «перебивают» его партнеры–ассистенты.

Брюс, поднимая руку, как бы пытаясь защититься.

— Чего больше не надо?

— Я этого не вынесу.

Мильт уставился на него, а потом с яростью проговорил:

— Ты что, не в своем уме? Отойди в сторонку и как следует на себя посмотри. Что ты за человек, если смеешься над таким вопросом? — Он сел на кровати и вбил подушку в щель между своей спиной и стенкой. Его лицо раскраснелось и сморщилось, как будто кости и зубы из него вылезли, соскользнули вниз и растворились.

— Я же извинился, — сказал Брюс. — Чего ты еще от меня хочешь?

Он поднялся и подошел, протягивая руку.

Мильт пожал ее:

— Я очень о тебе тревожусь. Если бы не тревожился, то и не пытался бы говорить с тобой серьезно. — Он высвободил свою руку. — Ты умен и привлекателен; в тебе нет ничего такого, что помешало бы тебе многого достичь. Мне невыносимо видеть, как ты постоянно идешь на компромисс.

— Какой компромисс?

— Отказываешься от того, чего в действи-

тельности хочешь. Ты настроил свое зрение на материальную жизнь, состоящую из покупок, продаж и получения барышей. Ты же был создан для… — Он остановился, подыскивая слово. — Тебе следует искать чего–то духовного.

Брюс, с трудом ворочая языком, сказал:

— Прости, но я сейчас опять рассмеюсь.

У него непроизвольно затряслась челюсть; он вынужден был сесть и подпереть подбородок ладонями, чтобы удерживать его в неподвижности.

— Почему это кажется тебе таким смешным?

— Не знаю, — сказал он.

— У человека, идущего в бизнес, существует только одно побуждение, — сказал Мильт. — Загребать деньги.

— Не только, — сказал он.

— Какое же еще в таком случае?

— Это приносит удовлетворение, — сказал он.

— Чушь, — отрезал Мильт.

— Ты имеешь в виду, что мне надо стать пожарником или ковбоем?

— Тебе надо иметь какие–то ценности в жизни, непреходящие ценности.

— Такие же, как у тебя? — спросил он, опять смеясь и не в силах остановиться.

— Я не хочу, чтобы ты был похож на меня, — сказал Мильт.

— Не надо было тебе становиться торговцем, если у тебя такие мысли, — сказал Брюс. — Лично я не вижу в этом ничего дурного.

— О чем я и говорю.

— Умение заставить магазин окупаться — вот что для меня непреходящая ценность, — заявил Брюс. — Я всегда к этому стремился. С детских лет.

— Может, ты сейчас так думаешь, — сказал Мильт. — Это самообман.

— Разве мне не лучше знать?

— Нет, со стороны виднее, — сказал Мильт. — В самом себе никто не разбирается.

— Так ты что, лучше меня способен сказать, чего я хочу? Ты не можешь читать мои мысли. Не знаешь, что происходит у меня в мозгах.

— Я могу сказать, что будет для тебя лучше. Что тебе стоит делать, вместо того чтобы даром тратить свою жизнь.

— Я не трачу свою жизнь даром.

— Еще как тратишь, — сказал Мильт. — Кто ты, как не сопляк, пытающийся захапать дешевые японские печаталки? Чем вообще здесь можно гордиться?

— Пошел к черту, — сказал Брюс.

— Точно, — сказал Мильт. — Пошли все к черту. Я, Сьюзан, все на свете. Но посмотри правде в лицо. Ты эгоистичен и незрел. Ты хороший парнишка, все тебя любят, но ты просто не такой взрослый, как тебе хотелось бы. До этого тебе еще идти и идти, и если ты хочешь вырасти, тебе лучше разобраться, что в этой жизни ценно и духовно.

— Воспользуйся своим советом сам.

— Я знаю, почему ты такой, какой есть, — сказал Мильт, покачивая головой.

— Ладно, я, пожалуй, поброжу вокруг и куплю чего–нибудь почитать, — сказал Брюс. Когда он открыл дверь, солнечный свет ослепил их обоих.

Мильт промолчал.

— Пока, — сказал Брюс, все еще медля. Однако Мильт опять не отозвался.

Ступив за порог, Брюс прикрыл за собой дверь.

Примерно через час, когда он с журналом в руке снова вошел в домик, Мильт сидел на кровати и выписывал чек.

— Держи, — сказал Мильт, протягивал заполненный чек Брюсу. — Это то, что я тебе обещал. Мой свадебный подарок.

Чек был выписан на пятьсот долларов.

— Я не могу его принять, — сказал он.

— Без него ты не получишь эти машинки, — сказал Мильт. — И вообще я даю его не тебе, а Сьюзан. Это моя последняя возможность дать ей знать о своих чувствах. — Он слегка улыбнулся. — После этого говорить о них будет преступно. Все равно денег у меня много, а тратить не на кого.

— Спасибо, — сказал Брюс, убирая чек в бумажник.

Об их давешнем споре никто из них не сказал ни слова.

— Я тебе рассказывал, что звонил Кэти? — спросил Брюс.

— Нет, — сказал Мильт.

— Она нашла ключ от машины. Так что сможет сюда приехать. Я дал ей адрес этого мотеля.

Мильт кивнул.

— И хозяева мотеля в курсе, что ты болен. У них есть телефоны здешних докторов, я у них спрашивал.

— Прекрасно, — сказал Мильт. — Они, наверное, смогут мне помочь. — Вид у него был бесстрастный.

— Как бы ты отнесся к тому, чтобы я поехал дальше?

— Я же сам предлагал тебе это, — сказал

Мильт.

— Если ты считаешь, что тебе не станет хуже, то я, пожалуй, поеду.

— Ты по этой дороге будешь возвращаться, когда закончишь дела в Сиэтле?

— Нет, — сказал он. — Я, наверное, проеду по Побережью на юг и вернусь по федеральному шоссе 26, через Орегон.

— Зря ты звонил Кэти, — сказал Мильт. — Нет никаких причин, чтобы она сюда приезжала. Через день–другой я встану на ноги, и мне ничто не помешало бы поехать обратно на «Грейхаунде». — Он откинулся на спину и уставился в потолок. Вскоре добавил: — Надеюсь, ты провернешь эту сделку с машинками.

— Мне даже ехать никуда не хочется, — сказал Брюс, — как подумаю, что ты все еще на меня злишься.

— Я просто беспокоюсь, — возразил Мильт.

— Не надо обо мне беспокоиться.

— Хорошо, — сказал Мильт.

— Пусть даже я и не верю в бога, — сказал он, — но все равно могу жить полной жизнью.

— Только в тебе есть что–то мертвое, — сказал Мильт.

— Ничего подобного.

— Ты похож на этих ученых, придумывающих водородные бомбы, — сказал Мильт. — Холодных и рациональных.

— Но бездушных, — сказал Брюс.

Мильт кивнул.

— Может быть, мы все взорвемся, — сказал Брюс. — И тогда это не будет иметь значения.

— Готов поспорить, что тебя даже это не задело бы.

— Очень даже задело бы.

— Ты даже ничего бы не заметил, — сказал Мильт.

Брюс стал собирать свои вещи в ванной, укладывая их в раскрытый чемодан.

— А может, она, в конце концов, оказалась бы благим делом, — сказал Мильт. — Бомба, я имею в виду. Может, она разбудила бы людей.

— Сомневаюсь, — сказал Брюс. — Сомневаюсь, что она могла бы послужить благу.

— Людям иногда необходимо взглянуть в лицо действительности. — Мильт сказал это с горечью и убежденностью.

Упаковав вещи, Брюс пошел в контору и обрисовал хозяевам ситуацию. Он дал им телефон Кэти, а потом, спохватившись, и телефон в Бойсе, принадлежавший Сьюзан и ему самому. В завер-

шение всего записал название и адрес компании Мильта. И дал им ясно понять, что у Мильта достаточно денег, чтобы себя содержать; ему хотелось знать наверняка, что, когда сам он уедет, к Мильту будут относиться хорошо.

— Не беспокойтесь о нем, — сказала хозяйка, сопровождая его к машине. — Мы за ним присмотрим. — Она с воодушевлением помогла ему выгрузить вещи Мильта.

Он отнес в домик все свертки и чемоданы.

— Что ж, до свидания, — сказал он Мильту. И, помедлив в дверях, добавил: — Не принимай близко к сердцу.

— Точно, не принимай, — отозвался Мильт, не глядя на него. — Деревянных никелей не принимай ни в коем разе.

Вскоре он выехал на дорогу, покинув мотель и Мильта.

Глава 13

В Сиэтл он добрался в тот же вечер и сразу же, припарковавшись на заправке, позвонил Филу Барановскому по тому номеру, что дал ему Мильт.

— Уже очень поздно, — сказал Барановский, когда Брюс объяснил ему, кто он и чего хочет. — Десять часов.

— Тогда как насчет утра? — сказал он, до тех пор не осознававший, что вечер действительно поздний. Да и в любом случае ему требовалось поспать; он не чувствовал себя готовым к деловым переговорам, после того как весь день провел в дороге.

Они договорились встретиться в половине десятого утра на некоем перекрестке в центре, который, как заверил его Барановский, ему не составит труда найти. Барановский никак не намекнул ему на то, какие у него шансы; он просто сказал, что будет не против обсудить продажу данных машинок, вот и все.

Повесив трубку, он ощутил разочарование. Все это множество миль, которое он покрыл… и вот он здесь, говорит с человеком, которому

принадлежит склад тех самых машинок. И голос, доносившийся с другой стороны линии, был самым обыкновенным деловым голосом, ничем не отличающимся от любого другого.

На следующее утро он припарковался на оговоренном углу и стал ждать, когда появится Барановский.

Без четверти десять по тротуару к его «Меркурию» подошел худощавый темноволосый человек в блестящем двубортном костюме, синем в полоску. На вид ему было лет сорок пять. Помахав Брюсу, он наклонился к окну и сказал:

— Поедем в вашей машине или в моей? Если хотите, можно и в вашей.

Он впрыгнул на сиденье рядом, и они поехали. Барановский давал указания. Манеры у него были живые и изысканные, глаза сияли, он непрерывно жестикулировал. Он казался добрым малым, но был явно переутомлен. У Брюса появилось чувство, что склад пишущих машинок не представлял для Барановского чересчур уж большой ценности. Нет, он был непоколебим относительно стоимости этих машинок и не собирался уступать их задешево, но их количество было для него незначительным — всего лишь один инвентарный список среди множества других. По пути

из центра города к складу Барановский поведал о других своих занятиях. По–видимому, главный его интерес составляло оптическое оборудование, импортируемое из Японии и Европы, — линзы и призмы, бинокли и микроскопы. Он рассказал Брюсу, что много лет назад начинал в качестве шлифовщика линз в некоей фирме в Портленде, изготовлявшей очки; в дальнейшем на пару с одним оптиком они открыли собственную мастерскую, потом, в сороковых, он занимался военными заказами, а вот теперь — этим самым импортом. У него, несомненно, имелись прямые связи с экспортерами в Японии, которые поставляли ему линзы, а пишущие машинки появились в качестве одной из их побочных линий.

— Мильт полагает, что смогу их взять примерно по пятьдесят долларов за штуку, — сказал Брюс, когда они остановились у большого деревянного склада напротив химического завода с огромными резервуарами на подпорках. Мостовая вокруг была неровной, разбитой тяжелыми грузовиками.

— Мильт слишком уж оптимистичен, — сказал Барановский, выбираясь из машины. — Он не упоминал о том, что все они в оригинальных упаковках? — Достав ключ, он отпер боковую

дверь склада, и они вошли внутрь.

Там было темно и сухо. Барановский включил несколько ламп, висевших под потолком.

— Я могу продать вам четыреста штук. Совершенно идентичных. — Он потянулся к верху штабеля маленьких квадратных коробок и снял одну из них. Вручая ее Брюсу, указал на штрих–код. — Вы были бы удивлены, узнав, как часто нам приходится обнаруживать в коробках совсем не то, чему там полагается быть. Но в этих находится именно то, что на них указано. Мы проверили их все, прежде чем они покинули грузоотправителя. — После этого он рассказал Брюсу об одном удалившемся от дел богатом маклере, который заказал ящик скотча «Катти Сарк», а по прибытии вскрыл его и обнаружил деревянную клеть с кирпичами. — И доставили–то его из Шотландии, — закончил Барановский.

— А этот я могу вскрыть? — спросил Брюс.

— Пожалуйста.

Брюс вскрыл коробку и вытащил пишущую машинку. Несомненно, в витрине магазина в Сан–Франциско он видел в точности такую же.

— Можно ее включить и опробовать? — спросил Брюс.

Машинка оказалась неожиданной легкой.

Не тяжелее, чем книга. И меньше, чем ему помнилось. Но качество деталей и сборки представлялось весьма добротным: он обследовал разнообразные винты, и все они были вкручены до конца, без каких–либо перекосов, а у головок была одинаковая зенковка.

— Берите ее с собой, — сказал Барановский, похлопывая его по плечу. — Я очень спешу сейчас. Возвращайтесь в свой мотель или где вы там остановились и задайте ей жару. Подвергайте ее самым жестким испытаниям, какие только сможете придумать. У меня самого есть одна такая, пользуюсь ей уже полгода, и совершенно никаких проблем. Они прекрасно сконструированы, добротно сделаны. — Он выключил свет и повел Брюса к выходу. По обе стороны от них громоздились в полумраке штабеля коробок с «Митриасами», они образовывали целую пещеру. А позади них он заметил коробки побольше, с другими машинками. — Убедитесь, что она вас устраивает, и тогда звоните мне. Идет? Вы знаете, как меня найти.

Они поехали в деловой район центральной части города, и Барановский сказал ему, где хочет выйти. Брюс посмотрел ему вслед — тот, глубоко засунув руки в карманы, прошел в какое–то

офисное здание. «Митриас» остался на сиденье рядом с Брюсом. Хозяин, несмотря даже на то, что никогда его прежде не видел, без колебаний оставил ему эту машинку.

В своем номере в мотеле он установил машинку на кровать, включил ее в сеть и положил рядом пачку бумаги и копирки. Как жаль, подумал он, что я не умею печатать. Он перекинул рычажок переключателя, и машинка зажужжала. Пусть он не печатал, но в механизмах все–таки разбирался. Почти сразу же Брюс заметил, что в конструкцию японской машинки вложено немало инженерной изобретательности. Его заинтриговал возврат каретки: он осуществлялся не с помощью шкива, но посредством простой пружины и запирающей системы, похожей на спуск арбалета. Имелся переключатель силы удара: легкий для одного типа лент и сильный — для другого. Давление же на клавиши регулировалось только винтом сзади. Позиции табуляции тоже устанавливались сзади и вручную, как на старых довоенных машинках. Однако это не имело значения. Основными параметрами были прочность конструкции, общая скорость и надежность работы. Вставив два листа бумаги, он начал печатать. Машинка оказалась шумной —

литеры ударялись с резким клацаньем, — но так обстояло дело со всеми электрическими машинками. Он обнаружил, что если дважды нажать на клавишу, то буква не будет печататься снова до тех пор, пока клавиша не вернется полностью в верхнюю позицию. Значит, вероятность случайных повторных ударов была минимальной. Двумя пальцами — самое большее, чего он мог достичь — Брюс стал печатать буквы f и j со всей быстротой, на которую был способен. Нашел, что никак не может помешать правильной работе механизма, — тот значительно его опережал.

С помощью отвертки он снял нижнюю пластину и осмотрел механизм. В машинке использовался старый тип резинового валика, который захватывал подошву рычажка с литерой, подбрасывая его вверх, и сразу же высвобождал. Ремень между валиком и крошечным электрическим двигателем вроде бы в большой степени подвергался трению; вероятно, его время от времени понадобится менять. И вообще во всем механизме можно было заметить много трущихся деталей. Двигатель будет испытывать значительную нагрузку, износ окажется довольно интенсивным… Большую часть дня он продержал машинку включенной, с крутящимся двигателем. Она не

особенно разогрелась. Если рычажки с литерами останутся сцепленными, сообразил он, то это, вероятно, приведет к сращиванию проводов, из–за чего двигатель сгорит в течение примерно часа. Но такая опасность существует почти во всех электрических машинках.

Способ печати, хотя и неоригинальный, был весьма эффективен. Его, несомненно, скопировали с обычных американских машинок.

Устроившись поудобнее, он принялся нагружать машинку работой: больше часа снова и снова нажимал на клавишу возврата каретки. Каретка металась то вправо, то влево, из–за чего машинка постепенно сдвигалась поперек кровати. Но механизм всякий раз срабатывал. Таким же манером он подверг повторяющимся испытаниям и остальные клавиши. Механизм превосходно все выдержал, хотя несколько раз рычажки с литерами сцеплялись между собой, и ему приходилось выключать двигатель, чтобы их расцепить.

Буквы пропечатывались через ленту достаточно единообразно. Клавиши ударяли с одинаковой силой. Он проверил жесткость рычажков с литерами. Они показались ему несколько хлипкими. Вероятно, время от времени потребуется заново

их выравнивать. Он обнаружил, что рычажок с литерой уже нуждался в таком выравнивании.

Вставив свежую закладку бумаги, он стал старательно печатать письмо Сьюзан. Печатание двумя пальцами — дело медленное, но он наконец добился, чего хотел. Он сообщал, что это образец печати, выполняемой на «Митриасе», и ей предоставляется вынести суждение о качестве; его знания начинаются и заканчиваются механической стороной дела. В конце концов, она зарабатывала себе на жизнь в качестве профессиональной машинистки. Что до возможности сбыта, то, по его мнению, если удастся взять их достаточно дешево, ничто не помешает им распродать их в розницу. Затем он попросил ее позвонить ему, как только придет к решению. Он напечатал номер телефона мотеля, вложил письмо, а также второй и шестой экземпляры в конверт, отнес его в почтовое отделение и отправил в Бойсе как заказное и авиа.

На следующий день он отвез машинку в мастерскую по ремонту пишущих машинок, предлагавшую починку «всех моделей всех производителей».

Пухлый и кудрявый молодой человек за прилавком осмотрел машину и сказал:

— Что это, черт побери, такое? Одна из итальянских портативных? «Оливетти»?

Он перевернул ее кверху дном и уставился на нижнюю пластину.

— Нет, — сказал Брюс. — Она из Японии.

— Какая у нее неисправность?

— Никакой. Я просто хочу выяснить, сможете ли вы ее починить, когда ей потребуется починка.

— Подождите, я приведу мастера, — сказал кудрявый молодой человек.

Он зашел за занавеску и вернулся вместе с субъектом постарше — плотного телосложения, темноволосым, с голыми, черными от волосатости руками. На нем красовался синий фартук, а руки у него были испачканы краской с ленты и маслом. Не сказав ни слова, он взял машинку, вставил ее вилку в розетку, включил и стал ее слушать и ощупывать.

— Сделана в Японии, — сказал Брюс.

Мастер окинул его внимательным взглядом.

— Я знаю, — сказал он. — Где вы ее взяли?

— В Сан–Франциско, — сказал он. — В одном тамошнем магазине.

— Какую вам дали гарантию?

— Почему вы спрашиваете?

— Просто любопытно.

— Никакой.

— Ну так я вот что скажу, — процедил мастер. — Я бы такую и бесплатно не взял.

— Почему? — спросил Брюс. За этим он ее сюда и принес — чтобы узнать мнение опытного мастера по ремонту пишущих машинок.

— Запчастей не найти. Где вы будете брать запчасти? Писать в Японию? Или кто–то в этой стране держит склад запчастей? — Он включал и выключал машинку, перекидывая рычажок выключателя.

— Думаю, нет, — сказал он, старательно играя свою роль.

— Собрана она неплохо, — сказал мастер, встряхивая машинку и нажимая на клавишу перевода каретки. — Япошки народ сообразительный, и руки у них маленькие, вот они и пролезают в такие места, куда белому не просунуть и большого пальца, не говоря уж о том, чтобы что–то там монтировать. Гляньте на это. — Он показал Брюсу, насколько близко друг к другу располагались подвижные части. — Потому–то им и удается делать такие компактные штуковины. Но если требуется ремонт, то как, черт возьми, добраться туда инструментом? — Он потыкал

вниз кончиком отвертки и показал Брюсу, что его невозможно вставить в головки некоторых из видимых винтов. — Ее, чтобы почистить, придется практически полностью разобрать.

— Вам приносили когда–нибудь такие на обслуживание?

— Пару раз, — сказал кудрявый молодой человек.

— Лучше пользоваться американскими товарами, — сказал мастер. — Это как со всем остальным: покупай тот бренд, который знаешь.

Забрав свой «Митриас», Брюс поблагодарил его и покинул мастерскую.

Ради интереса и для полноты картины он попытал еще одну мастерскую. Его обслуживал угрюмого вида тип, который явно никогда не видел прежде такой машинки. Он рассматривал ее под всевозможными углами, не включая в сеть и ничего не спрашивая. Наконец повернул голову и сказал:

— Это что–то новенькое, не так ли? Некоторые из болтов метрические. С ними у нас будут проблемы.

— Вы сможете ее починить?

— Разумеется, сможем. Что с ней такое? — Теперь он ее включил и намотал на ролик сложен-

ный лист бумаги.

— В данный момент ничего.

— А, так вы просто решили справиться обо всем заблаговременно. Она ваша?

— Не совсем, — сказал он. — Но может стать моей. Сколько, по–вашему, мне придется за нее заплатить?

— А она новая? — Мастер постучал по резиновому ролику. — Ею пользовались. Посмотрите, на валике есть следы от ударов.

Они обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что электрическая компактная пишущая машинка «Митриас», будучи новой, стоит около двухсот долларов. Вероятно, он постоянно будет сталкиваться с трудностями при обслуживании. Но она сделана на славу, и он, если повезет, будет долго ею пользоваться. Мастер с трудом нашлепал несколько слов, тыкая в клавиатуру одним пальцем, а не двумя, потом несколько клавиш залипли, и он бросил это дело.

— Машинистка из меня никакая, — признал он.

— Из меня тоже, — сказал Брюс.

Значит, работать с ней можно, если мастер того захочет. Проблем не больше, чем с зарубежными камерами или автомобилями; их обслуживание

— рассчитанный риск. Это его приободрило. Значит, они смогут продавать «Митриасы» с чистой совестью.

Он поехал в центр, по тому адресу, где работал Фил Барановский. На Двери офиса имелась вывеска ОПТИКА ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ, а когда он открыл дверь, то оказался перед подсвеченным и драпированным бархатом витринным столом с разнообразными оптическими приборами.

— Приняли решение? — спросил Барановский откуда–то вне поля зрения. И тут же появился — с закатанными рукавами и с ломиком в руках. Через заднюю дверь офиса Брюс увидел маленькую кладовую; Барановский снимал крышку с упаковочной клети. — Ничего, если я продолжу? — Он вернулся к клети и поднял сигарету, которую оставил лежать сверху.

— Я определенно заинтересован, но все зависит от того, сколько вы них хотите.

— Собраны они просто замечательно, не правда ли? У них за океаном Нет таких конвейерных линий, как у нас. Все делается стационарно. Сначала над машинкой работает один человек, потом он переходит к другой, а его место занимает следующий. Они могут развернуть профессиональное оборудование в гараже. В подвале. С

парой токарных станков с ременным приводом. Во время войны они вручную шлифовали линзы в бомбоубежищах. С помощью верстачных инструментов на сотню долларов собирали самые сложные электронные приборы. Если бы в японских магазинах было то, что сейчас имеется в гараже у среднего любителя самоделок, они бы получили атомную бомбу раньше, чем мы.

— Сколько вы хотите за эти машинки? — спросил Брюс.

— Вы берете их все?

— Нет. Я не надеюсь их все распродать. По любой цене. Слишком много проблем с обслуживанием.

— Каких таких проблем с обслуживанием? — Барановский прервал работу и сделал жест ломиком. — Что вы имеете в виду?

— Нет запчастей. И метрические болты. И нет доступа для работы — все так плотно скомпоновано. Ни до чего не доберешься.

— Вы ожидаете, что они будут ломаться?

— Все машины ломаются. А любая электрическая пишущая машинка требует постоянного ухода.

— Оставьте это заботам покупателей.

— Нам надо давать им какую–то гарантию.

— Вы же не собираетесь извещать их, что эти машинки сделаны в Японии, так?

— Не собираемся.

— Что ж, это уже полдела. Если они будут считать, что машинки сделаны в этой стране, то им и в голову не придет беспокоиться об обслуживании.

— Мы не халтурщики, — сказал он. — Так мы дела не ведем.

— А это не халтурная машинка, — резко ответил Барановский. Он оставил распаковку и вернулся в офис, помахивая своим ломиком. — Это добрый и надежный образец искусной работы, и всякий, кто мало–мальски понимает в механике, не может этого не признать.

— Сколько? — спросил Брюс, чувствуя, что заставил продавца защищаться.

— За какое количество? Я не хочу разорять свой склад. Если я сохраню их целиком, то смогу предложить кому–нибудь эксклюзивную поставку. Если же я продам часть вам, а часть кому–то еще, то вы станете конкурировать.

— Я не продаю их в этом регионе, — сказал он.

— А где же в таком случае?

— В южной части Айдахо.

— Это вокруг Бойсе?

— Да, — сказал он.

— Где–нибудь еще?

— Нет.

— Я могу продать вам двести штук.

— За сколько?

Барановский уселся за стол и принялся писать какие–то цифры.

— За пятнадцать тысяч, — сказал он наконец.

Это его ошеломило. Он подчитал: выходило по семьдесят пять долларов за машинку.

— Слишком дорого, — сказал он, — и слишком много.

— Сколько же тогда? Я и так все урезал донельзя. — Барановский нахмурился.

— Как насчет пятидесяти штук?

— Вы что, издеваетесь? Это же почти розничное количество, — тихим голосом сказал Барановский.

— Никто не идет в розничный магазин, чтобы купить пятьдесят пишущих машинок.

— Какую же цену думаете вы получить при таком количестве? Что за продажами вы вообще занимаетесь? Очевидно, у вас нет опыта в этой области. — Барановский двинулся обратно в кладовую.

— Ладно, — сказал он. — Пусть будет семьдесят

пять.

— Если семьдесят пять, — сказал Барановский, — то около ста долларов за каждую.

— Нет, — сказал он. — Семьдесят пять штук по сорок долларов каждая.

— Что ж, приятно было познакомиться. — Барановский повернулся к нему спиной и снова принялся за распаковку.

— Я куплю семьдесят пять машинок по сорок долларов за штуку, — сказал Брюс. — Три тысячи наличными. У меня наличные. Без гарантий, но они должны быть идентичны с той машинкой, которую вы мне одолжили, и запечатаны в оригинальные упаковки.

Барановский в кладовой ничего не сказал.

— Я позвоню вам через день, — сказал Брюс. — Пока.

Двинувшись в сторону коридора, добавил:

— Ту машинку, что вы мне давали на пробу, я оставляю. На столе.

Дверь за ним закрылась. Ощущая некоторую дрожь, он спустился на первый этаж и вышел на улицу.

На следующее утро ему позвонила Сьюзан.

— Я получила твое письмо, — сказала она. — Выглядит чудесно. Не медли, покупай их. Я так

волнуюсь. Сколько, по–твоему, ты сможешь взять?

— Время покажет.

День тянулся очень медленно. Ближе у вечеру телефон зазвонил снова. Разумеется, это был Барановский.

— У меня есть одно предложение, — сказал Барановский. — Либо принимайте его, либо отказывайтесь. Шестьдесят машинок по пятьдесят долларов за штуку. Я знаю, что вы готовы потратить три тысячи, и вот что из этого выходит.

— По рукам, — сказал он.

— Хорошо, — сказал Барановский. — Меня это ничуть не радует, но вы, очевидно, не имеете опыта в таких делах, так что черт с ним. Только в следующий раз не обращайтесь к оптовику, чтобы купить такое вот количество… как кот наплакал.

Вскоре Брюс выехал на встречу с Барановским на складе в промышленной части города. Контракт был напечатан на одной из машинок, деньги в виде банковского чека перешли из рук в руки, а потом они вместе загрузили в «Меркурий» шестьдесят запечатанных картонок. Брюс осматривал каждую из них, чтобы убедиться в идентичности штрих–кода.

— Пожалуй, я их вскрою, — внезапно сказал он.

Барановский что–то проворчал.

— Поскольку я буду продавать их непосредственно потребителям, — пояснил он. — А вас не касается, вскрою я их или нет.

Пока Барановский стоял, всей своей позой выражая неприязнь, он вынес из машины все шестьдесят коробок, заново штабелируя их на погрузочной платформе. Острием отвертки распорол одну за другой картонки, вытаскивая машинки и убеждаясь, что получает именно то, за что платит. Во всех шестидесяти он не нашел совершенно никаких отличий, если не считать, что у одной машинки оказался вдавлен бок. Барановский, ни слова не говоря, взял на складе другую коробку и сунул ему в руки.

— Удачи, — сказал Барановский, после чего исчез внутри склада, навсегда.

Брюс поехал прочь с шестьюдесятью портативными пишущими машинками, чувствуя, какой неповоротливой сделалась машина под их весом. Правильно ли он сделал? Слишком поздно, чтобы беспокоиться об этом.

Вернувшись в мотель, он собрал свой чемодан, уплатил по счету и вместе со своими машинками

направился в Бойсе.

Глава 14

В Бойсе он приехал в час ночи. Припарковавшись у дома, запер машину и поднялся на крыльцо. Отперев дверь своим ключом, прошел в спальню и стоял у кровати, пока Сьюзан не проснулась.

— О! — воскликнула она, уставившись на него.

— Я вернулся, — сказал он.

Она сразу выскользнула из постели и потянула к себе халат.

— Давай на них посмотрим, — сказала она, застегивая халат. — Они еще в машине, да?

— Я очень устал, — сказал Брюс. Присев на край кровати, он стаскивал с себя туфли. — Гнал сюда, как только мог. Поспал всего несколько часов.

Наклонившись, она его поцеловала.

— Я так рада, что ты вернулся.

— Такая была тягомотина, — сказал он. Раздевшись, даже не подумал о пижаме и забрался в постель, в которой только что лежала Сьюзан. Там было тепло и пахло ею. Он почти сразу же провалился в сон.

— Брюс, — сказала она, будя его. — Можно я выйду и возьму одну машинку? Хочу посмотреть,

как они выглядят.

— Хорошо, — пробормотал он. И снова заснул.

Затем он обнаружил, что она сидит на краю постели, в халате и шлепанцах. У него было чувство, что прошло уже очень много времени.

— Привет, — тихонько проговорил он.

Сьюзан сказала:

— Брюс, ты вполне проснулся, чтобы кое на что посмотреть?

Тон ее голоса заставил его проснуться полностью, каким бы вымотанным он ни был. Он сел и взглянул на часы. Прошло полтора часа.

— В чем дело? — спросил он.

Встав с кровати, она направилась к двери спальни.

— Хочу, чтобы ты кое на что посмотрел.

Он поднялся, натянул брюки и последовал за ней по коридору в гостиную. Знакомый «Митриас» стоял на столе между двумя стопками писчей бумаги, белой и желтой. Она уже пробовала печатать.

— Вот, — сказала она, вручая ему маленький буклет, который он распознал как руководство по эксплуатации.

— Что с ним такое?

— Открой, — сказала она.

Он открыл руководство. На обложке значилось только слово «Митриас», а на первой странице помещался рисунок машинки, на котором были пронумерованы все управляющие клавиши. Он обратился ко второй странице.

Руководство было на испанском.

Через мгновение он сказал:

— Значит, они попали в Сиэтл не прямиком из Японии. Их, должно быть, сначала доставили в Мексику или в Латинскую Америку.

— Я даже боюсь тебе говорить, — сказала Сьюзан. Глаза у нее были сухими, а лицо выражало бешенство. — У них нестандартная клавиатура.

— Что это значит?

— Машинистки, печатающие вслепую, не смогут на них работать. Я внесла десять из них. — Она показала, и он увидел, что она внесла в дом десять коробок, открыла их и осмотрела десять машинок. — Наверное, все они одинаковы.

— Объясни мне, — попросил он. Хотя уже все понял. — Я думал, что клавиатуры везде стандартные.

— Нет, — сказала она. — Они в разных странах разные. Это испанская клавиатура. Перевернутый вопросительный знак, видишь? Специальное п с тильдой над ним. Знак резкости. — Она печа-

тала эти знаки. Осматривая машинку в мотеле, он обратил на них внимания не больше, чем на знак процента или знак etc. — Некоторые буквы расположены там же, где и на английской клавиатуре, но некоторые нет. Даже в этой стране когда–то использовались несколько различных клавиатур, только в одной этой стране.

Оба какое–то время молчали.

— Это любая машинистка поймет? — спросил он наконец.

— Да, — сказала она. — Как только начнет печатать вслепую.

— Значит, все?

— Мы не можем их продавать, если у них нестандартная клавиатура, — сказала она. — Машинок с нестандартной клавиатурой больше не продают. Их не было долгие годы. Это подразумевается. Считается само собой разумеющимся. Что говорил тот, кто тебе их продал? Я хочу посмотреть на контракт.

Он достал контракт, и они вдвоем его изучили. Естественно, о клавиатуре в нем ничего не говорилось.

— Чек уже успел пройти? — спросила она. — Но это же все равно был банковский чек, верно? Значит, он вне досягаемости. Мы можем поехать

к Фанкорту и послушать, что он скажет. Я подумала, ты бы хотел, чтобы я тебя разбудила и обо всем рассказала.

— Так и есть, — сказал он в оцепенении.

— У тебя остались деньги?

— Нет, — сказал он.

— Как же тогда ты собирался их рекламировать?

— Продать парочку, — сказал он. — Потом купить газетную площадь.

— Я пойду одеваться, — сказала она. Удалилась в спальню и вскоре появилась снова, уже в платье и с завязанными сзади волосами. — Есть у тебя сигарета? — спросила она, не найдя сигарет в гостиной.

— Вот, — он протянул ей свою пачку. — Я вот думал, знал ли об этом Мильт.

— Конечно, не знал, — сказала она.

— А по–моему, знал.

— Мильт никогда не допустил бы, чтобы ты их купил, если бы ему было известно о нестандартной клавиатуре, — сказала она. — Я Мильта сто лет знаю.

— А ты не думаешь, что он на нас злится и мстит нам?

— За что?

— За то, что мы поженились.

— Почему?

— Потому что он к тебе неравнодушен, — сказал он.

— Ты хочешь поехать обратно и спросить его об этом?

— Это неважно, — сказал он. В глубине души он был убежден в том, что Мильт все знал. — Наверное, нам придется от них избавиться.

— Да, — сказала она. — Если сможем.

— Продать можно все что угодно, — заявил он. — Все зависит от цены. Может, их можно переделать. Поменять клавиши местами.

— У нас нет денег, — возразила она. — Если бы ты хоть сколько–нибудь сэкономил, тогда мы, может, так бы и поступили.

— Если бы я сэкономил, то не смог бы взять эти машинки.

— Ох, как же стыдно! — сказала она с яростью.

— Я угробил почти два дня на то, чтобы обследовать одну из них, — сказал он.

— И ни разу не заметил, какая у нее клавиатура.

— Да, — признал он. — Не заметил ни разу. Что ж, такое бывает.

— Я к такому не привыкла, — сказала она почти

неузнаваемым голосом. — Никогда не работала в дисконтном доме, не покупала товары, от которых по той или иной причине хотят избавиться.

— Беда в том, — начал он, стараясь не обращать внимания на ее слова, — что у нас нет достаточного рабочего капитала, чтобы это списать. Вот что меня угнетает. Это очень скверно.

Он не смотрел на нее, потому что не был в состоянии вынести выражение ее лица. Угрюмый, тяжелый взгляд, который помнился ему по далекому прошлому, смесь беспокойства и нетерпения.

— Пойдем спать, — сказал он. — Остальные машинки осмотрим завтра. Может, они не все такие.

— Вот из–за чего я хотела отказаться от владения бизнесом, — сказала Сьюзан. — Из–за ужасных вещей, которые происходят, когда кто–то тебя надувает.

Он пожал плечами.

— Вообще–то может быть и другая причина, по какой их продали так дешево. Не та, которую мы обнаружили. Но мы, наверное, сможем кое–что сделать. Не надо… — Он оборвал фразу. — Мы все уладим, — сказал он.

— С помощью других сделок? — спросила она.

— Чего–то в этом роде, — пробормотал он.

— У меня такое странное чувство, — сказала она тонким, пронзительным голосом, который еще и подрагивал. — Я сама допустила оплошность, решив вести дела таким образом. Тебя я не виню.

— О вине и речи нет, — сказал он.

— Верно, — сказала она, стискивая руки. — Я хочу только сказать, что сама допустила промах. Хотела найти кого–нибудь, кто бы мог говорить на этом языке. И получила то, чего хотела, так что и смысла нет на этом задерживаться. — Она стала бродить по гостиной, выравнивая безделушки на каминной полке и перекладывая журналы на кофейном столике. — Это мне в наказание. Мне надо было просто полностью с этим порвать. Продать свою долю Зое.

Он ничего не сказал.

— В конце концов, — сказала она, — мне следовало знать, как именно работают дисконтные дома.

— Мы можем от них избавиться, — сказал он.

— Каким образом?

— Всей партией, — сказал он. — По той цене, что сами уплатили. Кому–нибудь, кто может себе позволить переделать их. Будь у нас капитал, мы, Наверное, сами бы на это пошли.

— Разумеется, — сказала Сьюзан, — ты можешь попробовать поступить так же, как этот тип поступил с нами. Посмотреть, не найдется ли кто–нибудь, кто ничего не заметит. Если ты ничего не заметил, то, может, и кто–то еще не обратит внимания на клавиатуру.

— Точно, — сказал он. Эта мысль начала завладевать его сознанием. — Я мог бы поехать в Рино. Только что пришло в голову. Поговорю со своим бывшим боссом. Вполне возможно, что мне удастся заинтересовать его ими. Для них это будет хорошей сделкой.

— Ты ему расскажешь? — спросила она. — О клавиатуре?

— Как говорится, «покупатель, будь бдителен», — сказал он.

— Если ты так поступишь, — сказала она, — то сюда можешь не возвращаться.

— Что? — не понял он.

Сьюзан заявила:

— Если ты туда поедешь, то я ему позвоню, я знаю, как его зовут. И расскажу ему о клавиатуре.

— Зачем? — спросил он.

— Я не хочу, чтобы машинки переходили к кому–то еще. Я никогда не проворачивала бизнес

вот таким образом. Уж лучше понести убыток.

— Мы не можем понести этот убыток, — сказал он.

— Ты хочешь сказать, что я не могу понести убыток. Это мое заведение, а не твое. Я могу принять этот убыток. Я выйду из дела, прежде чем кто–то еще погорит на этих машинках. Если кто–то захочет их взять, зная, что с ними проблемы, тогда прекрасно. Ты что, этого не понимаешь?

— Я понимаю, что ты сердишься и что нам обоим надо поспать, — сказал он. — Ради бога, пойдем в постель! Я целую неделю был в пути.

Повернувшись, он прошел по коридору в спальню. Присев на кровать, расстегнул брюки, поднялся, переступил через них и залез в постель.

В дверях появилась Сьюзан.

— Слушай, — сказала она. — С меня довольно. Я больше не выдержу.

Встав с кровати, он снова оделся, на этот раз полностью. Надел рубашку, галстук, носки и туфли, а затем пиджак.

— До свидания, — сказал он.

— Куда ты собрался? — спросила она, следуя за ним по коридору в гостиную.

— Кому какое дело? — сказал он, открывая

входную дверь. — Увидимся.

Он спустился по ступенькам и направился к машине.

Она захлопнула за ним дверь с такой силой, что звук раскатился на целые мили по обе стороны темной безлюдной улицы. Где–то вдалеке залаяли собаки.

Он уселся в машину и завел ее. Мгновением позже отвалил от обочины и поехал прочь.

Около часа он бесцельно разъезжал по городу, а потом заметил, что находится на федеральном шоссе 95. Вскоре он свернул в сторону Монтарио. А почему бы и нет, подумал он.

Приехав в Монтарио, он по знакомому маршруту направился к дому Пег Гугер. Припарковавшись, не заметил никаких признаков огней в окнах. Естественно, сказал он себе. Было три часа ночи. Выбравшись из машины, он прошел по дорожке к крыльцу. Какое–то время стучал в дверь. Никто не отозвался. Тогда он обошел дом и постучал в окно, выходившее, как он знал по опыту, из ее спальни.

Открылась задняя дверь. Пег, кутаясь в белый халат, прошептала:

— Господи, это Брюс Стивенс. — Она встревоженно засуетилась. — В чем дело? Опять забыл

пиджак?

— Позволишь мне остаться у тебя до утра? — спросил он. — Я только что из Сиэтла.

— Ну уж нет, — сказала она, заслоняя дверной проем. — Теперь ты женат. Или это выскользнуло у тебя из памяти?

— Я слишком устал, чтобы ехать в Бойсе, — сказал он, протискиваясь мимо нее в дом. Когда ей удалось запереть дверь и последовать за ним, он уже начал вешать свой пиджак в шкаф спальни. Ему ничего не хотелось, кроме как поспать. Она стояла над ним и кричала, но он не обращал на нее никакого внимания. Едва раздевшись, он бросился на кровать и натянул на себя одеяло.

— А мне куда прикажешь деваться? — спросила Пег слегка истеричным тоном.

Он закрыл глаза и ничего не говорил.

— Я буду спать в другой комнате, — сказала она, собрала свою одежду, бутылки с туалетного столика и вышла из спальни. Потом вернулась и спросила: — А чем это у тебя машина забита? Ты что, упаковал все свои вещи и съехал? Умираю от любопытства. — Она топталась у кровати, ожидая ответа. — Если собираешься здесь спать, то лучше скажи мне все как есть. По–моему, это противозаконно, разве нет? Ты же теперь женат.

Сьюзан в поисках тебя сюда не заявится?

— Нет, — сказал он.

— Не засыпай, — весело прощебетала она. — Я хочу с тобой поговорить. — Она включила лампу у кровати. — Я тебя никогда таким не видела. Выглядишь так, словно месяц не брился. Ты что, был в запое?

Он ничего не ответил. В конце концов Пег выключила свет и вышла Из спальни.

— Спокойной ночи, — сказала она уже из коридора. — Завтра мне надо Рано вставать и ехать на работу, так что я, наверное, тебя не увижу. В холодильнике есть яйца и свиная колбаса. Запри дом, когда будешь уезжать. Ты ведь уедешь, правда? — Она снова над ним нависала.

— Да, — сказал он.

Она закрыла дверь, и он наконец смог уснуть.

Около полудня он вылез из постели, принял ванну, побрился, оделся, позавтракал на кухне Пег, а потом поехал обратно в Бойсе.

Сьюзан он застал в офисе «Копировальных услуг» — она сидела за одним из столов, положив перед собой огромную кипу бумаг. Увидев его, сразу же отложила сигарету и тихим голосом сказала:

— Привет.

— Привет, — отозвался он.

— Мне так жаль, что мы поссорились, — сказала Сьюзан. Она сидела, подпирая руками подбородок, потирая лоб и глядя вниз ничего не выражающими глазами. — Брюс, — сказала она, — этому заведению конец. Я лишь надеюсь, что это не конец для нас с тобой.

— Я тоже на это надеюсь, — сказал он, подходя и подтаскивая стул, чтобы сесть рядом. Он обнял ее и поцеловал; губы у нее оказались сухими и едва ему ответили.

Она сказала:

— Если ты хочешь одурачить кого–то еще, заставив его купить эти машинки… — Ее глаза наполнились слезами. — Это мой промах. Я несу за это ответственность.

— Почему? — спросил он.

Под глазами у нее набрякли темные мешки, а горло, заметил он, сморщилось от отчаяния.

— В конце концов, — сказала она неровным голосом, — я ведь была твоей учительницей. Помогала тебе формировать нравственный облик.

При этих словах он не смог сдержать улыбку.

— Это что, такое нравственное падение? — сказал он. — Что ты делаешь, когда кто–нибудь всучивает тебе фальшивую купюру? Разве ты не

передаешь ее кому–то следующему?

— Нет, — сказала она.

— В самом деле? — Ему представилось, что она говорит так только для вида. — Все их передают дальше, — сказал он.

— Разве ты не понимаешь? — сказала она. — Вот в чем между нами разница. Ты думаешь, что я тебя разыгрываю.

— Я не думаю, что ты меня разыгрываешь, — сказал он. — Но я думаю, что на практике…

Он передумал продолжать.

— Теория — это одно, — сказал он. — Мы должны от них избавиться. Разве не так? Мы не можем покрыть убыток. В большом заведении, вроде БПЗ, могут не то что покрыть этот убыток, но даже его и не заметить. Они ежегодно несут определенный процент убытков: там заключают сомнительные сделки и предвидят это. Там заключают тысячи сделок в год, и, по закону распределения, некоторые из них просто не могут не пойти наперекосяк.

Она кивала, внимательно его слушая.

— Но с нами, — сказал он, — все совсем по–другому.

— В мире бизнеса все чувствуют так же, как ты, — сказала она. — Не так ли? Для меня, Брюс,

это просто другой мир. Это не имеет никакого отношения к добру или злу; я просто знаю, что не могу сделать чего–то такое. То ли мы застрянем с этими машинками, то ли кто–то другой сможет с ними что–нибудь сделать, но тебе придется сказать им, что они получают. Я серьезно. Если ты поедешь в Рино, я позвоню ему; я помню, как его зовут. Эд фан Шарф или фон Шарф.

Она показала ему записную книжку. На одной из страниц значилось имя его бывшего босса и телефон дисконтного дома.

— Можно мне сегодня переночевать в доме? — спросил он чуть погодя.

— Конечно, можно, — сказала она, поглаживая его по руке и плечу и напряженно на него глядя, как будто, подумалось ему, в поисках какого–то знака. Какого–нибудь указания, что делать. — И прошлой ночью можно было. Не надо было никуда уезжать. Где ты был?

— Спал в машине, — сказал он.

— Никогда не надо так делать. Я больше не ложилась, так и просидела до утра в раздумьях. Не надо было мне упрекать тебя в том, что ты работал в дисконтном доме. Но это правда, Брюс. У нас с тобой разное воспитание и мировоззрение. Я звонила Фанкорту, и он приедет сюда к шести.

Хочу обрисовать ему ситуацию. Я знаю, что он ничем не сможет помочь, но хочу в этом убедиться.

— Это хорошая мысль, — одобрил он, хотя не видел в этом никакого смысла.

— А потом я избавлюсь от этого заведения, — сказала она. — То, что случилось, послужило мне уроком. Из трех тысяч ровно половину мы должны. Этого хватит, чтобы с легкостью оплатить заем, и еще много останется. Может даже случиться, что Зоя захочет выкупить фирму. Я думаю запросить за нее около пяти тысяч. Просто хочу сбыть ее с рук и убраться отсюда. А потом, когда с этим будет покончено, посмотрим, чем нам захочется заниматься. — Она улыбнулась ему с надеждой во взгляде.

— Ты не хочешь разок попытаться избавиться от этих машинок?

— Я… я не думаю, что нам это удастся, — колеблясь, сказала она.

— Еще как удастся, — заверил он.

— Мы не знаем этого, Брюс.

Поднимаясь на ноги, он сказал:

— Я поеду домой и заберу те десять штук, что ты проверяла.

— А потом?

— Даже если ты продашь контору, — сказал

он, — нам все равно придется что–то делать с этими машинками.

— Ты собираешься ехать в Рино?

— Да, — сказал он. — Если не подвернется что–то еще.

— Надеюсь, когда ты вернешься, я уже продам это заведение. — Она Произнесла это таким тоном, что он ей поверил. Она говорила всерьез. Если сможет, то непременно так и сделает. Но, подумал он, так быстро Не получится. Потребуется какое–то время. И усилия.

— Могу я одолжить пятьдесят баксов на расходы? — спросил он. Деньги у него кончились.

— Думаю, да. — Она заглянула в кассу, после чего дала ему двадцать пять долларов из своего кошелька и две десятки из кассы, в завершение добавив к этому кучу десятицентовых монет. — Почти пятьдесят, — сказала она.

— Этого хватит, — сказал он. — Бензин буду покупать по карточке.

— Ты не поверил мне, когда я сказала, что позвоню твоему старому боссу?

— Поживем — увидим, — сказал он. Он не верил, что, когда до этого дойдет, она подвергнет сделку опасности. Оба они понимали ситуацию и не могли позволить себе удовольствие рас-

сказывать кому–либо о клавиатуре. Возможно, Барановский сам не обнаружил этого, пока еще не купил четырехсот машинок…

Все идет по одной схеме, подумал он. Эти машинки передаются из рук в руки. От Мехико до Сиэтла, через Сан–Диего и Лос–Анджелес, Сан–Франциско и Портленд, может, в промежутках даже через какие–нибудь города поменьше.

А теперь часть партии принадлежит нам.

Теперь нам решать, как заставить колеса вращаться дальше, как сделать, чтобы они двигались дальше.

Про себя он был убежден, что Сьюзан все это видится точно так же. Это было слишком серьезно. Какой еще мог существовать путь?

— Знаешь, — сказала Сьюзан, — когда ты позвонил мне и рассказал о Мильте, это меня встревожило. Что ты мог уехать и оставить Мильта одного. Думаю, вот так ты и отсюда когда–нибудь уедешь, как уехал прошлой ночью. Когда подсчитаешь у себя в уме, что оставаться со мной невыгодно. Когда придешь к выводу, что не видишь способа извлечь средства к существованию из этого места или из женитьбы на мне. Можно мне воспользоваться твоей терминологией? По–моему, из меня можно добыть средства к

существованию. Я, наверное, могу зарабатывать сама себе на жизнь — я всегда зарабатывала. По крайней мере, с тех пор, как… Хотела сказать: с тех пор, как была в твоем возрасте. Но на самом деле — с тех пор, как мне исполнилось девятнадцать. Разве тебе не стоит об этом поразмыслить? О жене, которая может продержать саму себя и, наверное, тебя тоже?

— Знаешь, я никогда ни о чем таком не думал, — возмутился он.

— Может быть, подсознательно? — предположила она.

— Ну что за дурацкие предположения, черт возьми! — сказал он с отвращением.

— Не хотел ли ты подсознательно опереться на меня? Ситуация об этом так и вопиет. Старшая женщина, на которую ты привык взирать снизу вверх, зависеть от нее и полагаться на ее руководство.

— Никогда я от тебя не зависел и на тебя не полагался, — сказал он, задерживаясь на пороге офиса. — Я боялся тебя. Ждал и не мог дождаться, когда удастся уйти из твоего класса.

— Врешь. Тебе нужен был кто–нибудь, кто бы тобой руководил. Тебя необходимо было наставлять и вести.

— Не будь такой мстительной, — сказал он, с трудом сдерживаясь. Ее измышления не имели никакой другой цели, кроме как уязвить его. Она говорила все, что приходило ей в голову.

— Ты был слабым ребенком, — с бледным, но сдержанным лицом сказала она. — Ребенком зависимым, шедшим на поводу у остальных детей.

— Неправда, — с трудом проговорил он.

— Так оно и есть, — сказала она. — У тебя был старший брат. Сейчас он занимается медицинскими исследованиями, не так ли? Он завоевал множество стипендий. Помню, я видела его школьные оценки. У него были выдающиеся способности, я это помню.

— Забавляешься? — сказал он. — Ну–ну, забавляйся.

— Я понимаю твое желание продемонстрировать мне, что ты взрослый, что способен быть со мной на равных, — сказала она с той капризной резкостью, которая неизменно проявлялась в ней, когда она бывала рассержена. — Если бы ты только мог успешно завершить эту свою сделку! Ради твоего собственного блага, а также, конечно, и нашего общего, как бы я хотела, чтобы ты действительно оказался способен сделать то, в чем, как ты утверждал, обладаешь некоторым

опытом. Полагаю, мне не следует говорить тебе подобных вещей, не правда ли? Ты недостаточно силен психологически, чтобы выслушивать их. Прости.

Но даже когда она извинялась, глаза ее оставались жестокими, а голос поднялся до того пронзительного, призывного, ораторского тона, который давным–давно пробрал его до мозга костей, да так там и застрял. Он сморщился от этого звука. Тот заставлял его ежиться, чувствуя вину и страх, а также незабытую бессильную неприязнь к ней. Внезапно она с торжествующим видом погрозила ему пальцем и сказала:

— Кажется, я разобралась в твоих мотивах: ты намеренно купил эти машинки, зная подсознательно об их дефекте, чтобы отплатить мне за ту враждебность, которую чувствовал ко мне в одиннадцать лет. Тебе до сих пор одиннадцать. В эмоциональном отношении ты живешь жизнью ребенка из начальной школы. — Тяжело дыша, она уставилась на него, ожидая услышать, что он имеет сказать.

Сказать было нечего. Он покинул офис, ничего ей не ответив. Какое–то время он не понимал и не обращал внимания, куда идет; просто в прострации блуждал по центру Бойсе.

Какая низость, думал он. Все, что угодно, лишь бы посчитаться.

Может, это правда? Может, он — подсознательно — заметил, что клавиатура не такая? В конце концов, у него была масса возможностей изучить ее. Тем же манером Мильт Ламки устроил дело так, чтобы заболеть в нужный момент и тем самым расквитаться с ним и Сьюзан.

«По силам ли хоть кому–нибудь во всем этом разобраться?» — спросил он себя.

А может, это и не важно, подумал он. Может, это не имеет никакого значения. Я действительно купил машинки; Мильт действительно заболел. Мотивы или тайные причины здесь несущественны. Мне все равно надо избавиться от шестидесяти портативных электрических пишущих машинок «Митриас».

И будь я проклят, если скажу кому–нибудь хоть слово об их клавиатурах. Пусть узнают сами.

Он подождал до заката, а потом выехал по шоссе из города.

Мне надо состряпать чертовски хорошую историю, сказал он себе. Потому что первым делом он захочет узнать, почему я пытаюсь их сплавить. И тогда сделка либо состоится, либо пойдет прахом.

По дороге он размышлял.

Несколько часов ничто не приходило ему на ум. А потом, из ниоткуда, он придумал самую потрясающую ложь, какую ему только приходилось придумывать. Абсолютно неуязвимое объяснение его целей.

Ему надо было избавиться от «Митриасов», потому что представитель какого–то крупного американского завода–по производству пишущих машинок — «Рояля», «Ундервуда» или «Ремингтона» — пронюхал, что он вот–вот начнет торговать «Митриасами» в розницу. Этот представитель явился к нему и сказал, что если он будет продавать их через прилавок, то до скончания века не получит никаких льготных прав от американских производителей пишущих машинок. Более того, ему не будут даже поставлять запчасти и расходные материалы; они его просто удавят.

С другой стороны, если он избавится от машинок фирмы «Митриас» за пределами региона, то они постараются, чтобы он получил достойный льготный договор.

Американских производителей пишущих машинок испугало не что иное, как превосходство «Митриаса».

Любой дисконтный дом типа БПЗ ухватится за возможность получить эти машинки, коль скоро они породили такую историю. При условии, что они ей поверят.

Если они поверят этому, то я их продам, думал он, ведя машину. Не поверят, значит, у меня ничего не выйдет. А если они их купят, то купят по хорошей цене. Я, вероятно, смог бы продать их с изрядной прибылью. Не по сорок долларов за машинку, но скорее по семьдесят пять. Это означало бы чистый доход в пятнадцать сотен долларов. То есть накрутку почти в пятьдесят процентов, какой всякий был бы доволен.

Конечно, осознал он, после этого я больше никогда не смогу сунуться в Неваду.

Хотел бы я знать, удастся ли мне это провернуть. Этот замысел интриговал и будоражил его. Не просто избавиться от машинок, но и получить добрый навар. И продать их не просто кому угодно, но дисконтному дому. Тому самому, в котором он научился бизнесу.

И своим собственным бывшим нанимателям… Это было вызовом.

Глава 15

Эд фон Шарф встретил его в кабинете наверху, выходившем на главный этаж здания Бюро потребительских закупок, и пригласил садиться.

— Давай–ка на них посмотрим, — оживленно сказал фон Шарф.

— Ты говоришь так, словно ждал моего появления, — заметил Брюс.

— Твоя жена звонила, — сказал фон Шарф. — Изложила нам ситуацию. Сколько ты за них заплатил?

Раздосадованный, он буркнул:

— По пятьдесят баксов за штуку.

— Я позову кого–нибудь из отдела пишущих машинок.

Фон Шарф извинился и вышел. Вернулся он в компании закупщика из отдела пишущих машинок и Вина Парети, одного из братьев Парети. Они втроем сгрудились над «Митриасом».

— Мы сможем переделать эту клавиатуру под стандартную, — сказал наконец закупщик. — С парой несущественных отличий. Они не будут иметь значения. Все буквы и цифры будут располагаться правильно. А это главное. — Он кивнул

Парети и фон Шарфу и двинулся было к выходу.

— Во что это обойдется? — спросил его Парети. — Оцени работу.

— По нашей цене, — сказал эксперт, подсчитывая, — это составит, скажем, максимум пять баксов на машинку.

Когда он ушел, фон Шарф отступил в глубь кабинета, предоставив Парети вести торговлю.

— Мы избавим тебя от них, — сказал Парети. — Заплатим тебе по сорок пять долларов за штуку, и нам нужны все шестьдесят плюс имя твоего поставщика. Сколько у него их еще, как думаешь?

— Около трехсот сорока, — сказал Брюс.

— И как много он за них запросит?

— Не знаю, — сказал он, чувствуя, как придавливает его тщета недавнего замысла. — Наверное, вы сможете сторговаться с ним на цену гораздо ниже пятидесяти долларов. Которую я ему заплатил.

— Верно, — сказал Парети. — Твоя жена так нам и сказала. Мы просто хотели удостовериться. Мы не хотим, чтобы ты нес убыток, но ты же видишь, во сколько нам обойдется довести их до кондиции, чтобы можно было ими торговать. Что скажешь о цене в сорок пять долларов за штуку? Это означает, что ты теряешь всего триста

долларов; это же мелочь.

— Для вас, может быть, — сказал Брюс.

— Я бы не прочь дать ему ту цену, что он сам уплатил, — сказал фон Шарф.

— Ну уж нет, — категорическим тоном сказал Парети.

— Он их сюда доставил. И прежде всего он их разыскал; это должно чего–то стоить. Его жена говорит, что он провел в дороге целую неделю. Мы же собираемся выставить их почти по двести долларов.

— Я против, — сказал Парети, — но, если хочешь, выпиши ему чек на три тысячи. — Он обратился к Брюсу: — Ну и какое теперь у тебя чувство? Ты выбрался из–под их груза и при этом не потерял ни цента.

Брюс слабым голосом сказал:

— По–моему, они стоят больше пятидесяти баксов.

Оба его собеседника ухмыльнулись.

— Бросим монетку, — сказал фон Шарф. Он выудил из кармана пятидесятицентовую монету и закрутил ее, подбросив в воздух. — Орел — продаешь, решка — нет. — Монета, миновав руку, упала на пол. — Решка. Не продаешь. — Он поднял монету и убрал ее в карман.

— Дайте мне примерно час, чтобы принять решение, — попросил Брюс.

Оба кивнули.

Когда он стал покидать кабинет, фон Шарф хлопнул его по спине, после чего пошел вместе с ним к выходу.

— Знаешь, — сказал он, — я тебе немного удивляюсь. Ты что, взял их не глядя?

— Нет, — сказал Брюс. — Я их осмотрел.

— Если бы ты работал на нас, тебя бы за это уволили.

— Увидимся через час, — сказал Брюс. Повернувшись спиной, он прошел наружу, к парковке и своей машине.

В течение часа он разъезжал по городу, а потом остановился у подъездной стойки мороженщика и купил ананасовый эль. В долгих поездках без питья он обнаружил, что вкус ананасового эля менее всего напоминает сельскую местность: он заставлял его думать о девушках, пляжах и голубой воде, переносных радиоприемниках и танцах, о радостях своих школьных дней. О том счастье, которое в них было.

В большинстве машин по соседству сидели подростки. Парни со своими девушками, которые слушали автомобильное радио, ели гамбургеры

и потягивали ананасовый эль в припаркованных двухместных «Меркуриях».

Хотел бы я знать, стоит ли мне продавать эти машинки, думал он. Если они могут довести их до кондиции по пять долларов за штуку, то смогу и я. Нет, сообразил он. Это их цена: у них есть верстаки в задних помещениях, а также разнорабочие с уклоном в механику, чтобы выполнить эту работу.

Однако ему пришло в голову, как последняя возможность, что он может попытаться сделать эту работу самостоятельно. Это обойдется ему минимум в триста долларов. Может, и в большую сумму. Но ему не понадобится переделывать все шестьдесят машинок сразу; он мог бы начать с нескольких, продать их, на вырученные деньги переделать еще какое–то количество и так далее.

Допив эль, он поехал дальше, пока не увидел мастерскую по ремонту пишущих машинок. Остановившись, вышел и внес туда «Митриас». Показав его мастеру, спросил, сколько будет стоить переделать клавиатуру.

Мастер, напыщенный маленький и низенький субъект, аккуратно одетый в белую рубашку с галстуком и отутюженные брюки из плотной ткани, со всех сторон осмотрел машинку, после

чего озвучил цифру от двадцати до двадцати пяти долларов.

— Так много? — с упавшим сердцем сказал Брюс.

Мастер объяснил ему, что для некоторых изменений потребуется перепаивать литеры. Или же рычажки с литерами можно отпилить, поменять местами и приварить снова в другой последовательности. Но некоторые клавиши придется расщеплять, а это очень мудреная работа.

— Есть ли какой–то шанс, — спросил Брюс, — что я смогу сделать эту работу самостоятельно?

— Зависит от того, какой вы умелец, — сказал мастер.

— Как насчет инструментов?

— Да, инструменты вам понадобятся. Но ради одной машинки…

— У меня их шестьдесят.

— Вот что вам надо сделать, — сказал мастер. — Договориться с кем–нибудь, кто занимается этим делом. У которого есть мастерская и инструменты, который знает, как это сделать. Если попробуете сами, то повредите пару букв, а тогда машинке конец. Готов поспорить, что запчастей вы для них не найдете.

Поблагодарив мастера, он покинул мастер-

скую.

Вот и все. Если только он сможет договориться с каким–нибудь мастером. Может быть, для начала, чтобы потом его заменить.

А кого он знает? Никого. По крайней мере, никого с высокой квалификацией.

Они меня поймали, подумал он. Купят у меня машинки, переделают их, а потом накрутят чертовски большую прибыль. Вся моя работа, все разъезды, планы и ожидания... и, подумал он, «Копировальные услуги» или как бы мы это в итоге называли. Мы получим обратно свои деньги — большую их часть, — но я очень сомневаюсь, чтобы мы смогли оттуда уехать. Собственно, я знаю, что мы не сможем уехать. Как это сделать? Куда мы поедем?

Вот у меня есть машинки, думал он, и я ничего не могу с ними поделать. Не могу исправить их и продать. Мне нужны только деньги. Деньги. Несколько сот долларов. Тысяча. А еще лучше — две тысячи. Но, в любом случае, хоть сколько–нибудь. А где их взять? Мы должны банку пятнадцать сотен плюс проценты; все, что мог, я выбил у родителей и Мильта Ламки, и вот результат. Нечего продать, сдать в аренду, обменять; нечем обеспечить уверенность в будущем.

А как насчет моей машины?

За нее достаточной суммы не получишь. Отпадает.

Может быть, дом Сьюзан? Занять под него. На срок, которого бы хватило, чтобы привести эти чертовы машинки в порядок и продать их.

А потом он подумал: она таки позвонила. Позвонила им и рассказала про клавиатуру. Так что, может, подумал он, я не хочу больше с этим тянуть. Может, сейчас подходящий момент, чтобы остановиться.

Как же это низко — поступить вот так, сказал он себе. Хотя, конечно, ей так не кажется. Ей это кажется правильным.

Что хуже всего. Она поступила так из морального долга.

Но для него это было отвратительно, это поставило его в ужасное положение. Твоя жена звонила нам, сказал Эд фон Шарф. Твоя жена нам рассказала. Она тебя кинула, шут ты гороховый. Клоун. Во имя чего? Чтобы поддержать дисконтный дом, которого она никогда не видела и которому явно не симпатизировала?

Мне никогда этого не понять, подумал он. Так что ну это все к черту.

Он позвонил ей из таксофона в аптеке.

— Они возьмут их, — сообщил он.

— Ой, слава богу, — с жаром сказала Сьюзан. — По какой цене?

— По сорок пять за штуку.

— Какое облегчение! — Она вздохнула. — Брюс, это чудесно. Это означает, что мы возвращаем почти все свои деньги. Сколько мы теряем? Триста долларов? Я слишком волнуюсь — не могу прикинуть с ходу. Мы можем считать это деньгами Мильта, частью из пятисот долларов, что он вручил нам в качестве свадебного подарка. Между прочим, я ему звонила. Застала его в Покателло, в доме у подруги. У Кэти Гермес, ты с ней знаком.

— Как он? — спросил Брюс.

— Гораздо лучше. Уже опять куда–то поехал. Он спросил, купили ли мы машинки, и я сказала ему, что… — Она запнулась. — Сказала ему, что мы решили отказаться.

— Почему? — сказал он.

— Потому что… ну, я подумала, что это, может быть, его расстроит.

— С какой стати это должно его расстроить?

— Я поразмыслила над этим и решила, что ты, возможно, прав. Он мог подсознательно знать о клавиатуре. И тогда, если бы он узнал, что мы их купили, ему пришлось бы справляться с чувством

вины. По–моему, из–за этого он и дал нам пятьсот долларов — чтобы успокоить свою совесть. Меня это удивило… это же огромные деньги.

— Я просто предположил, что это было сделано из–за тебя, — сказал он. — Потому что вы с ним были близкими друзьями.

— Ничего подобного, — сказала она. — Кто тебе такое внушил? Я знаю его ничуть не лучше, чем ты.

— Так продавать мне им эти машинки? — спросил он.

— Да–да, — сказала она. — Обязательно. Пока они не передумали.

— Они не передумают, — сказал он. — Они собираются заработать на них около девяти тысяч долларов, плюс–минус несколько человеко–часов на переделку.

— Мистер фон Шарф говорил тебе что–нибудь о твоей работе? — спросила Сьюзан.

— Почему ты спрашиваешь? — сказал он, холодея.

— Просто интересно. Если мы собираемся закрыть офис, то тебе придется об этом подумать. Я хочу закрыть его, Брюс. После твоего отъезда я поговорила с Фанкортом, и он сказал, что считает это хорошей идеей. Тогда я смогу сидеть дома

с Тэффи.

— Ты что–нибудь сказала об этом фон Шарфу? — спросил он.

— Я… сказала ему, что мы, может быть, переедем в Рино.

— А он что?

— Сказал, что твое место за тобой.

— Ладно, — сказал он. — До свидания. — Он собрался повесить трубку.

— Ты завтра приедешь? — спросила она.

— Да, — сказал он и повесил трубку.

Боже мой, подумал он, она говорила с ними о моей работе. Они, наверное, разделили ее между собой. Время, оклад, обязанности.

Он вернулся к машине. Несколько минут посидел, потом завел двигатель и поехал обратно в мастерскую, где низенький маленький человечек в аккуратной одежде оценивал свою работу.

— Вижу, вы вернулись, — серьезно и тихо, по своему обыкновению, сказал мастер, когда увидел Брюса с «Митриасом» в руках.

— Хочу, чтобы вы взялись за эту работу, — сказал Брюс. — Можете вы это сделать прямо сейчас?

— Полагаю, что могу, — сказал человечек. — Поставим ее сюда. — Он взял машинку и поместил

ее на свой верстак. — Совсем не тяжелая.

— Я бы хотел посмотреть, — сказал Брюс. — Вы ведь не будете из–за этого нервничать, верно? — Достав шариковую ручку и бумагу, он уселся поблизости.

— Вы хотите увидеть, как это делается, верно? — спросил мастер.

— Да, — сказал он.

— Давайте начистоту. Чтобы это хоть как–нибудь вам помогло, вам недостаточно просто наблюдать за моей работой. — Он поразмыслил. — Вы не очень спешите? Что, если мы отложим это дело до вечера?

— Пожалуй, можно.

— Тогда приезжайте сюда после ужина, — сказал мастер. — Часов этак в семь. Ради вас я пройдусь по ней шаг за шагом, покажу, какие вам понадобятся инструменты. И вы сможете проделать то же самое на моем верстаке, пока я не увижу, что вы знаете, что делаете. Иначе вы угробите свои шестьдесят машинок.

— Как вы думаете, я смогу научиться? — спросил он.

— Несомненно. Учеба обойдется вам в тридцать долларов. Я дам вам сделать самому со второй машинкой все, что можно. Закончу в

одиннадцать. — Он отставил «Митриас» в сторону. — Значит, увидимся в семь.

Чувствуя себя немного лучше, Брюс вышел из мастерской. У него за спиной невозмутимый, ничем с виду не примечательный человек, чей галстук свесился куда–то в сторону, возобновил работу за верстаком над старой электрической машинкой «IBM».

Человек, которого я никогда раньше не видел, подумал он.

Вечером он вернулся в мастерскую. Мастер впустил его, после чего начал работать над «Митриасом». Это не выглядело особо трудным. Закончив, он стал присматривать за Брюсом, который принялся переделывать вторую машинку. К десяти часам он обучился пайке, отпиливанию и привариванию и занимался расщеплением клавиши на две части. После этого мастер показал ему, как выравнивать клавиши с помощью специального инструмента, который захватывал и сгибал рычажки с литерами.

— Инструменты вам придется купить, — сказал мастер. Старомодным каллиграфическим почерком он методически записал для него торговые названия и размеры. — А вот названия пары магазинов, где вы можете попытать счастья;

если у них этого не окажется, тогда вы можете послать запрос на Побережье или на Восток. Позже сможете использовать их, чтобы самому выполнять обслуживание. Знаете, если вы собираетесь продавать пишущие машинки, то вам надо позаботиться о своем собственном сервисе. Найти человека, установить верстак. Иначе это будет стоить вам слишком дорого.

Он заплатил мастеру, поблагодарил его и ушел.

Я знаю, что могу сам переделать машинки, сказал он себе, усаживаясь обратно в «Меркурий». Все, что мне надо, — это инструменты. Он все записал, шаг за шагом, а потом проделал это, следуя письменным инструкциям. Спустя неделю или месяц он сможет сделать это снова. По словам мастера, инструменты не обойдутся ему дороже пятнадцати долларов, если он сумеет найти дешевую спиртовую горелку. А он знал, где сможет найти такую: в отделе скобяных изделий БПЗ.

Назавтра, вместе с шестьюдесятью машинками, по–прежнему лежащими в его машине, он поехал обратно в Бойсе.

Когда Сьюзан увидела коробки, как и раньше, уложенные штабелями в машине, она сказала:

— Почему ты их не продал? Они отказались?

— Нет, — сказал он. — Это я отказался.

— Почему?

— Я собираюсь исправить их, — сказал он. — Один малый в Рино показал мне, как это сделать.

— Но ты же не мастер по ремонту пишущих машинок!

— Я только эту работу и сделаю. — В Рино он уже запасся нужными инструментами. — Это ничего не будет нам стоить. Если ты не захочешь записать в расходы мой труд. — Взяв тачку, он начал сгружать на нее коробки.

— Не тебе решать, — заявила она.

— Я уже решил, — ответил он.

— Когда я говорила с ними по телефону, то сказала, что ты везешь машинки, чтобы продать им.

— Мы не смогли договориться, — сказал он.

— Там не о чем было договариваться. Мы обо всем условились по телефону. Ты пытался уговорить их заплатить больше, в этом все дело? Ты пытался добиться лучшей цены, а они не хотели ее платить, и поэтому ты свалил оттуда?

Сьюзан казалась в большей мере озадаченной, чем рассерженной; она не понимала, почему он вернулся с машинками, но знала, что этому долж-

на была иметься какая–то причина. Он сделал это нарочно; вроде бы до нее начинало доходить. Глядя, как он переносит машинки, она разрывалась между любопытством и яростью, продолжая упражняться в красноречии. Он ее не слушал.

— Я займусь этим здесь, в офисе, — сказал он, когда она сделала паузу. — Надо очистить один из столов. Нам не надо переделывать их все сразу, достаточно всего нескольких, чтобы выставить на продажу. — Он поставил в витрине офиса две машинки, которые уже были переделаны. — Вот, две уже готовы.

Она с любопытством наклонилась посмотреть, что с ними сделано. Поэтому он прервал разгрузку и показал ей.

— Ты их испортишь, — сказала она.

— Нет, — сказал он.

Теперь она лучше владела собой. Скрестив руки, глубоко вздохнула и произнесла тихим и напряженным голосом:

— Я наняла тебя, чтобы ты занимался закупками.

Это может означать что угодно, сообразил Брюс.

— Верно, — сказал он. — А когда нанимаешь кого–то что–то делать, то практичнее всего оста-

вить его в покое и позволить выполнять свою работу. То же самое тебе скажут в любой большой деловой организации.

Она смотрела на него с выражением, которое он никак не мог истолковать.

— Именно так президент Эйзенхауэр действовал в Европе, — сказал он.

Чуть позже Сьюзан сказала:

— Может, тебе лучше оставить одну из этих машинок в качестве модели?

— У меня все записано, — ответил он, раскладывая перед ней свои заметки. — Видишь?

— Все равно, оставь одну как образец, — сказала Сьюзан.

— Нам придется подумать о каком–нибудь контракте про повременную оплату, — сказал он.

— Да ну? — пробормотала она таким тоном, который можно было счесть саркастическим. Но он не слишком хорошо ее расслышал, чтобы в точности разобрать.

Пока она стояла скрестив руки и наблюдая за ним, он закончил разгрузку. Никто из них ничего не сказал. Но он, занимаясь своим делом, подумал: она должна признать, что это именно то, для чего она меня наняла. Это моя работа. Я — тот, кто принимает решения.

В тот вечер он работал допоздна, в одиночку переделывая машинки в офисе. Закончил пару, а потом, когда устал, выключил свет и поехал через весь город домой. Сьюзан, конечно, уже легла. Как приятно вернуться домой, подумал он, принимая душ в знакомой ванной. Надев чистую пижаму, он забрался в постель рядом с ней.

На следующее утро он долго спал. Проснувшись, обнаружил, что она уже встала, оделась, поела и ушла. Некоторое время он лежал на спине в постели, наслаждаясь покоем. Потом тоже поднялся. Неторопливо позавтракал, побрился, надел чистую хлопчатобумажную рубашку в полоску, слаксы, повязал галстук, а потом, упиваясь чувством обладания домом, стал бродить по нему, переходя из комнаты в комнату.

Из окна гостиной был виден двор. Трава и розовые кусты. Свернутый садовый шланг.

Чудный вид, подумал он. Простирается много дальше улицы. Мимо с грохотом проехал молочный фургон; он увидел, как тот остановился и из него выскочил водитель. Глядя на молочника, спешащего по длинному пролету бетонных ступенек, он испытывал некое удовлетворение. Приятно видеть, что кто–то еще торопится, решил он. Наблюдать работу мира. У каждого человека

имеется своя ниша, и должен сказать, что я не особо разочарован своей собственной.

Конец долгого путешествия, подумал он. Чертовски трудной езды.

Надев пиджак, он вышел из дома, прошел к своей машине, сел в нее и завел двигатель.

Вскоре он ехал по улице в сторону офиса.

У бордюра напротив офиса «Копировальных услуг» был припаркован желтый пикап с опущенным задним бортом. А этот грузовичок мне знаком, подумал он, приближаясь. Въехал в парковочный закуток, остановился и выключил двигатель. Сидя в машине, стал наблюдать за пикапом.

Входная дверь офиса был открыта и подперта кирпичом. Мгновением позже появился парень в рубашке и брюках цвета хаки, толкая перед собой тачку. На нее были погружены коробки. Парень, умело маневрируя тачкой, подкатил ее к заднему борту пикапа, после чего переставил коробки в кузов. Весело спрыгнув наземь, покатил пустую тачку обратно в офис и скрылся из виду.

Я его знаю, подумал Брюс.

Сукин сын, подумал он, да он же из Бюро потребительских закупок, а грузовичок тоже принадлежит им. Он забирает машинки. Грузит

их в пикап, пока я сплю себе дома.

Распахнув дверцу, он выпрыгнул из машины и бросился по тротуару к пикапу.

— Эй, — сказал он, задыхаясь. — Какого черта тут творится?

Парень, снова появившись на пороге офиса с грузом коробок, глянул на Брюса и узнал его.

— Привет, — немного смущенно сказал он. — Ну–ка, ну–ка — ты ведь раньше работал в БПЗ? Погоди, вспомню, как тебя зовут.

Он опустил тачку на подпорки и напряженно вспоминал, постукивая себя по лбу. У него, примерно семнадцатилетнего, была короткая стрижка, полные щеки и большие мускулистые руки.

— Она внутри? — спросил Брюс.

— Ты имеешь в виду миссис Стивенс? — сказал парень и тут же взмахнул рукой. — Так вот ты кто! Брюс Стивенс.

Брюс прошел в офис. В глубине его на краю одного из столов сидела Сьюзан, покуривая сигарету. На ней был строгий темно–зеленый костюм, волосы были тщательно уложены, и выглядела она мрачно и собранно. Когда он вошел, она мельком на него взглянула. Но ничего не сказала.

Стараясь, чтобы его голос звучал как можно

естественнее, он спросил:

— Что все это значит?

— Я решила тебя отпустить, — сказала Сьюзан.

О Господи, подумал он.

— Ты правильно говорил, — сказала Сьюзан. — Что я наняла тебя, чтобы принимать решения о закупках.

— Будь я проклят, — только и сказал он, и голос у него на этот раз был слабым и дрожащим.

Чтобы не тряслись руки, ему пришлось сунуть их в карманы. Тем временем парнишка у них за спиной возобновил погрузку коробок; он осторожно катал тачку туда и обратно, ничего не говоря и стараясь производить как можно меньше шума.

Глядя Сьюзан прямо в лицо, Брюс спросил:

— Мы по–прежнему в браке?

— Да, конечно, — подчеркнуто сказала она, слегка помаргивая, словно бы застигнутая врасплох.

Значит, она его уволила. У него больше не было работы: в течение ночи или рано утром она все обдумала и приняла решение. И позвонила в БПЗ, и вот теперь оттуда прислали грузовик, чтобы забрать машинки. Как это он приехал так быстро? Может, она позвонила еще вечером, пока он рабо-

тал, переделывая машинки. Она все решила еще до того, как он добрался домой и лег в постель. Вышла из офиса и сразу же направилась к телефону. Возможно, она приняла решение, как только увидела машинки. Но не сказала ни слова.

— Какой был смысл ничего мне не говорить? — спросил он. Голос понемногу к нему возвращался.

— Я устала спорить.

На это он не нашелся, что сказать.

— Мне показалось, — продолжала она, — что говорить об этом снова будет напрасной тратой времени. Я знала, что ты принял решение, и не было никакого способа тебя урезонить.

— По–моему, это черт знает что, — сказал он.

— Это моя лавка, — сказала Сьюзан. — Мы оба должны признать тот факт, что я здесь хозяйка. — Не сводя с него глаз, проговорила: — Машинки принадлежат мне. Разве не так? Мне неприятно настаивать на этом, но они мои. Они куплены на мои деньги.

— Деньги не все были твоими, — возразил он. — Как насчет тех денег, что дали мои родители?

— Половина из них моя, — сказала Сьюзан. — Значит, остается всего пятьсот долларов.

— И тех денег, что дал нам Мильт?

— Половина из них по закону принадлежит мне.

— Тогда часть машинок моя, — сказал он.

Услышав это, она кивнула. Однако не представлялось, что данное обстоятельство было для нее так уж важно.

— Свои я заберу, — сказал он.

— Поступай, как знаешь, — отозвалась она, быстро затягиваясь сигаретой.

Он вышел наружу, к пикапу. Парнишка уже поднимал задний борт. Он увязал коробки, чтобы те не растряслись на обратном пути в Рино.

— Черт возьми, — сказал Брюс. — Часть машинок принадлежит мне.

У двери в офис появилась Сьюзан.

— Это правда, — сказала она парню. — Часть принадлежит ему. — С блокнотом и карандашом в руках она занималась подсчетами.

— А, черт с ними, — сказал Брюс. Он повернулся и пошел прочь от них, к своему «Меркурию». Забравшись внутрь, захлопнул дверцу, завел двигатель и разом отъехал от бордюра, влившись в транспортный поток. Он рванул мимо, мгновением позже оставив позади себя и пикап, по–прежнему стоявший у бордюра с грузом коробок, и Сьюзан с парнем на тротуаре, поглощенных

каким–то спором.

Пусть делают с ними, что хотят, подумал он. Пусть засунут их себе в задницу.

Охваченный дрожью, он замедлил ход, сдал вправо и свернул за угол. По инерции проехал по тихой боковой улочке и остановился. Шум движения отошел назад. Здесь царили мир и покой. Он выключил двигатель. Машина немного прокатилась дальше. Он поставил ее на ручной тормоз.

«Стоит ли мне проехать к дому? — спросил он себя. — И забрать свое барахло?» Нет, подумал он. Я, наверное, никогда туда больше не вернусь. Не вижу для этого никаких причин. Как же все скверно, думал он. После всех моих трудов. Надо же такому случиться. Как только она могла так точно с ходу подсчитать, какая часть машинок принадлежит ей, обосновать почему. Может, звонила своему адвокату?

Теперь, подумал он, я могу снова вернуться на дорогу. Но ему этого не хотелось. Запустив двигатель, он тронулся вдоль домов. Жилой район, подумал он. Лужайки и подъездные аллеи. Какое–то время он ехал куда глаза глядят.

Никак не предполагал, что так все обернется, думал он. Ничего нельзя предсказать. Все эти

годы, что я ее знаю. С начальной школы. И в средней школе я тоже был с ней знаком, доставлял ей газету. То, что меня никогда не приглашали в дом, должно было послужить мне намеком. И теперь снова все то же самое. Надо было остеречься.

Может, самым лучшим будет снять комнату, решил он. Сниму где–нибудь здесь комнату и поживу в ней какое–то время, пока не отдохну. Тогда стану лучше соображать и пойму, что делать дальше.

Он чувствовал, что сейчас не в состоянии ни о чем думать.

Я смогу распланировать все позже, решил он.

И направил машину в ту часть города, где располагалось съемное жилье. Наконец подъехал к большому белому дому с меблированными комнатами, с несколькими дверными звонками и почтовыми ящиками. В одном из окон фасада красовалась вывеска: СДАЕТСЯ КОМНАТА. Так что он припарковался и вылез из машины.

Окрестности неплохие, думал он, поднимаясь на крыльцо, где стояла коробка с пустыми бутылками из–под кока–колы. Нажал на верхнюю кнопку звонка. Вскоре дверь открылась, и перед ним появился субъект в брюках и майке, средних лет и чрезмерной полноты — его огромный жи-

вот свешивался поверх ремня.

— В чем дело? — спросил он, протирая пальцами глаза.

Брюс объяснил, что ему нужна комната. Мужчина в дверях сказал, что он не управляющий, а всего лишь один из жильцов, пожарный, который спит днем. Тем не менее он провел Брюса наверх по застеленному ковром лестничному пролету, мимо росшего в горшке каучуконоса, и показал ему свободную комнату. Та была недавно окрашена, и в ней пахло чистотой. В одном углу стоял диван, в другом — газовый циркуляционный обогреватель. На окнах висели и шторы, и тюлевые занавески. Пожарный стоял у входа, все еще протирая глаза.

— Здесь мило, — сказал Брюс.

— Можете располагаться здесь прямо сейчас, — сказал пожарный, поворачиваясь и начиная спускаться обратно. — Управляющий будет здесь сегодня вечером, тогда ему и заплатите. Насколько я помню, аренда составляет двадцать баксов, но лучше обсудите это с ним.

В машине у Брюса по–прежнему находилось немало вещей; там была его одежда, а это много значило. И при нем были его туалетные принадлежности, щетка для волос, крем после бритья,

запонки и туфли. Он перенес чемодан в комнату и убрал свои вещи в ящики комода и в фанерный шкаф для одежды. Потом закрыл дверь, снял пиджак и улегся на односпальную кровать. На ней имелись простыни, одеяла и даже подушка. Все, что мне надо, подумал он, лежа на спине с руками по бокам. Есть придется вне дома, но я к этому привык.

Пробуду здесь несколько дней, подумал он. Пока не приду к какому–нибудь решению.

В бумажнике у него было двадцать или тридцать долларов, может, и больше. Он хотел было встать и посмотреть, но после непродолжительных дебатов с самим собой решил пока не беспокоиться. Там достаточно, решил он. Я со всем прекрасно управлюсь.

Комната казалась ему уютной и спокойной. По улице внизу проехали две или три машины. Он прислушивался к гулу их двигателей. Могло быть гораздо хуже, сказал он себе. Мне действительно не так уж сильно досталось. Черт, подумал он. При мне же мое здоровье и моя молодость; говорят, что если у тебя есть одно и другое, то тебе не о чем тревожиться. И я кое–чему научился. Из опыта всегда можно извлечь выгоду. А если я захочу, то могу вернуться и потребовать машинки, кото-

рые принадлежат мне. Но зачем беспокоиться? Пусть достаются ей. Если это так для нее важно. Пусть наживается на них, если хочет.

Он лежал, думая обо всем этом.

Глава 16

Лежа на кровати, он думал и о том дне, когда впервые ее увидел, новую молодую учительницу, стоявшую у доски. В съемной комнате он в полном одиночестве вспоминал тот важный день, случившийся много лет назад, когда вошел в класс и увидел новую учительницу, писавшую большими четкими буквами:

МИСС РУБЕН.

На мисс Рубен был голубой костюм, а не платье. Всем им казалось, что она принарядилась по какому–то случаю, чтобы пойти то ли в церковь, то ли в гости. Их поразил цвет ее волос, и они об этом перешептывались. Волосы были соломенно–желтыми, а не темно–серыми, как у миссис Джэффи. Никто из них никогда не видел учительницу с желтыми волосами; это были скорее волосы какой–нибудь девчонки, но уж никак не учительницы.

Когда она отвернулась от доски, они увидели, что она им улыбается, всему классу одновременно, а не кому–то в частности. Некоторые из них испугались этого и уселись на самые дальние места в классе. Ее лицо, веснушчатое и красно-

ватое, было округлым, гладким и чрезвычайно подвижным. Глаза ее, по их мнению, тоже таили в себе угрозу: она, казалось, смотрела сразу на все в комнате. Ни на чем не сосредоточивалась. Некоторые из детей заметили, что к костюму у нее, в том месте, где пиджак сходится и застегивается, приколота гроздь белых цветов. Пуговицы на ее голубом костюме тоже были белыми, они обратили на это внимание.

Дали звонок.

Усевшись за стол миссис Джэффи, мисс Рубен сказала: «Так, дети. — Те немногие из них, что переговаривались, тут же замолчали. — Я буду вашей учительницей до конца полугодия. Миссис Джэффи не вернется. Она очень больна. А теперь я хочу провести перекличку. — На столе лежал журнал учета посещаемости миссис Джэффи. — Я знаю, что вы должны сидеть в алфавитном порядке, но вижу, что это не так. Никто из вас не сидит на своем месте».

Все мальчишки перебрались на одну сторону класса, оставив девчонок самих по себе. И никто не сидел в первом ряду. Вот как, значит, узнала о нарушении порядка мисс Рубен. Но им стало не по себе. Какая же она умная. Миссис Джэффи никогда бы ничего не заметила, но вот мисс Рубен

увидела это с первого взгляда.

Одна из девочек поднялась и сказала:

«Я — проктор миссис Джэффи. Я всегда провожу для нее перекличку».

Это было правдой. Но новая учительница мисс Рубен сказала: «Спасибо, но сегодня я проведу перекличку сама. И вот чего я от вас хочу. — Она снова улыбнулась им, всем вместе. — Когда я буду называть имя ученика или ученицы, то не хочу, чтобы он или она отвечали. Вам понятно?»

Все, опешив, молчали. Они–то намеревались отвечать «с дерзостью», как проделывали с временной учительницей на протяжении последних полутора дней.

«Вот чего я от вас хочу, — продолжала мисс Рубен, со скрещенными руками сидя за столом, по самому центру. — Когда я назову имя ученика, то хочу, чтобы все остальные дети — вместе! — показали на него. А сам он пусть не говорит ни слова. Всем понятно?»

После этого мисс Рубен назвала чье–то имя. Несколько учеников показали на этого мальчика. Мисс Рубен внимательно его осмотрела и сделала отметку в журнале. Снова назвала имя. На этот раз на ученика показало большее число детей. К концу переклички уже все ученики с энтузиаз-

мом показывали на других.

«Хорошо, — сказала она. — Теперь, думаю, я всех вас запомнила. Я хочу, чтобы вы расселись в алфавитном порядке, как у миссис Джэффи. И если я к кому–нибудь обращусь и неправильно назову имя, то пусть все остальные сразу же мне скажут, как правильно. — Она улыбнулась. — Так что, пожалуйста, поднимайтесь и безо всякого шума пересаживайтесь на свои обычные места».

Пока они пересаживались, она напряженно глазела на них, как будто высматривала что–то особенное. Никто не знал, что это такое, и даже независимым мальчишкам с задних столов было нечего сказать, когда они перебирались на свои обычные места.

«Чудесно», — сказала мисс Рубен, когда с этим было покончено.

Все было тихо. Они сидели в ожидании, полные страха.

«Последние две недели вы, дети, прекрасно проводили время, — сказала мисс Рубен. — У вас были летние каникулы авансом. Вы делали в точности то, что хотели. Надеюсь, вам это доставило удовольствие, потому что в следующий месяц вам придется оглядываться на эти денечки и думать, как же вам было хорошо.

Вам хочется знать, к чему привело такое ваше поведение? Вы заставили пожилую даму уйти из этой школы. Пожилую даму, которая была одной из самых первых учительниц здесь, в начальной школе имени Гаррета О. Хобарта. До того как родились ваши родители.

А в следующем месяце она собиралась уйти на пенсию. Вы сделали ее последний месяц невыносимым. Вы лишили ее возможности проработать свой последний месяц, который она заслужила.

Из–за вас она заболела.

Я, конечно, знаю, что не все вы в равной мере несете за это ответственность. Я долго говорила об этом с миссис Джэффи.

Я спросила у нее, кто из вас несет ответственность.

Знаете, что она сказала?

Миссис Джэффи не сказала мне, кто их вас виноват. «Все они — прекрасные дети», — сказала она. Что вы об этом думаете? Вы выжили ее из школы, где она проработала сорок один год, она из–за вас заболела — и что же, думаете, она хоть что–нибудь на вас сказала? Нет, ни слова».

Даже мальчишки покрупнее и покрепче потихоньку съежились на своих стульях. Все без исключения испытывали стыд и подавленность.

«Знаете, что вам надо сделать? — сказала мисс Рубен, голос у которой постепенно становился все громче. — Вам надо написать миссис Джэффи и попросить у нее прощения.

Я собираюсь выяснить, кто из вас главные наглецы и нахалы. Я выясню. Вычислю их.

Я учила детей гораздо старше вас. Там, на Востоке, откуда приехала, я обучала класс в средней школе.

Некоторые из вас собираются потянуть время а потом попытать меня на прочность. Хорошо. Посмотрим. Буду ждать».

Откуда–то из глубины класса донесся громкий непристойный звук.

Мисс Рубен поднялась со своего стула. «Так», — сказала она и медленно прошла по проходу между столами в дальнюю часть класса. Лицо у нее было красным, лоб и губы набухли. Когда она проходила мимо детей, те замечали, что глаза у нее яркие, настороженные и блестящие, как у птицы.

Никто ничего не говорил. Все сжались.

В дальнем конце классной комнаты мисс Рубен остановилась у стола, за которым сидел мальчик. Она смотрела на него, пока он не сгорбился, предчувствуя что–то неладное. Остальные заметили,

что он дрожит, и некоторые из них стали хихикать. Мисс Рубен сразу же повернулась: «Тихо!»

Все мгновенно умолкли.

«Встань», — обратилась мисс Рубен к мальчику.

Тот поднялся на ноги, неуклюже отпихнув стул.

«Как его зовут?» — спросила мисс Рубен у класса.

Ученики все вместе сказали: «Скип Стивенс, мисс Рубен».

Сглотнув от волнения, Скип Стивенс сказал: «Я этого не делал».

«Чего не делал? — спросила мисс Рубен. — Я не обвиняла тебя в том, что ты что–то делал». Она произнесла это таким образом, чтобы все остальные поняли, что это шутка, и покатились со смеху.

Как только они отсмеялись, Скип Стивенс собрался с духом и сказал таким ровным и разборчивым голосом, какого только мог добиться: «Это сделал он». Он указал на Джо Сент–Джеймса, который это сделал.

Мисс Рубен сказала: «Пройди вперед, Скип. Ты будешь сидеть за столом впереди». Не оглядываясь, она двинулась по проходу к своему столу.

Скип Стивенс понимал, что должен следовать за ней. Он ничего не сделал, но должен идти с ней. Опустив голову и осознавая свое унижение, он заковылял вслед.

«Найди стул», — приказала ему мисс Рубен.

Он двинулся назад, чтобы найти там свободный стул. Но мисс Рубен сказала: «Сюда. Садись прямо рядом со мной. Чтобы я могла тебя видеть».

Так что ему пришлось притащить стул и усесться рядом с ней. Он старался все время смотреть в пол; старался притвориться, что там, вблизи от него, ее нет.

Время шло. Класс безмолвствовал, все боялись, что она их заметит и о чем–нибудь спросит или заставит что–нибудь сделать.

«Что я такого сделал? — спрашивал он себя, опустив голову и не сводя глаз с пола. — Почему я здесь? Как такое вообще могло произойти?»

У нее нет никаких причин так со мной обходиться, думал он. Это несправедливо. В нем росла ненависть к ней, но в гораздо большей степени утверждалось чувство вины, ощущение того, что он допустил ошибку. Ненависть прошла, но чувство, что он не сумел поступить правильно, осталось. Я сам виноват, думал он. Я совершил промах и теперь за это расплачиваюсь. Она пра-

ва. Я ненавижу ее, думал он, но она права. Будь она проклята.

Он прикрыл глаза ладонями.

Вскоре мисс Рубен, снова улыбаясь им на свой суровый, действенный, безличный манер, спросила: «Кто из вас бывал когда–нибудь в Нью–Йорке?»

После долгого молчания, когда никто не осмеливался шелохнуться, одна девочка подняла наконец руку.

«Когда это было?» — спросила мисс Рубен.

«Три года назад, мисс Рубен», — ответила девочка.

Мисс Рубен обратилась к Скипу Стивенсу: «Ступай к шкафу с принадлежностями, возьми линованную бумагу и раздай всем ученикам. — Она показала ему, какого размера бумагу имела в виду. — Первым делом сегодня утром, — сказала она, вставая и направляясь к доске, — я хочу, чтобы вы написали сочинение». На доске большими печатными буквами она написала:

МОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НЬЮ–ЙОРКЕ

«Я хочу, чтобы вы вообразили, что поехали на восток, в Нью–Йорк, — сказала она. — Хочу, чтобы вы написали обо всем, что, по–вашему, могли бы там увидеть. Если хотите, пишите о метро.

Или о Кони–Айленде. Или о фондовой бирже. Или о «Янкиз». О том, каково, по–вашему, было бы смотреть футбольный матч. Или о музеях. О чем вам угодно».

Не противясь, каждый ученик брал лист бумаги, который ему вручался. Все сразу начинали строчить. Скип вернулся на свое место, прямо у стола мисс Рубен, и взял карандаш, чтобы написать свое имя в верхнем правом углу. Единственными шумами в классе было шуршание бумаги, дыхание учеников, поскрипывание карандашей и ластиков.

Он сидел так близко к мисс Рубен, что чувствовал запах цветов, приколотых к ее костюму. В душной закрытой комнате этот запах напоминал ему о ежевике. О том, каково ближе к вечеру в конце лета лежать в саду под вьющимися стеблями среди сладких и теплых ягод ежевики.

Черт возьми, а что я знаю о Нью–Йорке, подумал он. Я никогда там не был. Ездил повсюду, но никогда не заезжал так далеко на восток. Это просто чтобы заставить нас страдать. Что–то такое, чтобы заставить меня еще сильнее устыдиться.

Я не могу этого сделать, решил он.

«Скип Стивенс, — вскоре сказала мисс Рубен. Ее глаза были устремлены поверх стола прямо на

него. — Почему ты не пишешь?»

Он уже отодвинул в сторону свой лист бумаги и положил карандаш. На листе не было ничего, кроме его имени и названия сочинения.

«Я не могу этого сделать, — сказал он, осев на своем стуле и избегая смотреть на нее. Его голос обратился в неразборчивое бормотание, так что он едва мог заставить его звучать. — Ничего, если я не буду писать?»

«Все остальные пишут, — сказала мисс Рубен. Обнеся свой стул вокруг стола, она наклонилась над ним со словами: — Почему ты не можешь написать о Нью–Йорке?»

«Я никогда там не был», — сказал он. Запах ежевики стал таким сильным, что он затаил дыхание. Он не смел дышать; во всем теле чувствовался жар, кожа чесалась. Он опасался, что вот–вот чихнет.

«Разве ты не можешь вообразить? — мягко сказала она ему на ухо, склонившись таким образом, чтобы говорить только ему, шепотом, который не был предназначен для слуха остальных учеников. Ее голос утратил резкость. Он опустил голову и закрыл глаза. Над ним, рядом с ним, журчал и шуршал ее голос. — Просто подумай, как бы это было, — сказала она, едва не касаясь губами его

уха. — Разве это не было бы прекрасно?»

«Наверное, — ответил он, не смея ни поднять голову, ни открыть глаза. Да, думал он, это было бы прекрасно. Но это слишком далеко. Слишком нереально. Нет смысла озабочивать себя чем–то столь отдаленным. — Я бы хотел поехать в Нью–Йорк, — сказал он ей. — Я бы много чего хотел сделать. Но, черт, я знаю предел своих возможностей. Мне никогда туда не попасть. Надо быть реалистом».

«Тогда о чем бы ты хотел написать сочинение?» — спросила она.

У меня нет желания писать его хоть о чем–либо, подумал он, лежа на спине и прикрывая лицо руками. С какой стати? Куда это меня приведет? Разве я не могу найти что–нибудь приятное? Вообразить то или это, совершить воображаемое путешествие в какую–нибудь мирную, уютную страну. Он взял карандаш и задумался. Что угодно? Вообще на любую тему? И я свободен в выборе? Могу вообразить все, что пожелаю?

«Думаю, я напишу о том, что произойдет», — сказал он. Воображу то, что случится в будущем, через несколько месяцев. Даже больше: через несколько лет. Как оно получилось бы между нами. Если бы все пошло хорошо. Если бы я

мог привезти обратно эти чертовы машинки и работать над ними в офисе, по вечерам, пока почти безо всяких денежных затрат не переделал бы их все, чтобы мы смогли их продать по действительно хорошей цене. Если бы она не стала действовать у меня за спиной и не сплавила бы их, а потом, когда я это обнаружил — поскольку я неизбежно должен был это обнаружить, — не сплавила бы и меня. И не положила бы этим конец всему. Так что мне остается только лежать здесь и обдумывать воображаемое сочинение.

Вот, сказал он себе, его название:

КАК МЫ СОРВАЛИ БОЛЬШОЙ КУШ НА ЯПОНСКИХ ПИШУЩИХ МАШИНКАХ. И ЧТО С НАМИ ИЗ–ЗА ЭТОГО СТАЛОСЬ.

Когда «Митриасы» были бы проданы, пришел он к выводу, у нас оказалось бы достаточно денег, чтобы заинтересовать какую–нибудь из основных американских компаний по производству пишущих машинок. Мы и впрямь смогли бы представлять ее, получив льготу на закупку. Может, ее руководство не захотело бы выдавать новые льготы в Бойсе. Но нас это не обескуражило бы. С теми деньгами, что мы сколотили бы, можно было бы открыть заведение где–нибудь еще. Мы могли бы работать где угодно.

Например, подумал он, мы могли бы открыть магазин в Монтарио. Я так хорошо знаю этот городок, что у нас действительно было бы преимущество. Надо будет заглянуть туда в одно из воскресений, одному. Посмотреть, какая там сложилась ситуация.

По случаю воскресенья кинотеатр «Люксор» был открыт, и у билетной кассы собрались несколько парней в джинсах и девиц в юбках и блузках.

В каждом конце города функционировали аптеки, но все остальное, кроме них, кафе и кинотеатра, было наглухо закрыто. Большинство парковочных мест пустовало. Мостовую и тротуары покрывала пыль и усеивали бумажки. За железнодорожными путями на заправочной станции со сниженными ценами занимались законным бизнесом с некондиционными автомобилями. А на лужайке перед мотелем «Римские колонны» сидела и читала журнал женщина в шортах.

Выйдя из машины, он прохаживался вокруг, заглядывая в витрины магазинов. Большинство из них находились здесь всю его жизнь, однако теперь он видел их с другой точки зрения, теперь он был не ребенком и даже не покупателем, но

потенциальным равным по бизнесу, желающим открыть здесь свое собственное заведение. И это было не мечтой, а вполне реальной и близкой возможностью.

В своей аптеке на углу мистер Агопян вяло раскладывал в витрине репелленты. Вот он, жирный старик, подумал Брюс. По–прежнему мрачный. Если бы увидел меня сейчас, опять обозлился бы. Это на всю жизнь.

Хотел бы я знать, подумал он, что пришло бы в голову старику Агопяну, открой я магазин рядом с ним.

Случился бы у него сердечный приступ? Стал бы он гоняться за мной с метлой? Или, может, он не сумел бы уразуметь, что это я?

Сунув руки в карманы, он побрел дальше, через железнодорожные пути, а потом мимо заброшенных складов. На скамейке у станции сидел пожилой человек с тростью, отмахиваясь от длиннокрылых озерных мух, собиравшихся в вечернем воздухе.

Далеко на шоссе прогудел клаксон грузовика.

В августе они закрыли магазин в Бойсе и все перевезли в Монтарио. Там арендовали помещение, где прежде располагалась городская скобяная лавка. Оно пустовало уже несколько месяцев,

длинное пропыленное здание, втиснутое между скандинавской пекарней и прачечной. Но арендная плата была низкой. И им не пришлось покупать ничего из оборудования: владелец разрешил им просто выломать древние прилавки, сорвать старую проводку и все выбросить.

Рано утром они с женой приехали туда, облачившись в старую одежду. Сначала отскоблили стены и потолок, затем покрасили. После этого, используя базальтовые блоки и известковый раствор, он соорудил новый фасад длиной с витрину. Воздвиг крепкий каменный наружный ящик для зелени и посадил в нем пару вечнозеленых кустов и несколько короткоствольных многолетних растений. И, наконец, снял старую дверь и поставил на ее место современную — из меди и стекла со звездообразным замком.

Бизнес почти с самого начала пошел удовлетворительно. Но на второй или третий месяц он осознал нечто такое, чего ни он, ни Сьюзан не могли предвидеть. Ничто в этом городке больше его не интересовало. Даже в ведении собственного бизнеса присутствовала некая монотонность; каждый день ему представала все та же старая Хилл–стрит из его детства, все те же фермеры из Айдахо, и даже хороший стабильный бизнес

никогда не мог сделать его по–настоящему счастливым. Поэтому он начал раскидывать умом, пытаясь изыскать какую–нибудь новую возможность. Теперь он впервые стал задумываться о настоящем переезде, подразумевая не просто перемещение на дюжину миль по шоссе, но, может быть, переезд в какой–нибудь город, которого он никогда раньше не видел, в совершенно другой штат.

А здесь, ко всему прочему, он по–прежнему находился на территории Мильтона Ламки.

Как–то раз Ламки заглянул к ним со своим кожаным портфелем, во время одной из своих деловых поездок по заданию «Бумажной компании Уолена».

— Где твоя машина? — спросила Сьюзан. — Нигде ее не вижу.

— Я ее продал, — сказал Мильт. — Слишком трудно чиниться в дороге. — Он указал через окно на иностранный седан, припаркованный у бордюра. — Отдал ее в счет покупки шведского автомобиля.

— А у тебя не возникнут проблемы, если понадобится чинить шведскую машину? — спросил Брюс. Они вышли наружу, на противоположную сторону улицы, чтобы осмотреть машину.

— Она новая, — сказал Мильт. — Ее чинить не понадобится.

Оттуда, где они стояли, можно было видеть Сьюзан, работавшую за одним из столов в офисе.

— Как это вам пришло в голову завести бизнес в таком крохотном и труднодоступном городке, как Монтарио? — спросил у него Мильт.

— Я здесь родился, — сказал Брюс. — И вырос.

— Точно. Ты же парень из Айдахо. Я все еще воображаю тебя жителем крупного города. Ведь дисконтный дом, в котором ты работал, находится в Рино? — Он призадумался. — Кое–кто еще жил здесь какое–то время… Да Сьюзан же и жила! Она как–то рассказывала мне, что была здесь учительницей в начальной школе.

— Я учился у нее в пятом классе, — сообщил Брюс.

На лице у Мильта медленно проступило выражение недоверия.

— Правда, что ли?

— Да, — сказал он.

— Никогда не знаю, когда тебе верить, когда нет. Тебе ужасно нравится рассказывать небылицы, которые шокируют окружающих.

— Не вижу здесь ничего шокирующего, — возразил Брюс.

Они побрели обратно к магазину, а потом Мильт, все еще боровшийся в душе со своими эмоциями, сказал:

— Ты знал об этом, когда на ней женился?

— Конечно.

— А она сама?

— Разумеется, — ответил Брюс. А потом его захлестнуло злорадное удовольствие, которому он не смог противостоять. — Поэтому мы и поженились.

— Что ты имеешь в виду? — с испуганной подозрительностью спросил Мильт.

— Я имею в виду, что мы воплотили в жизнь свою давнюю привязанность друг к другу. Тогда это было невозможно, потому что ей было за двадцать, а мне только одиннадцать.

— Что еще за привязанность? — Они уже вошли в магазин. Поза, которую принял Мильт, заставила Сьюзан оторваться от работы и посмотреть на него. — Это правда, что ты была его учительницей в пятом классе?

— Ну да, — сказала Сьюзан. Она повернулась к Брюсу, и они обменялись взглядами, полными непреодолимого веселья. Уловив всю ситуацию, она без колебаний продолжила с того места, на котором Брюс остановился. — Он был моим

любимым учеником. Не потому, что блистал способностями, а потому, что был таким зрелым, я имею в виду сексуальную привлекательность.

Мильт не мог ничего сказать.

— У меня до сих пор сохранилась фотография, на которой ему одиннадцать лет, — продолжала Сьюзан своим спокойным, рассудительным голосом. — Когда это было возможно, я сажала его к себе за стол, пока преподавала классу. Но нам всего равно приходилось ждать. Мы с ним долгие годы тайно встречались. Он навещал меня в моем доме, когда учился в средней школе. Он был уже почти достаточно взросл, и мы очень близко подошли тогда к полноценным брачным отношениям. Но нам все равно пришлось подождать еще немного. Хочешь посмотреть ту фотографию?

— Нет, — пробормотал Мильт.

— Это стоило ожидания, — сказала Сьюзан. — Чем дольше воздерживаешься, тем оно лучше. Верно, Брюс?

Дискомфорт, испытываемый Мильтом, стал настолько очевидным, что они прекратили. Но Мильт оставался мрачным и молчаливым; остальную часть дня он проторчал там, не в силах уйти, но и не в состоянии продолжать с ними разговаривать. В конце концов он попрощался и

направился к своей шведской машине. Махнув им рукой, но не глядя в их сторону, он завел двигатель и укатил.

— Не надо было нам его дразнить, — сказал Брюс. Но это и в самом деле было смешно. Им это доставило удовольствие, и теперь они улыбались друг другу. Случись такая возможность, осознал он, мы бы проделали это снова.

Позже в том же месяце коммивояжер, приехавший из Колорадо, кое о чем ему рассказал. В Денвере был выставлен на продажу магазин пишущих машинок, маленькое заведение, хозяин которого погиб в автокатастрофе. Его родственники не имели вкуса к бизнесу и назначили не очень высокую цену. По словам коммивояжера, вместе с магазином шли несколько хороших льгот на поставку, а также современный фасад и оборудование плюс не очень заплесневелые запасы товаров. И Денвер каждый день расширялся.

Если это заведение чего–нибудь стоит, его может перехватить кто–нибудь другой, сообразил Брюс. Так что на этот раз он не стал садиться за руль, но отправился туда самолетом. В аэропорту Денвера его встретил родственник покойного владельца, и они вместе поехали осматривать магазин. Вывеска там была неоновой, а за одну

только автоматическую кассу, довольно новую, не жаль было отдать четыреста долларов. Запасы по большей части состояли из дорогих офисных моделей пишущих машинок, но он не сомневался, что сможет обменять их у производителей на более дешевые модели. Расположение ему понравилось; Денвера он, разумеется, не знал, но деловой район показался ему оживленным, да и движение там было довольно интенсивным. А другие магазины, особенно расположенные на той же стороне улицы, производили впечатление вполне современных и хорошо ухоженных.

Он полетел обратно в Бойсе, где взял свою машину, и поехал в Монтарио, чтобы обсудить с Сьюзан покупку этого магазинчика в Денвере. При нем были фотографии этого заведения; он показал их ей, и она согласилась, что выглядит оно очень привлекательно. И они действительно нуждались в чем–то еще. Магазина в Монтарио им явно не хватало.

— Продавать мне свой дом в Бойсе? — спросила она. До сих пор они его сдавали, полагая, что когда–нибудь могут решить туда вернуться.

— Продавай, — сказал он. — И здесь мы тоже все продадим. Денвер слишком далеко, чтобы что–нибудь туда перевозить. В любом случае,

оборудование в том заведении лучше, чем здесь у нас.

— А мы не понесем убытков, если все здесь распродадим?

— Не понесли же, когда продавали «Копировальные услуги», — сказал он.

Сьюзан кивнула.

— Значит, ты хочешь предложить свою цену на это заведение в Денвере? Я его не видела, но если ты считаешь, что это то, что нам нужно, и думаешь, что мы сможем продать здешнее наше заведение… — Она ему улыбнулась. — Предоставляю тебе решать самому.

— Я предложу свою цену, — сказал он. — Посмотрим, что из этого выйдет.

Через своего адвоката Фанкорта они предложили наследникам в Денвере двенадцать тысяч долларов за товары, оборудование, льготы на поставку, аренду и расположение. В Денвере после нескольких недель препирательств их предложение приняли.

К концу года они завершили дела по продаже «Машинописного центра Монтарио» и приняли на себя дела в Денвере. Там все еще продолжались проволочки, поскольку магазин в Денвере — называвшийся «Колорадской компанией офис-

ного оборудования» — представлял собой часть недвижимости, разделенной между множеством наследников. Но в конце концов все узлы распутались. Они с Сьюзан в последний раз побывали в Монтарио, а затем вступили в права собственности в Денвере. И дело с концом.

Бизнес в Денвере складывался очень хорошо, и они понимали, что если будут заниматься им достаточно долго, то получат все, чего хотят. Сьюзан мало–помалу отдалилась от магазина, и он стал руководить им сам. Он покупал то, что, по его ощущениям, могло найти сбыт, и единолично строил политику магазина; она не жаловалась на его доминирование, и оба они умели быть мягки друг к другу, когда по вечерам сходились дома. Они купили в Денвере дом, Тэффи поступила в Денверскую среднюю школу, и они начали понимать, что поступили правильно и что коренных перемен отныне, скорее всего, не последует. Они продолжат продавать в розницу пишущие машинки в Денвере и будут жить в ладу друг с другом, как оно и было, пока ничего не приключится с кем–то из них — или, если на то пошло, ничего не приключится со страной и обществом. Если миру, в котором они живут, удается себя продержать, то и они, вероятно, сумеют продер-

жать свой магазин, дом и семью. Их сомнения в течение нескольких месяцев шли на убыль, пока не исчезли окончательно. В некий неопределенный момент их оставили последние тревоги. Они этого даже не осознали; это произошло вполне естественным образом, в какой–то из обычных рабочих дней.

Следующим летом до Брюса окольным путем дошло известие о том, Мильт Ламки умер.

У него сохранился адрес Кэти Гермес в Покателло, и они с Сьюзан написали ей. Через примерно неделю получили ответное письмо, в котором сообщались некоторые подробности его смерти.

Кэти сообщала, что он умер из–за своей брайтовой болезни. Она полагала, что этого можно было бы избежать, если бы он заботился о себе. Брюс в этом письме уловил смутную неприязнь к нему, но, возможно, и ко всем остальным, кто имел дело с Мильтом, включая даже самого Мильта. На страницах письма она несколько раз задним числом укоряла Мильта и саму себя. Мильту прежде всего следовало прекратить разъезды по своей территории. Ему надо было устроиться где–нибудь на кабинетную работу, чтобы иметь возможность ходить в туалет, когда требовалось, и отдыхать, когда требовалось. Ее защищенность

на этих пунктах снова и снова давала о себе знать в письме. Лучше всего было бы, если бы она смогла получить развод, после чего они с Мильтом поженились бы и устроили себе семейное гнездышко в Покателло. После того как поженились Брюс и Сьюзан, писала она, Мильт поговаривал об этом, но под конец перестал. И эта тема никогда больше не всплывала.

В остальном письмо было наполнено формальными фразами. К смерти Мильта она, похоже, отнеслась весьма прозаично.

Через день–другой у них дома зазвонил телефон, и, когда Сьюзан сняла трубку, чтобы ответить, он услышал, как она сказала:

— Пожалуй, вам лучше обсудить это с Брюсом.

— Кто это? — спросил он, поднимаясь с кресла.

— Кэти Гермес, — со странным выражением на лице ответила Сьюзан, — звонит по междугородному из Покателло. — Когда он двинулся в холл по направлению к телефону, она добавила: — Что–то насчет денег.

— Каких денег? — спросил он.

— Лучше поговори об этом с ней, — сказала она.

Он взял трубку и поздоровался.

— Это миссис Гермес, — сказал ему в ухо жен-

ский голос. — Я хочу кое о чем вас спросить, мистер Стивенс.

Походив вокруг да около, Кэти наконец заявила, что Мильт перед смертью рассказывал ей о разных людях, которые должны были ему деньги, и несколько раз упоминал о том, что Брюс должен ему пятьсот долларов.

— Он говорил за что? — со смешанными чувствами спросил Брюс.

— Он сказал, что одолжил их вам на покупку чего–то. Я не хочу докучать вам просьбами, но если вы хотите что–нибудь для него сделать теперь, когда его не стало, то, пожалуй, вы могли бы вернуть их мне. — Вслед за чем Кэти принялась пространно расписывать, как близки были она и Мильт.

— Мне надо переговорить с женой, — сказал Брюс. — Могу я позвонить через день–другой или написать?

С явной убежденностью, что никогда не увидит этих денег, Кэти сказала:

— Что бы вы со Сьюзан ни решили, меня это полностью устроит. Как вы понимаете, никаких письменных свидетельств об этом нет.

— Да, понимаю, — сказал он. И, добавив напоследок, что рад был ее услышать, повесил

трубку.

— Она что, говорит, что ты их одолжил? — спросила Сьюзан. — Он ведь дал их тебе, разве не так?

— Он дал их нам обоим, — сказал он. — В качестве свадебного подарка.

— Думаешь, он сказал ей, что это был просто заем? Может, он забыл, что подарил их нам, а может, передумал. Ты сам знаешь, как с ним бывало.

Достав счета, поступившие в течение последней недели, он уселся и стал подсчитывать свои первоочередные финансовые обязательства.

— Мы можем себе это позволить, — сказал он наконец. — Но для нас будет намного легче, если мы разделим эту сумму на две части, по разу в месяц. Двести пятьдесят в этом месяце, а остальное в следующем.

— Делай, как хочешь, — с дрожью беспокойства в голосе сказала Сьюзан. — Если чувствуешь, что это не повредит нашему положению. Решать тебе.

— Я выпишу ей чек и сразу же его отошлю, — сказал он. Это было единственным способом, которым он мог принудить себя отдавать кому–либо какие–то деньги; в течение последнего

года у него выработалась устойчивая привычка жестко контролировать все выплаты.

— Должно быть, она в них нуждается, — сказала Сьюзан. — Иначе не стала бы этого делать. Звонить нам и спрашивать о них.

В конце концов он оправил Кэти Гермес чек на все пятьсот долларов. И это принесло ему чувство облегчения.

Смерть, подумал он, всегда держалась от меня в отдалении. Оба мои родителя живы. И брат. Ближе всего она подходила в прошлом, когда миссис Джэффи заболела, покинула начальную школу имени Гаррета О. Хобарта и впоследствии отошла. А потом, конечно, мы получили этот магазин в Денвере, потому что человек, которого мы никогда не видели, погиб в автокатастрофе. Но смерть никогда не оказывала на меня решающего влияния и вообще никак на меня не воздействовала.

Какое–то время он обдумывал вероятность того, что Мильт действительно жаловался насчет денег. Неужели он и впрямь жаловался, что я их не отдаю?

Так или иначе, подумал он, теперь это только обычная круглая сумма, которую хочет получить некая женщина, едва знакомая, и сумма эта долж-

на уйти из наших бухгалтерских книг подобно любой другой пятисотдолларовой выплате. Соображения, по каким он дал мне эти деньги, — их больше нет. Они исчезли. Я никогда их не знал, Кэти Гермес они безразличны, а у самого Мильта нет никакой возможности рассказать об этом.

Но как же скверно, подумал он, что это всегда так и будет надо мною висеть. Мне никогда не узнать, что Мильт в действительности подразумевал или чувствовал, передумал ли он или же просто не имел в виду того, что говорил. Я его не понимал. Мы недостаточно тесно общались.

Затем ему пришло в голову, что, помимо Мильта Ламки, у него никогда не было никаких друзей — как, разумеется, нет и сейчас. Сьюзан и магазин составляли все его существование. Было ли это намеренно? Или он позволил, чтобы так оно получилось, пустив свою жизнь на самотек?

Что касается меня, решил он, то мне Сьюзан и магазина вполне хватает. Прав я или нет, но это то, чего я хочу.

На кухне, моя тарелки после ужина, Сьюзан сказала:

— Брюс, я хочу тебя кое о чем спросить. Ты по нему скучаешь?

— Нет, — сказал он.

— Уверен?

— Мне слишком о многом приходится думать, чтобы о ком–либо скучать, — сказал он.

— Я постаралась тебе это восполнить, — сказала она. — Связать человека узами брака, пока он так молод. Ужасно, когда это делает женщина старше.

Он обдумал ее слова.

— Вы могли бы бороздить на своих машинах штат за штатом, ты и Мильт, — сказала она. — Заводить разных женщин, понимаешь?

— Понимаю, — сказал он.

— А ты вот в свои двадцать шесть повязан женой, которая на десять лет тебя старше, падчерицей, домом и бизнесом, с которым надо управляться. Я прошлой ночью проснулась, и мне пришлось подняться и выйти из спальни — вся так и дрожала. Сидела где–то с час. Ты заметил?

— Нет, — сказал Брюс. Он не просыпался.

— Ты по–прежнему считаешь, что сможешь когда–нибудь уйти и оставить меня одну? — спросила Сьюзан, пристально на него глядя. — Не думаю, что смогла бы это перенести. Собственно, я уверена, что не смогла бы.

— Ты имеешь в виду, — сказал он, — что я умру от болезни почек, потому что недостаточно часто

хожу в туалет в течение рабочего дня?

— Когда ты поехал в Рино продавать японские машинки мистеру фон Шарфу, — призналась она, — я не сомневалась, что ты не вернешься.

— Поэтому ты туда и позвонила?

— Может быть, — сказала она.

Он рассмеялся.

— Я так обрадовалась, когда ты приехал обратно, — сказала она. — Мне было все равно, при тебе эти машинки или нет.

— Понимаю, — сказал Брюс. Только он ей не верил. Но это не имело значения. Ведь он вернулся и теперь находился здесь.

— Я свое отгулял, — сказал он. — До того как мы поженились. Или ты не помнишь о Пег Гугер?

Все еще не сводя с него взгляда, она спросила:

— Ты со мной счастлив?

— Да, — сказал он.

В этот миг на кухню вбежала Тэффи в купальном халатике и шлепанцах, умоляя, чтобы ей позволили досмотреть телепрограмму до самого конца. А после этого, сообщила девочка, она сразу ляжет спать.

В программе было что–то о приключениях на борту субмарины, и он прошел вместе с Тэффи в гостиную, чтобы посмотреть. Они вдвоем

устроились на кушетке перед телевизором. Он наслаждался покоем, царившим в гостиной, размягчаясь и впадая в полудрему. Подводные приключения, субмарина, пытающаяся выжить среди смутных морских чудовищ и советских атомных мин, и, позже, ковбои, астронавты, пришельцы, детективы и нескончаемые, шумные и леденящие кровь перипетии вестернов, — все это отступило от него куда–то вдаль. Он слышал, как на кухне хлопочет жена, ощущал присутствие рядом с собой маленькой девочки — и именно это наполняло его счастьем.